

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Крымскій, Александръ Сидоровичъ.

А. Крымскій.

УКРАИНСКАЯ ГРАММАТИКА

для

учениковъ высшихъ классовъ гимназій
и семинарій Приднѣпровья.

Научно-практическій курсъ сознательнаго изученія центрально-украинской рѣчи, освѣщенный указаніями на важнѣйшіе моменты изъ исторіи развитія малорусскаго языка начиная съ XI вѣка, особенно изъ исторіи нарѣчія восточно-малорусскаго (дѣтопленнаго кіево-чернигово-перяславскаго).

Томъ I, выпускъ 1-й.

Изданіе составляетъ собственность общества «Просвѣта» въ Кіевѣ.
Складъ — въ книжномъ магазинѣ «Кіевской Старины» (Кіевъ, Безаковская, 14).

МОСКВА.

Типографія Вяч. Ал. Сатцукъ. Долгоруковская ул., д. Бутюгиной
1907.

Р 91.735
к 95

Стр. 89—96, 137—200, 225—272 печатаны въ типографіи В. А. Гэтцукъ въ Москвѣ (Долгоруковская улица. д. Бутюгиной). Стр. 17—88. 97—136 и 217—224—въ типографіи Русскаго товарищества (Мыльниковъ пер.).

Въ силу множества неожиданныхъ случайностей (такихъ, какъ профессиональныя печатныя забастовки, московскій локаутъ хозяевъ, кievскія банкротства типографій и пр.) мнѣ пришлось вести печатаніе первыхъ двухъ томовъ «Украинской грамматики» не въ одной, а въ трехъ разныхъ типографіяхъ, и печатать книгу по частямъ, отдѣльными клочками, то здѣсь, то тамъ, — смотря по тому, гдѣ работа не стояла. Поэтому и въ свѣтъ выходитъ можетъ «Украинская грамматика» только отдѣльными выпусками (въ которыхъ, сказать кстати, даже шрифтъ не одинаковъ). Въ настоящее время, сверхъ той части I-го тома, которую читатель имѣетъ въ предлагаемомъ выпускѣ, одновременно выходитъ въ свѣтъ первый выпускъ II тома. За ними, по мѣрѣ изготовленія, послѣдуетъ выходъ прочихъ выпусковъ, число и порядокъ выхода которыхъ предугадать нельзя, потому что дѣло зависитъ не отъ автора, а отъ типографій, изъ числа которыхъ искреннюю благодарность я могу принести только типографіи В. А. Гатцука.

Въ нынѣшнемъ выпускѣ недостаетъ двухъ печатныхъ листовъ (лл. 15—16 = стр. 201 слѣд.). Они погибли во время того хищническаго разгрома, которому подверглась типографія В. А. Гатцука въ ночь на 1-е апрѣля 1907 года. Эти листы вновь составляются и печатаются, и выйдутъ они въ свѣтъ, повидимому, въ самомъ непродолжительномъ времени; помѣчены они будутъ, какъ т. «I, вып. 2-й». Считаю нелишнимъ замѣтить, что издаваемые здѣсь лл. 11—14 (= стр. 137—200), освѣщающіе исторію перехода *ѵ* въ *і* (срв. «кѣнь» изъ «кѵнь»), тоже погибли въ ночь на 1-е апрѣля и, хотя ихъ кое-какъ удалось восстановить, но количество документальныхъ выписокъ изъ старинныхъ малорусскихъ памятниковъ оказывается теперь нѣсколько менѣе изобильнымъ, чѣмъ было сперва. Если и остальное, что утеряно, восстановить

мнѣ удастся (новой кропотливой работой по стариннымъ памятникамъ) ко дню выхода въ свѣтъ 2-го выпуска, то ко 2-му же выпуску будетъ дано особое приложеніе, спеціально старинно-документальнаго характера. Въ противномъ случаѣ можно будетъ это сдѣлать при послѣднемъ, заключительномъ выпускѣ I тома. Тамъ же будутъ указаны и замѣченныя опечатки.

Къ окончательному выпуску I тома приложенъ будетъ общій заголовный листъ, обзоръ содержанія и обстоятельное введеніе, гдѣ, между прочимъ, будутъ выяснены задачи и принципы издаваемой «Украинской грамматики». Покамѣстъ, ограничусь указаніемъ, что тѣсно-практическій курсъ изученія малорусскаго языка начинается, собственно, не съ I-го, но лишь со II-го тома, посвященнаго морфологій (т. е. сперва склоненіямъ, потомъ спряженіямъ и т. д.) и раздѣленнаго на «уроки», въ которыхъ предлагаются и таблицы словъ для заучиванія, и упражненія для переводовъ съ русскаго на малорусскій и обратно, и діалоги, и попутныя синтактико-фразеологическія поясненія, и т. п. Но анализъ и исторія звуковыхъ явленій и особенностей мр. языка, равно какъ связанные съ ними вопросы общемалорусскаго литературнаго правописанія,—все это почти исключено изъ II-го тома: по поводу этихъ пунктовъ тамъ, во II-омъ томѣ, дѣлаются постоянныя ссылки просто на соответствующіе §§-ы и страницы тома I-го, который посвященъ преимущественно фонетикѣ.

Считаю нужнымъ заранѣе предупредить читателя, что нынѣшнее «большое» изданіе моей Украинской Грамматики предназначено, по своему изложенію, для лицъ, получившихъ образованіе не ниже курса четырехъ первыхъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Лишь тогда, когда будетъ изданъ уже весь мой трудъ (4 тт.), или хотя бы два первыхъ тома, явится возможность составить чисто-популярный, вполне общедоступный учебникъ малорусской грамматики.

Вступне слово.

(Подъ такимъ названіемъ мною было помѣщено введеніе въ тотъ (короткій) курсъ малорусской грамматики, который началъ печататься въ московскомъ журналѣ „Зоря“ 1906 г. подъ заглавіемъ: „Практическій курсъ изученія малорусскаго языка“. Не считаю нужнымъ предлагать „Вступне слово“ въ русскомъ переводѣ, а перепечатаваю его такъ, какъ оно было напечатано въ „Зорі“.

Пропускаю лишь нѣсколько фразъ, обращенныхъ спеціально къ читателямъ журнала).

I.

Найпередше — про терміни „малоруський“, „український“.

Найстаріша назва для наших прадідів-київлян була попросту „Русь“, а як одна людина — то звалася „русинь“^{*)}). Треба завважити, що за часів Київської держави, за часів Ольгових, Володимирових, Ярославових і так далі, аж до XII віку, „Руссю“ звалася тільки сама Київщина (земля полян), себ-то територія теперішньої східно-малоруської мови; а теперішня західня Україна (себ-то Галичина з Поділлям, Волинь і т. и.) ще була не звалася „Русь“. Так само не звалися тоді Руссю теперішні краї білоруські та великоруські. Тільки ж на прикінці Удільного періоду, ще й перед монгольским находом, потроху стали звати себе київсько-столичним ім'ям „Русь“ не тільки предки теперішніх західніх українців (що були такі найблизчі до киян своєю мовою), ба й предки теперішніх білорусів і теперішніх великорусів (що вже й тоді, ще перед татарськими часами, трохи одрізнялися своєю мовою од київлян-полян та од галичан з волинянами). В XIII в., як підупав Київ та натомість піднялося могутнє Галицько-Волинське князівство, дак воно, оте новітнє й міцнє Галицько-Волинське князівство, зачало пишатися гордовитим титулом „Мала Русь“, аби й з титулу видко вже було, що теє князівство вважає себе не сугіршим од київського ^{**)}). Тимчасом народилося на півночі Московське князівство тай заходилося гуртувати під собою всі північні землі, тай уже тільки ті північні землі вважало воно за „Русь“, забуваючи про

*) Див., прим., в тій умові, що поклав Олег із греками (912 р.): „Аше убьеть хрестьянина Русинъ или хрестьянинъ Русина—да умреть“.

**) От, приміром, Юрій II въ 1334 році гордо величає себе в свойому офіційальному титулові: *Dei gratia natus dux totius Russiae Minoris*—„з Божої ласки прирожденний князь цілої Малої Руси“.

Київщину та Галичину з Волинню. От, приміром, у XIV століттю московський князь Симеон Гордий (1341—1358), що володів тільки московськими землями, зве свої московські землі: „вся Русія“*). Тоді греки, щоб якось одрізняти московські землі од південних, од теперішньої України, назвали московську Русь „Велика Россія“ (Μεγάλη Ρωσία); а всю південну Русь, себ-то разом і східню Україну (Київщину) і західню Україну (Галичину з Волинню) вони назвали одним спільним ім'ям: „Мала Россія“ (Μικρά Ρωσία), себ-то таким назвищем, яким досі титулувалося тільки Галицько-Волинське князівство; очевидно, греки, через свої часті відносини з Київом та з Галичем, добре бачили, що в Києві і Галичині люди говорять білше чи менше однаковою мовою; що між київською та галицькою мовою знати було деякі діалектичні одміни, дак про це грекам (або й хоч кому) було байдуже. Назвище „Велика Россія“ (Μεγάλη Ρωσία) трапляється, приміром, коло 1347 року в грамоті Візантійського імператора**), а назвище „Мала Россія“ (Μικρά Ρωσία) перший раз прикладяно й до Київщини—в грецькій грамоті Царгородського синоду 1354 року, що на йому був і великоруський митрополит Алексій***); може, й Алексій (ставляник з Москви) пособив грекам записати чужу для нього Київщину до Малої Русі, щоб не плу-

*) Див. його грамоту, де він домовляється з братами, в „Собрании грамотъ и догов.“, I, № 23.

**) Див. її в „Русской Исторической Библиотека“, т. VI, стовпець 21—34.

***) От як сказано в тій грамоті: Εἶχε μὲν ἡ ἀγιωτάτη μητρόπολις Ρωσίας, μετὰ καὶ τῶν ἄλλων κἀστῶν καὶ χωρῶν ὑπὸ τῆν ἐναρίαν ταύτης τελευτούντων, καὶ τὸ ἐν τῇ Μικρᾷ Ρωσίᾳ κἀστῶν τὸ Κίεβον ἐπονομαζόμενον себ-то: „У найсвятійшій Російській митрополії, разом із инчими городями та селами, підвладними їй, був іще й у Малій Русі город на имення Київ“. Значиться, для греків „Россія“—то були всі землі вкупі, де колись панувала одна спільна „російська“ митрополія,—тільки що північні землі були „Велика Россія“, а всі південні—„Мала Россія“.

тати її із своєю рідною Великою Руссю. Як відомо, Київщина та й усенька східня Україна (Чернигівщина, наддніпрянська Переяславщина) не захтіли опиратися проти такої назви, перенесеної на них з галичан та волинян; бо вже ж кияне (українці східні) добре почували свою з-давен-давню, предковічну близькість до України західньої (Галичини з Волинню). І отож, із того часу, з XIV століття, ім'я „Мала Русь“ зробилося спільним для всієї України.

Що правда, оце ймення „Мала Русь“, „Малая Россія“ завсіди було тільки книжним, письменським. Звичайний українець і після XIV віку казав на себе по давньому: попросту „Русин“, та й був би звав себе отакечки аж до наших часів, коли б Україна не попалася в XVII в. під володіння Москви. Московська держава казала на себе „Русь“, а через те Україна, щоб одрізнити себе од великоросіян, одкинулася од своєї прадідньої назви „Русь“, „Руський край“, „русини“. Скрізь, де над українцями запанувала Москва, вони одтоді не зуть уже себе „руським людом“: в їхній мові слово „руський“ зробилося тепер ім'ям для „великоруса“, якого вони часом дращнять іще й „кацап“*). Тільки в Австрії, де нема великорусів, українці зуть себе ще й досі „русинами“, а свою мову—„руською“**).

Спитає хтось: а звідки повстало наше ім'я „Україна“? Воно давне. В Іпатській літописі під 1187 роком читаємо про Україну Лівобережну, з приводу смерти переяславського князя Володимира Глібовича: „И плакашася по немь вси Переяславци,...—о немь Украина много постона“***). Під 1213 р. читаємо за Україну Правобережну, з приводу князювання Данила Галиць-

*) „Кацап“—з татарського слова „кассаб“, „кассап“=різник, дерішкура.

**) А великоруську мову вони зуть „російською“ або „московською“.

***) Див. видання Археографічної Комісії, ст. 439.

кого: „Данило... їха с братомъ и прия Берестий и Угровескъ и Верещинъ и Столпѣ, Комовъ, и всю Украину“ *). Бачимо звідси, що Україною попереду звалася не вся малоруська земля, а самі-но пограничні краї, котрі були близчі до половців, а потім до татар,—ті краї, де потім була Козаччина. Як настала ж Козаччина, то територія „України“ значно поширшала—і з правого і з лівого боку Дніпра. Нове наше письменство пішло не звідки, як з тієї козацької України (Котляревський, Гулак-Артемівський, Квітка-Основ'яненко, Шевченко і др.), а через те тепер усі свідомі малоруси, хоч би де вони жили, звать себе українцями. Навіть Галичина (в Австрії), яка попереду була завсїгда звала свою мову просто „руською“, почала за 80-х—90-х років минулого століття величати свою мову вже „русько-українською“, а тепер і галичане, котрі свідомі своєї національності, звать себе українцями... От так, було колись, Наддніпрянщина позичила в Галичини ім'я „Мала Русь“, а тепер Галичина позичає в Наддніпрянщини ім'я „Україна“.

Дак виходить, що теперечки терміни „малоруський“ і „український“ поробилися рівнозначними сїнонімами, а незабаром напевне дійдеться до того, що термін „малорус“ зовсім призабудеться: всі зватимуться тїлки „українці“. Тїлки ж, доки ще воно до того зовсім дійдеться, для філолога часом вигіднійше буває (побачимо далі, чому се так) триматися ще й досі, задля научної точности, терміну „малоруська мова“, а не „українська мова“. Здебільша й я так робитиму,—нехай читачі не здивують!

II.

Чи багато людей балакають українською (або, з-письменьська, „малоруською“) мовою?

А бїльше як 30 мїлліонів люду, що живе в Європі під володінням імперій Російської й Австрійської та Турець-

*) Див. в тїм самім виданню, ст. 490.

кого султана та Румунського королівства, а почасти живе колоніями і в Америці (в північній і в південній*). З земель Австрійської імперії по-малоруськи говорять Галичина, Б́ковина і Угорська Русь. В Російській державі малоруси живуть на Поділля і трохи в Бесарабії, на Волиню, в Підляшшю, в Київщині, в Київсько-Волинсько-Минсько-Чернігівському Поліссю, в Чернігівщині, в Полтавщині, в Харківщині, в Катеринославщині, Херсонщині, в Таврії, на Кубані і в Ставропільщині на Кавказі, трохи в прибережній Черкешині, потроху в Курщині, Вороніжчині, в Саратовській губернії і в Дінщині; знов же чимало українців оселилося колоніями ще й у Сібіру на Далекому Сході.

Мова всіх оціх 30—35 мілліонів малоруського люду не скрізь однакова, не скрізь одностійна: вона розпадається на багацько говорів. Та всі ті говори можна гуртом поділити на дві великі групи, або на дві великі вітки: західньо-малоруську і східньо-малоруську. Західньо-малоруською мовою (або точніш—несчисленими західньо-малоруськими *говорами*) балакає: вся Австрійська Україна (Галичина, Б́ковина, Угорська Русь) і русини-колоністи в Америці, а в Російській імперії—Подільщина з Бесарабиною, Підляшше і значна частина Волиню. Всі опрочі малоруські краі (Київщина, Полтавщина, Полісся, Чернігівщина і т. д.) балакають мовою східньо-малоруською (інакше: *говорами* східньо-малоруськими).

Треба знати, що і в західньо-малоруській мові і в східньо-малоруській мові є поміж говорами архаїчні (стародавні), себ-то такі, які менче порозвивалися на новітній лад. Приміром, в архаїчних говорах ще й досі позадержувалися діфтонги (=двогласні): уо, уы, юо, юы, іэ і т. и. Колись такі діфтонги чулися геть в усій малоруській мові; тілки ж ми знаємо, що пізніш, ік нашим часам, діфтонги здебільша скрізь, і в Західній і в Східній

*) Великорусів є 63—65 мілліонів, білорусів—із семеро мілліонів.

Малорусі, позмінювалися на звук *і*, і тілки в небагатьох отих „архаїчних“ говорах заховалися діфтонги аж до нашого часу. Архаїчні говори західньо-малоруської мови—це ті, якими говорять гірські люди в Карпатах (в Австро-Угорщині) та на Підляшшю (в Російській державі). Архаїчні говори східньо-малоруської мови—це ті, що чуються на Поліссю (київсько-волинсько-мінсько-чернігівсько-полтавському).

Часом де-хто зве всі архаїчні (діфтонгові) говори одним спільним ім'ям: „північно-малоруське наріччє“, або „північно-малоруська мова“, бо ті архаїчні говори й справді чуються лиш по північних закутках: одні—на півночі західньо-малоруської території, другі—на півночі східньо-малоруської території. В таким разі можна так само й усі опрочі говори (що без діфтонгів) гуртувати разом до однієї купи тай давати тій купі одне спільне наймення: „південно-малоруська мова“, або спеціалніш—„українська мова“. Такий поділ—практично дуже вигідний, бай не зовсім несправедливий, тілки ж він не органічний: він буде не стільки діалектологічний, скільки географічний. Таку класифікацію можна порівняти от з чим. Покладімо собі, на-сам-перед, що всі західньо-малоруські говори (разом з архаїчними)—то величезне поле, засіяне пшеницею, а геть усі східньо-малоруські говори (разом із своїми архаїчними)—то знов-таки велетенське поле, засіяне житою. На півночі, де холодніш, і пшениця й жито ще не порозвивалися, а стоять зеленими парями, тай іще мало видко одіни між зеленим руном пшениці і зеленим руном жита; а вже ж на півдні і пшениця і жито порозвивалися й поколосилися, тай одразу видко, з котрого боку котре. Сказати, що малоруська мова розпадається на північно-малоруську і південно-малоруську—це так само, як би сказати, що всеукраїнська нива на півночі зеленіє парями, а на півдні колоситься зерном, тай не сказати, що й на півночі єсть парі пшеничні

й житні і на півдні колоситься збіжжя пшеничне й житнє... Тільки ж будь що будь: не з філологічного, а з житейсько-практичного погляду єсть вигода ділити малоруську мову на північну й південну. Трохи згодом побачимо й сами, яка в тім вигода.

III.

Дак що ж то буде за „Практическій курсь малорусскаго языка“, що ми його маємо тут подати? Для якого наріччя служитиме наша грамматика? для західньо-малоруської мови чи для східньо-малоруської? І знов же: для котрих говорів? архаїчних чи неархаїчних?

Архаїчні (стародавні) говори дуже важні задля вченої філології, бо коли філолог научно розглядає карпатські та підляські говори, то на-віч бачить, якою була колись уся мова західньо-малоруська („галицько-волинське наріччє“), а коли він розглядає говори польські, то бачить, якою була колись уся мова східньо-малоруська („київсько-чернигівсько-переяславське наріччє“*). Для філології всі архаїчні малоруські говори (ціле „сѣверно-малорусское нарѣчїє“, як кажуть часом) — це дорогоцінна спадщина, це неоцінений скарб. В тих місцях свого „Практическаго курса“, де я торкатимусь історії нашої мови, я неодмінно вдаватимусь до архаїчних говорів.

Тільки ж архаїчними говорами говорить дуже й дуже небагацько малорусів, тай для нової української літератури вони не послужили. Через те я із свого „Практическаго курса малорусскаго языка“ повинен їх виключити.

Зістаються ті говори, якими говорять „південні малоруси“ (спеціальніш — „українці“) і які послужили для но-

*) Ще навіть у XVIII віці ціла Київщина і прибережна Полтавщина говорили отак, як тепер говорять тільки на Поліссю.

вітнього письменства. Ми знаємо вже, що вони належать до двох наріччевих груп: західньо-малоруської і східньо-малоруської. Мій „Практическій курсъ“ буде тіл-ки для східньо-малоруського наріччя.

Та й то не для цілого. Треба, щоб читачі пам'ятали от що:

1) Граматика, яку в мойому „Практическомъ курсъ“ читачі знайдуть (етімологія, сінтаксіс, фразеологія)—це буде граматика переважно для тієї української мови, якою говорить центр східньої України і якою писа-ли й пишуть найкращі наші письменники. Інакше сказати-це буде здебільша граматика тієї мови, що нею говорить Україна Наддніпрянська, а найбільше—Київщина та Пол-тавщина. Ба навіть і в Австрії, в Галичині та Буковині, де українці (русині) мають свої школи, гімназії таї уні-верситетські катедри, школярі по школах білше вчатьс-я граматики українсько-наддніпрянської, а не своєї та-мошньої галицької або буковинської.

2) Так само й словарний репертуар, якого я держус-я в свойому курсі, це буде переважно спільний словар Над-дніпрянської України, обох боків Дніпра: і правого, і лі-вого,—звісно, настільки спільний, наскільки він справді являється спільним.

Тільки ж мусю застерегтися перед читачами, що, коли лівобережний і правобережний словар розходяться між собою, то я білше прихильюся до словарного засобу Наддніпрянщини П р а в о б е р е ж н о ї, ніж Лівобережної. Це я роблю раз тому, що на Правобережжі (приміром у середній і південній Київщині) мова дуже чиста й одна-ковісінько вільна чи-то од москалізмів, чи-то од по-лонізмів, а друге—що правобережну наддніпрянську мову зовсім легко розуміють геть усі малоруси, чи будуть вони з лівого Дніпрового берега, чи будуть з Волині, з Поділля, з закордонної Австрійської України.... Та вжеж само собою розуміється, що я не пхав до свого курсу яких-небудь л о к а л і з м і в з Наддніпрянщини, себ-то та-

ких слів, що можна почути в якому-небудь одному селі або повіті, а в других міських таких слів немає, і ніхто їх там не зрозуміє. Для локалізмів місце в діалектології, а не в практичному курсі спільно-української Наддніпрянської мови... Ще ж мусю додати, що ті слова, котрі більше чуються в західній Україні, ніж у східній, я позначаю буквами в скобках: „зап.“ (=західний, западный*); а котрі слова більше лівобережні, ніж правобережні, то перед ними я ставлю в скобках зазначку: „вост.“ (=східний, восточный). Часом трапляється в мене ще й от яка зазначка: „гал.“; це значить: „галицьке слово“; тілки ж таких слів у мене обмаль.

3) За принцип я собі поставив: користуватися самісінькою простонародньою мовою, себ-то мовою селян. Тямуці люди знають, що простонародня, селянська українська мова аж на-прочуд багата: всякі тонкі одтінки, всякі абстрактні поняття зовсім легко передаються щирими народніми українськими словами або зворотами,— треба тілки тії слова та звороти одшукати та знати. Але ж і українська свідомо інтеллігенція, що не одцуралася рідної мови і балакає нею про всі свої інтереси, виробила самостійно деякі научні або абстрактні терміни, зовсім під дух народньої мови. Коли такі слова часом траплятимуться в мойому курсі, то читач знаходитиме коло них у скобках: „інт.“ (=інтеллігентне слово); приміром знайде отак: „содержаніє—(інт.) зміст“. Тілки ж я такі слова здебільша оминатиму тай вдаватимуся по них хіба в ряди-годи, коли не знаю відповідних простонародніх слів.—Мусю завважити, що під цю категорію не зовсім підходять чужоземні слова, отакі, як „автор“, „еф-фект“, „анахорет“, „теологія“, „декадент“, „модерніст“,

*) Під „зап.“ я розумію західну Наддніпрянщину (прим. Київщину), себ-то територію східнь о-малоруської мови, хоч і Правобережної. Коли ж я захочу підкреслити, що янесь слово чується спеціально в зах.-мр. мові, то я зазначатиму його: „зап.-мр.“ (западно-малорусское).

„флірт“ і т. и., бо це слова міжнародні, а не спеціально інтеллігентні - українські: нічим їх замінити я не можу.

От і все, що я тепер маю сказати читачам „Зорі“. А далі покину рідну мову та й писатиму по-російськи—задня тих читачів, що не знають іще української мови, а допіро хтять її вивчитися.

Глава первая.

О малорусской азбукѣ.

(Про українську азбуку.)

§ 1. Азбука малорусская въ общемъ та же, что у всѣхъ православныхъ славянъ: болгарь, сербовъ, русскихъ. Но если по внѣшнимъ очертаніямъ азбука у всѣхъ одна и та же, то по звуковому своему значенію многія буквы въ языкѣ каждой изъ перечисленныхъ славянскихъ группъ значительно отличаются. Нельзя малорусскія буквы читать такъ, какъ русскіе читаютъ свои буквы.

§ 2. Вотъ главные особенности малорусскихъ гласныхъ буквъ:

Буква *е* читается твердо, какъ русское *э*; напр., менé (=меня) чит. „мэнэ“, нѣбо чит. „нѣбо“. По этой причинѣ великорусская буква *э* совершенно отсутствуетъ въ малорусской азбукѣ, и если малоруссу нужно воспроизвести звукъ *э* въ началѣ слова или послѣ гласной, то онъ одинаково пишетъ букву *е*. Напр.: ет! (восклицаніе нетерпѣнія) чит. „этъ!“; еге ж (=ну, да) чит. „эһэ жъ“; поет (=поэтъ) чит. „поэтъ“.

Буква *є* читается какъ мягкое русское *е* или *ѣ* (а буквы *ѣ*, замѣтимъ кстати, малорусская азбука вовсе не имѣетъ *); напр. питанне (=вопросъ)

*) Буква *ѣ*, какъ совершенно излишняя, выброшена была малоруссами изъ своей азбуки послѣ того, какъ русское правительство (въ концѣ XVIII вѣка) приказало учителямъ въ малорусскихъ школахъ читать эту букву на великорусскій ладъ, т. е. какъ *е*, и не читать ее какъ *і*. Впрочемъ сдѣлаться это могло не

чит. „пытáньѣ“, сине (=синее) чит. „сынѣ“, мае (=имѣть) чит. „маѣ“, е (=есть) чит. „ѣ“. Если требуется выразить, что согласная рѣзко отдѣляется въ произношеніи отъ слѣдующаго за нею е, то они разъединяются апострофомъ, или вмѣсто е пишется ѣе. Напр., въ смыслѣ „онъ бьетъ“ будетъ написано по-малорусски: він б'е, или він бѣе (чит. „винъ бѣѣ“); въ смыслѣ „пѣть“ будетъ по-малорусски написано: п'е или пѣе (чит. „пѣѣ“).

Въ малорусской азбукѣ нѣтъ русской (вѣрнѣе, шведской) буквы *ε*. Она замѣняется черезъ *йо* и черезъ *ьо*, смотря по отгѣнку; напр. *його* (=его) чит. „ѣго“, до нѣго (=къ нему) чит. „до нѣго“. Ни въ какомъ случаѣ нельзя въ такихъ случаяхъ писать *іо* *), потому что *іо* читается въ два слога; напр., *піонер* (=піонеръ) чит. „пі-о-нѣръ“. Обычай выражать звукъ *ε* послѣ согласныхъ черезъ *ьо* спорадически примѣнялся малоруссами еще въ документахъ козацкаго періода, когда, напр., діалектическое *всѣ* (=все) писалось „всьо“ и т. п. **); но въ постоянное употребленіе вошелъ этотъ пріемъ только въ XIX вѣкѣ.

Буква *и* читается твердо: въ однихъ мѣстностяхъ—совсѣмъ какъ русское *ы*, въ другихъ мѣстностяхъ—чуть-чуть мягче***), но, во всякомъ случаѣ, отдѣльная буква *ы* для малорусса не нужна: вмѣсто *ы* всегда надо писать букву *и*. Напр., *милий* (=мильи) про-

сразу, и буква *ѣ* почти до 30-хъ г.г. XIX вѣка читалась многими малоруссами все еще за *і*, а не за *е*, какъ требовалось по официальномъ приказанію.

*) Такъ, написать *іому*, до *ніого*—это грубая ошибка.

**) См. напр. въ кievской книгѣ вгородской 1736 г. (№ 47, л. 263 об.—Антон. и Козловск. № 12, стр. 25: „птвердыты рачыль, же въ то всьо ныхто уступоваты не маеть“.

***) Особенно мягко слышится *и* въ Черниговщинѣ: тамъ этотъ звукъ легко путается съ *і*.

износится близко къ „мЫЛЫЙ“, мило (=мыло) произп. почти „мыло“, ходити (=ходить) произп. почти „ходЫты“.

Буква *i* читается какъ йотированное русское *и*, т.-е. *йи*, *йі* (=латинск. *ji*). Напр. *ix* (=ихъ) чит. „йихъ“ (*jich*), Украина (=Малороссія) чит. „Украйїна“ (*Ukrajina*), моїй (=моей) чит. „мойїй“ (*tojij*). Если требуется отчленить передъ буквой *i* согласный звукъ, то между согласной и буквой *i* вставляется апострофъ, или вмѣсто *i* пишется *йі*. Напр. з'їзд или зйїзд (=сѣздъ) чит. „зйїздъ“ (*zjizd*).

Буква *i* произносится вообще какъ мягкое русское *и* или какъ мягкое французское или итальянское *i*. Напр. *він* (=онъ) чит. „винъ“, *спасибі* (=спасибо) чит. „спасѣби“, *різати* (=рѣзать) чит. „рїзати“. Исключеніе составляютъ слоги *ді*, *ті*, *зі*, *сі*, *ці*, *ні*, *лі*. Они читаются съ нѣкоторымъ твердымъ призвукомъ послѣ *д*, *т*, *з*, *с*, *ц*, *н*, *л*, т.-е. какъ бы: *дѣі*, *тѣі*, *зѣі*, *сѣі*, *цѣі*, *нѣі*, *лѣі*. Если же требуется выразить полную мягкость для этихъ слоговъ, то надо писать букву *ї* (съ двумя точками), т.-е. писать: *дї*, *тї*, *зї*, *сї*, *цї*, *нї*, *лї*. Поэтому *дід* (=дѣдъ) надо читать „дидъ“, но „дїл“ (=доль, поль) или „дїйка“ (=сосецъ) чит. „дѣйлъ“, „дїйка“. *Тїло* (=тѣло) чит. „тїло“, но *стїл* (=столь) чит. „стѣйлъ“. *Зїлля* (=зелень) чит. „зїлля“, но *зїрка* (=звѣзда) чит. „зѣрка“. Всѣхъ носів (=всѣхъ носовъ) чит. „всїхъ носѣівъ“. *Кўці зайці* (=кургузые зайцы) чит. „кўці зайці“. *Нїс* (=нѣсъ) чит. „нїсѣ“, но *ніс* (=носъ) чит. „нѣсѣ“. *Пожалїв волїв* (=пожалѣлъ воловъ) чит. „пожалївѣ волѣівъ“. Нѣтъ возможности вполне точно объяснить способъ произношенія малорусскихъ слоговъ *ді*, *ті*, *зі*, *сі*, *ці*, *ні*, *лі*: для ихъ усвоенія надо непременно услышать живое произношеніе природнаго ма-

лорусса. Для знающих нѣмецкое произношеніе можно замѣтить, что, напр., въ малорусскомъ словѣ „Діи“ (=Донъ) звукъ і звучитъ среднимъ образомъ между нѣмецкими гласными звуками въ „dünn“ и „dich“ *).

Всѣ прочія гласныя буквы (а, о, у, я, ю) произносятся такъ, какъ и по-русски, но только всегда чисто и явственно; аканья нѣтъ, неударное о звучитъ какъ и ударное о. Если надо отгнѣнить расчлененное произношеніе согласнаго звука передъ я и ю, то пишется апострофъ. Напр. взѣти (=взять) читается: „взѣты“, а з'явитися (=появиться) чит. „з'явыі-

*) Надо замѣтить, что разницу въ правописаніи такихъ словъ, какъ ніс и нїс строго соблюдаютъ покамѣстъ только тамъ, гдѣ малорусскій языкъ преподается въ школахъ (напр., въ гимназіяхъ и университетахъ), т.-е. покамѣстъ только за границей, въ Австріи. Въ Россійской же державѣ, гдѣ малорусскій языкъ и правописаніе было до сихъ поръ въ загонѣ, даже многіе украинцы не успѣли привыкнуть къ мысли, что надо строго различать нї отъ нї, а въдобавовѣ и типографіи не обзавелись буквою і въ надлежащемъ количествѣ; оттого новонародившіяся кїевскія и другія газеты печатаютъ въ обоихъ такихъ случаяхъ, какъ нїс и нїс, одну и ту же букву і (съ одною точкою).— Нельзя не признаться, что этотъ пунктъ малорусскаго правописанія представляетъ собою извѣстныя трудности. Быть можетъ, со временемъ будетъ введенъ болѣе легкій способъ различенія, на письмѣ, твердоватыхъ слоговъ ді, ті, зі, сі, ці, ні, лі отъ мягкихъ слоговъ дї, тї, зї, сї, цї, нї, лї. Именно, можно было бы прибѣгнуть, для обозначенія твердости слога, къ написанію точки подъ согласной буквой (д, т, з, с, ц, н, л) и писать, напримѣръ, слово стїл съ подстрочной точкою подъ буквою т. Въ такомъ случаѣ слово, означающее по-малорусски „тїло“ и содержащее въ себѣ вполне мягкій слогъ ті, можно было бы писать просто тїло, а не тїло, и употребленіе буквы і съ двумя точками было бы въ такихъ случаяхъ излишнимъ. Подобный приѣмъ (написаніе подстрочной точки подъ согласными буквами для обозначенія ихъ особой твердости) давно примѣняется въ ориенталистикѣ и могъ бы съ успѣхомъ быть примѣненъ и малоруссами (со временемъ, конечно,—не теперь) въ ихъ литературной орфографіи.

тыся“ . Мертвѣк (= мертвецъ) читается „мэрт[ь]-вѣк“, а вѣнуги (=вянуть) читается „вѣянуты“ . Бюрó (= бюро) чит. „бюрó“, а б'ю (= бью) чит. „бью“ . Нѣкоторые предпочитаютъ въ такихъ случаяхъ вмѣсто надстрочнаго знака—апострофа писать букву ь (въ другихъ случаяхъ непримѣняемую) и пишутъ, напр., б'ю, п'яний и т. п.

§ 3. Согласныя буквы произносятся у малоруссовъ почти всѣ сходно съ русскими, исключая буквы г: она произносится какъ h. Напр., рогами (= рогами) чит. „роhа́мы“, багаття (= костеръ) чит. баhа́ття. Для выраженія твердаго звука г имѣется особая буква г (съ заостреніемъ вверху), напр., га́нок (=крыльцо) чит. га́но́къ; она придумана въ началѣ 17-го вѣка *). Если въ типографіи нѣтъ этой буквы, то малоруссы ставятъ вмѣсто нея двѣ буквы: кг, —напр. , кгáнок; этотъ приѣмъ возникъ въ XIV вѣкѣ, когда малоруссамъ и бѣлоруссамъ понадобилось передавать своими буквами новоусвоенныя польскія, нѣмецкія и литовскія слова и имена **).

*) Если не ея изобрѣтателемъ, то во всякомъ случаѣ ея популяризаторомъ былъ лексикологъ Памва Берында; можетъ быть, онъ же ее и изобрѣлъ.

**) Напримѣръ, въ грамотѣ 1387 г. княжеское литовское имя воспроизведено черезъ Гинрикгайло. (Иногда же малоруссы передавали въ немъ звукъ g черезъ букву к, —напр. въ жалованной грамотѣ 1403 г.: Швитрикайло Солькирдовичъ, находя, что для выраженія звука g именъ „Свитригайло“ и „Ольгердъ“ лучше будетъ написать даже букву к, лишь бы не букву г). Въ грам. 1388 г.: кгодовати. Въ грам. 1392—1429 года: Кгедройтьскини, Кгедройтьскимъ, къ Дзинкменомъ. Въ грам. 1393 г.: бѣркинмистроу. Въ грам. 1395 г.: кгды (=польск. gdy). И пр., пр.

Въ началѣ XV вѣка эта транскрипція проникаетъ и въ Буковину, жившую въ особыхъ политическихъ условіяхъ; въ господарской договорной грамотѣ 1433 года (=Улян. № 32) находимъ воспроизведеніе именъ и фамилій поляковъ, подписавшихъ договоръ: „Янъ Кювачъ, Миколай Быдмосцей, Янъ Окзанка Рокю-

Важное замѣчаніе. Звонкія согласныя (б, в, г, д, ж, з) ни въ концѣ слова, ни въ серединѣ передъ согласными глухими не обращаются въ глухія (п, ф, х, т, ж, с), но, напротивъ, онѣ всегда строго сохраняютъ свое звонкое произношеніе, въ противность русскому языку. Напр., русское „хлѣбъ“ звучитъ „хлѣпъ“, а въ малорусскомъ словѣ хлѣбъ обязательно сохраняется отчетливая звонкость звука б. По-великорусски „дѣвка“ произносится „дѣфка“, но по-малорусски не иначе, какъ дѣвка, съ самымъ яснымъ звукомъ в (т.-е. ближе къ у безъ малѣйшаго сходства съ ф).

зенскій, Добролюбовъ с Колна, Шелиха“. Тогда же проникаетъ это кг и въ церковныя рукописи для воспроизведенія библейскихъ именъ; въ Волынскомъ Антоновецкомъ Апостолѣ XV вѣка читаемъ: **Кгоморов** (л. 59 об.). Какъ видимъ, такіе примѣры— все въ чужихъ словахъ, не въ малорусскихъ. Правда, г. Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ“ (1903, стр. 124) и въ „Очеркахъ“ (стр. 107) преподноситъ своимъ слушателямъ живое утверждение, будто въ Смотрицкой (подольской) грамотѣ 1375 г. употреблено буквенное сочетаніе кг въ ненностранномъ словѣ кгдѣ. И, кстати, тенденціозно заключаетъ отсюда, что, молъ, малоруссы еще XIV вѣка произносили гдѣ на великорусскій ладъ. Такъ говорить можетъ только человекъ, не выдавшій этой грамоты. Въ ней вовсе нѣтъ начертанія кгдѣ, а написано въ ней на церковно-славянскій ладъ: кдѣ, и узнать это г. Соболевскій могъ бы, даже не выдавши подлинника грамоты. Съ нея изданъ снимокъ въ приложеніи къ I тому книги А. Пржездзѣцкаго: *Podole, Wołyn', Ukraina* (Вильно, 1841), и изданъ ея текстъ у акад. Срезневскаго въ „Древнихъ памятникахъ русскаго языка и письма“ (СПб. 1863 = „Извѣстія“, т. X); затѣмъ эта грамота 1375 года переиздана, съ новой свѣркой по подлиннику, П. И. Житецкимъ въ его „Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ (Кіевъ, 1876, стр. 355—356), и наконецъ послѣдовало новое провѣренное изданіе этой грамоты и двукратное цитированіе интересующаго насъ мѣста— у Н. Молчановскаго: „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, (стр. 221 и 159). И во всѣхъ этихъ изданіяхъ г. Соболевскій нашелъ бы кдѣ, а не кгдѣ. Въ подлинникѣ—14-ая строка.

Изъ русскихъ согласныхъ буквъ отсутствуетъ въ малорусской азбукѣ ѳ, и не пишется безгласный з: въ концѣ словъ онъ совершенно отбрасывается, а въ серединѣ замѣняется черезъ апострофъ, напр з'бчиги (= усмотрѣть, увидать) чит. „зъочыты“, п'ю чит. „пью“. Впрочемъ, какъ я выше указывалъ, многіе малоруссы питаютъ отвращеніе къ апострофу (апюстрофъ, говорятъ они, „дробить“ и „разбиваетъ“ слово, которое должно быть одноцѣльнымъ), а потому въ серединѣ словъ они вмѣсто неприятнаго имъ апострофа пишутъ букву ь (т.-е., напр., зъочиги, пью). Я ужъ указывалъ также, что вмѣсто з'їзд, б'е можно писать: зїїзд, бїе,—способъ, посредствомъ котораго тоже устраняется апострофъ.

§ 4. Кромѣ того, надо помнить, что въ малорусскомъ языкѣ существуетъ три такихъ звука, для точнаго воспроизведенія которыхъ нѣтъ соответствующихъ буквъ въ нашей азбукѣ и которые поэтому передаются на письмѣ условно. Сюда относятся:

1) Сложный свистящій звукъ, средній между цз и дз. Напримѣръ, онъ слышится въ словахъ: дзвін (= колоколь), дзвоніти (= звонить), дзіга (= волчекъ, кубарь), кіевс. діалект. дзімій (= змій) *), дзеленькати (= дребезжать), а дзуськи! (запретительно-насмѣшливое междометіе = шалишь! прочь!) и т. п. Этотъ звукъ принято выражать, условнымъ образомъ, черезъ двѣ буквы: дз, такъ что на письмѣ не проводится никакая разница между этимъ однимъ сложнымъ звукомъ (близкимъ къ цз) и между раздѣльными двумя звуками д+з; одинаково мы пишемъ, напримѣръ, слова дзвін и одзівати (=отзывать).

*) Кромѣ Кіевской губерніи можно слышать дзімій и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Украины. Но обыкновенная, преобладающая фонема есть всюду зміи.

хотя первое слово звучитъ почти „цзвинъ“, а во второмъ мы совершенно отчетливо и раздѣльно слышимъ: „од-зываетъ“ *).

2) Аналогичный сложный шипящій звукъ,—средній между чж и дж, слышится, напримѣръ, въ словахъ: джервотіти (= стрекотать, галдѣть), джигун (= повѣса) и т. п., а въ особенности—въ цѣломъ рядѣ западно-малорусскихъ глагольныхъ формъ, далеко не чуждыхъ и правобережной Надднѣпрянщинѣ; напр.: зап. виходжу (= выхожу; вост.-мр. „виходю“, „вихожу“), зап. раджу (= совѣтую; вост.-мр. „радио“, „ражу“), зап. насаджений (= насажденный, посаженный; вост.-мр. „насажений“, „насадяний“), дріжджі (= дрожжи), виїжджати (= выѣзжать), дождж (наряду съ дощ=дождь) и пр., и пр. Была у малоруссовъ попытка ввести для воспроизведенія этого звука сербскую букву џ **), но попытка не имѣла успѣха, и малоруссы пишутъ въ такихъ случаяхъ двѣ буквы дж, хотя прекрасно сознаютъ, что въ джервотіти или въ раджу совсѣмъ отсутствуетъ то расчлененное произношеніе звуковъ д + ж, какое слышится, положимъ, въ оджимати (= выжимать, напр., мокрое бѣлье) или въ підживітися (= подкрѣпитися ѣдою). Въ двухъ послѣднихъ словахъ мы отчетливо слышимъ: од-жи-

*) Въ церковно-славянскомъ, т.-е. въ древне-болгарскомъ языкѣ существовала для этого звука особая буква џ, называвшаяся џлѡ (чит. дзѣлѡ). Ее мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ словѣ змиѣ (= змѣя; срв. малорусск. дзмія), на ногѣ (= на ногѣ; ср. польское na podze) и т. п. Между тѣмъ въ такихъ словахъ, какъ зѣмля (гдѣ слышится чистый звукъ з), писалась по-церковно-славянски другая буква: з, называвшаяся зѣмля.

**) Она пишется какъ џ, но хвостикиъ приходителъ не справа, а по срединѣ между двумя палочками, образующими эту букву.

ма́ти. під-живі́тися. тогда какъ джеркотіти или ра́джу звучать почти „чжеркотіти“ и „ра́чжу“ *).

Справедливость требуетъ сказать, что, какъ ни дефектенъ нынѣшній малорусскій условный способъ выражать вышеуказанный слитный звукъ черезъ двѣ буквы дж, онъ все же есть большой прогрессъ сравнительно съ тѣми графическими способами, къ которымъ прибѣгали малоруссы да и бѣлоруссы прежде, и притомъ прогрессъ сравнительно недавній. Впервые намъ извѣстно начертаніе дж въ „Апокрисисѣ“ Христофора Филалета (=Хр. Бронскаго, Вильно 1597): „проежджатися (л. 100), з’ежджаочися (л. 115 б), ежджоно (л. 121), з’ежджатися (л. 138 б). уежджалъ (л. 169)“ и др. Затѣмъ это правописаніе было популяризовано настольнымъ словаремъ Памвы Берынды (1-ое изд., Кіевъ 1627; 2-ое изд., Кутеин. 1653), который писалъ, напримѣръ: „приблуджю, брыджуся, горджу (=презираю), наѣжджаю, дрожджѣ (=дрожжи), дожджу (=дождю, дат. пад.) и пр. Съ этихъ поръ написаніе дж дѣлается въ малорусскихъ книгахъ и рукописяхъ болѣе или менѣе обычнымъ **). До того же времени, до начала XVII вѣка, малоруссы (какъ и бѣлоруссы) никакъ не могли сносно спра-

*) Итальянскими буквами малорусское „ра́джу“ было бы написано въ видѣ: rągiu, „джеркотіти“ было бы написано: gercotite.

**) Напр., у Радивиловскаго, воспитанника Кіево-Могилянской Коллегіи XVII вѣка, можемъ въ его печатныхъ произведеніяхъ частенько найти дж въ глаголахъ „выѣжджати, наѣжджати“ и пр.; то же у Галытовскаго (въ его „Ключѣ разумнїя“, Кіевъ 1659, и въ „Казан[н]яхъ“, Кіевъ 1660) и въ другихъ печатныхъ книгахъ XVII—XVIII вв. Еще чаще это мы встрѣчаемъ въ рукописяхъ зап.-мр. съ XVII в., гдѣ среди традиціонной церковно-славянской орфографіи то и дѣло прорываются начертанія вроде „повѣджъ (=повел. н-іе отъ „повісті“ =рассказать); напр., въ галицкомъ Борщевницкомъ Люцидаріи 1713 г. (изд. у Франка въ „Пам’яткахъ українсько-руської мови“, Львів 1906, т. IV, стр. 41).

виться на письмѣ съ воспроизведеніемъ звука дж. Чаще всего звукъ дж скрывался у нихъ подъ буквою ж: человекъ могъ произносить „выходжу“, а писалъ „выхожу“. Иногда прибѣгали для воспроизведенія звука дж къ буквамъ ду; напр., въ кievской жалованной грамотѣ Свидригайла 1442 г.: „панъ Андрей Дуюса“ (=Джуса); срв. въ бѣлорусскомъ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: „наеждауаль, приеждауаючи, приеждуые“ и т. п. Иногда писали одну букву у; напр., вышеупомянутая кievская фамилія Джуса вписана въ кievо-Михайловскій помянникъ XVI вѣка какъ „родъ Маріи Чюсиное“ (л. 10;=Джусиноі); въ Ипатьевской лѣтописи имя г. Меджибожье воспроизведено черезъ „Меуибожие“ (стр. 243), — параллельно съ „Межибожье“ (стр. 234, 257). Особенно часто прибѣгали къ буквѣ у тогда, когда имѣли въ виду выразить не просто слитный звукъ дж, но сложное сочетаніе ждж: въ такихъ случаяхъ писали жу. Такъ, тотъ же Памва Берында, который, какъ мы указали, охотно писалъ въ своемъ словарѣ „дроджджѣ“ (л. 170, съ дж), одновременно писалъ это же слово по болѣе старому способу въ видѣ „дрожуѣ“, „дрожуи“ (л. 306); онъ писалъ съ одной стороны: „дожджу“ (207), „наѣжджаю“ (183), а параллельно писалъ по болѣе старому: „дожуѣ“ (35), „об’ѣжуеный“ (109). Этотъ способъ—выражать звуки ждж посредствомъ начертанія жу—придуманъ былъ малоруссами*) не менѣе чѣмъ за полтысячи лѣтъ до Памвы Берынды и впервые встрѣчается въ Галицкомъ Четвероевангеліи 1144 года, гдѣ мы находимъ, напр., начертаніе „дѣжуѣ“ (л. 15=Матѣ., VII, 25, 27) со всѣми производными словами: „дѣжуиѣ“ (Матѣ. V, 45), „одѣжуи“ (Лук.

*) И, вѣроятно, отъ нихъ усвоенъ также старыми бѣлоруссами и сѣверными русскими.

XVII, 29); „рожъе“ (л. 215=Иоанн. XV, 5)*); „въжучѣте“ (Лук. XVII, 22=вождедѣте) и др. Такия же начертанія мы видимъ и въ галицкомъ Христинопольскомъ Апостолѣ XII—XIII в. („дъжъ, рожъя, изможучаніе“, и пр.), и въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г. („дожъ“ л. 33 об., „одъжъ“ л. 88 об., „бездожъе“ л. 174; „ижъену вонъ“ л. 10=церк.-слав. иждемъ, „въжучѣша“ л. 39, и пр.), и въ вѣнскомъ Октоихѣ XIII—XIV в. (т. н. Codex Napkensteinianus), и въ волинскихъ Поученіяхъ Ефрема Сирина 1271—1288 (которыя дошли до насъ, правда, въ бѣлорусскомъ спискѣ XV в.) и въ подяшско-волинскомъ Холмскомъ Евангеліи XIII—XIV в., и въ волинскомъ Лупкомъ Евангеліи XIV в., и т. д. Изъ свѣтскихъ памятниковъ отмѣтимъ: „идяху стрѣлы, аки дожъ“ подь 1097 г. въ кіевской лѣтописи по Ипатскому списку нач. XV в. (стр. 178); въ правой грамотѣ княгини Анны Слуцкой 1493—1494 г.: „я ѣжуваль“**); въ межевой грамотѣ кн. Константина Острожскаго около полов. XVI в.: „князь Михайло разѣжуваль зъ люд[ь]ми“***); въ Луцкой книгѣ вгородской 1567 г.: „по тыхъ наешукахъ“ (№ 2042, л. 241)****); во Владимір-Волинской книгѣ вгородской 1568 г.: „до мене прижъвали“ (№ 935, л. 151) и тамъ же подь 1569

*) Этого примѣръ, конечно, далеко не убѣдительно, потому что „рожъе“ (или „розъче“) можетъ происходить не отъ формы „розъга“, но отъ формы „розъка“ (соврем. різка). Въ наст. вр. слово роззубыє (рожъує) рефлектируется у западныхъ малоруссовъ въ видѣ рїщя, рїще. (=хворость). По церк.-славянски — рѣднїє. То же надо сказать про «мозъкъ».

***) Грамота изд. въ „Актахъ“, относящ. къ исторіи Юж. и Зап. Росс., т. I, № 232 (=стр. 296).

****) Изд. тамъ же, т. II, № 126 (=стр. 145).

*****) Издаю въ „Грамотахъ“ Антоновича и Козловскаго, № 54. стр. 127.

годомъ: „потаемне проежаючихъ“ (№ 2042. л. 398 об., два раза) и „проежачи“ (дѣеприч.)*). Сверхъ того можно бы указать еще массу другихъ примѣровъ на такое жу вплоть до конца XVI вѣка, когда, наконецъ, въ „Апокрисисѣ“ 1597 года мы находимъ вмѣсто буквы *у* болѣе удобное воспроизведеніе соотвѣтствующаго звука черезъ двѣ буквы *дж*, способъ, котораго мы съ тѣхъ поръ донинѣ придерживаемся въ своей письменной рѣчи.

Довольно удобно было бы для малорусской литературы, если не сейчасъ, то хоть впоследствии, усвоить для выраженія слитнаго звука *дж* ту букву, которую придумалъ извѣстный лингвистъ акад. *Ө. Е. Коршъ* и которую онъ съ успѣхомъ примѣнилъ въ своей „Персидской грамматикѣ“ и рядѣ другихъ ученыхъ работъ. Эта его единая буква представляетъ собою по своему начертанію сляніе буквы *д* съ буквою *ж* въ одну связную фигуру *дж*, суть которой заключается въ томъ, что при написаніи буквы *ж* мы вмѣсто лѣваго ея полукружка пишемъ цѣлую букву *д*, или иначе сказать: сперва мы пишемъ букву *д*—и сейчасъ же при помощи поперечной черточки-пояска слитно присоединяемъ къ ней двѣ трети буквы *ж*. т.-е. среднюю палочку и правый полукругъ буквы *ж*, а лѣваго полукруга вовсе не пишемъ. Практическое удобство Коршевскаго начертанія заключается въ томъ, что эта изобрѣтенная имъ буква сразу же, безъ подготовки, легко будетъ прочитана каждымъ: каждый сразу узнаетъ въ ней присутствіе знакомыхъ ему буквъ *д* и *ж*—и въ то же время наглядно пойметъ, что это есть воспроизведеніе одного, слитнаго звука, а не *д+ж*.

3) Наконецъ, по-малорусски существуетъ особый плавно-язычный звукъ, занимающій середину между

*) Тамъ же, № 57, стр. 143; № 58, стр. 147 и 148.

твердымъ л и мягкимъ лъ. Онъ слышится въ слогахъ іл, ил, ел, равно какъ съ достаточной ясностью въ ал, ол, ул, при чемъ, однако, его индивидуальность особенно рѣзко выступаетъ въ первыхъ трехъ случаяхъ (въ сѣуженныхъ слогахъ іл, ил, ел) *). Этотъ средній звукъ, гораздо болѣе твердый, чѣмъ лъ, мы слышимъ, напримѣръ, въ словахъ: білше (= больше), тілги (= только), спілний (= общій), вілний (= вольный, свободный), пожилці (= жильцы), прихілний (= благосклонный, ласковый, расположенный), силний (= сильный), силцѣ (= силогъ), сілський (= сельскій), гилцѣ (= вѣтвь, преимущ. въ свадебномъ обрядѣ), пекѣлний (= адскій), смертѣлний (= смертельный, смертный), по-приятѣлськи (по-приятельски) и т. п.; во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ словахъ звукъ л рѣзко отличается отъ русскаго мягкаго лъ и значительно приближается къ твердому л. Помягче и ближе къ лъ звучитъ среднее л въ словахъ съ болѣе широкими гласными, напримѣръ, въ звѣлна (= медленно, „съ-вольна), болніця (= больница), дошкѣлно (= досадно, ѣдко), безпритѣлний (= безпріютный), намѣлний (илисто-наносный), навалний (= порывистый, сильный), загалний (= огульный, массовой; інт. = всеобщій) и т. п. Въ словахъ этого типа (т.-е. по сосѣдству съ болѣе широкими гласными) звукъ л, въ силу противовѣса твердымъ гласнымъ, приближается скорѣе къ мягкому лъ, чѣмъ къ твердому л, и тѣмъ не менѣе онъ и здѣсь

*) Есть, правда, мѣстности, гдѣ средняго элеваго звука вѣтъ и гдѣ существуютъ только два звука: твердое л и мягкое лъ или же среднее л и мягкое лъ (при отсутствіи твердаго л). Но въ подавляющемъ большинствѣ восточно-малорусскихъ говоровъ и во многихъ западно-малорусскихъ говорахъ звукъ л бываетъ трехъ отгѣнковъ, и мы въ своей грамматикѣ должны съ этимъ считаться.

обыкновенно представляет собою у малоруссов особый, средний звук, не совпадающий съ мягкимъ л; а ужъ если въ словахъ этого типа слѣдующій слогъ окажется вдругъ мягкимъ, то въ противовѣсъ послѣдующей мягкости предыдущіе слоги а л, о л, у л тоже отвердѣваютъ настолько же, насколько отвердѣлъ слогъ і л въ „білше“; такъ, въ словахъ: „з п а л ц я“ (= съ пальца), „до ш ку л н і ш“ (= досаднѣ) и пр. мы слышимъ гораздо болѣе твердое л, чѣмъ въ словахъ: н а в а л н и й и до ш ку л н о. вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяемъ, это восточно-малорусское л не есть твердое русское л. Какъ же воспроизводить буквами этотъ звукъ? Кто будетъ вести діалектологическія и этнографическія записи изъ устъ народа, тому мы совѣтуемъ выражать среднее л черезъ греческую букву ламбду (λ). Но вводить чужую букву λ въ литературную рѣчь было бы напрасной попыткой, заранѣе обреченной на неуспѣхъ; нужно обходиться буквами л и лъ. У малорусскихъ литераторовъ не установилось единодушія насчетъ того, слѣдуетъ ли предпочитать въ такихъ случаяхъ букву л или буквы лъ: одни малоруссы (преимущественно западные, въ частности галичане), пишутъ въ такихъ случаяхъ лъ (напр., білше), другіе малоруссы (преимущественно восточные) пишутъ л (білше). Въ сущности не представляется ни малѣйшей практической необходимости устанавливать ограниченіе въ пользу исключительнаго перевѣса той или другой ореографіи: справедливо будетъ признать обѣ ореографіи одинаково законными и допустить въ литературной рѣчи параллельныя написанія: „білше“ и „більше“, „тілки“ и „тільки“, смотря по индивидуальности писателя и по тому кругу читателей, для котораго онъ пишетъ. Въ частности, что касается нашей грамматики, въ основу которой положена рѣчь Наддніпрянины, то мы считаемъ безусловно нормальнымъ не уклоняться отъ ореографій

вродѣ „білше“, „тілки“ и т. п., такъ какъ онѣ ближе передають наддніпрянское и вообще украинское произношеніе, чѣмъ его передають орографіи съ лъ.

Не мѣшаеть замѣтить, что въ старыхъ малорусскихъ памятникахъ послѣдней полутысячи лѣтъ всецѣло господствовало въ такихъ случаяхъ написаніе одной буквы л (не ль); первыя же попытки писать только л, а не ль, начинаются у малоруссовъ сразу же въ ихъ самыхъ старыхъ памятникахъ. XI вѣка: въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 года *). Поэтому нынѣшніе восточные малоруссы, когда предпочитаютъ писать скілки (а не „скільки“), не вводятъ никакихъ новшествъ, а просто продолжаютъ свою девятьсотлѣтнюю традицію.

*) См. объ этомъ § 11, а.

Глава вторая.

Источники для изучения истории развития малорусского языка отъ временъ кievской державы.

(Звідки можна нам пізнати історію вкраїнської мови з найдавніших часів?)

§ 5. Изъ того всего, что нами было сказано въ предыдущей главѣ про малорусскую азбуку, про звуковое значеніе ея буквъ и про ея недостатки, выяснился и весь звуковой составъ современнаго украинскаго языка, — или, по крайней мѣрѣ центрально-приднѣпровскихъ его говоровъ. Могли мы убѣдиться при этомъ, что малорусскіе звуки, соотвѣтствующіе извѣстнымъ буквамъ, далеко не совпадаютъ съ тѣми звуками, которые соотвѣтствуютъ этимъ же буквамъ у русскихъ. Возникаетъ естественный вопросъ: чье же произношеніе древнѣе? Современный звуковой характеръ украинской рѣчи — новъ онъ или архаиченъ? Такое ли самое произношеніе звуковъ, соотвѣтствующихъ той или другой буквѣ, имѣли лѣтъ тысячу тому назадъ наши восточно-малорусскіе предки, временъ Святослава, или, хотя бы, періода удѣльно-кievскихъ междоусобицъ?

А это насъ приводитъ къ предварительному другому, болѣе широкому вопросу: какими для этого располагаемъ мы критеріями и какими обладаемъ старинными письменными памятниками, по которымъ можетъ быть изучена тысячелѣтняя история развитія малорусскаго языка?

§ 6. Наибольше старыя памятники рѣчи малорусскихъ предковъ (XI—XII в.).

Дошедшіе до насъ старѣйшіе письменные восточно-малорусскіе памятники крупнаго размѣра мы имѣемъ не отъ самыхъ первыхъ историческихъ моментовъ полянскаго государства: то, что до насъ дошло, писано въ XI вѣкѣ, въ періодъ христіанскій, уже послѣ смерти Ярослава Мудраго. Имѣются, правда, болѣе раннія, но совсѣмъ мелкія—надписи на монетахъ Владиміра Святого, Святополка и Ярослава Мудраго *) и двухстрочная надпись 1068 года князя Глѣба Тмутороканскаго объ измѣреніи широты Керченскаго пролива по замерзшему льду—на т. н. Тмутороканскомъ камнѣ возлѣ Керчи **). Крупныя же старѣйшіе восточно-малорусскіе памятники—это кievскіе Изборники великаго князя Святослава XI в.; одинъ очень большой—Изборникъ 1073 года ***),

*) Изд. у гр. И. И. Толстого: Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества кievскаго (съ 19 таблицами рисунковъ). СПб. 1882.

**) Изд. Тмутороканская надпись у И. И. Срезневскаго: Древніе памятники русскаго письма и языка, 2-ое изд. (СПб. 1882), стр. 24. Снимокъ—въ приложеніи къ 1-му изданію труда.

***) Фототипически Изб. 1073 г. изданъ въ 1880 г. въ Петербургѣ, но при изданіи допущены были нѣкоторыя подправки (срв. замѣчанія А. А. Шахматова въ Archiv für slavische Philologie, т. VII), а потому важное значеніе продолжают имѣть тѣ выдержки, которыя прежде были напечатаны Буслаевымъ и другими (см. Срезневскій: Древн. пам., 2-ое изд. стр. 26—27). У А. Розенфельда—въ Русск. Филол. Вѣст. 1899 данъ (неисчерпывающій) анализъ языка Изборника 1073 года. Въ ссылкахъ А. Розенфельда оказывается, къ сожалѣнію, изрядное количество опечатокъ, и кто пожелаетъ что-нибудь строить на основаніи цитатъ, сообщенныхъ А. Розенфельдомъ, тотъ обязательно пусть проверитъ каждую ссылку по подлиннику. Въ рукописи, напр., написано „Галеонидисъ“ (л. 264 об., а), а у А. Розенфельда издано: „Геле-

другой значительно поменьше—Изборникъ 1076 года ²⁾. Оба писаны на языкѣ церковно-славянскомъ, но сквозь коручужой рѣчи успѣли проскользнуть наружу очень многія мѣстныя особенности кievской рѣчи XI вѣка.—Лѣтъ 15 спустя, преп. Несторомъ составлено было Житіе Ѳеодосія Печерскаго (послѣ 1091) и Житіе Бориса и Глѣба (не позже 1093 г.). Въ подлинникѣ эти два житія до насъ не дошли, но мы имѣемъ съ нихъ повидимому очень тщательную копію XII—XIII в. въ т. н. Ус-

онидись“ (РФВ., стр. 170); въ рукописи стоитъ „хороугъвъ“ (л. 174 б), а у г. Розенфельда издано: „горуугъвъ“ (стр. 168); въ рукописи: „фунники“ (л. 230 об. б), у г. Розенфельда: „функи“ (стр. 177); въ рукописи: „начувъстьвннхъ“ (л. 133 об. б), у г. Розенфельда: „начувъстьвннхъ“ (стр. 169) и пр. Есть опечатки и въ цифровыхъ ссылкахъ; напр., начертаніе „псалтира“ которое въ подлинникѣ оказывается на л. 253 об. а, показано у г. Розенфельда (стр. 182, сноска 1-ая) какъ находящееся на л. 283. Нѣтъ сомнѣнія, что работа г. Розенфельда печаталась безъ авторской корректуры. Рукопись Изборника 1073 г. хранится въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

²⁾ Издалъ Сборникъ 1076 г. В. Шимановскій; — первый разъ (съ погрѣшностями) въ книгѣ: „Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ“ (Варш. 1887), гдѣ и анализъ языка; второй разъ (въ исправленномъ видѣ)—отдѣльной книгой (Варш. 1894). Рецензіи на второе изданіе (съ рецензентскими дополненіями и свѣрками)—въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“: а) Н. Некрасова (1897, окт., стр. 393 — 419) и С. Кульбакина (1898, февр., стр. 203 — 209). Очень важна подробная таблица В. А. Боброва: „Къ исправленію печатнаго текста Сборника 1076 года“ въ Русск. Филол. Вѣст. 1902 (кн. I и II, т. XLVII, гдѣ перечислены подъ рядъ всѣ малѣйшія отступленія (даже въ черточкахъ начертаній буквъ), оказывающіяся въ изданіи Шимановскаго сравнительно съ рукописнымъ подлинникомъ; къ сожалѣнію, и таблицы А. Боброва не обоелись безъ типографскихъ опечатокъ.

О прежнихъ отрывочныхъ изданіяхъ см. Срезневскаго: Древн. нам., стр. 27—28. Рукопись Изборника 1076 г. хранится въ СПб. Публичной Библіотекѣ.

пенскомъ Сборникѣ *), списанномъ не извѣстно гдѣ. При извѣстной осторожности, Успенскій Сборникъ можетъ съ успѣхомъ быть употребленъ для выясненія не только словаря и синтаксиса кievской рѣчи XI в., но иногда (и не одинъ разъ) для выясненія также тогдашней старокievской фонетики **). Конечно, по степени своей филологической достовѣрности онъ, копія, совершенно не можетъ равняться съ Изборниками Святослава 1073 и 1076, собственноручно писанными кievляниномъ дякономъ Іоанномъ въ Кіевѣ.

Западно-малорусскіе старѣйшіе намятники, какіе дошли до насъ, начинаются (какъ неоспоримые) еще позже: съ XII вѣка. Изъ такихъ старѣйшій — Галицкое Евангеліе 1144 года ***); впрочемъ,

*) Онъ названъ такъ потому, что прежде принадлежалъ Московскому Успенскому собору. Теперь эта рукопись находится въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

**) Издавъ Успенскій Сборникъ XII—XIII лишь частями. Житіе Феодосія, напечатанное О. Бодянскимъ, издалъ послѣ его смерти А. Поповъ въ московскихъ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей“ 1879 (кн. I), а Житіе Бориса и Глѣба еще раньше напечатано было въ „Чтеніяхъ“ 1870. Кое-какія другія статьи—въ I вып. „Библіографич. матеріаловъ“ Попова (М. 1879, отд. изъ тѣхъ же „Чтеній“, 1879, кн. I). Наконецъ первая половина Успенскаго Сборника напечатана была вновь въ 1899 г.—тоже въ „Чтеніяхъ“; и отдѣльнымъ оттискомъ. Мои ссылки въ „Украинской граматикѣ“ всѣ относятся къ изданію Бодянскаго-Попова. О степени значенія этого Сборника, какъ источника для исторіи кievско-лѣтописной рѣчи, мнѣ уже приходилось говорить въ своей „Филологіи и Погодинской гипотезѣ“ (Кіевъ, 1904, стр. 66—69). Нѣкоторую характеристику языка Нестора (со стороны его малорусскости) можно найти въ статьѣ А. Шахматова въ *Archiv für slavische Philologie*, т. VII (=1884), стр. 57—77 *passim*.

***) Изд. архим. Амфилохій: „Четвероєвангеліе Галицкое 1144 г. сличенное“ и т. д. (М. 1884, три тома). Характеристика языка, на основаніи этого изданія, сдѣлана акад. Ягичемъ въ „Четырехъ палеографическихъ статьяхъ“ (въ „Сборникѣ отд. русск. яз. и словесн. Академіи Наукъ“, т. 33, СПб. 1884, стр. 74—102).

болѣ ранняя рукопись— 13 словъ Григорія Богослова конца XI или начала XII вѣка *)—писана повидимому тоже червоноруссомъ **).

Итакъ, писанные малоруссами объемистые памятники мы имѣемъ не раньше, чѣмъ отъ второй половины XI вѣка. Тѣмъ не менѣе и по нимъ, а кромѣ того по немногочисленнымъ даннымъ греческимъ, норманскимъ, восточнымъ, мы можемъ имѣть болѣе или менѣе ясное представленіе такъ же о рѣчи предыдущаго X-го вѣка, т.-е. о рѣчи времени Олега, Игоря, Святослава и Владиміра Святого.

Нѣточности Амфилохіева изданія отмѣтилъ Г. Воскресенскій: „Къ вопросу о славянскомъ переводѣ евангелія“ (СПБ. 1886, въ 40-мъ томѣ „Сборника“ Акад. Н.). Отдѣльно евангеліе отъ Марка критически переиздано (со сличеніями) въ трудѣ Г. Воскресенскаго: Евангеліе отъ Марка по четыремъ слав. редакціямъ съ различіями изъ 108 слав. рукописей“ (Сергіевъ Посадъ, 1894); библиографія предмета и т. п. свѣдѣнія здѣсь указаны на стр. 9—14. Хранится оно въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

*) 13 словъ Григорія Богослова изданы А. Будилевичемъ (СПБ. 1875). Предварительно имъ издано: „Исслѣдованіе языка древне-слав. перевода XIII Слово Григорія Богослова по рукописи Имп. Публ. Библ. XI в. (СПБ. 1871; срв. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1872, кн. 8 и 11).

**) Собственно говоря, надпись 1276 года на рукописи Слово Григорія Богослова XI в. ведетъ насъ къ Киеву, а не къ Галичинѣ. Надпись сообщаетъ, что митрополитъ Климентъ (кіевлянинъ), прибывши изъ Киева въ Новгородъ 3-го авг. 1276 года, посѣтилъ черезъ двѣ недѣли одну новгородскую церковь и пожертвовалъ туда эту рукопись, вручивши ее „сосудохранильнику“ Назарію. Привезена рукопись, значить, изъ Киева. Но въ ней сѣтъ черты языка и правописанія, рѣзко отличающія ее отъ безусловно несомнѣнныхъ кіевскихъ памятниковъ—Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года, а общее впечатлѣніе отъ чтенія ея—такое, что это памятникъ западно-малорусскій и въ частности червонорусскій.

§ 7. Восточно-малорусскіе памятники
XII—XVI вѣка.

Татарскій погромъ XV в. погубилъ ту массу рукописей, которою былъ богатъ старый Кіевъ.

а) Въ XI вѣкѣ, какъ извѣстно, получила у кіевлянъ широкое развитіе лѣтопись (завершена „Начальная“); продолжала она процвѣтать и въ XII вѣкѣ (лѣтопись „кіевская“). Она, со своимъ болѣе или менѣе народнымъ языкомъ (чего нѣтъ въ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г.), могла бы оказать историку восточно-малорусскаго языка ничѣмъ не замѣнимую услугу, если бы дошла до насъ въ подлинникѣ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ отъ нея лишь чужіе некіевскіе и немалорусскіе списки. Два старѣйшіе — Лаврентьевскій списокъ XIV вѣка (1377 г.), переписанный въ землѣ Суздальской *), и Ипатскій списокъ XV в. (судя по бумагѣ, ок. 1425), включившій въ себя и галицко-волинскую лѣтопись XII—XIII в.; этотъ переписанъ въ новгородской области **). Какъ въ суздальскій (Лаврентьевскій), такъ и въ новгородскій (Ипатскій) списки внесена писцами масса чертъ своей собственной

*) Издавъ Петербургской Археографической Комиссіей, какъ въ видѣ фото-литографскаго снимка (СПБ. 1872), такъ и печатнымъ образомъ, гражданкою. Мои ссылки на Лаврент. списокъ будутъ относиться ко 2-му изданію; но имѣется уже 3-е изданіе (СПБ. 1897). Важнѣйшее изслѣдованіе о языкѣ Лавр. лѣт.—проф. Некрасова въ „Извѣстіяхъ отдѣл. русск. яз. и слов. Акад. Н.“, т. I и II (1896—1897).

**) Фотолитографич. изданіе Ипатской лѣтописи сдѣлано Археографической Комиссіей въ СПБ. 1871. Ею же даны, и печатныя изданія (гражданкой). Обстоятельный и все же далеко не исчерпывающій анализъ языка — см. у А. Никольскаго: „О языкѣ Ипатской лѣтописи“ (Русск. Филолог. Вѣстн., 1899, кн. 1—2, стр. 238—275; кн. 3—4, стр. 23—110).

суздальской и новгородской рѣчи, и оттого для исторіи малорусскаго языка X—XIII в. главная важность и цѣнность этихъ списковъ представляется словарнымъ ихъ составомъ и фразеологіей, которые и при великорусской перепискѣ не должны были слишкомъ много пострадать ¹⁾, фонетическія же (звуковыя) особенности кievской лѣтописной рѣчи могутъ быть нами уловлены по Лаврентьевскому и Ипатскому спискамъ лишь путемъ строгой критики (напр., сличеніемъ одинаковыхъ мѣстъ по разнымъ спискамъ, свѣркою съ исторіей нарѣчія суздальскаго и новгородскаго, и т. п.)

Точно такъ же драгоценный памятникъ черниговскаго (или, м. б., кievскаго) національнаго творчества конца XII вѣка, Слово о Полку Игоревѣ, дошелъ до насъ въ чужомъ (новгородскомъ) спискѣ и притомъ еще болѣе поздняго времени, чѣмъ кievская лѣтопись, — по соображеніямъ Н. С. Тихонравова, въ спискѣ второй полов. XVI вѣка! ²⁾ Переписываясь въ теченіи 400 лѣтъ, вдали отъ ю. Руси, „Слово о Полку Игоревѣ“ въ дошедшемъ до насъ видѣ совсѣмъ почти не пригодно для выясненія кievско-черниговской фонетики XII в., — и какая-нибудь совсѣмъ короткая надпись на чарѣ черниговскаго князя Владимира Давидовича (не позже 1151 г.) ³⁾, или надписи при фрескахъ кiev-

¹⁾ Нѣкоторые образцы замѣчательнаго неугасающаго совпаденія языка кievской лѣтописи XI—XII в. съ нынѣшней рѣчью сѣверной и средней Кіевщины XX-го вѣка представлены мною въ V-ой главѣ моей работы: „Древне-кievскій говоръ“ (оттискъ изъ „Извѣстій отдѣленія русскаго яз. и словесн. Императорской Академіи Наукъ“ 1906 г.).

²⁾ Среди многочисленныхъ изданій „Слова о Полку Игоревѣ“ очень удобно малорусское комментированное покойнаго львовскаго проф. Огоновскаго.

³⁾ Текстъ у Срезневскаго: Древніе памятники русск. яз., 2-ое изд., стр. 60—61.

скаго Кирилловскаго монастыря XII в. или въ нѣкоторыхъ кіевскихъ пещерахъ ¹⁾—при всей своей количественной скудости ярче и надежнѣе обрисовываютъ намъ черниговско-кіевскую фонетику XII вѣка, чѣмъ поздній новгородскій списокъ „Слова о Полку Игоревѣ“, драгоцѣнный однако для изученія старо-малорусскаго словаря и строя рѣчи.

б) Почти въ такомъ же положеніи стоимъ мы и по отношенію къ источникамъ для изученія кіевской рѣчи XIII вѣка. По всѣмъ признакамъ, въ XIII вѣкѣ (послѣ 1240 г.) редактированъ былъ Кіево-Печерскій Патерикъ, куда, кромѣ Несторова сказанія о Θεодосіи и первыхъ подвижникахъ (которыя внесены и въ лѣтопись), вошли также житія болѣе позднихъ святыхъ. При живости своего изложенія (часто просто-народнаго), Патерикъ, дойди онъ до насъ въ тогдашнемъ кіевскомъ спискѣ XIII вѣка, занялъ бы одно изъ выдающихся мѣстъ въ числѣ источниковъ для изученія старо-кіевскаго нарѣчія. Къ сожалѣнію, дошелъ онъ до насъ только въ позднихъ спискахъ (съ XV в.) въ передѣланномъ видѣ ²⁾, и потому использованъ можетъ быть лишь такъ, какъ „Слово о Полку Игоревѣ“. Пожалѣть объ этомъ приходится особенно потому, что другіе кіевскіе памятники XIII (быть можетъ, еще XII) вѣка, изъ которыхъ двое дошли до насъ въ копіяхъ того же XIII вѣка, далеко не носятъ такого живого характера, какъ Кіево-Печерскій Патерикъ. Эти копіи: — а) домонгольское Повчѣнье Зарубьскаго (=Приднѣпровска-

¹⁾ См. Извѣстія СПб. Археологическаго Общества, т. II, стр. 1—7.

²⁾ Московскій списокъ 1462 г. съ одновременнаго (1460) кіевскаго списка издавъ В. Яковлевъ: „Памятники русской литературы XII и XIII в. (СПб. 1872)“. Въ сноскахъ показаны варианты другихъ рукописей „Печерскаго Патерика“ и Несторова „Житія Θεодосія“.

го) черноризьця Георгія XII—XIII в. ¹⁾ въ бѣлорусской копіи 1492 года ²⁾; б) Рязанская Кормчая 1284 г., списанная съ кievскаго оригинала отъ тогдашняго кiev. митрополита Максима, что прямо указано въ записи ³⁾, причемъ однимъ изъ переписчиковъ былъ сербъ, и в) дефектный новгородскій Церковный Уставъ XIII—XIV вѣка церкви св. Софiи, списанный съ кievской рукописи митрополита Климента ⁴⁾. Пользованіе этими тремя памятниками для изученія исторіи вост.-мр. нарѣчія значительно затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что на всѣхъ трехъ рукописяхъ (бѣлорусской, рязанской и новгородской) сказалось сильное вліяніе своеобразной (повидимому, южнославянской) лжеореографіи, установившей, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣсто буквы є (да часто и вмѣсто ъ) писалась буква ѣ. По этой лжеореографіи, пишется: „онъ нѣ будѣть“, „нѣ убѣть“ вмѣсто „не

¹⁾ Зарубъ (теперь с. Зарубницы) лежалъ въ Кіевщинѣ противъ устья р. Трубежа.

²⁾ Рукопись хранится въ Публичной СПб. Библіотекѣ. Отрывокъ изданъ И. Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о неизвѣстныхъ и малозвѣстныхъ памятникахъ“, т. I, № VII, стр. 51—57. Срезневскій ошибается, считая рукопись „Зарубскаго Повѣнья“ за исполненную въ XIII вѣтѣ.

³⁾ Запись издана И. Срезневскимъ: Древн. пам. русск. яз., 2-ое изд., стр. 145. Попытка дать характеристику языка Кормчей 1284 г. (примѣнительно къ кievскому утерянному оригиналу) произведена И. Ягичемъ въ „Четырехъ статьяхъ“ (= Сборникъ отдѣл. русск. яз. Акад. Наукъ, т. 33, СПб. 1884), стр. 100—102; но она невѣрна въ своей основѣ (акад. Ягичъ видитъ въ написаніи буквы ѣ вм. буквы є малоруссизмъ, тогда какъ эта лжеореографія скорѣе всего принадлежитъ писцу-сербу, работавшему въ Рязани). Рукопись хранится въ СПб. Публичной Библіотекѣ.

⁴⁾ Изданъ А. Поповымъ въ „1-мъ прибавленіи къ описанію рукописей библіотеки А. И. Хлудова“, № 16. Библіотека Хлудова принадлежитъ теперь Московскому Никольскому Единовѣрческому монастырю.

будеть“ и „не убьеть“—по аналогіи, очевидно, съ буквою ѣ въ глаголѣ „нѣ“ (= „нѣсть“); вмѣсто „чѣтень“ пишется „чѣтѣнь“ (по смѣшенію съ суффиксомъ ѣн): вмѣсто „на ней, на немъ, на нашемъ“ пишется „на нѣи, на нѣмъ, на нашѣмъ“ (по аналогіи съ „на труднѣи, на труднѣмъ“); вмѣсто „рѣку“, „рекомый“ пишется „рѣку“, „рѣкомый“ (по аналогіи съ „рѣчь“); вмѣсто „омовеніе“ пишется „омовѣніе“ (по аналогіи съ „мѣдальніе“, „смотряніе“ и т. п.); вмѣсто „родитель“ пишется „родитѣль“ (по аналогіи съ „обитѣль“, „купѣль“ и т. п.); а также вмѣсто „великій“ и велии“ пишется „вѣликій“ и „вѣлии“, вмѣсто „без“ пишется „бѣз“, вмѣсто „вѣрованіе“ пишется „вѣрованѣ“, вмѣсто „единый“ пишется „ѣдиный“, вмѣсто „третій“ пишется „трѣтій“, вмѣсто „блаженство“—„блажѣнство“, равно какъ вмѣсто „грядеть“ (гдѣ л) пишется „грѣдѣть“, и т. п., и т. п. Эта лжеореографія, источникъ которой отчасти, быть можетъ, заключался и въ нѣкоторыхъ живыхъ данныхъ рѣчи южныхъ славянъ ¹⁾, широко распростра-

¹⁾ Такая ореографія давно была указана между прочимъ по сербскимъ грамотамъ А. Майковымъ, въ его „Исторіи сербскаго языка“ (М. 1857). Напр., объ ореографіи сербскихъ грамотъ „нѣ су [тъ]“ см. у него стр. 457, стр. 459 (тутъ 29 указаній!) и др. О сербской ореографіи типа „да будѣтъ! да узмѣтъ!“ и пр.—см. стр. 457, 458 и др. О начертаніяхъ „вѣзъчѣтѣнни“ „вѣвѣдѣніе“ (= въведеніе) см. стр. 457. Ореографіи типа „принѣи“ „сѣи“, „вашѣи“—см. на стр. 457—458; типъ: „рѣку“ (= рѣку, реку), рѣкоше, рѣкомѣмъ— см. стр. 448; типъ „родитѣль“— см. стр. 457; типъ „вѣвѣликимъ, вѣлицѣхъ“—см. стр. 457. Изъ примѣровъ замѣны сербами окончанія ис черезъ ѣ или черезъ ѣ ѣ отмѣтимъ сербскія: приложенѣ (=ніе), вированѣ (=нѣе, вин. паѣ.), обарованѣ (=нѣе) и даже вм. мѣстоименія „сиѣ“— „сѣ“, на стр. 458. Букву ѣ въ корнѣ „единѣ“—см. стр. 459. Букву ѣ въ „грѣдѣтъ“ (=грядеть) и т. п.—см. въ безчисленномъ количествѣ на стр. 448—450. И т. п., и т. п. Подобная замѣна

нилась въ церковныхъ книгахъ въ XII—XV вѣкѣ и среди прочихъ православныхъ, подававшихся книжному балганскому вліянію: среди румынъ, писавшихъ по церковно-славянски ¹⁾, среди малоруссовъ-буковинцевъ и южныхъ галичанъ, находившихся подъ властью Молдавскаго господаря, среди сосѣднихъ галичанъ и иногда (порѣже) среди волынянъ ²⁾, довольно

буквы є буквою ѣ, по замѣчанію А. Майкова, „начинается у сербовъ въ 12-мъ вѣкѣ и продолжается до конца 15-го; впрочемъ, въ послѣднемъ вѣкѣ она далеко не такъ обильна, какъ въ предыдущихъ“ (стр. 457). Болгарскимъ грамотамъ она тоже далеко не чужда. Такое присутствіе буквы ѣ (вмѣсто є) не исключительно въ церковныхъ рукописяхъ, но и въ грамотахъ, позволяетъ намъ предположить, что не всѣ изъ вышеприведенныхъ начертаній являются плодомъ южнославянской книжнической лжеэтимологін, и что нѣкоторыя изъ нихъ могли быть основаны на фактахъ жи во ѣ рѣчи южныхъ славянъ. А отъ южныхъ славянъ эти начертанія перешли и на Русь.

1) Таково, напр., ливно-волошское евангеліе Верковича XIV в., описанное А. Никольскимъ въ „Русск. Филолог. Вѣстникъ“ 1894, кн. 4, стр. 276—294.

2) Мы такую лжеорфографію, придающую даже несомнѣннымъ малорусскимъ памятникамъ глубоко-антималорусскую окраску, находимъ: въ ю.-галицкомъ Евангеліи поповича Евсеія 1283 г., въ буковин. болг.-Софійскомъ Ев. XIII в., въ галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г., въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII—XIII в., въ (вѣроятно) галицкомъ Вѣнскомъ Октоихѣ XIII в., въ Холмскомъ Ев. XIII—XIV в., въ львовскихъ Папдектахъ Антіоха 1307, въ Бучацкомъ Евангеліи ок. XIV в., въ буковинскомъ Путенскомъ Евангеліи XIV в., въ Луцкомъ (волинскомъ) Евангеліи XIV в. Все это памятники исключительно церковные: живые галицкіе и волинскіе документы такой орфографіи не знаютъ. (А если она иногда, хотя лишь слегка, попадается въ живыхъ документахъ буковинскихъ, то это объясняется тѣмъ, что Буковина, часть Молдавіи, завистла и церковно-іерархически и культурно отъ южныхъ славянъ). О нихъ мы еще разъ упомянемъ ниже—въ отдѣлѣ источниковъ для исторіи нарѣчія западно-малорусскаго.

широко среди бѣлоруссовъ ¹⁾, среди москвичей ²⁾, а особенно широко привилась эта орфографія въ области сѣверно-великорусскихъ говоровъ: Новгородѣ,

1) У бѣлоруссовъ такое употребленіе буквы *ѣ* вмѣсто *ѥ* произошло и въ грамоты или въ иные документы болѣе или менѣе народнаго характера. Указать, на примѣръ, можно: а) Полоцкую надпись на крестѣ св. Евфросиніи 1164 г., изд. неточно въ брошюрѣ „Истор. свѣд. о Евфрос. Пол.“ СПБ. 1841 и у Батюшкова: „Бѣлоруссія и Литва“, СПБ. 1890 (стр. 39—42, прилож.); точно—у И. Срезневскаго въ Извѣст. Акад. Наукъ, (т. X, 600=1-ое изд. „Древн. памятн.“);—б) Смоленскую грамоту послѣ 1230 г. (изд. К. Напьерскій: „Русско-ливонскіе акты“, СПБ. 1868, стр. 451—453);—в) Полоцкую грамоту еп. Іакова около 1300 г. (у Напьерскаго, стр. 19—20; у Буслая: Истор. хрест. 1861, стр. 423);—г) Гродненскую грамоту 1463 г. (у Срезневскаго: „Свѣд. и зам.“, т. X, стр. 82—86), и др. Изъ церковныхъ бѣлорусскихъ памятниковъ съ упомянутой лжеорфографіей сюда относятся: а) Житіе Саввы Освященнаго XIII в. (см. у меня въ „Филологическій и Погодинской гипотезѣ“, стр. III—VII);—б) не то бѣлорусское, не то псковское Поликарпово Евангеліе 1307 г. (см. характеристику языка у меня въ „Критеріяхъ“, стр. 1—5); в) акающая Архивская Лѣтвица XIII—XIV в. (Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ; характеристику см. у меня въ изслѣдованіи: Дѣякія неопредѣленныя критеріи для диалектологическаго классификаціи старо-русскихъ рукописей“, Львовъ, 1906, стр. 59—60; это изслѣдованіе—оттискъ изъ юбилейнаго „Научнаго Збірника“ въ честь проф. М. С. Грушевскаго);—г) тоже акающей, списокъ 1492 г., Поученій Ефрема Сиріна (см. мои „Критеріи“, стр. 55—58);—д) Четья-Миня 1489 г., писанная поповичемъ Березкою изъ Новгородка-Литовскаго (описана Карпинскимъ въ „Русск. Филол. Вѣстн.“, 1889, кн. I). Къ бѣлорусскимъ памятникамъ относится навѣрное и Синодально-Типографское Евангеліе № 6-ой XII—XIII в. (см. „Критеріи“, стр. 20—21).

2) Съ такою орфографіею написано Московское Евангеліе 1339 г. (Антоніева Сійскаго монастыря) съ типичнымъ московскимъ аканьемъ. Есть много основаній считать Часословъ XIV в. (СПБ. Публичн. Библ.) за московскій, писанный во времена митрополита-серба Кипріяна (см. мои „Критеріи“, стр. 21—24).

Псковѣ, Ростовѣ и т. п. ¹⁾). Упомянутая южно-славянская лжеороеграфія, практикуясь на Руси,

¹⁾ Сюда относятся напримѣръ: а) новгородское Добриво-Евангеліе 1164 г., писанное дьячкомъ церкви свв. Апостоловъ въ Новгородѣ (анализъ языка см. у меня въ „Критеріяхъ“, стр. 15—20; надо туда добавить еще указаніе на неопр. н-іе „рость“, л. 8 об.); б) собственноручно писанный Служебникъ св. Варлаама Хутынскаго XII в. (см. мои „Критеріи“, стр. 53—54);—в) Выголексинскій сборникъ XIII в. изъ новгородскаго Георгіевскаго монастыря, писанный однако повидимому новгородскимъ псковичемъ, а не урожденнымъ новгородцемъ (см. мои „Критеріи“, стр. 60—63);—г) Апостола XII в. новгородской Софійской бібліотеки (см. „Критеріи“, стр. 62—63);—д) Ростовскій Апостола 1220 г. (описанъ Г. Воскресенскимъ: „Древнеслав. переводъ Апостола“, М. 1879, стр. 50—93, и имъ же начато изданіе текста: „Посланія св. Апостола Павла“, вып. I, Серг. Посадъ 1892);—е) Духовная новгородца Климента до 1270 г. (изд. Срезневскій: „Свѣд. и зам.“, 1867, т. I, № XXXV);—ж) новгородскій (двинской) Паремейникъ 1271 г. Петерб. Публ. Библ. (отрывки изд. въ „Ист. хрест.“ Ѳ. Буслаева 1861, стр. 73—84; выписка у Срезневскаго въ 1-омъ изд. „Древн. памятн.“; 2-ое изд., см. стр. 138);—з) Новгородская Кормчая 1282 г. Софійскаго собора (см. Срезневск. „Древн. пам.“, 2-е изд., стр. 143; въ 1-омъ изд. — выдержки текста; также въ „Истор. хрест.“ Буслаева, 1861, стр. 379—407); и) Псалтирь 1296 г. московской Синодальной бібліотеки, писанная „на Волоцѣ“ (см. Срезневск. „Древн. пам.“, 2-е изд., стр. 154—155; Ягичъ: „Четыре статьи“, стр. 87. Соболевскій, „Лекціи“ 1903, стр. 14, почему-то называетъ эту псалтирь „западно-русской“); и проч., и проч. Перечислять всѣ новг. рукописи, имѣющія такую ороеграфію, было бы слишкомъ долго; срв. описанія сѣверныхъ книгохранилищъ—Купріянова, Барсова и др. Вѣроятно, судальцемъ написано такое же Синодально-Типографское Евангеліе № 7-ой XII—XIII в. (см. мои „Критеріи“, стр. 39—41);—а Поликарпово Евангеліе 1307 г. (какъ видно по языку, см. „Критеріи“, стр. 1—5) могъ одинаково написать какъ псковичъ, такъ и пограничный бѣлорусь. Къ числу памятниковъ съ такимъ обильнымъ ѣ относится и списанная новгородцемъ Ипатская лѣтопись XV в. (попытку систематизировать эту ея ороеграфію примѣнительно къ особенностямъ живого сѣв.-великорусск. нарѣчія см. у А. Шахматова: „Ислѣд. въ области русск. фонетики“, Варш. 1893, стр. 145 и слѣд.).

усложнялась (особенно у сѣверныхъ великоруссовъ) мѣстнымъ обычаемъ — свободно писать букву ѣ вмѣсто буквы е (а часто и вмѣсто буквы ь) вообще-всюду передъ дальнѣйшимъ мягкимъ слогомъ, не слишкомъ стѣсняя себя научной этимологіей. При такихъ условіяхъ бѣлорусскій, рязанскій и новгородскій списки съ тѣхъ трехъ кievскихъ рукописей XII—XIII вѣка, о которыхъ мы выше упомянули (Зарубское „Повчѣнье“, Кормчая и Церковный Уставъ) имѣютъ внѣшній видъ, крайне неудобный для изслѣдователя исторіи кievскаго нарѣчія: многоятевая оболочка закрываетъ собою, словно корою, судьбу подлиннаго кievскаго звука ѣ въ XII—XIII в., а сверхъ того нельзя же не думать, чтобы переписчикъ-бѣлоруссъ, рязанецъ и новгородецъ машинально каждый не внесъ въ свою копію съ кievскихъ оригиналовъ кое-какія черты своего роднаго нарѣчія, чуждыя кievскому оригиналу. Приходится поэтому, пользуясь Зарубскимъ „Повчѣньемъ“, Рязанской Кормчей 1284 года и дефектнымъ новгородскимъ спискомъ Церковнаго Устава XIII—XIV в. для цѣлей изученія исторіи восточно-малорусскаго нарѣчія, быть крайне разборчивымъ.

в) Была ли многоятевая лжеорѳографія и въ тѣхъ кievскихъ оригиналахъ, съ которыхъ списаны названные три памятника, рѣшить съ точностью нельзя. Правда, чисто-рязанскія части Кормчей 1284 г. (напримѣръ, записи), которыхъ очевидно не могло быть въ кievскомъ оригиналѣ и которыя написаны по той же многоятевой лжеорѳографической системѣ, проведенной въ цѣломъ памятникѣ, могли бы служить нѣкоторымъ свидѣтельствомъ, что вышеупомянутое написаніе буквы ѣ вмѣсто е внесено въ Рязанскую Кормчую 1284 г. самимъ рязанцемъ-копистомъ (а въ особенности тѣмъ сербомъ, который переписывалъ въ Рязани) и что кievскій оригиналъ былъ свободенъ отъ

этого лжеореографическаго ж. Но съ другой стороны нельзя даже апріорно предположить, чтобы Кіевъ XII—XIII в., при своихъ частыхъ отношеніяхъ съ балканскими славянами, могъ уберечься отъ вліянія той лжеореографіи, которой поддались и волохи, и галичане, и бѣлоруссы, и великоруссы. Да это и фактически подтверждается. Отъ конца того же XIII-го вѣка, когда переписана Рязанская Коричая 1284 года, или, быть можетъ, отъ начала XIV вѣка дошелъ до насъ въ подлинникѣ ¹⁾ одинъ церковный вост.-мр. памятникъ: Указатель Евангельскихъ Чтеній XIII—XIV в., съ такою же многоятевою лжеореографіею. Онъ переплетенъ вмѣстѣ съ Галицкимъ Евангеліемъ 1144 г., но по особенностямъ языка оказывается восточно-малорусскимъ ²⁾. Несмотря на свой небольшой объемъ и антимапорусскую вышеуказанную многоятевую оболочку, Указатель Евангельскихъ Чтеній XIII—XIV вѣка представляетъ намъ нѣкоторыя чрезвычайно цѣнныя діалектологическія данныя, характеризующія тогдашнюю восточно-малорусскую рѣчь XIII—XIV вѣка ³⁾.—Въ очень многихъ чертахъ этотъ Указатель совпадаетъ съ Кіево-Печерскимъ Евангеліемъ ок. 1370 г. (вѣроятно, кіево-полѣвскимъ), которое однако не обе-

¹⁾ т.-е. не въ великорусскомъ спискѣ съ вост.-мр. оригинала, какъ Коричая 1284, но въ вост.-мр. спискѣ (съ среднеболгарскаго оригинала).

²⁾ См. кое-что у меня въ „Критеріяхъ“, примѣч. къ стр. 26-ой (въ предисловіи стр. 7).

³⁾ А. Соболевскій въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка“ (Кіевъ 1884, отд. изъ кіевскихъ „Универ. Извѣстій“ 1883, кн. 11-ая) далъ подъ № IX характеристику правописанія этого Указателя,—тенденціозную, конечно, какъ и все, что пишетъ г. Соболевскій. Рукопись хранится въ Московской Синодальной Типографіи.

зображено этимъ **этимологическимъ** **многоя-**
тиемъ ¹⁾.

г) *Съ конца XIV вѣка и въ XV-омъ* восточно-малорусское нарѣчіе очень недурно характеризуется памятниками ужъ не церковными, а болѣе или менѣе простонародными: черниговскими и кievскими грамотами; само собою понятно, что того **этимологического** **ъ**, которое уродуетъ собою вышеперечисленные церковные памятники и закрываетъ ихъ малорусскую суть, въ грамотахъ нѣтъ. Эти вост.-мр. грамоты: а) Присяга 1388 г. кievскаго князя Димитрія Ольгердовича ²⁾, б) Стародубская грамота 1400 г. (князя Александра Патрикѣевича ³⁾;—в) Жалованная грамота 1424 г. кн. Швитрыкгайла Черниговскаго (кажется, писанная въ Острѣ ⁴⁾);—г) Вкладная кievская записка 1427 г.

1) Описано у Г. Крыжановскаго: „Рукописныя евангелія кievскихъ книгохранилищъ“ (Кievъ 1889), стр. 53—82; о хронологической датѣ—см. у Срезневскаго: „Свѣд. и зам.“, т. II, № 79, стр. 555. Къ сожалѣнію, на рукописи не сказано, гдѣ именно она писана, а особенности языка писца прорвались въ ней лишь такія, какія одинаково свойственны и малоруссу-польшукѣ и бѣлоруссу.

2) Издана Срезневскимъ: „Свѣд. и замѣтки“, т. II, № 53 (стр. 213—214) и (плохо) Я. Головацкимъ въ львовскомъ „Науковомъ Сборникѣ“ 1867 подъ № 23 (то же въ отдѣльномъ отпечаткѣ: „Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго“, Льв. 1867, стр. 22—23).

3) См. у меня въ „Филологіи и Погодинской гипотезѣ“, стр. 83—84. Текстъ (неисправно) изданъ Я. Головацкимъ: „Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго“ (Львовъ 1867), стр. 20,—перепечатка изъ „Актѣвъ Западной Россіи“, т. I, стр. 28, Подлинникъ—въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

4) Грамота 1424 г. (по оригиналу Пулавской бібліотеки) изд. въ „Актахъ, относ. къ ист. Южн. и Запад. Россіи“, т. I, стр. 8—9 (= № 15). Перепечатана у Головацкаго, № 35 (=стр. 39—40).

князя Долголдата Долголдатовича ¹⁾); д) Киевская грамота 1442 г. кн. Швитригайла на имѣніе Михлинъ (=Мглинъ) ²⁾; — е) Киево-Печерская духовная 1446 г. князя Андрея Владиміровича (Ольгердова внука ³⁾); — ж) Грамота 1459 г. Семена Одельковича, кievскаго князя, выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ ⁴⁾. Немалую пользу приноситъ намъ для изученія судебъ вост.-мр. нарѣчія и официальная опись кievскихъ земель около

¹⁾ См. у меня въ „Филологіи и Погод. гипот.“, стр. 79—80. Въ переизданный мною текстъ записи Долголдата Долголдатовича 1427 г. вкрались (въ виду отсутствія моей корректуры) опечатки. Онѣ отмѣчены въ предисловіи на стр. XVII. Впервые текстъ изданъ у Срезневскаго: „Свѣд. и замѣтки“, т. II, 392. Грамота вписана на послѣднемъ листѣ Евангелія 1411 г. кievскаго Никольскаго монастыря, которое однако къ исторіи кievской рѣчи отношенія не имѣетъ, потому-что переписано заходящимъ монахомъ-великоруссомъ. См. у меня въ „Филологіи и Погод. гипотезѣ“, стр. 39—40.

²⁾ Грам. 1442 г. изд. въ „Актахъ относ. къ ист. Юж. и Зап. Россіи“, т. I, стр. 14—15 (=№ 21). Оттуда перепечатана Головацкимъ, № 49 (=стр. 58—59), причемъ Головацкій, по своему обычаю, внесъ въ текстъ свои поправки.

³⁾ У меня въ „Филол. и Погод. гипот.“, стр. 80 — 82, даны о грам. 1446 года невѣрные свѣдѣнія, потому-что я тогда, когда писалъ о ней, пользовался не рукописнымъ подлинникомъ, а изданными печатными текстамп. Издана она плохо въ I томѣ Актовъ Зап. Россіи, откуда ея текстъ (въ еще болѣе неисправномъ видѣ) перепечатанъ Я. Головацкимъ № 51 (=стр. 60—62). Но самое неточное ея изданіе—въ польскомъ „Athenaeum“ 1842, т. II (стр. 32 об.), откуда она перепечатана у Антоновича съ Козловскимъ: „Грамоты великихъ князей литовскихъ“ (Кіевъ 1868, отд. изъ „Унив. Изв.“), стр. 10—11. Подлинникъ—въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ.

⁴⁾ См. у меня въ „Филологіи и Погодинской гипотезѣ“, стр. 82—83. Текстъ изданъ у Антоновича и Козловскаго: „Грамоты вел. кн. литовскихъ“, стр. 19—20. Въ архивѣ Киевской Археологической Комиссіи хранится снимокъ съ грам. 1459 г., сдѣланный на сквозной бумагѣ и вполне замѣняющій подлинную грамоту въ палеографическомъ отношеніи.

1470 г. ¹⁾. Документы на польскомъ языкѣ, происходяще изъ Кіевщины, Черниговщины и другихъ мѣстъ восточной Украины, тоже не разъ бываютъ очень полезны для уясненія вост.-мр. фонетики XV в.

д) *Отъ начала XVI вѣка* восточно-малорусскіе памятники (и документы, и церковные) постепенно дѣлаются все болѣе и болѣе обильными, и ихъ всѣхъ перечислять мы не можемъ. Изъ свѣтскихъ документовъ XVI вѣка слѣдуетъ однако здѣсь отмѣтить большія официальные описи, на которыя мы не разъ будемъ дѣлать ссылки: опись Кіевского замка 1552 года ²⁾, опись Черкасского замка ³⁾ и другихъ, а также разныя „книги бгродскія“, хранящіяся въ кіевскомъ и другихъ архивахъ. Изъ церковныхъ памятниковъ заслуживаютъ большаго вниманія, какъ легко доступныя, рукописи кіевскихъ книгохранилищъ: — а) Евангеліе изъ Полтавщины 1570 г. ⁴⁾, б) Евангеліе Кіево-Михайловскаго монастыря XVI в. ⁵⁾, в) Евангеліе изъ Черниговщины XVI в. ⁶⁾, г) Евангеліе изъ Тавріи XVI в. ⁷⁾; при нихъ имѣются также приписки, болѣе или менѣе живого характера. Заслуживаютъ также вниманія кіевскіе помянники XVI вѣка. Одинъ изъ нихъ болѣе ранній — Кіев-Опечерскій Помянникъ первой половины XVI вѣ-

¹⁾ Издана опись Кіевщины ок. 1470 г. проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ „Архивѣ юго-западной Россіи“, часть VII, томъ 2-ой, (ч. 1).

²⁾ Изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, т. VII, ч. 1.

³⁾ Издана тамъ же, т. VII, ч. 1.

⁴⁾ Описано у Г. Крыжановскаго: „Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ“ (Кіевъ 1889), стр. 194—208. Переписчикъ былъ родомъ повидимому изъ с. Терпы подъ Лубнами.

⁵⁾ Крыжановскій, стр. 203—216.

⁶⁾ Крыжановскій, 216—225.

⁷⁾ У него же, стр. 225—234.

ка ¹⁾; другой начинается со второй половины XVI в., — это Помянникъ Кіево-Михайловскаго монастыря ²⁾. Несмотря на то, что въ нихъ вписано множество именъ и сообщенийъ отъ чужихъ, пришлыхъ немалорусскихъ паломниковъ, стежавшихся на поклоненіе къ славнымъ кіевскимъ святынямъ отовсюду (особенно изъ Бѣлоруссіи), и не смотря на то, что часть иноковъ, пестувавшихъ въ святыне кіевскіе монастыри, бывала родомъ даже „зъ Москвы“ (какъ это видно изъ помѣтокъ на самыхъ записяхъ), кіевскіе помянники эти, часто записанные прямо по слуху отъ простыхъ людей, могутъ служить превосходнымъ матеріаломъ для уясненія звукового характера тогдашнихъ кіевскихъ, полѣсскихъ, черниговскихъ, полтавскихъ и другихъ восточно-малорусскихъ именъ и нѣкоторыхъ словъ и формъ; пришлый же немалорусскій богомольческій элементъ отдѣлится въ записяхъ не очень трудно потому, что въ большинствѣ случаевъ пришлые богомольцы или монахи бывали бѣлоруссами и великоруссами, сильно акающими, и ихъ имена и сообщения очень рельефно отличаются отъ мѣстныхъ, отъ малорусскихъ ³⁾.

е) Для сужденія о состояніи восточно-малорусскаго нарѣчія *XVII-го и XVIII-го вѣковъ* мы обладаемъ прямо подавляющей массой матеріала (цѣлыми архивами) и притомъ самаго разнообразнаго содержанія: тутъ и религіозно-ученыя сочиненія, на церковно-малорусскомъ жаргонѣ, и учительныя евангелія, близкія къ народному языку; тутъ и канцелярскіе доку-

¹⁾ Изданъ С. Голубевымъ въ кіевскихъ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Нестора Лѣтописца“, книга VI (=1892).

²⁾ Изданъ въ тѣхъ же кіевскихъ „Чтеніяхъ“, кн. XVII (=1903). и кн. XVIII (=1904) г-жею Е. И. Де-Витте.

³⁾ Анализъ нѣкоторыхъ начертаній кіевскихъ помянниковъ XVI в. см. у меня въ „Древне-кіевскомъ говорѣ“ (отт. изъ „Извѣстій“ Акад. Наукъ отдѣл. русск. яз. 1906), гл. VI.

менты, тутъ и частная переписка и дневники, тутъ и лѣтописи, тутъ и драмы съ народными интерлюдіями; тутъ и вирши бродячихъ „дяків-пивоізіів“, предшественниковъ Ботляревскаго, и пр., и пр. ¹⁾. Имѣется отъ этихъ двухъ вѣковъ и богатая печатная литература, которая, правда, всегда составлялась (согласно съ эпохальной грамматикой Мелетія Смотрицкаго, изд. 1618 г.), на болѣе искусственномъ и болѣе мертвомъ славянско-малорусско-польскомъ языкѣ, чѣмъ обиходные дѣловые документы и тому подобный рукописный матеріалъ, но которая тѣмъ не менѣе все же была, по своему, малорусская ²⁾.

§ 8. Западно-малорусскіе памятники XIII—XVI вѣка.

Насчетъ тѣхъ старинныхъ западно-малорусскихъ памятниковъ, которые написаны послѣ упомянутыхъ въ § 6, — т. е. сверхъ списка XI вѣка (предположительно червонорусскаго, а не кіевскаго) „Словъ Григорія Богослова“ и Галицкаго Евангелія 1144 г. изъ Крылоса, — мы обставлены во многихъ отношеніяхъ гораздо лучше, чѣмъ насчетъ памятниковъ восточно-малорусскихъ, отмѣченныхъ въ § 7. Отъ конца XII-го до начала XV-го вѣка мы имѣемъ, во-1-ыхъ,

¹⁾ Все это печатается въ специальныхъ ученыхъ изданіяхъ (между прочимъ въ „Кіевской Старинѣ“).

²⁾ Анализъ этого малорусско-схоластическаго языка XVII—XVIII столѣтія сдѣланъ П. И. Житецкимъ: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в.“ (Кіевъ 1889). — Для быстрыхъ справокъ удобна работа В. Шимановскаго: „Очерки по исторіи русскихъ нарѣчій. Черты южно-русскаго нарѣчія въ XVI и XVII вв.“ (Варш. 1893). — Языкъ черниговца Антонія Радивиловскаго (ум. 1688) не совсѣмъ удачно характеризуванъ у М. Марковскаго: „Антоній Радивилловскій“ (Кіевъ 1894), стр. 119—187.

десятокъ рукописей церковныхъ (если же считать и мелкіе обрывки, то даже много больше десятка), переписанныхъ въ Галичинѣ съ Буковиною и на Волыни и проявляющихъ, сквозь чужую оболочку мертваго церковно-славянскаго языка, нѣкоторыя характерныя особенности галицкихъ и волынскихъ говоровъ XIII—XV вѣка (а ужъ отъ XV вѣка—число западно-малорусскихъ церковныхъ рукописей, дошедшихъ до насъ, обазывается даже изряднымъ); а во-2-ыхъ,—что самое главное.—мы имѣемъ большое количество подлинныхъ галицкихъ, подольскихъ и волынскихъ грамотъ, написанныхъ почти совсѣмъ народнымъ тогдашнимъ западно-малорусскимъ языкомъ XIII—XV вѣка. И если тотъ десятокъ церковныхъ галицко-волынскихъ памятниковъ (Евангелій и т. п.), переписанныхъ на чужомъ славянскомъ языкѣ, оказывается обыкновенно обезображенъ обильнымъ лжеорфографическимъ написаніемъ буквы ѣ вмѣсто буквы е (типа „онъ ѣа будѣтъ“ вмѣсто „онъ не будѣ [тъ]“ и т. п.), при которомъ эти рукописи имѣютъ крайне немалорусскій видъ, то наличность большого количества одновременныхъ грамотъ, хорошо обрисовывающихъ подлинную живую тогдашнюю западно-малорусскую рѣчь, позволяетъ намъ легко разобратъся также въ церковныхъ памятникахъ, позволяетъ примѣнить и къ нимъ успѣшную критику и извлечь изъ нихъ (а именно изъ невольныхъ описокъ копистовъ) очень многія цѣнныя угазанія для исторіи галицкихъ и волынскихъ говоровъ XIII—XV вв. Изъ живыхъ западно-малорусскихъ грамотъ только буковинскія (молдавскихъ господарей) страдают иногда (но и то въ малой степени) присутствіемъ лжеэтимологическаго ѣ, потому-что Буковина съ частью южной Галичины подчинялась, какъ и вся Молдавія и Валахія, зависѣвшія отъ болгарскаго патріарха, церковному вліянію южнославянскому и не могла всецѣло убѣжать отъ южнославянскаго

правописанія; однако въ виду того, что букву **ѣ** буковинцы читали на болгарскій ладъ за **я** (а не такъ, какъ галичане, волыняне, кievляне, переяславцы и черниговцы), **лжеэтимологическое начертаніе буквы ѣ** вмѣсто **є** въ буковинскихъ рукописяхъ сразу осязается какъ элементъ, не могущій ввести въ обманъ, и рельефно отдѣляется въ качествѣ неорганическаго чужого наслоенія, не могущаго заслонить живую, яркую и чистую малорусскую суть буковинскихъ грамотъ.

Примѣчаніе. Конечно, при крайне изобильной замѣнѣ буквы **є** буквою **ѣ**, оказывается извѣстный (очень небольшой) процентъ случаевъ, въ которыхъ буква **ѣ** (вм. **є**) галицко-волыньскихъ церковныхъ рукописей XIII—XV в. (равно какъ южнославянскихъ, бѣлорусскихъ, новгородскихъ, московскихъ и др.) бываетъ похожа на малорусизмъ. Чаще всего, правда, даже такое сходство — чисто мнимое, какъ, напримѣръ, въ церковной орфографіи XII—XV в. „на нашѣмъ“, „на нашѣй“. Вѣдь, хотя у современныхъ малоруссовъ говорится „на нашѣм“ и „на нашѣй“, но мы (даже документально) знаемъ, что въ XI—XII вѣкѣ малоруссы произносили эти формы со звукомъ **о** („на нашомъ“, „на нашом“), а въ XIII—XV вѣкѣ здѣсь у нихъ слышался дифтонгъ **уо** („на нашуом[ь]“, „на нашуой“), а не тотъ звукъ, который могъ бы быть выраженъ буквою **ѣ**; произношеніе съ **і** возникло здѣсь изъ дифтонга только въ половинѣ XVI столѣтія. — Иногда впрочемъ (по такихъ случаяхъ очень мало) начертанію **ѣ** вмѣсто **є** въ церковныхъ памятникахъ XIII—XV вѣка дѣйствительно могъ соответствовать и въ живой тогдашней малорусской рѣчи звукъ **і** или **іѳ**: таковы, напр., церковныя начертанія: „камѣнисѣ“ и „весѣлисѣ“ (срав. архаичное малорусское „камѣньє“ и „весѣльє“, украинск. „камѣння“ и „весѣлля“). Но и такимъ церковнымъ начертаніямъ (рукописей и малорусскихъ, и бѣлорусскихъ, и великорусскихъ) мы не можемъ придавать ни малѣйшаго малорусскаго значенія, потому что рядомъ тамъ же находимъ подавляющую массу начертаній буквы **ѣ** вмѣсто **є** и вмѣсто **ь** (и по лжеорфографической системѣ, и въ хаотической безсистемности), — массу, которая оказывается рѣзко антима­лорусской и противорѣчающей какъ живымъ галицко-волыньскимъ грамотамъ XIII—XV в., такъ и фактамъ современнаго малорусскаго языка. Тѣмъ не менѣе **А. Соболевскій** (ученый, которому даже по безпри-

страстной оцѣнкѣ очень тактичнаго покойнаго акад. Пыпина, слѣдовало бы служить „въ учрежденіи, вѣдающемъ дѣла о гражданской благонадежности“, — см. Вѣстн. Европы 1891, апр., стр. 885) рѣшилъ въ своихъ „Очеркахъ“ и кое-какихъ статьяхъ признать всѣ случаи церковнаго написанія буквы ѣ вмѣсто буквы є за малоруссизмы и окрестилъ такую церковную орфографію „галицко-волинскимъ ѣ“. Чтобы соблюсти послѣдовательность, онъ и всѣ бѣлорусскія, новгородскія, псковскія, московскія и т. п. церковныя рукописи съ такимъ ятемъ призналъ за писанныя „галицко-волинскими уроженцами“, хотя бы на нихъ стояла ясная записъ, или иная примѣта, указывающая на новгородское или иное великорусское или бѣлорусское происхожденіе писцовъ (начиная съ новгородскаго Добрилова Евангелія 1164 г. и кончая новг. Ипатскимъ спискомъ лѣтописи XV в.). На основаніи подобранныхъ такимъ образомъ многочисленныхъ (18) немалорусскихъ рукописей, съ прибавленіемъ менѣе численныхъ (около 10) церковныхъ галицкихъ и волинскихъ, г. Соболевскій принялся характеризовать „галицко-волинскій говоръ XIII—XV в.“ и, ретроспективно, рѣчь болѣе ранней эпохи. Получилась дикая картина. Такая препарированная г. Соболевскимъ „галицко-волинская“ рѣчь XIII—XV в. оказалась у него, какъ и слѣдовало ждаты, не самостоятельнымъ малорусскимъ языкомъ, а только „галицко-волинскимъ говоромъ“, который въ старину отъ другихъ русскихъ (бѣлорусскихъ и великорусскихъ) говоровъ отличался „лишь самыми незначительными чертами“ и который лишь подъ влияніемъ Польши обратился въ „малорусское нарѣчіе“, продолжавшее впрочемъ совмѣстно раздѣлять даже въ періодъ XIII—XV в. всѣ особенности великорусскихъ нарѣчій: и ихъ фонетику, и ихъ склоненія и спряженія, и ихъ словарный составъ, и ихъ обороты рѣчи. Такъ какъ при своей обрусительной ненависти къ малоруссамъ г. Соболевскій абсолютно не знаетъ и даже прямо не понимаетъ презрѣваго малорусскаго языка, то тенденціозно нарисованная имъ „общерусская“ картина „галицко-волинскаго говора“ XIII—XV вв. показала ему, повидному, даже не противоестественной, — и онъ пустился въ своихъ „Очеркахъ“ въ наивныя (но, быть можетъ, отчасти добросовѣстныя) соображенія, что эта картина даже не находится въ противорѣчій съ нынѣшней малорусской фонетикой... Но изъ этихъ его соображеній оказывалось, что писцы „галицко-волинскаго ѣ“ выражали-де этой одной буквой не то пять, не то семь разныхъ своихъ звуковъ! Надлежащую оцѣнку такому „галицко-волинскому ятю“ г. Соболевскаго далъ извѣстный историкъ малорусскаго языка П. И. Житенкій. Еще

въ 1883 г. въ своемъ рефератѣ въ кievскомъ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца П. И. Житецкiй выразилъ крайнее удивленiе, что г. Соболевскiй „наивно убѣжденъ, будто всѣ отмѣченные имъ примѣры на **ѣ** вмѣсто **ѣ** имѣють малорусскiй характеръ“. А въ своемъ „Очеркѣ литерат. ист. мр. нарѣчiя“ П. И. Житецкiй резюмировалъ толкованiя г. Соболевскаго такъ: „Старый **ѣ**, по словамъ г. Соболевскаго, былъ долгъ, произносился какъ мягкое **ѣ**, но всегда имѣлъ склонность къ переходу въ **і**. Относительно новаго **ѣ** г. Соболевскiй думаетъ двояко: съ одной стороны это было долгое **ѣ**, которое однако же въ нѣкоторыхъ случаяхъ... не подвергалось измѣненiю и осталось краткимъ. Эта двойственность въ возрѣнiи г. Соболевскаго на новый **ѣ** выступаетъ еще рѣзче въ слѣдующихъ словахъ: „новый **ѣ** первоначально отличался отъ **ѣ** только количествомъ; имѣя всѣ качества **ѣ**, и въ ихъ числѣ склонность къ переходу въ **о**, которой не имѣлъ древнiй **ѣ**, онъ никогда не былъ тождественъ съ этимъ послѣднимъ. Впрочемъ, въ этомъ новомъ **ѣ** сохранилась и еще черта, роднящая его съ древнимъ **ѣ**. Можно думать, говоритъ г. Соболевскiй, что **ѣ** переходитъ въ **о** чаще, чѣмъ **ѣ**, вѣроятно потому, что онъ сохранилъ древнюю мягкость“. Повторивши всѣ эти противорѣчивыя утвержденiя г. Соболевскаго, П. И. Житецкiй пытается ихъ резюмировать: „Такимъ образомъ, новый **ѣ** есть отчасти долгiй, а отчасти краткiй звукъ, кое-что онъ сохранилъ изъ древняго **ѣ**, но не все, кое-что изъ основнаго **ѣ**, но не все; въ немъ есть *всѣ условiя для того, чтобы сдѣлаться вѣмъ чѣмъ угодно*“... Естественно, что такой новый **ѣ** г. Соболевскаго признается П. И. Житецкимъ за „фигуривный, составленный изъ разнообразныхъ и отчасти несовмѣстимыхъ элементовъ“, и представленiя г. Соболевскаго за „сбивчивыя и неопредѣленныя“, тѣмъ болѣе, что „въ изслѣдованiи г. Соболевскаго, кромѣ этого новаго **ѣ** изъ **ѣ**, указаны по галицко-волынскимъ памятникамъ еще два новыя **ѣ**“. Раньше П. Житецкаго оцѣнку этой „галицко-волынскон“ буквѣ **ѣ** произнесъ вкратцѣ, но очень мѣтко, акад. Потебня: „Возможно, что именно-ѣнъ-ѣ и-ѣль-ѣе выражается написанiемъ -ѣнъ-ѣе и -ѣль-ѣе въ южнорусскихъ памятникахъ (с-п-а-ѣнъ-ѣе, в-ѣ-ѣ-ѣ), но при этомъ нужно бы предположить, что въ этихъ случаяхъ буква **ѣ** имѣетъ другое значенiе, чѣмъ въ „онъ идѣтъ, одѣжа, составлѣнъ“. (См. „Отчетъ о 20-мъ присужденiи Уваровскихъ наградъ“, отдѣльн. отт., стр. 37—38). Потебня зналъ малорусскiй языкъ и былъ филологомъ, а не начетчикомъ.

Укажемъ главнѣйшіе источники для изученія зап.-малорусскаго нарѣчія XIII—XV в., причѣмъ изъ дошедшихъ до насъ церковныхъ памятниковъ XV вѣка (сравнительно обильныхъ) отмѣтимъ лишь немногіе. Дѣло въ томъ, что западный малорусскій языкъ XV вѣка былъ почти ужь тѣмъ самымъ языкомъ, каковымъ говорятъ западные малоруссы и теперь, главное его развитіе состоялось еще до XV вѣка, да къ тому же отъ XV вѣка мы имѣемъ много документовъ живыхъ свѣтскихъ, такъ что считается со *всѣми* тогдашними памятниками церковными, при ихъ мертвомъ церковно-славянскомъ языкѣ, ужь не стѣбитъ въ такой степени, въ какой мы считаемся съ церковными памятниками XII—XIV вв. Эти послѣдніе имѣютъ, напротивъ, большое значеніе, и съ нихъ мы начнемъ свой обзоръ ¹⁾.

1) Большую ихъ часть описалъ, съ филологической стороны, А. Соболевскій, преимущественно въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка“ (Кіевъ 1884, отд. изъ „Универс. Извѣстій“). Въ этихъ описаніяхъ, какъ полагается, указаны главныя особенности правописанія галицко-волынскихъ памятниковъ, уклоненія ихъ отъ старѣйшей церковно-славянской орфографіи, и т. п., и это сдѣлано съ достаточной подробностью. Къ сожалѣнію, надо всегда помнить, что всѣ труды г. Соболевскаго (бывающаго почетнымъ предсѣдателемъ на собраніяхъ „русскихъ людей“) явно преслѣдуютъ не столько научную, сколько тенденціозно-политическую (обрусительную, антиукраинскую и т. п.) цѣль, и потому его описанія ненадежны и должны быть непременно провѣряемы. Такъ, г. Соболевскій способенъ на утаиваніе фактовъ, на сознательныя поддѣлки, на завѣдомо лживыя истолкованія и т. п., а вдобавокъ онъ совершенно не понимаетъ малорусскаго языка. Встрѣтитъ онъ въ старомъ памятникѣ упоминаніе про запущенную церковь, „пыломъ припалую“ (=покрывшуюся пылью),—онъ это переводитъ: „возникшую благодаря усердію“! Встрѣтитъ онъ въ памятникѣ написаніе: „по Волгѣдрисѣ“ (=по Олгѣдрисѣ),—онъ образуетъ именит. падежъ „Волгѣдрисъ“ и находитъ эту созданную имъ форму „Волгѣдрисъ“ очень недурнымъ малорусскимъ уменьшительнымъ именемъ отъ Владиміръ или Володарь, по типу

а) *Церковныя* галицко-волинскія рукописи XIII—XV вѣка — слѣдующія: а) галицкій Христинопольскій Апостолъ XII—XIII вѣка ¹⁾; б) Галицкое Евангеліе 1283 г. поповича Евсевія, списанное съ балканской рукописи и, очевидно, обязанное своему балканскому оригиналу какъ многими сербизмами вообще, такъ и обиліемъ написанія буквы *ъ* вмѣсто буквы *є* ²⁾; поповичъ Евсевій читалъ на

„Петрусь“. Встрѣтитъ онъ въ современной полтавской сказкѣ опечатку: „зорвеси і заховаєм“ вмѣсто „зорвем і заховаем“ (=сорвемъ и спрячемъ), — онъ сейчасъ же принимаетъ опечатку „зорвеси“ за 2-ое л. ед. ч. и увѣряетъ, будто у полтавцевъ этотъ глаголъ спрягается такъ: „я зорву, ти зорвеси“ и т. д. Встрѣтитъ г. Соболевскій въ львовской грамотѣ (1400 г.) форму двойств. числа: „безо дву купу“ (= безъ 2 копъ), гдѣ неудачное *о* въ „копу“ передано черезъ *у*, — онъ это читаетъ: „без одвукупу“ и смѣло образуетъ новое словечко: „одвукупъ“ (въ смыслѣ якобы „выкупъ“, „отвыкупъ“, Очерки, 64, 102); а для пушей вѣрности онъ, цитируя эту грамоту въ своихъ „Лекціяхъ“ (1903, стр. 109), совершаетъ прямой подлогъ, вставляя букву *ъ*, которой нѣтъ въ оригиналѣ, и цитируетъ данное мѣсто въ видѣ: „безъ одвукупу“. Возможно, что, при своемъ чудовищномъ, элементарномъ незнаніи малорусскаго языка, г. Соболевскій въ описаніи и объясненіи галицкихъ и волинскихъ памятниковъ допускаетъ, сверхъ искаженій тенденціозно-сознательныхъ, кучу искаженій бессознательныхъ. Примеры какъ недобросовѣстныхъ, такъ и просто бессознательныхъ искаженій, производимыхъ г. Соболевскимъ, я въ большомъ количествѣ имѣлъ возможность указывать въ своей „Филологіи и Погодинской гипотезѣ“ (К. 1904) и „Диалектологічнихъ критеріяхъ“ (Львів 1906), а кромѣ того въ своей работѣ: „Древне-киевскій говоръ“, которая напечатана въ „Извѣстіяхъ Академіи Наукъ“ (по Отдѣленію русскаго языка и словесности), 1906.

¹⁾ Христинопольскій Апостолъ XII—XIII в. изданъ въ Вѣнѣ Э. Калужняцкимъ: Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice, ad fidem Codicis Christinopolitani (Vindobonae, 1896).

²⁾ Евангеліе поповича Евсевія 1283 г. сперва было вкратцѣ описано С. Долговымъ въ „Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замяткахъ“ 1893, № 11 (стр. 421—424) и въ отчетѣ Румянцовскаго музея за 1892—1894 г., равно какъ Г. Воскресенскимъ въ „Евап-

болгарскій ладъ букву ѣ за я, и, потому, переписывая свой балканскій оригиналь, часто замѣнялъ буквою а букву ѣ своего подлинника (напр., онъ писалъ не только „нѣ имать“, какъ было въ балканскомъ подлинникѣ, но и „на имать“ л. 135 об.; онъ писалъ: „въ всамъ мирѣ“ л. 1 об., „камань“ л. 71 и др.); вѣроятно, онъ жилъ въ Буковинѣ или южной Галичинѣ; — в) (повидимому, буковинское) болгарско-Софійское Евангеліе второй половины XIII вѣка, списанное тоже, какъ и евангеліе поповича Евсевія 1283 г., съ балканскаго оригинала ¹⁾; — г) Галицкое Евангеліе 1266—1301 г., которое точнѣе можетъ быть датировано или какъ памятникъ 1282 года ²⁾, или 1288 года ³⁾; переписалъ его „прозваторъ“ (пресвитеръ) Георгій ⁴⁾; — д)

геліи отъ Марка“ (Сергіевъ Посадъ 1894, стр. 33—34); а подробнѣе—А. Соболевскимъ въ кievскихъ Несторовыхъ „Чтеніяхъ“, кн. XII. (= 1898), стр. 3—4. Рукопись—въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ.

¹⁾ Хранится въ болгарской столицѣ Софін въ „Народной Библиотекѣ“, № 199. Это буковинское Евангеліе XIII в. описалъ г. Соболевскій въ кievскихъ Несторовыхъ „Чтеніяхъ“, кн. XII (= 1898), стр. 7—10; описаніе—тенденціозное.

²⁾ См. у М. Грушевського: „Історія Руси-України“, 2-ое изд. (Львовъ 1905), стр. 404.

³⁾ См. у Срезневскаго: Свѣд. и Зам., т. II, стр. 376; Древн. пам., 2-ое изд., стр. 158.

⁴⁾ Характеризовано Евангеліе 1266—1301 г. А. Соболевскимъ въ „Очеркахъ“, № 6 (стр. 20—26); срв. у меня въ „Критеріяхъ“, стр. 1—12. и тѣ добавки, которыя будутъ приложены къ концу нынѣшней грамматики). Другія черты Евангелія 1266—1301 г. указаны во многихъ мѣстахъ книги В. Шимановскаго: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ“ (Варш. 1887, при 1-мъ изд. Изборника 1076 г.). Нѣкоторыя черты, упущенныя изъ виду и г. Соболевскимъ и г. Шимановскимъ, отмѣчены порознь въ каждомъ изъ болѣе раннихъ описаній памятника, которыя дали: Вольтеръ въ Archiv für slavische Philologie, т. VI (= 1882), стр. 620—624, и Срезневскій: „Свѣд. и Зам.“, т. II, № 63 и № 69. Огрывки

Холмское Евангеліе XIII—XIV в. ¹⁾); — е) вѣроятно, галицкій Вѣнскій Октоихъ около XIII в. . извѣстный на западѣ подъ названіемъ Codex Hankensteinianus, по имени своего прежняго владѣтеля ²⁾); — е) Пандекты Антіоха 1307 г. ³⁾), хранящіеся въ Львовѣ и писанные, вѣроятно, галичаниномъ ⁴⁾); — з) Буцацкое Евангеліе ок.

изданы тамъ же въ „Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ“, т. II (стр. 375 и 430—439) и въ кievскихъ „Универс. Извѣстіяхъ“, 1884 (№ 6, прибавл. III, стр. 37—43). Подлинникъ—въ Импер. Публ. Библ., ф. I. 64.

1) Объ особенностяхъ Холмскаго Евангелія XIII—XIV в. см. краткѣ у Востокова: „Описаніе рукописей Румянц. Музея“, стр. 173—174, и подробнѣе у Соболевскаго въ „Очеркахъ“, № 7, стр. 26—29 (Срв. у меня въ „Критеріяхъ“, стр. 24—25). Отрывки изданы въ кievск. „Университ. Извѣстіяхъ“, 1884, декабрь (прилож. I, стр. 44—51).

2) Вѣнскій Октоихъ XIII в. описанъ въ „Очеркахъ“ Соболевскаго, № 5 и № 14—стр. 18—20 и 48—50 (срв. у меня въ „Критеріяхъ“, стр. 45—46) и у Г. Воскресенскаго въ „Славянскихъ рукописяхъ, хранящихся въ заграничныхъ библіотекахъ“ (въ 31-мъ томѣ „Сборника отдѣл. р. яз. и слов. Имп. Ак. И.“ 1882, стр. 36—39). Хотя г. Соболевскій и имѣлъ въ рукахъ описаніе Г. Воскресенскаго, однако многими данными, сообщенными у Г. Воскресенскаго, онъ (умышленно или неумышленно) не воспользовался, напр. указаніемъ, что лжеореографическое ѣ (вмѣсто є) можетъ чередоваться съ буквою ѣ („помышлѣннѣ“—и „помышльннѣ“ л. 142, „смотрѣннѣ“ и „смотрьннѣ“ л. 143, и пр.). — О хронологической датѣ Вѣнскаго Октоиха см. Archiv für slavische Philologie, т. VII (= 1884), стр. 507.

3) Описаны Пандекты 1307 г. по частямъ у А. Кочубинскаго сперва въ его отчетѣ о заграничной командировкѣ (въ „Запискахъ Новороссійскаго у-та“, т. XVIII), а потомъ подробнѣе и съ выписками текста—въ „Отчетѣ о 32-мъ присужденіи награды гр. Уварова“ (СПБ. 1892, прилож. къ 69-му тому „Записокъ Имп. Акад. Наукъ“), въ разборѣ книги П. И. Житецкаго. Теперь рукопись, вѣроятно, въ библіотекѣ львовскаго „Народнаго дома“, въ т. н. музеѣ А. Петрушевича.

4) Специально-малорусскихъ особенностей переписчикъ Пандектовъ 1307 г. не проявилъ (срв. у меня въ „Критеріяхъ“, стр.

XIV в. ¹⁾); — и) волынское Лудкое Евангеліе XIV в. ²⁾); — i) буковинское Путенское Евангеліе XIV в. (изъ монастыря въ Путнѣ) ³⁾); — к) особо стоитъ т. н. Евангеліе Верковича XIV в. ⁴⁾), переписанное не малоруссомъ, а какимъ-то волохомъ изъ Молдавіи, который едва-ли понималъ то, что переписывалъ. — Изъ церковныхъ зап.-мр. рукописей XV-го столѣтія назовемъ только четыре: — л) галицкое Каменецъ-Струмиловское Евангеліе 1411 г. ⁵⁾); — м) Львовское Евангеліе 1423 г. кievской Десятинной церкви ⁶⁾); — н) волынскій Антоновецкій Апостоль XV в., изъ с. Антоновець Кременецкаго уѣзда ⁷⁾); — о) волынское Четвертинское Еван-

44—46), но онъ проявилъ множество такихъ діалектическихъ чертъ, которыя общи и малорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ.

1) Хранится въ Ставропигійскомъ Институтѣ во Львовѣ.

2) Недурно характеризовано Лудкое Евангеліе у Востокова въ Описаніи рукоп. Румянц. музея (стр. 176—179), подробнѣе — у г. Соболевскаго: „Очерки“, № 11, стр. 40—46 (срв. мои „Критеріи“, стр. 8). Отрывки изданы въ кievск. „Универс. Изв.“, 1885, янв. (прилож. III, стр. 68—75).

3) Издано Путенское Евангеліе Э. Калужняцкимъ: Monumenta linguae palaeoslovenicae: I. Evangelium Putnanicum (Вѣна 1888).

4) Описалъ Евангеліе Верковича XIV вѣка А. Никольскій въ „Русскомъ Филолог. Вѣстн.“ 1894, кн. 4, стр. 276—294.

5) Подробно описалъ Каменецъ-Струмиловское Евангеліе 1411 года Г. Крыжановскій: „Рукописныя Евангелія кievскихъ библиотекъ“ (Кіевъ 1889), стр. 105—131. Срав. еще его (не очень удачную) статью: „Кам.-Стром. Тетровевангеліе 1411 г. и Волынское нарѣчіе въ XIV—XV вѣвѣ“ — въ Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1887, № 17 и № 18.

6) О Львовскомъ Евангеліи 1423 г. есть нѣсколько словъ у Н. Петрова въ его „Описаніи рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, (отт. изъ „Чтеній въ Общ. Ист. и Древн.“). Также см. „Кievскія Епарх. Вѣдом.“ 1874, № 12, стр. 307.

7) Антоновецкій Апостоль описанъ М. Карпинскимъ въ „Русскомъ Филол. Вѣстн.“ 1888, т. XIX, стр. 68—73.

геліе конца XV вѣка ¹⁾. Четвертня — Луцкаго уѣзда.

Какъ писанные мертвымъ церковно-славянскимъ языкомъ съ малорусскими южно-славянскими церковными наслоениями, эти буг.-галиціе и волынскіе списки евангелій, конечно, далеко не всегда могутъ быть вполнѣ надежнымъ критеріемъ для уясненія тогдашней западно-малорусской рѣчи XIII—XV вѣка. Кромѣ того (объ этомъ мы уже упоминали), большою и сбивчивою помѣхою при изученіи зап.-малорусскаго языка по этимъ церковнымъ памятникамъ оказывается лжеореографическое, въ высшей степени антимапорусское написание здѣсь буквы ѣ вмѣсто є; положимъ, оно примѣнено не во всѣхъ нихъ (такъ Каменецъ-Струмиловское Евангеліе 1411 г., Антоновецкій Апостолъ и Четвертинское Евангеліе свободны отъ этой лжеореографіи, — очевидно, по той причинѣ, что писаны въ провинціальныхъ закаулкахъ, простыми людьми, не знавшими школьныхъ лжеореографическихъ ухищреній), но оно примѣнено въ остальныхъ. Все же ими можно пользоваться (для другихъ пунктовъ) съ большей или меньшей увѣренностью, чего никакъ нельзя сказать про бѣлорусскій списокъ Поученій Ефрема Сиріна 1492 г. ²⁾, который списанъ бѣлоруссомъ съ во-

¹⁾ Четвертинское Евангеліе описано Г. Крыжановскимъ въ работѣ: „Рукописныя Евангелія Волынскаго Епархіальнаго Древлехранилища“ (въ „Волынск. Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1895г. № 8, стр. 297—303).

²⁾ Описаны Поученія Ефрема Сиріна 1492 года И. Срезневскимъ въ „Свѣд. и Зам.“, т. 1, вып. 1-й, № VI (стр. 37—50) и систематичнѣ А. Соболевскимъ въ „Очеркахъ“, № 15 (=стр. 50—58); не мало дополненій дано В. Шимановскимъ въ книгѣ: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ“ (Варш. 1887), стр. 85—95. Рукоп. — въ Императ. Публичн. Библіотекѣ, № 71, а. Отрывки текста изданы въ „Свѣд. и Замѣткахъ“, т. 1, вып. 1-ый (стр. 27—30, 42—44, 45—46, 80—81) и въ кіевскихъ „Универс. Извѣстіяхъ“ 1885 (февр., прилож. 4-ое, стр. 83—90).

лынского оригинала 1271—1288 г.: такъ какъ рѣчь бѣлорусская имѣеть много общихъ чертъ съ малорусскою, то въ большинствѣ случаевъ мы бываемъ не въ силахъ опредѣлить съ точностью, имѣлась ли такая черта еще въ волинскомъ оригиналѣ XIII вѣка, или она внесена въ списокъ 1492 года уже бѣлоруссомъ-переписчикомъ. Иное дѣло — если мы встрѣтимъ въ бѣлорусскомъ списокѣ такія малорусскія черты, которыя чужды бѣлорусскому нарѣчію: онѣ, очевидно, прямо перенесены изъ волинскаго оригинала XIII вѣка.

б) Изъ *святскихъ* западно-малорусскихъ *памятниковъ* XIII—XV вѣковъ одинъ, который былъ бы наиболѣе для насъ важенъ, Галицко-волинская лѣтопись XII и XIII вв., до насъ въ подлинникѣ не дошелъ. Какъ было выше сказано (въ § 7), знаемъ мы галицко-волинскую лѣтопись въ новгородскомъ Ипатскомъ списокѣ XV вѣка, и этотъ списокъ замѣчательно живого галицко-волинскаго произведенія есть для изученія фонетики западно-малорусскаго нарѣчія XIII вѣка несравненно менѣе надежный источникъ, чѣмъ мертвые церковно-славянскіе памятники XIII—XV вв., переписанные руками подлинныхъ галичанъ и волянцъ. Для изученія же стариннаго западно-малорусскаго словаря и синтаксиса Ипатскій списокъ играетъ, понятно, такую же важную роль, какую играетъ Начальная и Кіевская лѣтопись для изученія стараго нарѣчія восточно-малорусскаго.

Но мы имѣемъ отъ XIII—XV в. довольно много другихъ, — прямо драгоценныхъ — источниковъ для изученія западно-малорусскаго нарѣчія того времени, — источниковъ, которые насъ съ успѣхомъ вознаграждаютъ и за искусственность церковныхъ памятниковъ Галичины и Волыни, и даже за отсутствие подлиннаго малорусскаго списка галицко-волинской лѣтописи. Это — гал. и вол. малорусскія *г р а м о т ы* (куп-

чія крѣпости, завѣщанія, княжескіе и воеводскіе указы и т. п.), которыя можно считать начиная съ т. наз. грамоты кн. Льва Галицкаго 1292 г. (поддѣланной впрочемъ едва лишь въ XIV столѣтіи)¹⁾, и которыя тянутся черезъ все XIV-ое и XV-ое столѣтіе. Писаны онѣ обыкновенно безъ книжной искусственности (и въ томъ числѣ, конечно, безъ церковнаго написанія буквы ѣ вмѣсто є)²⁾, и облигъ западно-малорусскаго нарѣчія XIII—XV вѣковъ (а ретроспективно — и XII вѣка) возстаетъ передъ нами, благодаря длиннымъ грамотамъ, съ удовлетворительной отчетли-

1) Списокъ этой мнимой грамоты 1292 г. кн. Льва Галицкаго монастырю Спасскому (какъ и другихъ приписываемыхъ ему грамотъ) имѣется въ Румянцовскомъ музеѣ, коллекція № 69. Печатно она издава (вмѣстѣ съ т. н. грамотой кн. Льва 1302 г. для епископіи Перемышльской) въ очень рѣдкой книгѣ Іосифа Левницкаго: „Grammatik der kleinrussischen Sprache“ (Przemysl 1834) = „Грамматика языка русскаго въ Галиціи“ (Перемышль 1850), откуда обѣ грамоты перепечатаны Я. Головацкимъ въ его болѣе доступной книгѣ: „Хрестоматія церковно-словенская и древно-русская въ пользу учениковъ вышшаго гимназіи въ цѣс.-корол. Австрійской державѣ“, т. I, „въ Вѣднѣ“ (=Вѣнѣ) 1854, стр. 315—316 и 316—317. Относительно хронологической даты составленія грамоты 1292 г. надо признать, что она безусловно не можетъ быть болѣе поздней, чѣмъ вторая четверть XV в., потому-что въ 1448 г. она была уже подтверждена королемъ Казиміромъ.

2) Правда, г. Соболевскій пытается и въ нихъ сыскать „галицко-волынское ѣ“, но приемы, съ которыми онъ, не зная малорусскаго языка, подступаетъ къ грамотамъ, до того потѣшны, что способны развеселить даже наиболѣе глубокаго меланхолика (см. у меня въ „Критеріяхъ“, стр. 27—29). Такъ, встрѣчаетъ г. Соболевскій въ дарственной записи XV в. на Луцкомъ Евангеліи упоминаніе про четыре иконы кованыхъ и три иконы „S вѣнници“ (=съ вѣнцами),—и, подобно тому, какъ отъ „по Волгдрисѣ“ (=по Ольдрихѣ) онъ образуетъ самодѣльный именительный падежъ „Волгдрисѣ“, такъ и отъ „з вѣнници“ (=съ вѣнцами) онъ образуетъ именительный падежъ „звеньць“ (!!!), причемъ, конечно, заявляетъ („Оч.“ стр. 60), что буква ѣ написана въ Луцкой грамотѣ вмѣсто є.

востью ¹⁾. О грамотахъ изъ Буковины рѣчь будетъ ниже.

в) Одновременныя съ этими галицкія, волынскія и подольскія польскія грамоты и документы (начальныхъ временъ литовско-польской державы) тоже являются далеко небезполезнымъ источникомъ для сужденія о типѣ зап.-вр. нарѣчія до XVI в.; латинская транскрипція галицкихъ, волынскихъ и подольскихъ именъ и словъ иногда служитъ ключемъ къ рѣшенію сбивчивыхъ вопросовъ.

¹⁾ Хорошаго, съ точностью изданнаго сборника галицкихъ и волынскихъ грамотъ нѣтъ. Наиболѣе удобно для пользованія сводное изданіе Я. Головацкаго въ львовскомъ „Науковомъ Сборникѣ“ 1867 (и отд. отт.: „Памятники дипломат. и судебно-дѣлов. яз. русск.“), но оно часто—съ подправками издателя „на общорусскій ладъ“, и малорусская окраска грамотъ сильно въ изданіи Головацкаго потускнѣла. Очень плохо также и въ разбросѣ къ тому же изданію онѣ и въ „Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy Pospolitej Polskiej, wydane staraniem Galicyjskiego wydziału krajowego“. (тт. I—VIII, 1868—1890), но при всей небрежности этого польскаго изданія текстъ грамотъ оказывается здѣсь лучше, чѣмъ тотъ текстъ, который былъ въ спискѣ доставленъ Д. Зубрицкимъ и другими москвофильствующими галичанами въ Петербургскую Археографическую Комиссію и напечатанъ въ „Актахъ, относящихся до исторіи Южной и Западной Россіи“ (СПб., т. I, 1863) * въ тому подобныхъ болѣе старыхъ изданіяхъ (напр., въ „Актахъ, отв. къ ист. Зап. Россіи“ т. I, СПб. 1846 и слѣд.). Напротивъ, съ болѣе филологической тщательностью издаются грамоты въ новѣйшее время, наиримѣръ, въ описаніяхъ архивовъ разныхъ польскихъ магнатовъ, роды которыхъ были прежде малорусскими; такъ, сюда относится изданіе: „Archiwum ks. Sanguszków“ (Львовъ, 1887 и слѣд., изъ архива въ Славутѣ Волын. губ.) и т. п. Восемь грамотъ переиздано (по Головацкому и изъ „Актовъ“) у П. И. Житецкаго въ приложеніи къ „Очерку звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ (Кіевъ, 1876), причеиъ одна (1375) значительно исправлена по подлиннику. Эта послѣдняя (С м о т р и ц к а я) грамота 1375 г. издана въ еще разъ провѣренномъ видѣ у Н. Молчановскаго: „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“ (Кіевъ, 1885, отт. изъ „Унив. Изв.“): да кромѣ

г) Нѣсколько особнякомъ отъ галицко-подольскихъ и волынскихъ документовъ XIII—XV в. стоятъ одновременные документы изъ Буковины, которая, вмѣстѣ съ юж. Галичиной (Снятиноиъ и пр.) входила, какъ мы выше упоминали, въ составъ Молдавскаго воеводства, а въ церковномъ управленіи подчинялась Болгарскому патріарху. Не только у буковинскихъ и бессарабскихъ малоруссовъ, но и у не славянъ-волоховъ (= румынъ) письменность велась не на румынскомъ языкѣ, а на славянскомъ, который въ тѣ времена былъ и церковнымъ и официальнымъ въ Волощинѣ; но произношеніе нѣкоторыхъ буквъ не совпадало здѣсь съ произношеніемъ польско-литовскихъ малорусскихъ областей и совпадало съ чтеніемъ балканскимъ (буква ѣ, напр., читалась или близко къ я, или прямо за я, на болгарскій ладъ) да и въ правописаніи ощутительно сказыва-

того имѣется независимое отъ текста, напечатаннаго въ „Актахъ“ я у Головацкаго, хорошее изданіе этой Смотрицкой гр. 1375 г. въ „Древнихъ пам. русск. яз.“ Срезневскаго (именно въ 1-мъ изд. его труда, стр. 265; во 2-мъ изд. это выпущено), а точный снимокъ приложенъ къ I тому А. Przewdzieckiego: Podole, Wolyn', Ukraina (Вильно 1841), хотя самая грамота прочитана Пшездзѣвскимъ невѣрно. Грамота галицкаго старосты Бенъка 1398 г. издана въ литограф. снимкѣ у Срезневскаго въ прилож. къ 1-му изд. „Древн. памятниковъ“ (стр. 269). У Головацкаго къ стр. 41-й приложенъ точный литографскій снимокъ съ гр. 1424 г. старосты Ленка изъ Зудечова. Проверка мнѣ показала, что вполне точнымъ является переизданіе Свитригайловой грамоты 1438 г. данной въ Луцкѣ кухмистру Петру Мышьчичу, и данной тамъ же въ Луцкѣ шляхетнымъ Чоботамъ Свитригайловой грамоты 1445 г. (киев., Универс. Изв., 1885, янв., прилож. 3-ье, стр. 80, и февр., прилож. 4-ое, стр. 82); подлинники — въ Рум. Музеѣ. Существуетъ немало еще галицкихъ и волынскихъ грамотъ, совсѣмъ неизданныхъ. — Описаніе особенностей тѣхъ грамотъ, которыя опубликованы печатно (слѣдовательно съ ошибками), далъ по печатнымъ изданіямъ А. Соболевскій въ „Очеркахъ“, стр. 60—64. Въ концѣ нашей грамматики мы дадимъ библиографическій перечень всѣхъ цитированныхъ нами зап.-мр. грамотъ, съ точнымъ указаніемъ, гдѣ какая издана, или гдѣ хранится.

лось сильнѣйшее балканское вліяніе (мы ужь имѣли случай упомянуть, что сюда относится особое лже-орфографическое употребленіе буквы ѣ вмѣсто буквы є). Разбираясь въ буковинскихъ памятникахъ, мы всегда должны обращать вниманіе, писаны ли они малоруссами или волохами. Въ особенности рукописи религиозныя церковныя, списанныя волохами, имѣютъ для насъ далеко не всегда цѣнность. Это надо сказать, напр., относительно переписаннаго несомнѣннымъ волохомъ Евангелія Верковича XIV в. (см. выше, § 8, а),—въ противность такому (вѣроятно, буковинскому или южно-галицкому) замѣчательному памятнику, какъ Евангеліе 1283 г. поповича Евсевія (см. § 8, а), или даже Евангелію XIII в. болгарско-Софійскому (§ 8, а), писцомъ котораго могъ быть даже не природный малоруссъ, но волохъ, а тѣмъ болѣе—Евангелію XIV в. Путенскому (§ 8, а). Дѣло въ томъ, что церковные переписчики-волохи,—дьячки и др.,—повидимому, не всегда ясно понимали то, что они механически списывали съ южно-славянскихъ или южно-русскихъ оригиналовъ; они писали одну букву вмѣсто другой, перепутывали слоги и цѣлыя слова, и потому ихъ механическіе церковные списки полны фиктивныхъ словъ и формъ, могущихъ иногда ввести довѣрчиваго изслѣдователя въ серьезное заблужденіе ¹⁾.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ Евангеліи Верковича XIV в. на л. 89 об. написано: „отверги“ (=повелит. н-іе). Нельзя выяснитъ, механически ли принялъ переписчикъ-волохъ церковно-славянскую букву S своего оригинала за букву Г, или самостоятельно смастерилъ фиктивную форму съ Г (по аналогіи съ „отвергнути“),—во всякомъ случаѣ изъ живого малорусскаго языка онъ такой формы заимствовать не могъ: ни одна малорусская рукопись не знаетъ подобной формы повел. н-нія,—всегда въ такихъ случаяхъ мы находимъ у малорусскихъ писцовъ или S, Z (на церковно-славянскій ладъ), или ж (на чисто малорусскій ладъ; = „отвержи“). Между тѣмъ упомянутый г. Соболевскій („Лекціи“,

Главный интерес для насъ представляютъ свѣтскіе буковинскіе дѣловые документы XIV—XV в. (купчія, указы и т. п.)¹⁾; въ большинствѣ случаевъ, какъ это ясно видать, ихъ писали природные малоруссы, притомъ говорившіе необыкновенно красивымъ малорусскимъ языкомъ, который легко пробивается даже сквозь балганизмы въ грамматикѣ и сквозь балганскую орфографію. Впрочемъ, немалое значеніе имѣютъ и тѣ молдавскія грамоты XIV и XV в., которыя писаны людьми, свободно болтавшими на живомъ малорусскомъ языкѣ. Критикѣ однако онѣ подлежатъ строжайшей: инородецъ, даже умѣющій очень бѣгло говорить на какомъ-нибудь языкѣ, способенъ искажать и его произношеніе и грамматическія формы, — что мы постоянно и видимъ въ собств. -волошскихъ грамотахъ. Для критическаго пользованія ими надо очень хорошо знать не только западно-малорусскую діалектологию, но и языки волошскій и болгарскій.

д) *Памятниковъ XVI вѣка*, писанныхъ западными малоруссами, очень много: и церковныхъ, и свѣтскихъ. Церковныя рукописи, какъ водится, сравнительно безцвѣтны въ малорусско-діалектологическомъ отношеніи, будутъ ли это книги богослужебныя (Евангелія и т. п.)²⁾ или иные памятники на чужомъ

1903, стр. 249), по наивности или по обрусительной тенденциозности, дѣлаетъ изъ этой единичной описки Верковичевскаго Евангелія выводъ, что въ XIV в. малоруссы образовывали повелит. в-ніе на ги, а не на жи.

1) Около сотни ихъ издано В. Уляницкимъ въ „Матеріалахъ для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вѣкахъ“ (М. 1887, отд. изъ московскихъ „Чтеній“). Кое-какія молдавскія грамоты издавались и по одиночкѣ, — между прочимъ и въ „Памятникахъ“ Головацкаго. Очень интересная буковинская (Сучавская) грамота 1471 г. воеводы Стефана Великаго опубликована проф. Кочубинскимъ въ 32-омъ отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ (стр. 248—250).

2) Такіе памятники теперь собираются, между прочимъ, въ Волынскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ, куда поступаютъ

церковно-славянскомъ языкѣ (Дубенскій сборникъ поученій XVI в. ¹⁾), сборникъ „О лунномъ теченіи“ и т. д. московской Синодальной Библіотеки № 937 ²⁾), полемическій сборникъ попа Наливайка XVI в. ³⁾), разные апокрифическіе сборники XVI в., особенно галицкіе ⁴⁾ и т. п.). Но со второй половины XVI в. начинается, подъ вліяніемъ Реформаціи, рядъ переводовъ Евангелія на живой малорусскій языкъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ волынское малорусское Пересопницкое Евангеліе 1561 г. ⁵⁾), испорченное въ сожалѣнію сербиз-

изъ захолустныхъ церквей. Пять Евангелій XVI в. изъ этого древлехранилища описалъ довольно подробно Г. Крыжановскій въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1895 (въ первой половинѣ года). О Дубенскомъ Евангеліи 1539—1568 г., на которое намъ не разъ придется дѣлать ссылки, см. вкратцѣ у Х. Востокова: „Описаніе рукописей Румянц. муз.“ № 131, стр. 189. Что касается прочихъ богослужебныхъ зап.-мр. книгъ XVI в., библиографическія указанія про каждую мы будемъ сообщать въ своемъ мѣстѣ, при цитированіи;—перечислить ихъ всѣ здѣсь не возможно.

¹⁾ Описанъ Дубенскій сборникъ XVI в. и сопровождается изданіемъ отрывковъ—у И. Срезневскаго: „Свѣд. и Зам.“, т. II, №№ 57—58 (=стр. 305—326).

²⁾ Сборникъ „О лунномъ теченіи“ и пр.—описанъ у Горскаго и Невоструева въ ихъ „Описаніи славян. рукописей Москов. Синод. Библіот.“, № 937, кромѣ того—у А. Соболевскаго въ статьѣ: „Замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ юго-зап.-рускаго письма XVI—XVII в.“ (Кіевъ, 1894, оттискъ изъ 9-ой кн. Несторовыхъ „Чтеній“), стр. 11—16.

³⁾ Хранится въ Румянцевскомъ Музеѣ, № 2616. Описанъ этотъ сборникъ „иерея Наливайка“ у А. Соболевскаго: „Замѣтки“ (=Несторовы „Чтенія“, кн. IX), стр. 16—19.

⁴⁾ Тексты апокрифовъ галицкихъ XVI в. (и др.) въ большомъ изобиліи стало издавать львовское „Наукове Товариство імени Шевченка“ въ своихъ „Пам' яткахъ українсько-руської мови і літератури“ подъ редакціей Ив. Франка. Четвертый томъ вышелъ въ 1906 г. во Львовѣ.

⁵⁾ Описано Пересопницкое Евангеліе 1561 г. П. И. Житецкимъ въ „Трудахъ 3-го Археологическаго съѣзда“, причемъ из-

мами. Изъ свѣтскихъ памятниковъ, сверхъ грамотъ и т. п. документовъ ¹⁾, непрерывно тянущихся черезъ все столѣтіе, въ высшей степени важенъ памятникъ, прекрасно характеризующій западно-малорусскую рѣчь галицкую по сѣверно-подольскому говору, самого конца XVI вѣка: это шутивыя Интерлюдіи Якуба Гаватта (или Гаваттовича), напечатанныя уже въ 1619 г., польскими буквами ²⁾: какъ полагается для потѣшныхъ интерлюдій, онѣ написаны вполне вульгарнымъ языкомъ; притомъ, какъ полякъ, авторъ былъ свободенъ отъ мертвящаго вліянія церковно-славянской православно-литературной рѣчи ³⁾. Простонародный аналогичный, т.-е. писанный такъ же латинскими (чепскими) буквами документъ, маленькаго размѣра, дошелъ до насъ отъ времени, дѣтъ на сорокъ болѣе ранняго, чѣмъ то, когда писалъ Гаваттовичъ. Это—горная, повидимому

дава значительная часть текста; отд. оттискъ: „Описаніе Пересопни-рукоп. XVI в.“ (Кіевъ, 1876). Кромѣ того часть текста издапа П. И. Житецкимъ въ приложеніи къ его „Очерку звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ (Кіевъ, 1875, изъ „Унив. Извѣстій“), стр. 360—364.

¹⁾ Обратимъ вниманіе, между прочимъ, на двѣ напрасно забытаемыя записи князя К. И. Острожскаго 1508 и 1513 г., сдѣланныя на Туровскомъ Евангеліи XI в.; онѣ изданы у Срезневскаго въ „Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ“, т. II, стр. 118—120. Писать ихъ не бѣлорусскъ (буква *ѣ* обозначаетъ, повидимому, чистый звукъ *i*).

²⁾ Гаваттовы интерлюдіи переизданы русскими буквами въ „Кіев. Стар.“ 1883 (дек.), но очень неточно. Проверенное по подлиннику переизданіе (по все же буквами русскими, а не польскими) исполнилъ М. Павликъ въ 1-омъ томѣ редактированныхъ имъ сочиненій Драгоманова: „Розвідки Михайла Драгоманова“, т. I, (Львів 1899), стр. 174—184.

³⁾ Надо впрочемъ помнить, что польское правописаніе начала 17-го в. было еще неустановившимся, и въ частности—латинскія буквы *i* и *y* путались тогда въ своемъ звуковомъ значеніи. Поэтому и у Гаваттовича ненадежны для насъ тѣ слова, въ которыхъ написана одна изъ этихъ буквъ.

чисто-гуцульская пѣсня въ двадцать-четыре стиха (про Штефана-воеводу и красну дівоньку надъ Дунаемъ), записанная около 1571 года въ Венеціи для одной чешской грамматики ¹⁾ человекомъ, который малорусскаго языка не зналъ, но—изъ устъ малорусса, проживавшаго въ Венеціи, *kdez' hojné jest Słowák' u neb Chařwat' u* ²⁾ и, быть можетъ, подвергшагося нѣ-которому влиянію рѣчи словацкой или хорватской. Въ виду такихъ условій записи, пѣсня дошла до насъ въ чуть-чуть искаженномъ видѣ; но она легко можетъ быть восстановлена въ полной правильности ³⁾.

§ 9. Для сужденія о состояніи *зап.-мр. нарѣчія XVII и XVIII вв.* мы имѣемъ такой же обширный матеріалъ, какъ и для одновременнаго нарѣчія восточно-малорусскаго; и матеріалъ этотъ—такого же разнообразнаго характера (см. § 7, е). Пригодна, конечно, для этой цѣли и общемалорусская печатная искусственно-схоластическая литература XVII и XVIII вв., которая по количеству и составу писателей можетъ даже считаться гораздо болѣе западно-малорусской, чѣмъ восточно-малорусской. Изъ числа западныхъ же малоруссовъ выходили и грамматическіе законодатели схоластическо-малорусской рѣчи XVII и XVIII вв. (ими издана львовская грам-

¹⁾ Jana Blahoslawa. Дописана его „Gramatika 'Ceska“ въ 1571 г., но издана была (по самой рукописи XVI вѣка) только въ 1857 г. въ Вѣнѣ. Текстъ малорусской пѣсни напечатанъ на стр. 341.

²⁾ = „гдѣ много есть словаковъ или хорватовъ“,—слова самого Яна Благослава.

³⁾ Возстановилъ эту пѣсню XVI вѣка (вмѣстѣ съ буквальныймъ переизданіемъ ея текста въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ) А. Потебня: „Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка. Текстъ и примѣчанія“, Воронежъ, 1877 (оттисскъ изъ „Филологическихъ Записокъ“). Комментаріи, которые онъ далъ къ ней, были для своего времени очень цѣнны, но теперь порядочно устарѣли.—Переизданъ текстъ и у И. Франка: „Зап. Т-ва Шевч.“, т. 75, стр. 21 и слѣд.

матика „Адельфотес“ 1591 г. ¹⁾, уже упомянутая эпохальная „Сінтагма“ 1618 г. Мелетія Смотрицькаго ²⁾ и др.), равно какъ западнымъ малоруссомъ былъ и лексикологъ Памва Берында, составитель извѣстнаго и для всѣхъ тогда авторитетнаго „Лексикона славеноросскаго“ (т.-е. славянско-малорусскаго) 1627 г. ³⁾. Пользуясь всей этой литературой, надо однако твердо помнить, что это вовсе не малорусскій языкъ, а неорганическое язычіе: смѣсь польщины съ церковно-славянщиной, напитанная то въ большей, то въ меньшей степени малорусскими элементами ⁴⁾. — Изъ зап.-мр. документовъ начертанныхъ польскими буквами, важно рукописное стихотвореніе ок. 1651 г.: „Duma kozaskaia o woyni s kozakamy nad rikoiu Styru“ — о поражении Б. Хмельницкаго подъ Берестечкомъ ⁵⁾, и одновременная сатира на казаковъ ⁶⁾.

¹⁾ Анализъ ея данъ К. Студинскимъ: „Адельфотес. Студія літературно-язикова (Львів 1895, отт. изъ 7-го тома „Записокъ Наукового Товариства імени Шевченка“).

²⁾ Краткій анализъ грамматики Мелетія Смотрицькаго—Житецькаго во II главѣ его „Очерка литер. ист. мр. нар.“, 16—27.

³⁾ Краткій анализъ словаря Берынды—(по изд. 1653 г.) см. у Житецькаго, гл. III, стр. 37 и слѣд. Переизданіе словаря Памвы Берынды, равно какъ болѣе ранняго такого же словаря львовянина Лаврентія Зизанія 1596 г., сдѣлано И. Сахаровымъ во II томѣ „Сказаній русскаго народа“ (СПб. 1849), но въ филологическомъ отношеніи эта перепечатка никуда не годна.

⁴⁾ Словаремъ къ этому язычію можетъ отчасти служить 3-я часть „Старосвѣтскаго бандуриста“ Н. Закревскаго (М. 1861) и „Словарь живого и актового малороссійскаго и червонорусскаго языка“ Ф. Пискунова (2-ое изд., Кіевъ, 1882). Новый, повидимому недурной, словарь стариннаго актово-схоластическаго малорусскаго языка, составленный г. Тимченкомъ какъ самостоятельное приложение къ большому Украинско-русскому словарю Б. Гриньенка, вскорѣ будетъ печататься.

⁵⁾ Издана „Duma kozaskaia“ 1651 г. въ „Archiv für sl. Philol.“, т. II (1877), стр. 298—301.

⁶⁾ Сатира эта издана В. Щуратомъ въ „Запискахъ Т-ва Шевч.“, т. 74, стр. 132.

Глава третья.

О степени соответствія нынѣшняго звукового значенія малорусскихъ буквъ живому звуковому значенію буквъ кievско-лѣтописной азбуки. (Бѣглый очеркъ звуковой системы лѣтописнаго кievско-черниговско-перяславскаго нарѣчія, равно какъ и волынско-червонорусскаго, въ XI вѣкѣ и въ ближайшія столѣтія).

Чи так само, як вимовляються українські слова тепер, вимовлялися вони в Кнiвi, тaй на Червонiй Русi, за часiв великої кнiвської держави Володимира Святиого та Ярослава Мудрого?

I.

Консонантизмъ (строй согласныхъ звуковъ)
XI вѣка и ближайшихъ.

§ 10. Согласные звуки и въ XI вѣкѣ были у лѣтописныхъ кievлянъ, перяславцевъ и черниговцевъ все тѣ же, какіе мы и теперь слышимъ въ центрально-приднѣпровскихъ говорахъ. Само собою понятно, что при тогдашнемъ обильномъ существованіи многихъ гласныхъ звуковъ, впоследствии выпавшихъ, положеніе согласныхъ въ какомъ-нибудь словѣ бывало неразъ инымъ, чѣмъ теперь. Такъ, стеченіе подъ-рядъ двухъ или бѣльшого количества согласныхъ во многихъ изъ тѣхъ словъ. въ которыхъ оно непремѣнно

констатируется у насъ въ наше время, отсутствовало въ тѣхъ же словахъ въ XI вѣкѣ и не влекло за собою вынѣшнихъ звуковыхъ послѣдствій. Напримѣръ, въ словѣ *отца* (=отца) согласный звукъ *т* не былъ въ XI вѣкѣ сосѣдомъ звука *ц*, такъ какъ между *т* и *ц* слышался гласный звукъ *ь*¹⁾; а потому это слово, содержащее въ себѣ цѣлыхъ три слога (*о+ть+ца*) не могло еще, конечно, переходить тогда въ „*оця*“ („*оцьця*“), какъ оно теперь звучитъ у многихъ придѣйствовцевъ. Или вотъ другой примѣръ: слово „*что*“ въ XI вѣкѣ произносилось въ два слога (*чъ+то*) и, развѣ, къ концу вѣка оно понемногу начало произноситься въ видѣ односложнаго „*что*“, т. е. безъ гласнаго звука послѣ *ч*; а потому лишь въ XII вѣкѣ сдѣлался возможенъ постепенный переходъ звука *ч* въ *ш*, въ силу непосредственнаго сосѣдства съ *т*, и состоялось превращеніе фонемы „*что*“ въ фонему „*што*“²⁾). Можно констатировать въ области согласныхъ звуковъ XI в. также рядъ другихъ мелкихъ особенностей, теперь исчезнувшихъ и отличающихъ тогдашній консонантизмъ отъ нынѣшняго; — напримѣръ, ниже мы увидимъ, что степень мягкости согласныхъ была въ XI вѣкѣ значительнѣе, чѣмъ теперь. Однако, если исключить подобные случаи, то можно сказать, что въ общемъ согласные звуки старорѣвскіе были тѣ же, что и сейчасъ въ Кіевщинѣ. Соотвѣтственное надо сказать и про рѣчь малоруссовъ западныхъ. И это видно ужъ и по самымъ старымъ памятникамъ, какіе дошли до насъ изъ Кіева и изъ другихъ мѣстъ, населенныхъ въ XI вѣкѣ предками малоруссовъ. Не могла этого затушевать и чужая,

¹⁾ О гласномъ, слоговомъ характерѣ этого звука въ XI вѣкѣ рѣчь будетъ ниже въ 4-ой главѣ, § 17.

²⁾ Современное общемалорусское „*шо*“ возникло изъ „*што*“. (См. ч. II, § 13). — О значеніи термина „фонема“ см. ниже, стр. 128.

кириллицкая азбука, принесенная въ Кіевъ съ Балканскаго полуострова.

Славянская азбука, принесенная въ Кіевъ вмѣстѣ съ христіанской церковно-славянской (болгарской) книжной рѣчью, на первыхъ порахъ послѣ принятія Русью христіанства читалась, очевидно, на южно-славянскій ладъ, который не всегда совпадалъ съ живыми данными тогдашней рѣчи кіевлянъ. Но что въ живой рѣчи кіевлянъ XI вѣка каждой согласной кириллицкой буквѣ (какъ бы ее ни читали балканскіе учителя) соотвѣтствовали въ общемъ тѣ же звуки, какіе соотвѣтствуютъ въ Кіевщинѣ и теперь, это видно изъ многого: и изъ описокъ, которыя неволью допускались кіевскими и другими лѣтописными малоруссами при быстрой перепискѣ, и изъ способа старокіевской передачи мѣстныхъ именъ при помощи той чужой церковно-славянской азбуки, и изъ чужеземныхъ (увы, немногочисленныхъ) свидѣтельствъ. Поэтому намъ нѣтъ нужды давать обстоятельный обзоръ всѣхъ согласныхъ звуковъ кіевской рѣчи: о нихъ вообще легко судить, просто, по рѣчи нынѣшней;— достаточно намъ будетъ подчеркнуть лишь кое-что болѣе интересное, какъ въ области прежнихъ и нынѣшнихъ звуковыхъ совпаденій, такъ и несовпаденій.

Начнемъ со звуковъ плавныхъ ¹⁾.

§ 11. Плавные звуки XI вѣка: р и л.

I. р.

Плавный звукъ *р* имѣлъ у кіевлянъ XI вѣка такую наклонность то дѣлаться мягкимъ, то отвердѣвать, какою мы наблюдаемъ и въ рѣчи нынѣшней Кіевщины.

¹⁾ Плавными звуками называются *р* и *л*.

а) Склонность твердаго звука *р* къ смягченію.

Какъ нынѣшній кіевлянинъ склоненъ сказать „дохторю“ (вмѣсто „дохтору“) или „з вѣчеря“ вмѣсто „з вечера“ (=съ вечера), такъ и кіевскій Изборникъ Святослава 1073 г. пишетъ: „Науходоносору“ (л. 144) наряду съ „Навѣходоносору“ (л. 97, л. 146) и „[того] вечера“ (л. 215) наряду съ обычнымъ „вечера“.

Нынѣшній кіевлянинъ можетъ вмѣсто рамка сказать рямка, вмѣсто трапезувати сказать тряпезувати, и т. п.; — Изборникъ Святослава 1073 г. тоже допускаетъ наряду съ обычнымъ „Аврамля“ (род. пад. ; =Аврамова) другое начертаніе: „Аврамля“ (л. 188); наряду съ обычнымъ „трапеза“ — начертаніе „трапеза“ (л. 185 об.). Еще болѣе обычно „трапеза“ въ Изборникѣ 1076 года; попадаетъ оно и въ Несторовомъ „Житіи Феодосія“ по списку XII вѣка, сдѣланному съ кіевскаго оригинала. Срв. южногал. Еванг. поповина Евсевія 1283 г.: „от[ъ] градъца Мариина“ (л. 67, вм. „градъца“, т. е. городка), и мн. др.

Въ лѣтописи (по разнымъ спискамъ) форма род. и дат. падежей отъ имени „Володимеръ“ попадаетъ не только „Володимера, Володимеру“, но иногда и „Володимеря, Володимерю“; вмѣсто „Днѣпра“ и „Днѣпру“ иногда мы читаемъ въ лѣтописи: „Днѣпря, Днѣпрю“.

б) Склонность мягкаго звука *р* къ отвердѣнію.

И наоборотъ: подобно тому какъ въ нынѣшней Кіевщинѣ замѣчается иногда наклонность выговаривать *р* твердовато, т. е. вмѣсто царю выговаривать почти цару, вмѣсто псалтиря или сентября выговаривать почти псалтира и сентябра и т. п., — такъ и у писца кіевскаго Изборника Святослава 1073 года находимъ начертанія: „ц[а]роу“ (л. 185 об.,

л. 260 об., л. 143 об.), — хотя рядомъ же у него пишется и „ц[а]рю“ (напр., л. 144), — псалтиря (л. 253 об.), се[н]тебра (л. 248 об., л. 251).

Какъ теперь въ Кіевщинѣ произносятся почти вѣтворюається и ухитрається вмѣсто вѣтворюється и ухитряється, или почти бѣруться вмѣсто бѣрються, или сотвору вмѣсто сотворю, такъ и въ Изборникѣ 1073 года написано: „растворяється“ (л. 211 об.; срв. еще „творя“ л. 156 об. вм. „творя“) и „ухышраше, ухыштравъ“ (л. 115 об.); а въ Изборникѣ 1076 года написано: „боруться“ (л. 244, срв. еще „борущагося“ л. 216), сътвору (л. 242).

Немало такихъ написаній съ твердымъ *р* имѣется и въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка: „ц[а]рь“ (л. 60 об.), „горкаго“ (л. 134), „съ кесаровомъ“ (л. 113) и др. Въ юж.-гал. Евангеліи 1283 г. поповича Евсевія читаемъ: „Гл[а]с[о]мъ великомъ възг[а]си: Лазороу! гряди въно!“ (л. 68) и др.

II. Звукъ л.

в) Среднее, полумягкое-полутвердое *л*.

Въ главѣ о малорусской азбукѣ (см. § 4, стр. 39—42) мы ужъ имѣли случай отмѣтить присутствіе, въ рѣчи большинства малоруссовъ, не двухъ, а трехъ родовъ звука *л*: твердаго *л*, мягкаго *л* и средняго *л*. Этотъ послѣдній звукъ *л* не выражается на письмѣ особой буквой, такъ-что, напимѣръ, слово „скілки“ (=сколько) одни малоруссы пишутъ: „скілки“, а другіе — „скілъки“, и такое орфографическое колебаніе принято даже въ литературномъ правописаніи. Кромѣ того не мѣшаетъ знать, что существуютъ нѣкоторые малорусскіе говоры (и восточные, и западные), вовсе лишены твердаго *л* и знающіе лишь *л* среднее: въ нихъ какое-нибудь, скажемъ, слово „було“ (=было) произносится какъ

„було“, т. е. мягче, чѣмъ „було“, но тверже, чѣмъ „було“.

По отношенію къ старѣйшему документальному періоду исторіи малорусскаго языка намъ приходится, на основаніи кievскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года и другихъ старѣйшихъ малорусскихъ памятниковъ, констатировать въ XI вѣкѣ присутствіе средняго звука *л* въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ теперь. Написанія *ла*, *лу* вмѣсто *ля*, *лю* въ кievскихъ Изборникахъ Святослава очень обычны.

Вѣроятно, лишь среднее же *л*, а не совсѣмъ твердое *л*, должны мы видѣть и въ такихъ твердыхъ написаніяхъ, какъ *елма* (Изб. 1073, лл. 18, 25, 139 об., 140, 141, 217, 247) и *колма* (лл. 20, 23), т. е. понимать здѣсь такое среднее *л*, какое слышится въ современномъ кievскомъ *скілки*.

Очевидно, опять такое же среднее *л* (а не совсѣмъ твердое *л*) воспроизводится и слѣдующими начертаніями того же кievскаго Изборника 1073 г.: *Силвестръ* (л. 23), *болшимъ* (л. 122, об.), *Пулхерна* (л. 265); оно вполне соотвѣтствуетъ нынѣшнему кievскому среднему произношенію звука *л* въ этихъ же словахъ.

Особнякомъ ли стоятъ въ этомъ отношеніи старыя памятники кievскіе? Нѣтъ. Въ нарѣчій зап.-малорусскомъ мы такъ же должны предположить исконность средняго *л*. И въ старѣйшемъ зап.-мр. памятникѣ, червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка, не рѣдкость—начертанія вродѣ: „*елма*“ (л. 28, d; 32, с; 61, с), „*изобилме*“ (л. 25, а), „*свою погыбѣлм*“ (322, с), „*ползуюшти*“ (л. 2. а) и т. п. Едва ли надо видѣть балканизмы въ подобныхъ начертаніяхъ, разъ они и затѣмъ непрерывною цѣпью констатируются во всѣхъ прочихъ зап.-мр. памятникахъ и подтверждаются живой рѣчью.

б) Вѣроятно, отчасти въ силу неполной твердости звука л, отчасти въ силу сохранности глухого гласнаго звука з, староріевская рѣчь XI вѣка не знала перехода звука л въ в, или, лучше сказать, не знала она перехода звукосочетанія зл (а писалось оно обыкновенно въ видѣ лз) въ двугласный звукъ ов (бу). Вѣдь современные малоруссы, (равно какъ и бѣлоруссы) говорятъ: п^ов^ни^й, д^ов^ги^й, д^ов^бати и т. п., а въ рѣчи старыхъ мѣвянъ XI в. этому соответствовали фонемы ¹⁾, писавшіяся: «п^лзныи», «д^лзгыи», «д^лзбати» и т. д. ²⁾. Повидимому, переходъ зл въ ов состоялся у малоруссовъ (и бѣлоруссовъ) только около XV в., т. е. какъ разъ на рубежѣ Среднихъ и Новыхъ вѣковъ.

¹⁾ О значеніи термина „фонема“, см. стр. 84.

²⁾ Произносились онѣ или: „д^лзгыи“, „п^лзныи“ „д^лзбати“, или же (иногда): „д^лзгыи“, „п^лзныи“, „д^лзбати“ (это т. н. „второе полногласіе“). Въ первомъ случаѣ „д^лз“ и „п^лз“ произносились въ одинъ слогъ (причемъ гласный з предшествовалъ согласному плавному л), а во второмъ случаѣ „д^лз“ и „п^лз“ образовывали собою два слога (такъ что и передъ согласнымъ звукомъ л, и послѣ него—одинаково слышался гласный слоговой звукъ з).

Въ бѣлорусской Четвъ-Миневъ 1489 г. (описанной г. Карпинскимъ въ „Русск. Фил. Вѣстн.“ 1889, кн. I, есть написаніе: „невдовзъ“, л. 247. Въ спискѣ лудкой грамоты 1487 г., внесенномъ въ Лудкую книгу кгородскую 1569 г. (№ 2043, л. 81—Антон. и Козл. № 7, стр. 14): „[имѣніе] на имя Здовбицу“, рядомъ со „Здолбицу“. (Но начертаніе „из сажовками“ въ брестской грамотѣ 1511 г. князьямъ Вишневецкимъ по списку XVI в. времени Сигизмунда III, изданному у Антон. и Козлов. № 24, стр. 46,—къ этой категоріи явленій не относится, потому что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ самостоятельнымъ суффиксомъ ов, или—обычнѣе—ав).—Въ волыньскомъ сборникѣ пона Налывайка XVI в. (Рум. Муз. № 2616): „повную“ (въ извлеч. изъ Василія Великаго—л. 46 и слѣд.).—Въ записи 1-й пол. XVI в. на Румянцевскомъ Четвероевангеліи № 127 (описанномъ у Востокова, стр. 187) сказано: „купилисмо за довгъ“.—Обратное явленіе мы видимъ въ Лудкомъ актѣ 1583 г.: „волторокъ“ вмѣсто „вовторокъ“ (=соврем. „вѣторок“, т. е. вторникъ. См. этотъ

• актъ въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857, кн. 3, стр. 37).—Въ Словарѣ Л. Зизанія 1596 г.: „выдѣобую“.—Въ Апокрисисѣ 1597 г. (Христофора Филагета): „жовтобрухъ“ (л. 86. а), „замовчати“ (л. 119, а), „мовчу“ (л. 140, б).—Въ Помѣяникѣ XVI—XVII в. Кіево-Михайловскаго монастыря: „Род Іакова Довженка“ (л. 90, =1620 года), „Родъ Воцковъ изъ Желѣзнава“ (л. 100=1622 г.), „А се род Товстуши, скимницѣ“ (л. 118=1630 г.) и др.—Въ Словарѣ П. Берынды 1627 г. (равно какъ и въ изданіи 1653 г.): „вѣвна“ (=шерсть), „ковчанъ“, „мовчу“, „мѣчки“. „стовчѣный“, „дѣобаю“, „выдѣобую“, „ника шѣвку“.—Въ мр. стихахъ о битвѣ подъ Берестечкомъ послѣ 1651 г. (писанныхъ латинско польскими буквами,—см. Arch. für sl. Phil. II, 298 и 20-й Уваров. отчетъ, стр. 817=53 отъ Потемки): „dowho“.—У І. Галатовскаго имѣется очень много такихъ примѣровъ,—напр., въ „Ключъ разумѣнія“ (Кіевъ 1659): „повентъ“ (л. 59, а), „повно“ (л. 81, а; л. 98, а; л. 140 б), „повный“ (л. 105, а), „повная“ (л. 173, а; л. 220 б), „в' повиѣ“ (л. 154, а), „жовтый“ (л. 139, а), „вовпа“ (л. 149, а = шерсть), „вовнянал“ (л. 148, б), „вовняную“ (л. 152, б; л. 251, а), „умоцкло“ (л. 139, а) и мн. др.—У его ученика А. Радивиловскаго попадаются начертанія вродѣ „вовчій“ и „мовчить“ въ рукописномъ текстѣ его „Огородка Маріи Богородицы“ 1671 г., хотя въ печатномъ изданіи 1676 г. эти начертанія поправлены на книжное л (срв. л. 699 печатн. = 1182 рукоп.). Вообще въ памятникахъ XVII вѣка это явленіе констатируется съ яркостью. Можно однако отмѣтить, что еще въ началѣ XVII вѣка оно не было повсемѣстнымъ. Въ комическихъ престонародныхъ интерлюдіяхъ галичанина Я. Гаваттовича (напечатанныхъ польскими буквами въ 1619 г.) мы еще встрѣчаемъ начертанія съ і, вродѣ „protołk“ (=соврем. „псто̀лк“, т.-е. истолокъ, переколотилъ), „wolki“ (=„вовки“, т. е. волки).

в) Положимъ, въ рѣчи кіевлянъ XI вѣка была форма прошедшаго (сложнаго) времени, которая представляетъ намъ не только флексію лѣ (т. е., напр., «далѣ»), но и флексію ѣз; срв. въ Изборникѣ Святослава 1073 года: «ѣже третие э давѣ»,—примѣръ, отмѣченный еще В. Ламанскимъ ¹⁾. Однако

¹⁾ „О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, съ филологическими и историческими примѣчаніями“ В. Ламанскаго. Приложение къ VI-му т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ. СПБ. 1864, стр. 68.

въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло вовсе не съ переходомъ звука л въ звукъ в, т. е. вовсе не съ явленіемъ фонетическимъ, но съ двумя самостоятельными явленіями морфологическими ²⁾. Вѣдь у малоруссовъ, какъ и у всѣхъ прочихъ славянъ, изстари было два разныхъ причастія прошедшаго времени: одно—на лъ, напр. «служилъ» другое — на вѣ, напр. «служивѣ» (Могли они употребляться и въ членной формѣ, причемъ первое звучало въ такомъ случаѣ: «служилый», а второе — «служивый», позже— «служивший»). Формы глагольнаго прошедшаго сложнаго времени образовывались обыкновенно изъ того причастія, которое оканчивалось на лъ: «служилъ есмь, служилъ еси, служилъ е(сть) ³⁾, служили есмо» и т. д.; но наши малорусскіе предки XI вѣка (да, вѣроятно, тогда же предки бѣлоруссовъ, пожалуй — и сосѣднихъ южно-великоруссовъ, пожалуй — и другихъ сла-

²⁾ Терминъ „фонетическій“ (=звуковой) примѣняется къ тѣмъ звуковымъ измѣненіямъ, которыя естественно и закономѣрно вытекаютъ изъ самой природы какого-нибудь звука. — Если видоизмѣненіе происходитъ въ словѣ не въ силу природы заключенныхъ въ этомъ словѣ звуковъ, но въ силу случайнаго сходства („аналогія“) этого слова съ какимъ-нибудь другимъ, то такое явленіе называется „нефонетическимъ“. Такъ, если старинный орудный падежъ „Богъмъ“ обратился въ нынѣшнее „Богомъ“ въ силу звукового малорусскаго закона объ отвердѣніи губныхъ, то это мы называемъ явленіемъ „фонетическимъ“; если же этому пособляло порядочное сходство орудн. падежа ед. ч. („Богъмъ“) съ дательнымъ падежемъ мн. ч. („Богомъ“ = богамъ), то такое явленіе мы называемъ „нефонетическимъ“, или „вліяніемъ аналогіи“. — А что такое „морфологическій“? Слово „морфѣ“ (μορφή) по-гречески значитъ „форма“ (въ томъ числѣ и форма грамматическая): „морфологія“ — наука объ образованіи формъ; „морфологическій“ — формообразовательный. Напримѣръ, измѣненіе существительнаго по падежамъ, измѣненіе глагола по спряженіямъ, по залогамъ, по видамъ — все это явленія морфологическія, формообразовательныя.

³⁾ Замѣтимъ котаи, что вспомогательный глаголъ 3-го лица: „есть“ или „е“, равно какъ и „суть“, очень рано началъ въ такихъ случаяхъ пропускаться, отпадать. По крайней мѣрѣ, и у предковъ малоруссовъ восточныхъ и у предковъ малоруссовъ западныхъ такое отпаденіе вспомогательнаго глагола 3-го л. и употребленіе одного лишь причастія на лъ въ смыслѣ прош. времени извѣстно

вяпъ) ⁴⁾ начали смѣшивать при образованіи прошедшаго сложнаго времени причастіе на лз съ причастіемъ на вѣ и стали говорить: «служивѣз есмь», «давѣз есмь»; 3-е лицо — «давѣз е», или «е давѣз», какъ именно и находимъ мы въ Изборникѣ 1073 года ⁵⁾. Въ XI вѣкѣ обѣ формы были у нашихъ предковъ равноправны, но съ теченіемъ времени форма «далѣз», «служилѣз», «ходилѣз» и т. п. все болѣе и болѣе исчезала изъ малорусскаго употребленія, замѣняясь формою на вѣ; къ концу жѣ Среднихъ вѣковъ почти всѣ малоруссы пользовались ужъ исключительно второю формою и говорили только такъ, какъ говоримъ мы и теперь:

еще въ XI вѣкѣ. Въ надписи 1068 г. князя Глѣба Тмутороканскаго, сдѣланной очевидно предномъ малоруссовъ восточныхъ, а не западныхъ, мы читаемъ: „Глѣбъ князь мѣрилѣз (вмѣсто „мѣрилъ е“) море по леду“. Въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г.—примѣровъ масса; напр., „видѣлѣз“ (л. 12, об.), „помянулѣз“ (л. 12 об.), „ничто же успѣлѣз“ (л. 42), „Богъ смьрти не створилѣз“ (л. 100), „съргѣшилѣз“ (л. 106, об.), и проч. Не меньше примѣровъ и въ кievскомъ Изборникѣ 1076 г.: „самъ Г]осподѣ повелѣлѣз“ (л. 11), „еже ти далѣз Вышьнин“ (л. 16), „сзѣдавый мя прѣпокоилѣз скниню мою“ (л. 82), „такоже мя покоилѣз“ (л. 82 об.) и мн. др. Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в.—тоже; напр., въ пояснительной припискѣ на л. 21, d: „Ироо племя добре было и велико тѣломъ и силою“ и мн. др.

⁴⁾ Срв. у Потебни въ рецензій на Житецкаго (въ 20-мъ Уваровскомъ присужденіи, стр. 817=52 отг.).

⁵⁾ Такъ какъ отъ „давѣз“ форма мн. ч. была „давѣшс“, то во множ. числѣ прош. вр. наряду, напр., съ „дали есмо“ говорилось: „давѣше есмо“. Не разъ этотъ суффиксъ [вз]иіи переносился въ форму единств. числа прошедшаго сложнаго времени. Въ т. н. грамотѣ 1292 г. вн. Льва Галицкаго есть „я згадавши ся емь“; въ т. п. Львовой гр. 1302 г. есть мн. ч.: „згадидися есьмо“ (срв. въ „Хрестом.“ Голов., стр. 315 и 316); въ Лаврашевской грам. XIV в.: „погадавши есми“ (= Акты юж. и зап. Росс. т. II, стр. 103); въ, быть можетъ, Остерской грам. 1424 г. „взорѣвши есмо“ (= Голов. № 35, стр. 39), и т. п. Въ настоящую пору такая глагольная форма прош. времени съ суфф. в ш почти совсѣмъ исчезла, и развѣ лишь изрѣдка приходится слышать выраженіе вродѣ слѣдующаго: „в же я бу в при и ш о в и ш и, ко ли це в и н п и т а е“... (=я ужъ было пришель, какъ вдругъ онъ сирашивается). Срв. великорусское: „овѣ—вышнши“.

«и ходѣ (=я ходилъ), ти дав (=ты далъ), він бѣ» (=онъ былъ), и т. п.—Однимъ словомъ, употребленіе формы «дав» «бѣ» и т. п. есть явленіе вовсе не того типа, къ какому принадлежитъ переходъ фонемы «пльный» въ «повный».

В. Ламанскій (назв. соч., стр. 68), сверхъ начертанія „ниже третіе в давѣ“, взятаго изъ Изборника Свято-слава 1073 г., приводитъ и другой примѣръ.—изъ Бого-словія Іоанна Экзарха Болгарскаго XII в.: „яко же и Христоръ бывъ есть“ (вмѣсто обычнаго „былъ есть“).—Подобныя примѣры по стариннымъ рукописямъ далеко не рѣдкость, и мы приведемъ еще нѣкоторыя. Мы ужъ и не говоримъ о рядѣ такихъ фразъ, какія имѣются въ галицко-волинской лѣтописи по Ипатскому списку, гдѣ, напр., на стр. 568—569, подъ 6771 = 1263 г. читаемъ: „Войшелъ убоявъся того же и бѣжа; Тренята же попередивъ и убивъ Тонтивила и нача княжити одинъ“; такія конструкціи сами по себѣ далеко еще не доказательны (потому что „убоявъся“, „попередивъ“ и „убивъ“ могутъ быть просто дѣепричастіемъ, несмотря на союзъ „и“ въ сказуемыхъ „и бѣжа“ „и нача“), и гораздо рельефнѣе—другой примѣръ, изъ „Слова“ кievскаго митрополита Илариона (XI в.) по не кievскому списку XIV вѣка: „евангельскій источникъ наводнився и всю землю покрывъ и до насъ пролиася“¹⁾.—Въ грамотѣ послѣ 1356 г. кн. Олега Рязанскаго, съ бѣлорусскимъ вліяніемъ²⁾, есть неоспоримая форма: „сгадавъ есмь (и тутъ же—„далъ есмь“).—Въ одномъ историческомъ сборникѣ XV вѣка, который описанъ проф. Владиміровымъ³⁾, встрѣчается фраза: „у Василеве бнвса с Татары“, и тотъ же ученый указалъ запись при одномъ Евангеліи XVI вѣка кievскаго Церковно-Археологическаго музея (Духовн. Акад.): „Сіе евангеліе писаъ рабъ Б[о]жій, діачокъ Павелъ Богда-

¹⁾ въ сборникѣ Царскаго, теперь Уваровскомъ № 1772 (=Описание арх. Леониды, IV, стр. 16), который изданъ О. Бодянскимъ въ московскихъ Чтен. 1848, № 7. Срв. „Историч. хрестом.“ Буслаева, стр. 897 (Москва 1861), по рук. XVI в.

²⁾ Она издана у Срезневскаго въ „Древн. памятн. русск. языка и письма“.

³⁾ Въ его „Обзорѣ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности“, см. стр. 22, въ Несторовыхъ „Чтеніяхъ“, кв. IV.

новичъ ис Калы⁴⁾.—Въ галицкомъ Измарагдѣ нач. XVI в. (изъ музея А. Петрушевича № 1) попадаются не разъ фразы вродѣ: „[Господь] заповѣдае память свою творити“ (л. 144 об.)⁵⁾.—На четвероевангеліи ок. 1526 года кievскаго Михайловскаго монастыря⁶⁾ есть въ концѣ одна приписка 1561 года: „Инокъ скимникъ Кононъ дае есмн игумену три копы гроши за сына своего“.—Въ одновременномъ волинскомъ престопаирикомъ Пересопницкомъ евангеліи 1561 г. въ заглавіи разсказа объ испѣленіи слуги сотника говорится: „Евангелиста выписуе, яко Х[ри]сто[с]е уздоровилъ⁷⁾ слугу сотниковаго и с[ы]на вдовичина в[скр]есилъ“ (изд. Жит., стр. 38); и въ другомъ мѣстѣ: „пс[уд]рѣлъ на небо и благословилъ и розламалъ“ (=стр. 44).—Въ Кіево-Михайловскомъ помияникѣ 2-ой пол. XVI вѣка: „Михайла громъ уби“ (л. 53, приписка на поляхъ). Въ стихотворномъ печатномъ „Ламентѣ дому княжать Остр[о]жскихъ“ (1603): „Абы и я зъ нимъ зъ мертвыхъ повстану“⁸⁾.—На Евангеліи изъ Черпиговщины XVI в. кievскаго Церк.-Археол. музея № 54, въ припискѣ 1604 г. на концѣ памятника, по поводу несчастной борьбы казаковъ съ поляками: „[Богъ] звѣзды зъ неба зберает, можскихъ тилъ такъ много вазо“.—Въ острожской „Похвалѣ Исаіѣ Балабану“ 1611⁹⁾, при всей ея церковно-славянской вышеченной ненародности, проскальзываютъ фразы: „На сіе богатство Кириѣ покусилъ“ (стр. 6) „его зѣло полезна церкви мѣвѣ быти, потщався [азъ] даже во Аравію“ (стр. 7).—У Кирилла Транквилиона въ „Зерцалѣ Богословіи“ (Почаевъ 1618 г.) эти формы прош. вр. часты: „бы“ (л. 6, а=був), „вложилъ“, „просвѣтилъ“, „раздѣлилъ“, „слышалъ“ и др.; то же—въ

⁴⁾ Влалиміровъ: „Обзоръ“, стр. 31.

⁵⁾ Измарагдъ этотъ описавъ И. Свѣнцикимъ въ его „Описіи рукописей Народнаго Дому“, т. I (Львѣв 1906), ст. 1—18.

⁶⁾ Это—то, которое описалъ Г. Крыжановскій въ „Рукописныхъ евангеліяхъ кievскихъ книгохранилищъ“ (Кіевъ 1889), стр. 167—177.

⁷⁾ Въ Пересопницкомъ евангеліи буква ѣ очень часто пишется, вмѣсто з, на сербскій ладъ.

⁸⁾ Острожскій „Ламентъ“ 1603 г. переизданъ въ Несторовыхъ „Чтеніяхъ“, кн. XII (=1897), отд. 4-й, стр. 14—18.

⁹⁾ „Похвала Исаіѣ Балабану“ 1611 г. издана въ Несторовыхъ „Чтеніяхъ“, т. VIII (=1894).

его болѣе позднѣмъ „Учительномъ Евангелии“ и въ его книгѣ: „Перло многоцѣнное“ (Черниг. 1646). — Въ просто народныхъ комическихъ галицкихъ интерлюдіяхъ Гаваттовича, изд. въ 1619 г., формы на *w* (*wziaw*, *byw*, *kiruw*) чередуются съ формами на *i* (*znał*, *giszył*, *chotil*). — Въ Лексиконѣ Памвы Берынды 1627 г.: „досадить ма“ (л. 113), „испустился“, „выпорожнися“, „выточился“ (61), „умысли“ (126), — все вмѣсто книжнаго *л*. — Вообще въ XVII вѣкѣ, чѣмъ памятникъ понароднѣе, тѣмъ чаще онъ предлагаетъ форму прош. врем. на *вз*; срв. напр. вост.-мр. рукопись XVII в. кievскаго Софійскаго собора № 130 ¹⁰) или зап.-мр. апокрифич. рукопись XVII вѣка Ив. Франка, гдѣ есть, между прочимъ: „и пошошь воюючи“ ¹¹). Даже такіе малорусскіе книжники-схоластики, какъ І. Галатовскій, кievскій ректоръ, сперва готовы были литературно узаконить правописаніе формъ прош. вр. съ буквами *вз*; въ одномъ лишь „Ключѣ разумѣнія“ І. Галатовскаго 1659 г., на пространствѣ 253 страницъ, можно найти больше сотни формъ прош. вр. на *вз*. Но ужъ ученикъ его А. Радивилловскій старался въ печатныхъ изданіяхъ не допускать формы прош. вр. на *вз* и всюду печаталъ *л*, хотя въ рукописяхъ его „Огородка“ не разъ оказывается и начертаніе съ *в*; срв. его печатное ПОБИЛЪ (Огородокъ, 788) и рукописное ПОБЫВЪ (т. II, стр. 1391 и 1392).

Послѣдній фактъ съ особенной яркостью указываетъ, какая изъ двухъ формъ прош. вр., на *л* или на *в*, была для Радивилловскаго живою. Тѣмъ не менѣе позволительно думать, что форма на *л* не совсѣмъ еще была тогда мертва, — но крайней мѣрѣ въ говорахъ зап.-малорусскихъ. Есть и донинѣ въ Галичинѣ (не многіе, положимъ) архаичные говоры, гдѣ можно услышать „я ходыл“ вмѣсто „я ходыне“. Въ современномъ Радивилловскому зап.-мр. стихотвореніи, написанномъ польскою латиницею послѣ 1651 г. по поводу битвы подъ Берестечкомъ, встрѣчается чередованіе: съ одной стороны—*raw*, *weliw* съ другой стороны—*był*, *szi-kał*, *baszył*, *dał*. Предположимъ даже, что это стихотворс-

¹⁰) Она описана, и изъ нея изданы отрывки—въ 72-мъ томѣ „Записокъ“ Науковаго Товариства імени Шевченка у Львові“. См. особ. стр. 126.

¹¹) Рѣчь идетъ объ Александрѣ Македонскомъ. См. стр. 275 въ IV томѣ редактированныхъ И. Франкомъ „Памятокъ українсько-руської мови і літератури“ (Львів 1906, изд. „Наук. Т-ва імени Шевченка“).

ніе по степени своей фонетической точности не слишкомъ надежно,—но вѣдь мы имѣемъ такое же чередованіе формъ на *w*, и на *l* въ интерлюдіяхъ галичанина Гаваттовича, начертанныхъ тоже польскими буквами (1619). При умышленномъ стараніи Гаваттовича быть комично-вульгарнымъ, едва ли возможно видѣть въ его формахъ на *l* искусственность или сваливать ихъ присутствіе въ интерлюдіяхъ на польское происхожденіе автора: нѣтъ! вѣроятно тотъ галичко-подольскій простонародный говоръ, которымъ писалъ Гаваттовичъ на рубежѣ XVI-го в.. дѣйствительно чередовалъ обѣ формы. Только формы на *l* (не на *w*) видимъ мы и въ горно-гудульской пѣснѣ, записанной ок. 1571 г. чешскими буквами (*ru'jmiš buch, lis'ıl buch, dopřunul, wzal dywon'ku zabił*), но она въ счетъ, пожалуй, итти не можетъ, потому что принадлежитъ къ образцамъ специально тѣхъ говоровъ, въ которыхъ форма на *lz* продержалась и впоследствии особенно долго.—Для огромной же массы малоруссовъ періодъ борьбы формъ на *l* съ формами на *e*, кончившійся побѣдою вторыхъ, пришелся, повидимому, на конецъ XV-го и начало XVI-го вв. Въ разгарѣ этой борьбы былъ моментъ, когда и членныя причастія на *шии* готовы были принять видъ *лшии*. Такъ въ Четвероевангеліи XVI в. изъ м. Язловца (въ Галичинѣ), которое теперь хранится въ Волынскомъ Епарх. музеѣ, очень перѣдки написанія вродѣ слѣдующихъ: „послѣди же приступилше два лѣжасвѣдатель рѣша“, „приступилше стоящи рѣша“, „они же приступилше“, „и оставилше его отидоша“, „тогда же иници оставилше его бѣжаше“, „многимъ лѣжесвѣдителямъ приступилшимъ“ и пр., и пр. Или срв. болѣе ранній бѣлорусскій примѣръ въ записи о Ржевской дани послѣ 1479 г.: „то ему собрашы дали“¹²⁾. „Польскія формы, вошедшія въ литературу нѣсколько позже (съ XVII в.), типа *zebrałszy*, свидѣтельствуютъ, что и малорусскія и бѣлорусскія формы на *лшии*, *лшии* могли быть не только начертаніями на бумагѣ, но и живыми разговорными фактами.¹³⁾

¹²⁾ Изд. въ „Актахъ, относящ. къ истор. зап. Россіи“, т. I. (СПб. 1846), № 71.

¹³⁾ По отношенію къ исторіи языка малорусскаго, возможно думать, что позднее (XVII в.) отысканное у І. Галатовскаго единичное начертаніе „приодѣлши“ вмѣсто „приодѣлши“ (см. М. Марковскій: „Ант. Радивилонскій“, стр. 140) есть ужъ, вѣроятно, простой графическій фактъ, а не фактъ живой тогдашней рѣчи малоруссовъ. Возможно усмотрѣть въ этомъ „приодѣлши“ и результатъ вліянія польскаго, которому сильно поддавался Галатовскій.

§ 12. Звуки свистящіе и шипящіе. Отсутствіе смѣшенія ихъ.

а) Смѣшенія шипящихъ звуковъ *ж, ч, ш*, со свистящими *з, ц, с*, обусловленнаго среднимъ произношеніемъ и тѣхъ и другихъ и изстари свойственнаго сѣверно-великорусскимъ говорамъ новгородскимъ („црево“, „чвѣтъ“ и т. п. в.м. „чрево, цвѣтъ“ — еще въ новг. Минеѣ 1095 г.), псковскимъ, бѣлорусскимъ, польскимъ („мазураканье“), словацкимъ, — такого смѣшенія малорусскій языкъ ни теперь не знаетъ, ни въ старину не зналъ ¹⁾: ни кіевскіе памятники XI-го вѣка и дальнѣйшихъ столѣтій, ни памятники червонорусскіе и волинскіе не представляютъ намъ ни одного случая подлинной взаимной мѣны шипящихъ и свистящихъ звуковъ.

б) Мы имѣемъ въ виду, конечно, подлинныя памятники. Если же г. Соболевскій навязываетъ „галицко-волинскому“ нарѣчію мѣну шипящихъ и свистящихъ звуковъ, („правда, очень рѣдкую“, — добавляетъ онъ), то дѣлаетъ онъ это на основаніи тѣхъ немалорусскихъ памятниковъ, которые онъ личнымъ своимъ произволомъ навязалъ Галичинѣ и Волини и которые на самомъ дѣлѣ писаны новгородцами, псковичами и бѣлоруссами. Правда, онъ желалъ бы усмотрѣть это явленіе и въ подлинномъ волинскомъ памятникѣ — Луцкомъ Евангеліи XIV в., но для этого ему приходится прибѣгнуть къ натяжкѣ: объяснить слово *зде* (=здесь) какъ церковно-славянское *жде*. Въ Луцкомъ Евангеліи сказано: „то *зде* же и [два] разбойника, распятая с нимъ, поношаста ему“, л. 225 об.; также на л. 112 об.: „Уч[е]н[и]ци Іоаннови *альчють* часто, и м[о]л[я]тву творять; тако *зде* же и фарисейскіи“. Непремѣнное присутствіе *зде* (или сохраненіе) слова же послѣ *зде* ясно свидѣтельствуетъ, что „то *зде*“ были для писца двумя отдѣльными словами, а не однимъ словомъ „тожде“, и что „тако *зде* же“ представлялись ему, какъ „тако“ + „зде же“. — А ужъ совершенно странно со стороны г. Соболевскаго, что онъ къ случаямъ фонетическаго (!) малорусскаго смѣшенія звуковъ *ч* и *ц* относитъ форму фамиліи на *ицѣ* въ дарственной записи XIV—XV в., начертанную на оборотѣ 153-го листа

¹⁾ Смѣшеніе шипящихъ и свистящихъ возможно только, какъ результатъ чужого вліянія, у пограничныхъ малоруссовъ, тѣсно соосѣдающихъ съ мазуракающими поляками, съ шепелевыми бѣлоруссами и словаками.

въ Луцкомъ Евангеліи и принадлежащую одному изъ членовъ сильно ополяченнаго рода Кирдѣвичей. Именно, вмѣсто ожидаемой формы „Кырѣдѣвича“, въ той записи начертано что-то замаранное, неясное, не то— „Кырѣдѣвича“, не то— „Кырѣдѣвица“ (прошу взглянуть оригиналъ, хранящійся въ Румянцовскомъ Музеѣ, № 112). Это замаранное начертаніе г. Соболевскій, (какъ впрочемъ и Востоковъ) читаетъ за „Кырѣдѣвица“ (Очерки, 40), и его чтеніе представляется и намъ очень возможнымъ. Но только неужели г. Соболевскому не извѣстенъ обычай полонифицирующихъ малорусскихъ дворянъ и даже архиправославнѣйшихъ священниковъ (срв. „Кошиць“ вм. „Кошичъ“) передѣлывать свои фамиліи, имѣющія окончаніе „ичъ“, на польскій ладъ, т. е. придавать своимъ фамиліямъ окончаніе и џъ (польское і с)?! Видъ это, казалось бы, обязанъ былъ бы знать каждый, мало-мальски знакомый съ дѣловыми старомалорусскими документами, въ особенности съ тѣми, которыя писаны на языкѣ польскомъ. Напримѣръ, въ документахъ XV—XVI вѣка, вписанныхъ въ кievской егродской книгѣ подѣ 1724 г. (№ 38, л. 163)¹⁾, объ одномъ и томъ же лицѣ пишется: „do Krzysztofa Kmicica“ (польская форма)— и „rapu Krzysztofowi Kmityczu“ (малорусская форма). Или далѣе въ той кievской книгѣ егродской подѣ 1736 г. (№ 47, л. 308)²⁾ сперва находимъ писанную польскими буквами фамилію „Wegowczyc“, а изъ дальнѣйшаго вписаннаго туда текста малорусскаго мы узнаемъ, что это есть, собственно, малорусская фамилія „Веровичъ“; а при ней тутъ же, въ малорусскомъ текстѣ и малорусскими буквами, фигурируетъ и полонизированное начертаніе „Веровичъ“ (равно какъ род. пад. „отчиковъ“ = польск. ojczyków).— Укажемъ еще одинъ такой же мнимый примѣръ смѣшенія ч и џ въ малорусскомъ памятникѣ, неизвѣстный однако г. Соболевскому;— начертаніе „воџъ“ (л. 36, вмѣсто „воиць“), въ львовскихъ Пандектахъ Автіоха 1307 г.: чистый полонизмъ (пос)³⁾.

в) Но есть и теперь, и всегда были у малоруссовъ случаи двоякаго параллельнаго, вполне законѣрнаго этимологическаго словообразованія, въ силу котораго какое-нибудь слово правильно и систематически является то съ шипящимъ, то со свистящимъ звукомъ. Таковы: центрально-приднѣпровское малорусское чи

¹⁾ = Антонов. и Козловск. № 34, стр. 68.

²⁾ См. тамъ же, № 11, стр. 22—23.

³⁾ если, конечно, буква џ не написана механически вмѣсто џџ (но съ двумя палочками).

(=ли), имѣющее въ другихъ говорахъ параллельную форму *чи* (съ болѣе архаичною разновидностью *ци*); слово *цебѣр* (нѣм. Zuber = ушаты) при названіи травы *чебрѣць* (старин. „убрьць“, гдѣ *уь* изъ *ki*,—срв. литовское *kibiras*=ведро, церковно-слав. *убрь*; вост.-мр. и чешское *дѣбан* (=жбанъ) при западно-малорусскомъ и польскомъ *[д]збанъ*, *[д]збáн[оr]*; обще-малорусское *позичити* (=заимствовать) наряду съ *пожичити* (и по-польски *pożyczyć*). Каждая изъ этихъ параллельныхъ разновидностей этимологически правильна, подтверждается показаніями другихъ славянскихъ языковъ и восходитъ къ очень старому времени. Напримѣръ, форма *чи* (=ли, если), засвидѣтельствованная кievскими Изборниками Святослава XI в. и разными списками Начальной и Киевской лѣтописи, съ ея разновидностью *цѣ* (есть она и въ Изборникѣ 1073 г.,—напр., л. 161 об., 186 и др.,—и въ червонорусскихъ памятникахъ)¹⁾, чередуется въ разныхъ спискахъ лѣтописи съ *чи* (срв. и по-польски *czy*; то же и по-болгарски, и по-чешски и др.); такъ же изъ „Слова о Полгу Игоревѣ“ (XII в.) мы знаемъ—очевидно, черниговскую XII вѣка—форму *чи* („Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне“). Очень обычны и въ старѣйшихъ кievскихъ и въ западно-малорусскихъ памятникахъ двѣ параллельныя и равнозначущія формы глагола: „оцѣстити“ и „оунстити“ (при литовскомъ корнѣ *kaist* и *kíst*), съ разными гласными въ своемъ корнѣ (*ѣ* и *и*) и, сообразно этому, съ разными согласными: въ одномъ случаѣ съ *ч*, въ другомъ случаѣ съ *у*. Изъ нихъ до нашего времени дожила у малоруссовъ только вторая форма (*о ч и с т и т и*), хотя еще и въ рукописяхъ XVI—XVII вв. (церковныхъ), писанныхъ малоруссами, не рѣдкость —

¹⁾ Это же *цѣ* есть и въ старѣйшихъ церковно-славянскихъ памятникахъ.

встрѣтитъ форму „оцѣстити“, „оцѣщение“; --- это впрочемъ въ XVII вѣкѣ можетъ свободно объясняться какъ заимствование изъ мертваго, церковно-славянскаго священнаго оригинала, а не какъ продолжающійся изстари фактъ живой тогдашней малорусской рѣчи.

г) Въ разряду смѣшенія шипящихъ и свистящихъ звуковъ такъ же не относится малорусскій обычай — передавать посредствомъ звука *ш* тотъ звукъ *с* въ чужихъ, заимствованныхъ словахъ, который для малорусскаго уха представляется не чистымъ малорусскимъ звукомъ *с*, но чѣмъ-то среднимъ, шепелявымъ. Такъ, польскія слова *smagować* и *smarkaty* малоруссъ принялъ въ свою рѣчь въ видѣ *шмарувати* (=смазывать) и *шмаркати* (=соплявый), потому что, очевидно, не могъ признать чистаго звука *с* въ польскомъ (шепелявящемъ) выговорѣ звука *s*¹⁾; разумѣется однако, что звукъ *ш* въ глаголѣ *шмарувати* могъ перейти въ малорусскій языкъ прямо изъ нѣмецкаго. Точно такъ же монгольско-русское слово „стаканъ“ не разъ обращается у малоруссовъ въ *штакан*, потому что малорусскіе обрусѣлые бары, силясь разыгрывать изъ себя не „хохловъ“, произносятъ звукъ *с* па утрированно-небрежный ладъ. Подобное явленіе мы видимъ и въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года, гдѣ греческое *στύραξ* (=ладонь), произносимое греками не безъ шепеляваго присвиста, передано черезъ „штурить“ (л. 243 об.).

д) Вопросъ о старинной мягкости малорусскихъ шипящихъ и свистящаго *ш*.

Очень важно рѣшить вопросъ, въ такой ли самой степени, какъ и теперь, былъ мягокъ у

¹⁾ А несомнѣнно-шипящее польское *sz* малоруссъ и подавно принималъ въ свой языкъ въ видѣ *ш*. Напримѣръ, польское *szkło* = мр. ш к л о (=стекло).

кіевлянъ XI вѣка свистящій звукъ *ц*, и насколько были мягки тогда шипящіе *ж*, *ч*, *ш*, *щ*?

Въ настоящее время малоруссъ центральнаго Поддѣпровья строго избѣгаетъ твердости звука *ц* въ исходѣ закрытыхъ слоговъ ¹⁾ и не терпитъ сочетаній *ца*, *цу*, *цо*; срв. мр. отѣць, отѣцький, отця, отцю, зап. отцьового—при русскомъ „отецъ, отецкій, отца, отцу, отцова“; если попадаютъ и по-малорусски слова въ родѣ *коц* (=нѣм. Kotze попона), *цап* (=козелъ, польск. сар), *обца* с (=каблукъ, нѣм. Absatz), *цар* (изъ цѣсарь), *цѹцик* (=щенокъ, срв. „сука“), *цокотіти* (на ряду съ *сокотіти*=блохтать) и т. п., то въ нихъ твердое *ц* или заимствовано изъ чужихъ языковъ, или возникло изъ твердаго *с*. Сочетаніе *ци* можетъ у нынѣшнихъ малоруссовъ быть и твердымъ (выгов. „ци“) и мягкимъ (выгов. „ци“), причемъ мягкое *ци* обыкновенно происходитъ изъ *цѣ*. Сочетаніе же *це*—всегда твердо (выгов. „цѣ“), — напр. *отцѣві* (выгов. „отцѣви“=отцу).

Есть много данныхъ полагать, что у кіевлянъ и прочихъ малоруссовъ XI вѣка звукъ *ц* былъ мягокъ во всѣхъ положеніяхъ, — въ томъ числѣ и въ сочетаніи *це*, — такъ что кіевляне XI вѣка произносили не только „отцьа, отцьа, отцью“ (это произношеніе вполне ясно изъ старокіевскихъ и другихъ начертаній), но и въ словѣ *отцьекн* окончаніе *-екн* звучало у нихъ какъ мягкое *-цеві*, а не *-цѣві*. О мягкости *це* можно заключить изъ того обстоятельства, что вскорѣ же послѣ XI вѣка старокіевское сочетаніе *це* оказалось способнымъ переходить въ мягкое *цьо*, а не въ твердое *цо*, и въ мягкое *ця*,

1) Закрытымъ слогомъ называется такой, который оканчивается на согласную; слогъ, оканчивающійся на гласную, называется открытымъ. Напримѣръ, въ словѣ *о-тѣць* первый слогъ (о) открытъ, второй слогъ (*тець*)—закрытъ.

а не въ твердое ца. Срв. и до нынѣ мягкое западное отцѣові (наряду съ твердымъ отцѣві), или общемалорусское прилагательное съ мягкимъ ц: вітцѣвський (изъ отыцекьскый, = отцовскій; архаичн. - мр. „отцюовський“).

И такъ, хотя свистящій ц былъ мягкимъ въ рѣчи вѣвянъ XI вѣка нѣсколько чаще, чѣмъ въ нынѣшней приднѣпровской рѣчи, все же слишкомъ рѣзкой разницы между нынѣшнимъ характеромъ малорусскаго ц и тогдашнимъ его характеромъ (XI вѣка) мы усмотрѣть не можемъ.

Иное дѣло—тогдашніе и нынѣшніе средненипровскіе звуки шипящіе.

Въ настоящую пору мы смѣемъ сказать, что шипящіе звуки (ж, ч, ш, ц,) въ рѣчи центрального Приднѣпровья—тверды: мы вѣдь произносимъ ніж (стар. нож), а не „нижь“, ножа, а не „ножа“, и т. д. Мягкихъ сочетаній „жя, жу, жо (жѣ)“, же,—чя, чу, чо (чѣ), че,—шя, шу, шо (шѣ), ше, ща, щю, що (щѣ), ще“—мы въ центрально-украинской рѣчи совсѣмъ теперь не слышимъ. Только жи, чи, ши, щі (изъ жя, изъ жѣ и изъ жо), и пр.) всегда строго отличаются своею мягкостью отъ твердыхъ: жи (изъ жи), чи (изъ чн), ши (изъ шн), щн (щн); срв. вполне мягкій шипящій звукъ въ „на жи“ (=на ножѣ) и твердый—въ „жити“ (выгов. „жыты“=жить).

Случаи современной мягкости шипящихъ передъ а, о, у, е (да и то мягкости не всегда обязательной) сводятся теперь въ центрально-украинской рѣчи къ слѣдующимъ: 1) въ 3-мъ л. мн. ч. на ать,—напр. вони лежѣть (=они лежатъ; но въ неопр. н-шіи лежати звукъ ж твердъ); — 2) въ орудномъ падежѣ типа ніччю (=ночью), річчю (=вещью, „рѣчью“); — 3) въ склоненіи словъ средняго рода съ удвоеннымъ шипящимъ, —

словъ имѣвшихъ нѣвогда окончанія -шнє, -цнє, -жнє, -унє, — напр., палічя (=палочье), збіжжя (=сбожье, т.-е. зерновой хлѣбъ), дат. палічю, збіжжю и т. д.:—4) въ словахъ средняго рода съ наращательнымъ суффиксомъ ят, — напр. горщя (род. горщяти = маленькій горшокъ). Въ перечисленныхъ случаяхъ мягкость шипящихъ звуковъ. какъ-ни-какъ, а достаточно явственна и ощутительна; напр., нічю (=ночью), если мы прислушиваемся къ этому слову внимательно, въ большинствѣ мѣстъ Подніпровья не есть ніччу, хотя нѣкоторые украинскіе писатели склонны писать именно „ніччу“, а не „ніччу“.

Однако помимо этихъ четырехъ случаевъ шипящіе звуки въ центральной Украинѣ всегда вполне тверды. Болѣе частыми оказываются случаи мягкости малорусскихъ шипящихъ въ говорахъ сѣверно-малорусскихъ, архаичныхъ, а въ Галичинѣ также во многихъ говорахъ неархаичныхъ: въ нихъ мы услышимъ ножя, ножю, чяс (=час, т.-е. время), щьо (=что) и тому подобныя мягкія шипящія сочетанія, которыя въ литературной рѣчи, основанной на говорахъ средней Наддніпрянины, строго избѣгаются. Для кievской (и прочей малорусской) рѣчи XI вѣка именно такое (арханчное) всеобщее-мягкое произношеніе шипящихъ звуковъ мы и должны признать за норму: это видно, напримѣръ, изъ многочисленныхъ написаній въ кievскихъ Изборникахъ 1073 и 1076 года и въ „Словахъ Григорія Богослова“ XI вѣка — съ мягкими слогами жя, жю, чя, чю и пр. Поэтому, встрѣчая въ кievскомъ Изборникѣ 1073 года начертаніе „уоловъка“ (л. 179 об.) или въ Изборникѣ 1076 года „жона“ (л. 181 об.), или въ червонорусскихъ „Словахъ Григорія Богослова“ XI вѣка начертаніе „ничосо“ (л. 24 об.;=ничего), мы должны и въ слогѣ юи

въ слогѣ жо подразумѣвать тоже мягкость, т.-е. понимать его, какъ чьо (чѣ) и жьо (жѣ).

И не только въ XI-мъ, но повидимому и въ XII—XV вѣкахъ малорусскіе шипящіе продолжали, въ общемъ, быть мягкими ¹⁾. Мы подчеркиваемъ выраженіе „въ общемъ“, потому что первые (спорадическіе) признаки отвердѣнія шипящихъ могли ощущаться, конечно, даже въ XI вѣкѣ; срв. въ Изборникѣ 1073 года: „притьчъ“ (л. 152; вм. „притьчь“) и еще три-четыре аналогичныхъ начертанія, а въ Изборникѣ 1076 г.: „оружье“ (л. 228 об., л. 240), мужъ (л. 240) и пр.; то же въ Словахъ Григорія Богда-слова XI в. (л. 47 об., л. 204 об.: „дъждъ“, и др.) ²⁾. Только однако въ XV вѣкѣ отвердѣніе шипящихъ начинаетъ быть черезчуръ очевиднымъ и рельефно бросается въ глаза появленіемъ сочетаній жы, уы, шы, шы, которыхъ до XV вѣка не приходится намъ въ малорусскихъ памятникахъ встрѣчать. На-примѣръ, мы читаемъ въ буковинскомъ господарскомъ договорѣ съ королемъ 1444 г. (=Улян. № 58, стр.

¹⁾ Какъ увидимъ изъ слѣдующей главы (§ 20), мягкость шипящихъ XII—XV вѣковъ существенно отразилась на качественной судьбѣ того гласнаго звука *с*, который предшествовалъ шипящему: онъ могъ или расширяться въ *я*, или удлиняться въ *іе*; срв. изъ стараго *грабѣжъ* двѣ вышнія фонемы: или *граб'яж*, или (арх.) *грабіеж*, (не арх.) *грабіж*. Отвердѣніе *жъ* всюду очень рано, мы въ арханчныхъ говорахъ повсемѣстно имѣли бы не *грабіеж*, а только *грабюож*.

²⁾ Изрѣдка слышащееся въ арханчныхъ говорахъ „грабюож“ (при обычномъ арханчномъ „грабіеж“) тоже можетъ свидѣтельствовать, что кое-гдѣ отвердѣніе шипящихъ произошло очень рано, до т. н. „паденія слоговыхъ глухихъ гласныхъ *ѣ* и *ь*“, о которомъ рѣчь у насъ въ слѣдующей главѣ, § 17. Этимъ, правда, вопросъ хронологіи не рѣшается; вѣдь если съ одной стороны несомнѣнно, что для большинства малорусскихъ нарѣчій эпохою паденія глухихъ оказываются XII—XIV вв., то съ другой стороны несомнѣнно, что въ известной части малорусскихъ говоровъ глухіе гласные *ѣ* и *ь* сохранились гораздо дольше.

63) ¹⁾: „краиуы[й] королевства полского“; далѣ въ договорѣ 1447 г. (=Улян. № 63, а, стр. 69)— „противъ тыхъ намъ помоуы не дати“; въ подтвердительномъ договорѣ 1448 г. (=Улян. № 67, стр. 73): „святый хрестъ цѣловавиы“. Въ галицкой гр. 1454 года Снятынскаго старосты (=Улян. № 78, стр. 86): „панъ Мужыло“, „нашымъ листомъ“, „чтууы услышыть“, „хотяуы учынити“, „причыняемъ“, „нашы двѣ селѣ“, (и тутъ же: „печати нашѣ“), „до его жывота“. Въ люблинской жалованной гр. 1501 г. короля Александра Свидригайла волынскому землянину Ивашку Лабунскому: „вбачившы его николы невмѣшваную службу“ (=Антон. и Козл. № 14, стр. 33).

§ 13. О губныхъ звукахъ (б, п, в, ф, м).

а) Вопросъ о мягкости и твердости малорусскихъ губныхъ.

Нынѣшній малоруссъ вовсе не способенъ произнести мягко: *бъ, нь, вь, фь, мъ*, въ исходѣ ли закрытыхъ слоговъ, или въ иномъ самостоятельномъ положеніи; срв. малорусское нынѣшнее твердое *голуб* при старинномъ „голубь“, нынѣшнее малорусское *си* и! при старинномъ „сыпь!“, нынѣшн. *мр. п'ю* и *б'ю* (чит. „пзю“ и „бзю“) при старинномъ „пью, бью“, и т. п.

Не совсѣмъ пріятны для малорусса также и слоговыя сочетанія: *бя, пя, вя, мя, бю, пю, вю, мю* (про *фя* и *фю*—говорить нечего!), содержащія въ себѣ тоже *бъ, пь, вь, мъ*. И хотя они малоруссамъ,

¹⁾ Можно бы указать и на болѣе раннюю грамоту—1436 года, писанную во Львовѣ для молдавскаго воеводы (=Улян. № 47, стр. 52—53), гдѣ *чы* и *шы* очень обильны („нашыхъ“, „памятучы“ и т. п.). Но та грамота мало надежна, потому-что писана не малоруссомъ, а какимъ-то инородцемъ.

по крайней мѣрѣ восточнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ еще не чужды (срв. выговоръ *вя* какъ *вѣа* въ словахъ: *свѣятій* = святой, *рѣдвяній* = рождественскій, и др.), тѣмъ не менѣе въ большинствѣ такихъ случаевъ малоруссы стремятся (напр. въ словахъ „*има*“, „*ванути*“) произносить губные звуки твердо; а чтобы *бя*, *бю*, *вя*, *вю*, *мя*, *мю*, *пя*, *пю* не обратились въ *ба*, *бу*, *ва*, *ву* и т. д., малоруссы послѣ отвердѣвшаго губнаго звука вставляютъ здѣсь йоту и произносятъ: *ім'я* (чит. „*імзѣа*“), *в'йнупти* (чит. „*вѣйнупти*“) и т. п. ¹⁾.

Какъ же произносились губные звуки въ рѣчи малоруссовъ XI в. — у кievлянъ, червоноруссовъ и другихъ?

б) Раньше XI вѣка, по всему вѣроятію, малоруссы вовсе не чувствовали того отвращенія къ мягкости губныхъ, какое они проявляютъ теперь. Да и въ теченіи XI вѣка мягкость кievскихъ и др. губныхъ бывала въ большинствѣ случаевъ очень и очень сохранна.

Однако дошедшіе до насъ памятники конца XI вѣка и нѣкоторые факты изъ дальнѣйшей исторіи языка свидѣтельствуютъ съ полной ясностью, что процессъ отвердѣнія губныхъ въ рѣчи малоруссовъ XI вѣка уже начался.

Мало-симптоматичною, конечно, является въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г. твердость звука *ѣ*, выплывшая наружу въ такихъ начертаніяхъ, какъ „*Пюдиѣъ*“ (л. 254, два раза), „*Руѣъ*“ (л. 252) и т. п.; потому что къ мягкому произношенію чужого, нероднаго звука *ѣ* (ѣ = ф) едва ли были способны ма-

¹⁾ Въ своемъ мѣстѣ (именно въ главѣ 12-й, § 75—77) мы съ подробностью и съ точностью укажемъ условія, при которыхъ восточно-малорусскіе губные звуки остаются мягкими, и при которыхъ они обязательно дѣлаются твердыми, равно какъ укажемъ условія, требующія какъ вставки йоты, такъ и отсутствія вставки.

лоруссы не только въ XI вѣкѣ, но и раньше XI вѣка да и вообще когда бы то ни было; ниже мы увидимъ, что и твердое-то *ѣ*, несвойственное духу ихъ рѣчи, едва ли они умѣли произносить въ XI вѣкѣ съ успѣхомъ, хотя всякому человѣку легче выговорить твердое *ѣ*, чѣмъ мягкое *ѣь*. Но, напримѣръ, начертаніе Изборника 1073 г. „праѣда“ (л. 60, об.), вмѣсто ожидаемаго „правьда“, уже хорошо указываетъ намъ, что въ этомъ словѣ не только исчезъ гласный звукъ *ь* ¹⁾, но отвердѣлъ и губной звукъ *в*: мягкое *авь* не перешло бы въ *ав*.

Можемъ мы также съ полной увѣренностью констатировать въ рѣчи кievлянъ XI в. и прочихъ тогдашнихъ малоруссовъ отвердѣніе падежной флексіи *мь*. Въ кievскомъ Изборникѣ 1073 г. мы не съ ожидаемымъ окончаніемъ *мь*, но съ *мъ*, находимъ орудные падежи ед. ч.: жрьновъмъ (л. 190 об.), безумъмъ (л. 147 об.), гласомъ (л. 161), вьсьмъ (л. 219), дѣломъ (л. 220 об., л. 229 об.), видомъ (л. 229 об.), подьялежаштемъ (л. 228 об.), сущитимъ (л. 203 об.), животьномъ (л. 246) и мн. др., а также находимъ мѣстные падежи прилагательныхъ ед. ч. по типу: „о хотяштитимъ“ (л. 213), „о блазняштитимъ“ (л. 209). То же и въ Изборникѣ 1076 г.: Божнемъ промыслъмъ (л. 15 об.), чясомъ (л. 201 об.), д[ь]нъмъ (л. 242 об.), и мн. др. Много такихъ случаевъ и въ червонорусскихъ „Словахъ Григорія Богослова“ XI в., — случаевъ избыльнѣйшаго падежнаго отвердѣнія флексіи *мь* ед. ч. „о семъ“, л. 31; „о истиньнѣемъ словѣ“, л. 21; „о проповѣдающимъ и крѣстьяшчинимъ“, л. 122; „потомъ“, л. 19, л. 36 об.; „чимъ“ и „ничимъ“, л. 122 об., л. 147; „истиньнымъ свѣтъмъ“, л. 1, об.; „молитвою и правьднѣимъ прошеніемъ“,

¹⁾ О гласномъ характерѣ звука *ь* (и *ъ*) см. слѣдующую главу, § 17.

л. 26; „съ о[тъ]цемъ“, л. 185 об.; „великѣиѣ о[тъ]цемъ“, л. 31; „ученіемъ сладкѣимъ и добрымъ“, л. 40 об.; „д[у]хомъ“, л. 122; „ч[е]л[овѣ]чьимъ рождествомъ“, л. 148 об.; „врѣменемъ длгою и бытиемъ“, л. 38 об.; „житиемъ анг[е]льскомъ“, л. 122; „брзотою и величествомъ вештнѣимъ“, л. 33 об.; „мозгомъ еленемъ и львовѣмъ басньнымъ“, (т. е. мозгомъ оленьимъ и львинымъ мнѣическимъ, = л. 31 об.); „нарокомъ дружбы и закономъ уньшемъ“, т. е. [исправляя] меня] дружескимъ упрекомъ и лучшимъ правиломъ, = л. 20 об.; „словѣмъ“, л. 80 об.; „съ Б[ог]омъ“, л. 80 об.; „умомъ“, л. 80 об., и др.; мы тамъ находимъ отвердѣніе и глагольной флексіи: „азъ есмь“ (л. 1 об.), „подамъ, имамъ“ (л. 19 об.). Такъ какъ одновременно съ появленіемъ твердой флексіи мь (вм. мь) въ орудномъ и мѣстномъ падежахъ ед. ч. мы въ тѣхъ памятникахъ встрѣчаемся не разъ съ написаніемъ мягкой флексіи мь (вм. мь) въ дат. падежѣ множ. числа, то очень естественно думать, что отвердѣніе падежной флексіи мь ед. ч., вызванное сперва фонетическими причинами (начавшимся процессомъ отвердѣнія губныхъ), было ускорено вліяніями нефонетическими: смѣшеніемъ флексіи мь ед. ч. съ флексією мь мн. ч. Какъ бы то ни было, намъ очень важно—помнить, что въ XI вѣкѣ флексія мь ед. числа замѣнилась флексією мь, — важно помнить этотъ фактъ потому, что эта ранняя твердость флексіи мь (мь) имѣла вскорѣ огромное вліяніе на одно изъ капитальнѣйшихъ явленій малорусской фонетики ¹⁾).

¹⁾ именно—на судьбу звука с, который предшествовалъ этой флексіи,—напр. въ формѣ „въ нсмь“. Если бы мь произносилось малоруссами здѣсь мягко, то эта форма обратилась бы въ „в ніемъ“;—между тѣмъ, въ силу твердости флексіи, она обратилась въ „в нюмъ“ (украинское „в нѣмъ“ произошло изъ архаичнаго „в нюомъ“ черезъ стадіи „нюэмъ“, „нюимъ“). См. § 20.

в) Съ какого времени вставляется паразитная йота въ слоги *бя*, *мя* и т. п.?

Вставляли ль малоруссы XI вѣка йоту въ сочетаніяхъ *бя*, *мя* и т. д.?

Кажется, что еще нѣтъ. Изслѣдуя правописаніе кievскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года, червонорусскихъ „Словъ Григорія Богослова“ XI в., галицкаго Четвероевангелія 1144 г. и др., мы должны склониться къ заключенію, что мягкія губныя сочетанія *бя*, *пя*, *вя*, *мя* и т. п., вмѣсто которыхъ мы теперь по большей части слышимъ у малоруссовъ *бйа*, *пйа*, *вйа*, *мйя* и т. п. (со вставочной йотой послѣ отвердѣвшаго губного), произносились въ XI вѣкѣ у малоруссовъ въ Кіевщинѣ и въ другихъ мѣстахъ такъ, какъ теперь произносится въ Кіевщинѣ *вя* лишь въ немногихъ словахъ („святій, рздвяній“ и т. п.) или какъ произносятся слоги *бя*, *пя*, *вя*, *мя* у русскихъ (т. е. за *бья*, *пья*, *вья*, *мья*, съ мягкостью губныхъ и безъ вставочной йоты).

Возможно, разумѣется, что первыя попытки вставлять въ такихъ случаяхъ йоту начались еще въ XI вѣкѣ, но въ широкое употребленіе этотъ обычай вошелъ у малоруссовъ лишь въ послѣдующія столѣтія ¹⁾). Буковинцы XV вѣка выражали на письмѣ эту вставочную йоту черезъ букву *ъ*; срв. въ присягѣ господарской рады 1448 г. (=Улян. № 68, стр. 75): „обвьязуемыся тымъ-то листомъ“, — и это стало очень обычнымъ пріемомъ старомалорусской орфографіи ²⁾).

¹⁾ Изъ начертанія Изборника 1073 года: „послабьяше“ (л. 140 об.) ужъ можно было бы извлечь кое-какой (слабый) намекъ на существованіе этого явленія еще въ XI в.—Надо впрочемъ оговориться: нѣкоторые въ высшей степени солидные языковѣды (напр. акад. Ѳ. Е. Коршъ) вообще не признаютъ, чтобы нѣвшнее мр. произношеніе *мйа*, *вйа*, и т. п. (съ йоткою) было чертою новымъ: напротивъ, въ ней-то они видятъ сохраненіе именно общеславянскаго выговора и считаютъ великорусское безйотное произношеніе *мя*, *ва* (=мья, вья) какъ-разъ за черту болѣе новую, неизвѣстную предкамъ тѣхъ же великоруссовъ. Согласно этому возрѣнію (котораго однако я не придерживаюсь, имѣя въ виду показанія документовъ), предки великоруссовъ произносили, напр. еще не „вянуть“ (т. е. не „вянуть“), но „в'януть“ (т. е. такъ, какъ малоруссы и другіе славяне).

²⁾ Въ Галичинѣ, гдѣ теперь такъ преслѣдуется любимый

Иногда, впрочемъ, писался въ такихъ случаяхъ не ъ, но ь; срв. документы XVI в. вписанные въ кievскую книгу вгродскую подь 1736 г. (№ 47, л. 305 об. и л. 263 об. = Антон. и Козлов. № 19, стр. 40—41 и № 12, стр. 24): „дня пьятнадцатого“, „тыхъ землянь“, „обавьяючися“ (=польск. obawiając się, т. е. „опасаясь“).

г) О старинной склонности звука в къ у.

Звукъ в, который теперь въ извѣстныхъ случаяхъ склоненъ приближаться къ у, благодаря чему нынѣшнее, напр., кievское слово взявши звучить почти какъ взяуши, имѣлъ въ XI вѣкѣ гораздо меньше случаевъ проявлять такую свою природу. Такъ въ вышеприведенномъ словѣ взявши онъ не могъ тогда образовывать собою дифтонга яу потому, что это слово имѣло въ XI вѣкѣ звуковой видъ „възявши“, т. е. заключало въ себѣ гласный звукъ ъ послѣ в, и, слѣдовательно, звукъ в произносился тогда въ этомъ словѣ такъ, какъ онъ теперь произносится въ словѣ ви (=вы).

Но, напримѣръ, въ вышеприводимомъ уже словѣ „правда“, которое въ концѣ XI вѣка начало терять или совсѣмъ утерало гласный звукъ ъ, до тѣхъ поръ слышавшійся здѣсь послѣ в, сочетание ав звучало у кievлянъ XI вѣка совершенно такъ же, какъ оно и донинѣ звучить въ Кieвщинѣ въ этомъ словѣ, — и потому въ Изборникѣ 1073 года это слово передано черезъ „прауда“ (л. 60, об.). Заслуживаютъ вниманія и нѣкоторыя другія аналогичныя начертанія Изборника 1073 года. — конечно, гораздо менѣе характерныя, потому что онѣ примѣняются въ словахъ иностранныхъ, а не въ чисто-малорусскихъ. Таково имя: „Паоуль“ (л. 164) и „Пауль“ (л. 181) при обычномъ „Павль“. Имя Евы (жены Адама) въ Изборникѣ 1073 года одинаково пишется какъ въ видѣ „Еуга“ (л. 100 об.,

украинцами способъ выразить звуки б ѣ а черезъ б ѣ я, звуки м ѣ а черезъ м ѣ я и т. п., этотъ самый способъ превосходно примѣнялся въ рукописяхъ даже въ XVIII вѣкѣ. Срв. напр. у Франка въ „Памятках“, т. IV, стр. 17: „сѣмѣя“.

л. 101), такъ и въ видѣ „Евга“ (л. 209). Имя царя Навуходносора является въ Изборникѣ 1073 г. не разъ въ начертаніи „Навѣходносоръ“ (л. 97, л. 143 об., два раза, л. 146), равно какъ и „Наоѣходносоръ (ь)“ (л. 144)¹⁾. Имя „Августъ“ фигурируетъ въ Изборникѣ 1073 года и въ начертаніи „Авѣгустъ“ (л. 249) и — черезъ два листа — въ начертаніи „Аугустъ“ (л. 251).

Смѣшеніе предлоговъ *в* (къ) и *у* (оу), чрезвычайно любимое у нынѣшнихъ малоруссовъ (срв. влі'зти и ул'зти), въ XI вѣкѣ едва начиналось, потому-что обычная тогда гласность ъ въ предлогѣ къ препятствовала этому. Но нѣкоторые робкіе начатки этого смѣшенія, напр. въ чередованіи словъ „угодный“ и „въгодный“, „въселеная“ и „уселеная“, „взирати“ и „узирати“, проявляются ужь и въ кievскихъ изборникахъ Святослава 1073-го и 1076-го года, да и въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка, какъ признакъ зарождающагося паденія глухихъ гласныхъ. Въ „Словахъ“, кромѣ того, попадаетъ и вполне рельефное выраженіе: „Еже уписалъ есмь — вписахъ“ (л. 143, а; это слова Пилата). Однако, вообще говоря, широкое и яркое смѣшеніе предлоговъ къ и оу констатируется по старо-малорусскимъ памятникамъ только послѣ XII вѣка²⁾.

д) Чередованіе губныхъ *в* и *м*.

Донынѣ обычное (хотя и спорадическое) въ Кіевщинѣ и въ другихъ малорусскихъ областяхъ че-

¹⁾ На л.л. 143—146 мы находимъ разнообразныя варіаціи этого имени.—Им. пад. его съ окончаніемъ *рь* не встрѣтился, но его существованіе предполагается формой „Науходносору“ (л. 144).

²⁾ О нынѣшнемъ малорусскомъ чередованіи звуковъ *в* и *у* рѣчь будетъ въ особой главѣ, § 48. Тамъ же и многочисленныя указанія памятниковъ, хронологически освѣщающія исторію этого явленія.

редованіе губныхъ звуковъ *в* и *м* по сосѣдству съ *н* (намножитися и навножитися, кімната и кізната и пр.) отразилось въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1076 года начертаніемъ „вѣножьство“ (л. 183 об.) вмѣсто „множьство“¹⁾. Другой аналогичный случай чередованія звуковъ *в* и *м* обусловливается въ малорусскомъ языкѣ сосѣдствомъ (непосредственнымъ или посредственнымъ) звука *р*²⁾; этотъ случай тоже нашелъ свое отраженіе въ Изборникѣ 1076-го года: „сѣмьрьшимъ“ (л. 245) вм. „сѣвьрьшимъ“. Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в.: „Вѣра безъ дѣлесъ мрътва, якоже и дѣлеса безъ мѣры“ (л. 146, d; == „безъ вѣры“).

е) Звукъ *ф* и его замѣны.

Звукъ *ф*, какъ теперь чуждъ восточно-малорусскому нарѣчію, такъ и въ XI вѣкѣ былъ чуждъ и неестественъ для лѣтописныхъ кievлянъ; чуждымъ былъ онъ тогда и для червоноруссовъ и прочихъ западныхъ малоруссовъ. Между тѣмъ множество греческихъ словъ и именъ, заимствованныхъ (особенно послѣ крещенія Руси) изъ греческаго языка, содержали въ себѣ этотъ тяжелый для выговора звукъ (*φ* и *ϕ*). Въ попыткахъ приноровиться къ нему старокievская и вообще старомалорусская рѣчь прибѣгала

¹⁾ Глухой звукъ *ж* въ этомъ корнѣ ужь не слышался въ XI в., — срв. въ томъ же Изборникѣ 1076 г. начертаніе „многo“ (л. 56); то же — въ Изборникѣ 1073 г. (л. 2). Судя по церковнославянскимъ памятникамъ, гдѣ въ этомъ словѣ слишкомъ часто не пишется *ж*, можно считать отсутствіе здѣсь гласнаго звука послѣ *м* очень стариннымъ, и сосѣдство звука *м* со звукомъ *н* — непосредственнымъ. Впрочемъ, для того, чтобы *м* чередовалось съ *в*, вовсе не требуется непосредственное сосѣдство звука *н*: достаточно, чтобы звукъ *н* содержался просто въ сосѣднемъ слогѣ. См. главу 13-ую, § 81—82.

²⁾ См. главу 13-ую, § 81.

къ тѣмъ же приемамъ, къ какимъ прибѣгаетъ малорусь и теперь.

Одинъ изъ приемовъ—замѣнять *φ* (послѣ согласныхъ) звукомъ *в*; срв. соврем. шиньквѣас (=нѣм. Schenkfass, винная бочка) и ширитвѣас (родъ чана), вульг. освалът (=асфальтъ), и т. п. Въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года имя „Эсеирь“ является въ формѣ „Осмиръ“ (л. 254).

Другой приемъ—замѣнять звукъ *φ* звукомъ *п*; срв. соврем. Пиліп (=Филиппъ), Педора (=Теодора), штрап (=штрафъ) и т. п. Лѣтописные кievляне прибѣгали и къ этому. Такъ, греческое *φᾶρος* (что значитъ и „полотно“, и „свѣточъ-маякъ“) перешло къ нашимъ предкамъ, лѣтописнымъ кievлянамъ, въ видѣ „парусъ“¹⁾.

Третій малорусскій способъ убѣгать отъ звука *φ*—это замѣнять его черезъ *х*; срв. Хома вм. „Θομα“. Ужь и лѣтописные кievляне прибѣгали къ этому способу: греческое „просфорá“ перешло на Русь въ видѣ „проскура“²⁾, откуда очень рано, не позже XI вѣка, образовалась новая форма, донныѣ процвѣтающая: „проскура“³⁾; извѣстна она ужъ и изъ списка „Житія Θεοδοσία Печерскаго“ XII в. (л. 3); тогда же жившій святой Спиридонъ вписанъ былъ въ Печерскій Патерикъ съ прозвищемъ: „преподобный Спиридонъ Проскурникъ“⁴⁾.—Очень естественно, что

¹⁾ Въ обоихъ греческихъ значеніяхъ восточные малоруссы употребляютъ это слово и до сихъ поръ, но второе значеніе („маякъ-свѣточъ“) получило у малоруссовъ болѣе узкій отгѣнокъ: „снопъ свѣта“, „лучъ изъ-за тучи“.—Сонце паруси попусквало—значитъ у восточныхъ малоруссовъ: „Солнце пустило (изъ-за тучи) снопъ лучей“. По словарю Левченка (стр. 66—67) паруси можетъ означать и всякіе „лучи“.

²⁾ Срв. даже въ XIII вѣкѣ написаніе „проскура“—въ новгородской Коричей ок. 1282 г. (л. 105), изготовленной „стяжаніемъ“ кievлянина-митрополита Климента.

³⁾ Аналогичное явленіе произошло и у сербовъ.

⁴⁾ Можно было бы изъ старыхъ памятниковъ привести много другихъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что форма „проскура“, которая теперь нѣкоторымъ малоруссамъ, а тѣмъ болѣе рус-

и западные малоруссы тоже усвоили себѣ обычай замѣнять греческое *φ* звукомъ *х*. Въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г. оказывается (на л. 162 об.): „земля Нелталимля, въ прѣдѣлѣхъ Нелталимлихъ“; въ Евангеліи Луцкомъ (Волинскомъ) XIV вѣка: „Хрола“ (л. 257 об. = Флора). Довольно изобильными оказываются начертанія съ *х* вм. *ф* въ грамотахъ XIV и XV вв., и кievскихъ, и западно-малорусскихъ. Въ кievской Печерской духовной 1446 г. видимъ старца „Пажнутія“; подобныхъ именъ достаточно есть и въ описяхъ кievскихъ земель, и въ кievскихъ монастырскихъ помянникахъ XVI в.: Хима, Хотимья, Ходоръ, Халелѣй и пр. Въ гр. 1424 г., быть можетъ изъ Черниговщины (изъ Остра), выданной черниговскимъ княземъ Швитригайлomъ, упоминается „Ходосово“. На Волини, въ Луцкѣ, въ 1445 г. этотъ же князь выдалъ жалованную грамоту „шляхетному Ходорови“ (Чоботу). У галичанъ по грамотамъ отмѣтимъ: Ход[ь]ка (= Ѳеодора) Быбельскаго (гр. 1359 г., 1366 г., 1393 г.), Ход[ь]ка Лоевича и Ходора Чюлчича (гр. 1371 г.), Ходора Шидловскаго (гр. 1400 г.), Хрола Варваринскаго (гр. 1398) и. вѣроятно, галицкія имена на записи XIV—XV вв. при Галицкомъ Четвероевангеліи 1144 года, молящей „за здоровье Ходора и Хотимья“ (л. 111 об.). Въ Подоліи въ гр. 1375 г. упоминается дуброва у р. Смотрича „межи Ходорковымъ селомъ“, и самъ подольскій князь Ѳеодоръ Коріатовичъ титулуется въ латинской грамотѣ 1397 г. „*illustris dux Chodor*“¹⁾. То

скимъ, представляется довольно грубой и не совсѣмъ подходящей для высоко-религіознаго стиля, изстари употреблялась въ бесѣдахъ самаго высокаго тона. Около XIII—XIV вѣка форма „проскура“ проникла даже въ священный глаголь „проскомисати“ (= совершать проскомидію), и онъ обратился въ „проскурмисати“.

¹⁾ Грамота издана у А. Прохаски: *Codex epistolarum Vitoldi*, № 136.

же—и въ Буковинѣ, гдѣ въ господарской грамотѣ 1404 г. отмѣченъ бояринъ „панъ Хотько Цяциньскы[й]“ (=Улян. № 18, стр. 15), въ грам. 1442 г.— „Ходор Бурчук ись великымъ гаемъ“ (=Улян. № 56, стр. 62; срв. № 58, стр. 65), въ грам. 1448 г.— „панъ Ходко Щиборъ“ (=Улян. № 64, стр. 70), и др.—Путаница эта у старо-малорусскихъ писцовъ доходила до того, что иногда они, борясь со своимъ природнымъ произношеніемъ и стремясь къ „правильности“, писали, якобы по-церковному, букву *ѣ* въ тѣхъ именахъ, гдѣ по-гречески было вовсе не *ѣ*, а *х*¹⁾.

Нынѣшній малоруссъ въ особенности любитъ за-мѣнять чужой звукъ *ѣ* черезъ сочетаніе *хв*: срв. *Хведір* (=Федоръ), *хвѣртка* (=нѣм. Pfortchen). Додумались ли до этого кievляне XI вѣка, сказать нельзя: Изборники Святослава 1073 и 1076 г. не позволяютъ объ этомъ судить. Одинъ изъ старѣйшихъ примѣровъ, намекающихъ на чтеніе буквы *ѣ*

¹⁾ Такъ, въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1305 г. писецъ, старающійся писать „правильно“, обратилъ г. Ерихонъ въ „Ерифонъ“ (л. 66, л. 101 об.) и Амфилохія въ „Амфилофья“ (л. 156); по той же причинѣ въ галицкой купчей 1409 г. фигурируетъ „панъ Малофья“ (=Малахія); упоминается „панъ Малофья“ и въ гал. гр. около 1425 г. кн. Федора Любартовича (=Голов. № 40, стр. 45). Такое же якобы „правильное“ написаніе видимъ и въ кievскихъ помянникахъ XVI в.: „Малафья, Малофей, Малафей, Пафомій“. Очевидно, писцы руководились этимологіей такихъ греческихъ именъ, какъ „Тимоей, Дороей, Фома, Трифонъ“ и пр., аналогія съ которыми въ самомъ дѣлѣ очень соблазнительна (вѣдь вотъ русскіе на основаніи аналогіи съ „Тимоей“ не только писали „Малафей“, но и произносили и произносятъ такъ).—Въ рукописи XVII в. кievскаго Софійскаго собора (№ 130) такая лжеэтимологизація заставила писца написать *ѣ* даже въ своемъ родномъ корнѣ „страх“: „ведми грозно... страфоваль“ (л. 158;—извлеченіе издано въ Запискахъ Т-ва ім. Шевч., т. 72, стр. 138). А. Радивиловскій въ одной своей проповѣди по поводу усопшаго Петра Могила (изд. у Марковскаго, прилож., стр. 11) вмѣсто церк.-слав. формы „обливахуса“ написалъ: „обливафуса“.

за *хв*, есть начертаніе Буцацкаго (галицкаго) Евангелія XIII—XIV в.: „Вархфоломѣя“ (л. 2 об.; = Вароломея), гдѣ однако, какъ видимъ, написано еще не *хв*, но *хѳ*. Галицкое Евангеліе изъ Каменки-Стромиловой 1411 г. даетъ ужъ выразительныя начертанія: „о[тъ] ученія *хварисейска*“ (л. 40), „Ехврем[ъ]“ (л. 185). Несомнѣнно, *хв* написано было и въ волынской (луцкой) грамотѣ 1458 г. вел. кн. Швитригайла, извѣстной намъ въ нотаріальномъ польскомъ переводѣ одного львовскаго адвоката XVIII в. (= Антон. и Козлов. № 8, стр. 18—19), гдѣ мы видимъ транскрибированныя латиницей имена свидѣтелей XV в.: „*rap Chwedko Chomiński*“, „*rapa Chwedka*“. Въ волынскомъ сборникѣ попа Наливайка XVI в. (Румянц. Муз. № 2616) начертаніе „Матоей“ чередуется съ „Матхвей“. Въ „Апокрисисѣ“ 1597 г. (по поводу Берестейской уніи) можно найти: „*хвалшъ*“ (л. 63, а; л. 69 а; л. 71, а; л. 86 б), „*хвалшивых[ъ]*“ (л. 67, б), „*трахвилъ*“ (л. 77 а). Вообще въ XVI в. начертанія вродѣ „*Хвекла*, *Олехвериянь*, *Стехванъ*“ и пр. дѣлаются вполне обычны¹⁾; въ томъ числѣ „*Мархва*, *Иосихвъ*, *Нехведъ*, *Малахвей*“ и т. п. записи оказываются въ кievскихъ монастырскихъ помянникахъ XVI в. Въ Луцкой книгѣ вгородской 1567 г. (№ 2042, л. 241 = Антон. и Козл. № 54, стр. 119—133) одинъ острожскій бояринъ пишется то „*Хведоръ Вербовецкій*“, то сейчасъ же „*Федоръ Вербовецкій*“, и тутъ же фигурируетъ имя: „*князь Богушъ Хведоровичъ Корецкій*“ наряду съ „*Федоровичъ*“. Обычай читать букву *ѳ* за *хв* дѣлается съ XVI-го столѣтія настолько общеупотребительнымъ, что ведетъ и къ обратному графическому явленію: этимологически правильное сочетаніе *хв* не разъ пере-

¹⁾ См. указанія въ „Отчетѣ изъ-за границы“ А. Кочубинскаго, I, 26 (отт. изъ „Записокъ Новороссійскаго Университета“, т. XVIII).

дается съ этихъ поръ на письмѣ черезъ букву ф („фороба, фалити“, вм. „хвороба, хвалити“ и т. п.)¹⁾, иногда даже черезъ букву ѳ, напр. „пофатили“ и „лиѳа“ въ полумалорусскомъ переводѣ Псалтыри XVI в. (въ Румянц. Музеѣ № 335; вм. „похватили“ и „лихва“) ²⁾, — и это не только въ свѣтскихъ документахъ при передачѣ своихъ родныхъ словъ, но и въ церковныхъ книгахъ, при передачѣ чужихъ, вовсе ненародныхъ словъ; и такимъ образомъ дьячекъ какого-нибудь глухого волынскаго села, переписывая Евангеліе, могъ подъ своимъ перомъ превратить церковно-славянское „отъ влѣхкѣ“ въ начертаніе: „отъ клофѣ“ ³⁾.

§ 14. Заднебные (i, k, x).

а) Заднебные звуки рѣчи XI в. кievлянъ (какъ и прочихъ малорусскихъ предковъ) въ высшей степени близко соответствовали нынѣшнимъ малорусскимъ звукамъ Киевщины i, k, x, и оттого въ рѣчи

¹⁾ Напр., во Владиміръ-Волынской книгѣ вродской 1567 г.: „пофалки чините“ (№ 934, л. 130=Антон. и Козл. № 46, стр. 106). Въ ней же подъ 1568 г.: „для фороби (=хвороби) пана Войтеха Макгнушевского“ (№ 935, л. 137 об.=Ант. и Козл. № 56, стр. 139). Въ ней же подъ тѣмъ же 1568 г.: „уфалити“, „уфаленного“ (№ 935, л. 151=Ант. и Козл. № 57, стр. 141). Богатъ такими примѣрами на „фал...“ и волынский сборникъ попа Паливайка XVI в. (Рум. Муз. № 2616), и др. Вѣроятно, этой орфографіи содѣйствовало вліяніе тогдашней орфографіи польской, гдѣ допускалась въ нѣкоторыхъ корняхъ буква f, согласно живому польскому произношенію (срвн. falis, lifa тѣхъ временъ). Въ списокѣ съ жалованной волынской Берестейской грам. 1611 г. князьямъ Вишневецкимъ, который сдѣланъ при Сигизмундѣ III, описывается: „з форосты (=съ хворостами), з дубинами, з березинами“ (=Ант. и Козлов. № 24, стр. 45).

²⁾ Описанъ этотъ переводъ у Востокова № 335 и въ Несторовыхъ „Чтеніяхъ“, кн. IX, стр. 2—6.

³⁾ Примѣръ взятъ изъ Евангелія XVII в., пожертвованнаго въ Волынское Епархіальное Древлекранилище изъ села Волковцы Заславскаго повѣта. (Описано г. Крыжановскимъ въ „Волынск. Епарх. Вѣдомостяхъ“ 1895; см. стр. 457).

Кіева XI вѣка возникалъ рядъ совершенно такихъ же звуковыхъ явленій, какія и теперь происходятъ тамъ.

б) Звукъ г.

Интереснѣе всего, конечно, звуковое совпаденіе г въ XI вѣкѣ и въ настоящее время.

Буквѣ г соотвѣтствуютъ теперь у славянъ три звука: 1) звонкое и мгновенное г (лат. g); 2) тоже звонкій, но не мгновенный, а длительный и дыхательный звукъ γ, напоминающій собою картавое р; 3) чистогортанный (не заднебный) звукъ h, — звукъ и длительный и придыхательный.

У нынѣшнихъ малоруссовъ извѣстны (въ ихъ родныхъ, не заимствованныхъ словахъ) только звуки h и γ, оба очень близкіе между собою, но все же не тождественные ¹⁾. У кievлянъ XI вѣка (какъ и у всѣхъ прочихъ тогдашнихъ малорусскихъ предковъ) звукъ г тоже не былъ g, т.-е. не былъ тѣмъ звонкимъ и мгновеннымъ звукомъ, какой слышится теперь у значительной части великоруссовъ и у поляковъ, но былъ звукомъ длительнымъ и дыхательнымъ.

¹⁾ Огромное большинство малоруссовъ не подозреваетъ разницы между этими двумя звуками и не отдаетъ себѣ отчета, звукъ h или звукъ γ слышится въ устахъ того или другого малорусса. Для испытанія мы совѣтуемъ произнести съ наибольшей длительностью конечнаго звука любое слово, оканчивающееся на г, — напр. бігъ (=бѣжалъ) или лѣгъ (=легъ), — произнести такъ, чтобы слышалось: бігггггггг. лѣгггггггг. Это длительное гггггггг будетъ звучать у большинства малоруссовъ глухо, тихо, какъ дыханіе, и будетъ походить на х х х х х х х; кто обнаружитъ въ себѣ такое произношеніе, тотъ пусть знаетъ, что его г = h. У меньшинства же малоруссовъ звукъ ггггггггг въ словѣ бігггггггг послышится звонко, какъ громкое выдыханіе, и будетъ нѣсколько напоминать собою картавое рrrrrrrrrr, (парижское „г gras-seuë“); тотъ, у кого слова бігггггггг и лѣгггггггг напоминаютъ собою картавое біrrrrrrr и лѣrrrrrrr, можетъ знать, что его г = γ, а не = h. — Что касается филологическаго способа обозначать этотъ звукъ черезъ греческую букву гамму (γ), то дѣлается это потому, что греческая буква γ въ новогреческомъ произношеніи не есть g, но есть длительный, звонко-дыхательный звукъ.

Звучалъ ли онъ въ XI в. только какъ *γ*¹⁾, или же звучалъ въ однихъ случаяхъ какъ *γ*, а въ другихъ—какъ *h*, этого вопроса мы здѣсь не будемъ касаться²⁾, но одно можно утверждать съ несомнѣнной точностью: въ живой рѣчи XI вѣка кіево-чернигово-перяславской, равно какъ червоно-русской и волынской, звука *g* не было.

Всѣ тѣ судьбы, которымъ подвергается звукъ *z* у нынѣшнихъ малоруссовъ, испытывалъ звукъ *g* и въ рѣчи ихъ предковъ XI вѣка.

Онъ могъ служить начальнымъ придыханіемъ, а потому и коренное начальное *g* могло отпадать или, по крайней мѣрѣ, не писаться; срв. надписи на чарѣ ок. 1151 г. черниговскаго князя Володимера Давыдовича: „своего осподаря“ (вм. „господаря“).

Часто бывая неорганическимъ придыхательнымъ призвукомъ, онъ и въ корняхъ въ началѣ словъ легко могъ чередоваться съ другимъ звукомъ, тоже служившимъ за призвукъ, съ йотой. Современный малоруссъ чередуетъ вѣдь съ йотой не только *z* призвучное (въ такихъ словахъ, напримѣръ, какъ *z*оріхъ и йоріхъ, = орѣхъ), но чередуетъ онъ и коренное начальное *z*: наряду съ *z*урбá мы слышимъ и юрбá, наряду съ *z*елм (нѣм. Helm) образовалось у малоруссовъ йóлом, наряду съ голéць (=рыбка-голецъ) образовалось ялéць и мн. др.³⁾. У кіевлянъ XI вѣка такимъ же образомъ варяжское имя

¹⁾ Срв. освѣщеніе этого вопроса у проф. Р. О. Брандта: „Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка“ (Москва, 1892), стр. 113—114.

²⁾ Подробнѣе обо всемъ этомъ говорится во 1-ой же части нашей грамматики, въ спеціальной главѣ о звукѣ *z*.

³⁾ О звуковомъ законѣ, по которому послѣ йоты слышится въ первомъ словѣ звукъ *o*, а не *e* (йóлом, а не йéлом) и по которому второе слово начинается съ *ja*, а не съ *jo* (ялéць, а не йолéць), см. отчасти слѣдующую главу, § 20, а подробно—въ главѣ девятой § 51—52. Причина заключается въ томъ, что слогъ *l*ъ м или *l*ом въ *g*елм—былъ и есть твердъ, а слогъ *л*ецъ въ *g*олéць—былъ мягкій.

На *к* и могло чередовать свой коренной начальный звукъ съ йотой и обращаться въ *Игунъ* (имя, извѣстное изъ кievской лѣтописи и Житія Θεодосія Печерскаго).

Въ виду дыхательности старо-кievскаго звука *г*, кievляне XI вѣка (какъ и нынѣшніе кievляне съ прочими малоруссами) могли на письмѣ путать буквы *г* и *х*. То мѣсто изъ Еванг. Іоанна (VI, 13), которое въ Остромировомъ спискѣ читается „дъванадесяте коша укрухъ“ (=12 коробовъ крохъ), написано въ Изборникѣ 1076 г. ¹⁾: „кі коша укругъ“. И наоборотъ, вмѣсто „книгъчии“ написано „кѣніхъчии“ (Изб. 1073, л. 232 об.). Въ червонорусскихъ словахъ Григорія Богослова XI в. вмѣсто „не въ годъ“ (*οὐκ ἐν καιρῷ*) написано: „не въ ходъ“ (л. 146, с).

Обычное въ произношеніи нынѣшнихъ малоруссовъ выпаденіе *г* передъ *р*, передъ *н*, передъ *д* (въ особенности въ положеніи послѣ свистящихъ) и т. п. случалось и въ рѣчи кievлянъ XI вѣка и выразилось въ такихъ начертаніяхъ Изборника 1076 года, какъ на первомъ же листѣ „сърѣшу“ (л. 1 об.; вмѣсто „сърѣшшу“ ²⁾), или „изниеть“ (л. 237; вмѣсто „изгниеть“). Что касается глагола „разниѣвати“, то онъ въ Изборникахъ Святослава попадаетъ множество разъ въ начертаніи „разиѣвати“ (наряду съ „разиѣвати“), — и есть всѣ основанія думать, что такое произношеніе было вполне нормальнымъ и раньше XI вѣка ³⁾. Навѣрно раньше XI вѣка констатировалось въ Кіевѣ отсутствіе *г* въ словѣ „туда“ (=тогда), которое встрѣчается въ Изборникѣ 1073 г. (л. 240 об.)

¹⁾ См. указаніе В. Шимановскаго на стр. 81-ой его книги „Къ исторіи др.-русскаго говоровъ“.

²⁾ У Шимановскаго издано съ буквою *г*. Но еще Буславевъ („Истор. Хрестом.“, 1861, стр. 289) подчеркивалъ въ примѣчаніи, что буквы *г* въ рукописи нѣтъ.

³⁾ Обо всѣхъ перечисленныхъ явленіяхъ изъ области звука *г* и объ условіяхъ, при которыхъ происходятъ эти явленія, подробно см. въ особой главѣ нашей грамматики.

варяду съ „тыгда“ (срв. нынѣшнее восточно-малорусское тоді, рѣже тогді, при. зап.-мр. тогди).

в) Чередованіе задненебныхъ *i* и *k* съ [небно-]зубными *d* и *m*.

Какъ у жителей нынѣшней Кіевщины, Черниговщины и Переяславщины, такъ и вообще во всѣхъ малорусскихъ областяхъ, проявляется то болѣе, то менѣе частая наклонность: чередовать звукъ *k* со звукомъ *m*, звукъ *i*—со звукомъ *d*, и наоборотъ ¹⁾. Случается это почти исключительно въ слогахъ мягкихъ („небныхъ“), или такихъ, которые были мягкими; въ восточно-малорусскомъ нарѣччіи это явленіе по большей части происходитъ лишь въ близкомъ или въ неблизкомъ сосѣдствѣ съ плавными *p* и *л*, или съ *н* ²⁾. Такъ, вмѣсто „для цьо́го“ (=для этого) мы не разъ слышимъ у всѣхъ малоруссовъ: „гля цьо́го“ (иногда „гля цьо́го“, а оттуда и „кля цьо́го“); вмѣсто обычнаго дѣтлик мы частенько слышимъ всюду (особенно же въ сѣверной и средней Кіевщинѣ и Черниговщинѣ) дѣклик, или ѣклик; глаголь тягну́ти обращается въ кягну́ти ³⁾; фамиліи Діденко и Гордіенко обращаются въ Ліденко и Горзіенко ⁴⁾; нѣтъ почти ни одного уголка на Украинѣ, гдѣ бы спорадически (а то и систематически) не произносили

¹⁾ Въ литературную рѣчь писатели стараются этой наклонности не переносить, дѣлая исключенія развѣ для нѣсколькихъ, очень немногочисленныхъ словъ.

²⁾ Въ рѣчи же западныхъ малоруссовъ (особенно въ галицкомъ покутті и Гуцульщинѣ) чередованіе мягкихъ зубныхъ съ задненебными можетъ происходить безъ всякихъ ограниченій.

³⁾ Срв. пословицу: „Голова знѣе, та рѣчки не кягнуть“—В. Василенка: „Опытъ толковаго словаря народной технич. терминологіи Полтав. губ.“, стр. 77 (Харьк. 1902, отд. изъ 13-го т. ист.-филог. „Сборника“).

⁴⁾ Въ этомъ видѣ опѣ увѣковѣчиваются и официальными документами. Мы лично знаемъ такія официально-фиксированныя фамиліи (со звукомъ *i* вм *d*) въ г. Звенигородѣ Кіевской губ., у людей, извѣстныхъ всему городу.

жісно вмісто жісно (=тїсно), и т. п., и т. п.¹⁾. Съ особенной легкостью поддаются у малоруссовъ этому чередованію слова иностранныя, заимствованныя. Такъ, нѣмецко-польское *zedlik* (=скамья) въ произношеніи восточнаго малорусса превращается въ дзіглік (=деревянный стулъ), и наоборотъ—персидско-тюркское *гердан* (=ожерелье) слышится въ сѣверной Кіевщинѣ какъ дьордангі (=одинъ изъ видовъ намиста)²⁾.

Кіевская рѣчь XI вѣка вполне знала тѣ же чередованія заднебныхъ съ губными. Въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 года сверхъ начертанія „грѣды“ оказывается и „судии грѣгии“ (л. 90). Въ Изборникѣ 1073 года греческое *σευτλον* (=свекла) передано черезъ „сеукль“ (л. 251); впрочемъ это слово могло прійти въ Кіевъ прямо изъ Болгаріи съ готовымъ звукомъ к, точно такъ же, какъ и „тѣминь“ наряду съ „кѣминь“ (греч. *κύμινον*). Чистомалорусской чертой XI—XII вѣка мы должны считать кіевскую передачу греческаго имени *Γεώργιος* не только черезъ Георгій и Гюргій, но и черезъ Дюрдій: кіевско-лѣтописное это имя, засвидѣтельствованное всѣми списками лѣтописи, не извѣстно въ такой формѣ (со звукомъ д) ни у южныхъ славянъ, ни у бѣлоруссовъ и великоруссовъ. Постепенно оно было вытѣснено въ Кіевѣ формою „Юрій“, но у западныхъ малоруссовъ, въ горахъ, продержалось по меньшей мѣрѣ до конца XV столѣтія. Мы вѣдь находимъ „Дюрдія“ въ буковинской сочавской грамотѣ 1471 года, т.-е. во второй половинѣ XV столѣтія³⁾.

¹⁾ См. рядъ примѣровъ—у меня въ „Древне-кіевскомъ говорѣ“ (печат. въ „Извѣстіяхъ“ Академіи Наукъ, по отдѣл. русск. яз. и слов. 1906), гл. III.

²⁾ У зап. малоруссовъ—дьордїя.

³⁾ Грамоту эту 1471 г. издалъ А. Кочубинскій въ 33-мъ отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ наградъ (СПБ. 1892 г.), стр. 249.

д) О твердости задненебныхъ сочетаній
гъ, къ, хъ.

У русскихъ, какъ извѣстно, старинныя твердыя сочетанія гъ, къ, хъ, обратились (черезъ звуковую стадию: гьы, кьы, хьы) въ *и, ки, хи* (чит. *gi, ki, chi*), и это у русскихъ случилось, судя по памятникамъ, въ XII вѣгѣ. Но у малоруссовъ, по крайней мѣрѣ, у приднѣпровскихъ, — такого явленія не произошло: г, к и х передъ ы не смягчились (т.-е. не превратились въ гь, кь, хь). Правда, гласный звукъ ы у нихъ нѣсколько сгузился, такъ что изображаемъ мы этотъ гласный звукъ черезъ букву *и*, и потому, вмѣсто старинныхъ гъ, къ, хъ мы пишемъ: *и, ки, хи*; но произносимъ-то мы эти начертанія очень близко къ *гъ, къ, хъ*, съ отчетливой твердостью согласныхъ звуковъ, и центральный приднѣпровецъ, если онъ внимательно слѣдитъ за своимъ произношеніемъ, не можетъ смѣшать своихъ твердыхъ звукосочетаній *ги, ки, хи* (происходящихъ изъ *гъ, къ, хъ*) съ тѣми, вполне мягкими звукосочетаніями *гі, кі, хі*, которыя слышатся у него въ словахъ заимствованныхъ съ иностраннаго, или которыя произошли около XV—XVI в. изъ *гò, кò, хò*, или изъ рѣдкихъ сочетаній звуковъ г, к, х съ рефлексомъ звука ъ (именно, въ окончаніи сравн. степени). Напримѣръ, такую вполне ясную, ощутительную разницу можетъ уловить наше ухо между произношеніемъ словъ: „тонк*ий* к*и*лимъ“ (чит. „тонк*ый* кылымъ“, =тонкій коверъ)—и „на тонк*ий* к*и*стц*и*“ (=на тонкой кости); „к*и*тъ“ (чит. „кытъ“, =малая замазка)—и „к*и*тъ“ (=котъ); „к*и*шка“ (чит. „кышка“, =кишка)—и „к*и*шка“ (=кошка); „к*и*слий“ (чит. „кыслий“, =кислый)—и „к*и*зьякъ“ (=коровій кирпичъ); „туг*ий*“ (чит. „туный“, =тугий)—и „туг*и*ший“ (=болѣе тугий, —изъ „тугѣйшій“);

„глухой Юхйм“ (чит. „глухой Юхым“, =глухой Ефимъ) — и дат. пад.: „глухой Хиврі“ (=глухой Февроньѣ), и пр., и пр. Лишь въ очень немногочисленныхъ словахъ, — напр. въ „хѣба“ (=развѣ, изъ стар. дѣепричастія „хѣба“), украинцы по какой-то случайной нефонетической причинѣ произносятъ совсѣмъ мягкое хі (съ чистымъ і), хотя въ родственныхъ словахъ того же корня у нихъ слышится твердое хи (срв. „хѣба“ =ошибка, изьянъ, чит. „хѣба“; „хѣбати ся“ =колебаться, шататься, чит. „хѣбатыся“). Положимъ, малограмотный украинецъ (особенно полтавецъ и черниговецъ, вообще путающій гласные звуки *и* и *і*), способенъ и въ послѣднихъ словахъ написать хі, равно какъ способенъ онъ написать: „козакі“ (мн. ч.; а надо, согласно точному произношенію, писать: „козакіи“), „лугі“ (мн. ч.; надо: „лугіи“), и т. п.; но въ этомъ виновата ужъ просто его небрежность и неспособность анализировать свое собственное произношеніе: вѣдь еслибъ онъ сопоставилъ въ своемъ же собственномъ выговорѣ форму мн. мн. „козакіи“ съ формою род. мн. „козаків“ (=козаковъ), то легко почувствовалъ бы въ первомъ случаѣ твердость сочетанія ки, и лишь во второмъ случаѣ — мягкость кі.

Разъ дѣло обстоитъ съ такой архаичностью даже въ настоящее время, послѣ многихъ столѣтій исторической жизни, то априорно можно предположить, что у малорусскихъ предковъ XI вѣка оно не могло стоять иначе. И дѣйствительно, оба старѣйшихъ вост.-мр. памятника, Святославы Изборники 1073-го и 1076-го года, представляютъ намъ строго выдержанную орфографію гы, кы, хы, — за исключеніемъ, конечно, словъ и именъ иностранныхъ (такихъ, какъ „Лукина“, „о десяти фуники“, =περὶ δέκα φοινίκων, Изб. 1073, л. 231 об., „Ахмиеныды“, л. 154, и т. п.). Есть, правда, одно начертаніе въ Изборникѣ

1073 года съ ки вмѣсто ожидаемаго кми (именно, „сикими“¹⁾, л. 61 об.), которое впрочемъ можетъ объясняться чисто-графически²⁾; возможно также, что и въ Изборникѣ 1076 г. было въ одномъ мѣстѣ написано: „вѣки“ вм. „вѣкы“ (л. 19)³⁾. Но оба эти начертанія (если только позволительно съ ними считаться) ничего общаго съ исторіей смягченія задне-небныхъ согласныхъ звуковъ не имѣютъ, потому что въ обоихъ кievскихъ Изборникахъ Святослава не разъ вѣдъ констатируется общее смѣшеніе гласныхъ звуковъ ы и и въ положеніи послѣ какаго бы то ни было согласнаго звука (напр., послѣ зубнаго д, послѣ с⁴⁾); срв. „неправди“ вм. „неправды“. (Изб. 1073, л. 104 об.). Писецъ - кievлянинъ XI в. который настолько путалъ ы и и, что вмѣсто „неправды“ писалъ „неправди“, свободно могъ поѣтому написать и „вѣки“ вмѣсто „вѣкы“, но отсюда не вытекаетъ, чтобъ у него была склонность обращать *з*, *ж*, *ш* въ мягкіе гь, къ, хь⁵⁾.

1) Это—членный оруд. пад. мн. ч. отъ „сикъ“ (=такой). Мы ждали бы: „сикыми“.

2) а именно—механическимъ пропускомъ буквы ы въ „сикими“.

3) Въ рукописи это мѣсто продырявлено, и ругаться за чтеніе „вѣки“ нельзя.

4) См. ниже, § 22, в.; тамъ выписаны соответствующіе примѣры изъ обоихъ кievскихъ Изборниковъ.

5) Такимъ же образомъ объяснится единичное начертаніе „великии Никонъ“ вм. „великыи“ въ спискѣ Житія Θεодосія Печерскаго XII в. (л. 16 об., изд. Бодян.), если, конечно, мы не будемъ видѣть въ этой буквѣ и обычное графическое предвосхищеніе сосѣдней же буквы и и если вообще забудемъ, что эта рукопись „Житія“ есть только списокъ съ кievскаго подлинника, могшій подвергнуться вліянію языка сѣвернаго переписчика. Кстати замѣтимъ, что цитируемое г. Соболевскимъ (Лекціи, 1903, стр. 129) начертаніе „паки“, якобы тоже находящееся въ спискѣ „Житія Θεодосія“ (л. 41), отсутствуетъ въ подлинной рукописи XII вѣка и имѣется только въ печатномъ изданіи въ качествѣ московской типографской опечатки 1879 года.

Это однако можно съ увѣренностью говорить лишь про рѣчь лѣтописныхъ кievлянъ и другихъ предковъ малоруссовъ восточныхъ. Насчетъ старинной рѣчи предковъ малоруссовъ западныхъ позволительно думать иначе. Дѣло въ томъ, что многіе современныя говоры нарѣчія западно-малорусскаго, хотя въ другихъ случаяхъ произносятъ гласный звукъ и твердо и даже очень твердо (какъ грубое *ы*), произносятъ заднебныя сочетанія *гы, км, хы* мягко: за *лг, кі, сн*. Такъ, напримѣръ, вост.-малорусскому слову „кислий“ (=кислый) можетъ соотвѣтствовать у многихъ западныхъ малоруссовъ слово, произносимое „кислий“, т. е. съ твердымъ „лы“, но съ мягкимъ „кі“: ясно, что въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ мягкостью заднебныхъ согласныхъ, а не съ умягченіемъ гласнаго звука *ы*¹⁾. Съ какого жѣ времени возникло у западно-малорусскихъ предковъ такое произношеніе? Едва ли оно очень ново.

Въ XI вѣкѣ, повидимому, и предки малоруссовъ западныхъ еще строго соблюдали твердость сочетаній *гы, км, хы*. По крайней мѣрѣ, въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. нѣтъ замѣны этихъ сочетаній черезъ *ги, ки, хи* (и это — несмотря на то, что смѣшеніе гласныхъ *ы* и *и* въ положеніи послѣ другихъ согласныхъ уже здѣсь констатируется). Но въ зап.-мр. памятникѣ слѣдующаго, XII-го вѣка, въ галицкомъ Крылосскомъ Четвероевангеліи 1144 г., мы уже находимъ начертаніе: „птицямъ небесьскимъ“ (л. 77), а другихъ случаевъ смѣшенія *ы* и *и* тамъ не находимъ. Такъ же только послѣ *к* встрѣчается нѣсколько разъ написаніе буквы *и* вмѣсто *ы* въ Вѣн-

¹⁾ Такъ какъ во времена Вишневецчины и Руины многіе западные малоруссы (жители Подолии и, быть можетъ, также Галичины) переселились за Днѣпръ, на его Лѣвобережье, то и въ Лѣвобережной Украинѣ имѣются говоры со смягченіемъ заднебныхъ, т. е. произносящіе напр. „кислий“ вм. центрально-приднѣпровскаго „кислий“.

скомъ Октоихѣ (Codex Hankensteinianus) конца XII—нач. XIII в. ¹⁾), не знающемъ другихъ случаевъ замѣны буквы *ы* черезъ *и*. Должно быть, XII вѣкъ и былъ тою эпохою, когда у многихъ западныхъ малоруссовъ, несмотря на то, что ихъ гласный звукъ и вообще стремился къ огрубѣнню, задненебныя звуко-сочетанія *кы*, *гы*, *хы* стали звучать близко къ *кі*, *гі*, *хі*.

(Мимоходомъ замѣтимъ, что эта локальная зап.-мр. особенность крайне строго избѣгается въ литературной рѣчи нынѣшнихъ малоруссовъ).

§ 15. й.

О звукѣ *й* въ двугласныхъ ай, ой и пр.

а) Рѣзкимъ отличіемъ рѣчи киевлянъ XI вѣка и другихъ тогдашнихъ малоруссовъ отъ рѣчи нынѣшней является отсутствіе того согласнаго (или полугласнаго) звука *й*, который очень у насъ теперь распространенъ, въ т. н. дифтонгическихъ звуко-сочетаніяхъ ай, ой, ей, ий, ій и т. д. Киевскія и прочія южнорусскія двугласныя сочетанія XI вѣка ан, он, ен, ын, ни, и пр. были не односложными, какъ теперь, но выговаривались въ два слога: такъ, слово краи произносилось въ XI вѣкѣ не краі, но кра-і, именно въ два слога; слово донка произносилось не доіка, но до-і-ка (въ три слога); повел. н-іе отъ глагола льзати. т.-е. лни, произносилось не ліі, но лі-і (въ два слога): и т. д., и т. д. Лишь послѣ XII вѣка, одновременно съ т. н. „падєніемъ глухихъ гласныхъ ѣ и ѣ“ (къ которымъ мы перейдемъ въ слѣдующей главѣ, § 17), послѣдовало обращеніе вышеупомянутыхъ двусложныхъ гласныхъ сочетаній въ нисходящіе односложные

¹⁾ Примѣры см. въ § 22, г.

дифтонги (двугласные) ай, ой, ей, ый, ій и т. д.¹⁾, иначе сказать—произошло ослабление гласного звука и въ полугласный или согласный звукъ й.

б) Для сочетаній он и ен ослабление конечного гласного звука и оказалось богато необыкновенно важными послѣдствіями, наложившими самую характерную печать на малорусскій языкъ. Какая-нибудь фонема XI вѣка мон²⁾, обратившись въ XII—XIII вѣкѣ въ мой, взамѣнъ за ослабление конечного слогового гласного и приобрѣла удлинение звука о („замѣстительную долготу“). И вотъ черезъ стадіи (съ XIII вѣка) моо ой, муо ой, муэ ой, муи ой³⁾, она къ XV вѣку

1) „Нисходящимъ“ двугласнымъ, или нисходящимъ дифтонгомъ, называется такой, въ которомъ полугласность принадлежитъ второй половинѣ. (Напр. ай, ой; ау, оу и пр.) Если же дифтонгъ начинается полугласнымъ, а заканчивается полнымъ гласнымъ звукомъ, то это—дифтонгъ „восходящій“ (напр. уа, іа, произносящіяся близко къ ва, іа). Въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ, гдѣ распространены дифтонгъ уо, этотъ дифтонгъ въ однихъ случаяхъ бываетъ восходящимъ (напр. муо ѳ—съ ударениемъ на о), а въ другихъ случаяхъ—нисходящимъ (напр. въ томъ же мѣстоименіи муо ѳ съ ударениемъ на ѳ).

2) Терминъ „фонема“, вошедшій въ употребленіе всего лѣтъ 25 тому назадъ, приблизительно можетъ быть переданъ словами „звукъ“ или „звуковое представленіе“. Въ послѣднее время этотъ терминъ незамѣтно начинаетъ приобретать даже болѣе широкій смыслъ: „звуковой видъ того или другого слова, звуковой видъ той или другой грамматической формы“, и въ такомъ употребленіи онъ оказывается имѣющимъ смыслъ: „фонетическая форма“ (въ отличіе отъ „грамматической, морфологической формы“). Напримѣръ, по поводу род. пад. мн. ч. отъ видѣма (= вѣдѣма) говорятъ, съ одной стороны, что онъ имѣетъ двѣ „формы“: одну—видѣм или видѣом, другую—видѣміа, т. е. одну форму—по типу женскаго склоненія, а другую форму—по типу мужскаго склоненія. Съ другой же стороны, по поводу звукового вида первой формы (видѣм, или видѣом) говорятъ, что въ этой первой формѣ различаются двѣ „фонемы“,—одна фонема—просто видѣм, а другая—видѣом (со вставочнымъ о).

3) Въ памятникахъ (грамотахъ) такое двугласное произношеніе выражалось одногласнымъ начертаніемъ оу (ѳ), или, въ случаѣ мягкости дифтонга, начертаніемъ ю (чит. юо, юѳ и т. п.); стариннѣйшія начертанія такого рода мы имѣемъ не то отъ послѣдняго десятилѣтія XIII вѣка, не то отъ начала XIV вѣка. Что начертаніемъ ѳ писцы хотѣли выразить д и ф т о н г ѳ въ родѣ у о,

превратилась въ нынѣшнее характерное малорусское *и́й* ¹⁾. Донка, звучавшее у киевлянъ XI вѣка въ три слога и ослабившееся въ XII—XIII вѣкѣ въ два слога, постепенно обратилось къ XV вѣку такимъ же образомъ въ *дѣйка*, и т. п., и т. п. ²⁾. Но въ XI вѣкѣ, повторяемъ. ни киевляне съ переяславцами и черниговцами, ни волыняне и прочіе западные южно-руссы не знали въ такихъ случаяхъ согласнаго *и*.

а начертаніемъ *ю* —дифтонгъ вроде *юо*, это отчасти видно изъ того обстоятельства, что и вмѣсто предложныхъ сочетаній *вз+о...*, или вмѣсто *Ѹ+о...*, или *вм. слога во* они тоже иногда писали просто *Ѹ*: по крайней мѣрѣ, въ Галицкомъ Евангеліи 1283 года вмѣсто „въ огонь“ или „у [в]огнь“ написано „угнь“ („идѣте... угнь вѣчный“, л. 61), и тамъ же вмѣсто „скѣозѣ“ написано „скузѣ“ (л. 51 об., л. 57). (Впрочемъ, второе начертаніе, „скузѣ“, лучше объясняется и не изъ „скѣозѣ“, а изъ формы „скѣозѣ“, съ удареніемъ втроятно на *ѣ*, =формы, которая извѣстна, напр., изъ червонорусскихъ Словъ Григорія Богослова XI в., л. 197, d). Лишь очень рѣдко (напр., въ господарской буковинской присягѣ 1468 г. =Улян. № 95) малорусы выражали свой дифтонгъ дѣйствительно двумя буквами *уо*, а не однимъ *у*. Объ этомъ у насъ еще будетъ рѣчь ниже, въ § 18 и въ § 20, г.

1) Документальныя данныя раньше XV-го вѣка ничѣмъ не свидѣтельствуютъ о превращеніи *уо* въ *и*.

2) О замѣстительной долготѣ *мы* еще два раза будемъ говорить въ слѣдующей же главѣ (§ 18 и § 20). гдѣ приведемъ обширный рядъ примѣровъ изъ старинныхъ памятниковъ, освѣщающихъ исторію этого важнѣйшаго явленія малорусскаго языка, а въ приложеніи къ I-ой части нашей грамматики *мы*, кромѣ того, посвятимъ этому вопросу особую, специальную главу.

Глава четвертая.

(Продолженіе предыдущей).

II.

Вокализмъ XI вѣка и ближайшихъ столѣтій.

§ 16. Мы видѣли, что нынѣшній восточно-малорусскій строй согласныхъ звуковъ (консонантизмъ) мало въ чемъ существенно отдалился отъ кievско-перяславско-черниговскаго консонантизма XI вѣка. Зато въ вокализмѣ, въ области гласныхъ звуковъ, многое къ нынѣшнему времени рѣзко измѣнилось: за девятьсотъ лѣтъ многія вокальныя черты кievской рѣчи XI вѣка приобрѣли въ своемъ развитіи другую звуковую окраску, а кое-что и совсѣмъ исчезло за этотъ долгій періодъ.

Каковъ же былъ восточно-малорусскій (да, кстати, и западно-малорусскій) вокализмъ XI вѣка?

§ 17. ъ и ь.

а) Гласный, слоговой характеръ прежнихъ ъ и ь.

Прежде всего, мы должны въ рѣчи кievлянъ, перяславцевъ и черниговцевъ XI в. (равно какъ и западныхъ южноруссовъ) отиѣтитъ существованіе глухихъ гласныхъ звуковъ ъ и ь („ерь“ и „ерь“)¹), которые теперь у насъ отсутствуютъ. На ихъ мѣстѣ мы теперь въ малорусскомъ языкѣ или имѣемъ чи-

¹) Малоруссы называютъ ихъ „йор“ (=ъ) и „ер“ (=ь), или „ір“ (род. „еря“).

стые звуки *о* и *е*, или констатируемъ полное исчезновение всякаго гласнаго звука, тамъ, гдѣ прежде были гласные *ъ* и *ь*. Такъ, старокіевскимъ двухсложнымъ фонемамъ *съмъ* и *мьуъ* соотвѣтствуютъ современные кіевскія односложныя фонемы *сон* и *меч*. Въ которыхъ прояснились глухіе въ первомъ слогѣ и совсѣмъ исчезли во второмъ слогѣ. Замѣтимъ, что на мѣстѣ исчезнувшаго гласнаго слогового *ь* мы нерѣдко находимъ теперь кой-какой слѣдъ его, а именно находимъ мягкость предыдущаго согласнаго; такovy: *дъмь* = *день*, *вьсь* = *весь*.

Паденіе глухихъ (т.-е. или выпаденіе и отпаденіе ихъ, или проясненіе ихъ въ чистые звуки *о* и *е*) понемногу началось у нашихъ предковъ, какъ увидимъ ниже, тогда же, когда началось и ослабленіе звука *н* въ звукъ *й*¹⁾, т.-е. въ XII вѣкѣ. До XII-го же вѣка такія слова, какъ *съмъ*, *дъмь*, *вьсь*, *мьуъ*, произносились въ два слога (а не въ одинъ, какъ у насъ теперь), *тетька* произносилось въ три слога (а не въ два) и т. д., и произносились звуки *ъ* и *ь* особымъ своеобразнымъ глухимъ способомъ.

б) Какъ произносились глухіе гласные *ъ* и *ь*?

Какъ же именно выговаривались встарь у кіевлянъ глухіе гласные *ъ* и *ь*? И почему они называются „глухими“?

Сопоставленіе съ другими индоевропейскими языками²⁾ показываетъ, что *ъ* восходитъ къ индоевропейскому короткому *у* (= *û*), а *ь* — къ короткому *і*. Судить о произношеніи короткаго *и* и

¹⁾ См. выше, § 15.

²⁾ Языки индійцевъ, иранцевъ (персовъ), армянъ, албанъ, грековъ, латинянъ, кельтовъ, германцевъ, литовцевъ и славянъ родственны между собою и называются индоевропейскими, потому что занимаютъ географическое пространство отъ Индіи до Европы.

короткаго *i* мы отчасти можем и теперь недурно — на основаніи тѣхъ языковъ, въ которыхъ до нынѣ существуютъ и тонко отличаются эти звуки¹⁾; прислушавшись внимательно. мы констатируемъ, что эти короткіе гласные звуки произносятся очень не отчетливо, именно „глухо“, такъ что короткое *y* (= *ü*) колеблется въ своемъ произношеніи между *ü* и *ö*, а короткое *i* колеблется между малор. *и* (даже *ы*) и между *e*, — иначе сказать: короткое *y* (= *ü*) направляется въ своемъ произношеніи отъ звука *y* въ сторону звука *o*, а короткое *i* направляется въ сторону звука *e*. Надо полагать, что такое же произношеніе (или подходящее къ такому же), имѣли глухіе гласные звуки *ъ* и *ь* въ устахъ кievлянъ XI вѣка.

Грекамъ, правда, кievскій *ъ* казался въ серединѣ словъ наиболѣе близкимъ къ греческому звуку *oo* (чит. „у“), а въ концѣ словъ они для него (въ виду его глухости и неударности) не находили сколько-нибудь подходящей греческой буквы²⁾. И въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. мы встрѣчаемъ вм. „отъмьщеніе“ начертаніе: „отоумьще-

1) Напр., арабское слово, означающее „собирай!“ и заключающее въ себѣ короткій гласный звукъ *y*, звучитъ такъ, что не можетъ быть въ точности передано ни нѣмецкимъ написаніемъ *lōtt*, ни нѣмецкимъ написаніемъ *lūtt*, ни подавно черезъ *loutt* и *lutt*: въ немъ слышится особый средній звукъ, похожій и на *ö*, и на *ü*, отчасти и на *o* и на *y*. Слово, означающее „госпожа“ и содержащее въ себѣ короткій звукъ *i*, не можетъ быть передано въ русскомъ начертаніи ни черезъ *сытт* и *сѣтт*, ни черезъ *ситт* и *сѣтт*, а заключаетъ въ себѣ особый звукъ, средній между этими четырьмя.

2) У императора Константина Багрянороднаго X в. (род. 915, ум. 959), который въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи государствомъ“ привелъ, между прочимъ, названія Днѣпровскихъ пороговъ, имя одного изъ пороговъ транскрибировано *Νεσσουπίγ* (= *не сспи* = не спи). Названіе другого порога *Νετасытъ* Константинъ передаетъ черезъ *Νετσίτ*. На концѣ этого имени (нын. *Ненаспель*, муж. р.) былъ, вѣроятно, звукъ *ъ*. а не *и*.

вне“ (л. 372, а). Но что ъ склонялся и въ сторону звука о, это мы видимъ изъ его способности переходить вполсѣдствіи въ чистый звукъ о. вмѣстѣ съ тѣмъ, глухость звука ъ позволяла нашимъ предкамъ путать этотъ гласный звукъ съ чистымъ ы, особенно передъ слѣдующей гласной, и напр. вмѣсто „въ имени“ писать „вы имени“ (Изб. 1073 г., л. 239), вм. „въ искусѣ“ — писать „вы искусѣ“ (л. 219), вмѣсто „отъ плодовъ ихъ“ — „отъ плоковы ихъ“ (л. 117); такъ же: „вы Нер[уса]лимѣ“ (л. 107, л. 255 об.), „вы имя“ (л. 246). Иногда букву ы вмѣсто ъ мы видимъ и не передъ слѣдующей гласной; такъ, въ томъ же кievскомъ Изборникѣ 1073 года читаемъ: „сыказааше“ (л. 259, вм. „сыказааше“), „сымѣриться“ (л. 231 об., вм. „сымѣриться“). Дочь Ярослава Мудраго, французская королева Анна, титулуя себя въ качествѣ регентши своего сына Филиппа I титуломъ „Anna regina“, подписывала этотъ свой титулъ буквами не латинскими, но славянскими, и въ дошедшей до насъ Филипповой грамотѣ 1067 г. мы видимъ, что неударный звукъ е (значить, вродѣ „ы“) въ словѣ „regina“ Анна Ярославна выражала буквою ъ.

Кievское ъ греки посылно передавали своею азбукою черезъ ε (чит. э)¹⁾. Хотя греческая буква ε есть

1) У того же Константина Багрянороднаго имя другого Дvпровскаго порога транскрибировано Βερούτζη (чит. „вѣруцѣ“). Имя это поясняется какъ Βράζμα νερού (= „кипѣние воды“). Очевидно, что Βερούτζη есть посылная греческая передача старокievской причастной формы XI вѣка отъ глагола βρῆτι, съ причастной основой βρῆχι.—Что хотѣлъ выразить Константинъ Багрянородный черезъ букву η на концѣ своего начертанія Βερούτζη, нельзя съ точностью рѣшить. Ближе всего сюда подходила бы форма женскаго рода: βρῆχι, но такъ-какъ прилагательныя названія пороговъ скорѣе должны быть мужскаго рода, чѣмъ женскаго, то возможно, что Βερούτζη есть одна изъ формъ старокievскаго причастія XI в. мужскаго рода: βρῆχι, и притомъ форма членная: βρῆχιον (срв. имя города „Вручій“ время Игоря въ Начальной лѣтописи).

твердое э, но не должно быть сомнѣнія, что въ звукѣ ь, передаваемомъ у грековъ черезъ ε, слышалась и извѣстная мягкость, роднящая его съ і: будь звукъ ь просто твердое греческое ε (э),—не могъ бы онъ вполслѣдствіи, исчезая, часто оставлять послѣ себя особый слѣдъ въ видѣ мягкости предыдущаго согласнаго звука (срв. весь изъ вьсь); да иногда въ нашихъ старѣйшихъ памятникахъ такъ и пишется вмѣсто ь буква и ¹⁾.

Западные филологи, когда условно передаютъ старинные ъ и ь при помощи латинской азбуки, пишутъ вмѣсто ъ латинскую букву ѳ, а вмѣсто ь—латинскую букву і, и такимъ образомъ кievское дѣмь XI вѣка они выражаютъ черезъ dīmī, вьсь—черезъ vīsī,

¹⁾ Въ кievскомъ Изборникѣ 1073 года есть написанія: „различивъ“ (л. 20 об.) и „неразличивъ“ (л. 21), „четырьножинаахъ“ (л. 169 = εν τοις τετραποδι), язивница (л. 53), скръбинилъ (л. 182), свoitннууму (л. 228 об.); а въ кievскомъ Изборникѣ 1076 года: пехарактерное „пияничива“ (л. 268, об.), и „неприяжно“ (л. 239, об.). Что и у великоруссовъ звукъ ь склонялся къ і, видно изъ того обстоятельства, что аналогичныя написанія находимъ мы и въ не кievскихъ памятникахъ XI вѣка: вси (=всьи)—въ новгородскомъ Остромировомъ Евангеліи 1056 г. (Луки, I, 21); въ новгородскихъ Пандектахъ Автіоха XI вѣка: пияничивъ (л. 16), пияничиву (л. 274),—чему въ болѣе позднихъ спискахъ этого же сочиненія соответствуетъ въ данномъ мѣстѣ начертаніе „пиячивъ“. У зап. малоруссовъ—такое же „пияничивъ“ находимъ мы въ „Словахъ Григорія Богослова“ XI вѣка (л. 206),—памятникѣ, гдѣ и вмѣсто „чисти“ пишется „чисти“ (=чиѣѣ, л. 138) и вмѣсто „нощную“ пишется „нощиную“ (л. 3), и вмѣсто „църквь“ пишется „цирѣвь“ (л. 255).—Можно, конечно, думать, что не во всѣхъ вышеприведенныхъ начертаніяхъ мы имѣемъ дѣло съ чисто фонетическимъ смѣшеніемъ звуковъ ь и и: въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., въ прилагательномъ „пияничивъ“ при обычной формѣ „пияничивъ“ мы имѣемъ дѣло со смѣшеніемъ родственныхъ суффиксовъ („иц“ и „иц“), въ другихъ случаяхъ—со смѣшеніемъ суффиксовъ „иц“ и „иц“, и пр.); однако жъ и самое-то смѣшеніе родственныхъ суффиксовъ облегчалось близостью звука ь къ звуку и.

сьмъ черезъ sǫmъ, тетъка черезъ tetŭka, и т. д. Но это лишь условная транскрипція, не дающая сама по себѣ точнаго понятія о звуковомъ оттѣнкѣ старокіевскихъ гласныхъ ѣ и ъ XI вѣка.

в) Паденіе глухихъ гласныхъ.

До какихъ поръ существовали у насъ глухіе?

Такъ какъ кіевскіе Изборники Святослава 1073 и 1076 года, обильно нарушая правила церковно-славянской орфографіи (напр., путая юсы и т. п.), употребляютъ однако буквы ѣ и ъ въ общемъ вполне правильно-этимологически—то отсюда надо заключить, что до конца XI вѣка глухіе гласные ѣ и ъ существовали въ Кіевѣ въ полной сохранности, въ видѣ глухозвучащихъ и притомъ слоговыхъ звуковъ. Лишь оттого писцамъ не трудно было, одновременно нарушая церковно-славянское правописаніе въ другихъ пунктахъ, соблюдать въ этомъ пунктѣ (въ глухихъ ѣ и ъ) правильное книжное правописаніе: ясно, что оно въ общемъ совпадало съ данными ихъ живой родной рѣчи.

Въ XII вѣкѣ, когда въ письменныхъ памятникахъ мы начинаемъ находить постепенное смѣшеніе буквы ѣ съ буквою о и буквы ъ съ буквою е или полный пропускъ буквъ ѣ и ъ, мы должны видѣть эпоху, въ которую очень медленно началось вышеупомянутое т. н. „паденіе глухихъ“: съ этихъ поръ глухіе гласные ѣ и ъ въ иныхъ случаяхъ понемногу приобрѣтаютъ такое же чистое произношеніе, какое было у звуковъ о и е, а въ другихъ случаяхъ выпадаютъ или -- (въ концѣ словъ) — отпадаютъ. Лишь въ очень небольшомъ количествѣ словъ мы вправѣ предположить паденіе глухихъ звуковъ еще въ XI вѣкѣ ¹⁾.

¹⁾ Академикъ О. Е. Коршъ въ своемъ изслѣдованіи о ритмикѣ „Слово о Полку Игоревѣ“ приходитъ къ заключенію, что исчез-

Не у всѣхъ южноруссовъ этотъ процессъ паденія глухихъ шелъ одинаковымъ темпомъ.

У западныхъ малоруссовъ онъ пошелъ довольно быстро, такъ что въ говорахъ Галичины къ XV вѣку почти совсѣмъ закончился, если не считать архаичныхъ говоровъ. Впрочемъ, и въ XV вѣкѣ слоговую сохранность глухихъ гласныхъ можно иногда бываетъ уловить у западныхъ малоруссовъ даже въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Львовъ. Поучителенъ львовскій вексель 1421 г. (= Голов. № 32, стр. 36) съ его начертаніями: „панъ Мошонъчъчи“ (= Мошонъчичь), „сеси листь“ (= сесь листь), „Матыки Б[о]жьѣ“ (= Матьки), „Вас[ь]ко не далъ“ (= не далъ); срв. тамъ же слоговую сохранность и послѣ гласныхъ, выразившуюся въ употребленіи буквы ѣ: „панъ Котлиньскиѣ“, судья Лвѣвскиѣ“, „панъ Миколаѣ Мильчиньскиѣ“; срв. еще „третий д[ь]ни“ (= 3-ій день). Возможно, конечно, что вексель писанъ былъ не природнымъ львовскимъ горожаниномъ, но провинціаломъ, въ архаичной рѣчи котораго слоговые глухіе гласные звуки держались подольше. Вполнѣ также естественно, что и въ отдаленныхъ горахъ Буковины гласные ѣ и ь были въ XV в. довольно еще цѣлы, и на буковинскихъ грамотахъ это сказывается рельефно. Такъ, въ господарскомъ договорѣ 1435 г. (= Улян. № 38, стр. 43) есть: „с ниму“ (= с нимъ). Въ договорѣ 1442 г. (= Улян. № 53, а, стр. 59) написано: „съ королемъ вгорскимъ“ (= угорскимъ); начальное у въ „угорскимъ“ не могло бы сократиться въ в, если бы конечный звукъ въ словѣ „королемъ“ не былъ гла-

новеніе глухихъ стало происходить сперва в н у т р и словъ, а ужъ потомъ въ концѣ словъ, такъ что, напримѣръ, въ словѣ „правда“ глухой звукъ исчезъ раньше, чѣмъ въ словѣ „правъ“. Мы вполнѣ раздѣляемъ это воззрѣніе, какъ совпадающее и съ общей картиной развитія малорусскаго языка, и съ фактическими данными старокіевскихъ памятниконъ.

снимъ. Имя «Львовъ» сплошь да рядомъ пишется буквинцами XV вѣка «Ливовъ». Срв. въ господарской присягѣ 1436 г. (= Улян. № 45, стр. 50): «писано въ Ливовѣ» (и тутъ же: «у Львовы» = въ Львовѣ);—въ договорѣ 1444 г. (Уляп. № 58, стр. 63): «староста Ливовскы[и]», «хору[н]жимъ Ливовскы[и]» (стр. 64);—въ договорѣ 1452 г.: «Кмита, панъ Ливовскій» (= Улян. № 72, стр. 79);—въ договорѣ 1462 г. (= Улян. № 92, стр. 102): «передъ паномъ Ливовскимъ Станиславомъ». Въ общемъ однако можно быть увѣрену, что для большинства зап. малоруссовъ XV вѣка глухіе гласные ужъ совсѣмъ не существовали: они или исчезли, или обратились въ чистые *o* и *e*. Исключение составляютъ лишь кое-какіе отдѣльные говоры ¹⁾.

Но у малоруссовъ восточныхъ,—лѣтописныхъ киевлянъ, переяславцевъ и черниговцевъ,—паденіе глухихъ послѣ XII вѣка совершалось съ крайней медлительностью ²⁾, и даже въ XVII вѣкѣ едва ли во всей

¹⁾ Донынѣ существуютъ горные галицкіе говоры, гдѣ, напримѣръ, старинному „*sz lśszm*“ (относительно *mz* вм. *m*, см. стр. 107) соответствуетъ выговоръ „*z lśsom*“ (= „*z lśsom*“), старинному *plodъ* соответствуетъ выговоръ, близкій къ „*plidy*“ (= „*plid*“), и т. п.—Въ чешской записи малорусской галицкой вѣсни XVI вѣка (1571), свидѣтельствующей уже о потерѣ глухихъ въ томъ нарѣчій, мы видимъ одинъ случай сохранности глухого *n*: „*dyvonice!*“ (= дѣвовыце! дѣвоньцьо!). Сохранность глухого въ данномъ словѣ вызвана была, очевидно, потребностью метрической. Въ галицкомъ Словѣ Меодія Патарскаго XVII в., принадлежащемъ Ив. Франку, попадаются начертанія вродѣ: „*Филипъ*“ Македонин“ (вм. „Филипъ“). См. „Пам'ятки українсько-руської мови і літератури“, т. IV, стр. 275.

²⁾ Между прочимъ, изслѣдованіе ритмики „Слова о Полку Игоревѣ“, произведенное высшимъ европейскимъ авторитетомъ въ этой области акад. Ф. Е. Коршемъ, обнаруживаетъ передъ нами картину чрезвычайной сохранности глухихъ звуковъ въ устахъ черниговца (или, быть можетъ, киевлянина), составившаго „Слово о Полку Игоревѣ“ (въ концѣ XII вѣка).

восточной Украинѣ исчезли глухіе: въ нѣкоторыхъ болѣе архаичныхъ восточно-малорусскихъ говорахъ они могли еще существовать ¹⁾). Между тѣмъ главныя судьбы малорусскаго языка связаны именно съ исторіей паденія глухихъ звуковъ, — и понятно такимъ образомъ, что неодновременность въ ихъ паденіи должна была наложить очень существенныя фонетическія отличія между нарѣчіемъ западно-малорусскимъ (особенно Галичины) и нарѣчіемъ восточно-малорусскимъ (особенно Кіевщины съ Черниговщиною ²⁾).

¹⁾ Въ кіевскомъ помянникѣ Михайловскаго монастыря конца XVI—нач. XVII вѣка мы встрѣчаемся съ начертаніями вродѣ „Георігія“ (л. 40, = Георгія), гдѣ слоговая сохранность звука *h* поддерживалась, очевидно, присутствіемъ плавнаго звука *p*. Долго не исчезающая слоговая сохранность вост.-мр. звука *h* по соседству съ плавными, или съ *m*, сказывается и въ польско-латинской транскрипціи восточно-украинскихъ именъ. Возьмемъ напр., поселеніе въ южной Кіевщинѣ „Мѣгльвѣвъ“ (нын. мѣстечко „Мілів“ Кіев. губ.). Въ польской жалованной грамотѣ 1499 г. вел. кн. Александра, выданной Гриньку Васькевичу на имѣнія въ Звенигородщинѣ и Черкащинѣ, имя это передано черезъ „Mihljewo“ (= Апт. и Козл. № 13, ст. 33). Въ подтвердительной грам. 1533 г. короля Сигизмунда Іоано пишется „Mihliowo“, или, въ муж. р.: „Michliów“; то же—въ его польской грамотѣ 1540 г.: „Mihlijewo“ (= Апт. и Коз. № 23, стр. 44). Съ буквою *i* фигурируетъ это имя и въ грам. 1562 г. Сигизмунда-Августа: „Michlijewo“ (= Апт. и Козлов. № 41, стр. 90). Только въ судебномъ Люблинскомъ актѣ 1602 г., въ копіи съ жалованно-королевскаго указа 1533 г. (въ которомъ, какъ упомянуто, послѣ *M* стояла буква *i*), мы видимъ данное имя уже безъ буквы *i*, — просто: „Mchliewo“. „Mchlijewo“ (= Апт. и Козл. № 31, стр. 62). На картѣ Кіевщины Боплана (1-й пол. XVII в.) пишется это имя „Mliow“ (ужь и безъ *h*). Если даже въ южной Кіевщинѣ (гдѣ лежитъ Мѣгльвѣвъ и гдѣ рѣчь развивалась болѣе быстрымъ темпомъ) гласный слоговой характеръ звука *h* не исчезалъ до XVII в., то тѣмъ менѣе могъ онъ исчезать въ Кіевщинѣ сѣверной, съ ея архаичнымъ консерватизмомъ.

²⁾ Между прочимъ, съ одной стороны—изрядная зап.-мр. склонность обращать конечныя звонкіе согласныя въ незвонкіе (т. е.

г) Слѣдствія паденія глухихъ въ области консонантизма и вокализма. Замѣстительное удличеніе гласныхъ о и є.

а) Однимъ изъ важныхъ послѣдствій изчезновенія гласныхъ ѣ и ъ было то, что многіе согласные, прежде разъединенные въ какомъ-нибудь словѣ слоговыми гласными звуками ѣ и ъ, оказались послѣ XII вѣка въ непосредственномъ соствѣ другъ съ другомъ и, подѣ влияніемъ соприкосновенія, стали измѣняться. Напр., двусложное мѣстоименіе «кѣто», обратившись въ односложное «кѣто», вскорѣ перешло въ «кѣто»; мѣстоименіе «чѣто», обратившись въ «что», перешло въ «што», а въ XVI вѣкѣ изъ «што» образовалось нынѣшнее «що». (См. подробную исторію звуковой формы этихъ обоихъ мѣстоименій во II ч. «Украинской грамматики», § 13). Или вотъ другой примѣръ: двусложныя сочетанія нѣа, тѣа, лѣа и т. п., сперва превратившись, послѣ паденія гласности звука ъ, въ односложныя слоги нѣя, тѣя, лѣя, — перешли ок. XIV в. въ нынѣшнія нѣя, тѣя, лѣя и пр. (срв. в е с і л л я = свадьба)¹⁾. И вообще въ области согласныхъ произошла послѣ паденія глухихъ масса новыхъ явленій.

б) Но самымъ главнымъ послѣдствіемъ паденія глухихъ оказалась у малоруссовъ замѣстительная долгота тѣхъ чистыхъ звуковъ о и є, которые находились передъ слогами, прежде содержавшими въ себѣ гласные (тогда слоговые, конечно) глухіе звуки ѣ и ъ, а потомъ съ XII вѣка начавшими совсѣмъ терять въ себѣ всякій гласный звукъ. Суть

произносить, напр., «дѣтѣ» вм. «дѣтѣ», «лоя» вм. «лобѣ» и т. п., а съ другой стороны — вост.-мр. упорная звонкость въ произношеніи этихъ изглащаемыхъ согласныхъ — естественнѣе всего объясняется тѣмъ, что во многихъ зап.-мр. говорахъ конечный гласный звукъ ѣ въ словахъ «дѣдѣ» и «лобѣ» и др. безслѣдно исчезъ раньше, чѣмъ въ говорахъ восточно-малорусскихъ.

¹⁾ Удвоеніе такихъ согласныхъ констатируется въ буковинско-волошскомъ Евангеліи Верковича XIV вѣка и въ буковинскихъ грамотахъ почти того же времени.

замѣстительной долготы нами вкратцѣ была указана выше (стр. 128—129), когда мы говорили объ ослабленіи (послѣ гласныхъ) звука *и* въ звукъ *ii*, и здѣсь, намъ остается развѣ повторить то, что ужъ выше сказано ¹⁾. Въ какомъ-нибудь, положимъ, словѣ *л'мъ* или *к'ннъ*, поне-многу обрашавшемся послѣ XII вѣка изъ слова двусложнаго въ слово односложное, вся произносительная энергія, которая прежде поровну разбивалась между двумя слогами (*до + мъ*, *ко + ннъ*), отнынѣ (послѣ XII вѣка) стремилась сосредото-чиваться на томъ единственномъ слогѣ, гдѣ воплиѣ уцѣлѣлъ гласный звукъ (именно звукъ *о* въ *до* и *ко*), и этотъ звукъ сталъ произноситься съ большимъ усиленіемъ, съ удлиненіемъ: слышались въ XIII вѣкѣ фонемы *доо* и *к'оо* и *н'*, или близкія къ нимъ, а онѣ, въ свою очередь, че-резъ стадію другихъ дифтопговъ (*уо*, *уэ*, *уы*, *уы'*, *уи'*), постепенно обратились ок. XV вѣка въ *діа* и *к'и* и *н'*. Равнымъ образомъ трехсложное слово XI—XII вѣка *камень* обращаясь послѣ XII вѣка въ двусложное, стало звучать *камень* ²⁾, откуда *каміэнь* и наконецъ (въ XIV вѣкѣ) — *камінь*.

Что касается чистыхъ звуковъ *о* и *е* и ихъ ка-чества въ рѣчи нашихъ предковъ - кіевлянъ XI вѣка, то изъ этихъ двухъ звуковъ только первый (*о*) впло-нѣ соответствовалъ своимъ тогдашнимъ произношеніемъ нынѣшнему надднѣпрянскому произношенію XX вѣка.

§ 18. о.

§ 18, а). Главныя особенности звука *о* въ XI в.

Это былъ, какъ и теперь, въ своей сути чистѣйшій звукъ *о*, безъ *а*кашья, равно какъ и безъ противоположной слонопости къ *у*.

¹⁾ Подробно же см. объ этомъ ниже, въ отдѣлѣ звуковъ *о* и § 18, б и § 20, г; тамъ въ изобиліи и историческіе примѣры.

²⁾ Точнѣе см. ниже § 20, а и г.

Онъ однако былъ способенъ, какъ и теперь въ Киевщинѣ, подвергаться воздѣйствию сосѣднихъ гласныхъ звуковъ а и оу (ю) ¹⁾ и, въ такихъ условіяхъ, или расширяться или суживаться. И подобно тому, какъ теперешній восточный малоруссъ произноситъ б а г а т и й (изъ богатый) ²⁾ и почти дів ч и н у ю (изъ дѣвчиною) ³⁾, имѣлъ и киевлянинъ XI вѣка тѣ же двѣ склонности ⁴⁾.

Но во всѣхъ прочихъ положеніяхъ (т.-е. виѣ сосѣдства съ а и съ оу) онъ, подобно нынѣшнему своему потомку, произносилъ звукъ о какъ самое отчетливое о, подъ удареніемъ имъ былъ тотъ звукъ, или не подъ удареніемъ.

б) § 18. bis: Исторія перехода о въ і.

Наиболѣе сильное для уха отличіе между звукомъ о XI-го вѣка и между его нынѣшнимъ рефлексомъ ХХ вѣка мы ощущаемъ тогда, когда въ соотвѣтствіе старинному звуку о слышимъ теперь звукъ і, физиологически вовсе не сродный съ о; срв. старинное «бобъ» — и нынѣшнее «біб», старинное «овьца» — и нынѣшнее «вівця». Мы уже имѣли два раза случай отмѣтить (стр. 128—129 и 139—140), что возникло такое і въ силу потребности замѣстительно усилить и продлить односложный звукъ о въ положеніи передъ исчезающими глухими гласными ь и ѣ («бобъ», «овьца») или передъ ослабѣвающимъ и («ибѣ»), и что переходъ отъ стараго звука о къ нынѣшнему звуку і совершился черезъ цѣлую серію дифтонговъ (бооб^ъ, буоб^ъ, бѹоб^ъ, бѹыб^ъ, буыб^ъ, и пр., «біб»). И говорили мы объ этомъ не далѣе, какъ въ предыдущемъ § 17-мъ. Съ полной наглядностью можно этотъ дифтонгическій процессъ, со всѣми его многочисленными оттѣнками, донынѣ прослѣдить на живыхъ сѣверно-

¹⁾ Гласный звукъ ь тоже звучалъ нѣсколько близко къ у.

²⁾ См. § 33, стр. 241 и слѣд.

³⁾ См. § 54 и слѣд.

⁴⁾ Примѣры, извлеченные изъ киевскихъ Изборниковъ Святослава XI в. и изъ другихъ памятниковъ, приведены на стр. 245 и въ § 55.

малорусскихъ архаичныхъ говорахъ. А теперь, для исторіи языка, намъ остается привлечь сюда изъ старинныхъ памятниковъ XIII — XVI вв. кое-какіе начертанія, хронологически освѣщающія эту необыкновенно важную и типичную черту малорусскаго языка.

§ 18, тег. Итакъ, съ какихъ поръ и въ какихъ формахъ на письмѣ проградывалось и сказывалось живое дугласное произношеніе звука *о*?

а) Отсутствие особаго обозначенія для *о*.

Такъ-какъ свою письменную рѣчь наши предки старались по возможности приурочить къ священной церковнославянской и сознательно старались затушевывать своимъ родными особенностями, то въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ старинные малорусскіе памятники XIII — XVIII в., т. - е. до народненія чистой новомалорусской литературы, ровно ничѣмъ не выражали на письмѣ того обстоятельства, что въ живой рѣчи писцовъ, — напр., въ какомъ-нибудь словѣ «бобъ», — слышалось уже не прежнее монофтонгическое *о*, а слышался звукъ другой (напримѣръ, удлиненное *о̄*, или дифтонгъ *yo*, или *y э*, *уи*, или наконецъ монофтонгъ *i*); — повинаясь орфографической традиціи, писцы въ большинствѣ случаевъ писали прямо «бобъ», съ одной буквою *о*, да и только. Тѣмъ не менѣе и въ этихъ случаяхъ, при умышленномъ орфографическомъ соблюденіи одной лишь буквы *о*, живое произношеніе малорусскихъ писцовъ иногда невольно выдавало себя даже при написаніи одной этой буквы. Дѣло въ томъ, что, стараясь бороться со своимъ живымъ дифтонгическимъ выговоромъ и усердно смяясь употреблять на письмѣ единую, монофтонгическую букву *о* въ тѣхъ словахъ или формахъ, въ которыхъ живая малорусская рѣчь имѣла *о̄* удлиненное или дифтонгъ *yo*, — старомалорусскіе писцы могли по временамъ переусердствовать и попасть въ просакъ: именно, переусердствовавши они иногда ограничивались одной буквою *о* также въ тѣхъ словахъ или формахъ, въ которыхъ даже по этимологическимъ требо-

вадось писать не одну букву о, но двѣ буквы о + о или из + о (или во + о). Такъ, южногалицкій поповичъ Евсевій въ своемъ Евангеліи 1283 г. писалъ: «Яко азъ ѡ[тъ]ци — о[тъ]ць въ мнѣ» (л. 24, β), «Вѣру мѣте мнѣ, яко азъ о[тъ]ци, и о[тъ]ць во мнѣ» (тоже, л. 24, β), «Яко азъ о[тъ]ци моемы — и вы во мнѣ» (л. 24 об., β). Мы ждали бы, что въ этихъ текстахъ поповичъ Евсевій напишетъ каноническое «въ отци», или «во отци», а онъ этого не сдѣлалъ, потому-что, очевидно, привыкъ каждое свое разговорное воо (или ^вуо) или иной дифтонгъ выражать на письмѣ черезъ одну букву о.

β) Воспроизводилась ли замѣстительная долгота начертаніемъ оо?

Очень естественно было бы ждать, что по примѣру старинныхъ поляковъ (писавшихъ «Boog» = соврем. «Bóg» и т. д.) старинные малоруссы тоже будутъ иногда невольно примѣнять написаніе двойной буквы оо, когда это будетъ имъ подсказано ихъ живымъ произношеніемъ. Но этого не случилось. Правда, есть единственный случай какъ будто подходящаго сюда начертанія, именно въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г.: «Азь есмь пастырь добрыи, д[у]шю свою полагаю за воовыца» (л. 150 об.; ¹), — срв. соврем. «за вівці» = за овецъ). Въ виду того, что типичная украинская фонема «вівця» (= овца) возникла изъ «оввця» путемъ стадій «воовця», «вуовця», «вуывця» и т. д. (а это видно изъ показаній даже нынѣшнихъ архаичныхъ сѣв.-мр. говоровъ), было бы очень соблазнительно для историка мр.

¹) Начертаніе это (съ оо) фигурируетъ въ Гал. Ев-ин 1266—1301 г. лишь одинъ разъ. Въ дальѣйшемъ контекстѣ (л. 150 об.) мы читаемъ: „а наимыкы, иже нѣсь пастырь, ему же не суть во вця—своя“ и т. д., — уже съ однимъ о, хотя въ то же время со многѣ простонароднымъ начальнымъ призвукомъ в. (Въ дальнѣйшихъ строкахъ слово это попадаетъ еще пять разъ, но всякій разъ пишется уже просто оввца даже безъ начальнаго в).

языка думать, что начертаніемъ «воовьця» писецъ Гал. Ев-ія 1266—1301 г. отразилъ живое малорусское произношеніе XIII вѣка. Къ сожалѣнію, едва ли церковное начертаніе Гал. Ев-ія 1266—1301 г. стоитъ въ какой бы то ни было связи съ народной галицко-малорусской фонетикой XIII вѣка. Мы, правда, не имѣемъ ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться, что малоруссы XIII вѣка дѣйствительно произносили въ своей живой рѣчи «воовьця» или какъ-нибудь удлинено въ этомъ родѣ; но мы очень должны сомнѣваться, чтобы церковное начертаніе «воовьця» являлось безусловно ничѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ живого мр. произношенія переписчика. Въ церковныхъ рукописяхъ (евангеліяхъ и т. п.) всѣхъ православныхъ славянъ (съ XI вѣка) замѣчается употребленіе двойныхъ гласныхъ буквъ аа, яя, ии, оо, ьь и др. (вмѣсто а, я, и, о, ь и др.), которое обуславливалось соображеніями, ничего общаго не имѣвшими съ малорусскимъ возмѣстительнымъ удлиненіемъ ¹⁾).

Обильный рядъ примѣровъ, извлеченныхъ изъ памятниковъ XI—XVI вв., см. у меня въ „Критеріяхъ“, стр. 6—10. Мимоходомъ прошу такъ поправить на стр. 8-ой ошибку, въ которую я былъ вовлеченъ невѣрной цитатой г. Соболевскаго (срв. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1897, май, стр. 58), а именно выписку изъ Изборника Святослава 1073 г. надо читать: „жръньваахъ“ (л. 212); прошу также читать: „бѣлаахъ ризахъ“ (л. 260 об.).—Приведенный въ „Критеріяхъ“ рядъ примѣровъ можно значительно дополнить. Такъ, въ церк.-слав. Си пайской Псалтири (Гейглеровой) (ок. XI в.) есть: „законопрѣстѣпниці“ (7), „раздѣлишѣ“ (41), „Асаафовѣ“ (104), „льстиви“ (116), „но милосгнї твоєї“ (255). Въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г. можно (сверхъ десятка начертаній, приведенныхъ въ „Критеріяхъ“) указать еще: „аако“ (л. 9), „ааштѣ“ (л. 151), „гаадама“ (л. 209), „нарекшаа“ (л. 158 об.), „алкашаа“ (л. 186 об.), „придошаа“ (л. 243 об.), „жрътваахъ“ (л. 207), „четвьрньоживаахъ“ (л. 171 об.), „умьвешаама рукаама“

¹⁾ См. „Критеріи“, стр. 10—11.

(л. 193 об.). „мпогаамъ винамъ“ (л. 209), „мъльчаащу“ (л. 33 об.), „слышааштааго“ (л. 221 об.), „встаапяеть“ (л. 153 об.); въ вострапныхъ словахъ: „Валааку“ (л. 145 об.), „Ахааву“ (л. 163 об.), „Исааву“ (л. 165 об.), „Адаамъ“ (л. 175 об.), „отъ Адаама“ (л. 254 об.), „Феаавраара“ (л. 2 1), „Курриала“ (л. 5; 23 об.; 34 об.; 37 об.), „Корвинлию“ (л. 35 об.), „въ Иерусалимѣ“ (л. 256 об.), „Сосишпатрѣ“ (л. 263), „Трофимѣ“ (л. 263 об.); далѣе—„отлучимъ“ (л. 184 об.), „смотриимъ“ (л. 247), „подъ нимъ“ (л. 184 об.), „на пихъ“ (л. 207), „нашимъ“ (л. 60), „нашимъ“ (л. 221 об.), „въ скръбихъ“ (л. 161 об.). „дъвнихъ“ (л. 165), „мѣсцихъ“ (л. 251) и др. Въ Путятиной Минеѣ XI в.: „въ пр[ь]кваахъ“ (л. 41), „въ пеленаахъ (л. 96), „обновленіе нааше“ (л. 122 об.). Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. (сверхъ того, что указано въ „Критеріяхъ“): „на аспиду и васялииска“ (л. 104 а), „Наадава“ (л. 218, d, *Надаѣ*), „Исуса Паугиива“ (л. 359 d). Въ среднеболгарской Тріоди Григоровича XII в. (см. у Срезневскаго: „Древн. слав. нам. юсоваго писма“, СПб. 1868): „Вараавѣ, Пилаатѣ (стр. 333), „пстааавъ, отвѣщаавъ, порѣгаавъ“ (119), „отвѣщаавъше“ (334), „слышаавъше“ (337), „мѣтаашинъ“ (336) и т. п. Въ Типографскомъ Евангеліи XII в. № 7 (Синод. Типогр.): „Христоса“ (л. 1), „ищете м[е]не убити“ (л. 20 об.), „имени моего“ (л. 138 об.). Въ Типографской Тріоди XII—XIII в. № 254: „причти“ (л. 3), „по твоен м[и]лости“ (л. 4 об.), „сътвори“ (л. 6 об. и др.). Въ сербскомъ Синаксарѣ 1330 г. (опис. у Ламанскаго: „О нѣкоторыхъ слав. рукоп.“, стр. 19—35): „таако“ (л. 72), „наасы стадо“ (л. 117), „слышаавъше“ (л. 85, л. 147 об.), „съ“ „тъ“ (очень часто). Въ Кіево-Лаврскомъ Евангеліи ок. 1370 г.: „впаазяше“ (л. 11), „народи мнози“ (л. 27 об.), „помысли“ (л. 67; =им. мп.), „три дни“ (л. 67 об.; =им. мп.), „хотяше убити Ивана“ (л. 42 об.), „раввни“ (л. 128 об.); отчасти срв. еще мп. в. м: „отвѣтъ дамы“ (л. 1 об.), „якоже вѣмы“ (л. 4), „Иродьяди“ (л. 42 об.), „возмемъ хлѣбы“ (л. 49). Въ болгарскомъ Евангеліи XV в. кіевск. Духовн. Акад. (опис. Крыжанов., 153): „что мя глаголешн благаа?“ (л. 51 об.; л. 199 об.), род ед.: „подобнаа време“ (л. 72), „духа с[ва]таа“ (л. 142), „его же обрѣщеть творяща тако“ (л. 184). Въ Галич. гр. 1418 г. (=Гол. № 31, стр. 35): „што виняѣ суть“. Въ буковинской господарской грамотѣ 1444 г. (=Улян. № 59, стр. 65): „щобы не порушилъ

нашего запису". Въ Евангеліи изъ Лубенщины XV—XVI в. (кіев. Церк. Археол. Муз. № 296): „знали“ (л. 298=Крыж. 165). Въ волын. Пересопницкомъ Ев. 1561 г.: „сальчущихъ“ (27). Въ Евангеліи изъ Полтавщины 1570 г.: (кіев. Церк.-Археол. Муз. № 452): „Вараавва“ (л. 129 об. и др. =Крыж. 204), „слышаати“ (л. 39 об.), „слышаай“ (л. 168). „Рахиль“ (л. 16), им. мн. „лицемѣри“ (л. 45, вм. „лицемѣри“) и мн. др. (срв. Крыж. 206—207). Въ Кіево-Михайловскомъ Евангеліи XVI в. № 1637: „аагг[е]лѣ“ (л. 58 об.), срв. еще „възаалка“ (л. 49: л. 62; л. 138). Въ галицкомъ Язловецкомъ Евангеліи XVI в. церк. житомирскаго Музея: „Заара“, „Араамъ“, „Араама“, „въ Раамѣ“ и т. п. (срв. „Волын. Епарх. Вѣд.“ 1895, № 10, стр. 378). Въ судебномъ Луцкомъ актѣ 1596 г. (изд. въ „Русск. Бесѣдѣ“ 1857, III, стр. 47): „сихъто причиноу не естъ“. Почти всѣ примѣры—церковные.

Въ частности, двойное оо вм. о (все равно, какъ и всякая другая двойная буква вмѣсто одной) попадаетъ и въ тѣхъ церковныхъ рукописяхъ (XI-го в. и слѣд.), переписчиками которыхъ бывали и не малоруссы, а сербы, болгары, великоруссы и прочіе православные ¹⁾. Да если мы ограничимся одними лишь тѣми рукописями XI—XV в., переписчиками которыхъ были несомнѣннѣйшіе малоруссы, то увидимъ, что и въ нихъ двойная буква оо обычно примѣняется какъ разъ въ такихъ начертаніяхъ, при анализѣ которыхъ не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо замѣстительномъ удлинненіи, — напр., въ начертаніяхъ: «оооли», «Бодогу», «чѣтоо» и т. п.

Отъ излишняго довѣрія къ малорусскому происхожденію церковнаго начертанія «воовья» Галицкаго Ев-ія

¹⁾ Къ многочисленнымъ выпискамъ на оо, приведеннымъ у меня въ „Критеріяхъ“ (стр. 6—8), добавлю три: изъ кіевского Изборника 1073 г.: „Маркиновоому“ (л. 246), изъ февральской Четьи-Минеи XV в. (моск. Дух. Акад. № 584): „глагодавшоому“ (л. 351) и изъ серб. Ев. XIV в. Раевского (Кіев. церк.-Арх. Муз.): „словоо“ (л. 8), „безъоочество“ (л. 75 об.), „оочи“ (часто). Отчасти (косвенно) подходятъ сюда начертанія—въ Лаврент. лѣтописи XIV в.: „Гвооргии“ (113), „Гвоодосья“ (272); и въ Евангеліи изъ Полтавщины 1570 г. (кіев. Церк.-Арх. Муз. № 452): „обооно п[о]дѣ“ (л. 111 об.).

1266—1301 г. могла бы, пожалуй, предостеречь если не всѣхъ, то хоть кое-кого, графика даже этого самаго Галицкаго евангелія, и вотъ какимъ образомъ. Было у малорусскихъ предковъ XI вѣка прилагательное оньчин (означавшее «овечій»). Въ дѣлѣ звукового развитія этого слова малорусскій языкъ прояснилъ глухое ъ въ чистый (и притомъ въ ударный) звукъ ѣ,—и это прилагательное приняло у малоруссовъ звуковую форму: «овѣчий»; иначе сказать: начальный звукъ Ѡ остался въ этомъ словѣ неизмѣненнымъ, не удлинненнымъ (да и не могъ онъ не остаться такимъ, разъ въ слѣдующемъ слогѣ гласная уцѣлѣла и не пала). Такъ-что у малоруссовъ нѣтъ фонемы: «вѣвичий», или «вуовчий», и нельзя для стариннаго періода предположить существованіе предварительной фонемы «воовчий» (въ смыслѣ овечій). Между тѣмъ въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г. какъ будто есть начертаніе «воовъчий» (на л. 30 об.): по крайней мѣрѣ нѣкоторые считаютъ возможнымъ прочитатъ въ Гал. Ев-ія именно это ¹⁾. А такъ-какъ начертаніе «воовъчии»

1) Я умышленно употребляю оговорку: „какъ будто есть“, потому что контекстъ даннаго мѣста Гал. Ев-ія (л. 30 об., отъ Маттея, VII. 15) порядочно искаженъ. Мы предполагали бы здѣсь вотъ какое чтеніе: „блюдѣтеса от[ъ] лъжихъ пророкъ, иже приходять къ вамъ во одежахъ во овчихъ, утрудю же суть волци хытающа“. Между тѣмъ писецъ вмѣсто „во одежахъ во овчихъ“ (съ повтореннымъ предлогомъ во) написалъ „Ѡ одежахъ воовчихъ“ т. е. вмѣсто во(или вмѣсто вульгарнаго Ѡ) написалъ Ѡ', причемъ (какъ это всегда водится въ старыхъ рукописяхъ) нѣтъ возможности отличить, раздѣльно ли или слитно со слѣдующимъ словомъ—написаны предлоги. Г. Соболевскій въ своихъ „Очеркахъ“ (см. на стр. 24, а съ искаженіемъ—и на стр. 97) рѣшился прочитатъ вышеприведенное „приходять Ѡ' одежахъ во овчихъ“ за „приходять о одежахъ воовчихъ“, т. е. принялъ начертаніе Ѡ' не за Ѡ или за Ѡ', но за другой предлогъ: „о, объ“; а два слова „во овчихъ“ онъ слилъ въ одво слово: „воовчихъ“. Для пущей вѣрности онъ, по своему обычаю, скрылъ отъ читателей и присутствіе словъ „приходять къ вамъ“ и весь общій контекстъ вышеприведеннаго искаженнаго мѣста (продитированнаго нами по подлинной рукописи Имп. Публ. Библ., f I. 64), и читатель, если самъ не взглянетъ въ рукопись, не можетъ узнать, что это мѣсто—воплнѣ ненадежно.

(конечно, если мы согласимся на это чтение для л. 30 об.) безусловно не может быть малоруссизмомъ и поддается объясненію лишь съ точки зрѣнія жертво-церковной графики, то и вышеуказанное начертаніе «воовьця» (л. 150 об.) того же Евангелія 1266—1301 г. мы такъ же не смѣемъ съ увѣренностью объяснять какъ очевидный результатъ живого малорусскаго произношенія писца XIII в. Поэтому скорѣе всего должны мы и въ начертаніи «воовьця» (съ удвоеннымъ оо) видѣть результатъ графики лишь специально церковной,—несмотря на то, что въ живой своей рѣчи малоруссъ-переписчикъ XIII в. могъ дѣйствительно называть овцу: «воовьця», или во всякомъ случаѣ близко къ этому, т. е. «вуовьця» или «вуэвьця» ¹⁾).

γ) Воспроизведеніе Ѡ черезъ уо.

Иногда замѣстительная долгота звука Ѡ, возникшая послѣ XIII в., отражалась у старинныхъ малоруссовъ прямо дифтонгическимъ начертаніемъ уо (т.-е. Ѡо, или оуо). Способъ этотъ примѣнялся ими очень нечасто. Въ рукописяхъ церковныхъ, сколько намъ извѣстно, не найдено ни одного начертанія съ Ѡо. Изъ свѣтскихъ грамотъ можемъ отмѣтить буювинскую господарскую присягу 1468 г. воеводы Стефана королю Казиміру (=Улян. № 95, стр. 106), по которой и король «имаеть остерегати и оборонити [= воеводу] съ усихъ сторонь: и отъ поганина и отъ христианина и отъ куождо и парсуны». Дифтонгу уо вышеупомянутой грамоты 1468 г. соответствуетъ теперь въ зап.-ир. нарѣчій (не всюду, конечно, но въ извѣстной части говоровъ) монофтошгъ і, констатируемый, между прочимъ, и въ архаичныхъ говорахъ Холщины («іжний»).

Примѣчаніе. Эту фонему „іжний“ (съ і) можно найти и въ діалектической стихотворной „Збірці“ холмскаго

¹⁾ Судя по одной цитатѣ Э. Вольтера въ его описаніи Галицкаго Евангелія 1266—1301 г. (въ Archiv für slav. Philol., т. VI, 1882, стр. 623), можно было бы подумать, что въ Галицкомъ евангеліи имѣется еще и третье написаніе съ удвоеннымъ оо,—именно на л. 18: „нообьюти и“ (вм. „побють и“, т. е. побють его). Но это—или невольный lapsus calami Э. Вольтера, или—скорѣе—опечатка

русина Василя Ткача*), который (согласно съ т. п. ярыж-нымъ правоисавиѣмъ, гдѣ $m=i$), пишетъ: „въ кожнуй“ (=въ каждой), „кижная зпика тыхънько сыне“ я т. п. Обыкновенно же малоруссы знаютъ лишь фонему „кожний“ (или „кожен“), зап.-мр. „кождий“,—со звукомъ *o*, а не *i*. Причина того, что въ однихъ мр. говорахъ слышится звукъ *i*, а въ другихъ звукъ *o*, сводится повидямому къ разности между старинными гласными звуками *o* и *ъ*. Первоначальная форма трехъ грамм. родовъ упомянутого мѣстоименія была такая: „кѣ-жьдо“ (муж. р.), „кѣ-жьдо“ (ж. р.), „кѣ-жьдо“ (сред. р.), причѣмъ склонялась только первая часть („кого-жьдо“, „кому-жьдо“ и т. д.), а частица „жьдо“ оставалась неизмѣнной. Съ теченіемъ времени малоруссы (какъ и всѣ славяне) сочли удобнымъ прибавлять надежныя флексіи къ концу слова, т. е. къ частицѣ „жьд“, а первую половину слова—оставлять неизмѣнной. Но при этомъ въ однихъ говорахъ (п языкахъ) восторжествовалъ послѣ *k* звукъ *л*, первоначально имѣвшійся въ формѣ жен. р. ед. ч. и среднего рода мн. ч. („кѣ-жьдо“), такъ-что получилось слово „кѣ-жьды“ или, со вставкой суффикса *н*, слово „кѣ-жьднй“; въ другихъ говорахъ проведенъ былъ послѣ согласнаго *k* гласный звукъ *ъ*, имѣвшійся въ муж. р. („кѣ-жьдо“), и они стали произносить: „кѣ-жьды“ (или „кѣ-жьднй“); въ третьихъ говорахъ возобладала огласовка формы ср. рола („кѣ-жьдо“), и въ нихъ возникла форма „кѣ-жьды“ (или „кѣ-жьднй“). Послѣ паденія глухихъ гласныхъ тѣ малорусскіе говоры, которые произносили „кожьднй“ и „кѣ-жьднй“, выработали путемъ замѣстительнаго удлиненія фонему „кождий“ и „кожний“ (откуда и холмское „кѣ-жний“); а тѣ говоры, которые произносили „кѣ-жьды“ и „кѣ-жьднй“, прояснили глухое *к* въ чистое *o*, и такимъ образомъ возникло наиболѣе обычное малорусское „кожний“ (а въ безчленной формѣ—„кожен“) и зап.-мр. „кождий“.

наборщика. Въ подлинной рукописи Гал. Ев-ія 1266—1301 г. окзывается: „Взяша же паки камѣнье Июдѣи, да побьюти и“ (л. 18),—съ совершенно отчетливой одной буквой *o*, а не съ *oo*.

*) Збирка. Опытъ перевода произведеній русскіихъ образцовыхъ писателей на малорусскій языкъ—народнаго учителя Василя Ткача. Вып. I-ый. Варшава 1905 (типографія канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора).—Обширную рецензію на „Збирку“, съ выписками изъ нея, далъ А. Лютницкій въ „Раді“, 1906, № 47, стр. 4.

ѡ. Воспроизведеніе рефлекса *o* черезъ букву *y* (ѡ. ѡу).

Обыкновеннѣе всего результатъ замѣстительной долготы звука *o* (т. е. существованіе дифтонговъ *yo, yə, yu* и т. д.) сказывался подѣ перомъ старинныхъ малоруссовъ въ томъ, что они вмѣсто прежняго *o* невольнo писали букву *y* (ѡ, или ѡу), т. е. воспроизводили первую гласную часть дифтонга; наиримѣръ вмѣсто орфографическаго «кѡнь» они (не всегда, конечно, и лишь невольнo) писали «кѡнь» (или «кѡунь»). Теоретически надо бы предполагать, что въ живой рѣчи авторовъ подобныхъ начертаній дифтонгъ бывалъ скорѣе нисходящимъ, чѣмъ восходящимъ, т. е. что они произносили: «кѡонь», «кѡэнь», «кѡуень», а не «кѡонь», «кѡэнь», «кѡуень». Однако, можно бываетъ подѣ буквою ѡ иногда (изрѣдка) предполагать такъ же дифтонгъ восходящій (иначе сказать—съ удареніемъ не на *y*), и это видно изъ нѣкоторыхъ другихъ случаевъ примѣненія писцами буквы *y*. Такъ, поповичъ Евсеvй, переписавшій южно-галицкое Евангеліе 1283 г., начерталъ въ одномъ мѣстѣ: «Идѣте от[ъ] мене проклятіи ѡу гни (=въ огнь) вѣчныи, готованы дьяволу» (л. 61 β)»; начертаніе «ѡу гни» появилось здѣсь вмѣсто «въ огнь» или вмѣсто «ѡу огнь»,—а едва ли надо сомнѣваться, что удареніе у поповича Евсеvія падало при этомъ на слогъ *o*, т. е. что онъ въ церкви читалъ свое начертаніе не иначе, какъ «у ѡгнь» или какъ «въ огнь»¹⁾.

Документальные примѣры написанія буквы ѡ или ѡу въ смыслѣ *o* имѣются у насъ съ XIV вѣка, и они на всей малорусской территоріи обильны до конца XVII вѣка, т. е. до тѣхъ поръ, пока въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ

1) Впрочемъ, можно еще предположить, что въ живой своей рѣчи поповичъ Евсеvй, 1283 г., произносилъ вовсе не „у ѡгнь“, но „у огонь“, съ удареніемъ на *o*, а въ такомъ случаѣ первые два слога (*y · o*) были у него совсѣмъ неударными. А пожалуй, даже, что въ такомъ случаѣ начальный элементъ *y* могъ въ словосочетаніи „у огонь“ слышаться у поповича Евсеvія прямо съ такъ называемымъ второстепеннымъ удареніемъ („у огонь“).

рефлексъ долготнаго *ó* звучалъ еще дифтонгически (т. е. пока еще не окончательно перешелъ въ монофтонгъ *i*). Послѣ того подобныя начертанія дѣлаются болѣе рѣдкими, — по крайней мѣрѣ, не повсемѣстными. Это потому, что въ теченіи XVII вѣка большая часть малоруссовъ (въ особенности—западныхъ) рѣшительно стала отвыкать отъ произношенія «*кунінь*» и привыкла произносить ужъ просто «*кнп*»¹⁾.

Для иллюстраціи того, какимъ образомъ развивалась въ малорусскомъ языкѣ наиболѣе типичная его черта (т. е. возмѣстительное удлиненіе звука *o* передъ навшими глухими), соберемъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ нѣкоторыя намѣ старинныя начертанія малорусскихъ памятниковъ, въ которыхъ буква *y* (*ŷ* или *ou*) употреблена какъ послѣднее воспроизведеніе рефлекса звука *ó*. Необходимо замѣтить, что аналогичнымъ образомъ мягкаго *ю* пишется въ тѣхъ же памятникахъ для воспроизведенія рефлекса *jó* или *йó*, возникшаго (передъ твердыми слогами) изъ стариннѣйшаго *с*; наиримѣръ, для воспроизведенія дифтонговъ *ю о*, *ю э*, *ю ъ*, *ю и* и т. п. пишется: „въ *юѡмѣ*“,—слѣдовательно, дѣлается это для воспроизведенія удлиненнаго „въ *юѡмѣ*“, которое произошло изъ болѣе стараго „въ *нѣмѣ*“²⁾. Но мы въ своихъ выпискахъ не будемъ здѣсь накоплять мягкихъ начертаній съ буквою *ю*; такъ-какъ о нихъ особо будетъ еще рѣчь впереди, въ главѣ о судьбахъ звука *с*, и если изрѣдка процитируемъ и ихъ здѣсь, то сдѣлаемъ это лишь случайно, мимоходомъ; специально же въ этомъ отдѣлѣ мы имѣемъ въ виду только начертанія твердыя, съ буквою *y*.—Обзоръ мы начнемъ съ памятниковъ середины XIV вѣка, потому-что болѣе раннія т. н. грамоты князя Льва Галицкаго, датированныя послѣдними годами XIII в. и первыми годами XIV-го, не подлинны. Это надо сказать, наиримѣръ, про т. н. грамоту 1292 г.

¹⁾ Монофтонгическое произношеніе (типа „*кнп*“), какъ увидимъ ниже въ рубрицѣ *с*, документально констатируется въ южной части зап.-мр. парѣчія еще въ XV вѣкѣ; но въ повсемѣстный малорусскій обиходъ монофтонгическое произношеніе типа „*кнп*“ вошло только лѣтъ черезъ 200—250.

²⁾ О твердости флексіи *ѡ*, замѣнившей собою флексію *ѡ*, которая однако продолжала по традиціи писаться съ буквою *ь*, см. выше, § 13, б. стр. 107—108.

к и. Льва ¹⁾ галицкому Спасскому монастырю, въ которой содержится выраженіе: „владыце нашему ефимію и по н ю м ъ будучимъ епископомъ“. Она поддѣлана една ли раньше XIV вѣка, хотя впрочемъ, и не позже XV вѣка (потому что въ XV в. она ужъ была официально подтверждена польскимъ правительствомъ). Оставляя въ сторонѣ подобныя сомнительныя памятники, мы имѣемъ передъ собою слѣдующіе, въ которыхъ о выражено черезъ букву у (т. е. черезъ *ou* или *ŭ*):

XIV-й и XV-й вв.

Въ галицкой купчей 1359 г. изъ Перемышльщипны, сдѣланной на „дѣдичтво паньны Радивоньковоѣ. дѣдичну ес и вотчину, што по пюи отецъ далъ“, въ числѣ свидѣтелей подписанъ „Друздъ“ (=Голов. № 2, стр. 6) ²⁾. Купчую эту писалъ Болестрашицкій поповичъ Кость Дьяковичъ. Теперь мы слышимъ зап.-мр. „дрѣдъ“.

Въ другой Перемышльской купчей, 1366 г. (=Голов. № 3, стр. 6—7), того же писца, которая касается дѣдичтва Пнеколътъ, купленнаго „у Шульжичювъ“ (=у Шульжичей, =соврем.-мр. „у Шульжичѣв“), встрѣчаются выраженія: „продали добровульно и у вѣки“; „а у ставу Радивоньковоѣ“ (=современ. „Радивоньковоѣ“) ловити сѣтью ему добровульно“; „а на то послуи (=свидѣтели)—владыка Ларивунъ“ (=современ. „Лаврин“) ³⁾,... панъ Навуй Стояньский (и „панъ Навойко“), панъ Столпувскій, „панъ Друздъ“. Вѣроятно, о скрывается подъ буквою *ou* также въ начертаніи: „Осташко Соульскій“. Писалъ купчую все тотъ же Болестрашицкій поповичъ, „Васильювъ сянь, ирузвищемъ“ (=соврем. мр. „прѣзвищемъ“) Сорочичъ“.

¹⁾ Переиздана въ „Хрестоматіи“ Головацкаго (Вѣна, 1854), стр. 315—316.

²⁾ Цитируя галицкія купчія и т. п. грамоты, мы будемъ дѣлать ссылки почти исключительно на нумера общезвѣснаго, удобнаго, сборнаго изданія Як. Головацкаго (1867), который обыкновенно отмѣчаетъ и предыдущія изданія. Но самыя-то цитаты приводятся нами далеко не исключительно по Головацкому, а напротивъ—и по другимъ чтеніямъ, которыя частенько оказываются болѣе точнымъ, чѣмъ въ его изданіи.

³⁾ Современ. „Лавринъ“ есть слияніе двухъ именъ: Ларіонъ и Лаврентій (польск. Wawrzyn, Wawrzyniec).

Въ грамотѣ 1378 г. (=Akta grodz. i ziem., t. II, 15—16) буква *у* въ имени „Федуть“ (=Федотъ) едва ли есть выраженіе рефлекса звука *о*. Скорѣе ужъ можно подозрѣвать здѣсь искусственный книжническій юсъ, *ѣ* 1).

Въ галицкомъ судномъ листѣ старосты Гнѣвоша (=Гол. № 11, стр. 13), писанномъ „у Вышнѣ“ въ 1393 г. по Божьюмъ нарожѣнѣ², фигурируетъ „свѣдокъ панъ Пашко Мазувшанинъ“ (=соврем. Мазівшанин³).

Въ львовской купчей 1400 г., которую удостоверялъ „панъ Мадина, воевода Львовскій“ (=Голов. № 20 стр. 19), вышеозначенное прозвище пишется просто съ *о*: „пано Яшко Мазовшанинъ“; но тамъ же упоминается съ буквою *у* свѣдокъ „воитъ Львовскій Кундратъ“ (=соврем. „Киндрат“, изъ „Кондратъ“). По одному изъ чтеній этой грамоты¹, въ ней написано: „продалъ за 30 копъ... и за кунъ“ (=соврем. „кѣнь“, т. е. за ковя)².

Въ Галицкой размежевочной грамотѣ 1401 г. (=Голов. № 24, стр. 23—24; срв. „Акты Юж. и Зап. Росс.“, I, стр. 4, по факсимиле), которую выдалъ „панъ Петрашъ, староста Галицькый и Снятинскы[ѣ] пану Вас[ѣ]ковѣ Мошенчичю“, позывавшему „пана Кундрата Воренича о границу“, има „позываемаго“ пишется три раза съ буквою *у* и два раза съ *о*.

Въ писанной во Львовѣ господарской присягѣ 1407 г. королю Владиславу отъ молдавскаго воеводы Александра (=Улян. № 19, стр. 16) одинъ изъ земель называется „панъ Тобучъ“. (Срв. соврем. зап.-мр. „тбѣч“=по ту сторону).

[Не въ подлинникѣ (котораго мы не знаемъ), но въ галицкой копіи съ Сандомірской жалованной грамоты 1408 г. короля Владислава Ягайла своему слугѣ на имѣніе въ Перемышльщинѣ, которымъ долженъ пользоваться „воув (=він) и сго дѣти“ (=Голов. № 29, стр. 32), встрѣчается: „зобопулъ лѣса Стручына“. Срв. соврем. диалект.-мр.: „з’обанѣль“, „обопѣль“; срв. также соврем.-общемр. „пѣвъ“, полъ, половина.]

¹) Это имя звучитъ у малоруссовъ по-простонародному „Хтодомт“.

²) именно, по чтенію Ден. Зубрыцкаго—въ „Актахъ Юж. и Зап. Росс.“, т. II, стр. 3.

³) Вин. пад. одуш. въ XIV в. бывалъ еще сходенъ съ именительнымъ.

Въ львовскомъ векселѣ 1421 г. пана Васька Мошонича (=Гол. № 32, стр. 36): „Узялъ смѣ у пана Ивашка сто купъ (=совр.-мр. „кш“), а имаю пану Ивашкови дати ту сто купъ“, „а пак ли бы панъ Васко не дали тѣхъ ста купъ от себъ Матки Б[о]жьѣ на другую Матки Б[о]жьѣ у рукъ...“ (=совр.-мр. „рш“, т. е. годъ).

Въ Ланцидкомъ примирительномъ договорѣ 1433 г. короля Владислава съ новымъ молдавскимъ воеводою Стефаномъ (=Улян. № 31, стр. 36—37): „присягъ, слюбовъ, голдувъ и записовъ, намъ учиневыхъ“.—Въ буковинскомъ обязательствѣ передъ королемъ 1435 г. того же господара Стефана (=Улян. № 38, стр. 43): „[Листы], яконхъ¹⁾ къ намъ принесено отъ пана Кунчича, загыбли по Кунчичиву[и] смерти“.

Въ львовской присягѣ молдавской господарской рады 1436 г. новаго воеводы Ильи на вѣрность королю Владиславу (=Улян. № 46, стр. 51): „Слюбуемъ... вирность... при тум-то голдѣ стеречи“, „при тум-то... остати“. Несомнѣнно, что буквою *y* обозначенъ здѣсь дифтонгъ, уже близкій къ *i* (т. е. *yi*); срв. въ одновременной Ильиной грамотѣ 1436 г. (=Улян. № 44, стр. 48): на-итки-лѣ“ (чит. „на-вѣдкія“).

Въ буковинской жалованной грамотѣ 1446 г. воеводы-господара Стефана (=Улян. № 62, стр. 68): „на булшеи“.

Въ буковинскомъ судебномъ приговорѣ 1449 г. воеводы Александра (=Улян. № 69, стр. 76): „Не имѣю инос при души, тукло село, що ми далъ Стефанъ-воевода“.—Въ его же буковинской жалованной грамотѣ 1451 г. (=Улян. № 70, стр. 78): „на булшую“.

Въ буковинскомъ правительственномъ постановленіи 1456 г. воеводы Петра и его боярской рады насчетъ платежа дани туркамъ (=Улян. № 79, стр. 86): „утисненіе земли нашей, що жъ съ усихъ сторонъ имаемъ, а на ибулше—отъ Турковъ, иже берутъ по кулкось разовъ и просятъ у насъ даны“.

Въ буковинскомъ договорѣ Петра-воеводы 1457 г. съ двумя галицкими старостами (=Улян. № 84, стр. 93): „ихъ шкоды... имаемъ имъ вернути; и кулко сѣ (=сы) имъ не увернеть—отложили... на св[я]того Филипа“; „имасмъ заплатити, на кумъ (=совр.-мр. „на кш“) станеть“.

¹⁾ Чит. „якихъ“.

Въ жалованной грамотѣ 1459 г. кievскаго князя Семена Огелковича, выданной въ Прилуцкѣ за Двѣпромѣ своему слугѣ Іереміи Шашку для „зоставленія его при всяи отчизнѣ и дидизаѣ его“, есть фраза: „при томѣ всяемъ ¹⁾ составую, какъ продкове его заживали, штобы и унъ (=соврем.-мр. „він“) тое отчизны и дидизѣни свое заживалъ“.

Въ буковинской господарской присягѣ 1462 г. королю Казимиру (=Улян. № 91, стр. 100—101), воевода Стефанъ изъявляетъ готовность слѣдовать „памяти предкув“, которые состояли въ вѣрной вассальной зависимости отъ „кровоув полскихъ“ и завѣщали эту вѣрность воеводамъ, „п о т у м ъ (=соврем.-мр. „пóтiм“) будучимъ“. Онъ, черезъ „обезавнѣ присяги и з дотъянемемъ с[вя]того хрста“, общаетъ Казимиру „отъ сего часу и на поту м ъ далции часы... помагати у властенуи парсунѣ“ ²⁾. Начертаніе „п о т у м ъ“ встрѣчается далѣе въ этой грамотѣ еще два раза.—Въ другомъ своемъ обязательствѣ 1462 г. (=Улян. № 92, стр. 102) воевода общаетъ королю Казимиру, соблюдая „присяги наши и панувъ нашихъ“, не отпускать татарскихъ плѣнниковъ „Садѣ-Ахматовичювъ“,—въ противномъ случаѣ король „не имаеть намѣ ни въ чюмъ виненъ быти и можеть намѣ своихъ записувъ не держати“.

Въ буковинской жалованной грамотѣ 1467 г. того же воеводы Стефана монастырю на Молдавицѣ (=Улян. № 84, стр. 95): „у т у м ъ сели“ (=соврем.-мр. „втiм селi“).

Въ буковинскомъ прощенномъ листѣ 1468 г. (=Улян. № 96, стр. 107) тотъ же воевода Стефанъ прощаетъ своего опального логожета и другихъ въ силу просьбы короля и „пробзы панув его м[и]лости, а затымъ и панувъ нашихъ“. Имѣніе опальныхъ возвращается, „а коли узриме ихъ справедливую службу,—и булше будемъ ворочати“.

Въ размежевочной грамотѣ 1493—1494 г.³⁾, которую выдала княгиня Анна Слуцкая со своимъ сыномъ игумену Троицкаго монастыря въ тѣжбѣ его съ сокольниками Гиковичами изъ-за пограничнаго лѣса и въ которой приводятся буквальноя показанія самого игумена Іосифа и бывшаго

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ. У Антонов. и Козловскаго неточно издано: „всѣмъ“ (стр. 20).

²⁾ Такъ надо читать вмѣсто изданнаго „влустенуи“.

³⁾ =Акты Южн. и Зап. Росс., т. I, стр. 296—297.

архимандрита Печерскаго Макарія,—мы находимъ: „Дяловалъ намъ игумень такъ: „То есть земля звѣчная церковная, отъ монастыря и до тоѣ сосны; отсюль отъ монастыря—моя, а оттуль—твоя; а оттоль, до сосны“ и т. д.;— „А Макарій намъ такъ отозвалъ: Коли я держалъ монастырь, тогда панъ Волчько Кляпиничъ рекъ: по туль дѣлай, а далѣй не ходи“;—„Игумену держатися того, покуль заводилъ панъ Волчько и оччиць земли тоѣ Харьшъ“. Сама по себѣ эти начертанія съ буквою *y* были бы не характерны ¹⁾, но общій малорусскій характеръ грамоты заставляеть насъ видѣть въ нихъ фонемы дифтонгическія, изъ которыхъ возникли вышнія малорусскія „відсіль“ (и „відсиль“), „покуль“ и т. п.

Въ буковинскомъ примирительномъ договорѣ 1499 г. воеводы Стефана съ королемъ Яномъ Олбрахтомъ (=Улян. № 105, стр. 171): „покуи вѣчный“, „покуи и муръ вѣчный“, „имасмо ховати незламанны миръ и покуи“.

XVI-й вѣкъ.

Въ мр. памятникахъ даже конца XVI в. употребленіе буквы *y* въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ теперь у малоруссовъ слышится *i*, является еще очень частымъ. Между прочимъ, оно констатируется и въ переводахъ Евангелія на полупростонародный малорусскій языкъ, въ которыхъ уже проскальзываетъ въ такихъ случаяхъ и буква *и*; и въ актахъ XVI в. рефлексъ *o* воспроизводится далеко не только черезъ *и*, но и черезъ *y*. Едва ли можно сомнѣваться, что въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ XVI вѣка рефлексъ *o* звучалъ не какъ *yo*, но какъ *yu* (а въ нѣкоторыхъ, конечно, и просто какъ *i*). Изъ многочисленныхъ памятниковъ XVI в. отмѣтимъ букву *y* въ смыслѣ *o* лишь въ нѣсколькихъ 2-ой полов. вѣка:

Въ волинскомъ достаточно простонародномъ Пересопницкомъ Евангеліи 1561 г., которое написалъ архимандритъ Пересопницкаго монастыря (въ Луцкомъ уѣздѣ), а переписалъ сынъ протопопа изъ галицкаго Саюка, мы наряду съ воспроизведеніемъ (рѣдкимъ) рефлекса

¹⁾ Въ бѣлорусскихъ и великорусскихъ говорахъ имѣются фонемы „оттуль“, „потуль“ и т. п., съ чистымъ монофтонгомъ *y*, происшедшія, конечно, вовсе не черезъ замѣстительное удлиненіе, а очевидно подъ вліяніемъ формъ: „оттуда“, „откуда“ и пр. Попадаютъ эти слова съ написанной буквою *y* и въ чисто-бѣлорусскихъ грамотахъ XV—XVI в.

б черезъ и находимъ букву у 1): „От своихъ бо словъ будешь усраведливленъ“ 2), „кру м жень и дѣтей“ (16); „пу- [й де]мо ажъ до Вилеома“ (28); „з фарисеувъ и прода- янувъ“ (17); „въ вечерь, албо в пульночи“ (18); „а с ним и иншихъ два—по суй и по туй сторонѣ“ (21); „Брате, стуй! нехай выйму сучецъ зъ ока твоего“ (38); „брат твуй ум[е]рль былъ и онят[ь] ожилъ“ (59); „откуля сее?“ (27); „ани ты-жь оттуля к намъ не приходятъ“ 3); (61; срв. тамъ же: „оттоля“, 54); „Велии ся стережѣте от учителей, которы хотятъ ходити в краснумъ одѣванѣ“ (69); „на правуй сторонѣ“ (73); „роспали... и злодѣи,—единог[о] на правуй, а другого на лѣвуй рудѣ“; „прииоль въ украины Иудейскыя, по онуй сторонѣ Йордана“ (прилож., л. 2) и т. п.—Такое же правописание мы наблюдаемъ и въ копи сь Пересопницкаго евангелія, сдѣланной (повидимому, тоже на Воыни) десять лѣтъ спустя (въ 1571 г.) и еще болѣе простонародной 4). Въ ней мы, между прочимъ, находимъ и „оттуля“.

Въ изрядно простонародномъ Почаевскомъ Учительномъ Евангеліи XVI в. (хран. въ кievской Духовн. Акад.) 5) начертаній съ у въ смыслѣ б—множество. Напр.: „булшій“ (л. 52; л. 236); „Icyс дал им муц (=соврем.-мр. „мѣц“, т.-е. силу, мощь) над духы нечистыми“

1) Ссылки на Пересопницкое Евангеліе относятся къ страницамъ изданія П. И. Житецкаго: „Описаніе Пересопницкой рукописи“, Кіевъ 1876 (=отт. изъ Трудовъ третьяго Археол. Съѣзда).

2) Буква ь употребляется въ Пересопницкомъ Евангеліи на сербскій ладъ въ смыслѣ з.

3) Срв. соврем.-мр. „відтіля“. Звукъ і (или дифтонгъ уо) фонетически развился сперва въ формѣ „оттолѣ“, а ужъ изъ нея перевесенъ былъ нефонетически въ форму „оттоля“.

4) Отрывокъ изъ нея изданъ П. И. Житецкимъ въ прилож. къ „Опис. Пересопн. рукоп.“, стр. 78—79.

5) Оно описано, лишь со стороны содержанія, а не языка (однако съ извлеченіями текста) у Вас. Березина: „Описаніе рукописей Почаевской Лавры“, стр. 34—38 (Кіевъ, 1881—оттискъ изъ Трудовъ Кіев. Духовн. Акад. 1881). Кратко, со стороны языка, описалъ Почаевское Евангеліе П. В. Владиміровъ: „Обзоръ южно-русск. и зап.-р. памятниковъ“—въ Несторовыхъ „Чтеніяхъ“, т. IV (= 1890), стр. 134; см. также изданную запись изъ него, на стр. 106—107.

(л. 313 об.); „не т улко визнавати вѣру, але“... (л. 241), „не т улко хрис[тіане“ (л. 239); то же на л. 14 об., 15 об. и мн. др.; „вудкул“ (л. 335 об., =совр.-мр. „відкіль“), „пуду“ (л. 285), „вун“ (л. 46; л. 241 об., =онъ, соврем.-мр. „вин“), „ясный вывудъ“ (л. 332 об.), „покуй“ (л. 67), „дум“ (л. 268 об., =соврем. зап.-мр. „дѣм“), „учинкувъ“ (род. мн., л. 5 об.), „по лѣвуй“, „по правуй“ (л. 13 об.), „туй“ (л. 188, =совр.-мр. „тѣй“), „о тум“ (л. 342), „в новум“ (л. 342 об.). [Срв. также аналогичныя мягкія фонемы: „на нюмъ, на сюмъ“, л. 268; „своюмъ“, л. 5 об.; равно какъ глагольныя формы: „привюл“, л. 101 об., л. 112, „възьюс“, л. 256 об.]

Около 1561 г. на послѣднихъ листахъ кіево-Михайловскаго Евангелія нач. XVI в. (до 1526 г.) сдѣланы вкладныя записи о платѣ за поминаніе и за монастырскія кельи: „Маликович, а прозвище Богдан, дал пят[ь] копъ грошій, а за то у гуд же у гуд памят[ь] чинити“ (=ежегодно, „въ годъ же въ годъ“, —срв. соврем.-мр. „тогд“ = прошлый годъ); „Старец[ь] Олексій дал осм куп гроши[й]“.

Въ гудульской пѣснѣ 1571 г. про „Штефана-війводу“, записанной чешскими буквами: „Albo mé ruojmi, albo mé liši!“ и „Ruojmil bych té, duwoňko“—наряду съ передачей *ѣ* черезъ *i*.

Въ волынскомъ сборникѣ по па Наливайка второй полов. XVI в. (хран. въ Румянц. Муз. № 2616), гдѣ славянское изложеніе сопровождается малорусскимъ переводомъ, есть изреченіе: „Писма учия пристуїно, а чого учишь, тѣ—розумѣй“ (л. 45—45 об.). Въ сказаніи Златоуста объ Іосифѣ: „рувнаая... обонимъ гонитва была“ (л. 111 об.); „Был Іосифъ на герстѣ¹⁾ покусы; з высокости... над бытвою... з бур (=совр. мр. „збір“) агг[е]льскыи нахилившися смотри ся на тое“ (л. 115 об.).

Въ зап.-мр. (вѣроятно, волынскомъ) сборникѣ о луномъ теченіи и проч., второй полов. XVI в. (Москов. Синод. Библ. № 937), въ отдѣлѣ апокрифическихъ (богумильскихъ) вопросовъ о началѣ мірозданія („Початокъ вопросомъ о смыслу разума“, лл. 20—30): „пушло“ (=соврем.-мр. „пшло“), „звунъ“, „дустался“ и др.

Въ книгѣ Владиміръ-Волинской кгородской 2-ой полов. XVI в.,—напр. подъ 1567 г. (№ 934, л. 27)²⁾:

¹⁾ = „На герці“, т.-е. на турнирѣ.

²⁾ = Антонов. и Козловск. № 44, стр. 100.

„Врадникъ тивону въ городышскій, Гриворей Онушко“. Имя „Онушко“ (-соврем.-мр. „Онѣшко“, срв. въ кievск.-Михайл. помянн. XVI в.: „Онѣшко“, л. 34 и л. 59) есть уменьшительная форма отъ „Онопрій“ (=греч. „Онуфрій“). Рядомъ съ этимъ замѣчается въ вгродской книгѣ воспроизведеніе *о* черезъ *и*. Такое правописаніе (съ безусловнымъ преобладаніемъ *у*) тянется здѣсь систематически вплоть до конца вѣка, и дальше. Напр., въ актѣ 1608 г. (=л. 286)¹⁾: „мы всѣ, судьи конные, которыхъ насъ было о пудтора ста“ (=соврем.-мр. „пѣвтора ста“).

Равнымъ образомъ и въ одновременной волынской Луцкой книгѣ вгродской 2-ой голов. XVI в. мы (наряду съ изрѣдка замѣчающейся склонностью передавать *о* черезъ *и*) видимъ обыкновенно букву *у*. Напр., въ рѣшеніи коннаго суда 1583 г. о поджогѣ (л. 76—79): „тогда, на тумъ же слѣду стоячи, по возного послала“, „о тумъ же передъ нами панъ Хорьковскій доводъ учинилъ“, и др. Менѣе характерно *у* въ нарѣчій „откуль“ (=соврем.-мр. „відкіль“), напр. въ слѣдствіи 1596 г. (=л. 588): „тѣло чоловѣка забитого, незнаемого... ни хѣто не позналъ, хто и отъ куль былъ“, „[мы] не знаемо, ани ведаемо, отъ куль“, и мн. др. :).—И вообще во всѣхъ волынскихъ дѣловыхъ документахъ конца XVI вѣка безусловно преобладаетъ буква *у* въ дѣлѣ воспроизведенія мр. *о*. Сюда относятся и многіе документы, писанные въ Варшавѣ. Срв., напр., королевскій (Сигизмунда III) привилей Ипатію Потѣю 1599 г. на униатское „архимандрыцтво Кіевское монастыра Печерского“, писанный повидимому волыняниномъ (=Акты Юж. в Зап. Росс., т. II, стр. 1): „ласкою и хутью нашою королевскою“ (=соврем.-мр. „хѣттю“).

XVII вѣкъ.

XVII-й вѣкъ, вѣкъ козацкаго движенія и борьбы съ унией, проявляетъ очень сильную склонность воспроизводить рефлексъ звука *о* черезъ букву *и*, и едва ли можно сомнѣваться, что въ устахъ множества малоруссовъ, главнымъ образомъ южныхъ (не только въ области нар. западнаго, но и въ области консервативнаго

¹⁾ Актъ этотъ издавъ у Н. Иванишева въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857, III (=кн. 7-ая), отд. II, стр. 48—53. См. стр. 53.

²⁾ Оба акта изданы (съ опечатками) Н. Иванишевымъ въ „Русской Бесѣдѣ“, 1857, III, стр. 34—48. См. стр. 38, 41, 44.

нарѣчія восточнаго) рефлексомъ звука *б* былъ монофтонгъ *і* ¹⁾. Но что двугласное произношеніе (вѣроятно же всего, *уі*) было еще въ XVII вѣкѣ очень сильнымъ даже въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Львовъ и Острогъ на западѣ и общемалорусскій умственный центръ Кіевъ на востокѣ, это съ очевидностью доказывается массою мр. начертаній XVII в. съ буквою *у*. Изъ нихъ отмѣтимъ слѣдующія:

Въ Кіево-Миханловскомъ монастырскомъ помянникѣ конца XVI—нач. XVII в., наряду съ характерной передачей *б* черезъ букву *и*, встрѣчаемъ: „Род п[а]на Ивана Рожнѣтвускаго“ (л. 29), „Род Лузчинъ“ (т. е. Лозкинъ, срв. на л. 12: „род панее Андрѣевоє Лозчины“; совр.-мр. „Лѣзчин“) „Род Макутырѣчывъ“ (л. 107; совр.-мр. „Макиѣрчин“). Срв. еще *у* вм. *ю*: „Род Настасіи Пшеничувны“ (л. 90), „Немирчувъ“ (л. 102); „Дорочанювни“ (л. 126).

Въ кіевскомъ православномъ Протестѣ заporожскихъ козаковъ 1610 г., внесенномъ въ кіевскую книгу кгородскую противъ уніатскаго хозяйничанья въ церквахъ Кіева ²⁾: „визяювъ и языкувъ“ а кромѣ того рефлексъ *б* воспроизводится черезъ букву *и*.—Одновременно въ 1610 г. состоялся православный Протестъ кіевскаго духовенства, тоже внесенный въ кіевскую книгу кгородскую 1610 г. ³⁾ Въ немъ кіевскіе священники сперва отвергаютъ клевету Ипатія Потѣя (они даже „на мысли свою[й] того, што въ нѣй написано, не мила“), а потомъ „всѣ міромъ, то естъ поспульствомъ (=совр.-мр. „поспѣлствомъ“), такъ тутопнимъ, яко зъ околичныхъ далекихъ сторонъ“ протестуютъ противъ насильнаго своего присоединенія къ уніи, котораго впрочемъ митрополитъ „ажъ до того часу доказать не мугъ“.—Въ отвѣтъ на это уніатскій намѣстникъ въ Кіевѣ Ант. Грековичъ внесъ свой протестъ во Вла-

¹⁾ Провикало монофтонгическое произношеніе и къ сѣверу, за центральныя полосы украинской территоріи,—на востокѣ гораздо меньше, чѣмъ на западѣ, за исключеніемъ развѣ такихъ столичныхъ восточно-малорусскихъ пунктовъ, какъ Кіевъ и Черниговъ, рѣчь которыхъ, естественно, должна была развиваться и эволюционировать быстрѣе, чѣмъ рѣчь окрестныхъ сель.

²⁾ Изд. въ „Актахъ Южн. и Зап. Росс.“, т. II, стр. 58—60.

³⁾ См. тамъ же въ „Актахъ Юж. и Зап. Росс.“, т. II, стр. 60—61.

димиръ-Волынскомъ 1610 г. ¹⁾) и жалуется, что по наущенію православныхъ одинъ козакъ, увидѣвши „его самого по маястыру ходячого, заразъ съ пулгаку до него стрѣлилъ“ ²⁾). Но въ то же время мы видимъ въ этихъ документахъ, вмѣсто дифтонга, просто букву *и*.

Въ волынскомъ печатномъ стихотворномъ „Ламентъ дому Острозскихъ“ (Острогъ 1603) ³⁾) составитель-книжникъ усердно употреблялъ орфографическое *о*, избѣгая проявленій замѣстительной долготы (которая, впрочемъ, таки прокралась у него два раза: „не заволь нѣкому“, 16, и „на нюм' побывавши“, 17). Но родное произношеніе книжника сквозить у него и изъ-подъ грамотѣйски напечатанной буквы *о*, благодаря рѣмѣ (быть можетъ, даже ударной);—именно, къ полустипшю: „З' мертвыхъ повстанувъ“ у него оказывается рѣма: „вняжацкихъ становъ“ (16);— очевидно, произноситъ онъ это слово „станѡвъ“, совр. „станѣвъ“, род. мн.) близко къ „станувъ“ (вѣроятно: „ставувъ“).

Въ львовскомъ стихотворномъ предисловіи 1609 г. къ книгѣ „І. Златоустаго о воспитаніи чадъ“ (Львовъ 1609; 2-е изд. 1614): „о котруй [науцѣ] народъ занедбавасть“. То же — въ львовскомъ печатномъ „Ламентъ по Желиборскомъ“ 1615 г. ⁴⁾): „въ славі добруй“. [Срв. тамъ же съ буквою *ю*: „въ дому своемъ“, „о нюмъ“, „въ нюй“.]

У галичанина начала XVII в., Памвы Берныды, который частенько выражаетъ *о* черезъ *и*, начертаній съ буквою *у* есть тоже не мало. Такъ, въ его печатныхъ виршахъ на Рождество 1616 г., прочитанныхъ передъ львовскимъ епископомъ Іереміей Тысаровскимъ ⁵⁾), находимъ: „свѣдкувъ“ (А также въ смыслѣ мягкаго *ю*: „въ нюй“, „юй“, „въ всямъ“, „старцувъ“ и пр.). Въ Ле-

¹⁾ Изд. въ „Дѣлахъ Юж. и Зап. Росс.“, т. II, стр. 65—66.

²⁾ „Пѣвгакъ“—родъ аркебуза.

³⁾ Переизданъ въ Несторовыхъ „Чтеніяхъ“, кв. XII (=1897), отд. IV. Мы пользуемся оттискомъ.

⁴⁾ „Плачь альбо Ляментъ по вестю з свѣта сего вѣчной памяти годного Григорія Желиборского“, Львовъ 1615.

⁵⁾ „На Рождество Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа вершѣ для утѣхи православнымъ христіаномъ“ (Львовъ, 1616, въ Братской типографіи), съ подписью на посвященіи: „Недостойный іеромонахъ Памво Берныда типографъ“.

к сї конѣ того же Памвы Берынды 1627 г.: „кувната“ (64, =соврем.-мр. „кївната“, „кїмната“), „ругъ“ (140, =соврем. „рїг“), „росуль“ (140, =разсолъ, соврем. - мр. „росл“), „стусть“ (100, 154, =соврем. зап.-мр. „стїс“, род. „стосу“, т. е. сложенный костеръ), „грумъ“ (174, =соврем. „грїм“), „вutki“ (188, =соврем. „вїдки“, т. е. откуда), „ббудъ“ (192, =соврем. „ббїд“, т. е. ободъ), „плугъ“ (198) и „запута“ (277; =соврем. „плїт“, „заплїгтя“, т. е. изгородь), „рувь“ (216, =соврем. „рїв“, род. „рбву“,), „кукул“ (271, =соврем. „кукль“), [—равно какъ и мягкія фонемы съ ю: „юй“ 41, „въ нюй“ 216, „въ порожнюй хвалъ“ 175, „намятъ“ 115 и вѣкоторыя другія].

Въ галицкихъ комическихъ простонародныхъ и нтерлюдіяхъ Як. Гаватта (Львовъ 1619), напечатанныхъ польскими буквами ¹⁾ и не разъ имѣющихъ вмѣсто дифтонга букву і, мы чаще однако видимъ букву у: „Сут тамо у вци, барани“ (175, соврем. „віяцї“);—„гей, же хороши [й]—п уз н а е ш“ (176);—„за шїст осмаков дам тобі... Три усмакі возмі собі“ (177);—„Осмотрю тою (=тую) лисци, чи будет п уд рукавицю, та и п уд шепу (=украин. „пїд шапку“) красейко“ (177);—„та и горчкі (=горшки), лїбой, пубрал? Ось, матунько, щб-м я виграл²⁾ на тоім лїхим ярмарку!..“ (177);—„Та и пубрал гроши?—Пубрал!“ (178; =соврем. зап.-мр. „пїбрав“);—„О Буг-ме, тот!“ (179);—„Пузнал би!.. Пуйдуся скарити нану!“ (179);—„Не будем бульше шарварку робити“ (180);—„Та біс та тут принїс! А мы вуд Городка,—знаеш?“ (181);—„Та ось пирух (=соврем.-мр. „пїрїг“) на травїца!.. бульше достанемо“ (181);—„Та і му ст там ест золоти[й]“ (182).—Срв., кромѣ того, буквы ю и у вм. юя: „Уцюкл би минн доґбиса (176,—совр.-мр. „утїк“) и „Сут там и лихое жу нкї“ (183) ³⁾. Повидимому, въ сельскомъ подольскомъ говорѣ

¹⁾ Мы однако приведемъ здѣсь цитаты буквами малорусскими, согласно точной транскрипціи общедоступнаго переизданія Мих. Шавлика, въ I томѣ редактированныхъ имъ „Розвідок Михайла Драгоманова“ (Львів, 1900, стр. 174—184). Цифровыя ссылки относятся именно къ этому переизданію. Сдѣланныя нами выписки латиницей погибли послѣ сдачи ихъ въ типографію и не могли быть немедленно восстановлены по подлиннику 1619 года.

²⁾ Интересно, что „виграл“ служитъ рїмою къ „пубрал“. Очевидно, выговоръ былъ близокъ къ „пубрал“.

³⁾ Вмѣсто „лихое“ мы теперь говоримъ: „лихї“ (им. мн.).

Я. Гаватта дифтонгъ, произшедшій изъ *o*, звучалъ не только какъ *ui*, но также, въ извѣстныхъ положеніяхъ, какъ у *o*. Срв. у него окончанія род. мн.: „горщков“ (175 и 179), „пирогов“ (176), „осмаков“ (177, =совр.-мр. „висьмаків“), а также еще три начертанія: „пирох“ (181 и слѣд., наряду съ „пирух“ 181), „жонку“ (175, при „жувкі“ 183) и „стойте!“ (181). Этою буквою *o* Гаваттовичъ передавалъ несомнѣнно не звукъ *o*, но дифтонгъ *uo*, и не даромъ къ послѣднему слову („стойте“) римой у него оказывается „почуйте“ (181).

Въ похоронныхъ кievскихъ „Вѣршахъ...“ „ректора школь кievскихъ“, Кассіана Саковича 1622 г., „молвєныхъ отъ сго спудеовъ на погребѣ зацного рыцера, гетмана Сагайдачного“¹⁾, есть начертаніе: „пулночныи“ [а также съ ю: „въ ний“, „непріятелювъ“ и др.].

У галичанина Кирилла Транквилиона-Староведкаго (бывшаго ок. 1589 г. учителемъ львовской братской школы, подъ старость переѣхавшаго въ Черниговъ) рефлексъ звука *o* воспроизводится, съ одной стороны, черезъ *и* и *і*, а съ другой стороны—черезъ *у*. Такъ, въ его „Зерцалѣ богословія“, напечатанномъ въ „монастыру Почаевском“ 1618 г., мы находимъ слѣдующія начертанія съ *у*: „слувъ“ (л. 11, род. мн. отъ „слово“, =соврем.-мр. „слов“), „дубръ“ (л. 5 об., л. 25, род. мн. отъ „добро“, т. е. благо, или имѣніе, =соврем. зап.-мр. „дѣбр“), „буль“ (л. 20, т. е. бѣль, =соврем. „бѣль“), „покуй“ (28, =„покій“), „лужко“ (41, =соврем. „лѣшко“, т. е. кровать, постель), „з' надвуря“ (50 об., =„з надвѣр'я), а [кромя того—во флексіи род. множ.: „поганувъ“ (5, =„поганів“, т. е. язычниковъ), „хорувъ“ (14 об.; 27), „котлувъ“ (76 об.; срв. аналогичную мягкую флексію: „непріятелювъ“, 53). Такое же окончаніе „увъ“ въ смыслѣ „бѣвъ“ видимъ мы и въ Транквилионовомъ же посвященіи кн. Чарторыжскому при „Евангеліи Учительномъ“ (напеч. въ Рожмановѣ, 1619): „обонхъ станувъ“²⁾. Оно же, это окончаніе род. мн. „увъ“, оказывается и въ позднѣйшей книгѣ Тран-

¹⁾ Издавы эти „Вѣршѣ Касіана Саковича“ въ Кіевѣ въ 1622 г., а перепечатаны Голубевымъ въ приложеніяхъ къ I тому его „Исторіи Кіевской Духовной Академіи“ (Кіевъ 1887), стр. 17—46.

²⁾ Посвященія у разныхъ экземпляровъ—разныя. Три изъ нихъ (и кн. Чарторыжскому въ томъ числѣ) переизданы у П. Строева въ его описаніи Библіотеки (бывшей) гр. А. О. Толстого, № 64, стр. 142—155.

квиліона: „Перло многоцѣнное“ (Черниговъ 1646): „полюкувъ“ (5 об.), „народувъ“ (24), „бокувъ“ (29), „гробувъ“ (123; срв. мягкія флексіи: „вязнювъ“ 66, „крулювъ“ 46, 135 об., 138, „красномовцувъ“ 135 об.). Тамъ же, въ „Перлѣ“, мы видимъ еще: „кукуль“ (137 об., =соврем.-мр. „кукіль“) и „кунь“ (140 об., =совр.-мр. „кнѣ“, т. е. конь).

На Боллановой картѣ Кіевскаго воеводства, 1-ой полов. XVII вѣка¹⁾, при рѣдкихъ случаяхъ воспроизведенія малорусскаго ђ черезъ і, (напр. „Kіna Sluka“=Кѣнна слука, на р. Хоролѣ), мы очень часто встрѣчаемъ въ смыслѣ ђ латинскую букву u, напр. въ имени „Vogymle“ (совр. „Буримля“, на р. Сулѣ) и „Mylki“ (соврем. „Мільки“, офиц. с. Мольки, на сѣв. Удаѣ), и во множествѣ именъ сѣль и мѣстечекъ съ окончаніемъ „=iwka“ (соврем.-мр. „=івка“): „Reszotaniwka“ (на р. Голтѣвѣ), „Vobniwka“ (южнѣе Канева), „Torniwka“ (какъ и „Milki“,—на сѣв. Удаѣ), „Babuziwka“ (на р. Хоролѣ) и т. и.—въ перемежку съ окончаніемъ „owka“, какъ, напр., „Biloszowka“ по р. Оржицѣ, „Serhiowka“ на р. Хоролѣ, и др. Такъ какъ Болланъ не чуждается чисто-малорусскаго произношенія собственныхъ именъ (срв. у него на той же картѣ: „Onyskowa Stinka“, „Smila“, „Neberybis“, „Chmiłna“, „Trylisie“ и мн. др.), то едва ли обязательно для насъ видѣть въ его латинской буквѣ „u“ полонизмъ. Просто, это значитъ, что въ тѣхъ говорахъ Кіевскаго воеводства, съ которыми имѣлъ дѣло Болланъ, рефлексъ звука ђ звучалъ въ четверти XVII вѣка ближе къ у о и къ ѹи, чѣмъ къ ѹі и къ і; главнымъ образомъ это можно утверждать о средней и сѣверной Кіевщинѣ и сѣверной Полтавщинѣ (напр., по р. Удаю и другимъ правымъ притокамъ Сулы).

Въ польской записи „Pіesn Ruska“ 1-ой половины XVII в. (до 1649 г), представляющей собою западно-малорусскую (не то сѣверно-галицкую, не то зап.-волынскую) любовную пѣсню, очень небрежно записанную польскими буквами²⁾, мы читаемъ: „Postiu, postiu, holubonko,

¹⁾ *Ukrainae pars, quae Kiovia-palatinatus vulgo dicitur per Guilhelimum le Vasseur de Beauplan, S. R. M. Poloniae architectum militarem, Amstelodami.* Карту эту переиздалъ В. Ляскоронскій въ приложеніи къ XIII-ой книгѣ Несторовыхъ „Чтеній“ (1899).

²⁾ Она издана, по подлинной рукописи XVII в. греко-униатской канитулы въ Перемышлѣ, В. Щуратомъ—въ „Запискахъ Наук. Т-ва имени Шевченка“, кн. 74 (=1906), стр. 132—133.

rozmowlu z toboiu!—Ne zurysia, moy milenki, budum zyty zo mnoiu“.

Къ этой пѣсенкѣ близко по говору—зап.-малорусское стихотворение 1651 года, озаглавленное: „Duma Kozackaia nad rikoiu Styru“. Оно, по поводу пораженія Хмельницкаго подъ Берестечкомъ, составлено несомнѣнно русиною, но буквами польскими ¹⁾. Въ немъ, какъ и въ предыдущей пѣсенкѣ, совсѣмъ нѣтъ воспроизведенія ô черезъ i, и рефлексъ звука ô передается черезъ латинскую букву „u“: „Odkul Nan nastupaieit“ (совр.-мр. „відкіль“); bulsz woyska iest Hmelowu“ (совр.-мр. „білш); „...słat do Hetmana, iako muž u stupyla“ (т. е. слать войско къ гетману для истребленія, словно ножъ въ тупилку; совр.-мр. „ніж“); „Nan utikaieit u Kusz (соврем.-мр. „Кіш“) шуiaieit, pametow odbihaieit“; „aż tabur rozorwały“ (соврем.-мр. „табір“); „Scz[oj] bulsz byt maieit“; „Zatym `bulsz Lahnw, a u nas strahow“. Род. множ. имѣеть написанное окончаніе „ow“: „Lachow“ (2 раза, а 1 разъ „Lahnw“), „Tatarow“ (3 раза), „pametow“, „strahow“ (съ прямою Lahnw“), „rapow“ (3 раза). Крімъ того, буква ô написана въ „miesz swoy“ (срв. въ предыдущей пѣсенкѣ „моу“) и въ „kolko“. Повидимому, тотъ локальный зап.-мр. говоръ (по рѣкѣ Стыри?), на которомъ составлена „Duma Kozackaia“, принадлежалъ къ числу нѣсколько запоздавшихъ въ своемъ развитіи сравнительно съ прочими, болѣе южными зап.-мр. говорами середины XVII вѣка.

Кажется, къ числу нѣсколько запоздавшихъ въ своемъ развитіи (въ дѣлѣ выработки i изъ ô) и ужъ во всякомъ случаѣ къ числу говоровъ дифтонгическихкихъ принадлежалъ и родной (вост.-мр.) говоръ Богдана Хмельницкаго, славнаго козацкаго вождя. По крайней мѣрѣ это можно заключить изъ его писемъ ²⁾, гдѣ въ смыслѣ o постоянно встрѣчается буква u: „поклунъ“, „свуй“, „мугъ“ (прош. вр. отъ „могтя“, =соврем.-мр. „міг“), „вугъ“ (род. мн. отъ „нога“, =совр.-мр. „ніг“), род. мн.: „попувъ“, „посланцувъ“ и друг.

Значительно болѣе развитою въ этомъ отношеніи является обычная рѣчь малоруссовъ Полтавщины XVII в. по

1) Эту „Dumu Kozackiui“ мы по частямъ помѣстили въ нашей грамматикѣ, перепечатавши изъ II-го тома „Archiv für slav. Philol.“, стр. 298—301, причемъ разставили лишь знаки препинанія.

2) Они хранятся въ Москвѣ, въ Главномъ Архивѣ Министертства Иностранныхъ Дѣлъ.

великорусскимъ податнымъ переписнымъ книгамъ 1666 г., куда вписано украинское новоподданное посполство (крестьяне и мѣщане) Лубенскаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ¹⁾. Присланные приказные-великоруссы, если имъ почему-либо не удавалось въ своихъ податныхъ реестрахъ передѣлать малорусскія имена и слова на московско-великорусскій ладъ, писали ихъ прямо по слуху, — и въ огромной массѣ тогдашнее малорусское *о* оказывается выражено у нихъ въ реестрахъ великорусскою буквою *и* („сыритка“, „снипъ“ и т. п.. Тѣмъ не менѣе, попадаетъ и у нихъ изрѣдка буква *у*, — ясное доказательство, что и дифтонгическій выговоръ (уи) еще не совсѣмъ исчезъ тогда въ Полтавщинѣ, — по крайней мѣрѣ, въ болѣе сѣверныхъ и среднихъ ея частяхъ. Такъ, подѣ Прилуками значится „Кирюшка Мулченковъ“ (= „Кирикъ Милченко“) ²⁾, хотя тутъ же село Мольки на р. Удаѣ (у Боплана „Milki“) оказалось у великорусскихъ московскихъ приказныхъ записано какъ „Милки“ (43). Тутъ же подѣ Прилуками значится „Ефремъ Новутно“ (40, = „Новобный“) — начертаніе, которое въ описи повторяется съ буквою *у* еще не одиный разъ (89, 103, 107), чередуясь иногда съ москвизированной формою „Навотновъ“ (112), „Новотпои“ (118), и имѣя рядомъ съ собою начертанія съ *и* и *ы* вродѣ „Сириткивъ“ (40), „Сиритка“ (41), „Лаитко“ (90, = „Лагодко“) и др. Въ тѣхъ же почти мѣстахъ, именно подѣ г. Срібнымъ, значатся: „Козма Кучюфъ“ (51, = „Кучьовъ“), „Нучъ“ (53, = „Ночь“), „Пулгаенко“ (54, = „Пѣвгаенко“), „Кокущенко“ (54, = „Кокѣсченко“), „Друбченко мельникъ“ (на р. Удаѣ, 55, = „Дробченко“) „Луцциъ“ (85, ближе къ р. Удаю, изъ-подѣ Пирятна, = „Лѣзчинъ“) — при фамиліяхъ: „Дробытъ“ (85, = „Дробѣтъ“), „Шкирка“ (87, = „Шкѣрка“) и др. Все тамъ же, подѣ г. Краснымъ, отмѣчено село „Самбуръ“ (59,

¹⁾ Эти переписныя книги хранятся въ московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Ихъ издалъ А. Лазаревскій въ XIII книгѣ Несторовыхъ „Чтеній“ (1899). Наши ссылки сдѣланы на страницы этого изданія.

²⁾ Московскіе составители описи 1666 г. считали своею обязанностью по возможности передѣлывать мр. имена совсѣмъ на московскій образецъ, съ уменьшительно-уничижительнымъ окончаніемъ — „ушка“, „юшка“ и т. п. и съ прибавкою окончанія — „овъ“ къ отчеству или къ прозвищу. Иногда они это, впрочемъ, забывали дѣлать.

61, къ сѣверу отъ Роменъ и р. Сулы, =Самбръ“). На р. Сулѣ, подѣ Лохвицей, записанъ „Безпоруіко“ (97, =„Безпоруіко“?); въ Миргородѣ—„Буіка“ (100, =„Бойка“); подѣ Миргородомъ на р. Хоролѣ—„Друщъ“ (103, =„Дрѣжджъ“), „Новутои“ (103, =Новѣтній“), „Буіченковъ“ (114, =„Бойченко“),—и это—наряду съ такими начертаніями, какъ „Лемішка“ (97, =„Лемѣшка“), „Беречиль“ (100, =„Беречѣдлѣ“) и пр. Къ сѣверу отъ г. Голтвы, на р. Пслѣ, значатся: „Вурловскоі“ (118, 119, 133, =„Орловскій“) и „Ластученко“ (119, =„Ластѣвченко“), а рядомъ съ ними: „Федко Рашискій“ (118, =„Ряшьѣвскій“), „Сншноі“ (118, =„Сѣтнній“). „Очитковъ“ (119, =„Очѣтко“), „Уничковъ“ (121, =„Видчко“), Подѣ г. Полтавою записанъ „Шестюрковъ“ (129, =„Шестѣрка“), причеиъ тамъ же оказывается и „Свишъ“ (126, =„Свибъ“). —У насъ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній предпологать за полуграмотными московскими писцами 1666 г. какую-нибудь книжную малорусскую или польскую традицію, которая искусственно заставляла бы ихъ писать букву у тамъ, гдѣ имъ слышалось і, —и разъ они по слуху пишутъ именно букву у (наряду съ и) въ смыслѣ малорусскаго ѓ, то это значить, что уквой элементъ дифтонга уі слышался въ 1666 г. въ нѣкоторыхъ говорахъ (или, хоть, въ отдѣльныхъ словахъ одного и того же говора) сѣверной и средней Полтавщины еще довольно явственно.

Повидимому, тамъ же, но ближе къ Кіеву, жилъ священникъ, сдѣлавшій ок. 1669 г. рукописныя замѣтки на поляхъ печатной книги Иянок. Гизиѣла: „Миръ челоуѣка съ Богомъ“ (Кіевъ 1666) ⁴⁾. Священникъ этотъ, очевидно, бывалъ частенько въ Кіевѣ, жителей котораго онъ хорошо знает ⁵⁾, но интересы его всецѣло связаны съ Полтавщиной, гдѣ гетманомъ (Лѣвобережнымъ) былъ „небожчикъ Бруховецкій“ (1663—1668, погибъ въ 1668 г. въ

4) Этотъ экземпляръ Гизиѣловой книги поступилъ въ 1888 г., изъ Полтавщины въ бібліотеку Церк.-Археол. Музея при Кіевской Дух. Академіи. Приписки, сдѣланныя на поляхъ, опубликованы и печатно, Н. П (етровымъ), въ „Кіевской Старинѣ“ 1892, янв., стр. 148—154.

5) съ вѣстной впрочемъ стороны. На л. 419, гдѣ Гизиѣль говоритъ, что грѣхъ—продавать по высокой и покупать по низкой цѣнѣ, пишется приписка: „Всѣ, всѣ Кіане звѣща наибарзній!“

Гадячѣ), интимно извѣстный автору приписокъ ¹⁾, и гдѣ „на-службѣ“ жили „Москалѣ, начальнии люде“ (л.385); этихъ послѣднихъ онъ, культурный украинецъ, глубоко презираетъ за ихъ варварскую некультурность; и даже ихъ грубое православіе возбуждаетъ въ немъ гадливостъ ²⁾. Такимъ образомъ можно съ увѣренностью считать его за жителя Полтавщины (чуть ли не переяславца). Наклонности передавать малорусское ђ черезъ букву и у него не замѣчается,—вмѣсто того пишется буква у. Эта буква у (а въ мягкомъ склоненіи—буква ю) преимущественно пишется во флексіи род. множ. „У нашихъ по п у в простыхъ тое завше есть“, „На веселяхъ у простаку въ щѣ човпется, срамне ест и зглаголати“ (между стр. 156—256); (Про „ножное ликованіе или плясаніе“ на свадьбахъ): „То-то на Украинѣ и похвала у м у ж и к у (в)!“ (258); „Простаки всѣхъ духовныхъ не любятъ, а звлата, по п у в ть“ (327); „У неуков по п у в того много“ (386); „То можнаа речъ чрезъ викари ю в“ (384).—(Про разсѣянность въ церкви): „А в Москалювъ то то и справа, що в церкви о всемъ розмовляти“ (328); (объ исповѣди и сожалѣніи о грѣхахъ): „У Москалювъ и не знаютъ, щѣ то—жаловати за грѣхи; толко всего: „Каюса, батушку!“ (420). Другія начертанія съ у: „По Лашовску (й)“ (между стр. 156—256); „сам не п у й д е т“ (384); „А другий п у п ь и самъ не знае, що и Отче нашъ (чп) умѣет“ (384); „Козаки едною жунокю не контентуются, але щѣ гѣрод—то инша“ (150).

У проповѣдника XVII в. Іоанникаія Галятовскаго, малорусса западнаго, который жилъ однако въ Кіевѣ (былъ кіевскимъ ректоромъ и игуменомъ кіево-Братскаго монастыря) и, вѣроятно, произносилъ по кіевски, мы почти не видимъ воспроизведенія малорусскаго ђ черезъ и, но нѣсколько чаще видимъ воспроизведеніе черезъ у. Такъ, въ его „Ключѣ разумѣнія“ (Кіевъ, 1659): „опувночи“ 49, „пулночи“ 99, „пулночъ“ 336, „покуй“ 161; (срв. род. мн. „воробювъ“ 353; „своей“ 218 об.). Впрочемъ, Галятовскій

¹⁾ „Такого мѣлъ небожчикъ Бруховецкии духовника з Канева: Онофрія, що дрижалъ передъ нимъ онъ, а не сповѣдаючийся напѣ Бруховецкій“ (449).

²⁾ Срв. между прочимъ приписку къ стр. 441 о выборѣ въ вопросѣ исповѣдникомъ для кающагося: „А у Московскихъ требникахъ хочъ бы святія пришлохъ исповѣдаться,—наслушается, чога и на умъ ему николи не приходило. То-то дурнота!“

крайне старательно избѣгалъ проявлять на письмѣ малорусскую замѣстительную долготу: считалъ это невозволнительнымъ вульгаризмомъ, и почти только тамъ она у него прорывалась, гдѣ этому благопріятствовала и ореографія польская.

По этой же причинѣ и у его ученика-проповѣдника, черниговца Антонія Радвильовскаго XVII в., одинаково рѣдко бываетъ напечатана, въ смыслѣ *o*, какъ буква *u* (или *i*), такъ и буква *y*. Въ рукописныхъ его оригиналахъ это случается чаще. Такъ, въ рукописномъ его „Огородкѣ“ (1671; напеч. въ Кіевѣ въ 1676) есть: „на столпѣ Адамантовумъ“ (II, 237; печатн. „омъ“, 197), „сднуй дѣвѣ“ (II, 1151), „дзвунѣ“ (II, 950), „в нурцѣ“ (II, 357), „з нурокъ“ (II, 353); это же слово съ буквою *y* есть и въ печатномъ изданіи 1676 года: „вурка“ (861, 862).

XVIII вѣкъ.

Попадаются начертанія съ буквою *y* (=o) и въ мр. памятникахъ XVIII столѣтія, и это не только въ области болѣе консервативнаго нарѣчія восточнаго (напр., въ и н т е р ю д і я х ъ Георгія К он и с с к а г о конца XVIII в.: „вунѣ“, „тулко“, „якій хорошій нусъ“ и пр., наряду съ „вмиѣ“, „вмттуль“ и пр.), но и въ области быстрѣе эволюціонировавшаго нарѣчія западнаго (срв. „на Агафетовум поли“ въ галицкомъ Словѣ Меєодія Патарскаго XVIII в., музей Петрушевича, № 105 *). Однако количество подобныхъ начертаній оказывается въ XVIII вѣкѣ несравненно меньшимъ, чѣмъ въ XVII-омъ в., потому что преобладающая часть малоруссовъ произносила въ такихъ случаяхъ ужъ не *u*, но просто *i*, а дифтонгъ слышался лишь въ т. н. архаичныхъ сѣв.-мр. говорахъ: на западѣ слышался онъ въ горныхъ Карпатскихъ закоулкахъ, да въ Подляшьи и на Волынскомъ Полѣсьи, а на востокѣ тоже только въ сѣверныхъ полосахъ. Замѣтимъ однако, что и въ говорахъ средней Кіевщины (къ сѣв. отъ р. Роси) и средней Подтавшинны (къ сѣв. отъ р. Сулы) дифтонги, во многихъ случаяхъ, такъ же не успѣли еще окончательно переработаться въ чисто-монофтонгическое *i*—почти до самаго конца XVIII-го вѣка; въ Подтавшинѣ, именно отъ Переяслава до Лубенъ (гдѣ теперь рѣчь обыкновеннаго украинскаго типа) дифтонгизмъ могъ тянуться чуть ли даже не до начала XIX вѣка. По крайней мѣрѣ, Ао. Шафонскій, въ своемъ „Топографическомъ описаніи Черниговскаго на-

*) См. по изданію Ив. Франка: „Памятникъ“, т. IV, стр. 287.
УКРАИНСКАЯ ГРАММАТИКА, Т. I. 13

мѣстничества (1786)“ *) свидѣтельствуеть (срв. § 12 и § 5), что за Лубнами говорятъ ужъ „к:нь“, но по правую (сѣверную) сторону р. Сулы слышится еще такой выговоръ, какой въ Глуховѣ и Нѣжинѣ (Шафонскій воспроизводитъ его черезъ „кунь“). Да даже въ болѣе поздней полтавской мр. грамматикѣ Павловскаго (1818), принципиальнаго врага дифтонгизма, мы еще можемъ наблюдать очень ощутительную борьбу звука *уи* съ *і*. Павловскій, напримѣръ, пишетъ: „помагай-Бу“, „Тимушь“, тогда какъ по его же принципу мы вправѣ были бы ждать отъ него только „помагай-Б:“ и „Тим:ш“.

е) Съ какого времени рефлексъ долготнаго *о* сталъ звучать у малоруссовъ, какъ монофтонгъ *і*?

Если судить по употребленію писцами буквы *и* въ смыслѣ *о*, то это явленіе должно было начаться у малоруссовъ въ концѣ XIV-го или въ самомъ началѣ XV-го вѣка, и притомъ сперва лишь въ южныхъ говорахъ нарѣчія западно-малорусскаго (напримѣръ, въ буковинско-подольскихъ); на Волини въ XV вѣкѣ этого, кажется, еще не было. Послѣ XV вѣка, въ половинѣ XVI-го, это явленіе констатируется ужъ по всей территоріи того же нарѣчія западно-малорусскаго (доходя на сѣверѣ, въ Волини, до бѣлорусско-малорусской рѣки Припяти), а также съ легкостью оно констатируется въ XVI вѣкѣ ужъ и въ большей части тогдашнихъ предѣловъ нарѣчія восточно-малорусскаго, именно въ южныхъ и среднихъ его полосахъ, безъ сѣверныхъ полосъ Кіевщины и Полтавщины и безъ Черниговщины; впрочемъ, самый-то городъ Кіевъ, лежавшій въ Кіевщинѣ сѣверной, но привлекавшій къ себѣ малоруссовъ изъ всѣхъ мѣстностей, тоже зналъ переработку рефлекса *о* въ *і* еще въ серединѣ XVI-го вѣка. Въ самомъ концѣ XVI-го вѣка и въ XVII-омъ такая переработка дифтонгическаго *овъі* проскальзываетъ по сѣверной Кіевщинѣ и по Черниговщинѣ. А такъ какъ XVII вѣкъ былъ эпохою напряженной общемалорусской по-

*) Описание Шафонскаго издавъ М. Судіенко въ Кіевѣ, 1857.

литической и духовной жизни, періодомъ общемалорускаго процвѣтанія козачества и братскихъ школъ, періодомъ всеобщаго возстанія, передвиженія и смѣшенія малоруссовъ изъ всѣхъ мѣстностей, то и выговоръ малорусскій повсемѣстно дѣлался, въ силу естественнаго хода вещей, болѣе или менѣе единообразнымъ и общеудобнымъ, и привычка обращать мѣшкотное дифтонгическое *уи* въ удобопроизносимый монофтонгъ *і* все болѣе и болѣе укрѣплялась всюду среди малоруссовъ, такъ что дифтонгъ *уи* быстро въ XVII-мъ вѣкѣ исчезалъ, сохраняясь только въ рѣчи отдаленныхъ, заброшенныхъ захолустій.—Обо всемъ этомъ мы понемногу, но частенько, ужъ и говорили выше, причемъ даже очень немалый рядъ документальныхъ примѣровъ на написаніе *и* *ви*. О то же былъ ужъ нами цитированъ выше,—тамъ и *и* сямъ, въ предыдущихъ отдѣлахъ. Но это было сдѣлано тамъ лишь попутно и мимоходомъ. Для лучшей наглядности намъ слѣдуетъ, поэтому, произвести систематическій, болѣе или менѣе полный обзоръ документальныхъ данныхъ, хронологически и топографически освѣщающихъ *мр.* переработку *ѳ* въ *і*.

Мы должны однако заранѣе оговориться (какъ и равнѣе не разъ оговаривались), что нельзя букву *и*, написанную въ смыслѣ *ѳ*, всегда понимать какъ безусловно-монофтонгическое *і*; да даже понимая ее въ извѣстномъ словѣ за несомнѣнный монофтонгъ, не всегда возможно дѣлать оттуда выводъ, что въ другихъ словахъ говоръ писца ужъ совсѣмъ не зналъ дифтонгическаго произношенія. Вѣдь едва-ли можно сомнѣваться, что писцы XV-XVII в. очень часто могли писать одну букву *и* тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ они выговаривали все еще дифтонгически: *уи*;—не даромъ же у такихъ писцовъ наряду съ написаніемъ буквы *и* (въ смыслѣ *ѳ*) мы, въ аналогичныхъ случаяхъ, подмѣчаемъ и употребленіе буквы *у*. Поэтому изъ многихъ документальныхъ данныхъ, которыя мы ниже приведемъ, съ полной достовѣрностью можетъ вытекать лишь одинъ выводъ: тотъ дифтонгъ, который возникъ въ *мр.* языкѣ ок. XIII в. по закону замѣстительнаго удлиненія звука *о* (передъ павшими глухими и передъ ослабѣвшимъ *и*) и который въ XIII—XIV вв. слышался какъ *оо*, или какъ *уо*, или какъ *уэ*, — этотъ дифтонгъ въ началѣ XV вѣка звучалъ

ужь какъ *ум*, или какъ *уи*, и даже, очевидно, имѣлъ удареніе на второй своей части (т. е. звучалъ *ум*, а не *уи*), такъ что могъ слышаться въ извѣстныхъ словахъ и въ извѣстныхъ фонетическихъ положеніяхъ, какъ чистый монофтонгъ *i*. (Но въ другихъ словахъ и въ другихъ звуковыхъ положеніяхъ писецъ могъ сохранять произношеніе дифтонгическое, т. е. могъ онъ, напр., съ одной стороны произносить монофтонгически: „кiвъ“, а съ другой стороны род. мн. „братуи́въ“, отъ им. ед. „братъ“.

Анализируя документальныя данныя, мы должны сдѣлать и еще одну оговорку. Нѣкоторыя документальныя начертанія съ буквою *и*, написанною вмѣсто стараго *о*, намъ придется исключить, какъ неубѣдительныя или вовсе не стоящія въ прямой связи съ исторіей развитія замѣстительной долготы. Къ такимъ относятся въ 1-ыхъ, окончанія дат. и мѣстн. пад. прилагаемыхъ ед. ч.: „-имъ“ (иногда „-ымъ“) и „-ій“,—напр., „въ takimъ“, „въ такiй“; „по тмiъ“. Это могутъ быть или чистѣйшіе полонизмы (срв. польск. „w takim“ и „w takiej“, „potym“) или самостоятельныя явленія, аналогичныя и съ польскими и съ такими же великорусскими (гдѣ они объясняются смѣшеніемъ падежей). Поэтому—напримѣръ въ грамотахъ—мы не можемъ принимать за неоспоримое воспроизведеніе рефлекса *o* букву *и* (или букву *ы*) въ Сангушковской грам. 1386 г. „у правдѣ и у хрестнѣмъ целовавъи“), или въ галицкой Гяѣвошевой грам. 1393 г.: „село у Теребовльскій волости“¹⁾; такія начертанія найдутся и въ памятникахъ немалорусскихъ²⁾. А если подобныя флексійныя окончанія оказываются у малорусовъ не въ грамотахъ, а въ рукописяхъ церковныхъ, то тамъ они очень часто могутъ объясняться опять-таки не какъ *o*, но какъ результатъ мр. смѣшенія церковныхъ буквъ *ѣ* и *и*; напр., въ волинскомъ (изъ - подъ Кременца) Антоновецкомъ Апостолѣ XV вѣка начертаніе „о велицѣмѣрнiи вѣрѣ“ (л. 121 об.) могло бы свободно возникнуть и вмѣсто церк.-славянскаго начертанія: „о велицемѣрнiи вѣрѣ“, а не только изъ чисто-малорусскаго „велицемѣрнiи“.

1) Archiwum Sanguszków, I, 3.

2) = Голов. № 11, стр. 13.

3) Срв. напр., въ новгор. Синод. еванг. 1355 г. „о глаголѣ глаголанымъ“ (л. 163); то же—въ новгородскомъ Типографскомъ евангеліи до 1362 г. (л. 146 об.), и т. п. Укажемъ встати и въ (черниговской) Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198: „о вседъневнымъ крыщеніи“.

Во 2-ыхъ, въ виду существованія польскихъ формъ „kika“, „tylko“ и пр., не всегда могутъ говорить о переходѣ реф-лекса малорусскаго долготнаго *o* въ звукъ *i* тѣ малорусскіе памятники, въ которыхъ мы находимъ написанія: „килька“, „килько“, „тылько“ (или „тылько“),—развѣ что такіа начертанія не стоятъ единично, а сопровождаются многими другими, ужъ вполнѣ достовѣрными случаями воспроизведенія *o* черезъ *и*. Во всякомъ случаѣ эти написанія не характерны и попадаются также въ грамотахъ и памятникахъ бѣлорусскихъ.

Въ 3-хъ надо исключить изъ числа документальныхъ данныхъ, указывающихъ на переходъ *o* въ *i*, тѣ начертанія старо-мр. памятниковъ (вродъ частаго „обислати“ или „обислати“ грамотъ XIV-XV в.), гдѣ буква *и* (или *ы*) соотвѣтствуетъ современному малорусскому звуку *i* (а наряду съ нимъ—звуку *o*, или отсутствію гласнаго звука) въ словахъ, сложныхъ съ предлогами „об“, „над“, „під“, „из“, „роз“ „з“ и прочими предлогами, которые кончаются на согласный звукъ *и* за которыми долженъ былъ бы слѣдовать опять-таки согласный звукъ; срв. соврем.-мр. „підігнути“ (звучащее также „підогнути“ и иногда просто „підгнути“), соврем. „обислати“ (при болѣе рѣдкомъ „обислати“ и совсѣмъ рѣдкомъ „обислати“) и т. п. Звукъ *i*, — все равно какъ и чередующійся съ нимъ звукъ *o*. — имѣетъ здѣсь у малоруссовъ старѣйшее свое происхожденіе вовсе не долготное, т. е. не изъ *o*), а просто эвфоническое, „благозвучное“: вѣдь въ дѣляхъ благозвучія малорусскій языкъ изстари, съ великокняжескихъ кievскихъ временъ, ипользуется какъ звукомъ *o*, такъ и звукомъ *и*). Пожалуй,

¹⁾ Да кстаті сказать, прамалорусскій языкъ вовсе и не имѣлъ здѣсь звука *o*. Упомянутые предлоги или оканчивались на гласный звукъ *z* („подл“, „надл“ и пр.), который не подлежитъ закону возмѣстительной долготы, или исходили на согласную („из“, „роз“ и пр.). Предкомъ вынѣшняго глагола „підігнути“ была въ XI-XIII в. форма „подлггнути“, а не „подоггнути“.

²⁾ То же эвфоническое примѣненіе и смѣна звуковъ *o* и *и*, при стеченіи согласныхъ, съ особой рельефностью даетъ себя чувствовать и въ началѣ словъ. Срв. существительное „мжа“, обращающееся, при помощи эвфоническихъ протезисовъ, въ „олжа“ и „млжа“; (еще въ кiev. Изборн. 1076 г. № 158 б.); или срв. няя рѣки „Льто“, „Ольто“ и „Ильтяця“; „мшаний“, „омшаник“ и „Имшенецкый“, и пр., и пр. См. объ этомъ особую главу: „Приемы малорусскаго благозвучія“, = т. I, §§ 43—46.

особая, специфическая окраска этого мр. вставочного *i*, ощущаемая послѣ зубныхъ согласныхъ ¹⁾, указываетъ на известную состоявшуюся связь и взаимодействие между этимъ мр. вставочнымъ *i* и рефлексомъ *ó*; однако связь эта и взаимодействие это состоялись ужъ попозже, путемъ нефонетической аналогіи такихъ глаголовъ, какъ „підібрати“ (гдѣ предлогъ есть „подъ“), съ такими глаголами, какъ „дібрати“ (гдѣ предлогъ есть „до“, содержащій основное *o*, которое вполнѣ, конечно, фонетически обратилось въ *ó* ²⁾). Въ всякомъ случаѣ, вставочный эвфоническій звукъ *i* свойственъ былъ мр. языку гораздо раньше паденія глухихъ гласныхъ и раньше возникновенія замѣстительной долготы (срв. „не вѣсхотѣ мѣгати всякого мѣжа“, л. 158 б., въ кievскомъ Изборникѣ 1076 г., и др.), а потому мы не должны принимать за достовѣрное свидѣтельство о переработкѣ рефлекса звука *ó* въ монофтонгъ *i* букву *ы* или *и*, написанную въ соответствующихъ начертаніяхъ даже памятникѣвъ вѣка ужъ XV-го, когда рефлексъ звука *ó* уже безусловно могъ бы обратиться и обращаться въ *i*. Такимъ ненадежнымъ критеріемъ для вопроса о превращеніи *ó* въ *i* является, напр., вышеупомянутое начертаніе глагола „обыслати“ (соврем. „обіслати“) въ буковинскихъ грамотахъ XV в.: „имаеть обыслати“ (грам. 1448 г. и 1454 г. ³⁾), „коли король нас обышлетъ (грам. 1444 г., 1454 г. и 1462 г.) ⁴⁾. Или, напримѣръ въ памятникѣ еще болѣе поздняго времени, середины XVI-го вѣка—описи Мозыр-

¹⁾ Напримѣръ, въ „надібрати“, „розібрати“, звукъ *i* слышится съ тѣмъ особымъ неувловимымъ характеромъ, который отмѣченъ нами на стр. 30 — 31-ой и который свойственъ спеціально звуку *i*, происходящему изъ *ó*. Слогъ „ді“ въ „надібрати“ (изъ стариннаго „надзбрати“) звучитъ совершенно такъ же, какъ въ „дібрати“ (изъ стар. „добрати“, откуда вышло „добрати“), т. е. вродѣ *di*, или вѣмцакаго *di* въ *dünn*.

²⁾ Иначе сказать: произношеніе глагола „дібрати“ („до-брати“) со специфической окраской звука *i*, свойственной собственно лишь звуку *i* долготному (изъ *ó*), легко влекло за собою придачу такой же специфической окраски и тому звуку *i*, который путемъ эвфоніи (а не долготы) возникъ въ похожемъ глаголѣ „підібрати“ (= „подзбрати“) послѣ выпаденія глухого *z*.

³⁾ = Уляницкій № 67, стр. 73 и № 72, стр. 79.

⁴⁾ = Улян. № 58, стр. 64; № 75, стр. 83; № 92, стр. 102.

скаго замка 1552 г. воеводства Подляскаго ¹⁾, которую составилъ малорусскъ, вообще-то не разъ проявившій рельефнѣйшую переработку *o* въ *i*, — среди этой описи не могутъ являться вполне характерными для освѣщенія переработки *o* въ *i* такія начертанія, какъ „рыба [въ їзѣ] взыти не можеть“ (620; срв. соврем. „зйти“), „человѣковъ десять розышло“ (646, срв. совр. „розѣшло“, „розѣшлося“), „якъ отышло“ (646, два раза, срв. соврем. „одѣшло“, „одѣшло“). У писателей-книжниковъ, которые просто-народной рѣчи боялись, но за то находились подъ сильнымъ вліяніемъ языка польскаго (напримѣръ, у кievскихъ схоластиковъ XVII в.), буква *i* или *и* въ подобныхъ случаяхъ могла бывать написана даже совсѣмъ безъ воздѣйствія живого мр. языка, — просто подъ вліяніемъ чужимъ, польскимъ: у поляковъ слышится въ такихъ случаяхъ узкій звукъ *e* (изъ *z*). Оттого, положимъ, у книжниковъ Галатовскаго и Радивиловскаго, принципиальныхъ враговъ обозначенія малорусскаго *i* (изъ *o*) въ литературѣ, мы въ ихъ печатныхъ начертаніяхъ „одѣмуеш“, „отѣмуеш“ („Огородокъ“ 1676, стр. 692; „Ключъ разумѣнія“ 1659 г., стр. 139) скорѣе можемъ усматривать польское „odejmiesz“, „odejmiesz“ (отъ неопр. н-нія „odejmasz“); чѣмъ малорусское „одѣмеш“, „одѣмеш“ (отъ глагола „одѣмати“).

XV вѣкъ.

И такъ, оставляя въ сторонѣ грамоту 1386 г. съ ея нетипичнымъ начертаніемъ «у хрестнымъ целовань» и грамоту 1393-го г. съ ея тоже нетипичнымъ начертаніемъ «у Теребовльскій волости» и нѣкоторыя другія малохарактерныя написанія XIV вѣка²⁾, мы имѣемъ старѣйшій документальный случай совсѣмъ ужъ безспорнаго, очень яркаго воспроизведенія *o* черезъ букву *и* послѣ 1-ой четверти XV в., — въ буковинской дарственной грамотѣ 1436 г. воеводѣ Ильи и Стефана на имѣнія въ Кишиневщинѣ (=Улян. № 44, стр. 48): «где..... и на-иткилъ» (= «отгоя», чит. «відгоя», потому-что буковинцы, на бал-

¹⁾ Опись эта издана въ „Архивѣ Юго-Западной Россіи“, часть VII, т. 1-ый (Кіевъ 1886), стр. 611—647.

²⁾ атѣмъ богѣе—, „о вседневнымъ“ въ Румянц. Лѣств. XII в. № 198.

канскій ладъ, читали букву ѣ за и) ¹⁾. Въ другихъ грамотахъ этихъ же воеводъ рефлексъ ѓ передается буквою у ²⁾. Болѣе типичнаго начертанія, чѣмъ «иткнѣ» 1436 г., мы въ мр. памятникахъ XV вѣка не видимъ ³⁾, даже въ области наиболѣе южныхъ зап.-мр. говоромъ.

Волинскія же, т.-е. болѣе сѣверныя, мр. начертанія XV вѣка—всѣ или не очень характерны, или могутъ быть оспариваемы. Напримѣръ, въ бѣлорусской копіи съ жалованной грам. 1479 г. кн. Кобринскаго: „покиль живѣ“ (=Акты Юж. и Зап. Росс., т. II, стр. 295),—что это за и? имѣлось ли оно въ кобринскомъ подлинникѣ 1479 г. (гдѣ „покиль“ могло бы объясняться изъ „покъль“)? или же это слово внесъ бѣлоруссъ-переписчикъ, передѣлавши его изъ своего „покель“?—Другой примѣръ—начертаніе зап.-волинскаго Антоновецкаго Апостола XV в.: „о велице-мѣрнѣи вѣре“, л. 121 об.;—буква і могла у писца возникнуть при перепискѣ церковно-славянскаго начертанія: „велице-мѣрнѣи“, а вовсе не подъ вліяніемъ малорусскаго „велице-мѣрнѣи“.

XVI вѣкъ.

За то въ слѣдующемъ, XVI-омъ вѣкѣ, количество достовѣрныхъ случаевъ употребленія буквы и въ смыслѣ ѓ оказывается и повсемѣстнымъ и очень изряднымъ. Для нашего нарѣчія восточно-малорусскаго особенно ярки и довольно многочисленны они въ официальныхъ описяхъ угра-

¹⁾ Звукъ і въ среднемъ слогѣ нарѣчія „відкнѣ“ заимствованъ изъ параллельной формы „відкнѣ“ (= ѓткъль), гдѣ долготность ѓ развила въполнѣ фонетически: въ положеніи передъ утеряннымъ гласнымъ ѣ.

²⁾ См. нашу „Укр. Грамм.“, т. I, стр. 154.

³⁾ По крайней мѣрѣ, насколько не обманываетъ меня моя память. (Всѣ мои выписки изъ рукописей XV вѣка, относящіяся къ этому пункту, были похищены изъ типографіи В. А. Гатцукъ вмѣстѣ съ другимъ матеріаломъ въ ночь на 1 апрѣля 1907 г., и возстановить ихъ немедленно я не въ силахъ безъ кропотливой новой работы по рукописямъ.)

инскихъ замковъ 1552 г.,—описяхъ, произведенныхъ по приказанію короля Сигизмунда-Августа,—и были бы, конечно, еще многочисленнѣе и ярче, если бы при внесеніи описей въ Литовскую Метрику бѣлоруссы-переписчики не постарались уничтожить и исказить многія малорусскія черты. Для западно-мр. нарѣчія хорошія данныя содержатся и въ польскихъ люстраціяхъ около 1563—1565 года ¹⁾.

Итакъ, въ наиболѣе южной окраинѣ тогдашней области нашего восточно-мр. нарѣчія, въ Черкашинѣ (а Черкашина въ тѣ времена административно простиралась и на лѣвый, южно-полтавскій берегъ Днѣпра), мы, по описи Черкаскаго т. н. «замка» 1552 года ²⁾ часто констатируемъ произношеніе съ *i* въ словѣ «гакивница» (= гаковница, огнестрѣльное орудіе); такъ, на стр. 80-ой: «гакивницъ 7», «гакивницъ 29», «гакивница одна розорвана», «кули до тыхъ гакивницъ», «до гакивницъ тыхъ» (итого пять разъ на одной страницѣ). Род. мн., по крайней мѣрѣ въ мягкомъ склоненіи, пишется съ «ивъ»: «а наймуеть стороживъ до замку староста» (81, ви. «сторожьбѣвъ», гдѣ ъ ѡ изъ ѣ). Имена и прозвища черкасскихъ мѣщанъ: «Антинъ» (87, = Антопъ), «Тиньсичъ» (87, = тѣньсѣбчъ), «Олексей Макогичъ» (88, = макогѣпъ, т. е. пестъ), «Максимъ Щолнодичъ» (88, = съ-чълно-Дѣпъ ³⁾, «Богданъ Мыступитъ» (89, = мый-

¹⁾ Есть Луцкая (= зап.-мр.) замковая опись 1552 г. дошедшая въ польской нотаріальной транскрипціи XVIII в. латинскими буквами. Эта польская транскрипція, помимо того неудобства, что сдѣлава лѣтъ полтораста спустя послѣ составленія подлинниковъ, часто представляетъ намъ рядъ искаженій, возникшихъ въ силу употребленія латиницы вмѣсто кириллицы и невниманія польскимъ копистомъ того мр. документа, который онъ переписывалъ. Тѣмъ не менѣе для вопроса о переходѣ зап.-мр. ѡ въ *i* эта польская копія XVIII в. тоже, пожалуй, служить матеріаломъ, который можно бываетъ съ умѣньемъ использовать.

²⁾ Опись Черкаскаго „замка“ 1552 г. издана въ „Архивѣ Юго-Западной Россіи“, ч. VII, т. 1-ый (К. 1886), стр. 77—91.

³⁾ Корень здѣсь — конечно, имя р. Дона (мр. „Дѣп“), а не „дѣво“.

сту-пѣтъ), срв. также имя крестьянина: «Семень Кокисъ» (81, = «кокѣсъ», т. е. растеніе лапчатка, *Potentilla verna*) ¹⁾.

Чуть-чуть выше вверхъ по Днѣпру, къ сѣверу отъ Черкащины, въ описи 1552 г. замка Каневскаго ²⁾, мы опять встрѣчаемъ: «гакивница» (93). Тамъ же: «спримны» (92 = «с прѣмнами»); буква *и* въ смыслѣ *ѡ*: «Кашивъша» (104, = «кашѡвша»). Воспроизведенія *ѡ* черезъ букву *у* въ Каневской описи (какъ и въ Черкасской) не замѣтно, но въ Каневщинѣ-то (т. е. средней Кіевщинѣ) это отсутствіе буквы *у* могло быть чистой случайностью, и было бы рискованно отсюда дѣлать выводъ, что даже средняя Кіевщина въ 1552 г. уже совсѣмъ не знала дифтонга *уи*. Напротивъ, именно дифтонгическое *уі* мы и должны считать за норму для произношенія Каневщины въ XVI столѣтіи.

Встрѣчается буква *и*, въ смыслѣ *ѡ*, еще и сѣвернѣе по Днѣпру, въ описи 1552 г. замка Кіевскаго ³⁾, гдѣ оказываются: мѣщанинъ «Присъ» (116, = Прѡсъ, Прѡсь), «Навишко-каневецъ» (114, = «Навѡшко», уменьш. отъ «Навѡй» ⁴⁾); вѣроятно, рефлексъ звука *ѡ* заключается и въ имени села, принадлежащаго Печерской Лаврѣ: «Осарыпчи» (120, = Осарѡбчи?) и въ имени кіевлянина «Якуба Пидурна» (117, = Пѡдурна?). А тутъ же, въ этой кіевской описи 1552 г., мы въ смыслѣ *ѡ* видимъ и букву *у* («кулько», 112), — несомнѣнный признакъ тогдашняго кіевскаго дифтонгическаго произношенія (= *уи*). Вѣроятнѣе, дифтонгъ *уі*, а не монофтонгъ *і* передавъ буквою *и* въ кіевскомъ (жидов-

¹⁾ Существуетъ это слово и въ женскомъ родѣ. Срв. прозвище Овруцкаго крестьянина: „Misko Kokosa“ въ книгѣ Овруцкой крѣпостской 1686 г. (= Архивъ Юго-Зап. Россіи, VII, 1, стр. 550. Въ московской податной описи сѣверной Полтавщины 1666 г. долготное *ѡ* этого слова передано черезъ *у*: Кокущенко (54, = кокъсченко).

²⁾ Изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 1, стр. 91—105.

³⁾ Опись Кіевскаго замка 1552 г. изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 1-ый, стр. 106—122.

⁴⁾ Имя, извѣстное, напр., еще изъ галицкой грамоты 1366 г. (= Голов. № 3, стр. 7).

ствующемъ) переводѣ книги Дапила XVI в. ¹⁾), гдѣ мы читаемъ: «Чому видяться лица ваши пысны?» (въ гл. I, стихъ 10; —постыны, совр.-мр. «пісні»).

А еще сѣвернѣе по системѣ р. Днѣпра, въ Черниговщинѣ, въ описи Остерскаго замка 1552 г. ²⁾ мы ужъ не встрѣчаемъ ни одного случая употребленія буквы *и* въ значеніи *б*, —видимъ только букву *у*.

Переходя на территорію нарѣчія западно-малорусскаго середины XVI вѣка, въ Подолію, мы имѣемъ по рѣкѣ Южному Бугу, въ описи Вѣнницкаго ³⁾ замка 1552 г. ⁴⁾, имена вѣнницкихъ мѣщанъ: „Киска“ (605, = кѣска, или кѣзка), „Горинъ Сытнковичъ“ (606, = Горѣнъ, т.-е. Ааронъ), „Дрмиць“ (607, =дрѣжджъ, дрѣжчъ), „Криводрмсть“ (608, =криводрѣздъ), наряду съ буквою *у* („Урменчиць“ 604 = Орменчиць, „Урленко“ 606 = орленко, с. „Байкувъ“ 610 = Байкѣвъ; срв. *ю* въ „Павло Гютченко“ 605 = тьѣтченко“).

Въ польской люстраціи 1563 г. Каменецъ-Подольскаго староства ⁵⁾, по р. Днѣстру и Смѣтричу, имя смѣтричкаго мѣщанина: „Chwedko Perehin“ (178, =перегѣнъ), латычевскихъ мѣщанъ: „Chwediss“ (181, =Федѣсъ) ⁶⁾ и „Steczko Stolibik“ (182, =Стецько Стулибѣкъ?) и „Chwedog Prusz“ (183, = Прѣсъ); тамъ же подѣ Латычевомъ — ставѣтъ „w Kirtinczach“ (185, = въ Кѣптинцяхъ); на р. Днѣстрѣ подѣ Бакотой: „Iszaуко Mѣwczicz“ (213, =Исайко Мѣвчиць) ⁷⁾. А здѣсь же есть и „Кимпатка“ (204, =кѣмпатка).

¹⁾ Издавъ, по Виленской рукописи XVI в. № 262, И. Евсеѣвъ въ московскихъ „Чтеніяхъ“, 1902, кн. III, отд. 4-й, стр. 137—164.

²⁾ = Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 1-ый, стр. 592—598.

³⁾ т.-е. по нынѣшнему „Винницкаго“. См. нашу „Украин. Граммат.“, т. I, стр. 267.

⁴⁾ Изд. Винницкая опись 1552 г. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 1-ый, стр. 598—611.

⁵⁾ Изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 2-й, стр. 165—215.

⁶⁾ Полякъ-люстраторъ внесъ это *і* и въ отчество: „Chwedissowicz“, 181. Уковую долготность въ этомъ имени можно наблюдать на картѣ Украины Боплана: „Teduszka“ (= Тодѣска) подѣ Полтавой.

⁷⁾ Въ зап.-мр. говорахъ этотъ корень легко переходитъ въ *мѣв*. Срв. обычное зап.-мр. слово „вѣмѣвка“ (=вѣмѣвка, т.-е. отговорка).

Въ польской люстраціи 1565 г. староства Баря Подольскаго ¹⁾, т.-е. чуть-чуть сѣверо-восточнѣе Каменца-Подольскаго, прозвище барскаго мѣщанина „Kithlicz“ (129, = кѣтличъ) и мало-характерное „Wasko Wirwanicz“ (131, = Васко Ввѣрванецъ); въ мѣстечкѣ Полтушковѣ: „Sichno Hírka“ (216, = Сѣхно Гѣрка). Уковыхъ начертаній не замѣтно.

Въ польской люстраціи 1565 г. староства Хмельника-Подольскаго ²⁾, на верховьи Южв. Буга, ближе къ Волыни, прозвища и имена хмельникскихъ мѣщанъ: „Hrímecz Skilczenie“ (136, = Грѣмечь Скѣльчевна ³⁾), „Sawrin“ (137, = Савронъ, т.-е. Виссаріонъ). „Hírka“ (141, = гѣрка?); срв. букву *i* въ смыслѣ *o*: „Mathwiei Czilka“ (163, = чѣлка), гдѣ *o* изъ *e* и, вѣроятно, „Hridka“ (137) ⁴⁾. Уковой передача рефлекса *o* здѣсь не замѣтно.

Такое же произношеніе *o* за *i* въ XVI в. существовало, и подавно, въ Галичнѣ съ Буковиною, гдѣ по памятникамъ извѣстно оно вѣдъ еще въ предыдущемъ вѣкѣ. Примѣровъ оттуда изъ XVI в. не будемъ приводить. Отмѣтимъ только, что даже горная гудульская и ѣсна 1571 г. про III тефана-„в і й в о д у“, составленная на говорѣ довольно консервативномъ и записанная въ Венеціи, имѣетъ (наряду съ „ri^ojmí“, „ri^ojmí“) склонность къ *i*: „w Turęcký-m roté“ (=въ Турецкѣи-и мь ротѣ) ⁵⁾, „w Tatarský-m roté“ (=въ

¹⁾ Изд. Барская люстрація 1565 г. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 2-ой, стр. 128—135 и 215—272.

²⁾ Изд. Хмельницкая люстрація 1565 г. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 2-ой, стр. 135—165.

³⁾ Долготное *o* развилось въ словѣ „грѣмечь“ сперва въ козвенныхъ падежахъ: „грѣмця“, „грѣмцеви“ и т. д. Въ другомъ словѣ галицко-подольское окончаніе *ie* (въ „Skilczenie“) соответствуетъ общемалоруоскому окончанію „я“ (род. — „ятн“).

⁴⁾ Въ болѣе старыхъ документахъ пишется въ этомъ имени буква *ю* или *у*. Такъ, въ гал. грам. 1371 г. (=Голов. № 4, стр. 8): „Грудковнич“; въ гал. грам. 1404 г. (=Голов. № 27, стр. 26): „Грудковнич“.

⁵⁾ Энклитическое „мь“—это есть сокращеніе изъ формы дательнаго падежа „ми“ (= мнѣ), въ значеніи *dativus ethicus*. Срв. въ зап.-мр. насмѣшливой и ѣсенкѣ падѣ козаками, записанной абецадломъ ок. 1649 г. (изд. В. Шурачь въ „Запискахъ Т-ва Шевченка“, т. 74, стр. 132): „Prodawala babuseyka toy hrin,—

Татарско́й-и мь ротѣ), „[w] Woloskŷ-m roté“ (= въ Волошско́й-и мь ротѣ) ¹⁾, „w S'tefanowy roté“ (= въ Штефаново́й ротѣ), „S'tefan wyjwoda“ (два раза, = диалект. „войвода“).

Но особенно интересенъ для насъ тотъ фактъ XVI-го столѣтія, что стяженіе дифтонгическаго рефлекса *ó* (= *ui*) въ монофтонгъ *i* охватывало тогда не только югъ зап.-мр. территоріи, но ужъ и всю Волинь, и притомъ до очень сѣверныхъ ея окраинъ, до самой черты р. Припяти и до г. Мозыря. По документамъ предыдущаго XV в. это явленіе на Волини съ достовѣрностью еще не констатировалось.

Разсмотримъ же начертанія нѣсколькихъ волинскихъ памятникѣвъ XVI вѣка.

Начнемъ съ Волини юго-западной, съ мѣстности, лежащей на границѣ Галичины и Подолія, именно—съ округа г. Кременца. Въ описи Кременецкаго замка 1552 г. ²⁾, въ противность другимъ одновременнымъ описямъ, пожалуй, нѣтъ вполне тиличныхъ начертаній ни съ буквою *y*, ни съ буквою *u* ³⁾;—очевидно, бѣлорусскіе вписчики сумѣли обезцвѣтить эту опись. За то въ польской люстраціи Кременца 1563 г. ⁴⁾ оказывается и такая передача малорусскихъ именъ, какъ „Ulasko Chysezycz“ (99, = Хощичъ) ⁵⁾

hde-m sia wziaw kozak Ochryn“, „*Prodawala babusienka reidku*“,—*hde-m sia wziaw kozak Chweidko*“, „*Prodawala babusienka perec*“,—*hde-m sia wziaw kozak Ferenc*“, „*Prodawala babusienka kobzu*“,—*hde-m sia wziaw kozak zo bzu*“; и т. д.,—еще такія же три строфы.

¹⁾ Произношеніе дат.-мѣсти падежа ж. рода: „в турецкій-и роті“, „в татарскій-и роті“ и т. д., съ разширеніемъ окончанія „ій“ въ „ій-и“ (или въ „ій“) — это обычная зап.-мр. черта, даже литературно проведенная, напр., подоляниномъ Руданскимъ. Впрочемъ, и восточный малорусъ иногда способенъ бываетъ сказать: „в турецкій роті“, а не только „в турецкій роті“.

²⁾ Издана Кременецкая опись 1552 г. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 2-й, стр. 23—35.

³⁾ развѣ, что считать типичными такія написанія, какъ названіе села „Титильковъцы“ (33), могущее указывать на существованіе монофтонгическаго выговора „тѣтка“ (= тѣтка).

⁴⁾ Люстрація Кременца 1563 г. издана въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 2-й, стр. 42—128.

⁵⁾ Хощко (иначе—„Хоша“) — уменьшит. отъ „Хотій“ (= Фотій).

или еще характернѣе — „Aniŕzeye“ (82,=Андрій, Ондпрій)¹⁾, равно какъ попадаетъ буква *i* для воспроизведе- ния рефлекса мягкаго *ь*: „Lichorik“ (47,=лихольдъ). Наряду съ буквою *i* въ написаніи „Aniŕzeye“ частенько здѣсь же пишется лат. буква „u“ въ ласкательномъ „Opiszko“,—ука- заніе на дифтонгичность *um*. Напомнимъ кстати, что въ одно- временномъ довольно простонародномъ мр. памятникѣ изъ- подъ того же Кременца, Учительномъ Почаевскомъ Евангеліи XVI в. (см. стр. 157), гдѣ въ изобиліи пред- лагается въ смыслѣ *o* буква *y*, не замѣченъ ни одинъ слу- чай типичнаго употребленія буквы *u* въ смыслѣ того же *o*.

Къ сѣверу отъ Кременца, по волынской рѣкѣ Стыри, въ описи Луцкаго замка 1552 г.²⁾, встрѣчаются на- чертанія: „horodnia Żadybskaia“ (168,=Жадобская), „pid- wodu“ (179,=подводы), „bylsze“ (173,=больше), „plahiw“ (183,=плугъ); не характерно „obydrany“ (154,=ободран- ные); срв. вм. *o*: „kniaziw“ (160, 162,=князьдъ, т.е. кня- зей), „na piu“ (163,=на ньдѣ), „swoiu“ (182,=своейдѣ). Если всѣ эти начертанія дѣйствительно находились въ подлинной луцкой описи 1552 г., писанной буквами малорусскими, а не польскими (а вѣроятно, что находились), то во всякомъ случаѣ тамъ были и *u*-ковныя начертанія, такія какъ „bilszeu“ (173,=больше) и „Czylka“ (177,=чѣлка), указываю- щія на дифтонгизмъ. Да и въ многочисленныхъ луцкихъ судебныхныхъ документахъ XVI вѣка (а дошла ихъ до насъ огромная масса) несравненно чаще практикуется въ смыслѣ *o* буква *y*, чѣмъ буква *u* или — въ смыслѣ *ь* — чѣмъ буква *u*³⁾.

Къ луцкой области относится и замѣчательный религи- озный памятникъ XVI в.—полупростонародное Пересоп- ницкое Евангеліе 1561 г. Въ немъ тоже, при срав-

¹⁾ Въ нарѣчій вост.-малорусскомъ имя это не всегда подвер- галось замѣстительной долготѣ и звучитъ обыкновенно съ *o* („Оно- прій“), но у западныхъ малоруссовъ настолько преобладаетъ въ немъ пропзношеніе съ *i*, что нынѣшніе галичане иногда пишутъ даже мягкое *i* („Онѣпрѣ“), съ двумя точками.

²⁾ — „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 1-й, стр. 152—184. Это — та польская копія съ подлинной описи, про которую мы упомянули выше, на стр. 177, въ сносеѣ 1-ой.

³⁾ Срв. въ судебномъ луцкомъ актѣ 1583 г.: „до есяихъ смь“ (изд. Н. Иванишевъ въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857, кн. III; см. стр. 37). Буква *u* читалась въ Луцкѣ XVI в. просто за мягкое *i*.

нительно частомъ воспроизведеніи *o* черезъ букву *y* (см. у насъ стр. 157). върѣдка пишется также буква *u*: „а видп о вѣ да ю вамъ“ (56, = *o*дновѣдаю); малохарактерное „о бм брали, або одѣжу зволокли“ (48, = *o*бобрали); върѣдно, звукосочетаніе „-тѣв-“ скрывается подъ двумя буквами „-тв-“ во фразѣ: „маете ли ту што истѣвнѣго?“ (77, = *o*дѣвнѣго) ¹⁾. Срв. тутъ же звукъ *i* изъ во: „мовила о нѣмъ“ (29, = *o* нѣмъ), „зо всѣхъ сѣль“ (34, = сѣль), род. мн.).

Повидимому, откуда-то изъ этихъ же мѣстъ сѣв. Волини, или еще сѣвернѣе (б. м., изъ Ковельщини) происходилъ писецъ, написавшій въ Вильнѣ 1548 г. указъ Сигизмунда-Августа о назначеніи третейскаго суда по тяжбѣ въ Ковельщинѣ ²⁾ и употребившій орфографію: „былъ послушнѣ во всѣмъ“ (= во всѣмъ). Для твердаго *o* мы однако не видимъ у него буквы *i*, или *u*.

Еще сѣвернѣе, чѣмъ Луцкъ и Ковель, въ сѣверо-западномъ углу Волини, между Зап. Бугомъ и верховьемъ Припяти, лежитъ Любомльское староство. И тамъ, въ польской люстраціи Любомля 1564 г. ³⁾, оказываются записаны съ *i*: рыбакъ „Suchopith“ (329, = *o*сухопѣтъ) и мѣщанинъ-земледѣлецъ „Kyska“ (322, = *o*кѣска, или *o*кѣзка).

Наконецъ, на самомъ пограничьи мр территоріи съ Бѣлоруссией, въ Мозырщинѣ (по южной сторонѣ средней Припяти), мы въ половинѣ XVI вѣка видимъ то же стяженіе рефлекса *o* въ *i*. Именно, въ описи Мозырскаго замка 1552 г. ⁴⁾ показаны мѣщане: „Тимышъ Рудковичъ“ (626, = *o*Тимѣшъ), „Тышко Кашничъ“ (627, = *o*Кѣшничъ), „Пархымъ“ (628 и мн. др., наряду съ „Пархомъ“, 641 и мн. др.) Разумѣется, встрѣчается при этомъ и буква *y* въ смыслѣ того же *o*,—указаніе на волинско-польскій дифтонгическій выговоръ рефлекса *o* за уи.

¹⁾ Им. пад.—„істівнѣ“ (средн. р.), т. е. сѣвнѣе. Слово это употреблено, между прочимъ, у Шевченка въ „Назарѣ Стодолѣ“.

²⁾ = Антонов. и Козлов., № 36, стр. 72.

³⁾ Изд. Любомльская люстрація 1564 г. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 2-ой, стр. 321-363.

⁴⁾ Мозырская опись 1552 г. издана въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 1-ый, стр. 611—647.

Въ общемъ, значить, можно про XVI-ый вѣкъ сказать, что монофтонгическій звукъ *i* (изъ *o*) слышался тогда приблизительно во всѣхъ тѣхъ же районахъ, гдѣ онъ слышится и теперь, но сопровождался онъ (при извѣстныхъ звуковыхъ положеніяхъ) параллельнымъ дифтонгическимъ выговоромъ (= *ui*), который потомъ въ тѣхъ мѣстахъ исчезъ почти всюду.

XVII вѣкъ.

Въ XVII вѣкѣ, когда дифтонгъ *ui* съ усиленной быстротою уступалъ мѣсто монофтонгу *i*, случаевъ написанія буквы *u* (а то и буквы *u*) въ смыслѣ *o* имѣется такъ много, что намъ слѣдуетъ остановиться лишь на безусловно интересныхъ памятникахъ.

Такъ, букву *u* въ значеніе *o* мы встрѣчаемъ въ монастырскомъ Киево-Михайловскомъ помянникѣ конца XVI—нач. XVII в.: «Род Есифив с Киева, сотникъ» (л. 19, = Иосифовъ), «Се род Она Усивца» (л. 84, = Усовца), «род Конища, козака в Киев[ѣ]» (л. 73, = Конѣщача, или б. м. Конѣщича), имя «Присъ» (л. 24, = Прѣсъ, Прѣст.); не такъ характерно: «в Нижини Новомѣскимъ» (л. 81, = Новомѣстскомъ). Уковыя начертанія тоже здѣсь встрѣчаются (см. у насъ выше, стр. 160).

Дѣловые документы (малорусскіе и польскіе) того же времени изъ г. Киева и изъ сѣв. и средней Киевщины вполне похожи на помянникъ своимъ отношеніемъ къ рефлексу *o*. Срв.—изъ множества примѣровъ—въ польской люстраціи Киевщины 1616 г. ¹⁾: село „Pińczuki“ (320, = Гѣрчки) наряду съ „Kopincze“ (310, —срв. „Конювче“, 100). Или срв. въ смыслѣ мягкаго *o* букву *u* въ православной киевской запорожской протестаціи 1610 г. ²⁾: „при особахъ тое релен неотмитныхъ“, „не отсчененцахъ и не отмитныхъ (=отмыѣтныхъ), ровно какъ въ одновременной православной протестаціи киевскаго духовен-

¹⁾ Изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 1-ий.

²⁾ Изд. въ „Актахъ Юж. и Зап. Россіи“, т. II, см. стр. 59.

ства 1610 г. 1): „што въ нѣй написано“ (=въ нбѣй.—при „своуѣ“) и нехаракт.: „въ року нинѣшнимъ“ (=нынѣшнѣмъ). Въ тестаментѣ Густынскаго игумена 2) „милко разявъ“ (при „у комурадѣ“), съ нехарактернымъ: „въ монастыру Троицкимъ, Прилуцкимъ“. Густынь—въ Лѣвобережьи, на р. Удаѣ.

Проникають ижевыя начертанія для воспроизведенія Ѡ и въ печатныя учено-схоластическія книги XVII в., несмотря на книжническую ученость авторовъ и на тщательность типографской корректуры.

Еще въ „Апокрисисѣ“ на уніатскій Брестскій соборъ, Христофора Филалета-Бронскаго (Вильна 1597) оканчивается напечатано: „на нимъ“ (82,—на нбѣмъ), „в нимъ“ (122, два раза,—въ нбѣмъ), чему, вѣроятно, помогла польская орфографія.

У Кирилла Транквиліона въ „Зерцалѣ Богословіи“ (Почаевъ, 1618) напечатано исполнѣ типично по малорусскія: „пійде“ (л. 52 об.,—пѣйде), а въ „Перлѣ Многоцѣнномъ“ (Черниговъ 1646): „звъль“ (132 об.,—звъль, соврем. „звѣль“, т. е. сведль, возвелъ). Малохарактерны въ томъ же „Перлѣ“: „обидрали“ (л. 5), „обидрала“ (118 об.), „подіймутъ“ (161). Не характерно—и въ посвященіи къ его „Учительному Евангелію“ (Почаевъ 1619): „и зыйдетьрѣніе, яко на цѣлизнѣ, и въ дичину въ зыйдутъ лѣтотрасли ея“, не говоря ужъ о „тылько“.

У филолога-монаха Памвы Беринды въ его „Лексіонѣ славево-росскомъ“ (Кіевъ 1627) прорвались въ печати типичнѣйшіе ижевые малоруссизмы: „кыстка“ (л. 158,—кѣстка, т. е. кость) и „бибъ“ (291,—бѣбъ), при еще другихъ, не характерныхъ,—такихъ, какъ „въ чымъ“ (187,—мр. „въ чѣмъ“, польск. „w czym“).

У проповѣдниковъ XVII вѣка І. Галатовскаго и его ученика Ант. Радивиловскаго, книжниковъ-враговъ истинной простонародности, ижевыя начертанія проскользнули почти исключительно лишь тамъ, гдѣ этому благопріятствовала орфографія польская. Таково, напримѣръ, въ „Ключѣ разумѣнія“ Галатовскаго (Кіевъ 1659): „отіймуетъ“ (139), „кылка“ (95 об., 141 об., 156), „тылко“

1) Акты Юж. и Зап. Россіи, т. II, стр. 60.

2) Изд. въ московскихъ „Чтеніяхъ“ 1847, № 7, стр. 60—61.

(4, 114, 126), а въ его „Казаняхъ“ (Кіевъ 1660): „въ грецьмъ“ (104), или „о чмъ“ (122). Въ „Огородьѣ“ Авт. Радивиловаго (Кіевъ 1676): „зыйшоль“ (130, 818), „отыдетъ“ (161), „одѣйти“ (225), „надѣдутъ“ (316), „взышоль“ (645), „отыдетъ“ (677), „одымуешь“ (692), „здымуетъ“ (782); нѣсколько характернѣе: „в нѣй“ (1004, =въ нѣй), совсѣмъ не характерно: „по тымъ“ (11, =по тѣмъ, польск. ро туп), „о кмъ“ (859), „на весолямъ“ (893), „кылка“ (21). Въ рукописномъ подлинникѣ „Огородка“ 1671 г. есть и типичное ижево-мр. начертаніе „вывьль“ (т. II, 17, =вывьль), и печатно воспроизведенное не хуже: „вывьль“ (945).

То же у И. н. Гизіеля въ „Месіи Правдивомъ“ (Кіевъ 1669): „по нмъ“ (79).

Въ простонародныхъ галицкихъ комическихъ интерлюдіяхъ Я. н. Гаваттовича, напечатанныхъ во Львовѣ 1619 г. польскими буквами ¹⁾, стяженіе рефлекса *o* въ *i* (а въ особенности—мягкаго *o* въ *i*) даетъ себя знать ощутительно, хотя интерлюдіи составлены особымъ провинціальнымъ говоромъ, нѣсколько запоздалымъ въ своей эволюціи, и хотя въ нихъ (см. выше, стр. 162) преобладаютъ начертанія ѳювыя. Такъ, съ *i* у Гаваттовича мы читаемъ: «в тоім горщику—зваремо» (176, семь разъ), «та в тым—насмажемо» (176), «Та що у нмъ,—не осмотриў-ем!» (177), «Що-м я выграв на тоім ліх ім ярмарку!» (177, 180), «други[и] седіт в тоім пеклі» (183), «Потым Бог-Господ істи казал» (182), «Біда ш там і мбей души!» (183), «Сукману... взяў, нїсл (=ньбс[л]ъ) на палици, та собі лїгл (=льбг[л]ъ) на травіци» (179), «Та біс тя тут принїс?!» (180, =приньбсь), «рмгл міні» (183, =рьбг[л]ъ).

¹⁾ Къ сожалѣнію, мои соответствующія выписки, сдѣланныя латиницей, погибли въ типографіи В. А. Гатцука при хищническомъ ограбленіи въ ночь на 1 апр. 1907 г. Приходится, покаместъ, цитировать Гаваттовича по малорусской (впрочемъ, очень точной) транскрипціи М. Павлика, изд. въ 1-мъ томѣ редактированныхъ имъ „Розвідок Михайла Драгоманова“ (Львів, 1899), стр. 174—184.

Въ болѣ развитыхъ галицкихъ говорахъ XVII вѣка монсфтонгъ *i*, возникшій изъ *o*, съ рельефностью воспроизводится на письмѣ буквою *ь* (а она тогда читалась какъ чистѣйшее мягкое *i*),—и это даже послѣ согласныхъ зубныхъ, когда рефлексъ *o* звучитъ твердовато. Срв., напр., въ галицкой припискѣ времянь Яна-Казимира (1648—1668) на львовскомъ Измарагдномъ сборникѣ Шумлянскихъ XV—XVI в. (=Музей Петрушевича, № 1) ¹⁾: „придалъ до монастыря Чорвого Дълька“ (л. 247 об., = дѣла г. е. долинки).

Очень цѣнна московская податная перепись Полтавщины 1666 г., именно—перепись крестьянъ полковъ Прилуцкаго, Лубенскаго, Миргородскаго и Полтавскаго ²⁾, составленная чистѣйшими великорусскими приказными. Они (см. выше, стр. 166—167) въ принципѣ желали передѣлывать мр. имена и прозвища на специально-московскій ладъ (даже съ аканьемъ), но частенько это имъ бывало трудно, и они тогда беспомощно записывали многія мр. имена совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ слышали изъ живыхъ устъ полтавскихъ крестьянъ. Въ этой переписи 1666 г., мы, при сравнительно небольшомъ количествѣ начертаній *у*овыхъ, все еще указывающихъ на неполное исчезновеніе дифтонга *уи* (по крайней мѣрѣ въ Посульи), видимъ въ изобиліи начертанія *и*жевыя, выражающія какъ рефлексъ твердаго *o*, такъ, конечно, и рефлексъ мягкаго *o*.

Такъ, подѣ Прилукамъ, пор. Удаю, отмѣчены московскими спщикамъ 1666 г.: „Кирюшка Сирьткинъ“ (40,=Кирикъ, сынъ Сирѣтки), „Феско Сирьтка“ (41), „Гришко Голивко“ (42,=Головко), „село Милки“ (43,=с. Мѣлки на среднемъ Удаѣ), „Пахомка Коризненко“ въ г. Варвѣ на Удаѣ (45,=Корбзненко) ³⁾, „Ганка Лищинъ“ (47,=Ганько Лѣзчинъ),

¹⁾ Сборникъ Шумлянскихъ описанъ у И. Свѣнцицкаго въ „Українсько-руськимъ Архіві“, т. I (Львів 1906), стр. 1—30.

²⁾ Издаѣ А. Лазаревскій въ XIII книгѣ Несторовыхъ „Чтевій“ (=Кіевъ 1899), отд. III, стр. 35—143.

³⁾ Долготное *o*, или его рефлексъ, въ словѣ „корбзно“ (=стар. „къръзно“—ссобый плащъ; съ глухимъ звукомъ *ь*, а не съ *o*) раз-

„Ивашко Кищенко“ (47, = Кѳзченко, или Кѳшченко), „Якимко Количниченко“ (49, = Кольѳсниченко). Подъ г. Срибнымъ на притокъ Удая рѣкъ Ласогоръ: „Матфей Хишка“ (51, = Хѳшко, т. е. Фотій), „Степанъ Прищенко“ (53, = Прѳс[ъ]-ченко), „Карпъ Гиличченко“ (55, = Гѳльиченко) ¹⁾, „Ивашка Кишка“ (57, = кѳшка). Подъ г. Краснымъ (Болядиномъ, ближе ужъ къ Ковотоу): „Петрушка Читка“ (58, = чѳтка).

Подъ Лубнами на р. Сулѣ: „Филипъ Торичьковскоі“ (75, = Горѳчковскій), „Васка Крищенко“ (79, = Крѳщенко). Въ Ппрятинциѣ по нижнему Удаю: „Ивашко Дробытъ“ (85, = Дрѳбѳтъ), „Васка Шарлитко“ (87, = шарлѳтко) ²⁾, „Алешка Шкирка“ (87, = шкѳрка) ³⁾. Въ г. Сенчѣ и подъ вею, на р. Сулѣ: „Яцко Арцкѳшка“ (90, = арцкѳшка, т. е.

виозь, очевидно, подъ вліяніемъ аналогіи такихъ словъ, какъ „рѳзно“, „норѳзнити“, или полногласныхъ формъ вродѣ „борѳзка“ ѳ т. п.

¹⁾ Впрочемъ, въ этомъ корнѣ (особенно не въ Полтавинѣ) слышится и твердое и (изъ ѳ). Такъ, слово, означающее вѣтви, произносится: иногда какъ „гѳля“ (изъ гѳлье), иногда какъ „гиля“ (изъ гылье); еще чаще слышится съ твердымъ и слово „гиляка“ (= вѣтвь); для глагола же „гилити“ произношеніе съ твердымъ и надо признать за единственную норму.

²⁾ „Шарлѳтъ“ — то же, что „шарлатъ“, т. е. пурпуръ, багряница. Слово забываемое. Итал. scarlatto, нѣм. Scharlach.

³⁾ Звукъ о въ этомъ словѣ извѣстенъ и въ кievской Начально-Кievской лѣтописи („скора“ — подъ годами 6453=945; 6454 = 946 г.; 6463 = 955 г. и мн. др., во времена Игоря, Ольги, Святослава и пр.), такъ-что этотъ лубенско-полтавскій Шкирка могъ бы быть по происхожденію малоруссомъ восточнымъ. Но, можетъ быть, онъ просто былъ переселенецъ изъ Подолія, гдѣ и теперь говорятъ: „шкѳрка“ (обыкновенно жъ малоруссы знаютъ родственную фонему: шкура, шкурка). Срв. еще (127) фамилію „Пирѳбинъ“, подъ самой Полтавой, означающую повидимому „Шѳрѳбинъ“ и могущую указывать тоже на переселенца-подолянина или даже галичанина (гал.-под. „шрѳбъ“, „шрѳбка“, „шрѳба“ значить винтъ; общемр. „шруба“); впрочемъ форма „шрѳба“ могла быть въ старину еще общемалорусской. А во всякомъ случаѣ такія фамиліи, какъ „Ряши[в]скіи“ на р. Голтвѣ (118), говорятъ ужъ намъ собою, что въ заселеніи свободныхъ степей Полтавинцы могли принимать участіе выходцы даже изъ самыхъ западныхъ предѣловъ мр. территоріи: Ряшевъ лежитъ на рубежѣ мр. и мазурско-польскаго населенія Галичпы.

архикошка), „Федка Ламтко“ (90,=Лагѣдко), „Сидорка Малитченко“ (90,=Малѣтченко, или Молѣтченко?; отъ ж. р. малѣта“ или отъ „молѣтокъ“), „Алешко Итченко“ (90,=Гѣдѣнко), „Петрушка Инченко“ (91,=Гѣнченко), село Хицы“ (93,=хѣдѣ), „Игнатій Възникъ“ (94,=вѣзникъ; московское неударное ѣ = и), „Лазарь Хышка“ (94,=Хѣшко), „Гарасимъ Колисниченко“ (95,=кольѣсниченко), „Иванъ Лемышка“ (97,=лемѣшка), вѣр. „Бибъ“ (98,=бѣбъ).

Подъ Миргородомъ по р. Хоролу: „Ерофѣи Беречылъ“ (100,=Беречѣлѣ), „Митка Кмноть“ (101=кѣмнѣта), „Федка Васичненковъ“ (107,=[В]осѣнченко). Подъ Голтвѣю: „Федко Рямш[в]скій“ (118, = Рямшѣвскій); на р. Пслѣ: „Гришка Смышно“ (118,=сѣшный), „Евсеѣка Очичковъ“ (119,=Очѣток; очѣтокъ—ботанич. *Sedum*).

На р. Ворсклѣ подъ Полтавой: „село Мильцы“ (121, = мѣльцѣ?), „Алешко Уничковъ“ (121,=Вѣдѣко), „Якушка Рыщенковъ“ (124, = вѣроятно, „рѣзченко“) ¹⁾; срв. „Васко Ламыно“ (124, = не изъ „Евлогѣнко“ ли?) ²⁾, „Федоръ Илѣшанско“ (125, = [В]ѣлѣшанскій), („Григорѣи Скрѣбчынъ“ (125,=скрѣбѣтка), „Осипъ Кмичевъ“ (125,=Кѣпчичь), „Семень Смышъ“ (126,=сѣпѣ).

XVIII вѣкъ.

Долго останавливаться на памятникахъ XVIII в. по отношенію къ характеру звука і (изъ ѣ) намъ не къ чему. Мр. языкъ XVIII в. — это, сущности, тотъ же общезвѣстный монофтонгическій нынѣшній мр. языкъ, какой, ужъ въ чистомъ народномъ видѣ, явился намъ въ повоукраинской

¹⁾ „Рѣца (изъ „рѣзѣча)—прутья, хворостъ.

²⁾ Впрочемъ, есть растение „лохна“=*Vaccinium uliginosum*. Кроме того заимствованное изъ восточныхъ языковъ слово „лаганъ“ (извѣстное чаще въ уменьшительной формѣ: „лаганѣцъ“, родъ поставца, а иначе, „лагунѣцъ“) навѣрное имѣло у малоруссовъ параллельную форму „лагѣнъ“, „лагѣнецъ“, „лагѣнка“; да—вѣроятно—существовала и форма съ х: „лажѣнка“ (срв. русское „лоханъ“). Срв. персидское لگن (*lägän*), звучащее у сѣв. турковъ „лагунъ“. греч. λαγυνη, лат. lagoena. Въ русскомъ языкѣ, кроме „лоханъ“, существуетъ слово „лагуны“ и „лагуны“, означающее сосудъ-мазницу для дегтя.

литературѣ, начатой виршами «дяків-пиво́різів» XVIII в. и печатной «Энеидой» Котляревскаго (1798). По документамъ отмѣтимъ развѣ, что для воспроизведенія монофтонгическаго *і* (изъ *ѳ*) малоруссы XVIII вѣка, сверхъ твердой буквы *и*, очень охотно пользуются вполне мягкой буквой *ь*¹⁾,—что впрочемъ замѣчалось и въ XVII в., только тогда не такъ часто.

Возьмемъ, на примѣръ, пзъ западно-малорусскихъ памятниковъ Борщевницкую рукопись 1713 г. изъ Перемышльщины²⁾: „Въ второкъ сотворилъ [Богъ] рай“ (= въ вѳвторокъ, или: вѳ второкъ)³⁾; тамъ же и буква *і*: „пѳйде.—Пли въ галицко-покутской псалмѣ 1738 г. 4): „Ковалѣ! гв ѳзѣ дя зрѳбѣте!“ (гвѳзѣ). — Или въ волынской (изъ-подъ Острога) дарственной записи 1740 г. въ Язловецкомъ евангеліи XVI в. (хранится въ волынскомъ Епарх. Музеѣ): „При томъ же евангеліи записую и дзвѳнѣ (= дзвѳнѣ), за которій дала-мъ таларѳвъ (= таларѳвъ) двадцять и пять“ (л. 113 об.).

То же явленіе и въ нашей области восточно-малорусской. Съ одной стороны восточные малоруссы воспроизводятъ *ѳ* черезъ твердую букву *и* (срв. въ гадячской лѣтописи 1710 года Григорія Грабянки 5): „пмѣзъ горю“ 228, „одійти“ 220; или въ лубенскомъ церковномъ поминаніи

4) До временъ насильственнаго указа Екатерины II, буква *ь* читалась въ малорусскихъ школахъ (въ кievской Академіи въ томъ числѣ) и въ церквахъ исключительно за *і*. Съ большимъ трудомъ русское правительство конца XVIII-го и начала XIX в. сумѣло приучить украинскихъ учителей, профессоровъ и духовенство въ церквахъ къ чтенію буквы *ь* за *с*.

1) Издалъ А. Вахнянинъ въ львовскомъ мр. журналѣ „Правда“ 1869, а переиздалъ Ив. Франко въ „Памяткахъ украинської мови і літератури“, т. IV (Львів 1906). См. въ „Правді“ 1869, стр. 143 и 152; въ „Памяткахъ“ (съ ненужной подправкой)—IV, стр. 16—17.

2) Въ XVIII вѣкѣ эвфоническое *і* и рефлексъ долготнаго *ѳ* совершенно были тождественны, и различать ихъ нельзя ни въ чемъ.

3) Издалъ псалму 1738 года И. Франко въ своемъ „Українськімъ вертепѣ“—„Записки Т-ва Шевченка, т. 72 (1906 г.), см. стр. 63.

4) Лѣтопись гадячскаго полкового судьи Григорія Грабянки 1710 г. издана Киевской Временной Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ (К. 1854), по списку первой же половины XVIII в.

ок. 1715 г.: „Прокипъ“) ¹⁾, а съ другой стороны—въ изобилии употребляютъ букву њ. Напр., въ одной рукописи изъ принадлежащаго мнѣ собранія—въ южно-киевскомъ сборникѣ школярскихъ виршей изъ Звенигородщины конца XVIII вѣка мы читаемъ въ школярской шутовливой ораціи: „батьво вибѣжи[гы] на двѣрь“ (л. 10 об.=двѣрь), „и [кадилницю] пѣд стѣль покотила“ (л. 10 об.=пѣдъ стѣль), „чоловѣкъ нахилився под стѣль (=стѣль) шукати, а жѣнка (=жѣнка) побѣгла ис хати, а вѣнь (=вѣнь, т. е. онъ) на нас ставъ кричати: Нащо ви жѣнку пустили ис хати?.. Бѣльшъ (=бѣльшъ) не ходѣтъ до мене спѣвати!“ (л. 10 об.). Тамъ же въ другой ораціи про облаву дяка и школарей на вошь: „Постѣйте, трохи одѣтх ну“ (л. 11, = постѣйте, одѣдхну), „хожу — тѣлько що живѣ“ (л. 11, и еще три раза „тѣлько“, = тѣлько), „Якъ тѣлькоко възпугаеться вошь въ нашѣ сѣти,.. озмемъ палѣчамъ бити“ (л. 11, = палѣчемъ, „палѣчямъ“) „привязали до нѣжки (=нѣжки) столовои — и били всѣ черезъ нѣчъ (=нѣчъ) до зори свѣтовои“, „утѣкла (=утѣкла) ис хати... тѣлько веріовки конецъ“ (л. 11), и мн. др. Памятниковъ съ такой орфографіей въ XVIII в. множество ²⁾. Первая печатная новоукраинская книга, „Энеида“ Котляревскаго (СПб. 1798) тоже иногда воспроизводитъ њ черезъ њ, хотя чаще—черезъ и на русской ужъ ладъ.

Въ началѣ же XIX вѣка, когда русскому правительству удалось всякими строгостями ввести въ школахъ и церквахъ Украины произношеніе буквы њ за е, а буквы и за і, всѣ почти мр. литераторы стали воспроизводить њ черезъ и (напр., Квитка, Шевченко). Въ концѣ 50-ыхъ годовъ XIX вѣка Куляшъ ввелъ букву і,—и съ тѣхъ поръ этого удобнаго и научнаго правописанія твердо держится и малорусская литература, и европейское славяновѣдніе.

¹⁾ Это — внутри лѣваго переплета Евангелія XV — XVI в. № 296 киевскаго Церк.-Археол. Музея.

²⁾ Между прочимъ заслуживаютъ вниманія комическія и лирическія стихотворенія южно-черниговскаго священника Некрашевича (3-ей четверти XVIII в.), совершенно простонародныя по языку; они изданы П. И. Житецкимъ въ X главѣ его книги: „Энеида Котляревскаго, въ связи съ обзоромъ мр. литературы XVIII вѣка“ (Кіевъ, 1900, отт. изъ „Кіев. Старини“).

§ 19. €.

Звукъ € въ XI вѣкѣ сильно отличался отъ нынѣшняго.

а) Мягкость старо-малорусскаго €.

Теперь, какъ извѣстно, звуку € у малоруссовъ соотвѣтствуетъ твердое е (чит. э): небо (чит. «нэбо»), знаете (чит. «знáйтэ»). А въ произношеніи нашихъ предковъ-кіевлянъ XI вѣка (и прочихъ предковъ малоруссовъ) звукъ € былъ мягокъ: онъ звучалъ такъ, какъ звучитъ теперь е лишь у нѣкоторыхъ архаично говорящихъ сѣверныхъ малоруссовъ, и какъ звучитъ оно у бѣлоруссовъ, великоруссовъ, поляковъ, т.-е. напр., Himmel назывался у кіевлянъ XI вѣка «небо», ihr wisset звучало «знаете» *).

Правда, церк.-слав. буква € читалась у южн. славянъ твердо (какъ э), и южно-славянскіе князья, нахлынувшіе въ Кіевъ послѣ крещенія Руси, очевидно, учили и нашихъ новокрещенныхъ предковъ-кіевлянъ XI вѣка читать эту букву твердо, какъ э. Но вліяніе своего родного кіевского произношенія не могло не прорваться у писцевъ и сквозь оболочку церковно-славянскаго языка, и ихъ произношеніе даетъ себя знать въ опискахъ, когда вмѣсто € они невольнo писали йотованное І€.

Такъ, писецъ старѣйшихъ дошедшихъ до насъ мр. памятникoвъ, кіевскихъ Изборникoвъ Святослава 1073 и 1076 г., дѣлая иногда описки въ духѣ своей мѣстной рѣчи, давалъ въ церк.-слав. текстѣ, — на примѣръ, въ Изборникѣ 1073 года, — такіа начертанія: „И аште умно

*) Возможно, разумѣется, допустить, что мягкое произношеніе звука € было у малорусскихъ предковъ XI в. не совсѣмъ-то и тождественно съ нынѣшнимъ русскимъ, но было чуть-чуть потверже, т. е. что, на примѣръ, слогъ „не“ въ словѣ „небо“ звучалъ немного тверже, чѣмъ произносить великорусскій слогъ „нѣ“. Во всякомъ случаѣ, однако, это слово звучало не „небо“, а мягче.

житіє м[о]л[и]твы, не послушаю васъ,—руцѣ ваши крѣви испльнь“ (л. 35 об.,—вм. церк.-слав. „умножитѣ“). Или: „не разумѣхъ т[ы] б[о] е“ (л. 149,—тѣбѣ). Или въ собственной припискѣ Іоанна-дѣяка, переписчика: „[Князь Святославъ] повелѣ мѣтѣ, н[е] мудру вѣдню, прѣмѣну створиті рѣчи инако“ (л. 263 об.). И мн. др.

Послѣ губныхъ (б, п, в, м) онъ впрочемъ не написалъ мягкаго іє ни разу. Это, впрочемъ, не можетъ служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ о кievскомъ отвердѣніи слоговъ б е, п е, в е, м е XI-го вѣка, хотя, какъ мы знаемъ изъ современныхъ архаичныхъ говоровъ, отвердѣніе звука е происходитъ прежде всего именно послѣ губныхъ б, п, в, м.¹⁾

Въ старѣйшемъ червонорусскомъ памятникѣ, Словахъ Григорія Богослова XI вѣка, мы видимъ йотованное іє (вмѣсто церковно-славянскаго ѣ) также послѣ согласнаго губного: „вѣликихъ“ (л. 204, а), что, впрочемъ, можетъ объясняться своимъ особымъ графическимъ образомъ²⁾. Кромѣ того мы у писца встрѣчаемъ, конечно, очень изрядное количество случаевъ употребленія буквы іє послѣ н и л: „н[е] съ землѣ ли?“ (л. 2, а), „отъ н[е]го“ (л. 26, с.; л. 31, d), „у н[е]го“ (48, с.), „отъ н[е]го“ (73, в.), „къ н[е]му“ (л. 21, d; л. 48, а; л. 50, в; л. 63, в; л. 69, с), „отъ гонѣнни“ (24, d), „гнѣтуться“ (л. 167 об.), „всѣмъ кн[яз]я“ (л. 50, в), „заколѣнн[е]“ л. 25, d), „ставлѣнн[е]“ (л. 71, d), „измѣнн[е]на“ (л. 24, с), „волкю“ (л. 35, d), „утолкши“ л. 106, в) и много другихъ.

¹⁾ такъ-что, положимъ, 3-ье лицо „веде“, отъ глагола „вѣстѣ“, сперва принимаетъ звуковой видъ „вѣдѣ“, а ужъ потомъ обращается въ „вѣдѣ“. Кажется, всегда происходитъ такъ, что сперва отвердѣваютъ слоги губные, потомъ зубные (де, те, зе, се, це), а потомъ прочіе. Долгую способность бороться противъ отвердѣнія обнаруживаетъ слогъ „не“.

²⁾ А именно, малорусскій писецъ „Словъ“ XI в. могъ написать йотованную букву іє вовсе не вмѣсто буквы ѣ, а вмѣсто буквы ѣ, которая, въ силу особой южнославянской лжеэтимологии, охотно писалась балканскими писцами въ словѣ „вѣлкѣ“ и легко могла оказаться въ оригиналѣ, лежавшемъ передъ малорусскимъ переписчикомъ „Словъ“.

И въ болѣе позднемъ галицкомъ памятникѣ—Христинопольскомъ Апостолѣ XII—XIII вѣка—мы видимъ іс даже послѣ губного: „привісѣть“ (л. 84).

Въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г. мягкое іс написано уже лишь послѣ н („съ вісѣю“ л. 120), и то же въ львовскихъ Пандекстахъ Аятіоха 1307 г. („уста-нісѣть“ л. 79);—по показанію нынѣшнихъ архаичныхъ сѣверо-малорусскихъ говоровъ сочетаніе „не“ принадлежитъ именно къ разряду тѣхъ, которыя отвердѣвають у малоруссовъ позже всѣхъ прочихъ естевыхъ сочетаній ¹⁾).

б) Когда же отвердѣло є у малоруссовъ?

Правильнѣе будетъ поставить этотъ вопросъ такъ: «когда є началъ отвердѣвать?»—потому-что несомнѣнно жъ вѣдь, что губныя естевыя сочетанія «бе», «пе», «ве», «ме» отвердѣвали равнѣе, чѣмъ отвердѣло, напримѣръ, сочетаніе «не», и что, положимъ, во фразѣ «не везѣ» твердость прежде всего послышалась въ среднемъ слогѣ, а позже всего—вѣроятно, въ первомъ слогѣ ²⁾).

Terminus a quo, т. е. срокъ, раньше котораго не могло начаться это явленіе, установить не трудно. Съ самой полной увѣренностью можно сказать, что до эпохи паденія глухихъ гласныхъ звуковъ (т. е. звуковъ ѝ и ѣ) мягкими у малоруссовъ или, хоть, полумягкими были даже губныя сочетанія бе, пе, ве, ме, а прочія—и подавно. Такъ, если бы, положимъ, слово «привѣлъ» звучало прежде паденія глухихъ ужъ твердо (т. е. какъ «привѣлъ»), съ твердымъ вѣ, то послѣ паденія глухихъ оно обратилось бы въ твердое «привѣол»; между тѣмъ изъ архаичныхъ говоровъ и изъ показаній памятниковъ мы знаемъ, что изъ привѣлъ произошло мягкое «привѣоо» (откуда привѣоѣл,

¹⁾ „Есть“—это церк.-славянская кличка буквы є. Звукосочетанія, въ составъ которыхъ входитъ е, можно называть „естевыми“.

²⁾ Изобразимъ русскими буквами порядокъ отвердѣнія такъ: „нѣ вѣзѣ“, „нѣ вѣзѣ“, „нѣ вѣзѣ“, „нѣ вѣзѣ“.

привю и л, нынѣшнее украинское приві в); по памятникамъ это пишется «привюль» ¹⁾. Слѣдовательно, даже губныя сочетанія (б е, п е, в е, м е) отвердѣли только послѣ паденія глухихъ и послѣ возникновенія замѣстительной дряготы, которое состоялось лишь около XII—XIII вѣка.

А какой terminus ad quem, т. е. срокъ, послѣ котораго ужъ не было твердаго э?—Въ разныхъ мѣстностяхъ это явленіе завершилось и въ эпоху разную.

Судя по памятникамъ (не только славянско-малорусскимъ, но и польскимъ, съ ихъ твердой латинской транскрипціей мр. названій, въ противность польской фонетикѣ), Галичина съ Бѣковиной, гдѣ всѣ звуковые процессы совершались скорѣе, чѣмъ въ прочихъ малорусскихъ областяхъ, уже имѣла къ XIV вѣку отвердѣніе звука е послѣ согласныхъ губныхъ и въ нѣкоторыхъ иныхъ случаяхъ; но все же она продолжала, повидимому, сохранять мягкій звукъ е кое-въ-какихъ другихъ положеніяхъ,—ну, по крайней мѣрѣ, хотъ послѣ н, въ особенности если слогъ «не» или иное сочетаніе съ «е» находились въ положеніи передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ, — и очень возможно, что начертаніе «устанѣть» въ львовскихъ Пандектахъ Антиоха 1307 г. (л. 72) есть точное воспроизведеніе живого галицкаго мр. произношенія нач. XIV в. ²⁾ Не извѣстно, въ Гали-

¹⁾ Напр. см. начертаніе „привюль“ въ Почаевскомъ Учительномъ Евангеліи XVI в., л. 101 об. и л. 112 (хранится въ кievск. Дух. Академіи); или см. начертаніе „привюль-ем“ въ волынскомъ Толковомъ Тригорскомъ Евангеліи начала XVII в. (хран. въ Волынск. Епарх. Музеѣ, описано Г. Крыжановскимъ въ „Волын. Епарх. Вѣд.“ 1895, № 15, стр. 521). Въ печатномъ „Дяментѣ дому кн. Острозскихъ“ (Острогъ 1603): „не завюль“ (стр. 16 по оттиску-перезданію изъ Несторовыхъ „Чтеній“, кн. XII). И т. п.

²⁾ Я оговариваюсь условно: „возможно, что“, потому-что Пандекты Антиоха 1307 г. принадлежатъ къ разряду памятниковъ съ много-вѣковыми лжегеографическими написаніями (см. стр. 51—52), и нѣтъ ничего удивительнаго, если въ южнославянскомъ подлинникѣ, съ котораго переписывалъ мр. писецъ 1307 г., было

чинѣ или (это скорѣе) на Волини былъ переписанъ еще болѣе позднѣй, нын. львовскій «Варлаамъ и Іоасафъ» XIV—XV в. (=Музей Петрушевича, № 7) ¹⁾, гдѣ оказывается мягкое: «тѣплыми» (л. 98).—Вѣроятно, лишь къ XV вѣку мягкое *e* въ обычныхъ говорахъ Галичины и Буковины исчезло совсѣмъ ²⁾. Твердость галицко-подольско-буковинскаго мр. *e* въ XV в. ясна не только изъ твердой латинско-польской транскрипціи мр. словъ и именъ (стоящей въ противорѣчій съ духомъ языка польскаго), но и изъ характера новыхъ фонетическихъ мр. явленій XV в.; напри- мѣръ, окончаніе 1-го л. мн. ч. «=емъ» обращается въ «=умъ», съ твердымъ *y*. Такъ, вмѣсто «мы будемъ» и «мочимемъ» (=наше «могтимемъ»), въ буковинской примиритель- ной грамотѣ 1499 г. воеводы Стефана съ королемъ Яномъ Альбрехтомъ оказывается: «будумъ мочи», «будумъ ехати», «мочи-мумъ» ³⁾;—изъ мягкаго *e* не вышло бы твер- даго *y* ⁴⁾.

На Волини, тоже западно-малорусской области, гдѣ однако рѣчь развивалась консервативнѣе, мы въ XIV вѣкѣ можемъ констатировать мягкость звука *e* еще даже послѣ губныхъ; именно, въ Луцкомъ Евангеліи XIV вѣка находимъ форму звательнаго падежа «Филипіе» (л. 34 об.) и, вѣроятно, винит. падежъ: «нишьчють тебіе»

начертано „устаитѣ“, а онъ машинально замѣнилъ при пере- пискѣ чужую букву *ѣ* мягкою буквою *іе* безъ всякаго вліянія мягкости своего живого простонароднаго выговора *e*.

¹⁾ Эта рукопись описана у И. Свѣнцицкаго, ч. I, стр. 63—67 (=„Українсько-руський Архів“, т. I, 1906).

²⁾ Въ запоздалыхъ арханчныхъ говорахъ оно и теперь не исчезло.

³⁾ =Улян. № 105, стр. 171, 174, 175.

⁴⁾ Флексія 1-го л. мн. ч. „ум“ извѣстна не только въ Буко- винѣ. Въ галицкой (изъ пограничья съ Волинею) латинской записи мр. пѣсни ок. 1649 г. (изд. В. Щуратъ въ „Запискахъ Т-ва ім. Шевч.“ т. 74, стр. 132) тоже есть: „будимъ зуту“ =будемъ жити), „будимъ з тобою зуту“ (будемъ з тобою жити).

(л. 88 об.)¹⁾; а кромѣ того, конечно, вполне естественно — лудское начертаніе іе послѣ свистящаго с, да къ тому же въ положеніи передъ дальнѣйшимъ мягкимъ слогомъ ю: «всією» (л. 158 об.). Значитъ, на Волини только въ XV вѣкѣ могло послышаться вполне твердое э, какъ обычная волинская норма; вѣроятно, это сдѣлалось обычнымъ на Волини лишь къ самому концу XV-го вѣка, т. е. лѣтъ на сто позже, чѣмъ въ Галичинѣ съ Буковиною. Во всякомъ случаѣ, въ XVI-мъ-то вѣкѣ Волинь произносила е за э, и когда состоялся уніатскій синодъ въ Берестыи 1596 г., то волиняне писали и печатали имя этого синода безразлично «Сынодъ» и «Сенодъ» (чит. «сэнод», польск. synod).

А насчетъ нашего нарѣчія восточно-мадорускаго позволительно думать, что даже въ XVI вѣкѣ, — по крайней мѣрѣ въ началѣ столѣтія, — всѣ восточные малоруссы произносили е еще мягко. Къ концу вѣка и они ужъ выговаривали э.

Нѣкоторый хронологическій свѣтъ на послѣдніе моменты мягкости восточно-мадорускаго (да отчасти и зап.-мр.) звука е проливается для насъ судьбою повелительнаго наклоненія 2-го лица мн. ч.

И у лѣтописныхъ кіевлянъ, переяславцевъ и черниговцевъ, и у лѣтописныхъ галичанъ и волинянъ эта форма звучала сперва только со звукомъ е на концѣ, — напр., жєнѣте! (=гоните!), всѣрѣте! и т. п. Потомъ она сократила свой конечный слогъ, и е отпало. По документамъ малорусская форма пов. п. 2-го л. мн. ч. безъ е достоверно констатируется съ конца XVI столѣтія²⁾, — значитъ, наврядъ

¹⁾ Примѣръ этотъ, правда, менѣе убѣдителенъ, потому что въ старыхъ памятникахъ замѣчается не разъ смѣшеніе „тебѣ“ съ „тебѣ“. Возможно, значитъ, что Лудскій писецъ написалъ „тебѣ“ вмѣсто „тебѣ“. Естественноѣе однако понимать здѣсь е какъ замѣну с.

²⁾ Богѣе равнія начертанія (на тѣ) не внушаютъ ни малѣйшаго довѣрія, потому-что оказываются въ такихъ памятникахъ, гдѣ вообще всякая буква е хаотически смѣшивается съ буквою и. О происхожденіи мр. пов. н-ія на тѣ см. подробно въ § 114, гдѣ этотъ вопросъ освѣщенъ и выписками изъ памятниковъ.

ли она возникла у малоруссовъ раньше начала XVI в. или, самое большее, раньше конца XV в. И какой же звуковой видъ получила она, сократившись, у малоруссовъ восточныхъ и у малоруссовъ западныхъ?—У однихъ она стала звучать съ мягкимъ ть на концѣ, а у другихъ—съ твердымъ т: у восточныхъ малоруссовъ мы ее находимъ послѣ XVI вѣка въ начертаніи женѣтъ! берѣтъ! (=соврем. вост.-мр. женѣтъ! берѣтъ!), а у западныхъ—женѣтъ! берѣтъ! (=совр. зап.-мр. женѣтъ! берѣтъ!); очевидно, у первыхъ сочетаніе тѣ звучало раньше отпаденія гласнаго е (въ концѣ XV вѣка) уже какъ тэ, а у вторыхъ—еще какъ те.

По всему вѣроятію, какъ разъ въ теченіи XVI вѣка звукъ е отвердѣлъ и въ области восточно-малорусскаго нарѣчія (кроме, конечно, болѣе глухихъ закоулковъ Полѣсья, гдѣ мягкое е отчасти удержалось и доннынѣ). Повидимому, какъ результатъ восточно-мр. отвердѣнія е, лучше всего объясняется писаніе имени мѣстечка Коростышѣва (сѣв. Кіевщины) въ видѣ «Коростешовъ» въ монастырскомъ Кіевомъ Михайловскомъ помянникѣ конца XVI—нач. XVII в.: «с Коростешова» (л. 98, ок. 1622 г.), «изъ-за Коростешова» (л. 114) ¹⁾.

§ 20. а) Неоднородность старо-малорусскихъ оттѣнковъ звука е, скрытыхъ подъ одной церк.-славянской буквой е.

Одинъ ли живой, разговорный звукъ соответствовалъ церковно-славянской буквѣ е въ старыхъ кіевскихъ памятникахъ XI вѣка и въ другихъ южно-русскихъ, или же подъ этой буквой мы можемъ отрывать въ тогдашней рѣчи разные звуки?

¹⁾ То же смѣшеніе этого имени—и въ польскихъ документахъ Срв. „Starego y Nowego Korosteszowa“—въ подымной переписи 1631 г. воеводства кіевскаго (=„Архивъ Юго-Зап Росс.“, ч. VII, т. I, стр. 409); или въ такой же переписи Кіевскаго воеводства 1683 г. (изд. тамъ же): „miasto Korostészow“ (497) и „w Korystyszowie“ (502). И мн. др.

И данныя современнаго малорусскаго языка ¹⁾, и письменныя начертанія старыхъ памятниковъ (начиная съ кievскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года), и филологическія сравнительно-языковѣдныя соображенія — приводятъ насъ къ заключенію, что звукъ *ε* у нашихъ болѣе старыхъ предковъ, напримѣръ, времянъ созданія великой кievской державы Владиміромъ Свѣтымъ (X в.) не былъ единоюобразенъ.

А именно: въ слогѣ, за которымъ слѣдовалъ слогъ мягкій, и очень часто въ исходѣ словъ, это былъ не самъ дѣлѣ звукъ *e* (мягкое *e*), склонный однако расширяться въ очень широкое мягкое *ā* (близкое къ *я*).

Но передъ твердыми слогами—въ соотвѣтствіи буквѣ *ε* (и иногда тоже въ исходѣ словъ) слышалось мягкое *ō* (—звукъ близкій къ *ѣ*) ²⁾.

Такимъ образомъ, около X вѣка слова женѣ, человѣкъ, чесо, нашѣмоу, Пасилниѣво, въ немѣ ³⁾ должны были у кievлянъ и у другихъ нашихъ предковъ звучать вродѣ «жѣѣна», «чѣѣловѣкъ», «чѣѣсо», «нашѣѣмоу», «Василѣѣво»,

¹⁾—гдѣ въ соотвѣтствіе старому *ε* мы въ однихъ случаяхъ слышимъ *e* (=э), въ другихъ случаяхъ *я*, въ третьихъ — *о*, и гдѣ дифтонги, возникшіе изъ *ε*, звучатъ въ однихъ случаяхъ какъ *іэ*, а въ другихъ случаяхъ—какъ *юо*, *юо*. Подробнѣе о законахъ малорусскаго перехода *e* въ *юо* и въ *я* см. главу 9-ую, §§ 51—53.

²⁾ Необходимость признавать для старорусскаго періода звукъ *ō* (въ настоящее время почти чуждый славянскимъ языкамъ) впервые была подчеркнута извѣстнымъ сравнительнымъ языковѣдомъ Ф. Ф. Фортунатовымъ и обстоятельно развита акад. А. А. Шахматовымъ. Это положеніе принято такимъ выдающимся языковѣдомъ, какъ акад. Ф. Е. Коршъ, московскій славистъ проф. Р. Ф. Брандтъ („Фонетика“, стр. 13) и другими авторитетами, хотя, впрочемъ, слышатся и другіе голоса, утверждающіе, что переходъ *ε* въ *ѣ* могъ же совершиться и безъ промежуточной стадіи *ō*.

³⁾ О твердости этой флексіи „-мѣ“ въ XI вѣкѣ см. предыдущую главу, § 13, стр. 107—108.

въ «нѣомъ, — со звукомъ ѣо» ¹⁾, тогда какъ въ словѣ каженникъ (=скопецъ), въ имени Елисаветъ, въ отглагольномъ существительномъ житиѣ, часто въ союзѣ же и въ т. п. словахъ долженъ былъ слышаться звукъ ѣ, и эти слова произносились тогда вродѣ «кажѣнникъ», «Иѣлисаветѣ», и «житиѣ», «жѣа» (наряду съ жѣо), и т. п.

Случалось иногда, что звукъ ѣ въ X вѣкѣ, подъ влияніемъ нефонетической аналогіи, развивался и тамъ, гдѣ мы ждали бы звука ѣ, т. е. передъ мягкимъ слогомъ. Это надо признать про флексіи мѣстоименій и прилагательныхъ ж. р. въ дат. и мѣстномъ падежахъ ед. ч., — напр.: «ѣи» (дат. пад., =русск. «ей»), «въ неи» (=русск. «въ ней»), «на твоѣи» (=русск. «на твоей»), «въ третѣи» (=русск. «въ 3-ей»), «въ синѣи» (=русск. «въ синей») и т. п. Въ этихъ формахъ звукъ е звучалъ въ X вѣкѣ какъ мягкое ѣ (=«иѣ, въ нѣомъ, на твоѣи, въ третѣи, въ синѣи» и т. п.), а почему?—подъ влияніемъ соответствующихъ флексій муж. рода (=иѣо, иѣому, въ нѣомъ, твоѣо, твоѣому, на твоѣомъ, синѣо, синѣому, въ синѣомъ, и т. п.)

Постепенное превращеніе ок. XI—XII в. мягкаго звука ѣ въ звуки ѣо и ѣо и возможность перехода мягкаго звука ѣ въ звукъ я (или сохраненіе звука ѣ по прежнему).

Такъ было дѣло (со звуками ѣ и ѣ) въ вѣкѣ X-омъ. Но въ старѣйшихъ дошедшихъ до насъ малорусскихъ памятникахъ—киевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 года и въ Словахъ Григорія Богослова XI в. (равно какъ въ Гал. Ев. 1144 г.) мы находимъ въ вышеперечисленныхъ случаяхъ написаніе буквъ ѣ и ѣ (ѣ) вмѣсто буквы ѣ, или лучше сказать—наряду съ буквою ѣ.

¹⁾ Транскрипцію мы примѣнили современно-малорусскую, по которой буква ѣ должна обозначать лишь простую мягкость предыдущаго согласнаго звука.

Такъ, мы видимъ въ XI—XII в. начертанія съ *o*: «чоловѣка» (кіевск. Изборн. 1073 г., л. 179 об. =человѣка), «жона» (кіев. Изб. 1076, л. 181 об., =жена), «Василиво» (Изб. 1073, л. 124 об., =Василиво), «чосо» (червонорусс. Григ. Бог. XI в., л. 24 д, =чесо)¹⁾, «пославшому» (Галиц. Ев. 1144 г., =пославшему) и др. Тамъ же и начертанія съ *я* (или, послѣ шипящихъ, съ *a*): «кажаникъ» (Изб. 1073, л. 262)²⁾, «Елисаветъ» (Изб. 1073, л. 254 об., =Елисаветъ), «ѣя жѣ» (Изб. 1073, л. 219, =«ея же»; при «то жо» въ Галиц. Ев. 1144 г., л. 104), и мн. др.³⁾

Въ XI—XII вѣкѣ памятники письменно поварызываютъ намъ и любимое мр. смѣшеніе окончаній существительныхъ средняго рода: *e* и *я* (типа «житя» вм. «житие»)⁴⁾.

¹⁾ Въ Словахъ Григорія Богослова (въ червонорусской рукописи XI в.) звукъ *o* въ начертаніи ЧОСО (л. 24, об.=чого) или, вѣрнѣе—въ НИЧОСО(=нѣчего), возникъ, быть можетъ, и не изъ *ε*, но даже изъ глухого *ь* (т.-е. изъ ЧЬСО). Вѣкомъ попозже, когда звуки *ε* и *ь* начали смѣшиваться въ произношеніи, примѣры на появленіе *o* вмѣсто *ь* дѣлаются многочисленными.

²⁾ Тамъ — въ вин. падежѣ: „Филипъ, иже кажаника крѣсти“, л. 262 β. Кажениками назывались евнухи, или скопцы.

³⁾ Большое количество выписокъ см. въ главѣ 9-й, именно на стр. 373—384 (ε=о) и стр. 399—416 (ε=я). Замѣтимъ, что тамъ приведены мною далеко не всѣ примѣры изъ древнихъ памятниковъ, извѣстные мнѣ.

⁴⁾ На стр. 400-й, въ выпискахъ изъ кіевского Изборника 1073 года, какъ разъ этотъ послѣдній пунктъ и остался почти не иллюстрированнымъ. Между тѣмъ въ рѣчи писца Изборника 1073 г. выговоръ окончанія ср. рода „*ма*“ (въ противнствіи книжному окончанію „*иε*“) былъ до такой степени обычнымъ явленіемъ, что писецъ, борясь съ этимъ своимъ живымъ выговоромъ и норовя соблюсти книжность, допускалъ искусственныя лжеореографическія преувеличенія и писалъ букву *e* даже въ родит. падежѣ ср. р. (который у него въ живой рѣчи, какъ и теперь у малоруссовъ, не отличался своимъ выговоромъ отъ именительнаго; срв. соврем. „життя“=им. ед. и род. ед.). Напр., въ Изб. 1073 г. мы видимъ: „камыкъ прѣтѣчениε“ (л. 189 об., =камень преткновенія); „Съде гл[аго]лѣмаго въ ображеніе видѣ“ (л. 9;=λεγομένου μορφώσεως εἶδος). А иногда, напротивъ, въ им. ед., гдѣ по книжному надо было бы писать *e*, Изборникъ 1073 г.,

Эти и другія имъ подобныя старс-мр. начертанія XI—XII вѣва свидѣтельствуютъ, что при извѣстныхъ звуковыхъ

даетъ вамъ букву я. Между прочимъ срв. опредѣленіе риторической фигуры металеписиса: „Пріятые (=металеписисъ) есть рѣчь, пріемлющія подобоимѣнія (вм. „подобоименіе“, т. е. уподобленіе, сравненіе) отъ сущааго истовое“ (л. 236).

И въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. подобныя примѣры очень изобильны. Тамъ мы имѣемъ: „пріемлетъ мого X[ри]ста крѣштенія“ (л. 1 б; τὸ τοῦ ἐμοῦ Χριστοῦ βάπτισμα λαμβάνει);—„Благоточно намъ слово, и зѣло благопостижно и ц[а]р[ь]ско сущте—похваления (=похваление) сего мужа“ (л. 34 β); „якоже съвѣштанія (=свѣщаніе?) увѣдѣхъ неизг[а]голаное и неурджимое сущте, въ авѣ уже обнажасмо“ (л. 38 а);—„Се пръвѣхъ юностьвъ (νεανειμάτων) его съ повѣданія, еже и доселѣ мнозѣмъ подвигнуть слъзы, въ память приходя и слышимо“ (л. 63 д);—„Потомъ же нѣкое подходить мя умиленне помлччанія. Добро и отъ шестія, ему же извольникъ бывъ испрѣва“ (л. 166 β; мѣсто испорчено, не совпадаетъ съ греческимъ текстомъ, но по пунктуаціи писца видно, что онъ понималъ „отъ шестія“ какъ „отъ шестиса“);—„Нъ напасті часть каку пріяхомъ и доброе и очлчское (чит. „от[ъ]ч[ь]ское“) при чястія (καὶ αὐτὰ μεταλήφαμεν καλῆν καὶ πατρῶαν κληρονομίαν), единомыслия благыню не до коньдѣ съхранихомъ“ (с. 240 д;—„[Б]ысть чсть доброчыстія оного, и отъ данія надгробьне“ (л. 266 д; γέρας τῆς εὐσεβείας ἔχειν καὶ ἀντιδοσις ἐπιτάφιος). Вѣроятно, сюда же надо присоединить: „сблюдаая и дрошя гнѣва послѣднее“ (л. 304 д; ὑποτηρῶν δὲ ὁμῶς τροχίαν;=„дрожичне“? Слово это прежде употреблялось и въ ед. числѣ ср. р., хотя теперь только мн. ч. ж. р.: „дрѣжджі“). Обратнo: борясь со своимъ живымъ выговоромъ, писецъ Словъ Григорія Богослова XI в. не разъ придавалъ, въ порывѣ усердія, родит. падежу письменнсе окончаніе *ие* вм. *ія*, равно какъ писалъ не въ формѣ числа множественнаго: „Тъ бо вѣдааше законѣи благо-нравіе (=благонравіа) и д[у]х[о]вьнааго чина“ (л. 52 а; ἦδει νόμου εὐπειθείας);—„Мѣншавшии же... храми на пищу убогымъ, домове дѣвичии, у ставленіе (мн. ч.) закону чръньчъному“ (л. 52 д; πτωχόστροφίαί, ξηνοδοχίαί, νομοθεσίαί μοναστῶν);—„Да крѣмтитъ крѣмящяя—на учрѣждение страшнымъ—въздааніе“ (л. 53 д; ἴνα τρέφῃ τρέφοισαὶ αἰς φιλοξενίαν ἀντιδοσίῳ; тутъ мы ждали бы одного изъ двухъ: или мн. ч. существительнаго—„крѣмящяя въздаанія“, или ед. ч. причастія—„крѣмящсе въздааніе“);—„отъ того облаженіе“ (л. 100 б; = род. над, τῆς ἐκείθεν μακαριότητος);—„отъ крѣщевнѣа бо [и] проповѣданіе“ (л. 126 б;=род. над, ἐκ μὲν γὰρ τοῦ βαπτισματος καὶ

условіяхъ малоруссы XI вѣка вмѣсто звуковъ ѓ и ѣ, соотвѣтствовавшихъ буквѣ ε (и, понятно, мягкихъ), уже начинали произносить просто звуки *ѣ* и *я*. — Второе произношеніе, т. е. ѣ за я, практиковалось, конечно, не во всѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣлся звукъ ѣ, а лишь въ нѣкоторыхъ (подобно тому, какъ и теперь малоруссы вѣдь не каждое *е* передъ мягкимъ слогомъ произнесеть за я); чаще же ѣ такъ и оставалось только звукомъ ѣ, безъ параллельнаго перехода въ я. (Теперь въ такихъ случаяхъ слышится твердое *э*, не знающее параллельнаго перехода въ я).

Сказавши (только-что, выше), что малоруссы XI вѣка уже начинали произносить ѓ и ѣ за *ѣ* и *я*, мы этимъ не думали высказать, будто послѣ XI вѣка малорусскій выговоръ уже потерялъ первые звуки. Напротивъ, можно думать съ вѣскими основаніями, что и въ теченіи XII вѣка, а можетъ быть и въ первой половинѣ XIII в., вплоть до эпохи общаго (не спорадическаго) паденія глухихъ, звуки ѣ и ѓ (мягкіе, конечно) продолжали по прежнему существовать въ рѣчи малоруссовъ, какъ звуки еще отличныя отъ чистыхъ нынѣшнихъ звуковъ я и *ѣ* (и отъ *э*). Повидимому,

тоῦ κηρὸ ὑματοσ; здѣсь, впрочемъ, весь славянскій контекстъ извращенъ); — „прѣложеніемъ (=перенесеніемъ) поклоненіе (род. п.) отъ сѣтворьшааго на твари“ (л. 156 с.; καὶ τῆ μεταθεσει τῆς προσχουήσεωσ; вѣроятно, переписчикъ не понималъ этого мѣста, хотя срв. на л. 334а аналогичный правильный контекстъ: „кумиромъ жьреніе и прѣложеніе поклоненія отъ сѣтворьшаго къ тварьмъ“); — „И бѣдно цѣленіе (вм. цѣлениа, род. пад.) примешаи въсрашеніе тѣлеси“ (л. 131 д; καὶ δουθερράπευτοῦ ἕξεισ τῆν ἀνωμαλίαν τοῦ σώματος); — „уже прѣжде сѣздавие (род. п.) вѣдомъ“ (л. 205 д; τοῦ πρό τῆσ πλάσεωσ ἐγῶσμενοῦ; NB: въ рукоиси: „бѣдомъ“, но, конечно, надо читать „сѣдомъ“); — „прошдь... всяа образъ, еже на ны, томленіе“ (вм. „томлениа“, род. пад.; 254 д; πᾶν εἶδοσ τῆσ καθ' ἡμῶν τωραυῖδοσ); — „Кое добродѣяніе (вм. добродѣяниа) ли обличеніе, или зьлобѣ мученіе?“ (л. 306 в; πότερον ἀρετῆσ ἢ λευχοσ). — Заодно отмѣтимъ въ Словахъ Григорія Богослова XI в. не совсѣмъ не характерное чередованіе окончаній „еніе“ и „яніе“ (о которомъ см. стр. 405), напр. „ухыщряниа“ (л. 254 д); „раслабляниа“ (л. 80 а), „поущаеніемъ“ (л. 255 в), „съручанія“ (л. 274 с, = вѣзрученія), „възвышаніе“ (л. 293 с) и т. п. — на ряду съ „ухыщреніе“ (л. 289 а) и т. п.

проясненіе (съ одной стороны) звука *o* въ звукъ *e* и звука *a* — въ звукъ *я*, а съ другой стороны — проясненіе обоихъ звуковъ (*o* и *a*) въ отвердѣвающій звукъ *э* совершалось параллельно съ проясненіемъ глухихъ звуковъ *z* и *b* въ чистые звуки (или съ исчезновеніемъ ихъ) и параллельно съ ослабленіемъ звука и послѣ гласныхъ въ звукъ *ы*.

в) Возникновеніе подобныхъ же явленій въ томъ гласномъ звукѣ *e*, который произошелъ изъ прояснившагося глухого *o*.

Въ общемъ ходѣ этого звукового процесса (XII—XIII в.) проясняющійся глухой *o* успѣлъ раздѣлить многія судьбы звука *e*, т.-е. сталъ проясняться при однихъ положеніяхъ — въ звукъ *e*, при другихъ положеніяхъ — въ звукъ *я* и въ отвердѣвающее *э*. Примѣръ этому — малорусскія фонемы чернїи (чърнзи) съ одной стороны, черствїти и черствїти (чърствїти) — съ другой стороны ¹⁾.

г) Что соотвѣтствовало въ древне-малорусскомъ языкѣ зачинному церковно-славянскому *ie*?

Особо стоитъ дѣло древнемалорусской (да и древнерусской) фонетики въ тѣхъ случаяхъ, въ которомъ церк.-слав. языкъ показываетъ намъ *e* начальное (или, какъ говорятъ, «зачинное»), — срв. церк.-слав. слова и имена: «*елень*», «*еще*», «*есетръ*», «*елена*», «*ерина*», «*евстафїи*» и т. п. Въ языкѣ прамалорусскомъ (какъ и въ прарусскомъ) подобныя слова звучали въ своемъ зачинѣ, обыкновенно, безъ йотациа, безъ начального *й*, а тотъ гласный звукъ, которымъ они начинались, былъ у нашихъ предковъ не *e*, но *o* (произшедшее, вѣроятно, тоже изъ *o*), и такое *o* возникало у нихъ внѣ зависимости отъ твердости или мягкости слѣдующаго слова.

Такимъ образомъ вышеупомянутыя слова звучали у нашихъ предковъ: «*олень*», «*още*» ²⁾, «*осятръ*», «*Олена*», «*Орина*», «*Овстафїи*» и т. п.

¹⁾ Примѣры на стр. 371 и слѣд.

²⁾ А отсюда, съ отпаденіемъ *o*, возникло общеизвестное малорусское *ще*.

Случалось впрочем, что и старомр. языкъ иногда допускалъ для этихъ же словъ и именъ параллельную форму съ начальнымъ *ie*, особенно въ крестныхъ именахъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянской рѣчи. Въ такихъ случаяхъ йотованный естевый звукъ, заключавшійся въ зачинномъ *ie*, звучалъ согласно общему фонетическому закону: или какъ *ja*, или какъ *jo*,—смотря по тому, мягокъ или твердъ былъ слѣдующій слогъ;—а затѣмъ, въ теченіи XI—XIII вѣка такое зачинное звукосочетаніе *ja* способно было расширяться въ *ja*, тогда какъ звукосочетаніе *jo* превращалось по правилу въ *jo*. Отсюда возникали мр. имена и слова: «*ястръ*», «*Ялена*», «*Ярина*», «*Йовстахий*» и т. п.,—словомъ, всецѣло примѣнялся законъ, указанный нами выше, на стр. 200—201 ¹⁾.

¹⁾ См. объ этомъ на стр. 393—399, гдѣ все это изложено съ полной подробностью.—Вообще по поводу всего здѣсь изложеннаго (=на стр. 198 слѣд.) мы еще разъ напомнимъ, что болѣе подробному выясненію того важнаго звуковаго закона, который здѣсь только намѣченъ, посвящена особая глава нашей грамматики, 9 я (=стр. 369—420).

д (=§ 20 bis.)

Исторія долготнаго є.

а) Неодинаковое качество долготнаго звука є, возникшаго изъ *ǣ*, и долготнаго звука *ε*, возникшаго изъ *ō*.

Разъ мы установили, что у пр. предковъ въ эпоху до паденія глухихъ гласныхъ, напр. у киевлянъ XI вѣка, въ словахъ типа «шѣсть» и «тѣтъка» слышался не одинъ общій и тождественный естественный звукъ, а слышалось два звука разныхъ (первый—*ǣ*, второй—*ō*), мы ужъ и путемъ апіорной догадки могли бы предположить, что въ эпоху паденія глухихъ гласныхъ (*z* и *h*) звуковая судьба этихъ двухъ звуковъ *ǣ* и *ō* въ слогахъ передъ выпавшими глухими не должна была оказаться качественно одинаковой. Такъ оно и было въ дѣйствительности: изъ фактическихъ данныхъ мы знаемъ, что подвергаясь въ XII—XIII вѣкѣ замѣстительному удлиненію (въ положеніи передъ павшими глухими), эти два разныхъ звука *ǣ* и *ō*, оба закрываемые въ рукописяхъ одной и той же церковнославянской буквой *є*, испытывали судьбу разную: результаты ихъ удлиненія получались качественно-разные.

β) Во что обращалось удлинненное *ǣ*?

То *є*, которое встарь звучало какъ мягкое *ǣ*,—оно, удлинняясь въ XII—XIII в., обращалось въ мягкое же *ǣǣ* (или *jǣǣ*), откуда суживаясь переходило въ дифтонгъ *iǣ*, *iэ*, а изъ этой послѣдней фонемы получалось къ XIV вѣку монофтонговое *i*; такъ, напримѣръ, вышеприведенное старинное слово «шѣсть» (путемъ стадій «шǣǣсть», «шѣсть») произносилось—положимъ—у червоноруссовъ XIV вѣка за

«шість». Въ архаическихъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ мы и доныпѣ слышимъ дифтонгическое («шіэсть»), «шіэсть».

Въ грамотахъ эго писалось съ буквою и: „шмсть“.
Такъ, мы находимъ въ галицкой купчей 1359 г. изъ-подъ Перемышля, писанной Болестрашицкимъ поповичемъ: „Въ лѣго шестатысячное осьмьсотное ш и с т д е с я т ь с е м о е“¹⁾.—Въ другой галицкой купчей 1366 г., которую писалъ тотъ же Болестрашицкій поповичъ²⁾ на покупку имѣнія Пнекомль у Шуль жичей³⁾, имѣется дата: „подъ лѣтомъ Божіа нарожена тысячего тринасотъ ш и с т ь ц я т о г о ш е с т о г о“⁴⁾.—Въ дѣлешной грамотѣ галицкаго старосты Гнѣвоша 1393 г. изъ Теробовльщины: „Дали ему село, а ш и с т ь кобылъ и[с] стада, а жеребецъ, а два хресты серебряна“⁵⁾.

И въ церковныхъ памятникахъ XIV вѣка тоже ирѣдка проскальзываетъ буква и, воспроизводящая рефлексъ удлиненнаго ѣ. Такъ, въ волынскомъ П я т и к н и ж и М о н с е е в о м ѣ XIV в. (Троицко-Серг. Лавры, № 1)⁶⁾ мы, въ смыслѣ рефлекса ѣ, видимъ два раза букву и и ѣ въ словѣ „населникъ“ (=житель),—именно въ Быгги XIII, 7: „Ханаѣи же и Ферезѣи на с ѣ л н и ц и въ земли тои тогда бяху“⁷⁾ и въ Іисусѣ Навилѣ VIII, 20: „Н а с и л н и ц и Гаптетиа“ (т.-е. жители города Галя)⁸⁾.—Почти то же — въ буковинскомъ Путенскомъ Е в - и н XIV в.: „крѣнь с и л ь н ы х ѣ“ (60, вм. „крѣнь сельныхъ“; совр. „сѣльскихъ“⁹⁾; срв., вѣроятно, неударное и въ „н е с т р о и н ь я“ (121) и мертвое „по убьинья“ (220,—о немъ см. ниже на стр. 202 β). — Въ молдавскомъ свѣ. малорусскомъ (вѣроятно, киево-Печерскомъ) жигійномъ

¹⁾ Голов. № 2, стр. 5. Купчая эга писана на „дѣдництво паньны Радивоньковоѣ, што по ню ѣ отецъ далъ“. Ниже увидимъ (стр. 202 η сл.), чгѣ означаетъ буква ю въ „по нюѣ“ (она не изъ ѣ, но изъ ѵ).

²⁾ Его имя—„Василювъ сынъ поповъ Кость“.

³⁾ „у Шульжичювъ“, какъ написано въ грамотѣ.

⁴⁾ Akta grodzkie i ziemskie, t. VIII, стр. 7;=Гол. № 3, стр. 6.

⁵⁾ Палеограф. снимки № 27. Писана грамота „у Вышни, по Б[о]жьимъ нарожнѣмъ 1000 лѣт и 300 лѣт и 90 лѣт и 3 лѣт“.

⁶⁾ Оно описано И. Срезневскимъ въ „Сборникѣ отдѣл. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ“, т. XXII (Сиб. 1881), № 5, п отчасти архим. Леонидомъ въ москов. „Чтеніяхъ“ 1890, кн. III. Впрочемъ, цитируемыя нами мѣста не вошли въ описанія.

⁷⁾ По - греч. здѣсь $\chi\alpha\tau\phi\chi\omicron\upsilon\upsilon$, по-лат. -- inhabitabant terram.

⁸⁾ По-гречески— $\chi\alpha\tau\omicron\iota\chi\omicron\iota$, по-латыни habitatores.

⁹⁾ Срв. еще „сильныя“=„сѣльныя“ въ киевской жидовствующей книгѣ Данила XV в (II, 38), о которой см. стр. 382.

Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20 1): „егда же быс[тъ] еп (=отроковицѣ-Маріи) 6 м[ѣ]с[я]ць, постави ю м[а]ти на земли искусити, станеть ли. И 7 миждъ (=мѣжь) иступльши, и приде на лово ея, и взя ю м[а]ти ея“ (л. 14 б).

Ранѣе XIV вѣка, именно въ рукописяхъ XII и XIII в., примѣры на написаніе и вм. удлинившагося *с* (*й*) не внушаютъ особеннаго довѣрія, потому что всѣ они относятся исключительно къ окончанію *енъе* (отглагольныхъ существительныхъ средняго рода), т.-е. къ тѣмъ формамъ, въ которыхъ, — вѣроятно, подъ влияніемъ соответственныхъ страдательныхъ причастій на *енъи*, — какъ-разъ и не происходила замѣстительная долгота звука *й*; (а если иногда и слышится окончаніе *инъе*, то возникло оно не изъ *енъе* 2). Во всякомъ случаѣ мы здѣсь приведемъ ижевые примѣры на *инъе* изъ XII и XIII в., при чемъ укажемъ, какое изъ тѣхъ ижевыхъ начертаній XII—XIII в. соответствуетъ нынѣшнему произношенію малоруссовъ и какое не соответствуетъ. Вотъ они:

Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (майской четвѣ-минувѣ) есть въ Несторовомъ житіи Феодосія Печерскаго очень сомнительное начертаніе: „Начахъ часто поклоние колѣномъ творити“ (л. 44 а). Удобно было бы объяснить это „поклонис“ такимъ образомъ, что вмѣсто удвоеннаго слога „-ни-“ писецъ невольно написалъ лишь одинъ слогъ „-ни-“ (т.-е. что произносилъ онъ „поклонис“, = „поклоніе“, — а лишь механически написалъ „поклонис“). Но возможно вѣдь и другое объясненіе, — такое, что „поклоние“ = „покло[не]ипе“, или „поклон[ев]ие“. — Вѣ-

1) Описанъ и частью изданъ въ посмертныхъ „Библиограф. Матеріалахъ“ А. Попова (=москов. „Чтенія“, 1889, кн. III).

2) См. объ этомъ мою работу: „О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на *енъе* и *инъе*“ (М. 1900, — отт. въ Юбилейнаго Сборника въ честь Вс. Ф. Миллера). Относительно соврем. мр. окончанія *инъе* я тамъ постарался показать, что звукъ *и* возникъ въ этомъ мр. окончаніи не изъ долготнаго *е*, но изъ основнаго звука *ѣ*, заимствуемаго глаголами на „-ити“ отъ параллельныхъ глаголовъ на „-ѣти“; иначе сказать: соврем. мр. ижевые формы „приходіине“, „приносіине“ и т. п. восходятъ къ „приходѣнье“, „приносѣнье“, тогда какъ старинныя формы „прихоженье“, „принощенье“ такъ и остались у малоруссовъ при естественномъ произношеніи, и говорится лишь „прихоженне“, „принощенне“.

современной мр. рѣчи безразлично слышится какъ „покло-
ненія“, такъ и „поклонѣнія“.

Въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198—въ двухъ словахъ съ написаннымъ оконча-
нiемъ „—ієниє“ буква іє начертана такъ, что изъ-подъ
нея видна другая буква, повидному буква и, начертанная
писцомъ сперва. Это мы видимъ во фразахъ: „от[ъ]
погребієнія на бракъ итя“ (л. 174 б; исправлено изъ
первоначального „погребніня“) и „бл[а]ж[е]нимъ премѣ-
нієиємъ“ (л. 66 об., а; передѣлано изъ „премѣниіємъ“).
Въ соврем. вост.-мр. языкѣ выговоръ „погребѣнія“ гораздо
болѣе обыченъ, чѣмъ „погребѣннѣя“; но, напротивъ, чаще
слышится „переміѣннѣя“, чѣмъ „перемієннѣя“ (однако зап.-
мр.—„перемієнне“, всегда съ е).

Въ Румянцовскомъ Сборникѣ № 406 (со-
брапiи проповѣдей на постный и цвѣтной кругъ),—сбор-
никъ, который относится къ XV вѣку и къ акающей Бѣло-
русси, но списанъ-то, повидному, съ кiево-Печер-
скаго оригинала XII—XIII в. ¹⁾, есть начертаніе:
„обличнѣя“ (л. 81). Въ соврем. кiевской рѣчи одинаково
скажутъ и „обличѣннѣя“, и „обличеннѣя“.

Въ волын. Ефремѣ Сиринѣ XIII в. (по бѣлор. сп.
1492 г.): „разлучнѣя“ (л. 92 об.). Удареніе на у? Теперь
здѣсь чаще е.

Въ южно-галицкомъ Ев—in 1283 г. поповича
Евсевія: „учинѣ“ (л. 44), „учинѣн“ (л. 73). Есть вѣроятіе,
что поповичъ Евсевій, какъ и теперь галичане, ставилъ
здѣсь удареніе на у, а не на среднемъ слогѣ (т.-е. выго-
варивалъ „учене“) и что его неударная буква и выражала
здѣсь собою простой неударный звукъ е, совсѣмъ недол-
готный ²⁾.—У малоруссовъ восточныхъ, гдѣ удареніе на-

¹⁾ См. соображенія въ Румянц. описанiи—Востокова, стр. 611.

²⁾ О мр. смѣшенiи неударнаго е съ и см. стр. 229—235 и слѣд.
Тамъ, на стр. 230-ой, я ужъ касался Евсевіева начертанія „учинѣ“,
а на стр. 232-ой привелъ начертаніе „под Б[о]жимъ на рѣ-
жиньємъ“ изъ галицкой грамоты старосты Петраша 1401 г.
(=„Палеогр. снимки“ № 30). Добавлю сюда же изъ львовской
присяги молдавскаго воеводы Ильи польскому королю 1486 г.
(=Улян. 50): „заужды на вѣкы безъ отмовы и безъ протѣ-
влѣннѣя на каждый часть [присягу] ховати“ (удареніе ставлю
на галицкiй ладъ).— Но возможно во всѣмъ этнмъ ижевымъ
начертаніямъ примѣнить еще и то объясненіе, которое ниже
предлагается нами для начертанія „убивнѣя“ въ Пандектахъ
Антиоха 1307 г. и въ Путевскомъ Ев-in XIV в. (см стр. 203 β).

даетъ на средній слогъ, несравненно чаще слышится „учѣннѣ“, чѣмъ „учѣннѣ“.

Въ заключеніи остановимся на памятникѣ уже изъ первыхъ лѣтъ XV вѣка,—ради начертанія „по убьиннѣ“, которое мы выше отмѣтили въ буковинскомъ Путевскомъ Ев-ин XIV вѣка (220). И въ львовскихъ Пандектахъ Антиоха 1307 г., писанныхъ—вѣроятно—во Владимірѣ Волынскомъ ¹⁾, есть: „убьиннѣ“ (л. 2 б; =убіеннѣ),—начертаніе, очевидно мертвое, вмѣсто лжеореографическаго „убѣннѣ“. По всему вѣроятію, писецъ здѣсь написалъ букву *и* не въ угоду своему живому мр. произношенію (вѣдь нигдѣ, ни въ одномъ мр. говорѣ, не извѣстно произношеніе „убіеннѣ“, или „убѣннѣ“), а просто—смѣшалъ церковныя буквы *и* и *ѣ*, изъ которыхъ вторая употребляема была въ силу искусственной лжеэтимологической ореографіи. Начертаніе „убѣннѣ“ встрѣтитъ онъ могъ, пожалуй, и въ своемъ мертвомъ церковномъ оригиналѣ, съ котораго списывалъ. Лжеореографія эта ничего общаго съ малорусской замѣстительной долготой не имѣетъ и исполнѣ свойственна также многимъ памятникамъ немалорусскимъ).

γ) Судьба долготнаго *ō*.

А во что обращалось удлиннившееся *ō*?

То *ε*, которое встарь звучало какъ мягкое *ō* (или *ē*) испытывало въ своемъ замѣстительномъ удлинненіи болѣе сложную судьбу, чѣмъ та, которую испытывало удлиннившееся *ā*. Оно, это мягкое *ō* (или *ē*), удлинняясь въ XII—XIII вѣкѣ, должно было сперва звучать какъ мягкое *ōō* (или—пожалуй—сразу же какъ *ēo*), но оттуда тотчасъ же перешло въ дифтонгъ *юō* (или въ *юo*), а оттуда — въ *юэ*, *юы*, *юи*, *юй*, и только около XV вѣка послышался вмѣсто этихъ дифтонговъ нынѣшній монофтонгъ *і*, да и то донинѣ остались архаичные сѣверно-мр. говоры, гдѣ дифтонги *юo*, *юэ*, *юы*, *юй* все еще не переработались въ монофтонгическое *і*.—Такимъ образомъ фонемы XI вѣка *тѣтъка* (= *t'ōtuka*) и *вѣ нѣмз* (= *vū p'ōmū*) ³⁾ образовывали собою въ теченіи XII—XV вв. серію дифтонги-

¹⁾ Срв. то, что сказано на стр. 516.

²⁾ См. стр. 50—56 нашей грамматики.

³⁾ О твердости *л* въ этой флексіи XI в. см. выше, стр. 107—108. Ореографически однако она часто продолжала писаться съ *ь*.

ческих фонемъ: ть ъ ѳ т ка (+тьѳотка), тью ѳ т ка (+тьюѳотка), тью ѳ т ка, тью ѳ т ка; в нь ъ ѳ ш (+в ньѳом), в ньѳом (+в ньѳом), в ньѳом, в ньѳом, — словомъ то, что и теперь съ изрядной удовлетворительностью можетъ быть провѣрено по даннымъ архаичныхъ сѣверно-мр. говоровъ. На письмѣ же, въ старыхъ рукописяхъ, если писцы случайно уклонялись отъ общепринятой церк.-слав. графики съ буквою ѣ и невольно писали какое-нибудь слово подъ влияніемъ своей живой мр. рѣчи, дифтонгическій выговоръ типа ю о, ю и и т. п. проявлялъ себя въ написаніи писцами буквъ о и ю (рѣже ѣо) вм. полагавшейся церковно-ореографической буквы ѣ.

Около XV вѣка, когда дифтонгъ ю ѳ (изъ удлинившася мягкаго ѳ, ѳѳ) ¹⁾ началъ перерабатываться въ монофтонгъ ѳ, могло наконецъ послышаться наше современное монофтонговое «тѳтѳа» и «в ньѳм», — лѣтъ на сто позже, чѣмъ послышалось «шѳсть» изъ шѳсть (т.-е. изъ шѳѳсть).

ѳ) Показанія памятникѳвъ относительно рефлексѳвъ удлиненнаго ѳ.

Въ большинствѳ случаевъ старо-мр. писцы ровно ничѳмъ на письмѳ не проявляли существованія, въ ихъ живой рѳчи, удлиненнаго ѳ или результатовъ этого удлиненнаго ѳ, а писали мертвоэтимологическую церк.-слав. букву ѣ, и только. Они, напр., могли произносить: „в годнѳ съ ѳ ѳ ѳ“ (или „с ѳ ѳ ѳ“, „с ѳ ѳ ѳ“, или — попозже — ужъ и „сѳѳ“), а писали стереотипно по церк.-слав. способу: „въ годнѳ сѳ ѳ ѳ“. И т. п. Выше мы упомянули, что лишь изрѳдка, въ качествѳ невольныхъ описѳвъ, вдругъ проскальзывало у нихъ на письмѳ отраженіе живого дифтонга (ѳо, юо, юи и пр.) путемъ употребленія буквы о или буквы ю (изрѳдка также въ видѳ двухъ буквъ ѣо, — какъ въ гал. грам. 1371 г., изъ которой будетъ дана выписка ниже). Естественно думать, что подѳ буквою о (и ѣо) скрывался дифтонгъ такого сорта, въ которомъ преобладалъ звуковъй элементъ ѳновъй (т.-е. ѳо, юѳ), тогда какъ буквою ю могъ отражаться дифтонгъ ю ѳ и ю и.

а) Воспроизведеніе рефлекса удлиненнаго ѳ, въ памятникахъ XII—XVI в., посредствомъ буквы о (и ѣо).

Въ синодальномъ Студійскомъ Уставѳ около 1193 г. № 380 (писанномъ, вѳроятно, въ Кіевѳ): „въ книждѳ м[ѳ]с[ѳ]цѳ нарочитыхъ д [ѳ] н о в ѳ“ (л. 66 об., = дьѳѳв; книжн. „дньѳѳѳ“, днѳѳ).

¹⁾ Изъ типографскихъ удобствъ мы будемъ долготное ѳ и его рефлексы схематически изображать черезъ ѳ ѳ и ѳ ѳ.

Въ буковинскомъ болгарско-Софійскомъ Ев—иіи XIII в.: „о годивѣ сои“ (л. 116, =сьбѣ; книжн. „сеи“).

Въ буковинско-волошскомъ Ев—иіи Верковича XIV в.: „по чю жом же“ (л. 18, =чюжьом¹⁾; книжн. „чужемъ“); „вечоръ“ (л. 113, л. 94; =вечѣр; книжн. „вечеръ“); „от[ъ] врачовъ“ (л. 123, =врачѣв; книжн. „врачѣвъ“, „врачъ“); „бъчолъ“ (л. 160, =бдъьол; книжн. „бъч(ль“).

Въ галицкомъ вводномъ листѣ 1371 г. старосты Оты (=Палеогр. Сн. № 23): „А выѣздилъ ту землю Ходоръ Чеолчич“ (Чѣлчичъ; книжн. „Чѣльчичъ“, отъ „челъка“, =совр.-мр. „чѣлка“).

Въ переяславской поручной грамотѣ 1393 г. кн. Олега Рязанскаго²⁾: „на крѣпость нашу грамотѣ“ (=нашьбѣ; книжн. „нашеи“), „у нашомъ городѣ у Переяслави“ (=нашьбѣ; книжн. „въ нашемъ“).

Въ буковинской господарской присягѣ 1395 г. воеводы Стефана королю Ягайлу (=Улян. 8): „слабуюмъ... во всемъ добру имъ раду радити“ (=во всьбѣмъ; книжн. „въ всьсѣмъ“).

Въ буковинскомъ договорѣ 1407 г. воеводы Александра съ галицкими и подольскими купцами (=Голов. № 28, стр. 28—32): „у нашои земли“, „при нашои вѣрѣ“ (=нашьбѣ; книжн. „въ нашеи“, „при нашеи“).

Въ галицкомъ Каменецъ-Струмиловскомъ Ев—иіи 1411 г.: „о единомъ грѣшницѣ кающомся“ (л. 137; =„кающѣмся“; книжн. „кающ(мься“).

Въ галицкой (изъ Перемышльщины) жалованной грамотѣ 1415 г. короля Ягайла (=Голов. № 55, стр. 65): „у нашомъ селѣ у Медыцѣ“ (=въ нашьбѣ; книжн. „въ нашемъ“).

Въ галицкомъ судебномъ приговорѣ 1421 г. кн. Ѳеодора Любартовича изъ Зудечева (=Голов. № 39, стр. 43—44): „выслаи пана Ленка, старосту Зудечовского“ (=Зудечѣвскаго), „то ся дѣла въ нашомъ дворѣ“ (=въ нашьбѣ).—И въ разѣвѣзжей грамотѣ 1424 г. вышупомянутаго старосты Ленка (=Голов. № 36, стр. 41): „Я, панъ Ленко, староста Зудечовскій, свѣдчу“, „а закопы копали—панъ Григоръ Бартошовскій“.

Въ буковинскомъ господарскомъ обязательствѣ 1421 г. воеводы Александра разведенной своей жентѣ, сестрѣ Ягайла (=Улян. 26—27): „бывшей жонѣ нашой“.

Въ жалованной грамотѣ черниговскаго князя Швигтрыгайла 1424 г. своему слугѣ Драгосиновичу (=Палеогр. Сн. № 20): „имѣлы бы приити къ будущоу знаемости“ (=будущѣбѣ; книжн.

¹⁾ Конечную букву з писать въ такихъ транскрипціяхъ не будемъ (хотя на стр. 166 сл. и писали).

²⁾ Изд. у насъ на стр. 505-ой.

„будущей“), „дали есмо съ насѣками, съ корчовьемъ, съ лозьемъ“ (=корчовьемъ, соврем. „з корчів'ямъ“; книжн. „корчѣвьемъ“).

Въ ланцикомъ королевскомъ договорѣ 1433 г. съ воеводою Стефаномъ (=Улян. 39): „тыи города Цецунь а Хмельовъ с волостми и селы“ (=Хмельовъ; срв. дат. пад. „Цецуню и Хмелеву“). То же имя употреблено съ о въ львовской присягѣ 1436 г. воеводы Ильи (=Улян. 52—53): „города тоѣ земли—Цецунь и Хмельовъ“; и тамъ же два раза: „от королевства Польского“ (=корольства; книжн. „королѣства“).

Въ буковинской присягѣ 1433 г. того же воеводы Ильи (=Улян. 36): „служити и помагати... ни у чомъ не уменьшачи“.

Въ ланцикомъ магнатскомъ свидѣтельствѣ 1433 г. вельможъ и совѣтниковъ короля польскаго относительно договора Польши съ Молдавией (=Улян. 38): „при чти и при вѣрѣ нашої (=нашѣй) поддугъ ряду и столцовъ нашихъ“ (=стѣльцовъ; книжн. „стѣльцѣвъ“).

Въ буковинской господарской присягѣ 1434 г. воеводы Стефана королю (=Улян. 40): „при чти и при вѣрѣ нашої“.

Въ луцкой жалованной грамотѣ Швитриггайла 1438 г. кухмистру Мышьчичу (Рум. муз.): „Дали есмо ему за вѣрную службу села у Кременецком повѣте: Боръцовку, а лѣсь Дедьовъ“.

Въ буковинской жалованной грамотѣ 1446 г. воеводы Стефана (=Улян. 69): „Дали есми ему село на Ревтѣ, на имѣ Бугайчовци“ (=Бугайчѣвцѣ).

Въ галицкомъ договорѣ 1454 г. старосты Мужила Снятинскаго съ молдавск. канцлеромъ (=Улян. 86): „при нашої чти и вѣрѣ“.

Въ буковинской жалованной грамотѣ 1457 г. воеводы Стефана монастырю на Молдавицѣ (=Улян. 95): „у тумъ сели... дѣстину от бчол и от свици“.

Въ жалованной грамотѣ 1459 г. кievскаго кн. Семена Огелъковича, писавной въ Придугѣ за Днѣпромъ (=Ант. и Козл. 30): „при чомъ его самого, жову, дети и будучіе исчадки его при томъ всякъ оставую“, „городище изъ [лѣ]самъ[i] Драгушовскимъ“.

Въ жидовствующемъ переводѣ кievлянъ ¹⁾ съ еврейскаго (Виленск. рукоп. № 262) въ Книгѣ Даниїла: „велможи царскыи... оглядѣли мужов сихъ“ (=мужѣв; гл. III, 27); „на поношене вси околицы нашої“ (IX, 16, =нашѣй); „не мазался до исполненія трехъ седмиць дновъ“ (X, 3, =днѣв); „и доидеть

¹⁾ См. стр. 382.

дновъ (=дньовъ) тысячу христа тридцать и пять“ (XII, 12). Въ переводѣ Притчъ: „Не давай жонкамъ силы свои“ (XXXI, 3) Въ Эсеири: „учинила пиръ жонкамъ“ (I, 9), „выидеть слово царичино на вси жонкы — мѣти ни за што мужов своихъ“ (I, 17). Имѣются здѣсь и многіе другіе примѣры такого же рода. Несомнѣнно, что они въ значительной степени соответствовали подлинному живому выговору сѣверной Кіевщины XV в., гдѣ въ произношеніи дифтонга, происшедшаго изъ ѳ, очень долго слышался ѳновый элементъ (т. е. долго слышался выговоръ ѳо, юо); но съ другой стороны часть такихъ о могла быть въ это время для Кіевщины (по крайней мѣрѣ, для рѣчи городской) ужъ не болѣе какъ традиционными архаизмомъ, потому-что изъ другихъ мѣстъ жидовствующихъ книгъ XV в. мы видимъ въ Кіевѣ XV в. уже монофтонгическое ижевое произношеніе ¹⁾, или, по меньшей мѣрѣ, произношеніе юй (съ удареніемъ на и).

Вѣроятно, въ значительной степени лишь условною мр.-арханчюной традиціей (да и вліяніемъ, также, искусственно составленнаго актово-официальнаго т. н. литовско-русскаго языка) нужно объяснять наиправіе буквы о (въ соответствіе рефлексу долготнаго ѳ—вм. церковно-книжной буквы є) въ мр. памятникахъ XVI в., потому что есть масса указаній, что ѳ въ это время звучало ужъ на ижевой ладѣ. Напамятникахъ XVI вѣка мы потому долго и останавливаться не будемъ. Для примѣра отмѣтимъ развѣ, что, положимъ, въ волинскомъ Пересопницкомъ Ев—іи 1561 г., въ которомъ даже твердое ѳ рефлектируется ужъ черезъ букву и ²⁾, можно бываетъ найти воспроизведеніе рефлекса удлиненаго ѳ все еще черезъ букву о, именно во флексіяхъ склоненій: „за л[ь]н о в ѣ Грода, ца[р]я Іудейскаго“ (25;=дньов, книжн. „днєвъ“), „І[с]у[с] учить уч[е]ники свои м[о]я[и]тѣ ѳ общо ѳ“ (49, книж. „общєй“).—То же окончаніе род. мн. овъ или і овъ вм. євъ) ³⁾ можно бываетъ отмѣтить не разъ и въ книгахъ актовыхъ XVI в. ⁴⁾.

¹⁾ И это—даже въ рефлексѣ твердаго ѳ. Срв. въ Псалтири Теодора Жидовина: сподилни и (=сподольный, дольний; псал. 48) или въ книгѣ Даниїла: пѣсны (I; 10,=постыны). См. ниже, стр. 203.

²⁾ См. у насъ стр. 183. Пользуемся изд. П. И Житоцкаго.

³⁾ Срв. то, что отмѣчено на стр. 163 и 165-ой о твердомъ окончаніи овъ въ памятникахъ, писанныхъ латиницей.

⁴⁾ Укажемъ первые попавшіеся примѣры изъ волинскихъ книгъ вгородскихъ. Во Владимірь-Волинской книгѣ вгородской 1567 г. (№ 934, л. 183—Ант. и Козл. № 55, стр. 135): „вызнане его взята печати, скрынки, к люч о в ѣ... въ книги замку записано было“.— Въ вгородской книгѣ Луцкой 1583 г. (изд. Ивашишевъ въ „Русск.

б) Воспроизведение, въ рукописяхъ, рефлекса долготнаго (мягкаго) *ѵ* и *ѥ* черезъ букву ю (а послѣ шипящихъ - черезъ букву у).

Значительное количество старорукописныхъ примѣровъ на воспроизведение *ѵ* и *ѥ* (*ѵѵ*) черезъ букву ю вмѣсто орфографической буквы *ѥ* было ужъ нами приведено попутнымъ образомъ на стр. 150—169, въ томъ отдѣлѣ, гдѣ мы говорили о судьбѣ долготнаго *о* твердаго, и гдѣ, посредствомъ выписокъ, мы показывали, что въ рукописяхъ XIV вѣка рефлексъ долготнаго *ѵ* воспроизводится черезъ букву *Ѹ*, *оу*. И вотъ тамъ, приводя уковныя начертанія (въ смыслѣ *ѵ*), мы параллельно привели, также, много начертаній съ буквою ю вмѣсто ожидаемой буквы *ѥ* (въ смыслѣ *ѵ*, *ѵѵ*, *ѥѵ*). Дѣлать тѣ выписки параллельно мы, просто таки, должны были, потому что и на самомъ дѣлѣ очень трудно—разсматривать судьбу удлинившагося мягкаго *ѵ* (или удлинившагося *ѥ*) какъ нѣчто отдѣльное отъ судьбы удлинившагося твердаго *о*: очень вѣдь ужъ сходны въ развитіи своихъ звуковыхъ свойствъ рефлексы *ѵ* и *ѵѵ*,—развиваются они у малоруссовъ вполне параллельнымъ путемъ и чрезвычайно соответственнымъ образомъ.

И хронологически буква ю (вм. *ѥ*, въ смыслѣ *ѵ*, *ѵѵ*, *ѵѵѵ*) констатируется по рукописямъ параллельно и одновременно съ буквою *Ѹ* (*оу*) вмѣсто твердаго *о* (= *ѵ*). Вполнѣ достовѣрное употребленіе буквы ю въ качествѣ рефлекса *ѵѵ*, *ѥѵ* начинается только съ XIV в., именно въ грамотахъ,—т.-е. совсѣмъ такъ же, какъ и употребленіе буквы *Ѹ* въ смыслѣ *ѵ*¹⁾.

Бесѣдѣ⁴ 1857. III, 36—л. 76): „забравши людей добрых... а сходата іовъ суграничныхъ зо воихъ селъ тыхъ“.

¹⁾ На стр. 150-ой пропущена типографіею сноска, которая содержала въ себѣ нѣсколько примѣровъ на написаніе буквы у вм. ожидаемаго *о* въ памятникахъ болѣе раннихъ, чѣмъ XIV в.; но только тѣ примѣры—все равно недостовѣрны. Такъ, въ киевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г. мы имѣемъ: „впрудиме“ (л. 264 об., = *ипподрумюв*), и „Гдуньскааго“ (л. 246 об., = *хидѣшюс*), но это у, вѣрно, заимствовано изъ вулг. греческаго языка (см. стр. 499—500) и не есть *ѵ*. Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. есть начертанія болѣе похожія на долготныя,—именно: „кукуль“ (л. 192 д., = *куколь*) и особенно „мущънъ“ (л. 322 с., = *мѵжльнъ*, *мѵжчънъ*, т.-е. упитанный; срв. у Беринды: „мождаанъ — утученъ, сытъ“ и соврем.-мр. „розмѣччя“ „розмѣччяти“). Б. м., это „мущънъ“ и есть старѣйшій зап.-мр. примѣръ на долготное *ѵ*; но этого ужъ никакъ нельзя сказать про „отумъщеніе“ (л. 372 а; л. 359 а) въ тѣхъ же Словахъ XI в. (См. у насъ стр. 173; срв. еще въ стѣв.-мр. Чудовскомъ

Желательно, чтобы читатель вновь пересмотрѣлъ стр. 150—169 (о ходѣ развитія рефлексовъ твердаго ѳ), послѣ чего для него приобрѣтутъ большій интересъ специальные собранные здѣсь ниже примѣры на ю=ѳ и ѳѳ (изъ ѳ). Ихъ мы приведемъ, начиная съ грамотъ XIV вѣка ¹⁾, причемъ начнемъ съ одной, поддѣльной, происходящей однако якобы еще изъ XIII вѣка.

Сборникъ XIV в. № 20: „обуйметъ“ л. 143 d, и въ киево-Печерск. Ев—ія 1370 г.: „обусмлютъ“ л. 30 об.).—Въ черниговской Румяновской Дѣйствицѣ XII в. № 198 одно запутанное начертаніе, можетъ быть, дозвоительно читать „луй“ (л. 168, = ѳѳ?), но, можетъ быть, надо признать и совсѣмъ другое чтеніе (см. ниже, стр. 424).—Гораздо надежнѣе высматривало бы начертаніе Галицкаго Ев—ія 1266—1301 г.: „не возмужно“ (л. 87 об.; срв. совр.-мр. близкое по составу прилагательное, звучащее не только „замѳжвий“=зажиточный, но и „замѳжний“, что явно восходитъ къ „замѳжный“),—если бы была исключена возможность сомнѣваться въ томъ, что писецъ, начертывая здѣсь букву у, не думалъ въ тотъ моментъ о глаголѣ „мужатися“ или „возмужати“; кромѣ того, есть основаніе полагать, что онъ произносилъ это слово съ удареніемъ на первомъ слогѣ, на предлогѣ воз (т.е. „вѳзможно“),—ну, а въ такомъ случаѣ буква у (неударная) въ „вѳзможно“ могла бы явиться у него воспроизведеніемъ вовсе не ѳ, а простого недолготнаго звука о, лишеннаго ударности (см. стр. 455 и слѣд.).—Въ киевской лѣтописи подъ 1184 г. имѣется по Ипатскому списку: „похупса“ (стр. 428; по другимъ спискамъ „похопса“; срв. совр.-мр. *хип¹!, „пох¹пнп¹“=спѣшнп¹); но вѣдь это—копія нач. XV в. а не оригиналъ XII в.; вѣроятно, это у появилось подъ перомъ волынскаго переписчика XIII—XIV в.

¹⁾ При случаѣ замѣтимъ, что въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ буква ю могла иногда оказываться написанной виѣсто йотованнаго іѳ безъ всякихъ живыхъ діалектическихъ вліяній,—просто путемъ механическаго расплыва чернила подъ перомъ писца. Могла она также обозначать собою иногда простой, вовсе недолготный звукъ јѳ, особенно же неударный. Обо всемъ этомъ см. мои „Критеріи“, стр. 12—27. Къ тѣмъ примѣрамъ изъ памятникѳвъ, которые приведены въ „Критеріахъ“, можно добавить выписки изъ червонорусскихъ Словъ Григорія Богослова XI в.: „зв а м е н и ю“ (л. 114 а, =им. пад. τεχμηρίον), „отъ шь ств и ю“ (л. 197 с, = вин. пад., τήν ἐχθρμίτην) и др. Далѣе — изъ Успенскаго Сборника XII в. (майской Четьи-Мяени съ произведеніями Киево-Печерской Лавры). Тамъ, въ Словѣ Іоанпа эксарха Болгарскаго есть (на л. 263): „Трь[ва]тїю хвалу в ѳ спуща ю т ѳ херувимъ Б[о]гу“ (=вѳспущаѳтъ); въ житіи Θεодосіа Печерскаго: „Пр[е]п[о]д[о]бныи же Θεодосіи глаголютъ поспланому“ (л. 58 а; эта буква ю тутъ же передѣлана писцомъ въ іѳ);

Именно, въ т. н. грамотѣ 1292 г. Льва Галицкаго, пожалованной галицкому Спасскому монастырю ¹⁾, написано: „даемъ владыце епископу Ефимію и по н ю м ъ будущимъ епископомъ, кому Богъ дастъ правити“ (=по н ъ м, т. е. послѣ него). Грамота эта поддѣлана ужъ позже XIII в. (не позже впрочемъ первой половины XV в., когда ее ужъ и официально подтвердило польское правительство).—Переходимъ къ подлиннымъ памятникамъ:

Въ галицкой купчей 1359 г. изъ Перемышльщяны (=Голов. № 2, стр. 5—6; Акта gr. VIII, 5): „купилъ панъ Петрашъ дѣдицтво панъвъ Радивонъковоѣ, дѣднину, ес п вотину, што по н ю ѿ отецъ далъ“ (=по н ѡ ѿ). Въ этой же грамотѣ имѣется начертаніе „шистъ“ (=шесть) съ буквою и, уже на современный мр. ладь („шість“); это—потому, что звукъ і въ „шість“ пронзосель изъ быстрѣе развивавшагося дифтонга іа, іе (восходящаго къ ä), а не изъ дифтонга юо, юи (восходящаго къ ö).

Тотъ же писецъ (Болестрашицкій поповичъ Кость), который писалъ предыдущую купчую, написалъ и другую—купчую бр. Шульжичей 1366 г. (=Голов. № 3, стр. 6—7, Акта VIII, 7—8), гдѣ есть: „Купилъ панъ Радзѡвский дѣдицтво Пнеколътъ у Шульжичювъ“ (т. е. у Шульжичей; соврем.-мр. „у Шульжичѣвъ“ изъ „Шульжичѡвъ“); „а писалъ Василювъ синъ поповъ Кость, пружвищемъ Сорочичъ“ (=Васильѡв, книжн. „Василѣвъ“, „Васильѣвъ“).

Перу этого же Болестрашицкаго поповича принадлежитъ жалованная грамота 1378 г. кн. Володислава на землю Ладомиру Волошину (=Палеогр. си. № 16): „А дана

срв., наоборотъ, букву іе вмѣсто ю въ Явленіи Честнаго Креста: „Силы н[е]б[е]снныя хвалы въсылаієтъ Владычѣ“ (л. 88 в; мы ждали бы: „въсылають“). Въ Житіи Феодосія Печерскаго: „Дѣти отлучению (вм. „отлучениє“) и сель опечалуетъ мя“ (л. 58 д). Подобную же описку мы видимъ и въ одномъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ: „Тогда враи не граахуть, сорокы не трескоташа, полозию ползоша только“ (вм. „полозиє“, т. е. полозы, змѣи-удавы). Къ этой же категоріи начертаній съ недолготнымъ ю относится и „Семьюна“ въ Ипатской лѣтсписи подъ 1168 г.: „Взовата ми Семьюна попа, ать створить молитву“ (стр. 364; въ Хлѣбник. спискѣ „Семіона“).

¹⁾ Хрестом. Головацкаго, стр. 316.

²⁾ О происхожденіи основной, еще не долготной формы „по н ѡ ѿ“ см. стр. 200.

есть грамота у Бохури, по Б[о]жь ю м ъ нарожьнѣтъ тысячу лѣтъ и 300 лѣтъ и сѣмьдесятъ ¹⁾ лѣтъ и осмое лѣтъ[о]“. — Онъ же въ томъ самомъ 1378 году написалъ купчую на Перемышльскій Калениковъ монастырь (=Палеогр. сн. № 24), гдѣ тоже фигурируетъ начертаніе: „по Б[о]жь ю м ъ нарожьнѣтъ“ и гдѣ указано, что „пить мо[го]ричь за полъ гривны грошю въ“ ²⁾. — Повидимому, все онъ же, поповичъ Кость, выступаетъ уже въ качествѣ судьи въ перемышльской купчей воеводы Фебруна 1391 г. (=Палеогр. сн. № 26), гдѣ тоже написано: „по Б[о]жь ю м ъ нарожьнѣтъ“.

Въ позднемъ спискѣ подтвердительной Судомирской грамоты 1361 г. короля Казимира Ходку Быбельскому на имѣнія въ Перемышльщинѣ (=Голов. № 32, стр. 21): „печатъ привѣсили королю вѣства нашего“, „[свѣдожь —] маршалокъ королю въ“. Навѣрное, это ю было въ подлинномъ оригиналѣ XIV в. (потому что въ устахъ позднего переписчика долженъ былъ слышаться въ этихъ словахъ уже чистый монофтонгъ ѣ).

Въ полоцкой жалованной грамотѣ Витовта 1383 г. Василю Карачовскому на имѣнія въ Подоліи (=Палеогр. сн. № 17) отмѣчено имя подольской мѣстности: „з лѣсом, што зовут Стрыю в рог“.

Въ галицкомъ судномъ листѣ старосты Гнѣвоша 1393 г. о селѣ пановъ Быбельскихъ „у Теребовльскихъ ³⁾ волости“ (=Палеогр. сн. № 27): „А писанъ листъ у Вышни, по Б[о]жь ю м ъ нарожьнѣтъ 1000 лѣтъ и 300 лѣтъ и 90 лѣтъ и 3 лѣтъ“. Тутъ же „шистъ“ (восходящее къ „шѣсть“) — съ буквою и: „шистъ кобыль и[с] стада“.

Въ буковинской господарской присягѣ 1395 г. воеводы Стефана королю Ягайлу (=Улян. 9): „господари кролю вѣства коруны Польскои“. (Здѣсь же — „во всѣмъ“, =во всѣм).

1) Въ этомъ словѣ живая рѣчь писца 1378 года имѣла, пожалуй, уже монофтонгъ *i*, потому что въ словѣ „сѣмь“ основной звукъ *ε* былъ не *ö*, но *ä*, и слѣдовательно онъ обратился послѣ паденія конечнаго глухого *ь* не въ дифтонгъ *юо*, но въ дифтонгъ *iä*, *ie*, могшій въ концѣ XIV в. стягиваться уже просто въ *i*.

2) Есть еще здѣсь начертаніе имени „Нестюръ“ (=Нестерь); но кажется, что этою буквою *ю* воспроизведено вовсе не долготное *ьö*, а простое обыкновенное неударное *ьo*, т. е. что писецъ 1378 г. выговаривалъ близко къ „Нестёр“, а не „Нестюр“.

3) Объ этомъ *и* см. стр. 172.

Въ коломыйскомъ вексельномъ удостовѣреніи галицкаго старосты Бен[ь]ка 1398 г. (= Палеогр. сп. № 26): „Свѣдѣю, иже панъ Гервась вѣноваль и оправиль свои жепѣ Варварѣ сто гривенъ на своимъ селѣ на Толъмачи и Жюрковѣ, на свою и вотиннѣ“¹⁾.

Въ грамотѣ 1407 г. (= Акта г. II, 59): у нашюмъ дворѣ“.

Въ купчемъ удостовѣреніи перемышляскаго епископа Или 1422 г., писанномъ въ селѣ Вѣлче (= Wilcze; = Голов. № 34, стр. 38): „Продалъ Околь дворице Кондратови... на вѣки, дѣтемъ его и потомкомъ его, по нѣмъ будучимъ“.

Въ подтвердительной жалованной грамотѣ кievскаго кн. Семена Олельковича 1459 г. своему слугѣ Шашку, выданной въ Прилукѣ за Днѣпромъ²⁾: „его при всю и отчизнѣ и дидизнѣ его zostавую“, „при чомъ... его самого, жону, дети и исчадки при томъ всюмъ zostавую“.

Въ буковинской господарской присягѣ 1462 г. королю Казимиру отъ воеводы Стефана (= Улян. 100—101); „памяти пановъ-королю въ Полскихъ“.—Въ другомъ своемъ обязательствѣ 1462 г. (= Улян. 102) воевода обѣщаетъ королю не отпускать татарскихъ плѣнниковъ, „тыхъ-то Сад-Ахматовичювъ“; а въ случаѣ неисполненія обязательства—„нашъ король, его милость, не имаеть намъ ни въ чюмъ виненъ быти и можетъ намъ своихъ записувъ не держати“.

Изъ XVI вѣка и слѣд.

Изъ числа памятниковъ XVI в., гдѣ все еще часто рефлексъ ъо воспроизводится черезъ букву ю (хотя въ большемъ ходу ужъ было и современное монофтонгическое произношеніе рефлекса ъо за і), сдѣлаемъ выписки изъ двухъ довольно простонародныхъ волынскихъ евангелій. Именно, отмѣтимъ:

Въ Пересопницкомъ Ев—іи 1561 г. (изд. Жит.): „ч[е]л[овѣ]къ нѣкотори былъ господарны[и], котрымъ-то удѣлялъ виног[рад] и оц[а] юль (= ошль; ъ=ъ) его плотомъ“ (16);—„а ни на томъ свѣѣ, ани на будущумъ“ (16);—„И

¹⁾ Имѣется въ грамотѣ Бенька 1398 г. буква ю еще въ страд. причастіи: „листъ, перед кымъ будетъ чтю нъ“ (см. кнжн. „чтѣвъ“). Но кажется, что здѣсь подъ буквою ю скрывается не долготное ъо, а простое ъо, звучащее донинѣ въ такихъ же формахъ страд. прич. сѣв.-мр. арханчныхъ говоромъ.

²⁾ Неточно изд. у Антон. и Козл. № 9, стр. 19—20.

послали к нему нѣкоторыхъ з ф а р и с е у в ъ (=фарисейѳв)..., абы его вловили в мовѣ“ (17);—„и ню с л ѣ [Иус] кр(е)стѣ свои“ (21); — „и пропяли его, а с ним и иншихъ два, по ской и по туй сторонѣ“ (21);—„Але Марѳа рекла: Г(оспод)и!.. сестра моя мене самую тобѣ послуговати оставила,—речи ж ю ѳ, абы ми помогла“ (49); — „Ѳдинь накъ с тыхъ обѣщанныхъ з л о д ѣ ю в ѣ ругаючися ему мовиль“ (75). Кромѣ того срв. едва ли долготное ю въ „прозрѣль и уздоровлювь есть“ (18), „а и Д[у]хомъ с[вя]тымъ будетъ напльнюн еще не чрѣва м[а]тере своя“ (26).—Какъ извѣстно (см. стр. 183), изъ этого же Пересошницкаго Ев—ія видна возможность тогдашняго монофтонгическаго ижеваго произношенія (за і),— даже въ рефлексѣ ѳ твердаго.

Въ Почаевскомъ Учительномъ Ев—іи XVI в. (см. стр. 157): „на нюмъ“, „на сюмъ“ (л. 268), „своюмъ“ (л. 5 об.), „привюмъ“ (л. 101 об., л. 112), „възнюс“ (л. 256 об.) и др.

Въ печатныхъ схоластическихъ мр. изданіяхъ XVII в. тоже не разъ прокрадывалась буква ю (вм. ожидаемой церковной буквы є), показывая своимъ напечатаніемъ, что даже въ XVII в. не у всѣхъ еще малоруссовъ дифтонгъ юи переработался въ і. Въ своемъ мѣстѣ выше, параллельно съ у=ѳ, мы ужъ и приводили соответственные примѣры на букву ю=ѳ изъ разныхъ печатныхъ книгъ XVII в., напр. изъ острожскаго Ламента 1603 г. (см. стр. 161), изъ львовскаго Ламента 1615 г. (=стр. 161), изъ львовскихъ виршей П. Берынды 1616 г. (=стр. 151.), изъ его же кievскаго Лексикона 1627 г. (=стр. 162), изъ кievскихъ виршей К. Саковича 1622 г. (=стр. 163)¹⁾, изъ произведеній Травкивиліона (стр. 163—164), изъ священническихъ приисокъ (л. б., переяславскихъ) ок. 1669 г. къ книгѣ Гизіела (=стр. 168), изъ произведеній кievскаго проповѣдника І. Галятовскаго (=стр. 168).—Приведены были нами также (стр. 162) два начертанія изъ печатныхъ же, но лишь польскими буквами галицкихъ комичныхъ и н т е р л ю д і й Я. К. Г а в а т т а (Львовъ 1619): „осіикі“ и „липки“.—Кромѣ того очень интересны начертанія съ ю констатированы

¹⁾ Впрочемъ приведемъ здѣсь выписки изъ виршей Саковича въ полномъ контекстѣ: „Северусъ-императоръ за живота казаль || Собѣ трунну зробити: и въ нюй ся укладаць“ (л. 12), „И завше онъ дѣлностю своею в то трафляць, || Якъ бы,—безъ шкоды своихъ,— не пріятелювъ досталь“ (л. 21). — Замѣтимъ, что на стр. 163 въ выпискахъ у = ѳ мы печально пропустили у Саковича: „хуть тратить до еденья“ (л. 36; срв. соврем. „він тратить хіть до їдення, до їжі“).

были нами (стр. 166—167) въ податныхъ переписныхъ книгахъ Полтавщины 1666 г., составленныхъ приказными-великоруссами.

в) Съ какого времени рефлексъ долготнаго *ѳ* (*ѳѳ*, *ѳѳ*) сталъ звучать у малоруссовъ, какъ монофтонгъ *і*?

Мы до сихъ поръ могли ужъ не разъ убѣдиться, что судьба удлинившагося мягкаго *ѳ* (*ѳѳ*, *ѳѳ*) пошла въ своемъ развитіи вполне параллельнымъ ходомъ съ судьбою удлинившагося твердаго *о* (*ѳ*). Отсюда самъ собою слѣдуетъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ заглавіи. Ясно вѣдь, что когда вмѣсто твердаго дифтонга *ѳѳ*, *ѳѳ* стало слышаться у малоруссовъ просто односложное *і*, тогда же и подавно долженъ былъ у нихъ вмѣсто дифтонговъ *ѳѳ*, *ѳѳ* и мягкихъ послышаться просто монофтонгъ *і* мягкой; стяженіе мягкаго *ѳѳ* въ *і* могло происходить, пожалуй, даже чуть-чуть пораньше эпохи стяженія твердаго *ѳѳ* въ *і*, а ужъ во всякомъ случаѣ не позже ¹⁾. А мы-то ужъ знаемъ (стр. 175), что указанія на совершившуюся (въ извѣстныхъ случаяхъ) переработку рефлекса твердаго *ѳѳ* въ звукъ *і* письменно доходятъ къ намъ начиная съ XV вѣка²⁾. Эти письменныя указанія XV в. имѣются и изъ Буковины, и изъ Галичины, и изъ Кіева. Въ буковинской дарственной грамотѣ 1436 г. на имѣнія въ Кишиневщинѣ есть: „где... и наитъ и лѣ“ (=отгѳля, чит. „відкіля“; см. стр. 175—176). Въ галицкой размежевочной Зудечевской грамотѣ ок. 1421 г. кв. Оедора Любартовича (=Голов. № 40, стр. 45) соляная копъ, или соляная яма (по теперешнему выговору „сілка“, изъ „сѳлка“) названа „сѳлка“ (иначе — „вокто солное“) ³⁾. Въ жидовствующихъ памятникахъ конца XV в., обрисовывающихъ передъ нами город-

¹⁾ Съ физиологически-произносительной стороны стяженіе мягкаго *ѳѳ* отъ *ѳѳ* въ *і* въ мягкой же звукъ *і* представляется болѣе легкимъ, чѣмъ стяженіе твердаго звуко сочетанія *ѳѳ*, *ѳѳ* въ *і* мягкой звукъ *і*. Легче вѣдь перейти, напр., отъ „ѳѳ“ къ „ѳѳ“, чѣмъ отъ „ѳѳ“ къ „ѳѳ“.

²⁾ — если не считать въ гал.-вол. лѣтописи подъ 1291 г. начертанія: „самоотрѳлы кол о вор и т н и ѳ“ (=коловорѳтънѳѳ), въ Ипат. сп. (стр. 615).

³⁾ Вотъ контекстъ Зудечевской грамоты ок. 1421 г.: „Дорога идеть... поперекъ лѣса Черного къ сѳ л ц ѳ. Звыше тыхъ врочищ лѣсъ и поле и дубровы—тѳ есть Дѳдошницкое (одной изъ тяжущихся сторонѣ), изниже тыхъ врочищ лѣсъ и балина, вокно солное и поле и дубровы—тѳ есть Балицкое“ (=другой тяжущейся стороны). Букву *ѳ* безусловно нельзя здѣсь читать иначе, какъ монофтонговое *і*.

ской говоръ Кіева ¹⁾, слово, означающее „дольній“ (по-мр. „споділний“ изъ „сподобльвий“ или „въсподблный“) передано въ Псалтыри Феодора Жидовина черезъ „сподилниѣ“ ²⁾; слово означающее „постный, исхудавшій“ (по-мр. „півний“ изъ „постъный“) воспроизводится въ Книгѣ Давіила посредствомъ „пъсныѣ“ ³⁾.— Очевидно, что тогда же и мягкое ъ ђ, ѡ могло произноситься за ѣ⁴⁾. Срв. еще въ записи 1483 г. Луцк. Ев-ія: „Кѣлск“ (л. 153 об., = Кольск?).

Что такое явленіе состоялось (спорадически) еще въ XV в., это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ памятникахъ слѣдующаго, XVI вѣка воспроизведеіе рефлекса ѡђ, ѡ ижевымъ способомъ (при помощи буквъ и, і, иногда ѡ, или при помощи буквы ѣ) ⁵⁾ оказывается очень ужъ обычнымъ.

Изъ XVI в. срв. въ описи Черкаскаго замка 1552 г. (выписки см. у насъ стр. 177): „сторожи въ“ (род. мн.). Въ описи замка Каневскаго 1552 г. (см. стр. 178): „Кашивъ ша“. Въ кievской денежной записи 1571 года кн. К. Острожскаго: „на имену его на Колчывцахъ“

¹⁾ См. о нихъ стр. 381—383, сноски.

²⁾ Именно—въ псалмѣ 48-омъ (=изд. Сперанскаго 12): „Бл[а]гословленъ еси Ты, Г[оспод]ь Б[о]гъ, сотворившій свѣтъ. Кто, верховія и сподилниѣ, можеть обыскати дѣло Твое?“

³⁾ Жидовствующій переводъ Книги Давіила находится въ Виленской рукописи № 262, ужъ и самая бумага которой не позволяетъ отнести ее позже чѣмъ къ 1514 г. и которая, по многимъ даннымъ, писана въ XV в. (см. у В. Перетца — въ кiev. „Унив. Изв.“ 1904, окт., I, стр. 1). Книгу Давіила издалъ И. Евсѣевъ въ москов. „Чтеніяхъ“ 1902, кн. III. Интересующее насъ мѣсто читается такъ: „И рекъ бояривъ Данилу: Боюся я господаря своего царя..., чому видятя лица ваши пьсны“ (гл. I, 10).—Замѣтимъ, что у насъ выше, на стр. 179, эта выписка при сверсткѣ попала ошибочно не на свое мѣсто.

⁴⁾ Осторожность впрочемъ заставляетъ насъ оговориться при этомъ, что и подъ буквою и можеть иногда скрываться все еще не монофтонгъ ѣ, но дифтонгъ юи, только т. н. „восходящій“, съ удареніемъ не на ю, а на и (= юи, юі). Кажется, именно такой дифтонгъ юі или юі ивъемъ мы въ львовской грамотѣ 1412 года старосты Срѣмскаго (изд. у насъ на стр.), писецъ которой сперва написалъ: „по своимъ д[о]чери“, а потомъ исправилъ на „своиѣ“.

⁵⁾ Это послѣднее совершалось конечно, лишь въ тѣхъ мр. мѣстностяхъ, гдѣ въ школахъ учили читать букву ѣ за і, а не на бѣлорусскій или на болгарскій ладъ. Ср. стр. 205ζ.

(=Кольчѣвцях) 1). Въ Хмельнико-Подольской люстраціи 1565 г. (см. стр. 180): „Czilkа“ (=чѣлка). Въ Кременецкой люстраціи 1565 г. (см. стр. 182): „Lichorik“ (=лихонѣкъ). Въ Лудкой описи 1552 г. (см. стр. 182): „kpiaziw“ (род. м.), „napiu“, „swoiu“; въ Пересонницкомъ Ев-иі 1561 г. изъ-подъ Лудка же (см. стр. 183): „мовила о нымъ“, „зо всѣхъ съль“ (=съдл, род. мн.); въ указѣ Сигизмунда-Августа 1548 г. изъ мѣстности, близкой къ Лудку же (см. стр. 183): „во всѣмъ“; въ лудкомъ актѣ 1583 г.: „до всѣхъ съль“ 2).

Еще легче и обильнѣе констатируется ѓ = і въ мр. памятникахъ XVII в. Срв. въ галицкихъ интерлюдіяхъ Як. Гаваттовича (печат. 1619; см. выписки у насъ стр. 183): „piś, lhi, rypis, guki, szco u nym.“ Въ православныхъ протестаціяхъ 1610 г. (= у насъ стр. 184—185): „неотмытыхъ“ (=неотмытыхъ, т. е. неренегатскихъ), „въ ній.“ Въ печатномъ почоевскомъ Зерцалѣ Богословія 1618 г. (= у насъ стр. 185): „звъль“. И т. д., и т. д. Примѣры нами въ достаточномъ количествѣ приведены на стр. 184—190, въ рубрикѣ о твердомъ ѓ=і, причемъ особаго интереса среди нихъ заслуживаютъ великорусскія записи мр. фамилій въ податныхъ книгахъ Полтавины 1666 г. (= у насъ стр. 187—189): „Колисниченко“, „Читка“, „Лемишка“, „Ряши|в|скви“ и пр.

Итакъ, между XIV—XVII в. рефлексъ удлиненнаго мягкаго ѓ (не виднаго въ XI вѣкѣ изъ-подъ церковной буквы є) медленно переработался путемъ дифтонгическихъ стадій въ нынѣшнее і. А не случилось ли это, хотя изрѣдка, еще пораньше XV вѣка?

Едва ли. Имѣются, правда, начертанія XI—XIV вв., какъ будто (но не на самомъ дѣлѣ) указывающія на переходъ ю въ монофтонгическое і, но къ нимъ примѣнимы инныя объясненія (выставленныя уже нами на стр. 172). Во всякомъ случаѣ регистрируемъ ихъ.

Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в.: „къ злѣдѣимъ“ (л. 82 д, дат. множ.) вм. „къ злѣдѣемъ“. Хотя въ нѣкоторыхъ галицкихъ говорахъ дат. мн. и оканчивается на ім (напр. „вовкѣмъ“ изъ „вълкомъ“), но преобладающая часть зап.-мр. говоровъ вовсе

1) Изд. въ кievскомъ „Палеографическомъ Изборникѣ 1899, вып. I, № 15.

2) Именно въ рѣшеніи коннаго суда о поджогѣ 1583 г., внесенномъ въ книгу Лудкую вгородскую того же года (л. 76—79): „Кона послала знову до всѣхъ съль Рожницкихъ людей добрыхъ стороньныхъ“ (изд. П. Иванисевъ въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857, кн. III, стр. 37).

не испытала замѣстительнаго удлиненія въ формѣ дат. множ., а поэтому можно думать, что писецъ Словъ XI в. просто смѣшалъ флексію „-емъ“ съ флексіей „-имъ“ (Срв. въ церк.-слав. Супрасльской рукописи дат. мн. „сѣгрѣшеніимъ“ вм. „сѣгрѣшеніемъ“).—Такой дат. мн. на „-имъ“ вм. „-емъ“ попадаетъ и въ другихъ мр. рукописяхъ XII—XIV в.; между прочимъ часто въ Кіево-Печерскомъ Ев—іи 1370 г.: „къ Иудеимъ“ (л. 6 об., л. 7, л. 9 об., л. 10, л. 13 об., л. 15 об., л. 17 об., л. 50 об.).

Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (майской четвь-минеѣ съ кіево-печерскими произведеніями), въ Несторовомъ житіи Θεодосія Печерскаго при разсказѣ о замышлявшемся нападеніи разбойниковъ на церковь, мы читаемъ: „...и тѣгда [разбойници], вѣшьдѣше въ ц[ѣ]рквь, посмлють всѣя сушая *сз и*. и тако многашды приходяшемы имъ“ и проч. (л. 46 d). Въ рѣчи нынѣшнихъ кіевлянъ старинное „в ѣ ѡ ѣ“ (=въ ней), дѣйствиительно, рефлектируется произношеніемъ „в ѣй“ или „в ѣ“, т. е. именно такъ, какъ написано въ Несторовомъ Житіи Θεодосія ¹⁾;—но не слишкомъ ли рано будетъ предположить такое произношеніе еще для XII вѣка? Вѣрнѣе, что начертаніе: „въ и“ механически написано вмѣсто „въ [не]и“, т. е. съ нечаяннымъ пропускомъ слога „-не-“ ²⁾.

Въ синодальномъ Студійскомъ уставѣ послѣ 1193 г. ³⁾, который или писанъ прямо въ Кіевѣ, или списанъ съ кіевского оригинала: „[Нужно будетъ] ...прочес прѣдложити и о прочимъ устроении мнихомъ..., по чинѣ“ (л. 196 об.). Можно было бы видѣть въ этомъ „о прочимъ“ малорусское „о прочѣимъ“, если бы не существовало церк.-

¹⁾ То, что написано въ Успенской рукописи, можетъ быть прочитано и „въ ѣ“, и „въ ѣй“ въ виду сосѣдства двухъ буквъ *и* рядомъ (...), въ *и.и* тако“...).

²⁾ Прочія написанія Успенскаго Сб. XII в. еще менѣе говорить о переходѣ ѡ въ і, хотя по внѣшности совпадаютъ съ нынѣшнимъ мр. произношеніемъ. Какое-нибудь: „о и сѣ х ѣ ши и смокъвьници“ не есть фонстическое измѣненіе формы: „о и сѣ х ѣ ши и смокъвьници“, потому что форма „о и сѣ х ѣ ши“ (л. 175, въ Словъ Іоанна Дамаскина) есть обыкновеннѣйшая правильная церк.-слав. форма мѣстнаго падежа члена аго причастія, и звукъ *и* произошелъ въ ней совершенно не тѣмъ путемъ, какимъ пропозомель мр. звукъ *і* напр. въ формѣ: „об помершій“ (изъ „помершьѡй“, книжн. „померши“).

³⁾ По описанію Горскаго и Невструева это № 380.

слав. формы: „о прочинь“ (съ двумя и), которая легко сокращается въ „о прочимъ“ (съ однимъ и). Срв. подобную же форму въ словахъ Григ. Богослова XI в.: „въ о б ѣ щ и м ѣ“ (л. 250 с).

Въ южно-Галицкомъ Ев-іи 1283 г. поповича Евсеія: „въ отечествѣи своимъ“ (л. 134), а въ болѣе сѣверномъ Галицкомъ Ев-іи 1266—1301 г.: „въ терпѣни вашимъ“ (л. 93 об.). Здѣсь мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, не съ равнымъ звуковымъ переходомъ ѡ в ѣ, а скорѣе всего — съ этимологическимъ смѣшеніемъ формы мѣстнаго и оруднаго падежей (см. стр. 172), т. е. съ тѣмъ явленіемъ, которое извѣстно и великоруссамъ ¹⁾, и полякамъ (на *poim*, на *twoim*, о *zwoim*); очень можетъ быть, что подобныя начертанія возникали у мр. писцовъ и не безъ польскаго вліянія. Да и на почвѣ мертвой церк.-слав. орфографіи смѣшеніе формъ „своіємъ“ и „своимъ“ оказывалось для зап.-мр. писцовъ особенно легкимъ еще и потому, что въ живой ихъ рѣчи (галичанъ, буковинцевъ и др.) удареніе въ подобныхъ мѣстоименныхъ формахъ падаетъ на первый слогъ (свѣ́-, твѣ́-, мо́-), а не на тотъ слогъ, въ которомъ написана книжная церк.-слав. буква и или іѣ. Въ своей живой рѣчи поповичъ Евсеій превосходно могъ произносить „в сво́юю“ (съ дифтонгомъ), да навѣрное такъ и произносилъ; а когда онъ путалъ мертвыя церк.-слав. начертанія „сво́имъ“ и „своіємъ“ (читая ихъ съ удареніемъ на „сво-“), могъ допускать эту путаницу просто въ силу смѣшенія неударныхъ и и іѣ. — Впрочемъ, какое бы объясненіе мы ни признали наиболѣе правдоподобнымъ, буква и въ начертаніи Евсеіева Ев-ія 1283 г.: „въ отечествѣи своимъ“ не должна считаться достовѣрнымъ указаніемъ на переработку дифтонгического рефлекса мажорусскаго ѡ в монофтонгъ ѣ.

Это же вполне относится и къ аналогичнымъ начертаніямъ въ буковинскомъ Путенскомъ Ев-іи XIV в.

¹⁾ Какъ разъ такое самое начертаніе „въ отьцствѣи своимъ“ (л. 65 об.) отмѣчено г. Соболевскимъ въ новгородскомъ Ев-іи XIV в. Румянц. музея, которое онъ цитируетъ какъ № 434 („Лекція“, 1903, стр. 201); привожу эту цитату безъ провѣрки (Подъ № 434 въ Румянц. музеѣ разумѣютъ Торжественникъ XVI в., описанный Востоковымъ на стр. 664—681). Срв. еще процитированное тамъ же изъ бѣлорусскаго Мстижскаго Ев-ія XIV в.: „по встанѣи момъ“.

„о словеси моимъ“ (26), „у дому своимъ“ (27, 92), „во очеси твоимъ“ (57), „на селѣ своимъ“ (222).

Въ сѣверно-мр. монастырскомъ (вѣроятно, киево-Печерскомъ) Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20 1): „на утѣху д[у]ши моиѣ (л. 153 d) можетъ быть подвергнуто тому же объясненію 2).

То же объясненіе (+ сильное польское вліяніе) примѣнимо и къ львовской грамотѣ 1412 г. старосты Срѣмскаго изд. у насъ на стр. „пани Ядвига Хмелевая уздала пол села Сулимова Войтковн по сво и й д[о]чери по Алжбѣтѣ“, хотя (см. стр. 203с) есть основаніе думать, что писецъ выговаривалъ отмѣченное слово за „своимъ“.

По вышензложеннымъ причинамъ не можемъ мы съ увѣренностью опираться и на буковинскую жалованную грамоту 1436 г. воеводы Ильи (=Улян. 54) съ ея ижевымъ начертаніемъ: „а по нашимъ животѣ кто будетъ г[о]сп[о]д[а]рѣ нашей земли“, несмотря на то, что изъ другихъ грамотъ того же воеводы Ильи (и того же 1436 года) мы можемъ извлечь вполне характерныя ижевыя начертанія для рефлекса даже твердаго ѡ.

Въ періодъ написанія послѣдней грамоты, т.-е. въ XV в., дифтонгическое юи (изъ йѡ, йѣ) успѣло уже въ живой рѣчи малоруссовъ стянуться, тамъ и сямъ, въ монофтонгическій звукъ ї или, по крайней мѣрѣ, звучать какъ юї, съ удареніемъ на ижевомъ элементѣ своего состава. Въ періодъ воячества монофтонгизмъ всюду возобладалъ, и теперь мы вмѣсто стариннаго удлинившагося звука ѡ (скрывавшагося въ рукописяхъ XI—XII вѣка подъ книжною

1) Описанъ и отчасти изданъ въ посмертныхъ „Библиографическихъ Матеріалахъ“ А. Попова (моск. „Чтенія“ 1889, кн. III).

2) Кромѣ того есть въ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. такія ижевыя начертанія, которыя, хоть и похожи на малорусскіе рефлексы долготнаго ѡѡ, но вполне могутъ быть объяснены и изъ старѣйшаго языка церк.-славянскаго, т. е. быть возведены къ этимологическому основному и. Напр. „в сущимъ ту притворѣ ковачьстѣмъ“ (л. 36 b), „велици (= велицѣ) мочи бы в ш і и“ (л. 38 d; дат. самост., = въ большой ливень), „на рудѣ тои, бивши мя“ (л. 93 b) „о новоявлѣшимся младенци“ (л. 145 c) и др. См. объясненіе на стр. 203d, сноска. Такія формы подыскать можно въ любомъ церковномъ памятникѣ.

буквою є) всюду слышимъ і,—напр. «тѣтка», «на своѣмъ»; и только архаичные сѣверные говоры продолжаютъ хранить старинное произношеніе «тѣотка», «тѣитка», «на своѣомъ», «на своѣимъ», и т. п.,—произношеніе, бывшее прежде общемалорусскимъ.

Обязательство лужскаго епископа Іоанна 1398 г. королю Ягайлу—заплатить деньги за поставленіе свое въ галицкіе митрополиты.
Хранится въ Румянц. музеѣ, № 68, 1.

А се азъ, вл[а]д[ы]ка Иванъ из Луцка, знаемо чиню всѣмъ, аже дал ми г[о]с[у]д[а]рь мой, великий король, митрополью Галицкую. Хочет ми помочи на поставленіе митрополитомъ. А коли, Б[ог]ъ дастъ, стану митрополитомъ, я за то слобую и хочу дати, еже Б[ог]ъ дастъ, моему милому г[о]с[у]д[а]рю-королю двѣстѣ гривенъ русскихъ а тридцать коней, безъ хитрости. И того не хочу иступити, и на то есмь свои листъ далъ и печать привѣсилъ. В Опатовѣ ¹⁾, предъ Громницами ²⁾, у лѣта нароженья С[ы]на Б[о]жья тысяч и три ста девяносто осмого лѣта.

¹⁾ Въ нынѣшней Радомской губерніи.

²⁾ т. е., вѣроятно, ваканунъ „громового съвята“ (8-го іюля, св. Прокопія, или 20-го іюля—св. Ильи.

§ 21. Судьба звука ѣ.

Въ противность тѣмъ многочисленнымъ и разнообразнымъ переѣнамъ, которымъ подвергся у малоруссовъ звукъ є, звукъ ѣ въ нынѣшнемъ произношеніи Кіевщины съ Черниговщиной отошелъ отъ произношенія XI вѣка лишь очень и очень немного.

Его нынѣшнее произношеніе.

У русскихъ, какъ извѣстно, звукъ ѣ отождествился со звукомъ є (русскія буквы ѣ и е читаются одинаково). У насъ же, малоруссовъ, въ соответствующихъ ятию случаяхъ имѣется донныѣ особое произношеніе: слышится звукъ і, вполне мягкій и почти всюду, кромѣ архаичныхъ говоровъ, монсфтонгическій. Тамъ, гдѣ по-русски пишется «рѣчка» (что выговаривается: «речка»), тамъ у подавляющаго большинства малоруссовъ (кромѣ архаичныхъ полѣшуконъ и горцевъ) звучитъ рѣчка; гдѣ по-русски пишется «на стѣнѣ» (выгов. «на стене»), тамъ у малоруссовъ слышенъ почти вездѣ (кромѣ архаичныхъ діалектовъ) выговоръ «на стѣнѣ». И т. п. Съ показаніями кіевскихъ Изборникъвъ Святослава 1073 и 1076 года такое малорусское произношеніе совпадаетъ довольно близко: ниже увидимъ, что въ обоихъ кіевскихъ Изборникахъ XI вѣка не разъ вмѣсто буквы ѣ оказывается написана буква и. То же констатируется и въ червонорусскихъ словахъ Григорія Богослова XI в.

Старинное произношеніе звука ѣ.

Слѣдуетъ ли изъ вышесказаннаго выводъ, что стариннѣйшій прамалорусскій выговоръ звука ѣ это и былъ і?

Нѣтъ. Напротивъ: даже для XI вѣка такое предположеніе будетъ далеко не вѣрнымъ. Ни въ какомъ случаѣ не позволительно думать, чтобы буквѣ ѣ соответствовала въ рѣчи киевлянъ и червоноруссовъ XI в. всегда исключительно тотъ односложный мягкій звукъ *i*, который сейчасъ мы слышимъ въ Кіевѣ или во Львовѣ. Даже нынѣшняя малорусская рѣчь нѣкоторыми говорами свидѣтельствуетъ противъ этого. Вотъ донинѣ подъ самымъ Кіевомъ, въ архаичныхъ сѣверныхъ говорахъ, тому звуку, которому въ старыхъ киевскихъ памятникахъ соответствовало начертаніе ѣ, часто соответствуетъ не просто звукъ *i*, но дифтонгъ *ie*, — на примѣръ, вмѣсто общеукраинскаго білий мы часто слышимъ въ архаичныхъ говорахъ біелый. Судя по всѣмъ видимостямъ, именно дифтонгическое произношеніе звука ѣ и должно считаться общепринятымъ киевскимъ произношеніемъ XI вѣка, а ужъ и подавно — произношеніемъ болѣе раннихъ временъ, Владиміра Святого (X вѣка). Филологическія сравнительно-языковѣдныя соображенія ¹⁾ позволяютъ намъ высказать даже болѣе точное утвержденіе: старокіевскій звукъ ѣ X—XI вѣка былъ нисходящимъ дифтонгомъ *iä*, т. е. имѣлъ удареніе на *i* и сопровождался широтою звука *ä* во второй составной части дифтонга.

Дифтонгическій выговоръ звука ѣ приводилъ старинныхъ писцовъ иногда къ тому, что вмѣсто одной буквы ѣ они писали двѣ буквы (иіе, ѣіе и др.). Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. форма повел. н—нія 1-го л. мн. ч. отъ глагола „любомудрити“ (= философствовать) имѣетъ окончаніе „иіемъ“, — срв. „Сице любу мудримъ о Бѣгѣ и о божествыныхъ! Любу и дримъ же, начинаюште отъ нуду же начинати добро“ (л. 6, в; по-гречески здѣсь *φιλοσοφῶμεν*, оба раза; по совр.-мр. это было бы „любомудримъ!“ изъ „любомудрѣмъ!“). И въ другомъ мѣстѣ Слова повел. н—ніе 1 л. мн. ч. вмѣсто ожидаемаго вида „примѣмъ!“ (= совр.-мр. „примѣмъ!“) является съ окончаніемъ,

¹⁾ Я имѣю въ виду главнымъ образомъ акад. Ф. Θ. Фортунатова и основанную имъ научную филологическую школу, а равнымъ образомъ—акад. Θ. Е. Корша.

содержащимъ двѣ гласныя буквы: „Принимѣемъ отъ праваго и прѣчистаго свѣта!“ (л. 135 d; по-гречески λαβόμεθα). Очень при этомъ вѣроятно, что дифтонгъ въ такой глагольной формѣ произносился писцемъ-червонорусомъ (южнѣе червонорусомъ, надо полагать) ужъ на довольно сжуженный ладъ (т.-е. ближе къ соврем. арханчому ie, чѣмъ къ iä), потому-что отъ глагола „бе[з]чѣстїи“ аналогичную (мр.?) форму пов. н-нїя 1-го л. мн. ч. писецъ Слово писалъ просто съ двумя ии: „ни бечѣстїимъ!“ (л. 292 с, = μηδέ ἀτιμάσωμεν) вмѣсто ожидаемаго мр. „бе[з]чѣстїемъ“ (соврем. диалект. зап.-мр. „ані збезчестїи!“); но иногда онъ замѣнялъ въ пов. н-нїи букву ѣ сложною буквою іє: „и чюдїтєся чюдомъ и погыбїєтє!“ (л. 201 b, = χαί ἀφανίσθητε!) ¹⁾. Въ суффиксѣ сравнит. степени буква ѣ замѣняется въ Словахъ Григорїя Богослова XI в. или черезъ ѣе, или черезъ ѣѣ (а въ XI в. буква ь означаетъ слоговой гласный звукъ: „Прїять горєє, да въздасть добръєє“ (л. 374 с), „[звѣрь] отъ большїи и отъ малїишїи, отъ кротїишїи и отъ дївїишїи“ (л. 189 b, вм. „дївїишїи“ = ἀγριωτέρων). Пишутся двѣ гласныхъ буквы вм. ѣ такъ же во флексїяхъ склоненїя: „Нѣ не мѣнѣи (= мѣнѣ) убо судїи и свѣтїишїи“ (л. 222 b, = οὐκ ἔμοιγε κριτῆ καὶ συμβούλῳ); — „въ прѣвъишїи свѣтїишїи вещи“ (л. 326 с, = τῆ πρώτῃ φωτεινῆ φύσει); — „не разумѣвъшемъ въ равѣнїи (= въ равнѣ) невзравѣнанїи“ (л. 304 с, = μη συνείσει τὸ ἐν τῆ ἰσότητι τῆ ἀνισοῦ). Сюда же — пожалуй — относится у писца Слово употребленїе буквъ иє бытъ можетъ вмѣсто нарѣчной флексїи ѣ: „и слова си разумѣемъ чїстѣе и разумнѣе... и веселїе“ (л. 372d; вм. „и веселѣ“? καὶ ἀγαλλιάσει); — „да не пакы зѣлѣ поцвѣтєши и бѣднѣноцѣленїє прїимєши всрашенїє тѣлесї“ (л. 131 d; = „бѣднѣноцѣленѣ“? καὶ δουθεράπευτοῦ ζῆσις τῆν ἀνωμαλίαν τοῦ σώματος) ²⁾.

Въ кїевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г. форма мѣстн. пад. мн. ч. отъ прилагательнаго „апостольскѣ“ вмѣсто обычнаго начертанїя „апостольсѣхъ“ представляеть однажды орфографїю: „а п[о]ст[о]лѣцѣехъ“ (л. 46 об., а).

¹⁾ Бытъ можетъ даже — надо это начертанїе іє понимать здѣсь за двѣ буквы (= і + є), а не за мягкій монофтонгъ е. Срв. ниже выписку изъ Изборника Святослава 1073 г. („гнїєвъ“).

²⁾ — если, конечно, мы не разобъемъ интересующаго насъ начертанїя на два слова: „бѣднѣно + цѣленїє“ (вм. цѣленїя, род. п.). Срв. у насъ выше стр. 201γ, 7 строку сноски. „Веселїе“ б. м. = „веселѣе“?

Можно предположить, что въ этой формѣ множ. числа книжннхъ писецъ спокойно воспроизвелъ дифтонгическій звукъ ѣ двумя буквами ѣе подѣ закоуеннымъ орфографическимъ вліяніемъ соотвѣтствующей формѣ числа единственнаго (гдѣ „апостольсцѣмъ“ и „апостольсцѣмъ“ чередуются) ¹⁾.—Интересна въ Изборникѣ 1073 года еще буква іе въ „гнѣсѣ“ (л. 28 об., а), „гнѣсѣ“ (л. 32 а) и въ производныхъ словахъ этого корня. Очень позволительно думать, что этой буквой іе (состоящей изъ і+е) кїевлянинъ-писецъ Изборника 1073 г. усиленно выразилъ въ данныхъ случаяхъ (безсознательно, конечно) не мягкій монофтонгъ е, но именно дифтонгъ іѣ.

Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (майской четвѣрминаеѣ съ кїево-печерскими произведеніями), въ Несторовѣ житїи Θεодосїа Печерскаго: „Бѣ въ монастырѣ чьрноризьцѣ, именьмъ Дампанѣ, иже рьвьниіе (=ръвьнѣ, т.-е. ревностно) подражаашааше житїю и смѣренїю преп[о]д[о]б[ъ]нааго Θεодосїа“ (л. 45 д).

Въ южно-Галицкомъ Ев—ін 1283 г. поповича Евсевїа буква ѣ въ словѣ „нѣсмѣ“ замѣнена начертанїемъ иіе: „Грядеть же крѣплии мене, ему же иіе смѣ достоинъ отрѣшїти ремѣнь сапогу его; тѣ вы и кр[е]с[т]ить д[у]х[ъ]мъ с[в]я[т]и[ц]мъ“ (л. 126 об., в).—Срв. у того же поповича Евсевїа этотъ же евангельскїй текстъ двумя листами раньше: „ему же нѣ смѣ достоинъ раздрѣшїти ремень“ (л. 124 об., в) и „ему же нѣ смѣ достоинъ понести сапога его“ (л. 124 об., а).

Тѣ явленїя, которыя происходятъ съ нынѣшнимъ сѣверно-кїевскимъ дифтонгомъ іе, происходили и съ дифтонгомъ іѣ въ рѣчи кїевлянъ XI вѣка (какъ и прочїихъ малорусскихъ предковъ). Укажемъ эти явленїя.

Возможность старокїевскаго стяженїа XI в. дифтонга іѣ въ монофтонгъ е.

Въ извѣстныхъ положенїяхъ дифтонгъ іѣ (какъ это бываетъ и въ современной сѣверно-малорусской арханной рѣчи) обращался у кїевлянъ XI вѣка въ мягкое е. Случаи такого произношенїа отражаются въ кїевскихъ Изборникахъ 1073 и 1076 гг. написанїемъ буквы е вмѣсто буквы ѣ.

¹⁾ Нечего и говорить, что этотъ примѣръ, взятый изъ кїевскаго Изборника 1073 г., менѣе типиченъ, чѣмъ предыдущїе примѣры, приведенные нами изъ Словъ Григорїа Богослова XI в.

Въ Изборникѣ 1073 года извѣстны слѣдующія начертанія: «песть» (л. 6 об., в), «верую» (л. 21 об., а), «въ Ефесе» (л. 23 об., в), «по томъ же Персе» (л. 162 об., в), «о единомъ господине» (л. 30 об., а), «Коринѣе» (л. 188 а), «вы Иерусалиме» (л. 255 об., а), «Иуде» (дат. пад., л. 38 об., а), «ово бе не рожденое» (л. 16 об., а), «беша» (л. 180 об., а), «аше бы гѣха не въсеялъ» (л. 69 в), руже (дв. ч.; л. 195 об., в). «[е]делю» (л. 248 в) и нѣкоторыя другія, менѣе типичныя. Особо стоятъ: «гниѣвъ» съ производными (л. 28 об., а; л. 31 об., а; л. 32 а; см. выше, стр. 204г) и «многю речю» (л. 239 в)¹⁾.

Въ Изборникѣ 1076 года: «въ темъ прибѣганъ» (л. 14 а); особо стоятъ «телеги» (л. 237 а) и «телесною» (л. 255 а)²⁾.

Быть можетъ, подобный примѣръ и въ старѣйшемъ зап.-мр. памятникѣ—Словахъ Григорія Богослова XI в.: «сиа же въсемъ бѣаху» (л. 70 д; дат. ш.)³⁾; также: «жена и дети» (л. 105 с) и, вѣроятно: «Некакоже не тако разумѣми!» (л. 291д, = *ml̄d̄am̄ōs*, = мр. «нѣкакоже», т. е. никакъ; совр.-мр. «нѣякъ» изъ «цѣякъ»).

Очень возможно, пожалуй, что двое-трое изъ вышеприведенныхъ словъ (существительное «речь» и слова съ основой «телес»), должно быть, и не имѣли въ себѣ у старыхъ кievлянъ XI вѣка звука ѣ, а заключали въ себѣ обыкновенный звукъ е, сохранившійся въ Киевщинѣ въ этихъ же словахъ и до настоящаго времени. Срв. въ современной Киевщинѣ «з якої рѣчи?» (= съ какой стати?), довготелесий (= дылда), Івасик-телесик (= Ванюша-бутузъ, —

¹⁾ Въ словѣ „речю“ буква е можетъ, кажется, восходить не къ ѣ, но къ основному е.—Кстати отмѣтимъ, что въ общезвѣстномъ фотолитографированномъ изданіи Сборника 1073 г. (подправленномъ) оказывается: „многю рѣчию“ (л. 239 в); но рукописное чтеніе „речю“ засвидѣтельствовано изданіемъ Буслаева (= „Историч. Хрест.“, 1861, стр. 270).

²⁾ И въ основѣ „телес“ звукъ е можетъ быть выведенъ тожю не прямо изъ ѣ. Объ этомъ мы сейчасъ скажемъ ниже.

³⁾ Но возможно, что писецъ повялъ это мѣсто, какъ мѣсти. пад. ед. ч. „въ семь“,—и тогда буква е должна подъ его перомъ объясняться ужъ не какъ замѣна ѣ.

въ сказкѣ) ¹⁾. Очень возможно поэтому, что старокіевскія начертанія «речію» и «телеси, телесьною» относятся не къ области смѣщенія звука *ѣ* со звукомъ *е*.—Но въ общемъ нельзя сомнѣваться, на основаніи показаній кіевскихъ Изборниковъ 1073 и 1076 г., что дифтонгъ *іѣ* (=ѣ) способенъ бывалъ въ рѣчи кіевлянъ XI в. стягиваться въ *е* (при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ), какъ это и сейчасъ происходитъ въ архаичныхъ говорахъ сѣверной Кіевщины.

Кіевское стяженіе дифтонга *іѣ* XI в. въ монофтонгъ *і*.

Съ другой стороны (какъ и теперь это бываетъ въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ), въ кіевскомъ говорѣ XI вѣка дифтонгъ *іѣ* при извѣстныхъ положеніяхъ обращался въ односложное *і* ²⁾. Подъ вліяніемъ такого произношенія, писецъ кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года писалъ

¹⁾ Не только въ Изборникѣ 1076 г., но и во многихъ другихъ старо-мр. памятникахъ мы видимъ систематическую естевую ореографію основы „телес“ (при ятевой ореографіи короткой основы „тѣл“, безъ нарашенія *ес*). Напр., начертанія „телес“, „телеса“, „телеса“ „телесьный“ и т. п. обычны въ кіево-печерской майской мнѣшѣ, иначе называемой Успенскимъ Сборникомъ XII в. (см. л. 15 b, л. 16 с, л. 17 b; вѣроятно, и л. 17 с, гдѣ „въ тели“ написано, б. м., вмѣсто „въ тел[ес]си“; л. 31 а, л. 31 с, и др.). То же срв. въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198 (л. 15 об., л. 16, л. 57 и др.; но и „тѣлесьное“, л. 79); въ Галицкомъ Ев-іи 1266—1301 г. (л. 2 об., л. 67 л. 145 об., л. 148 об., л. 152 об. и др.); въ Холмскомъ Ев-іи XIII—XIV в. (л. 5, л. 78, л. 86, л. 144 об., л. 148 об., и др.); въ Луцкомъ Ев-іи XIV в. (л. 131, л. 219 об., л. 221, л. 225 об., л. 231 об. и пр.) въ д. б. кіевпечерскомъ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20 (л. 19 b, л. 47 b, л. 51 а, л. 99 b, л. 99 d, л. 134 d, л. 140 b, л. 286 d, л. 289 d, л. 290 b, л. 292 b—d, л. 293 с, л. 294 b и мн. др. — наряду впрочемъ съ „тѣлєски трудитися“ л. 318 а). И пр. Кажется, можно объяснить возникновеніе звука *е* въ основѣ „телес“ (вм. „тѣлес“) уподобленіемъ гласнаго элемента перваго слога („тѣ-“) гласному элементу сосѣдняго, втораго слога („-лес“), имѣющему не разъ на себѣ и удареніе (срв. род. мн. „тѣлєсь“ и прилагат. „тѣлєсьный“).

²⁾ Конечно, черезъ стадію *іе*.

вмѣсто буквы ѣ буквѣ и. А въ связи съ этимъ замѣчается у него и обратное явленіе: вмѣсто буквы и онъ иногда писалъ букву ѣ.

Въ Изборникѣ Святослава 1073 г.: „и ѣци же“ (л. 5 а, =иѣци) ¹⁾; „ты же и мыслию въ вѣрѣ окушася“ (л. 17 об. а; =въ вѣрѣ);— „Не проповѣдать ничесо же будущтихъ бѣси, но единъ Г[осподь], вѣдыи (=вѣдый) вся прѣже роженія ихъ“ (л. 149 б.);— „Амеуусаки (=аметистъ) пламенеи [тъ] зѣло, въ горахъ же обрѣтаются Лувинскихъ“ (л. 153 об., б.; = пламенѣть); — „Что ли емь и и м а я та клятвѣ?“ (л. 142а);— „елисти... и сци ли неплодныи и умаряющтии водѣ“ (л. 162 б); — „[Къниги] многи бывають неистовыи исказы“ (л. 253 а; =многыѣ);— „..... проливаетъ акы сътъ сладкъ из устъ своихъ прѣдъ боляры на вѣразумѣниѣ тѣхъ мыслемъ“ (л. 264 а, —въ послѣсловіи переписчика). Срв. формы повел. н—нія, начертанныя рядомъ: „Идите и сѣцѣте и не помиуйте!“ и „сѣцѣте ѣ!“ (обѣ на л. 104 об., а). Упомянемъ также нехаракт. букву ѣ вм. ѣ въ им. собственныхъ: „къ Тимоеи ю“ (л. 112 об., а; =церк.-слав. „Тимоеѣю“), „Матоеи я“ (л. 262 а), „Матоеи“ (л. 262 б; =церк.-слав. „Матоеѣя“), „Андри я“ (л. 261 об., а), „Андрѣи“ (л. 263 б; =церк.-слав. „Андрѣя“) и др. ²⁾. И наоборотъ: греческое ἐπίδουσι (=падучая болѣзнь) передано въ кievскомъ Изборникѣ 1073 г. черезъ „спилипѣсѣ“ („Испись..... трѣбѣ есть въ спилипѣсѣ“, л. 153 б); вмѣсто „иѣци“ написано тамъ „иѣци“ ³⁾, вмѣсто „приведуть“ написано тамъ „прѣведуть“ (л. 159).

Въ Изборникѣ Святослава 1076 г.: „М[а]т[е]ре не забыванта, волю си (=сѣ) творита“ (л. 111 б.); „Питие мѣрное веселитъ, бѣзмѣрное же — бѣшестьво есть... И вижѣ ми въ миру вино пьющихъ... и бещицу воду пьющихъ“ (л. 237 б; „въ миру“ =χατὰ τὸ μέτρον). И наоборотъ, въ этомъ же Изборникѣ 1076 г. мы вмѣсто

¹⁾ Ударенія всюду принадлежать, конечно, лишь мѣ; въ подлинникѣ никакихъ удареній не разставлено.

²⁾ Можно добавить и въ мертвомъ церк.-слав. предлогѣ „ири“, напр.: „приминушти“ (л. 17), „придание“ (л. 130 об.). Но это не живыя кievо-мр. формы XI в. (по-кievски было бы „иере“).

³⁾ Это указаніе далъ А. Шахматовъ: „Исслѣд. въ области русск. фонет.“, стр. 138.

„вѣсхотѣ!“ читаемъ „вѣсхотѣ!“ (повел. накл.): „По в ѣ с х о т ѣ илѣгати вѣсякою илѣжа!“ (μη' θέλε φεῦδουσαι πᾶν φεῦδος, — изъ 7-ой главы Сираха; л. 158 б¹).

Въ, д. б., вѣвонепечерскомъ С п н а й с к о м ъ П а т е р н и к ѣ XI в. (Синод. библ. № 551²): „Глаголюаху о авѣ М я р к е [л] и“ (58); „епискупъ Кесарии, яже въ Пале- стинѣ“ (63, — если только въ концѣ не сохраниена грече- ская буква η). Б. м.: „и отъ толи слово положи старьць“ (63), также „отъ толи убо прѣбывааше вся дни плачяся“ (94), — срв. „отъ толь старьць питаше ѣ“ (73).

То же можно констатировать въ старѣйшемъ зап.-мр. памятникѣ—Словахъ Григорія Богослова XI в.³): „еда и съ стины сѣринеть“ (л. 6 с.; по-греч. τάχα ἄν καὶ κατὰ χρημῶν ὄσεται). — „яко и сили (вм. „изъсли“ или „възъсли“) ... плъть зѣлоби“ (л. 79 b, = ὅτι παραπεπίγασαι ταῖς ἀρεταῖς αἰ κακίαι). Изобильно смѣшеніе буквъ ѣ и и въ глагольныхъ основахъ в и д ѣ и в ѣ д ѣ: „[Богъ поставляетъ] в и д и т е л я в и д и м ѣ и т в а р и“ (л. 154 с, вм. „видителя“); — „п и в и д ѣ т и, н и п о п у щ а т и“ (л. 174 d, вм. „вѣдѣти“, εἰδέναι); — „П р и л а г а я и в и д ѣ н и я и п р и л а г а е т ѣ б о л ѣ в ѣ н ѣ“ (л. 210 а, вм. „вѣдѣний“, род. мн.; т.-е. „Кто умножаетъ познанія, тотъ умножаетъ скорбь“, Экклес. I, 18; по-греч. ὁ προστιθεὶς γυνώσκῃ); — „Хотящаго же есть в и д ѣ н и е (ἡ γυνώσκ) и глубины д[у]ховныя“ (л. 212 а); „благочестивы... в и д ѣ т и [и]ныихъ нечестиве“ (л. 212 а, = εὐσεβεῖς... τοῦ κατὰ γυνώσκῃ αὐτῶν ἄσεβων); — „вѣдимое“ (л. 300 а, = γινώσκόμενον). Очень часто также въ Словахъ замѣна ѣ черезъ и въ окончаніи сравнит. степенн ѣс: „аки б л а г о ч ѣ с т и е и в ѣ р ѣ ѣ“ (л. 25 а, = „благочестіе“; ὡς εὐσεβέστερα καὶ πιστότερα); — „добрѣишемъ и вѣхъ

) Начальное и въ „илѣгати“ и „илѣжа“—обычный малорус- скій благозвучный протетическій призвукъ. Гласный ѣ въ этомъ корнѣ повиданному уже исчезъ въ XI вѣкѣ: срв. начертаніе „лжа“ (безъ ѣ) на л. 170 б того же Изборника 1076 г.

¹) Ссылки сдѣланы на изд. Срезневскаго: „Свѣд. и зам.“ № 82.

²) Отчасти относятся сюда и примѣры съ буквою и, свидѣ- тельствующіе о дифтонгизмѣ рѣчи писца Словъ Григорія Бого- слова, XI вѣка: „Сце лю бо м уд р и е м ѣ о Б[о]жѣ“ (л. 6 b; вм. мр. „любоудрѣмѣ!“ пов. н., по-греч. φιλοσοφῆσμεν; теиерь мы сказали бы „любомудрѣм“); „мынѣи“ (л. 222 b, = мыпѣ, дат. пад.), „въ равпын.“ (л. 304 с, = въ равпынѣ) и др., перечисленные нами на стр. 229—30.

утврѣжденіе“ (л. 108 d, вм. „утврѣжденіе“, χαλλίστω
 χαίστε ῥότῳ); — „дождевъ рамѣнни“ (л. 290 d,
 вм. „рамѣнни“, τῶν ὕετῶν οἱ σφοδρότεροι); — „ныѣ
 — мыѣ, малы же послѣжде — некли съвршеніе“
 (л. 296 d, вм. „съвршеніе“, μικρόν δὲ ὕστερον ἴσω;
 τελεώτερον); — „Се прѣвааго благообразніе“
 (л. 335 b, = θεσειδέστερον); — „Инъ убо речеть — за-
 копньнѣхъ заповѣднн Ев[ан]г[ел]іе труднѣе и суще
 дѣаніе“ (л. 343 d, вм. „дѣяніе“, τῶν νομικῶν δια-
 τάξεων τὸ Εὐαγγέλιον ἐργωδέστερον εἶναι καὶ
 μοχθηρότερον). — Иногда вмѣсто буквы ѣ писецъ въ
 такихъ случаяхъ употребляетъ букву ѣ (которая въ его
 произношеніи вообще путалась съ и)¹⁾: „конѣ (= конѣ,
 вин. мн.) благородныя или печстыныя“ (л. 22 d, τῶν ἱππῶν
 τοὺς εὐγενεστάτους)²⁾; — „Д[у]хъ бо есть, нъ расыеть
 горы“ (л. 103 с, = „расѣть; Πνεῦμα... διαλοῦν ἕρη); ... не
 погыбаема въ водахъ, ни расыема“ (л. 343 а, = „ра-
 сыема, = σπειρόμενα). — Вѣроятно, не иначе, какъ вмѣсто ѣ,
 употреблена буква и въ „обтычущи“ (л. 262 d: „кругъмъ же
 ратьници, и обтычущи рать“, = χαὶ περιῤῥέων ὁ πόλεμος;
 во всякомъ случаѣ срв. и соврем. „утѣчу“ (б.вр.), не говоря
 ужъ объ „утѣкати“. — Вмѣсто буквы ѣ, но впрочемъ на
 основѣ мертвой церк.-слав. графики, а не живого мр. языка,
 писецъ Словъ XI в. употребилъ букву и въ неполноглас-
 ныхъ формахъ „придѣходя“ (л. 307 d, = ц.-сл. „прѣдѣ-“)
 и въ „по приложенію“ (л. 343 с, вм. „прѣ-“,
 ἀναφωσχῶς). — Нельзя рѣшить, сохранена ли греческая ита
 (η), или же замѣнена флексія ж. р. дат.-мѣстнаго надежа
 ѣ въ начертаніяхъ: „Что реку поклоняющимся А стар-
 ти?“ (л. 141 а, т.-е. Астартѣ); — „кланяющеса Ваалу и
 Астартѣ“ (л. 323 b); — „Паки Діевъ гробъ Крити
 (ἐν τῇ Κρήτῃ) показатся“ (л. 285 а). — Не типично чере-
 дованіе ѣ и и въ такихъ словахъ и формахъ, какъ: „съ
 Моисѣимъ“ (л. 295 с), „Мосью“ (л. 327 d) — „Моис-
 си и“ (л. 300 с), „Моусии“ (л. 336 b), „Моисею“ (л. 346

¹⁾ См. ниже въ отдѣлѣ выписокъ на ѣ=и.

²⁾ Въ церк.-слав. оригиналѣ, съ котораго списывалъ червоно-
 руссь XI в., начертанъ былъ, вѣроятно, род. мн.: „конѣ“ (τῶν
 ἱππῶν). Но червоноруссь, очевидно, понялъ это слово въ смыслѣ
 вин. мн., а употребилъ букву ѣ потому, что ее же онъ нашелъ
 и въ сосѣднихъ прилагательныхъ опредѣленіяхъ „благородныя“,
 „чстыныя“).

б); „сѣмѣреніемъ сѣмѣреніе“ (л. 200 д. и мн. др.); „порѣватися“ — и „пориватися“ (л. 93 с, 217 д, 259 а, 295 а); „доселѣ“ (л. 62 д) — и „досели“ (л. 263 а); „открываеть святую Троицу и люди не очистиени“ (л. 88 в, вып. мн. в. „неочищенны“), „на выпыньи и трѣбѣ“ (л. 209 а, вин. мп., в. „выпыньи“); подобныя формы поддаются своему особому, грамматическому объясненію. — Замѣчается у переписчика Словъ Григорія Богослова XI в. и обратная замѣна—буквы и буквою ѣ: „аѣчнии власи... и стрѣгѣ сѣмѣренѣ“ (л. 233 в, = „стригѣ“, им. ед.; πύραρὰ χόμη... καὶ χοῦρὰ σὺμμετρος); — „нѣ въ и ѣ (с а) н и х ѣ... разумѣ, отъ него же то писано стѣ“ (л. 85, = „писаннихѣ“; ἀλλὰ τὸν τῶν γεγραμμένων ὑοῦν; впрочемъ списомъ здѣсь небреженъ); — „юже прія и прѣведе“ (л. 333 а, = „приведе“, προσήγαγεν)¹⁾. Примѣняется буква ѣ у писца Словъ Григорія XI в. (въ ненадежномъ впрочемъ контекстѣ) также въ воспроизведеніи двугласнаго он посредствомъ оѣ: „и зѣѣ слышать... достоѣнии“ (л. 199 в, в. „достоинни“; καὶ χαχῶς ἀκούετν ἀξίτοι). — Два раза писецъ какъ-будто воспользовался буквою ѣ для воспроизведенія ѣ, въ род. пад. ж. р.: „чѣстныя мѣнѣ главы и сѣ анг[е]лы начітаемѣ“ (л. 223 с, τῆς ταμίας ἐμοί κεφαλῆς καὶ μετ' ἀγγέλων ἀριθμοῦ μέρους, = „начитаемы?“), — если, конечно, мы не захотимъ пошнмать этого его начертанія какъ чисто механическую описку въ смыслѣ „начитаем[ы]ѣ“ (род. ед. членной формы); — „подіажа-тель Петрова рѣвнованія, Павѣловѣ крѣпности“ (л. 90 с). При обычномъ окончаніи дат. надежа, „ови“ попадаетъ въ Словахъ Григорія Богослова XI в. и скончаніе „овѣ“; срв. съ одной стороны: „Празднуемъ и мы, нѣ якоже мнѣяться д[у]х[о]вѣ“ (л. 357 а), а съ другой стороны, на предыдущемъ листѣ — „якоже праздповати д[у]х[о]вѣ“ (л. 356 с); но это „овѣ“ ужъ легко объясняется не фонетически, а просто морфологически²⁾.

Съ какихъ поръ монофтонгическій выговоръ звука ѣ за і укрѣпился у малорусскихъ предковъ?

Въ повсемѣстно-монофтонговое чистое і дифтонгическій звукъ ѣ (= іä, іе) обратился у малоруссовъ лишь послѣ

¹⁾ Наоборотъ, вполне правильно мы видимъ ѣ въ „привода“ (л. 338 в); по-греч. μετάγωω.

²⁾ См. т. II, стр. 47, и т. I, § 65, а.

XI вѣка. Явленіе это (т.-е. стяженіе *іе* въ *і*) сопровождалось параллельнымъ отвердѣніемъ стариннаго звука *и* и смѣшеніемъ его съ *ы* ¹⁾. Вѣроятно, стяженіе *іе* въ *і* совершалось сперва въ слогахъ неударныхъ (какъ и теперь въ арханческихъ говорахъ).

Исчезновеніе дифтонгическаго *іа*, *іе* происходило не во всѣхъ говорахъ одновременно.

Во многихъ говорахъ южн. Галичины, Буковины и Подолія и сосѣдней части юж. Волны окончательная утрата дифтонгическаго *ѣ* и превращеніе его въ простой монофтонгъ *і* могли ужъ состояться между XIII-мъ и XIV в.; между прочимъ, такъ позволяютъ думать латинскія и польскія грамоты; но средняя Волны въ большинствѣ утратила дифтонгическое *ѣ* (и одновременно слила *ы* и *и*) повидимому развѣ въ XIV — XV вѣкѣ ²⁾. Мы говоримъ, конечно, о судьбѣ лишь живого, малорусскаго звука *ѣ*, а не о чтеніи церковной мертво-славянской буквы *ѣ*, школьно-книжное произношеніе которой было въ разныхъ мѣстахъ мр. территоріи XIV — XV вѣка разное ³⁾ и могло не стоять въ связи съ простонароднымъ живымъ мр. звукомъ, рефлектировавшимъ тогда

¹⁾ Почему превращеніе *ѣ* въ *і* не могло не сопровождаться параллельнымъ отвердѣніемъ звука *и*, объ этомъ см. ниже, въ § 22г (= въ отдѣлѣ о судьбахъ *ы* и *и*).

²⁾ Мы не имѣемъ въ виду горныхъ галицкихъ и сѣверноволынскихъ говоровъ, среди которыхъ есть архантные, донныѣ знающіе дифтонгъ *іе*. Очень вѣроятно, что въ XV вѣкѣ область дифтонга *іе* простиралась значительно южнѣе, чѣмъ теперь, и средняя Волны XV вѣка представляла собою по отношенію къ выговору *ѣ* смѣсь говоровъ дифтонгическихъ съ монофтонгическими.

³⁾ Въ юго-зап. мр. полосахъ, подчинявшихся школьному балканскому вліянію, малоруссы XIV—XV в. читали букву *ѣ* за *я* (срв. буковинскія грамоты); въ полосахъ, близкихъ къ Бѣлоруссіи, школьно-церковное произношеніе буквы *ѣ* было, повидимому, естество. Лишь въ центральныхъ полосахъ установилось чтеніе мягко-пжевое, совпавшее съ данными живой мр. рѣчи.

въ XIV — XV вѣкѣ старинный прамалорусскій дифтонгическій звукъ ѣ X—XI вѣка ¹⁾).

Что же касается областей нарѣчія восточно-малорусскаго, то здѣсь дифтонгическое ѣ сохранялось необыкновенно долго. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать что даже въ XVII — XVIII вѣкѣ преобладающая часть Киевщины и надднѣпрянской Полтавщины сохраняли, если не во всѣхъ, то въ извѣстныхъ звуковыхъ положеніяхъ, такое же дифтонгическое произношеніе звука ѣ, какое теперь слышится только въ сѣверной части нынѣшней Киевщины, — хотя, конечно, въ большинствѣ звуковыхъ положеній произношеніе звука ѣ бывало и въ Киевщинѣ и въ Полтавщинѣ монофтонгическое (і); но монофтонгическимъ-то оно часто бывало, какъ мы видѣли, еще у киевлянъ XI вѣка.

Говоря о ятевомъ дифтонгизмѣ сѣв. Киевщины и Полтавщины XVII — XVIII вѣка, мы имѣемъ въ виду рѣчь крестьянъ. Что же касается рѣчи вост.-мр. горожанъ, въ которой звуковые процессы совершались быстрѣе, чѣмъ въ рѣчи крестьянъ, то тамъ исчезновеніе выговора ѣ за іе и превращеніе дифтонга въ мягкій монофтонгъ і завершилось приблизительно тогда же, когда это состоялось и въ рѣчи малоруссовъ западныхъ, т.-е. около XV вѣка. По меньшей мѣрѣ, это нужно признать о говорѣ вост.-мр. столицы, города Кіева. А когда въ концѣ XVI в. началась борьба съ унией, — борьба, духовнымъ центромъ которой сдѣлался Кіевъ, — то киевскій ятевый монофтонгизмъ былъ ужъ настолько крѣпокъ, что и для церковной буквы ѣ, должен-

) Въ тѣхъ мѣстностяхъ мр. территоріи XIV—XV в., гдѣ установилось мягко-ятевое монофтонгическое чтеніе буквы ѣ, эта буква въ XV вѣкѣ могла иногда употребляться (невольна) для воспроизведенія даже того твердоватаго і, которое тогда возникло у малоруссовъ въ качествѣ рефлекса удлинненнаго твердаго ѳ. Срв. упоминавшуюся уже галицкую Зудчевскую грамоту ок. 1421 г. (= Голов. № 40, стр. 45), гдѣ соляная яма („сѣлка“) одинъ разъ названа „солное воино“ (= совр. „сілне вікно“), а другой разъ — „сѣлка“ (чит. „сілка“). См. цитату выше, стр. 203ε.

ствовавшей объединять на письмѣ всѣ православные элементы Польши (въ томъ числѣ бѣлорусскіе!), кievская схоластическая наука могла принять только одно чтеніе: чистое *i*. Читали букву *ѣ* за *i* учили и въ философской кievо-Братской школѣ ¹⁾, и въ школахъ простыхъ сельскихъ дьячковъ Украины; читали букву *ѣ* за *i* и въ церковномъ богослуженіи.

Это такъ шло на Украинѣ до конца XVIII и начала XIX в., когда русское правительство (не безъ очень большаго труда) успѣло на Украинѣ искоренить изъ школьнаго преподаванія и изъ церковнаго богослуженія выговоръ буквы *ѣ* за *i* и добилось отъ своихъ подданныхъ-малоруссовъ чтенія этой буквы за *e*. Но къ малоруссамъ, подданнымъ Австріи, чтеніе *ѣ* за *e* не проникло, и когда напр. львовскому митрополиту приходится въ церкви произнести по церковно-славянски, положимъ, «свѣтъ Христовъ просвѣщаєтъ всѣхъ», то онъ это выговариваетъ: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаєтъ всѣхъ».

Показанія мр. памятниковъ XII—XV в. о выговорѣ звука *ѣ* за *i*.

Выше (на стр. 205³⁾) мы привели выписки изъ кievскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 г. и изъ южно-галицкихъ Словъ Григорія Богослова XI в., свидѣтельствующія о томъ, что даже въ самыхъ старыхъ изъ дошедшихъ до насъ мр. памятниковъ (XI в.) уже проскальзываетъ возможность (не повсюдная, конечно) выговора малоруссами звука *ѣ* за *i*. Но не лишены поучительности въ этомъ отношеніи и памятники послѣдующихъ вѣковъ: XII и т. д. Приведемъ, поэтому, известное количество выписокъ и изъ нихъ (не изъ всѣхъ дошедшихъ, но лишь изъ болѣе интересныхъ) ²⁾.

1) Между прочимъ это видно и изъ римъ виршей, —напр. въ погребальныхъ виршахъ 1623 г. ректора Кievо-Братской школы, Кассіана Саковича, на смерть Сагайдачнаго: „Водѣлъ самъ, якъ Кодрусъ - кроль въ Атеняхъ въ Г р е ц і и, || Смерть поднять, бы ойчизна толко была в ц ѣ л ѣ“ (л. 7), и т. п.

2) Замѣтимъ, что мы не будемъ приводить обильнѣйшихъ случаевъ написанія „свѣдмтель“ и „свидмтель“ (=совр.-мр. „свидѣтель“), потому что здѣсь и—этимологическое. См. наши „Критеріи“, стр. 44—45.

ХІІ вѣкъ.

Въ Успенскомъ Сборникѣ ХІІ вѣка (майской кіево-печерской четвь-минѣ), въ житіи Бориса и Глѣба: „О, блаженная страсотырлица! не забываица отчьства, идеже пожила еста въ телѣи“ (л. 17 с, = въ тѣлѣ) ¹⁾. Въ Несторовомъ Житіи Феодосія одинъ ижевыи приѣрѣъ относится повидимому къ категоріи дифтонгическихъ: „Бѣ въ монастыри чьрноризьць, иже рьвьниѣе подражааше житію и сьмьренню пр[е]п[о]д[о]б[ы]нааго Феодосіа“ (л. 45 д, =ръвнѣ) ²⁾; но есть и просто и: „Феодосіи осклабивься лицьмъ и мали просльзивься тому“ (л. 46 б) ³⁾. Въ Видѣніи Исаи: „Нѣси бо вьдиль тьмы ав[е]льскы“ (л. 91 д). Нехарактерны параллельныя начертанія: „сьмьрати“ (обычно) и „сьмирати“ (л. 82 с), равно какъ употребленіе буквы и въ ц.-сл. предлогѣ „прѣ“, напр. въ Вербной проповѣди Іоанна Эксарха (л. 263 слѣд.): „Ангели проважаху до високааго и прывышьняаго прѣстола“.—Обратно буква ѣ въ Мученіи Ирины: „Помилиу ны, Б[о]ж[е], по велицѣи милости твои“ (л. 82 в, =велицѣи). Въ Житіи Феодосія буква ѣ въ и часто появляется въ глаголѣ „пострици“ (=постричь): „Раждьгься б[о]ж[ь]ствною рьвностію, помышляаше, како или кде пострьщися“ (л. 30 д); „повелѣ Никоу острьщии ѣ, иже и остригы ѣи облече въ мьнишьскую одежу“ (л. 32 с); — „Видѣхомъ ѣ, хотяща острьщися въ единомъ ог[ъ] монастыревѣ“ (л. 32 а), „скьрбь бывасть ч[е]л[о]вѣ[к]у, хотящюму острьщися; нѣ не постригаше его“ (л. 37 с) ⁴⁾.

Въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ ХІІ в. № 198: „[дѣти] пустѣици и зьли“ (л. 51 в, =пустѣиши); „Кде праздникъ? кде пиваніе?“ (л. 56 об., а, =пѣваніе); — „Страньничество есть... невидомъ разумъ, безвѣстьнъ помыслъ“ (л. 17 об. в, =невѣдомъ) ⁵⁾; срв. б. м. „аще ли кде васнѣ и видомѣ деромъ и попираемъ“

¹⁾—разумѣется, если не думать, что писецъ хотѣлъ написать: „въ телеси“.

²⁾ Думать о сравнит. степени (т. е. о формѣ „ръвнѣе“) препятствуетъ общій смыслъ контекста.

³⁾ Это „мали“ затѣмъ въ рукописи передѣлано на „мало“, но первоначальная буква и осталась видна.

⁴⁾ Есть впрочемъ также одинъ старый ц.-сл. памятникъ, именно Синайскій молитвословъ (изданный Гейтлеромъ 1882), гдѣ въ общаго ц.-слав. „постришти“ написано „пострьшти“ (7 в, 9 а, 82 а и др.).

⁵⁾ Т. е. „уклоненіе отъ міра есть невѣдомая премудрость“, какъ переведено по-русски (кіево-печерск. изд., 1877, стр. 10 об.).

(л. 81 а, =вѣдомѣ?)¹⁾; — на пр а с н и умаряеть“ (л. 77 об. а' =напраснѣ?)²⁾; — „плѣтныи д[у]шѣ“ (л. 103 а, в. „плѣтныи душѣ“) ³⁾. Вѣроятно, къ ятевой формѣ восходитъ начертаніе: „бл[а]ж[е]нныи пр ем ѣ н н і е м ѣ“ (л. 66 об. а), тутъ же передѣланное на „пр ем ѣ н н і е м ѣ“. Не характерно „при-“ в. ожидаемаго ц.-сл. „прѣ-“, напр. „прѣкрута“ (л. 59 об. б)⁴⁾, „прибываа“ (л. 64, 77 об.), „примутнаго“ (л. 139 об.), „прѣтваряемы“ (191 об.) и др. Не характерно обоюдное „донелѣ“ (л. 9 об., л. 26 об.) и „донели“ (л. 51).—Обратно—ъ в. и и: „акы кедрѣ Ливанскыя“ (л. 105 а), не говоря о многихъ нехарактерныхъ начертаніяхъ типа „прѣмлетѣ“ (л. 81, а на оборотѣ листа—„прѣмлетѣ“) и др.

Въ Синод. Богословіи І. Дамаскина XII в. № 155 (изд. Бодян.): „И то увѣмъ отѣ луны, малыи (=малѣ) по вся вечерѣ въспящающисѣ“ (126 а); — „недовольнѣ бы своимъ вѣ дом ѣ“ (105 а, = видомѣ); „о зѣдании видѣ м ѣ е м ѣ“ (121 а, = л. 60, в. „видимѣемъ, терѣ хтисеос ѳратѣс); „о ч[е]л[о]в[ѣ]костроитвѣи (20 = л. 9, в. „о чело-вѣкостроитвѣи“);—въ припискѣ: „помозѣ рабу“ (л. 30 об.=помози), и очень мн. др. Памятникъ — происхожденія кievскаго.

Въ Галицкомъ Ев-и 1144 г.: „въ яриѣ и по п е л и покаялися быша (Матѣ, XI, 21; л. 23;—въ поелѣ). Обратнo ѣ и и: „и прѣлѣпѣтъся женѣ свои“ (Матѣ. XIX, 5). Малое количество примѣровъ объясняется повидимому тѣмъ, что это Ев-іе—памятникъ изъ Галичины сѣверной, а не изъ южной.—При этомъ Ев-и 1144 г. имѣется Указатель Чтеній, XIII—XIV в., писанный малоруссомъ восточнымъ. Тамъ попадаетъ начертаніе „вѣдѣти“ (л. 234 об., в. „вѣдѣти“) и очень часто—малохарактерное „при-“ в. „прѣ-“: „придааи мя“ (л. 239), „вся мнѣ придаа“ (л. 236), „придаанѣ“ (л. 234), „пригрѣшѣннихъ“ (л. 233), „прилюбѣ“ (л. 237), „прильщаються“ (л. 238 об.), „придѣ тобою“ (л. 237), и др. Наоборотъ — ѣ в. и: „въбѣдѣ“ (л. 232, = убѣди, при „въбѣди“ л. 233 об.), „Вѣкѣнтя“ (л. 246, = Викѣнтя). Срв. еще параллельно: ц.-слав.

¹⁾ Въ русскомъ кievо-печерскомъ переводѣ (1877, стр. 71 об.): „а если случится, то и ранами удручаемъ и ногами попираемъ“.

²⁾ Мѣсто это нуждается въ провѣркѣ.

³⁾ Текстъ впрочемъ здѣсь испорченъ и не сходится съ греческимъ, гдѣ σματιχῶς καὶ ψυχικῶς. (Мы ждали бы „плѣтнѣи и душевнѣи“).

⁴⁾ Да и по церк.-слав. этимологii, кажется, допустимо здѣсь „при“, хотя примѣровъ изъ самыхъ старыхъ ц.-сл. памятниковъ я не знаю.

„Євъгнѣя“ (л. 247, л. 247 об.) и родное вост.-мр. „Євгнѣя“ (л. 247 об., гдѣ гы=ги).

Въ свѣдѣтельномъ Студійскомъ Уставѣ XII—XIII в. (№ 380—по опис. Невструева), который, вѣроятно, писанъ въ Кіевѣ ок. 1193 г., встрѣчается какъ и вм. њ (напр. „О одѣвни мнишьствѣмъ, о своемъ же и о с[в]ящ[е]нствѣмъ“, л. 223), такъ и њ вм. и („стихърамъ“ л. 14 об.; „алюль[уя]“ л. 33 об., „алюларемъ“ л. 33 об. и др.). Но мы не ставемъ приводить оттуда многочисленныхъ выписокъ, такъ какъ нельзя окончательно поручиться, что писцомъ не былъ новгородецъ (хотя и не цовавшій), списывавшій съ кіевскаго оригинала; въ Новгородѣ жъ њ и и тоже смѣшивались.

XIII вѣкъ.

Съ несравненно большей увѣренностью можемъ мы отнести къ ижевымъ начертаніямъ бѣлорусской копій 1492 г. съ волинскихъ Поученій Ефрема Сирина XIII в. (1271—1288),—по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ изъ начертаній, въ которыхъ и является на мѣстѣ њ ударнаго: „призрѣти“ (л. 34 об., =прѣзрѣти), „с[е]рдцевидецъ“ (л. 20, л. 32), „увидѣти словеса Б[ож]ія“ (л. 21) „приспѣвѣти ноци“ (л. 154 об., =приспѣвѣши), „вѣщная дитель“ (л. 163 об.) и др. Очевидно, подобныя начертанія бѣлорусъ буквально списалъ съ волинскаго оригинала: изъ своей родной бѣлорусской рѣчи онъ ихъ почерпнуть не могъ. Изъ обратныхъ случаевъ—замѣны и через њ—интереснѣе другихъ: „обители“ (л. 154, вм. „обители“), гдѣ впрочемъ можно усматривать простое чередованіе корней „в и т“ и „в ѣ т“.

Въ южногалицкомъ Ев.и 1283 г. поповича Евсевія: „въ годину свѣдѣнѣя его“ (л. 6 об. в, =свѣдѣнѣя);—„Ицѣлѣвѣны же не видѣаше (=вѣдѣаше), кто есть“ (л. 11 об. а); — „въ Ер[уса]л[им]ѣ на Овчи купили“ (л. 11 а, =купили); „смушашесе въ купили“ (л. 11 а);— „иже бѣ ему должень стошь пинязъ (л. 40 об. а, =пѣнязъ);— „Ч[е]л[о]в[ѣ]къ ни ки и бѣ б[ог]атъ“ (л. 50 в, =пѣкы); „Слѣнце (е=ъ) ни ки сѣдѣше при пути“ (л. 57 об., а). Замѣна ц.-сл. „прѣ“ черезъ „при“: „Ивъ при же мене вылазитъ“ (л. 11 в), „запрѣти“ (л. 52 об.) и др. (вмѣсто „прѣже“ и „запрѣти“). — Въ „внесмъ“ (л. 126 об. в) надо скорѣе видѣть дифтонгъ іа, іе, чѣмъ монофтонгъ і (срв. выше стр. 204ε). Скорѣе морфологическое, чѣмъ фонетическое явленіе, мы видимъ въ „исковъ“ (л. 1 об., л. 10 об.).

Въ болгарско-Софійскомъ Ев.и XIII в. (вѣроятно, буковинскомъ): „жени“ (л. 26, =женѣ), и обратно —

„мнѣтисѧ“ (л. 7, = мнѣтисѧ), что впрочемъ можетъ объясняться и этимологически: смѣщеніемъ глаголовъ на „-ити“ и „-ити“.

Въ болѣе сѣверномъ Галицкомъ Ев-іи 1266—1301 г.: „и при вечерѣ“ (л. 3, = при вечерѣ), „никогорня“ (л. 12 об., = нѣкогорни), „и витры крѣпкъы“ (л. 48), и кое-какія нынѣ, не говоря ужъ о многочисленныхъ случаяхъ прѣ= при: „примудрость“ (л. 35, л. 37 об., л. 61, л. 81, л. 81 об. и др.), „уч(е)н(и)ци твои пр и ступ а ю т ь прѣданье старецъ“ (л. 42), „прилюбы створиши“ (л. 55), „прибыванте“ (л. 77, л. 82 об.), „прибша голѣви“ (л. 146, л. 149) и пр.; — „прѣтворъ“ (л. 11), „весь миръ прѣобращеть“ (л. 44 об.), „прѣшельца“ (л. 50 об.), „прѣимемъ“ (л. 57 об.) и мн. др. Срв. довольно частое „фаръсьи“ (л. 17, л. 37, л. 42 и др.).

Въ Холмскомъ Ев-іи XIII—XIV в.: „вѣдѣли“ (л. 37), „образъ кисаревъ“ (л. 125 об.). Нехарактерно: „да не притѣкнеши ноги своѧ“ (л. 69). (Въ общемъ здѣсь, какъ и сейчасъ въ Холмщинѣ, замѣна ѣ черезъ и рѣдка, а напротивъ часто вм. ѣ пишется е).

XIV вѣкъ.

Въ львовскихъ Пандектахъ Антиоха 1307 г., писанныхъ, вѣроятно, во Владиміръ-Волинскомъ ¹⁾, тоже почти отсутствуетъ достовѣрное превращеніе ѣ въ и, хотя обратное превращеніе констатируется почаще: „очистѣвше“, „узненавидѣть“ ²⁾, „лѣвовахомъ“ (л. 92 а), „лѣкуеть“ (л. 138 а).

Въ волинскомъ Луцкомъ Ев-іи XIV в.: „въ сѣнѣи смертъвѣи“ (л. 245 об., = въ сѣни, или, съ другой флексіей мѣстнаго падежа = „въ сѣнѣ“); далѣе—въ именахъ собственныхъ типа „Макавин“ (л. 256) и др.; — въ греко-лат. словѣ „приторъ“ (л. 213, = praetorium, ц.-слав. „прѣторъ“); — въ ц.-слав. предлогѣ „прѣ-“: „примудрость“ (л. 96), „приломивъ“ (л. 97 об.), „притѣкнеши“ (л. 109 об.) и т. п. Обратнo: „евангѣльѧ“ (л. 152 об.).

Въ волинскомъ Патликвижѣи Моисеевомъ XIV в. ³⁾: „И видѣ В[ог]ѣ вся, аже сѣвори, и се добро зило“

¹⁾ См. стр. 518.

²⁾ См. отчетъ А. Кочубинскаго, стр. 205—206 (въ Зап. Новор. У-та, т. XVІІІ).

³⁾ Описано съ приведеніемъ выдержекъ, у Срезневскаго въ XXII томѣ „Сборника Отд. Русск. яз. и Словесн. Акад. Н.“ и у архим. Леониды въ москов. „Чтеніяхъ“ 1890, кн. III.

(Бытія I, 31), и т. п. Есть и обратная замѣна. Въ началѣ Второзаконія: „Книг[ы] 5, нарицаемыя Деvтерономъ я, сирѣчь второзаконіе“ (л. 135 об.), а въ концѣ: „окончашася книги пятія, гл[агол]емыя Деvтерономіа, яже нарицаются второзаконіе, пятеры бо суть книги Моисевыя: Бытїе, Исходъ, Левгиты, Числа, Деvтеропоміа“ (л. 160).— „Не ажьге въ птицахъ врана ноцнаг[о] и л и л ъ к а“ (Левитъ XI, 17)¹⁾; — „Огнь разгорътъся (=разгорится от[ъ] ярости моя, раздсжется до ада преисподняго и поясть землю и жита ея, попалить основанія горамъ“ (Второзак. XXXII, 22), и т. п. Срв. еще съ чередованіемъ ъ и и: „Видите, видѣте, яко азъ есмь Б[ог]ъ!“ (Второзак. XXXII, 39); — „От мяс ихъ да не ясте: не ч[исти] с ъ вамъ; с и же да ясте: от всѣхъ, яже в водахъ“ и т. д. (Левитъ XI, 8—9), — явленія, которыя скорѣй однако объясняются параллельной двойной морфологіей, чѣмъ фонетическимъ смѣшеніемъ ъ съ і. Упомянемъ наконецъ ъ, въ смыслѣ эвфоническаго і: „об ъ с ѣ д ш е й (перехдѣ)“, взяша ѣ „(т.-е. городъ Давиръ; гл. X, 38—39;=обсѣдше, обсѣдше, обсѣдше, — срв. совр. мр. „обінертиса“, „обітерти“ и т. п.)²⁾

Въ буковинскомъ Путенскомъ Ев—іи XIV в.: „при вечери“ (4,=при вечерѣ), „ицѣльвиша“ (95,=ицѣльвиша). Обратнo: „кривъ сильныхъ“ (60,=кривъ сѣльныхъ).

Въ волошскомъ Ев—іи Верковича XIV в.: „сквозѣ с ѣ я н н я“ (л. 53,=сѣянья), „заповиди“ (л. 100), „вядяхъ“ (л. 82 об.,=вѣдяхъ), „увидѣвъ“ (л. 112 об.,=увѣдѣвъ), „призри“ (л. 86 об., л. 139 об.,=призръ, л. 139 об.), „кисареви“ (л. 45), „приторъ“ (л. 109).

Въ Кіево-Печерскомъ Ев—іи 1370 г.: „Іоантъ свидѣтельствуетъ о немъ: Градны по мнѣ предо мною быс[тъ], яко первыи (=первыи) мене быс[тъ] (л. 1); „узриша“ (л. 8,=уарьша); „увидѣвъ от[ъ] сотвика“ (л. 8 об.,=увѣдѣвъ) и др., не говоря ужъ о такихъ малохарактерныхъ начертаніяхъ, какъ систематическое „свидѣтельство“ съ производными (л. 1, четыре раза; л. 4; л. 7, четыре раза; л. 13,

¹⁾ Въ разныхъ мѣстностяхъ Украины подъ яликами понимаютъ не одну и ту же породу птицъ. У зап. малоруссовъ теперь „лиликъ“ = летучая мышь; но Библия имѣетъ здѣсь въ виду повидному гагару, латин. mergus.

²⁾ Изъ трехъ формъ предлога „объ“ (именно „обѣ“, „обѣ“ и „оби“) болѣе арханчныя—это „оби“ и „обѣ“, а не „объ“ (срв. инд. abhi, лат. ambi, греч. ἀμφί, литов. apì, apì).

два раза; л. 17 об.; л. 21; л. 27 об. и ми. др.), „а иже възнесе-
сется самъ—с мѣрит ся, а иже с мѣрит ся самъ—възне-
сется“ (=Матѣ. XXIII, 12), или „в приторѣ“ (л. 149 об., =
въ приторѣ). Обратнo—въ иностранныхъ именахъ: „в Га-
льмѣи“ (л. 117 об., л. 120), „пророка Иосѣи“ (л. 162),
„Малахѣи“ (л. 169 об.) и ми. т. п.

Въ монастырскомъ сѣв.-мр. (вѣроятно, киево-Печер-
скомъ) житійномъ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в.
№ 20 ¹⁾ примѣровъ много.—И рече Иродъ: Аще обряцете,
п овидите ми, да и язъ шедъ поклонюся ему“ (л. 18 с),
вм. „повѣдите“. Вообще въ этомъ корнѣ замѣна ъ черезъ и
въ Чуд. Сборникѣ избыльна: „Посла къ нему (св. Ѡомѣ)
ц[ѣ]сарь, у в и дѣ ти (=увѣдѣти) хотя, аще создана быс[т]ь
полата“ (л. 95 а); „у в и дѣ вѣ же ц[а]рѣ о немъ—и повелѣ
убити“ (л. 38 б, =увѣдѣвъ);—„Гл[а]гола к нему: В и дѣ
(=вѣдѣ, я знаю), яко, аще быхъ просилъ у тебе, не бы
мене ослушалъ“ (л. 96 а); также л. 104 d, л. 251 б; „[азъ]
у в и дѣ вѣ“ (л. 70 а, =увѣдѣ, узнаю); „в и дѣ вѣ“ (л. 107 а, =
=вѣдѣль, зналъ); „свѣтъ не исповидимъ“ (л. 113 с, =
=неисповѣдимъ);—„яко от[ѣ] сего у в и дѣ вѣ быти всѣми
о немъ“ (л. 297 d, =увѣдѣну); „да прержеченое свидѣнѣе
неудобъ сказаемо явиши“ (л. 297 d, =свѣдѣнѣе); „сви-
дѣнѣя разумъ“ (л. 285 б), „взискати свидѣнѣя“
(л. 287 с),—не говоря ужъ о систематическомъ нехарак-
терномъ „свѣдѣтель“. Въ другихъ корняхъ:—„Събращася
на р и цѣ, нарицаемѣи Дуновинъ“ (л. 21 d, т.-е. на рѣкѣ);—
„б и я ше“ (л. 49 d, =бѣаше);—„И р[е]че Илья: Иди, створи
ми оприснокъ от[ѣ] муки, юже имашѣ“ (л. 78 d, =опри-
снокъ);—„о с и п и тѣ“ (л. 129 а, =осмынитъ); также на л. 96 с
„осми“ передѣлано изъ первоначально написаннаго „о с и
н и я бл[а]г[о]д[а]т[ь]ю сила Вышняго“;—„р а з д и ли море“
(л. 112 а, =раздѣли). Не рѣдко и вм. ъ во флексіяхъ скло-
неній: „Идущю же ему в путь и велици мочи бывші, и
Дунастѣи рѣцѣ наводнившися зѣло“.. (л. 38 d, =велицѣ
мочи, т.-е. сильному ливню);—„Не год и (=годѣ) ми естъ
вѣстинѣ съ“ (л. 69 d);—„и въ Египтѣ и въ П а л е с т и н и“
(л. 77 с, =Палестинѣ, если не грецистѣ съ итой);—„на
въстоцѣ, на с ѣ в е р и“ (л. 98 d, причемъ сверху конеч-
наго и написано въ рукописи ъ); — „на семь же мѣст и“
(л. 264 б =мѣсть). Во флексіи двойств. числа: „Помянита,
ч а д и мои (=чадѣ), еже братъ мои бесѣдова с вама“ (л. 93 d).

¹⁾ Описанъ и частію издавъ (В. Щепквинъ) въ посмертныхъ
„Библиогр. Матеріалахъ“ А. Попова, въ моск. „Чтеніяхъ“ 1869,
кп. III.

Въ сравн. степени: „грѣшнѣиши“ (л. 356 с, = грѣшнѣиши); „лютии“ (л. 107 в, = лютии).— Не менѣе часта въ Чудов. Сб. и обратная замѣна и черезъ ѣ: „искъпѣ вода“ (л. 8 в, = искыпѣ, искыпѣ);— „Свирникъ же, свирали разломль, поверже;... ови вѣру яша свѣрнику, ови ве яша“ (л. 93 с);— „Ни вжагають свѣтланика, ни воставляють подь съсудомъ, но на свѣщнѣцѣ, да свѣтитъ“ (л. 96 д, = на свѣщнѣцѣ);— „в вѣчны обители, идѣже чъ нове бесплотныхъ“ (л. 98 д, = чинове);— „Якоже вопиеть Павелъ: Не въохщеньемъ мнѣ с я (= мнися) Б[ог]у равенъ“ (л. 140 с);— „Отвѣща ему слѣпецъ (на обвиненіе въ кражѣ): Господи, ты вѣси, яко азъ слѣпъ есмь и не вижу. Мнѣ, Господи, яко хромецъ есть краль!“ (л. 293 в, = мнѣ, думай; пов. н-ніе);— „еднѣмъ существомъ“ (л. 254 в, = единѣмъ);— „смѣвѣмъ“ (л. 298 а; орудн. ед., = смцевѣмъ);— „Съ серафимы стояши, съ онѣми крѣли распростри“ (л. 354 д, = крѣлѣ, крѣлѣ, дв. ч.);— „Тако въздѣмъ въ вышняя митрополия Иер[у]с[а]л[им]ъ“ (л. 355 в, = възидѣмъ, възидѣмъ). Не разъ замѣчается ѣ въ глаголахъ на „-ити“, напр.: „побѣдѣти дьявола“ (л. 102 а, = побѣдити), „запрѣтѣша“ (л. 257 д, = запрѣтиша); „яко бремя тяжко отяготѣся на мнѣ“ (л. 289 д, = отяготися); „обогатѣти чаяхъ ся“ (л. 146, = обогатитися) и мн. др. Въ послѣднихъ примѣрахъ мы, м. б., имѣемъ дѣло не столько съ явленіемъ фонетическимъ, сколько съ морфологическимъ (взаимодѣйствіемъ параллельныхъ глаголовъ на „-ити“ и „-ти“). Но кажется, скорѣе фонетическимъ смѣшеніемъ ѣ съ і могутъ быть естественно объяснены начертанія: „нарѣдающа“ (л. 36 д, при обычномъ „наридающа“) и „нарѣдая“ (л. 72 с). Въ иностранныхъ словахъ ѣ параллельно съ и: „амьлу[я]“ (л. 118 с), „амьлугия“ (л. 127 в); „ц[ѣ]с[а]р[ь] Асурѣискии“ (л. 45 в) и рядомъ: „от[ъ] полка Асуриска“ (л. 45); „Николы - чудотворца в Мюрѣ Лукѣонѣ“ (л. 52 в) и далѣе: „Николы - чудотворца в Мюрѣхъ Луконѣ“ (л. 57 с) и др.

И в м. ѣ въ грамотахъ XIV—XV в.

Изъ числа мр. грамотъ XIV—XV вв. мы чаще всего видимъ употребленіе буквы и в м. ожидаемаго ѣ въ грамотахъ писанныхъ въ Буковинѣ и той части юж. Галичины и Подолии, которая входила въ составъ воеводства Молдавскаго. Въ грамотахъ же сѣв.-галицкихъ, волынскихъ, кievскихъ и другихъ такое и—рѣже: въ нихъ мы находимъ букву ѣ обыкновенно на ея этимологическомъ мѣстѣ; или же в м. ѣ пишется тамъ буква е. Было бы рискован-

пымъ, однако, дѣлать только отсюда выводъ, что Буковина съ юж. Галичиной въ XIV—XV в. рѣшительно превратила ъ въ і, а остальные мр. области еще держались исключительно дифтонгическаго выговора іе. Дѣло-то вѣдь въ томъ, что буковинскія церкви и школы XIV—XV читали букву ъ за я, на болгарско-балканскій ладъ; т. е. слишкомъ слишкомъ въ разрѣзъ съ живою рѣчью малоруссовъ, а потому родная рѣчь тамошнихъ писцовъ (т. е. выговоръ рефлекса ъ за і, или хотя бы даже за іе) поневолю должна была влечь ихъ къ начертаніямъ ижевнымъ чаще, чѣмъ остальныхъ малоруссовъ XIV—XV в.; у тѣхъ, остальныхъ, церкви и школа учили читать букву ъ или по живому мр. выговору (т. е. или за і, или за іе), или на бѣлорусскій ладъ—за мягкое е, которое кое-какъ могло мириться съ сѣв.-мр. дифтонгическимъ іе. Тѣмъ не менѣе, очень и очень вѣроятно, что именно юго-западъ мр. территорій утратилъ дифтонгичность раньше прочихъ мр. мѣстностей. Во всякомъ случаѣ, ижевыя начертанія вм. ятевыхъ имѣются во всѣхъ категоріяхъ мр. грамотъ XIV—XV в., хотя и не въ такомъ обиліи, какъ въ буковинскихъ.

а) Буква и вм. ъ въ буковинскихъ грамотахъ молдавскихъ господарей XIV—XV.

Въ присягѣ 1393 г. воеводы Романа королю Ягайлу Владиславу (= Улян. 7): „И мы, панове и посольство усеі землі Волошької, ис нашими дѣтми вьнишними и потомъ будучимъ, не роздмляючися ис нашимъ господаремъ, записуемъ Владиславоу - кролеви и Ядвизѣ-королици и его дитемъ и корунѣ Польскоі вѣрно служити“.

Въ бук. присягѣ 1402 г. королю Ягайлу отъ новаго воеводы Александра (= Улян. 13): „служити Владиславу и его дѣтемъ и корунѣ Польскоі“.—То же въ его Камеенець-Подольскоі присягѣ 1404 г. (= Улян. 15): „его дѣтемъ и корунѣ королевства Польского“; „привѣсили ссмо наши печати у городѣ у Камяниці“.—Въ его же буковин. торговомъ договорѣ 1407 г. съ львовскими и подольскими купцами (= Голов. № 28, стр. 28—32): „Волю имъ торгувати соби по усѣхъ торгахъ нашихъ“ (29); „на перевозѣмъ [мыто] — по четыре гроши: то мыто Черновьскос“ (30); „а отъ тін кунци, колько будутъ намъ надобни, а мы имемъ собѣ купити“ (31); срв. отчасти: „изъ усен Рускоі земли и съ Подолскоі“ (31)‘).—Въ долго-

*) Окончаніе *ои* вм. *оу* такъ обычно въ буков. грамотахъ, что мы и не будемъ въ дальнѣйшихъ выпискахъ приводить его.

вомъ обязательствѣ 1421 г. воеводы Александра разведенной своей жонѣ, сестрѣ Витовта (=Улян. 26—27): „Дали Сереть-мисто съ усни ужиты, що жѣ къ тому мисту к Серету слухаеть, бывшей жонѣ нашей, княгини Римгаиѣ“; „Пак ли быхом не дали тых золотых на дни и часы, нал[и]сану у сем листи... тогда корол[ъ] имет истигати тых золотых на наших... землянох, и имет ихъ брати и встягати... женѣ нашей бывшей, княгини Римгаиѣ, а мы имем о том молчати“; „при нашей чти и при хрстіанской вири (=вѣрѣ); „И мы, слугы их, верху-п[и]саніу сем листи, печати наши есмо привисли“.— Въ Александровой бук. жалованной грам. 1424 г. (=Голов. № 43, стр. 49): „на томъ хотари да осадитъ собѣ пасику, коли иметь-мочи осадити“.

Въ бук. присягѣ воеводы-Ильи 1433 г. королю Ягайлу (=Улян. 35—36): „при чти а при вѣрѣ“.

Въ берладской присягѣ юному Владиславу III отъ брата воеводы Ильи 1435 г. (=Улян. 43): „Слюбил есмо нашему королеви и усеи ради его (=радѣ) и Иляшу воеводу-господареву (=воеводу; ы=и)—не помянути тыхъ листовъ ко шкоди королеви и къ завади“; „видили есмо и уразумѣли“, „при пану Андравашу, воеводу Молдоскому, старости Самборскому и при пану Влостовскому, старости Подолскому“; „велѣли есмо привисити нашъ печатъ“.—Въ одновременной присягѣ 1435 г. Владиславу III отъ самого Ильи-воеводы (=Улян. 44): „Дамъ вашей мид[о]сти виданіе (=вѣданье), аже коронѣ Польской имаемъ оба служити вѣрно; а есмо дали нашему брату, Стефану-воеводу, мѣсто Васлуи и волость, що къ тому мисту слухаеть, и мисто Текучь... нашему брату Стефану-воеводу“; „а которыи бы не хотилъ на томъ стоати.., подобенъ Иудѣ“.—Въ одновременной присягѣ боярской рады 1435 г. (=Улян. 46): „Имаемъ вѣрно... стати подли Короны.. при вѣрѣ (=вѣрѣ) на вѣки вѣчныя“; „а нашъ господарь кроль такожь имають подли насъ стати и боронити.. и отпустилъ намъ гнѣвъ“; „а мы того не имаемъ усоминати кролю Польскому и усенъ Коронѣ, але имаемъ вѣрнѣ служити королю и Корунѣ“.—То же—въ другой.бук. боярской присягѣ 1435 г. (=Улян. 47): „стати подлі Корунѣ“, „велѣлі есмо пану-логовету писати“.—Въ жалованной грамотѣ 1435 г. воеводы-Ильи (=Улян. 47): „дали села у Цѣциньской державѣ“; „а кто бы тос хотѣлъ (=хотѣлъ) порушити, прокѣтъ отъ Бога“.—Въ его же жалованной 1439 г. протопопу Югѣ (=Улян. 57): „дали на Ревтѣ—Козаревци,

и ниже—Охричи изъ пасиками на Днистри“.—Въ подтвержденной имъ же мѣновой грамотѣ 1442 г. (=Улян. 58): „променили свое село Бучумѣн“, „не имають опоминати за тоту мѣну“.

Нѣсколько особо стоятъ три львовскія присяжныя грамоты 1436 г. того же воеводы Ильи съ боярами, писанныя—пожалуй — не буквинцами, а мѣстными львовцами. Въ присягѣ Ильи 1436 г. Владиславу III (=Улян. 49—50): „на мѣсковъ (=на мѣстковъ, т.-е. на мѣстниковъ) нашихъ на слѣдующи“; „пану Владиславу, Полскому крѣлову, Рускому дидичю, [и] Коруну“; „ко вѣри“ (=къ вѣрѣ); „учерату, у Левови (=Львовѣ)“; „вѣры правон“; „Я, Иліа воевода, обидуюся освичености вашей вѣру ч[и]стую, въ всей покорн.., кролеви и Корони обидуючи за насъ и за наши дѣти“; „быти у радн“, „пава нашего на им[п]л[о]стнишого... мѣли (=мѣли, имѣли) выстеречи“; „къ уснѣ нимши нимъ“; „Печатъ наша ес[т]ь привишена“.— Въ одновременной присягѣ 1436 г. Владиславу III отъ бояръ (=Улян. 51): „Коли воевода годъ вѣрности учинилъ на службы вѣрное пристаніе и на инъшее обидованіе съ обвѣзаль, — мы такоже, иже повинни есмы заужди вѣрнѣ і послушни быти, с плъного вѣданіа (=вѣданья) усих нас. обидуемъ при чти и при вѣри... вѣрность повинную Владиславу, королеви Полскому... стеречи и вѣрннми (=вѣрнн) ховати... и при тумъ-то Владиславу-кромѣ вѣчнїе (=вѣчнѣ) остави“; „Печати наши суть привишена“; „Писано у Левови“ (=Львовѣ).— Въ одновременной львовской отступной грамотѣ 1436 г. воеводы Ильи, писанной скорѣ всего мазуромъ (—Улян. 52—53): „Ничого не естъ пилнѣшее, ни жьли паміати потребизна“; „у розю мм (=розумъ) и у сердцьи“; „тут-о во Львови“: „королю нашему и послѣдкъомъ его и Коруну“ (три раза); „Писанъ во Львови у недилю блишую по св[я]томъ Матфвѣ-еуавангелити (sic)“.

Въ бук. присягѣ воеводы Стефана 1438 г. королю Владиславу (=Улян. 56—57): „ани жолниревъ (=жолниревъ) не пропустити“.— Въ подтвердительной его присягѣ регентамъ польскимъ 1444 г. (=Улян. 63—64): „королеви и Коруну Полской“; „которая шкода стала у Коруну буд-коли кому, нехай терпнть виноваты“; „при хрстіанской вѣри“.— Въ жалованной гр. 1443 г. воеводы Стефана писарю-Михулу (=Улян. 60): „Михуль-писарь служилъ намъ на уснхъ мнстихъ право и вѣрно. Тѣмъ мы дали есми сму... пасику подли Съѣвнн, на

ия Воробиева пасыка ¹⁾, а такожъ где иметь поставити собѣ млины“; „а на то вѣра прѣкалаба Вилогородского“...

Въ букв. судной грам. 1448 г. воеводы-Петра (=Улян. 71): „ведѣли слугѣ нашему, Лудидіаку“ (=Луцъ, т. е. Лукѣ).—Въ жалованной грам. 1448 г. логоѣту Михаилу отъ того же воеводы-Петра (=Улян. 71): „дали ему мисто нашихъ млиновъ“, „и горъ и доловъ“ (=горѣ, вверху).—Въ хотинской присягѣ 1448 г. боярь воеводы Петра королю Казимиру (=Улян. 74—75): „г[о]сп[о]даревѣ нашему и Коруну Полской“, „повикновѣ вѣрности“; б. м. „панѣ Хривъ-спатаръ“ (конечно, если это=Хрѣвъ, а не Гривъ, Гривъ).

Въ размежевочной грамотѣ 1449 г. воеводы-Александра (=Улян. 75—76): „Герге рекъ: «Али я емѣ хотилъ себѣ зискъ учинити твоими пинѣзми (=пнѣзми), и твои пинѣзи тобѣ виновать». И панѣ Косте рекъ: «Дай мой пинѣзи»; „за свои пинѣзи“; „на послѣдъ Герге перепросилъ пана Костю“; „село подли Васуя“.—Въ купчьемъ удостовѣреніи 1451 г. того же Александра (=Улян. 77—78): „Продали селншча, на имя Погоримловци“; „часть пинѣзей напредъ“, „а... тогда панѣ Михаилъ имаетъ дати остатокъ пинѣзей“; „що жъ далъ свои правы пинѣзы“.—Въ его дарственной грам. 1452 г. логоѣту-Михаилу (=Улян. 81): „Мы сами дали отъ мнѣ за его село на Серетѣ..., съ пасыками, и помыже Ревтомъ—у Билой Крѣниці, где смили (=сѣли), и помыже Хотина—село на Днистрѣ, а другое село—подли Снятина“; „И такожъ подтверждаемъ села, що ихъ купилъ за свои пинѣзы“.—Въ серетской присягѣ воев. Александра 1452 г. королю Казимиру IV (=Улян. 79): „Голдъ удмляли мы и рада наша, яко ес(тъ) годдовалъ дидъ нашъ“; милос[т]ивому Казимировѣ-королевѣ голдъ удмляли“; „имасиъ передъ его м[и]а[о]стѣ выехати на выменованое мистце либо до Каменця, алибо до Снятина, а даліе до Коломыс: отъ тыхъ трехъ мистъ... мы тамъ имаемъ поехати и обычай удмлати. Але его м[и]а[о]стѣ передъ приханяемъ к тому мистцю отъ тыхъ мистецъ имаетъ насъ обыслати десятии недмлями передъ тымъ, абыхомъ готови были на... именитое мистце“; „А такижъ

¹⁾ Въ зап.-пр. нарѣчій въ словѣ „воробій“, „горобій“ звукъ *i* проходитъ по косв. падежамъ („горобія“ и т. д.), и можно думать, что здѣсь былъ у зап. малоруссовъ звукъ *ь*, а не *ѣ*.

[король] имаетъ намъ тоту м[н]л[о]сть удилати (=удѣ-
лити? оказывать), ktorую удилааь стары король небож-
чикъ дидови нашему и отцевъ, а мы имаемъ вѣрно слу-
жити... Корунъ Полскою" (и еще три раза „удмлати“
въ этой грамотѣ); „въ тому мистцю и днєви“; „а мы быхомъ
того не хотили“; „присягалъ и хрестъ цюловалъ“. —
Въ баниловской Александровой же присягѣ 1454 г.
противъ татаръ (=Улян. 85): „Слюбуемъ служити королю
и с[вя]той Корунъ“.

Въ хотинской присягѣ воеводы Петра 1454 г.
королю Казимиру (=Улян. 83): „Яко первѣиши воеводы
молдавскіи, таеъ и мы поддасемося“; „Коли насъ позоветъ
король на уреченое мистце, где первѣиши воеводы
хожевали,—и мы на тоє мистце имаемъ поставитися“;
„слубуемо Корунъ Полскою“; „Середкїй торгъ держати
измѣну за Хотинъ“. — Въ дарственной грам.
1454 г. воеводы Петра Михаилу-логоєту (=Улян. 84): „и
насику его на Днистри... и Погориловци“; „на
Днєстра“.—Въ боярскомъ полномочи 1456 г.
логоєту-Михаилу согласиться на дань туркамъ (=Улян.
87): „похилити с оби голову тому поганству“.—Въ госпо-
дарскомъ договорѣ 1457 г. съ бучацкимъ старостою
(=Улян. 93—94):... „жалуючи ишкоду отъ некоторыхъ
(=нѣкоторыхъ) зрадцевъ и злодїєвъ“; „держати в лас-
ци и справедливости“; „яко быхомъ могли злодїєвъ
вишали“ (и еще два раза „злодїй“, им. ед.).

Въ жалованныхъ грамотахъ воеводы Сте-
фана Великаго. Грам. 1457 г. монастырю на Молда-
вицѣ (=Улян. 95): „ни слид злодїйскихъ да не го-
вѣтъ“ (ѣ=я).—Въ прощенномъ листѣ 1460 г. Миха-
илу-канцлеру (=Улян. 96 и 99): „правую и вѣрную
службу“; „и села усѣ тобѣ воротили“; „що коли иметъ ии-
ти при собѣ“; „держати равно с нашими вѣрными
(=вѣрными) бояры“; „и села твоя отнии (=отыняѣ)
тобѣ воротили“; „Тое слубуемъ тобѣ здержати при на-
шей чл и вѣри“. Въ подтвердительномъ листѣ
1468 г. Стефана Михаилу-Логоєту (=Улян. 106—108):
„нашихъ вѣрныхъ боярь“; „хочем их у чти и ласци
держати купно с нашими вѣрными бояры“; „и дворъ на
Серетѣ им вернули“; „и не имаемъ тобѣ успомянати“
И т. п. и т. п.

Не менѣе часто и вм. ѣ въ договорахъ того же
воеводы Стефана съ польскими королями. Въ присягѣ
1462 г. королю Казимиру (Улян. 100): „памяти предкув на-
шихъ и аслѣдовати“ (=наслѣдовати. т. е. подражать);

„вѣрнѣ наслѣдованнмъ“; „И на потумъ слюбуемъ усе доброе... дмати, а николи не быти в ради (противъ короля)“.—Въ обѣщаніи 1462 г. насчетъ татарскихъ плѣнниковъ (=Улян. 102): „Слюбуемъ... Корунн Полской,“ «абыхомъ ихъ дали у руди (дв. ч., =руцѣ) королеви“; „подъ завишеною печатю“; „усе дмлати по воли короля“; „На болшую крпность тому печать вашу привмсли“. — Въ присягѣ боярѣ 1462 г. королю Казимиру (=Улян. 103): „Имаемъ держати господаря-воеводу, абы виренъ королеви и Корунн Полской“; „Имаемъ Корунн и вирн быти..., с дмти..., и слубуемъ, абыхомъ мы нного господаря соби не шукали кромѣ короля и дятокъ его, пи мы, ани дити“; „Заприсягаемъ Корунн..., при вѣри хрстіанской“; „А на крпность тому печати привисли“.—Въ подтвердительномъ договорѣ 1468 г. (=Улян. 105—106): „Яко дидь нашъ (=дѣдъ), такъ и мни дити наши... не имаемъ соби жадныхъ сторонъ шукати“; „Послушенство удмлати... [и] имаемъ удмлати, яко же съ былъ уставъ... Олександра дмда нашего“ (и еще разъ дмда, 106); „на именованая мѣстця“ (вин. мн.).—Въ подтвердительномъ договорѣ 1479 г. (=Улян. 110): „вѣрного посла“, „о быцахомъ [королевѣ-Казимировѣ]“, „на мѣстѣ у Коломыи“.—Въ присягѣ 1484 г., писанной въ галицкой Коломыѣ, но буковинскимъ писаремъ (=Улян. 103): „усею ви рою и службою Корунн... тымъ обычаемъ удмлати“ (всѣ эти три слова въ ижевомъ начертаніи повторяются въ этой грамотѣ не разъ); „дидича“; „у послушенствѣ“; „ричи имати“ (два раза); „имаме его милости дати виданіе“; „без виданія кролъ“ (ѣ-я).
Въ примирительномъ договорѣ 1499 г. воеводы Стефана съ королемъ Яномъ Олбрахтомъ (=Улян. 173—176): „пробѣчи соби отъ насъ миру“ (два раза); „где будемъ хотити“; „естли дорозумѣмъ какое зло“. „а если бы дорозумили зло“, „порозумѣвшисѣ оба“; „покуда съ (=ся) имъ будетъ видѣти наиполмшеѣ“; „жадной шкоди не имаютъ намъ удмлати“; „намъ, Стефану-воеводу“: „коли услышимъ о ихани турецкомъ (=о ѣханѣ)“; „и насъ повеволили бы соби на помочь“; „про дило и про кривды“; „дидичемъ ихъ и поданнмъ“; „вѣри“ (лат. пад., =вѣрѣ).

б) Буква и вм. ѣ въ грамотахъ галицкихъ изъ XIV—XV вв.

Въ удостовѣрительной купчей грамотѣ галицкаго старости Оты 1371 г. (=«Украинск. Грамм.», т. I. стр. 4203):

„А то свидци—мѣстичи“ (и затѣмъ исправлено на „свѣдци“); „а пи[са]ни — то вшитко свидци“; — „у вики, аминь!“ (и исправлено на „вѣки“).

Въ жалованной грамотѣ кн. Володислава Опольскаго 1378 г. (=Украин. Грамм., , 420ε), писанной поповичемъ изъ Болестрашичь (въ Перемышльщинѣ): „и печать привѣсли“ (см. „привѣсли“).

Въ запродажной 1378 г. на Калениковъ монастырь въ Перемышльщинѣ, того же писаря (=Украин. Грамм. I, 420 γ): „А Губка далъ шюбу свою куничю пани Хоньци (=Хоньцѣ, Аеваси), и еще ва дали 12 лисици пани Хоньци“.

Въ коломыйскомъ вексельномъ удостовѣреніи 1398 г. старосты Бенька (=Укр. Гр., I, 420δ): „А притомъ свѣдци — панъ Борисъ Хомьковичъ“ (=Хомиковичъ; отъ зап.-мр. „хомик“, польск. *chomik*).

Въ львовской удостовѣрительной купчей 1400 г. воеводы Мадины (=Укр. Гр., I, 420θ): „такъ продалъ, яко самъ держалъ: іс паськами“.

Въ галичской размежевочной грамотѣ 1401 г. старосты Петраша (=Укр. Гр. I, 420ι): „Тогда Кондрать не хотѣлъ отповѣдити... Вас[ъ]ковъ (Мошенчю)“¹⁾ „тогда Кувдрать указалъ свою границу и листомъ и знамены, што на лѣстѣ стоять“; „И осудили: Дѣтрихъ Кромировскъ“.

Въ медницкой размежевочной грамотѣ 1404 г. перемышльскихъ епископовъ и паяновъ по спору между королемъ Ягайломъ и Ядвигою Пилецкою (=Украин. Гр. I, 420κ): „[судьб—] Офанасъи, владыка Премыски, Ключъ Вяжыянски (=Выжнянский?)“²⁾; „межи кролем Влодыславомъ... [и] панеку Пилецкою и ви (=сѣ) дѣвкою Алжбѣтою“; „пани Ядвига и еи дѣвка“; „подлугъ нашеи (=нашоѣ) земли обычая“. Срв. еще рядомъ: „в недѣлю на вутрѣ с[в]ят[о]го Луки-евангелиста“ и „в недѣлю на завтрѣ (=затурѣ) с[в]ят[о]го Луки-ев[ан]г[ел]и[ста]“.

Въ жалованной грамотѣ 1407 г. (=Akta grodzkie i ziemskie, t. II, 59): „слузи нашему“, „лиси“, „печать привисити“.

Въ удостовѣрительной купчей 1409 г. старосты Галичскаго (=Украин. Грамм. I, 525): „[Свѣдѣкъ]—панъ Борисъ Хомьковичъ“ (отъ „хомикъ“, польск. *chomik*).

¹⁾ Примѣръ—очень мало характерный.

²⁾ Теперь мы слышимъ у галичанъ твердый выговоръ имени мѣста „Выжняны“, и я думаю, что корень этого имени—тотъ же, какой и въ зап.-мр. прилагательномъ „выжній“ (=верхній, вышній).

Въ львовскомъ векселѣ 1421 г. (=Голов. № 32, стр. 36) Васька Мошовича (родомъ однако, кажется, изъ Кіевщины) ¹⁾ смѣшеніе буквъ њ и и — полное: „свѣдѣю то своємъ листомъ, кому булетъ сего листу потрибно“; „Имаю датѣ сто купъ (=копъ) от[ъ] себѣ Мал[ъ]кы Б[о]жьѣ, што приѣдетъ (=приидеть, т. е. наступитъ), на другую Матки Б[о]жьѣ... у рукъ“ (=рукъ); „на пана старостѣнѣ листу (=старостинѣ)“; „А на то свѣдци: панъ Котлиньскій (=Котлиньскій), панъ судья Льввскій, панъ Миколаѣ Мильчипьскій, панъ Глѣбъ Судьчъ (=Судичъ)“; „(день) по новѣмъ лѣтѣ—третій“.

Въ перемышльской купчей 1422 г., заключенной передъ владыкой-Ильей (=Гол. № 34, стр. 38): „А писана сіа грамота у Вялчи“ (=польск. Wilcze, село близъ Чермышля; по-мр. „Вовче“).

Въ галичской запродажной 1424 г., заключенной у старосты Михаила Бучацкаго (см. т. I, 539): „коли булетъ сего листу кому потрибизна“: „А подыли тѣхъ [свѣдковъ] — иныхъ досѣть“.

Въ зудеческомъ судномъ рѣшеніи 1428 г. кн. Ѳеодора Любортовича (=Гол. № 41, стр. 46): „А панъ Мигъ Дѣдошицки отповѣдѣлъ, аже есть то мое“.

Въ поддѣльныхъ грамотахъ кн. Льва Галицкаго, относящихся якобы къ концу XIII-го и нач. XV в., но укрѣпленныхъ польскимъ правительствомъ лишь во 2-ой четверти XV в., писдомъ почти всюду названъ „Захарія Вихоть“ (=Вѣхоть ²⁾).

Въ снятинскомъ дружественномъ условіи 1454 г. старость бучацкаго и коломыйскаго съ молдавскимъ канцлеромъ Михайломъ (=Улян. 86): „съ его панею, съ его дитками и съ слугами“ (два раза): — пак ли бы хотѣл у Коломыи мешкати, пак ли бы усхотѣл у Коропци“.

в) Буква *и* вм. *ѡ* въ грамотахъ XIV—XV вв. изъ Волыни и Подляшья и въ другихъ тамошнихъ памятникахъ XV вѣка.

Во вкладной записи 1376 г. при Холмскомъ Ев—іи XIII—XIV в.: „Придали есмо к [ц]еркви Б[о]жой при б[о]го-

¹⁾ См. „Памятники“ Головацкаго, стр. 67 (Wasko z Moszenina—въ Ягайловой грам. 1420 г.).

²⁾ Исторію этого слова см. въ т. II, стр. 106.—Двѣ изъ такихъ грамотъ кн. Льва изданы у насъ на стр. 420 и 454.

любезномъ К а л и с т и, е п | н | с | к о | п и Холмъскомъ и Белъзскомъ“ (л. 4, ввизу).

Въ луцкомъ векселѣ 1388 г. короля Ягайла воеводѣ Петру (= Голов. № 8, стр. 11): „Слюбуемо ему, при нашей вѣрѣ, тымъ 4 тысячи рублѣи воротни“; „а на крѣпость того печать велѣли привисити“.

Въ судомирской присягѣ 1389 г. новгородскаго опекальника Семена Дыгвенія королю Ягайлу (= Палеогр. сн. № 47): „Дана есть у Судомирѣ“¹⁾.

Въ турейско-володимирской жалованной кн. Витовта 1392 г. (= Палеогр. Сн. № 19) есть два малохарактерныхъ ижевыхъ начертанія: „на тымъ двѣ селици“ (три раза) и—еще нехарактернѣе—„привомили бихомъ вы купити“ (срв. обычное соврем. „волюти“, изъ „волюти“, хотя „звѣлити“ и „привѣлити“).

Въ Каменецъ-Стромиловскомъ Ев-іи 1411 г.²⁾: „идѣ І[с]усъ сквозѣ сѣвнїя“ (л. 30 об., = съянѣя); „по вѣрѣ“ (л. 26 об.); „Исцѣли (=исцѣлю) дщи ся от того часа“ (л. 39); „въсхотѣша“ (л. 41 об.); „въспѣвшѣ“ (л. 58 об., = въспѣвшѣ); „оцѣпенѣвает“ (л. 83 об., = оцѣпенѣвает); „абіе прозрѣ“ (л. 143 об., = прозрѣ); „отвѣща“ (л. 197 об., и тутъ же рядомъ два раза: „отвѣща“, л. 197 об.). Много разъ и написано въ корнѣ „вѣд-“, напр.: „неувидѣно будетъ“ (л. 28, = неувѣдно); „Аще бысте видѣли, что есть: ми[л]ости хочу“ (л. 30 об., = вѣдѣли); „Видѣаше, яко жну, идеже не сѣях“ (л. 56 об., = вѣдѣаше); „да никому жь повидят“ (л. 83); „увидѣв от сѣтника“ (л. 98 об.); „Отпусти им, не вѣдят бо, что творят“ (л. 154 об., = не вѣдят) и др., не говоря ужъ о систематическомъ совѣзмъ нехарактерномъ „свѣдѣтель“ съ производными и о „при-“ вм. ц.-слав. „прѣ-“.

Въ луцкой жалованной гр. 1438 г. вел. кн. Швигайла (Рум. муз.): „Дали семо [кухмистру Мышьчичю] села с дуги и з дубровами и с множатми“ (= съножатями).

Въ его же луцкой жалованной грамотѣ шляхетнымъ Чоботамъ 1445 г. (Рум. муз.): „[свѣдокъ]—пан Немиръ [чъ], старос[та] Луцки“ (вм. „Немиричъ“).

1) Впрочемъ, возможно, что писарь склонялъ это имя по различію мягкому, съ им. падежемъ „Судомирѣ“.

2) Каменецъ-Стромиловъ (теперь Камінька-Струмилова) лежитъ на р. Зап. Бугѣ, на границѣ Волини и Галичяны (въ нынѣшнемъ Золочевскомъ повѣтѣ въ Галичинѣ).

Въ лудкой вкладной припискѣ ок. полов. XV в. на Луцкомъ Ев-іи XIV в.: „при осподарствѣ короля Казимира, при епискупѣ Евфѣмъи“ (л. 262, = Евфиміи).

Въ лудкой вѣнковой записи ок. 1450 г. нава Ди. Порыцького ¹⁾ имя записывателя, м. б., содержитъ въ себѣ корень „рък“ (срв. „Порычье“, „Порычеськѣ“); послѣ р писцу-воляныяину легко было написать ѣ, а не и.

Въ Антоновецкомъ Апостолѣ XV в. (изъ Кременецкаго уѣзда): „лицемірие“ (л. 35), „нелицемірьна“ (л. 34; л. 36 об.; л. 62 об.; л. 85); „от дма“ (л. 33, = отъ дма); „въ темвѣ мѣсти“ (л. 41); „въ законѣ“ (л. 52); „правди Б[о]жїи“ (л. 59); „во облацѣ“ (л. 73 об.); „о дѣви“ (л. 71 об.); „на древи“ (л. 94) и мн. др., равно какъ въ глагольныхъ основахъ „вѣдѣ“ и „видѣ“. Обратнo ѣ вм. и: „завѣсти“ (л. 33 об., л. 34, л. 51) ²⁾, „вѣцїи“ (л. 52 об., л. 74, л. 80), „глубѣнѣ“ (л. 89, — если не отъ формы им. над. „глубѣвъ“, сов.-мр. глїбїнь) и др. Вѣроятно, сюда же надо причислить и „о нелїцемѣрнїи вѣре“ (л. 121, = о нелїцемѣрной вѣрѣ), гдѣ і поставлено скорѣе всего вм. церк.-слав. ѣ, а не вм. мр. ѓ.

Въ Четвертенскомъ Ев-іи конца XV в. (изъ мѣсти Четвертни Луцкаго уѣзда) ³⁾: почти всегда „змяло“ (хотя и „змяло“, л. 29 об.), „сквозѣ“ (и часто „сквозѣ“), „двѣ нозѣ“ (= двѣ ногѣ, дв. ч.), „о Б[о]жїѣ Сп[а]си мѣмѣ“. „удобїе“ (= удобїе. срв. ст.), „провїе“ (ср. ст., = прѣвїе), „узрѣмѣ“. Обратнo: „вѣцїи“ (= вѣдїи), „кустодїя“.

Въ (вожноволыньскомъ) ⁴⁾ Церковно-Музейскомъ Ев-іи конца XV в. № 169 (при кїевск. Духовн. Акад.) замѣна ѣ черезъ и чрезвычайно обильна: „повелїи“ (л. 2, = повель, т. е. овѣ повелѣлѣ); „лицемїри“ (л. 9 об., три раза; л. 10, три раза; л. 81 об., л. 84); „запустинїе“ (л. 11 об.); „разумїеть“ (л. 11 об.), „разумѣмѣ“ (л. 31 об., л. 37 об.),

¹⁾ Изд. фототипически въ кїевскомъ „Палеографич. Изборникѣ“ 1899, № 9.

²⁾ Впрочемъ, кажется, что въ словѣ „завѣсти“ издревле происходило этимологическое чередованїе звуковъ ѣ и ѣ. Срв. нарѣчїя „очивїсть“ и „очивѣсть“ (извѣстны и въ Изборникахъ Святослава XI в.). По соврем.-мр „завїсть“ рѣже, чѣмъ „завѣсть“. но это мягкое *vi* можетъ фонетически объясняться присутствїемъ губного звука *v* и сосѣдствомъ мягкаго окончанїя стъ (см. § 63).

³⁾ Описалъ Г. Крыжановскїй въ „Волыньск. Епарх. Вѣдом.“ 1895, см. стр. 302.

⁴⁾ Или, м. б., среднекїевскомъ, но не изъ Приднѣпровья.

л. 96 об., л. 102 об.), „разумійте“ (л. 36 об.) и пр.; „востритеніє“ (л. 13); „на коліну“ (л. 19 об.); „простравіаши“ (л. 23 об., сравн. ст.); „сквози сянніа“ (л. 27, =сквозь сянвья); „гриси“ (л. 29 об.) и т. п. Во флексіях мѣстнаго и дат. падежа: „во соннѣ“ (л. 25, =въ соннѣ); „ризм ветсм“ (л. 27, =ризм ветсь); „во себи“ (л. 30, =въ себѣ); „во класм“ (л. 30); „при горѣ“ (л. 31); „о народѣ“ (л. 37); „во градѣ Давыдовѣ“ (л. 59 об.), „по мнѣ“ (=по мнѣ; л. 38, л. 75, л. 93, л. 122 об., л. 131 об.) и т. д., и т. д. Очень обычно употребленіе и вм. ѣ въ корнѣ „вѣд.“ и въ глагольной темѣ „вѣдѣ-“. Такъ же часто и пишется вм. мертваго церк.-слав. ѣ: „клеверити“ (л. 1 об.); срв. отчасти „кисаревѣ“, „кисаревѣи“ (л. 8) и т. п. (Впрочемъ и въ живой зап.-вр. нарѣчій очевиденъ здѣсь рефлексъ звука ѣ; говорится: „дѣсар“, даже съ ударнымъ звукомъ ѣ).

Чтобы разгаться съ волынскими памятниками, остановимся еще на трехъ-четырехъ грамотахъ изъ сѣв. Волыни конца XV—нач. XVI вѣка:

Въ меречской жалованной 1496 г. вел. кн. Александра Звягольскому намѣстнику (=Ант. и Козл. № 10, стр. 21): „Намѣстникъ Звягольскій Яцко Мезь просилъ в насъ в Овруцкомъ повѣте человека, на имя Лазорка;... иво мы того человека дали ему, изъ его сынами, со всеми землями спашинми“.

Въ люблинской жалованной 1501 г. вел. кн. Александра на села въ Кременевскомъ повѣтѣ (=Ант. и Козл. № 14, стр. 33—34): „Билъ вамъ чоломъ землянинъ волынский Ивашко Лабунскій и повѣдмъ предъ нами“ (нехаракт.); „Нехай они то держать... изъ леса (=съ лѣсами) и смножатин“¹⁾.

г) Буква и вм. ѣ въ кievскихъ памятникахъ второй половины XV-го и начала XVI в.

Въ жалованной 1459 г. кiev. кн. Семена Олельковича Іереміи Шашку на имѣнія въ Черкашинѣ (=Ант. и Козл. № 9, стр. 19—20): „при всяю отчизнѣ и дидизнѣ его“; „штобы и увѣ тов отчизны и дидизнѣи свое заживалъ, на што и листъ нашъ с притисненъемъ и завишенъемъ печати дали есмо“. Писаво въ Прилукѣ за Днѣпромъ.

¹⁾ Въ подтвердительной грамотѣ 1503 г. (=Ант. и Козл., стр. 35) эта же фраза написана ужъ такъ: „изъ лѣсы и смножатин“.

Въ люстраціи Кіевщины ок. 1471 г. 4): „ловъ-
новъ четыре, а двѣ слуги“ (6,=двѣ); „а дави — четыре
ведры меду“ (6,=ведры, дв. ч.: срв. даѣве: „две ведре
меду“, 7); не очень характерно неудачное ж: „в Житомири“.
Можно думать, что ижевыхъ начертаній было въ кіевской
описи гораздо больше, и лишь бѣлорусь, вносившій ее въ
Литовскую Метрику, уничтожилъ ихъ 5).

Въ Посланіи Феодора Жидовина (1448—1461)
къ упорствующимъ евреямъ (выкреста, родомъ не то изъ
сѣв. Кіевщины, не то, — и это скорѣе, — изъ Чернигов-
щины) 3): „вси прор[о]ци прор[о]чествоваша о Х[ри]ст[ѣ] и
о с[в]я[т]и Тро[и]ци“ (=святѣй; едва ли вм. „святѣй“) 4);
„яко Азъ есмь Б[о]гъ, и нѣс[ѣ]тъ иного развѣ мене“
(вм. развѣе) 5). Обратно: „при Понтѣ и стѣмъ Пилатѣ“.

Въ спискѣ жидовствующихъ кіевлянъ XV в. съ Псал-
тири Феодора Жидовина 6): „по суди Твоему“
(пс. 44; мѣст. пад.=по судѣ Твоему); — П[р]ед[ѣ] Тобою
мудри,—яко без ума, зане вси вх дѣла—порозвнѣша“
(пс. 45; въ другомъ сп. „порозвѣша“);—„Г[оспод]ь—первѣи-
шни, и Г[оспод]ь—послѣднѣиши“ (пс. 51; и еще разъ
„послѣдвѣишии“ — пс. 61); — „Руцѣ наши — яко орли под
н[е]б[е]си, и нозѣ наши — аки звѣри по земли скорин“ (пс. 53).

Въ жидовствующемъ переводѣ Книги Давида
по Виленской рукописи № 262 конца XV в. 7): „в Шушане-
градѣ“ (гл. VIII, 2; срв. „в Шушане-градѣ“ Эсе. I, 2);—
„на ливу“ (VIII, 9);—„И пришлоъ есми на розумѣти
тебе, што спригодить на послѣдокъ дней люду твоему“
(X, 14; срв. IX, 22: „Кгабріелъ нарозумилъ и погово-

4) Изд. въ седьмой части „Архива Юго-Зап. Россіи“ (Кіевъ
1890), т. II, стр. 1—9.

2) Но, подобно тому какъ смѣшеніе *ы съ и овъ* не счумѣлъ
при перепискѣ затушевать, такъ и два-три ижевыя начертанія
вмѣсто ятевыхъ кое-гдѣ проскользнули у него изъ подлинника,
несмотря даже на ихъ ударность.

3) Изд. М. И. Соколовъ въ москов. „Чтеніяхъ“ 1902, кн. III,
стр. 107—109.

4) Изъ другихъ давнихъ „Посланій“ можно заключить, что
выговоръ Феодора Жидовина по отношенію къ рефлексу *б* былъ
ѣковый, а не ижевый.

5) Возможно впрочемъ, что это окончаніе *иѣ* есть чернигов-
скій дифтонгическій выговоръ окончанія формы „развѣ“. Но и
форма „развѣѣ“ тоже извѣстна церк.-слав. языку.

6) Изд. М. Н. Сперанскій въ моск. „Чтеніяхъ“, 1907.

7) См. о ней на стр. 392.

ригъ со мною и рек: Давиле! вышоль еси на розуми ти тебе“);—„Тотъ царь умножитъ честь и поставити (ти=ть) ихъ володителями над многими“ (XI, 39).—Въ Плачѣ Гереміиномъ: „Пути Ционовы—жалобны безъ приходящихъ на свиденье“ (I, 4, т. е. къ скинии свѣдѣнія);—„Видь, Адаваю, ижъ перевернулося сердце мое в нутри моемъ“ (I, 20, =нутрь моемъ) и др.—Мы и не говоримъ о многихъ менѣе характерныхъ ижевыхъ начертаніяхъ, такихъ, какъ „рекъ царь Зетаръ“ (Эсс. I, 10, съ передѣлкой на поляхъ: „Зетаръ“), или въ корнѣ „квитъ“ вм. „квѣтъ“ (Давилъ IV, 1: „обквитень“; XI, 24: „оквитностью“) и т. п., въ которыхъ и легко объясняется и безъ смѣшенія съ ъ.

Въ кievской вкладной записи 1499 г. отъ пана Лисицы Николо-Пустынскому монастырю (=кievск. „Палеогр. Изборн.“ № 3): „а про гѣвшую справедливость и вѣчностъ и печати свои есмо приложили“, причемъ это и самимъ писцемъ передѣлано на ъ.

Въ кievской мѣщанской купчей ок. 1500 г. на продажу коморы (=кievск. „Палеогр. Изборн.“ № 14): „писан у Киевѣ“.

Въ черкасскомъ указѣ ок. 1503 г. старосты Остаея Дашкевича (=Палеогр. Изборн. № 8): „Повелениемъ гос[уд]ара его милости обвѣстивалъ еси бояръ и мещанъ черкасскихъ и козаковъ, старихъ людей“.

Въ размежевочномъ рѣшеніи 1508—1523 г. кievскаго митрополита по жалобѣ Николо-Пустынскаго игумена (=Палеогр. Изборн. № 5) буква ъ написана повидимому вм. ѡ: „отъ верхнего устья рѣчи Злѣнки“ (=Злѣнки?).

Въ кievо-Михайловской вкладной записи 1526 г. короля Жигимонта (на послѣднихъ листахъ Ев—ія нач. XVI в. Михайловскаго Золотоверхаго монастыря)¹⁾: „На Припятѣ людѣи ц[е]к[о]вные Карповичи, дані дають 9 ведро меду, и езовише звѣчнов на Припяти Антоновичи дають 2 ведръ меду; з Масановича землѣ — двѣ (дв. ч.) ведра меду идет; на Днепрѣ противъ Рудоров[а]—островъ Михайловскій звѣчный с озеры“.

И т. д., и т. д. Но при этомъ, какъ свидѣтельство долго неумираваго вост.-мр. дифтонгизма XVI—XVIII-го в. (ѣ=іе), обильно проскальзываютъ по вост.-мр. памятникамъ и естевыя начертанія вмѣсто ятевыхъ, параллельно съ ижевыми.

¹⁾ Издана у Крыжановскаго, стр. 170—171.

§ 22.

Судьба Ы и И.

а) Нынѣшнее мр. совпаденіе звуковыхъ рефлексовъ *ы* и *и*. Неодинаковый качественный результатъ такого совпаденія на востокѣ и на западѣ мр. территоріи.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, рефлексы старѣншихъ звуковъ *ы* и *и* совершенно слились у всѣхъ малорусовъ ¹⁾, хотя результатъ слитія не одинаковъ на востокѣ и на западѣ.

Въ восточно-малорусскомъ нарѣчій мы вмѣсто двухъ старинныхъ звуковъ *ы* и *и* имѣемъ одинъ средній звукъ *и*, болѣе мягкій, чѣмъ *ы*, и болѣе твердый, чѣмъ *и* ²⁾.

Въ западно-малорусскомъ нарѣчій ³⁾ мы слышимъ, какъ на мѣстѣ стариннаго *ы*, такъ и на мѣстѣ стариннаго *и*, тоже лишь одинъ звукъ, но онъ совершенно твердъ и равносиленъ русскому и польскому звуку *ы* (а значить и старому *ы*). На письмѣ мы изображаемъ этотъ единый западно-малорусскій твердый звукъ (происходящій изъ *ы* и изъ *и*) черезъ одну букву *и*, предоставляя такимъ образомъ возможность восточному малоруссу читать западно-малорусскіе тексты по своему.

¹⁾ Мы, конечно, исключаемъ, немногочисленные наиболѣе архаичные сѣверные малорусскіе говоры, гдѣ звуки *ы* и *и* донныѣ различаются другъ отъ друга.

²⁾ О старинномъ произношеніи звуковъ *ы* и *и* мы можемъ судить на основаніи языковъ русскаго и польскаго.

³⁾ и въ рѣчи тѣхъ малорусовъ, которые переселились въ Украину съ запада, убѣгая отъ польскихъ религиозныхъ гоневій.

Очень естественно думать, что процессъ слиянія двухъ звуковъ ы и и въ одинъ общій звукъ происходилъ въ восточно-малорусскомъ нарѣчїи иначе, чѣмъ въ западно-малорусскомъ.

Въ вост.-мр. нарѣчїи дѣло, повидимому, шло такъ, что съ одной стороны звукъ и постепенно отвердѣвалъ, а съ другой стороны звукъ ы постепенно смягчался, пока наконецъ оба они не слились въ одномъ среднемъ звукѣ. — У западныхъ же малоруссовъ старое ы осталось, какъ знаемъ, навсегда ископно-неизмѣннымъ, а старое и (одновременно съ мягкимъ ѣ) постепенно отвердѣвало, пока наконецъ не дошло до степени твердаго ы, — и тогда вмѣсто двухъ звуковъ ы и и оказался и у западныхъ малоруссовъ лишь одинъ звукъ ы — твердый звукъ, отличный отъ восточно-малорусскаго средняго и.

Показанїя памятниковъ позволяютъ заключить, что отождествленіе звуковъ зѣ и и на востокѣ и на западѣ мр. территорїи (происходившее, какъ видимъ, путемъ процессовъ разныхъ, неодинаковыхъ) завершилось не одновременно въ обѣихъ областяхъ мр. рѣчи. Въ западно-мр. нарѣчїи лишь наиболѣе южные говоры очень рано отождествили зѣ и и, тогда какъ среднїе и болѣе сѣверные говоры зап.-мр. нарѣчїя довольно долго умѣли различать оба звука. Въ вост.-мр. нарѣчїи, напротивъ, даже наиболѣе сѣверные говоры (Кіева, Чернигова) очень рано смѣшали зѣ съ и.

Когда же именно происходило все это?

б) Эпоха смѣшенїя зѣ и и предками малоруссовъ. Разница между памятниками восточными и западными XI—XIII в.

Во времена Владиміра Святого, т.-е. въ X вѣкѣ, звуки ы и и, вѣроятно, еще различались съ полной строгостью у всѣхъ малоруссовъ. Но тогда и звукъ ѣ несомнѣнно не обращался еще ни въ какихъ положенїяхъ въ монофонгическое і. Въ XI-мъ же вѣкѣ, когда мы по памятникамъ видимъ у малоруссовъ болѣе или менѣе частое смѣшеніе ѣ съ і (см. стр. 205β), мы обязательно должны предположить, что

старый звукъ и звучалъ у нихъ ужъ нѣсколько тверже, чѣмъ *i* ¹⁾. Это и письменными памятниками подтверждается. Коснемся сперва восточныхъ, кіево-черниговскихъ.

Въ памятникахъ восточно-мр. нарѣчія мы находимъ смѣшеніе *ы* и *и* начиная съ самыхъ старѣйшихъ памятниковъ, какіе до насъ дошли ²⁾, т. е. видимъ это явленіе и въ кіевскихъ Святославовыхъ Изборникахъ 1073 и 1076 г. («плътолюбыя», «Ахименыды», «неправды», «осырѣю», т. е. «осарѣю» и пр.), и въ мнѣйномъ Успенскомъ Сборникѣ XII в. съ кіево-печерскими произведеніями (мѣстоим., «ти» и «ми» вм. «ты» и «мы» и т. п.), и въ черниговской Румянцовской Лѣтствицѣ XII в. № 198, и въ Словѣ о Полку Игоревѣ конца XII в., и въ разныхъ бѣлор. и вкр. копіяхъ съ кіевскихъ памятниковъ XII—XIV в., и въ др.

Слѣдовательно съ фактомъ огрубѣнія звука *и* и умягченія звука *ы* мы въ восточно-малорусскомъ нарѣчіи встрѣчаемся еще съ XI вѣкѣ. По всему вѣроятію, во времена татарскаго нашествія ужъ завершился весь процессъ восточно-малорусскаго сліянія звуковъ *ы* и *и* въ видѣ одного средняго звука (нынѣшняго восточно-малорусскаго *и*).

Что касается нарѣчія западно-малорусскаго, то хотя и тамъ въ XI вѣкѣ звукъ *и* долженъ былъ нѣсколько отвердѣть (иначе онъ смѣшался бы съ *ѣ*, переходящимъ въ монофтонговое *i*), однако въ большинствѣ зап.-мр. областей отвердѣлъ онъ еще не настолько, чтобы смѣшиваться съ твердымъ *ы* (остававшимся у западныхъ малоруссовъ

¹⁾ Допустить, что предки малоруссовъ, произнося *ѣ* за *i*, могли въ то же время произносить и какъ совсѣмъ мягкій звукъ *i*, вещь немислимая. Вѣдь если бы *ѣ* и *и* отождествились въ старину, въ XI вѣкѣ, то впоследствии, когда у малоруссовъ *ы* и *и* окончательно слились въ одинъ довольно твердый (или даже совсѣмъ твердый) звукъ, *ѣ* также обратилось бы въ твердый звукъ, и мы теперь говорили бы не *міра* (=мѣра), но *мира*, не *стѣна* (=стѣна), но *стѣна*.

²⁾ Обстоятельные выписки см. ниже, въ отдѣлѣ *в*, стр 209Б и слѣд.

безъ перемѣны). Въ этомъ отношеніи надо различать говоры наиболѣе южные отъ остальныхъ западно-малорусскихъ.

Раннее смѣшеніе *ѣ* и *и* въ зап.-мр. нарѣчій, мы изстари, съ XI вѣка, констатируемъ только въ тѣхъ зап.-мр. памятникахъ, которые происходятъ изъ южной Галичины или изъ юго-вост. полосы Волины, граничащей съ Кіевскою землею ¹⁾. Сюда относятся, напр., южно-гал. Слова Григорія Богослова XI в. («пытание» вм. «питание», «коны» вм. «кони», «бити» вм. «быти», «ты» вм. «ты»), «сы» вм. «си», т. е. себѣ, «дымъ» = *δῆμος*, «Дий» вм. «Дий», т. е. Зевсѣ и мн. др.), вост.-волинскій Стихирарь Тиховскаго XII—XIII в. («видѣты»), т. н. Вѣнскій Октоихъ, или Codex Hankensteinianus XII—XIII в. (орудн. мн. на *и* вм. *ѣ*; «си» = «сы»; «въ цркви», — мѣст. пад. вм. «въ цркви»; и пр.). букв. болг.-Софійское Ев-іе XIII в., южно-гал. Ев-іе 1283 г. поповича Евсевія и др. Въ нихъ смѣшеніе *ѣ* и *и* представлено вполнѣ яркими, рѣзко-характерными начертаніями начиная съ XI вѣка. И звукъ *ѣ*, какъ мы уже видѣли (см. стр. 195), отвердѣвалъ на юго-западѣ мр. территоріи тоже раньше, чѣмъ въ другихъ зап.-мр. областяхъ. И ятевый дифтонгизмъ здѣсь исчезалъ, повидимому, раньше, чѣмъ гдѣ, такъ что *ѣ* превращалось здѣсь въ простое *і*.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ старѣйшихъ памятникахъ изъ Галичины сѣверной и изъ Волины. Ни Галицкое Четвероевангеліе 1144 года, ни Христинопольскій Апостолъ XII—XIII вѣка не представляютъ намъ ни одного примѣра на смѣшеніе *и* съ *ѣ*, если не считать (въ Евангеліи 1144 г.) такого начертанія, какъ «небесьскіѣ» (л. 77), которое естественно всего можетъ объясняться зап.-мр. умягченіемъ согласнаго (заднебнаго) звука *к*, а не смѣшеніемъ гласныхъ звуковъ *ѣ* и *и* ²⁾. Не видно достовѣрнаго смѣшенія

¹⁾ Обстоятельныя выписки см. ниже, стр. 1098 и слѣд.

²⁾ Кромѣ того—начертанія: „книжники людскія“ (л. 218) и „похоти плотскія“ „мужьскія“ (л. 227 об.), о которыхъ см. стр. 126—127, исправляя при этомъ неточность, мною по недосмотру допущенную.

³⁾ См. стр. 126—127.

буквъ и и ы въ сѣверномъ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г., потому что встрѣчающееся тамъ «дщеры» (л. 115) скорѣе указываетъ на западно-малорусское отвердѣніе согласнаго р, а не на огрубѣніе и ¹⁾; и въ Холмскомъ Ев-и XIII—XIV в. ²⁾ намъ придется усмотрѣть, кажется, только мягкость заднебныхъ согласныхъ, а не смѣшеніе гласныхъ ѣ и и.—Но во Владимірѣ Волинскомъ въ это время, т. е. въ XIII вѣкѣ, ужь безъ сомнѣнія и взрядно огрубѣло. По крайней мѣрѣ во Владимірѣ-волинскихъ поученіяхъ Ефрема Сиріана XIII в. (1271—1288), дошедшихъ до насъ въ бѣлорусскомъ спискѣ 1492 г., находимъ: «видѣль *лы*» (л. 69 об.), «сѣлѣпымъ и сырымъ» (л. 102 об.), «сырымъ и удовами» (л. 103), «помыслѣлъ» (л. 136), «си» (л. 1; =сы, сущій), не говоря ужь о такихъ начертаніяхъ, какъ «протія жены». И въ галицко-волинской лѣтописи XIII—XIV в. по вкр. Ипатскому списку ок. 1425 г. мы видимъ смѣшеніе и съ ы. Очевидно, что такое смѣшеніе имѣлось ужь и въ волинскихъ оригиналахъ конца XIII в., потому что этой черты ни бѣлорусскій, ни великорусскій переписчики XV в. не могли почерпнуть изъ своей родной рѣчи.

Такимъ образомъ, только въ монгольскій періодъ, къ концу XIII-го или къ началу XIV вѣка, въ сѣверно-галицкихъ и многихъ волинскихъ говорахъ звукъ и огрубѣлъ настолько сильно, чтобы писцы могли не всегда отличать его отъ ѣ и путать на письмѣ обѣ буквы ѣ и и. Въ это же время (см. стр. 196) сильно отвердѣлъ зап.-мр. звукъ є, и онъ, произносясь за э сталъ смѣшиваться съ неударнымъ ы. (А выговоръ і въ это время сталъ тамъ присущъ прежнему звуку ѣ, перестававшему тогда во многихъ галицко-волинскихъ говорахъ быть дифтонгомъ *ie*).

¹⁾ Тамъ же въ Гал. Ев. 1266—1301 г. есть еще: „двѣ тисащи“; но и оно не ярко: вѣдь звукъ и въ этомъ словѣ чередуется съ ы не только въ рукописяхъ малоруссовъ, но и въ живой рѣчи другихъ славянъ, не смѣшивающихъ звуковъ ы и и (старыхъ бѣлоруссовъ, словаковъ).

²⁾ Если исключить въ немъ «избываются хлѣби» (л. 106 об., вл. „хлѣбъ“, т. е. хлѣбами),—см. ниже, стр. 210².

Польскіе и латинскіе документы XIV—XV в. охотно передають зап.-мр. *ѣ* буквою *i*, зап.-мр. *и*—латинскою буквою *u*. Какое-нибудь, скажемъ, с. Гнильче пишется по-польски: *Hnyłcze*, и т. п. ¹⁾.

в) Консерватизмъ Волини XIV—XV вв.

Впрочемъ, относительно значительной части Волины позволительно думать, что тамъ даже въ XIV—XV в. твердый выговоръ *и* не окончательно еще совпалъ съ выговоромъ *ѣ*. По крайней мѣрѣ, луцкіе и нѣкоторые др. волинскіе памятники (даже не изъ самыхъ сѣверныхъ окраинъ, граничащихъ съ Бѣлоруссіей), какъ рукописи церковныя, такъ и свѣтскія грамоты, все еще очень мало смѣшиваютъ буквы *и* и *ѣ*, въ противность одновременнымъ памятникамъ галицкимъ и кіево-черниговскимъ. Очень вѣроятно, что и звукъ *ε* не во всѣхъ еще положеніяхъ звучалъ тогда въ Луцкѣ какъ твердое *э* (см. стр. 196—197); и *ѣ* имѣлъ тамъ въ XIV—XV в. произношеніе въ извѣстныхъ случаяхъ дифтонгическое (*ie*), а не исключительно звучалъ какъ *i* (см. стр. 206б).

д) Выписки изъ мр. памятниковъ XI—XV в., иллюстрирующія процессъ смѣшенія звуковъ *ѣ* и *и*.

XI вѣкъ.

Въ кіевскомъ Изборникѣ вел. кн. Святослава 1073 г.: „сввраштаю плѣтолюбыя грѣхы“ (л. 135а, = плѣтолюбмя грѣхами);—„... или о земля мѣрми“ (л. 203 об., а, =землемѣрми);—„Рече къ мѣт: Неправда дому И[зраи]л[е]ва... И градъ исплнися неправды и нечистоты“ (л. 104 об., б; а далѣе въ томъ же контекстѣ: „Рать на чада неправды придетъ—наказать ихъ“, л. 104 об., б) ²⁾;—„Кѣде

¹⁾ Это, конечно, самъ по себѣ критерій мало надежный, потому что латинскія буквы *u* и *i* путались въ средневѣковомъ польскомъ правописаніи даже въ чисто-польскихъ словахъ.

²⁾ Довольно вѣроятно, что такой же род. пад. на *и* *вм. и* имѣемъ мы въ Изб. 1073 г. и четырьмя листами раньше: „Видиши ли, како ти бес правды с:“ (л. 100 об., б), т. е. „Видишь ли, какъ

суть звѣздъ тѣхъ за поимъ? (л. 116 б, вм. „запоимъ“, отъ ел. ч. ж. р. „запова“);— „А х и м е в и д ы В а в у л о н ь с к ы “ (л. 154 а, = Ахмевиды). Вм. „пронывривни“ (= коварный) пишется въ Изб. 1073 г. и „пронывривни“ (л. 140 об., а; два раза) ¹⁾, и вмѣсто „нырати“ пишется „нирати“: „сухыхъ пѣтиць же и и в и р а ю ш т и н х ъ “ (л. 155 об., а). Рядомъ пишется „псалтырь“ и „псалтира“ (оба в л. 253 об., а), и часто путаются и и м послѣ р (въ чемъ, конечно, мало характерности): „корысть“ (л. 49б) и „бескорыстьвни“ (л. 199б); „рмба“ (л. 251а) и на томъ же листѣ: „рыба“; „прикрывае“ (л. 185б) и тутъ же „прикрывае“; „мокримъ“ (л. 238а); „трызны“ (л. 92б, т. е. подвига: „Не могли подъяти дѣйствыныя трызны придесть на женитву“); „рмвая“ (л. 180б: „аки лвъ рикая“) ²⁾. Однако въ начертаніи м послѣ к: „сикими“ (л. 61 об., б, — орудн. пад. отъ „сикъ“ — такой) мы имѣемъ дѣло съ характернымъ киевскимъ умлгченіемъ гласнаго ѣ, а не съ мягкостью согласнаго к ³⁾, потому что Изб. 1073 г. есть памятникъ нарѣчія восточно-малорусскаго, а не западно-малорусскаго. — Но чередованіе формъ „многашды“ и „мьногашды“ безусловно нехарактерно.

тебѣ [плохо] безъ правды? Но можно прочитатъ здѣсь и слитно: „бесправднѣ“.

¹⁾ Слово „пронывривни“, или „пронывривни“ — очень обычно въ старыхъ церковныхъ рукописяхъ, но съ буквою ѣ оно попадаетъ только въ киевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г. въ списанномъ съ киевскаго оригинала „Златоструѣ“ XII в. (Свѣд. и Зам., I, вып. III, № 24, стр. 38), въ черниговской Румянцевской Лѣствицѣ XII в. № 198, — чередуясь, впрочемъ, съ „нвр“. Въ другихъ киевскихъ или зап.-мр. старыхъ памятникахъ мы здѣсь находимъ лишь исключительно букву ѣ, — напр. въ мнѣйномъ Успенскомъ Сборникѣ XII в. съ киево-печерскими произведеніями (л. 44 д: „пронывривни бѣси“; л. 62с; л. 63с; л. 95с), въ Синайскомъ Патерикѣ XI в., въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. (л. 1а: „нвирения“; л. 11с: „пронывривни“; л. 176а: „пронывривую“; л. 57с. л. 187а, л. 251с, л. 253б, л. 275б, л. 284а, л. 288с, л. 298с, л. 299б) и въ др. Изъ чистыхъ перк.-слав. старыхъ памятниковъ только въ Супрасльской рукописи найдено „пронывривни“ (Словарь Миклошича, 701), но тамъ же и „нвр“ (151, 273; неизвѣстно притомъ, кто былъ родомъ перенасчикъ Супрасльской рукописи, и не въ Кіевѣ ли она писалась).

²⁾ На основное ѣ (а пе на и) указываетъ польскій языкъ, гдѣ говорится *ruszcę*, а не *ruszycę*.

³⁾ См. стр. 125.

Въ маленькомъ кievскомъ Изборникѣ Свято-слава 1076 г.: „милостыня“ (л. 13б, при сосѣднемъ же „милостыни“, л. 13а) и еще разъ: „Красьна есть милостыни“ въ время скърби“ (л. 165б), при сосѣднемъ же „милостыни“ (л. 166а);— „С[ы]ну мой любви! иду, отънюдуже не възраштяся,—да не рѣци, яко о сь р ѣ ю“ (л. 112б, т. е. осирѣю, осиротѣю),—при „сирота“ (л. 192б);—„[ангели] зли, прои р л и в и и“ (л. 249а, = проварливии);—„да будеть съ тобою вѣкъ в ѣ км“ (л. 19а, вм. „вѣкм“); „и вѣ в ѣ ки вѣкомъ, амнь“ (л. 62а) 1).

Въ (л. б., кievо-печерскомъ) Синайскомъ Патерикѣ XI в. (Синод. Библ. № 551) 2): „Рѣхъ: Еп[и]с[ко]пъ, си въ тѣмьници, ть да проскумисаеъ!“ (77, = см., сущій, т. е. заключенный).—Б. м., куда же относится мп. ч. причастія на лъ: „не оскудѣлм“ (86, = муж. р.? вм. „не оскудѣлм“?).

Также въ старѣйшемъ зап.-вр. памятникѣ, южногалицкихъ Словахъ Григорія Богослова XI в., смѣшеніе з и и очень обильно и очень характерно 3). Начнемъ съ греческихъ словъ, послѣ ѿ: „[Кръщение Христово]—не Дьмь ва се сѣмена и краденя!“ (л. 2д; ѿ Διῶς ταῦτῃ ὑσυγί καὶ χλοπαί); „Овь Дьмю жьреть“ (л. 322б; т. е.:

1) У Шимановскаго невѣрно издано „милостыни“, что ужь отмѣтилъ С. Кульбакинъ («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1893, февр., 205).

2) Срв. стр. 125.

3) Изд. въ „Слѣд. и Зам.“, т. III, № 83.

4) Считаю нужнымъ это подчеркнуть, потому что авторъ очень полезнаго „Исслѣдованія языка 13 словъ Гр. Бог.“ А. Будиловичъ (Спб. 1871), не отмѣтилъ въ своемъ специальномъ изслѣдованіи ни одного достовѣрнаго случая смѣшенія *и* съ *и* (см. у него стр. 2); а В. Ламанскій въ своей цѣнной работѣ „О нѣкоторыхъ слав. рукописяхъ“, Спб. 1864, стр. 42, въ 6-омъ томѣ Запис. Ак. Н.) счумѣлъ указать въ Словахъ Григ. Богослова только два случая, какъ будто подходяще, но на самомъ дѣлѣ оба мнимые: „кръсти мой синъ въ водѣ“ (л. 15б; надо читать: „кръсти Мои си, нъ въ водѣ“) и „Аще видили вага—одеждѣ (т. е. одѣвнѣ), чь ты твою одежду неистыдѣния, еже есть Х[ристос]ъ“ (л. 128д); повидному, это „чѣты“ есть правильная форма причастія, съ обычнымъ скончаніемъ *и*, (или—по новому—дѣсепричастіе), а не форма пов. и нія, какъ полагалъ В. Ламанскій. У А. Соболевскаго не отмѣченъ ни одинъ примѣръ изъ Слова Григ. Богослова XI в., хотя въ списокѣ источниковъ въ его Лекціяхъ памятникъ этотъ и упомянутъ.

тотъ приносятъ жертву Дію, Зевсу); срв. „Дмевъ гробъ Крити показается“ (л. 285а); также срв. и вм. греч. иты: „сѣ дѣмомъ“ (л. 284d; μετὰ τοῦ δῆμου).—Въ своихъ родныхъ корняхъ: «Поучение створи книжное — и д[у]ша альчны насытитъ хлѣбъ ихъ... Се по питани и словесѣнвѣмъ, елма же хлѣбъ анг[е]л[ь]скъ—слово, имъ же д[у]ша вкръмается» (л. 55а, вм. „по питани“; по греч. μετὰ τῆς τοῦ λόγου τροφῆς); и наоборотъ—написано „пит“ вм. „пыт“: „[Бога разумѣти и] толику вещь мыслью объати — немощно и чрѣсъ силу не тѣчю иптающемъся (т. е. питающимся) и долу прѣклоньшимъ, нъ и зѣло высокымъ б[о]голюбцемъ“ (л. 301b).—Мѣстоименіе 2-го л. „ты“ превращается у писца Слово Григорія Богослова XI в. въ „ти“, напр. „Начесо же не прѣмысли, не ухитри тѣ на сп[а]са!“ (л. 112d; μηδὲν σοφίσῃ, μηδὲν τεχνάσῃ κατὰ τῆς σεαυτοῦ σωτηρίας); „Прѣмудри и тѣ нѣчто о рѣчьновани!“ (л. 346с; Σέφισαι τι καὶ σὺ περὶ τὴν ἀπαίτησιν). Иногда же—наоборотъ—союзъ „и“ (=и, καὶ) превращается у него въ „ти“: такъ: „[Лисицю пронирыву] мрътва крѣмить и тѣ смръдящая тѣвеса“ (л. 299b; ἦν υεχρά τρέφει καὶ ὀδωδὸτα σῶματα).—Появляется и въ возвр. мѣстоименіи „см“ при возвр. глаголѣ: „нъ близъ сѣ въкупь сѣ и сѣпряглъ“ (л. 76d; ἀλλὰ πλησίον συνάψας καὶ διαρεύσας).—Въ глаголѣ „быти“ сѣ производными: „ни убывая николи же, нъ прсно испльняемъи“ (л. 282b, =убывая, οὐποτε λείπου); „Стефанъ же стависа быти“ (л. 90d, т. е. ему не пришлось быть Стефаномъ, Στέφανος μὲν γὰρ ἐκωλύθη γενέσθαι).—Въ отрицаніи: „...не далече же сѣвъкупленныхъ, нѣ (вм. нѣ, οὐδέ) ако стѣною нѣкакою разлучивъ“ (л. 76d, вм. „ни ако“, „ни яко“¹⁾).—Наряду съ „милостыня“ встрѣчается и „м[и]л[о]ст[и]н[ю]“ (л. 304b).—Въ окончаніи ие сущ-ныхъ ср. р.: „гл[агол]ю убо... и научени и добръ отъврзаемьихъ и затварямьхъ отъ разума“ (л. 341а, =вм. род. мн. „научений“: λέγω δὴ τῶν τοῦ νοῦ κινημάτων τε καὶ δοῦμάτων).—Во флексіи ие. -вин. множ. ж. р.: „(Василій Великій), видя ц[а]рьскыя с[вят]и[т]еля, на многы славы и лѣсты растръзаны...“ (л. 59а: вм. лѣсти, или скорѣе вм. лсти²⁾); т. е. видя святителей, разбившихся на

¹⁾ Чтеніе печатнаго изданія „нъ яко“ противорѣчитъ греческому тексту, гдѣ οὐδέ.

²⁾ Вѣроятнѣ всего, что первое и (послѣ плавнаго л) есть обычная зап.-мр. эвфоническая вставка вм. выпавшаго глухого гласнаго, срв. зап.-мр. „лмжка“ (=лѣжка), „плъткый“ (=плѣтъкый), „блмх“ (=блѣхт, род. мн.), общемр. „лмсьнѣтися“ (=лѣсьвѣтися) и т. п.

многія вѣронеповѣданія и заблужденія: [κλήρον] εἰς μονίαν δόξης καὶ πλάνας διαπασμένον); — „Мѣрм въ обыщее смѣшанне и вступленіе“ (л. 233с, вм. „мѣрм“: μέτρα τῆς εἰς τὸ κοινὸν ἐπιμιξίας καὶ ὑποχωρήσεως).—Во флексіяхъ орудн. пад. мн. ч.: „неначааними же прѣложенин“ (л. 156b, = т. е. печальными перемѣнами, ἀνεπίστοις μεταβολαῖς): „[Аѳины] богатѣють бо зъломъ богатствомъ: образи,—паче иноу Егладѣ“ (л. 41с, вм. „образы“, т. е. Аѳины богаты образами, идолами, больше всей прочей Греціи: καὶ γὰρ πλουτοῦσι [αἱ Ἀθῆναι] τὸν κακὸν πλοῦτον: εἶδω λα, μᾶλλον τῆς ἄλλης Ἑλλάδος);— „Ини же не суть сильни дарм (вм. дары, т. е. дарами), и приемють“ (л. 117с: по греч. нѣсколько иначе: οἱ δὲ οὐδὲ εἰσὶ ἐν δυνάμει τοῦ δέξασθαι);—„[Искра] възгарається и възсалається и на небо възноситъ иже въ немъ вѣтри“ (л. 292b, вм. вѣтры, т. е. вѣтрами: ταῖς πᾶρ' ἑαυτῆς αὐραῖς).—Не только фонетическому, но и морфологическому объясненію (какъ смѣшаніе падежей) поддаются формы вин. мн. муж. р.: „Како можетъ питѣти ...гражани поселанинъ?“ (л. 150d, =гражаны, вин. мн.);—„... отъверываетъ намъ с[вя]тую Троицу и люди (καὶ λαόν) не очищенни“ (л. 88b, вм. „неочищенны“). Пожалуй, такимъ же морфологическимъ образомъ можно объяснить также: „огнь же и мечъ и звѣрие и дробященъ пать и ногъты“ (л. 65d, им. мн., вм. „ногъты“¹⁾). Однако, безъ фонетическаго смѣшенія звуковъ и и и ужъ необъяснима форма вин. мн.: „Кони благородныя, или печьстыныя“ (л. 22d: вм. „кони“, какъ на л. 291d). Возможно даже, что писецъ Словоу Григ. Богослова XI в. употребилъ букву и въ начертаніи „кони“ вм. буквы ѣ (т. е. написалъ „кони“ вмѣсто „конѣ“²⁾). какъ употребилъ онъ букву и вмѣсто ѣ и въ „расыеть“ (л. 103с, =ра[з]сыеть) и въ „расыема“ (л. 313а, =ра[з]сыема, σπερμῶμευ) ³⁾: еще срв. (гораздо менѣе ужъ характерная) начертанія съ ѣ вм. и: „чьстыныя мнѣ главы и съ анг[е]лы начѣтаемъ“ (л. 223 с, вм.

¹⁾ Существительное „ногъты“ (съ окончаніемъ ѣ ижеваго склоненія: им. мн. „ногъты“; вин. мн. „ногъты“) имѣло къ себѣ и твердую параллель „ногъта“ (съ окончаніемъ ѣ: им. мн. „ногъты“, вин. мн. „ногъты“). Срв. въ тѣхъ же Словахъ Григ. Богослова XI в. двѣ формы вин. мн.: „пазногъты“ (л. 350а)—и „пазногъты“, (л. 236а).

²⁾ См. объ этомъ въ рубрикѣ выписокъ ѣ=и, стр. 205d.

³⁾ См. тамъ же, стр. 205d.

„начитаемы“; τῆς ταμίης ἐμοί κεφαλῆς καί μετ' ἀγγέλων ἀριθμοῦ μένους) и „подражатель есть Петрова рывнования, Павловъ крѣпости“ (л. 90с, род. пад., в.м. „Павловы крѣпости“) ¹⁾. Отмѣтимъ еще въ Словахъ Григорія Богослова XI в. смѣшеніе слоговъ *рм* и *ры*: „трызну“ (л. 86а), „трызнующе“ (л. 251с), „трызднѣнку“ (л. 259b) при обычномъ „трыздну“ (л. 288d), „трызднуму“ (л. 288d) и др.; „рикаа“ (л. 299а); „отърыгнути“ (л. 232с.). Для исторіи смѣшенія *ы* и *и* чередованіе *рм* и *ри* само по себѣ малохарактерно, равно какъ малохарактерны параллельныя начертанія „многашьды“ (л. 176с) и „многашьди“ (л. 163b, л. 188d) ²⁾.

XII вѣкъ.

- Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (майской четвь минеѣ съ кіево-печерскими пропзведеніями) мѣстоименіе 2-го л. ед. пишется „тм“. Такъ, въ Житіи Θεοδοσία Печерскаго: „Старьць же (Антоній) к неи (матери Θεοδοσία) отъвѣща: А зъ—шедъ увѣщаю ѳ, не борачыте видѣти кого. Т ѳ—въ утрѣи д[ѣ]въ пришедъши видиши ѳ“ (л. 32 b);—„Она же (мать юнаго Θεοδοσία) плакашеса горко и начатъ увѣщавати: Понди, чадо, въ домъ свои... не отлучаися мене. И егда ти умру, ты же погребеши тѣло мое, т ѳ тгда възвратишися въ пещеру сию“ (л. 32 d). Въ Видѣніи Исаіи: „И гл[агол]а ми (ангелъ): Довѣльно т ѳ, Исане, увѣдѣ!“ (л. 94 d, т.-е. довольно ты узналъ).—Въ 1-мъ л. мн. ч.: „Ц[ѣ]с[а]рѣ рече (къ св. Иринѣ, своей дочерп): Блазѣ ми, чадо, дабы м ѳ (=мы) тебе не родивъши!“ (л. 72 d, т.-е. лучше бы мѣ было, чтобы м ѳ тебя не родили). Довольно что сто в.м. „сѳ“ (=сущій) пишется въ Усп. Сборникѣ „си“.
- Такъ, въ Житіи Θεοδοσία: „Онъ же ужасеса въ умѣ и, трепеть сѳ, вѣста и вѣсѣде на конь“ (л. 43 с, в.м. „трепеть сѳ“, т.-е. трепетень будучи); срв. „дондеже пакы будяше чьрньць искусьнъ, житисѳ чистѳ сѳ (=сѳ?), ти тгда

¹⁾ Два послѣднихъ начертанія могутъ (не очень впрочемъ удовлетворительно) быть объяснены и помимо фонетическаго смѣшенія *ѣ* съ *и*, а *и* съ *ы*. Можетъ быть, буква *ѣ* механически написана в.м. „—ѣѣ“ или в.м. „—оѣ“?

²⁾ Въ „Вероникѣ и въ бръчьхъ“ (л. 256d, Βερονικής πλόχμας, созвѣздіе Веронкина коса) буква *и* очевидно есть точная передача греческой иты, а не результатъ смѣшенія *ы* съ *и* или зап.-мр. мягкости согласнаго звука *κ*. Свое родное прилагательное отъ „Вероника“ было бы „Вероникнѣ“, а не „Вероникнѣѣ“.

слодобашети ѱ (св. Θεодосій) прияти с[в]ятую скину“ (л. 37 d).—Въ корняхъ „бѣ“ и, повидмому, въ „пѣт“; такъ, въ мученіи св. Ирины: „Приде анг[е]лѣ Г[осподь]нѣ, бѣ въ и землю, и погуби людии нечѣстивныхъ“ (л. 79 а, при чемъ это и самимъ писцемъ исправлено на и);—въ Словѣ І. Златоустаго: „ухода съмърти бѣ въ ша (л. 236, тогда какъ въ ц.-сл. Супрасл. рукописи здѣсь читается „бѣвша“, стр. 238); въ другомъ его Словѣ—о соборѣ іудеевъ противъ Христа (л. 188): „Събъраша съборъ, гл[агол]ааху: „Что сътворишь?“ О, гнусное п и т а н и е!“ (вм. „пытание“, какъ мы ждали бы изъ Успенскаго контекста).—Во флексіяхъ глаголовъ, въ Житіи св. Аванасія Александрійскаго: „Злодѣя его и отравника истинѣ врази нарекоша ѱ. Д[ѣ]в[и]ца же та, отъвергши вся, размысли, яко Б[ог]ѣмъ посланъ естъ с[в]ятыи, укры его та сама умываше нозѣ его“ (л. 7 b, вм. „размысли“? т.-е. размыслила). — Во флексіяхъ склоненій,—въ Житіи Кирилла и Меодія: „въ западѣвнихъ странахъ“ (л. 113 с; л. 114 d;=западныхъ);—„великии Никонъ“ (л. 41 с, въ житіи Θεодосія Печерскаго, вм. „великия“);—тамъ же: „Се о сихъ съповѣдахъ,—гаче ва послѣдѣць о единомъ блаженѣмъ о[т]ъци Θεодосіи словеси повду“ (л. 42 а,=словеса, т.-е. словесами, оруд. мн.); то же въ житіи Бориса и Глѣба: „Забывъ скърбь съмъртнью, тѣташе с[р]д[ц]е свое словеси Б[о]жнѣ“ (л. 10 b, вм. „словеса“, оруд. мн., т.-е. словами Божьими); б. м. сюда же относится: „Б[о]ж[ь]ствннн Θεодосіи повелѣ ему (кузнецу) желѣзо съ чепы то съковати и препоясая имъ“ (л. 30 b,=съ чепы? т.-е. съ цѣпами ¹⁾);—въ Словѣ Златоуста о разслабленномъ (л. 250): „Свѣтъ м[ѣ]с[я]ць, пловущимъ и ходящимъ свѣтъ освѣщая, безъ облази и ходъ творить комуждо“ (вм. „безъ облази“, отъ им. пад. ж. р. „облази“, т.-е. ошибка); а въ Словѣ Іоанна, эксарха болгарскаго (№ 263 и слѣд.) одновременно написаны въ род. пад. сбѣ буквы м и н: „Д[ѣ]в[и]сѣ Адамъ, ис породы и изгнанны, въ ц[ар]ство н[е]б[е]сное входитъ“ (вм. „ис породы“, т.-е. изъ рая).—Можно и не фонетически объяснить и вм. и въ мн. ч. им. п.: „Мы же пакы въ твое имя събърани“ (л. 55 с, въ Житіи Θεод. Печ., вм. „събрани“); „пришьла бо бѣша“ (л. 215, въ Словѣ Златоуста, имѣющагося и въ Супрасльскои рукописи стр. 330—337, гдѣ это мѣсто чи-

¹⁾ По-мр. „цеп“ (= цѣпъ) -- рода мужскаго и различія твердаго; срѣв. повсемѣстное выраженіе: „собака на цѣпѣ“ (=на цѣпи, цѣпная). Звуки ч и ц чередуются въ этомъ корнѣ.

тается: „пришли бо бѣша“) 1).—Смѣшеніе слоговъ *ри* и *ры*: „яко лъвъ *ри* кну въ“ (л. 58 с)—нехарактерно.—Въ начертаніи „иный“ (л. 55 в, въ Житіи Θεод. Печерск.) буква *и* передѣлана изъ первоначально написанной буквы *ъ*. Другой случай употребленія *ъ* в. м. ѡ: „Житіе с[в]я[т]ыя Θεодосіѣ, м[у]ч[е]н[и]цѣ при Костянтинѣ Кавалинѣ“ (л. 143, в. м. „мучены“).

Въ кіево-печерскомъ Румянцовскомъ Сборникѣ № 406 (собраніи проповѣдей на постный и цвѣтной кругъ), составленномъ въ кіево-печерской лаврѣ въ XII в., но дошедшемъ до насъ въ бѣлорусской копіи XV в., есть смѣшеніе *ы* съ *и*, которое, очевидно, было перенесено переписчикомъ-бѣлоруссомъ прямо изъ кіевского оригинала. Напр.: „[Мы] на укорѣніе и на глѣваніе не с м и глѣвивы“ (л. 110 об., в. м. „нѣсмы“); „б л у д ы в ы м и“ (л. 216); „сже имать м ѣ з д ы и (род. пад.) възданіе велико“ (л. 110; въ кіевскомъ подлинникѣ XII в. было, вѣроятно, только „мѣзди“ в. м. „мъзды“) и др. Отчасти срв. еще „с л ы з ы“ (л. 25 об., в. м. „слъзы“; соврем. сѣв.-мр. „слеза“ при южномъ „слъоза“). — Тоже, надо думать, съ кіевского печерскаго оригинала XII вѣка списавъ синодальный житійный С и л ь в е с т р о в с к і й Сборникъ XIV в. 2),—по крайней мѣрѣ, Житіе Бориса и Глѣба, гдѣ есть: „и д ы и крестися“ (изд. Срезн. 6), „м и л о с т ы н ю“ (7).—Повадается смѣшеніе *ы* и *и* также въ сѣв.-вкр. спискѣ XII—XIII в. учительнаго Ев—іа Константина Болгарскаго (Синод. Библ. № 163), которое списано съ кіевского оригинала XI—XII вѣка 3).

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ, черниговскомъ (а, м. б., и кіевскомъ) памятникѣ ок. 1158 г., дошедшемъ до насъ въ сѣв.-вкр. спискѣ ок. XIV—XV в.: „Одѣвахъте мя, рече, чръню шаподомоу на кр о в а т ы тисовѣ“ (в. м. на кровати);—„Рекъ Боянъ: тяжко ти г о л о в ы (дат. пад.) кромѣ плечю“ (въ подлинникѣ, вѣроятно, в. м. „головѣ“ было „голови“, а великорусскій переписчикъ попялъ это, какъ „головы“ 4);—

1) Это не то, что въ сказаніи о странствіи Агапіа (л. 287 об. и слѣд.): „Д[у]шѣ ч[е]л[о]в[ѣ]чьскыя гобѣ я в и л и с ы“, гдѣ буквами есть правильная ц.-сл. флексія мн. ч. ж е н с к. рода.

2) Онь отчасти изданъ (Срезневскимъ, Бодянскимъ). См. „Древн. пам. русск. яз. и письма“, 2 ое изд., стр. 199.

3) См. объ этомъ въ статьѣ А. Шахматова: „Beiträge zur russischen Grammatik“ въ Archiv für slav. Philologie, t. VII (=1884), стр. 77.

4) Возможно, конечно, и иное объясненіе. См. мои „Критеріи“, стр. 36—37.

„На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чепы харалужными“ (оруд. пад., в. „чепы“, т.-е. чепами, цепами);— „Я р о с л а в н ы ѣ г л а с ѣ с л ы ш и т ѣ“ (=Ярославичъ). Не характерно: „к р ы ч а т ѣ т ѣ л ѣ г ѣ“. Также не вполне характерно и в. и в ѣ в н. мн. и): „[Святѣславъ] притопта хлѣм и яругы“ (в. хлѣмы);— „[Они] по Сули гради подѣлиша“ (в. грады); „Стрѣляеша съ отня злата стола с а л т а н и за землями“ (в. салтай); „Чему, господине... жадею имь лучи съпряже, тугою имь тулм затче?“ (в. тулы). По смѣлой конъектурѣ Максимовича одно запутанное мѣсто надо читать такъ: „Свистѣ звѣринѣ вѣста. З в и д и в ѣ, кличеть врѣху древа“ (т.-е. взывъ дивъ. Но Потѣбня предлагаетъ читать: „Узбися“, взбился).

Въ черниговской Р у м я н ц о в с к о й Л ѣ с т в и ц ѣ XII в. № 198 смѣшеніе и съ м очень похоже на то, что въ Словѣ о Полку Игоревѣ¹⁾. Въ корнѣ „выр-“: „проньривыи“ (л. 129 в), „пронирьство“ (л. 132), „нирания“ (л. 207 об.),—и тутъ же рядомъ: „пронирьству“ (л. 138), „проньрюеть“ (л. 150 об.);—„монастира“ (л. 213 об., а; м. б., здѣсь просто сохранена греч. пта; однако вездѣ въ Лѣствицѣ „монастырь“). Во флексіяхъ склоненія: „бѣсомъ и помыслымъ“ (л. 128 об., в. „помыслымъ“; дат. мн. отъ ж. р. „помыслъ“);—„не тѣчю отѣ] лютыхъ вѣлнъ, вѣ и отѣ] тоя бездѣи“ (л. 202, а—б; въ другихъ спискахъ „бездѣи“²⁾);—„тѣцеславьныи и презоривыи“ (л. 122 об., в, в. „прѣзоривый“, =гордый);—„Видѣхъ... отъ б[о]ж[ь]ствѣныя помощи утѣшаемъ“ (л. 147 об., а; в. мн., в. „утѣшаемъ“; т.-е. видѣлъ я больныхъ людей, утѣшаемыхъ божьей помощью);—„плтныи д[у]шы“ (л. 103 а)³⁾;—„акы кедры Ливаньскыя“ (л. 105 а; в. „Ливавьскыя“; ы=п=ѣ);—„друзми... самы“ (л. 148 об., а; в. самы“);—„великиими“ (л. 2 об., в. „великими“). Въ послѣднемъ примѣрѣ буква и в. и есть, б. м., механическое предвосхищеніе сосѣдней буквы и; но, повидному, лишь фонетическое явленіе мы имѣемъ въ „и акы о себе поболиши“ (л. 83 об., а;

¹⁾ См. мон „Критерій“, стр. 34—35.

²⁾ Впрочемъ, я долженъ оговориться, что всѣ мои первоначальныя вписки изъ Рум. Лѣств. № 198 погибли въ типографіи В. Гатцукъ во время ея ограбленія, а тѣ, которыя здѣсь предлагаются, вновь сдѣланы наскоро при очень быстромъ, не исчерпывающемъ просмотрѣ рукописи.

³⁾ Можно бы, конечно, предположить им. п. „бездѣвъ“, ижеваго склоненія.

⁴⁾ Объ этомъ искаженномъ начертаніи см. стр. 206β.

вм. „акы“; см. еще л. 69, л. 81). Смѣшеніе *ри* и *ры*: „на-
трижненпе“ (л. 41 б; л. 215 б)—и рядомъ: „патрыжне-
ни е“ (л. 215 об., а; л. 215 а);—„въ шпрынѣ“ (л. 17 об., а,—
отъ им. пад. „ширина“) и „ширмню“ (л. 146; отъ им. пад.
„ширын“).

Въ синодальномъ Студійскомъ Уставѣ № 380
ок. 1193 г., который или писанъ въ Кіевѣ, или списанъ съ
кіевскаго оригинала, тоже есть смѣшеніе *и* и *и* ¹⁾, равно
какъ и въ синод. переводѣ І. Экзарха Богословія Іо-
анна Дамаскина XII в. № 155 (изд. Бодян.-Поп.). Тамъ встрѣчается, напр.: „съ мъръчемъ, ими же и об-
лади ся съставляють“ (л. 76 об.—Бод. 154а; вм. „съ мъръ-
чъи“, орудн. мн.), и другія подобныя начертанія, въ числѣ
которыхъ „суди“ (Бод. 21 б) навѣрное означало въ созна-
ніи переписчика нарѣчіе „суды“ ²⁾. Возможно, что на от-
вердѣніе звука *и* указываетъ также буква *о*, примѣненная
въ начертаніи: „съ чистою съ вѣстою“ (Бод. 274 б,=съ-
вѣстию“), какъ дальше и написано). Отчасти срв. (малоха-
рактерное) употребленіе *и* вм. *и*: „выиия и присно“ (16а,
=ныня), „чьстьныи ч[е]л[о]в[ѣ]къ“ (5 б =чьстныи),
„съ крѣи хъ талантъ въ земли“ (9а, =съкрѣхъ), „погребѣ
и съ крѣи сребро“ (8а, =съкрѣи), „книгы и сна“ (13 б,
=книгы), „таласа, имера, анатоли—грѣчьскыи (=грѣ-
чьскы, т. е. по-гречески) женская имена“ (14 б), „измѣня-
ющася и многоячьскыи преобразующася“ 28 б, =мно-
гоячьскыи и мн. др.

Въ Codex Hankensteinianus (Вѣнскомъ Окто-
ихѣ) XII—XIII в. ³⁾ констатировано начертаніе „въ цркы“
(л. 46), которое, по смыслу контекста, должно бы быть па-
дежемъ мѣстнымъ и читаться „въ ц[ѣ]р[к]в[ѣ]“ (вм. „цѣркѣ-
ви“);—„хравить милостию въ тысящѣ въкъ“ (л. 7 а);—
„дѣвѣма естъствѣ“ (л. 57 б,=естьствѣ? ѣ=п=и);—

¹⁾ Выписки похищены изъ типографіи и не могли быть немед-
ленно восстановлены. То же приходится сказать и о слѣдующемъ
памятникѣ (Богословія XII в. въ переводѣ І. Экзарха), откуда,
впрочемъ, вѣсколько примѣровъ я могу здѣсь наскорю привести
по печатному изданію Бодянскаго-Попова (М. 1878).

²⁾ Греческій текстъ однако показываетъ, что въ болгарскомъ
подлинникѣ Іоанна Экзарха было существительное „сидия“, ко-
торого не понялъ кіевскій переписчикъ и передѣлалъ на свое
нарѣчіе „суди“.

³⁾ Гр. Воскресенскій: Слав. рукоп. заграничн. библ., № 8,
стр. 38, и описаніе проф. Смалъ-Стоцкаго (въ Sitz.-ber. d. Wie-
ner Akad., phil.-hist. Classe, 110-й т., стр. 610—689).

„знамени же (=знамены?) и чудеса и различными дѣяніи“ (л. 155 б);—„неизглаголанни, непостыжныи“ (Стоц. 639,=непостыжныи);—смѣшиваются „ты“ и „ти“, „си“ и „си“, и пр. Срв. еще „вѣрмя“ (Стоц. 636,=вермя).—Начертанія съ и послѣ к: „от Луки“ (л. 222, б) „книжники людскія“ (л. 218), „похоти плотскы, .. мужьскы“ (л. 227 об.) объясняются лучше всего зап.-мр. мягкостью согласнаго к. Срв. еще въ сѣв. Галицкомъ Четвероевангеліи 1144 г.: птицямъ небеськимъ“ (л. 77), при отсутствіи другихъ случаевъ смѣшенія ѣ и и.—Въ Христовопольскомъ Апостолѣ XII—XIII в. ѣ и и совсѣмъ не смѣшиваются.

XIII вѣкъ.

Въ небольшомъ дотатарскомъ Повчѣннѣ Георгія Зарубьскаго, черноризца изъ средняго Приднѣпровья нач. XIII в. (или еще конца XII в.), дошедшихъ до насъ въ бѣлорусской копіи 1492 г. (Срезн.: Св. и Зам., № 7, стр. 54—57), писецъ-бѣлорусъ сохранилъ—очевидно—киевскія начертанія: „[Христосъ] поклони преч[и]стую главу свою, глава си всѣхъ“ (54,=сы);—„придедъ от[ъ] толики власти до нижныхъ насъ“ (54,=нижнихъ); „мы сци“ (56,=мысльди? т. е. искусники). Такъ какъ въ этой рукописи буква ѣ иногда ставится вм. ѣ (напр. „слѣшавъ“ вм. „слышавъ“, 54), то къ случаямъ смѣшенія ѣ и и надо еще отнестъ начертаніе: „любъмыиъ“ (54, чит. „любимыми“, вм. „любимыми“).—

Въ двухъ листахъ-обрывкахъ изъ Волынскаго Стихираря XII—XIII в. (писанныхъ въ юго-вост. Волыни или, б. м., зап. Киевщинѣ¹⁾): „придѣте ви [дѣ]ты [с]и[а]се[н]не, въ яслехъ [по]ви[вае]мо“ (л. 1).

Въ буковинскомъ болгарско-Софійскомъ Ев-іи XIII в.: „не доставшу выну (л. 8 об., вм. „вми“, дат. пад.): — „ина знаменья“ (л. 8 об.,=знаменья):—неопр. н-ніе „яты“ (л. 14 об., вм. „яты“).

Въ южно-галицкомъ Ев-іи поповича Евсевія 1283 г. въ записи переписчика: „Писало (о=ъ) Евсевий-поповиче (е=ъ), азъ грѣшныи“ (вм. грѣшныи).—Въ самомъ Ев-іи: „гонимъ бываше бѣсомъ скузѣ пустыню“ (л. 51 об. а,=скозѣ пустыню): „И бы[сть] Иоанъ крестя й въ пустыни“ (л. 124 об., б); — „И, ему гл[аголю]щую, стидя хуся вси противляющися ему“ (л. 54 об., а, вм. стыдя-

¹⁾ Нашель и издалъ ихъ Ю. Тиховскій, „Извѣстія Отдѣл. Русск. яз. Акад. Н.“ 1904, кн. 1, стр. 107—109.

хуса);— „И ѿ (=а) оставлю васъ сирѣ, прѣду ко вамо и еще“ (л. 86 а, в. „сирѣ“, т. е. сиротами, сирыми).—Послѣ к: „Уже бо секира при корені дрѣва лижетъ“ (л. 124 в, в. секира, сокира) ¹⁾; „ч[е]л[о]в[ѣ]къ никъ и бѣ б[о]гатъ“ (л. 50 в, =нѣмы); „отиде пакы въ гору“ (л. 7 об., а, =пакы).—Въ „четыри тысяща мужна“ (л. 38 в, в. тысяща) написаніе буквы и можетъ имѣть свою особую этимологическую причину ²⁾.

Въ галицко-волынскоі лѣтописи XIII в. (доед. до 1292 г.), дошедшей до насъ въ сѣв.-вкр. Ипатскомъ спискѣ ок. 1425 г., не затушеваны кое-какія начертанія зап.-ир. подлинника: „Оже ти не досѣти волости, всю землю Рускую държачи?“ (стр. 218, =досѣти, 311, 318 и др., т. е. довольно); — „Много зла бѣше замыслилъ [Ростиславъ], подъмолвилъ на тя Берендачѣ и Княвы“ (261, =замыслилъ) ³⁾; — „Ростиславичи же не затворилъся бяхуть въ Киевѣ, но шлы бяхуть во своѣ города“ (391, =шли); — „Мятежу же бывшу межу силныи людьми о честь и о волость Герьцюкову“ (544, =сильными);—„христолюбивая его княгиня“ (476, им. пад., в. княгини, княгынн; поздн. „княгиня“); — „Рече ми: Се моливъ Василко сь-ночи ко Влавови“ (173) и „Повѣдаша: Богъ сь-ночи князя полъ (=Володимирка). И рече Петръ: А сь-ночи есмь поѣхалъ, а онъ добръ-здоровъ!“ (318—319; мы ждали бы „си-ночи“) ⁴⁾.—Часть подобныхъ Ипатскихъ начертаній объяснима и съ точки зрѣнія діалектологін сѣв.-вкр. новго-

¹⁾ На стр. 230-ой я, по поводу начертанія „лижетъ“, высказался въ томъ смыслѣ, что это—механическая перестановка гласныхъ въ двухъ сосѣднихъ слогахъ. Не могу однако попутно не отмѣтить, что въ Успен. Сборникѣ XII в. (гдѣ смѣшиваются ѣ и и) есть подобное же начертаніе: „тряпезы не вѣсть, одра не имать, на голѣ земли лѣжетъ, ночь и д[ѣ]нь къ Богу не прѣстаетъ“ (л. 75 а), чему въ Троицкомъ вариантѣ того же житія соответствуетъ „лежить“.

²⁾ Написаніе „тысяча“ попадаетъ и въ бѣлорусскихъ грамотахъ. И въ словацкомъ языкѣ: *tisic*.

³⁾ Это, впрочемъ, могла бы быть и обыкновенная новгородская черта: отвердѣніе глагольнаго суффикса. См. мои „Критеріи“, стр. 31.

⁴⁾ Срв. въ сѣв.-вкр. Павдектахъ Никона Черногорца: „Синочи на вечерни“ (Словарь Срезнев. III, 347). Въ Словѣ о Полку Игоревѣ, въ Снѣ Святослава: „Синочь съ вечера одѣвахъте мя“. Въ зап.-ир. нарѣчій это слово („сивіч“) живетъ до сихъ поръ (=вчера вечеромъ).

родской, въ особенності флексія „-ми“ (вм. „-ми“) 1): „с Богомъ или святымъ мужьмъ“ (л. 111 б, въ печатн. изд. нѣтъ; = святыми); „новыми людьми кр[е]стьянымъ“ (л. 112 а, въ печатн. изд. нѣтъ; = крестьянъми); — „передъ чюжими языки“ (стр. 310); „объсѣдшимъ в городѣ“ (335); — „видихомся съ ратнымъ“ (431); „птицамъ, плавающимъ криломъ своими на воздухъ“ (532, = крильми; совр.-мр. „крѣльми“ и „крѣльми“); — „миръ держа съ околными сторовами“ (613); „великими и малыми“ (615).

Во Владиміръ-волинскихъ Поученіяхъ Ефрема Спирина 1271 — 1288 г., дошедшихъ до насъ въ бѣлорусской копіи 1492 г., очевидно сохранены влад.-вол. начертанія XIII в.: „Бѣ нѣкто на устоцѣ мужь, именемъ Ефрѣмъ, родомъ смъ суринъ“ (л. 1, = см); — „Не видѣлъ ль еси?“ (л. 69 об., = видѣлъ лм); — „помыслылъ“ (л. 136, = помыслить); — „слѣпымъ и сырымъ“ (л. 102 об., вм. „сырымъ“), „сырымъ и удовами“ (л. 103, = сырими); „простиа жены“ (вм. простыа) 2). Не характерно: „спѣти псалъми“ (л. 23, вин. мн., вм. псалъми) 3).

Въ сѣверномъ Галицкомъ Ев-ін 1266 — 1301 г. нѣтъ характерныхъ начертаній съ м=и: „дъщеры Иерусалимьскы“ (л. 115; ры=ри), „тмсащя“ (л. 59, = тысящи) 4), „кмиъ“ (л. 18, вм. „кмиъ“: зап.-мр. заднезесное сочетание кы=ки).

Въ Холмскомъ Ев-ін XIII—XIV в.: „Колико наемъникъ о[т]ца моего избываются хлѣбъмъ“ (л. 106 об., вм. „хлѣбъ“, т. е. хлѣбами). Не характерно: „пяти тмсащъ“ (л. 45), „кмь“ (л. 97 об.), „вѣкия“ 105, л. 106), „други“ (л. 140 об.), „слуги“ (л. 140 об.).

XIV вѣкъ.

Въ вост.-мр. Указателѣ Евангелъскихъ Чтеній XIII—XIV в., который переплетенъ съ Галицкимъ Ев-іемъ 1144 г. (= лл. 229—260): „пастири“ (л. 248а, вм. пастыри); — „сми“ (л. 258б, вм. смн).

Въ Кіево-Печерскомъ Ев-ін 1370 г.: „статиръ“ (л. 51, вм. статься); — „въззи ножь в ножни, ци

1) См. мон „Крітері“ стр. 37.

2) Последнее отмѣчено въ Свѣд. и Зам., I, стр. 49.

3) Срв. мон „Крітері“, стр. 34—35.

4) См. выше, стр. 110ѳ, сноску 2.

в капи“ (вм. „ножны, ди въ капи“;=Иоанна, XVIII, 28) ¹⁾.
Навѣрно, есть въ Лаврскомъ Ев—и гораздо больше при-
мѣровъ на *и*. Не характерно: „одержимы“ (л. 27.об.) ²⁾.

Въ сѣв.-мр. монастырскомъ (вѣроятно, киево-печер-
скомъ) житійномъ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в.
№ 20 ³⁾: „Имата быти и обидѣти сироты“ (л. 94а, въ
дѣяніяхъ ап. Фомы;=быти: въ греч. подлинникѣ: τῷπτειν);
и то же въ Мученіи св. Георгія: „повелѣ ц[ь]с[а]рь быти
(=сбыть, сколотить) обутии желѣзвѣ, имущи гвоздья остры,
и ражжегше обути с[ва]т[о]го“ (л. 244а).—Вмѣсто „ты
абие“ (=„и затѣмъ“) пишется: „ты абье“ (л. 144б: „Ты
абье с[ва]т[и]и Д[у]хъ, обѣтъ подавъ, стави Семеова“), и
наоборотъ—мѣстоименіе 2-го л. ед. ч. пишется „ты“, какъ
напр. въ отказѣ Иоанна Крестителя крестить Христа: „Азъ
требую кр[е]ст[ит]ися отъ Тебе, а Ты идеше ко мнѣ! Ты
опакн велиши дѣлесомъ быти!“ (л. 141с; -Ты велишь ве-
щамъ иди opakн, т. е. на-выворотъ!); срв. такое же напи-
саніе ввн. мн.: „Б[ог]ъ посла люте звѣри на варвары ты,
иже суть въ Самари“ (л. 203б, вм. „на варвары ты“, т. е.
на тѣхъ варваровъ). — Въ дат. падежѣ возвр. мѣстоименія
с*и* пишется *ы*: „Разумѣи вездѣ с*ы* (=себѣ) дома Б[о]жня:
не токмо въ твари, нъ и въ ч[е]л[о]в[ѣ]цѣ, вселю бо с*я*,
р[е]че [Богъ], в ня“ (л. 288б, вм. „разумѣи с*ы*“, dat.
ethicus); а напротивъ—пишется *и* повидимому въ причастіи
отъ „быти“: „Се есть с[ы]нъ мой, възлюбленн с*и*“ (л.
143б;=с*ыи*?). Во флексіяхъ склоненій: „и свѣтъ восия, и
д[ѣ]нъ свободы въ д[у]шахъ, приемлющихъ его, сдѣя“
(л. 36а, вм. свободы); — „Колми быс[ъ]тъ ч[е]степъ с[ва]т[и]и
т[и]и погруженьемъ“ (л. 143а: а немного рашьпе: „съ
св[я]т[и]мъ Д[у]х[омъ“, л. 135а): — „не могли поряд-
ныхъ словесъ по чину гл[а]голати“ (л. 287с, вм. поряд-
ныхъ);—„начаша ц[ь]с[а]ревы“ (л. 94с, дат. ед.,=цесаревы,
царю);—нехарактерно: „Асуряны (л. 203с; им. мн.?) Буква *ы*
вм. греческаго *ι*: „девятѣномъ“ (л. 297с, вм. „левити-
номъ“, орудн. ед.). Малохарактерно: „и растерзаша рызы

¹⁾ Слово „капи“ (ж. р.) или во мн. ч. „капи“ именно и зна-
чить ножны. Прибавка: „ди в капи“ принадлежитъ, очевидно,
переписчику 1370 г., который считалъ слово „ножны“ неповѣстнымъ.

²⁾ Случаевъ на написаніе *кы* вм. *кы мы*, начиная съ XIV в.
не будемъ ужъ приводить, потому что это была тогда узаконен-
ная орфографія Литовской Руси.

³⁾ Описанъ и частью изданъ В. Н. Щепкинымъ въ посмерт-
ныхъ „Библиографическихъ Матеріалахъ“ А. Попова (моск. „Чте-
нія“, 1889, кн. III).

своя“ (л. 19б, =ризы):— „ни по трыз нах [ъ] вѣчанъ
 бывасть“ (л. 352д, =тризнахъ): — „рмкнув“ (л. 149с):—
 „тм ся щипа чалником [ъ]“ (л. 32б).—Иногда буква *ы*
 пишется повидимому вмѣсто *ь* (которое въ Чуд. Сб. № 20
 обявлено смѣшивается съ *и*, см. стр. 206с): „Илья—пропо-
 вѣдникъ пришествію Х[ри]с[то]ву, Илья—люты неприяз-
 ннѣ лсты раздрушникъ“ (л. 81а, вм. „лютъ“, если, ко-
 печно, мы не захотимъ повять „люты“ за „лютый“):—
 „Тако премудрѣвавѣ наю г[о]с[под]я на и приметѣ мзду
 на стражбѣ“ (л. 290а, т. е. на нашей стражбѣ, на
 которой онъ насъ поставилъ; *ы*=*и*=*ь*).

Въ волинскомъ Луцкомъ Ев—иі XIV в.: „сѣ
 нымъ“ (л. 17 об., =сѣ нимъ):— „видите нивы“ (л. 23 об.,
 =нивы). Не очень характерно: „тм ся щѣ“ (л. 97 об.), „тм
 ся чѣ“ (л. 240).

Въ изданномъ Ганкою Градепкомъ листкѣ изъ
 Ев—ія XIV—XV в. (вѣроятно, галицкомъ)¹⁾: „С[ы]нѣ
 мои сѣи мертвѣ бѣ“ (вм. „сѣи“, сѣи).

Въ буковинскомъ Евангеліи Верковича XIV в.
 случаи смѣшенія *ы* и *и* часты. Но писецъ несомнѣнно
 былъ не малоруссъ, а волохъ, а потому нельзя поручиться,
 что смѣшеніе *ы* и *и* происходило у него на малорусской, а
 не на болгарской основѣ.

Смѣшеніе *ы* и *и* въ мр. грамотахъ XIV—XV в.

а) Буковинскія грамоты.

Изъ числа мр. грамотъ чрезвычайно богаты типичными слу-
 чаями смѣшенія буквъ *ы* и *и* господарскія грамоты изъ Буковины.
 Многія изъ нихъ писаны несомнѣнными мѣстными малоруссами,
 другія—волохами, хорошо знавшими мр. языкъ. Къ сожалѣнію,
 не всегда можно отличить писца-волоха отъ писца-малорусса, а
 между тѣмъ волохъ путаницу звуковъ и буквъ *ы* и *и* могъ заим-
 ствовать не только изъ малорусскаго, но и изъ болгарскаго
 произношенія. Мы поэтому ограничимся выписками лишь изъ
 небольшого количества болѣе интересныхъ господарскихъ грамотъ.

Въ бук. денежной квитанціи 1388 г. воеводы Петра
 королю Ягайлу (= Улян. 3): „[мы] сѣи *и* дали... чотирѣ
 тм сячи“.

Въ Каменецъ-Подольской господарской присягѣ
 1404 г. воеводы Александра королю Ягайлу (=Улян. 15)
 „у Камяпци, предъ преображенемъ Г[оспод]я“.—Въ
 его же таможенномъ договорѣ 1407 г. съ львов-

¹⁾ Изд. въ „Часописѣ“ Чешскаго музея 1854, ч. 28, стр. 66—68.

Глава пятая.

Степень фонетичности или нефонетичности малорусского литературного правописания.

(В какой мере украинская правопись е фонетична або нефонетична?)

§ 25. Литературная рѣчь безъ этимологіи не обходится.

Принято называть то малорусское правописание, которого придерживается украинская литература, „фонетическимъ“, т.-е. „звуковымъ“, и его противопоставляютъ „правописанію этимологическому“, какового придерживаются, на примѣръ, русскіе и какое бываетъ основано на историческомъ словопроизводствѣ. Кличка „фонетическое“ способна внушить (да многимъ и внушаетъ) ложную мысль, будто бы въ малорусскомъ правописаніи соблюдается съ полнѣйшею точностью народное малорусское произношеніе, и отсюда дѣлается обратный выводъ — что всякому малоруссу вольно писать по-малорусски совсѣмъ такъ, какъ онъ произноситъ (хотя, какъ извѣстно, въ разныхъ мѣстахъ малоруссы произносятъ разное).

Между тѣмъ это представленіе о фонетичности малорусскаго правописанія или не вѣрно, или не вполне вѣрно. Правда, малорусское литературное правописание гораздо легче русскаго, по и оно слагалось исторически, — и чисто-фонетическимъ (хотя бы лишь такимъ, каково сербское) его назвать никакъ нельзя. Поло-

жимъ, демократизмъ, одухотворяющій всю новую малорусскую литературу, заставилъ ее и во внѣшней формѣ, въ ея правописаніи, приблизиться къ просто-народному выговору (многихъ мѣстностей) до очень значительной степени, — по крайней мѣрѣ, приблизиться къ выговору Надднѣпрянины, — и все же въ деталяхъ разница между живымъ выговоромъ и правописаніемъ остается всегда. Это потому, что, во-1-хъ, литературная рѣчь малоруссовъ не сьумѣла или не могла отрѣшиться отъ соблюденія основныхъ принциповъ научной этимологіи общей, — принциповъ, не позволяющихъ всѣмъ и каждому писать любое данное слово точь-въ-точь такъ, какъ оно звучитъ въ устахъ народа въ каждомъ отдѣльномъ положеніи; а во 2-ыхъ это — потому, что никогда не могло наше правописаніе окончательно отрѣшиться даже отъ этимологіи исторической, отъ правописанія прежнихъ временъ, равно какъ отъ сопоставленія съ правописаніемъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ (поляковъ, русскихъ). Всегда малорусскіе писатели считались съ этимологіей. Бывали, правда, попытки со стороны нѣкоторыхъ — писать все точь-въ-точь и звукъ-въ-звукъ такимъ образомъ, какимъ произносить каждое слово простой людъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ¹⁾; но практика показала, что такія попытки обречены на неизбѣжное крушеніе: прочіе малорусскіе писатели не желали и не желаютъ тому примѣру слѣдовать и продолжаютъ руководствоваться этимологіей, — не тою, конечно, трудною инославянскою этимологіею, какою руководствуются русскіе, — но все же этимологіею.

¹⁾ Вспомнимъ попытки Кулиша писать „*мы чоловіком*“ (мы пишемъ: з чоловіком, или — въ видѣ уступки живому выговору — с чоловіком), *жжувати* (мы пишемъ зжувати = сжевать) и т. п.

§ 26. Чѣмъ же объясняется крушеніе попытокъ (глубоко симпатичныхъ въ своей основѣ) вульгаризовать малорусскую орфографію до конца?— „На тій землі“.

Кажется, что главныхъ причинъ всего двѣ.

а) Во-первыхъ, при множествѣ малорусскихъ локальныхъ выговоровъ было бы практически неудобно, чтобы каждый писатель переносилъ всѣ звуковые оттѣнки своего мѣстнаго произношенія въ тѣ письменныя произведенія, которыя предназначаются для чтенія не только его ближайшихъ земляковъ, но и прочихъ малоруссовъ. Прочіе малоруссы, произносящіе каждый иначе, чѣмъ тотъ писатель, нашли бы его локальную чисто-фонетическую орфографію неудобной или непріятной для себя, а то и совсѣмъ непонятной, и не стали бы, пожалуй, его и читать. Взглянемъ, для образца, на слѣдующую фонетическую записъ (изъ пограничья Галичины и Подолія):

Буу собі хлопци і дѣвка, і вони собі любилси дужи. Али хлопця віддали до воеька, і вона чекала десѣть лѣт,—і нема хлопця. Кажут: „Ни боѣсьси, він тебе забуди?“ Кажі: „Ни боюсь“. Сидит она рас. Приходи дѣт-стариць і питаї меленько: „Чоо ви плачити? Ф ті филі він звѣци прийді“. І показу на поріх.

Можно быть увѣрену, что, напримѣръ, полтавецъ, прочитавши эти строки, не только будетъ пми непріятно пораженъ, но даже не все сразу пойметъ. А напишемъ это же самое съ небольшою этимологи-заціей:

Був собі хлопець і дівка, і вони собі любилися дуже. Але хлопця віддали до войська, і вона чекала десять лѣт,—і нема хлопця. Кажуть: „Не боїся, він тебе забуде?“ Кажі: „Не боюся“. Сидить вона раз. Приходе дѣд-старець і питає миленько: „Чого ви плачете? В тій хвилі він звѣдси прийдє“. І показав на поріг.

Въ такомъ правописаніи (общемалорусско-этимологическомъ) эта запись близко-понятна для каждаго малорусса, полтавецъ ли онъ, кіевлянинъ, или западный подолянинъ. При такомъ правописаніи всѣ малоруссы могутъ чувствовать, что ихъ языкъ — единъ. вмѣстѣ съ тѣмъ никто жъ не возбраняетъ западному подолянину, чтобы онъ эту этимологически сдѣланную запись читалъ себѣ тѣмъ своимъ мѣстнымъ подольскимъ выговоромъ, какой приведенъ нами выше. Пусть читаетъ и каждый по своему, но пишетъ пусть только такъ, чтобы и другіе малоруссы легко его понимали.

Кстати сказать: въ томъ фонетическомъ западно-подольскомъ образцѣ, который нами былъ выше приведенъ, фонетичность писанія, если и влечетъ къ недоразумѣніямъ, то къ недоразумѣніямъ сравнительно еще очень небольшимъ. А бываютъ случаи, когда недоразумѣнія между малоруссами неодинаковыхъ говоровъ могутъ оказаться при фонетичности письма очень серьезны. Пояснимъ это однимъ примѣромъ, однимъ изъ тысячи возможныхъ. Во многихъ малорусскихъ говорахъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ слогъ *ій* стягивается въ *i*, а въ другихъ говорахъ смѣшиваются звукосочетанія *стѣ* и *сцѣ*. И положимъ, что тѣ малоруссы, которые стягиваютъ *ій* въ *i*, пожелали бы писать въ литературной рѣчи: стіте! вмѣсто стійте! (=стойте!). Не было ли бы такое начертаніе для другихъ малоруссовъ грубо-неприличнымъ? Вѣдь оно совпало бы у нихъ съ ихъ повел. наклоненіемъ глагола, означающаго по-латыни „mingite!“ Между тѣмъ малорусско-этимологическое начертаніе „стійте“, вполне удобопонятное для всѣхъ говоровъ, устраняетъ всѣ сомнѣнія и сохраняетъ за литературной рѣчью обязательную для нея серьезность.

б) Во-вторыхъ, чрезмѣрно-фонетическое писаніе можетъ даже въ предѣлахъ одного и того же говора

порождать нѣкоторую сбивчивость. Въ устномъ разговорѣ всякая сбивчивость, могущая возникнуть въ силу особенностей произношенія, легко устраняется простымъ переспросомъ собесѣдника. Но какъ переспросить мертвую бумагу!

Взглянемъ для примѣра опять на ту самую діалектическую черту (свойственную многимъ малорусскимъ говорамъ), о которой мы только что упомянули выше: стяженіе *ій* въ *і*, — и предположимъ, что люди, произносящіе *і* вмѣсто *ій*, добились бы обязательнаго внесенія этой черты въ литературное правописание. Сдѣумали ли бы они сами послѣ того всегда точно понимать, напримѣръ, начертаніе: „на *т і* землі?“ Значить ли это: „на той землѣ?“ Или это значить: „на тѣ зѣмли?“ Ну, полезна ли для цѣлей литературной рѣчи такая сбивчивость?—Если жъ мы будемъ мѣстный падежъ ед. ч. (=на той землѣ) писать этимологически: „на *т і ѱ* землі“, (да другіе говоры вѣдь такъ и произносятъ), то никогда этой формы не смѣшаемъ съ множ. числомъ: „на *т і* землі“ (=на тѣ земли). Этимологическимъ правописаниемъ (*т і ѱ*) устраняется здѣсь всякая сбивчивость, и вмѣстѣ съ тѣмъ этою жертвою локальных особенностей поддерживается единство всемалорусской литературной рѣчи. Да и жертва-то не слишкомъ тягостна. Писать въ „*т і ѱ*“ (мѣст. п.) лишнюю букву *ѱ* и затѣмъ, если угодно, не произносить ее при живомъ чтеніи, — это все жъ выгодноѣе, чѣмъ писать, согласно живому локальному произношенію, въ обѣихъ формахъ одну букву *і* и затруднять самихъ же себя необходимостью постоянно задумываться надъ различіемъ падежныхъ формъ, а къ тому же совершенно сбивать съ толку всѣхъ тѣхъ прочихъ малоруссовъ, которые не знаютъ стяженія *ій* въ *і*. Вотъ почему попытка ввести въ литературную рѣчь фонетическое „на *т і*“ (=на той) вмѣсто этимологи-

ческаго „на ті *й*“ никогда не пользовалась успѣхомъ среди малорусскихъ писателей, не исключая и тѣхъ, которые даже сами (подобно пишущему эти строки) стягиваютъ въ своей живой рѣчи слогъ *й* въ *і*.

Примѣчаніе. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ стяженіе дугласнаго *й* въ *і* вошло, такъ сказать, въ духъ и плоть малорусскаго языка и является не локальнымъ, но подавляющимъ общемалорусскимъ (или—почти сплошь общемалорусскимъ) и притомъ безусловно не сбивчивымъ, украинскіе писатели всѣ охотно пишутъ *і*, а не *й*. Именно, дѣлаютъ они это въ ореографіи суффикса сравн. степени „—*иш*—“. Почти всѣ украинцы пишутъ: „старіишій“, „слабиіишій“ и т. п., не осуждая впрочемъ и рѣдлага у малоруссовъ окончанія „—*йшій*“ (=старинн. „—*ѣшій*“), которое донинѣ еще можно слышать въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣверныхъ и западныхъ ¹⁾. Въ пользу украинской ореографіи типа „старіишій“ можно помимо ея совпаденія съ преобладающимъ общемалорусскимъ произношеніемъ пынѣшнимъ, отмѣтить почтенную, еще лѣтописную цѣлность такого произношенія, констатируемую списками со старокіевскихъ или иныхъ старомалорусскихъ памятниковъ. Срв. въ Начально-Кіевской лѣтописи по списку Лаврентьевскому: „старѣшюу“ (61), а по Ипатскому— „старнишаго“ (стр. 230), „старнишей“ (222), „старнишинство“ (297) и пр. Равнымъ образомъ мы находимъ: „старѣшна“ въ Чудовскомъ спискѣ XIV в. съ кіевскаго „Житія Бориса и Глѣба“, составленнаго въ XI вѣкѣ (см. изд. Бодянскаго, л. 5). То же—въ Рязанской Коричей 1284 г. списанной съ кіевскаго оригинала: „старѣшину“ (л. 110), „старѣшинны“ (л. 160 об.). И т. д. и т. д.

Общемалорусскіе этимологическіе критеріи.

§ 27. Итакъ, малорусское литературное правописание, хоть и славится своею удобочитаемостью

¹⁾ У галичанъ ореографія суффикса сравн. степени *йш* (съ *й*) проведена даже въ официальномъ школьномъ правописаніи: они пишутъ „старіишій“ и т. п. и чувствуютъ даже кой-какую антипатію къ общепринятой украинской ореографіи „—*иш*—“, находя ее вульгарной. Но, конечно, векорѣ будетъ и въ Галичинѣ принята ореографія украинская.

для простого народа, не чуждается этимологии и, вероятно, никогда не будет ее чуждаться. Весь вопрос только в томъ, въ какихъ рамкахъ надо руководиться этимологіей. Иначе сказать: съ этимологіей чьего языка и какого періода мы должны считаться?

Считаться ли намъ съ этимологіей чужого и умершаго языка церковно-славянскаго? Или съ этимологіей живого, но тоже для насъ чужого языка русскаго? Или съ этимологіей языка польскаго?

Ни то, ни другое, ни третье. Малорусское литературное правописание должно считаться съ этимологіей языка только малорусскаго и притомъ (почти исключительно) языка нынѣшняго¹⁾. Правописание наше должно быть народно-этимологическимъ. Оно должно бы, по возможности, объединять всѣ малорусскія нарѣчія и, слѣдовательно, держаться этимологии обще-малорусской.

На практикѣ однако дѣло всегда сводилось и сводится преимущественно къ этимологии восточно-малорусской, которая всегда являлась наиболее подходящей нормой для литературнаго правописанія. Почему жъ преимущественно къ восточно-малорусской? Да во-1-ыхъ потому, что вост.-мр. нарѣчіе — архаичнѣе въ фонетическомъ отношеніи и однороднѣе въ своихъ говорахъ, чѣмъ нарѣчіе зап.-малорусское, — и гораздо легче западнымъ говорамъ приспособиться въ своей орѳографіи къ нему, къ этому довольно однородному и довольно архаичному восточно-малорусскому цѣлому, чѣмъ ему приспособиться къ массѣ очень разнообразныхъ и сильно эволюціониро-

¹⁾ Есть нѣсколько случаевъ (увидимъ ниже), въ которыхъ малорусская литература ради цѣлей ясности придерживается по традиціи, старо-украинской орѳографіи и нѣсколько несовпадаетъ съ господствующими данными современнаго малорусскаго языка.

вавшихъ западныхъ говоровъ. На практикѣ почти всегда окажется, что написать какой-нибудь, скажемъ, галицкій текстъ болѣе или менѣе общимъ приднѣпровскимъ произношеніемъ—это и будетъ равносильно тому, чтобы написать его болѣе или менѣе научно-этимологически ¹⁾. Другая же практическая причина преобладанія законовъ восточно-мр. фонетики въ дѣлѣ нормировки литературно-общемалорусскаго правописанія не имѣетъ ничего общаго съ наукой: причина эта заключается просто въ количественномъ преобладанія восточныхъ малоруссовъ надъ западными;—говоры менѣе численные, естественно, вездѣ дѣлаютъ много уступокъ говорамъ болѣе численнымъ, если хотятъ соблюдать литературное единство и если дорожатъ такимъ единствомъ.

При такомъ положеніи дѣлѣ литературное малорусское правописаніе легче всего дается малоруссу восточному, приднѣпровскому. Въ очень многихъ случаяхъ онъ можетъ писать прямо по своему живому выговору; и то, что онъ напишетъ, чаще всего окажется прямо совпадающимъ съ общемалорусской литературной орфографіей.

„Чаще всего“ не значить, однако, „всегда“. Вновь подчеркиваемъ тотъ фактъ, что и восточному приднѣпровскому малоруссу, если онъ хочетъ писать литературно-правильной орфографіей, нельзя положиться просто на свой непосредственный выговоръ. Безъ помощи научной этимологін и онъ обойтись не въ силахъ. Надо только, повторяемъ, чтобы законы той этимологін, которую онъ призоветъ себѣ на помощь, извлекались изъ подлиннаго малорусскаго

¹⁾ Ср. выше приведенный (на 219 стр.) текстъ сперва въ зап.-мр. фонетической транскрипціи и потомъ въ литературномъ этимологическомъ правописаніи. Литературное его правописаніе почти совпадаетъ съ приднѣпровскимъ подлиннымъ выговоромъ, но крайней мѣрѣ въ большинствѣ чертъ.

языка (главнымъ образомъ—изъ всецѣло преобладающихъ его говоровъ), а не изъ мертвой церковно-славянщины и не изъ рѣчи (письменной или устной) близкихъ намъ сосѣдей—поляковъ и русскихъ. Знакомство съ церковно-славянщиной и съ сосѣдними славянскими языками, конечно, обязательно для малорусскаго филолога, рѣшающаго тотъ или иной вопросъ малорусскаго правописанія; но не изъ нихъ, а только изъ своего родного языка онъ долженъ почерпать законы этимологической орфографіи.

§ 28. «Доброго». «Крутиться».

На двухъ-трехъ примѣрахъ прослѣдимъ, какихъ этимологій малорусское правописаніе чуждается и какихъ оно придерживается и обязано придерживаться.

а) Напримѣръ, русскіе пишутъ родит. падежъ: «добраго» (отъ им. пад. «добрый»). Произносятъ они форму род. падежа въ разныхъ говорахъ разнo, но нѣтъ ни одного русскаго говора, въ которомъ слышалось бы «dobrago»; да и старо-русскій языкъ зналъ только форму «добраго». Орфографія «добраго» принята русскими въ угоду языку церковно-славянскому, т. е. старо-болгарскому, — иначе сказать: установители этой орфографіи (съ *аго*) руководились этимологіей староболгарской, а не русской. — Малорусское правописаніе, въ противность русскому, не допускаетъ буквы *а* въ этой формѣ, потому что принципиально отвергаетъ чужую, староболгарскую (= мертво-церковную) этимологию. Единственное общемалорусское литературное правописаніе формы род. падежа есть доброго. Произносится въ живой малорусской рѣчи эта форма не вездѣ одинаково; правда, большая часть говоровъ такъ и произноситъ «dobrɔho»; въ иныхъ же говорахъ слышится: «dobrɔho»; во многихъ говорахъ при этомъ выпадаетъ *ɔ* между двумя гласными звуками флексіи, и тамъ слышится произношеніе: «dobrɔo», «dobrɔo». Однако въ рѣчи литературной все эти мѣстные оттѣнки примираются вышеуказаннымъ общемалорусскимъ,

малорусско-этимологическимъ правописаніемъ: «до б р о го». — Следовательно и мы, подобно русскимъ, приуждены въ написаніи формы род. падежа прибѣгать къ услугамъ этимологіи и должны отступать отъ живого произношенія многихъ малоруссовъ; но мы-то считаемся съ этимологіей своего собственнаго языка, языка малорусскаго, а русскіе — съ этимологіей языка не русскаго, а староболгарскаго.

б) Другой примѣръ. Отъ возвратныхъ глаголовъ на *ся*, — напримѣръ отъ *крутітися* (=кружиться)—мы форму 3-го л. ед. ч. (=русск. «онъ кружится») выговариваемъ «*крутыця*», или (чаще) «*крутыиця*», а пишемъ этимологически: «*крутиться*» (съ *тьс*). Всѣ попытки (начинающіяся съ XV вѣка)¹⁾ ввести въ этой формѣ написаніе съ буквой *ц* постоянно отвергались и отвергаются малорусскою литературой, хотя среди пропагандистовъ буквы *ц* можно назвать такія крупныя имена, какъ Кулишъ, Шевченко (въ своихъ письмахъ), Гринченко (въ начальный и средний періодъ своей дѣятельности). Почему же здѣсь мы пишемъ *тьс*? Дѣло въ томъ, что сопоставленіе формы 3-го л. (звучащей на *ця*) съ прочими формами возвратнаго спряженія (*крутятся*, или *кручуся*, *крутимося*, *крутитесь*, *крутіся!* *крутився*) заставляетъ каждого малорусса ощущать и въ формѣ «*крутыця*» присутствіе возвратнаго мѣстоименія *ся*, соединеннаго съ обычной глагольной формою 3-го л. «*він крутить*»; этому ощущенію еще больше содѣйствуютъ тѣ малорусскіе говоры, въ которыхъ вмѣсто «*він крутия*» всегда можно сказать «*він ся крутит[ь]*». Въ виду этихъ этимологій, основанныхъ на чисто-малорусской почвѣ, установилось литературное правописаніе не съ *ц*, но съ *тьс*; «*він крутится*». При этомъ, конечно, принимается на видъ и то обстоятельство, что начертаніе *тьс* (передъ мягкимъ *я*) иначе и не можетъ быть прочитано, какъ мягкое *ц*, и что малорусская фонетика нисколько даже не искажается

¹⁾ Срв. напр. въ Буковинской грамотѣ (изд. Кочубинскимъ) воеводы Стефана Великаго 1471 г. (писана она волохомъ): „на-

этимологическимъ воспроизведеніемъ звука *ц* буквами *тъс* ¹⁾).

в) Въ такомъ случаѣ, — спросить кто-нибудь, — не слѣдуетъ ли намъ довершить этимологизацію этой формы и писать *ся* раздѣльно, — напримѣръ: «крутить *ся*?» Такъ вѣдь и пишутъ новѣйшіе галичане. — Нѣтъ, это не возможно. Раздѣльное написание «крутить *ся*» не есть безвредная этимологія, а есть покушеніе на самый организмъ малорусскаго языка; оно есть уродованіе, калѣченіе и преступное искаженіе дорогого для насъ достоянія. Пока мы пишемъ *тъс* слитно, мы, хоть пишемъ этимологически, все-жъ не уродуемъ языка, потому-что слитное начертаніе *тъс* передъ мягкимъ гласнымъ звукомъ не можетъ быть иначе прочитано, какъ мягкое *ц*. Но какъ только мы напишемъ *тъ* отдѣльно отъ *с* («крутить *ся*»), то мы ужъ воспроизводимъ не одинъ слитный свистящій звукъ *ц*, но два раздѣльныхъ звука, самостоятельныхъ другъ отъ друга, отчлененныхъ: одинъ звукъ—зубное *тъ*, другой звукъ—самостоятельное свистящее *с*. Такъ никто формы 3-го лица не произноситъ, — и писать отдѣльно «крутить *ся*» есть варварское уродованіе языка съ одной стороны и антинаучное противофизиологическое кривописаніе съ другой стороны. У галичанъ отчлененное написание *ся* есть просто полопизмъ, и притомъ введенный совсѣмъ недавно: предки галичанъ

чинаятца“, „раздѣл[ь]астца“ („ца“ чит. ця). Въ волынскомъ Апостолѣ XV в. изъ с. Антоновець (кіевск. Церковно-Археол. Муз.): „подасца“ (л. 40 об.), „исповѣдуєтца“ (л. 60), „сѣєтца“ (л. 80) и пр. Буква *ц* читалась мягко, и потому послѣ нея можно было писать просто *д*, а не *дц*.

¹⁾ Другое дѣло—если бы вздумали мы писать это окончаніе не въ видѣ *тъс* *ся*, но въ видѣ *тс* *ся*, съ твердымъ *т* (какъ это дѣлаетъ „Кіевская Старина“, не находящая впрочемъ подражателей). Написание *тс* *ся* не только было бы противэтимологическимъ (вѣдь общепр. форма 3-го л. есть „він кру́титъ“, а не „він кру́тит“), но оно также рѣзко противорѣчило бы живому малорусскому произношенію: начертаніе *тс* *ся* (съ твердымъ *т*) не есть *ця*.

такъ не писали ¹⁾, и новые галичане просто приняли правописание поляковъ. Но у поляковъ раздѣльное написание *kręci się* не производитъ такого диссонанса, какъ у малоруссовъ. Почему? Во 1-хъ, у поляковъ между глаголомъ *и-ся* (*się*) нѣтъ согласнаго звука *t*, могущаго или сливаться или несливаться со слѣдующимъ *s*, а во 2-ыхъ польское мѣстоименіе *się*—иного самостоятельнаго, чѣмъ малорусское *ся*. Малорусское *ся* есть неударная энклитика, способная сокращаться послѣ гласныхъ въ неслоговое *сь*: напр. вмѣсто «*крутимося*» (= мы крутимся) всегда можно сказать «*крутимось*». Кто пишетъ раздѣльно «*крутимо ся*», тотъ долженъ писать раздѣльно и «*крутимо съ*», а это есть полная орфографическая цѣлѣность, которой и галичане не допускаютъ.

§ 29. Полагаемъ, что разсмотрѣніе даже только двухъ литературно-общепринятыхъ малорусскихъ орфографій: *доброго* (при русской орфографіи «*доброга*») и *крутитъся* (при польскомъ *kręci się*) съ достаточной ясностью характеризуетъ тѣ этимологическіе приемы, къ которымъ прибѣгали и прибѣгаютъ малорусскіе писатели, выработавшіе въ теченіе ста лѣтъ литературное малорусское правописание. Преобладающая часть всѣхъ прочихъ этимологическихъ малорусскихъ приѣмовъ производится въ томъ же духѣ, и въ результатѣ обыкновенно оказывается общепринятой та орфо-

¹⁾ Какъ львовская грамматика „Адельфотес“ 1591 г., такъ и грамматика Мелетія Смотрицкаго 1618—1619 и словарь Беринды 1627 г. устанавливали слитное правописание *тсѧ*,—и галичане до XIX вѣка довольно строго держались слитнаго правописанія. Возродители новой малорусской литературы, авторы „Русалки Дѣтровоной“ (1837) иногда писали *т-ся* (слитно, но съ коротенькой черточкой), иногда писали *цѧ*. Журналъ „Правда“ конца 60-ыхъ и начала 70-ыхъ годовъ прошлаго вѣка, главный органъ литературной малорусской жизни, у галичанъ, тоже писалъ „*ся*“ съ глаголами слитно, и лишь такъ называемое „рутенство“ требовало раздѣльнаго написанія *сѧ*. Теперь, какъ извѣстно, побѣду въ Галичинѣ одержали въ этомъ пунктѣ рутенство и полонизмъ.

трафія, которая фонетически совпадает съ произношеніемъ большинства малорусскихъ говоровъ, или по крайней мѣрѣ — говоровъ восточныхъ.

Бываютъ однако (немногочисленные) случаи, когда общепринятой малорусской литературной орфографіей оказывается такая, которая противорѣчитъ живому современному произношенію почти всѣхъ малоруссовъ, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ, и которая совпадаетъ только съ угасшимъ произношеніемъ старо малорусскаго языка. Наиболее типичнымъ образчикомъ литературно-малорусской орфографіи этого рода является строгое различіе на письмѣ неударныхъ звуковъ *e* и *и*, которые въ живомъ произношеніи подавляющаго большинства малоруссовъ совершенно слились и не различаются другъ отъ друга. Разсмотримъ это явленіе и правописаніе поближе.

§ 30. О путаницѣ неударныхъ звуковъ *e* и *и* въ живомъ произношеніи малоруссовъ.

а) Въ живой рѣчи почти всей Украины, особенно же западной, теперь стерлась разница между неударными *и* и *e*. Оба гласные звука произносятся твердо: первый — какъ *э*, второй — какъ *ы*, или почти какъ *ы*. Только въ тѣхъ восточно-малорусскихъ говорахъ, гдѣ *и* звучитъ не слишкомъ твердо, а *e* звучитъ совсѣмъ твердо, можно уловить ухомъ довольно ощутительную разницу между неударнымъ *e* и *и*. Западно-малорусское же нарѣчіе (т. е. разные западно-малорусскіе говоры), — гдѣ *и* звучитъ какъ вполне твердое *ы* и гдѣ старинный звукъ *є* (бывшій когда-то мягкимъ въ малорусскомъ языкѣ) отвердѣлъ въ довольно раннюю эпоху¹⁾, — представляетъ собою почти сплошную картину смѣшенія неударныхъ звуковъ *e* и *и*. Въ силу этого фонетическаго явленія малоруссы вмѣсто, напр., *чóвєн* (= лодка) произносятъ «чóвин», а вмѣсто *чє знáю* произносятъ «чи знáю». И наоборотъ: по сосѣдству съ ударнымъ звукомъ *e* (*є*, *ь*) коренной звукъ *и* (*и*) сплошь да рядомъ слышится тоже какъ

¹⁾ См. § 19.

е; говорятъ, напримѣръ, «шось сенѣнке» (=нѣчто синенькое) вмѣсто снѣнѣнке; говорятъ «техѣнький» (=довольно тихій) вмѣсто тихѣнький, и т. п., и т. п.

б) Съ какого времени началось у малоруссовъ смѣшеніе неударныхъ звуковъ ииѣ?

Судя по современнымъ даннымъ, надо предположить, что у западныхъ малоруссовъ оно вообще началось пораньше, чѣмъ у восточныхъ; судя же по письменнымъ старымъ памятникамъ, разница въ этомъ отношеніи между обоими нарѣчіями можетъ составлять періодъ лѣтъ въ двѣсти.

в) Документальныя западно-малорусскія начертанія, намекающія на это явленіе, начинаются, какъ будто бы, еще съ конца XIII вѣка, но сперва не внушаютъ большого довѣрія, потому что вполнѣ удобно могутъ быть объясняемы совсѣмъ иначе, чѣмъ смѣшеніемъ неударныхъ е и и. Такъ, въ южно-галицкомъ Евангеліи 1283 г. поповича Евсевія мы находимъ: «учинье» (л. 47, вмѣсто «ученье») и «оучиньи» (л. 73, вмѣсто «ученья») ¹⁾, «въ отечествьи своимъ» (л. 134, — удареніе по-галицки на «сво») и «Июдѣимъ» (л. 16 об.; = дат. мн.) ²⁾, «радость ваша» (л. 27, гдѣ букву ъ надо читать за е, т. е. «радостѣ», вм. «радости») ³⁾; — все это примѣры очень нехарактерные и неубѣдительные, потому что находятъ свое особое этимологическое объясненіе. Повидимому, не болѣе, какъ графически-механическою перестановкою буквъ въ двухъ сосѣднихъ слогахъ должны мы считать и начертаніе Еванг. 1283 г.: «секира при корені дръва лжеть» (л. 124, вм. «лежить»). Интереснѣе высматриваютъ начертанія Ев. 1283 г. такия, какъ «учитидю» (л. 126 об.),

1) Но возможно также, что это и въ „учинье“ явилось у поповича Евсевія вмѣсто буквы ѣ, написанной въ томъ южно-славянскомъ подлинникѣ, съ котораго онъ списывалъ.

2) Здѣсь можно видѣть простое смѣшеніе флексій. Срв. польское w twoim.

3) Возможно, что это род. падежъ на с (вѣдь ъ стоитъ графически вмѣсто е) образованъ былъ по образцу „крѣве“.

«мучитилемъ» (л. 41), «породи ихъднові» (л. 124, вм. «ехъднові»), «паки ожвѣтъ» (л. 67 об.), «мнози-жи слышавше» (л. 11 об.) и т. п.; но и имъ едва ли можно придавать филологическое значеніе, — равно какъ и начертаніямъ въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г.: «прѣмѣнѣтъ о[т] мене чаша си» (л. 133 об.) и «принѣчѣ» (л. 172); и въ Холмскомъ Евангеліи XIII—XIV в.: «татъ прѣидить» (вм. «прѣидеть»); да въ волошскомъ Евангеліи Верковича XIV вѣка: «Илисѣя» (л. 143, вм. «Елисѣя») и «ожнися» (л. 146, вм. «оженися»). Дѣло въ томъ, что такія начертанія двухъ одинаковыхъ буквъ въ сосѣднихъ слогахъ вполне похожи на самую обыкновенную у писцовъ механическую ошибку ¹⁾. Скорѣй ужъ можно было бы извлекать фонетическія заключенія изъ трехъ другихъ начертаній въ томъ же волошскомъ Евангеліи Верковича XIV в.: «да не смущаится, ни устрашачься» (л. 26, вм. «смущаѣтсѣя, устрашѣтсѣя») и «нистроения» (л. 86, л. 86 об., л. 120, л. 120 об.), — если бы писецъ не былъ инородцемъ-волохомъ. Въ Луцкомъ Евангеліи XIV вѣка мы букву *ѣ* вмѣсто *и* находимъ частенько въ неударномъ предлогѣ при: прѣнуди (л. 97 об.), прѣносити (л. 99), прѣкосьнутъся (л. 99 об.), прѣяша (л. 99 об.), прѣшедъши (л. 101 об.), прѣзва (лл. 102 и 103), прѣемъ (л. 102)» и др.; но объяснять эти луцкія написанія надо больше всего этимологическимъ смѣшеніемъ предлога при съ предлогомъ пре. Въ галицкихъ и волынскихъ грамотахъ XIV в. мы встрѣчаемъ очень неубѣдительныя начертанія: «ис Ходкомъ братомъ»

¹⁾ Писцы всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ очень бывають склонны написать въ двухъ сосѣднихъ слогахъ одну и ту же букву. Такъ, въ словѣ „придеть“ писцу, когда онъ уже написалъ букву *и* въ слогѣ „при“, легко было написать механически букву *и* также и въ слѣдующемъ слогѣ. Въ такихъ словахъ, какъ „принѣчѣ“, букву *ѣ* въ среднемъ слогѣ писецъ могъ написать въ силу т. н. писарскаго „предвосхищенія“ („антиципаци“) буквы *ѣ* послѣдняго слога.

своі-ѣмь» (гр. 1366 г., вм. «свѣимь»); изъ дѣтьми своі-ѣми, зятѣмь своі-ѣмь, си внучаты своі-ѣми, племенемь своі-ѣмь, (въ грам. 1378 г.,—удареніе надо читать на «сво»), — начертанія, которыя вполне хорошо объясняются морфологически, не фонетически. Равнымъ образомъ не очень убѣдительно начертаніе отъ самаго конца XIV вѣка, на переломѣ XV-го: «подъ Божиимъ нароженіемъ» (гр. 1401 г. изъ Галича, — удареніе по-галички на «ро»).—Также едва ли можетъ считаться характернымъ для вопроса о смѣшеніи неударныхъ *ѣ* и *и* чередованіе двухъ формъ противительнаго союза «али» и «але», означающаго «но». Болѣе старая изъ двухъ его формъ есть «али» ¹⁾, но въ XIV-омъ и XV-мъ вѣкѣ мы видимъ въ зап.-мр. грамотахъ не только «али» ²⁾, но и «ал(ъ)» ³⁾, причѣмъ обѣ формы иногда пишутся параллельно; напримѣръ, въ буковинской присягѣ 1393-го года воеводы Романа королю Владиславу мы сперва читаемъ: «никимъ не принуженъ, али з доброі и з мудроі рады своихъ слугъ», а далѣе: «ниго господаря [не] шювати а не имати, алѣ королеви... вѣрне служити и помагати». По всему вѣроятію, это старое «алѣ» (съ *ѣ*), рефлектируемое современнымъ малорусскимъ «але» и «алѣ» (съ удареніемъ на *ѣ*) и находящее себѣ параллель также въ языкѣ польскомъ

¹⁾ Она имѣется, напримѣръ, въ лѣтописной грамотѣ (копіи) Владиміра Мономаха („Али Б[ог]ъ послухъ тому“) и въ старомъ Синайскомъ Патерикѣ XI в. (л. 187). Срв. хорватское *ali* (=но).

²⁾ Можно указать „али“, напримѣръ, въ буковинскихъ (изд. Уляницкимъ) грамотахъ XIV—XV вв. подъ № 8 (=1393 г.), № 25 (=1421, „алиж“), № 46 (=1436, писана однако во Львовѣ), № 48 (=1436), № 50 (=1438), № 64 (=1448).

³⁾ Начертаніе „алѣ“ встрѣчается въ жалованной грамотѣ (на имѣнія въ Перемышльщинѣ) ок. 1340 г. короля Казиміра Польскаго („Было на двое, але я далъ за одно“), въ Смотрицкой гр. 1375 г. („але то“), въ буковинской денежной роспискѣ воеводы Петра 1388 г. („не на 4, але на 3 тысячи“), въ буковинской присягѣ воеводы Романа 1393 г. королю польскому, въ буковинской жалованной грамотѣ 1448 г. воеводы Петра („щобы имъ не порушилъ... але щобы имъ потвѣдилъ“) и т. д.

(ale), есть такое же самостоятельное этимологическое образование, какъ и забытое теперь «али»,—и никакого смѣшенія неударныхъ звуковъ и и є въ данномъ случаѣ не нужно усматривать.

Только въ половинѣ XV вѣка мы встрѣчаемъ зап.-мр. начертанія, въ высшей степени ужъ похожая на результатъ подлиннаго смѣшенія неударныхъ звуковъ є и и, а такъ какъ є окончательно отвердѣло на западѣ, то и съ ы. Такъ, въ буковинской господарской грамотѣ 1444 г. изъ-подъ руки «Михайла-ганцдира» вышло начертаніе: «на большєи подтвержденіе тому вѣсему», и въ господарской буковинской грамотѣ 1446 г. у Стец[ь]ка-писаря оказалось подобное же начертаніе: «на булшєи подтвержден[є]» (=соврем.-мр. «на бѣлшее») ¹⁾. Въ волынскомъ Апостолѣ XV в. изъ с. Антоновець (хран. въ кievск. Церк.-Археолог. музеѣ) оказывается еще болѣе интересное и вполне характерное начертаніе: «0[т]ци, не раздражайтѣ чади», не говоря ужъ о такихъ, какъ «время послѣдние» (л. 36), «клинемъ» (л. 33 об.). Въ жалованной грамотѣ 1503 г. (люблинской) короля Александра Ивашку Лабунскому: «селища въ повѣтѣ Бременѣцкомъ» (и тутъ же рядомъ: «въ Бременѣцкомъ повѣте») ²⁾. Быть можетъ, въ XV вѣкѣ смѣшеніе неударныхъ є (чит. э) и и (чит. ы) было у западныхъ малоруссовъ еще явленіемъ лишь спорадическимъ; но въ XVI-мъ вѣкѣ оно ужъ навѣрное твердо укрѣпилось во всей области западно-малорусскаго нарѣчія. Въ волынскомъ Бѣзановскомъ евангеліи XVI вѣка мы видимъ: «учин[и]ци, трими (вмѣсто «треми», =3-мя), нипріазни, два сребриники» и пр. ³⁾. Въ Луцкой книгѣ гродской 1568 г.: «плате (=платы) розложевые» (№ 2042,

¹⁾ По изд. Уляницкаго = № 58 и № 62.

²⁾ = Антоновичъ и Козловскій, № 15, стр. 34.

³⁾ См. Волынскія Епархіальныя Вѣдомости, 1895, стр. 417—418.

Примѣръ „трими“ впрочемъ не рельефенъ, въ виду присутствія и въ формѣ именит. падежа. Объ антиципаціи тоже можетъ быть рѣчь.

л. 398 об.)¹⁾. Poleмическая зап.-мр. литература, возникшая по поводу уніатскаго Берестейскаго собора («синаода») 1596 года, въ изобиліи предлагаетъ намъ три равносильныя написанія: «снѡдъ», «сынѡдъ» и «сѣнѡдъ», свидѣтельствуя этимъ, что неударныя и, ы и є были для западнаго малорусса конца XVI вѣка вполнѣ равносильны. Видимъ мы это же явленіе и въ галицкихъ комическихъ интерлюдіяхъ Я. Гаваттовича, напечатанныхъ въ 1619 году латинскими буквами: «zwaгето, rowaгето, pasmazето» (наряду съ обычнымъ окончаніемъ -уто); «w рѣkli» (удареніе на концѣ)²⁾—наряду съ «w rekli»; «sczo to ist za trawa»—гдѣ ist (вм. jest') лишено ударенія, какъ эпиклака въ szcѡ to. Словомъ, для западныхъ малоруссовъ XVI-ый вѣкъ есть ужь несомнѣнная эпоха смѣшенія неударныхъ є и и³⁾.

Въ нарѣчій восточно-малорусскомъ смѣшеніе неударныхъ букв. є и и можетъ быть съ полнѣйшей достовѣрностью констатировано по документамъ XVIII вѣка. Надо думать, что это явленіе должно было у восточныхъ малоруссовъ постепенно возникать еще раньше XVIII вѣка,—и, пожалуй, начаться могло оно даже въ XVI вѣкѣ, хотя съ достовѣрностью утверждать послѣдняго нельзя. Пожалуй, нѣсколько богомольческихъ именъ кievскаго Лаврeкaгo пoмyнника XVI вѣка, такихъ, какъ «Одиксія», «Силиванъ» «пани Нимила», хорошо годились бы, разумѣется, для иллюстраціи начинающагося вост.-мр. смѣшенія неударныхъ и и є, если бы мы могли быть увѣрены, что эти начертанія—мѣстныя

¹⁾ = № 58 у Антоновича и Козловскаго, стр. 147.

²⁾ Это удареніе (на концѣ) подтверждается и рѣмой: ргу терлі. Что касается написанія буквы і (а не у) въ словѣ „w рѣkli“, то надо замѣтить, что у Гаваттовича латинскія буквы і и у выражаютъ одинъ и тотъ же звукъ.

³⁾ Въ XVII-омъ же вѣкѣ зап.-мр. рукописи ужь несутъ различіями смѣшенія неударныхъ с и и, если писецъ не очень грамотенъ. Впрочемъ, и очень грамотейскія рукописи,—напр., галицкая „Ефистолія“ о. Теодора изъ Дубовца XVII в.,—всегда пред-

кіевскія, а не пришлыя бѣлорусскія или великорусскія 1); между тѣмъ одновременныя мѣстныя кіевскія канцелярскія книги XVI в. хорошо еще отличаютъ ѳ отъ и Типичнымъ могло бы быть такое начертаніе, какъ «причѣ» (= прииѣ, удареніе на концѣ) въ Четвероевангеліи конца XVI вѣка изъ Черниговщины (л. 267 об.) 2), если бъ и тутъ не возникало обычное сомнѣніе, что писецъ написалъ букву ѳ просто механически, предвосхищая слѣдующій слогъ. Но если даже допустимъ, что въ XVI вѣкѣ этого явленія у восточныхъ малоруссовъ еще не было, то къ началу XVIII вѣка оно ужъ несомнѣнно, и мы всегда легко рискуемъ наткнуться въ XVIII в. на написаніе вродѣ «вси лысты, передъ нами покладыны» (въ кіевской книгѣ ягродской 1736 г.) 3).

§ 31. Отрицательное отношеніе новомалорусской литературы къ смѣшенію псевдарныхъ и и е.

Слѣдовательно, въ эпоху народненія новой малорусской литературы (конецъ XVIII и начало XIX вѣка), ста-

ставятъ намъ образчики вродѣ: „не вѣсти ли?“ (вм. „не вѣсте ли“); см. по изд. Франка: „Пам'ятки українсько-руської мови і літератури“ (т. IV, Львів 1906), стр. 51. Рельефны начертанія польскими буквами въ стихотвореніи о битвѣ подъ Берестечкомъ 1651 г.: „tobi...s kozakamy i Tataramy ne powina sie byte“, „a idit byte chana“ (= бити), „sluhaім, знаім, budім byty“ (наряду съ „budem;“ польскія буквы і и у въ XVII вѣкѣ смѣшались). См. „Arch. f. sl. Phil.“, II, 300—301.

1) Въ XVI вѣкѣ колонизаціонный наплывъ бѣлоруссовъ на Кіевщину замѣчается въ сильной степени (срв. изслѣдованія проф. Владимірскаго-Буданова), и, конечно, среди кіевскихъ монаховъ бывали бѣлоруссы; а о богомольцахъ, приходившихъ въ Кіевъ отовсюду на поклонъ кіевскимъ святынямъ и вносившимъ свое имя въ монастырскіе помянники, и говорить нечего: бѣлорусскій элементъ долженъ былъ среди нихъ прямо кишѣть. Поражаетъ также въ кіевскихъ помянникахъ XVI—XVII в. наплывъ иноковъ изъ Великоруссіи. Обозначеніе „з Москви“ встрѣчается чуть не на каждомъ листѣ.

2) Хранится въ кіевскомъ Церковно-Археолог. музеѣ, № 54.

3) № 47, л. 263 (= Антоновичъ и Козловскій, № 12, стр. 31).

равшейся быть поближе къ народному произношенію, мы вправѣ были бы ждать, что въ литературное новомалорусское правописаніе будетъ введенъ принципъ смѣшенія неударныхъ *е* и *и* на письмѣ, подобно тому, какъ они смѣшиваются въ произношеніи живомъ.

И однако же этого не случилось, и даже попытокъ къ этому не было: сразу же малорусская литературная рѣчь стала строго отличать на письмѣ неударную букву *е* отъ неударной буквы *и*, отчасти руководясь въ этомъ пунктѣ наследственно-усвоеннымъ правописаніемъ схоластико-малорусской литературы XVII—XVIII в., отчасти же и правописаніемъ русскимъ (меньше --польскимъ), — по крайней мѣрѣ тѣми общими руководящими этимологическо-ореографическими принципами, которые на этотъ счетъ выработаны грамматикой русской, преподающей въ школахъ Россійской имперіи. И донынѣ принципъ историко-этимологической ореографіи въ дѣлѣ написанія неударныхъ малорусскихъ звуковъ *и* и *е* непоколебимо соблюдается малорусской литературной рѣчью.

Въ виду важности и трудности этой ореографіи укажемъ нѣсколько способовъ, помогающихъ легче ее усвоить. Итакъ:

§ 32. О способахъ, помогающихъ не путать на письмѣ неударныя буквы *е* и *и*.

Тѣмъ малоруссамъ, которые говорятъ говорами, не знающими смѣшенія неударныхъ звуковъ *е* и *и*, можно бы для цѣлей ореографіи руководиться своимъ собственнымъ живымъ произношеніемъ. Къ сожалѣнію, такихъ малорусскихъ говоровъ вообще-то осталось мало; да и въ нихъ дѣло осложняется склонностью къ ассимиляціи или диссимиляціи тѣхъ звуковъ *е* и *и*, которые находятся рядомъ въ двухъ сосѣднихъ слогахъ. Поэтому даже для нихъ полезно будетъ помнить нѣкоторые практическіе способы, помогающіе отличать на письмѣ малорусское неударное *е* отъ неударнаго *и* (или наоборотъ), не прибѣгая къ справкамъ съ исторической этимологіей.

а) Первый и простѣйшій приёмъ заключается въ томъ, чтобы разыскать родственныя слова, въ которыхъ удареніе падало бы на сомнительный слогъ. Мы знаемъ, напримеръ, что сбивчиво-звучащія уменьшительныя прилагательныя «сенѣньшій» и «техеньшій» происходятъ отъ «сѣншій» и «тѣшшій»;—ударные слоги сѣ и тѣ (въ неуменьшительныхъ формахъ) показываютъ, что и уменьшительную форму надо писать съ буквою и. И наоборотъ: ударная форма човѣнце (=лодочка) показываетъ, что форму «чобен» надо писать съ е, а не съ и; равнымъ образомъ надо писать букву е въ «не знаю», потому что это намъ указывается ударными словами: нѣчесть (=безчестіе), нѣтля (=моль) и т. п. Союзъ «але» (=но), звучащій близко къ «а́лы», надо писать съ е потому, что существуетъ параллельная ударная форма а́ле,—и ею безповоротно рѣшается вопросъ этого правописанія ¹⁾. Если подъ удареніемъ оказываются отысканы двѣ разновидности (одна—съ е, другая съ и), то за орфографическій критерій должна быть принята болѣе общезвѣстная. Такъ, принято въ литературѣ правописаніе сидѣти (=сидѣть), а не седѣти, потому что этотъ же глаголъ въ соединеніи съ предлогомъ по почти вездѣ звучитъ посѣдѣти (съ ударнымъ сѣ), и лишь въ очень немногихъ говорахъ звучитъ посѣдѣти (съ ударнымъ е).—Въ правописаніи неударныхъ флексій надо слѣдовать аналогіи флексій ударныхъ; такъ, надо писать: «ти знаѣш», «ми знаѣмо» (а не «знаѣш», «знаѣмо») въ виду ударно-флексійныхъ формъ: «ти стаѣш», «мы стаѣм»; надо писать «він радується» (а не «радуїться»).—въ виду ударнофлексійнаго «він паяѣтся».

б) Другой способъ (но лишь частичный)—это понаблюдать, не выпадаетъ ли въ родственныхъ словахъ сомнительный звукъ. Выпадать способенъ обыкновенно лишь звукъ е (и именно—происходящій изъ стараго гласнаго звука

¹⁾ Исторически же, какъ мы видѣли (см. § 30, в), форма—але (=„но“) у насъ старше, чѣмъ а́ле.

ь) ¹⁾, а коренной звукъ и обыкновенно не выпадаетъ нигдѣ, и потому понятно, что способный выпадать звукъ не долженъ писаться въ малорусской литературной рѣчи (въ случаѣ неударности) черезъ букву *и*. Такъ, напримѣръ, если мы слышимъ форму родит. падежа въ видѣ *човніа* (безъ гласнаго звука между *о* и *и*), то отсюда должны заключить, что въ формѣ падежа именительнаго, звучащей не то («човен»), не то («човин»), сомнительный неясный звукъ есть *е*, а не *и*,—и потому мы напишемъ *човен* ²⁾.

IV. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ выводить обратное широкое заключеніе, что, молъ, в с я к і и нигдѣ не выпадающій сомнительный неударный звукъ долженъ писаться только черезъ *и*, а не черезъ *е*. Дѣло въ томъ, что тотъ малорусскій звукъ *е*, который произошелъ изъ *ѣ* (а не изъ *ь*), тоже вѣдь неспособенъ выпадать; срв., напр., предлогъ *через* (=черѣз), въ которомъ звукъ *е* неспособенъ ни при какихъ комбинаціяхъ выпасть и который, разумѣется, нельзя написать въ литературной рѣчи въ видѣ «чериз».

в) Есть еще одна примѣта (но эта ужъ очень мало надежна для неопытныхъ), по которой можно бываетъ распознать тотъ неударный звукъ *е*, который происходитъ изъ *ѣ* (но не изъ *ь*), и не смѣшать его съ *и*. Надо, сомнѣваясь насчетъ правописанія неопредѣленнаго неударнаго звука въ какомъ-нибудь словѣ, понаблюдать: быть можетъ, въ производныхъ или въ родственныхъ словахъ мы, взамѣнъ интересующаго насъ неударнаго неопредѣленнаго твердаго звука, слышимъ вполнѣ мягкое *і*? Если да, то это почти всегда означаетъ, что затрудняющій насъ неударный неясный звукъ есть по своему происхожденію не звукъ *и*, но звукъ *ѣ*. Напримѣръ, положимъ, мы затрудняемся: писать ли намъ «чесати» или «чисати»? «кажнубатий» или «ка-

¹⁾ О прежней постоянной гласности звука *ь* см. § 17.

²⁾ Кстати, по поводу этого самого слова. Есть малорусскіе говоры, произносящіе *човѣн*, съ удареніемъ на концѣ, на *е*. Въ тѣхъ говорахъ, конечно, не можетъ быть и вопроса о правописаніи этого слова.

менува́тий» (= каменистый)? — и воть фонемы съ мягкимъ *i*, — такія, какъ «зачісуватися», «ка́мінь», «ка́мі́ня», — говорятъ намъ, что мы должвы писать «че́сати» и «каменува́тий», съ буквою *e*, а не съ буквою *и*, потому что мягкій звукъ *i* родственныхъ словъ могъ возникнуть (или путемъ усиленія, или путемъ т. н. «замѣстительнаго удлиненія») ¹⁾ изъ стариннаго звука *с*, а не изъ *и*; старинный же исконный звукъ *и* у малоруссовъ почти во всѣхъ положеніяхъ отвердѣлъ и обыкновенно не звучитъ, въ своихъ фонетическихъ видоизмѣненіяхъ, какъ *i* ²⁾.

г) Но, къ сожалѣнію, однихъ этихъ эмпирическихъ правилъ не достаточно для безошибочнаго разрѣшенія всѣхъ возможныхъ случаевъ сомнѣнія въ дѣлѣ литературнаго правописанія неударнаго малорусскаго звука, похожего и на *э*, и на *ы*. Нѣкоторые затруднительные случаи этого правописанія только и могутъ быть рѣшены что специалистами-филологами, знающими исторію малорусскаго языка и — параллельно — прочихъ славянскихъ, а нефилологи должны ужъ прямо усвоить предлагаемое наукой правописаніе ³⁾.

¹⁾ О немъ см. § 17, г.

²⁾ Этими третьими способомъ можно пользоваться лишь съ очень большою осмотрительностью, потому что послѣ губныхъ звуковъ (*б*, *п*, *в*, *м*), послѣ заднеязычныхъ (*г*, *к*, *х*) и послѣ шипящихъ малоруссы (многіе) произносятъ звукъ *и* не совсѣмъ твердо, но полумягко, такъ что для неопытнаго уха слогъ, положимъ, *би* можетъ показаться звучащимъ, какъ мягкое *бі*. Таково, напр., слово *би ч* (= бичъ). Тотъ, кому кажется, будто онъ произноситъ это слово совсѣмъ мягко (т. е. какъ *бі ч*, = срв. § 64), способенъ будетъ, основавшись на вышезложенномъ третьемъ правилѣ, написать букву *e*, а не букву *и* въ глаголъ „бичувати“ (= бичевать) — и сдѣлаетъ крупную этимологическую ошибку. Срв. еще „письмо“ вм. орфографическаго „письмо“.

³⁾ Само собою при этомъ разумѣется, что, въ случаѣ разногласія между исторіей мр. языка и исторіею другихъ слав. языковъ, рѣшающую силу должна имѣть исторія языка малорусскаго, особенно когда показанія его исторіи упрощаютъ правописаніе. Поэтому, напримѣръ, малорусская литература имѣетъ полное право писать (согласно и съ живымъ выговоромъ) букву *и* (а не *e*) въ

Глава шестая. (Продол. предыдущей.)

Отношеніе малорусскаго литературнаго правописанія къ тому неударному звуку *a*, который слышится вмѣсто ожидаемаго или возможнаго звука *o*.

Изъ предыдущей главы мы только что видѣли, что въ вопросѣ объ орфографіи неударныхъ звуковъ *и* и *е* установившееся малорусское литературное правописаніе оказалось совершенно недемократичнымъ. Къ счастью, подобныхъ пунктовъ имѣется у насъ очень немного. Разсуждая аналогически, мы, напримѣръ, могли бы ждать, что съ такимъ же недемократизмомъ отнесется литературное малорусское право-

формахъ множ. числа: селяни (изъ сѣланы), мѣщани (изъ мѣщаны), цигани (произносятся и циганя; изъ цыганы) и т. п., несмотря на русскія формы: „селяне“ (изъ сѣлане), „цыгане“ (изъ цыгане), и пр. Необходимо впрочемъ отмѣтить, что въ дѣлѣ правописанія этого окончанія (-аня и -ане) малорусская литература до сихъ поръ не выработала единодушія, и значительное количество современныхъ писателей колеблется между обѣими орфографіями, напоминая собою, въ данномъ случаѣ, постоянный пріемъ малоруссовъ старинныхъ,—напримѣръ, львовскихъ духовныхъ и крылошанъ XVI в., которые въ своемъ постановленіи 1539 г. о соборномъ выборѣ епископа писали одновременно такъ: „крылошани мають держати епископію“, „крылошане мають повѣдити владыцѣ“, „почесныи крылошани“, „на крылошани“ (см. въ „Актахъ, относ. къ исторіи Южн. и Зап. Росс.“, т. I, стр. 106). Или срв. въ галицкомъ апокрифич. сборникѣ 1655 г. (въ музеѣ Львовскаго Народнаго Дома, № 134): „работаша Ізраильтяны“, и рядомъ же: „сотвориша Ізраильтяне“ (=Франко: Пам'ятки, т. IV, стр. 408). И т. п., и т. п. Срв. также формы имен. мнж. въ Ипатскомъ спискѣ летописи: „Кияни разграбиша дворѣ“ (198), и тутъ же черезъ одну строку: „и послашася Кияне к Володимеру“;—„Галичани же выѣхаша“ (514), и черезъ страницу: „Придоша Галичане на Каменьць“ (516), и т. п., и т. п., напримѣръ еще разъ „Галичани“ (385, 489, 527), „Израильтяни“ (441), „хрѣстьяни“ (385), „Верестьяни“ (586, 610, 613), „горожани“ (522, 599, 615), „Рижани“ (542) и мн. др. Мы лично въ своей грамматикѣ будемъ писать лишь болѣе практичное окончаніе -аня.

писаніе и къ судьбѣ неударнаго *о*, которое въ нѣсколькихъ десяткахъ словъ звучитъ у малоруссовъ какъ *а*, словно на манеръ великорусскаго *а*канья. Однако этого не случилось: къ орфографіи неударнаго *о* (какъ вообще къ большинству вопросовъ литературной орфографіи) применена была малорусской литературой этимологія современно-малорусская, а не историческая (съ нѣкоторыми, пожалуй, ограниченіями по отношенію къ черезчуръ узкимъ локализмамъ, вульгаризмамъ и т. п., но все же современная), и притомъ чуть ли не специально восточно-малорусская. Для иллюстраціи законовъ малорусскаго литературнаго правописанія и его принциповъ, намъ полезно выяснитъ этотъ пунктъ малорусской орфографіи съ болъшей точностью; да онъ и практически очень важенъ.

Появленіе звука а вмѣсто о и воспроизведеніе ею въ литературной рѣчи.

§ 33. Ассимиляція звука *о* звуку *а*.

Хотя у малоруссовъ нѣтъ т. н. «*а*канья», но у нихъ, въ области всего восточнаго нарѣчія, имѣется десятка два словъ, въ которыхъ неударный звукъ *о* уподобляется звуку *а*, оказывающемуся въ сосѣднемъ слогѣ. Перечислимъ ихъ, причеиъ заранѣе оговоримся, что въ рубрицѣ *а* приведены будутъ нами здѣсь только тѣ слова, которыя (со звукомъ *а* вмѣсто *о*) могутъ считаться болѣе или менѣе повсемѣстными для всей восточно-малорусской территоріи, а не для отдѣльныхъ говоровъ.

а.

Сюда относятся: вост.-мр. *багáто* (= много; при зап.-мр. *богáто*) и «*багáти й*» (= богатый, зап.-мр. «богáтій»), въ связи съ которыми стоитъ слово *багáтир* (= богачъ; зап.-мр. «богáтир») ¹⁾.

¹⁾ А старо-мр. и русское слово „богáтырь“ (въ смыслѣ герой) есть персидско-тюркское „бáһадир“ (بہادر=герой, витязь), или монгольское „багатур“, приуроченное къ славянскому корню „богáть“. Въ
УКРАИНСКАЯ ГРАММАТИКА, т. I. 19

вост.-мр. **манасти́р** (зап. мр. «монасти́р», даже «мунасти́р») ¹⁾ и очень частое: «**манáх**» (зам.-мр. «монáх») ²⁾.

вост.-мр. **хавя́н** (зап.-мр. «хозя́н»; слово это происходит от персидско-татарского «ходжа»).

вост.-мр. **ганча́р** (=горшечникъ; зап.-мр. «гонча́р») ³⁾, въ связи съ которымъ стоить и слово **ганчи́рка** (=тряпка) ⁴⁾.

вост.-мр. **гаричи́й** (зап.-мр. «горичи́й») съ производнымъ **гаричка** (зап.-мр. «горячка», название известной болѣзни).

гарáзд (=хорошо, очень, гораздо).

чаба́н (=степной пастухъ; диалект. зап.-мр. и перс.-тур. «чобан» چوبان или چوپان).

саля́тъ (=солдаты).

вост.-мр. **кача́н** (=кочень; зап.-мр. «кочáн»).

вост.-мр. **халя́ва** (=голеньца; зап.-мр. «хольва»).

вост.-мр. **калатáти** (=болтать, всколачивать; зап.-мр. «колатáти», срв. польск. *kolatać*). Вѣроятно, не къ этому же корню относится **каламúтний** (при рѣдкомъ «каломутный»), а къ корню **кал** (=грязь, илъ).

вост.-мр. **кажа́н** (=летучая мышь; зап.-мр. «кожа́н»).

вост.-мр. **ка́таржний** (=очень тягостный, при зап.-мр. «ка́торжний», и при вост.-мр. существительномъ **ка́торга** =галера) ⁵⁾.

Ипатской лѣтописи встрѣчаются рядомъ два начертанія: „Се Бѣдай богатырь и Бурундай богатырь“ (стр. 522=1240 г.).

¹⁾ Зап.-мр. произношеніе „мунастир“ очень старо. По крайней мѣрѣ, оно ужъ известно изъ грамоты 1378 г.

²⁾ Не мѣшаетъ кстати замѣтить, что это сирско-греческое слово — гораздо менѣе употребительно у малоруссовъ, чѣмъ ихъ родное слово „чернець“ (род. черця, ченця).

³⁾ Изъ „горн[ь]чарь“, отъ слова „горнець“ (=горшокъ).

⁴⁾ Первоначально „ганчи́рка“ означала тряпку для отиранія горшковъ, но теперь такъ называется вообще всякая тряпка.

⁵⁾ Антоновичъ и Драгомановъ: Историч. пѣсни малорусскаго народа, т. I, стр. 89. (=Максимовичъ 1849,10). По-турецки это

вост.-мр. *калѣч* (=калачъ; зап.-мр. «*колѣч*») = известное особое печенье, специально для 4-го дня свадьбы); вост.-мр. *калѣчки* (= *Malva borealis*; зап.-мр. «*колѣчки*»).

вост.-мр. *галѣнци* (=нѣмецкіе, собств. голландскіе брючки), съ чѣмъ однородно вост.-мр. простонародное *галѣнський* (=голландскій). Но у зап.-малоруссовъ: «голендѣрскій»¹⁾. И интеллигентные восточные малоруссы произносятъ: «*голлѣндський*».

вост.-мр. простонародное *вакзѣл*, — при вост.-мр. интеллигентномъ и зап.-мр. простонародномъ «*вокзал*»²⁾. Также всюду среди простого вост.-мр. народа распространена фонема *парахѣд*, тогда какъ интеллигенты и запад. малоруссы произносятъ *парохѣд*³⁾.

б.

Въ изрядномъ количествѣ восточно-малорусскихъ говоровъ, но не въ подавляющемъ большинствѣ ихъ, кромѣ того, распространены фонемы: *Волосажѣр* (=Пляды, при общемалорусскомъ «*Волосожѣр*»); *нагавици* (=ногавицы, при общемр. «*ногавици*»); *казарлѣга* (=матерой козакъ⁴⁾), общемр. «*козарлѣга*»⁵⁾; *сапаги* (=сапоги, —

слово звучитъ „кадыргѣ“, по-гречески *хѣтерусв*. Мы, вѣроятно, заимствовали это слово прямо отъ грековъ, безъ всякаго тюркскаго посредства. Срв. „Записки Восточнаго Отдѣленія Импер. Русск. Археол. Общ.“, т. 17-й (=1906), стр. IX.

1) Для зап. малоруссовъ наше слово *галѣнський*, повидному, совершенно не понятно. Даже составитель известнаго двутомнаго словаря (!) Желеховскій думаетъ, не значить ли это слово: „англійскій“ (т. I, стр. 135).

2) Въ Галичинѣ вм. „*вокзал*“ говорятъ *дворецъ* (род. *двѣрцѣ*).

3) Или, конечно, употребляютъ болѣе красивое слово „*пароплав*“.

4) Фонему „*казарлѣга*“ см., напр., въ письмѣ изъ Харьковщины — „*Нова Громада*“ 1906, июль, стр. 54.

5) Но „*козѣк*“, кажется, ни въ какомъ говорѣ не обращается въ „*казѣк*“.

слово довольно рѣдкое ¹⁾,—при галицкомъ имени: «Сапогів», село Борщевскаго повѣта); каляска (и «коляска»); цар-салтан турецкій (=царь-султанъ турецкій, при общемр. «султанъ» и діалектич. зап.-мр. «солтанъ»); карявий (общемр. «корявий»). Въ очень многихъ и восточныхъ и (особенно) западныхъ говорахъ имя «Соломонъ» (Salomo) звучитъ Саламон (при «Саломонъ», а также при «Салемонъ, Саламинъ, Соломби»).

в.

Наконецъ есть нѣкоторые (это ужъ очень немногіе) вост.-мр. говоры, въ которыхъ можно услышать: бамага (вм. «бмага», изъ «бумага») ²⁾, карабль (=корабль, при общемр. «корабль», или «корабѣль»), еще рѣже—паганинъ (=гадкій; общемр. «поганый»), команда (общемр. «команда», или иногда даже «куманда»), канастас (общемр. «иконастас»), варган (извѣстно и въ зап.-мр. говорахъ; общемр. «органъ»), и еще нѣкоторыя локальныя фонемы въ такомъ же родѣ.

г.

Западно - малорусскому нарѣчію (по крайней мѣрѣ, главной его массѣ: говорамъ буковинско-галицко-подольскимъ и смежнымъ подляскимъ и волинскимъ) большая часть вышеперечисленныхъ ассимиляцій чужда: въ вышеперечисленныхъ словахъ западно - малорусское нарѣчіе сохранило старый звукъ о безъ уподобленія сосѣднему звуку л. Однако самый законъ этой ассимиляціи нечуждъ и западнымъ малоруссамъ. Форма гаразд (въ смыслѣ уже существительнаго имени со значеніемъ «спокойствіе», «благостояніе») — это самая обычная форма и въ Галичинѣ. Есть

¹⁾ Въмѣсто стариннаго „сапоги“ малоруссы большей частью пользуются словомъ „чоботи“. Притомъ, если не ошибаюсь, въ чистыхъ мр. говорахъ слово „сапоги“ извѣстно исключительно во множ. числѣ.

²⁾ Обычное же малорусское слово есть папір (род. папіру). Бамага довольно часто встрѣчается у Квитки-Основьяненка.

тамъ и чабѣн, наряду съ чобѣн. И даже въ тѣхъ галицкихъ и другихъ австрійско-малорусскихъ говорахъ, гдѣ произносятся «чобѣн» (съ о), существуетъ фонема ма-скаль¹⁾, тогда какъ въ восточно-малорусскомъ нарѣчьи, при всей его любви къ уподобленію неударнаго о звуку а, известна только фонема москаль.

д.

Съ какого времени появились въ вост.-мр. нарѣчьи формы съ ассимилированнымъ о?

Вѣроятно, въ моментъ принятія христіанства кіевляне говорили ужъ «багатыи». Косвенно это подтверждается новгородской Путятиной Минеей XI в. (хран. въ СПб. Дух. Акад.), гдѣ есть начертанія: «багательство» (л. 22), «багательно» (л. 2 об.). Обыкновенно жъ кіевляне писали: «батыи», съ титломъ.

Въ самыхъ раннихъ кіевскихъ памятникахъ мы уже находимъ «мнѣнастырь»; см. въ Изборникѣ Святослава 1076 года (л. 14, л. 22, л. 22 об., л. 111), въ Несторовомъ «Житіи Θεодосія Печерскаго» по списку XII в. съ кіевского оригинала (напр., «мнѣнастыря» л. 1, л. 6; «о мнѣнастырихъ» л. 6; «въ единомъ отъ мнѣнастыревъ», л. 7, и мн. др.); въ Начальной и Кіевской лѣтописи (по всемъ спискамъ, часто). Но впрочемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что это слово пришло въ намъ со звукомъ л прямо изъ Греціи²⁾, какъ и «мнѣнахъ»³⁾.

Могло готовымъ прийти изъ Греціи и названіе Аммонитявъ «Амдните» въ кіевскомъ Изборникѣ 1073 г. (л. 137), равно какъ и въ червонорусскихъ «Словахъ Григорія Бого-слова» XI вѣка (л. 212: «Моавита и Амднита»).

¹⁾ См. записи изъ бойковского горнаго с. Мпанця — въ „Литературно-Науковім Вістнику“, 1906, февраль, отд. II, стр. 287, 288, 289, 290 (о „маскаль“). Срв. тамъ же стр. 201 („чобан“).

²⁾ У грековъ вѣдь тоже наряду съ *μουαστῆριον* выработалось произношеніе *μνѣαστῆριον*. И въ церк.-слав. Супрасльской рукописи попадаетъ начертаніе „мнѣнастырь“ (съ л).

³⁾ Новогреч. *μναυῆς* (стар. *μουαυῆς*).

Не очень яркими также являются написанія: «Манамахъ» (= *Μονομαχος*) и «ватагы» (= тюрск. «отаг») въ Ипатьевской лѣтописи ¹⁾, «Марава» (т. е. Моравія) въ Лаврентьевской лѣтописи (11) и «салътани» въ Словѣ о Полку Игоревѣ, потому что всѣ три рукописи — только списки съ южныхъ подлинниковъ, а не самые подлинники.

Въ Вѣнскомъ Октоихѣ XIII в. (иначе называемомъ *Codex Napkensteinianus*) звукъ а въ «арганъ» (л. 262) можетъ быть возведенъ и къ новогреческимъ діалектамъ ²⁾.

Быть можетъ, не пришедшимъ изъ Греціи, а возникшимъ на мѣстной малорусской почвѣ позволительно считать звукъ а въ начертаніи южно-гал. Евангелія поповича Евсевія 1283 года: «Купиша а р а м а ф ы (= ароматы), да помажють и» (л. 103).

Безусловно малорусское, вполне характерное начертаніе «багаты» мы встрѣчаемъ въ указателѣ Евангельскихъ чтеній XIII—XIV в. (л. 236), который переплетенъ съ галицкимъ Четвероевангелиемъ 1144 года, но писанъ киевляниномъ или инымъ восточнымъ малоруссомъ. Что касается лѣтописнаго «багатырь» (срв. въ Ипат. спискѣ: «Се Бѣдай богатуръ и Бурундай багатырь» 1240 г., стр. 522, и «[Батый] отрядилъ есть два богатыря, Манъмана и Балаа» 1243 г. = стр. 528), то звуковой видъ этого азіатскаго слова возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ своего корня. (Срв. выше стр. 241).

Въ Киево-Печерскомъ Евангеліи ок. 1370 г.: «в карабль» (л. 8), «араматы» (л. 8 об., л. 180).

Интересно, что слово «карабль» считающееся теперь

¹⁾ Фонемъ „Мандмахъ“ (съ двумя уподобившимися о), быть можетъ, предшествовало „Мондмахъ“ (Ипат. лѣт., стр. 201=1115 г.) лишь съ однимъ уподобившимся звукомъ о, — если, конечно, мы здѣсь имѣемъ дѣло не просто съ графической ошибкой.

²⁾ Въ новогреческомъ языкѣ глаголъ *ἐργάζομαι* обратился въ *ἀργάζω* (= обрабатывать, вычинивать). Срв. въ итальянскомъ фонему: *argano* (= станокъ, кабестанъ); франц. *arganeau* и *organeau*.

довольно узкимъ локализмомъ, проникало въ рукописи чаще даже, чѣмъ болѣе общеизвестныя фонемы. Замѣтимъ, что эта же основа — въ фамиліи «Карабчѣевскій», которая является даже въ подольской (т. е. западно-малорусской) грамотѣ 1375 г. Сибѣрицкаго монастыря, гдѣ поблизи есть и донынѣ село Карабчѣвка (Карабчѣевка). Срв. также въ острожской (волинской) Похвалѣ Исаи Балабану 1611 г.: «в семь карабли» (= стр. 8 по изд. Несторовыхъ «Чтеній» 1894 г., т. VIII)¹⁾.

Изъ другихъ западно-ур. начертаній ассимилированнаго о отвлѣтимъ:

1) въ волинскомъ Антоновецкомъ (изъ-подъ Кременца) Апостолѣ XV вѣка: «багатыство» (л. 98 об.), «благество» (л. 108, л. 121), «багатымъ» (л. 121);

2) имя Владиміръ-Волинскаго вознаго XVI вѣка «Хач[ь]ко Чувать» въ книгѣ Владимірскаго кгородской 1568 г., № 935, л. 151)²⁾, — что есть уменьш. отъ «Хатьянъ» (= Фотіанъ)³⁾;

3) въ Пересопн. Ев-іи 1561 г. «кдлацѣя» (56) и «кдлацня» (57);

4) волинское «паганство» (рядомъ съ «поганство») въ Луцкой книгѣ кгородской 1569 г. (№ 2043, л. 81)⁴⁾;

5) въ горно-галицкой рождественской псалмѣ 1713 г.

¹⁾ А ужъ въ памятникахъ во ст.-малорусскихъ, сверхъ Евангелія 1370 года, начертаніе „кдрабль“ — прямо одно изъ самыхъ обычныхъ. Между прочимъ, оно оказывается не разъ въ Евангеліи XVI вѣка Кіевскаго Михайловскаго монастыря (см. л. 32, л. 32 об.).

²⁾ См. выписки, изд. у Антоновича и Козловскаго: „Грамоты“, № 57, стр. 142.

³⁾ Впрочемъ звукъ лвъ этомъ имени (въ нынѣшнемъ „Хатемко“ возникъ, быть можетъ, не столько путемъ ассимиляціи звука о въ первоначальной формѣ „Хотьянъ“ (начертаніе, обычное въ кіевскихъ помянникахъ XVI в.), сколько путемъ смыслового приуроченія другой формы этого имени, — основной (иностранный, греческой): „Фотіанъ“ — къ родному корню „х в а т“. Въ тѣхъ же кіевскихъ помянникахъ XVI в. встрѣчается начертаніе „Фатіанъ“, = пшн. „Хват[ь]янъ“.

⁴⁾ = Антон. и Козловск., № 7, стр. 13.

стихъ: «Галчарѣ такъже зъ горъшьки бѣжѣте!» ¹⁾ и такое же начертаніе въ волинской (изъ-подъ г. Острога) припискѣ 1740 г на галицкомъ Язловецкомъ евангеліи XVI в.: «Николаеви Галчареви» (л. 113 об.);

б) наконецъ отмѣтимъ въ т. н. Борщевецкой (по языку не то галицкой, не то волинской) рукописи 1713 года Бесѣды Трехъ Святителей начертаніе «блгатыи» ²⁾.

Какъ же всѣ подобныя слова пишутся въ нынѣшней малорусской литературѣ? Прежде, чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, рассмотримъ еще одинъ рядъ явленій со звукомъ *a*, не со звукомъ *o*.

§ 34. Другіе случаи появленія звука *a*, а не *o*, у малоруссовъ.

а) Судя по даннымъ языка русскаго, кто-нибудь можетъ считать неожиданнымъ присутствіе звука *a*, не звука *o*, въ такихъ общемалорусскихъ формахъ глагольныхъ видовъ, какъ *помагати* (=помогать), *домагати* (=домогаться), *ганяти* (гонять) и *ламати* (ломать) ³⁾. Но здѣсь звукъ *a* возникъ не путемъ малорусской ассимиляціи неударнаго *o*, а путемъ особой глагольной видовой морфологіи, и онъ здѣсь

¹⁾ Издавъ И. Франко въ своемъ „Українськѣмъ вертепѣ“ (=Зап. Т-ва Шевч., т. 72, стр. 64).

²⁾ Франко: Пам'ятки, т. IV, стр. 16.

³⁾ Въ зап.-мр. нарѣчій мы иногда слышимъ даже *пращати* (=простаться), *перепрашати* (=просить извиненія) и *дозваляти* (=позволять), особенно въ Галичинѣ. Прочимъ малорусскимъ говорамъ извѣстна однако лишь форма *прощати* ся, *перепрошати* и *дозволяти*. Зап.-мр. нарѣчье звать также фонему *подабати* на *когось* (=походить на кого-н.); въ вост.-мр. нарѣчій этотъ глаголъ вообще забытъ совершенно. Отмѣтимъ кстати въ Ипатской лѣтописи: „поддбасть“ (по литогр. изд., л. 133) и „поддбашеть“ (по литографир. изданію л. 437, по печатному изд. стр. 424); „поддбасть“ въ волинскомъ Антоновецкомъ Апостолѣ XV вѣка (л. 90),—съ инымъ, конечно, значеніемъ этого глагола.

глубоко стариненъ (срв. показанія церк.-славянскаго и польскаго языковъ, равно какъ всѣхъ старѣйшихъ южнорусскихъ памятниковъ).

б) Не относится къ явленіямъ малорусской ассимиляціи и такая прилагательная форма, какъ «будь ласкава» (=будь любезенъ, сдѣлай одолженіе) — въ виду ударной формы: ласка́вий (=милостивый, любезный, ласковый); не относится сюда и имя цвѣтка: ласка́вица (=Viviparum rotundifolium), онъ же ласка́вецъ (что собств. значить: любезникъ, льстецъ). Здѣсь мы видимъ особый суффиксъ *ав*, — не менѣе старинный, чѣмъ *ов*. Не говоря ужъ о польскомъ *laskawy* (свидѣтельствующемъ про старинность здѣсь суффикса *ав*), укажемъ въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1076 г.: «ласка́вць» (л. 25, =соврем.-мр. «ласка́вецъ»). То же въ червонорусскихъ «Словахъ Григорія Богослова» XI вѣка («иже въ полатахъ ласка́вци») и тамъ же нарѣчіе: «ласка́въ» (л. 57 об.). Срв. въ новгородскихъ ¹⁾ «Пандектахъ Антиоха» XI в.: «словеса ласка́ва» (л. 200) и въ Ипатской лѣтописи: «Бысть Иоанъ мужъ ласка́въ всякому» (литогр. изд. л. 151 б, печ. изд. стр. 146).

в) Кроме того, въ малорусскомъ языкѣ, иногда во всѣхъ говорахъ, иногда лишь въ нѣкоторыхъ, замѣчается смысловое приуроченіе звука *о* заимствованнымъ иностраннымъ словъ къ звуку *а* подобозвучныхъ своимъ роднымъ словъ. Такъ, греческое κληρος (=русск. «клиросъ», зап.-мр. «крийлос») обратилось почти вездѣ у восточныхъ малоруссовъ въ «крийлас»: чужое окончаніе *ос* было замѣнено своимъ роднымъ окончаніемъ *ас* ²⁾. Имя «Мѣкій» часто имѣеть параллельную форму «Маке́й» (срв. существит. «мак»); имя «Родіонъ» звучитъ всюду, повидимому, лишь какъ «Радивѣн, Радивѣн», (срв. «радъ», «радіий», «радити»);

1) „Филологія и Погод. гипотеза“, стр. 62—63.

2) Срв. подъ удареніемъ: лья́с (=звонкій ударъ, шлепокъ, иногда пощечина), люба́с (=любовничекъ) и т. п. Тотъ же суффиксъ — въ „по мordiaсахъ“ (=по мордѣ).

имя «Онисимъ» смѣшалось съ малорусскимъ названіемъ растенія *Anysum stellatum* (= русск. «анисъ», мр. га́нус), и обратилось во многихъ мѣстахъ въ Га́нус (даже съ удареніемъ на *a*!); имя «Онисиѳоръ», сперва перешедшее (не позже XV в.) въ «Онциперъ», постепенно обратилось во многихъ мѣстахъ въ Анци́пер (по аналогіи съ «анци́христъ» = антихристъ, «анци́болотъ» = болотный демонъ, и пр.). Такихъ передѣлокъ иностранныхъ словъ, сопровождаемыхъ перемѣною звука *o* на *a*, можно бы привести еще массу ¹⁾. Вѣроятно, эти явленія происходили немедленно же при заимствованіи предками южноруссовъ какого-нибудь иностраннаго слова, но документальный старѣйшій примѣръ намъ впервые извѣстенъ въ галицкой купчей 1359 г. пана Петраша, который купилъ «дѣдицтво панъны Радивонъковоѣ».

Замѣчаются иногда у малоруссовъ также случаи приуроченія иностранныхъ словъ со звукомъ *o* къ болѣе извѣстнымъ другимъ иностраннымъ же подобозвучнымъ словамъ со звукомъ *a*. Напримѣръ, можно иногда (рѣдко) услышать, какъ малорусскій крестьянинъ, зная хорошо слово «кумпа́нія» (съ ударнымъ *a*), обращаетъ общемалорусскій глаголь *с к о м п о н у в а́ т и* (= составить, латин. *componere*) въ «скуппанувати», — обычная черта малообразованныхъ людей.

§ 35. Литературная орѳографія выше перечисленныхъ явленій.

а) Познакомившись съ присутствіемъ у малоруссовъ звука *a* вмѣсто ожидаемаго *o* и, вдобавокъ, освѣтивши это явленіе нѣкоторыми старинными документальными справками, мы уже можемъ поставить сознательный вопросъ: какъ же

¹⁾ Нѣсколько подробнѣе см. объ этомъ у меня въ VII-ой главѣ „Древне-кѣвскаго говора“, стр. 38—44 = Изв. Ак. Наукъ, 1906, кн. III, стр. 405—410. Тамъ приведены и выписки изъ старыхъ памятниковъ, которыя мы здѣсь дополнимъ еще двумя указапіями, а именно: 1) въ галицк. гр. 1401 г. „панъ Михалко, Ганусовъ зять“ (= Гол. № 24, стр. 24); — 2) свидокъ „Радко Чижевскыи“ въ гал. гр. 1422 г. (= Гол. № 34, стр. 38).

въ данномъ отношеніи установилась орфографія современной малорусской рѣчи литературной?

б) Противодѣйствіе галичанъ. Если исключить такія общемалорусскія (и исконно-славянскія) глагольныя видовыя формы, какъ *помагати* и пр., и еще нѣсколько отдѣльныхъ словъ, то возможно назвать всѣ вышеперечисленныя чисто-ассимиляціонныя фонемы, собственно, восточно-малорусскими, или специально украинскими: «багáтий» — произношеніе восточное, «богáтий» — произношеніе западное. По крайней мѣрѣ, галичане съ большой неохотой донинѣ относятся къ нимъ и даже бываютъ склонны думать, будто бы украинцы въ данныхъ случаяхъ подчинились влиянію великорусскаго «áканья»¹⁾. Такое ихъ обвиненіе усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что у восточныхъ малорусовъ не только неударный звукъ *o*, но и неударный звукъ *e* (=э) съ полнѣйшей легкостью уподобляется сосѣднему звуку *a*, порождая мѣстами даже такія неудобныя вулгарныя фонемы, какъ «пáрчáтка» (изъ русскаго «перчатка»), или «хамалебн» вмѣсто «хамелеон» («Рада» 1906, № 47, стр. 3)²⁾. Да и неударный звукъ *и* (=ы), часто съ тру-

1) Это обнаруживаетъ, напримѣръ, Олекс. Борковскій въ „Діл“ (1906, № 67, 3-ій столб. фельетона), относя насчетъ великорусскаго áканья простонародный украинскій (положимъ, таки узко-локальный) выговоръ „камáнда“ вмѣсто обычнаго общеукраинскаго „комáнда“ (или тоже узко-локальнаго „куманда“).

2) § 36. Но, правду-сказать, и зап.-мр. нарѣчіе знаетъ случаи уподобленія звука *e* звуку *a*. Общемалорусскіе (и восточные, и западные) примѣры — Гáрáсиц (рѣже Герáсиц), Окáна (рѣже Кóсна, Акóсна), Басарáбія (наряду съ Бесáрабія). Срв. при этихъ вышѣшнихъ формахъ — констатируемыя въ буковинскихъ господарскихъ грамотахъ XIV—XV в. частыя латинскія параллельныя начертанія: „woyewoda Bessarabiae“ и „woyewoda Bazarabiae“ (напр. 1396 г. = Улян. № 11), равно какъ славянскія начертанія: „воевода Басарабський“ (напр., въ грам. 1395 г. = Улян. № 10). Впрочемъ специально имена „Гарасимъ“ и „Оксна“ еще не попадаются на западѣ, сколько помню, въ памятникахъ XIV—XV вѣка. Да и по памятникамъ нарѣчія вост.-малорусскаго начертаніе „Гарасій“ мѣ въпервые припоминается на л. 20-мъ Киево-

домъ отличимый отъ неударнаго *e* (=э), также очень легко подвергается на Украинѣ уподобленію съ сосѣднимъ звукомъ *a* ¹⁾, отчего иное русское слово, напр., «пазиратель», сло-

Михайловскаго монастырскаго помянника XVI вѣка (тамъ, гдѣ вписанъ „родъ Єсифив с Києва“, т. е. родъ Іосифовъ изъ Кіева); и еще см. въ томъ же помянникѣ на л. 33: „Гарасима“ (гдѣ вписанъ родъ „Лузчинъ“, т. е. Лізчин, Лозкипъ); см. еще л. 85 подл. 1619 г.: „Гарасима“ (тамъ, гдѣ „помянаніе еродиякона“). Тамъ же въ Кіево-Михайловскомъ помянникѣ можно, замѣтимъ кстатн, найти и много другихъ такихъ именъ съ *a* вмѣсто *є* (напр., „ерей Славстіана“ Переяславскаго. л. 72, и пр.).—Позволительно западнымъ малоруссамъ съ полнымъ правомъ возставать противъ литературизаціи такихъ неприятныхъ восточно-малорусскихъ вульгарныхъ фонемъ, какъ вышеотмѣченныя вост.-мр. „парчатка“ и „хамалеон“, но діалектологу не мѣшаетъ помнить, что въ отдѣльныхъ за п.-мр. говорахъ случаи уподобленія звука *e* звуку *a* принимаютъ иногда тоже очень сбивчивый характеръ, порождая фонемы ничуть не лучше, чѣмъ вышеупомянутое локальное вост.-мр. „парчатка“.—Замѣтимъ при случаѣ, что общемалорусское слово „салітра“ (=селитра) содержитъ въ себѣ звукъ *a* вполне правильный (срв. латинск. salnitrum и общеевропейское salpêtre, Salpeter), а наоборотъ—въ русскомъ словѣ „селитра“ звукъ *e* есть вторичный.

1) § 37. Есть два-три слова, въ которыхъ звукъ *a* (якобы вмѣсто *ю*) оказывается не узколокальнымъ, но общемалорусскимъ. Сюда принадлежать слова: „панахида“ (=русс. „паннихида“, πανηχιδις) и патрахиль (=„епитрахиль“), возникшія навѣрно не позже XV вѣка; срв. въ помянникѣ XVI вѣка кіевскаго Михайловскаго монастыря на л. 3: „потрахилю суцу на немъ“ (здѣсь написано „по“ въ силу смѣшенія предлоговъ по и па); на л. 4: „панхида“; на л. 5: „на тыхъ панхихахъ“). Однакожь и у православныхъ арабовъ эпитрахиль называется „батрашин“ (звука *и* у арабовъ нѣтъ, а *н* и *л* могутъ у нихъ смѣшиваться). Не звучало ли это слово еще у самихъ грековъ патрахиль, прежде чѣмъ его усвоили отъ нихъ малоруссы и арабы? Что касается „паннихиды“, то, повидимому, исторія его у малоруссовъ такова: греческое πανηχιδις пришло къ намъ изстари не только въ звуковой формѣ „паннихида“, но и въ формѣ „панхихида“ (срв. въ февральскихъ Четьяхъ-Минеехъ XV в. Московской Духовной академіи № 584, л. 147); это неударное *χ* стало звучать какъ неударное *о*, и ужъ это *о* уподобилось предыдущему звуку *а*. Иначе сказать: паннихида=панухида=панохида=панахида.

собно вдругъ послышаться въ устахъ украинца, какъ «наварать»¹⁾. Все это можетъ галичанину показаться похожимъ на аканье.

Конечно, никакого вліянія великорусскаго аканья усмотрѣть въ «багатій» и въ т. п. фонемахъ—нельзя, хотя бы, просто ужъ потому, что всѣ эти явленія констатируются еще въ стариннѣйшихъ нашихъ памятникахъ, да не совсѣмъ чужды они и нарѣчію западно-малорусскому, что бы ни говорили галиціе писатели. Тѣмъ не менѣе въ галицкой литературѣ замѣчалось долгое противодѣйствіе узаконенію такого ассимиляціоннаго *a* на письмѣ.

Въ концѣ концовъ, однако, побѣду въ общемалорусской орфографіи одержала санкція этого звука *a*, съ небольшими лишь ограниченіями.

в) Руководящіе орфографическіе принципы, которые *casu consensu* при этомъ примѣняются, могутъ быть формулированы такъ:

«Въ литературной рѣчи надо писать *a*, а не *o*, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда звукъ *a* слышится въ безусловно преобладающемъ большинствѣ говоромъ. Однако слѣдуетъ при этомъ отличать слова чисто-малорусскія или хотя бы иностранныя, но усвоенныя очень давно, отъ тѣхъ иностран-

¹⁾ Кромѣ закона ассимиляціи, въ подобныхъ случаяхъ иногда дѣйствуютъ и нефонетическіе законы аналогіи. Напр., интересно, что имя архистратига „Михайла“ малоруссы любили произносить въ XVI в. какъ „Махайло“. Срв. въ кіево-Михайловскомъ помѣнникѣ XVI—XVII в. „при обители Махайла Ар[хи]стратига“ (л. 81). То же—въ монашеской записи ок. 1561 года, сдѣланной на послѣднемъ листѣ Четвероевангелія Михайловскаго монастыря (до 1526 г.): „у манастырь с[вя]того Махаила Золотоверхаго“. Должно быть, это *a* появилось не столько въ силу ассимиляціи неударнаго слога ударному, сколько въ силу представленія объ огненномъ мечѣ, которымъ *махаель* архистратигъ.— По поводу же такихъ начертаній, какъ „Каликія“ вм. „Киликія“ въ галицкой рукописи XVII вѣка Меодія Патарскаго (Франко: „Пам'ятки“, т. IV, стр. 273), замѣчу, что этотъ звукъ *a* возникъ не на малорусской почвѣ, а еще на греческой или на турецкой (турки называютъ Киликію „Калукиа“).

ныхъ словъ, которыя вошли или входятъ въ употребленіе лишь съ недавняго времени и правильное этимологическое произношеніе которыхъ съ о тщательно соблюдается мало-русской интеллигенціей».

Потому:

I. Надо обязательно писать съ *а* (не съ *о*): багáтий, багáто, багáтѣр, галáнци (=штаны; но голáндскій), ганчáр (и ганчѣрка), гарáзд, гарячій, гарячка, кажáн, калáмѣтнѣй, калáтáти, калáч, калáчки (=мелкая мальва), канáстáс (поскольку это слово вообще допустимо въ литературной рѣчи наряду съ общеупотребительнымъ *іконостáс*), кáтаржнѣй (въ смыслѣ «тягостный»; но кáторга и кáторжник¹⁾), качáн, манáстѣр (и манáх—параллельно съ *монах*), салáт, салдацькѣй, салáн (поскольку это слово употребительно при обычномъ султáн), хазя́йн, халы́ва, чабáн. И, конечно, надо строго придерживаться исконной морфологій и орфографіи: домагáтися, помагáть, ганя́ти, ламáти (но прощáтися, прощáй! перепрошувáти, дозволáйти), будь ласка́в, ласка́вця, Маке́й (но Мѣ́кій), Радивóн, Радькó (при *Іродіóн*).

II. Можно въ литературѣ писать параллельно, безъ всякаго различія, согласно съ безразличнымъ живымъ словоупотребленіемъ: Сала́мóн (и Сали́мѣн) и Соломóн²⁾,

¹⁾ Такимъ образомъ, существуетъ отлчіе между словами кáтаржнѣй (=тягостный, проклятый и т. п.) и кáторжнѣй (=относящійся къ каторгѣ). Напр., кáтаржна работа = тягостная работа, а кáторжна робóта = работа, совершаемая на каторгѣ.

²⁾ Для старо-этимологической поддержки этого обоюднаго правописанія срв. лат. *Salomo*, хотя по-греч. *Σολομῶν*, при женскомъ имени съ *а*: *Σαλομίη* = Саломе́я, Соло́ха. Кстати отмѣтимъ, что въ формѣ „Сали́мѣн“ (иногда даже „Сели́мѣн“, — срв. въ кiev. кн. вгродской 1736 г. = Антон. и Козлов., стр. 25) звукъ и происходить не изъ *о* и не изъ *а*, а самостоятеленъ.

манѣх и монѣх ¹⁾, Волосажар и Волосожар, крѣлае и крѣлос. У молодыхъ писателей замѣчается большая склонность узаконить вакзал, параллельно съ вокзал ²⁾, паракбд (наряду съ однозначнымъ пароплавъ), калѣска и колѣска.

III. Напротивъ, надо писать только *о*, согласно общемалорусскому произношенію, а не локальное *а*, въ словахъ: каторга и каторжний (въ смыслѣ «относящійся къ каторгѣ», въ отличіе отъ другого прилагательнаго: катаржний, означающаго просто «крайне тягостный, постылый»), іконоста́с (при допустимомъ лишь въ видѣ колоритнаго вульгаризма «канастас»), Іродіон (при Радивовѣ), козарлю́га ³⁾, команда, корабль, или корабель ⁴⁾ корявий, москаль, погави́ці, погани́й, проща́тися; прощавай́те!, сапоги́ (поскольку это угасшее слово не должно быть вовсе исключено изъ литературнаго языка), скомпонува́ти.

Въ разрѣзъ съ господствующимъ малорусскимъ произношеніемъ («галянскій») принято писать, согласно съ европейскимъ произношеніемъ: голандській, Голандія (хотя всегда пишется: галья́нці, въ смыслѣ «заграничныя кургузыя брючки»).

Неударносuffixное слово да́рмо или зада́рмо (=даромъ, понапрасну) пишется, какъ и произносится, съ буквою *о*, потому что ударносuffixное слово да́рма (=даромъ, напрасно) имѣетъ совсѣмъ другой, самостоятельный suffixъ, и параллельное чередованіе suffixовъ *мо* и *ма*

¹⁾ Срв. греч.—стар. *μουχός* и новогреч. *μουχός*.

²⁾ Отчасти это могло бы оправдываться и этимологически. Англійское слово „to walk“ (=прохаживаться), отъ котораго происходитъ „вокзалъ“, произносится средне между „уок“ и „уал“.

³⁾ и, конечно, только коза́к, потому что произношеніе „казакъ“ даже локально не подмѣчено нигдѣ у малоруссовъ.

⁴⁾ и это—не обращая вниманія на то, что въ старыхъ малорусскихъ памятникахъ начертаніе „корабль“ есть одно изъ обычныхъ (срв. § 33, д == стр. 246—247).

констатируется въ самыхъ старыхъ южнорусскихъ памятникахъ ¹⁾.

Объ обязательности написанія предлога *роз* (а не *раз*) см. § 23, б, в. (Тамъ же и насчетъ начальнаго *О* въ именахъ типа *Олександр*, *Олѣкса*.)

Интеллигентное слово *портрѣт* (*le portrait*) пишется съ *о*. Но колоритно-вульгарное слово *патрѣт*, обыкновенно содержащее въ себѣ комическій оттѣнокъ, всегда писалось и пишется съ буквою *а* и съ пропускомъ буквы *р* въ первомъ слогѣ,—т. е. и въ литературной рѣчи это вульгарное слово сохраняется въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было заимствовано малорусскими крестьянами отъ заходящихъ великорусскихъ торговцевъ, отъ солдатъ и т. п. Писать же: «*партрѣт*» (съ сохраненіемъ вульгарнаго *а* и со вставкой интеллигентнаго *р*) есть «смѣсъ французскаго съ нижегородскимъ».

IV. Наконецъ, ни букву *а*, ни букву *о*, но просто букву *у* слѣдуетъ писать въ словѣ *бумага*, гдѣ звукъ *у*, должно быть, происходить изъ носоваго юса ѣ ²⁾... Мы говоримъ: «слѣдуетъ писать *у*», — если вообще слѣдуетъ употреблять въ литературной рѣчи самое то слово «*бумага*», которое, по всей вѣроятности, будетъ вскорѣ вытѣснено изъ литературы общемалорусскимъ словомъ *папір* (род. *папіру*). — Предпочтительнѣе держаться и на письмѣ широко распространеннаго произношенія *султѣн*, чѣмъ *салтѣн* (и во всякомъ случаѣ нельзя писать по-локальному «*солтѣн*») ³⁾.

¹⁾ Срв. въ червонорусскихъ „Словахъ Григорія Богослова“ XI в. наряду съ „тъкъмо“ (=токмо, только) другую морфему „тъкъма“ (удареніе, повидимому, на *мі*), л. 375 об. Срв. еще въ буковинской присягѣ воеводы Стефана 1462 г.: „токма абы“ (=Улян. № 93).

²⁾ Срв. греч. βῆρζαχίον, средне-лат. bambasium, тюрк. п а м б у қ (въ разныхъ вариацияхъ), персидское п а н б а н (изъ болѣе стараго п а н б а к), осетинское б а м п а г.

³⁾ хотя въ старыхъ документахъ можно не разъ найти написаніе съ *о*. Напр., въ книгѣ кгродской Луцкой 1569 г. (=Антон.

Глава седьмая.

О неокончательной установленности малорусскаго литературнаго правописанія.

(Про те, що українську правопись іще и досі не впорядковано вкрай.)

§ 38. Орфографическая разногласица австрійцевъ - галичанъ и російскихъ украинцевъ.

а) Вышерассмотрѣнная нами (§ 28, в) новогалицкая орфографія «крѣтитъ ся» (при общепринятой украинской орфографіи: «крѣтитися»), галицкія колебанія по поводу «багатий» и «богатий» и прочіе подобныя факты ужъ позволили читателю молчаливо констатировать одно важное (и для многихъ довольно неприятое) обстоятельство: малорусское литературное правописание далеко еще не установилось; есть пункты правописанія (независимые даже отъ разности говоровъ), въ которыхъ одни малорусскіе литераторы считаютъ допустимой одну орфографію, а другіе—другую.

б) Въ большинствѣ случаевъ, какъ мы подчеркнули, орфографическія разногласія зависятъ не отъ разности говоровъ: подолянскій Россійской имперіи, говорящій зап.-ир. нарѣчьемъ, обыкновенно совпадаетъ въ своемъ литературномъ правописаніи съ приднѣпровцемъ, который говоритъ нарѣчьемъ восточно-малорусскимъ, — и этотъ же російскій подолянскій рѣзко расходится въ правописаніи съ подоляниномъ австрійскимъ, хотя оба говорятъ совершенно одинаково. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, поэтому, приходится говорить объ орфографическихъ спорахъ не между восточнымъ и западнымъ малорусскимъ нарѣчьемъ, а просто о спорахъ между малоруссами австрійскими (галичанами и буковинцами) и малоруссами російскими.

в) И причина такихъ разногласій заключается въ разности тѣхъ историческихъ условій, при которыхъ вырабатывалось литературное правописаніе Галичины и Украины. Литература украинская съ перваго же момента своего возрожденія стремилась быть во всемъ архипростонародной (Котляревскій, Квитка и др.) и допускала этимологизацію своего правописанія лишь постольку, поскольку этимологизація не нарушала простонароднаго живого духа письменной рѣчи. Галичина же, съ ея клерикализмомъ, въ XIX-мъ вѣкѣ упорно и цѣлко держалась за схоластическій малорусско-церковнопольскій жаргонъ («язычіе»), процвѣтавшій въ литературѣ XVII—XVIII столѣтій; она никогда не была въ силахъ всецѣло отрехнуться отъ путъ «язычія» (вплоть до нашихъ дней) и считала вполне нормальнымъ — калѣчить живую народную рѣчь, воспроизводя ее на письмѣ въ такомъ видѣ, который подходилъ бы къ духу мертваго «язычія». При этомъ на галицко-малорусскую орфографію XIX вѣка вновь дѣйствовали, съ одной стороны, орфографическія вліянія языка польскаго (который въ Галичинѣ занимаетъ собою всѣ области жизни), а съ другой стороны — вліянія такъ называемыя «москалефильскія», проводимыя той галицкой партіей, которая желала бы совсѣмъ уничтожить малорусскій языкъ («языкъ чабановъ и хлоповъ») и замѣнить его языкомъ «Московскихъ Вѣдомостей». Съ 70-ыхъ годовъ сюда присоединилось т. н. «рутенство»: испугавшись широкаго демократизма украинской литературы (и въ частности — публицистической дѣятельности Драгоманова) и желая проявить свою сугубо-австрійскую лояльность, заскоруждые галицкіе реакціонеры или запуганные люди рѣшили, что галицкіе русины (Rutheni) должны представлять собою нѣчто совсѣмъ отдѣльное, «рутенское», — отдѣльное не только отъ Россіи, но и отъ Украины, и что «рутенской» Галичинѣ нечего заботиться о какомъ-то общемалорусскомъ единствѣ. Въ языкъ своемъ и въ правописаніи рутенство тѣсно примкнуло къ прежнему язычію, лишь немного подновивши его въ духѣ нѣкоторыхъ мѣстно-галицкихъ говоровъ.

Вліянію рутенського языка и правописанія подчинились, или невольно, или изъ оппортунизма, даже тѣ галичане (т. н. «українофилы»), которые вовсе не желали порывать отношеній съ Україною. Поэтому съ конца 70-ыхъ и начала 80-ыхъ годовъ мы видимъ даже въ «українофильствующей» галицкой литературѣ глубоко-антиукраїнскія орѳографіи, идущія вразрѣзъ съ тѣми общемалорусскими орѳографіями, которыя примѣнялись болѣе старыми українофильствовавшими галичанами же прежде, въ 60 — 70-ыхъ годахъ. Такъ, вмѣсто недавняго «руський» и «турецький» галичане 70—80-хъ гг. стали писать рутенское «рускій» и «турецькій», вмѣсто общемалорусскаго «вона́, вона́б, вона́и» пошло въ ходъ рутенское «она́, опо́, они́», вмѣсто общемалорусскаго «цей, ця» (=этотъ, это) стали писать только «сей, ся», вмѣсто общемалорусскаго «міні» или «мніні» (мнѣ)—писать «менѣ» (въ лучшемъ случаѣ—«меві»), и т. п., и т. п. Эти рутенскія орѳографіи, усвоенныя галицкими українофилами, противорѣчили произношенію не только українскому, по отчасти и галицкому съ буковинскимъ, потому что и въ Галичинѣ съ Буковиной очель легко услышать изъ устъ простого народа: «руський, турецький, вона́, вона́б, вона́и, цей, ця, мніні» (наряду съ «мипі»), и пр. Что касается спеціально начертанія «мені» (вызваннаго аналогіей род. надежа «мене»), то какъ разъ галицкіе и буковинскіе говоры содержатъ въ себѣ очень яркое доказательство непригодности этой орѳографіи съ *e*¹⁾ и свидѣтельствуютъ о необходимости принять орѳографію или «мніні», или —

¹⁾ Именно, у галичанъ и буковинцевъ есть предлогъ *d* (=къ), сочетающійся съ дательнымъ надежомъ и позволяющій (по общемалорусскому закону), чтобы въ зависящемъ съ него мѣстоименіи удареніе передвигалось на предпоследній слогъ. Такимъ образомъ, мы слышимъ у галичанъ и буковинцевъ: „д мніні“ (выгов. „дѣ мніни“) съ удареніемъ на „мні“ (срв. галицкій словарь Желеховскаго, т. I, стр. 171), откуда ясно, что и безпредложную форму этого дат. надежа, имѣющую удареніе на концѣ, не слѣдуетъ писать съ *e*.—Объ этомъ словѣ, вмѣстѣ съ историческими справками, см. свѣдѣнія въ § 68, а.

какъ наичаще слышится во всей Украинѣ — «мѣні», но только не «мені»).¹⁾ Да и документально наиболѣе яркія свидѣтельства (яѣтинскими буквами) въ пользу орѣографіи «мѣні» даются старыми намятниками какъ разъ западно-малорусскими²⁾.

Въ 90-хъ годахъ (отчасти благодаря стараніямъ извѣстнаго галицкаго національнаго дѣятеля—Александра Барвинскаго, отчасти благодаря переселенію украинца проф. Грушевскаго во Львовъ, отчасти подъ разными другими очень немаловажными воздѣйствіями) галицкая малорусская литература успѣла въ значительной степени вновь скинуть съ себя рутенскую шелуху, порядочно почиститься и сильно приблизиться къ украинцамъ какъ вообще въ языкѣ, такъ въ частности въ правописаніи. Тѣмъ не менѣе изрядное количество остатковъ рутенства въ галицкомъ правописаніи сохранилось донинѣ, и единство между орѣографіями малоруссовъ австрійскихъ и малоруссовъ російскихъ частенько отсутствуетъ.

г) Можетъ ли Галичина разсчитывать, что Украина приметъ ея рутенское правописаніе? Безусловно не можетъ. Если Галичина не успѣла привить украинцамъ свое правописаніе даже тогда, когда малорусская литература была проскрибирована въ предѣлахъ Россійской имперіи и когда украинскіе писатели *принуждены* были ютиться въ галицкихъ журналахъ и соглашаться на изуродованіе своихъ произведеній въ духѣ галицкаго кривописанія, то тѣмъ болѣе не въ силахъ Галичина воздѣйствовать на украинское

1) Начертаніе жъ „мѣні“ есть правильное написаніе мн. ч. отъ существительнаго „мень“ (=рыба налима).

2) Срв. въ галицкихъ простонародныхъ интерлюдіяхъ Я.к. Гаватта 1619 г. (гдѣ буквы і и у смѣшиваются): „każy mini. iak żywesz“, „uciukl by myny do bysa“, „a chceszz mini wirity?“, „musit mēni“, „mēni isty dayte“, „to-t sia mini snylo“, „rykl mēni“ (и ни разу нѣтъ „meni“). Или—въ вѣснѣ 1-й полов. XVII в. (изд. въ „Зап. Т-ва Шлевч.“, т. 74, стр. 133): „Boday woroha napala tuha, szco myni rozluczaiet milenkoho druha“.

правописаніе те перь, когда украинская литература может болѣе или менѣе свободно развиваться у себя на родинѣ. Поэтому, нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что не Украина будетъ отвыцѣтъ приноровляться къ орфографіямъ галицкимъ, а Галичина—къ орфографіямъ украинскимъ, и что, напримѣръ, вышеотмѣченныя начертанія «цей, ця, вона, вона, вони, мѣні, руський, турецький» и т. п.—станутъ едиными общемалорусскими ¹⁾ и что галицкая (=польская) система писать форму 3-го лица «крутитъ ся» (т.е. раздѣльно) уступить мѣсто общеукраинской системѣ писать эту форму слитно: «крутитъся», и пр., и пр. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что разница между литературнымъ правописаніемъ Украины Австрійской и Украины Русской будетъ все больше и больше сглаживаться.

§ 39. *Примѣчаніе I.* Отъ единства литературнаго правописанія, соблюденіе котораго при всей разности говоровъ оказывается и возможнымъ и желательнымъ, надо отличать единство формъ и другихъ особенностей языка, помимо фонетики. Этого единства едва ли удастся малорусской литературѣ когда-либо достигнуть, потому что между восточнымъ и западнымъ малорусскимъ нарѣчіемъ констатируются перазъ очень серьезныя отличія, которыя не могутъ быть затушеваны никакимъ посредствующимъ правописаніемъ, никакой обобщающей этимологизаціей. Вѣдь какъ съ отличіями поступать? Требовать изгнанія западно-малорусской черты изъ литературной рѣчи? Ну, а если это будетъ такая черта, которая свойственна не одному какому-нибудь зап.-мр. говору, но всему зап.-мр. нарѣчію и, пожалуй, констатируется также въ нѣкоторыхъ говорахъ восточныхъ? Вотъ, напримѣръ, все зап.-мр. нарѣчіе знаетъ форму «в пю» (=въ пее), и эту форму знаютъ очень многіе вост.-мр. говоры, хотя большинству восточно-малорусскихъ говоровъ она чужда (тамъ извѣстна лишь форма «в неі» или «в іі»). Можно ли требовать, чтобы

¹⁾ Наиболее талантливые галицкіе писатели уже и приняли ихъ.

къ общемалорусской литературной рѣчи употреблялась только форма «в неі» и чтобы форма «в пю», несмотря на свою широкую распространенность, была изъ литературы изгнана? Очевидно, нельзя, — и поэтому мы видимъ въ общемалорусской литературной рѣчи свободное параллельное пользованіе обѣими формами. Но повторяемъ, что такія явленія относятся ужъ къ области малорусской морфологии, къ области образованія формъ, а не къ области правописанія. Въ правописаніи же можетъ быть со временемъ достигнута малорусской литературой болѣе или менѣе полная однородность, которой теперь еще нѣтъ.

§ 40. *Примѣчаніе II.* Неоднородность въ правописаніи фамилій и географическихъ именъ.

а) Вѣроятно, никогда также не удастся достигнуть однородности въ правописаніи тѣхъ именъ собственныхъ (географическихъ и личныхъ), которые чуть ли не всѣми малоруссами произносятся и пишутся на одинъ ладъ, а заинтересованными мѣстностями или лицами произносятся и пишутся на другой ладъ. Всегда придется для нихъ допустить или двѣ орѳографіи параллельныя, или, — если приходится считаться съ индивидуальнымъ желаніемъ определенной фамиліи, — надо бываетъ приять только ту злѣдомо неправильную орѳографію, какой придерживается данная фамилія, хотя бы родственные глагольные корни и однозвучныя имена нарицательныя писались совсѣмъ иначе. Такая уступка бы аетъ неизбѣжна не только въ нашей литературѣ, но и во всякой.

б) Мы, напримѣръ, знаемъ, что по-русски грамматично было бы писать съ буквою *о* фамилію «Карзинкинъ» или «Охлѣбининъ»; но разъ мы встрѣчаемся съ фактомъ, что существуютъ извѣстные московскіе роды, которые себя пишутъ «Карзинкинъ» и «Ахлѣбининъ», то и мы принуждены специально ихъ фамиліи писать съ *а*, хотя при этомъ прекрасно сознаемъ, что совершаемъ грубѣйшую этимологическую ошибку. Подобнымъ же образомъ мы и въ области

своего языка можемъ себѣ великолѣпно знать, что уменьшительная форма отъ имени «Григорій» была у малорусовъ ископа «Грин(ь)кѣ» (съ *и*, а не съ *і*)¹⁾ и что образуемая отъ этого имени (очень обычная въ селахъ) фамилія «Гринчѣнко»²⁾ произносится всегда съ твердымъ *и*,—а тѣмъ не менѣе, если извѣстный писатель въ силу какихъ-то индивидуально-психологическихъ или семейно-историческихъ основаній подписываетъ свои произведенія: «Гр і н ч ѣ н к о» (съ *і*), то и мы принуждены этому подчиниться и писать его фамилію съ буквою *і*, завѣдомо мнясь съ такой противозимологичностью. Такъ же, если извѣстный драматургъ Кропивницкій выговариваетъ свое собственное имя «Кроп і в н і ц ь к и й», то мы можемъ себѣ сознавать, что такое его прозвищеніе рѣзко противорѣчитъ законамъ этимологіи, не совпадаетъ съ народнымъ выговоромъ и неприятно поражаетъ нашъ слухъ,—и однако его-то фамилію мы принять должны именно въ этомъ самомъ неореографическомъ начертаніи: «Кропівницький».

в) Съ гораздо бѣльшимъ спокойствіемъ для филологиче-

1) Напр., въ галицкой размежевочной грамотѣ 1404 г. въ качествѣ одного изъ свидѣтелей вписанъ „Гринко Соколецкій“ (=Акты Юж. и Зап. Росс., т. I, № 9, стр. 5; Голов. № 27, стр. 26).—Въ галицкомъ передаточномъ листѣ 1409 г.: „изъ Гринькомъ Сочивьчичьмъ“ (=Голов. № 30, стр. 33).—Въ волынской Острожской жалованной грамотѣ 1438 г. вел. кн. Швитрикгайла жалуетый имя „панъ Григорій Стреченовичъ“ иначе именуется „панъ Гринко“,—три раза (=Акты, т. I, № 20, стр. 13).—Въ почти одновременной (1437 г.) кievской Швитрикгайловой грамотѣ, дошедшей до насъ въ спискѣ XVI вѣка, упоминается членъ кievской великокняжеской рады „панъ Гринко Сурвиловичъ“ (=Акты, т. I, № 19, стр. 12). И мн. др. — Въ транскрипціи польско-латинской (которая впрочемъ для вопроса о звукахъ *и* и *і* слишкомъ не надежна) это имя писалось съ буквою *y*: „Hryńko“. Срв., напр., польскую жалованную грамоту короля Александра (Свидригайла) 1499 г. на мѣстѣ въ южной Кіевщинѣ, владѣтель которыхъ пишется: „ziemianin Czerkaski Hryńko Waskiewicz“ (=Автонов. и Козлов. № 13, стр. 33).

2) „Гринчѣнко“ значить „потомокъ Грин[ь]ка“. „сынъ Грин[ь]ка“.

ской совѣсти должны мы допустить въ литературной орографіи туземное произношеніе имени какой-нибудь географической мѣстности, несовпадающее съ тѣмъ выговоромъ, какой усвоили себѣ почему-либо малоруссы другихъ областей. Туземное произношеніе основано бываетъ не на единоличномъ капризѣ и не на единоличной случайности, но — обыкновенно — на какихъ-нибудь серьезныхъ звуковыхъ малорусскихъ законахъ, и очень часто восходитъ къ почтенной древности. Поэтому, напрямѣръ, сверхъ общемалорусскихъ орографій: «Чернігівъ», «Вінниця» (въ Подоліи), «Звенигородка» (въ Киевщинѣ), мы обязаны признать въ литературной рѣчи параллельную возможность писать эти же имена по-туземному: «Чернігѣвъ», «Вѣнн(н)иця», «Звингородка». Это совпадаетъ и съ показаніями историческихъ документовъ.

По стариннымъ памятникамъ, оба начертанія: «Черніговъ» и «Черігѣговъ» — искони употребляются параллельно и, — безъ всякаго различія, — свободно чередуются другъ съ другомъ. Примѣры параллельныхъ написаній (съ и и съ ѣ) можно въ изобиліи найти какъ въ Начальной лѣтописи (по разнообразнымъ спискамъ), такъ и во всѣхъ послѣдующихъ документахъ, и причина заключается въ обычномъ общемалорусскомъ смѣшеніи двухъ родственныхъ суффиксовъ: -ига и -ѣга¹⁾. То же чередованіе мы констатируемъ и въ польско-латинскихъ официальныхъ бумагахъ (Czernihow и Czerniechów), причѣмъ даже въ торжественномъ королевскомъ титулѣ не соблюдалось единообразіе: то король писался «Augustus tertius, ... magnus dux Severiae Czerniechoviaeq»²⁾, то «Augustus tertius, magnus dux Seweriae Czernichoviaeq»³⁾. Изъ польскихъ документовъ видно, что еще

1) См. по этому вопросу у меня въ „Филологин и Погодинской гипотезѣ“, стр. 89—90.

2) См. кievскую книгу кгородскую 1736 г. № 47, л. 263 об. (= Антонов. и Козлов. № 12, стр. 24).

3) Тамъ же, въ кievской книгѣ кгородской 1736 г. № 47, л. 305 об. (= Антонов. и Козлов. № 19, стр. 39).

въ XVIII вѣкѣ въ имени города Чернигова могъ слышаться дифтонгъ *ie* ¹⁾.

Иачертаніе «Вѣнция» (а то иногда и «Вѣница») было не далѣе даже, какъ въ XVI вѣкѣ, прямо преобладающимъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ петриковской жалов. грам. 1504 г. короля Александра Свидригайла на имѣніе въ Браславщинѣ ²⁾: «земляницъ Вѣницкій Шулга Долбыничъ» ³⁾. Въ дарственной записи 1508 г. князя К. И. Острожскаго на Туровскомъ Евангеліи XI в.: «староста Луцкыи и Брасловскыи и Вѣницкыи»; и то же въ его записи 1513 года на томъ же Туровскомъ Евангеліи ⁴⁾. Въ бѣлорусскомъ спискѣ съ берестейской грам. 1517 г. короля Сигизмунда князю Сангушку: «староста Браславскій и Вѣницкій», «тыи замки наши Браславль и Вѣницу». Списокъ съ этой грамоты внесенъ въ Литовскую Метрику ⁵⁾, и упоминаемый «староста Вѣницкій» — это гетманъ кн. К. И. Острожскій; вообще въ Литовской Метрицѣ внесено много королевскихъ грамотъ, даанныхъ кн. Острожскому, и вездѣ онъ титулуется: «староста Луцкій, Браславскій и Вѣницкій» ⁶⁾. Въ книгѣ Луцкой вгородской 1567 г. (№ 2042, л. 241) упомянуть другой «староста Луцкий, Браславский и Вѣницкий» — кн. Богушъ Федоровичъ Корецкій ⁷⁾ и всякіе люди «з Браславля и з Вѣницы» ⁸⁾ Князь Богушъ Корецкій

1) Одинъ квасно-великорусскій ученый, А. Соболевскій, пытался было объяснить мѣстное малорусское произношеніе имени „Чернігів“ влияніемъ великорусскаго произношенія. Очевидно, оны не позаботился внимательно почитать даже лѣтопись.

2) Теперь официально этотъ городъ пишется лишь „Браславль“, но въ устахъ мѣстныхъ жителей часто мы слышимъ: „Браслав“.

3) Изд. у Антонов. и Козлов. № 18, стр. 38.

4) Есть и печатное изд. обныхъ грамотъ — у Срезневскаго: „Свѣд. и Зам.“, т. II, стр. 118—119.

5) а отсюда изданъ во II т. „Актовъ, огп. къ ист. Юж. и Зап. Росс.“, стр. 128—129.

6) Значительное количество этихъ грамотъ издано во II-мъ томѣ „Актовъ“.

7) = Антонов. и Козлов. № 54, стр. 120, 128.

8) = Тамъ же, стр. 125.

небезызвѣстенъ какъ грабитель, и сохранилась штрафная грамота короля Сигизмунда-Августа 1569 г., посланная изъ Люблина этому «старосте Луцкому, Браславскому и Вѣщицкому» ¹⁾. Въ грамотѣ того же вѣка отъ короля Сигизмунда княгиня Беатъ Острожской читаемъ: «старостинная Браславская и Вѣщицкая» ²⁾. Въ Кіево-Михайловскомъ монастырскомъ помянникѣ конца XVI вѣка вписанъ и родъ вышеупомянутаго кн. Богуша Корецкаго, «воеводы Волыньского, старосты Луцкаго, Браславскаго и Вѣщицкаго» (л. 20), и родъ какаго-то «Бориса з Вѣщицы» (л. 40); и тамъ же въ XVII вѣкѣ, подъ 1620 г., вписанъ для поминанія «Іаковъ с Прилуки, с под Вѣщицы» (л. 91), а подъ 1622-мъ г. — «род Дмитра Описковича з Вѣщицы» (л. 99). — Начертаніе же «Виниця» (съ *и* и съ удвоеннымъ *и*) дѣлается обычнымъ ужъ попозже, такъ что копія съ грамотъ того же короля Сигизмунда-Августа (XVI в.), которыя, какъ мы выше видѣли, издавалъ ихъ съ буквою *ѣ*, вносятся въ Виницкую книгу игродскую 1797 г. уже съ систематическимъ *ини*: «старосты Виницкаго», «въ повети Виницкомъ», «за лесомъ Виницкимъ», «староста Виницкий», «съ Виницы», и пр., и пр. (№ 4797, л. 83) ³⁾. Но мѣстные жители и донынѣ называютъ свой городъ: «Вѣщица», изрѣдка — «Вѣщиця» (съ удвоеннымъ *и*, но все же съ *і*, а не съ *и*).

Имя г. Звенигородки въ южной Кіевщинѣ произносится мѣстными жителями, какъ выше упомянуто, «Звиногорѣдка» ⁴⁾, поляками — *Zwīnogrodka*. И это произношеніе можно прослѣдить документально съ первыхъ же моментѣвъ колонизаціи опустошенной Звенигородщины XV вѣка. Такъ, въ польской жалованной грамотѣ 1499 г. короля Александра-Свидригайла на имѣніе въ Звенигородщинѣ читаемъ: «zie-

¹⁾ Издано тамъ же, у Антоновича и Козловскаго, № 59, стр. 149.

²⁾ См. въ Румянцевскомъ Музеѣ коллекцію № 71, грамоту 8-ю.

³⁾ = Антонов. и Козлов., дополн. № 5, стр. 161—162.

⁴⁾ Иногда слышится и „Звиногорѣдка“ — по приуроченію къ словамъ „нагорѣда“ (= награда) и „винагорѣда“ (= вознагражденіе). Но такое произношеніе — рѣдко.

mianina Zwinogradzkiego» ¹⁾. Въ подтвердительной грам. 1540 г. короля Сигизмунда I—то же: «ziemianina Zwinogradzkiego Fedka Waškiewiczza» ²⁾. Въ грам. Сигизмунда-Августа 1562 г., касающейся опять того же имѣнія, систематически пишется: w Zwinohorodczyźnie» ³⁾. Въ купчей крѣпости 1523 г. кн. К. И. Острожскаго покупатель титулуется «старостою Браславскимъ, Звингородскимъ и Вѣницкимъ» ⁴⁾. Въ Киево-Михайловскомъ монастырскомъ помянникѣ XVI—XVII в. подъ 1620-мъ годомъ вписанъ «род Куначковъ из Звингородки» (л. 109).

Если грамматика не имѣетъ права требовать, чтобы всѣ малоруссы отказались отъ привычнаго для нихъ произношенія: «Чернѣгивъ», «Вѣниця» и «Звингородка» и усвоили этимологически-правильное и документально старинное произношеніе мѣстныхъ жителей («Чернѣгивъ», «Вѣниця», «Звингородка»), то, съ другой стороны, не можетъ она также требовать, чтобы было упразднено это живое мѣстное произношеніе, имѣющее за собою столѣтія, и чтобы на немъ не могло быть основываемо литературное правописаніе. Необходимо допустить параллельно двѣ орфографіи и считать ихъ одинаково законными.

Продолженіе зап.-мр. стихотворенія 1651 г. (См. стр. 258.)

Biet sia, szco żywo... Welmy ż my dywno
Da na Osolinskoho,
Szco nas woiuiet, ne nasliduiet
Kancelira, dziadka swoho.

1) Изд. у Антон. и Козлов. № 13, стр. 33.

2) Тоже издана у Антонов. и Козловскаго, № 23, стр. 44.

3) Издана тамъ же, № 41, стр. 90—91.

4) Купчая 1523 г. издана по острожскому подлиннику — въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 1 (Кіевъ 1886), стр. 67—68.

Tot był spokojny, ne szukał woyny,
Na na nas natyraiet, •
Iako Lah dawny y iunak sławny
Dla Polsky umyraiet.

Baczył rycyra Han podkanelira
Sapiha szco zblyżaiet,
A Wyszniowecky y Lubomirsky
Ieho ne wydawaiet.

M o w i H m i l:

«Szco, neboże Hana? Iak znaiesz, stane
Iak po Pyławeckomu:
Ne utikaiut, ot nastupaiut
Ik łunczukowy Hanskomu».

M o w i H a n:

«Oy, ne hladyte! treba sie byty»,—
Han murz napomynaiet.
A Lah ne dbaiet,—murz zabywaiet,
We krwi miez swoy kupaet.
Paw strah na Hana—słat do hetmana,
Iako nuż u stupyla:
—«Szczob twoia rada, istynna zdrada
Nikomiu sia ne snyła!

Ja procz odhozu, da pak wyhozu!
Za zdradu maiu tobi,
Szco my sie stalo! Kolko propało
Murz moich tu! Ra że sobi!» *).

W nohy padaiet, tysiaczy daiet
Hmelnycky tut Hanowy,
Szczob nastupyty da-y Lahow byty
Zawt[r]a weliw woyskowy:

*) Въ этомъ стихѣ я рѣшилъ сдѣлать двѣ поправки сравнительно съ текстомъ, изданнымъ въ „Arch. f. slav. Phil.“. Именно, вмѣсто „za zdradu moiŋ“ я читаю: „za zdradu maiu“, и вмѣсто безсмысленнаго „tiaraže“ читаю: „... tu! Ra[d'] že“, какъ наѣрное и стоитъ въ рукописи.

Глава девятая.

Изъ судьбы звука *е*. Переходъ *е* въ [ь]о и въ *я*.

Дешо про долю звука *е*. Чому він переходить часом в [ь]о, а часом—в *я*, або зістається незмінний.

Въ главѣ 4-й, при изложеніи общаго очерка старокіевскаго и всемалорусскаго вокализма XI вѣка, мы ужъ дали главнѣйшія, существенныя указанія и разъясненія насчетъ малорусскаго звука *е*. Мы указали, что нынѣшній малорусскій звукъ *е* (чит. „э“) происходитъ въ однихъ словахъ—изъ стараго глухого гласнаго ь (§ 17, стр. 130—131), приче́мъ легко бываетъ бѣглымъ, т. е. выпадающимъ (срв. муж. р. „весь“=вѣсь при ж. р. „вся“=вѣся), въ другихъ же словахъ—онъ происходитъ изъ основнаго стараго звука є (§ 19, стр. 192), который способенъ (§ 20, г) подвергаться замѣстительному удлинению и переходить, черезъ серію дифтонговъ, въ звукъ *і* (срв.=„шесть“=„шіэсть“=„шість“; „несъ“=„нюос“, „нюэс“, „нюис“=„ніс“). При этомъ мы отмѣтили, что въ XI вѣкѣ звукъ є былъ у нашихъ предковъ мягокъ или полумягокъ (стр. 192), т. е. звучалъ вродѣ нынѣшняго полумягкаго-полутвердаго *е* болгарскаго, и лишь въ XIV вѣкѣ вполнѣ отвердѣлъ, да и то не во всѣхъ еще малорусскихъ говорахъ (стр. 194—198).

Въ той же 4-й главѣ, въ § 20, (=стр. 198—200), мы указали на возможность или даже на прямую необходимость—предполагать, что у кievлянъ и прочихъ малорусскихъ предковъ времени Владиміра Святого различались въ живой рѣчи два оттѣнка звука *e* (одинъ—вродѣ полумягкаго *ö*, другой—вродѣ полумягкаго *ä*), которые однако на письмѣ были скрыты подъ одной и той же церковно-славянской буквою *є*.

Необходимость предполагать изстари существованіе не одного, а двухъ оттѣнковъ за прамалорусскимъ звукомъ *є* вытекаетъ, прежде всего, изъ неодинаковаго характера тѣхъ дифтонговъ, въ которые обращался звукъ *є* по закону замѣстительнаго удлиненія (такъ украинское „шість“ получило изъ дифтонгическаго „шіэсть“, тогда какъ украинское „нѣс“—изъ дифтонгическаго „нѣос“, причемъ въ старину писалась въ обоихъ случаяхъ одна и та же буква *є*: „шесть“, „нѣсь“; см. объ этомъ § 20, г.).

Эта же необходимость—предполагать два разныхъ оттѣнка за старымъ звукомъ *є*—вытекаетъ равнымъ образомъ изъ анализа также тѣхъ случаевъ, когда старинный звукъ *є* не долженъ былъ подвергнуться замѣстительному удлиненію, а оставался неудлиненнымъ. Дѣло въ томъ, что въ одномъ рядѣ такихъ неудлинительныхъ случаевъ звукъ *є* перешелъ въ звукъ */ь/о*, въ другомъ же рядѣ такихъ случаевъ—онъ перешелъ въ */ь/а* (пишется *я*), если не остался по прежнему чистымъ *e* (*ä*), только ужъ отвердѣвшимъ (т. е. звучащимъ, какъ *э*).

На стр. 201-й нами были приведены и кое-какіе документально-историческіе образчики переходовъ, въ XI вѣкѣ, звука *є* въ *о* и въ *а*—по кievскому Изборнику Святослава 1073 г. и др. Вотъ именно къ этому послѣднему явленію, т. е. къ переходу малорусскаго *e* въ *о* и въ *а* (наряду съ сохраненіемъ въ видѣ *e*), мы и намѣрены вернуться здѣсь еще разъ и освѣтить это явле-

ніе поподробнѣ въ цѣляхъ чисто-практической литературной грамматики. Преслѣдую здѣсь, прежде всего, цѣль практически-литературную, мы даже систему нашего изложенія примѣнимъ ужъ не ту, которая была нами вкратцѣ примѣнена въ 4-й главѣ, а иную.

Судьба звука *e* послѣ йоты, послѣ шипящихъ и вообще послѣ мягкихъ согласныхъ въ малорусскомъ языкѣ.

§ 51: Въ положеніи передъ согласной твердой.

Гласный звукъ *e* (все равно, происходитъ ли онъ изъ стариннаго *є*, или изъ стариннаго *ѣ*) имѣеть наклонность, передъ слѣдующей далѣе твердой согласной *), подвергаться послѣ йоты и послѣ согласныхъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* переходу въ звукъ *o*.

Примѣры:

1) Послѣ *й*: *йогó* (=его, т. е. jeho), *йому* (=ему, т. е. jemu), *твойóму* (и *твоѣму*; =твоему), *бойовій* (=боевой), *Маковійове зїлля* (=освященная т. н. Маккавеева зелень), *лоийвій* (=свѣчно-сальный, „лоевый“), *Йохім* (а оттуда и *Юхім*; =Ефимъ, „[С]хымъ“), множество глаголовъ на—ювати (типа воювати[ся] изъ рѣдкаго теперь *воийовати[ся]*; =воевать).

2) Послѣ *ж*: *жонá* (=жена), *жóвтий* (=желтый), *пиріжóк* (пирожекъ), *жорстóкий* (=жестокій), *жорствá* (жертва, твердая песчаная глина), *бджолá* (=пчела, зап. *пчолá***), *ножовій*

*) Историчнѣ было бы сказать: „передъ слѣдующимъ далѣе твердымъ слогомъ“, а не „передъ твердой согласной“. Но объ этомъ см. ниже, стр. 384, сноска 3-я.

) Вост.-мр. форма *бджолá* (съ б) болѣе архаична, чѣмъ зап. и зап.-мр. форма *пчолá* (съ п): стариннѣйшая форма не только домонгольско-киевскихъ (напр. Изборн. 1073 г., л. 2, л. 263 об.), но и домонгольско-галицкихъ памятниковъ (напр. Крылосск. Еванг. 1144 г., Луки, гл. 24: 42) есть **БЪУЕЛА. Даже въ болѣе позднихъ памятникахъ, послѣ потери глухихъ, галичане все еще писали здѣсь букву **Б**; срв., между прочимъ, въ львовскихъ Пандектахъ Антіоха 1307 г. **БУЕЛЫ** (л. 19-а), **РОН БУЕЛНИЦЪ** (л. 183-б.); въ буковинской грамотѣ 1457 г. „отъ **БУОЛЬ**“ (=Улян. № 84, стр. 95). Въ обвинительной грамотѣ 1548 года Сигизмунда Августа, писанной по поводу жалобы старосты Ковельскаго, повидимому какимъ-то сѣвернымъ воляняниномъ (=Антон. и Козл. № 36, стр. 72): „и **БУОЛЫ** дереть“. Въ Буцацкомъ Ев. XIV и въ Ев. Верковича XIV в.—„бзчоль“.

(=ножевой).

3) Послѣ *ч*: *чоло* (=чело, лобъ), *чоловѣк* (=человѣкъ), *чогó* (=чего), *чому́* (=чему), *чóрний* (=черный), *лежачому* (=лежащему), *з вѣчора* (=съ вечера), *гóрщикок* (=горшечекъ), *чотѣри* (=четыре), *чорт* (=чертъ), *чóвен* (=лодка, челнокъ), *вчóра* (=вчера), *мáчуха* (изъ *мáчоха*; =мачеха), рядъ глаголовъ на—*чувáти* (типа *ночувáти* изъ рѣдкаго теперь *ночовáти*).

4) послѣ *щ*: *щока* (=щека), *щóгла* (=мачта, „щегла“), *путящому* (=полезному, „путящему“).

5) Послѣ *ш*: *пшонó* (=пшено), *вáшому* (=вашему), *знай шóв* (=нашелъ), *галушóк* (=галушекъ, род. мн.), *шопотѣти* (=шептать; наряду съ *шепотѣти*), *шóстий* (=шестой, зап.-мр. *шѣстий*), *шовковий* (=шелковый), *кошовий* (=кошевой у козаковъ), *грошовий* (=денежный), *сторчовой* (=вертикальный, „торчевой“) И т. п., и т. п.

Этò звуковое явленіе извѣстно даже въ самыхъ старыхъ памятникахъ какъ вост.-малорусскаго нарѣчія, такъ и западно-малорусскаго,

Приведемъ нѣкоторое количество соответствующихъ выписокъ изъ малорусскихъ памятниковъ XI—XV вѣковъ. Включимъ сюда случаи появленія **Ѡ** (т. е. Ѡо, или Ѡо) не только изъ основнаго **Ѡ**, но и изъ гласнаго глухого звука **Ѡ** (типа „чѠрный“ изъ „чѣрный“), потому что глухой гласный звукъ **Ѡ***, смѣшиваясь послѣ XI—XII в. съ чистымъ звукомъ **Ѡ**, тоже (см. стр. 135) подчинился закону о переходѣ въ *о* передъ твердыми слогами послѣ предыдущаго мягкаго согласнаго звука. Въ нашъ реестръ мы включимъ и тѣ случаи перехода **Ѡ** и **Ѡ** въ *о* (=ъо, Ѡо), когда этотъ переходъ происходилъ передъ твердыми слогами не только послѣ ши-

*) О прежней слоговой гласности звука **Ѡ** см. стр. 130 и слѣд.

лящихъ и йоты, но и вообще послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ,—напр., послѣ *ль, дь* и прочихъ. Для удобства, мы попутно будемъ отмѣчать въ памятникахъ и нефонетическіе случаи появленія **o** вмѣсто **e**, — напримѣръ дат.-мѣстн. падежъ „жонѣ“, гдѣ звукъ **o** (несмотря на мягкость слѣдующаго слова „нѣ“) нефонетически перенесенъ изъ прочихъ падежей (срав. „жонд“, „жонм“, „жонѣ“, „жоню“, и все множ. ч.), или будемъ также отмѣчать нефонетически развившуюся форму склоненія ед. ч. прилагательныхъ ж. р. (типа „нашои“, „нашою“ и др.), возникшую по аналогіи съ фонетическими формами мужескаго рода („нашог“, „нашомоу“ и др.)

Въ Кіевскомъ великокняжескомъ Изборникѣ Святослава 1073 г.: „Обнавляя бо чоловѣка, Г[оспо]дѣ, иже погуби“ и т. д. (л. 179 об. §),—„Василиово“ (л. 124 об.). „сгномиову“ (л. 243 об.) и рядомъ дальнѣйшій фазисъ развитія: „Ариюву“ (л. 243 об.; неударное *йо*, возникшее изъ *ю*, обратилось въ *ю*, ассимилируясь со слѣдующимъ *у*ковымъ слогомъ **). Тамъ-же: „прѣведоно“ (л. 223 об., чит. „прѣведѣно“ ***). Срв. б. м. „Внелеомъ“ (л. 185 об., л. 247 об.).

Въ Кіевскомъ Изборникѣ кн. Святослава 1076 г.: „жона добра и мудра—чясть блага“ (л. 181 б).

Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка: „мьнить ничосо же“ (л. 24 д); „Что бо есть тебѣ съ кесарьмъ или кесаровомъ?“ (л. 113 а).

Въ галицкомъ Крылосскомъ Четвероевангеліи—1144 г.: „то жо“ (л. 104), равно какъ и въ формѣ дат. падежа причастія прош. времени: „пославшому“. Одновременную форму дат. падежа причастія наст. времени см. въ галицкомъ Христинопольскомъ Апостолѣ XII—XIII в.: „имушому“ (л. 85). Такой дат. падежъ причастій свойственъ, кстати сказать, и церк.-слав. языку, который знаетъ причастную дательную форму не только на „шѣму“ и „щѣму“, но и на „шому“, „щому“. То же сря. еще у

**) См. объ этомъ законѣ у насъ далѣе, §§ 55—56.

***) Срв. нынѣшнее повсемѣстное сѣв.-мр. „переведѣно“.

Кочубинскаго въ описаніи галицкаго Апостола XII—XIII в. *): „вѣрующому“ (л. 4 б).—Ев. 1144 г.: „обачю“ (л. 24 а; ю=ѣ).

Въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198: „выше силы не расужающомъ“ (л. 6 а;=дат. мн.); „ни единого покоя собѣ даюшемъ, нъ самѣмъ себе въспрѣщающомъ“ (л. 54 об. а); „ослабѣти борющомуся“ (л. 10 об. а); „уподобися носящому“ (л. 12 об. ѳ); „по рекшому с[вя]туму“ (л. 14 об. ѳ;=какъ сказалъ святой); „вѣруяи съномъ подобнѣсть тѣнѣ гонящому“ (л. 22 а). Есть нѣкоторое вѣроятіе, что „Ѳуму“ (чит. „Ѳому“) въ Поученіи Владиміра Мономаха по Лаврентьевскому лѣтописному списку (л. 155) попало въ Лаврентьевскій списокъ XIV вѣка не откуда, какъ изъ старочерниговской (или, конечно, еще вѣроятнѣе—изъ старокіевской) рѣчи.

Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в., т. е. въ майской Четвъ-Минеѣ (съ сочиненіями Нестора Печерскаго), можно констатировать: „обладающому“ л. 74, „въспѣша Б[ог]у вышнему, почивающому въ с[вя]тѣихъ“ (л. 90 ѳ; это—въ „Видѣніи Исаіи“). Срв. здѣсь же неударное ю вмѣсто *йо*: „всячьскимъ благочѣстіюмъ украшена (л. 27 а, строка 27; это—въ Житіи Феодосія Печерскаго **). „Дръзосто“ (л. 100 а;=зв. п.?) ; „черось каноны“ (л. 106 d).

Въ Рязанской Кормчей 1284 г., списанной съ кіевскаго оригинала: „ашо“ (л. 37 об.), „симъ же... сице учившомъ“ (л. 269;=дат. мн.), „триженцомъ“ (л. 174, дат. мн.) и много формъ дат. прич. на „шому“, „щому“: „хотящому“ (л. 63, л. 97), „оскверншомуся“ (л. 67), „мнящому“ (л. 76) и др.—По всему вѣроятію, съ кіевскаго оригинала списывалъ рукопись Учительнаго Ев—ія Константина Болгарскаго ***)

*) См. въ его академич. рецензіи на Житецкаго=32-ое присужденіе наградъ гр. Уварова, стр. 235.

) О твердости флексіи **МЬ см. стр. 107—108.

***) Рукопись эта (XII—XIII в.) хранится въ московской Синодальной Библіотекѣ. По синдальному описанію Горскаго и Невоструева (=Отд. II, 2, стр. 409—434) она есть № 163.

сѣверный великорусь „Михаиль-поповиць“ XII—XIII в. *), давший начертанія: „чоловѣкъ“ и „чоловѣчьскыи“ (л. 123, л. 211, л. 217 об., л. 219 об., л. 223—два раза, л. 229 и др.), „ѣжо“ (л. 107 об.), „кромѣ жонъ и дѣтей“ (л. 81), „аще и не съвѣршонъ“ (л. 68 об.), „кръшонъ“ (л. 86 об.), „вълѣзьшомъ“ (л. 85), „приключьшомъся“ (л. 79 об.), „върующому“ (л. 88 об.), „большомъ“ (л. 80) и мн. др. Эти начертанія могли быть и въ кievскомъ подлинникѣ XII вѣка.

Въ болгарско-С о ф і й с к о м ъ Е в а н г е л і и XIII в.: „О годинѣ сон“ (л. 116; чит. „събй“).

Въ зап.-волынскомъ Х о л м с к о м ъ Е в а н г е л і и XIII в.: „размѣшонъ“ (л. 150), „послѣдующому“ (л. 80) „року“ (л. 162, чит. „рѣку“, т. е. говорю), „мѣдушомъ“ (л. 133 об.), „другъ мытаромъ и грѣшникомъ“ (л. 75) и, съ замѣною неударнаго ё на ю: „подобни суть отрочищюмъ, сѣдящемъ на торжищихъ“ (л. 74 об.) **). Въ болѣе поздней вкладной припискѣ 1376 года, сдѣланной княземъ Юріемъ Холмскимъ внизу 4-го листа, есть: „ц[е]ркви Б[о]жон“ и „село Стрижово“ (л. 4). По поводу послѣдняго суффикса (—*юв*—) можемъ замѣтить, что быть можетъ одновременное, а быть можетъ болѣе раннее такое же (волынское или кievское?) произношеніе суффикса *юв* (изъ *ѣв*) посылно передается начертаніемъ Ипатскаго списка Кievской лѣтописи подъ 6657=1149 годомъ: „посади Глѣба в К а н о в ѣ“ (чит. „Каньовѣ“; =стр. 268), гдѣ произношеніе „—*юв*—“ нефонетически перенесено въ форму мѣстнаго падежа изъ формъ прочихъ падежей ***).

Въ волынскомъ Л у ц к о м ъ Е в а н г е л і и XIV вѣка: „вашеого“ (л. 24), „ѣому“ (л. 34, л. 59 об.); читать это надо: разумѣется: „вашьего“ и „ѣому“. Тамъ же—*ю* въ смыслѣ неударнаго *ю*: „Бѣяху во дѣ|ни преже потопа я ду щ ю

*) Могъ онъ быть новгородецъ, или какъ думаетъ г. Соболевскій („Лекціи“ 1903, стр. 60) ростовецъ,—во всякомъ случаѣ сѣверный великорусь.

**) Сомнительно, чтобы подъ буквою *ю* въ „отрочищюмъ“ скрывался дифтонгъ. См. мои „Крiтеріи“, стр. 15—16.

***) См. у насъ въ „Украин. Грам.“ т. II, стр. 71 и слѣд.

и п ъ ю щ ю, женащеса и посагающе" (л. 102 об.), „начаша престаяти...., блюдуще его и и щ ю щ ю" (л. 129) 1).

Въ волынскомъ Пятикнижіи Моисеевомъ XIV вѣка Синод. Библіотеки 2): „жону" (л. 75), „должонъ" (л. 145).

Въ сѣверно-кіевскомъ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20 (житій и словъ) москов. Синод. Библ. 3): „призвав же м[у]ч[и]тель Несгера рече к нему: Повѣдай, у но ш о" (л. 87 д), „заушаема, бичомъ ударяема" (л. 145 с.) и т. п. Сборникъ—вѣроятно, Кіево-Печерскій.

Въ галицкой купчей 1359 г. изъ Перемышльщины 4): „продала Петрашкови Радзѣовскому,, „попо Печѣрскии" (т. е. „попъ Печорскый") 5). И въ другой перемышльской купчей 1366 г., писанной тѣмъ же писцомъ, опять видимъ: „панъ Радзѣовскый" (=Голов. № 3, стр. 6—7). Въ судной грамотѣ Гнѣвоша 1393 г., старосты почти изъ тѣхъ же мѣстъ: „пришодъши предъ наше обличье" (=Голов. № 11, стр. 13).

Въ волошскомъ Евангеліи Верковича XIV в. подобныя начертанія чрезвычайно изобильны, причемъ

1) Быть можетъ, здѣсь мы видимъ также начавшееся смѣшеніе причастій съ дат. самостоятельнымъ, изъ котораго возникло такъ называемое дѣепричастіе.

2) Описано у Срезневскаго въ XXII томѣ „Сборника Академіи Наукъ", 1881. Отрывокъ у архим. Леонида въ московскихъ „Чтеніяхъ" 1890, кн. III.

3) Описанъ и отчасти изданъ въ посмертныхъ „Библиогр. Матеріалахъ" А. Попова (=москов. „Чтенія" 1889, кн. III).

4) Издана у Головацкаго очень неточно (№ 2, стр. 5—6). Срв. мои „Критеріи" стр. 28—29.

5) Буквы **Ѡ** и **Ѣ** въ этой грамотѣ (какъ вообще въ памятникахъ XIII—XV в.) совершенно смѣшиваются.—Замѣтимъ, что въ настоящее время большая часть малоруссовъ произносить это слово не съ **чо**, но съ **че** („печѣрскій"). Объясняется это влияніемъ мягкости звука **р** въ родственномъ словѣ „печеря". Но въ сѣверныхъ и западныхъ горахъ легко услышать произношеніе: „печора", „печорний"; впрочемъ и въ центральной Приднѣпринциѣ имя села (фонетически) произносится „Печорно", и подъ Уманью поселокъ называется не только „Печара", но и „Пѣчора". Въ кіево-Михайловскомъ помянникѣ XVI—XVII в. мы подъ 1645 годомъ читаемъ: „Преставися игумень (=Филовей Кизаревичъ), а похов[анъ] у склепи в монаст[ы]ру Печорскомъ" (л. 82).

частенько носить узко-локальный диалектический характер. Тамъ есть: „по чюжом же“ (л. 18) ¹⁾, „жонъ“ (л. 40), „вечоръ же бывшю“ (л. 94, надо бы дательный: „вечору“), „вечоръ суботь“ (л. 113), „къ ному“ (л. 114 об., чит. „нѣму“), „от[ъ] врачовъ“ (л. 123), „то жо слово“ (л. 96), „бъчоль“ (л. 150), „скръжоть“ (л. 36 об.), „въсажонъ“ (л. 5), „отлучонъ“ (л. 20), „прокажонъ“ (л. 34), „должонъ“ (л. 43 об.), „развращонъ“ (л. 58), „осужонъ“ (л. 101 об.), „положонъ“ (л. 112 об.), „исечонъ“ (л. 112 об.), „раздрѣшонъ“ (л. 142 об.), „младенецомъ“ (л. 61, чит. „младенѣцѣмъ“), „младѣнцомъ“ (л. 126, л. 141 об.), „старцомъ“ (л. 107 об.) и др.,—въ томъ числѣ локально-диалектическое 1-е л. мн. ч: „[мы] можомъ“ (л. 24 об., л. 98), „[мы] речомъ“ (л. 85), „[мы] хошомъ“ (л. 90 об.), „[мы] не мешомъ“ (л. 19), „въ-мешомъ“ (л. 51).

Въ буковинской ссудной квитанціи 1388 г. воеводы Петра польскому королю (=Улян. № 3, стр. 3): „к р о л о в о ю печатью“ (чит. „кролѣвою“), „листъ о ч о т и р и тысячи“. Полученную королею въ займы сумму принужденъ былъ затѣмъ простить сынъ Петра Ивашко въ письмѣ „под лѣты Розства [X[ри]с[то]ва тысяча лѣтъ и ч о т и р и с т а лѣтъ, (=1400 г.), въ грамотѣ въ волынскомъ Берестыи (=Улян. № 13, стр. 12).—Въ г р а м о т ѣ 1395 г. (=Улян., стр. 8): „во всомъ“ (чит. „всѣомъ“).

Въ присягѣ Стародубскаго князя 1400 г. польскому королю Ягайлу (=Голов. № 21, стр. 20): „тысяча лѣтъ и ч о т ы р и с т а“.

Изъ очень многочисленныхъ памятниковъ XV вѣка, въ которыхъ это явленіе, можно сказать, кишить, остановимся для примѣра лишь на очень немногихъ.

Такъ, въ волынскомъ (вѣрнѣе—галицкомъ) Каменецъ-Струмиловскомъ Ев-іи 1411 г. видимъ: „чоловѣк“ (л. 138 об.), „чотыродесятницу“ (л. 1 об.), „чотыромъ“ (л. 8 об.), „чотыроличный“ (л. 66 об.), „о единомъ грѣшницѣ кающомся“ (л. 137), „жиждушому“ (л. 116 об.).

Въ зап.-волынскомъ Антоновецкомъ Апостолѣ XV в. (изъ-подъ Кременца): „ничого“ (л. 68), „чому“ (л. 78 об.).

Посмотримъ буковинскія грамоты. Въ Каменецъ-подольской господарской присягѣ 1404 г.

1) Конечно, подъ этимъ о скрывается дифтонгъ (=„чюжьомъ“), какъ вообще во многихъ начертаніяхъ, которыя дальше перечислены.

молдавскаго воеводы Александра (1401—1433) и его рады на вассальную вѣрность королю Владиславу-Ягайлу (=Улян. № 18, стр. 15): „господарю наш о му милому“, „на подтверженъ сему наш о му листу“, „наш о ю доброю волею“, „панъ Страовичъ“ (чит. „Страйовичъ“), „чотири ста лѣтъ и четверговъ“.—То же въ подтвердительной его львовской присягѣ 1407 г. (=Улян. № 19, стр. 16): „служити и помагати с наш о ю силою“.—Въ договорѣ того же 1407 г. съ галицкими и подольскими купцами (=Голов. № 28, стр. 28—32): „у наш о земли“ (=„въ наш ой“), „шолкъ“, „до Брашова“, „изъ наш ой земли“, „при наш ой вѣрѣ“.—Въ буковинскомъ о б я з а т е л ь с т в ѣ 1421 г. воеводы Александра разведенной своей женѣ, сестрѣ Ягайла (=Улян. № 25, стр. 26—27): „ничого собѣ не выимаючи“, „бывшей ж о н ѣ наш ой“, „ш о с т и с о т золотыхъ, *).—Въ ланцицкой прощенной грамотѣ 1433 г., которую по смерти Александра далъ его сыну Стефану обиженный Ягайло (=Улян. № 31, стр. 36—37): „пришолъ“, „печать маистату наш о го“.—Въ другой ланцицкой грамотѣ Ягайла 1433 г. (=Улян. № 33, стр. 39): „приятелю наш о му милому, Стефанови воеводѣ“ (два раза), „Хмеловъ“ (чит. „Хмельовъ“), „чинимъ его правымъ отчимъ и д ѣ д и ч о м ѣ“, „печать маистату наш о го“.—Въ буковинской присягѣ 1434 г. боярской рады королю (=Улян. № 35, стр. 41—42): „намѣсткомъ ихъ и д ѣ д и ч о м ѣ“ (=дат. мн.), „дѣдичумъ“ (неударное у=о **).—Въ львовскихъ вассальныхъ присягахъ 1436 г. новаго господаря Ильи и его бояръ (=Улян. №№ 45—47, стр. 49—53): „пану Владиславоу, Польскому к р о л ю в ы (чит. „крѣловы“; неударное ю=ю), „панъ Ивашко Р о г а ш о в с к ы и“, „Силишовскыи“, „ничого (род.=им.) не єсть пилнишее“, „Хмеловъ“, „от коро л о в ѣ с т в а Полского“ (два раза). Среди бояръ этого господаря извѣстны: „Дума Чорный“ и „Крѣста Чорный“ (=Улян., стр. 49, 58, 59, 61, 68), „Немирка Чорторыйскыи“ (55).—Въ буковинской судной грамотѣ 1448 г.

*) Слогъ „ти“ въ словѣ „шостисотъ“ звучалъ, конечно, совсѣмъ твердо (т. е. какъ „ты“), и потому „ше“ перешло въ „шо“. Впрочемъ, тутъ могла вліять аналогія формы „шостый“.

**) Какъ выше сказано, я сомнѣваюсь, чтобы подъ буквою у здѣсь скрывался дифтонгъ. См. мои „Крѣтерії“, стр. 15—16. Срв. также дальнѣйшее начертаніе: „крѣловы“ (=дат. ед.), гдѣ о замѣстительной долготѣ не можетъ быть и рѣчи.

(=Улян. № 65, стр. 71): „буд-коли у которыхъ д н о х ъ“ (чит. „днѣохъ“); то же выраженіе—въ судной грамотѣ 1449 г. (=Улян. № 69, стр. 76).—Всякихъ подобныхъ начертаній имѣется въ буковинскихъ грамотахъ XV в. сколько угодно, причѣмъ—какъ мы ужъ видали—иногда въ смыслѣ неударнаго ъ о и й о пишется у и ю,—напр. въ дат. падежѣ „кролювы“; иногда—и въ 1-мъ лицѣ множ. числа и др. Таковы начертанія въ прощенной грамотѣ 1460 г. (=Улян. № 86 и № 90): „не имаемъ усъпомѣнути, але хочумъ его миловати“ и „тоє усе вишеписанное слобуюмъ здержати“ (стр. 96—97); „хочумъ миловати и учты и ласцѣ держати“ (стр. 99); срв. выше, въ волошскомъ Евангеліи Верковича XIV в.: „[мы] можомъ“, „речомъ“. Равнымъ образомъ, чему примѣры мы ужъ и раньше видѣли—въ дат. множ.: „предкув нашихъ обычаемъ и степенюмъ наслидова[т]и“ (1462 г., стр. 100), „к р о л ю м ъ полскимъ“ (ibid.) *). И т. п.

Изъ числа галицкихъ грамотъ XV в. остановимся, на примѣръ, на именахъ судей въ перемышльской правой грамотѣ 1404 г. бискупа Мацѣя и епископа Аванасія: „Юрѣи Мошончичъ“, „Васко Чортковичъ“ (=Голов. № 27, стр. 26—27).—Есть львовскомъ векселѣ 1421 г.: „не вынимая ничего“, „панъ Васко Мошончичъ“ (=Голов. № 32, стр. 36; чит. „Мошончичъ“) **.—Въ четырехъ княжескихъ судебныхныхъ приговорахъ 1421—1430 г. кн. Федора Любартовича изъ Зудечева (=Голов. №№ 39—42, стр. 43—48): „лісты граничныи—е а л ш о в а н і и“ (43), „неправыи, ф а л ш о в а н ы и листы“ (46 и 47); „выслали пана Ленка, старосту Зудечовского на ту границу, кде дорога отъ Зудечева к Долинѣ“ (43, срв. 47); „[свѣдокъ]—староста Зудечовский“ (44); „въ нашомъ дворѣ“ (44), „въ нашемъ дворѣ у Зудечовѣ“ (46,—нефонетич.); „дорога идетъ къ Чорному льсу“ (45).—Въ разѣзжей грамотѣ 1424 г. вышеупомянутаго старосты Ленка (=Голов. № 36, стр. 41): „Я, панъ Ленко, староста Зудечовскій, свѣдчу“, „люді из Острова и съ Юкшовець“, „панъ Григоръ Бартошовскій“. Въ т. н. гр. кн. Льва 1302 г.: „до Кулѣтоховы росохы“ (=Евтуховой).—Возьмемъ еще галицкую грамоту изъ 2-й половины вѣка—напримѣръ Сам-

*) Болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобы подъ этимъ ю скрывался дифтонгъ. Срв. мои „Критеріи“, стр. 15—16.

**) См. въ „Украин. Грамм.“, стр. 136, объясненіе такой графики.

борскую мировую ок. 1467 г. (=Улян. № 85, стр. 95—96): „мы есмь пришедши и смирились“, „не имаемъ тыхъ мимошедшихъ дѣлъ поминати“, „имаемъ заплатити по Рожствѣ Христовѣ за чотыри недѣли“.

Отдѣльно остановимся на жалованныхъ грамотахъ вел. кн. Швитригайла, писарями котораго (судя по обстоятельствамъ его жизни) не могли не бывать малоруссы восточные (черниговцы, киевляне). Въ его жалованной грамотѣ 1403 г., изданной для церкви св. Ивана въ Городкѣ подъ Львовомъ и писанной тамъ же (=Голов. № 26, стр. 25): „потвердили брата нашого есгоданье“, „[свѣдокъ]—князь Иванъ Чорторыйскый“, „на потверженье сему нашому листу“.—Въ другой жалованной Швитригайловой грамотѣ 1424 г. писанной, быть можетъ, въ черниговскомъ Острѣ *): „нашого вѣрного слуги Драгосиновича“, „дали есмо..... съ корчовьемъ, съ лозьемъ“.—Въ Швитригайловой жалованной луцкой грамотѣ кухмистру Мышьчичу 1438 г. (Рум. муз.): „у Кременецком повѣте—Борщовку“, „алѣсь Дедьовъ“, „[свѣдокъ]—пан Иван Чорный **). Въ его луцкой жалованной грамотѣ Чеботамъ 1445 г. (Рум. Муз.): „шляхетным Чоботом“ (дат. мн.); „[свѣдокъ]—княз[ь] Михаило Чорторийскый“.—Въ жалованной Швитригайловой киевской грамотѣ 1442 г. (=Акты Юж. и Зап. Росс., I, стр. 14=Голов. № 49): „ни чого на себе не вымѣнивая“, „[свѣдокъ]—панъ Иванъ Чорный“.

Въ киево-печерской духовной 1446 г. кн. Андрея Владиміровича (=Голов. № 51, стр. 61): „имѣніе прѣшое“ ***)—То же и въ свѣтскихъ киевскихъ документахъ XV в. Напримѣръ, въ вѣновной записи

*) Или, б. м., въ галицкомъ Островѣ. См. Голов. № 35, стр. 39=Акты Юж. и Зап. Россіи, т. I, стр. 8—9.

**) Румянц. грамота 1438 г., равно какъ и другая 1445 г., изданы и печатно въ „Унив. Изв.“ 1885, февр. (киев.).

***) Къ сожалѣнію, не ручаюсь за это чтеніе, потому что, послѣ сличенія изданія Головацкаго съ грамотой подлинной (она хранится въ Рум. музеѣ) я сдѣлалъ на своемъ экземплярѣ чернильную помѣтку при этомъ словѣ, которая затѣмъ расплылась; а въ моментъ печатанія этого листа я нахожусь не въ Москвѣ. Быть можетъ, въ подлинникѣ стоитъ „прѣшое“.

ок. 1450 г. одного мѣщанина *): „а коли жона моя зо-
чет пойти замуж“.—Въ жалованной грамотѣ кievскаго
кн. Семена Олельковича 1459 г., писанной въ
Прилуцѣ за Днѣпромъ (—Антон. и Козлов. № 9, стр. 20—21):
„слугою нашимъ, урожонимъ Еремію Шашкомъ“,
„ему самому, жонѣ и потомству его“, „которыхъ про-
дкове его отъ предковъ моихъ спокойне держали“,
„городище Тимоловъ изъ лѣсомъ Гнилецкимъ, Печенъ-
цомъ, Ключовомъ и иными лѣсами“, „Драгушов-
скими“, опять „его предковъ“ (еще три раза), „при-
чомъ его самого, жону, дети и исчадки zostавую“.—
Въ т. н. Псалтири сѣв.-мр. Феодора Жидс-
вина XV в., по списку жидовствующихъ кievлянъ 1471—
1490 г. **): „ищушимъ жо Тя“ (псал. 4), „Тебѣ м[и]лость
и правда, а дѣло на шѣ—страшно“ (пс. 35-й), „сытовство

*) Эта вѣновная грамота (по рукописи № 13 кiev. Археогр.
комиссіи) съ фототипическимъ снимкомъ,—въ „Палеографическомъ
Изборникѣ“ кievской Археографической комиссіи, вып. I (Кievъ
1899), № 9.

**) Критическое изданіе этой „псалтири“ (вѣрнѣе сказать—
перевода изъ еврейскаго молитвенника „Махазоръ“) по спискамъ, со-
хранившимся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, предпринято
проф. Сперанскимъ и должно вскорѣ появиться въ свѣтъ (въ мос-
ковскихъ „Чтеніяхъ“). Одинъ изъ списковъ сдѣланъ кѣмъ-то изъ
малорусскихъ кievскихъ спутниковъ кн. Михаила Олельковича,
другой—великорусская копія съ какого-то (этого же или другого?)
кievскаго списка. Такъ-какъ первая рукопись болѣе или менѣе до-
сихъ поръ ужъ извѣстна (въ описаніи архим. Варлаама—Уч. Зап.
Ак. Н., 1859, т. V, 1—66, и въ прилож. къ „Древне-слав. псал-
тыри“ Амфилохія), то проф. Сперанскій положилъ въ основу из-
данія малоизвѣстную великорусскую копію; но всѣ разночтенія
кievскаго списка указаны имъ въ сноскахъ.—Благодаря любезности
автора, я могъ прочитать корректурные листы его изданія и пре-
дисловіе, касающееся личности Феодора Жидовина. Въ противность
(правда, очень некатегорическому) мнѣнію проф. Сперанскаго, счита-
ю нужнымъ выразить увѣренность, что самъ Феодоръ не былъ
жидовствующимъ: участіе его въ Геннадіевой Библии свидѣтель-
ствуетъ, что онъ остался православнымъ. Схарія, основатель ереси,
пріѣхалъ изъ Кіева въ 1471 г., но Феодоръ былъ вѣдь крещенъ
еще между 1448—1461 г. (при митрополитѣ Іонѣ) и избличалъ
евреевъ усердно. Быть можетъ, и псалтырь-то онъ перевелъ рань-
ше пріѣзда Схаріи: митрополитъ Филиппъ, по благословенію и при-
казанію котораго Феодоромъ сдѣланъ переводъ, вступилъ на вла-
дѣчній престолъ еще въ 1467 г. (умеръ правда, въ 1473 г. ужъ по
пріѣздѣ Схаріи).—Просто, жидовствующіе воспользовались гото-
вымъ Феодоровымъ переводомъ „Махазора“ и списали его для
своихъ молитвенныхъ цѣлей, причемъ внесли въ списокъ гораздо
большее количество мр. чертъ, чѣмъ могло быть у Феодора, кото-
рый въ своемъ произношеніи значительно ужъ обрусѣлъ.—Срв.
еще и слѣдующ. ссылку.

и а ш о—о твоєи добродѣтели* (пс. 57) *).

Жидовствующій переводъ конца XV вѣка „Книги Даниила“ и нѣкоторыхъ другихъ агиографовъ (Эсеири и пр.), приспособленный къ синагогальной богослужбной обстановкѣ, могъ быть сдѣланъ вѣроятноѣ всего Схарией или другимъ изъ тѣхъ евреевъ, которые послѣдовали за кievскимъ княземъ Михаиломъ Омельковичемъ въ Новгородъ (1471) и участвовали въ основаніи ереси жидовствующихъ (Іосифъ Шмойло Скарявей, Моисей Ханушъ). Дошелъ переводъ до насъ въ рукописи Виленск. Публичн. Библ. № 262 (10) конца XV вѣка **). Въ Новгородѣ ли былъ сдѣланъ переводъ и переписанъ или еще въ Киевѣ, рѣшить трудно; великоруссизмовъ не замѣтно и малорусскій языкъ перевода очень недуренъ. Для исторіи кievской рѣчи XV в., а потому и для вопроса о переходѣ е въ ѣ/о, преимущественный интересъ представляютъ тѣ главы, которыя вновь переведены прямо съ еврейскаго языка, т. е. 1-я, 3-я, 8—12 ***). Въ 1-й главѣ: „пришолъ Навходоносоръ, царь Бавельскій, на срушалаимъ“; „и рекль (ъ=ъ)

*) Въ подлинной рукописи перевода самаго Федора, вѣроятно, не было этихъ начертаній съ о,—по крайней мѣрѣ, мы ихъ не видимъ въ его „Послании къ упорствующимъ евреямъ“ (опубликовано М. И. Соколовымъ въ моск. „Чтеніяхъ“, 1902 г., кн. III); да и въ великорусской копіи съ „Псалтири“ затушевано одно изъ нихъ; значитъ, внесены они жидовствующими кievлянами.

**) Добрянскій, давшій о ней первыя свѣдѣнія въ своемъ опис. Виленск. рукописей, наудачу отнесъ ее къ XVII в.; но этого не допускаетъ ни почеркъ памятника, ни бумага, которая своей фабрикаціей и водяными знаками не можетъ быть позже 1514 года. И. Евсеевъ, который издалъ изъ этой рукописи „Книгу Даниила“ (въ моск. „Чтеніяхъ“ 1902, кн. III), отнесъ и переводъ и рукопись къ нач. XVI в.; но В. Перетцъ (киев. „Унив. Изв.“ 1904, окт.) основательно признаетъ ее за произведеніе конца XV в.,—тѣмъ болѣе что въ нач. XVI в. мы о жидовствующихъ ужъ неслышимъ.

***) Изъ прочихъ главъ „Даниила“ 2-я взята цѣликомъ, а гл. 4—7 обработаны—изъ готоваго бѣлорусскаго перевода XV в. который былъ сдѣланъ съ христіанскаго греч. текста и былъ написанъ съ обычной орфографіей бѣлср. памятниковъ XV в. въ томъ числѣ—съ изобиліемъ буквы ѣ вм. е на манеръ бѣлор. рукописей, каковы напр. Четья-Минея 1439 г. и Ефремъ Сиринъ 1492 г. Еврей-кievлянинъ, пользуясь для упомянутыхъ главъ готовымъ бѣлорусск. переводомъ, невольно долженъ—лбыъ сохра

царь стареишому кажениковъ своихъ"; „положи на сердце свое“ (чит. „сердцо“); „ѣству вашу и питье ваше“; „чому видятся лица ваши пысны?“ (=постыны); „нижли иныхъ дѣтеи ровни в аш о и“; „отроковъ же сихъ—чотыри“; „и наш олъ ихъ“.—Въ главѣ III-ей: „суть мужове-жидове“, „мужове си“ (часто *). „мужомъ храбрымъ“, „оглядѣли мужовъ сихъ“; „отъ мене положон урядъ“; „и домъ его порохомъ маеть быти положон“.—Въ гл. IX-ой: „[Дарьявешъ] поставлен царомъ на царствѣ Халдѣйскомъ“; „к царомъ нашимъ, отцомъ нашимъ“ (два раза); „Господа Бога наш о го“ (нѣсколько разъ); „на поношене всеи околици наш о и“; „время приношенья вечерного“; „Кгабриель.. рек: Даниле! вышелъ еси нарзумити тебе разумомъ.... пришолъ еси повѣдати“.—Въ гл. X-ой: „до исполнения трехъ седмиць дновъ“ (чит. „днѣвъ“); „и се муж, облечонъ волняное“; „еси пушонъ к тобѣ“; „пришолъ еси по слову твоёму,“ (часто); „и рекохъ къ стоячому противъ мене“; „чи вѣдаешъ, чомъ пришолъ еси къ тобѣ?“; „а нѣтъ ни жадного, крепящогося со мною“.—Въ главѣ XI-ой: „Зломитъ царство его и раздѣлится на чотыри страны небесныя“; „и дочка оныхъ жонъ, будетъ, дастъ ему растлиту ю“; „мечомъ и грабежомъ“; „и на всякого бога не врозумѣет, на все бо взвеличится“ (чит. „всьо“) **); „и каменомъ

нить часть бѣлоруссизмовъ; это можно обнаружить изъ той курioзной путаницы, которую онъ продѣлалъ съ буквою ѣ своего бѣлорусскаго подлинника, написанною бѣлоруссомъ вмѣсто буквы е. Кіевскій еврей привыкъ, очевидно, читать букву ѣ на малорусскій ладъ, т. е. за і, а потому, переписывая бѣлор. текстъ, онъ иногда вмѣсто бѣлорусскаго начертанія ѣ механически писалъ букву и, хотя бы буква ѣ была употреблена бѣлоруссомъ въ такихъ словахъ, которыя въ малор. языкѣ произносятся съ твердымъ э. Вотъ почему тѣхъ главъ, которыя списаны или передѣланы съ бѣлорусскаго подлинника, мы лучше не будемъ касаться.

*) Звукъ е во флексіи ове слышался вродѣ ѣ (по смѣшенію съ окончаніемъ ѣ основъ на о), и иногда вмѣсто флексіи ове славяне писали овѣ. Срв. въ полтавскомъ сборникѣ 1679 г. (гдѣ „Книга Эноха“, изд. А. Поповымъ въ „Библиограф. Матеріалахъ“ № 4): „[за свами] и Адамовы (=Адамы) даются зводити, за молодими и старіе починають блудити“ (87).

**) Въ сѣверныхъ и западныхъ говорахъ „всьо“ значитъ „все“. а „всѣ“ значитъ „всегда“.

***) „Болозѣ“=хорошо. Срв. Усп. Сб. XII в., л. 72 д; Григ. Бог. XI в., л. 43 д, л. 121 а.

всѣгда,
всѣгда

дорогимъ и коштвостями“.—Въ гл. XI: „и рек оному мужу, облечоному в лняное“ (два раза); „пойди, Даниле! зотолочоны бо и запечатаны оны рѣчи до часу конца“; „болозе надѣюшомуся! ***“ и доидеть д н о в ъ (=днѣвъ) тысячу триста тридцать и пять“.

Въ кievской купчей ок. 1500 г. на торговую лавку одного мѣщанина 1): „изъ ж о н о ю своею Оленою“, „з м ѣ с т ц о м коморным“, „продали есмо Ходыце Кобызевичу и ж о н ѣ его“, „мнѣ вже не... уступатися у тую свою комору, ани ж о н ѣ моей“.

в) Йота есть смягчающій звукъ, шипящіе согласные *ж, ч, ш, щ*,—это согласные смягченныє, или „переходно“—смягченныє (происходящіе изъ *зъ, хъ, ть, скъ, сть*).

А по сейчасъ приведеннымъ примѣрамъ изъ памятниковъ XI—XIV в.в. мы могли видѣть старинное появленіе не только сочетаній *жо, юо, шо, јо* (изъ *же, ye, ше, юе*), но и другихъ сочетаній: *ло* (чит. „лѣ“) изъ *ле, но* (чит. „нѣ“) изъ *не, до* (чит. „дѣ“) изъ *де* и проч. Что жъ? бываетъ ли это послѣднее явленіе и теперь?—Да, и донынѣ, сказать правду, не только йота и согласные шипящіе производятъ въ малорусскомъ языкѣ вышеуказанное вліяніе на судьбу звука *е* (т. е. обращаютъ его въ *о*): такое же вліяніе (передъ послѣдующимъ твердымъ слогомъ) 2) могутъ оказывать на звукъ *е* и всѣ прочіе малорусскіе согласныє, если они почему-либо остались въ

***) См. ссылку на стр. 384.

1) Издана, съ фототипич. снимкомъ, въ кievскомъ археографич. „Палеографическомъ Изборникѣ“ 1899, вып. I, № 14 (=Книга кiev. Центр. Архива № 3509, л. 13, актъ 9).

2) По поводу нашего частаго выраженія: „передъ твердыми сл о г а м и“ (а не просто: „передъ твердыми согласными“) мы ради читателей-нефилологовъ должны здѣсь еще разъ напомнить (см. § 17, стр. 131 и слѣд.) и сдѣлать оговорку, что въ старину буквы *ъ* и *ь* были сл о г о в ы м и гласными. Какое-нибудь, скажемъ,

(=бодрый), *сьóмий* (=седьмой, зап.-мр. сéмий), *цьóгó* (=этого, сего), *цяцьóк* (=игрушекъ, род. мн. отъ *цяцька*=игрушка), *стоянцьóвий кóмiр* (=стоячий воротникъ, „стоянцевый“), *працювáння* (изъ *працьóвáння*= работа, упражненiе, „працеванiе“) и т. п.

Но въ общемъ такихъ случаевъ не много; обыкновенно же мы видимъ, что послѣ всѣхъ согласныхъ звуковъ кромѣ вышеотмѣченныхъ йоты и шипящихъ малорусскiй гласный звукъ *е* (который первоначально, — напимѣръ въ домонгольско-киевскомъ языкѣ, — былъ мягокъ и звучалъ почти *ε*, а не *э*), просто отвердѣлъ и обратился изъ мягкаго *е* въ твердое, въ *э*; срв., напр., *зелéний* (чит. „зэлэный“), *клéпка* (чит. „клэпка“), *пéс* (чит. „пэс“=песъ), *рeвúчий* (чит. „рэвúчий“=ревушiй), даже *кiнцeвий* (чит. „кинцэвий“=конечный) и т. п. Да и тѣ вышеприведенные примѣры (типа „пóльовой“, „лóбду“, „цьóгó“, „трьóх“, „дньювáти“ или болѣе частое „днювати“ и пр.), въ которыхъ мы видимъ послѣ *л, н, р, ц,* и пр. переходъ *е* въ *о*, обязаны этимъ своимъ переходомъ пожалуй даже не исключительно фонетическимъ причинамъ: вѣроятно, въ известной, небольшой степени содѣйствовало этому переходу и кой-какое влiяние аналогiи *). Только послѣ йоты

*) *Цьóгó*, напимѣръ, (вмѣсто *цeгó, сeгó*), могло развить въ себѣ звукъ *о* (вмѣсто *е*) не безъ нѣкотораго влiяния аналогичной твердой формы: *тогó*. На появленiе звука *о* въ словѣ *трьóх*, *п'ятьóх* могла влiять аналогiя формъ: *двох*, *обóх*. *Днювáти* (болѣе старое *днювáти*, изъ *днeвáти*) или *плювáти* (болѣе старое *плювáти*, изъ *плeвáти*) тоже, пожалуй, возникли не безъ нѣкотораго влiяния аналогичныхъ твердозвучныхъ глаголовъ типа *торгувáти* (болѣе старое *торговáти*). Однако роль аналогiи здѣсь чисто подсобная, второстепенная, а главную силу имѣетъ фонетическiй законъ. Если бы какое-нибудь, положимъ, *цьóгó* (=этого) возникло главнымъ образомъ по причинѣ аналогiи съ *тогó* (=того), то мы съ болѣшимъ правомъ могли бы ждать, что тотъ малорусскъ, который произноситъ *цьóго*, обязательно образуетъ по аналогiи одинаковые дат. или

и шипящихъ законъ о переходѣ звука *e* въ *o* (передъ твердыми слогами) соблюдается съ очень и очень порядочной устойчивостью.

§ 52. Судьба звука *ѣ* въ исходѣ словъ или въ положеніи передъ согласной мягкой.

а) Читатели должны помнить ту оговорку, которая нами не разъ дѣлалась выше, а именно: слоги *йо, жо, чо, шо, що*, (а также *льо, рьо, ньо, тьо, цьо, сьо*, и т. п.) возникаютъ изъ слоговъ *је, же, че, ше, ще, (ле, ре, не, де, те, це, се, и пр.)* собственно лишь тогда, когда слѣдующій за ними слогъ твердъ.

Если за ними нѣтъ никакого слога, т. е. если *је, же, че*, и пр. являются въ исходѣ слова, то звукъ *e* обыкновенно не переходитъ въ *o* (срв. *своѣ*—свое, нѣжче—ниже, и т. п. *). Лишь въ свѣдѣн. говорахъ конечное *o*-часто...

Не переходитъ звукъ *e* въ *o* и тогда, когда за слогами *је, же, че*, и т. д. слѣдуетъ слогъ мягкой, или бывший прежде мягкимъ. Срв., напр., *женѣтися, жених* (хотя *жонѣ, жонѣтій*), *чернець, черниця* (=монахъ, монахиня, хотя *чѣрний* изъ „чѣрный“), *вечѣряти* (хотя з *вѣчора*), *женці* (=жнецы), *жѣ-*

орудные падежи отъ *квасѣк* и *квасѣць* (=шавель), т. е. скажетъ: *квасѣцьѣві* (по аналогіи съ *квасѣкѣві*), *квасѣцьѣм* (по аналогіи съ *квасѣкѣм*). Между тѣмъ, мы знаемъ, что именно тотъ, кто говоритъ *цѣгѣбѣ*, не говоритъ *квасѣцьѣві*, *квасѣцьѣм*, а говоритъ *квасѣцѣві*, *квасѣцѣм* (и наоборотъ: *квасѣцьѣм* обыкновенно слышится какъ разъ тамъ, гдѣ люди говорятъ *цѣгѣбѣ*, а не *цѣгѣбѣ*). Слѣдовательно аналогія въ исторіи развитія такихъ фонемъ, какъ *цѣгѣбѣ* (изъ *цѣгѣбѣ*), является влияніемъ совершенно второстепеннымъ, а главная причина—вышеизложенный фонетическій законъ о переходѣ *e* въ *ѣ* послѣ мягкихъ согласныхъ передъ твердыми слогами.

*) Впрочемъ и въ исходѣ попадаетъ звукъ [ѣ] в м. е; срв. *охѣчо* (при Солѣе обычномъ *охѣче*), локальное „настоящо“ (вм. *настояще*, =настоящимъ образомъ) и кое-какія другія слова. Въ сѣверныхъ и западныхъ говорахъ ихъ больше, по старому. Иногда чередованіемъ звуковъ *e* и *o* обусловливается смысловой оттънокъ; срв. частое *дуже* (=очень) и рѣдкое *дужо* (=крѣпко, мощно).

рти (=жрать), ножéві (=ножу, дат. пад.), а по аналогіи и ножém, хотя ножовій изъ „ножевий и т. п. и т. п.

б) Въ этихъ случаяхъ (т. е. въ исходѣ или передъ мягкими слогами) намъ сплощь да рядомъ придается, также, наблюдать склонность звука *e* къ другому, совершенно особому звуковому переходу, а именно—склонность къ переходу въ болѣе широкой звукъ *я* (или *ѣа*, *а*), причемъ параллельно продолжаютъ обыкновенно существовать и формы съ твердымъ *e*. Срв., напримѣръ, щапѣти (параллельно со щепѣти=прививать), печарѣця (паралл. съ печарѣця=шампиньонъ), печэра, печэря (паралл. съ печаря=пещера), часник (=чеснокъ), яврѣі (при болѣе рѣдкомъ єврѣі=евреи) *) яхїдна (и єхїдна **), яліна, яліця (=ель), лящ (рѣже лещ, стар. „лещ“), зтакобї дáлячі (или зтакобї дáлечі=изъ такой дали), сѣняшник (=подсолнечникъ, подсолнухъ), сѣча—моча***), гдѣ ча изъ чя, ****); осятр[ь] (наряду съ болѣе рѣдкимъ осѣтр), зэдлїзній (изъ „зялїзний“, за п. желїзний,=желззный), рямїнь (и ремїнь=сапожная кожа, „ремень“), весїлля (рѣже весїллє=свадьба, „веселье“), життѣя (зап.-мр. и сѣв. життѣ=жизнь, „жизнь“), аджѣ (чаще аджѣ=вѣдь) *****), тра (рѣже

*) Однако въ рѣчи литературной писать надо этимологичное „евреї“, а не вульгарное „яврѣі“.

***) Это иностранное слово echidna было заимствовано малоруссами съ мягкимъ произношеніемъ сочетанія *chi*, именно, въ формѣ „ехидна“. См. кїевскій Изборникъ Святослава 1073 г., л. 154.

****) Корень (вторичный) этого слова—сѣц, имѣющей и въ извѣстномъ несалонномъ глаголь съ окончаніемъ..... яти.

*****) Въ Галичинѣ слышна и болѣе старая форма этого слова, съ окончаніемъ ч [ь]: „сяч“. Срв. церк.-слав. „сѣчь“.

*****) Слово это происходитъ изъ ач же=„смотри что...“ (же въ смыслѣ „что“... ѣти...—происходитъ изъ сокращенія старомалорусскаго домонгольскаго слова: єже, оже). Слово „ач!“ =(смотри-ка! вишь!) употребляется и самостоятельно; мн. ч. „ачте!“. Впрочемъ, при установленіи этимологіи этого слова не надо упускать изъ виду галицкое „ади“ (=смотри), возникшее изъ „а див!“.

тре—нужно; то же, что треба) и пр. *).

в) Явленіе это извѣстно еще въ самыхъ старыхъ памятникахъ вост.-малорусскаго (да и западно-малорусскаго) нарѣчія. Срв. въ кievскомъ домонгольскомъ Изборникѣ Святослава 1073-го года: „кажаника=(л. 262, вм. „кажѣника), „поамлються“ (л. 212, вм. „поѣмлються“), „вя жя“ (л. 219, вм. „вя же“), „Елисавятъ“ (л. 254, об., вм. „Елисаветъ“), „о землямърыи“ (л. 203 об.). Въ произведеніяхъ Нестора, по Успен. Сборн. XII в.: „ляжашеть“ (л. 38 а); въ томъ же Сборникѣ: „запустѣнія“ (л. 1=запустѣніе) и др. Въ старокiev. лѣтописи (по разнымъ спискамъ) мы находимъ въ Лаврент. списокѣ УМЛАДЬ (л. 28;=мр. „чѣлядь, чѣлядь“); срв. въ Ипат. списокѣ „чарнятинци“ (стр. 555;=чернятинци“); по послѣдній примѣръ—очевидный зап.-малорусскій. Что касается памятниковъ зап.-мр., то въ т. н. Вѣнскомъ (вѣроятно, галицкомъ) Октоихѣ XII—XIII вѣка читаемъ: д[у]ховное сиянія (л. 52 об.); въ Галицкомъ Ев. 1266—1301 г.: „въ куроглашенья (л. 154), „еща“ (л. 55 об.=еще), „изъ дѣляча“ (л. 59), и пр., и пр. Рядъ другихъ примѣровъ, извлеченныхъ изъ старомалорусскихъ рукописей (напр., изъ черниговской Лѣствицы XII в., изъ южно-гал. Ев-ія поповича Евсевія 1283 г. и пр.), приведенъ нами ниже (стр. 400 и слѣд.), въ приложеніи къ §§ 52—53.

§ 53. О случаяхъ не фонетичной аналогіи, иногда происходящей при дѣйствіи вышеизложеннаго фонетическаго закона.

а) Не мѣшаетъ замѣтить, что съ теченіемъ времени малорусскій языкъ судьбу звука *e* (послѣ йоты и смягчен-

*) Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ неударное *e* смѣшивается съ неударнымъ *и*, можно изрѣдка наблюдать дѣйствіе этого закона и надъ неударнымъ звукомъ *и*. Срв. *тячинка* (=тычинка) изъ *течинка*; *обшир* (=пространство, „обширь“) изъ *обшиер* [ь].

ныхъ согласныхъ) пересталь ставить въ очень строгую зависимость отъ исконной твердости или исконной мягкости послѣдующаго слога и породилъ цѣлую серію звуковыхъ смѣшеній, причины которыхъ однако всегда очевидны и легко объяснимы. Отчасти въ этомъ виновато могущественное вліяніе аналогіи, (это вліяніе—старинное еще), отчасти—новомалорусское отвердѣніе тѣхъ гласныхъ звуковъ и слоговъ, которые въ домонгольскомъ кievско-малорусскомъ языкѣ были мягкими, и наоборотъ.

б) Напримѣръ, форму род. и орудн. падежей ед. ч. жен. рода мы произносимъ: „нашої, синьои“, „нашою“, „синьюю“ (а не „нашеї, синеї“, „нашею, синею“), хотя слоги *і* (изъ стар. *ъ*) и *ю*—мягки. Такое произношеніе установилось по меньшей мѣрѣ еще въ XI вѣкѣ подъ вліяніемъ вполнѣ фонетическихъ формъ рода мужескаго („нашого, синього“, „нашому, синьому“ и пр.—см. стр. 200 и слѣд.),—вѣроятно, не безъ вліянія также формъ твердаго женскаго же склоненія (такихъ, какъ „доброї, доброю“ и проч.).

Возьмемъ другой примѣръ нефонетической аналогіи. Кто произноситъ имен. падежъ *жонá*, род. *жоны*, вин. *жонú*, ор. *жонóю*, а во мн. числѣ всѣ падежи со звукомъ *о*, тому по аналогіи невольнó хотѣлось и хочется сохранить этотъ же звукъ *о* (послѣ *ж*) и въ остальныхъ двухъ падежахъ, т. е. въ мѣстномъ и въ дательномъ (*жонí*), хотя въ виду мягкости дательнó-мѣстной флексіи (*í, ѣ*) мы могли бы въ дат. и мѣст. падежѣ ждаты сохранности звука *е* (т. е. ждали бы *женí*, а не *жонí*).

Напротивъ, отъ *гнáти* (=гнать) 1-е л. н. вр. и въ старину звучало и теперь звучитъ *женú* (=гоню);—почему же не „*жонú*“? вѣдь *ну* твердый слогъ?—да потому, что переходу же въ *жо* здѣсь помѣшало вліяніе аналогіи 2-го и 3-го лица ед. и мн. ч.: *женéш* [ь], *женéт* [ь], *женетé*, въ которыхъ слогъ „не“ въ старину былъ всюду мягкимъ и естественно не позволялъ предыдущему слогу

же перейти въ жо*). Подъ тѣмъ же вліяніемъ не могли укрѣпиться формы 1 л. мн. ч.: „хóчемо“, „знáйемо“, а развились вмѣсто нихъ фонемы: хóчемо (=мы хотимъ) знáемо (=мы знаемъ), хотя даже въ XV вѣкѣ еще существовали формы съ о**).

Почему червѣнйй (=красный), а не „чорво-ний“?—потому, что переходу въ чо помѣшало вліяніе параллельнаго слова червѣнйй или чер[в]лѣнйй (и до сихъ поръ не всюду исчезнуваго у малоруссовъ), гдѣ слогъ че (передъ ле) и по фонетическому закону не долженъ былъ обратиться въ чо.

Наоборотъ: почему мы часто слышимъ я, а не ожидаемое ъо въ словѣ плѣтянйй (=плетеный)? вѣдь слогъ нйй происходитъ изъ твердаго ныйй? Это—потому, что здѣсь повліяла аналогія съ одной стороны—такихъ причастій, какъ „писанъйй“, „сказанъйй“, и неопр. наклоненій съ окончаніемъ а ти, яти, а съ другой стороны повліяла аналогія такихъ словъ или формъ, какъ плѣтяникъ (=кренделекъ, булка-плетенка), въ которыхъ нынѣшній твердый слогъ никъ (чит. нык) произошелъ изъ мягкаго (никъ), а такъ-какъ

*) А что наклонность къ образованію формы жо ну (=гно) у старыхъ малоруссовъ дѣйствительно существовала, видно изъ начертанія року (вм. реку) въ Холмскомъ Ев. XIII—XIV вѣка (л. 162).

***) По крайней мѣрѣ, въ господарскихъ грамотахъ XIV—XV вѣка, писанныхъ въ Буковинѣ, мы находимъ написанія вродѣ: слюбуюмъ (=нын. „слюбуѣм“, т. е. общаемъ), хочумъ (=„хóчем“, т. е. хотимъ), маюмъ (=„мáем“, т. е. имѣемъ); срв. по изд. Уляницкаго стр. 8 и 9 (=1395 г.), 74, 96—97, 99, 172 (=1499 г.). Надо при этомъ замѣтить, что буковинцы, писавшіе грамоты, передавали буквою у и ю неударный звукъ о, жо (они писали, напр. велѣли-сму =велѣли-смо, мы слюбуѣму=слюбуѣмо. и т. п.).—Что касается начертаній съ о, а не съ у, то срв., напр., въ волошскомъ Евангеліи Верковича XIV в.: [мы] речомъ (л. 85), [мы] хошомъ (л. 90 об.), [мы] можомъ (л. 98, 24 об.) и др. У бѣлоруссовъ можно констатировать „хочомъ“ въ грамотѣ Рижанъ ок. 1300 г. къ Витебскому князю Михаилу Константиновичу о его обидахъ (изд. въ 1-мъ изд. „Древнихъ памятниковъ“ Срезневскаго).

въ настоящее время малоруссы не чувствуютъ, чтобы слогъ ний былъ у него тверже слога ник*), то невольно въ обоихъ словахъ онъ готовъ измѣнить слогъ те въ тѣ; по той же причинѣ, по аналогіи онъ и оплетенную „криницу“ (колодезь) называетъ плѣтянка, не смотря на нын. твердость слога ка, слѣдующаго за тен**).

Точно такъ же аналогія позволяетъ нефонетически сказать: кришаний (или кришений;=крошенный) въ виду законно-фонетическаго и возникшаго болѣе рано кришаник (=кусокъ крошеного мяса***); она же позволяетъ сказать паляний (жженный) въ виду фонетическаго паляница (=печеная булка); она позволяетъ сказать суют (=суетливый) въ виду суют[ь]-ний; она позволяетъ сказать чортик (=чертикъ) въ виду чорт (=чертъ) и чортів (=чертовъ), и пр., и пр., и пр.***).

*) Даже напротивъ: слогъ ний (старинное... **НИЙ**), имѣя у себя въ концѣ звукъ *й*, звучитъ у малорусса теперь помягче слога ник (стариннаго... **НИКЪ**)!

***) А параллельно существуетъ слово плетѣнка, происходящее изъ закономѣрнаго плетѣнка (звукъ *ѣ* о явился фонетически изъ *ѣ*—передъ твердымъ слогомъ **НЪ**).

***) Срв. въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г. род. пад.: **КАЖАННИКА**, л. 262.

****) Въ моей „Филологіи и Погодинской гипотезѣ“ интересующійся читатель можетъ въ собранномъ мною матеріалѣ выискать (на стр. 53—57) побольше примѣровъ такого же рода, свидѣтельствующихъ собою о томъ, что старинный строго-последовательный малорусскій законъ о судьбѣ звука *ѣ* послѣ мягкихъ согласныхъ успѣлъ съ XI вѣка къ нашимъ временамъ кое-въ-чемъ потерять свою стройность подъ вліяніемъ встрѣчной аналогіи, ходъ и причины которой, впрочемъ, всегда очень и очень осязаемы и очевидны. Въ названной книгѣ читатель найдетъ также ссылки на тѣ источники (какъ современные, такъ и древніе), изъ которыхъ мною извлечены приведенные тамъ примѣры.—Не мѣшаетъ замѣтить, что я въ тотъ списокъ на стр. 53—57 умышленно не включилъ слова чардак (=палуба), которому по-русски соответствуетъ (съ другимъ значеніемъ) слово „чердакъ“. Дѣло въ томъ, что малорусское чардакъ есть вполне точная передача этого персидско-турецкаго слова, а форма чердакъъ есть измѣненіе. Туда же я не включилъ малорусскаго тятѣва (=тетива), потому-что звукъ *я* есть въ немъ рефлексія юса (=церк.-слав.

ТАТИВА, польск. cięciwa).

в) Вставочное примѣчаніе о зачинномъ о, соотвѣтствующемъ церков.-славянскому іе. Не надо объяснять позднимъ вліяніемъ нефонетической аналогии тѣ случаи, въ которыхъ зачинному (т. е. находящемуся въ началѣ слова) церковно-славянскому, вообще южно-славянскому, равно какъ и западно-славянскому, звуку іе соотвѣтствуетъ у малоруссовъ (да тоже и у русскихъ) звукъ о, несмотря на мягкость слѣдующаго слога, —напр. бленъ (=церк.-слав. «іелень», польск. jeleń), бсѣнь (=церк.-сл. „іесень“, польск. jesień), одѣнь (=цер.-сл. «іединъ», польск. jeden), бзеро (=цер.-сл. «іезеро», польск. jezioro) и рядъ тому подобныхъ словъ, среди которыхъ замѣтимъ названіе ежевики: ожѣна. Присутствіе у малоруссовъ, и вообще у восточныхъ славянъ, въ такихъ случаяхъ, звука о, тогда какъ всѣ славяне кромѣ восточныхъ имѣютъ здѣсь звукъ е, восходитъ къ глубокой древности: это зачинное о должно считаться чертою не только прамалорусской, но и праязычной общевосточнославянской (иначе «общерусской»). По крайней мѣрѣ, во всѣхъ стариннѣйшихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ, особенно же въ лѣтописяхъ и грамотахъ, изъ мр. Кіева ли онѣ или изъ вкр. Новгорода, мы уже встрѣчаемъ начертанія типа «одинъ», «осень», «още» (=церк.-сл. іеще*), «олень» и т. п. Лишь въ очень небольшомъ количествѣ словъ мр. языкъ имѣлъ и имѣетъ въ зачинѣ не только о, но и іе; срв. въ старо-мр. языкѣ «осетръ» и «іесетръ», «ожъ» и «іежь»**), относительно которыхъ нельзя вѣдь думать, чтобы они, въ формѣ съ

*) Въ словѣ „още“ начальное о рано начало отпадать совсѣмъ, откуда и образовалось общеизвѣстное малорусское „ще“. Въ свою очередь это „ще“ при помощи новаго, эфонического призвука и, легко обращалось и обращается въ „ище“, чему старинный примѣръ—въ буковинскомъ Евангеліи Верковича XIV вѣка (л. 97) и въ припискѣ къ Успенск. Сб. XII в., л. 46 д.

**) Теперь „ожъ“ забылось. Но этотъ корень донинѣ сохраняется въ названіи „ожина“.

зачиннымъ іє, заимствованы были изъ книгъ церковныхъ подобно церк.-слав. слову «іединый», успѣвшему почти омалоруситься, несмотря на свое книжно-церковное происхожденіе. (Для словъ же «іель», «іелина», «іелиця» старо-мр. языкъ, надо думать, и не зналъ никогда параллельныхъ формъ съ о: слышалось только іє).

Повидимому, этотъ коренной законъ о соответствіи церк.-слав. зачиннаго іє малорусскому зачинному о привелъ къ тому, что и заимствованныя греческія крестныя имена и церковные термины, начинавшіеся въ греческомъ языкѣ со звука Е (рѣдко—со звука Еі), а въ церковно-славянскомъ—со звука іє или е, переходили на Русь послѣ принятія ею христіанства не только со звукомъ є, но и—на прарусскій ладъ—со звукомъ о; такимъ образомъ въ эпоху Владиміра Святого существовали параллельно имена «Олена»—и «Єлена», «Овьдокия»—и «Євьдокия», «Орина»—и «Єрина**), «Овсѣй»—и «Євсѣй», «Овстафій» (=Остапъ)—и «Євстафій**), «Олефѣрь»—и «Єлевефѣрий», «Охрѣмъ»,—и «Єфремъ» и т. п., или слова: «охидьна»—и «єхидьна», «опитимія»—и «єпитимія» и проч. Возможно, что при этомъ нѣкоторую роль сыграло и новогреческое произношеніе***).

*) Теперь у малоруссовъ мало гдѣ слышится „Орина“,—но срв. въ мѣсяцесловѣ Вѣнскаго Октоиха XII—XIII в. (изъ Галичины): „Орины“ (л. 177). Въ немъ вообще имена переданы по народному галицкому выговору: „Олемы“ (л. 177 об.); срв. еще „Олександра“ (л. 178) и „Олексы“ (л. 174), гдѣ О вм. церк.-сл. А, на разговорный ладъ.

**) Между формами „Овстафій“ (срв. кiev. Чудовской Сб. XIV в. № 20, л. 100а) и „Остапъ“—существовала промежуточная: „Остапій“ См. напр. въ польской транскрипціи 1602 г. въ люблинской копіи съ грамоты 1562 г.: «Ostapi Wolowicz» (=Антонов. и Козлов. № 41, стр. 91), наряду съ «Ostafey Wolowicz» (стр. 92).

***) Въ новогреческомъ языкѣ старинное є легко замѣняется посредствомъ о въ началѣ нѣкоторыхъ словъ,—напримѣръ, старинное „echthros“ (=врагъ) обратилось въ новогреческое „октрѣс“, старинное „eleutheros“ (=свободный)—въ новогреческое „олѣ[ф]еерос“. (Пользуемся латинской и русской транскрипціей, потому-что въ типографіи нѣтъ греческихъ буквъ).

Въ теченіи дальнѣйшей исторической жизни мр. языка, послѣ временъ Ярослава Мудраго, эти параллельные зачинные звуки *o* и *ie* развивались каждый по своимъ собственнымъ фонетическимъ законамъ. Зачинное *o* могло—или оставаться неизмѣненнымъ (срв. донинѣ «ожина», «Олена»),—или, въ случаѣ если за нимъ слѣдовалъ выпавшій глухой звукъ, зачинное *o* могло обращаться въ долготное *o*, а оттуда—въ *i* (срв. соврем. „Вівдя“ изъ „Овьдя“,—уменьшит. отъ «Овьдокия»; „вільха“ изъ „блѣха“,—церк.-слав. „іельха“). Зачинное же *ie* подчинялось, какъ и всякое другое старомалорусское *e*, общему фонетическому закону о положеніи мягкаго *e* передъ твердымъ или передъ мягкимъ слогомъ; иначе сказать: передъ твердымъ слогомъ оно легко обращалось въ *io* (срв. „Йовтѣх“, или „Йолтѣх“—изъ „Євтух[ий]“), а передъ мягкимъ слогомъ оно или сохранялось въ видѣ *e*, или разширялось въ *я*; срв. „Ялена“ (=Іелена), „Ялина“ (=іелина*), „Яхид[ь]на“ (=іехидьна), „Ясетр[ь]“ (=іесетръ), „Яв[ь]дѣтя“, или уменьшит. „Яв[ь]доха“ (=Ієвьдокия), „Ярїна“ (=Ієрина), „Ялехвѣрь“ (=Іелефѣрь) и т. п. Иногда начальная йота въ этихъ фонемахъ отпадала,—и тогда получались у малоруссовъ имена: „Авдѣтя“, „Алехвѣрь“, изрѣдка даже „Алена“ и т. п. особенно въ локальныхъ говорахъ Галичины, Волыни и сѣверной Кіевщины**).

*) А оттуда нефонетически звукъ *я* переходилъ и въ слово „яловець“ (=можжевеликъ, изъ „іеловѣць“).

***) Форму „Алена“ мы можемъ констатировать во вкладной галицкой записи на львовской Кормчей XV в. (=музей Петрушевича № 55): „Аленюю“ (л. 131 об.; опис. Свѣнцицк. I, 34). Имя „Алехвір“ оказывается въ Кіевскомъ монастырскомъ М и х а й л о в с к о м ъ п о м я н н и к ѣ XVI вѣка („3 Остря—Алеферя“, л. 39), въ галицкомъ апокрифѣ XVIII в., изданномъ у Франка (=„Памятки“, т. IV, стр. 84: „Слово с[в]ятого Алиферія“), и др.—Появленію здѣсь звука *А* содѣйствовали еще и другія причины. См. мой „Древне-кіевскій говоръ“, стр. 39—43,

г) *Ярусалим, Ярош* и т. п.

Имя «Ерусалим» и рядъ другихъ именъ, начинающихся съ *Єр* и имѣющихъ послѣ начальнаго *Є* слогъ твердый (напр. «Єрсфей», «Єрмолай» и др.), тамъ и сямъ нефонетически слышится у малоруссовъ какъ «Ярусалимъ» (чаще однако «Ерусалимъ», или, какъ у Руданскаго, «Русалимъ»); зап. «Ярошъ» (съ удареніемъ на *Я*) и вост. «Ярохвій»; зап. «Яронимъ»; «Ярмблѣ» (оттуда и село—«Ярмолінці»). Также великорусскій герой Ерусланъ обращается у малоруссовъ въ *Яруслана**).

Это нефонетическое произношеніе развилось съ одной стороны подъ вліяніемъ вполнѣ фонетически возникшихъ именъ и словъ—такихъ, какъ *Ярэма, Ярина, яретикъ*, а съ другой стороны подъ вліяніемъ очень употребительныхъ въ старину собственныхъ именъ съ корнемъ *яр* (*Ярославъ, Ярополкъ, Яромиръ*).

Начертаніе «Ярусалимъ» извѣстно и въ кievской Начальной лѣтописи, и въ южно-галицкомъ Ев-иі 1283 года поповича Евсевія. Такъ, въ лѣтописи, по Лаврентьевскому списку XIV в., подъ 6496 г. въ разсказѣ о противолатинскомъ наставленіи, которое получилъ новокрещенный кн. Владиміръ, упоминается «Куриль Ярусалимскій» и «престоль Ярусалимскій» (стр. 112, 113 и пр.), а въ гал. Евангеліи 1283 г.: «взиде [с]у[с]ь въ Яр[у]са[л]и[м]ъ» (л. 11, а). Имена «Ярмблѣ», «Ярошъ» (=Ярофей), «Яронимъ»—довольно обычны въ актахъ XVI в.**)

*) Гринченко: Этнографическіе матеріалы, т. I, стр. 189.

**) Напр. въ войсковой переписи 1565 г.—вольнские бояре: «Ярмолъ Гуляницкій», «Ярофей Госки[я]» (=Архивъ Юго-Зап. Росс., ч. VII, т. 1-й, стр. 219, 221). Въ Батуриной купчей 1671 г.: «Ярмолѣ» (Кіев Старина, 1883, июль, 509). Въ луцкомъ судебномъ актѣ 1578 г.: «пана Ярофѣя Гостскаго» (изд. въ Несторовыхъ «Чтеніяхъ», кн. XIII=1899, стр. 7). Въ Луцкой книгѣ кiroдской 1579 г.: «пану Ярофѣю Чирскому» (=Архивъ Юго-Зап. Р., ч. 1, т. I, стр. 99); тамъ же подъ 1568 г.: «до мене, Яроша Палишевскаго» (=Антон. и Козлов. № 58, стр. 146), «Яну Яроимовичу Ходкевичу» (стр. 110) и т. п. и т. п. См. еще и

и встрѣчаются также въ церковныхъ помянникахъ. Такъ, волянянинъ „Ярмола з Острога“ внесенъ въ Киево-Михайловскій помяникъ подъ 1620 г. (л. 93). Ихъ правописание съ Я принято и въ нынѣшней литературной малорусской рѣчи, тогда какъ орфографія „Ярусалим“ избѣгается: въ литературѣ пишутъ „Єрусалим“.

Б. м., аналогичное вліяніе оказалъ корень *яв* („явиться“) и фонетически разившіяся имена и слова: „Яв[ь]-доха“, локальное „явреї“ и т. п.,—вліяніе на имя „Євтѹх“. Фонетически (передъ твердымъ слогомъ *тѹ*) мы ждали бы только „Йовтѹх“ (и эта форма—въ высшей степени обычна въ документахъ XV—XVI вѣка*), но, б. м., подъ вышеуказанными нефонетическ. вліяніями возникло и произношеніе „Явтѹх“, любимое особенно въ Полтавщинѣ**) и узаконенное въ литературной рѣчи,—наряду, конечно, съ параллельнымъ „Йовтѹх“ (которое мы находимъ, напримѣръ въ „Полтавѣ“ Гребенки: „Чого він жеде, старий Йовтѹх“).—Естественнѣе однако—не это, а иное объясненіе. Греч. имя „Евтухий“ заимствовано было предками малоруссовъ (съ принятіемъ христіанства) въ двухъ формахъ: „Євтих[ий]“—и „Євтух[ий]“. Вполнѣ фонетически, первая форма дала къ себѣ параллель „Явтих[ий]“, вторая же фонетически обратилась въ „Йовтѹх[ий]“; потомъ, съ теченіемъ времени, обѣ формы взаимно смѣшались, и оттого говорится не только польскія люстраціи мр. земель 1565 г., гдѣ имя „Jarmola“ пестрѣетъ всюду (напр., въ „Арх. Юго-Зап. Р.“ ч. 7, т. II, стр. 47, 68, 184, 240, 283 и пр.).

*) Старѣйшій мнѣ извѣстный примѣръ—въ галицкой т. н. грамотѣ кн. Льва 1302 г., подаѣланной не позже 1-й половины XV вѣка: „отъ Бичиша до Юльтоховы Росохи, а отъ Юльтоховы до Высокои горы“ (=Хрест. Головацкаго, стр. 317). Но рельефнѣе—документы, писанные буквами польскими, потому-что въ нихъ звукъ *ю* такъ и пишется *ю*. См. напр. люстрацію Барскаго староства 1565 г., изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 2 (стр. 216, 217), или люстрацію Ратненскую того же года (=„Архивъ“, стр. 273 и 283), или одновременную люстрацію староства Хмельницкаго („Архивъ“, стр. 136): вездѣ въ нихъ это мр. имя записано „Joituch“.—О зап.-мр. и сѣв.-мр. смѣшеніи *я* съ *є* см. стр. 89 и, отчасти, стр. 96.

**) Киевщина предпочитаетъ „Євтух“, причеиъ неударное *є*

„Йовтух“, но и „Явтух“.—Объ одинаково приняты въ литературной рѣчи*).

Приблизительно такова же звуковая судьба, у малоруссовъ, греческаго имени „Евѣимий“, тоже начинающагося на Ев. Сверхъ священнокалендарной формы „Евѣимий“ (съ первоначально мягкимъ слогомъ „ѣи“**), изстари существовала другая, болѣе удобопроизносимая форма: „Евхимъ“ (съ твердымъ слогомъ хѣ). Изъ нихъ первая форма, какъ и слѣдовало ожидать, дала къ себѣ фонетическую параллель „Я[в]фим[ий]“; а съ обычною замѣною звука *ѣ* звуками *хѣ* или звукомъ *х* (см. стр. 114 116) отсюда получилось имя „Яхвимъ“ и „Явхимъ“***), которое впрочемъ въ литературной рѣчи не употребительно, потому-что извѣстно лишь въ небольшомъ количествѣ мр. говоровъ. Нефонетическаго вліянія со стороны корня „явиться“ предполагать, значить, и здѣсь не къ чему.—Форма же „Евхимъ“ фонетически обратилась въ донинѣ обычнѣйшую общемр. „Йо[в]химъ“ (діалектич. даже „Йолхимъ“****), или, какъ чаще всего мы слышимъ—„Юхимъ“ (неударное *йо=ю*)⁵). Взаи-

произносится обыкновенно за *йи*, и мы слышимъ „Івтух“. Многіе такъ и пишутъ, причемъ надъ *І* ставятся двѣ точки.

*) А кто хочетъ, тотъ пишетъ себя по церковному: „Свтихий“.

**) или—по зап. мр. произношенію—„Ефтимий“.

***) См. напр. въ дневникѣ Евлашевскаго подъ 1587 годомъ (=«Кіевск. Старица» 1886, янв. стр. 149).

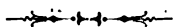
****) Такъ, въ польской люстраціи Любомльскаго староства 1564 г. (изд. въ «Архивѣ Юго-Зап. Россіи», ч. 7, т. II) имя, воспроизведенное лат. буквами «Jolchim», см. на стр. 326, 336, 337, 339, 344. Тамъ же—«Jochimiecz» (327, чит. «Йохимецъ»).—Или въ Барской люстраціи 1565 г. (изд. тамъ же): «Jolchim Buben» (233).

⁵) Кстати сказать: хотя произношеніе неударнаго *йо* за *ю* вообще не узаконивается литературной орфографіей, но для имени «Юхимъ» многіе дѣлаютъ исключеніе, и очень часто пишутъ въ на-

модѣйствіе между двумя фонетическими формами „Ях-вимъ“ и „Йохымъ“ привело къ созданію нефонетической посредствующей формы: „Йохвимъ“*); она рѣдка и нелитературна.

При случаѣ замѣтимъ, что съ именемъ „Йохимъ“ или „Явхимъ“ (=Евоимий) не слѣдуетъ путать подобозвучное зап.-мр. имя „Яхимъ“, которое равносильно общемалорусскому имени „Якимъ“, но происходитъ не изъ православной формы „Іоакимъ“, а изъ католической „Joachim“**).

д) Можно бы привести еще кое-какіе другіе нефонетическіе примѣры такого же рода, свидѣтельствующіе о силѣ аналогіи. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни было сильно и старое и новое вліяніе нефонетической аналогіи, оно не успѣло затушевать тотъ ясно-опредѣленный звуковой законъ, который нами разсмотрѣнъ въ этой главѣ, а именно: звукъ *e* послѣ мягкихъ согласныхъ склоненъ обращаться у малоруссовъ передъ твердыми слогами—въ [y]o; а передъ мягкими слогами и въ изглашеніи онъ—или сохраняется въ видѣ *e*, или расширяется въ *я*.

Приложеніе къ §§ 52—53.

Для лучшей иллюстраціи появленія у малоруссовъ звука *я* изъ *e* (какъ фонетическаго, такъ и по аналогіи) соберемъ здѣсь нѣкоторое количество выписокъ изъ памятниковъ XI—XV вв. Кое-что поначалъ *Ю*, а не *Йо*. Впрочемъ, кто считаетъ начертаніе «Юхи'мъ» за непріятный вульгаризмъ, тотъ пишетъ «Йохи'мъ» или—ближе къ календарю—«Євхи'мъ», даже «Ївхи'мъ» (съ двумя точками надъ начальнымъ *ї*.)

*) См. напр. въ польской люстраціи Кременца 1563 г.: „Jochwim przyszożu“ (=„Архивъ Юго-Зап. Р.“, ч. 7, т. II, стр. 82).

**) Въ волинскомъ луцкомъ завѣщаніи 1576 г. кн. Богуща Корецкаго (изд. въ „Архивъ Юго-Зап. Р.“, ч. 1, т. I, стр. 95—116) имя княжескаго сына пишется то „Якимъ“, то „Яхимъ“.

луй, мы ужъ попутно успѣли указать въ §§ 52—53*).

Въ Кіевскомъ Изборникѣ кн. Святослава 1073 г.: „Филипъ, иже ка ж а н и к а (вм. „каженика“) крѣсти“ (л. 262, в; каженикъ=евнухъ)**); „Правдѣнный по я м л ю т ь с я, а неправдѣнный—оставляються. Како же по я м л ю т ь с я правдѣнный?“ (л. 212, в);—„ея ж я“ (л. 219;=ея же);—„о землямъри“ (л. 203 об., а; =землемъри);—„Елисавятъ“ (л. 254 об.). Поддавалось бы сопоставленію съ соврем.-малорусскимъ „каляндар“ слово „каланьды“ (=календы; см. напр., на л. 247), но звукъ *а* въ этомъ „каляндъ“ есть, очевидно буквальное заимствованіе изъ греческаго слова (hai kalandai***).—Б. м., „подобимънія“ (л. 238; ед. ч.)

Въ Кіевской Начальной лѣтописи XI—XII в., вѣроятно, было слово „чалядь“ (=соврем.-мр. челядь, чѣлядь); см. подъ 6453—945 годомъ по Лаврентьевскому списку XIV в.: „Игорь, одаривъ [греческихъ пословъ] чалядью и воскомъ, и отпусти я“; (л. 28); такъ же „чалядинъ“ (л. 24, и тутъ же „челядинъ“, л. 24). По разнымъ спискамъ встрѣчается въ Начальной лѣтописи слово „чяхъ“, (=чехи), именно въ выраженіи: „межи Чяхы и Ляхы“; но оно, въ положеніи слога „че“ передъ твердымъ слогомъ, могло образоваться лишь нефонетически—пу-

*) Дальнѣйшее надо было бы напечатать петитомъ, но въ типографіи, гдѣ печатается этотъ листъ, недостаетъ петита.

**) Срв. также: „С[вя]тааго Епифанія о 12 камыку, иже бѣаху на логи святителейъ насаждани“. Мы ждали бы (какъ замѣтилъ еще Буслаевъ въ „Истор. Хрест.“ 1861, стр. 277), что встрѣтимъ здѣсь „насаждені“. Въ совр.-мр. языкѣ, конечно, здѣсь мы не рѣже услышали бы „насажані“, чѣмъ „насажені“.

**) Греческаго шрифта въ типографіи нѣтъ, и оттого мы заимъемъ его латинскимъ.—Въ Несторовомъ „Житіи Бориса и Глѣба“ по Успенскому списку XII в. тоже есть: „преже каланьдъ“ (л. 12 в).

темъ риемы¹⁾. Нефонетическое я мы видимъ и въ имени „Ерусалимъ“ (срв. по Лаврентьевскому списку стр. 112, 113), которое объяснено нами выше (стр. 396). Вѣроятно же всего, что не иначе какъ изъ старокіевскаго оригинала попали въ Лавр. списокъ закономѣрныя фонемы съ я, встрѣчающіяся лишь въ его первой (т. е. Начально-Кіевской) части: „знамяня“ (л. 33, л. 35), „пламянь“ (л. 20), „имяни“ (л. 65), „имянемъ“ (л. 4, л. 5, л. 34, л. 38, л. 65, л. 74, л. 75), „племянемъ“ (л. 3), „временныхъ“, „по времянѣхъ“ (л. 4) и—возникшая по аналогіи съ нимп (а также по аналогіи съ им. ед. „время“) форма им. мн.: „времяна“ (л. 8, л. 61), „имяна“ (л. 23, л. 26, л. 57, л. 60) и „сѣмяна“ (л. 56). По крайней мѣрѣ, мы эти же фонемы будемъ еще встрѣчать въ памятникахъ, писанныхъ въ Кіевѣ, въ Галичинѣ и другихъ старомалорусскихъ мѣстностяхъ²⁾.—Въ Словѣ о Полку Игоревѣ (XII в., дошло въ списокъ ок. XV в.) есть аналогичная форма: „о, руская земле! уже за шеломянемъ еси!“ „уже не шеломянемъ еси!“ Быть можетъ, это я попало изъ черниговскаго (или кіевскаго) подлинника.

Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (т. е. въ майской минеѣ, съ произведеніями Іакова³⁾) и Нестора

1) По Лаврентьевскому списку это пишется: „Чахи“; по Ипатскому—„Чяхы“ (л. 106—печатн. изд. стр. 102): „И пробѣже [Святополкъ Окаянный] пустыню межи Чяхы и Ляхы, и ту испроверже живогъ свой злѣ“.—Въ Троицкой лѣт. XV в.: «Чакове» (216).

2) Въ настоящую пору малоруссы потеряли нарощеніе *ен* въ косвенныхъ падежахъ и вмѣсто „времени“, они говорятъ род. пад. „врем'я“ т. е. сходно съ имен. падежемъ. Но если имъ случается произнести церк.-славянскую или русскую форму „времени“, то они охотно обращаютъ ее въ „ремяни“. См., напр., у Кропивницкаго въ одной его комедіи (напечат. въ „Ріднім Краю“, 1906, № 29, стр. 10): „нема врем'яни“.

3) Его Житіе Бориса и Глѣба на пред. страницъ (ссылка 3-я) по недосмотру названо Несторовымъ.

Кіевопечерскаго): „[*Θεодосій въ пещерѣ*] николи же на ребрѣхъ своихъ ляжашеть, нѣ, аще коли хотящю ему опочинути, то съдѣ на столѣ“ (л. 38, а). Окончаніе существительныхъ сред. рода *иє* (=ед. ч.) довольно часто обращается въ *и я*,—напр., на первомъ же листѣ, въ апокрифѣ про Іеремію, мы находимъ: „да видить ищезновение града и запустѣнія его“ (л. 1 а,—срв. далѣе о томъ же: „видиши запустѣніе града сего“, л. 2, с). Или въ Мученіи Ирины: „на отмъстия себѣ“ (л. 79 с). Въ мученіи Христофора Песиголовца: „Вседѣржителю! Прощенія, его же прошю у тебе, подажь ми! помози крѣс[ти]яномъ!“ (л. 101, с). Или въ Видѣніи Исаи, л. 90 в: „Д[у]хъ С[вя]тѣи наиде на нь,—и вѣси видѣша, слышаху же вѣщанія Святаго Д[у]ха; и егда услышаша глас[ъ] С[вя]т. Д[у]ха, прѣклониша колѣна¹⁾ и пр.²⁾“ Такъ какъ именит. падежъ такихъ существительныхъ, естественно, совпадалъ въ живой рѣчи писца съ падежемъ родительнымъ (срв. и у современныхъ малоруссовъ: „хрещення“=имен. и род. пад.), то писецъ, старавшійся быть грамматичнымъ, иногда способенъ бывалъ перемудрить и употреблялъ окончаніе *иє* въ падежѣ родительномъ. Напримѣръ, въ Мученіи Ирины: „Авва-о[т]че! не разори моего основаніе!“ (л. 73 с); „Вѣтвь маслинна-обновление крѣщеніе“ (л. 69 а.; въ другихъ спискахъ этого Житія мы здѣсь видимъ, естественно, окончаніе *я*). Или въ Житіи Θεодосія: [Князья чтили св. Θεодосія] „не имѣнія ради мѣногаго, нѣ чистаго его ради житія и поученіе“ (л. 62а;=поучения); на л. 50 d писавшій написалъ было „от[ъ] имѣніе“, но спохватился и исправилъ букву *иє* на *я*; въ Житіи Бориса и Глѣба: „Оканьныи С[вя]т[о]пѣлкѣ, желаніе с[ъ] рд[ъ] цє сво-

¹⁾ Въ другомъ извѣстномъ спискѣ „Видѣнія Исаи“ мы видимъ здѣсь *є*. См. „Описаніе рукописей Хлудова“, № 195, стр. 414

²⁾ Напр., въ странствованіи св. Агапія (л. 287 об. и слѣд.): «Слава же ихъ и пѣнія на н[е]б[е]са вѣсылається».

его уже улучивъ.....“ (л. 12d;—сърдыця).—Гробы свв. мучениковъ,—говорить авторъ,—Владиміръ Мономахъ „такъ украси добръ, яко не могу съказати оного ухыщрения по достоянню довълнѣ“ (л. 24 с—d; —по достобенію); здѣсь мы, конечно, имѣемъ не слово „достояние“ (которое означаетъ имущество), но слово „достоєніе“, въ смыслѣ: „достоинство, значеніе“ съ первоначальнымъ звукомъ *с*¹⁾. Въ Мученіи Христофора: „подвижаниими ихъ [=мистическихъ животныхъ] красуюся“ (л. 96, в). Въ Мученіи Ирины мы наряду съ обычнымъ „кръщениемъ“ находимъ и „кръщаніе“ (л. 69, а);²⁾ срв. въ томъ же Мученіи Ирины: „коньчано дѣло“ (л. 75, с), „коньчану“ (л. 68, а), гдѣ звукъ *а*—д. б., по аналогіи. И вообще въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. есть немало начертаній, подобныхъ тому полутора десятку, который мы здѣсь привели.—Однако къ нимъ едва ли можно относить начертаніе буквы *а* въ глаголѣ „ищзати“ (напр., на л. 38 в: „ищзааше“), чередующемся съ „ищзати“, какъ и теперь у малоруссовъ³⁾; звукъ *а* въ этомъ глаголѣ повидимому восходитъ къ *ѣ*, а не къ *е*, все равно, какъ въ церк.-слав. „мъножайший“ вм. „мъножѣйший“⁴⁾.

Очевидно, тоже къ *ѣ*, а не къ *е*, восходитъ *а* и въ существительномъ „ищзѣ“ (= исчезновеніе, эк-

1) Удареніе, вѣроятно, падало и тогда на слогъ „-сто-“.

2) Объ этомъ окончаніи «аніе» см. замѣтку ниже, на стр. 405 при выпискахъ изъ Румянцевской Лѣтвицы.

3) „Щезати“—это обычная форма всѣхъ мр. говоровъ; „щазати“—діалектическая. Изрѣдка слышится *а*, притомъ ударное, и въ однократномъ глагольномъ видѣ: „щазнути“; но обыкновенно лишь „щезнути“.

4) Есть еще въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. единичное начертаніе „жана“: „Лукаво погубленіе ц[ъ]саремъ—жана си“ (л. 81 с,—въ „Мученіи св. Ирины“), и есть единичное *ча* вм. *чь* въ словѣ „мъчтаніе“: „[Когда Феодосій сидѣлъ въ пещерѣ,] многу скръбъ и

стазъ) въ Синайскомъ Патерикѣ XI в. (Синод. Библи. № 551), гдѣ есть и другая форма этого же существительнаго: „ищезъ“¹⁾. Яснѣе указывается въ Синайскомъ Патерикѣ XI в. смѣшеніе *ε* и *я* передъ мягкими слогами возможностью обращать „страны Африкыйскыя“ въ „Ефрикыйскыя“,—при помощи, конечно, начальнаго призвука *й*. Такъ, мы видимъ въ Патерикѣ въ Словѣ 24-омъ: „брань имѣхомъ въ странахъ Ефрикинскихъ“ (чит., разумѣется, „jāfrīkū-iskachъ“). Кстати сказать, въ этомъ-же 24-мъ Словѣ Синайскаго Патерика начертаніе „иарии“ навѣрное означало собою въ пониманіи переписчика ничто иное, какъ „иерѣи“ („Нѣкто-о[тъ]ць повѣда намъ, яко и а р и и-нѣкто повѣда ми . . “²⁾).

Черниговская Румянцовская Лѣствица XII в. № 198 въ высшей степени обильна примѣрами на появленіе окончанія „-Яние“ въ отглагольныхъ существительныхъ средн. рода, параллельнаго (въ тѣхъ же существительныхъ) съ окончаніемъ „-еніе“, а также на превращеніе глагольно-причастнаго страдат. суффикса *өн* въ *ян* (т. е. типа „кажаникъ“=„каженикъ“, „насаж[д]ані“, = „насаж[д]ені“, извѣстнаго намъ уже изъ Изборника Святослава 1073 г.). Напримѣръ,

мъчтаніе зѣли души творяхуть ему въ пещерѣ тои“ (л. 37 д; срв. нѣсколькими строками далѣе—„мъчты творящемъ“, л. 38 а). Это—или описки (т. н. „предвосхищеніе“, т. е. написаніе въ предыдущемъ слогѣ той гласной буквы, которая должна быть въ слѣдующемъ слогѣ: жена, мъчтаніе), или это—локальное сѣверно-мр. уподобленіе неударнаго звука *о* сосѣднему ударному звуку *а* („Жона“ въ сѣверныхъ говорахъ иногда можетъ обращаться въ „жанá“). Но вѣрнѣе, что описки. (О чемъ-нибудь вродѣ вліянія бѣлорускаго *аканья*—въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. и думать нельзя: *аканье* возникло только въ XIV вѣкѣ).

1) См. рядомъ: „въ мнозѣ ищезъ“ (л. 277;=по греч. „en ekstasei“) —и тутъ же: „чюжахуся винѣ ищазу ихъ“ (л. 277;=по греч. „tēs ekstaseōs aitian“, т. е. причинѣ ихъ экстаза).

2) На самомъ же дѣлѣ, какъ видно изъ греческаго текста, въ

наряду съ „плѣнѣніе“ есть и „плѣняніе“ (л. 86 об., л. 183, л. 191); наряду съ „разслабѣніе“ есть и „разслабляніе“ (л. 179); есть „съкуплѣніе“—и есть „съкупляніе“ (л. 105 об., а,=совокупленіе); „помышлѣніе“, „умышлѣніе“—и „помышляніе“, „умышляніе“ (л. 64 об., л. 66 об. в, л. 95 об. а, л. 99; см. еще съ другими префиксами: л.л. 88, 106, 132 и др.); „порученіе—и „поручаніе“ (л. 209); „обученіе“ и „поученіе—и „обучаніе, „поучаніе“ (л. 29 об., л. 51; л. 36 об., л. 64, л. 67 об.); „прѣсыщѣніе“—и „прѣсыщаніе“ (л. 191); „расужѣніе“, „осужѣніе“—и „расужаніе“, „осужаніе“ (л. 162 об.; л. 68, л. 85); „сѣгрѣшѣніе“—и „сѣгрѣшаніе“ (л. 24 об., л. 39, л. 52 об., л. 53, л. 124 об., л. 209 об.), и много т. п. Въ области страдательнаго причастія фонетически оказывается *я* вм. *с* въ „укаляни бо суще“ (л. 145 об. в,—т. е. испачканы), а по аналогіи—перенесено *я* и въ позицію передъ твердымъ слогомъ: „от[ъ] протѣжанья альчбы“ (л. 114 об., в.; т. е. отъ протяженнаго голоданія); теперь въ мр. языкѣ окончаніе страд. причастій *яни* и *и*, *ани* и *и* всюду преобладаетъ надъ параллельнымъ, все еще не исчезнувшимъ окончаніемъ *с* и *и*¹). Звукъ *а* въ начертаніи Лѣтвицы XII в.: „исчазаетъ“ (л. 198 об.) происходитъ, какъ мы выше говорили, очевидно изъ *ѣ*. Замѣчается у писца Лѣтвицы столь любимое малоруссами обращеніе окончанія *іе* въ *я* у существительныхъ средняго рода; напр. отъ глагола

томъ подлинникѣ, съ котораго списывалъ переписчикъ XI в., стояло „драконарии“.

¹) Нѣкоторыя изъ такихъ начертаній (т. е. съ окончаніемъ *я* и *с*) извѣстны и чистому церк.-сл. языку. Едва ли надо сомнѣваться, что сверхъ фонетическаго закона о расширеніи *с* въ *я* немалую тутъ роль сыграло взаимодѣйствіе неопред. и-нія съ окончаніемъ *ятн*, *ати* (т. е. протягати, сѣгрѣшати, обучати и т. п.). Это взаимодѣйствіе особенно легко выясняется изъ сопоставленія такихъ одновременныхъ формъ, какъ „поклоненіе“ (отъ „поклонитися“) и „покланіе“ (отъ многократнаго вида „покланитися“); и

„полѣти“ (=горѣть)¹⁾ образуется отглагольное сущ-ое „полѣннѣя“ (л. 198 об. а: „Полѣннѣя“— всѣмъ знамен'но“, т. е. жажда для всѣхъ удобопонятна); есть и другія такія начертанія ср. р. на я²⁾.

То же окончаніе ср. рода я вм. е мы видимъ и въ одновременныхъ памятникахъ западно-малорусскихъ. Такъ, въ Вѣнскомъ Октоихѣ XII—XIII в. (иначе—Codex Hankensteinianus изъ Галичины): „д[у]ховное с[в]ященіе я“ (л. 52 об.).

въ Румянцовской Лѣствицѣ XII в. (напр. л. 30 об. а, л. 108), и во всѣхъ прочихъ старѣйшихъ памятникахъ, при употребленіи окончанія я н и е этотъ корень имѣетъ видъ „клан“, а еще не „клон“,— въ противность болѣе позднимъ памятникамъ—напримѣръ буковинской запискѣ 1386 г. отъ воеводы Петра къ королю Ягайлу (=Улян. № 3, стр. 3): „Владиславу кролю усесердечне поклоняни е отъ Петра, воеводы Молдавского“, гдѣ и удареніе, на буковинскій ладъ, оказывалось вѣроятно на слогѣ кло (=поклонѣнье). То, что мы видимъ въ буковинской запискѣ, мы видимъ теперь вообще въ малор. языкѣ. Вообще теперь не требуется для появленія окончаній янне и яний, чтобы имѣлось въ языкѣ какое нибудь подходящее неопр. н-нѣ съ окончаніемъ „яти“. Напримѣръ, мы теперь говоримъ, не только „зрѣбляний“, (къ чему можно подыскать подходящее неопр. н-нѣ другого глагола: „заробляти“), но „плѣтяний“, „спѣчаний“, „зйидяний“ и т. п. (къ чему нельзя подыскать вполне близкихъ неопред. н-ній на «яти» и «чати»). Вѣроятно, сыграла свою роль и аналогія относительныхъ прилагательныхъ на я н ы й: „камяный“, „мѣдяный“ и т. п., въ которыхъ звукъ я соответствуетъ носовому малому юсу.

1) Со звукомъ о этотъ глаголь употреблялся въ старинныхъ памятникахъ обычно,—напр. въ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г., въ Синайскомъ Патерикѣ XI в., въ Успенскомъ Сборникѣ XII в., и въ болѣе позднихъ—напр. въ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20: „огнеиъ горящю и не ополѣвшю“ (л. 45 а).

2) Но среди нихъ не надо принимать за имен. ед. букву я на л. 163 об. а: „Бечъ стия нѣколи нѣкто прия от[ъ] братия, . . . тако жалити о бечѣ стии нача“, потому что это родит. раздѣлительный. Также на л. 95 об. а: „юже приемлетъ мол[и]тва сквърньна и паренія помысломъ“, гдѣ „паренія“ есть имен. множ. (Означаетъ эта фраза: „ . . . за которой слѣдуетъ грязная молитва и,— какъ переводится въ новыхъ русскихъ изданіяхъ Лѣствицы,— в о з м у щ е н і е я м ы с л е й “).

Въ болѣе сѣверномъ Галицкомъ Евангелии 1266—1301 г.: „Узърѣвъ же [бѣсноватый Иисуса] изъ далѣча тече и поклонися ему“ (л. 59, гдѣ слогъ ча чит. чл, т. е. мягко)¹⁾; „Гл[агол]а ему уноша: Вся си съхранихъ от[ъ] уности моя. Чѣто есмь и еща не докончалъ?“ (л. 55 об.)²⁾. Окончаніе средн. рода въ словѣ „куроглашенье“ замѣняется черезъ я: „Не вѣсте, когда Г[оспо]дъ дому придетъ: вечеръ ли, или полунощи, или въ куроглашенья, или заутра“ (л. 154).

Въ южно-галицкомъ Евѣи 1283 г. поповича Евсевія: „и за умножѣнья безаконии исякнетъ любы многихъ“ (л. 71 об. а, за умноженье); и наоборотъ во множ. числѣ, въ силу грамотейской борьбы писца со своимъ роднымъ выговоромъ, оказывается написано: „сердце ваша“ (л. 57 об.—сердца, множ. ч.). Кромѣ того мы видимъ у поповича Евсевія „камянь“ (л. 71) и начертанія „небряжеши“ (л. 42), „на жрябяти“ (л. 69 об.), „брямя“ (л. 119), которыя

¹⁾ Удареніе, вѣроятно, на первомъ слогѣ: „изъ далѣча“. Срв. соврем.: „з такой далѣчи“=изъ такой дали.

²⁾ Съ этимъ галицкимъ „еща“ можно сопоставить начертаніе „ея жл“ въ кievскомъ Изборникѣ 1073 г. и нынѣшнее локальное волынское произношеніе „аджа“ вмѣсто „адже“ (=вѣдъ). Въ говорахъ Угорской Руси и сосѣдней съ нею горной Галичины, при ихъ чрезвычайной склонности произносить *e* очень широко, несомнѣнно найдется и фонема, близкая къ «еща». Такимъ образомъ малорусскость начертанія „еща“ въ Галицкомъ Евангелии 1266—1301 г. сама по себѣ не возбуждаетъ большихъ подозрѣній. Тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ замѣтить, что и въ старыхъ церковно-слав. памятникахъ попадаетъ близкое слово «еша». Означаетъ оно обыкновенно: „о, если бы!“, но иногда означаетъ и «еще». По крайней мѣрѣ, въ Супрасльской рукописи во фразѣ: «Чѣто сътворимъ? еша и не събрали събора, еша и сице не бесѣдовали» (286)—слово «еша» должно означать «еще» (хотя въ той же Супрасльской рукописи во фразѣ «еша моглъ быхъ азъ васъ увѣштати!», 99,—слово «еша» имѣетъ смыслъ: «о если бы!»).—Супр. рук. 286=Успен. Сб. XII в., 188; въ обонихъ рукописяхъ это мѣсто (=въ Словѣ Иоанна Златоуста на страстной вторникъ) читается съ «еща».

впрочемъ могли возникнуть и не на малорусской почвѣ¹⁾. Есть у поповича Евсевія звукъ Я и въ имени „Ярусалимъ“ (напр., л. 11 а), возникшій нефонетически, какъ мы ужъ объясняли выше (стр. 396).

Въ волинской лѣтописи XIII в., дошедшей до насъ въ Ипатскомъ спискѣ начала XV в., мы имѣемъ несомнѣнное западно-малорусское имя „Чарнятинци“ подъ 1257 г.: „и по немъ [т. е. по Шварнѣ] придоша Бѣлобережцѣ и Чарнятинци и вси Болоховци к Данилу“ (стр. 555). А кромѣ того есть въ Ипатскомъ спискѣ много другихъ начертаній съ я вмѣсто е, относительно которыхъ нельзя рѣшить, были ли они въ волинскомъ оригиналѣ.

Въ Холмскомъ Евангеліи XIII—XIV в.: „вѣрмяна“ (л. 77 об.);—нефонетично.

Въ Кіево-Печерскомъ Евангеліи 1370 г. есть фонетическое: „знамяние“ съ его косвенными падежами (л. 8, л. 8 об., л. 9, л. 9 об., л. 19 об., л. 38, л. 44 об.), и рядомъ—аналогичныя нефонетическія: „знамяна“ (л. 9 об.), „во времяна“ (л. 27 об.) „времянъ“ (л. 44 об.), „бремяна“ (л. 62). Кромѣ того—окончаніе *ия* вм. *ие*,—напр. „посла мя проповѣдати плѣвникомъ отпущения и слѣпымъ прозрѣн^ія, проповѣдати лѣто Г[оспо]дне приятно“ (л. 73).

Въ волинскомъ Пятикнижіи Моисеевомъ XIV в. (хран. въ Троицко-Серг. Лаврѣ, № 1) переходъ *е* въ *я* часть. Напр., мы видимъ въ одной только I главѣ Бытія²⁾: „И р[еч]е Б[ог]ъ: Да прозябнетъ

¹⁾ а на волошко-балканской, въ силу смѣшенія буквъ ѣ и я въ церк.-слав. ятевыхъ формахъ «небрѣжешѣ», «на жрѣбятѣ» «брѣмя» (да, вѣроятно, и въ «камльнѣ»).—Однако ниже мы увидимъ «врѣмя» въ кievскомъ спискѣ съ т. н. Псалтыри Феодора Еврея XV в., гдѣ балканизмовъ подозрѣвать нельзя.

²⁾ Глава эта издана Срезневскимъ (въ XXII томѣ Собр. Акад. Н. 1881) и архим. Леонидомъ (въ московскихъ «Чтеніяхъ» 1890, кн. III).

земля траву сѣмянную» (л. 1, стихъ 11); «Да будутъ свѣтила на тверди неб[е]снѣи . . . въ знамяня и во времена (л. об., ст. 14); «Се дахъ вамъ всяку траву семяниту, . . . древо, еже имать въ себѣ плодъ семене семянита» (л. 2, ст. 29).

Въ сѣверно-кѣевскомъ монастырскомъ (должно быть, тоже кѣиво-Печерскомъ) Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20 ¹⁾: «за дерзповенья» (л. 37 b), «пищу и одѣнья» (л. 288 a) ²⁾; — «Се — надѣмени[a] Адамова высокомысля» (л. 290 b, = высокомысле Адамовой надменности); «Сѣдай на тряпязѣ молися» (л. 352 c); — «Они же — суща и в Самарии» (л. 203 c; = сущен); то же — и въ нечленной формѣ причастія мн. ч.: «Блазняются етери, слышаща Моисия» (л. 288 d = слышаще); «На предреч[е]ная възвратимся, разрѣшающа (= разрѣшающе) притча соузъ» (л. 290 b; = разрѣшая общій смыслъ притчи) ³⁾. Нефонетически внесено я въ глаголь «знаменати» («знамянай ми ю», л. 94 d). Упомянемъ еще на л. 287 a: «неизреченьныхъ бл[а]гъ жалаиє (= желаніе) стяжите», гдѣ однако звукъ а, если происходитъ изъ є, то едва ли путемъ расширенія є въ я ⁴⁾.

Въ вислицкой присягѣ 1393 г. (см. стр. 506): «ни однимъ временемъ».

¹⁾ Онъ описанъ и отчасти изданъ въ посмертныхъ „Библиографическихъ Матеріалахъ“ А. Попова—москов. „Чтенія“ 1889, кн. III.

²⁾ Сомнительно, чтобы это было множ. ч.

³⁾ По всему вѣроятію, въ начертаніяхъ „слышаща“ и „разрѣшающа“ надо видѣть не просто фонетическій переходъ звука є въ звукъ я, но и явленіе морфологическое: смѣшеніе падежей нечленного причастія и превращеніе его понемногу въ форму несклоняемую, или въ т. н. „дѣе причастіе“.

⁴⁾ По мнѣнію Миклошича (въ церк.-слав. словарѣ) глаголь „жалати“,—извѣстный Миклошичу, кстати сказать, только изъ малорусскаго словаря Памвы Беринды 1627 г., потому что въ церк.-слав. языкѣ этого глагола нѣтъ со звукомъ а, — долженъ восходить къ „жѣлати“; иначе сказать — „жалати“ такъ происходитъ изъ предполагаемаго „жѣлати“, какъ „множайший“ изъ „множайший“. Быть можетъ, это и такъ, а быть можетъ „жалати“ возникло изъ „желати“ черезъ промежуточную стадію „жолати“.

Въ буковинско-волошскомъ Евангеліи Верковича XIV в., сверхъ отмѣченнаго въ предыдущемъ памятникѣ все того же глагола «жалати» (л. 55), имѣется обычное ир. превращеніе окончанія средняго рода е въ я: «за умъножѣнїя» (л. 48; виш. ед.). За то во множ. ч. писецъ псевдограмматически написалъ окончаніе ие: «помышлѣнїе» (л. 23 об.: им. мн.). — Это же явленіе наблюдается и въ буковинскихъ грамотахъ XIV — XV вв., при чемъ иногда вмѣсто буквы я пишется буква ѣ, читавшаяся въ Буковинѣ за я, а иногда пишется и буква а (чит. «ѣа»). Срв. въ вассальной присягѣ 1462 г. воеводы Стефана королю Казимиру (= Улян. № 91, стр. 99 — 100): «усе доброе панованя», «своего передку набыванна наслядовати» (т.-е. подражать добытому опыту своихъ предковъ, подражать ихъ «набыванью»; глаголь «наслідувати» требуетъ падежа винит.) ¹⁾; «празъ обвезаннѣ присягы нашом из дотъкненемъ с[вя]того хрста и празъ его цѣловане»; «вызнавамы тымъ-то листомъ... а то, подѣ обычаемъ, тижъ вым овеннѣмъ, на долѣ писаннымъ» (т.-е. признаемъ эту грамотою, а именно обычнымъ заявленіемъ, наглядно написаннымъ) ²⁾. И др.

ти" путемъ ассимиляціи неударнаго слога жо ударному слогу ла (см. у насъ выше стр. 241 и слѣд.). Если не ошибаюсь, фонема „жолати“ кое-гдѣ у малоруссовъ и слышится въ Слобожанщинѣ и Черниговщинѣ, хотя обычная тамъ фонема — конечно, „жалати“ (см. напр. „жалати“ въ письмѣ изъ Харьковщины — въ журналь „Нова Громада“ 1906, VII, 58; часть этотъ глаголь въ слободскомъ нарѣчїи Квитки-Основьяненка). Въ центрально-украинскихъ говорахъ и въ литературной рѣчи этого глагола вовсе нѣтъ: его забыли, и вм. него употребляется „базати“. Въ Галичинѣ, по-видимому, чаще слышится „жалати“, чѣмъ „жалати“; отглагольное существительное произносится „желане“, съ ударнымъ же.

¹⁾ Употребленіе нейотованныхъ буквъ въ смыслѣ йотованныхъ — это нѣ буковинскихъ грамотахъ обычное дѣло. Въ этой же самой присягѣ 1462 года мы, нѣсколько ниже, находимъ: „без порушеня нѣшного листу“ (стр. 101) вм. „без порушеня“.

²⁾ Запятая я ставлю иначе, чѣмъ разставилъ издатель, который, кстати сказать, вообще не понялъ выпрєнне-запутаннаго, вїзїеватаго стїля этой „рамоты и потому не только фразы, но и от-

Въ кирилло-бѣлозерскомъ спискѣ съ Псалтыри Феодора Жядовина, сдѣланномъ ок. 1471 — 1490 г. жидовствующими кievскими спутниками кievскаго князя Михайла Олельковича: «помышлянемъ» (псал. 30-ый); «нѣсть конца лѣтомъ твоимъ, ни примѣнна ц[а]рству твоему» (псал. 44; нна = нне?); «защитить [во] всяко время тяжко и нужно» (псал. 51). Последнее произношеніе донинѣ можно слышать въ тѣхъ изъ сѣверно-кievскихъ и сосѣднихъ волынскихъ или черниговскихъ говоровъ, гдѣ есть мягкое р. — Въ жидовствующемъ (кievскомъ) переводѣ «Книги Даниїла» — конца XV в. ¹⁾: «И подавал им боярин имяна» (гл. I, 7); «глаголаше халдѣяне: Царю! ты скажи сонъ, — и сказаніе его (= истолкованіе) повѣмы ти. Даниїль рече: Се есть сонъ, а сказанія его речемъ» (гл. II, 4, 36).

XVI и XVII вв.

То же повторяется, и притомъ въ большемъ количествѣ, въ многочисленныхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ XVI и XVII вв. Но мы отмѣтимъ въ нихъ только два явленія, которыя констатировались нами ужъ и во всѣхъ почти предыдущихъ памятникахъ и знакомство съ которыми практически важно въ области современнаго мр. литературнаго правописанія.

Мы имѣемъ въ виду форму страд. причастія на яный и средн. р. существительныхъ ед. ч. на я (нѣтъ ѣіе).

Сначала о причастіяхъ на яный.

Въ волынскомъ Пересопницкомъ Евангеліи 1561 г. мы находимъ употребленіе страдательнаго суффикса ян (см. ен, или наряду съ ен) вполнѣ фонетическое, т.-е. передъ флексією мягкой или бывшей мягкой. Напримѣръ:

дѣлныя дѣлыя слова раздѣлялъ невѣрно. У него, напримѣръ, «здано: „по стат“ (а надо „постат[ь]“); „на быванна“ (= „набыванна“); „мы (т.-е. люди) звѣря та розумомъ проходимо“ (= „звѣрята“); „наслѣдова я тижъ“ (= „наслѣдовати, тижъ“); „се бо“ (= „себе“); „чистова праву“ (= „чисто, а праву“).

1) По рукописи Виленской Публ. Библ. № 262. См. о ней выше, стр 392.

„Стережѣтся от учителей, которы ради — на трѣгу и оздоровляни бывати“ (стр. 17). Напротивъ, передъ-флексиами твердыи мы въ Пересопвицкомъ Евангеліи видимъ фонетическое о: „положонный“, „речонный“ и т. п.— Однако, если всмотрѣться въ общую массу всѣхъ памятниковъ XVI—XVII в., то видно, что фонетическія формы на [ь]оный все болѣе и болѣе тогда вытѣснялись нефонетическими (вѣдь слогъ *мы* твердъ) формами на яный, [ь]аный (или, конечно, также на еный), такъ-что напри-мѣръ въ западно-мр. Луцкой книгѣ кгородской 1596 г. мы наряду съ традиціоннымъ „зложонный“ находимъ: „што было зложане“¹⁾, т. е. сложенное²⁾; или въ восточно-мр. Черниговщинѣ, напр. въ протоколѣ магистрата Стародубскаго суда 1690 г., мы читаемъ: „обиъяный“³⁾. А заодно, какъ будто съ тѣмъ же суффиксомъ ен, мы видимъ по Стародубскому протоколу 1690 г. и греч. имя „Пимень“, превращенное въ „Пимънъ“⁴⁾.

Къ настоящему времени окончаніе страд. причастія [ь]оный (типа „зложонный“, „зрѣблонный“, „принѣсьонный“), которое приблизительно до XVI вѣка было повсемѣстнымъ малорусскимъ, сохранилось еще только въ сѣв.-мр. архаичныхъ говорахъ, а у всѣхъ прочихъ малорусовъ мы слышимъ или еный (напр. „зложевый“, „зрѣблевый“, „принѣ-

¹⁾ = „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, т. I, ч. 3 (Кіевъ 1863), стр. 92.

²⁾ Окончаніе *e* (чит. э) въ среднемъ родѣ прилагательныхъ ед. ч. возникло изъ болѣе стараго окончаніе *oe*, —вѣроятно, путемъ стяженія.

³⁾ „Кіев. Старина“ 1886, ноябрь, 568.

⁴⁾ Кромѣ греч. имени „Пимень“, очень часто обрабаемаго у малоруссовъ въ „Пимънъ“, у малоруссовъ имя „Семѣнъ“ тоже иногда превращается въ „Семъянъ“. Срв. галицкій примѣръ — въ журналѣ „Жите і Слово“, т. III (=1894), стр. 305 и 307. И въ Лѣвобережьи, въ Полтавскомъ уѣздѣ, есть село „Семъянівка“, упоминаемое напримѣръ въ полтавскомъ „Техническомъ словарѣ“ В. Василенка (стр. 53, —отт. изъ XIII т. харьковскаго ист.-фил. „Сборника“). Въ документахъ XVI в. имя „Семъянъ“ очень часто. Срв. напр. въ Описи Винницкаго замка 1552 г. (над. въ „Архивѣ Юго-Зап. Росс.“, ч. 7, т. I): мѣщанинъ „Ониско Семъяновичъ“ (стр. 604). „Павько Семъянецъ“ (605). Или въ польской люстраціи Барскаго староства 1565 г. (=Архивъ Юго-Зап. Р., ч. 7, т. II): надбужскій крестьянинъ „Semianъ“ (240), крестьянинъ села Деражни—„Semyanъ“ (214), владѣтель пущы надъ Острицею—„Semian Kunatowski“ (271).

сений“), или гораздо чаще—яниѣ, аниѣ (напр. „зрѣбляниѣ“, „злѣжаниѣ“, „привѣсениѣ“), или одновременно—чередование обоихъ окончаній („зрѣбляниѣ“—и „зрѣблениѣ“, „привѣсениѣ“—и „привѣсениѣ“, „злѣжаниѣ“—и „злѣжениѣ“ и т. д.). Началось же это, какъ мы видѣли, еще въ XII в.: вспомнимъ „от[ъ] протяжныя алчъбы“ въ черниговской Лѣтвицѣ XII в. (л. 114 об.), если не считать фонетически возникшаго „кажаниѣ“ и „насаж[д]аниѣ“ еще въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г. (л. 262 и 121).—Въ современной мр. литературной рѣчи галицкіе писатели, считаясь съ интересами т. н. рутенства, пытались было укрѣпить исключительно правописание съ ениѣ; но украинскіе малоруссы свободно пользуются какъ окончаніемъ ениѣ, такъ и окончаніемъ яниѣ, аниѣ, легко чередуя ихъ и не дѣлая между ними никакого различія ¹⁾.

Что касается,—въ памятникахъ XVI—XVII в.,—окончаній существительныхъ сред. рода я (вм. ѣ), то мы приведемъ выписки только изъ нѣсколькихъ памятниковъ специально западно-малорусскихъ, для того, чтобы современные львовскіе литераторы, воздвигнувшіе гоненіе на окончаніе я и допускающіе только е, могли убѣдиться, насколько ихъ гоненіе противорѣчитъ общему ходу ихъ же собственной литературной исторіи.

Если начнемъ съ свѣтскихъ грамотъ и актовъ XVI в., то увидимъ напримѣръ въ львовскомъ сборникѣ грамотъ ок. XVI в. (=библіот. Оссолинскихъ № 34) въ списокѣ съ Сандомірской Ягайловой грамоты 1408 г.: „тогда имаеть слуга нашъ Бѣдунъ самъ своимъ животомъ полагати со всѣми своими людьми на оборонѣнѣя нашей землѣ Перемыской“ (=Голов. № 29, стр. 33).

Въ петриковскомъ письмѣ 1504 г. вел. кн. Александра Свидригайла къ брацлавскому намѣстнику про селище (=имѣніе) Котеневу въ Брацлавщинѣ: «Землянинъ вѣвниціи Шулга Долбыничъ оповѣдалъ намъ, што жъ—дейсее селище давно пуста лежитъ, а н ты о томъ к намъ писалъ за нимъ, повѣдуочи, и жъ то е селища пусто; ино

¹⁾ Попытки нѣкоторыхъ украинскихъ пуристовъ узаконить, въ противѣсъ рутенству, только окончаніе яниѣ, аниѣ и изгнать ениѣ—тоже не имѣли успѣха.

если будетъ пусто, — и мы ему то е селница дали»¹⁾. — А про судебные документы, внесенные въ зап.-мр. книги вгородскія XVI в., съ запотокопированными показаніями свидѣтелей, — и говорить нечего: тамъ всегда встрѣтятся фразы вроде «ехали до волости Жеславское збо ж я куповати», — примѣръ, который на удачу беремъ изъ книги вгородской Луцкой 1567 г. (№ 2042, л. 241)²⁾. Срв. еще ниже, на стр. 426 сл., въ отдѣлѣ примѣровъ на ннн (съ удвоеннымъ н).

Да и въ церковныхъ зап.-мр. рукописяхъ XVI — XVII в. и въ печатныхъ книгахъ зап.-мр. схоластиковъ окончаніе среднего рода я (вм. ѳе) тоже пишется сплошь да рядомъ.

Такъ, въ волынскомъ Пересопницкомъ Ев-иѣ 1561 г., которое писалъ галичанинъ Михаилъ Василіевичъ изъ Сѣнока, окончаніе ср. рода я — на каждомъ шагѣ: „Рекль нмъ³⁾: Чис то [=на монетѣ] есть выобразеннн и написанн?“ (стр. 17); „жзирають дома вдовинны под замышленнм долгое м[о]л[н]твы“ (18); — „Вышло есть в ы р е ч е н н я от цесаря Августа, абы былъ пописанъ весь свѣтъ; того писаннн найперше сталося от владаря сирьскаго Киринае“ (28); — „И рекль [Симеонъ]: Се лежит сей на па-

¹⁾ — Антоновичъ и Козловскій № 18, стр. 38. Замѣтимъ, что даже въ вост.-мр. говорахъ, при всей ихъ любви къ превращенію конечнаго е въ я, окончаніе „-ище“ обыкновенно остается неизмѣннымъ, т. е. со звукомъ е, а не а. (Напр. „дворнище“, „сѣлище“ и пр.). Конечно, въ старину окончаніе „-ища“ (какъ —вообще а и я вм. е) могло слышаться и у вост. малоруссовъ чаще, чѣмъ теперь. Вѣдь даже въ зват. пад. муж. рода отечественныхъ именъ на и ч [ь] мы не даѣе, какъ въ XVII в., встрѣчаемъ иногда у вост. малоруссовъ окончаніе а; срв. въ письмѣ 1625 г. православнаго кievскаго братства въ Москву, къ думному дяку Ив. Тар. Граммативу: „Благочестивый господине, Иване Тарасовича!“ (изд. въ 1-ой части „Архива Юго-Зап. Россіи“, т. VI, стр. 553). — Вѣроятно, съ этимъ надо сопоставлять замечательную фразу въ Словѣ о полку Игоревѣ: „Слава, Игорю Святъ слав ли ча, Буй-Туру Всеволодъ!“ (ѳ=е).

²⁾ — Автонов. и Козлов. № 54, стр. 122.

³⁾ Въ Пересопн. Ев-иѣ буква ѳ, на балканскій ладъ, пишется вмѣсто з.

девя и на вѣстаніе многымъ въ Изр[ан]и“ (29);— „Рекль к Симонови: Поступи на глубину и заврѣсте мрѣжу вашу на уловленя рыбъ“ (34);— „Было пакъ в субботу,—ишло [Исусъ] черезъ збожя“ (36);— „Не от трѣпя бо избирают смоввы (фиги), ани с купины збирають гроздіа“ (38);— „Пришерла рѣка—и учинилося оногo-то дому великое паденя“ (38);— „быль оболочень в дорогое одѣня“ (39);— „Третее пакъ [зерно] пало межи терня,—и заглушило е“ (41);— „иже състь межи терня впало“ (41);— „Вернися до дому твоего и повѣдай рекучи, иже над тобою великое змилованя Б[о]гъ учиниль“ (42);— „Отпусти народы, абы шодши до околичных мѣсть и сель перемешкали и нашли собѣ покормленя“ (44);— „Д[у]ша—большаа естъ, нижли покормленя, и тело—нижли одѣаніе“ (53);— „И одѣня его [на преображеніи] было блистающеса“ (45);— „абы ему господу наготовали, або подворя“ (46);— „[Ближній—] тот, который же учиниль м[и]л[о]с[е]рдя над нимъ“ (48);— „злое жидовское поколѣня (49);— „Повѣдаю вамъ, иж над всѣмъ имѣнямъ своимъ старшъ поставитъ его“ (54). И пр. и пр.

То же—въ волынскомъ ученомъ сборникѣ „перя Наливайка“ XVI в. (Румянец. музей № 2616). Напр. въ Вопросахъ Аванасія Святаго (гл. 15—28): „на з мертвыхъ встаня“, „на услугованя“, „из насѣнямъ“, „из зепсованямъ“. Въ отдѣлѣ избранныхъ философскихъ „стиховъ“, съ мр. переводомъ (гл. 29—45): „милосердя“, „веселя“, „роскошное житя“ (NB: удареніе — конечно— на концѣ), „надъ створенямъ“, „подозренямъ“ (орудн. ед.,—л. 41 об.). И т. п.

Въ обoихъ печатныхъ зап.-мр. словаряхъ конца XVI—нач. XVII в., филологовъ Лаврентія Зизанія и Памвы Берынды, окончаніе я (вмѣсто или наряду съ е)—въ полномъ ходу. Такъ, у Лаврентія Зизанія въ его „Лексиконѣ“ (Вильно 1596) естъ „вырытя“ (съ поставленнымъ удареніемъ на я), „пренаслѣдованя“ (=подражаніе), „повѣтря“ (=воздухъ), орудн. ед. „весѣлямъ“. У Памвы Берынды, который въ своемъ „Лексиконѣ“ (Кіево-Печ. лавра 1627) даже вмѣсто „лється“ писалъ „ллят'ся“ (=лється; л. 278), средн. род. на я является прямо нормою ¹⁾: „дубля“ (200), съ несомнѣннымъ живымъ удареніемъ на я, какъ—

¹⁾ На это давно обратилъ вниманіе Потенія (въ „Двухъ изслѣдованіяхъ“, Ворон. 1866, стр. 131: „Измѣненіе конечнаго е въ я—у Памвы Берынды почти постоянно“).

надо полагать — и въ „смитя“¹⁾; „пучя“ (=,вершки дrevяныи“), „поворозя“, „поколѣня“, „побытя“, „повѣтря“, „пѣря“, „начпя“ (=посуда), „држяя“, „зашлута“ (277 =зашлѣть, „заулок“; совр. „заплѣтя“, т. е. нива, обнесенная плотомъ, огорожено), „вырозуменя“, „подозреня“ и др., не исключая уменьшительныхъ формъ (такихъ, какъ „мешканячко“), а тѣмъ болѣе—косвенныхъ надежъ: „з лстямъ“, „пѣрямъ“ (102; =орудн. ед.).

Въ галицкой (вѣроятно, изъ-подъ Угорщины) „Исторіи, albo новинѣ о Антихристѣ“ ок. 1635 г., изъ львовскаго собранія А. Петрушевича²⁾, оказывается тоже почти исключительно я: „Ознаймусмо тымъ писанямъ нашимъ“; „до Вавилону послали на довѣдованя“³⁾; „а тое дитя на повѣтря было зникнуло“; „дорогое каменя так ся знаменуєт великос щастя будетъ“; „вещастя дочасное и вѣчноє“; „ужь пришло нарощеня того Антихриста!“

У западнаго малорусса, ученаго схоластика Іоаннiкiя Галятовскаго XVII в., бывшаго ректоромъ кievскимъ, но вообще писавшаго съ особенностями западно-малорусскими, я въ окончаніяхъ сред. рода попадаетъ постоянно, равно какъ и у всѣхъ кievскихъ схоластикѣ XVII в., будетъ ли это черниговецъ Антоній Радивилѣвскій⁴⁾ или игумень Генадій изъ Полтавы⁵⁾, или малоруссы западные.

¹⁾ „Смитя“ (изъ „смыеть“) значитъ „соръ“. Слово—извѣстное еще изъ самыхъ старинныхъ памятниковъ. Въ совр. языкѣ удареніе чаще падаетъ на послѣдній слогъ, чѣмъ на первый.

²⁾ Изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. 1-ая, т. VI (Кievъ 1883), стр. 710—712.

³⁾ При случаѣ отмѣтимъ, что рѣчь идетъ о Вавилонѣ египетскомъ, а не месопотамскомъ.

⁴⁾ У Радивилѣвскаго окончаніе ср. р. я чаще попадаетъ въ его сочиненіяхъ рукописныхъ. Такъ, въ рукописномъ „Огородкѣ“ 1671 оказывается: „такое начиня“ (II, 1137), „златос начиня“ (II, 1222), „избранное начиня“ (II, 1248), орудн. ед. „начинямъ“ (II, 251), „все створеня“ (I, 39), „лѣбшое щастя“ (II, 1452), „наше щастя“ (II, 1500), „золотос одѣня“ (II, 1786), „на покрытѣ“ (II, 1039), „подъ покрытѣмъ“ (II, 1436), „насынямъ“ (II, 1212), „здоров'ямъ“ (II, 1393). Есть подобное и въ его печатномъ „Огородкѣ“ (Кievъ, 1676): „здоров'ямъ“ (789, =орудн. ед.), „начинямъ“ (641).

⁵⁾ „За стараньямъ“ полтавскаго игумена Генадія написанъ въ 1679 г. сборникъ поученій и апокрифѣвъ, среди которыхъ—„Кни-

И вообще можно изъ западно-мр. памятниковъ привести и послѣ XVII вѣка непрерывный рядъ такихъ же начертаний съ я вплоть до самыхъ новыхъ временъ. Это и понятно, потому-что во всемъ западно-мр. нарѣчїи произношеніе съ я благополучно существуетъ и до настоящей поры. Въ Подолии оно даже преобладаетъ надъ е, на Воляни—тоже; да и насчетъ говоровъ Галичины, Буковины и Угорской Руси трудно сказать, насколько въ нихъ, въ общей ихъ массѣ, произношеніе съ е слышится чаще, чѣмъ произношеніе съ я. Во всякомъ случаѣ, въ діалектологическихъ «Studien» покойнаго Омеляна Огоновскаго (профессора мр. языка въ Львовскомъ университетѣ) констатировано галицкое произношеніе средн. рода съ я даже подъ удареніемъ: напр., «вєсія» (им. ед.; = стр. 84)¹⁾, а иногда, — это ужъ совсѣмъ, какъ у малоруссовъ восточныхъ, — окончаніе я слышится у галичанъ вмѣстѣ съ удвоеніемъ предшествующаго согласнаго звука: «зілля» (Studien, 85, = зѣлье, т. е. зелень, растенія). Поэтому ни съ какой стороны не основательны при-

га Эноха“; она издана А. Поповымъ въ „Библиографич. Матеріалахъ“ № 4, стр. 66—139, и тамъ же описана остальная часть сборника. Окончаніе я вм. е здѣсь почти постоянно: „на омытѣ грѣховъ“ (стр. 68, съ удареніемъ на я), „затмєня с[о]лнца и трасєня землѣ“ (68); „первое казаня—о суетѣ (=суетѣ) мира сєго: суета суетствуй, всяческая суета“ (69), „казаня второе“ (70), „казаня третєє“ (71 три раза; 72); „показаня страшнаго суду Б[о]жєго (70); „объясєня третїхъ вратъ (геєнскихъ“, 71; тоже, стр. 72); „писаня пану своему милостивому“ (87), „за стараня мѣ о[т]ца Генадїа (89; 67) и мн. др. Тутъ же: „соблюдохъ кляча держца ихъ“ (120).

1) Нарѣчїе восточно-малорусское и значительная часть говоровъ зап.-мр. произносить это слово съ удареніемъ на предположимъ слогѣ: „вєсіля“, „вєсіля“, но въ Галичинѣ ставятъ удареніе на концѣ: „вєсіє“, „вєсіє“. Означаетъ это слово „свадьба“ и извѣстно въ этомъ значенїи еще изъ кїевской лѣтописи. См. о свадьбѣ Ярополка въ Пинскѣ подъ 8698—1190 годомъ: „тогда бо баше вєсєльє Ярополче“; такъ читается это мѣсто и въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ спискахъ, тогда какъ Ипатскїй списокъ (костромскаго Ипатскаго монастыря) имѣетъ

тязанія львовскихъ нынѣшнихъ писателей, желающихъ, чтобы изъ общеукраинской литературной рѣчи была изгнана форма ср. р. на я, типа «довге життя», и чтобы монополія на литературность была сохранена только за формою «довге життє». Нѣтъ! Обѣ формы, а не одна послѣдняя, должны быть въ литературѣ узаконены.

Въ свою очередь глубоко неправы и тѣ малоруссы изъ центрального Приднѣпровья, которые (такихъ мало, къ счастью) проповѣдуютъ крестовый походъ противъ якобы узко-локальнаго галицкаго окончанія сред. рода е. Не только по всей области нарѣчія западно-малорусскаго слышатся существительныя типа «життє», «зидлє» и т. п. (наряду съ «життя», «зля»), но слышатся они и въ сѣверныхъ частяхъ территоріи восточно-малорусской: въ Черниговщинѣ, сѣв. Кіевщинѣ, сѣв.-вост. Волини, и др. — и притомъ въ говорахъ не только дифтонгическихъ, но и въ принадлежащихъ къ обыкновенному мр. монофтонгическому типу. Съ какой же стати сознательно лишать литературную рѣчь, въ особенности научную (гдѣ такъ важна точность) — этого практически-полезнаго окончанія, наглядно позволяющаго отличить ед. число отъ множественнаго на жертвой, нѣмой бумагѣ, которую — въ случаѣ недоразумѣнія — переспросить нельзя? Научное сочиненіе (напр., филологическое, математическое, философски-психологическое и т. п.) само по себѣ бываетъ ужъ труднымъ, — и потому очень полезно, чтобы авторы не увеличивали трудности, употребляя напр. для ед. числа многочисленныхъ отглагольныхъ существительныхъ исключительно окончаніе ння и ття, при которомъ читатель не сразу можетъ (а иногда и совсѣмъ не можетъ) уразумѣть: чтб такое, на примѣръ, «питаннѣ?» = одинъ вопросъ, или много вопросовъ? Что такое «вясненнѣ?» = одно объясненіе, или много объясненій? «Чуттѣ» и «почуттѣ» въ психологія — будетъ «чувство» и «ощущеніе»? или же «чувства» и «ощущенія»? Въ терминологіи юридической (напр., въ законахъ, въ судебныхъ постановленіяхъ и пр.) гоненіе на окончаніе «-нне» и «-тте» и исключительное примѣненіе окончанія «-ння» и «-ття» можетъ привести къ чрезвычайно

неприятнымъ житейскимъ недоразумѣніямъ. Да и въ каждой области письменной рѣчи всегда бываютъ случаи, когда непременно требуется отгѣнить ед. ч. отъ множественнаго. Вотъ почему украинскіе придѣлпровскіе писатели, какъ только выходятъ за предѣлы легкой беллетристики въ область научной рѣчи или публицистики, обязательно пользуются, если это оказывается нужно, неударными окончаніями *ннѣ*, *тте* и др., — напр., «питаннѣ», «вѣясненнѣ», и даже, — это уже въ случаѣ крайней необходимости, словами съ *е* ударнымъ: «чуттѣ», «почуттѣ».

Комиссія, которая въ началѣ 1907 года собрана была при петербургской Академіи Наукъ по вопросу о мр. правописаніи, высказалась противъ начертаній типа „житте“, „насіinne“, „коханне“, „зілле“, и т. п. на томъ основаніи, что, будто бы, эти формы (съ удвоенными согласными при окончаніи *е*) фиктивны и искусственно созданы литераторами, и что, будто бы, въ случаѣ удвоенія согласныхъ малорусскій языкъ допускаетъ лишь окончаніе *я* („життя“, „насіня“ и т. д.), тогда какъ при окончаніи *е* мр. языкъ, будто бы, не допускаетъ удвоенія согласныхъ и знаетъ лишь произношеніе типа „житте“, „насіinne“, и пр. ¹⁾ Можно поизумляться, до какой степени плохо знаютъ русскіе филологи мр. языкъ! Стоило бы навести справку въ общеизвестныхъ „Studien“ Огововскаго, въ рубрикѣ: „Verdoppelung von Consonanten“ (именно на стр. 85), чтобы найти научно-удостоверенное живое простонародное галицкое произношеніе: „житте“, „насіinne“ (примѣры приведены Огововскимъ изъ Сокала, Рыбна, Сенечола). Равнымъ образомъ для говоровъ російско-украинскихъ надо было заглянуть въ известный очеркъ К. Михальчука: „Нарѣчія, подварѣчія и говоры Южной Россіи“, стр. 474 и 489 ²⁾, — и убѣдиться, что произношеніе типа „проханне“ есть отличительная черта въ мр. говорахъ обширнѣйшей сѣверной полосы отъ Волны до сѣверо-восточной Харьковщины (включая лежащую между ними Черниговщину), и притомъ не въ какихъ-

¹⁾ См. отдѣльно изданный печатный протоколъ засѣданія 6-го января, постановленіе № 5.

²⁾—Въ VII томѣ „Трудовъ геогр.-статист. экспедиціи въ Юго-Зап. край“, изд. Юго-Зап. Отдѣла Русск. Геогр. Общества (СПб. 1877 г.).

нибудь таких архаических говорахъ, которые стоятъ далеко отъ литературной нормы, но напротивъ—въ такихъ, которые рефлексомъ стариннаго *ѳ* имѣютъ звукъ *ѣ*, слѣдовательно, близки къ центрально-украинскимъ („Труды“, стр. 474). А про говоры Полѣсья—и говорить нечего: для нихъ произношеніе „зіме“, „платме“, „коханне“—прямо типично. (Примѣры мы взяли тѣ же, какіе приведены К. Михальчукомъ, (стр. 489), который, кстати сказать, при этомъ какъ нарочно подчеркиваетъ, что звукъ *ѣ* въ такомъ окончаніи *нне* и *тте* н и к о г д а не переходитъ въ *я*!).—Странно, что членамъ комиссіи не вспомнилась также общепзвѣстная работа Потебни: „Замѣтки о мр. нарѣчіи“ (1871), гдѣ по поводу сѣв. говоровъ буквально сказано: „*ѣ* въ окончаніи *ѣе* послѣ удвоенія не измѣняется въ *я*: *коханне*, *коханничка*, *худянне*, *холле*“ (стр. 133) ¹⁾.

(Вставка для заполненія конца листа).

Галиція грамоты XIV вѣка ²⁾.

Удостоверительный листъ галичскаго старосты Оты 1371 г. о покупке Вятславомъ Дмитровскимъ дворища у Василя Скибича,—изъ львовскаго городского архива (Фототип. изд. въ „Палеогр. Снимкахъ“, СПБ. 1903, № 23).

Во имя Отг[ъ]ця(?) и С[ы]на и С[вя]т[о]го Д[у]ха, Б[о]жимъ истворѣнемъ у вѣки, аминь. Исталося подъ державою великого кроля Краковьского Вазимира и господаря Рускоѣ земаѣ, исталося при державѣ папа Оты, старосты Рускоѣ з[ем]лѣ, оже купилъ панъ Вятславъ Дмитровьскій дворище ись землею, яко из вѣка слушало к тому дворищу: вшитци вжиткове, што дв[ъ]с[ъ] суть и потомъ могутъ быти; а што може причинити болше межи тѣми вжитки, то на свое полѣпшѣнне,—якожь торговля исталася. Купилъ панъ Вятславъ у вѣки у Василя, емужь рѣчють Скибичь, и въ его брата, на имя Оугѣнча, и въ ехъ с[ы]новця у Оленча; и

¹⁾ Буквою *h* Потебня пользовался для того, чтобы не употреблять буквы *ѣ*, которую русскіе читатели читаютъ за *g*.

²⁾ Въ квадратныхъ скобкахъ напечатаны буквы, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ.

же купилъ панъ Вятславъ во всёхъ трии, тожь ту именовани. Далъ имъ панъ Вятславъ 6-т[ь] копъ грош[ен] вѣсного ¹⁾ сръбра, а далъ имъ всёми тремъ то сръбро посполною рукою. Тогда они, пришедши вшитци и[с] своимъ племенемъ, уздали пану Вятславу со всёми объѣзды того дворища по своей доброй воли и за иныѣ молвили(ы), абы в добромъ покои вжити тѣхъ вж[ит]ковъ пану Вятславу, яко въздали, при пану Блотишевскомъ, воеводѣ Ивовскомъ. А то сви[ѣ]дци ²⁾—мѣстичи: панъ Кнефль, Михно вонть Ярославскни. А се бояре: Пѣтръ Мошенка, Ходко Лоевич. А се попове дясни ³⁾: попъ Юрко Кропышевич, попъ Лои. А се сусѣде околнии: Онисимъ. А се деици: Степанъ Мелехович, Мелентий Куцевич, Семенъ Понахидич, Иванъ Кузнич. А се бортици: Папко Борти[и]жъ исъ Смелина, Юрко Мошничъ, Тихно Великопольскни, Голко Залѣскни. А выѣздилъ ⁴⁾ ту землю Ходоръ Чеолнич; тотъ объѣздил от пана Отыстаросты. А пи[с]ани то вшитко свидци. А писана грамота тысяча лѣт по Б[о]жьмъ рожествѣ, 300 лѣт, 70 лѣт и одно лѣт[о]. А писалъ Грюдкович Иван. А писано у Кнефля в дому. У ви[ѣ]ви ⁵⁾, аминь.

Перемышльская кунчая 1378 г., писанная Болестрашицкимъ поповичемъ, на Калениковъ монастырь, проданный паньєю Хонькою протодиакону Ивану Губкѣ,—изъ львовскаго Ставропигийскаго музея (Фотот. изд. въ „Палеогр. Св.“ № 24, съ приложеніемъ плоховатой транскрипціи г. Соболевскаго).

Во имя О[т]ца и С[ы]на и С[в]я[т]о[г]о Д[у]ха, аминь. Б[о]жьєю м[и]л[ос]тью и добрыхъ людий прязнью италася торгувля межи добрыми людми, межи бояры и межи крילו-

¹⁾ Буква ѣ передѣлана или изъ *н* (малаго юса), или изъ *и*.

²⁾ Сперва написано „свидци“, потомъ передѣлано въ „свьдци“.

³⁾ Едва ли возможно понимать, подобно Головацкому, что это слово „дясни“ (срв. польск. dzisiaj, dzisiejszy) есть имя собственное „Дясий“.

⁴⁾ Сперва было написано „выѣддилъ“.

⁵⁾ Буква ѣ передѣлана изъ первоначальнаго *и*.

шаны с[вя]т[о]го Ивана, аже пани Хонька, Васковая Дядьковича жена, изъ дѣтьми ¹⁾ своими — ис пани Просинъею и зятень своимъ ис паномъ Ивашкомъ Данъславичемъ и си внучаты своимъ и со всемъ племенемъ своимъ, доброю волею своею и добрымъ умышлѣньемъ своимъ, а некоторою силою, но сама то вчинила, безо лъсти и безъ хитрости, продала есть тотъ мунастырь за 20 гривенъ серебра вѣсного, именовъ Иванови Губцѣ, протодьяконови с[вя]т[о]го Ивана, и его брату Ходорови и дѣтемъ ехъ. А Иванъ [Губька ис своимъ] ²⁾ братомъ купилъ есть тотъ мунастырь, именовъ Калениковъ, ц[е]рк[о]въ с[вя]тоѣ Б[огороди]ци, Успѣнье Причистоѣ, изъ бл[а]г[о]с[ло]влѣньемъ пискупа Ларивона. А купилъ есть Иванъ Губька изъ братомъ своимъ на вѣки ико с[вя]т[о]му Іо[а]ну еп[и]с[ко]п[и]и, в селу Гнѣвновчи. Дали 15 гривенъ серебра вѣсного, а Губька далъ шюбу свою куничюю, дорогимъ сукномъ брунатнымъ пошита, за 5 гривенъ пани Хоньци; и еще ва дали ³⁾ 12 лисици пани Хоньци и еѣ зятеви Ивашкови и дѣтемъ еѣ. А про то та пани Хонька и[с] своимъ зятень и своимъ со всемъ племенемъ уздала есть тотъ мунастырь Калениковъ Иванови Губцѣ и его брату Ходорови на вѣки и дѣтемъ ехъ со всемъ объѣздомъ и со всеми границами и землею и сѣножатями и зъ ганми и зъ дубровами и зъ бортьми и зъ болоты и съ рѣками и со млиномъ и сычемъ и с колодяземъ и с ловищи и съ всеми ужитки, яко изъ вѣка вѣчно слушало ⁴⁾ к тому мунастыреви. А тому мунастыреви не отлучатися от[ъ] с[вя]т[о]го Ивана у вѣки: хто коли его купилъ, тому слушати къ с[вя]т[о]му Ивану. А при томъ уздаванѣ были бояре земляне:

¹⁾ Не „детьми“, какъ издалъ по небрежности г. Соболевскій въ своей транскрипци, приложенной для этой грамоты къ „Палеогр. Снимкамъ“.

²⁾ Эти три слова очень затерты и потому, м. б., прочитаны не точно.

³⁾ У г. Соболевскаго невѣрное чтеніе: вм. „еще ва дали“ оканчивается „еще далъ“.

⁴⁾ Въ транскрипци г. Соболевскаго: „изъ вѣка вѣчно послушало“.

панъ Ходько Быбельскій со двѣма с[ы]нма:..... и Васко (?) ¹⁾, панъ Глѣбъ Двурьскович (?) со двѣма с[ы]нма: Вавько а Лехно, панъ Ивашко съ с[ы]в[о]мъ (?), панъ (?) Васко Кузмичъ, панъ Михаило (?) Потрутовичъ, панъ Гаврилъко Дробышевичъ,..... ченьковича два: Мих..... а ²⁾ Ивашко, Стецко Бдешицкии, Игнатко Черневич, попъскіи Федуть, а другии попъ—Безмездъницкии (?) Кость, попъ Тепякович Яковъ, Нестюръ Печаревич (?). А пять моричъ (sic) меда (?) у дому, за полъ гривны грошювъ. А писалъ грамоту Костько, дьякъ Болестрашицкии ³⁾, по Б[о]жьюмъ нарождѣнъ тысячу ⁴⁾ лѣтъ и 300 лѣтъ и 70 лѣтъ и осмое лѣто.

Жалованная гр. кн. Володислава Опольскаго 1378 г., писанная Болестрашицкимъ поповичемъ (писцомъ предыдущей грамоты), на имѣвья Ладоміру Волошину въ Бохурѣ,—изъ краков. музея кн. Чарторыйскіихъ. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сп.“ № 16).

Во имя Отца и Сына и святаго Духа, аминь. Божью милою мы, князь Володиславъ Опольскоѣ земли и Велунскоѣ земли и Рускоѣ земли, господарь и дѣдичъ вѣчныи землямъ тѣмъ, самодержецъ, князь велеи, нашею доброю волею и нашимъ добрымъ умыслѣнъемъ то есмы вчинили. Взозрѣвши на нашего вѣрнаго слугу, именовъ рекучи Ладоміръ Волошинъ, што же естъ намъ вѣрно послужилъ и ещи служити будетъ, а про то, про его вѣрную службу, дали есмы ему Годѣвъ поле, што же лежитъ отъ Бохуря болше милѣ,—то поле пустыня,—а Тернаву рѣку, имивши с убою стороною, олиже до верха рѣки тоѣ, и поля вся, што суть по рѣцѣ тои, и все то, што коли княжѣнъя пустынь с убою сторону, и отъ Бохуря лѣсы и дубровы, и отъ Ярославскоѣ волости пустыню, лѣсъ и добровы и поля. Што же коли естъ тамъ тоѣ пустынь

¹⁾ Слова, снабженныя знакомъ вопроса, очень стерты въ подлинникѣ, и чтеніе ихъ не надежно.

²⁾ У г. Соболевскаго невѣрно: вм. „а“ издано „и“.

³⁾ У г. Соболевскаго издано: „Болестрашицкій“.

⁴⁾ Не „тысячу“, какъ издалъ г. Соболевскій.

княжѣнѣя, то все далъ есмь Ладомирови: садити село у волооськое ¹⁾ право. А далъ есмь ему на вѣки и дѣтемъ его, со всѣмъ объѣздомъ и со всѣми границами, яко ²⁾ из вѣна слуша к тои пустынѣ и от[ъ] Бохури и от[ъ] Ярославльскоѣ пустынѣ, в[з] землю и с лѣсы и з дубровами и сѣножатѣми и съ рѣками и з болоты и с ловищи и со всѣми ужитки, што нинѣшніи могутъ быти. Воленъ продати, воленъ замѣнати тако доброму, яко есть самъ, исо княжею волею. А с того имѣеть князю служити трими стрѣльци, а осадивши — ис каждаго кмета по два гроша широкая у князю комору давати на каждыи рокъ. А на то дали есмы грамоту нашу и печать привѣсѣли велебного князѣства нашего. А при томъ были исвѣдѣци: панъ Судивои, староста Кракувьскіи, панъ Апѣдрѣяшь, староста Рускѣи, панъ маршалко Шофъ, панъ Клявко, панъ Микшикъ, Инѣдриховъ с[ы]нѣ, панъ Мартинъ Лютковскіи. А дана есть грамота у Бохури, по Б[о]жьомъ нарожѣнѣтъ тысячу лѣт и 300 лѣт и сѣмъдесять лѣтъ и осмое лѣт[о]. А писалъ княжии писарь Костько Болестрашицкѣи. У вѣки, аминь.

Заставный листъ 1386 г. на село Черепинъ Львовскаго округа, — изъ собранія гр. Павликовскаго въ Львовѣ. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сп.“ № 25).

Во имя О[т]ьця и С[ы]на и С[в]ят[о]го Д[у]ха, аминь. А се я, панъ Михайло Ивановичъ, заставилъ свое село Черепыне Григорову с[ы]ну Д[а]в[и]д[о]вского Осташкови, а къ пана Ходковѣ руцѣ Лоевичя, во 20 гривень без одной гривны. А рокъ — от[ъ] Сп[а]с[о]ва д[ѣ]не а до Сп[а]сова д[ѣ]не. А же не выкупитъ его на тотъ рокъ, имѣеть держати то село опять до другого року. А на то свѣдоци: панъ Мартинъ воевода, панъ Олешко Янчинскіи, панъ Баграмъ, социки лвовскіи, панъ Б[ог]ѣданъ Ляшковскіи, социки теробовельскіи Луникъ. А и с тымъ полемъ, што придалъ

¹⁾ Не „волооськое“, какъ транскрибируетъ г. Соболевскій.

²⁾ У г. Соболевскаго издано „яко“.

былъ Григоревн, — Шеломыньское поле и сѣножати. А на то свѣдоцтво завѣсилъ свою печать, а панъ Михаило — свою печать. А то ся дѣяло в лѣт[о] 6894, м[ѣ]с[я]ця іюля въ 27 д[ѣ]нь, на с[в]я[т]о[г]о м[у]ч[е]н[и]ка Пантелѣимона.

Перемышльская купчая 1391 г., удостовѣренная воеводой Фебромъ, на продажу Бышковской земли перемышльскимъ владыкою пану Испрувскому. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Св.“ № 26).

Во имя О[т]ь[и]ца и С[ы]на и С[в]я[т]о[г]о Д[у]ха, аминь. А се знаменито будъ и свѣдочно всѣмъ добрымъ людѣмъ, што на тотъ листъ узоздрять. А се я, Фебрунъ, воевода Перемышльскый, познавамъ то нашимъ лист[ом]ъ. Добро воюю свою и добрымъ умыслѣнемъ своимъ, пришедши пере[д]ъ наше обличье и передъ земляны, Фанаси, вл[а]д[ы]ка Перемышльскый ¹⁾, и[с] своими крылошаны, продалъ есть у Бышковичихъ два дворища (?) ²⁾ пану Яшкову Испрувскому на вѣки, за 10 гривень широкихъ грошни. А тако вл[а]д[ы]ка продалъ есть, яко самъ держалъ: и[з] землею и сѣножатыми ³⁾ и с лугомъ и в болоньемъ ⁴⁾ и со всѣми ужитки, што му прислуша у Бышкувьскуи граници. И уздалъ есть вл[а]д[ы]ка передъ нами пану Яшкову Испрувскому та дворища на вѣки и дѣтемъ его: воленъ продати, воленъ замѣнити, воленъ кому отдати. А при томъ были земляне-исвѣдци: панъ Ходько Быбельскый, панъ Адамъ Орецкый, панъ Михаль ⁵⁾ Угринъ Ваповецкый, панъ Васко Шепѣвичъ, Мичко Боркович, Костько судья Перемышльскый; [и] инѣхъ добрыхъ людий землянь много было при томъ. А к тому листови печать нашу завѣсили есмы на потвержѣтье тѣмъ словомъ. А писана грамота по Б[о]жью нарощѣнь 1000 лѣт и 300 лѣт и 90 лѣт и первое

1) У г. Соболевскаго, давшаго транскрипцію этой грамоты въ прилож. къ „Палеогр. Св.“, напечатано невѣрно: „Перемышльскый“.

2) Последняя буква не отчетлива: „а“ или „н“.

3) Или, б. м. „сѣножатоми“? Не четко.

4) Начертаніе это похоже и на „белоньемъ“.

5) Не „Михаль“, какъ издано у г. Соболевскаго.

лѣт[о]. А писанъ листь на с[вя]т[о]го Василья д[ь]нь, у
Перемышля, на новое лѣт[о]. У вѣки, [аминь].

Размежевочная грамота галицкаго старосты Гнѣвоша 1398 г., изъ
Вышни, объ имѣнн Лоевичей въ Теребовльщинѣ,—изъ львовск.
Института Оссолинскихъ. (Фотогип. изд. въ „Палеогр. Сп.“ № 27).

А се знаменито будь и свѣдочно всѣмъ добрымъ, што
на тотъ листь узоздрять. А се мы, панъ Гнѣвошь, староста
Рускоѣ земли, тѣ познавами нашимъ листомъ. Пришодъши
предъ наше обличье и передъ земляны, панъ Волчько, пана
Ходьковъ сыновець Лоевича, ис пани Ходьковою женою и
съ еѣ дѣтьми и вятемъ еѣ Ключомъ, поедналися о села
вшитка, о дѣлицю. Отдѣлили Волчьча от[ъ] себе: дали ему
село у Теребовальскии волости Новоселъцѣ, а шитья кобыль
и[с] стада, а жеребець, а два хресты серебряная. А поедна-
лися на вѣки, оже Волчькови не почипати о дѣль николи.
А при томъ были и свѣдъци¹⁾: панъ Ходько Быбелъскии, панъ
Васко Бузмичъ, панъ Пашко Мазувшанинъ, Ивашко Дань-
славич, Ревънолтъ, Костько судья Перемышальскии; и много
было добрыхъ при томъ. А писанъ листь у Вышни, по
Б[о]жьимъ нарожѣнѣмъ 1000 лѣт и 300 лѣт и 90 лѣт и 3
лѣт.

Коломыѣскій удостовѣрительный листь старосты Бенъка 1398 г.
о вѣнованн паномъ Гервасомъ ста гривень своей женѣ,—изъ
библ. гр. Тарновскаго въ гал. Диковѣ (Фотот. изд. въ „Палеогр.
Сп.“ № 28).

А се я, панъ Бенко, староста Галицькии и Снятиньскии,
свѣдцю то своимъ листомъ каждому доброму, кто на сесь
 листь узрить, или передъ кымъ будетъ чтюнъ, иже пришедъ
 передъ насъ панъ Гервасъ и вѣновалъ и оправилъ свожи
 женѣ Варварѣ сто гривень на своємъ селѣ на Толъмачи и
 Жюрковѣ²⁾, на свожи вотчинѣ. А на то дали есмы свон

1) Передѣлано изъ „исвидъци“.

2) Нын. „Товмачик“ и „Джурків“, села въ коломыѣскомъ
округѣ.

листъ, и нашу печать привѣсили. А при томъ были свѣдци: панъ Миколаи Спичниѣ, воевода Снятиньскій, панъ Гѣрко, панъ Андрияшь, панъ Борисъ Хомѣковичъ, панъ Хролъ Варвариньскій, Воронко воитъ Коломыскій руским. А писанъ листъ у Коломыи, у тыжд[ь]нѣ по с[в]я[т]омъ Михайлѣ, коли ся пишетъ подѣ лѣты р[о]ж[ь]ства Х[ри]с[то]ва 1000 лѣт и 300 лѣт и девяносто лѣт и осмое лѣт[о].

Львовскій свѣдочный листъ воеводы Мацины 1400 г. о покупке с. Шидлова (въ Чортковскомъ округѣ) паномъ Ключомъ, — изъ львовскаго Института Оссолинскихъ. (Фотот. изд. въ „Палеогр. Сп.“ № 29).

Во имя О[т]ца і¹) С[ы]на і С[в]я[т]о[г]о Д[у]ха. А се я, панъ Мацина, воевода Львовьскыи, освѣдчаю тѣ тымъ листомъ каждому доброму, передъ кымъ коли буде тѣтъ листъ чтюнь, аже пришедъ предъ наше обличье на имя Ходоро Шидловскыи своею доброю волюю, здоровымъ животомъ, ничимъ не принужень, и продалъ пану Ключови свою дѣднину, на імя Шидловъ, а к тому дворище Жяворонковича. Тѣ есть продалъ за 30 копъ рускыхъ безо дву копу²) и за гунь пану Ключови на вѣкы и дѣтмъ его і его прирожнымъ наслѣдомъ. А тако продалъ, яко самъ держалъ: ис нивами и сѣножатми і ставы и со лѣсы і з дубровами і с пасіками, со всѣми границями, и в доложъ і у перець того існого села і дворища того Жяворонковича. А панъ Ключъ имаеть того існого села Шидлова уживати і дворища того Жяворонковича на вѣкы и дѣти его. А на тѣ свѣдци: пано Яшко Мазовшанинъ, пано Мичко Куликовскыи, Михаль Жильховскыи, воитъ Львовскыи Кундрать, Миколаі, Милаха Лабанеского с[ы]нѣ, Баграшъ соцкыи. А на потверженъе приложилъ тому листу свою печать пано Мацина. А писанъ листъ во Львовѣ, по Б[о]жымъ нар[о]жньи 1000 лѣт 4 ста лѣтъ.

1) Это і написано безъ точки, а почти всѣ дальнѣйшія і — съ двумя точками, т. е. ѣ.

2) Именно такъ: „копу“, а не „купу“, — какъ ошибочно процитировано у насъ на стр. 470-ой на основаніи печатныхъ изданій.

Изъ начала XV столѣтiя.

Размежевочная грамота старосты Петраина 1401 г. изъ Галича по спору Кундрата Борсничя съ Васькомъ Мошенничемъ,—изъ львовской библ. гр. Павликовского. (Фотот. изд. въ „Палеогр. Сп.“ № 30).

Во имя От[ъ]ця и С[ы]на и Св[я]то[г]о Д[у]ха, аминь. А се язъ, пан Петрашь, староста Галиц[ь]кыи и Спятинскы, свѣдочю то своимъ листомъ, кто коли на сей листь возр(sic) или услъшитъ чтучи, иже пришедъ перед мя Васко Мошенничъ и позвалъ Кундрата Борсничя о границу о Вапичиньскую¹⁾. Тогда ему Кондрать не хотѣлъ отповѣдати, олижъ пришедъ вотчичъ далъ свою рѣчь Васковъ в руцѣ: либо стратить, либо добудеть Васко. Тожь ему ялъ Кондрать отповѣдати его рѣчь. Тогда я, пан[ъ] староста Петрашь с земляны, учинили есмы межи ими завитый рокъ²⁾ на выведѣнне граници: кто межи ими укажетъ твердѣшиимъ листомъ и знамены, што суть на листѣ, тотъ зыскалъ; а кто на рокъ не станеть ани вкажетъ, тотъ стратилъ. Тогда (sic) я, пан староста, на тои рокъ своимъ животомъ выѣхалъ на ту границу. Тогда (sic)³⁾ Кундрать указалъ свою гравицю и листомъ и знамены, што на лѣстѣ стоять. А Васко Мошенничъ на тои рокъ не сталъ на завитыи, ани людии⁴⁾ не выслаъ. Тогда я, пан староста, згадаъ [з] земляны і справили есмы Кундр[а]та у тои граници: поколя ему князь Левъ уѣхалъ,—и мы ему толя уѣхали по та знамена. А при первомъ судѣ былъ пан Васко Тяптюковичъ, пан Дробышь, пан Михалко Жидъ, Ганусовъ зять, Ив[а]нъ Долгыи, пан Яцко Гарбортовскыи. А ти доконали и осудили: пан Хрсченъ Мартиновскы, пан Ольдрихъ Медускы, Дѣтрихъ Бромировскы, пан Снопко, пан Михалко Грабовецкыи, Костько Головенничъ. А на то язъ, пан Петрашь староста, далъ есмъ Кундратови нашъ листь под нашею печатью на

¹⁾ Очевидно — „Вапичиньскую“ (изъ „Васьчиньскую“, отъ имени „Васько“). Теперь—село Васючинъ въ Бережанскомъ округѣ.

²⁾ Рѣшительный судъ въ одинъ приемъ, безъ проволочекъ.

³⁾ Можетъ быть, здѣсь отъ времени стерлась конечная палочка при ѿ.

⁴⁾ Передѣлано изъ „людии“.

свѣдоцтво и па твердость. А писана под Бож[ь]имъ naro-
жиньемъ 1000 лѣт и 4 ста лѣт и 1 лѣт[о]. А д[а]нъ у Га-
личю у дец[ь] святого Балѣтромѣя. Аминь.

Медыкская правая грамота перемышльскихъ епископовъ и вель-
можъ 1404 г. по спору о земельныхъ границахъ между королемъ
Ягайлomъ и Алжбетой Пилецкой,—изъ краковского музея Чарто-
рыйскихъ. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сп.“ № 31).

Мы - бискупы, Мацѣи Премыски и Офанасти, владыка
Премыски, пан Янъ дѣдич Тарновски, староста Руски, панъ
Кмита воевод[а] Судомирски, панъ Петръ воевода Мазовески,
панъ Миколаи Воиници, панъ Творянянъ подчяши, Яшко Ре-
шевски, Бѣнко Жябокрички, Глѣвош подкомори, Яшекъ
Мазовшянин, Мичко Куликовски, Ключъ Вѣжнянски, Миколаи
Прерозки, Янъ Фортуна, Крщень Мартиновски, Ивапъ Клецки,
Францекъ Боршницъ (?), Гринко Соколецки, Грицко Кир-
дѣвич, Волчко Преслюжич, Андрѣико Бубелски, брат его
Грицко, Васко Тяптюков[ичь?], Данило Задеревецки, Михаило
Процевич, Драгуи Волошин, Костко Солнечкович, Ходко Че-
меръ, Юрья Мошонич, брат его Васко, Волчко Кузмич, Иван
Данславич, Михаило Сенкович, Костко судья Премыски, Лцко
судья Саноцки, Олешько (?) ¹⁾ Грудкович, Васко Чорткович,
Глѣбъ Дядкович, чинимы знаемо симъ нашимъ листом, кто
на нь возрит или, пак, услышит како кол[и]. Та рѣчь межи
нашимъ г[а]л[и]ц[ь]с[у]д[а]р[е]мъ, кролем Владыславомъ ²⁾ Полскимъ
с одной стороны, межи панею Ядвигою Отиною Пилецкою и еи
дѣвкою Алжбѣтою с другоѣ стороны, — о волость о Залѣснѣ ³⁾
и о Тычин-мѣсто ⁴⁾ и о ты сра, што к тому мѣсту прислушает,
в земли Саноцкой, — на многихъ роцѣхъ пред нам[и] водилас[я].
Тогда, на роцѣ, напред реченымъ странами ⁵⁾, в Медыцѣ ⁶⁾ в

¹⁾ Измязанное начертаніе, и буква ѣ послѣ ш не ясна.

²⁾ Буква ш передѣлана самимъ писцомъ на и.

³⁾ Современ. „Залѣсе“, — село въ Ревешскомъ округѣ, на границѣ
уже съ Галичиной польскою.

⁴⁾ Тычинъ — городокъ въ Ревешскомъ округѣ, теперь ополя-
ченный.

⁵⁾ Кажется, что конечное ш передѣлано изъ и. Или, можетъ
быть, наоборотъ.

⁶⁾ Медыка — мѣстечко въ Перемышльщинѣ, съ государскими
конюшнями.

недѣлю на вутрие с[вя]т[о]го Луки-евангелиста, завите и конечно вложенымъ намѣненѣмъ, з добрымъ розмышлениемъ мног добрыхъ люди[и], ис правомъ умѣющихъ, рады ужившихъ и у единствѣ воли нашей Б[о]га и правду знающ[их], осудили есмы и осужаемъ, аже г[о]с[у]д[а]рь нашъ, кроль Владиславъ напредречены, ближи естъ к тому мѣсту к Тычину и к тымъ селомъ и ко вше волости Залѣской, нижи тыи пани: Ядвига и еи дѣвка Алжбѣта, заплативъ имъ тыи пѣняз[и] пятсотъ гривень пол[с]кихъ. Его жь мѣста Тычина и тыхъ селъ и всеи волости Залѣскоѣ держание вѣчное правымъ судомъ напредреченом[у] г[о]с[у]д[а]рю, корол[ю] Владиславу Полскому, и его послѣдомъ присудили есмы и присужаемъ тымъ нашимъ листомъ. И на болюю крѣпость нашего осужения помочное взяли есмы у кроля подлугъ нашей земли обычая. А то—такъ, аже король, заплативъ пятсотъ гривень тымъ панямъ, има вечисто держат[и]. А мы то ему осужаемъ. А панямъ Ядвизѣ и Алжбѣте вечное молчание чинимы. И на крѣпость сему нашем[у] листу наши печати привѣсили есмы. В Недыцѣ (sic), в недѣлю на завтрѣе с[вя]т[о]го Луки-ев[а]нг[е]л[и]ста, под лѣты розтва Х[ри]сто[ва] тысяча лѣтъ и чотыриста лѣтъ четвертого лѣта.

Мнимая жалованная грам. 1292 г. кн. Лѣва Даниловича Галицкаго монастырю Спасскому, поддѣланная не позже 1448 г.; хранится въ монастырѣ. Издается здѣсь по списку Румянцовскаго музея, № 69, 2. 4).

А се я; князь Левъ, с[ы]нь короля Данила, сг[а]давшися есмь с нашими бояры: яко прадѣдъ нашъ, ц[а]рь великый Володимиръ, и о[т]ьцъ нашии придалъ митрополитомъ и еп[и]с-

*) Румянцовскій списокъ несравненно достовѣрнѣе, чѣмъ печатное изданіе этой грамоты, данное Як. Головацкимъ въ его „Хрестоматія“ (Вѣна 1854), на стр. 315—316, гдѣ правоисаніе подновлено на новый обще-русскій ладъ и невѣрно раскрыты титлы, не говоря уже о прямо неумѣломъ чтеніи (напр. „стывъ“ вм. „с[вя]тыи“). — Въ Румянцовскомъ спискѣ (или вѣрнѣе—спискахъ, потому что ихъ имѣется два, сдѣланные двумя разными лицами) сомнительнымъ представляется только чтеніе конечныхъ буквъ з и ѣ: повидимому, переписчики ошибочно читали высокій з за ѣ. Списки сдѣланы славянскими буквами, съ подражаніемъ почерку грамоты.

с[ко]помь по вѣсѣмъ землямъ рускымъ, — такоже и мы Б[о]гу и пресвѣтлому Преображенію придаемъ к ц[е]ркви с[вя]т[о]го Сп[а]са манастирю село Страшевичи и Созань манастирь с[вя]т[о]го Михаила. Даемъ и придаемъ поченши от[ъ] Дв[ѣ]стра по прорву, чрезъ потокъ Воладиславъ черезъ гору, по потокъ, зовемыи С[вя]тymi; а от[ъ] връхъ С[вя]т[о]го—по Коблянку-рѣчку до връха. От[ъ] връхъ Коблянкы временемъ по връхъ Сушичкы и Подъбужца по връхъ Кольчина. А от[ъ] връхъ Кольчины роздѣлаемъ на рѣчку по Лѣсѣи бродъ. А на другую сторону,—по потокъ Чирьвоныи до връха Дубна,—даемъ и приписуемъ на вѣкы, з даньми и з роботами и съ вѣсѣми ужиткы и с приходы и с правы вѣсѣми и ролями, луками, полями и сѣножатьми, з лѣсы и з дубровами и з голыми горами и лѣсными и з рѣками и потоки и съ вѣсѣми пожиткы в лѣсѣхъ и в рѣкахъ и в ловищахъ ихъ и з млыни, —даемъ к ц[е]ркви с[вя]т[о]го Сп[а]са манастиря и вл[а]д[ы]ще нашему еп[и]с[ко]пу Ѳфимію и по нюмъ будучимъ еп[и]с[ко]помь, кому Б[ог]ъ изволит[ъ] и дастъ на вѣкы дрѣжати и поживати и ц[е]ркви с[вя]т[ы]хъ правити и рядити, а за нашѣ предѣкы и за насъ Б[ог]а много просити. А к тому еще придаем[ъ] куны в рокъ с поповъ давати, и суды д[у]ховныѣ судить ц[е]рк[о]вь столечная. А во то бояре нашѣ и дѣти нашѣ и по нас[ъ] будучиѣ да не уступаются. А дани и десятины медовыѣ и з виноградовъ и з мыты на вѣкы вѣчныѣ да не удалено будетъ от[ъ] ц[е]ркве вышеписаноѣ. А кто уступить на мое слово, судъ с нимъ пред[ъ] Б[ог]омъ, и да будетъ клятва Б[о]жия на немъ в сев вѣкъ и въ будучи, въ д[е]нъ страшнаго суда Б[о]ж[ь]я. На то есмо грамоту нашу дали и печать привѣсили свою. А при томъ были митрополить Галицкыи с Крылоса и вл[а]д[ы]ка Черемыскыи Ларионъ и князь Андрей Ярославичъ и панъ Васко; и иныхъ бояръ много было при томъ. А писана и дана грамота въ Львовѣ, въ пятюкъ, м[ѣ]с[я]ця октоврия въ 8 д[е]нѣ, лѣта 6800. А писецъ—Захария Вихоть.

Другую грамоту, будто бы 1302 г., см. на стр. 454. Продолженіе на стр. 524 и слѣд.

Приложеніе къ главѣ IX-ой.

(Вставочный экскурсъ).

Объ удвоеніи мягкихъ согласныхъ въ окончаніяхъ средняго рода *ляя, ння, ття, ддя* и пр., происходящихъ изъ *нѣе, тѣе, дѣе* и пр.

Общему вопросу объ удвоеніи мягкихъ согласныхъ передъ йотою, — иначе сказать, въ положеніи передъ ъ со слѣдующей за нимъ йотованной гласной (т. е. напр. въ слогахъ, происходящихъ изъ *лѣе, лѣя, лѣю, лѣѣ, лѣйо*; *тѣе, тѣя, тѣю, тѣѣ, тѣйо* и т. д.) — посвящена будетъ въ нашей грамматикѣ особая глава, въ которой это явленіе будетъ разсмотрѣно всесторонне, не исключительно въ области окончаній существительныхъ средняго рода. Въдѣ у малоруссовъ не только ср. р. «*житѣе*», обращается въ «*життя*», — съ удвоенной согласной; но и орудный падежъ жен. рода отъ «пѣстать» (= фигура, видъ; положеніе) звучитъ «пѣстаттю» (изъ болѣе стараго «пѣстатью»), и старое слово «брѣтя» (ж. р.) обращается въ «брѣття», и глаголь «лѣяться» (= литься) превратился въ «лѣяться», а кое-гдѣ слышится и глаголь

«зйісти» (=сьйсть) ¹⁾. Но, пока печатаніе I тома дойдетъ до той главы, мы, приравливаясь къ порядку практическихъ переводовъ II тома нашей «Украинской грамматики», сдѣлаемъ здѣсь же кое-какія замѣчанія насчетъ удвоенія согласныхъ спеціально лишь въ существительныхъ рода средняго, оканчивавшихся прежде на *ье*.

При какихъ условіяхъ центрально-украинскіе говоры имѣютъ въ существительныхъ средняго рода на *я* удвоеніе, и—это знать гораздо важнѣе — при какихъ условіяхъ они удвоенія не имѣютъ?

Отвѣтъ:

а) Не подвергаются удвоенію звуки губные (б, п, в, ф, м). Нельзя сказать: «безголовья» или «чортіввя», но говорится лишь «безголов'я» (=безголовье) и «чортіє'я» (изъ «чортѳвьє», =чертовщина). Нельзя удвоить звукъ *б* и *м* въ словахъ, означающихъ по-русски собирательныя понятія «рыб'є», «дуб'є», — они звучатъ у малоруссовъ: «риб'я», «дуб'я». Старое «бездумье», обратилось въ «бездѳм'я», а не въ «бездумія», и т. п.

б) Отсутствуетъ также удвоеніе при стеченіи двухъ или трехъ согласныхъ. Изъ «счастье», «листья» получилось въ центр.-укр. говорахъ «щастя», «лїстя» (а не «шасття», «лїсття»); изъ «милосердье» вышло «милосердя» (а не «милосерддя»); изъ «рѳзъчье» — зап. «рїщя» (=хворость).

в) Звукъ *р* въ центральномъ Приднѣпровьи тоже обыкновенно избѣгаетъ удвоенія; такъ, «подвѳрье» превратилось въ «подвїр'я», «пѳрье» — въ «пїр'я». Что касается

¹⁾ Говоримъ: „кое-гдѣ“, потому что у большинства малоруссовъ звукъ *з* въ глаголѣ „зйісти“ остался твердъ, а потому не подвергся удвоенію. Произношеніе „зйісти“ извѣстно лишь въ тѣхъ говорахъ, гдѣ прежде, очевидно, выговаривали: „зййісти“, а не „зййісти“. — Мимоходомъ отмѣтимъ, что вышеупомянутая (стр. 419) Академическая коммисія предлагаетъ вмѣсто „зйісти“ или вмѣсто „зййісти“ писать „зйісти“, т.-е. писать *ѳ* вопреки живому (твердому!) произношенію! Очень жаль, что эту орфографическую нелѣпость усвоилъ журналъ „Україна“.

произношенія «подвѣрря», «пѣрря», то въ центральной Надднѣпрянщинѣ оно рѣдко, и въ литературную рѣчь переносить его не слѣдуетъ.

г) А во всѣхъ прочихъ случаяхъ мы передъ окончаніемъ ср. рода я (или е), возникшимъ изъ ѣе, произносимъ согласные звуки обязательно съ удвоеніемъ. Эти удваивающіеся звуки—плавное л, носовое н, зубные д, т, з, с, и, дз, шипящіе ш, ч, дж, (но не ш) ¹⁾. Заднебнымъ (г, к, х) удваиваться нѣтъ случаевъ, потому-что передъ ѣ они превращаются въ ж, дж, ч, ш; но звукъ й (j), который тоже можно относить къ заднебнымъ, способенъ удваиваться. Такимъ образомъ, мы слышимъ: «вѣлля» (изъ «вѣлье», = зелень, зеленѣющія растенія), «весѣлля» (изъ «весѣлье», = свадьба), «питѣння» (изъ «пытанье», = вопросъ), «ходѣння» (изъ «ходѣнье», = хожденіе) ²⁾, «безладдя» (изъ «безладье», = безпорядокъ), «життя» (изъ «жительство» = жизнь), «голомороззя» (изъ «голоморозье», = гололедица), «збѣжжя» (изъ «збѣжье», = зерновой хлѣбъ), «облѣччя» (изъ «облѣчье», = лице, физиономія) и т. п., и т. п. Обѣ удвоенныя согласныя, а не только вторая, выговариваются мягко, такъ-что, положимъ, слово «питѣння» звучитъ какъ «пытѣння»; но на письмѣ не принято обозначать между обѣими согласными букву ѣ: она подразумѣвается. Примѣры на удвоеніе й: «лушпѣйя» (=шелуха, корки, «лушпѣйки»; выгов. «лушпѣйя»), «вѣйя» (=воловоье дышло; изъ «вѣйе»; срв. по-сербски «оје» = дышло); впрочемъ выговариваютъ и безъ удвоенія: «вѣй».

Это удвоеніе согласныхъ соблюдается не только въ имен. ед., но и во всѣхъ падежахъ косвенныхъ (питѣнню, питѣнням, на питѣннѣ), равно какъ и въ числѣ множественномъ,—до тѣхъ поръ пока за удвоенной согласной слѣдуетъ гласная. Но какъ только гласная исчезаетъ, то — по

¹⁾ Потому что ш=шч,—слѣдовательно, въ немъ происходитъ стеченіе двухъ согласныхъ, между тѣмъ дж—одинъ звукъ.

²⁾ О происхожденіи ѣ въ „ходѣнье“ см. мою статью: „О существительныхъ на енне и инне“ (отт. изъ „Юбилейнаго Сборника въ честь Вс. Ѡ. Миллера“).

фонетическому закону, — исчезаетъ и удвоеніе; а повтому род. мн., если онъ образуется не со флексіей *iv*, не имѣетъ удвоенія: говорится «питань» (=вопросовъ), а не говорится «питаннь» ¹⁾. Срв. также локальный зап.-кѣв. оруд. падежъ: «гилми» (=вѣтвями), не принятый впрочемъ въ литературѣ (которая пользуется лишь общеукраинской формой «гиллями»). Сюда же относится локальное (тоже не желательное въ литературѣ) южно-кѣвское выраженіе: «оддати на зйденъ» (сокращено изъ «на зйденне, т. е. на създеніе), которое впрочемъ въ готовой ужъ формѣ съ однимъ *n* могло быть занесено въ ю. Кѣвщину изъ сосѣдней Подолиі.

Русскому языку удвоеніе согласныхъ передъ йотовыми гласными—чуждо. Оно, кромѣ малорусскаго, извѣстно еще и бѣлорусскому.

Эпоха возникновенія этого явленія можетъ быть датирована, какъ періодъ ужъ послѣ паденія глухихъ гласныхъ (*h* и *z*), а точнѣе — приблизительно XIII — XIV в., — хотя, конечно, спорадически оно могло сказываться еще въ XII-мъ и даже въ концѣ XI-го вѣка, по мѣрѣ того какъ *h* переставалъ быть слоговымъ гласнымъ звукомъ. Если въ произношеніи какого-либо малорусса XI вѣка слово «житѣ» было уже не трехсложнымъ, а двухсложнымъ, т. е. оканчивалось просто на *t'jã* (иначе сказать — на слогъ, состоящій изъ мягкаго *t* и йотованнаго *ã*), то такой малоруссъ могъ тогда же вмѣсто мягкаго *t* съ йотою произнести просто два мягкихъ *t* (тьтъ) и обратить *z i t' jã* въ «життя». То же, конечно, происходило и въ словахъ рода не средняго.

Зап.-мр. старѣйшій примѣръ — въ юж.-галицк. Словахъ Григ. Богослова XI в.: «с[вя]щенни» (л. 92, = *χρητονιας*).

Старѣйшій вост.-мр. примѣръ (не совсѣмъ, однако, первокачественный) заключается въ черниговской Румянцов-

¹⁾ Но, конечно, при употребленіи флексіи *iv* в род. мн. прозносится «питаннѣв», съ двумя *n*.

ской Лѣствицѣ XII в. № 198: „и жел'лу и зълупомвѣние и ярость отложѣшимъ“ (л. 168), что значитъ: „и вождельнѣе, и злопамятство и раздражительность отбросившимъ“. Въ греческомъ текстѣ слову „жел'лу“ соответствуетъ (τῆ) λαυρεῖαν». Глаголь „желѣти“—это тотъ же, который, съ предлогомъ в о з, общезвѣстенъ въ формѣ „вождельти“; въ старинномъ языкѣ онъ („желѣти“)—обыченъ и легко предположить, что въ старину существовало также слово ж. р. „желья“ въ смыслѣ „вождельнѣе“, или „похоть“¹⁾; при удвоеніи мягкаго согласнаго лъ вин. падежѣ (т.-е. въ формѣ „желью“) звучаль бы „желлю“, какъ быть можетъ и воспроизведено въ Лѣствицѣ XII в. Къ сожалѣнію, мы лишены провѣрительныхъ показаній другихъ памятниковъ, подтверждающихъ существованіе слова „желья“ (съ ѣ). Попадается въ трехъ-четырехъ памятникахъ слово „желля“ (=вождельнѣе)²⁾, но оно въ нихъ написано безъ ѣ, а форма безъ ѣ не дала бы, у большинства малоруссовъ, поводовъ къ удвоенію л³⁾. Въ современномъ мр. языкѣ имѣется, пожалуй, подходящее слово „жалля“ (того же корня, лишь съ видоизмѣненнымъ значеніемъ)⁴⁾—слово, въ которомъ констатируется удвоеніе; но слово „жалля“—рода средняго, а не женскаго, и естественно должно быть возводимо къ ср. р. „жалье“, или „желье“, а не къ ж. р. „желья“, существованіе котораго въ XII вѣкѣ въ устахъ псаца Лѣствицы приходится, такимъ образомъ, лишь гадательно предположить. Къ тому же не исключена возможность, что вышеупомянутое мѣсто Румянц. Лѣствицы № 198 позволительно читать иначе, а именно: „иже луи, зълупомвѣние и ярость отложѣшимъ“. (Въ греч. текстѣ: ατοῖς τῆν λαυρεῖαν καὶ μνηστικαῖαν καὶ θυμὸν ἀποθεμε-

1) Въ кіево-печерскомъ русскомъ изданіи Лѣствицы 1877 г. (стр. 158 об.) здѣсь употреблено именно слово „похоть“.

2) См. примѣры въ словарѣ Срезневскаго, т. I, стр. 855,—напр., „осквернилася оканними желями“—въ новгородскомъ Писемовѣ сборникѣ XIV в., л. 36.

3) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ черниг. говорахъ аналогичное слово „недѣля“ (тоже безъ ѣ) слышится съ удвоеніемъ: „недѣлля“, род. „недѣллѣ“ и т. д. (срв. Чубинскій, т. II, стр. 75, 76). Галицкимъ говорамъ тоже известны такіе случаи (см. Огоновскаго „Studien“, стр. 86).

4) Говорятъ, напримѣръ, „жалля мнѣ сердце крае“. Срв. также у Чубинскаго, т. V, стр. 653.

уоис) ¹⁾. А если такъ, то въ вопросѣ объ удвоеніи мягкихъ согласныхъ передъ йотою вышеприведенный примѣръ изъ Румянцовской Лѣствицы № 198 придется совершенно устранить.

Однако въ почти одновременномъ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (=майской Четвъ-Минеѣ) мы видимъ образецъ вполне хорошій, — именно въ „Мученіи св. Ирины“: „и погрягнуша вси въ безаконьнѣи“ (л. 78, д). Должно быть, и начертаніе „судидиѧ“ (л. 103, в, — въ Житіи Меодія, =судья) возникло оттого, что писавшій произносилъ прежнее слово „судья“ за „судья“.

Прекрасенъ примѣръ изъ монастырскаго сѣв.-киевского (вѣроятно, Кіево - Печерскаго) житійнаго Чудовскаго Сборника XIV в. № 20: „Б[ог]атствія лишени на толико възвыси тя гордѣньне“ (л. 37 б) ²⁾.

Въ одновременномъ буковинско-волошскомъ Евангелии Верковича XIV в.: „осужению“ ³⁾. — То же — въ буковинскихъ грамотахъ. Такъ, въ вассальной присягѣ 1462 года воеводы Стефана (=Улян. № 91, стр. 99—100) ⁴⁾: „празъ обвезаниѣ присягы вашоѧ“ (буква ѣ=я); „вы мове ни ѣмъ, на долѣ писаннымъ“; „своего передку пабы вама“ (чит. „набивання“; =своихъ предковъ нажитый опытъ). — Въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV в. удвоеніе отсутствуетъ ⁵⁾.

¹⁾ Въ такомъ случаѣ начертаніе „луй“ = „лѡй“ (см. нашу Грамм., стр. 150), и это слово тоже можетъ служить переводомъ греческаго (τλί) λαυεῖαν). Въ другихъ старинныхъ спискахъ Лѣствицы мы въ этомъ мѣстѣ находимъ слово: „нечистоту“, близкое по смыслу къ „лѡй“.

²⁾ Не мѣшаетъ намъ отмѣтить, что есть въ Чудовскомъ Сборникѣ также начертанія типа „терпѣнѣ“ (л. 10 а), т. е. безъ ѣ, но съ однимъ н, за которымъ непосредственно написана йотованная церковно-слав. буква ꙗ. Крайне сомнительно, чтобы ихъ можно было читать на галицкій ладъ (т. е. „терпѣне“, съ однимъ н, а не съ двумя).

³⁾ „Русск. Филол. Вѣстникъ“ 1894, кн. 4, стр. 284.

⁴⁾ Объ этой грамотѣ и ея изданіи см. у насъ выше, стр. 410.

⁵⁾ Процитированное Огоновскимъ въ „Studien“ (стр. 83—84) начертаніе „потверженне“, якобы находящееся въ Зудечовскихъ грамотахъ 1421—1430 г. (=Голов. №№ 39—42), основано — надо думать — на нечеткости того печатнаго экземпляра, которымъ пользовался Огоновскій. На самомъ же дѣлѣ у Головацкаго издано „потверженне“.

Въ Синодальномъ Студійскомъ Уставѣ XV в., происходящемъ откуда-то съ нашего юга,—Иосифова монастыря ¹⁾: „всѣмъ дверемъ затворенымъ, начинаютъ бр^ат^я изъвну стояще пѣти“ (л. 125).

Про „-ня“ въ Псалтири Ѳедора Жидовина XV в. см. стр. 411.

Въ кievской дарственной записи 1510 г. дворянина Остафея Дашкевича кievо-Никольскому монастырю ²⁾: [свѣдки] „печати свои приложили посполу з моею печатью“. То же — въ одновременномъ кievскомъ воеводскомъ приговорѣ 1510 г. по процессу между монастыремъ кievо-Печерскимъ и Николо-Пустынскимъ ³⁾: „жадного припомина^ння не имѣлъ“, „ездити имъ по роллѣ озле ровка“.

Въ официальныхъ описяхъ замковъ и староствъ XVI в. удвоеніе *ня* — часто. Напр., въ описи Мозырскаго замка 1552 г. ⁴⁾: „За то наймуеть староста двухъ сторожовъ до паркана для пален^ня печей в ъзбахъ и для рубаня дровъ до кухни“ (617); „Отношен^ня платовъ: на отношен^не платовъ до скарбу господарского мещане и волость Мозырская и Бичцкая дають дяку старостиному 8 копѣ грошей“ (624); „А то—села, которые помогаютъ в подводахъ и въ стацахъ, у городовъ и въ паркановъ рублен^ни и в перекоповъ копан^ни; а некоторые были з нихъ того тягнута и робити черестали, нижили (=да только) з росказан^ня господарскаго опять ку тому есмо ихъ привернули“ (644). Даже если опись составлялась не по-малорусски, а по-польски, то и тогда въ ней легко прослѣдить мр. удвоеніе XVI в. по формѣ именъ собственныхъ, особенно по частому имени „*Illa*“ (=Илья, мр. „Иля“), которое въ этой формѣ съ удвоеннымъ *л* обычно по грамотамъ еще въ XV вѣкѣ. Напримѣръ, въ польской люстра-

¹⁾ По описанію синод. рукописей Горскаго и Невоструева этотъ Уставъ—№ 382.

²⁾ Изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. 1, т. VI, стр. 14—15.

³⁾—„Арх. Юго-Зап. Р.“, ч. 1, т. VI, стр. 15—16.—Кажется впрочемъ, что этотъ и предыдущій документы—не подлинники 1510 г., но немного болѣе позднія (кievскія же) копии. Въ изданіи это однако не оговорено,—и это моя лишь личная догадка.

⁴⁾ Издана Мозырская опись 1552 г. въ 7-й части „Архива Юго-Зап. Россіи“, т. I (Кievъ 1886), стр. 611—647. Опись эту, вообще очень интересную для исторіи мр. языка XVI в. (въ ней *o=i*), мы ужъ цитировали на стр. 183.

ціи Кременца 1563 г. ¹⁾ записанъ мѣщанинъ „*Masz Oleunik*“ (46;=Ильашъ, мр. „Иляш“) ²⁾.

Легко проскальзываетъ удвоеніе и въ книгахъ кгородскихъ XVI в. Напримѣръ, очень употребительное слово „привиліи“ (съ удареніемъ, надо полагать, на среднемъ слогѣ) имѣетъ въ параллельныхъ формахъ среднего рода видъ не только „привилія“ и „привилія“, но и „привилія“. Такъ, во Владиміръ-Волинской книгѣ кгородской подъ 1567 г. (№ 934, л. 27, въ копіи съ королевской грамоты): „отъ предковъ нашихъ привилія наши суть имъ выданы“ (рядомъ же съ „привиліями нашими“, „ведле привилевъ давныхъ и нашего привилія“) ³⁾. Или—тамъ же, подъ 1605 г. (№ 970, л. 1, въ копіяхъ со старинныхъ дарственныхъ записей и завѣщаній) ⁴⁾ мы, сверхъ именъ собственныхъ вродѣ „кнегини Иллиной“ (19), видимъ отглагольныя существительныя: „Я, вышепомененная Магдалена Деспотовна, дознавши и маючи завше при себе милость, склонность и угожанія сына моего милого, [ему] симъ тестаментомъ записую“ и пр. (29—30); „а наболше [прошу старане мѣти]—о учтивомъ выхованю и цвиченю дѣтокъ моихъ“ (33). Или напр. въ рѣшеніи коннаго суда 1608 г. о кражѣ меду (той же Владиміръ-Волинской книги кгородской, л. 286): „за домовеніемъ се (=ся) Абрамовое Пузовское“ (два раза) ⁵⁾. То же, конечно,—и въ книгахъ кгородскихъ луд-

¹⁾ Изд. въ 7-й части „Архива Юго-Зап. Россіи“, т. II, стр. 42 и слѣд.

²⁾ Примѣровъ на начертаніе *Иш* можно бы и изъ XVI-го в., и изъ слѣдующихъ вѣковъ привести сколько угодно, но мы укажемъ лишь два первые попавшіеся, по одному изъ 17-го и 18-го столѣтій: изъ 17-го вѣка — въ житомирскомъ документѣ 1651 г. (=Арх. Юго-Зап. Р., ч. 7, т. I, стр. 467: *Иш* Kowłuk), изъ 18-го вѣка—въ житомирскомъ докум. 1733 г. (=Антон. и Козлов. № 35, стр. 69).—Иногда, въ силу привычки, даже и *иш* „Ишко“ писалось съ двумя *ш*, хотя на самомъ дѣлѣ въ немъ едва ли могло слышаться удвоеніе; такъ, въ Кременецкой люстраціи 1563 г.: „*Jasko Iłkowicz*“ (изд. въ Арх. Юго-Зап. Р., ч. 7, т. II, стр. 92).

³⁾=Антон. и Козлов. № 44, стр. 101—102.

⁴⁾ Изд. въ 7-й ч. „Архива Юго-Зап. Р.“, т. I, стр. 8—35.

⁵⁾ Изд. Н. Иванішевъ въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857, кн. III, см. стр. 51 и 52.

вихъ, и кievскихъ и другихъ. Напр., разсмѣевочный ъ актъ 1600 г. подкоморскаго суда кievскаго воеводства (№ 1, л. 96) озаглавленъ: „Лета Божего нарoженнѣя тисеча шессотнаго“¹⁾.

У ученыхъ схоластическихъ книжниковъ XVI—XVII в. удвоенныя мягкія согласныя напечатаны не часто, но все же проскальзываютъ.

Такъ, въ обоихъ печатныхъ зап.-мр. словаряхъ,— въ „Лексиконѣ“ Лаврентія Зизанія (Вильно 1596): „спротивленіе“; въ „Лексиконѣ“ Павлы Берынды — „преумноженіе“ (117); у Берынды мы имѣли выше случай отмѣтить „млат'ся“ (278,=льется).

Въ кievо-Михайловскомъ Учительномъ Евангеліи 1604 г.: „свиння“²⁾ (рукоп.).

Изъ двухъ жившихъ въ Кіевѣ знаменитыхъ православныхъ проповѣдниковъ XVII в. у Іоаннікія Галатовскаго удвоеніе не попадается (вѣроятно, онъ говорилъ такимъ зап.-мр. говоромъ, въ которомъ мягкія согласныя передъ йотой не удваиваются). Но у его ученика черниговца А. Радивилковскаго это не разъ. Въ его рукописномъ „Огородкѣ“ (1671): „веселя“ (I, 12;=род. пад.), „кѣмєніе“ (I, 1461; необычное удареніе на кѣ), „вчиненію“ (II, 1183), „позваніе“ (II, 1400), „оčekиваніемъ“ (II, 1541); въ печатномъ „Огородкѣ“ 1676 г.: „играмм'емъ“ (108), „взезенія“ (383; род. ед.), „поздоровленіемъ“ (931). Въ его печатномъ „Вѣдцѣ“ 1688 г.: „нарушенія“ (6 об.; род. ед.), „утрапенія“ (295; им. мн.).

На поляхъ книги Иннок. Гнзіііа: „Миръ челоуѣка съ Богомъ“ (Кіевъ 1669) какой-то читатель-священникъ изъ придиѣпровской Полтавщины³⁾ сдѣлалъ на стр. 387 къ рубрикѣ о „Несоблюденіи обѣта нищеты“ приписку: „А шкатула где з грошмы подѣнется? А шаты, строєнне?“ (=наряды).

Въ поучительно-апокрифическомъ Полтавскомъ Сборникѣ 1679 года игумена Геннадія⁴⁾ книга Эноха

¹⁾ Изд. въ 7-й ч. „Архива Юго-Зап. Россіи“, т. I, стр. 261.

²⁾ Отмѣтилъ П. И. Житецкій въ „Очеркѣ литер. ист. мр. нар.“ стр. 92.

³⁾ О немъ см. у насъ выше, стр. 167—168.

⁴⁾ Описавъ и отчасти изданъ („Книга Эноха“) А. Поповымъ въ его „Библиографич. Матеріалахъ“ № 4, стр. 66—139. Ссылки дѣлаемъ на это изданіе.

отглавлена такъ: «Книга о тайнахъ Емоховыхъ, списанна въ градѣ Подгавѣ за стараніемъ о[тца] Генадія» (89). Въ копіи съ Предмовы до (покойнаго) ии. Острожскаго: «строха писанна пану своєму милостивому приписовати» (87).

То же явленіе, конечно, не могло не прерваться и у ир. историковъ XVII—XVIII в. Такъ, въ Лѣтописи Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго ¹⁾:—и. ед.: «шаданнє», «споволеннє», «рушеннє», «собранны»; род. ед.: «Збаражжи», дат. «атаманнє», оруд. «сиряданнє», мѣстн. «обложеннє».—Въ гадячской Лѣтописи Грабники 1710 г. ²⁾: «сповѣданнє» (и. ед., 169), род. «Занпорожжи», дат. «челобиттє», мѣстн. «на занпорожжу».—Въ Лѣтописи Самойла Величка 1720 г. ³⁾: и. ед. «Подолє», ред. «сиряданнє», «прывытлє», мѣстн. «рушоннє»; у него же дат. ед. ж. р.: «браттѣ» (собрат.,=братнємъ, «братів»).

Новомалорусская литература сразу же установила, согласно съ живымъ ир. произношеніемъ, правописаніе съ удвоенными мягкими согласными типа „життя“, „оповідання“ и т. п., и строго держится этого правописанія до наст. времени. Только въ періодъ 30-лѣтняго „плѣненія галицкаго“ (1876—1906), когда украинская литература, изгнанная російскимъ правительствомъ съ родины, принуждена бывала подчиняться кастрированію галицкому, въ печати успѣло появиться достаточное количество украинскихъ произведеній, въ которыхъ галичане, противъ желанія авторовъ, деспотически вводили орфографіи: „житє“, „оповіданє“,—въ угоду своему локальному произношенію или—это лучше сказать—въ угоду польшизнѣ (życie, opowiadanie) и рутенству, потому-что⁴⁾ вѣдь и Галичинѣ не чуждо произношеніе съ удвоеніемъ: „життє“, „оповіданє“. Но теперь и галичане понемногу возвращаются къ общеукраинскому правописанію.

1) Изд. Лѣт. Самовидца въ Москвѣ, 1846

2) Изд. въ Києвѣ 1854.

3) Києвск. изд. 1848.

4) См. выше, стр. 417.

Мнимая жалованная грамота князя Льва Даниловича Галицкаго епископѣ Перемышльскоѣ 1302 г.

(Поддѣлана не позже 2-й четверти XV вѣка).

А се я, князь Лѣвъ, сынъ кроля Данила, згадшися есмо с' нашими бояры: яко прадѣдъ, ц[а]рь великыи Володимиръ, и отецъ нашыи придалъ митрополитомъ и еп[и]с[ко]пѣмъ по всимъ землямъ руськымъ,—такоже и мы Богу и святому Иоанну еп[и]с[ко]пѣи Перемышской придали есмо село Рушевичи, поченши отъ урочищъ чрезъ Клепино граници Рушовской до млинища на Глажевъ, отъ Глажева—до виръховины до Бичища, отъ Бичища—до Юльтоховы росохы, отъ Дунковичъ, а отъ Юльтоховы—до Высокой горы. А от[ъ] той горы—до Перунова дуба горъ Скломъ, а отъ Перунова дуба—до Бѣлыхъ береговъ; а отъ Бѣлыхъ береговъ—до Кольменскихъ потоковъ из' обѣма берегы, а отъ Кольменскихъ потоковъ—до Черемошной и доловъ Череманского до Клепина млинища. Даемъ с' полии и сѣножатни и зъ луками и стави и млынии и з' лѣсы и з' бортьми и медовыми данми и овчими данми и со всѣми пожиткы и ловищи. Дали есмо ку святому Иоанну въ богомолство на вѣкы вѣчне, еп[и]с[ко]помъ всѣмъ держати, поживати и на вѣкы вѣчне, а за насъ Бога просити и за нашѣ предкы. А на мое слово кто уступитъ, судъ с' нимъ предъ Богомъ, и да будетъ клятва Божія на немъ в сеи вѣкъ и во будучій, во д[е]нъ страшнаго суда Божія. На то есмо грамоту нашу дали и печать свою привѣсили. А при томъ были митрополитъ Галицкій, с' Клироса и вл[а]д[ы]ка Перемышскыи Ларіонъ и князь Андрей Ярославичъ и пакъ Васко, и иныхъ бояръ много было при томъ. А писана и дана грамота уво Лвовѣ, пятюкъ м[ѣ]с[я]ца октоврѣя во 8 д[е]нъ лѣта 6800 десятого. А писецъ Захарія Вихотъ.

*) Я. Головацкій: Хрестоматія, Вѣна 1854, стр. 316—317, изъ Граматики Іос. Левицкаго, Перемышль 1834.

Глава десятая.

О недопустимомъ въ литературѣ смѣшеніи неударнаго *о* съ неударнымъ *у*. Случай узаконенія такого смѣшенія рѣчью литературною Рѣдкіе случаи смѣшенія *о* и *у* подъ удареніемъ. Судьба стариннаго предлога *єзз*.

Як часом плутвається ненаголошене *о* з ненаголошеним *у*, і що авійшло з тієї плутанини до мови письменської? Спорадичне поплутання звуків *о* и *у* під наголосом. Про долю применника *єзз*.

§ 54. Замѣчанія о характерѣ мр. звука *с*.

а) Малорусскій звукъ *с*, находится ли онъ въ положеніи ударномъ или въ неударномъ, есть въ своей сути самый чистый звукъ *с*, безъ наклонности къ *аканью* и безъ наклонности къ суженію. Таковъ онъ былъ, понятно, изстари (срв. стр. 140), та-

ковъ и доннѣ онъ остался у малоруссовъ въ общемъ.

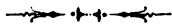
б) Однако изстари, еще у лѣтописныхъ кievлянь, констатируются случаи, когда, подѣ влияніемъ сосѣдняго (обыкновенно ударнаго) звука *a*, неударный звукъ *o* ассимилировался у малоруссовъ съ этимъ *a*, такъ-что, напримѣръ, „богатый“ обращалось въ „багатый“. Объ этомъ явленіи и объ аналогичныхъ фактахъ мы очень подробно говорили выше, въ §§ 33—37¹⁾, причемъ тогда же указали, что такое *a* (изъ *o*) типа „багáтый“, въ виду своей повсемѣстности, почти всегда бываетъ принято и въ литературномъ малорусскомъ правописаніи. Въ частности, въ § 35 (стр. 254) нами поточнѣе отмѣчено, какія именно изъ такихъ фонемъ (со звукомъ *a* вмѣсто ожидаемаго *o*) сдѣлались литературны, а какія—остались нелитературны въ виду своей узкой локальности и неповсемѣстности.

в) Съ другой стороны, изстари (еще съ XI вѣка) констатируются случаи, когда неударный звукъ *o* могъ ассимилироваться у малоруссовъ съ сосѣднимъ звукомъ *y*, или могъ даже безъ всякаго сосѣдства со звукомъ *y* приобрѣсти суженное произношеніе, близкое къ *y*,—особенно подѣ влияніемъ какойнибудь этимологической аналогіи. Со звукомъ *ѣ* (иначе й о, ъ о) изстари случалось то же, и онъ, при неударности, изстари могъ ассимилироваться съ сосѣднимъ *у*ковымъ слогомъ и звучать какъ *ю*, а иногда онъ

¹⁾ Въ особомъ приложеніи къ стр. 245—248 приведены дополнительныя выписки изъ старинныхъ памятниковъ, еще лучше освѣщающія это звуковое явленіе и его исторію.

съуживался въ звукъ ю и безъ всякаго ўковаго сосѣдства. Какъ тщательно ни старались наши предки писать этимологически и не допускать на письмѣ проявленіе этой особенности, она иногда вдругъ у нихъ прорывалась противъ ихъ воли, и тогда они вмѣсто о и є (=ѣ) нечаянно писали ов п ю. И случилось это не только въ области нарѣчія западнаго, которое, какъ видно изъ современныхъ данныхъ, отличалось особенно-сильною склонностью съуживать о въ у;—случалось это и въ области нарѣчія восточнаго, гдѣ склонность къ съуженію звука о въ у развита несравненно меньше. Для исторіи языка поучительно, что даже самый старшій изъ дошедшихъ до насъ восточно-малорусскихъ памятниковъ (кіевскій Изборникъ Святослава 1073 г.) уже обнаруживаетъ антилитературное смѣшеніе неударнаго о съ у.

Нынѣшняя глава посвящена ближайшему разсмотрѣнію этого явленія.

Показанія памятниковъ XI—XV в. относительно смѣшенія неударныхъ о и у.

Приведемъ изъ старинныхъ малорусскихъ памятниковъ XI—XV в. нѣкоторое количество соотвѣтственныхъ выписокъ, причемъ остановимся лишь на тѣхъ случаяхъ смѣшенія неударныхъ о и у, которые не вошли въ новомалорусскій литературный обиходъ. Слѣдовательно, мы въ перечень не включимъ, на примѣръ, цитатъ съ ўковыми формами неопр. н-нія типа „торгувати“ (изъ болѣе стараго „торговати“), потому-что окончаніе неопр. н-нія увати принято мр. литературнымъ правописаніемъ за норму. Для начертаній подобнаго, узаконенно-литературнаго типа мы приведемъ выписки изъ памятниковъ не здѣсь, а въ своемъ мѣстѣ.

Въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава
УКРАИНСКАЯ ГРАММАТИКА, т. I. л. 36.

1073 г. вмѣсто „по Арифову нечѣстию“ мы видимъ: „по Ариюву“ (л. 243 об.)¹⁾. Изъ „Августина“ мы здѣсь, въ XI в., уже находимъ перемѣну, соответствующую современному вульгарному произношенію: «Угустина» (л. 127)²⁾; но въ названіи „Силуамъ“ вм. „Силоамъ“ (срв. „силуамовъ“, л. 107 а) превращеніе звука *o* въ *y* состоялось, вѣроятно, еще на греческой вульгарной почвѣ, о чемъ еще будетъ рѣчь ниже. На манеръ современнаго сѣв.-кѣвскаго произношеніе оруднаго падежа ж. р. (типа: „з добрую дѣвчину“) мы находимъ и въ Изборникѣ 1073 г.: „И уне жити въ земли пустѣ, или съ женою язычною и которивую“ (л. 170;=сварливою)³⁾; „умьную мыслью“ (л. 182); «сытостью утробьную» (л. 157 об.); „божьскую яго силою“ (л. 245); „сетьную ненавистью ненавидѣхъ ихъ“ (л. 162 об.;=чрезвычайною ненавистью); срв. еще въ причастіи: „прѣдваривъшую ноштью“ (л. 215 об.)⁴⁾.—И наоборотъ, вм. неударнаго *u* мы встрѣчаемъ въ Изборникѣ 1073 года букву *o* (на манеръ современнаго локальнаго „ходоба“ и „рбзом“ вмѣсто „худоба“ и „рбзум“): „по-

1) Звукъ *y* выраженъ посредствомъ йотованнаго большаго юса, а не посредствомъ буквы *y* (которая могла бы возникнуть и безъ вѣдома писца, просто въ силу расплыва чернилъ въ буквѣ *ic*).

2) И въ первомъ и во второмъ слогѣ этого имени звукъ *y* выраженъ, по обычаю, одинаково черезъ *oi*: „Ovгоустина“. Этимъ совпадениемъ устраняется возможность прочесть первый слогъ въ начертаніи 1073 г. за „Oo“, хотя не можетъ быть сомнѣнія, что между латинско-греческой формой „Августинъ“ и современной вульгарной „Угустинъ“ существовала промежуточная стадія „Ovгустинъ“.

3) Звукъ *y* выраженъ въ „которивую“, какъ и во всѣхъ слѣдующихъ аналогичныхъ начертаніяхъ орудн. падежа прилагательныхъ на *ую*, черезъ буквы *oi*, а конечный звукъ *y*—черезъ йотованный большой юса.

4) Положительно нѣтъ никакой необходимости стараться вводить эти начертанія изъ церк.-слав. языка и предполагать, что звукъ *y* (=буквы *ou*) явился въ Изборникѣ 1073 г. вм. церк.-славянскаго юса. Фраза: „женою язычною и которивою“ ясно показываетъ, что мы имѣемъ дѣло просто со смѣшеніемъ неударныхъ *o* и *y*.

гобий“ (л. 58); а также въ формахъ глаголовъ на „-овати“, напр.: „прѣмѣняеть бо образъ мира сего“ (л. 92), „послѣшъствоеть“ (л. 108). Имѣя въ виду нынѣшнее локальное мр. произношеніе „будѣ[ть]“ съ удареніемъ на *é* вмѣсто средне-украинскаго „бѹде[ть]“ съ удареніемъ на *у*, мы можемъ къ категоріи смѣшенія неударныхъ *o* и *у* отнести въ Изборникѣ 1073 г. еще: „такъ да бодеть“ (л. 91, т. е. будеть)¹⁾.— Особо стойтъ, наряду съ этимологическимъ „епископъ“, ѹковое „епискупъ“ (лл. 35, 123, 262, 262 об.) или, съ отпаденіемъ начальнаго гласнаго — „пискупъ“ (лл. 96, 211, 262), гдѣ звукъ *у* вмѣсто *o* безъ сомнѣнія занесенъ прямо изъ вульгарнаго новогреческаго произношенія и попадаетъ во всевозможныхъ памятникахъ.—То же надо вообще сказать и о другихъ греческихъ словахъ старокіевскаго періода: „парусъ“ (при литературномъ греческомъ *pharos*)²⁾, „уксусъ“ (литер.-греч. *oxos*), „артусъ“ (= *artos*) и т. п.

Попадаетъ нехарактерное „епискупськъ“ (л. 55 б) и въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в., гдѣ впрочемъ есть и вполне типичный примѣръ: „уружьникъ“ вм. „оружьникъ“ во фразѣ: „Ярость—лютьи уружьникъ,—и жены не бѣаху безъ оружия“ (л. 71 б).

Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (майской Четвъ-Минеѣ съ произведеніями Нестора Кіевопечерскаго): „а рука еи (т. е. рабы) бѣше суха,— пребываше не мугущі послужити г[оспо]дѣ“ (л. 21 д; срв. тремя строками выше: „не мугущи ничьсо

¹⁾ Трудно впрочемъ высказаться опредѣленно, съ діалектической ли особенностью живой рѣчи писца имѣемъ мы въ этомъ начертаніи дѣло, или—съ чисто-механическимъ пропускомъ второй половины начертанія *ov*.

²⁾ О значеніяхъ этого слова см.: стр. 113.

же“). Это—въ Житіи Бориса и Глѣба,—и тамъ же листомъ раньше—о вм. неударнаго у: „ч[е]л[о]в[ѣ]къ хромъ приде пълзая съ многъмъ тродъмъ“ (къ мощамъ Бориса и Глѣба; л. 20 а); „х[ристо]во м[у]ч[е]нику“ (л. 22 в),—на манеръ вульгарнаго современнаго „ей Бого!“.—Въ Житіи Θεодосія Печерекаго: „всячьскыимъ благочыстїю мь украшена“ (л. 27 а; ю вм. *ю*); и обратно: вм. предлога ус (произшедшаго изъ в ъс) мы видимъ у Нестора о с: „се . . . о велицѣмъ о[т]ѣци нашемъ Θεодосіи оспытовая слышахъ от[ѣ] дрѣвннихъ мене о[т]ѣць“ (л. 67 в; = „успытовая“, изъ „ѡспытовая“)¹⁾. Здѣсь же, на л. 56 с, сперва было написано: „бяхоть грядуще“, а потомъ передѣлано на „бяхуть“; такъ же на л. 60 с начертаніе „въ другое мѣсто“ передѣлано изъ первоначальнаго „дрогое“²⁾.—Въ прочихъ житїяхъ Успенскаго Сборника XII в.: „онкїю хлѣба и чапю воды“ (л. 75 а; греч. „unki'a“), „да реку съ сто[л]у тробю“ (л. 89 с; = *hina to tū apostólū phthénxōmai*)³⁾; въ нихъ же не разъ можно указать букву у, которая передѣлана изъ первоначально написаннаго о, посредствомъ придѣлки полукруглаго хвостика сверху строки.

Въ черниговской Румянцовской Лѣствици XII в. № 198: „и паче бѣсящися окаяхъ я, акы чърнилъмъ гулубь“⁴⁾ безъ вѣсти сътвориша“ (л. 79

1) Срв. этотъ же глаголь въ Изборникѣ Святослава 1073 г.: „въспытаешши, како е родился Б[о]гъ“, а въ причастной формѣ—въ черниговской Румянцовской Лѣствици XII в. № 198: „и въспытовающе“ (л. 126 об., а).

2) Выговоръ „дрогому“ извѣстенъ и понынѣ у малоруссовъ. См. Драгомановъ: Преданїя, стр 263.

3) Повидимому переводчикъ не понялъ, что греческое *apostólū* есть одно цѣльное слово и разбилъ его на предлогъ *apō* и род. пад. *stólū*.

4) Первое у выражено черезъ двѣ буквы *or*, второе у—черезъ одну слитную букву *укъ*.

а; вм. „голубѣ“, ж. р.,=голубой цвѣтъ)¹⁾. Не такъ характерны дательные падежи прилагательныхъ на -уму, -юму,—напр. „добрѹму“, „доблюму“ (л. 20 об.), „третьюму“ (л. 112, л. 154 об.), „ближнѹму“, „чрепльющѹму“ (л. 173 об.) и т. п., потому что, хотя они и совпадаютъ съ нынѣшнимъ сѣверно-кѣвскимъ и черниговскимъ произношеніемъ, но могли попасть въ черниговскій списокъ Лѣствицы XII в. просто изъ церк.-слав. оригинала.—Начертаніе „пристопльше“ (л. 115), если писецъ дѣлалъ удареніе на предлогѣ „при“, тоже можетъ относиться къ свидѣтельствамъ о смѣшеніи неударныхъ о и у, не безъ участія корневого смѣшенія „ступати“ и „стѣпа“; срв. соврем. „ступінь“ и „стѣпінь“ (=шагъ)²⁾.

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ, которое составлено или въ Кіевѣ или въ Черниговѣ въ концѣ XII вѣка, но дошло до насъ въ болѣе позднемъ, сѣверно-великорусскомъ спискѣ ок. XV в., есть во „Снѣ Святослава“ два случая смѣшенія неударнаго о съ у. Не изъ кѣвско-черниговскаго ли оригинала попали они въ дошедшій до насъ сѣв.-вкр. списокъ? Одинъ случай—менѣе характеренъ: „Но рекоста: мужаймѣся сами! Преднюю славу сами похитимъ, а заднюю (=заднюю, заднѣю) ся сами подѣлимъ“³⁾. Другой случай—излюбленное малоруссами въ жи-

¹⁾ Въ русскомъ переводѣ (Кіево-Печ. Лавра 1877, л. 69 об.) это мѣсто переведено такъ: „я счелъ ихъ окаяннѣйшими самыхъ сумашедшихъ людей, потому-что они голубиную своего сердца бѣлизнау какъ бы нѣкимъ черниломъ замарали“.

²⁾ Если же писецъ дѣлалъ удареніе не на предлогѣ, то написаніе „пристопльше“ будетъ, скорѣе всего, простая описка.

³⁾ Нехарактеренъ этотъ примѣръ потому, что въ чистѣйшихъ великорусскихъ памятникахъ того же XV вѣка, къ которому—вѣроятно всего—относится списокъ Слова о Полку Игоревѣ, мы замѣчаемъ какъ-разъ смѣшеніе неударныхъ окончаній о ю и у ю: срв. „пречистою его Богоматерь“, „великою княгиню“ въ грам. 2-ой четв. XV вѣка, изд. въ I томѣ „Собранія госуд. грамотъ и до-

вомъ выговорѣ, (хотя далеко не всегда поощряемое литературной орфографіей) превращеніе неударнаго суффикса *ов* въ *у*: „Всю ночь съ вечера босови враи възграяху“ (вм. „босови“,=чертовы)¹). Чрезвычайно вѣроятно, что это начертаніе „босови“ находилось въ первоначальномъ мр. оригиналѣ XII в. и, какъ слово малопонятное для сѣвернаго русскаго, переписано было съ рабской буквальнойностью.—Подобное не разъ можно подозрѣвать насчетъ многихъ ўковыхъ начертаній въ спискахъ съ кievской лѣтописи. Таково, по Ипатскому списку, подъ 6454—946 годомъ: „Ольга же повелѣ къѣмуждо гулѣбви и воробѣви привязати чѣръ . . . и пустити . . . въ гнѣзда“ (л. 44)²),—хотя, конечно, могло это „гулѣбви“ быть внесено не въ Кіевѣ еще, а въ проме-

говоровъ“ (М. 1813) № 68. Смѣшивается у сѣв. великоруссовъ флексія вин. пад. ую съ ою и въ настоящее время (см. Колосовъ: „Обзоръ, стр. 101).

1) „Бось“=чертъ. Въ Толковой Псалтири XI в. (изъ Толстовскаго собранія, теперь Импер. Публ. Библ.) въ толкованіи на псаломъ 118-ый сказано: „далече бо быша отъ своя чьсти и Б[ог]а босове“ (л. 237;=дьяволы). Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в., въ Мученіи св. Ирины, справа написано: „Не пожру босомъ!“ (л. 73 а, строка 10-ая;=не принесу жертвы демонамъ), а ужъ затѣмъ исправлено на „бѣсомъ“. Повидимому этотъ самый корень донинѣ сохранился въ современныхъ малорусскихъ словахъ: зап.-мр. „босѣрка“ (=вѣдьма, колдунья; также—упырица), зап.-мр. „бусовір“ (=идолопоклонникъ, язычникъ), вост.-мр. „бузовір“, „бузувир“.

2) Въ печатномъ изданіи (стр. 37) этого нѣтъ: тамъ издано съ поправкою на „голубви“.—Удареніе въ словѣ „голуб“ во многихъ мр. говорахъ (изъ числа западныхъ и сѣверныхъ) приходится на слогъ *му*, а не на *го*, т. е. тамъ выговариваютъ: *голу'б*, *гулу'б*, съ такимъ удареніемъ, какое для женскаго рода присуще всѣмъ говорамъ безъ исключенія („голу'бка“). Такъ же прилагательное „голубиѣ“ (голубой) произносится въ сѣверныхъ и западныхъ говорахъ очень часто съ удареніемъ на *лу*: „голу'бий“, „гулу'бий“, а словарь галичанина Желеховскаго только такое уда-

жуточной стадіи—въ волынской редакціи XIII вѣка.-- Подъ 6582=1074 г.: „[Федосій] рече—будру́ быти на пѣние церковное“ (стр. 129). Обратнo мы видимъ подъ 6505=997 г. букву *o* вм. неударнаго *y*: „по горсти овса, или пшеницѣ, или отробъ (стр. 88). Подъ 6658=1150 г.: „Чернии Клобоци“ (276). Подъ 6708=1199 г.: „князь Рюрикъ . . . изообрѣте и ходожника, имене[мъ] Милонѣгъ“ (476)¹⁾.—Но, разумѣется, трудно опредѣлить, что изъ всѣхъ этихъ начертаній принадлежитъ кievскому оригиналу, что внесено волынской редакціей, и что могло попасть изъ-подъ пера сѣв.-великорусскаго переписчика.

Въ южно-галицкомъ Ев-и поповича Евсевія 1283 г.: „гонимъ бываше бѣсомъ сквзѣ пустыню“ (л. 51 об., а; и еще на л. 57; вмѣсто „скозѣ“)²); „и убрѣтоша сѣдяща ч[е]л[о]вѣка“ (л. 51 об., б.) Едва ли однако сюда относится: „иду, да възбужу и“ (л. 67 б;=церк.-слав. „възбужду“)³) и „видѣша уно-

рєніє и знаєтъ (т. I, стр. 150).--Въ центральномъ Приднѣпровьи произносятъ „голуб“, съ удареніемъ на *ю*, и „голубий“ съ удареніемъ на концѣ, рѣдко „голубий“; а произношеніе „голуб“ слышится тамъ только въ пѣсняхъ (срв. „Голуб—сизий, голуб—сизий, голу́бка—сизіща; Батько—милій, мѣти—мила, дружина—миліща“;—въ пѣснѣ изъ Звенигородщины).

1) Но подъ 6636—1128 г. форма съ *o*: «и бывъ посредѣ пути и остраши вся» (стр. 210) не относится къ смѣшенію неударныхъ *o* и *y*. Это *o*—особый предлогъ. Срв. малорусское существительное съ удареніемъ на предлогѣ: „о́страх“ (=опасеніе).

2) Форму «скозѣ» мы видимъ, напр., въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. (л. 197 d). Срезневскій въ своемъ словарѣ (т. III, стр. 377) указываетъ „скозѣ огнь и воду“ въ одномъ Прологѣ XIII в.

3) Вѣрнѣе всего, что поповичъ Евсевій произносилъ предлогъ *єз* за *уз* и иногда снабжалъ его эвфоническимъ призвукомъ *є*. То же онъ продѣлывалъ и съ предлогомъ *єз*: превращалъ его въ *у*, а потомъ снабжалъ призвукомъ *є*; на оборотѣ того же листа, гдѣ на-

шю, сѣдящю одеснүю, одяна въ одежду бѣлу“ (л. 8 об., а)¹⁾.

Въ болѣе сѣверномъ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г. мы видимъ даже дальнѣйшую стадію смѣщенія неударныхъ о и у. А именно: неударный звукъ о, замѣстившись посредствомъ у, оказался способенъ стянуться въ ѡ: „и ѡ одежи что ся печете?“ (л. 34; вм. „о одежи“); срв. современное „на-около“ (при „на-около“,=вокругъ), „на-опаки“ (при „на-опаки“,=напротивъ) и т. п. Обратное явленіе— о вм. неударнаго у: „посто мѣсто“ (лл. 42, 62;=пусто). Вѣроятно, вмѣсто неударнаго ѣ употреблена буква ю въ реченіяхъ: „морю жю (=жо) и вѣтру вѣлю дышющю“ (л. 8;=морю жо)²⁾ и „къ пришедъшимъ Юдѣюмъ“ (л. 11, л. 51,=Июдѣюмъ), хотя эти начертанія могутъ быть объяснены и иначе³⁾. Насчетъ „ошедъ скрыся“ (л. 130, т. е. ушедши

писано „вузбужо“ имѣется такъ же: „всякъ, вѣруя о у мя, не умръ“ (л. 67 об. б).

1) Можно бы предположить, что „сѣдящю“ есть дъспричастіе, могшее уже существовать въ XIII в. и оканчивавшееся въ рукописяхъ обычно на шо (изъ болѣе стараго шс). Но, кажется, вѣрнѣе будетъ—думать, что поповичъ Евсевій принималъ существительное „юноша“ за имя рода не только мужскаго, но и женскаго, въ виду его грамматическаго окончанія (это и теперь бываетъ у зап. малоруссовъ,—см. „Украинск. грамм.“, т. II, стр. 16—17) и что, слѣдовательно, его „сѣдящю“ есть форма вин. пад. причастія *женскаю* рода.

2) „Жо“ появляется вмѣсто болѣе стараго „же“. См т. I, стр. 373.

3) Читатъ ли эту букву ю дѣйствительно за звукъ ю, или же надо видѣть въ ней посильное воспроизведеніе чистаго звука ѣ, это выяснитъ затруднительно, потому-что писецъ Галицкаго Ев-я 1266—1301 г. (какъ и нѣкоторые другіе древнерусскіе писцы) за неимѣніемъ особой буквы для звука ѣ пользовался, по догадкѣ Шахматова, буквою ю въ смыслѣ совершенно явственнаго звука ѣ. Кажется, что и для ударнаго звука ѣ онъ употреблялъ тоже букву ю напр. во фразѣ: „Въ шю дшю“ Іс[ус]у въ Капернаумъ, приступи къ нему сотъникъ“ (л. 36), гдѣ первое слово (буде оно не описка, съ „предвосхищеніемъ“) должно быть прочитано—очевидно—не

скрылся) возможны сомнѣнія, написано ли первое слово вмѣсто „ушедь“ или же вмѣсто „о[т]шедь“¹⁾.

Въ Холмскомъ Евангеліи XIII вѣ: „воини же убу иствориша“ (л. 148 об., =убо); „подобни суть отрочищюмъ, обдящемъ на торжищихъ“ (л. 74 об., =вм. „отрочищюмъ“ изъ болѣе стараго „отрочищемъ“; срв. сейчасъ же далѣе: „другъ мытаромъ“, л. 75, =мытаремъ).

Въ Луцкомъ Евангеліи XIV вѣка: „несги съсудъ скузѣ ц[ь]рк[ъ]вь“ (л. 104 об., вм. „сксзѣ“; такъ же—налл. 113 об., 118 об., 119 об., 126, 126 об. и др.); „бѣяху во д[ъ]ни преже потопа ядущю и пьющю, жениящя и посагающе“ (л. 102 об., вм. „ядущѣ“ и „пьющѣ“); „начаша престаяти блюдуще его и ищющю“ (л. 129, —вм. „ищющѣ“).—Какъ и въ Галицкомъ Ев-и 1266—1301 г., такъ и въ Луцкомъ Ев-и смѣшеніе неударныхъ звуковъ о и у привело къ полному смѣшенію начальнаго предлога о съ предлогомъ у, возникшимъ изъ предлога ѿ. Такъ: „Нѣ уведи насъ о напасть“ (л. 124 об., =. у напасть“ изъ церк.-слав. „въ напасть“); „будьте о мнѣ, і азъ у васъ“ (л. 207 об., =. у мнѣ“ изъ церк.-слав. „ѿ мнѣ“) и тамъ же далѣе: „аще о мнѣ не пребудете“, „іже будеть о мнѣ, и азъ ѿ немъ“ (во всѣхъ трехъ случаяхъ „о мнѣ“ = „у мнѣ“ изъ „въ мнѣ“).

Въ сѣверно-киевскомъ монастырскомъ (вѣроятно, киево-Печерскомъ) житіиномъ Чудовскомъ Сборникѣ XIV вѣка № 20 неударное начальное о въ словѣ „орарь“ перешло, сжуживаясь, въ звукъ у:

иначе, какъ „въшѣдшю“, „въшьодшю“ (срв. соврем. „увійшовши“ со звукомъ [s]o).

¹⁾ Въ церковнославянскомъ языкѣ замѣна начальнаго предлога от [ъ] посредствомъ о—довольно обычное дѣло.

„урарь с[в]я[т]о[г]о“, л. 88 а. А кромѣ того,—это тутъ же, параллельно,—мы видимъ еще одну форму этого слова, въ которой звукъ *е*, по другому звуковому вост.-мр. закону¹⁾, ассимилировался съ ударнымъ со-сѣднимъ *а*: „примъ хламиду окровавдену и часть от[ъ] арарѣ“ (л. 88 d; чит. „отъ араря“; ѣ=я)²⁾.

Въ буковинско-волошскомъ Ев-іи Веркови ча XIV в. смѣшеніе *о* и *у*, можно сказать, пестритъ: „свѣму“ (л. 63), „по учищѣнию“ (л. 6), „г[оспо]л[и]на думѣ“ (л. 122 об.,=домѣ), „помилой“ (л. 38 об., л. 42, л. 44, 55, 64, 66), „радойся“ (л. 108 об.), „[азъ] вѣ-рюю“ (л. 21,=я вѣрю), «при поти» (л. 54,=при пу-ти), «никому же» (л. 145 об.,=нікому же), „к нему“ (л. 36,=к нему)³⁾ и мн. др. Сродни этому явленію— ассимиляція неударнаго отвердѣвшаго звука *с* удар-ному звуку *у*: „ты будужи“ (л. 65, вм. „ты будужи“)⁴⁾

Буковинскія грамоты XIV—XV в.

Изобильно это явленіе и въ буковинскихъ го-сподарскихъ грамотахъ XIV—XV в., осо-бенно во флексіяхъ.

а) Такъ, зап.-мр. глагольная флексія *-[ь] о м*, *-ѣ о м* 1-го л. мн. ч. ⁵⁾ не разъ превращена у буковинцевъ

¹⁾ См. стр. 241.

²⁾ Это—въ Житіи св. Дмитрія Солунскаго, которое списано въ Сборникъ съ балканскаго оригинала, смѣшивавшаго *ъ* и *я*.

³⁾ Удареніе въ „нікому“ и „к нему“ падаетъ у малоруссовъ, какъ извѣстно, на предпоследній слогъ. Произношеніе „к нему“— западно-малорусское (а центральный украинецъ произноситъ „к ньому“, если вообще пользуется этимъ рѣдкимъ предлогомъ „к“, а не обычнымъ своимъ предлогомъ *до*).

⁴⁾ Объ этихъ глагольныхъ флексіяхъ съ *у* вмѣсто *е* см. стр. 196.

⁵⁾ О зап.-мал. флексіи *[ь] о м*, *ѣ о м*, вм. *е м*, см. выше, стр. 389. Выписки изъ памятниковъ, относящіяся къ ней, см. стр. 377, 379 и еще стр. 196.

XIV—XV в. въ -умъ, -юмъ. Наприм., въ договорѣ 1395 г. воеводы Стефана съ Ягайломъ: „[Мы] слюбу юмъ острѣгати ихъ во всомъ“, „[мы,] все посполство землѣ молдавской, слюбу юмъ вернымъ быти и помагати,“ (=Улян., стр. 8, 9).—Въ присягѣ 1448 г. воеводы Петра королю Казимиру: „мы вѣда юмъ, иже земля молдавская съ ея панствы з давнихъ часовъ ку кролевству Полскому прислушаютъ“ (=Улян. 75).—Въ прощенныхъ грамотахъ 1460 и 1462 г. воеводы Стефана Великаго Михайлу-логовету: „Тии рѣчи не имаемъ усьпомѣнути, але хочумъ его миловати“, „тое усе вишеписанное слубу юмъ пану Михайлу логовету здержати“ (=Улян. 96, 97); „хочумъ тѣ (=тя) миловати и у великой чты и ласцѣ держати“ (=Улян. 99).—Въ договорѣ 1462 г. воеводы Стефана съ королемъ Казиміромъ: „если бы хумъ тых-то Сад-Ахматовичювъ не выдали, тогда“ . . . и т. д. (=Улян. 102).—Въ примирительномъ договорѣ 1499 г. воеводы Стефана съ королемъ Яномъ-Олбрахтомъ: „ани мѣста не им а юмъ ему (=королевскому врагу) давати у нашей земли“, „али . . . им а юмъ его въгнати и въпудити (ъ=ы) исъ нашей земли“ (=Улян. 172); срв. тутъ же: „колико будумъ мочи“ (171 и 175), „будумъ ехати“ (174), „како мочимумъ найборзо“ (175;=вост.-мр. „могтимем“).

б) Если 1-е л. мн. ч. употребляется съ флексіей -мо (а не просто м), то бѣковинскія грамоты легко ее обращаютъ въ -му. Такъ, въ обязательствѣ передъ королемъ 1435 г. со стороны воеводы Стефана—помириться со своимъ братомъ Ильею: „Про то жъ слубу е му и слюбили-есмо нашему милому господареви-королеви не помянути тыхъ листовъ“, „учинили-есмы вѣрною покору и поклонил-я-е-с-му, яко брату старшему“ (=Улян. 43); вспомогательный глаголъ „есму“ (вм. „есмо)—неударная энклитика.—Или въ дарственной грамотѣ 1471 г. воеводы Стефана Ве-

ликаго²⁾: „На болшую крѣпост[ь] вѣлели-сму вѣликому пану логовету лист писа[т]и³⁾“.

в) Въ этой же грамотѣ 1471 г. есть: „от наша милости“ (=нашоѣ), „овъчюа“ (=овечоѣ), уже цитированное „вѣликому“ и тому подобныя укловыя начертанія вмѣсто ожидаемыхъ оновыхъ во флексіяхъ склоненія. Едва-ли надо говорить, что въ этомъ отношеніи бѣков. грамота 1471 г. не стоитъ особнякомъ; да и въ однихъ тѣхъ выпискахъ, которыя мы выше уже приводили изъ прочихъ бѣков. грамотъ ради флексій глагольныхъ, мы ужъ имѣли возможность попутно указать укловыя флексіи склоненій. Въ особенности обычно—смѣшеніе неударнаго окончанія *ою* и *ую*, такъ-что, напримѣръ, стереотипная фраза: „его правую и вѣрную службу“ почти постоянно пишется въ бѣковинскихъ грамотахъ съ буквою *о*, а не съ *у*; срв. „мы, видѣвши его правою и вѣрною службу до насъ, жаловали его“ (въ грам. 1436 г.—Улян. 48; въ грам. 1445 г.—Улян. 67); „за его правою и вѣрную службу“ (въ грам. 1445 г.—Улян. 68; въ грам. 1446 г.—Улян. 69); „чистою вѣру и певную будемъ держати“—въ грам. 1448 г. (=Улян. 73); „мы, видѣвши доброю ихъ волю и правую заплату“—въ грам. 1452 г. (=Улян. 78); „продали свою правою отнину“—въ грам. 1489 г. (=Улян. 118), и т. п. При склоненіи именъ существительныхъ—такое же смѣшеніе звуковъ *о* и *у* въ неударныхъ флексіяхъ. Напримѣръ, въ присягѣ воеводы Ильи королю 1436 г.: „пану Владиславовы, полскому крѣлювы“ (вм. „крѣльови“;=Улян. 49),

¹⁾ Ее издалъ А. Кочубинскій въ акад. рецензіи на П. Житцакаго, въ 32-мъ Уваровскомъ присужденіи, стр. 248—250.

²⁾ Таково мое чтеніе, основанное на сличеніи съ прозими бѣковинскими грамотами. Въ изданіи Кочубинскаго послѣднія слова или не разобраны, или невѣрно выведены изъ-подъ титлъ, такъ что напечатана совершенная недѣльность: „-ло еепкул отписат“ (съ начальной омегой въ „отписат“, прочитанной вм. буквъ *ис*).

„под чѣстїю и вѣрюю . . . на каждыи часъ ховати“ (50). Очень любимо въ буковинскихъ грамотахъ употребленіе флексїи *умъ* вм. *омъ* въ дат. жн. Напр., въ грамотахъ 1433 г.: „намъ и дѣтемъ нашимъ и намѣсткумъ“, „приказуемы всѣмъ намѣсткумъ нашимъ“, „воеводѣ, его дѣтемъ, намѣсткумъ и подданнымъ“ (= Улян. 37; срв. то же „намѣсткумъ“ еще два раза на стр. 38, два раза на стр. 39); „чинимы его правымъ дѣдичомъ тымъ гóродумъ (39); „кролеви полскому и его намѣсткомъ и дѣд[и]чумъ корони полскои“ (41) и т. п.¹⁾

г) И помимо флексїи можно, разумѣется, констатировать въ буковинскихъ грамотахъ смѣшеніе неударнаго *о* съ *у*. Напримѣръ, въ силу этого фонетическаго явленія глаголь „уживати“ (=употреблять, пользоваться) иногда получалъ у буковинцевъ XIV—XV вѣка (какъ и теперь) звуковую форму „оживати“, словно съ инымъ предлогомъ. Такъ—въ дарственной грамотѣ 1431 г. воеводы Александра: „а хотарь²⁾ той чясти да будетъ по старому хотару, куда из-вѣка оживали“ (=Улян. 34); буквально то же выраженіе—въ дарственной грамотѣ 1436 г. (=Улян. 54), хотя встрѣчаются грамоты и съ правильнымъ написаніемъ, какъ 1444 г.: „куда из-вѣка уживали и колко узможесть [Михайль-логоветъ] уживати“ (=Улян. 65).—Въ договорѣ 1411 г. воеводы Александра съ Польшею: „А пак-ли бы потягнулъ король Угорьскыи на мене, на Александра воеводу, тогда король Полскыи имаеть насъ боронити и потягнути во Угурьскую землю“ (=Улян. 22; удареніе, очевидно, было „угорскыи“, а не „гóрскыи“).—Въ дарственной записи 1488 г. воеводы Сте-

1) Крайне сомнительно, чтобы эта буква *у* означала собою рефлексъ долготнаго *о*.

2) Хотарь—межа, граница.

фана Путенскому монастырю¹⁾: „а отголѣ черес поле.., та на рѣку на Дерлуи, та дулѹ (=долѹ). Дерлуем на став монастырскіи“. И т. п.

Понятно, что и галицкія (и инія зап.-мр.) грамоты XIV—XV вв. представляютъ намъ образцы этого же явленія: Въ дарственной грамотѣ т. н. 1302 года кн. Льва Галицкаго (поддѣланной не позже 2-й четверти XV в.): „а отъ Бичища—до Юльтоховы росохы, а отъ Юльтоховы—до Высокой горы“ (=Йовтухово)²⁾.—Въ купчей 1359 г. изъ Перемышльщины³⁾: „а въ то не надобѣ уступатися ни унукумъ еѣ, ни племени еѣ“⁴⁾.—Въ грамотѣ 1378 г. (=Akta, t. VIII, 15—16): „мунастырь“, „мунастыреви“, „торгувля“⁵⁾.—Въ львовской купчей 1400 г., которую удостовѣрилъ воевода панъ Мацина⁶⁾: „свою дѣдину . . . продалъ за 30 копъ русскихъ безо дву купѹ“ (=копѹ; род. двойств.).—Въ мѣновой грамотѣ 1418 г. изъ Галича (=Голов. № 31, стр. 35): „дала со всѣми ужитъки, што нынѣ суть, што и потомъ мугѹтъ быти“ (удареніе въ „могѹтъ“—на концѣ).

Въ Каменецъ-Стромиловскомъ Евѣи 1411 г.: „слозѣ“ (л. 19, =слутѣ), „жешу постити“ (л.

¹⁾ Изд. А. Яцимирскій, № 11;=Труды Славянской Комиссии Имп. Моск. Археол. Общ., т. IV, вып. 1 (=М. 1907), стр. 298.

²⁾ О звукѣ л. см. в см. стр. 89. Подробнѣе—см. въ моемъ „Древне-киевскомъ говорѣ“, стр. 36.

³⁾ Издана въ Akta grodzkie i ziemskie, т. VIII, стр. 5.

⁴⁾ У Головацкаго № 2, стр. 6, исправлено въ печати на „унукомъ“.

⁵⁾ Удареніе на послѣднемъ слогѣ дѣлается только въ зап.-мр. нарѣчїи, преимущественно въ галицко-подольскихъ говорахъ; мы же, восточные малоруссы, ставимъ удареніе на среднемъ слогѣ: торгѹвля. Вм. зап.-мр. „мунастир“ мы произносимъ „манастир“.

⁶⁾ Голов. № 20, стр. 19=Акты Юж. и Зап. Росс., т. I, стр. 3.

85,=пустити) „обояша же ся“ (л. 124,=убояша же ся).

Въ антиеврейскомъ Посланіи Ѳедора Жидовина 2-й полов. XV в., (уроженца не то сѣверной Кіевщины, не то Черниговщины¹⁾ смѣшеніе неударныхъ *о* и *у*, вѣроятно, проявилось въ начертаніи „*руду*“ вмѣсто „*роду*“ (см. въ началѣ же: „Пишу своему *руду* и своимъ приятелемъ и, Иа[раи]лю, твоимъ приятелемъ и всему роду юдѣйску“), если только это слово Ѳедоръ Жидовинъ произносилъ съ удареніемъ на концѣ: „*рудѹ*“²⁾.

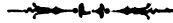
Вышеприведенный рядъ выписокъ изъ памятниковъ XI—XV в. (его можно бы значительно увеличить) обрисовываетъ исторію вульгарнаго смѣшенія неударныхъ *о* и *у* настолько достаточно, что изъ болѣе позднихъ памятниковъ (напримѣръ, изъ многочисленныхъ дошедшихъ до насъ рукописныхъ книгъ и документовъ XVI вѣка) мы выписокъ ужъ приводить не будемъ. Просто скажемъ, что иллюстрирующихъ данныхъ встрѣчается очень много, — все равно, возьмемъ-ли мы какой нибудь актъ судебный съ воспроизведенными престонародными показаніями сви-

¹⁾ Изд. М. И. Соколовъ въ московскихъ „Чтеніяхъ“ 1902, кн. III, стр. 106-109.

²⁾ А то, вѣдь, возможно, что Ѳедоръ Жидовинъ произносилъ „*рудѹ*“ съ удареніемъ на первомъ слогѣ. Срв. у другого черниговца—Ант. Радивиловскаго XVII в.: „*руку*“ (въ Огородкѣ, л. 811; см. „*року*“), „*стусы*“, „*стусами*“ (въ Вѣницѣ, л. 497 об., л. 460; см. „*стосы*“, „*стосами*“) съ напечатаннымъ удареніемъ на *у*,—не говоря ужъ о начертаніи „*нѣруду*“ (въ Огородкѣ, л. 427; см. „*народу*“), гдѣ удареніе поставлено на первомъ слогѣ. Сѣверно-малорусское произношеніе съ *у* въ открытыхъ слогахъ косвенныхъ падежей иногда развивается подъ вліяніемъ именит. падежа („*рѣдѣ*“, „*нарѣдѣ*“, „*рѣкъ*“, „*стѣсъ*“), въ закрытомъ слогѣ котораго слышится дифтонгъ *уо*, а иногда и прямой монофтонгъ *у* (т. е. „*руд*“, „*рук*“ и т. п.,=южно-мр. „*рід*“, „*рік*“ и пр.)—Срв. исторію замѣстительнаго удлиненія выше, стр. 150 и слѣд.

дѣтелей¹⁾), возьмемъ ли мы рукопись религиозную²⁾).

Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе замѣчается слѣчаевъ такого смѣшенія буквъ *o* и *y* въ рукописяхъ. Въ наши же времена, когда о мр. произношеніи мы можемъ судить ужъ не по опискамъ писцовъ, а прямо на основаніи непосредственнаго слухового знакомства съ живыми говорами, мы хорошо знаемъ, до какой степени развито теперь и распространено вульгарное смѣшеніе неударныхъ звуковъ *o* и *y*. Разсмотримъ болѣе яркіе случаи такого современнаго живого смѣшенія, чтобы легче научиться избѣгать его въ литературномъ описаніи.

Современное антилитературное смѣшеніе неударныхъ *o* и *y*
(въ частности *оо*, *юо* и *юу*).

§ 55. Вульгарное смѣшеніе въ силу *ассимиляціи*.

а) Если какое-нибудь малорусское слово содержитъ въ себѣ слогъ со звукомъ *y* (въ особенности ударный), передъ которымъ имѣется слогъ со звукомъ *o* (неударнымъ, конечно), то многіе малоруссы, во всѣхъ почти говорахъ, имѣютъ наклонность уподоблять (ассимилировать) неударный звукъ *o* слѣдующему за нимъ звуку *y*, а въ особенности — ударному *y*.

Такимъ образомъ они вмѣсто *г о д у в ѣ т и*
(= питать, кормить) склонны произносить *г у*

¹⁾ Беремъ первый подавшійся примѣръ изъ Владиміръ-Волынскій книги крѣдской 1567 г. (№ 934, л. 27=Антонов. и Козлов. № 44, стр. 100) по поводу обвиненія евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ ребенка: „[Привели] матку оного за мурдованого дитятя . . . и яко есть замордовано и якие раны на немъ—огледено“.

²⁾ Напр. въ Пересопницкомъ Ев-и 1561 г.: „тыя примутъ болшее осожденіе“ (стр. 18).

дува́ти, вмѣсто коштува́ти (=отвѣдывать, пробовать; стоять)—куштува́ти; вмѣсто полю́ю (=охочусь)—пулю́ю; вмѣсто остю́к (=ость въ колосѣ)—устю́к; вмѣсто кожу́х (=тулупъ)—кужу́х; вм. мордува́ти (=мучить, терзать, изъ нѣм. morden)—мудува́ти; вмѣсто воруші́тися (=шевелиться)—вуруші́тися; вмѣсто отру́їти (=отравить)—утру́їти; вмѣсто зозу́ля (=кукушка)—зузу́ля; вмѣсто голубка—гулубка; вмѣсто доброю дѣвчиною (=доброй дѣвушкой)—добрую дѣвчиную и т. п., и т. п.

Хотя наклонность эту мы наблюдаемъ въ малорусскомъ языкѣ отъ самаго стараго періода, однако, не смотря на старинность этого фонетическаго явленія и на слѣды его существованія въ языкѣ нашихъ предковъ-киевлянъ XI вѣка, литература не переноситъ его на письмо: напротивъ, искони и всегда въ такихъ случаяхъ строго пишутъ букву *o*, при чемъ помощью для орфографіи намъ могутъ служить слова того же корня или аналогичныя грамматическія формы съ ударны м ъ звукомъ *o*. Поэтому мы этимологически должны всюду писать: *годува́ти* (срв. год; годѣ=довольно, достаточно), *коштува́ти* (срв. кошт=расходъ, стоимость), *полюва́ти* (срв. плѣ), *кожу́х* (срв. „кожа“), *воруші́ти* (срв. „ворохъ“), *остю́к* (срв. „ость“), *зозу́ля* (срв. зап.-мр. *зозуля* *), *мордува́ти* (срв. зап. морд=убійство), *отру́їти* (срв. отдѣльно предлогъ *o*), *голубка* (срв. голуб), *дѣвчиною* (срв. дочкѣю) и т. п.

*) Правописаніе съ *o* („зозуля“), соответствующее обычному малорусскому произношенію, является объединительнымъ для локальнаго вост.-мр. „зузуля“ и для зап.-малорусскаго „зозуля“. Исторически же всѣ три фонемы—второстепенныя, а не основныя; а ихъ предокъ—старокіевское „жегуля“ или „зегзуля“,—(иначе, съ другимъ суффиксомъ „зегзиця“. Напр. въ Словѣ о Полку Игоревѣ Ярославна „зегзицею рано кычетъ: полечю—рече—зегзицею по Дунаевѣ“).—Форма съ *o*, т. е. „зозуля“, извѣстна изъ старокіевскаго „Мѣрила Праведнаго“. „Мѣрило Праведное“—это кіевскій

3) Ассимиляціонное суженіе звука *o* въ звукъ *y* распространено почти во всѣхъ говорахъ, не исключая и центральныхъ. Нѣсколько рѣже происходитъ обратное явленіе—превращеніе неударнаго основнаго *y* въ звукъ *o*, если сосѣдній слогъ содержитъ въ себѣ ударное *o*. Въ Полтавшинѣ, напримѣръ, вмѣсто „рѳзум“ можно услышать „рѳзом“: срв. полтавскую поговорку: „Учися рѳзому не до старости, але до смѣрти“¹⁾; а въ Подоліи вмѣсто „худѳба“ (домашній скоть) мѣстами слышится и „ходѳба“²⁾, и очень часто говорятъ „сопостат“ вмѣсто „супостат“ (гдѣ *y* изъ ж.) Въ литературномъ правописаніи эта черта избѣгается еще строже, чѣмъ предыдущая, т. е. чѣмъ ассимиляціонное превращеніе *o* въ *y*.

§ 56. Вульгарное, антилитературное появленіе звуковъ *y* и *ю* вмѣсто неударныхъ *o* и *ѳ* внѣ ассимиляціоннаго вліянія сосѣднихъ *y* ковыхъ слоговъ.

а) Уподобленіе звука *o* сосѣднему звуку *y* явилось, вѣроятно, причиною того, что многіе малоруссы приобрѣли

юридическій сборникъ XIII в. съ морализаторскимъ „пчелнымъ“ введеніемъ (о немъ см. у Сперанскаго: „Переводные сборники“, М. 1904, стр. 319), дошедшіи до насъ въ рукописи XIV вѣка, ок. 1350 г (Троицко Сергіевской Лавры № 15). Въ ней, въ выборкѣ изъ книги Эноха, мы имѣемъ: „Зогзуля в чюжа гнѣзда яция своя мечеть“ (л. 32; печ. изд. у Тихонравова: „Памяти. отреч. литер.“ I, 20). Звукъ *o* передъ твердымъ слогомъ *зу* развился изъ мягкаго *e* въ слогѣ *зег* (или *жег*) вполне фонетически (см. выше, стр. 371), тогда какъ звукъ *a* въ зап.-малорусскомъ „зазуля“ возникъ, вѣроятно, по приуроченію начальнаго слога *ю* къ предлогу *и*.—Впрочемъ, на малорусскія формы этого слова могло повліять и однозначашее арабско-персидско-тюркское слово: „зарзур“, (происхожденія семитскаго), которое въ различныхъ говорахъ звучитъ разнo: „эзур“, „зюрзур“ (или почти „зурзур“), „зерзур“, „зурзур“.

1) В. Василенко: „Метеорологія и земледѣліе по украинскимъ народнымъ воззрѣніямъ“ (Полтава 1902, изд. Общ. Сельск. Хозяйства), стр. 2.

2) „Свѣтова Зірниця“ 1906, № 35, стр. 5—Вѣроятно, не безъ вліянія также оказалась на возникновеніе этой фонемы аналогія глагола „ходити“.

вообще склонность произносить звук *o* нѣ-скольکو съ у же н н о; особенно этимъ страдаетъ все западное малорусское нарѣчіе, а изъ восточно-малорусскихъ говоровъ—сѣверные, новороссійскіе и слободскіе ¹⁾. Въ нихъ, да и въ пограничныхъ съ ними центрально-украинскихъ, не рѣдкость—услышать, напримѣръ, такія фонемы (которыхъ въ нормальную, грамматическую рѣчь не допускаютъ): бѣсуі вм. бѣсоі (род. п. ж. р. отъ бѣсій=босой) ²⁾, пужар вм. пожар, с-пужова вм. с-похова (=скатомъ, покато) ³⁾, पुलіз вм. поліз (=полѣзъ), убід вм. обід (=обѣдъ), буюрин вм. боярин (=шаферъ) ⁴⁾, субі вм. собі

¹⁾ Въ слободскихъ говорахъ (напр., воронежскихъ) даже ударное *o* способно суживаться въ у. Срв. у Дикарева: „Воронеж. этногр. сборникъ“, стр. 47

²⁾ Вспомнимъ, такія *у*ковыя флексіи въ буковинскихъ грамотахъ XV в. (см. выше, стр. 468).

³⁾ Корень *хов* (срв. „ховати“=„прятать, скрывать“).

⁴⁾ Пожалуй, въ словѣ „бояринъ“ (отъ котораго, кстати сказать, происходитъ и русское „баринъ“ путемъ стяженія двухъ начальныхъ слоговъ въ одинъ) первоосновный звукъ собственно былъ *a*, такъ-какъ это слово заимствовано изъ тюркского языка. „Байар“=по-тюрки „баринъ“, „господинъ“; въ Средней Азій „байар“ значить „вельможа“, „знатный“; въ Крыму—просто „сударь“.—и окликъ. „Эй байарлар!“ въ смыслѣ „эй, господа“ можно тамъ слышать на каждомъ шагу; сличеніе съ монгольскимъ языкомъ показываетъ, что основное значеніе этого слова есть „богачъ“. Въ буковинскихъ грамотахъ XV вѣка мы встрѣчаемъ начертаніе и съ *o*, и съ *a*,—напр. въ прощенной грамотѣ 1460 г. воеводы Стефана своему логовету: „у баіара вехъ или будь-где“, наряду съ „бояре наши“ (Улян. 96); но сомнительно, чтобы это буковинское *a* XV вѣка было остаткомъ еще стариннаго общеславянскаго произношенія близкаго къ тюркскому первоисточнику: должно быть, буковинское позднее „баяринъ“ XV в. произошло черезъ ассимиляцію изъ „бояринъ“. Дѣло въ томъ, что еще очень рано на древне-славянской почвѣ развился въ этомъ заимствованномъ словѣ звукъ *o*, и оно было приурочено къ слову „болій“ (Отсюда возникла даже форма „боляринъ“, извѣстная даже въ самыхъ старыхъ славянскихъ рукописяхъ). Что касается мр. произношенія этого слова съ *y*, то мнѣ оно напоминаетъ по памяткамъ лишь въ позднихъ рукописяхъ. Такъ, въ галицкомъ Словѣ Меводія объ антихристѣ XVIII в. (музей Петрушевича № 105=Франко: Памятки IV, 285): „будуть убогіи, яко буяре, а бояре—яко князи“. Но, конечно, возникнуть могло *у*ковое произношеніе и раньше XVIII в.

(=себѣ), курі́ння вм. корі́ння [=корни]; въ пѣснѣ приритмическомъ переносѣ ударенія: хурушбо́го рѣду вм. хоро́шого роду ¹⁾, кунва́лія вм. конва́лія =ландышъ), южа́ вм. йожа́ (=ежа, трава *Dactylis glomerata*¹), з Ка́нюва вм. з Ка́ньова (=изъ Канева) ²⁾, зап. мунасти́р (=монастырь; по вост.-мр.—манасты́р; стр. 245) и т. п.—

б) Дальнѣйшая стадія: превращеніе неударнаго *о* въ *в*.

Звукъ *у*, который появляется у малоруссовъ вмѣсто *о*, иногда до такой степени отождествляется съ старымъ основнымъ звукомъ *ѣ*, что даже бываетъ способенъ послѣ гласныхъ переходить въ *в*. Изъ такихъ случаевъ лишь нѣкоторые общераспространены во всемъ вост.-мр. нарѣчіи: на *в* горѣді́ (=на огородѣ, черезъ неупотребительную теперь стадію „на угороді́“); на *в* пакі́ (=напротивъ, черезъ стадію „наупакі́“) вмѣсто рѣдкаго теперь „на о пакі́“; на *в* коло́ (=вокругъ; зап.-мр. на о́бло); *в* п'ятъ́ (=опять, черезъ оченьъ обычную доннынѣ стадію *у* п'ятъ́ ³⁾) и т. п.

Обыкновенно же превращеніе неударнаго *о* въ *в* есть явленіе въ высшей степени узко-локальное, и то

¹⁾ Им. падежъ звучитъ, конечно, въ видѣ хоршій (съ удареніемъ на *о*), и род. пад. собственно произносится тоже всегда съ *о*: хоршого. Но въ пѣсняхъ, ради ритма, удареніе очень часто оказывается неправильнымъ, и такимъ образомъ ради хорейнаго ритма поютъ „хоршого́ роду“, „хоршоя́ дѣвчино́нка (вм. хоршоя́ дѣвчино́нка“), откуда и возникаетъ локальное пѣсенное произношеніе: „хурушбо́го рѣду, хурушя́ дѣвчино́нка“.

²⁾ Всѣ примѣры взяты мною изъ Кіевщины, южнѣе р. Роси, гдѣ говоръ можетъ быть характеризованъ какъ переходный отъ центрально-кіевскаго говора къ слободскому, съ наличностью нѣкотораго вліянія подольскаго.

³⁾ Насчетъ такого происхожденія мр. „вп'ять“ возможно однако сомнѣніе: быть можетъ, именно „уп'ять“ происходитъ изъ „вп'ять“, а не наоборотъ. Иначе сказать: возможно, что нарѣчіе „о-п'ять“ образовано съ предлогомъ *о*, тогда какъ нарѣчіе „в-п'ять“ — съ предлогомъ *въ*, (все равно, какъ третье нарѣчіе „всп'ять“ — съ предлогомъ *въ*). Въ такомъ случаѣ фонема „уп'ять“ происходитъ изъ „ввп'ять“ въ силу законовъ благозвучія (§ 48).

преимущественно западно-малорусское. Изъ локализовъ восточно-малорусскихъ такого рода можно указать, на-примѣръ, слободское прилагательное „не в ко ві р н и й“ (его иногда пытался литературизовать Б. Гринченко), первоначальная форма котораго видна изъ полтавскаго „неоковерний“ (=неряшливый) *).—Въ зап.-мр. говорахъ превращеніе неударнаго *о* въ *в* иногда приводитъ къ такимъ формамъ, которыя восточный малоруссъ бываетъ даже не въ силахъ понять сразу. Не трудно ему, конечно, понять локальное зап.-малорусское „на вбід“ (=на обѣдъ), но ужъ потруднѣе „на в ба боки“ (изъ „на обѣ боки“), тѣмъ болѣе, что по восточно-малорусски говорится „на обидва боки“.—О внесеніи подобныхъ фонетическихъ явленій въ литературную рѣчь никто, разумѣется, и не помышляетъ.

с) Обратное явленіе: вульгарное превращеніе (въ ассимиляціи) неударнаго *у* въ *о*.

Выше (стр. 474) мы имѣли случай наблюдать діалектической ассимиляціонный переходъ неударнаго звука *у* въ звукъ *о* (полт. „рѣзом“, подольск. „ходѣба“ и т. п.). Но переходъ *у* въ *о* иногда совершается и помимо ассимиляціи. Порою это дѣлается ради диссимиляціи съ сосѣднимъ уковымъ слогомъ, порою—не безъ вліянія кое-какихъ аналогій. Вспомнимъ, напр., зап. *корува́тися* вм. обычнаго *курува́тися* (=лѣчиться, *sich kurieren*), *пльондрова́ти* вм. обычнаго *плюндрува́ти* (=расхищать, *plundern*), вост. *бома́га* (откуда, по стр. 241, и *бама́га*) вм. *бума́га*, *ою́н* вм. *ую́н* (=в'юн. вьюнъ)**), юж.-кіев. *осѣльня́* вм. обычнаго [г] *усельня́* (=гусеницы, *собир.*), и т. п. локализмы, среди которыхъ лишь смѣшеніе начальныхъ предлоговъ *о* и *у* (напр.

*) См. техническій словарь Василенка, стр. 73.

**) Срв. у Номиса: Українські приказки, 62.

„отруїти“ и „утруїти“ (=отравить) оказывается явленіемъ болѣе или менѣе повсемѣстнымъ, все же остальное отличается крайне узкимъ діалектическимъ (а потому рѣзко антилитературнымъ) характеромъ.

Интересно, что тотъ звукъ *o*, который діалектически возникаетъ изъ *y*, до такой степени отождествляется съ подлиннымъ, основнымъ *o*, что способенъ дѣлать всѣ судьбы основного *o*. Такъ, по ассимиляціи или по нефонетической аналогіи онъ можетъ превращаться въ звукъ *a*. Только что мы отмѣтили локальное вост.-мр. „бамага“ вмѣсто „бомага“ изъ основного „бумага“ *); можемъ прибавить зап. „рабанок“ вмѣсто „робанок“ изъ основного общемалорусскаго „рубанок“ (=стругъ); вост. „багила“ вмѣсто центрального (неэтимологическаго) „богила“ при этимологическомъ зап.-малорусскомъ: „бугила“ (иначе „бугиль“, съ удареніемъ на *y*, =высокій бурьянъ изъ петрушковыхъ, *Antheriscus silvestris*); и мн. др. локализмы этого рода.

Отрицательное отношеніе литературной рѣчи къ смѣшенію *o* и *y*.

Въ вышеприведенномъ очеркѣ интересующаго насъ звуковаго явленія мы не разъ повторяли, что оно—нелитературнаго типа. Дѣйствительно: какъ старая малорусско-славянская литература XI—XVIII вѣка отвергала антиэтимологическое смѣшеніе неударныхъ *o* и *y* (мы его и узнаемъ-то лишь изъ невольныхъ описокъ), такъ и возрожденная малорусско-украинская литература отнеслась къ этому явленію вполне отрицательно, и въ литературной орѳографіи смѣшеніе неударныхъ *o* и *y* она рѣзко отвергла. Критеріемъ для установленія орѳографіи въ значительной степени послужило живое произношеніе центрально-приднѣпровскихъ говоровъ: въ

*) Объ этомъ словѣ и его этимологіи см. стр. 256.

нихъ неударные звуки *о* и *у* (если исключить случаи смѣшенія ассимиляціоннаго, т. е. въ двухъ сосѣднихъ слогахъ) различаются другъ отъ друга сравнительно отчетливо; а вѣдь именно центрально-приднѣпровское произношеніе и служить обычной нормою для установленія мр. литературнаго правописанія,—прочіе же мр. говоры ужъ просто подлаживаются въ письменной рѣчи къ нему *). Кромѣ того писатели, основавшіе новомр. литературу и продолжающіе ее, руководились и теперь руководятся исторически-традиціонной научной этимологіей, которая въ установленіи мр. литературнаго правописанія вообще всегда играетъ далеко не послѣднюю роль, хотя бы и въ ущербъ живому выговору (срв. то, что сказано на стр. 217).

Тѣмъ не менѣе для нѣкотораго количества укоровыхъ формъ и отдѣльныхъ словъ (съ неударнымъ *у* вм. *о*) послѣдовало и литературное узаконеніе. Это—тѣ формы и отдѣльныя слова, которыя имѣютъ укоровое произношеніе во всѣхъ или въ безусловно преобладающемъ большинствѣ вост.-мр. говоровъ и которыя возникли не просто въ силу смѣшенія неударныхъ звуковъ *о* и *у*, но и въ силу встрѣчныхъ этимологическихъ причинъ.— Укажемъ, что это за формы и слова.

§ 57. Орфографически узаконенные случаи появленія неударнаго *у* вмѣсто болѣе стараго *о*.

Общеукраинскими, т. е. преобладающими всюду въ восточно-малорусскомъ (да и въ западно-малорусскомъ) нарѣчій являются слѣдующіе случаи про-

*) Впрочемъ узаконить написаніе тѣхъ или другихъ словъ по укоровому произношенію сѣверныхъ или западныхъ малоруссовъ—практически было бы невозможно, потому-что нѣтъ единообразія въ этомъ отношеніи: одни зап.мр. и сѣв. мр. говоры смѣшиваютъ *о* и *у* въ одномъ словѣ, а другіе—совѣмъ въ другомъ, при чемъ первое слово они выговариваютъ согласно съ приднѣпровцами. Надо имъ поэтому согласоваться съ приднѣпровцами и съ исторической этимологіей.

изношенія звука *у* вмѣсто *о*, которые, какъ общіе, являются нормальными и для грамматики.

а) Глаголы на *у в а т и*, *ю в а т и*.

На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены ореографически-законенныя *у*ковыя глагольныя окончанія неопр. н—нія: *у в а т и* и *ю в а т и*, которымъ по-русски соотвѣтствуютъ окончанія: „овать,... евать“, равно какъ „ывать, [j]ивать“ *). Всюду (или почти всюду) малоруссы произносятъ, а потому и грамматически пишутъ: *т о р г у в а т и* (=торговать), *к у п у в а т и* (=покупать, срв. церк.-слав. (коуповати), *д а р у в а т и* (=дарить, даровати), *п р а ц ю в а т и* (=трудиться, pracować), *т а н ц ю в а т и* (=танцовать), *м а л ю в а т и* (=рисовать, срв. „малевать“), *в о ю в а т и с я* (=воевать), *в и п и с у в а т и* (=выписывать), *п і д м а л ь о в у в а т и* (=подрисовывать), *п і д с к о б к у в а т и* (=подска-

*) Русское окончаніе—ивать, —ывать часто бываетъ, кажется, не исконно этимологичнымъ. Таково, напр., русское „распытывать“ при старо-русскомъ „роспытовати“. Мр. „роспитувати“ имѣетъ прямого предка въ старо-кѣевскомъ **РОСПИТОВАТИ** (Изборн. Святослава 1073 г., л. 10 б), да и по церковно-славянски въ этомъ глаголѣ былъ суффиксъ **ОВ**. Но все равно, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда русскому окончанію „ывать“, „ивать“ соотвѣтствуютъ показанія и церковно-славянскаго языка и другихъ славянскихъ, малорусскій языкъ искони зналъ только окончанія „овати“, „jовати“, изъ которыхъ возникли нынѣшнія „увати“ и „ювати“ (не позже XIII вѣка, какъ увидимъ ниже).—Вообще между славянскими языками въ этомъ отношеніи замѣтна двойственность. Основы *ы в а*, *и в а* (производныхъ глаголовъ VI класса) свойственны языку русскому и обыкновенно польскому, рѣже церковно-славянскому, отчасти сербскому и словинскому; а соотвѣтственныя основы *о в а*, *jо в а* свойственны языку малорусскому и болгарскому (гдѣ *ов* превращается тоже въ *ув*), почти всегда церковно-славянскому (**ОВ**), часто сербскому и словинскому, чешскому, словацкому (и тутъ часто съ переходомъ *о* въ *у*), лужицкому. При этомъ встрѣчаются, конечно, въ разныхъ славянскихъ языкахъ колебанія въ разныя стороны; но для насъ практически важно помнить лишь одно,—что тамъ, гдѣ по-русски производныя основы имѣютъ тему *ы в а*, по-малорусски имѣется *у в а* (изъ болѣе стараго *о в а*).

кивать) *), в и с т р ъ ю в а т и (=выстраивать), в и с т ъ ю в а т и (=выстаивать), и т. п. Въ этихъ и имъ подобныхъ словахъ никогда не нужно писать букву *o*, а всегда—букву *у*, потому что фонемы „торговати“ или „выписовати“ не только въ восточно-малорусскомъ нарѣчїи, но и почти нигдѣ у малоруссовъ не слышны.

Очень вѣроятно, что звукъ *у* или *ю* въ окончанїяхъ *у в а т и*, *ю в а т и* твердо укрѣпился всюду подѣ влиянїемъ ударныхъ формъ наст. времени, типа *т о р г у ю*, *м а л ю ю* **). Слѣдовательно, эти формы имѣютъ, по своему происхожденїю, очень мало общаго со смѣшенїемъ неударныхъ звуковъ *o* и *у*. Не даромъ же окончанїе *у в а т и*, а не *о в а т и* слышится даже въ тѣхъ украинскихъ говорахъ, которые вовсе свободны отъ смѣшенїя неударнаго *o* съ *у*; и напротивъ—какъ-разъ въ сѣверно-мр. говорахъ, чрезвычайно склонныхъ суживать всякое другое неударное *o* въ *у*, мы порою и не слышимъ окончанїя *у в а т и*, а слышимъ явственное *o в а т и*. Типичный сѣв.-мр. примѣръ — Кобринское „*м у р д о в а т и*“ (=обще мр. „мордувати“, т. е. мучить; изъ нѣм. *morden*), гдѣ неударное *o* превращено въ *у*, а между тѣмъ окончанїе *o в а т и* не превратилось въ *у в а т и*.

Эпоха возникновенїя глаголовъ на *у в а т и* не извѣстна въ точности. Вѣроятно, какъ у болгаръ (тамъ это засвидѣтельствовано документально), такъ и у насъ формы на *у в а т и* возникли въ XII-омъ вѣкѣ. Но въ широкое употребленїе вошли они у насъ, кажется, лишь въ XV—XVI вѣкѣ.

*) По-русски пишется здѣсь окончанїе „кивать“ вм. „кывать“.

***) Таково мнѣнїе Ягича (см. *Archiv für slav. Philol.*, Т. II, 1877, стр. 358). Потební (въ „Замѣткахъ о мр. нарѣчїи“, стр. 50) подчеркивалъ ассимилирующее влиянїе звука *o*, имѣющаго сродство со звукомъ *у*. Повидимому, надо принять одновременно оба объясненїя: Потební и Ягича.

Въ буковинскомъ болгарско-Софійскомъ Ев-і и XIII вѣка глаголы на *увати* очень часты,—напр. „вѣрувашя“ (л. 8 об., л. 9), „възрадуватися“ (л. 11 об.) и проч.

Въ буковинскомъ таможенномъ договорѣ 1407 года воеводы Александра со львовскими и подольскими купцами (=Голов. № 28, стр. 29): „волно имъ ходити и торгувати соби по усѣхъ торгахъ нашихъ“.

Въ галицкомъ Каменецъ-Струмиловскомъ Ев-і и 1411 г: „заплюваше“ (л. 60). Въ этомъ глаголѣ первоначальное произношеніе было съ *ь*, а не съ *є* (церк.-слав. ПЛЪВАТИ), такъ что онъ нѣсколько отличается отъ примѣровъ предыдущаго типа; замѣтимъ, что звукъ *ю* можетъ сохраняться въ немъ и при ударности (срв. страд. прич. „заплюваний“); церк.-слав. памятники (правда, не самыя старыя) пишутъ *Ю* въ этомъ глаголѣ часто.

Въ буковинской присягѣ 1452 г. воеводы Александра королю Казимиру (=Улян. 79): „а панъ нашъ король абы насъ миловаль и опасуваль отъ нашихъ непріятелевъ, яко свои голдовники“.—То же въ присягѣ 1462 г. боярской рады воеводы Стефана: „слюбуемъ и записуваемся не отхилитися отъ нашего милого господаря, отъ короля его милости“.—Попадаютъ такіе примѣры и въ другихъ буковинскихъ грамотахъ XV вѣка. Особо стоятъ начертанія типа „добувати“ (напр. въ грам. 1457 г.=Улян. 94) *).

Изъ волинскихъ памятниковъ старѣйшіе, сколько помню, примѣры такого рода даются Пересопническимъ евангеліемъ 1561 г. (изд. Жит.): „и били по главѣ его тростію и плювали на него“ (18); и якъ [Петръ] І[су]са оплюваного, посмѣваного, по лицу битого, три разы ся запрѣль“ (71; ь=ъ; удареніе въ „оплюваного“—на ю).—Въ волинскихъ кгородскихъ книгахъ XVI в. (луцкихъ, владимірскихъ) глаголы на *увати* обычны.

Несомнѣнно, что обычны были въ XVI в. *уковья* формы глаголовъ 6-го класса и для кievскихъ земель. Срв. въ

*) „Добувати“ происходитъ отъ глагола „бути“, возникшаго изъ „быти“. Срв. объ этомъ у т. II, стр. 22. Ниже мы еще вернемся къ этому глаголу,—см. стр. 484.

описаніи кіевскаго замка 1552 г. *): „будуване в замьку“ (106).—Въ XVII вѣкѣ онѣ проскальзываютъ даже у схоластическихъ кіевскихъ писателей, хотя вообще тѣ гнушались писать живой рѣчью и старались, на польскій ладъ, употреблять въ письмѣ окончанія *и вати*, *и вати*. Напр., у черниговца А н т. Р а д и в и л о в с к а г о въ его „Огородкѣ“ (К. 1676) наряду съ полонистическимъ образованіемъ „усмотриваютъ“ (467) мы встрѣчаемъ и живое народное „у с м о т р у в а л а“ (3); срв. тамъ же: „з а п о р о ш у в а т и“ (621), „п о с к у п о в у в а л ь“ (915).

Въ глаголѣ *х о в а т и* (=прятать; корень *х о в*, наст. вр. *х о в а ю*) и *в п о в а т и* (=уповать; корень *п о в*, изъ *п ѣ в*; наст. вр. *в п о в а ю*) всегда отчетливо слышится звукъ *о*, а потому нельзя писать „хувати“ и „впувати“. По той же причинѣ лучше писать *о в ѣ к о в а т и* (въ смыслѣ *ковать*); но другой глаголъ: „кувати“ (въ смыслѣ „куковать“) ***) отчетливо произносится, а потому и пишется съ *у* ***).

При случаѣ добавимъ, что тѣ малорусскіе глаголы, односложный корень которыхъ оканчивается на *и* (*жити*, *бити*, *лити*, *пити*, *вити*) и на *ы* (*крыти*, *выти*, *мыти*), при образованіи производныхъ формъ несовершеннаго или многократнаго вида съ окончаніемъ *-вати* сохранили свои коренные звуки *и* и *ы* въ цѣлости и потому образовались съ окончаніями *и вати* и *ы вати*, а не *е вати* и не *о вати*. Поэтому мы и доннынѣ слышимъ у малоруссовъ: „п р о ж и в а т и“

*) Изд. въ „Архивѣ Юго Зап. Россіи“, ч. 7-ая, т. I. см. стр. 106.

**) Онѣ и происходитъ, черезъ сокращеніе, отъ глагола „куковать“, теперь мало гдѣ ужъ употребительнаго у малоруссовъ.

***) Замѣтимъ кстати, что теперь глаголъ „кувати“ (=куковать) спрягается совершенно такъ же, какъ „ковати“, т. е. *ку в а ю*, *ку в а е ш*, *ку в а е т* и т. д. съ удареніемъ на концѣ. Но въ пѣсняхъ можно еще наблюдать остатки прежняго спряженія этого глагола Напр., въ Кіевщинѣ поютъ:

Соловейко щечече,
А зозуленька к у в а е. (NB. удареніе на *у*!)

Ой, Бог знае, Бог відае,
Де миленький мій н о ч у в а е.

(=русск. „проживать“; мр. „прожувати“=прожевать), „забивати“ (=русс. „забивать“; а мр. „забувати“=забывать), „поливати“ (=поливать; а мр. „полювати“=охотиться), „випивати“ (=выпивать; напротив срв. мр. „напувати“=поить, напавать), „покривати“ (=покрывать), „завивати“ (=завывать; завивать), „вимивати“ (=вымывать). — Такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ русскимъ окончаніямъ *ывать* и *ивать* соотвѣтствуютъ и по-малорусски такія же окончанія, а не *увати*, *ювати*.

Въ глаголь „бывати“, (=соврем.-мр. *бувати*), хотя его корень *бы* и односложень, все же произошла перемѣна окончанія *ывати* на *увати*. Но это—не черезъ стадію *овати*: прямо *ы* замѣнилось на *у*, какъ и въ немногочисленной формѣ *бути* (=быть). Объ исторіи этого ўковаго *бути* и *бувати* см. у насъ въ „Украин. Грамм.“ т. II, стр. 22. Добавлю лишь, что указанное мною по Супрасльской рукописи въ русской транскрипціи „була“ выражено въ оригиналь посредствомъ *҃* (ижицы) т. е. Б҃УЛА, и съ успѣхомъ, пожалуй, можетъ быть прочитано также за „била“, а не за „була“, такъ-что этотъ примѣръ не слишкомъ надеженъ для исторіи возникновенія фѣнемы „бути“ и „бувати“.

б) Отглагольныя существительныя ср. р. на *ування*, *ювання*.

Производимыя отъ вышеупомянутыхъ глаголовъ отглагольныя существительныя на *ння*, которымъ соотвѣтствуютъ въ русскомъ языкѣ существительныя съ окончаніями „ованье, еванье, ыванье, []иванье“, всюду въ восточно-малорусскомъ нарѣчій звучать, а потому и пишутся—съ окончаніемъ *ування*, *ювання*. Напримѣръ, *купування* (=покупка, **КО҃ПОВАНЬЄ**), *малювання* (=рисованіе, срв. „малеванье“), а не „куповання“, „мальовання“, и т. д.

Необходимо замѣтить, что многіе изъ зап.-мр. говоровъ (больше всего—галицко-подольскіе) имѣютъ въ

подобныхъ словахъ не то удареніе, какое слышится въ неопр. н—ни, а имѣютъ то удареніе, какое слышится въ страд. причастіяхъ (купованій, мальбованій); слѣдовательно они произносятся: купóван[н]е, мальбóван[н]е. Галицкіе литераторы (многіе) желали бы поэтому, чтобы восточные украинцы на письмѣ не держались въ этихъ словахъ своего повсемѣстнаго произношенія съ уванія, юванія, а чтобы писали въ нихъ буквы *о, ю, (йо)*; при такой орфографіи какое-нибудь купованія, працюванія могло бы быть удобочитаемо и для западныхъ малоруссовъ, которые его произносили бы съ удареніемъ на *о*, а для восточныхъ* малоруссовъ жертва эта была бы не слишкомъ тяжела. Противъ такого желанія можно возразить, что произношеніе съ уван[н]е, юван[н]е далеко не чуждо и западнымъ говорамъ, не исключая тѣхъ же галицко-подольскихъ, и не всѣ галицкіе писатели нуждаются въ такой уступкѣ. Впрочемъ, рѣшеніе этого орфографическаго вопроса еще принадлежитъ будущему. Во всякомъ случаѣ мы въ своей грамматикѣ, гдѣ за норму берется рѣчь центральной Надднѣпрящины, будемъ писать исключительно по типу: купуванія, працюванія.

в) Прилагательныя на уватий, юватий.

Вѣроятно, подѣ влияніемъ глаголовъ на увати, ювати, а отчасти просто подѣ ассимиляціоннымъ влияніемъ звука *в* (сроднаго съ *у*) установилось во всѣхъ малорусскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ (съ рѣдкими локальными исключеніями, которыя въ расчетъ и не принимаются) произношеніе неударныхъ суффиксовъ *ув* и *юв* (=русск. *ов* и *юв*) вмѣсто *ов* и *юов* (йов) въ прилагательныхъ съ окончаніемъ ...уватий, ...юватий (=русск. оватый, юватый) вмѣсто оватий, юоватий (йоватий).

Напримѣръ, всѣ говорятъ, и такъ принято писать: білуватий (=бѣловатый, винуватий (=вино

ватый), сви ну в а т и й (=„свиноватый“, т. е. хамоватый, грубый), пет л ю в а т и й (=петлистый), си н ю в а т и й (=синеватый), ло ю в а т и й (=сальный, пропитанный саломъ) и пр. Въ нихъ всегда пишутся буквы *у* и *ю*, а не *о*.

Но это правило не относится къ очень близкому такому же окончанію: ов і т и й, ъ ов і т и й *), и вообще не относится оно къ другимъ случаямъ неударности именныхъ суффиксовъ **ОВ** и **ЄВ**. Нельзя, поэтому, писать „боювій“, но надо исключительно бо и ов і й (=боевой); нельзя писать: „з Кáньюва“, но надо вмѣсто этого: з Кáн ь о в а (=изъ Канева) **). Также нельзя писать „голува“, „голувátий“ вмѣсто гол ѡ в á (=голова), гол о в á т и й (=головастый) ***), потому-что здѣсь *ов* есть часть корня, а не суффиксъ.

г) Отдѣльные случаи орнографически-узаконеннаго появленія *у* вм. ожидаемаго неударнаго *о*.

Сверхъ упомянутыхъ трехъ формъ, (типа „купувати“, „купуваннѣ“ и „білуватий“) есть еще очень небольшое количество отдѣльныхъ словъ, въ которыхъ литературная орнографія узаконила неударное *у*, обыкновенно при этомъ неизгоняя правописанія тѣхъ же словъ съ *о*. Такихъ словъ можно насчитать чуть-чуть побольше десятка. А именно: можно писать безразлично букву *у* или букву *о* въ слѣдующихъ словахъ, въ которыхъ звукъ *у* всюду слышится чаще, чѣмъ звукъ *о*:

1) Пá р у б о к (=молодой неженатый человекъ);

*) Слѣдовательно, надо строго писать: дух ов і т и й (ароматный), со ко в і т и й (=сочный), пра ц ѡ в і т и й (=трудолюбивый), гро ш о в і т и й (=богатый деньгами), г н о в і т и й (=богатый навозомъ.—хотя параллельно „г н о ю в á т и й“) и т. п.

***) Можно, конечно, писать и „Канева“, съ буквою *с*, согласно тому склоненію, которое указано въ т. II, стр. 80.

****) Слово „гол у в а т и й“ будетъ означать по-малорусски „довольно голый“, а не „головастый“.

произношеніе съ *y* (по приуроченію къ корню „рѣб“) всюду въ этомъ словѣ господствуетъ, хотя корень слова есть „роб“, и старокіевская лѣтопись знаетъ только „паробъкъ“ *).

2) Отруїти (= отравить), -- срв. ударное отру'я (=ядь), отру'вний (=отравленный), наряду впрочемъ съ отрѣвний. Не значить ли троудъ ядь въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ XII в. (—соврем. мр. трута)? „Чръпахуть ми синее вино, съ трудомъ смѣшено“ (=сонъ Святослава).

3) Ворущіти (=шевелить), -- срв. ударное зап. ворущити, не ворущ.

4) Яблуня (=яблоня),—гдѣ блу есть своеобразная звуковая передача глухого сочетанія бль **).

5) Уп'ять (=опять), — оно въ силу своей общности и чередованія съ вп'ять завоевало уже себѣ всѣ права гражданства въ литературѣ и употребляется параллельно съ оп'ять. Несомнѣнно, что здѣсь мы гораздо больше имѣемъ дѣло со смысловымъ смѣшеніемъ предлоговъ *o* и *y* (=вѣ), чѣмъ со смѣшеніемъ неударныхъ звуковъ *o* и *y*.—Въ сложныхъ глаголахъ

*) Въ сущности звукъ „руб“ получился въ основѣ „паробъкъ“ около XIII вѣка изъ долгаго рѣб, или изъ руѣб, которое, подъ вліяніемъ корня „рѣб“, не перешло въ ожидаемый звукъ *i*. Мы ждали бы изъ „паробъка“ фонему „парѣбка“, но она вост.-мр нарѣчію чужда, и оно знаетъ лишь „парубка“.—О законѣ замѣстительной долготы см. стр. 141.

**) Быть можетъ, въ какой-то нефонетической связи съ гл҃у химъ лѣ оказывается и звуко сочетание *ly* въ вост.-мр. словѣ пѣлу м'я (—пламя), тогда какъ мы ждали бы той же явственной полногласной формы пѣлом'я (съ удареніемъ на *ю*), которая извѣстна у малоруссовъ западныхъ. Русское „полѣмя“ ближе стоитъ къ формѣ восточно-малорусской, чѣмъ къ западно-малорусской.

смѣшеніе и чередованіе начальныхъ предлоговъ *о* и *у* происходитъ особенно часто **).

7) Кожум'яка (при галицкомъ *кожем'яка*),—потому что фонема „кожом'яка“ почти нигдѣ у вост.-малоруссовъ не слышна; очевидно, это слово подверглось аналогіи слова: „кожух“.

8) Мáрмур (=мраморъ, лат. *marmor*), знáхур (=знахоръ, знахарь) и кáчура (=селезень) несравненно чаще звучать съ *у*, чѣмъ съ *о* потому—что всѣ три слова приурочены къ самостоятельному суффиксу *ур*. ***).

9) Дозволительно писать мáчуха (наряду съ болѣе рѣдкимъ мáчоха), гдѣ укрѣпленіе звука *у* вызвано аналогіей обычнаго окончанія ж. р. ...úха (срв. говорúха=говоруха, скакúха=скакуня, гречúха=гречиха, тоже что гречка,—и т. п.).

10) Простонародныя слова кумедия (=курьезъ, потѣха) и кумедный (=курьезный, странный) пишутся съ буквою *у* тогда, когда они употребляются въ томъ вульгарномъ значеніи, какое указано въ скобкахъ. Но терминъ комедія (=κωμῳδία, *comœdia*, извѣстный родъ драматическаго, творчества), комичный

**) Напр., въ зап. глаголь *удуріти* (сокращ. *вдуріти*), сверхъ котораго имѣется еще глаголь *одуріти*, звукъ *у* не есть замѣна звука *о*: это—просто предлогъ *у*, отличный отъ предлога *о* (срв. *уча́дїти*=угорѣть). По смыслу оба глагола *одуріти* и *удуріти* почти тождественны (=одурѣть, съ ума сойти), но первый глаголь передаетъ болѣе сильную степень. То же надо сказать о глаголахъ *опектися* (или *обпектися* = сильно обжечься) и *упектися* (=ожечься полегче), иначе *впектися*.

***) Начертаніе „мармуръ“ извѣстно въ памятникахъ XV в.,—напр. въ жидовствующемъ кievскомъ переводѣ „Эсеири“ (въ рукописи Виленск. Публ. Библ. № 262, о которой см. стр. 382): „и столпы и мармуровы“, „на помостъ багата и мармюра“ (гл. I, 6 и 7).

(=comicus, комическій) и т. п. техническія слова пишутся непремѣнно съ буквою *o* ¹⁾. Да и слово комедіянт (если оно попадетъ не въ простомъ, жанровомъ, стилѣ) пишутъ съ буквою *o*, а не въ видѣ кумедіянт; но, конечно, вполнѣ вульгарное кумедіянщик надо писать съ *y*.—То же правило относится къ слову кумпанія. Въ вульгарномъ смыслѣ („веселое сообщество“, „приятельское содружество“) оно пишется съ *y* (срв. поговорку: за кумпанію й жиди вѣшають ся=за компанію и евреи вѣшаются), но коммерческой терминъ компанія (=compagnie, компану) надо писать съ *o* ²⁾.

11) Сюда же относится діалект кievское и черниг. чередованіе стопіця и ступіця (=спица) ³⁾.

¹⁾ Обратимъ вниманіе, что вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется и окончаніе. Въ вульгарномъ кумедія мы имѣемъ окончаніе *ия* (чит. „кумѣдыя“), а въ терминѣ комедія мы сохраняемъ греческое и латинское мягкое окончаніе... *ія*.

²⁾ Вмѣстѣ чужого термина „компанія“ малоруссы имѣютъ свой прекрасный терминъ: спілка. Напр торгѣва спілка=коммерческая компанія.

³⁾ Мнѣ не извѣстно, пользуется ли это слово съ *т* распространіемъ внѣ Кіевщины и Черниговщины, гдѣ оно во всякомъ случаѣ почтенный архаизмъ. Со звукомъ *Т* мы встрѣчаемъ „стѣпница“ въ майской Четѣ-Минеѣ XII в (Успенскомъ Сборникѣ, съ произведеніями Нестора Печерскаго), именно въ мученіи св. Ирины: „Повели, да привяжутъ ю близъ колесе, яко досязати с т ъ п и ц а м ъ колесънымъ пазуху ея“ (л. 77 в).—Послѣ паденія глухихъ большинство мр. говоровъ превратило „стѣпница“ въ „спница“, а оттуда—просто въ „спца“, безъ *т*. Судя по галицкимъ грамотамъ, это случилось въ началѣ XV в.: тогдашній воевода снятинскій титулуется въ грамотахъ 1398 г., 1409 и 1418 г. то „панъ Миколаи Стпичъникъ“, то „панъ Миколаи Спичникъ“ (см. по изд. Голов. № 13, стр. 15; № 30, стр. 34; № 31, стр. 35).—О древности присутствія звука *т* въ этомъ словѣ свидѣтельствуетъ и чешскій языкъ; срв. старо-чешское *špice*, равно какъ и въ верхнелужицкомъ мы донинѣ имѣемъ *špica*, *špica*.—Часто спица называется у малоруссовъ шпница; этотъ звукъ *ш* возникъ едва ли безъ вліянія вѣмецкаго, вообще сильно отражающагося на всѣхъ ремесленныхъ терминахъ (*Speiche*=спица; срв. мр. „шпичка“,—въ смыслѣ „заостренная палочка“,—и русск. „спичка“=нѣм. *Spitze*, стар. верхнѣмецкое *Spizzi*). И по-польски *szpica*.

12) Имя „Ю х и м“ (=Евфимъ) такъ часто слышится со звукомъ ю въ живой рѣчи, что у многихъ писателей являлась наклонность литературизовать эту форму вмѣсто или съ сохраненіемъ этимологическаго „И о в х и м“, „И о х и м“¹⁾). Не лишено вѣроятія, что форма „Ю х и м“ и сдѣлается со временемъ общепризнанной. (Покажѣтъ однако, въ ней чуютъ вульгаризмъ, такъ-что, пожалуй, гораздо больше шансовъ на литературность имѣетъ не она и не „Йохим“, а третья форма—„І в х и м“, наиболее близкая по своему выговору къ церковнокалендарному „Евфимій“).

д) По поводу предлога с у.

Даже въ тѣхъ мр. говорахъ, которые не склонны смѣшивать неударныя о и у, существуетъ рядъ словъ, въ составъ которыхъ входитъ предлогъ, звучащій су и иногда имѣющій себѣ соотвѣтствіе въ русскомъ со. Его надо писать не иначе, какъ въ видѣ су, потому что малорусскій предлогъ су происходитъ не изъ со²⁾, но изъ болѣе архаичной юсовой фѣрмы, изъ сѣ.

Слѣдовательно, надо по-малорусски всегда писать: с у с і д (=сосѣдъ), с у м ѣ ж н и й (=смежный, „со-межный“, т. е. пограничный), с у п і р н и к (=соперникъ), с у т ѹ ж н и й (=трудный, затрудненный),

¹⁾ О происхожденіи начальнаго *Йо* см. стр. 398, гдѣ вообще указана исторія этого имени. Суженіе формы „Йовхим“ въ „Юхим“ произошло подъ ассимилирующимъ вліяніемъ звука *ю* послѣ *йо*.

²⁾ Предлогу со (=сѣ) соотвѣтствуетъ у малоруссовъ предлогъ *з*, *зо*. Лишь въ очень небольшомъ количествѣ словъ, сложныхъ со старымъ предлогомъ сѣ, малоруссы сохранили звукъ *с* и не замѣнили его посредствомъ *з* (срв. „свѣлок“, „сѣвисть“); это—тѣ слова, въ которыхъ предлогъ сѣ не давалъ себя чувствовать, какъ предлогъ, а напротивъ—представлялся какъ бы частью корня (срв. „свѣлок“), или тѣ слова, которыя носили священно-церковный характеръ (какъ „совисть“).

сутеніти (=темнѣть, смеркаться, супостатъ (=злой врагъ, супостатъ)****) и т. п., а не „сосід“ и т. п.

Исключеніе дѣлается для церковнославянскихъ словъ, типа сопутник, гдѣ и произносится и пишется со****).

Съ буквою Ѣ слово **сжсѣдѣ** и подобныя мы встречаемъ въ самыхъ старинныхъ рукописяхъ,—какъ въ чистыхъ церковно-славянскихъ, такъ и въ стариннѣйшихъ рукописяхъ малорусскихъ.

Не приводя выписокъ изъ памятниковъ церковно-славянскихъ, ограничимся для примѣра нѣсколькими древне-малорусскими.

а) *Сусід[а]*. Въ киевскомъ Изборникѣ Святослава 1076 г.: „(Непостоянство мира сего можно) явѣ видѣти въ дѣвоихъ сусѣдѣхъ: у сихъ сватьбу творять а у другихъ мрътвѣца плачють“ (л. 10 а).—Въ разныхъ спискахъ съ противолатинскаго посланія киевскаго митрополита Никифора (1104—1121) къ волынскому князю Ярославу Святополковичу (уб. 1123 г.): „Понеже земля людская въ сусѣдѣхъ у тебе есть“¹⁾.—Въ Галицкомъ Четвероевангеліи 1144 г.: „сзываетъ други и

****) Рѣдкое произношеніе сопостатъ (которое мнѣ пришлось услышать отъ нѣкоторыхъ подолянъ) вызвано стремленіемъ уподобить слогъ су слогу по, т. е. тѣмъ же стремленіемъ, которое въ другихъ мѣстахъ вызываетъ фонему: супустатъ. Но огромная часть малоруссовъ очень явственно произносятъ супостатъ.—Поэтому и глаголь, соответствующій русскому сопоставить, надо по-малорусски писать „супоставити“. (Глаголь этотъ, впрочемъ, рѣдокъ,—вм. него употребляются глаголы: „порівняти“, порівняти разомъ, поставити побруч, т. е. „поставить рядомъ“ и т. п.).

*****) Такія слова, какъ „сопутник“,—хоть и церковно-славянизмы, можно все же услышать изъ устъ народа. Но совершенно непонятнымъ для народа церковнымъ архаизмомъ является заглавіе Шевченковскаго стихотворенія: „Моімъ соузникамъ“: этого слова или вовсе не понимаютъ, или полагають что оно значить „союзникамъ“.

1) См. о спискахъ Посланія—у А. Попова: „Обзоръ полемич. сочиненій противъ латинянъ“ (М. 1875), стр. 108—118.

сусѣдня“ (Луки 15: 9;=сосѣдокъ).—Понятно, то же—и въ галицкихъ грамотахъ,—напр. въ удостовѣрительномъ листѣ галицкаго старосты Оты 1371 г. (=Гол. № 4, стр. 8) на купленную землю: „А се сусѣде околнии—Онисимъ“.

б) *Сумнѣватися, сумнѣтися, сумнѣння*. Въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г.: „Жена бо бестудна ничьсо же не сумнѣтися (=не боится),—ни пр[о]рока стыдиться, ни с[вя]т[и]т[е]ля срамляється“ (л. 172; см. еще л. 31); „иже ветъхыя требы въкушааху, много имяаху сумнѣниа“ (л. 52;=благоевѣніе, добросовѣстное отношеніе); „бл[а]гочьстнууму разуму и.....о божьствьныхъ сумнѣниа“ (л. 47,=благоевѣнному отношенію)²⁾.—Въ Изборникѣ 1076 г.: „любити Б[о]га, боятися, сумнѣти и 'служити ему“ (л. 106 б). Въ этомъ же смыслѣ (=„благоевѣтъ“) попадается „сумнѣтися“ и во многихъ другихъ старѣйшихъ нашихъ памятникахъ (между прочимъ—въ Несторовомъ Житіи Феодосія по Успенскому списку XII в.), но одновременно попадается оно и въ смыслѣ „колебаться, сомнѣваться“; срв. червонорусскія Слова Григорія Богослова XI в. (л. 79 б; л. 89 б). Изъ болѣе позднихъ изобильнѣйшихъ примѣровъ упомянемъ лишь въ монастырскомъ сѣв.-кievскомъ (въроятно, Кіево-Печерскомъ) Чудовскомъ Сборникѣ XI в. № 20: „Рече [Иисусъ къ Іоанну Предтечѣ]: О, кр[е]ст[и]т[е]лю! дивлю ти ся сумнѣню!“ (л. 142 d).

в) *Супротивний, супротивник, супротивитися*. Въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г.: „Б[о]жью писанию супротивящеса“ (л. 4); „супротивитися мудрости лукавство, правдѣ же—насилие“ (л. 62); „отвѣтъ супротивнѣ“ (л. 233) и мн. др.—Въ Несторовомъ Житіи Феодосія Печерскаго по Успенск. списку XII вѣка: „моляхуть ѓ не супротивитися ему“ и др. Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в.: „акы къ супротивнику“ (л. 61 а).

г) *Сумежний, суміжся* (=пограничье). Срв. въ Кіевской лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 6694=1186 г.: „пойдемъ к нимъ на сумежъ“.

Вообще примѣровъ этого рода можно подыскать по нашимъ старымъ рукописямъ сколько-угодно.

²⁾ Въ близкомъ къ этому смыслѣ доннѣ слово „сумління“ употребляется въ правобережныхъ говорахъ, гдѣ оно означаетъ „добросовѣстность“, а то и просто „совѣсть“.

е) О предложномъ сочетаніи зу.

Отъ предлога *зо*, который происходитъ изъ стариннаго **СЪ** или изъ сочетанія **ИЗЪО** (это мы видимъ напр. въ глаголь *зостѣтися*, происходящемъ изъ „из’остатися“), надо отличать приставку *зу*, которая возникла изъ *ззу*, т. е. представляетъ собою такое сочетание двухъ предлоговъ, гдѣ одинъ предлогъ есть *з*, могущій имѣть у малоруссовъ происхождение разное ¹⁾, а другой предлогъ есть *у*.

Поэтому всегда пишутъ не съ *о*, но съ *у* слова: *зупинити* (=остановить), *зустріти* (=встрѣтить), *зугарний* (=способный); зап.: *зухвѣлий* (=наглый, дерзкій). Звукъ *у*, и безъ того въ нихъ очень явственный, дѣлается вполне рельефенъ подѣ удареніемъ въ такихъ словахъ, какъ *зупинка* (=остановка, задержка), *зустріч* (=встрѣча), зап.-мр. *зухваль* (=наглость, дерзость).

Какъ сказано, это *зу* возникло, изъ двухъ предлоговъ: такъ, *зупинити* возникло изъ болѣе стараго „сѣупинити“; *зустріти* изъ „сѣустрѣти“, „сѣвъстрѣти“; *зугарний* изъ „сѣугарний“, „сѣвъгарний“ (и теперь еще наряду съ *незугарен*—„неспособенъ“ можно услышать *невгарен*; срв. „Основу“ 1861, кн. VIII, 20), *зухвѣлий*—изъ „изупѣвальный“ ²⁾, и пр., и пр.

ж) Узаконенные ореографіей случаи появленія *о* вм. неударнаго *у*.

До сихъ поръ мы говорили о тѣхъ случаяхъ, когда въ малор. литературной рѣчи пишется буква *у* вмѣсто

¹⁾ Именно: или изъ стариннаго **СЪ**, или изъ стариннаго **ИЗЪ**, или изъ стариннаго **БЪЗЪ**.

²⁾ См. рецензію Р. Э. Брандта (стр. 27) на *Etymologisches Wörterbuch* Миклошича—отт. изъ „Русскаго Филолог. Вѣстника“ 1887. Это—тотъ же корень, что и въ соврем. глаголь „уповати“, но приуроченный къ глаголу „хвалитися“.

ожидаемой буквы *о*. Но—см. стр. 474 и 477—случается въ малорусскомъ языкѣ дѣло такъ, что не только неударное *о* суживается въ *у*, но и наоборотъ: неударное *у* превращается локально въ *о*, и говорятъ „хобба“ вмѣсто „худоба“, „рбзом“ вм. „рбзум“, „осѣльня“ вмѣсто „гусѣльня“ (=гусеницы). Въ литературномъ правописаніи это явленіе строго преслѣдуется и затушевывается.

Существуетъ тѣмъ не менѣе нѣсколько словъ съ зачиннымъ *о* вмѣсто первоначального *у*, которыя и литературно узаконены въ этомъ своемъ бновомъ видѣ, потому-что бновое произношеніе ихъ слышится повсемѣстно и иногда даже преобладаетъ въ восточныхъ говорахъ надъ *у*ковымъ, равно какъ и потому, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло не столько съ вульгарнымъ фонетическимъ смѣшеніемъ неударныхъ звуковъ *о* и *у*, сколько съ этимологическимъ (или—вѣрнѣе—лжеэтимологическимъ) чередованіемъ предлоговъ *о* и *у* (и *в*). Надо однако твердо помнить, что старое *у*ковое ихъ правописаніе вовсе не изгоняется допущеніемъ бноваго, но продолжаетъ практиковаться по прежнему, лишь чередуясь съ правописаніемъ бновымъ.

Вотъ эти слова:

о к р і п (=кипятокъ) наряду съ у к р і п ¹⁾. Обѣ формѣ одинаково въ ходу.

¹⁾ Форму съ зачиннымъ *о* наши старыя памятники для этого слова совсѣмъ не употребляютъ, тогда какъ „укропъ“ въ нихъ попадаетъ постоянно (въ смыслѣ лишь „теплой воды“, а не „кипящей воды“, какъ теперь). Между прочимъ встрѣчается оно и въ Несторовомъ Житіи Θεодосія по Успенскому Сборнику XII в.: „[непослушнымъ монахамъ] тѣсто мѣсящемъ и паки имъ лѣющимъ укропъ въ нѣ, и се обрѣтесе ту жаба“ (л. 52 d).— При случаѣ замѣтимъ, что русскому слову „укропъ“ (означающему извѣстное пряное растеніе *feniculum*) искони соответствуетъ по-малорусски слово „к р і п“ (род. к р ђ п у), соответствующее церк.-славянскому „копръ“, безъ всякаго гласнаго звука въ началѣ. Срв. въ Синодальномъ Студійскомъ Уставѣ ок. 1193 го-

о н ѹ к (=внукъ) наряду съ болѣе частымъ у н ѹ к.
о до в ѣ ц ь и о до в ѣ ц я (=вдовецъ, вдова)
при у до в ѣ ц ь и удо в ѣ ц я (и, конечно при основномъ
в до в ѣ ц ь, в до в ѣ ц я, в до в ѣ а).

О л ѣ н а (=Јуліанія)—при болѣе рѣдкомъ У л ѣ н а.
Несомнѣнно, что здѣсь примѣшалось вліяніе подо-
бозвучнаго имени „Олена“.

о п ѣ р (=упырь) наряду съ неокончательно за-
бытымъ, но забываемымъ у п ѣ р ¹⁾, въ которомъ на-
чальный звукъ у—„юсоваго“ происхожденія ²⁾.

Кромѣ того существуетъ нѣкоторое количество
глаголовъ и существительныхъ, которые въ другихъ
славянскихъ языкахъ (напр. въ русскомъ, польскомъ)
имѣютъ въ началѣ предлогъ у, тогда какъ въ малорус-
скомъ языкѣ они чаще начинаются съ о, и для нихъ
принято правописаніе съ о. Въ большинствѣ случаевъ
почти нѣтъ возможности рѣшить относительно ихъ,
дѣйствительно ли примѣшалась сюда мр. фонетическая

да (=по описанію Горск. и Невостр. № 380), который или писанъ
въ Кіевѣ, или списанъ съ кіевского оригинала: „ѣсти...съ зелиемъ,
яко съ кропъ мь и чябрьмъ“ (л. 205); „а въ сочиво... да
въсыплють к р о п ѣ тыренъ“ (тоже л. 205); „въ гърньць—масла
не вльвати, нъ въ то мѣсто орѣхы тълчены, къ симъ и к р о п ѣ“
(л. 207). Въ этомъ же Студійскомъ Уставѣ ок. 1193 г. слово
„укропъ“ (съ у) относится къ кипяченой водѣ: „въ гльцьѣхъ
у к р о п ѣ“ (л. 198 об., =соврем. кіев. „в глѣкахъ укріп“). Можно
отмѣтить „кропъ“ и въ старинныхъ памятникахъ западно-мало-
русскихъ. Такъ, въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г. видимъ:
„одеятьствуете мяту, к р о п ѣ и куминъ“ (=Мате. XXIII, 23).

1) Въ Галичинѣ у лемковъ это слово пріобрѣтаетъ звуко-
вые виды: „упір“, „ѣпір“ (выговаривается „ѣпір“), а оттуда—да-
же „хпір“.

2) Срв. старо-бактр. „vuyambura-daeva“, европейск. „Vampir“.
Очевидно, старо-славянская форма звучала **жпырь**, съ носовымъ
звукомъ „большимъ юсомъ“ въ первомъ слогѣ. Польское *iribóg*,
irierzusa (безъ носоваго звука) есть очевидное заимствованіе отъ
малоруссовъ.

путаница неударныхъ звуковъ *о* и *у*, или же всѣ или многіе малоруссы сознательно употребляютъ въ такихъ случаяхъ предлогъ *о*, отличая его по отгѣнку отъ предлога *у*. Иногда это можно провѣрить на словахъ заимствованныхъ. Такъ напримѣръ вост.-мр. слово „*о с а д ь б а*“, заимствованное изъ русскаго „*усадьба*“, и произносится и пишется съ *о*,—и это такъ и слѣдуетъ, потому-что малоруссы, заимствовавши отъ русскихъ этотъ терминъ, приурочили его къ своимъ исконнымъ малорусскимъ словамъ: „*осадити*“ (=колонизировать, населить, основать), „*осада*“ (=новый поселокъ, колонизованный пунктъ, усадьба), „*осадчий*“ (=населникъ, колонизаторъ), а вовсе не спутали неударныхъ звуковъ *о* и *у*. Скорѣе ужъ можемъ мы думать о фонетической путаницѣ тогда, когда вмѣсто ожидаемого окрика „*уступіся!*“ (=отойди въ сторону, подвинься прочь) слышимъ „*оступіся!*“ *). Тѣмъ не менѣе глаголь „*оступітися*“ (въ смыслѣ „отойти прочь, устраниться“) принять и въ литературную рѣчь съ начальной буквой *о* ¹⁾.

з) Примѣчаніе. О чередованіи ударнаго *о* съ *у*.

До сихъ поръ мы дѣло имѣли со смѣшеніемъ или чередованіемъ звуковъ *о* и *у* неударныхъ, =явле-

*) Въ отвѣтъ на „*оступіся!*“ мы можемъ услышать: „*ба не вступлюся*“, со звукомъ *в*, который естественно указываетъ собою, что зачиннымъ предлогомъ этого глагола сперва было *у*, сократившееся послѣ гласнаго звука *е* въ *в* (иначе сказать: „не *уступлюся*“ сократилось въ „не *вступлюся*“).

¹⁾ Такимъ образомъ, этотъ глаголь *оступатися* (изъ *уступатися*, въ смыслѣ „отойти“) совпалъ по своей звуковой формѣ съ другимъ малорусскимъ глаголомъ „*оступатися за ким*“ (въ смыслѣ „заступаться за кого“), гдѣ начальный звукъ *о* равносильнъ предлогу *об*.

ніемъ, которое въ большей ли, въ меньшей ли степени присуще всѣмъ нарѣчіямъ и говорамъ малорусскаго языка. Однако въ мр. языкѣ, почти исключительно въ говорахъ окраинныхъ, констатируется нѣкоторое количество и такихъ случаевъ, въ которыхъ мы имѣемъ дѣло со смѣшеніемъ *о* и *у* ударныхъ. Не всѣ они одного типа.

а) Въ силу сѣуженнаго выговора.

Иногда это явленіе обуславливается локальнымъ черезчуръ сѣуженнымъ произношеніемъ ударнаго *о*. Имѣется небольшое количество отстоящихъ далеко другъ отъ друга окраинныхъ говоровъ, съ одной стороны—въ Карпатскихъ закоулкахъ на западѣ, съ другой стороны—въ слободскихъ степяхъ Воронежчины на востокѣ, *), съ третьей стороны—въ болотахъ Подляшья и Полѣсья на сѣверѣ,—гдѣ ударное *о* оказывается въ выговорѣ очень похожимъ на звукъ *у*. При существованіи, въ говорѣ, дифтонгизма такое сѣуженное *о* можетъ превратиться въ *уо*; срв. сѣдлецкое *мнуо*го, гдѣ звукъ *уо* ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть объясненъ замѣстительною долгою. Говоровъ, произносящихъ ударное *о* такимъ сѣуженнымъ образомъ, есть крайне мало, такъ что центральные украинцы даже не подозрѣваютъ о возможности существованія подобнаго произношенія гдѣ бы то ни было,—кромѣ пожалуй, выговора вульгарнаго слова „хуч“ (вмѣсто обычнаго *хоч*, т. е. „хотя“), которое,—чуть ли не подѣ вліяніемъ рѣчи захожихъ великоруссовъ-рабочихъ,—изрѣдка вдругъ послышится изъ устъ горожанъ, положимъ, Харьковщины или изъ устъ желѣзнодорожныхъ служащихъ въ разныхъ пунктахъ мр. территоріи. О литературизаціи этого „хуч“ никому никогда, конечно, и въ голову мысль не приходила.

Если въ дѣло вмѣшается сосѣдство звука *в*, или иного зубного звука, или какая-нибудь нефонетическая

*) Дикаревъ: Воронежскій этнографическій сборникъ, стр. 18 и 47.

аналогія, тогда сѣуженіе ударнаго *o* въ *y* можетъ по-временамъ произойти и не въ окраинныхъ говорахъ; срв. локальное нелитературное среднеукраинское „молудіж“ (=общемалор. „молодіж“ т. е. молодежь) ио галицкое „вуші“ вмѣсто общемр. „воші“ (=вши). Литературная рѣчь не знаетъ ни одного случая узаконенія такого выговора, хотя бы и среднеукраинскаго.

б) Вліяніе долготности или польщины.

Съ этой категоріей уковыхъ явленій не нужно смѣшивать происхожденіе сѣв.мр. такихъ формъ, какъ „муй“ (=укр. „мій“, т. е. „мѣй“) „кунь“ (=укр. „кїнь“, т. е. „кѣнь“) и прочихъ т. п. Здѣсь звукъ *y*—рефлексъ дифтонгическаго *uo*, *ui*, произшедшаго изъ *o*, которое возникло по закону замѣстительнаго удлиненія (См. т. I, стр. 141). Само собою понятно, что литературная рѣчь подобнаго локальнаго сѣверномалорусскаго *y* не допускаетъ,—она принимаетъ за норму лишь неархаичное *i* („мій“, „кїнь“ и т. п.), слышащееся въ болѣе южныхъ говорахъ. Въ этихъ южныхъ неархаичныхъ говорахъ, вообще имѣющихъ рефлексомъ долготнаго *o* звукъ *i*, а не *y*, мы лишь въ очень и очень рѣдкихъ случаяхъ можемъ донныѣ услышать вмѣсто ударнаго *o* звукъ *y*, возникшій не безъ вліянія долготности. Такovy галицко-подольскія „тхур“ (общеукр. и литерат. „тхір“, т. е. хорекъ, изъ стариннаго „дѣхѣрь“) *) и сум (общеукр. и литер. „сом“, „сім“ изъ болѣе стариннаго „сѣмъ); род. пад. „тхура“, „сума“. Эти уковыя антилитературныя формы неархаичныхъ гал.-под. говоровъ („тхур“, „сум“), утвердились должно быть, въ тотъ періодъ, когда „дѣхѣрь“ и „сѣмъ“ звучали еще всюду не „тхір“, „сім“, но „дхуор“, „суом“, причемъ уковое произношеніе ихъ сохранилось (вмѣсто ожидаемаго перехода въ *i*) едва ли безъ польскаго вліянія (*tchórz*, *siem*).—Вѣроятно, польскимъ вліяніемъ объясняется, и

*) Объ этомъ словѣ см. т. II, стр. 144.

зап.-мр. діалектическое „нѹти“ (=вост.-мр. „нóти“, т. е ноты).

Старинное „пѹльголовѹкъ“ (=головастикъ) лишь въ очень немногихъ говорахъ (именно, изъ числа западно-малорусскихъ) превратилось въ органически-правильное „пѹвголовок“. Всюду же на Украинѣ, даже въ самыхъ образцовыхъ по чистотѣ говорахъ, мы слышимъ „пѹголовок“, или въ женскомъ родѣ — „пѹголовка“. Главнымъ образомъ здѣсь повліяла, должно быть, встрѣчная аналогія слова „пѹговка“, подъ вліяніемъ котораго стадія „пуолголовок“ перешла не въ ожидаемое „пѹвголовок“, но въ ѹковое „пѹголовок“, — тоже, быть можетъ, не безъ помощи нѣкотораго вліянія со стороны польскаго „połgłówek“ **).— Обращаемъ вниманіе, что фонема „пѹголовок“, не въ примѣръ прочимъ, вполнѣ усвоена литературной рѣчью, а органически-правильной зап.-мр. локальной фонемы „пѹвголовок“ украинская литература совершенно не знаетъ.

в) Заимствованія изъ новогреческаго произношенія.

Совершенно особая уковая категорія—присутствіе ударнаго звука *у* вмѣсто ожидаемаго *о* въ тѣхъ словахъ, которыя въ Средніе вѣка заимствованы были изъ Греціи. Таковы, на примѣръ, общемалорусскія слова: „уксус“ (греч. лит. ὕζος; срв. и по-литовски uksosas), общемр. „рѹга“ (греч. ῥόγα), зап.-мр. локальное антилитературное „коруна“ (ново-греч. χορῶνη, заимствов. изъ латинскаго согопа) и нѣкоторыя другія. Эти и имъ подобныя греческія слова встрѣчаются съ буквою *у* ужъ и въ самыхъ старыхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ

**) Противъ возможности польскаго вліянія говорить однако то обстоятельство, что именно въ тѣхъ говорахъ, которые польскому вліянію подвержены наиболѣе, мы слышимъ и жевое произношеніе (т. о. „пѹвголовок“); а на оборотъ—въ совершенно свободныхъ отъ польскаго вліянія говорахъ мы слышимъ ѹковое „пѹголовок“.

малоруссовъ, начиная съ кievскаго Изборника Свято-слава 1073 года ¹⁾,—и въ памятникахъ прочихъ православныхъ славянъ (болгаръ, сербовъ, русскихъ), имѣвшихъ дѣло съ греками. Несомнѣнно, что эти слова прямо заимствованы были (ок. IX—X в.) изъ вульгарнаго новогреческаго живого произношенія со звукомъ *y* вмѣсто письменнаго греческаго *o* (или *ω*) ²⁾. Изъ ихъ числа слово „укусъ“ и „руга“, какъ повсемѣстно произносимыя современными малоруссами со звукомъ *y*, вошли съ буквою *y* и въ общемалорусскій литературный обиходъ ³⁾. Однако, что касается зап.-мр. слова „коруна“, то оно оказывается нелитературнымъ, потому-что вся руссiйская Украина и часть Украины Австрiйской произносятъ и пишутъ теперь лишь „коруна“. на европейско-латинскiй ладъ, хотя въ старину форма „коруна“ одинаково употреблялась какъ въ Галичинѣ, такъ и въ Киевѣ ⁴⁾.

Для заполнения печатнаго листа приведемъ нѣсколько малорусскихъ грамотъ XIV вѣка; въ скобкахъ — тѣ буквы, которыя не написаны въ подлинникѣ.

¹⁾ Въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г. мы видимъ, между прочимъ, и такiя фонемы: „Гдуньскааго“ (л. 246 об. = *χιδνωισος*), „иподрумие“ (л. 264 об. = *ἱπποδρῦμιου*).

²⁾ Срв. то, что ужъ говорено было на стр. 459.

³⁾ Впрочемъ галичане и буковинцы позабыли слово „укусъ“ и пользуются другимъ стариннымъ словомъ: „бцетъ“ (=латин. *acetum*), которое у восточныхъ малоруссовъ вышло изъ употребленiя, хотя въ старину употреблялось и у нихъ параллельно съ „укусъ“. — Срв. въ синодальномъ Студiйскомъ Уставѣ XII в. № 380. писанномъ или въ Киевѣ, или съ кievскаго оригинала: (въ постъ) — „сочиво съ медьмъ, елико его есть приятно съ укусомъ“ (л. 209); „въ Великыи пят[ъ]къ да съварятъ сочивицю и укусу съ въ ню да вълѣють“ (л. 210).

⁴⁾ Напримѣръ, см. въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (майской четъ минеѣ съ произведенiями Нестора Киевскаго), именно въ словѣ св. Григорiя Антиохiйскаго: „Се ми суть смъртныи побѣды круны! си—моего ц[а]р[ь]ства ц[а]р[ь]сции бисъри!“ л. 245). — Или въ Ипатской лѣтописи подъ 6763=1255 г.: „Присла сала.... скипетръ и коруну, еже наречеться королевскимъ панъ (стр. 548).

Договоръ волын. кн. Дмитрія-Любарта 1366 г. съ королемъ Казимиромъ (изъ музея Чарторыйскихъ въ Краковѣ; фототип. изд. въ „Палеографическихъ снимкахъ“ СПб. Археологич. Института, 1903, № 8).

Се язъ, князь великийи Дмитрии, dokonчиваю и повинуюся службою таковою. А се—докончанье межи королемъ Польскимъ и княземъ Дмитриемъ. Къ Володимирю отступается потолъ: по Уимицю, по Пѣсчаныи бродъ, по ъсуфимково село; от ъсуфимкова села—до Маркова става; от Маркова става—по Львовъскую дорогу къ Скоморохомъ; а от Пѣсчана броду—по Пиньскимъ мостъ; а оттолъ—по Турью, поколъ Турья прошла. А мыта не примышляти, но какъ из вѣка пошло. А по старымъ дорогамъ гостемъ поити куда хочеть; а гостя не приневолити, но, куда хочеть, туды поидеть. А князю Дмитрию помагати королеви на всякого неприятеля, опроче своеъ братьѣ, безо всякоъ хитрости и лъсти, своимъ животомъ. Се ли будетъ не доспѣшень,—князю Дмитрию люди своѣ послати. А коли братья княжа поидуть на короля,—князю Дмитрию братьи не помагати. А кто поидеть на мене,—королеви помагати мнѣ на моѣ неприятелѣ, безо всякоъ хитрости и лъсти. А мнѣ королеви помагати, ольна годъ минеть Дмитриевъ д[е]нь. А на то есмь приложилъ свою печать;—и о[те]ць мои, вл[а]д[ы]ка Лучьскимъ Арсении;—князь Данилии;—Васко Кирдѣвичъ;—Иванъ, воевода Лучьскимъ;—Иванъ Мъстишиньскимъ.

Присяга ок. 1386 г. Луцкаго намѣстника кн. Федора Данильевича королю Ягайлу—изъ музея Чарторыйскихъ въ Краковѣ (фотот. изд. въ „Палеогр. снимкахъ“ СПб. Арх. Инст., 1903, № 9).

Се язъ, Федоръ Данильевичъ исъ братомъ своимъ Михаиломъ, дала есва правду господареву нашему великому, великому королю Польскому, Литовскому дѣдич[у] и Рускому, [й] иныхъ многихъ земель господареву. Осподарь мои, великийи король, дал ми намѣстничати у Луцьску, и съ его руки сѣлъ есмь. Чинити ми исправно

земляном, какъ Б[о]гу любо и осподареви моему, великому королю. А слушати ми господаря своего, великого корол[я] во всемъ, как ми повелить. и бояти м[и] ся его, какъ Б[ог]а. А што кол[и] откого услышу на господаря нашего, лихо или добро, того м[и] не утаити господаря нашего, велик[о]го короля. А што ми ускажет осподарь мой, тое радъ чиню и всею мыслью моею и до живота. А все ми доброе мыслити съ моимъ братом господареви нашему, великому корол[ю]. А города Луцьска блюсти ми, а никому не дати; али жь осподарь мой, великий король, возметь, коли усочеть. На семъ на всем мы два исъ брато[м] моимъ цѣлуева кр[е]сть, што жь нама все то исправити к осподареви нашему великом[у] королю. А не исправива,—судить намъ Б[ог]ъ и честныи кр[е]сть и осподарева казнь и гроза.

Порука 1388 г. Луцкаго кн. Федора Данильевича передь королемъ Владиславомъ Ягайломъ за Олехна,—изъ краковскаго музея Чарторыйскихъ (фотот. изд. въ „Палеогр. снимкахъ“, № 10).

Владиславу, Божьей м[и]л[ос]ти корол[ю] Полском[у], Литовскому, Руском[у] и иныхъ многихъ земель осп[о]д[а]рю. Мы, кн[я]зь Федоръ Данильевич, кн[я]зь Романъ Федорович, кн[я]зь Семень Иванович, кн[я]зь Александро Четвертенский, Иванъ Несвизский, еско Романкович, Васко Кирдѣвич, Андрѣико Романкович,—поручаемся по Олехна, што ж служ[и]ти ему сп[о]д[а]рю своему корол[ю] верно, безо лсти, без хитрости, а на лихо ему королев[и] не гадати, но служ[и]ти ему королеву верно и до своег[о] живот[а]. А толко изменит Олехно сюю поруку, ино знати корол[ю] нас, поручников. А на то есмо к сеи грамот[ѣ] наши пѣчяти привесили. А п[и]сан[о] у Луцку, у субот[у], октября у десят[ы]и д[е]нь.

Присяга 1388 г. сѣверскаго кн. Дмитрия-Корибута королю Ягайлу на вѣрность,—изъ муз. Чарторыйскихъ (фотот. изд. въ „Палеогр. сн.“ № 5).

Мы, Дмитрии, инѣмъ именемъ Корибут, князь

Литовский, чиним то знаемо всѣмъ, кто коли на том листъ узреть али услышит, иже добрая рада наших бояръ и всѣхъ землянъ и нашую доброю волею, не примучени ни приневолены нѣкоторою неволею, велебному г[о]сп[о]д[а]рю Володиславу, королеви Польскому, Литовскому и Русскому и иныхъ земель г[о]сп[о]д[а]реви, брат[у] нашему милому, и тѣж велебной г[о]сп[о]жи Ядвиѣ, королици Польской, и ихъ дѣтемъ и корунъ Польской голдовали есмо вѣрно и право, неизрушеною вѣрностью, слюбилы есмо и слюбюемъ. подѣдаваючеса с людьми и с землями и с городами и с твержами наш[и]ми на вѣки вѣкомъ тому истому Володиславу, королеви Польскому, и Ядвиѣ и ихъ дѣтемъ и корунъ Польской. Слюбюемы и обѣчюемы: наша присяга и наша вѣра и ч[ес]т[ь]ю (нечетко), иже от тыхъ мѣстъ с нашими дѣтми чистая вѣрность и полна будемъ держат[и] тому истому королеви и его королици и ихъ дѣтемъ и корунъ Полской, а николи ни в одно веремея не отставати ани отступити (sic) на вѣки, и къ ихъ доброму рад[ѣ]ти, а лихого вѣрнѣ остерегати. А на того крѣпость к тому листу наша печать завѣсили есмо. А дана грамот[а] у Краковѣ, у понедѣльник по с[вя]т[о]мъ Д[у]сѣ, под лѣтом В[о]жьего нарожѣния 1388-го лѣт[а].

Порука 1388 г. бояръ и князей передъ Ягайломъ за вѣрность кн. Корибута, — изъ муз. Чарторыйскихъ (фототип. изд. въ „Палеогр. см.“ № 6).

Мы, княз[ь] Д[а]в[и]дъ Дмитриевич, княз[ь] Русанъ Плаксихъ, Василии Данильевич, Федоръ Евлашкович Хвороща ис братомъ Иваномъ, Григории да Иван Невзисьский, Хома Билюрминъ, Васко Дрюкович, Гавсѣ Климянтъ Юрьи Звинкеневиц, Терпъ Максак Кгирдивид Бѣликъ, с[ы]нъ его Семенъ, Воилович Гриць с братомъ Степаномъ, Калит[а] Иван Балакѣрович, Сасъ Горбачевич со всею братьею, Семен Ясманович, Трубецъский воевод[а] Глѣбъ Евдокимович, Иван Жидовчич, Павелъ

Петрович, Озарьичи Д[а]в[и]дъ и Яковъ Моишелга, Сущъ воевод[а] новг[о]р[о]дский. Тым-то листомъ чинимы знаменит[о] всимъ, которым того трѣба, кто коли тонъ листь увидит или услы[ши]ть како кеды. В то время, коли княз[ь] велебныи Дмитрии, инѣмъ именем Корибут, княз[ь] Новгородский и Сѣверьский, г[о]сп[о]д[а]рь нашъ милыи, голдование и вѣрность и послушество и такѣж служба и х[ре]ста цѣло[ва]ние наша добра р[а]да и нашим вшего поспольства бояръ прилюблѣнием, не приневолены, ани которая зла воля примучени, великом[у] и славному Володиславу, Б[о]жьи м[и]л[о]сти королеви Польскому и иных земель г[о]сп[о]д[а]р[е]ви, и честной Ядвизѣ—кор[ол]ици и дѣтемъ его и корунѣ Польской со всим[и] своими землями и г[о]род[ы] з бояры и с людьми вѣрность правая и неизрушистая слюб[и]ли,—а мы именемъ ѿ мочавших земянъ его, повелѣниемъ его, ислубуемы за него и за его дѣти, иже со всею свозю землею и с города вѣрен будет королеви и королици и ихъ дѣтемъ и корунѣ Польской, ани ихъ коли отстанет. Пак ли бы, его жь Б[ог]ъ не даи, хот[ѣ]л бы коли отстати тонъ исны[и] княз[ь] Корибут алибо его дѣти, явно алибо тайно, тогда мы со всимъ поспольством земли его хочемы его отстати и его дѣтеи, ани в чемъ его не хочемъ послушни быти, але короля Польск[о]го Володислава и его королици и его дѣтии и корунѣ Польской вѣрни хочемъ быти, а николиж не хочемъ отстават[и], и на вѣки и вовшитки часы николи ихъ не отстати. И на вѣчная крѣпость к сему листу *) печати нашѣ велѣли есмо привѣ[си]ти. А доконалося тоє дѣло у го[р]дѣ Лучици, в н[е]дѣл[ѣ] по с[вя]т[о]мъ ап[о]столѣ Марку ѿв[а]нг[е]л[и]стѣ, п[о]д лѣт[о]мъ нарожѣния Б[о]ж[ия] 1388 е лѣт[о].

*) Буква и въ „листу“ передѣлана, кажется, изъ буквы ѡ.

Краковская жалованная 1394 г. короля Ягайла землянину Данилу Задеревецкому на села въ Галичинѣ,—изъ музея Чарто-рыхскихъ (фототип. изд. въ „Палеогр. сн.“ № 15).

Во имя Отця и С[ы]на и с[вя]т[о]го Д[у]ха, аминь. Мы, вѣликии корол[ь] Владиславъ, Б[ож]ьє м[ил]о[сти] Польски, Литовьский и Руски [и] иныхъ многихъ зѣмль г[о]с[уд]д[а]рь, знаємо чинимъ симъ нашимъ листомъ, кто коли на нь возрить, или—пакъ—услышитъ, аже нашъ верный слуга Данило Дажбогович Задерѣвецкии, зѣмлянинъ нашей зѣмли Руское, послужилъ намъ и указалъ прѣд нами свою вѣрную службу. Возревше єсмо нана (sic) его вѣрную службу и хотяче по немъ, ажбы тымъ лѣпей и вернѣи намъ и нашимъ дѣтемъ и нашимъ намѣсткомъ и нашимъ щаткомъ послужилъ онъ и его дѣти, его намѣстьки, его щатки, даємъ ему и дали єсмо и оставляємъ и оставили єсмо его и дети и его намѣстки и его щатки при томъ при всѣмъ, што коли купилъ или—пакъ—отмѣну єсмо ему дали, на имя: подъ Галичемъ—Чягрово а Гвоздие с манастыремъ, а подъ Зудечовомъ—Джкровъ со трими присѣлки: Колоколинъ, Михалевъ, Черемхово, Пилипова руда, Тулично дворище. А отмѣна—противу Крупска Волков[и]чи, а противу Сяхова—Княж[а] лука. А при томъ при всѣмъ оставляємъ его и его дѣти и его намѣстки и его щатки на вѣки вѣкомъ, непорухомо никимъ ис нашимъ вѣданьемъ. Волѣнъ продати, замѣнити тако доброму, яко коли самъ. И маеть служити ис того всѣго намъ и нашимъ дѣтемъ и нашимъ намѣсткомъ и нашему щатку, яко кторыи нашъ зѣмлянинъ, двама копыи а дѣсятью стрѣлцовъ. А даємъ и дали єсмо со всѣми ужитки, с лесомъ, съ дубровами, с водою и съ зѣмлею и ставы, како коли каждыи зѣмлянинъ приимаеть. А при томъ были свѣдци: пакъ Спытокъ, воевода Краковьски, панъ Яшко Тарновьски, панъ Ликоза воевода, панъ гофмистръ Крщ[е]нъ, панъ Кмита, панъ Яшко

Олешиньски. На крѣпость сѣму нашему листу казали есмо нашу печать привѣсити в нашемъ городѣ у Краковѣ. В д[е]нь с[вя]т[ы]хъ Пѣтра и Павла, под лѣты Р[о]жства Х[ри]с[то]ва тысяча 394 лета.

Присяга 1393 г. сѣверскаго князя Федора Любортовича королю Ягайлу, пис. въ Вислицѣ (Кѣлецк. губ.). Изъ музея Чарторыйскихъ (фототип. изд. въ „Палеогр. см.“ № 11).

Мы, княз[ь] Федоръ Любортович, знаемо чинимъ симъ нашимъ листомъ, кто коли на нь возрит или, пакъ, услышит, аже г[о]с[у]д[а]рь нашъ, король Полскии, Литовскии и Рускии, иныхъ земель г[о]с[у]д[а]рь, нашъ милыи брат и его королевая Б[о]ж[ь]е м[и]л[о]сти Ядвига жяловали мя и дали ми землю до свои воли, на имя Сѣверскую, со всѣ городми, со всѣми ужитки. Про то слюбую и слюбили есмо нашему г[о]с[у]д[а]рю, кролю Влодиславу преженанписаному, и его королевои Ядвижѣ и его дѣтемъ [и] ихъ намѣсткомъ служити, вѣрну быти и послушну с тымъ се всѣмъ, чи[м] мя жяловали, а противу имъ никды не быти ни однимъ веремянемъ, бово (sic) лсти и без хитрости. И на крѣпость сему нашему листу нашу печать привѣсили есмо. У Вислици, под лѣты Розтва Х[ри]с[то]ва тисяч 393 лѣта.

Переяславская поручная грамота 1393 г. ряз. кн. Олега Ивановича передъ королемъ Ягайломъ за его брата, а своего зятя Корибута Сѣверскаго—изъ музея Чарторыйскихъ (фототип. изд. въ „Палеогр. снимкахъ“, № 7).

Мы, великии княз[ь] Олегъ Ивановичъ Рязаньскии, знаемо чинимъ сею нашею грамотою, кто коли на нь возритъ или, пакъ, услышит, аже слюбуемъ и слюбили есмо и ручимы и поручили есмо у великого короля у Володислава, Б[о]ж[ь]еи милости Полского, Литовского и Руского и иныхъ мнигих (sic) земель г[о]с[п]о[д]а[р]я, за

его брата за кн[я]зя за Корибута, иже быти ему вѣрну и послушну своего бр[а]та, великого корол[я] преженаписаного, а некоторымъ верременемъ его не отстати, ани противъ ему быт[и], ни дѣломъ, ни словомъ, ни помысловъ, ани противъ тѣхъ, што суть подъ его рукою. Пак ли бы зят[ѣ] мои, княз[ѣ] Корибугъ, што мыслиль или што бы хотѣль учинити или бы учиниль противъ своего брата короля и противы (sic?) тыхъ, што жь суть подъ его рукою послушни, а за моею порукою, тогда мы, княз[ѣ] Олегъ, его тестъ и его поручникъ, имамы у томъ во всемъ остати нашему королю Володиславу преженаписаному, а самог[о] княз[я] Корибута имамы поставити передъ королемъ безо лсти, без хитрости. И на крѣпость сеи нашей грамотѣ нашу печать велѣли есмо привѣсити, у нашомъ городѣ у Переяслави, у д[е]нь с[вя]т[о]го ап[о]с[то]ла Филипа, под л[ѣ]ты Рождства Х[ри]с[то]ва тысяча и 393-его лѣт[а].

Присяга 1400 г. стародубскаго князя Александра Патрикѣвича на вѣрность Ягайлу,—изъ Имп. Публ. Библ. (фотот. изд. въ „Палеогр. см.“ № 48).

Се язъ, княз[ѣ] Александъ (sic) Патрикѣвич Стародубски, знаменит[о] чинимы симъ нашимъ листомъ, аже слюбую и слюбил есмо и цѣловал есмо крестъ: по смерти наш[е]го г[о]с[у]д[а]ря, великого кн[я]зя Витовта, не искати ми иныхъ подаревъ мимо нашег[о] милого господаря, крля Влодислава Полскогo, и коруны Полскоѣ; не отлучити ми ся еѣ некоторымъ верременемъ, безо лсти и без хитрости. На крѣпость сему нашем[у] листу нашу печат[ѣ] привѣсили есмо. У возера у Круды, межи Городна и Мереч, по Розтвѣ Х[ри]с[то]вѣ у пятокъ, у канунъ с[вя]т[о]го обрѣзання Х[ри]с[то]ва, по нароженъи с[ы]на Божьего тысячь лѣтъ и чотыриста лѣтъ.

Приложеніе къ главѣ Х-ой.

§ 58. Судьба предлога *възъ* въ малорусскомъ языкѣ.

(Въ сущности, этотъ экскурсъ долженъ былъ бы входить въ главу 8-ю (= „Приемы малорусскаго благозвучія“), и именно— въ §§ 47—48, гдѣ говорится о превращеніи *в* въ *у* и объ отпаденіи начальныхъ гласныхъ. Если жъ мы перенесли этотъ экскурсъ сюда, то сдѣлали это потому, что въ судьбѣ предлога *възъ* сыграло также роль смѣшеніе неударныхъ звуковъ *у* и *о*).

а) Русскому *возъ*, *възъ* соотвѣтствуетъ малорусское *зъ*.

Общее правило для восточно-малорусскаго нарѣчія (да и почти для всего малорусскаго языка)—такое: гдѣ по-русски имѣется предлогъ *възъ*, *возъ*, *въсъ*, *восъ*, тамъ по-малорусски оказывается просто *зъ*, *съ*. Напримѣръ, „взойти“=по-малорусски *зійти*; „возвѣсть“=звести; гипотетическое „провостянуть“ (т. е. протянуть, напр. руку)=простягти; „вскипѣть“=скипѣти, „вскипятить“=скипѣтити; „взлетѣть“=летѣти; „взбивать“=збивати; „невзлюбить“=незлюбити; „взыскать“ (т. е. приобрѣсть, нажать)=зискати и т. п., и т. п.

Какъ это произошло?—

б) Произошло это путемъ стадій: *възъ*, *възъ*, *узъ* (*озъ*), *зъ*.

Старѣйшей, прамалорусской формой вышеотмѣченнаго предлога была **ВЪЗЪ**, **ВЪСЪ**, съ глухимъ слоговымъ гласнымъ звукомъ **Ъ** (см. стр. 130); слѣдовательно у малорусскихъ предковъ (лѣтописныхъ кievлянъ, червонорусовъ и др.) существовали, напр., слова: „възъити“, „възкыпѣти“, „възлюбити“, „възлѣсье“, „възбочь“ и т. п., въ которыхъ начальный слогъ звучалъ глухимъ сред-

нимъ образомъ между *vǫz*, *vŭz*, *vuz*. Около конца XI вѣка и наступленія XII-го в. глухіе гласные звуки **Ъ** и **Ь** кое-гдѣ въ рѣчи, при извѣстныхъ фонетическихъ положеніяхъ, стали въ серединѣ словъ исчезать, выпадать (см. стр. 135), и вотъ предлогъ „въ з“ сталъ превращаться просто въ „в з“, а это послѣднее звукосочетаніе „вз“ превращалось, по законамъ мр. благозвучія (§ 48), въ *уз*; при своей неударности такое *уз*, какъ и теперь это случается, могло звучать очень близко къ *оз*.

Остатки этой стадіи мы и до сихъ можемъ видѣть въ рѣдкихъ теперь для восточно-малорусскаго нарѣчія такихъ словахъ, какъ *узв́ар* (то же, что *звар*, = „взвар“, компоть), діалект. *озьмі* и *узьмі* (=возьми), діал. *ознесѣнне* (=Вознесеніе), *узліссє* (=„возлѣсьє“, опушка), *узбіччя* (=„взбочье“, мѣсто въ сторонкѣ), *узбіч* (=сбоку, по склону), *по-уз* (съ вин. пад.=возлѣ, мимо, напр. *по-уз хату* =возлѣ избы, мимо избы), *óздух* (=св. покровъ, воздухъ).

Очень рано этотъ начальный звукъ *у* (или суженное *о*) сталъ у малоруссовъ отпадать въ быстрой рѣчи, потому что совпалъ съ подходящимъ эвфоническимъ призвукомъ (см. § 45), и вотъ предлогъ *уз*, *оз* (изъ **ѡз**) обратился просто въ *з* *) Такое превращеніе малоруссами XI—XII в. формы *уз* въ *з* облегчалось для нихъ, можетъ быть, однимъ предшествовавшимъ обстоятельствомъ, а именно тѣмъ, что еще задолго до паденія глухихъ предлогъ *ѡз* могъ ужъ, пожалуй, иногда те-

*) Общимъ процессомъ превращенія предлога *ѡз* въ *з* захвачены бывали иногда и такія слова, гдѣ былъ въ началѣ предлогъ *ѡ* (а не *ѡз*), и гдѣ слѣдующій за нимъ звукъ *з* или *с* принадлежалъ корню. Срв. діалектическое *постати* (=возникнуть, возстать) при общемалорусскомъ *повстати*; корень здѣсь *ста*, и звукъ *с* не есть часть предлога *ѡс*.

рять свое начальное *вз* *), Письменные памятники, пожалуй, свидѣтельствуютъ намъ и документально о существованіи этого явленія около XI вѣка: ужъ и въ XI вѣкѣ просвѣчиваетъ по памятникамъ замѣна формы предлога *взз* формою *з*, но только не черезъ промежуточную стадію *уз*, *оз*. Замѣчается при этомъ въ исторіи языка хронологическое несовпаденіе между рѣчью предковъ малоруссовъ восточныхъ (кіево-перяяславо-черниговцевъ) и рѣчью предковъ малоруссовъ западныхъ (червоноруссовъ и волынянъ). Зап.-мр. рѣчь эволюционировала, въ этомъ пунктѣ, съ опозданіемъ и медленнѣе; едва ли раньше XIV вѣка, т. е. раньше монгольскаго періода, началась въ ней сколько-нибудь рѣшительная замѣна формы *вз* и *уз* усѣченной формою *з***), да и до

*) Таково мнѣніе акад. Ф. Ф. Фортунатова. Въ своихъ „Лекціяхъ по фонетикѣ старославянскаго языка“ (М. 1888) онъ говоритъ: „Въ эпоху распаденія общеславянскій языкъ имѣлъ въ началѣ нѣкоторыхъ словъ подвижное (по крайней мѣрѣ въ диалектахъ) короткое *i* и подвижное *вz*. Къ случаямъ съ подвижнымъ начальнымъ короткимъ *i* принадлежать, напр., *зъ* при *изъ* („=изъ“), *грѣ* при *игрѣ* („=игра“) и т. п. Что касается болѣе рѣдкаго подвижнаго *вz* въ началѣ словъ (рѣдкаго потому, что мало—случаевъ, въ которыхъ общеславянскій языкъ имѣлъ нѣкогда начальное *z* безъ ударенія), то я вижу его въ предлогѣ и глагольной приставкѣ *вzзz*, *вzз* (старославянск. **ВЪЗЪ**, **ВЪЗ**); на общеславянское *зъ*, *z* („=воз“) при *вzзz*, *вzз* указываютъ западно-славянскіе языки (напр. чешское *schoditi* = „всходить“ при *vschod*, польское *spiewać* = „воспѣвать“ напр. при *wzlatać* = „взлетать“) и малорусскій языкъ (напр. *zійти* = „взойти“ при *vzійти*; *сходити* = „всходить“). Также и въ чешскомъ *dud*, польск. *dudek* „удодъ“ можно предполагать утрату въ общеславянскомъ языкѣ начальнаго *z*; сравните церковнославянскіе **ВЪДОДЪ**, **ВЪДИДЪ**, русск. *удодъ*, малорусское *одуд* и т. д.“ (стр. 215).—Изъ приведенныхъ словъ акад. Фортунатова совершенно ясно слѣдуетъ, что фонетическое появленіе малорусскихъ формъ типа „сходити“ (=восходить) онъ относитъ не къ XI—XII вѣку, какъ я, а еще къ общеславянскому періоду.

) Примѣры еще изъ XI в. легко объясняются грамматическимъ смѣшеніемъ предлоговъ **ВЪЗ, **С[Ъ]** и **ИЗ**, а не фонетическимъ отпаденіемъ *у* отъ *уз*.

нынѣшнихъ временъ западные малоруссы (какъ сейчасъ увидимъ ниже) далеко еще не позабыли формы *вз* (со звукомъ *в* въ зачинѣ). Между тѣмъ памятники нарѣчія восточнаго (Успенскій Сборникъ, Черниговская Лѣствица, лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ) и др. показываютъ на замѣну *вз* и *уз* черезъ простое *з* еще въ XII в., т. е. въ періодъ еще домонгольской, хотя впрочемъ свидѣтельствуютъ и о томъ, что формы *вз* и *уз* были вытѣснены на востокъ формою *з* тоже не сразу, но лишь постепенно, и что даже въ періодъ послѣмонгольской—напр. въ XIV—XV в. для восточныхъ малоруссовъ далеко еще не успѣло сдѣлаться окончательно чуждымъ произношеніе *вз* и *уз*, въ противность нынѣшнему положенію дѣль.—Выписки изъ памятниковъ см. ниже, въ рубрикѣ д, стр. 513—521.

в) Полное смѣшеніе нынѣшняго малорусскаго рефлекса **кѣзъ** съ рефлексами **сѣ** и **нѣзъ**.

Въ настоящее время ни предлога *воз*, ни его разновидности *уз* [оз] почти нѣтъ въ восточно-малорусскомъ нарѣчьи, если исключимъ слова церковныя [напр. воскресѣти и возвеличѣти при народномъ звелѣчѣти], и если исключимъ тѣ слова, въ которыхъ *вз* потеряло для говорящихъ свой ощущительный смыслъ предлога, а представляется какъ бы частью корня [таково, напр. *взѣти*—*взять*, относительно котораго говорящему кажется, будто бы корень здѣсь—*взѣ*]. Нѣкоторые жалкіе остатки, вродѣ вышеупомянутыхъ *узвѣр*, *узлѣсса*, не подрываютъ общаго правила, такъ-какъ они единичны.

Восточные малоруссы до такой степени основательно потеряли начальный гласный звукъ *у* въ предлогѣ *з* и слили этотъ предлогъ съ тѣмъ предлогомъ *з*, который происходитъ изъ **сѣ** и **нѣзъ** [см. § 44], что этотъ звукъ *у* не возстановляется у нихъ даже тогда, когда того требовали бы законы благозвучія при накопленіи согласныхъ; благозвучіе въ такихъ случаяхъ достигается тѣмъ же протетическимъ *і*, которое прибавляется къ

предлогу з, происходящему изъ **СЪ** и **ИЗЪ**. Напр. вмѣсто він збив піну (=онъ взбилъ пѣну) говорится для большаго благозвучія: *ізбій в піну*; вмѣсто як зійде сѣнце (=когда взойдетъ сонце) можно сказать: як *ізійде сонце*, и пр., и пр.

Судя по показаніямъ памятниковъ (см. ниже, рубрику д, стр. 513 сл.), обращеніе рефлекса **ѢЪ** въ благозвучную форму **ИЪ** стало практиковаться у малоруссовъ съ перваго же момента замѣны формы *вз* и *уз* усѣченною формою з, т. е. приблизительно около XI—XII вѣка *).

г) Западно-малорусскіе остатки формы *вз* (съ начальнымъ *в*).

Въ западно-малорусскомъ нарѣчій (главнымъ образомъ въ галицко-подольскихъ говорахъ) предлогъ *вз*, *вс* кое-гдѣ еще сохранился. Тамъ можно услышать: *всхід* (обще.-мр. *схід* = востокъ, восходъ), *всхідний* (обще.-мр. *східній* = восточный), *безвстидний* (обще.-мр. *безстидний* = безстыдный), *встид*, *встидатися* (обще.-мр. *стид*, *стидатися* = стыдъ, стыдиться), *вспинатися* (обще.-мр. *спинатися* = взлѣзть, вскарабкиваться), *вспиратися* (обще.-мр. *спиратися* = опираться) и др. Очень вѣроятно, что сохраненію здѣсь предлога *вс* помогло вліяніе польскаго языка. Въ нашей грамматикѣ, основанной на рѣчи Приднѣпровья, такія формы, какъ „*всхід*“, „*встид*“, которыя являются узкими локализмами даже для зап.-мр. нарѣчія, совершенно не могутъ быть допущены. Да и литературная галицкая рѣчь не даромъ старается ихъ избѣгать.

*) Мнѣніе акад. Ф. Э. Фортунатова о томъ, что чередованіе **ѢЪ** и **Ъ** восходитъ еще къ періоду общеславянскому, отиѣчено нами выше, въ сноскѣ на стр. 510. Иначе это можно признать смѣшеніемъ предлоговъ **ѢЪ**, **С[Ъ]** и **ИЪ**.

д) Показанія памятниковъ, освѣщающія исторію перехода *взз* въ форму *з* (черезъ стадію *уз, оз*).

XI—XIV вв.

Употребленіе, вмѣсто ожидаемаго *взз* и *взъз*, формы *с[з]* и даже *из[з]*, *ис[з]* (на манеръ соврем.-малорусскаго „скінутися“ и „іскінутися“ вм. „вскінутися“) мы довольно часто встрѣчаемъ въ старѣйшемъ южно-галицкомъ памятникѣ — Словахъ Григорія Богослова XI в.; но только кажется, что всѣ имѣющіеся тамъ факты этого рода съ удовлетворительностью могутъ быть выведены или еще изъ общеславянской эпохи (по фонетическому закону акад. Фортунатова, см. стр. 510), или же изъ смыслового, почти вѣтфонетическаго смѣшенія трехъ самостоятельныхъ предлоговъ *взз[з]*, *сз* и *из[з]*, а не изъ того вышеотмѣченнаго тѣсно-малорусскаго звукового процесса, который между формою *взз* (иначе — *вс*) и *з* (иначе — *с*) предполагаетъ промежуточную посредствующую фонему *уз*, и уже изъ формы „з“, произшедшей путемъ отпаденія начальнаго *у*, предполагаетъ форму *із*, съ новымъ звфоническимъ протезисомъ *і*. — Какъ бы то ни было, въ Словахъ Григорія Богослова XI в. мы указать можемъ напр. л. 245, гдѣ съ одной стороны подается начертаніе „вздухъ“, „вздуханне“ (л. 245 а), а съ другой стороны тутъ же рядомъ и въ томъ же смыслѣ — „сдуханне“ (л. 245 d); срв. тутъ же на л. 245 d: „дръжащая и държимая, подыраженная намъ и сходящая“ (вм. „всходящая“, т.-е. освободившіяся, *καὶ τὰ ἐλευθερά*). На л. 280с: „въ силесканиа мѣсто позорьнааго“ (= „вмѣсто всплесканиа позорьнааго“, *ἀντὶ χροῦ τῶν θεατρῶν*). На л. 274с: „То крестияномъ... сзручаниа“ (= „взрученія, т.-е. дары, подарки, *ἐπίχειρα*). На л. 268 d: „великая малъпни сѣхуляя“ (= „всхуляя, потому что глаголь „схуляти“ не извѣстенъ въ церк.-слав. языкѣ). На л. 299 с: „на брашьно же п сѣслажденіе“ (= „взслажденіе, *ἐκ βρωσίου τε καὶ ἀπόλαοσιν*)¹⁾. На л. 302 d — дательный самостоятельный: „...В[ог]у не вся сѣсущивъшу“ (= „взсущивъшу; *μὴ θεοῦ τὰ πάντα οὐσιώσαντος*). Срв. еще: „сзведепъ бывъ“ (л. 53 d, *ἐξάγεται*; = „взведенъ?“); „радунся и сѣкрасунся“ (л. 251 b; = „взскрасунся? повятіе о совмѣстномъ

¹⁾ „Сзслажденіе“ могло бы означать совмѣстное наслажденіе, с онаслажденіе; но это не то, что *ἀπόλαοσιν*, и къ контексту не подходитъ.

красованіе не подходит къ контексту); и мн. др. — Попадаетъ въ Словахъ Григорія Богослова XI, в. форма *сз* вм. *взз*, *всз* даже внѣ сочетанія съ глаголомъ, а въ качествѣ самостоятельнаго предлога, управляющаго винит. падежемъ (какъ соврем.-мр. п о - у з): „сходитъ *сз* послѣдняя“ (л. 23а, очевидно, = *всз* послѣдняя, *εις τους ὕστερον*); — „убозниже и *сз* единъ днь не имуть брашна“ (л. 35 с; повидимому, = *всз* единъ днь, т.-е. въ продолженіи одного дня: по-греч. *καὶ μὴδ' αὖ εἰς μίαν ἡμέραν*). — Благозвучную форму *исз* (вм. *сз*, возникшаго изъ *всз*) мы въ Словахъ Григорія XI в. находимъ напр. въ реченіи: „яко *ис* и *ли* (= *вззс*ли) плть [о] правѣхъ добрѣхъ злюбѣ“ (л. 79 б; *ὅτι παρὰ τὴν ἡσῶταίς ἀρεταῖς αἰ καχῆαι*): — „...трыздынику зълу, хытрости ¹⁾... изводящу“ (л. 259 б, = *взз*водящу? *πυκτῆ κακῶ τῆν τέχνην προβαλλομένῳ*); срв. и обратно: „*всз*повѣдати“ (л. 166 с, гдѣ мы ждали бы „*сз*повѣдати“ или „*ис*повѣдати“) ²⁾. — Формы *уз* мы въ Словахъ Григорія Богослова XI в. не нашли („*уз*вѣждень“ л. 257 д, *κατάστεις*, повидимому содержитъ въ себѣ основной предлогъ *у*, а не *взз*). На превращеніе *взз* въ *оз* намекаетъ слово „*осз*бираемъ“ (на л. 267 д), которое, если судить по общему смыслу контекста, въ сознаниі малор. переписчика XI в. вѣроятно было то же, что „*сзз*бираемъ“ ³⁾; однако фонетическое значеніе этого начертанія съ *ос* подрывается ненадежностью самого контекста ⁴⁾.

Старѣйшій намекъ на произношеніе *уз* вмѣсто *взз* мы находимъ въ одной фразѣ кievскаго Изборника Святослава 1076 г., очень похожей, впрочемъ, на механическую описку: „[Человѣку лѣпо] не отъчаати себе, нъ пакы вѣстати и врагу противустати, — в у с т а т и (= *взз*стати? *уз*стати?) б[г]а[г]ыми дѣлы и покаянiемъ“ (л. 216а).

¹⁾ У Будиловича издапо, какъ одно слово: „хытростию“, тогда какъ здѣсь — два слова; одно: „хытрости“ (*τῆν τέχνην*), другое: „ю“ (*οἱ τω*).

²⁾ Форму „*всз*повѣдати“ мы видимъ еще и въ Богословіи Іоанна Дамаскина XII в., — памятникѣ, связанномъ съ Кіевомъ.

³⁾ По крайней мѣрѣ, контекстъ допускаетъ такое пониманіе для сознаниа переписчика.

⁴⁾ По-гречески мы здѣсь находимъ *καταλοῦμενος*, а это составляетъ подозрѣвать, что въ томъ церк.-слав. оригиналѣ, съ котораго списывалъ Слова южногалицкій переписчикъ XI в., было написано „*ос*ираемъ“ (слово съ корнемъ „*с*вир“ и съ предлогомъ „о“).

Есть известное вѣроятіе, что не къ суздальскому переписчику, а къ кievскому великокняжескому оригиналу XII вѣка восходитъ форма „стокъ“ вм. „устокъ“ (= востокъ) въ кievской части лѣтописнаго Лаврентьевскаго списка (XIV в.) подъ 6406 = 898 г.: „Идоша Угри мимо Кивъзъ горою... и пришедъ Ѡ стока (= съ востока), и устремившася чересь горы великия“ (л. 16 = печат. стр. 24); по крайней мѣрѣ, въ великорусской части того же Лаврентьевскаго списка нѣтъ такихъ формъ. — Остается, однако, здѣсь неяснымъ, звучало ли написаніе „Ѡ стока“ какъ „ot stoka“, или надо намъ читать его какъ-нибудь вродѣ „otī stoka“, „ot ыstoka“, „ot ostoka“ и т. п. (Въ титуловомъ начертаніи „Ѡ“ всегда вѣдь можно бываетъ подразумѣвать присутствіе конечнаго Ѡ).

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ (черниговскомъ или, б. м., кievскомъ памятникѣ конца XII в., дошедшемъ до насъ въ сѣв.-вкр. спискѣ ок. XIV—XV в.):... „да позримъ синего Дону. *Спала* (= вспала) князю [у] умь похоти¹⁾, и жалость ему знаменіе заступн“, т. е. „вспало князю на умъ желаніе“. Въ виду присутствія буквы у въ концѣ предыдущаго слова („Дону“), нельзя въ точности намъ выяснитъ, произносилъ ли писецъ еще „успала“ (съ начальнымъ гласнымъ у), или онъ произносилъ это слово вполне такъ, какъ оно написано въ рукописи, т. е. просто „спала“ (съ отпаденіемъ у). — Еще одинъ примѣръ на рефлексъ предлога *въ* безъ у могъ бы быть намъ предложенъ въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ смѣлой конъектурой Максимовича: „Свистъ звѣрннъ вѣста. *Зви* (= взвылъ) Дивъ, кличетъ врѣху древа“²⁾; въ рукописи, по чтенію Мусина-Пушкина, было написано „вѣстазби“. Это же мѣсто Потенія возстановляетъ иначе: „*Узбися* Дивъ“ (т. е. „взбился“)³⁾, — но во всякомъ случаѣ съ рефлексомъ предлога *въ*.

Въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198 существованіе формы предлога *уз* можетъ подтверждаться начертаніемъ „укусъвъ“ въ реченіи: „конь

¹⁾ Окончаніе *и* въ „похоти“ (мы ждали бы „похотѣ“) объясняется присутствіемъ начальнаго звука *и* въ слѣдующемъ словѣ. Превращеніе сочетанія „-и и“ въ „-и и“, а въ особенности сочетанія „-ти и“ въ „-ти и“, есть обычная черта старокievскихъ и другихъ старомалорусскихъ памятниковъ.

²⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. III, Кіевъ 1880, стр. 646.

³⁾ А. Потенія: Слово о Полку Игоревѣ. Воронежъ 1878, стр. 26 (отт. изъ „Филологич. Записокъ“).

Писковъвъ“ (л. 192 β)¹⁾. Кроме того: такъ-какъ эта Румянцовская Лѣствица № 198 знаетъ вообще довольно часто эфоническое отпаденіе начальныхъ гласныхъ²⁾, то, пожалуй, можно было бы посвящать устьченіемъ формы *уз* форму *з* въ начертанія: „Остроуми... почитани и знощени“ (л. 122 β=„и възношеннн(?)“),—если бы, конечно, можно было ручаться, что это „знощенин“ произошло не изъ „изношеннн“.

Несравненно надежнѣе послѣдняго случая — написанія Успенскаго Сборника XII в. (майской Четьи-Мивен съ произведеніями Нестора Кіевскаго). Таково — въ житіи Θεодосія Печерскаго: „Се бо... о блаженѣмъ и величѣмъ о[т]ъци нашѣмъ Θεодосиѣ осмытовая слышахъ от[ъ] дръвннихъ мене о[т]ъць, бывъшихъ въ то время“ (л. 67 б), гдѣ „оспытовая“—изъ болѣе стараго „вспытовая“³⁾; интересующій насъ предлогъ имѣеть здѣсь (какъ и теперь нвогда у многихъ малорусовъ) форму *оз*, а не *уз*⁴⁾.—Вполнѣ возможно, что въ „Видѣніи Исаіи“ того же Успенскаго Сборника XII в. фонема „исхвалиша“ во фразѣ „анг[ел]и възспѣша и исхвалиша и“ (л. 94 а)⁵⁾ есть ничто иное, какъ эфоническое видоизмѣненіе тогдашней кіевской фонемы „схвалиша“ (этимологически восходящей къ „всхвалиша“, „ухвалиша“) съ примѣненіемъ благозвучнаго призыва *и*, вообще нормальнаго въ Успенскомъ Сборникѣ.

Въ синод. Богословіи I. Дамаскина XII в. № 155 (изд. Бодяв.): „усияньс“ (64, = възсияньс, *απαύρασμα*), „лазьмь“ (? 173, = възлазьмь?)

Въ вост.-вр. Указателѣ Евангеліскыхъ Чтеній XIII — XIV в., который переплетенъ съ Галицкимъ

1) О возможности чисто-механическаго писарскаго „предвосхищенія“ мы здѣсь не смѣемъ и думать, потому что въ первомъ слогѣ этого начертанія („ус“) написана буква юсь, а въ сосѣдствѣ, корневомъ слогѣ („кус“) написаны совсѣмъ другія буквы: оу.

2) Напримѣръ вмѣсто „из“ мы видимъ въ Румянцовской Лѣствицѣ просто „з“, вмѣсто „имать“ (= имѣеть) пишется здѣсь просто „мать“ (л. 198 об. б), и т. п. Срв. главу 8-ую, въ рубрикѣ выписокъ изъ памятниковъ.

3) Срв. въ черниг. Румянцовской Лѣств. № 198 этотъ же глаголъ въ старой этимологической формѣ: „и възспытовающе“ (л. 126 об., а).

4) Срв. нынѣшнія еще живыя (не литературныя только) формы „ознесенн“, „озьму“, „оздух“, „озвар“ (у Нечуя-Левицкаго), галицкое „озмін“ (пначе „узымь“=незамерзающая глубь) и др.

5) Въ Хлудовскомъ спискѣ (XIV в.) этого же „Видѣніи Исаіи“ мы въ данной фразѣ находимъ глаголъ съ другимъ предлогомъ „въспѣше и похвалише и“. См. Описаніе Хлудовскихъ рукописей—А. Попова, № 195, стр. 418.

Евангелиемъ 1144 г., но писанъ уроженцемъ или Приднѣпровья, или сосѣдней восточной Волини, мы не встрѣчаемъ (быть можетъ, по чистой случайности) фонемы *з* въ смыслѣ *єз*. Фонема *уз* встрѣчается тамъ одинъ разъ: „узможна“ (л. 233).

Галицкое Евангеліе 1144 г., съ которымъ вмѣстѣ переплетенъ этотъ вост.-мр. Указатель XIII—XIV в., вовсе не знаетъ превращенія *єз* въ *уз*. Но тѣ галицкіе да и прочіе зап.-мр. памятники, которые до насъ дошли отъ нѣскольکو болѣе поздняго періода чѣмъ Галицкое Евангеліе 1144 года, а именно отъ XIII-го вѣка или, быть можетъ, еще отъ конца XII-го вѣка, уже имѣють *уз* вм. *єз* въ большомъ количествѣ. Старѣйшіе примѣры на зап.-мр. *уз*—

въ Codex Hankensteinianus (Вѣнскомъ Октоихѣ) ок. XII—XIII в.: „узрадуемса“ (л. 73 об.), „узаять“ (л. 132 об.), „уздрате“ (л. 142 об.), „усхотѣв“ (л. 148), „устокъ“ (л. 237) и т. п. То же—въ болѣе позднихъ припискахъ XIV—XV в. на этой рукописи: „уздрати“ (л. 183), „узопьсѣ“ (л. 219; =возопіемъ).

Въ болѣе сѣверномъ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г.: „узяти“ (л. 29, л. 124 и др.), „мнози от[ъ] устокъ и западъ“ (л. 36 об.; также см. л. 52, л. 93, л. 94 и др.), „ускрича“ (л. 48 об.), „ужъчегъ“ (л. 80, =възъгъ) и мн. др.

Въ южно-Галицкомъ Евангеліи 1283 г. поповича Евсевія: „иду, да вузбужую и“ (л. 67 б.)¹⁾; — „а створиши злая — въ ускршѣнне суду“ (л. 6 об., а); — „Никто же не узложи на нь руки“ (л. 13 б).

Въ Ипатской лѣтописи, подъ 1185 г.: „Ратници ваши с оздоспѣхомъ ѣзды“ (стр. 431). Срв. „усприя благая“ (145); „преузвысивса“ (149); „услѣду стопамъ“ (149); „усприемъ измѣзде“ (=въсприемъ възмѣзде, 149); „молбы Богу уздая“ (149); „ратъ узяти“ (152); „вон, злѣзше на издбу“ (=възлѣзше, 159), и многіе другіе примѣры чередованія *єз*, *уз* (оз), *з* п *из*. Не изъ волинскаго ли оригинала попали они въ Ипатскій списокъ?

Въ Луцкомъ Евангеліи XIV вѣка: „усходяща“ (л. 4 об.), „аъзъ ускрѣшию и“ (л. 15), „придоша рѣкы и узвѣяша вѣтри“ (л. 52, два раза), „узложъ рудѣ, исцели“ (л. 96), „шедшимъ имъ отъ Вифавъ, узалка“ (л. 104

¹⁾ Начальное *є* въ „вузбужую“ есть въ этомъ памятникѣ, вѣроятно, не болѣе, какъ вторичный эвфоническій призвукъ,—такой же призвукъ, какимъ надѣленъ у поповича Евсевія и предлогъ *у*. Срв. „И всякъ, вѣруи *єу* мя, не умръ“ (л. 67 об. d), гдѣ „*єу*“=„*у*“ (а это послѣднее—изъ *єз*).

об.), „и успоминавъ Петръ, гл[агол]а ему“ (л. 105), „не узноситеса“ (л. 131), „се усходимъ во Иер[ус]а[л]з[имъ]“ (181), „ідоша усънять“ (л. 212) „узгласи“ (213) и пр. То же—въ припискѣ на этомъ Лудкомъ евангелии, начала XV в.: „кр[е]стѣ узвизални“ (л. 42 об. = воздвизальный).

Въ львовскихъ Пандектахъ Антіоха 1307 г., писанныхъ однако не во Львовѣ, а въ какой-то „Лаврѣ св. Богородицы“ (вѣроятно, Владиміръ-Волынской), форма предлога *уз* встрѣчается, по подсчету А. Кочубинскаго, 133 раза ¹⁾, напр.: „не уздаати“ (л. 8 б), „ускотѣвати“ (л. 9 а), „прибытъкомъ узвращаетъ“ (л. 20 б), „о уздержанья“ (л. 23 б), „узда устязающа“ (л. 23 а), „на узатье“ (л. 30 б), „на усочнѣнїи горѣ“ (л. 45 б), „уностьяго уздраста“ (л. 55 б, —възраста) „ускую прискербна еси.... и въскую смущаши мя“ (л. 68 б) „улюбленни успрянгѣмъ“ (л. 80 а), „языкъ ихъ узнесеса“ (л. 90 а), „узбоимоса“ (л. 90 б), „во узмущѣнїе“ (л. 129 а) и т. п. — По мнѣнію В. А. Розова (высказанному устно), та упомянутая въ записи лавра, въ которой писаны Пандекты 1307 г., есть кіево-Печерская. Это предположеніе сомнительно вообще по очень многимъ причинамъ, да между прочимъ и по тому, что въ кіево-Печерской Лаврѣ XIV вѣка врядъ ли ужъ очень обильно слышалось *уз* (развѣ изъ усть бѣлоруссовъ), а вѣроятно предпочиталось тогда въ Лаврѣ нижѣшнее кіевское произношеніе *з* (съ отпавшимъ *у*), или—съ новымъ эвфоническимъ призвукомъ—слышалось произношеніе *із*.

Въ житійномъ монастырскомъ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 30, —сѣверно-малорусскомъ (а точнѣе—должно быть, кіево-печерскомъ) ²⁾, — при обычной общеславянской орфографіи „успнути“ „успити“ (л. 144 д, =успити) съ начальнымъ слогомъ *ус* ³⁾, мы встрѣчаемъ параллельную форму съ начальнымъ *ис*, гдѣ начальное *и* есть, очевидно, вторичный эвфоническій протезисъ, который возникъ

¹⁾ См. его отзывъ о книгѣ П. И. Житецкаго, стр. 237 (въ 32-омъ Уваровскомъ присужденіи). Выписки—на стр. 276, 286, 279.

²⁾ Описать и отчасти издать (В. Н. Щепкинымъ) въ посмертныхъ „Библиографическихъ Матеріалахъ“ А. Попова (москов. „Чтенія“ 1889).

³⁾ По своему этимологическому происхожденію это общеславянское *ус* восходитъ, конечно, не къ *ас*: оно есть предлогъ *у* и начальный звукъ корня *си*. Но, очевидно, для сознанія кіевлянъ XIV в. не было разницы между такимъ начальнымъ слогомъ *ус* и предлогомъ *ус*.

въ силу того, что звукъ *у* въ слогѣ *ус* подвергался отпаденію въ живой рѣчи кievлянъ XIV вѣка. Сюда относятся начертанія: „ѣда и сп ли суть б[о]зи ваші?“ (л. 79 с, = успли, т.-е. уснули), „нощи болѣзныя и сп ша“ (л. 231 в = усъша). Отчасти срв. еще (неубѣдительное): „и ск ѡ п ѣ вода“ (л. 8 в), гдѣ начальный слогъ можетъ съ одинаковою свободою объясняться какъ изъ малорусской переработки предлога *эс*, такъ и изъ сохраненія церк.-слав. предлога *ис*¹⁾.

Наконецъ, изъ числа мр. памятниковъ XIV вѣка надо отмѣтить зап.-мр. грамоты, въ которыхъ форма *уз* довольно обычное явленіе. Таковы:

Въ купчей 1366 г., писанной Болестрашицкимъ поповичемъ изъ Перемышльщины: „продали и уздали ему добровульно“ (= Голов. № 3, стр. 6). — Въ другой, монастырской купчей 1378 г. того же писца: „Пани Хонька ис [с]воемъ зятемъ и своємъ со всѣмъ племенемъ уздала есть тотъ мунастырь Иванови Гублѣ“, „а при томъ уздаванъ ѣ были бояре“ (= „Украин. Грамм.“ т. I, стр. 420γ). — Въ купчей 1391 г. воеводы Феврона изъ той же Перемышльщины: „всѣмъ добрымъ людемъ, што на тотъ листъ узоздрятъ“, „и уздалъ есть в[а]д[ы]ка передъ нами пану Яшкови Испрувѣскому²⁾ та дворища“ (= „Украин. Грамм.“, т. I, стр. 420ζ).

Во вводной грамотѣ галицкаго старосты Оты 1371 г. „ис [с]воимъ племенемъ уздали пану Вятславу“ (= „Укр. Грамм.“, т. I, стр. 420β).

Въ волынской луцкой присягѣ 1386 г. тамошняго намѣстника королю Ягайлу: „А што ми ускажетъ осподарь мон“, „возметъ, коли усхочеть“ (= „Украин. Грамм.“, т. I, стр. 502). — Въ луцкомъ векселѣ 1388 г. короля Владислава-Ягайла молдавскому воеводѣ Петру: „тотъ исныи гродъ силою узметъ“ (= Голов. № 8, стр. 11).

Въ судной грамотѣ галицкаго старосты Гяѣвоша 1393 г. изъ Тереховльщины: „на тотъ листъ узоздрятъ“ (= „Украин. Грамм.“, т. I, стр. 420η).

XV вѣкъ.

Въ памятникахъ XV в. не будемъ останавливаться на случаяхъ употребленія *уз* (они — обильны), но отмѣтимъ

¹⁾ Глаголь „искыпѣти“ извѣстенъ и въ балканскихъ церковно-славянскихъ памятникахъ.

²⁾ Предполагаю, что въ этой фамиліи начальное *Ис* = *Вс* (и что основа этой фамиліи есть въ спѣр).

лгшъ, въ качествѣ болѣе интересныхъ, тѣ случаи, гдѣ выѣсто *уз* проскользаетъ просто *з* на нынѣшней ладъ.

Иногда существованіе выговора *з* (см. *уз, ѳз*) легко проскальзываетъ въ XV в. даже изъ-подъ начертанія *уз*, какъ напр. во львовской присягѣ 1407 г. молдавскаго господара Александра (=Улян. 16): „...коли ся есмь голдували и записали его м[и]л[о]сти, штобыхомъ то вѣчно *уз* держали, яко ся есмь тогда голдували и записали“. Какъ видно изъ контекста, здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ глаголомъ „вздържати“, но съ глаголомъ „сдържати“ (=соблюсти, исполнить, сдержать), и несомнѣнно, что писецъ произносилъ просто „държати“; а если онъ написалъ здѣсь въ грамотѣ *уз*, то сдѣлалъ это очевидно всего потому, что во многихъ другихъ своихъ глаголахъ вполне привыкъ чередовать приставки *з* и *уз* (восходящія этимологически къ *ѳз*).—Такое же „удержати“—въ буков. таможенномъ договорѣ 1407 г. того же воеводы Александра (=Голов. № 28, стр. 31): «А то мы слобуемъ вѣчно *уз* держати».

Обычно мы въ XV вѣкѣ видимъ написаніе буквы *з* (а не *ѳз*) въ словахъ „зыскъ“ (=ѳз'искъ), „зыскати“ (=ѳз'искати); вульгаризація этого написанія содѣйствовала, конечно, и польская ореографія, въ которой *zysk, zyskać* сдѣлались общепринятыми¹⁾. Такъ, въ размежевочной грамотѣ 1401 г. галицкаго старосты Петраша (=Украин. Грамм., I, 420^b): „тоукажетъ [границѣ] твердѣвшимъ листомъ, тотъ *зыскалъ*“—Въ размежевочной галицкой Зуде човской грамотѣ ок. 1428 г. (=Голов. № 40, стр. 45), наряду съ „успомянати“ (44) и „подлѣ Узлежи“ (45), мы читаемъ: „панъ Баллицки довелъ своихъ границъ и *зыскалъ*“ (45).—Въ жалованной господарской буковинской грамотѣ 1449 г. воеводы Александра: „хотилъ себѣ *зыскъ* учинити твоимъ пинѣзми“ (=Улян. 75). И др.—Срв. еще въ поученіи Феодосія Печерскаго о терпѣнн по Румяновскому сборнику XV в. № 406: «Кровь ихъ *изыщу* отъ руку твою» (л. 115), тогда какъ въ киево-печерскомъ спискѣ № 47 (1747 г.) здѣсь оказывается «*выщу*».

Въ буковинскомъ долговомъ обязательствѣ 1421 г. воеводы Александра своей разведенной женѣ (=Улян. 26—27) превращеніе стариннаго *ѳз* въ простое *з* (а отсюда—въ *із*) проявляется въ томъ обстоятельстве, что глаголъ,

¹⁾ Польскому языку тоже не чуждо превращеніе предлога *ѳз* въ *з*, хотя далеко не въ такой сильной степени, какъ языку малорусскому.

означающий выскивать (соврем. мр. „стягати“, —напр. „стягати довга“, стремится принять у писаря то форму „[и]стягати“, то форму „встягати“. Срв.: „корол[ь] господарь наш имиет истигати тых двух-на-дцять соть золотых“, —и рядомъ же: „[шессот золотых дукатовъ] имиет брати и встягати“.

Въ вѣнковой (луцкой?) записи ок. 1450 г. пана Дмитра Порыцького (=киевск. «Палеогр. Изб.» № 9): «А коли жона моя зхочет» (изъ «възхочеть»).

Лѣтописный городъ Возяголь (нын. Звягель Волин. губ.) фигурируетъ въ грамотахъ XV вѣка уже просто какъ Звяголь. Срв. въ жалованной грамотѣ 1496 г. вел. кн. Александра, писанной въ Меречи: „Билъ намъ чоломъ на-мѣстникъ Звягольскій, Яцько Мезь“¹⁾.

Въ интересныхъ жидовствующихъ памятникахъ кievскаго нарѣчiя конца XV в. (см. о нихъ стр. 381 — 383) форма предлога уз рѣдка, хотя все же встрѣчается²⁾. Вмѣсто того тамъ пишется или книжное „въз“ (вар. „воз“, „вос“, „вз“ „вс“), или тогдашнее разговорное з.

Такъ, въ жидовствующей переводѣ книги Дави-ла (Виленск. рукоп. № 262): „Тогда жь Нывухаднецар царь здивил ся“ (гл. III, 24 = изд. Евсеѣва 142: изъ „въздивил ся“); — „Доткнулся мене, яко виденье челоуѣче, скрепил (=вскрепиль, взносил) мене“ (гл. X, 18 = стр. 154); — „И в говореньи его со мною скрепих ся и рехох: да говорит господинь мой, яко скрепилъ мя еси“ (гл. X, 19). — „И яко же усилѣт в богатствѣ своем, збури т все царство Еллинское“ (гл. XI, 2 = 155; т.-е. *wzbury*, взбунтуеть). — „И нечествующих завѣта спохлѣбит гладкоязычьемъ“ (гл. XI, 32 = стр. 156; = въспохлѣбитъ, т. е. обольститъ). — „И в годину оу збудет (=устоятъ) люд твои (гл. XII, 1 = стр. 157); срв. этотъ же глаголъ съ написаніемъ предлога „въз“ въ жидовствующемъ спискѣ Псалтири Феодора Еврея: „а озбудет на тои д[е]нѣхъ Б[о]гъ единый“ (псал. 71 = Спер. 17). — Въ переводѣ Плачей Іереміиныхъ той же Виленской рукописи № 262: „Око мое зни-

¹⁾ Изд. грам. 1496 г. въ „Грамотахъ вел. князей литов.“ Антоновича и Козловскаго, № 10, стр. 21, —отт. изъ „Унив. Изв.“ 1868.

²⁾ Срв. въ Виленской рукописи № 262: „и учинили есмо неучтиво и успятилися есмо“ (Давилъ, IX, 5 = изд. Евсеѣва 153); „учинит леть и узойдетъ и ослѣветъ малыи людьми“ (Дав. XI, 23 = стр. 156): „И вси жонки уздадутъ честь мужомъ своимъ“ (Эсеиръ I, 20 = стр. 164).

ходить водою“ (гл. I, 16=стр. 160; отъ „възъннѣти“); — „Въздыхаю я,.... многи здыханья мои, а сердце мое болитъ“ (гл. I, 21—22=стр. 161); — Все гонители ес спостигли (=въспостигли) ес межи границами,... ери ес и здыхают (=въздыхаютъ), дѣвки ес смутны, а сама — горко ви“ (гл. I, 3—4=стр. 160). И мн. др.

Въ жидовствующихъ спискахъ т. н. Псалтыри Ѳеодора Жидовина (пзд. Серапскимъ): „м[о]д[и]твѣ нашѣ дотягни и злюби (=възлюби), како приношеніе р[о]жствѣ“ (псал. 11, стр. 3; срв. еще пс. 27). Мало характерно: „Защити отъ всякоу убыточноу стрѣчи“ (т. е. встрѣчи; пс. 41, стр. 10)¹⁾. Зато, кажется, нельзя видѣть ничего иного, какъ рефлексъ глагола „сѣзгнѣтвѣти“, въ псалмѣ 43-мъ: „Исповѣсть Б[о]гу и Г[оспод]у: снети (т. е. возгнети, воспламени) с[е]рдце свое, опрости языкъ свои, дан похвалу съ страхомъ Б[о]жимъ“ (пс. 43=стр. 10). По всему вѣроятію, скорѣе къ формѣ „въсподблвнй“ (чѣмъ къ „сподблвнй“) этимологически должно восходить прилагательное „сподблвнй“ (=дольній; псал. 48=стр. 12): „Кто, верхній и сподблвннй, можетъ обыскати дѣло Твое?“ — Наконецъ и въ заключительномъ (9-мъ прибавочномъ) пѣснопѣвіи Ѳеодоровой Псалтыри мы имѣемъ: „Придѣте и похвалите Б[о]га къ вратомъ с[е]го, исповѣдаются въ дворѣ с[е]го и радости хваленіемъ“ (т. е. „сраждостства“, род. ед.; л. 275=стр. 30).— Сюда же надо отнести въ псалмѣ 53 (=Спер. 13): «А мы не испѣемъ похвалити Тобѣ» (см. «испѣемъ»).

Послѣ XV вѣка.

Послѣ XV вѣка малорусскіе памятники показываютъ намъ совершенно ясное, прогрессивно усиливающееся преобладаніе формы *з* (или *из*) надъ *уз* и *ез*. Пожалуй, послѣдняя изъ ореографій (т. е. *ез*) примѣняется и послѣ XV вѣка на письмѣ часто, но это дѣлается—очевидно—ужь не столько потому, что произношеніе *ез* было все еще обычнымъ въ живой рѣчи малоруссовъ, сколько потому, что ореографія *ез* или *ез* совпадала со священной церковно-славянскою и съ польскою. Форма же *уз* даже на письмѣ становится все

¹⁾ Не характерно это начертаніе потому, что зачинное с въ словѣ „стрѣча“ можетъ восходить не только къ *ез*с, но и къ исконному *сѣ* (срв. церк.-слав. „сѣрѣтвеніе“). Срв. однако соврем. зап.-мр. „естрѣча“.

богѣе и богѣе рѣдка, особенно къ вѣку XVII-му, причемъ рѣдка она становится и въ памятникахъ нарѣчія западнаго, а не только восточнаго, гдѣ она вообще не была слишкомъ прочной. Выпикъ изъ паматниковъ XVI—XVII в., въ которыхъ рефлексомъ стариннаго *sz* является *z*, приводитъ здѣсь не къ чему; примѣровъ нашлось бы большое обиліе.

Въ смыслѣ *z* (изъ *sz*) нерѣдко пишется въ XVI—XVII в. начертаніе *из*. Отчасти призывукъ „и“ подсказывался и народнымъ произношеніемъ (законами благозвучія), отчасти же это являлось чисто-книжническимъ приуроченіемъ къ церк.-слав. предлогу *изъ*. Такое *изъ* попадало и въ печатную схоластическую мр. литературу; срв. у Кирилла Транквилиона въ предисловіи къ Евангелію Учительному (Рохмановъ 1619): „...винница тогда въ заустѣніе будетъ, *изы*йде трѣніе въ ней, яко на цѣлизнѣ (= взойдетъ, какъ на нови), и въ дичину *szы*йдуть лѣторасли ея“.

Въ извѣстномъ рядѣ случаевъ, гдѣ *uz* не превратилось въ *z*, мы въ XVI—XVII в. наблюдаемъ склонность писать не *uz*, но *oz*; состоялось это, вѣроятно, не безъ вліянія предлога *о*. Такъ, въ концѣ съ Киевской люстраціи ок. 1471 г. ¹⁾: „Тыс вси подымѣщину дають, што *оз*ле [Житомира] пашуть“ (6). — Въ воеводскомъ киевскомъ приговорѣ 1610 г. по дѣлу о землѣ ²⁾: „и тую дорогу имъ очистилъ ездити имъ по роллѣ, *оз*ле ровка“ (16). — Въ киевской вкладной записи 1526 г. на Ев-ин киево-Михайл. монастыря нач. XVI в.: „*оз*лѣ Боршовки поле Михайловское звѣчное“ (л. 249=Крыж. 171). — Въ описи Киевскаго замка 1652 г. ³⁾ упоминаются „поповскіе дома вмести: Пречистенскаго домъ, Демидовскаго, *Оскресенскаго*“ (117). — Во Владиміръ-Волинской книгѣ вгородской 1568 г. въ постановленіи о штрафѣ: „Нехай князь вапъ (= Курбскій) прише зъ совитостью ⁴⁾, тогда-дей я *оз*му“ ⁵⁾; „ты пенезн..... огъ пана твоего, князя Курпскаго, безъ совитости *оз*мемъ“ ⁶⁾. Въ той же

¹⁾ Изд. въ 7-й части «Архива Юго-Зап. Р.», т. II (Кіевъ 1890), стр. 1—9.

²⁾ Изд. въ 1-й ч. «Арх. Юго-Зап. Р.», т. VI (Кіевъ, 1883), стр. 15—16. Повидимому, это лишь копія съ рѣшенія 1510 г.

³⁾ Изд. въ 7-ой части „Архива Юго-Зап. Россіи“, т. I (Кіевъ 1886), стр. 106—122.

⁴⁾ *Sowitość*—штрафная плата вдвое.

⁵⁾ № 935, л. 151—Автон. и Козлов. № 57, стр. 142.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 144.

книгѣ подѣ тѣмъ же 1568 г. въ таможенной записи: „на озбирания въ лобору отъ товаровъ“¹⁾, и т. п. — Въ вѣршѣ ок. 1651 г. о поражении Б. Хмельницкаго подѣ Берестечкомъ: *Wsi bo nestatky wsi dostatky—zautra ich ozmesz sobi*“ (=Украин. Грамм. I, 271.)

См. стр. 420 и.

Свѣдочный листъ изъ Галича 1409 г. старосты Яна Щькотьскаго о продажѣ остальной части с. Тристянецъ Фильмъ Мяковичемъ Кольмъ Далюевскому, — изъ библиот. гр. Тарновскаго въ Диковѣ. (Фотот. изд. въ „Палеогр. Ся.“ № 49.)

А се я, панъ Янъ Щькотьскый, панъ Вислицкый, староста Галцкый (sic), свѣдчу то и познаваю сямъ нашимъ листомъ каждому добромъ[у], кому надобѣ, кто на томъ листѣ повритъ или услышитъ его чтучи, коли буд[е]тъ т[о]го листу кому потребна, ижъ, прида пьрьдъ насъ и пьрьдъ земляны, Филь Мяковичъ и[с] своею братьею, — и на имя изъ Гринькомъ Сочивьчичьмъ и с Минькомъ и зятѣмъ и сестрою, — со всѣхъ своихъ ближшихъ приволяемъ, своею доброю волюю, ани примучьни, познали то, ижъ суть продаа[и] и уздаа[и] пьрьдъ нами пан[у] Кольмъ Далюевском[у] остаточную свою половину дѣднинны Тристянецъ за 6 и за 20 копъ. И оправили ему ту половицю Тристянецъ у 50 копъ на вѣки вѣкомъ и дѣтьмъ его. Уздали и отступили тоѣ дѣднинны пану Кольмъ тако, яко сами държали: исо всѣмъ правомъ, исо всѣхъ обиѣздомъ, ничьго собѣ нъ вынимаючи, ни составляючи, и со всѣми границами вѣчистымъ (sic) и с полемъ и землюю и с лѣсы и зу дубровами и с озеры и ставы и ставища и с лулуками (sic) и сѣножатями и со всѣми ужитками, што нинѣ суть, што и потомъ могутъ быт[и]. А ту дѣднину панъ Кола вольнѣ продати, или замѣнати, или тунѣ отдати, у своѣ лѣпшиѣ ужитки обратити. А выволилъ то пан[у] Кольмъ Филь Мяковичъ и[с] своею братьею и [с] своими всѣми ближшими, ижъ у той половици дѣднинны и у другомъ, што первое купилъ панъ Кола, нъ мож[е]тъ габати Филь, ани его братья, ани его ближши, у той дѣдниннѣ Тристянецъхъ

¹⁾ № 2042, л. 398 об.—Антонов. и Козл. № 58, стр. 147.

пана Кола и его дѣтии и его ближнихъ. А тои рѣчи свѣдѣци: панъ Стрпець, всевода Галицкии, панъ судья Дробышь, панъ Васко Тяптыковичъ, панъ Хршциъ Мартиновскый, панъ Миколаи Стпичвикъ, панъ Малофѣи, панъ Михалко Грабовецкии, Борисъ Хомѣковичъ, Стыцко Далаитинскый; [и] ишѣхъ добрыхъ много было к тому. А я, панъ Янъ Щькотьскый, панъ Вислицкии, староста Галицкии, даю сии свои листъ пану Колѣ Далкевскому на свѣдоцтво, подѣ нашу пѣчатку. Писанъ листъ у Галицю, у пондѣлокъ пердѣ Матки Б[о]жиѣ 1 днѣмъ. Число лѣт Розества Х[ри]ста 1000 лѣт и 4 ста лѣт 9 лѣт. У вѣки, амишь.

Лвовскій судебный приговоръ 1412 г. старосты пана Срѣмскаго по раздѣлу имѣнїа Сулимова между Хмѣлемъ-Прибокѣмъ и Войтковѣ Сулимовскимъ, — изъ Несвижскаго архива. (Фототип. изд. въ „Палеогр. св.“ № 50)¹⁾ Буквы ь и ѣ трудно здѣсь отличить одну отъ другой съ несомѣнностью.

Во имя Божье знаменито буд[ь] и свѣдочно каждем[у] добром[у], кто коли на тот листъ позреть албо услышитъ его чтучи, кды его будетъ потребно. Мы, пап Иван, пап Срѣмскый, староста Рускый, свѣдѣю то своимъ листомъ, иже пришедъ предъ насъ и предъ ты добре, што с нами у тотъ часъ сѣдѣла²⁾, Хмѣль, врщене (или «врщен'о»?) имя Прибекъ, добывалъ на Войтку Сулимовскемъ половины Сулимова. Тогдѣ есмо выслышали (sic) рѣчь обою зо обую сторону: и Прибову, и Войткову. Тогдѣ Войтекъ положилъ листъ и[а] на Тернавского, штожъ пани Ядвига Хмелевая [с] [ы]номъ с Приб-

¹⁾ Наша транскрипція рѣзко отличается отъ приложенной г. Соболевскимъ къ „Палеогр. снимкамъ“, и это — не только въ отношенїи буквъ ь и ѣ (которыя въ этой грамотѣ 1412 г., дѣйствительно, едва ли вполне отличимы одна отъ другой), но и въ отношенїи цѣлага ряда словъ. Въ „Пал. снимкахъ“ напечатано, напр., въ 14-ой строкѣ: „Хмель“, а въ снимкѣ сфотографировано „Хмиль“; напечатано: „на тотъ часъ“, а въ снимкѣ — „у тотъ часъ“; напечатано: „кды будетъ потребно. Панъ Иванъ...“, а въ снимкѣ: „кды будетъ потребно. Мы, пап Иванъ...“ И пр., и пр.

²⁾ Передѣлано изъ „сѣдили“.

ком уздала пол села Сулимова Воиткови по своимъ ¹⁾ д[о]чери, а по Прибкове сестре по Алжбѣтъ. И мы есмь ²⁾ есмь выслушали листъ п[а]на Воитковъ, што ему писан, и оставили есмь Воитка при Сулимовѣ, бо Воитек за другую половину дал 40 коп. И накопи бы ³⁾, — его Богъ не даи, — Воите с того свѣта спешдѣ (sic?), ано на его дѣти Сулимовъ има сполна спасти, што со Алжкою ѣ имѣеть. А, — его Бог не даи, — ажбы Воитко с дѣтками с того свѣта шель, што ѣ имѣль с Прибковою сестрою с Алжкою, тогдѣ има Хиѣль Прибко писаныи положити Воитковымъ ближшимъ 40 коп, а Сулимовъ имѣти. А на потверженье сему листу завѣсили есмь нашу печать. А сведци — цнии панове: пан Глѣбъ Романовскыи ⁴⁾, пан Осташко Давыдовскыи, пан Васко Мошенчич, Иван Черноусович, Олександро Ледянскыи, Влодекъ, боевода Лвовскыи, [и] иныхъ велѣ при томъ добрыхъ было, имже честь и вѣра лежитъ. Дан у Лвове, у суботу первую по узнесенъи Божиин, па память[ь] под лѣты Ружства Хр[и]стова 1000 лѣтъ 400 лѣтъ 12 лѣтъ. Аминь.

Лвовскій судебный приговоръ 1431 г. того же старосты, пана Срѣмскаго, въ тяжбѣ Ивана Лопатича съ Яномъ Бѣлецкимъ насчетъ села Бѣлки, — изъ варшавской библиотеки Красинскихъ (Фототип. изд. въ „Палеограф. сб.“ № 33).

Мы, Иван, пан Срѣмскыи, а староста Рускыи, визнаваемы тым-то листомъ каждому доброму, яко нынѣшнимъ, тако по насъ будущимъ, иже королевскимъ приказаниемъ сѣдѣли есмь на судѣ с тыми паны, што суть далѣи подписаны, — иже Лопатичъ Иван Юриевъ сынъ ись его братнею посполною рукою позвали суть Яна Бѣлец[о]го о дѣдину: о Бѣлгу, лежачию у власти у Лвовской, и так о то, што межн тыми

¹⁾ Предпоследняя буква въ „своимъ“ передѣлана изъ какой-то другой (кажется, изъ ю).

²⁾ Слово „есмы“ написано подь-рядъ два раза, причемъ первый разъ передѣлано, повидимому, изъ „есмо“.

³⁾ Не „ино коли бы“, какъ въ транскрипци г. Соболевскаго.

⁴⁾ Не „Романовскыи“, какъ издано г. Соболевскимъ.

границами, которая прозвизвиска (sic) суть. Тако Янъ Бѣлецкии положилъ листъ королевскии и такѣ иныѣ листы судовыѣ, што же на Бѣлку твердости имасть. Тако мы с паны, оглядавши его листовъ, иже суть шляхетнии листове, исмолившиися, видячи одного Бога предо очима, а подлугъ смолвы—оставили есмы Бѣлец[ог]о при Бѣлцѣ и такѣ, цо же межи тыми границами, которая прозвизвиска суть, со усѣмъ. И присудили есмы нашимъ судомъ Бѣлецкому па вѣки и его потомъ будущимъ исо усѣмъ правомъ ту истную Бѣлку, и узали есмы на Янѣ Бѣлецкомъ помочное. А Лопатичъ Иван, Юриевъ сынъ, [с] своею братнею стратилъ на вѣки и его ближшии, а не имают ся юже о то никды упоминати, нѣжля имають вѣчное молчанье на вѣкы. А то ся дѣяло и дано у вовѣ (sic, = у Лвовѣ), у пятокъ пятоѣ недѣля у Великомъ постѣ, под лѣты Р[о]жства Х[ристо]ва 1421 лѣта. А при томъ были шляхетнии панове: Олешко, судия Илвскии (sic), панъ Янъ Виницкии, пан Янъ Зубрскии, Иван Черпоусъ, Васко Мошенчич, Михал Малеховскии, Янъ Хлопецкии, иныхъ много было добрыхъ, иже чѣсть и вѣра лежить.

Свѣдочный листъ 1418 г. галицкаго старосты Михала Бучацкаго о мѣнѣ Маргариты Росовой и Ивана Тучняка селами въ Бережанскомъ округѣ, — изъ библиотеки гр. Тарновскаго въ Диковѣ.
(Фототип. изд. въ „Палеогр. св.“ № 32).

А се я, пан Михал Бучацкии, староста Галицкии, свѣдѣю то и познаваю симъ своимъ листомъ каждому доброму, кому надобѣ, кто на тои листъ возрит ¹⁾ или услышите его чтучи, коли буде того лист || ого листу ком[у] потребизна, иже, пришедши передъ нас и передъ земляны Тучняк Иван ис панею Росовою ис Марегорѣтою, своею доброю волею, ничимъ не примучени познали передъ нами и передъ земляны, иже ся замѣнили селы. Тучнякъ дал пани Марекорѣтъ Росовой свое село Куропотники ²⁾ и Неляжича дворище, а так уздал, яко самъ имѣл: ис полеми и земелею

¹⁾ Чтевіс „позрнт“ едва ли позволительно, хотя буквы и нечетки.

²⁾ Тенерь—Коропатники въ Бережанскомъ округѣ.

и с луками и с водами и с рѣками и с дуги и с гаяи с лѣсы и с дубровами и со всеѣми ужитъки, што нивинѣ (sic) суг, што и потом могутъ быт[и], и со всеѣми границами вѣчистыми, што изе вѣка к той дѣдининѣ прислушало, со всеѣмъ ис тѣмъ уздаѣ Росовой на вѣки вѣченыѣ. Пак ли бы кто нагабал у той дѣдининѣ панюю Росовую Марекорѣту или того, кому бы опа продала, то Иваноко Тучнякъ имае заступити [и] оправ[и]ти. Или бы крол[ь] нагабалъ, то имаеъ оправ[и]ти Тучнякъ. А тако ж пани Марекорѣта Росовая д[а]ла свое село Сернико ¹⁾ Тучнякови и 40 коп прид[и]ла за Куропотеники, а тако ему уздала, яко сама имѣла: исполемъ и землею ²⁾ и сѣножатьми и с рѣками и с болоты и с гаи и со всеѣми ужитъки, што нинѣ сугъ, што и потом могутъ быт[и], исо всеѣми границами вѣчистыми; и со всеѣмъ ис тѣмъ узд[а]ла Тучнякови, што изе вѣка к той дѣдининѣ прислушаеъ, на вѣки вѣченыѣ. Пак ли бы кто нагабалъ Тучняка у той дѣдининѣ у Сернѣку, или крол[ь] г[о]сподарь, то пани Марекорѣта Росовая имаеъ заступити [и] оправ[и]ти подлугъ земеск[о]го права. А тому свѣдѣци — панъ Миколаи Стличепиць, панъ Зубѣрь Янечи ³⁾, панъ Фряпциць Борешениць, Воитоко пана старостинѣ брат, Никлесъ воить Галицекии, Михал Грабовецкии, Волочеко Медынескии, [и] иных мн[о]го добрыхъ. А я, пан Михаль Бучачекии ⁴⁾, староста Галицекии, даю сии свои листъ пани Марекорѣтѣ Росовой, на свѣдоцство, подъ своею печатью. Писано листъ у Галичу, у понедѣлок на перевоѣ Матъки Божий. Число лѣт Розества Христова 1000 лѣт и 4 ста лѣт и в 18 лѣт.

¹⁾ Теперь известны села Серники Горішні, Серники Середні и Серники Долішні—надъ р. Гнила Липа въ Бережанщинѣ.

²⁾ Предпоследняя буква е слегка походитъ на ѣ (какъ будто написано „землю“), но только слегка; а въ общемъ слово, что это буква е.

³⁾ Или б. м., это одно слово „Зубръянечи“.

⁴⁾ Какъ разъ надъ этимъ окончаніемъ „-екии“, начинающимъ новую строку, приходится въ предыдущей строкѣ окончаніе „-екии“, принадлежащее имени „Грабовецкии“, которое разбито тоже на двѣ строки („Грабове-“ и „-екии“).

Листъ изъ Галича 1424 г. старосты Михаила Бучачкаго о купчей сдѣлкѣ между братьями Ходькомъ и Джуржемъ Головенчичами насчетъ с. Переросля,—изъ Института Оссолинскихъ во Львовѣ.
(Фототип. изд. въ „Палеогр. св.“ № 34).

Во имя От[ъ]ця и Сы[н]а и С[в]я[т]о[г]о Д[у]ха, ам[и]нь. А се я, панъ Михайло Бучатьскни, староста Галицькни, свѣдчу то и познавамъ симъ своимъ листомъ каждому доброму, кому надобѣ, кто на сии листъ позрять или слышитъ его чтучи, коли будетъ сего листу кому потрібизна, аже пришлошь передъ насъ и передъ земляны панъ Ходько Головеньчичъ п[с] своимъ братомъ ис Жчюрж[е]мъ¹⁾ Перероскимъ. Созналь то передъ нами панъ Ходько своєю доброю волею, нивимъ не принужень, аже—што имаю посполную дѣдъинну Переросль, аже продалъ свою половцю Переросля брату своему Жчюржеви за тридцять гривень; а продалъ ему на вѣки вѣчныхъ и дѣтемъ его я щадькомъ его. А тому свѣдци: панъ Миколаи Спичникъ, панъ Куньцьрь, панъ Михайло Грабовецькни, панъ Шанъдро Апришовьскни, панъ Влакои Драгомирецькни, панъ Ивашко Жчюрж[е]вичъ; а подьли тѣхъ—иныхъ досытъ было добрыхъ. А я, панъ Михайло Бучатьскни, староста Галицькни, даю сии свои листъ Жчюрчеви Перероскому на свѣдочество, подъ своєю печатью. Писанъ листъ у Галлчи, у понедѣлокъ, число лѣт Рожества Хр[и]ст[о]ва четвертого ста лѣт 24 лѣт.

Жалованная грамота 1424 г. черниговскаго князя Швитриггайла своему слугѣ Владу Драгосиновичу на имѣнія въ гуцульской Галичпѣ,—изъ краков. музея Чарторыйскихъ. (Фот. изд. въ „Палеогр. Св.“ № 20).

Во имя Б[о]жье, аминь. Рѣчи, которыи жь в часу бывають, ажбы не преминулы съ проминучими часы, подобно есть, имѣлы ли бы приити къ будущей знаемости, ажбы вѣчностию листовъ были подтвержены. Про то ж мы, Швитриггайло, инако Болеславъ, з Божьви м[и]л[о]сти князь

¹⁾ Или «Жчюржымъ»? Буква ч и вторая въ словѣ буква ж написаны надъ строкою.

Черниговскіи и иных, на знамость то чинимы сим нашим листом каждому[у] добром[у], нинѣшним и потом будущим, сего листа чтучим и слушающим, кому ж будет т[о]го потребизна, аже ввозрѣвше есмо на вѣрную службу нашего вѣри[о]го слуги на имя Максима, инако Влада Драгосиновича. Што ж есть нам вѣрнѣ послужил и служ[и]ти имѣет, даем и дали есмо ему село, на имя Косово с манастыремъ ¹⁾, на рѣцѣ на Рыбници, у волости Снятинской; а на рѣцѣ на Черемоши — двѣ полянѣ: Березово а Жабье ²⁾. А тако есмо ему дали....., ему и его дѣтем и его нащадком и его на-мѣстком, тото первор[е]ченое село с тыми со всѣми пожитки, што ж здавна прислушают тамъ, яко коли есть у своих объѣханных границах долго и широко и округло, яко уѣхана к нему граница: от Рознова ³⁾ черес поле поперек на устье Волов[о]го; а на устье Ходосова Обчиною ⁴⁾ горѣ Волуницѣ, подлѣ дубины, по нижнии конецъ дубины; на верхъ Волуницѣ Обчиною алиж до пасѣки; а Обчиною поперекъ — на Ст[ож?]ки; Обчиною от[ъ] Пѣстынѣ на верхъ Воловцѣ. А тако ему даем и дали есмо: со млины, с полями, съ рольями, съ сѣножатми, съ луками, съ паствама, съ водами и съ ихъ истоки, съ рѣками, съ потоки, съ крѣницами, съ ставы, съ озеры, съ мочилы, съ всяк[и]ми текуч[и]ми и стояч[и]ми водами, съ лѣсы, съ гаи, съ дубровами, съ чащи, съ дубники, съ березники, съ бортми, съ пасѣками, съ корчовьем, съ лозьем, съ горами и съ малыми горками, съ долинами и съ ловы звѣринными и поточными. И имѣет то держа[ти] и у]живати и ноживати, волен продати и застав[и]ти, отдати, замѣн[и]ти, на свои лѣпшии

¹⁾ Теперь—галицкій торговый уѣздн. г. Косів, съ предмѣстьемъ Манастырско, на р. Рыбница. Славится солеварнями.

²⁾ Березово—нынѣ приселокъ къ гуцульскому с. Криворівня. Жабье—большое село. на р. Чорний Черемош.

³⁾ Теперь большое село Рознів, въ долинѣ р. Рыбницы, ниже села Старий Косів (подъ г. Косовомъ).

⁴⁾ Обчина, по нын. выговору Оччина, есть, вѣроятно, не имя нарицательное, а имя собственное горы (см. Слов. Желех. I, 574). Изъ „бъчина“ (=бѣчка).

пожити обернути, онъ и его дѣ[ти и его] намѣстци, а то в село первор[е]ченое. И мѣють нам давати подлуг пр[а]ва волоск[о]го ты-то доходы, што ж сполниць.... (вырвано мѣсто)ю. А с кажд[о]го кмета — по 3 грош[и] польскихъ краковск[о]го разу ¹⁾ у каждыи год. А такѣж первор[е]ченныи Владъ имѣ[ет] [намъ за та? вырвано] села служ[и]ти к нашей ²⁾ потребизнѣ кошем а двѣма стрѣлци, и его намѣсткове такѣж уписаную службу имѣють служи? вырвано]те нашимъ намѣстком. А на потвержѣнѣ том[у] нашем[у] листу казали есмо привѣс[и]ти нашу печат[ь]. А то ся стало у Сн (? дырка) ³⁾ ,...у четвергъ августа 31, под лѣты розтва Х[ри]с[то]ва тысяч[а] лѣтъ и 400 лѣт и 20 четверт[о]го лѣта. А тот листъ выш..... з ругъ Ивашка-подскарбего. А п[и]сал Ванко.

Размежевочная 1424 г. старосты Ленька Зудечовскаго о селахъ въ Бережанщинѣ, — изъ архива гр. Борковскихъ въ галиц. Островѣ. (Литогр. сним. — у Головацкаго при № 36, стр. 41).

А се я, панъ Ленко, староста Зудечовскіи, свѣдцю сімъ своимъ листомъ каждому доброму, кто коли на нь узритъ или хто коли его услышитъ чтучи, кому ж то его буде потребно, — аже есмо розѣхали границю межи паномъ Юрковскіимъ и паномъ Ивашкомъ Борьснѣцкимъ, межи Острова и Дроховичъ ⁴⁾. И закопы есмо закопали вѣчныи. А имають пана Юрковского люди — из Острова и съ Юкшовецъ ⁵⁾ имають дрыва рубати, але не паствіті, ані свінеі упушати у лѣсь. А закопы копали: панъ Михаль Малеховскіи, панъ Григоръ Бартошовскіи, а слуга мои Илко. А при томъ

¹⁾ В. м., надо бы было: „разъ“? Или „...рѣзу разъ....“?

²⁾ Буква *e* передѣлана, кажется, изъ педоконченнаго *и* (=нашии“?).

³⁾ — „у Снятницѣ“? Издатели „Актовъ Юж. и Зап. Россіи“ (т. I, стр. 9) читали: „у Ос....“, въ силу чего я здѣсь предполагалъ было (на стр. 58) черниговскій г. Остеръ, или галицкій г. Островъ. Но, повидимому, начальныя буквы „Сн“ неоспоримы.

⁴⁾ Острів і Дроговичі—нын. села въ Бережанскомъ повѣтѣ.

⁵⁾ Нын. с. Южківці въ Бережанщинѣ.

свѣдці были: панъ Дмитръ (ь?) Родчъковичъ, а панъ Петръ Цебровскій, а панъ Янъ Зубрьскій, а панъ Куліковскій, а панъ Сенько Процевичъ, а панъ Татомиръ Балацікин; а иныхъ при томъ досыть добрыхъ было. А к сему листу приложили есмо свою [п]ечать, подъ лѣты р[о]жства Х[ри]с[то]ва 1000 лѣтъ и 400 лѣтъ 24-го лѣта.

Волынскія и подляшскія грамоты XIV—XV вв.

Разрѣшеніе купцамъ-граждавамъ г. Торуня, послѣ 1341 г., отъ вел. кн. Кейстута Гедыминовича и волынскаго кн. Любарта Гедыминовича, торговать въ Луцкъ,—изъ Кёнигсбергскаго архива. Литограф. снимокъ изданъ у И. Срезневскаго въ приложеніи къ „Древнимъ пам. русск. письма и языка“, № 39.

Ол[ъ] князя ол[ъ] Кестути и ол[ъ] князя ол[ъ] Люборта ¹⁾ у Торунь к мѣстичемъ. Што і есте просили насъ, абыхомъ васъ пустили до Лучьска тѣрговать черезъ Берестіе, абы вамъ не зажажали ²⁾,—мы хотимъ ради то учинити вамъ. Не блюдитесь ничего, поидите. А коли который торговецъ поидеть торговать ис Торуня черезъ Берестіе до Лучьска, безъ печали будте. А кто поидеть съ сею грамотою черезъ Дорогычинь, чесь (sic) Мелникъ и черезъ Берестіе до Лучьска торговать ис Торуня, язъ, князь Кестути ³⁾, не велю ихъ займати.

Луцкій договоръ кн. Любарта 1366 г. съ королемъ Казиміромъ—изд. на стр. 501.

Присяга кн. Ѡдора Луцкаго ок. 1386 г. королю Ягайлу—стр. 501—502.

Его же луцкая порука 1388 г. за Олехна — стр. 502.

¹⁾ Кажется, что такъ, а не „Люборта“, какъ мы ждали бы.

²⁾ М. б., „зажажали“. (Буква передъ и стерлась).

³⁾ Срезневскій читаетъ „Кестутеі“, но это чтеніе сомнительно.

Судомирская присяга 1389 г. королю Ягайлу отъ кн. Семена-Лыгвениа, назначеннаго опекальникомъ въ Новгородъ,—изъ петерб. Импер. Публичн. Библиотеки. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Св.“ № 47).

Мы, княз[ь] Семень, инымъ именемъ Лыгвени, чинимъ знаменит[о] симъ листомъ, кто на нь возреть или прочитаетъ, иже, коли освящины г[оспо]д[и]нъ Володиславъ, Б[ож]ье м[ил]ост[и] король Полскии, Литовскии и Рускии, иныхъ земля многихъ г[о]с[у]д[ар]ь, братъ нашъ милешии, поставилъ насъ опекальникомъ мужемъ и людемъ Великого Новгорода,—и мы тому королю и Ядвизе, королице королевства Полского, ис теми людьми с Великого Нова-года (sic), како же долго держимъ у нашемъ опеканию, слюбили есмы и еще симъ листомъ слюбуемъ, иже хотимъ при нихъ, при Коруне королевства Полского, пристати ис нашею силою и с нашими помочми и с нашею радю и с нашимъ (sic) острешени, безо всякои лсти и хитрости. Не хотимъ такожь николи отступ[и]ти ихъ Коруне королевства Полско[го]. А сему на сведоцво наша печат[ь] привешена есть, иже дана есть у Судомири, у н[е]д[ѣ]лю у тыжед[е]нь по Великомъ дни, лѣт[а] Б[ож]ья тис[я]чя 389.

Краковская присяга 1388 г. кн. Дмитрія-Корибута Сѣверскаго Ягайлу—стр. 502—503.

Лучицкая порука 1388 г. боярь за вѣрносъ кн. Корибута—стр. 503—504.

Вселицкая присяга 1393 г. кн. Феодора Любортовича Сѣверскаго—стр. 506.

Краковская жалованная 1394 г. землянину Дан. Задревецкому отъ короля Ягайла—стр. 505—506.

Денежная росинска луцкаго епископа 1398 г. королю Ягайлу—стр. 204 γ.

Жалованная волынская грам. (ок. 1392 г. ? или 1429 г. ?) отъ вел. кн. Витовта Бедриху на земли въ Подоліи,—изъ библиот. гр. Тарновскаго въ галиц. Диковѣ. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сн.“ № 19).

Мы, великий кн[я]зь Витовтъ, дали есмо сюю нашу грамоту Бедриху, што держитъ от[ъ]насъ двѣ селищи: одно—Сволочигаича, а другое—верхъ Болванця, у Смотрицкои волости ¹⁾. На тыи двѣ селищи записали есмо ему сею нашею грамотою шестьдесятъ копѣ подольскими полугрошники. Коли жь быхомъ хотѣли тыи двѣ селищи любо сами узяти у него, или кому приволили быхомъ выкупити,—и тогда имѣемъ дати ему за тыи двѣ селищи шестьдесятъ копѣ тую подольскими полугрошники по той личбѣ, какъ у Подольи идеть. А писана у Туревску в Володимерьскомъ, ѳевраля у 1 д[е]нь, индикта у 7.

Житомирская жалованная грам. 1433 г. вел. кн. Швйтригайла Леньку Зарубичу на села въ Луцкой и Кременецкой землѣ,—изъ Несвижскаго архива. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сн.“ № 21).

Во имя Г[оспо]дне, аминь. М[и]л[о]стїю Б[о]жиею мы, великий кн[я]зь Швйтрига[и]л[о], свѣдомо чинимъ всякому симъ нашимъ листомъ, кто во нь возреть или услышитъ чтучи, кому жь будетъ того потребно, иж бы добре вразумѣлъ, иже дали есмо и записали Ленькови Зарубичю тая села в Луцкой землѣ: Олыку на рецѣ Олыцѣ, а Мытельно, а Долгие Шии, а Велбичи; а в Кременецкой волости—Вандруга а Семеновка на рецѣ Семеновце. А имѣеть Ленько Зарубич тые села держати вѣчно, непорушо (sic), со всимъ, што к тыи селомъ прислушаетъ: с полми, с нѣвами, съ севожатми, съ водами, с реками, с крыницами, с потоки, с озеры, с рыбами, со млины, съ ставы, с ловищи и со звѣри и с потками (sic?), съ лѣсы, з дубровами, с поросльми, съ гаяи и з бобровыми говы, з болоты, с травами, з бортымъ деревьемъ, съ выгоны и со всеми уходы и приходы. А

¹⁾ Смотричь - въ Подоліи, на рѣкѣ того же имени.

по Ленкове животѣ и дѣтем Ленковымъ такожь тая села держати со всимъ, какъ на семь листу выпсано,—вѣчно, непорушно. А не останут ли ся дѣти по Ленкове животѣ,—ино Ленкову ближему; алюбю кому Ленко прижаеть по своемъ животѣ, тому такожь тая села держати, вѣчно, непорушно, со всимъ, што к тымъ селомъ слушаеть, какъ же на семъ листу выпсано на преде. А псан[о] в граде Житомири, под лѣты Іс[у]с Х[ри]с[то]ва р[о]ждства тысяча и чотыриста лѣтъ 33, м[ѣ]с[я]ця декаб[р]я 27 д[е]нь, индик[та] 12.

Жалованная лудкая грам. 1438 г. вел. кн. Швитрикгайла кухмистру Петру Мышьчичу на села въ Кременецкомъ повѣтѣ. Хран. въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ, № 68,2.

М[и]л[о]стью Б[о]жиею мы, великыи кн[язь] Швитрикгайлъ Литовскыи, Рускыи и иных, чинимъ знаменито и даемъ вѣдати симъ нашимъ листомъ каждому доброму, инпешнимъ и потомъ будущимъ, хто на нь возрить, или его чтучи услышитъ, кому жъ коли его будетъ потребно, ижь видѣвъ и знаменовавъ службу намъ вѣрную а пигды не опущенную нашего вѣрнаго слуги, пана Петра Мышьчича, нашего кухмистра, и мы, порадивше с пашыми кн[язи] и с паны и с нашею вѣрною радою, дали есмо ему и записали за его вѣрную службу села у Кременецкомъ повѣте: Боръшовку, а Борокъ, а селище Кандитовъ, а лѣсъ Дедьвовъ, со всѣмъ, што к тымъ селомъ из вѣка издавна слушало и тягло,—вѣчно и непорушно ему, со всѣми уходы и приходы, съ приселки и съ селищи и с нивами и с пашнями и с лесы и з дубровами и з борътными землями и с гаи и с пасеками и с ловы и ловищи и з бобровыми гоны и съ зереманыи и с реками и с озеры и с криницами и с потоки и ставы и ставищи и со млины и с мыты и з болоты и с рудами, и такъ, што въ тыхъ имѣньехъ собѣ примыслить и на новомъ корени посадить, и со всѣми платы, што к тымъ имѣньемъ слушаеть и слушало, и такъ с луги и з дубровами и сыножатми и со всѣми пожитки. Можеть собѣ полѣпшивати и росширивати, осадити и примножити. А даемъ тому пред-

реченому пану Петру, инакъ Мышце-кухъмистру, вѣчно и непорушно ему, а по нем и дѣтем его и внучатом и ближним его и его съчетом. Волни во всѣхъ тых имѣньех кому отдати и продати и променити—пан Петръ и его ближнии, по нем будущии. Пак ли бы хто хотѣлъ тые имѣнья подъ паном Петром взяти, или подъ его детми и под его ближними, тогда первѣе имаеть пану Петру, инакъ Мышце, дати четыриста коп широкыхъ грошей, алюбю дѣтем его, алюбю ближним его;—тогда и маеть под нами тые имѣнья взяти. А пан Петръ с того имѣнья имаеть служити нам двема копы. А при том были сведоки: наша рада, а пан Мовивид староста Подольскии и Кременецкии, а пан Юрьша воевода Киевскии, а пан Ян Воилицкии староста Луцкии и Олескии, а пан Юрья маршалок нашъ, а пан Хохлевскии, а пан Иван Гулевич, пан Козарин маршалокъ Луцкое земли, а пан Маско Гулевич, а пан Иван Волотович, а пан Иван Чорныи, а пан Иванко Мукосѣвич. А на потверженье того нашего жалованья, про лѣвшюю память и твердость, и печать нашу велѣли есмо привѣсяти къ сему нашему листу. А п[и]сан у Луцку, под лѣгы Р[о]жтва Ц[су]с Х[ри]с[то]ва 1000 лѣт и 438 лѣто, м[ѣ]с[я]ца оевраля 4 д[е]нь, инд[и]кта 1. Приказ кн[я]зя Борисов подканцлѣрего а пана Самашьковъ. Многогрѣшныи Снагъсаръ писал привилье.

Луцкая жалованная 1445 г. вел. кн. Швидригайла шляхетнымъ Чеботамъ. Хран. въ москов. Румянцовскомъ музеѣ, № 66,3.

М[и]л[о]стию Б[о]жиею мы, княз[ь] великки Швидригайло Олгардович, визнаваем то тым нашим листом каждаму доброму, кому жь буде его потребизна, н[и]иѣшним и потом будущим, или его услышит кто чтучи. Съ приказаннем краля Владслава Подльск[о]го и Вгорск[о]го, сыновца нашег[о] м[и]лого, взяли есмо вѣчную очизну въ Огорожеи, въ Великои, къ королевскому двору, шляхетным Чоботомъ. И такѣ жь искровельским приказанием дали есмы им Рычеговъ за их вѣчную очизну отиѣну: шляхетному Феод[о]ру Жукови—половину Рычегова, и такѣж шляхетному Ходо-

рови съ братомъ съ его съ Игнаткомъ—другую половицю Рычегова. И то есмо дали на вѣкы вѣчныи, и дѣтемъ их, ихъ ближшимъ, по ихъ животѣ,—съ всѣмъ правомъ и съ всѣми пожиткы, с поля, и съ род[ъ]ями и с луками и съ лѣсы и съ лозами и съ рѣками и съ потоки и с криницами, съ ставы и съ млины и с тыхъ млиновъ вымолоткы, с ловищи и звѣрячими и съ птачими (sic) и съ вѣчными границами. Шго жъ изъ вѣка к тому Рычегову прислухаеть, то и н[ы]нѣ имаетъ слухати. Вѣли продати или за даръ дати, на свое лѣпшее обернути. А с того намъ имаютъ служити и нашимъ намѣствомъ 2-ма стрѣлцема на заволаую воину, яко инни земляне служатъ. А на илѣпшее свѣдоцтво казали есмо печат[ь] нашу привѣсити къ сему нашему листу на потвърждение. А при томъ были наша вѣрная р[а]да, пан Немпрѣ (sic), старос[та] луцкии, князь[ь] Михаило Чорторняскии, маршалко нашъ, пан Семашъко, пан Бернатъ маршалко, а иныхъ мн[о]го добрыхъ при томъ было. Данъ в Луцку, м[ѣ]с[я]ца марѣта 3 д[е]нь, под лѣты Х[ри]стова р[о]жества 1000 лѣтъ 400 ста 45 лѣто. Приказъ п[а]на Оедька каплицѣрего.

Луцкая жалованная 1454 г. вел. кн. Швитрикгайла пану Ходьку на земли въ луцкомъ и турійскомъ повѣтѣ,—изъ варшав. библиот. гр. Красинскихъ. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сп.“ № 22).

Мил[о]стью Б[о]жьєю мы ¹⁾, великии кн[я]зь Швитрикгаль (sic) Ольггирдович. чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ каждому доброму, нинѣшнимъ и потомъ будущимъ, кто на нь възреть или чтучи его услышитъ, комуждо, коли его будетъ потрѣбно,—иже, видѣвъ и знаменавъ службу намъ вѣрную, а николи намъ неомешьканую наш[о]го вѣри[о]го слуги, пана Ходька, и мы порадивъся с нашими кн[я]зьми и с паны, с нашою вѣрною радою, дали есмо ему и записали за его вѣрную службу, николи неотпущоную, села: Милловъши у Луцкомъ повѣте на рецѣ на Стыре, а другое село у Ты-

¹⁾ Буква *ы* передѣлана изъ первоначально написаннаго *и*.

рыском (sic) повѣте Задыбы,—со всем с тым, што к тым селом слушаеть изъ вѣва и здевна тягло, со всеми входы и приходы и съ селищи и с польми и с нивами и спашняни и з дубровами и з бортными землями и с пасеками и с ловы и с реками и с кривницами и с потоки и съ ставы и ставищи и съ млыны и с луги и съ сеножатыми, со всеми пожитки, што в тых собѣ имѣньехъ примыслить и на новом корени посадить. И можетъ собѣ полѣпшивати и рошьшаривати и осадити и примножити. Дали (ы) ¹⁾ есмо тому предречоному пану Ходьку уся тая села, у верьху именованая мѣста, ему самому вѣчно и непорушно до его живота, а по его животѣ—ино его жонѣ и его дѣтем и его ближним, кто ж будетъ ближнии его к тому. А при том были сведоки: морьшалко наш ки[я]зь Михаило Васильевич Чорторызькии, а ки[я]зь Михаило Костянтинович, староста Володимерьскии, а пан Немира, староста Луцкии, а пан Пашько Дахнович, а пан Фодко, кальцнѣрь (sic) нашъ. А на потвержѣнье, про лѣпшшую памят[ь] сего наш[е]го листу, печать нашу казали есмо привѣсити к сему нашему листу. А д[а]на у Луцку, мая 15, индикта 9 (?) ²⁾, под лѣты Хр[и]стова рожества тысяча лѣт и 4 ста лѣт 54. Приказ пана Фодков кальцнѣревъ.

Вкладная луцкая запись 1483 г. волынского маршалка Олизара Кирдѣевича Красносельскому луцкому монастырю, вписанная на л. 153 об. Луцкаго Ев—ія XIV в. (Румянц. Муз. № 112).

Се азъ пан Олизар Кирдѣевич, маршалко Волынской землѣ, староста Луцкии, с женою своею Фодосѣю, записуваем на увѣки ³⁾ веком имѣне о[т]чизны и[а]шей, то есь село Доросын а Килск (?) ⁴⁾ со всем на все, як ся в собѣ маеть: з борт-

¹⁾ Повидимому, сперва было написано „дали“, потомъ исправлено на „дали“.

²⁾ Нечетко.

³⁾ Кажется, такъ. Буква у подписана сверху строки. Она похожа и на ч, но едва ли можно читать здѣсь „вѣчки“.

⁴⁾ Кажется, такъ. Востоковъ (Опис., стр. 178) читалъ „Килж“.

ною землею, з нивами и сеножатми, с[вя]т[о]му великому Спасу на мастыр (sic) Красноселскии под Луцком. А жадем мои кровныи не мает т[о]го нарушити. А хто б мѣл нарушити, рассудится со мною во д[ѣ]ни ¹⁾ содныи пред м[и]л[о]стивым Б[о]гом. В лѣт[о] 6[9]91, инд[ик]т] 1.

Другая вкладная лудкая записъ 1487 г. того же пана Олизара Кирдѣевича, помѣщенная на 205 л. Лудкаго Ев-ія XIV в. (Рум. муз. № 112).

Се я, пан Олизаръ Мкирдеевичъ ²⁾, моршалко земли Волынсков, староста Луцкыи, исъ своюю женою Θεодосією, записуваем ис своею о[т]чины и деднины исъ Серниъ исъ своего двора десятину у поли и съ озими и съ ярины: исъ жита, исъ пшеници, исъ овса, исъ ячменю, исъ ярых пшениць, исъ гороховъ и съ всею ярины, почевъ от малых и до великих, икъ с[вя]т[о]му Сп[а]су на Красное. А в тое не надобѣ уступатися никому, ни моим ближним, ани моему роду. А хто бы имѣл уступатися или отнимати тую десятину у с[вя]т[о]го Сп[а]са, рассудится съ мною пред Б[ог]омъ. В лѣт[о] 6900-е 94-е, индик[та] въ 3-и.

Переяславскія грамоты XIV в.

Переяславская дарственная грамота послѣ 1356 г. кн. Олега Ивановича Рязанскаго монастырю св. Богородицы на Ольговѣ,—хран. въ москов. Архивѣ Мин. Юстиціи, — № 1/9821.

[Ми]лос[ѣ]рьдѣемъ Б[ож]ьимъ, м[о]л[и]твою с[вя]тое Б[о]городици и м[о]л[и]твою о[т]ця своего князя великаго Ивана Олександровича и бл[аго]с[ло]вленемъ епискупа Рязаньскаго и Муромскаго Василья, язъ, князь великии Олегъ Ивановичъ, стадавъ есмь съ своимъ о[т]цемъ съ вл[а]д[ы]кою съ Васильемъ и съ своимъ бояры. А бояре со мною

¹⁾ М. б., „д[ѣ]нь“. Но вѣрнѣе, что „д[ѣ]ни“. Не четко.

²⁾ Вѣроятно, эта начальная буква М есть предвосхищение слѣдующаго слова („моршалко“), а не способъ выразить звукъ г.

были: Софонии Алтыкулачевич, Семень Федорович, Микита Аньдрѣевич, Тимошь Александрович, Манасѣя Дядько, Юрьи околичичи, Юрьи чашьникъ, Семень Микитычъ съ братьею, Павелъ Соробич. Далъ есмь о[тъ]цю своему Арсѣнью манастирь с[вя]тое Б[огороди]ци на Олговѣ, въ свободѣ до его ж[ив]ота. А по своемъ животѣ воленъ кого во нь бл[аго]с[ло]вить на игуменьство. А далъ есмь с[вя]тои Б[огороди]ци дому Арсеговское ¹⁾ село с[в]инами? и с[в]илицыныи и с[в] рѣзанкою и съ шестью десят... и со всѣми пошлинами и с[в] бортники и с[в] борт[пым]и землями и с[в] поземом и съ озеры и с[в] [бобры и с] перевѣсьиши. А возрѣвъ есмь въ дав[ън]ыи грамоты съ о[тъ]цдемъ своимъ съ вл[а]д[ы]кою съ Вас[иль]емъ ²⁾ и съ бояры. Коли ставили по первых с[в] прадѣди наши ³⁾ с[вя]тую Б[огороди]цю княз[ь] великии Ильгварь, княз[ь] Олегъ, кня[зь] Юри, а с[в] ними бояръ 300, а мужи 600, тогда дали с[вя]тои Б[огороди]ци дому 9 земель бортных, а 5 погостовъ: Пѣсочна, — а в ней 300 семии; Холохолна ⁴⁾, — а в ней полтора[с]та семии; Заячны, — а в ней 200 семии; Вепрня — 200 семии; Заячковъ — 100 и 60 семии. А си вси погосты — съ землями с[в] бортными и с[в] поземом и съ озеры и с[в] бобры и с[в] перевѣсьиши, с[в] рѣзанками и съ шестью десят... и с[в] винами и с[в] свилыциныи и со всѣм[и] пошлинами. А хто даныхъ лю[ди]и прадѣды нашими с[вя]тои Б[огороди]ци дому гдѣ имуть сѣдѣти или бортники или слободичъ в моеи о[тъ]чичѣ, — ать знаютъ домъ с[вя]тои Б[огороди]ци; а волостели мои ать не вступаются в них ни о которомъ же дѣлѣ.

¹⁾ Срв., по поводу начальнаго А, святцы въ галицкомъ Codex Hankensteinianus XII—XIII в.: «св. Ареста» (10 нб.), «св. Алушня» (26 нб.).

²⁾ Епископъ Рязанскій и Муромскій съ 1356 г.

³⁾ Такъ читалось эго мѣсто еще во времена Срезневскаго (См. 1-е изд. его «Древн. пам. русск. яз.»). Теперь отъ ветхости, здѣсь вывалился маленькій кусокъ истлѣвнаго пергамента, и образовалась дырка, такъ что остались слова: „по первых..... и наши“, а „с прадѣд...“ — ужъ нѣтъ.

⁴⁾ Начертаніе здѣсь похоже и на „Холохолна“, и даже на: „А с[в]ло Холна“. Едва ли однако „Болохолна“.

А Головчин далъ Федоръ Борисович; а Мордовское далъ Климентъ по Данилов дворъ; а Еремѣи великии съ Глѣбом села своя подавали г[о]с[по]жи Б[о]городици; а мужи Олговскую околицю купивше у Муромскихъ князиев, давшѣ 300 гривен и дали с[вя]т[ой] Б[о]городици. А язъ ¹⁾, князь великии Олегъ Иванович, — што есмь далъ Арестовское село с[вя]т[ой] Б[о]городици дому и што прадѣи наши подавали которая мѣста и люди и што бояре подавалъ дому с[вя]т[ой] Б[о]городици, — того хочю боронити, а не обидѣти ничимъ дому с[вя]т[ой] Б[о]городици. А волостели и даньници и яльщики ать не занимають богородицскихъ людий ни про што же. А кто изобидитъ домъ с[вя]т[ой] Б[о]городици, — или князь, или вад[а]д[ы]ка, или волостел[ь], или кто иныи, — тотъ дастъ отвѣтъ передъ Б[о]гомъ с[вя]т[ой] г[о]с[по]жи Б[о]городици.

А коли есмь выехалъ ²⁾ язъ от[ь]чиныи изъ своее изъ Переяслава, тогдѣ есмь обѣтъ учинилъ къ с[вя]т[ой] г[оспо]жи Б[о]городици: придалъ есмь Рязаньское м[ы]то ³⁾ и побережьеное, аже видал[ь] сть м[и]л[ост]и[нь] г[оспо]дарь ⁴⁾ въ от[ь]чини[нь] своеи въ Переяслави ⁵⁾.

Поруку его же 1393 г. см. стр 506—507.

¹⁾ Начертаніе скорѣе похоже на „язъ“.

²⁾ Кажется, такъ, а не „выехалъ“. Не четко (іє или и).

³⁾ Вторая буква неясна, и слово похоже на „мыто“, „мисто“, даже „мысто“.

⁴⁾ Слово написано подъ титломъ, и буквы неясны: не то „гепрь“, не то „гедрь“, не то „гсидь“ (= Господь?).

⁵⁾ Последнія строки, отъ словъ „А коли есмь“, приписаны другимъ черниломъ и тоньше. На верху грамоты имѣются изображенія святыхъ (вѣроятно, монастырскихъ иконъ) съ ладніями: „Михаиль“, „Мар[?]ѡа“ (?), „Іс[у]съ Х[ри]с[то]съ“, „Ив[а]нл“, „Аглюстъ Яковъ“. Въ лѣвомъ углѣ группы — колѣнопреклоненный монахъ, съ надписью: „А се грѣшныи чернець Арьсениа“, — очевидно, тотъ, который упоминаютъ въ грамотѣ.

Изъ кіевскихъ грамотъ XV и нач. XVI в.

Кіевочерское духовное завѣщаніе 1446 г. кн. Андрея Владиміровича, Ольгердова внука,—изъ Румяндовскаго Музея, № 68, 4.

Во имя О[т]ца и С[ы]на и С[вя]т[о]го Д[у]ха. Се азъ, рабъ Б[о]жій, кн[язь] Андрей Владиміровичъ, прїѣздиаъ есмь въ Кіевъ съ своею женою и съ своими дѣтми. И были есмо въ дому Пр[е]ч[и]стыи, и поклонилися есмь пр[е]с[вя]тому образу ея и пр[е]п[од]обнымъ о[т]цѣмъ Антонію и Феод[о]сію и прочимъ пр[е]п[од]обнымъ и б[о]гоноснымъ о[т]цемъ Печерскимъ. И бл[а]госл[ов]илися есмь у о[т]ца нашего архимандрита Николы и у всѣхъ с[вя]тыхъ старцевъ. И поклонихомся о[т]ца своего гробу - кн[язя] Владімира Ольгердович[а] и дядь своихъ гробомъ, и всѣхъ с[вя]тыхъ старцевъ гробомъ въ печерѣ. И размыслихъ на своемъ с[е]рдци: «коликото гробовъ, а вси тыи жили на семь свѣтѣ, а пошли вси въ Б[о]гу». И помыслиаъ есмь: «по малѣ и намъ тамо поити, где о[т]ци и братїа наша». И подумалаъ есмь съ своею княгинею и съ о[т]цемъ своимъ съ Николою, архимандритомъ Печерскимъ, и съ с[вя]тыми старцы и съ своими бояры, и стписалаъ есмь свои женѣ кн[язи]г[ы]ни Марїи и своимъ дѣтемъ и ее дѣтемъ свою о[т]чину и свою выслугу, иже есмь выслужилъ на своихъ г[о]с[уд]арехъ свою вѣрною службою, на великомъ кн[язи] Витовтѣ и на и на (sic) великомъ кн[язи] Жигимонтѣ и на своемъ г[о]с[уд]ари великомъ кн[язи] Казимирѣ: имѣнїе Пръвое, а ину Словенескъ, Могильное, Каменець, Логожескъ, Илемници, Полоное, а также, что есмь подавалъ имѣнїа бояромъ своимъ. А кто въсхочетъ женѣ моеи и дѣтемъ моимъ служ[и]ти, — и они служатъ съ тыхъ имѣнїи женѣ моеи и дѣтемъ моимъ. А хто не въсхочетъ женѣ моеи и дѣтемъ моимъ служ[и]ти, — и азъ тые имѣнїа далъ женѣ своей и дѣтемъ своимъ. А вся тая имѣнїа поляцилъ и далъ есмь женѣ своей княгини М[а]рїи и с[ы]ну своему князю Глѣбу и дочьцѣ своей княжнѣ Овдогїи. А при томъ былъ о[т]ць нашъ Никола, архимандритъ Печерскыи, уставникъ Іона-философъ, ключникъ Дав[и]дъ, келарь Герасимъ, и иныхъ г[о]с[по]ды нашеи старцевъ много, и наши бояре, и наши моршалакы, князь

Глѣбъ Дмитріевич, бояринъ ¹⁾ нашъ Александро Самотечич, Иванко Да (sic) Д[а]в[и]дович; и ины бояре наши и слугы при томъ были. А кто се слово наше порушит, а имѣтъ въ тые имѣніа вѣступатися, разсудитя съ мною прѣдъ Б[о]гомъ. И буди ему клятва отъ Б[о]га О[т]ца и С[ы]на и С[в]ятаго Д[у]ха и отъ пр[е]ч[и]стия в[а]д[ы]ч[и]ца нашеа Б[о]городица и прес[в]одѣвы М[а]рія и отъ всѣхъ с[в]ятыхъ ангель и отъ прор[о]къ и ап[о]ст[ол]ь и отъ четырьхъ е[в]анг[ели]сть и отъ с[в]ятыхъ о[т]цъ, иже на седми съборѣхъ бывшихъ, и отъ всѣхъ м[у]ч[е]никъ и пр[е]п[од]обныхъ и б[о]гоносныхъ о[т]цъ Антоніа и Θεодосіа Печерскихъ,—иже всемъ тѣмъ вѣрнѣ выслужилъ у своихъ господарей. А писана въ Кіевѣ, въ обитѣли ц[ар]ствія, въ Печерскомъ монастыри прѣс[в]ятыя Б[о]городица и пр[е]п[од]обныхъ о[т]цъ Антоніа и Θεодосіа. Въ лѣт[о] 6954, мѣс[я]ца Юня въ 16, на память с[в]ященном[у]ч[е]н[и]ка Тихона. А писалъ старецъ Пехнотіи, Лихачевъ ²⁾ братъ.

На печати (едва разборчиво): князь... Андрѣя Владимировича.

Жалованная грам. 1459 г. кіевского кн. Семена Олельковича своему слугу Іеремію Шашку на имѣніа въ Черкащинѣ ³⁾.

Мы, князь Семень Александровичъ великого князства своего Кіевского, ознаямуемо симъ листомъ нашимъ, хто бы

¹⁾ Передѣлано изъ „бояринъ“.

²⁾ Чтеніе сомнительное. Начертаніе это очень похоже на „Лихачевъ“.

³⁾ Подлинникъ драгоцѣнной грамоты 1459 г. былъ въ рукахъ у Н. Иванішева и, б. м., донныи хранится въ бумагахъ покойнаго. Съ подлинника эта грамота издана была В. Б. Антоновичемъ въ „Грамотахъ вел. князей литовскихъ“ 1868, стр. 19—20, № 9 (—отг. изъ кіев. „Унив. Извѣстій“), и снятъ былъ факсимильный снимокъ на сквозной бумагѣ для архива Кіевской Археологической Комиссіи. По этому снимку мною были внесены нѣкоторыя существенныя поправки въ мой печатный экземпляръ изданія В. Антоновича, но мелочи (напр. буквы, выведенныя изъ-подъ титлъ, окончаніе „-аго“ вм. „-ого“ и др.) оставлены были безъ поправки. Приступая къ нынѣшнему изданію грамоты 1459 г., я обратился за факсимиле въ Археол. Комиссію, желая дать вполне вѣрное изданіе;—но оказалось, что снимокъ — къ со-

на него посмотрити, либо чтучи его слухати будетъ хотѣвъ, кому бы тое вѣдати потреба, ижъ мы дей, змиловавшия надъ слугою нашимъ, урожонымъ Еремеею Шашкомъ, которой намъ великіе услуги свое и коштомъ немалымъ отдаеть, про то, нагорожаючи ему самому, жонѣ и потомству его, при всякой отчизнѣ и дидизнѣ его земляной и при всѣхъ городищахъ и урочищахъ его оставую и симъ листомъ моимъ надаю, которыхъ предкове его отъ предковъ моихъ спокойно держали и оныхъ заживали: городища, селища и урочища з рѣками и рѣчками и зъ ихъ прилеглостями, каждое до себе широкость маюче. Городище Тимоловъ изъ лѣсомъ Гнилецкимъ, Томиловомъ, Печенѣжцомъ, Ключовомъ, Бугаевомъ и иными лесами и лесками и землями [с] всею широкостю, какъ се она мають. Городище изъ самъ (sic) Драгушовскимъ и зо всею землею надъ рекою Русавою; по обохъ сторонахъ тое реки земля лежащая—какъ его предкове въ широкости и долгости, з дубровами, сеножатми и речками малими, в Русаву впадающими. И какъ тая Русава сама в себе рѣкою идетъ и в Днѣстръ впадаетъ,—съ тоею рѣкою Русавою и широкостю земляною. Такъ же городища надъ рекою Кусницею изъ головою Кусницы и Кусничкою, зо всѣми ихъ полями, сеножатми, дубровами и ихъ принадлежностю. До того, инѣшіе городища и урочища надъ рѣчкою Каменицею и отъ верховины ее, которая впадаетъ въ Днѣстръ: з обдвухъ сторонъ тое рѣчки Каменицы землю держати маеть по самую Сухую Каменицу, съ подойицами такъ того мѣсяца по рѣчку Рашковку, которая в Днѣстръ впадаетъ и з оными городищами, и ихъ широкостю и долгостю земляною, и изъ стѣнками и ярами, долинами, по надъ Нестромъ и въ поляхъ будущими,—зо всѣмъ тымъ,

жалѣнію—исчезъ изъ архива! М. б., А. И. Соболевскій, одинъ изъ послѣднихъ, кто пользовался этимъ факсимиле, успѣлъ сдѣлать себѣ съ него точную копію и пожелаетъ ее опубликовать: а покажѣсть приходится довольствоваться перепечаткой изданія В. Антоновича съ тѣми немногочисленными (хотя важными) поправками, какія я успѣлъ сдѣлать заблаговременно, равнше исчезновения снимка.

А. Крымскій.

УКРАИНСКАЯ ГРАММАТИКА

для

учениковъ высшихъ классовъ гимназій
и семикарій Приднѣпровья.

Научно-практическій курсъ сознательнаго изученія центрально-украинской рѣчи, освѣщенный указаніями на важнѣйшіе моменты изъ исторіи развитія малорусскаго языка начиная съ XI вѣка, особенно изъ исторіи нарѣчій восточно-малорусскаго (лѣтописнаго кіево-чернигово-переславскаго).

Томъ II, выпускъ 1-й (уроки I—V).

Изданіе составляетъ собственность общества «Просвѣта» въ Кіевѣ. Складъ — въ книжномъ магазинѣ «Кіевской Старины» (Кіевъ, Безакховская, 14).

МОСКВА.

Типографія Вяч. Ал. Гатцукъ, Долгоруковская ул., д. Бутыгиной.
1907.

Стр. 1—64 печатаны въ типографіи В. А. Гэтцукъ въ Москвѣ (Долгоруковская улица, д. Бутюжной). Стр. 65 и слѣд.—въ типографіи товарищества Н. Я. Гиричъ въ Кіевѣ (Трехвѣятельская, 14).

Одновременно съ этимъ выходятъ въ свѣтъ вып. 1-й и вып. 3-й изъ тома I-го; прочіе же выпуски первыхъ двухъ томовъ „Украинской грамматики“ еще не закончены печатаніемъ. Общая обложка ко всѣмъ разрозненнымъ частямъ cadaго тома, обстоятельное введеніе и подробное оглавленіе (равно какъ списокъ замѣченныхъ опечатокъ) приложены будутъ къ заключительнымъ выпускамъ; такимъ образомъ, нынѣшняя обложка является лишь временной.

Урокъ первый.

Родъ именъ существительныхъ.

(Якого роду бувають самостійні ймення?)

§ 1. О малорусской грамматической терминологии.

Прежде, чѣмъ говорить о родахъ, о склоненіи, о числахъ, о падежахъ и т. п., и обращу вниманіе на существованіе особой малорусской грамматической терминологии.

Русскіе не имѣютъ собственной русской грамматической терминологии: они пользуются тѣми церковнославянскими, т.-е. болгарскими терминами, какіе придумалъ тысячу лѣтъ тому назадъ Іоаннъ, экзархъ Болгарскій, ковавшій термины буквально и рабски по образцамъ греческимъ, и притомъ далеко не всегда удачно. Иные его термины, такіе какъ «имя существительное» или «имя прилагательное»,—хоть и понятны, но неуклюжи; иные же—не только неуклюжи, но и непонятны,—таковы, напримѣръ, «падежъ родительный» и «падежъ винительный» (можетъ ли славянинъ, не зная греческаго языка, постигнуть, о какомъ актѣ «паденія» идетъ рѣчь при склоненіи, или на какое «рожденіе» указываетъ форма «стола», или какая «вина» указывается во фразѣ «я вижу лѣсъ»?!).

Малорусская грамматическая наука, въ виду общаго, принципиальнаго демократическаго стремленія малорусской литературы къ простонародной удобопонятности, много разъ пыталась выработать свою собственную, родную грамматическую терминологию, и такой опытъ официально прове-

день теперь въ галицкихъ и буковинскихъ малорусскихъ гимназіяхъ. Но удачна ли официальная австріиско-малорусская терминологія?

Ну вотъ, по ней «имя существительное» называлось прежде «сущникъ» (что очень походило на «сущникъ», т.-е. узварь изъ сухихъ плодовъ; или хворостъ, собираемый въ лѣсу; валежникъ), а теперь оно называется болѣе удачно, но все же сбивчиво: «именникъ» (какъ будто имя прилагательное и имя числительное ужъ не могли бы быть названы «именниками!»). По той же официальной галицкой терминологіи именительный падежъ называется «вѣдминок першій», дательный—«вѣдминок третій» и т. д.; для оцѣнки удобства или неудобства этой системы пусть-ка русскій читатель догадается, что «вѣдминок пятій» — это есть «падежъ звательный», «вѣдминок шостій» — творительный и т. п.!!

Поэтому я рѣшилъ: въ своей грамматикѣ брать изъ закордонной малорусской грамматической терминологіи только кой-какіе отдѣльные термины, которые поносятъ, а вмѣсто того или держаться русской (т.-е. церковно-славянской или болгарской) терминологіи, или, съ оговоркой, предлагать свои собственные малорусскіе термины, которые не очень отступали бы отъ русской, т.-е. болгарской, терминологіи, и могли бы казаться для украинцевъ удобопонятными. Такъ, «имя существительное» (по-галицки «именникъ») мы могли бы называть «им'я сущее», или — лучше — «им'я самостоятельное»; имя прилагательное—«им'я приложено» (или, просто, какъ и у галичанъ: «приложникъ»¹⁾; имя числительное

1) Очень удачно, хоть вульгарно, окрещено имя прилагательное у буковинскаго профессора Смаль-Стоцкаго: прикметникъ. Вульгаризмъ заключается въ томъ, что звукъ *к* въ этомъ словѣ есть, повидимому, замѣна звука *д*, возникшая такъ же, какъ возникъ въ нѣкоторыхъ говорахъ звукъ *ж* вмѣсто *т* въ словѣ *кісто* (=тісто; русск. „тѣсто“) или какъ возникъ звукъ *д* вмѣсто *г* въ имени Діордіи (=Георгій); см. т. I, § 14, в. Литературная рѣчь старается такихъ явленій избѣгать. Между тѣмъ слово прикмета получилось,

тельное—«ім'я числовѣ» (у галичанъ «числівник», или «численник»); мѣстоименіе—містоимѣнник (гал. «заіменник»); глаголь, въ силу краткости этого болгарскаго термина, свободно могъ бы остаться «глаголомъ» (или, какъ по-галицки: «дієслово»); нарѣчіе (которое въ Галичинѣ называется длиннымъ терминомъ: «прислівникъ»,—какъ будто отъ «прислів'я») я такъ и буду называть «наріччя»; да и «предлогъ» съ «союзомъ» возможно бы намъ такъ и оставить неперекрещенными «предлогомъ» и «союзомъ», хотя, впрочемъ, галиціія «пріименникъ» и «злучникъ» довольно сносно; междометіе я буду называть «віяглия» (у галичанъ оно «чувственникъ»)! у буковинцевъ «бвляк»).

Вводя свои собственные термины, я, разумѣется, долженъ буду вездѣ отмѣчать это обстоятельство, потому что преподносить читателю слова собственной ковки въ качествѣ народныхъ было бы нарушеніемъ главнаго принципа моей грамматики: быть простонароднымъ.

Итакъ, обратимся къ вопросу о родахъ именъ существительныхъ.

§ 2. О родахъ. Частое несовпаденіе съ языкомъ русскимъ.

а) Въ малорусскомъ языкѣ, какъ и въ прочихъ славянскихъ и въ русскомъ, имѣются три рода (три родѣ): мужскій (мужеський, або чоловічий), женскій (жіночий, или, по западно-малорусски: жєнський) и средній (серєдній, или, по-галицки, нїякий). Родъ (рід) именъ существительныхъ (самостійних іменнів, або імеників) большей частью ясно опредѣляется ихъ окончаніемъ (закінченнем), причемъ можно принять за довольно твердое правило, что соотвѣтственно-сходныя слова имѣютъ

повидлямому, изъ выраженія: мати на предметі (==матъ на przedmiocie), которое вульгарно обратилось въ мати на предметі, послѣ чего, подъ вліяніемъ слова приміта (==примѣта) образовалось новое слово: прикмета (иногда такъ же: прикміта).

въ русскомъ и малорусскомъ языкахъ обыкновенно соотвѣтственно-сходное же окончаніе, большей частью одинаковое съ окончаніемъ этихъ словъ и во всѣхъ прочихъ славянскихъ языкахъ. Напримѣръ, русскому «конь», «вода», «поле» соотвѣтствуютъ по-малорусски съ такими же окончаніями: кінь, вода, поле (срв. и по-польски: koń, woda, pole; по-сербски: конь, вода, полье и т. д.).

б) Но мы нарочно подчеркнули выраженіе. «обыкновенно соотвѣтствуютъ», и не сказали: «всегда соотвѣтствуютъ», потому что существуетъ цѣлый рядъ словъ, которыя въ русскомъ языкѣ имѣютъ одно окончаніе и принадлежатъ къ одному роду, а въ малорусскомъ имѣютъ другое окончаніе и принадлежатъ къ другому роду.

в) Такъ, напримѣръ, русскому «цыганскій шатѣръ» (м. р.) соотвѣтствуетъ въ малорусскомъ «циганьске шатрѣ» (ср. р.), тогда какъ русскому «длинное дышло» (ср. р.) соотвѣтствуетъ по-малорусски «дѣвгий дѣшель» (м. р.). Русскому «копье» (ср. р.) по-малорусски соотвѣтствуетъ слово ж. р.: копія; — напр.: взявъ великѹ копію (=взявъ большое копье) ¹⁾. Церковныя слова: «евангеліе» и «богословіе» частенько употребляются у малоруссовъ въ родѣ женскомъ: «святѣ Євангелія» (=св. Евангеліе), «а з богословії він нічого не втне» (=а изъ богословія онъ ничего сказать не въ силахъ) ²⁾. Благодаря схоластической литературѣ XVII—XVIII в. употребленіе двухъ послѣднихъ словъ въ ж. р. очень привилось.

г) Русскіе говорятъ: «тополь», «картофель», «путь», «харчъ», «паръ», «колодезь», «гусь», «нечеть», «обрызъ», «помой» (род. «помоевъ»), «потошь» — мужск. рода, а по-малорусски говорится: «висока тополя», «дрібна кар-

¹⁾ Есть болѣе частое слово для понятія „копье“: это спис муж. р.; род. списа), заимствованное изъ языка нѣмецкаго.

²⁾ Лучше бы перевести: „изъ богословія“, а не „изъ богословія“. У малоруссовъ не въ ходу предлогъ и о съ дат. пад. въ его отвлеченномъ значеніи, и замѣняется онъ чаще всего предлогомъ „з“ (=изъ) съ род. пад.

тóпля» (=мелкій картофель), дов́га путь (=до́лгий путь), «дóбра харч» (=хорошая пища, хоро́ший харчъ), «си́лна пара» (=си́льный паръ), «на́ша ко́лбязь» (=нашъ колодезь), «бѣ́ла гусь», «не́четь» ¹⁾, «кру́та обрѣ́ва» (=крутой обрывъ), «без помѣ́й» (=безъ по-могемъ), «при́шла сьвѣту потóпа» (=наступилъ всемірный потопъ). Словомъ, все это употребляется по-ма-лорусски въ родѣ женскомъ; и притомъ—изстари.

д) И наоборотъ: многія имена, которыя у русскаихъ—женскаго рода, изстари оказываются у малоруссовъ име-нами рода мужскаго. Такъ, «по́лынь», «мо́ль», «пы́ль», «бо́ль», «жа́ль», «ко́рь», «осо́корь», «Си́бирь», «посóда», «сте́пень», «ступе́нь», «глубь», «дро́зь», «сте́нь», «насы́нь», «мече́ть», «надпись», «ярмарка»—въ русскомъ языкѣ ж. р., а въ малорусскомъ они мужскаго рода, такъ что го-ворится гѣркий по́лн (=горькая по́лынь), він спѣ́-ма́в мо́ля (=снѣ поймалъ мо́ль), пѣ́лом припа́сти (=покрытса пы́лью), страше́нный бѣ́ль (=ужасная бо́ль), пропада́ти з жа́лю (=пропадать отъ сожа́лѣнія,—или, по старо-великорусски: «отъ жали»), він ослѣ́п з ко́ру (=онъ ослѣпъ отъ кори), розлѣ́жистий осокі́р, или ѣ́сокі́р (=развѣсистая осокорь), поверну́вся з Си́біру (=верну́лся изъ Сибири), при́йми посóд (=убери посуду!), ко́жен ступі́нь (=каждый шагъ), си́льний гли́б (=значительная глубина), вся́кий дрі́б (соб.=всякая дробь; также: домашняя птица; также: кру-пинки соли), зе́лений степ (=зеленая степь), та-тарський мече́т (=татарская мечеть), висо́кий на́-сип (=высокая насыпь), ве́лікий я́рмарок (=большая ярмарка); говорится: дрі́бний на́пис (=мелкая надпись), ста́рий руко́пис (=старая рукопись) наряду, впро-

¹⁾ Чтó называ́ется по-малорусски не́четью (сверхъ обыкно-веннаго нечета), см. у. В. И. Васи́ленка: „Опытъ толковаго сло-варя народной технической терминологіи по Полтавской губер-ніи“ (Харьк. 1902), стр. 20. Это—отгискъ изъ XIII тома Харь-ковскаго „Сборника Историко-Филологическаго Общества“.

чемъ, съ параллельными формами: дрібна напись и старá рукопись. Къ роду мужескому и женскому одновременно—относятся имена Во́лѣнь (=Волянь) и У́мань (=г. Умань), которыя по-русски—только рода женскаго. По-малорусски одинаково можно сказать: з Во́лѣню (=съ Воляни) и з Во́лѣні; чаще говорится: під У́манем (=подъ г. Уманью), чѣмъ під У́манню. Имя г. Іерусалима (по-греч. τὰ Ἱεροσόλυμα) иногда слышится у малоруссовъ съ окончаніемъ *а*: Русалима (ж. р., ед. ч.); но обыкновенно вездѣ говорятъ: Єрусалим (м. р.).

е) Съ какого времени всѣ эти вышеперечисленные и имъ подобныя имена имѣють у малоруссовъ тотъ грамматическій родъ, въ какомъ они употребляются теперь?—Въ большинствѣ случаевъ—это отъ самаго древняго времени, еще отъ доисторической эпохи. Стоить намъ обратиться къ старѣйшимъ дошедшимъ до насъ памятникамъ (XI вѣка), какіе писаны предками малоруссовъ,—и мы тамъ легко найдемъ у вышеперечисленныхъ существительныхъ такой же грамматическій родъ, какой мы констатируемъ у нихъ и теперь. Возьмемъ, напр., современныя малорусскія слова м. р. по́лѣн и мѣль. Такъ же и въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года читаемъ: «испяти пелынѣ» (л. 68), «отъ молсъкъ изьяється» (л. 77, об.),—съ типичнымъ окончаніемъ *скъ* род. мн. муж. р. Равнымъ образомъ и въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1076 г. мы видимъ: «акы чашю пелынѣ» (л. 34). То же въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка: «меду—пелынѣ подасть горестъ, а медъ—ни..... пелыну своєи сласти» (л. 170, d). А рядомъ же, на предыдущемъ листѣ тѣхъ самыхъ Словъ Григорія Богослова XI вѣка можемъ провѣрить стариннѣйшій грамматическій родъ слова пара (=русск. «паръ»): «пара разливається по въздуху» (л. 169, d). Въ Златоструѣ XII вѣка Импер. Публичн. Библ., переписанномъ, повидямому, съ оригинала кievскаго, находимъ: «подъ дубьмъ или тополню» (сл. 8); въ нѣсколько болѣе позднихъ рукописяхъ констатируется и имен. падежъ: «тополі» (извѣстный, встати сказать,

кроме языка малорусскаго также языкамъ славянъ южныхъ и западныхъ). Раскроемъ какую-нибудь грамоту,—и тамъ то же. Напримѣръ, въ буковинской господарской присягѣ 1393 года. (=Улян. № 8, стр. 7): «слюбуюемъ вѣчыны тонъ (=этого) записъ твердо держати»; срв. въ буковинской боярской присягѣ королю Владиславу 1433 г. (=Улян. № 29, стр. 35): «первыхъ присягъ и записонъ», «свои записы и присяги»; срв. еще въ буковинской грамотѣ короля Владислава 1433 г. (=Улян. № 33, стр. 39): «тыхъ всѣхъ записонъ подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ». Если иногда какое-нибудь такое слово, интересующее насъ, принадлежитъ къ тѣмъ, которыя по случайности вовсе не попали въ старомалорусскія (немногочисленныя вѣдь) рукописи, то мы не разъ имѣемъ возможность судить о грамматическомъ родѣ такого слова на основаніи показаній языка церковно-славянскаго. Напримѣръ, нынѣшнее малорусское бѣла гусь (ж. р.) вполне совпадаетъ и съ данными церк.-слав. языка (гдѣ гусь—ж. р.), и съ данными другихъ славянскихъ языковъ, гдѣ это слово относится къ роду женскому. Иногда и памятники старовеликорусскіе могутъ собою свидѣтельствовать объ исконной архаичности малорусскаго словоупотребленія. Такъ, «степень» оказывается муж. родомъ и въ новгородской Минееѣ 1096 г.: «предъ степенью судишьи» (л. 159), и неразъ въ повгородскихъ лѣтописяхъ; да и въ церк.-слав. языкѣ слово «степень» могло быть родомъ мужескимъ¹⁾. Форму «посудъ» въ муж. родѣ можно встрѣтить во 2-й Псковской лѣтописи: «прочіи посудѣ» (подъ 6915=1407 г.). Что имя «пыль» (=русс. «пыль», ж. р.) было нѣкогда мужескимъ родомъ и у великоруссовъ, это видно изъ бѣломорскаго термина XVI в.: «пылюе» (=вознагражденіе за расплывшійся при пересыпкѣ хлѣбъ),—термина, попадающагося напр. въ

1) Встрѣчается оно, въ муж. родѣ, и въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка, но тамъ контекстъ нѣсколько испорченъ и нуждается въ поправкѣ. Написано: „въ съ степенъ“ (л. 285, г); судя же по греческому оригиналу (εἰς τὸ βῆμα), надо читать: „въ съ степенъ“.

уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря 1561 г. крестьянамъ села Пузырева Бѣжецкаго Верха ¹⁾). Можно бы привести еще безчисленное количество документальныхъ и сравнительно-языковѣдныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ архаичности малорусскаго употребленія множества именъ въ томъ, а не въ другомъ грамматическомъ родѣ.

Но, конечно, у нѣкоторыхъ малорусскихъ существительныхъ нынѣшній ихъ грамматическій родъ возникъ уже въ эпоху историческую. Такъ, нѣтъ сомнѣнiя, что слово *путь* относилось у старинныхъ малоруссовъ первоначально къ роду мужескому, а въ родъ женскiй перешло оно позже, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ своего склоненiя, которыя собою напоминали склоненiе именъ женск. рода типа «кѣсь», «сѣль». Слова *ж. р. копiя*, *Евангелия*, *богослѣбiя* несомнѣнно были прежде словами рода средняго, а въ женскiй родъ обратиться могли потому, что старинное ихъ окончанiе *им. пад. шѣ* перешло въ *иш* (подобно тому, какъ *житѣсѣ* перешло въ «житiя»). Съ какаго именно времени употребляются они въ родѣ женскомъ, сказать съ точностью трудно, — но во всякомъ случаѣ это произошло раньше униi, потому что въ литературѣ времени борьбы съ унией мы встрѣчаемъ жен. родъ этихъ словъ даже у схоластическихъ церковныхъ писателей ²⁾). Въ волицкомъ т. н. Пересопницкомъ Евангелiи 1561 г., представляющемъ собою опытъ перевода на простонародный живой малорусскiй языкъ, въ записи переписчика сказано: «Книга Нового Закона, с[вя]томъ Ев[ан]г[е]лiи, з Д[и]уха С[вя]того выложеномъ през с[вя]того ап[осто]ла Іоанна» (= изд. Жит. стр. 21). То же — очень часто въ Почаевскомъ Учительномъ Евангелiи XVI в. (= Киев. Дух. Акад.) ³⁾.

¹⁾ Издана (въ спискѣ) въ Актахъ, собранныхъ Археографической Экспедиціей Импер. Акад. Наукъ, т. I. № 255 (СПб. 1836).

²⁾ Кириль Транквилионъ озаглавилъ одну свою книгу «Зерцало богословiи» (Почаевъ, 1618 г.). — Оруд. надежъ «копiєю» (=копьемъ) не разъ встрѣчается въ произведенiяхъ ученаго ректора Іоанн. Галатовскаго (вапр. въ «Ключъ разумѣнiя», Киевъ, 1659 г., л. 70, л. 121 а); то же у лаврскаго архимандрита Иннок. Гизіея (срв. «Месiа Правдивый», Киевъ, 1669, л. 423 а).

³⁾ Опис. Березинъ въ «Опис. рукоп. Почаев. Лавры» (Киевъ 1881).

Въ заимствованныхъ иностранныхъ европейскихъ словахъ малорусская интеллигенція сплошь да рядомъ предпочитаетъ сохранять тотъ самый или подходящий родъ, какой имѣло данное слово въ европейскихъ языкахъ, и, слѣдовательно, снабжаетъ его не такимъ окончаніемъ, какъ въ русскомъ языкѣ. Поэтому большія часть малорусской интеллигенціи говорить: «сáля» (la salle), «адреса» (= une adresse), даже «прóграм» (м. р. вм. ср.: сравни le programme, das Programm, то прóграмма) и т. п., хотя другая часть предпочитаетъ держаться неправильной или заимствованной изъ другого источника — русской формы «зал» (м. р.), «áдрес» (м. р.), «програ́мма» (ж. р.) и т. п., потому что малорусскіе крестьяне успѣли привыкнуть именно къ этой обычно русской формѣ. Впрочемъ, многія иностранныя слова сохраняютъ свой правильный родъ не только въ устахъ малорусскихъ интеллигентовъ, но и въ крестьянской рѣчи, напр., «пéрла» (ж. р.)¹⁾ въ противность неправильному русскому «перль» (м. р.), которое по этому можетъ считаться совсѣмъ не принадлежащимъ къ малорусской рѣчи и совершенно исключеннымъ изъ нея; да и форма «сáля» (наряду съ зал) существуетъ и въ крестьянской рѣчи.

§ 3. Членъ и его употребленіе.

Членъ, по которому можно было бы узнавать родъ именъ (подобно греческому *ὁ, ἡ, τό*, французскому *le, la*, нѣмецкому *der, die, das*), въ современной малорусской рѣчи почти отсутствуетъ.

Да и въ старомалорусскомъ языкѣ членъ «тъ» былъ въ ходу едва ли гораздо больше, чѣмъ теперь. Известна, напримеръ, рѣчь Владиміра Мономаха, говорившаго восточно-малорусскимъ нарѣчіемъ, на Долобскомъ съѣздѣ въ 1111-мъ году: «Сего не помышляете, оже на весну начнетъ смердъ тотъ орати лошадыю тою,—и приѣхавъ Половчипъ уда-

¹⁾ Чаше употребляется форма „перліна“ (=жемчужина).

рить смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту» (см. Ипат. лѣт., 191); но такіе примѣры въ лѣтописи не часты.

И въ современномъ малорусскомъ языкѣ имѣются по употребленію члена только такіе же жалкіе начатки, какіе мы находимъ и въ лѣтописи; напр. «ховѣється, якъ той злодій» (= прячется, какъ воръ); «сновидѣе, нѣче та марѣ» (= блуждаетъ точно призракъ); «уб'ю, мов те цуценя» (= убью, словно щенка); «щобі міні по тих грошах!» (= что мнѣ въ деньгахъ!); «поприходили жиди, бідолѣхи тіі» (= пришли еврей-бѣдняги); «кони покусѣв гедзь, овод то й» (= лошадей искусалъ «гедзь»—оводъ) и т. п.

Той роли, какую играетъ членъ въ нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ или—изъ славянскихъ—въ болгарскомъ, членъ въ современномъ малорусскомъ языкѣ не имѣетъ, и потому родъ малорусскихъ именъ существительныхъ, если это не лица мужскаго и женскаго пола, узнается почти исключительно по ихъ окончаніямъ.

§ 4. Формальныя окончанія грамматическихъ родовъ.

Окончанія всѣхъ трехъ родовъ малорусскихъ существительныхъ, если сказать про нихъ вообще, то оказываются приблизительно тѣ же, что и русскихъ существительныхъ. Но при этомъ буква *ъ* по-малорусски не пишется, и слова оканчиваются прямо на согласную; а кромѣ того не слышится и потому не пишется буква *ь* (и для муж., и для жен. р.) въ тѣхъ случаяхъ, когда русскія существительныя, оканчиваясь на *ь*, имѣютъ передъ собою шипящій звукъ (*ж, ч, ш, ц*), или губной (*б, п, в*), или *р*. Напротивъ, послѣ *ц* у малоруссовъ звучитъ и пишется *ь*, тогда какъ у русскихъ пишется *ъ*. Итакъ, какія же окончанія имѣетъ каждый родъ?

§ 5. Окончанія малорусскихъ именъ мужскаго рода слѣдующія:

Во-первыхъ, всякая согласная (спі в звук),
во-вторыхъ *ь, и*;

кромѣ того, несравненно чаще, чѣмъ въ русскомъ, мужское окончаніе бываетъ о (въ частности ко), но это исключительно для именъ одушевленныхъ лицъ.

Напримѣръ, вотъ слова мужскаго рода:

- а) лан—поле
стяг—знамя
брат—братъ
час—время
Бог—Богъ
горіх, оріх—орѣхъ
стіл—столъ
голуб (род. голу́ба)—голубь
цар—царь
скарбник—казначей
вил—воль
па́рубок (изъ «паробок») — юноша
випа́док—случай
- б) судѣць—судья
сотворі́тель—творецъ, создатель
кінь—лошадь
півень—пѣтухъ
хло́пецъ—мальчикъ
верхо́вецъ—всадникъ
- в) край—страна, край
обри́й—горизонтъ
вирі́й (и́рай) — сказочная теплая страна ¹⁾,
род. ви́рія
- г) Павло́—Павель
Петро́—Петръ
Митро́, Дмитро́—Дмитрій
Дніпро́—р. Днѣпръ
ми́няло—мѣняла
- (зап.) ді́дуньо́—дѣдушка; полт. ді́дуньо́—черть ²⁾

¹⁾ Еще у Владимира Мономаха — „ирій“, въ его Поученіи: „И сему ся подивуємы, како птица небесныя изъ ирья идут[ь]“.

²⁾ См. „Нову Громаду“ 1906, іюль, стр. 3.

(зап.) Грѣцьо—Гриша
батько—отець
дїдько—бѣсь
дядьжо—дядя
Овѣрко—Аверкій

§ 6. Окончанія имѣнъ женскаго рода вогь какія.

во-первыхъ, а, я, причемъ вмѣсто русскаго ...ца малоруссь всегда имѣеть ...ця;

во-вторыхъ, ь (съ род. па и).

въ-третьихъ, шипящая или губная согласная (съ род на и);

Рѣдкое женское окончаніе: ѹ и ѣ.

Такъ, женскаго рода:

- а) кнѣжка—книга
ков;нька, палиця—палка
грѹша, (зап.) грѹшка—груша
повітка—сарай
пригода—случай
пѣнька—матушка, родимая
нянька—няня
тїтка—тетка по врови
дядина—тетка по свойству (жена дяди)
корѡва—корова
кѹрка—курица
дѣвчина—дѣвица, дѣвушка
головѣ—голова
кѡновка—ведро (преимущественно деревянное)
сокира—топоръ ¹⁾

¹⁾ А „топір“ по-малорусски есть имя оружія: бердышъ, сѣкира. Въ этомъ отношеніи малорусское словоупотребленіе (какъ и вообще) совпадаетъ съ лѣтописнымъ кievскимъ. По поводу звука о въ „сокира“ замѣтимъ, что онъ архангелѣ, чѣмъ ѣ въ „сѣкира“ (срв. лат. securis съ короткимъ е, а не съ долгимъ). Въ Начальной лѣтописи вачертаніе „сокира“ извѣстно какъ изъ Ипатскаго списка (подъ 6491=983 г.), такъ и изъ Лаврентьевскаго (подъ 6604=1096 г.).

- б) кúля—пуля; шаръ, шарикъ
 вѣшня—вишня
 царѣця. царѣха—царица
 Росія—Россія
 поліція—полиція
- в) сіль—соль
 кість (чаще кістка)—кость
- г) ніч—ночь
 любóв—любовь
- д) мáти—мать
 пані—госпожа, барыня.

§ 7. Средній родъ оканчивается по-малорусски:

Во-первыхъ, какъ ино-русски, на *о* и *е* (что читается твердо за *э*).

Во-вторыхъ, онъ оканчивается на мягкое *е* (а читается оно *йэ* или *ьэ* и лишь послѣ шипящихъ обращается въ твердое *э*). Или, параллельно съ нимъ, таимъ же окончаніемъ является *я* (звучащее послѣ шипящихъ сплосъ да рядомъ какъ *а*). Передъ этимъ окончаніемъ (т. е. передъ этимъ мягкимъ *е* или *я*) предыдущая согласная обыкновенно слышится съ удвоеніемъ. По-русски этому окончанію соотвѣтствуютъ два окончанія среднего рода: а) *іе*, или *ье*, и б) окончаніе наращательныхъ словъ на ...*мя* (род. ...*мени*).

Въ-третьихъ, средній родъ оканчивается по-малорусски опять-таки на *я* (при родительномъ на ...*яти*), чему соотвѣтствуетъ по русски «...ёнокъ».

Такимъ образомъ, вотъ образцы малорусскихъ словъ среднего рода:

- а) слóво—слово
 я́блукó—яблоко
 відрó—ведро
 перлó- бисеръ
 пóле (выгов. «полэ»)—поле
 силъцé } (выгов. сылцэ) } СИЛОГЪ
 силцé }

- місце—мѣсто ¹⁾
- б) пита́нне или пита́ння—вопросъ
ході́нне или ході́ння—хождение
насі́нне или насі́ння—сѣмя
житт́я (зап. житте)—жизнь
здорові́е, здорові́е; или здоров'я, здо-
рові́я—здоровье
подвѣ́р'іе, подвѣ́р'я—дворъ
палі́чке или палі́чка—палки, дубье (собира.)
збѣ́жже или збѣ́жжа--а) имущество, вещи; б) зер-
новой хлѣ́бъ
лушпа́йе или лушпа́йя—кожура, шелуха, корки
і́м'я, і́мня (чаще—і́мѣння)—имя
врѣ́м'я, врѣ́мня—пора
верѣ́м'я (зап.)—вѣдро, погода
- в) теля́ (род. теля́ти),—теленокъ
лоша́—жеребенокъ
пискля́^н—птенець (какъ бы «пискленокъ»)
здихля́—заморышъ (какъ бы «здохленокъ»)
жиденя́—жиденокъ, еврейчикъ.

§ 8. О смысловомъ родѣ у именъ существи-
тельныхъ.

1) Во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ родъ именъ существительныхъ устанавливается ихъ окончаніемъ и склоненіемъ. Однако (все равно, какъ и по-русски) имена предметовъ одушевленныхъ мужского пола могутъ, имѣя жен-

¹⁾ Місце происходитъ изъ „мѣстце“. Слово „місто“ большей частью значить „городъ“ (срв. и по-русски „мѣщанинъ“—горожанинъ). Слово „мѣстьце“ употребительно въ Начальной кievской летописи (напр., подъ 6559—1051 г.), въ Печерскомъ Патерикѣ (напр., „да будетъ на мѣстьцѣ семь благословеніе Святыхъ горы и моего игумена“), а особенно изобильно—въ грамотахъ. Слово же „мѣсто“ въ смыслѣ „городъ“ известно въ памятникахъ XII вѣка,—напр., въ Златоструѣ XII в., списанномъ, повидимому, съ кievскаго оригинала („мѣста и села“).

ское окончаніе и даже женское склоненіе, быть словами рода мужскаго по смыслу. Напримѣръ: староста (сватъ) зап.-вр. старбста (въ Австріи: исправникъ), суддѣ или суднѣ (судья), перебѣндя (перебира, переборчивый) и пр.; все это имена мужскаго рода, хотя оканчиваются на *а* и *я* и склоняются по женскому склоненіи ¹⁾.

2) Иногда перемѣной рода въ какомъ-нибудь такомъ словѣ сопровождается и перемѣна въ его значеніи. Напримѣръ:

а) старшина въ муж. родѣ = старшина, начальникъ. Срв. «нашъ старшина» (=нашъ старшина), «шкільній старшина» (=школьный старшина, т.-е. начальникъ синагоги. Срв. Еванг. отъ Луки, VIII, 49; Лаврент. лѣт., стр. 38);

б) старшина въ жен. родѣ — старшее начальство (въ собират. смыслѣ). Срв. «козацька старшина» (=козацкія старшія власти). Срв. Лаврент. лѣт., стр. 16).

а) Собака, собачка (муж. р.)—песъ, песикъ. Срв. «рудий собака та чорна сучка» (=рыжий песъ и черная сука), «малій собачка» (=маленькій песикъ);

б) собака, собачка (жен. р., или общаго рода)—собака вообще. Срв. «рудя собака» (=рыжая собака безъ обозначенія пола), «малій собачка» или «маля собачка» (маленькій щенокъ).

3) Въ старомъ малорусскомъ языкѣ словъ мужскаго рода на *а* и на *я* было больше, чѣмъ въ русскомъ, потому что сюда входили слова, заимствованныя, во-первыхъ, изъ латинскаго языка, такія какъ: юрѣста (=юристь, судебный крючокъ), бандурѣста (бандуристъ), ноѣста (поэтъ) и пр.; и, во-вторыхъ, входили сюда такія слова, заимствованныя изъ польскаго, какъ справця (завѣдующій; исправитель), привідця (=зачинщикъ), видавця (=издатель) и мн. др. Но они сохранились преимущественно лишь въ пословицахъ («а його дере юрѣста, а юрѣсту—

¹⁾ Впрочемъ, въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что согласно съ мужскимъ значеніемъ этихъ словъ малоруссы допускаютъ въ ихъ склоненіи кое-какія особенности (напр., род. мн.—старостѣ).

чортів триста» = а его дунить судейскій ключокъ, а ключка—триста чертей), или въ западно-малорусской рѣчи; въ разговорной же рѣчи Надднѣпрянины обыкновенно слышится: поёт, бандурист, видавецъ (или видавецъ); даже форма приводецъ (=зачинщикъ) употребляется чаще, чѣмъ неумершее еще старинное привідця.

4) Всѣ имена мужскаго пола съ женскимъ окончаніемъ, такого типа, какъ суддѣя, бываютъ, какъ сказано, и грамматически мужскаго рода. Исключеній изъ этого правила немного. Обратимъ только вниманіе на одно очень обычное слово, остающееся грамматически въ женскомъ родѣ въ силу окончанія, несмотря на свой мужскій смыслъ. Это слово—людина (ж. р.)=человѣкъ. Напр., «з пього гарна людина» (=онъ хорошій человѣкъ).

§ 9. Имена рода общаго.

а) Есть, наконецъ, слова общаго рода (спіліного рбду), такія, какъ сиротá, сиротíна, вбійця¹⁾ и т. п., которыя употребляются въ грамматическомъ мужскомъ родѣ тогда, когда относятся къ мужчинамъ (він бідний сиротá, бідний сиротíна), и въ женскомъ—тогда, когда относятся къ женщинамъ (вона—бідна сиротá, бідна сиротíна).

Довольно строго выдерживается это различіе только въ Надднѣпряниинѣ. Въ западной же Украинѣ «бідна сиротíна» можетъ обозначать одинаково мужчину, какъ и женщину. Да и вообще въ зап.-вр. рѣчи имена муж. пола на ...íна, относясь даже завѣдомо къ мужчинамъ, охотно считаются грамматически-женскимъ родомъ. Руданскій (подолянинъ), напримѣръ, пишетъ: бідна хлопчíна (=бѣдный малецъ), нещаслíва писарíна (=несчастный писаршко) и пр., наряду, правда, съ употребленіемъ тѣхъ словъ и въ муж. родѣ. Въ грамматикѣ Надднѣпрянской

¹⁾ Параллельно съ „убійця“ есть и другая форма, съ мужскимъ окончаніемъ: „убівецъ“.

рѣчи, которую мы желаемъ изучать, такое словоупотребленіе должно быть исключено, такъ что, напримѣръ, «бідна писарина» можно примѣнить только къ писаршѣ-женщинѣ, а «бідна хлопчина» по-надднѣпрински совсѣмъ нельзя сказать въ виду того, что «хлопчина» (=малець, парнишко) можетъ обозначать собою только лицо мужскаго пола.

б) Выше упомянуто ужъ было слово «собака»; оно можетъ означать спеціально «пёсъ» (самецъ) и тогда непременно бываетъ мужскаго рода (це зійів наш собака, а не ваша сука = это съѣлъ нашъ пёсъ, а не ваша сука); но можетъ оно означать и собаку вообще, безъ различія пола (т.-е. какъ и въ русскомъ языкѣ), и тогда малоруссы употребляютъ это слово безразлично въ мужскомъ или женскомъ родѣ,—просто по своему усмотрѣнію (рудий собака и руда собака = рыжая собака, безъ обозначенія пола).

Въ употребленіи имени, означающаго понятіе «кошка», малоруссы сильно расходятся съ русскими. У русскихъ слово «кошка» (ж. р.) можетъ обозначать не только самку, но вообще всякаго представителя кошачьей породы, тогда какъ слово «котъ» означаетъ по-русски спеціально самца, *felis mas*. У малоруссовъ же имя ж. р. кітка (иначе—кішка, кйцька) означаетъ почти исключительно самку¹⁾, а говоря о кошкѣ, какъ о животномъ того и другого пола, малоруссы пользуются существительнымъ муж. рода: кіт,—которое кромѣ того можетъ у малоруссовъ означать и спеціально кота-самца. Вотъ примѣры: котій—лукаві = «кошки

¹⁾ Лишь въ очень немногихъ случаяхъ (или въ отдѣльныхъ, рѣдкихъ говорахъ) можно услышать терминъ кітка въ общемъ смыслѣ, — напр., въ такой фразѣ: хто голодний, той і кітку їстиме = „кто голоденъ, тотъ и кошку (=кошачье мясо вообще) будетъ ѣсть“. Этотъ исчезающій оборотъ (чаще скажутъ въ этой фразѣ: котій) архаиченъ. Въ лѣтописи Начально-Кіевской мы читаемъ: „Ядяху скверну всяку: комары и мухы, коткы, змиї“ (подъ 6604—1096 г.). Срв. еще въ Дубенскомъ сборникѣ XVI вѣка: „Ядуца—пса, котку“ (л. 178).

лукавы»; а міні коті—кращі од собак=«а въ моихъ глазахъ кошки—лучше собакъ»; собака приѣе добра́ дому, а кіт не приѣе=«собака доброжелательствуетъ дому, а кошка не доброжелательствуетъ» (народн. примѣта¹⁾); щоб мише́й не було, треба котá держати, бо ми́ші тільки котів і бо́яться=«чтобы мышей не было, надо держать кошку, потому что мыши только кошек и боятся»; Ганко! пого́дуй котів! (или коті́, § 23)= «Агабья! покорми кошек!» Если жъ будетъ сказано: пого́дуй кітви́ (или кицьки́), то это будетъ означать, что покормить надо только самогъ, а котовъ-самцовъ кормить не нужно, или же что говорящій случайно пожелалъ почему-нибудь высказать свое знаніе о женскомъ полѣ данныхъ кошек.—Въ связи съ употребленіемъ слова кіт въ смыслѣ общемъ—стоитъ у малоруссовъ и прилагательное относительное: русское «кошачій» передается черезъ котячій; срв. котяча порода, = кошачья порода, котяча шкура = кошачья шкура, мѣхъ. (Впрочемъ, прилагательное котячій можетъ этимологически быть произведено не только отъ кіт, но и отъ формы ж. р.: кітка, кот-ака).

в) Употребленіе въ мужескомъ склоненіи и въ общемъ родѣ словъ, означающихъ профессію, каковы по-русски «авторъ», «композиторъ», «писатель», или словъ: «другъ», «товарищъ» и т. п.,—у малоруссовъ вообще не въ ходу. По-малорусски для профессиональныхъ именъ женщины образуется въ такихъ случаяхъ соответственное слово съ формальнымъ окончаніемъ женскаго рода: «авторка» (= женщина-авторъ), «композиторка» (= женщина-композиторъ), «писателька» (= женщина-писатель, писательница), «пріятелька» (= женщина-пріятель, пріятельница).

¹⁾ Эта шутливая народная примѣта (запис. въ Звенигородщинѣ, Киев. г.) основана на томъ наблюденіи, что собака тащитъ домой всякую пищу, какую найдетъ (напр., кость), а кошка уноситъ изъ дому и ту пищу, которую здѣсь получить.

«товаришка» (= женщина-товарищъ, подруга) ¹⁾ и пр. Женщина про женщину не можетъ сказать по-малорусски: «она—мій прїятель», но непременно: «она—моя прїятелья» (= она — мой прїятель); «она на все мастеръ» — по-малорусски: «она на все майстриха». Зато, слово «сїну!» (зват. пад.) можетъ быть примѣняемо въ ласкательномъ значеніи и къ женщинѣ, въ смыслѣ: «милочка! дитя мое!».

Исключеніе допускается для тѣхъ случаевъ, когда форма жен. рода могла бы вести къ сбивчивости въ смыслѣ. Мы скажемъ, напримѣръ: Леся Украинка — одинъ изъ наилучшихъ поэтовъ, потому что, если бы мы сказали: «одна изъ наилучшихъ поэтессъ», то этимъ выразили бы ея первенство только среди женщинъ-поэтессъ, но не среди всѣхъ поэтовъ безъ различія пола.

Допускается также форма муж. рода въ примѣненіи къ женщинамъ тогда, когда слово потеряло свой отгѣнокъ, указывающій тѣсно на особу мужескаго пола, и стало употребляться въ смыслѣ орудія, или въ смыслѣ неопредѣленно-отвлеченномъ. И о мужчинѣ, и о женщинѣ одинаково скажутъ: він — жидівський попіхач, вона — жидівський попіхач = «онъ — у евреевъ работникъ-подпомощникъ»; «она — у евреевъ работница-подпомощница (на побѣгушкахъ и т. п.)», потому что существительное муж. рода попіхач (букв. «поддыхатель») постепенно потеряло у малоруссовъ свой первоначальный отгѣнокъ лица мужескаго

¹⁾ Звукъ *ш* въ малорусскомъ словѣ товариш, товаришка — этимологичнѣе, чѣмъ звукъ *щ* въ русскомъ „товарищъ“, хотя къ русской формѣ имѣется совпаденіе и въ церк.-слав. ТОВАРИШТЬ. Во всѣхъ славянскихъ языкахъ это слово звучитъ съ *ш*, равно какъ и въ румынскомъ, и въ мадыарскомъ (társ, гдѣ *s* читается за *ш*), и въ чувашскомъ („тавраш“), и въ др. Повидимому, это слово — старотюркское, составленное изъ тюркскаго „товар“ (= имущество, товаръ) и тюркскаго же „эш“ или „иш“ (= соучастникъ).

²⁾ Псевдонимъ Лариссы Косачъ.

пола, а обратилось, какъ бы, въ полупрезрительное названіе орудія (= «подпихало»). Ожидаемая форма женскаго рода («подпихачка») даже не существуетъ въ обиходной рѣчи.

§ 10. Среднимъ родомъ по смыслу могутъ быть, какъ и по-русски, слова и выраженія несклоняемыя: твоє «мабу́ть» (=твое «вѣроятно»), отѣ «взавтра» (=вонъ то «завтра»), моє «ніко́ли» (=мое «никогда»), ва́ше «тепе́р» (=ваше «теперь»), панське «за́раз» (=барское «сейчасъ»), селянське «ох» (=крестьянское «охъ»), українське «неха́й» (=малорусское «небось»), ма́лє м (=малая или строчная буква м) и пр.

Однако вмѣсто средняго рода свободно можетъ быть употребленъ въ этихъ же случаяхъ, примѣнительно къ окончанію, мужескій родъ: твій «мабу́ть», панський «за́раз», селянський «охъ», руський «сейчасъ», український «нехай» и пр.¹⁾ Интеллигентный малорусскій языкъ обнаруживаетъ большую склонность употреблять такія слова только въ родѣ среднемъ, т.-е. дѣлать такъ, какъ это принято въ синтаксисѣ европейскихъ языковъ.

§ 11. Слова къ упражненіямъ урока 1-го:
посмотри—подивіся²⁾

) Заслуживаетъ вниманія зап. „великийъ спасибі“ (наряду, впрочемъ, съ „велике спасибі“). Мужескій родъ объясняется здѣсь тѣмъ, что не такъ давно еще слышался въ концѣ этого слова звукъ *і*, и оно звучало „спасибі“, т.-е. съ окончаніемъ муж. рода. Въ зап.-мр. говорахъ это слово продолжаетъ и теперь звучать съ *і* на концѣ.

²⁾ Можно и сократить *ся*, т.-е. сказать: подивісь; но такое сокращеніе далеко не обязательно, въ противность требованію языка русскаго, гдѣ *ся* послѣ гласныхъ непремѣнно сокращается. Не совпадаетъ съ русскимъ языкомъ употребленіе *ся* также послѣ согласныхъ: по-русски *ся* не можетъ быть сокращено въ съ послѣ согласныхъ, а по-малорусски — какъ-разъ напротивъ. Напр., по-малорусски очень хорошо—сказать: він подивісьє (—онъ посмотрѣлъ), и это мы слышимъ даже чаще, чѣмъ він подивився, — тогда-какъ русское „подивился“ ни за что не могло бы быть сокращено въ „подивись“.

гдѣ—де
вотъ—от
вездѣ—скривъ
еще—ще, іще ¹⁾
здѣсь—тут, тѣтчки; вотъ здѣсь=ось, осьде
бѣлый, бѣлая, бѣлое—бѣлий, бѣла, бѣле
сегодня—сьогоднѣ ²⁾
милый—любый, мѣлый
когда?—коли? ³⁾
ужь—ужѣ; вже (послѣ гласныхъ)
есть—е (чит. йе), естъ (чит. йестъ) ⁴⁾
это—це (рѣдко: се)
кто—хто
что—що ⁵⁾
дочь—дочкѣ (удареніе!)
только—тіл[ь]ви, тіл[ь]ко
говориць—казѣв; говорила—казѣла
говорить—казѣти

¹⁾ Читать надо, конечно, „щѣ“, „ищѣ“ (а не со звукомъ о, какъ по-русски).

²⁾ Днѣ — это старая форма родит. падежа отъ день. Въ зап.-мр. нарѣчій слышится еще болѣе архаичное произношеніе: сегодне, сьогодне (=сего+дне), по восточнымъ малорусамъ такое произношеніе чуждо.

³⁾ Малорусское коли соответствуетъ русскому „когда“ только въ предложеніяхъ вопросительныхъ. Въ придаточныхъ же предложеніяхъ (относительныхъ) оно обыкновенно означаетъ „если“; а русское „когда“ въ относительныхъ предложеніяхъ времени переводится по-малорусски черезъ як (напр., зроби в тоді, як був удом а=„сдѣлалъ тогда, когда былъ дома“).

⁴⁾ Чередуваніе между формами е и естъ извѣстно даже въ наиболѣе древнихъ памятникахъ, дошедшихъ къ намъ отъ предковъ малоруссовъ. Оно оказывается въ обоихъ кievскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 гг., въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в., и въ др.

⁵⁾ Въ огромномъ количествѣ говоровъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ, мы слышимъ вмѣсто *що* болѣе новое произношеніе *шо*. Но такъ писать въ литературной рѣчи не слѣдуетъ. О про-

былз, была, было — *буе, булѧ, було* (ударение!) ¹⁾
быть — *бѹти* ²⁾
корабль — *корабль, корабель* ³⁾
много — *багато, багачько*
тетрадь — *збшит* (зап.)

исхожденіи фонемы *шо* въ концѣ XVI-го вѣка (изъ средневѣковаго малорусскаго *што* XIII—XVII в.) см. особый экскурсъ ниже, § 13. Заодно въ томъ экскурсѣ даны историческія свѣдѣнія и о фонемѣ *ѣто*, возникшей у малоруссовъ въ XIII вѣкѣ.

¹⁾ По западно-малорусскому произношенію, здѣсь удареніе обыкновенно падаетъ на *бу* (*бѹла, бѹло*), — равно какъ и во мн. ч. *були*), но у восточныхъ малоруссовъ удареніе здѣсь всегда на послѣднемъ слогѣ (*булѧ, булѡ, булї*).

²⁾ Кажется, что звукъ *у* вмѣсто *ы* въ глаголѣ *бути* (=быти) можно бы изрѣдка констатировать еще на старославянской почвѣ; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ наиболѣе старыхъ церковно-славянскихъ памятниковъ, Супрасльская рукопись, имѣетъ въ себѣ фразу: „*льжа бы була мой сынъ*“ (л. 272; *h=z*). Но въ памятникахъ старо-малорусскихъ присутствіе звука *у* въ формахъ этого глагола дѣлается наглядно-очевиднымъ только въ XIV вѣкѣ, потому что т. н. грамоты кн. Льва Галицкаго, относящаяся еще якобы къ концу XIII в. и содержащая въ себѣ начертанія вродѣ „*було*“ (срв. по изд. Карамзина, въ т. IV, примѣч. 203), поддѣланы не раньше XIV вѣка. Въ XIV в. мы находимъ съ [ударною?] буквою *у* начертаніе въ Луцкомъ Евангеліи: „ни една нѣ[сть] забувена предъ Б[ого]мъ“ (л. 129), гдѣ букву *ε* (въ слогѣ *ве*), быть можетъ, надо не читать (принимая *ε* за *h*), и видимъ то же слово въ буковинско-волошскомъ Евангеліи Верковича XIV в.: „*забувна нѣсть*“ (л. 123 об.); срв. соврем. малорусское прилагательное „*незабутній*“ (=незабвенный). Вскорѣ мы найдемъ начертанія съ *у* въ договорѣ 1457 г. буковин. воеводы Петра съ двумя галицкими старостами: „где *шо* мочѣмъ (=могтимъ) добувати отъ ихъ шкоды“, „будетъ правомъ добувати“ (=Улян. № 84, стр. 93, 94). Въ галицкомъ Номоканонѣ XVI в. (изъ львовскаго Музея Петрушевича № 140) есть „*була*“ (=была; л. 54). Въ Кіевскомъ Магдебургскомъ уставѣ 1516 года, вписанномъ въ книгу городской думы 1542—1608 г., читаемъ: „*сторожу отбувати*“ (№ 3503, л. 14 = Антонов. и Козлов. № 25, стр. 50). И т. д.

³⁾ Произношенія „*карабль*“, какъ очень локальнаго, надо избѣгать.

жена—жѣна

лодка—чѣвен¹⁾

дѣма—удѣма, вдѣма

и—і; ѣ (послѣ гласныхъ); та²⁾

а—а; ба (=ну, а); та

ли—чи (ставится впереди слова или фразы)

тамъ—там, тамечки; вотъ тамъ—отам; он там;

там-о

какъ—як.

Къ звуковой формѣ и правописанію нѣкоторыхъ изъ вышеперечисленныхъ словъ.

О появленіи неударнаго звука *а* вмѣсто *о* въ такихъ словахъ, какъ *багати* и *ѣ*, въ силу ассимиляціи съ сосѣднимъ ударнымъ *а*—см. въ нашей грамматикѣ ч. I, §§ 33—37. Въ § 34-мъ отмѣчены другіе случаи возникновенія *а* (въ противность языку русскому), напр., *помагати*, независимые отъ закона ассимиляціи. Въ § 35-мъ сообщено, какія изъ всѣхъ такихъ фонемъ должны считаться общемалорусскими и, потому, литературными (типа «багати», «помагати»), и какія оказываются болѣе или менѣе узкими локализмами, не допустимыми для литературной рѣчи (напр., «караблѣ»), или слишкомъ грубо-вульгарными (напр. «камаѣнда»).

¹⁾ Но нельзя писать „чѣвин“, хотя такъ и произносятся.

²⁾ Этотъ союзъ *та* не менѣе старъ, чѣмъ подобозвучное общерусское *да*. Напр., Владиміръ Мономахъ (черниговецъ) говорилъ: „та оттуда [къ] Турову, а на весну—та Переяславию, а [къ] Смоленська—та къ Новгороду“, „та послѣ ма С[вя]тослава въ Ляхы“, „та идохъ Переяславию“, и пр. Въ Ипатской лѣтописи: „Иди же, та отряди ѣ, ать поѣдетъ прочь, а у мене ему вѣчто дѣяти“ (подъ 6795=1287 г.), и пр. Въ буковинской господарской вассальной присягѣ 1468 г. (=Улян. № 95, стр. 105): „и коли дасть Богъ та приедеть панъ нашъ король на рускіи стороны...“ Въ господарскомъ договорѣ 1499 г. (=Улян. № 105, стр. 174): „та не мочимемъ (=могтимемъ) сами ехати съ ними“. И мн. др.

О недопустимости смѣшенія, на письмѣ, неударныхъ *е* и *и* (напр., въ словѣ *чѣвен*, выговариваемомъ почти всюду, какъ *чѣвин*, или въ словѣ *тихѣнько*, выговариваемомъ за *техѣнько*)—см. ч. I, §§ 30—32. Въ § 32-мъ предложены практическіе способы, помогающіе отличать неударное *е* отъ неударного *и*.

По поводу звука *е* въ словѣ «чѣвен» (при старомалорусскомъ «чълнь», «чълнь» и при русскомъ «чельнь») см. ч. I, § 93. О томъ, что звукъ *е* въ прошедшемъ времени глаголовъ (напр., сказа́в, бу́е) не происходитъ фонетически изъ *ль*, но есть самостоятельное причастное образованіе на *въ*, см. ч. I, § 11, б; также см. ч. I, § 97.

Нельзя приступить ни къ сознательному переводу упражненія 1—2, ни слѣдующихъ упражненій, не проштудировавши предварительно въ высшей степени важную главу въ I-й части нашей грамматики: «Пріемы малорусскаго благозвучія и связанныя съ ними явленія» (=ч. I, §§ 41—50). Въ §§ 42—47 изложены законы развитія малорусскихъ т. н. *протетическихъ гласныхъ* (напр., *локальн. орту́ть* вмѣсто *рту́ть*, *ищѣ* и *исказа́ти* вмѣсто *ще* и *сказа́ти*, *увхóдити* вмѣсто *вхóдити*), и законы обратнаго явленія—*отпаденія* начальныхъ коренныхъ гласныхъ (напр., *Пана́с* вмѣсто *Опана́с*, *го́лка* вмѣсто *іго́лка*, *схóдити* вмѣсто *усхóдити* изъ «взсхóдити»). Въ ч. I, § 48-мъ характеризуема *мѣна у и в, і и ѣ*, т.-е., съ одной стороны, обращеніе неударныхъ начальныхъ гласныхъ звуковъ *у* и *і* въ согласные звуки *в* и *й*, если предыдущее слово оканчивается на гласную (напр., на *Йв́ана* вмѣсто: на *Ів́ана*, *вопа́ спáла* вмѣсто: *вона́ упáла*), равно какъ обращеніе начального согласнаго *в* въ гласный звукъ *у* при стеченіи согласныхъ (напр. *ві́н узі́в* вмѣсто: *ві́н взяв*). Въ §§ 49—50 характеризованы т. н. *придыханія* (напр., *горі́х* вмѣсто *орі́х*, *вúхо* вмѣсто *úхо*, *я́нгол* изъ *а́нгел*).

Что касается нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ области глагола и прилагательныхъ, то см. въ ч. I, § 103-мъ — о нео-

предѣл. и=ніи (типа казати, бѣти) и въ § 104-мъ— о прошедшемъ времени. Въ §§ 125 — 128 даны свѣдѣнія объ имен. пад. ед. числа прилагательныхъ.

§ 12, а). Упражнение 1-е. (Робота перша.)

Подивіся на зелѣний степ, на любий Дніпро!—Де кінь?— Там, де біле шатро, там і кінь і верховець.—Казала жінка: «Сьогодні великий ярмарок; там і картопля і дріб е, — дак довга путь, а вже ніч!»—Від і кінь, телі й лоша, півень і курка та малий собачка—це там, де повітка й подвір'є.— От лав! от збіжжя!.. дороге перло, а не збіжжя!.. — Чи е сіль?—Є багачко! — Де сильний глѣб, там е й човен і корабль (или: корабель). — Парубок іще тамечки, а мати вже ось.—Хто есть удома? — Батько й Оверко удома; тут і козацька старшина. — Хлопець і дядина там, а дівчина й дідько—тутечки.—Подивіся на обрій.—Хіба що?—А дощ!.. Оце пригода!.. — Це вже ніч, а нянька й пани сьогодні не удома.—Як? уже ніч?!—Картопля—добра харч.— Де грушка та яблуко?—Грушка ось, а яблуко—там-б¹⁾).

§ 12, б). Упражнение 2-е (Робота друга.)

Ночь—это время. — Книга—и сестра и родная мать.— Жизнь—вопрос.— Богъ—и создатель, и отецъ, и судья.—

¹⁾ Русскій переводъ. Посмотри на зеленую степь, на милый Дніпро!—Гдѣ лошадь?—Гдѣ білыи шатеръ, тамъ и лошадь и всадникъ.—Говорила жена: „Сегодня большая ярмарка; тамъ и картофель и домашняя птица естъ; но длинный путь, а уже ночь!“—Волъ и лошадь, телевокъ и жеребевокъ, пѣтухъ и курица и маленькая собачка—это тамъ, гдѣ сарай и дворъ.—Вотъ пива!.. вотъ хлѣба!.. дорогой жемчугъ, не хлѣба!—Есть ли соль?—Есть много!—Гдѣ значительная глубина, тамъ естъ и лодка и корабль.—Молодой человекъ еще тамъ, а мать ужъ вотъ.—Кто естъ дома?—Отецъ и Аверкій дома; тутъ и козацкія власти.—Мальчикъ и тетка тамъ, а дѣвушка и дядя здѣсь.—Посмотри на горизонтъ.—Развѣ что?—Да дождь!.. вотъ случай!..—Вотъ ужъ ночь, а нянька и барыня сегодня не дома.—Какъ? уже ночь?!—Картофель—хорошая пища.—Гдѣ груша и яблоко?—Груша вотъ, а яблоко—вонъ тамъ.

Кто тамъ?—Тамъ мать, а дочь здѣсь.—Когда отецъ дома?— Отецъ? да сегодня онъ дома. — Посмотри на ведро.—Это— ведро деревянное.—Гдѣ топоръ и палка? — Тамъ, гдѣ куча дубья.—Вотъ голубь, и вотъ силкохъ.—Мать и нянька ужъ, вѣроятно, дома; а сестра и Павелъ еще здѣсь.—Что тамъ?— Тамъ мелкій картофель да груша да яблоко, а корни здѣсь.— Кто Димитрій?—Димитрій—сирота.—Всадникъ еще здѣсь, и палка—вотъ, а лошадь ужъ тамъ.—Соль есть вездѣ.—Ну, да и подсолнухи!.. и какъ много!.. — Петръ—это имя, и Павелъ — имя. — Говорила дѣвушка: «И жиденохъ — человѣкъ!» ¹⁾.

§ 12, в). Упражнение въ разговорѣ. (Привчание до розмови).

А де батько й дочка?	А гдѣ отецъ и дочь?
— Батько й дочка вдома.	— Отець и дочь—дома.
Хто там?	Кто тамъ?
— Тамечки дівчина й парубок.	— Тамъ дѣвица и молодой человекъ.
Коли батько вдома?	Когда отецъ дома?
— Батько й хлопонецъ удома сьогодні.	— Отець и мальчикъ дома сегодня.
Що тут?	Что здѣсь?
— Тутечки дрібна картопля.	— Здѣсь мелкій картофель.

¹⁾ Український переклад. Ніч—то час.—Книжка— і сестра й нѣнька. — Життя—питання.—Богъ — і сотворитель і батько й судець.—Хто тамъ?—Тамъ мати, а дочка тут.—Коли батько вдома?—Батько? вони (=они; мн. ч. изъ вѣжливости) сьогодні ж удома.—Подивися на відр.—Це коновка.—Де сокира й ковінька?—Там, де паличка.—От голуб і от силце.—Мати й нянька вже, мабуть, удома, а сестра й Павло ще тутечки.—Що там?—Там дрібна картопля та груша та яблоко, а лущайс тут.—Хто Митро?—Митро—сиротина.—Верховецъ іще тут, і палица ось, а кінъ уже там.—Сіль є скрізь.—Ну, та й насіння!.. та й багачко!—Петро—то імення, і Павло—імення.—Казала дівка: „І жидена—людина!“.

Що це?

— Це книжка, а там-о —
збішт ¹⁾.

Что это?

— Это книга, а вот тамъ —
тетрадь.

§ 13. Экскурсъ по поводу звукового вида
мѣстоименій «хто» и «що».

а) Въ XI—XII вв. оба мѣстоименія произносились нашими предками въ два слога: «кѣ-то» ²⁾, «чѣ-то». Въ XII—XIII в. при начавшемся выпаденіи глухихъ гласныхъ *ъ* и *ь*, послышались односложныя слова: «кто» и «что» (т. - е. «что», но съ мягкимъ *ч*). Вскорѣ же, къ XIV вѣку, первое слово стало звучать «хто», а второе — «што», или «што» (съ мягкимъ *ш*).

б) Начертаніе «хто» мы впервые встрѣчаемъ въ рукописи Студійскаго Устава XII—XIII в., происхождение которой мы не рѣшаемся установить ³⁾. Оказывается «хто» и въ Начальной лѣтописи по Лаврент. списку XIV в. (л. 18), но и тамъ мы лишены возможности провѣрить, попало ли «хто» въ Лаврент. списокъ изъ кievскаго оригинала, писаннаго лѣтописцемъ кievлянниномъ-малоруссомъ, или же внесено переписчикомъ-суздальцемъ. Поэтому цѣннѣе всего для насъ — встрѣтить «хто» въ подлинныхъ малорусскихъ грамотахъ: въ Швитриггайловомъ листѣ 1403 г. церкви св. Іоанна («у Городвѣ» подѣ Львовомъ («хто коли на себѣ нашъ листъ усмотритъ», «хто попомъ у святого Ивана будетъ») ⁴⁾; въ Швитриггайловомъ же листѣ 1438 г., да-

¹⁾ Греческое слово „тетрадь“, заимствованное изъ русской школьной обстановки. въ полномъ ходу всюду у російскихъ малоруссовъ, а въ Лѣвобережьи только оно и извѣстно.

²⁾ Иногда гласная *ѣ* перваго слога уподоблялась гласной *о* втораго слога, — и тогда говорилось: „кто“. Срв. кievскій Изборникъ Святослава 1073 г., червонорусскія Слова Григорія Богослова XI в. и др.

³⁾ См. описаніе рукописей Московской Синодальной Библиотеки—Горскаго и Невоструева, т. III, 1, 24.

⁴⁾ =Голов. № 26, стр. 25.

номъ «у Луцку» кухмистру Петру Мышьчичу «(хто па нь возрять», «пак ли бы хто хотѣль взяти» ¹⁾); почти тѣ же выраженія съ «хто» — въ одновременной Швитригайловой грамотѣ 1438 г., писанной въ Острогѣ ²⁾; и затѣмъ — «хто» попадаются частенько.

в) Начертаніе «што» (съ мягкимъ ш, конечно) мы среди мр. памятниковъ впервые находимъ въ юж.гал. Ев. поповича Евсевія 1283 г.: «ни во што облечетеса» (л. 33, об.) ³⁾ и въ старѣйшей дошедшей до насъ галицкой грамотѣ — именно въ Перемышльской купчей 1359 г. «на дѣдичтво паньны Радивоньковоѣ, што по пюи отецъ далъ..., со вѣмъ, што коли отца ее прислушало». И затѣмъ начертаніе «што» обильно встрѣчается въ памятникахъ XIV вѣка: въ львовской купчей 1371 г. галицкаго старосты, пана Оты («а што може причинити болше, то...» и др.) ⁴⁾; въ Луцкомъ Евангеліи XIV в. (л. 98: «и што есть знаменье твоего пришествья?»); въ Смотрицкой доминиканской жалованной грамотѣ 1375 г.: («чинимъ свѣдочно, што жь былъ братъ нашъ князь Юрій Корьятовичъ придалъ млинъ къ церкви»; «але то, што жь коли вси бояре и земляне будутъ городъ твердити, ..»; «што дуброва межи Ходорковимъ селомъ — тоѣ дубровы половина ко млину», и др.); въ записи 1376 г. при Холмскомъ Евангеліи («...за што zde дай Г[оспо]ди намъ побыть и здравие!»); въ заставной галицкой грам. 1386 г. па с. Черепине подъ Львовомъ ⁵⁾; въ луцкомъ векселѣ 1388 г. короля Владислава - Ягайла молдавскому воеводѣ Петру

¹⁾ Изд. въ кievск. „Универс. Изв.“ 1885, янв., прибавл. III, стр. 80. Подлинникъ — въ Румянцевскомъ музеѣ.

²⁾ = Голов. № 46, стр. 53—54.

³⁾ Въ памятникахъ великорусскихъ, подъ влияніемъ — очевидно — болѣе ранняго, чѣмъ у малоруссовъ, наденія глухого звука ѣ въ этомъ мѣстонменіи, начертаніе „што“ попадаетъ еще въ XII в., — напр., въ новгородскомъ Добриловомъ Евангеліи 1164 г. (л. 126).

⁴⁾ = Голов. № 4, стр. 7—8.

⁵⁾ = Гол. № 7, стр. 10.

(=Голов. № VIII), равно какъ въ отвѣтной буковинской росписѣ Петра (=Улян. № 3, стр. 3: «просимъ, штобы есте учинили нынѣ листъ, яко и тотъ, што писанъ», «вашъ листъ, што писано на 4 тысячѣ», и др.). Да и вообще во всѣхъ послѣдующихъ буковинскихъ грамотахъ XIV—XV вв. изобилуетъ «што», равно какъ въ грамотахъ изъ иныхъ мѣстъ малорусской территоріи,—напр., въ Витовтової волынской жалованной грам. ок. 1392 г., писанной «у Турейску в Володимирьскомъ» (гдѣ есть: «дали есмо сюю нашу грамоту Бедриху, што держить о[т] насъ двѣ селищи»), и въ пр., и въ пр., въ теченіи вѣковъ XV-го и XVI-го.

Даже въ эпоху борьбы съ унией форма «што» (все еще не нынѣшнее «шчо») попадаетъ у малоруссовъ въ большомъ изобиліи, все равно, будутъ ли писцы малоруссами западными (какъ въ—знаменитый народный проповѣдникъ XVI—XVII в. Иванъ Бышенскій, лексикологъ Памва Берында 1627, проповѣдникъ-ректоръ І. Галятовскій XVII в.), или будутъ ли они малоруссами восточными (срв., напр., форму «што» въ рукописяхъ проповѣдника-черниговца XVII вѣка А. Радивиловскаго ¹⁾; въ рукописи XVII вѣка Києво-Софійскаго собора № 130 ²⁾; въ полтавскомъ сборникѣ 1679 г. игумена Геннадія московской Хлудовской библиотеки ³⁾, и у друг.).

г) Въ настоящее время фонема «што» исчезла у малоруссовъ почти на всемъ пространствѣ ихъ территоріи и

) О преобладаніи «што» надъ «шчо» въ рукописяхъ Радивиловскаго въ противность печатнымъ киевскимъ текстамъ (гдѣ издано «шчо»), см. у Мих. Марковскаго: «Ант. Радивиловскій», стр. 148.

²⁾ Изъ нея листы 157—160 изданы въ «Запискахъ Наук. Товариства имени Шевченка», кн. 72, стр. 137—140.

³⁾ Полтавскій сборникъ 1679 г. описанъ и отчасти (именно «Книга Эпоха») изданъ—А. Поповымъ въ «Библиографическихъ матеріалахъ», подъ № IV (М. 1880, отд. изъ «Чтеній», кн. 3), стр. 66—154. См. особенно «Предмову» игумена Геннадія. =на стр. 83—88 у Попова.

может считаться угасшей, если мы не будем во внимание принимать совсѣмъ малаго количества архаичныхъ сѣверныхъ говоровъ, между прочимъ—говоровъ русиновъ подляссинскихъ (холмскихъ) и угорскихъ, гдѣ еще слышатся «што». Вся же прочая масса малоруссовъ знаетъ только «що» (чит. «шчо»), причемъ въ нивыхъ мѣстахъ (напр., у горцевъ-гуцуловъ) это слово звучитъ мягко, т. е. какъ «шчю» (шчѣ); а въ очень многихъ говорахъ, не исключая въ томъ числѣ придиѣпровскихъ, уже слышатся даже «шо» (чего въ литературной рѣчи избѣгаютъ). Процессъ, посредствомъ котораго старинное «што» превратилось въ нынѣшнее общепринятое «шчо» (пишется «щю»), можетъ быть обрисованъ разнo, но намъ лично представляется, что главную роль здѣсь сыграла долго не исчезающая мягкость звука ш: слово «што» (чит. «шьто») естественно могло обратиться въ «шьтью» (иначе: «штѣ»); это послѣднее обратилось въ «шчю» (иначе написать: «щѣ»); а мягкая фонема «щѣ» (шчю), донинѣ известная въ разныхъ говорахъ, отвердѣвши дала нынѣшнее общераспространенное «шчо» (пиш. «щю»).—Фонема же «шо» возникла изъ «щю», вѣроятно, черезъ стадію «шшо».

д) Насколько старо нынѣшнее общемалорусское «щю»? Иначе сказать: съ какихъ поръ старинное «што» стало вытѣсняться посредствомъ «шчо»?—Около конца XVI вѣка. Вопросъ этотъ запутанъ тѣмъ, что въ священной церковно-славянской орфографіи звукъ шт выражался посредствомъ буквы щ и что балканскіе славяне, на языкѣ которыхъ «чѣто» также обратилось въ «што», для воспроизведенія этого своего слова «што» писали щю. Начертаніе щю въ церк.-слав. памятникахъ появилось въ XII—XIII в., но мы очень ошиблись бы, если бы вздумали такое щю,—напр. въ Погодинской псалтыри, Григоровичевомъ Паремейникѣ и т. п.,—читать за «шчо»: оно читалось «што». По малорусскимъ памятникамъ — массу начертаній щю мы можемъ найти въ буковинскихъ грамотахъ XIV—XV в. (наряду со «што»); но буковинцы читали букву щ за *шт*, на балканскій ладъ,—

и заключать изъ буковинскихъ грамотъ о существованіи малорусскаго шчо въ XIV—XV вѣкахъ было бы болѣе, чѣмъ опасно. Напротивъ, уже съ порядочной увѣренностью мы можемъ о превращеніи старо-малорусскаго «што» въ нынѣшнее «шчо» заключить по тѣмъ начертаніямъ «щю», которыя (все еще параллельно съ болѣе старымъ «што») оказываются: въ волинскомъ полемическомъ сборникѣ попа Наливайка второй половины XVI в. (Румянц. муз. № 2616); въ Почаевск. «Учительной Евангеліи» XVI в. (Біев. Дух. Акад.); въ волинскомъ стихотворномъ Лamentѣ дому князятъ Острозскихъ надъ кн. Ал. Кост. Острозскимъ [ъ] (1603) ¹⁾; въ Нижанковичской, изрядно престонародной Толковой Псалтыри 1609 г. (СПБ. Дух. Акад. I—136. K) ²⁾; въ такомъ же престонародномъ волинскомъ Тригорскомъ Толковомъ Евангеліи начала XVII в. (Волинск. Церк. Дрвলেখрании. въ Житоми.) ³⁾, и въ другихъ памятникахъ конца XVI-го и начала XVII-го столѣтія. На Волини буква щ читается надъ *шч*; предположить же, что начертаніе щю этихъ памятниковъ конца XVI в. есть ухищренное книжническое подражаніе балканскому правописанію, не позволяеть черезчуръ книжническій характеръ этихъ памятниковъ. Къ тому же, о переходѣ малорусскаго «што» въ «шчо» именно въ концѣ XVI в. неоспоримо свидѣтельствуютъ намъ и тѣ два вполне престонародныхъ малорусскихъ памятника XVI в., которые записаны латинскими буквами. Въ первомъ изъ нихъ, 1571-го года, горной гуцульской пѣснѣ, воспроизведенной чешскими буквами, мы еще находимъ *s'to* ⁴⁾: «А *s'to*

¹⁾ Переизданъ въ 12-й книгѣ (1897) кievскихъ Несторовыхъ „Чтеній“, отд. IV, стр. 14—18.

²⁾ См. о ней въ приложеніи къ „Христіанскому Чтенію“ 1890, № 5—6, и въ 9-ой кн. кievскихъ Несторовыхъ „Чтеній“ (1894). „Замѣтки о маловзв. пам.“, стр. 9—11.

³⁾ Тригорское Толковое Евангеліе описалъ Г. Крыжановскій въ „Волинскихъ Епарх. Вѣдом.“ 1895, май, № 15, стр. 516—525.

⁴⁾ Въ подлинникѣ написана извѣстная чешская (Гусова) буква, означающая *ш*; но наша типографія не имѣеть этой литеры и замѣняетъ ее черезъ *s'*.

mi rec'et S'tefan wujwoda?... s'to mi rekła dywonka?»—тогда какъ комическія интерлюдіи галичанина Якуба Гаватта изданныя во Львовѣ польскими буквами въ 1619 году, содержатъ въ себѣ начертанія *szco* (чит. шчо)—напр.: «*Ta szco to ist za trawa ia, szco rodyt pyrohu?*»... «*szcolowik, szco mi takie gyszcy, os', Pape, nabroil*», и мн. др. Зап. мр. вирша о поражениі Хмельницкаго ок. 1651 г.¹⁾ знаетъ ужь только «*szco*»: «*Szcoz twoia rada nikomu sia ne szucz!*» «*szco, neboze?*», «*Az' baszat Lahy, szco na nas strahu*» и т. н.

е) Но старая оѣрма «*што*» исчезала далеко не сразу. Такъ, въ словарѣ Павлы Беринды 1627, который уже знаетъ «*що*» (напр., л. 180), очень часто пишется и «*што*» (напр., 204); у болѣе позднихъ писателей XVII в., — положимъ, у І. Галатовскаго и его ученика А. Радивиловскаго (ум. 1688), — всюду безусловно преобладаетъ «*що*», однако и форма «*што*» часта, особенно если обратиться не къ печатнымъ изданіямъ, а къ рукописнымъ оригиналамъ Радивиловскаго (черниговца). Повидимому, фонема «*що*», одержала у малоруссовъ болѣе или менѣе повсемѣстную побѣду надъ «*што*» только къ концу XVII вѣка.

Такимъ образомъ, типичное современное общемалорусское *що* принадлежитъ къ разряду тѣхъ крайне малочисленныхъ явленій малорусскаго языка, которыя относятся къ сравнительно позднему времени, т. е. скорѣе къ Новымъ вѣкамъ, чѣмъ къ Средневѣковью, и тѣмъ болѣе—не къ той глубокой древности, которою характеризуются многочисленныя другія особенности малорусскаго языка.

¹⁾ Изд. въ Archiv für slavische Philologie, т. II (= 1877), стр. 298—301.

Урокъ второй.

Общія замѣчанія о склоненіи. Склоненія именъ существительныхъ рода мужескаго по различію твердому.

Гуртові вваги про те, як слова склоняються, або відмінюються. Склонення йменнів самостійних роду мужеського відміни тверді.

§ 14. О числахъ; число двойственное.

а) Имена (существительныя, прилагательныя, числительныя) и мѣстоименія способны склоняться (склоня́тис я, або відмінюва́тис я). Малорусское склоненіе именъ существительныхъ (по моей терминологіи — йменнів самостійних, або сущих) можетъ имѣть, въ противность русскому языку, не два, а три числа.

Таково, во-первыхъ, число единственное (у галичанъ — число едѣне, число еднѣичне, или — на сербскій ладъ — просто однинá); напр., віл (=волъ), кни́жка (=книга), відрó (=ведро).

Во-вторыхъ, имѣется число множественное (будемъ называть его число мно́жне; у галичанъ оно — число мно́ге, число мно́жнне, или — на сербскій ладъ — одно слово: мно́жинá); напр., волі́ (=волы), кни́жки (=книги), ві́дра (=ведра).

Въ-третьихъ, у малоруссовъ имѣется отсутствующее въ русскомъ языкѣ число двойственное (число подвѣйне; у галичанъ — число двѣйнé, или просто: двѣйні); на-

примѣръ, дві кни́жці (= двѣ книжки), три відрі (= три ведра), обидві о́ці (= оба глаза) ¹⁾.

б) Двойственное число, въ качествѣ сознательнаго словопотребленія, свойственно только именамъ рода женскаго и средняго, при чемъ его употребленіе не обязательно; такъ, вмѣсто «обидві о́ці» всегда можно употребить выраженіе: «обидва о́ка», т. е. число единственное въ роли множественнаго; вмѣсто «дві кни́жи» свободно говорится и «дві кни́жки», вмѣсто «складім рúці» (= сложите руки) можно употребить и мпж. число «складім руки» и т. д.

в) Въ родѣ же мужескомъ возможно въ малорусскомъ языкѣ уловить лишь намеки на прежнее существованіе двойственнаго числа, безсознательно сохранившіеся въ качествѣ старинныхъ окаменѣвшихъ остатковъ. Такъ, остатки имен. дв., съ окончаніемъ *a*, мы видимъ въ формѣ «вуса» (= усы), параллельно съ формой мн. ч. «вуси»), «рукава» параллельно съ «рукаві», или въ выраженіи «два годá» (параллельномъ съ формой мн. числа: «два годи», т. е. 2 года). Далѣе, отъ слова грóші (= деньги) можно въ малорусскомъ падднѣпріанскомъ языкѣ очень часто слышать орудный падежъ: грóшима (= деньгами), наряду со вполне равносильной и равнозначной множественной формой: грóшми; отъ мѣстоименія всі (= всѣ) орудный падежъ звучитъ: или по множественной формѣ — всіми, или по двойственной формѣ — всіма ²⁾). Однако ни малѣйшаго

¹⁾ Какъ извѣстно, въ русскомъ языкѣ сохранились отъ стариннаго двойственнаго числа лишь ничтожные остатки, и то только въ двухъ-трехъ словахъ, каковы „бры́ль (= толстыя губы), или въ неупрячнѣ словѣ, начинающемся на *ж* и означающемъ testiculi.

²⁾ Въ отдѣльныхъ малорусскихъ діалектахъ попадаются и другія такія же неожиданныя множественныя формы муж. рода съ „двойнымъ“ окончаніемъ. Такъ, на Буковинѣ говорятъ часто „пáльцима“ вм. „пáльцями“. Мимоходомъ при случаѣ отмѣчу неожиданное подольское „гуси́ма“ вм. „гусьями, хотя оно, какъ слово рода женскаго, не совсѣль подходитъ къ тому, о чемъ мы сейчасъ говоримъ.

представленія о чемъ-то двойномъ никто не влагаетъ въ эти мужескія «двойныя» формы: грошіма и всіма¹⁾, тогда какъ при склоненіи именъ женскаго и средняго рода вполне сознательно передается двойственнымъ числомъ понятіе о парѣ предметовъ, и лишь по аналогіи допускается употребленіе двойственнаго числа также послѣ числительныхъ «три» (=3) и «чотири» (=4).

§ 15. Падежи. Звательный съ особой формой. Терминологія.

а) Склоняются малорусскія имена по семи падежамъ, которые, по-архаичному, могутъ называться семеро падежів, а по-галички — сім (або семеро) відмінків. Падежей есть у малоруссовъ дѣйствительно семь, а не шесть, какъ въ русскомъ языкѣ, гдѣ звательный падежъ замѣнился формой именительнаго.

У малоруссовъ звательный падежъ ед. ч. сохранялъ свою особую старинную форму, и замѣна зательнаго падежа именительнымъ не допускается (если не считать нѣсколькихъ исключеній въ сложныхъ титулахъ и въ желательныхъ или условныхъ предложеніяхъ съ подлежащимъ въ зват. падежѣ²⁾), о чемъ мы будемъ обстоятельно говорить въ свое время.

1) Очевъ возможно, что формы оруднаго падежа „грошіма“ и „всіма“ надо сопоставлять не только съ органическими падежными формами подлиннаго двойственнаго числа (такими, какъ очіма = глазами, ушіма = ушами, обомѣ = обоими), но и съ нарѣчными образа дѣйствія на ма, отвѣчающими на вопросъ: „какимъ образомъ?“, срв. сторчма (= торчма), крадькомѣ (=украдкой), лѣжма (=лежмя, лежа) и т. п.

2) Срв. пане-профѣсор! наряду съ обычнымъ пане-профѣсоре!, или: Богъ того не дай наряду съ Боже того не дай, и пр. Обращаясь насмѣшливо къ какому-нибудь заносчивому и въ то же время комично-глуповатому или къ неуклюжему человѣку, особенно съ огромной головой, титулуютъ его: „Глек Макітрович!“ (букв. „Кувшавъ Мисковичъ!“; —макітрой называется большая миска съ высокими краями, въ которой трутъ маць,

б) Вотъ тѣ названія, которыя даны у меня семи падежамъ отчасти на основаніи болѣе точнаго вникновенія въ подлинный смыслъ соответствующихъ греческихъ терминовъ (послужившихъ первообразомъ для рабски-дубовой славянской терминологіи Іоанна Экзарха), отчасти же на основаніи сравнительно-языковѣднаго разсмотрѣнія сути тѣхъ грамматическихъ отношеній, которыя выражаются каждымъ падежемъ:

1) Именительный падежъ — відмінок називній (угаличань — відмінок пер ший). На вопросъ: «кто? що?»

2) Родительный падежъ — відмінок родовій (лучше бы: вихідній, или частковій; гал. — відмінок дрúгий). На вопросъ: «од ко́го? з чо́го? звідки?»

3) Дательный падежъ — відмінок дава́л[ь]ний (гал. — відмінок трéтій). На вопросъ: «кому? чому?»

4) Винительный — знахідній (гал. — відмінок четвѣртий). На вопросъ: «Що я знайшов? кого я знайшов?»

5) Звательный — клічний (по-галицки — відмінок п'ятій).

6) Творительный, или (какъ начинаютъ говорить по-русски) орудный падежъ — відмінок ору́дний (гал. — шóстий). На вопросъ: «ким? чим?»

7) Мѣстный (или, по-устарѣлому, предложный) падежъ — відмінок місцевій (гал. — сьóмий)¹⁾. На вопросъ: «де? на ко́му? на чо́му?»

а) При склоненіи обыкновенно намъ придется отмѣчать въ падежныхъ формахъ одного и того же склоненія два

копать масло и т. п.). Возможность замѣны звательнаго падежа именительнымъ въ сложныхъ обращеніяхъ впервые констатируется въ галицкомъ Крылосскомъ Евангеліи 1144 года: „Авва-отць: (вмѣсто „отъче“)! вся възможна тобѣ суть“ (л. 104).

¹⁾ Галичане выговариваютъ не „шóстий“ и „сьóмий“, а „шѣс-тий“ и „сѣмий“, равно какъ выговариваютъ они „трéтій“, а не „трѣтій“. Но я всюду, гдѣ придется пользоваться какимъ-нибудь галицкимъ словомъ или терминомъ, буду его предлагать въ органическомъ произношеніи восточно-малорусскомъ.

т. н. «различія» (дві відмінї): твердое различіе и мягкое различіе (*твердоу* відміню и *мякку* відміню). Иногда оба различія, въ сущности, едва замѣтны; срв. родительные падежи твердаго различія: по па́ (т.-е. по-а) и мягкаго различія: коро́лі (т.-е. король-а) и пожа́ (т.-е. пож-а). Но, напримѣръ, дательные падежи отъ тѣхъ же словъ представляютъ въ себѣ ужъ крайне ошутительную взаимную разницу; отъ піп (=попъ) дательный падежъ будетъ попові (твердое различіе), а отъ коро́ль (=король) и ніжъ (=ножь) дат. пад. будетъ коро́леві, ноже́ві (мягкое различіе): въ первомъ случаѣ мы имѣемъ звукъ *о*, во второмъ —звукъ *е*, хотя и первое слово и два вторыхъ принадлежать къ одному и тому же склоненію (къ т. н. «п्राязычнымъ основамъ на *о*»).

б) Гораздо важѣе тѣ отличія въ склоненіи, которыя возникаютъ отъ принадлежности двухъ существительныхъ одного и того рода къ двумъ разнымъ основамъ. Напримѣръ, житѣ́я (=жизнь) и дитѣ́я (=дѣтя) — оба среднего рода и оба имѣютъ одинаковое окончаніе имен. падежа, а между тѣмъ склоняются совсѣмъ неодинаково, потому что житѣ́и (родит. тоже житѣ́и) принадлежатъ къ мягкому различію «основъ на *о*», а дитѣ́и (род. дитѣ́и) — къ «основамъ на согласный звукъ». Меньше всего ощущается разница основъ при склоненіи именъ рода мужескаго, потому-что почти всѣ имена м. р. слились у малоруссовъ во-едино, и ихъ склоненіе просто можетъ быть названо «мужескимъ склоненіемъ». Съ «мужескаго склоненія» мы и начнемъ изложеніе морфологіи именъ. Однако многія подробности, многія — какъ говорится по школьному — «трудныя» явленія въ области муж. скл. рискуютъ остаться для читателя дѣйствительно трудными и непонятными и необъяснимыми, если онъ предварительно не узнаетъ хотя бы вкратцѣ, къ сколькимъ неодинаковымъ категоріямъ принадлежали прежде всѣ тѣ малорусскія имена сущ-ныя мужескаго рода, которыя теперь всѣ принадлежатъ къ одному, казалось бы, вполнѣ общему склоненію.

в) Въ прамалорусскомъ языкѣ существовали имена муж. р., во-первыхъ, съ такъ называемыми «основами на о» — и какъ разъ сюда-то относилась всецѣло преобладающая масса сущ. именъ муж. рода. Имена м. р. съ «основами на о» имѣють у филологовъ такое свое названіе потому, что и въ немц. падежѣ ихъ окончаніе (z, b, ñ) восходитъ къ индоевропейскому праязычному *os* или *ios, jos*¹⁾, и въ косвенныхъ падежахъ индоевропейскій праязыкъ имѣлъ въ этихъ именахъ преимущественно звукъ *o* (въ сочетаніи, конечно, съ согласными или еще другими гласными звуками)²⁾. Тѣ имена, въ окончаніи которыхъ индоевропейскій праязыкъ имѣлъ просто окончаніе *os* (не *ios*, не *jos*), оказались въ прамалорусскомъ (и вообще въ славянскомъ) языкѣ «основами на о различія твердаго», напр. «рабъ», «вълкъ», «духъ», «трудъ» и пр. Въ ед. числѣ ихъ род. пад. оканчивался на *a*: «духа, труда»; въ лат. ед. было окончаніе *u*: «дѣху, труду»; зв. ед. — «дѣше! трѣде!»; мѣстн. ед. — «на дусѣ, на трудѣ». Во множ. числѣ: имен. мн. — «дуси, трудн» (при винит. мн. — «духзи, трудзи»); род. мн. былъ сходенъ съ имен. ед., т. е. звучалъ: «отъ духъ, безъ трудъ»; орудн. мн. — «съ духзи, съ трудзи». Мягкое различіе «основъ на о» получалось въ прамалорусскомъ языкѣ изъ праязычныхъ именъ съ окончаніемъ *jos* или *ios*; срв., напр., «ножь, зълодѣн», гдѣ, вмѣсто *jz*, образовался на славянской почвѣ *ь* или *и*. Род. ед. звучалъ «ножя, зълодѣя» дат. ед. — «ножю, зълодѣю»; оруд. ед. — «ножьмь, зълодѣмь» (въ параллель къ твердому различію: «духъмь, трудъмь»); зват. ед. — «ножо! зълодѣю!»; мѣстн. ед. — «на ножн, на зълодѣн». Имен. мн. — «ножн.

¹⁾ Напр. „вълкъ“, = волкъ, звучало въ индоевропейскомъ праязыкѣ вродѣ „выркос“ или „вылокос“. Срв. индѣиск. *vrkas* (пзъ *vrkos*), греч. *λύκος*, лат. *lupus* (пзъ *lupos*), литовск. *vilkas* (а=о), и др.

²⁾ Это съ наилучшей наглядностью видно изъ склоненія греческаго *λύκος*.

зълодѣи» (а винит. мн. — «ножѣ, зълодѣѣ»); род. мн. — «безъ ножѣ, отъ зълодѣи» (сходно съ имен. ед.); оруд. мн. — «съ ножи, съ зълодѣи. 1).

г) Во-вторыхъ, существовало въ прамалорусскомъ языкѣ и другое склоненіе именъ муж. рода — «основъ на у» 2), или т. н. «ѹковое склоненіе» 3). Всѣхъ именъ этого склоненія было десятка два-три: сынѣ, медѣ, домѣ, чинѣ и др. Ихъ окончаніе ѣ въ формѣ имен. падежа происходитъ изъ праиндоевропейскаго окончанія us или u; срв. «сынѣ» — и индійское sūpús, «медѣ» — и индійск. mádhu; въ косвенныхъ падежахъ индоевропейскій праязыкъ имѣлъ въ нихъ тоже звукъ u въ разныхъ сочетаніяхъ, а прамалорусскій языкъ имѣлъ въ ихъ склоненіи преимущественно звукъ ѣ (приходящій изъ индоевроп. короткаго u, — срв. ч. I, § 17) или звукъ ѣ (изъ ou, eu). Оттого склоненіе именъ типа «сынѣ», «медѣ» и называется ѹковымъ. Род. ед. звучалъ въ прамалорусскомъ: «отъ сыну, изъ меду»; дат. ед. — «сынови, медови»; зват. ед. — «сыну! мѣду!»; мѣсти. ед. — на «сыну, на меду». Во множ. числѣ: имен. мн. «сынове, медове», род. мн. — «сыновѣ, медовѣ»; оруд. мн. — «сынѣми, медѣми».

д) Въ-третьихъ, прамалорусскій языкъ имѣлъ десятка, должно быть, съ полтора именъ муж. рода «съ основами на і (короткое)», иначе — принадлежащихъ къ ѣжевому склоненію 4), т. е. къ такому же, по какому склоняются имена женск. рода типа «кость». Къ мужескимъ «основамъ на і», или къ мужескому «ѣжевому склоненію» относились такія существительныя м. р., какъ «путь, гость, гвоздѣ, чьрвь, ногѣтъ» и другія, окончаніе которыхъ (ѣ) происходило изъ праиндоевропейскаго is (а не изъ ios, въ против-

1) Прочихъ падежей, которые для сопоставленія съ падежами другихъ основъ намъ не понадобятся, мы не приводимъ.

2) Мы пользуемся малорусской буквой у; обыкновенно жѣ пишутъ латинскую букву u.

3) „Укъ“ — названіе кириллицкой буквы, читающейся за у.

4) „Иже“ — названіе кириллицкой буквы и.

ность мягкому различію основъ на *o*), такъ что, напр., прамалорусское «чървь» звучало по-индоевропейски «*kigwis*»¹⁾). Въ косвенныхъ падежахъ преобладалъ по-старомалорусски звукъ *ь*, а по-индоевропейски — короткое *i*, изъ котораго вѣдь и происходитъ звукъ *ь* (срв. ч. I, § 17); или же оказывался звукъ *и*. Такимъ образомъ род. ед. звучалъ: «отъ пути, отъ гости»; да такъ же звучалъ и дат. ед., (напр., «нашему гости») и мѣстн. ед. Во множ. числѣ: род. мн. — «отъ путѣи, отъ гостѣи» (что выговаривалось средне между «путѣи, гостѣи» и «путѣи, гостѣи»); орудн. мн. — «путѣми, гостѣми».

е) Всѣ эти три склоненія мужескаго рода (основъ на *o*, твердаго и мягкаго различія, основъ на *u* и основъ на *i*) начали очень рано смѣшиваться, — еще въ эпоху, предшествовавшую Игорю, Святославу и Владиміру Великому. Ёковое склоненіе стало взаимодействовать и сливаться со склоненіемъ твердаго различія основъ на *o*, ѣжевое склоненіе — со склоненіемъ мягкаго различія основъ на *o*, а твердое и мягкое различіе склоненія основъ на *o* — вліять другъ на друга.

ж) Ёковое склоненіе имѣло важный практическій перевѣсъ надъ склоненіемъ основъ на *o* своими болѣе рельефными падежными флексіями; напримѣръ, ёковый род. пад. «сынѡвъ» (отъ «сынѣ») рѣзко отличается своею флексією отъ всѣхъ прочихъ падежей, тогда какъ форма род. падежа отъ «духъ», т. е. отъ имени съ основою на *o*, звучала такъ же: «духъ» (напр., «безъ духъ») и могла во многихъ случаяхъ подавать поводъ къ сбивчивости. Поэтому предки малоруссовъ начали придавать окончаніе *ѡвъ* и къ именамъ съ основою на *o*, — начали говорить: «безъ духѡвъ, отъ трудѡвъ». Равнымъ образомъ начали они образовывать отъ основъ на *o* характерный дат. пад. ёковаго склоненія: по образцу «сынѡви» говорили ужъ и «духѡви, трудѡви» (не забывая однако и прежнюю малохарактерную форму: «духу,

¹⁾ По-литовски оно такъ звучитъ и доньяѣ.

труду»). По аналогіи съ различіемъ твердымъ возникли та-кія ўковыя формы и у именъ различія мягкаго основъ на *o*: стало говориться «зълодѣѣвъ, пожеѣвъ», «зълодѣѣви, ножеѣви» (сперва наряду съ прежними этимологически-правильными: «безъ зълодѣи, отъ ножѣ», а тѣмъ болѣе 'рядомъ съ «тому зълодѣю, сему ножю»). Когда такимъ образомъ рядъ падежей ўковаго склоненія оказался совпадающимъ съ падежами основъ на *o*, тогда основы на *o* за однимъ ходомъ невольпо ужъ заимствовали себѣ и кое-какія прочія флексіи ўковаго склоненія, практически почти или вовсе не необходимыя, напр., окончаніе *у* для род. зват. и мѣсти. падежей ед. ч.: по образцу укковыхъ формъ «моего меду», «сыну! меду!» и «на меду»—стали образовываться аналогичныя формы у основъ на *o*: «безъ духу, безъ труду» (наряду со старымъ этимологичнымъ: «безъ духа, безъ труда»), «на духу, въ труду» (при сохраненіи формъ: «на душѣ, въ трудѣ»), «святый дѣху! великыи труду!» (при сохраненіи прежней формы: «святыи душе! великыи труде!»). И наоборотъ—всѣ существительныя ўковаго склоненія, напр., «сынъ, медъ», усвоивали отъ основъ на *o* тѣ окончанія, которыхъ сперва сами не имѣли: началъ употребляться и у нихъ род. падежъ на *a* («меда, сына»), зват. падежъ на *e* («меде! сыце!»), мѣстный на *ѣ* («на сынѣ, на медѣ»), и пр. Такъ произошло полнѣйшее слияніе склоненія твердаго различія мужескихъ основъ на *o* съ основами ўковыми.

в) Одновременно аналогичная исторія происходила между мужескимъ ижевымъ склоненіемъ и мягкимъ различіемъ основъ на *o*: имена ижеваго склоненія (типа «гостѣ, путь, погть и пр.) или сливались или взаимно обмѣнивались въ некоторыи своими падежными формами съ именами мягкаго различія основъ на *o* (такими, какъ «ножѣ, зълодѣи»). Въ единств. числѣ безусловно вліятельными оказались формы мягкоразличныхъ основъ на *o*, а не формы основъ на *i*. Стали исчезать у именъ м. р. ижеваго склоненія прежніе ихъ падежи ед. ч. съ флексіей *и*: вмѣсто «отъ нашего гостѣ» появилась форма «отъ нашего гостя» (по аналогіи

съ «ножя, зьлодѣя»; дат. падежъ стали говорить «нашему гостю, гостеви» (по аналогіи съ «ножю, пожеви» и «зьлодѣю, зьлодѣеви») вмѣсто прежняго «нашему гостю». Во множ. числѣ—дѣло совершилось нѣсколько иначе: ижевыи род. падежъ на ѡ («гостѡи», срв. нынѣшн. «гостей») не только самъ довольно цѣпко удерживался у многихъ ижевыхъ основъ муж. рода, но даже иногда могъ оказывать вліяніе на форму род. падежа нѣкоторыхъ именъ съ мягкой основой на о: стали говорить, напр., «безъ грошѡи» (срв. современное «безъ грѡшей») вмѣсто ожидаемаго «безъ грошь». Впрочемъ, род. падежъ на ѡ усваивался прамалоруссами для мягкихъ основъ на о безъ особой охоты (вмѣсто того предки малоруссовъ полюбили родит. пад. на «въ, возникшій по укѡвому типу); болѣе же сильное вліяніе оказали ижевыи имена муж. рода лишь на форму оруднаго пад. мн. числа многихъ словъ съ мягкими основами на о. Первоначальная форма орудн. мн. отъ мягкихъ основъ на о (этимологическая) сбивчиво оканчивалась на ѡ, совпадая съ формою имен. мн.; говорилось, напр., «съ нашими пріятелѡи», «съ немалыми грошѡи»;—и вотъ подъ вліяніемъ орудн. падежа ижеваго склоненія («гостѡи», «путѡи») ¹⁾ наши предки начали говорить такъ же: «съ нашими пріятельѡи, съ немалыми грошьѡи» и т. п. Впрочемъ, въ общемъ надо сказать, что обыкновенно побѣду одерживали мягкія основы на о, а не ижевыи, и постепенно почти всѣ имена, принадлежавшія къ ижевымъ основамъ, растеряли у нашихъ предковъ свои старыя этимологическія падежныя формы и усвоили себѣ падежныя флексіи мягкихъ основъ на о; по крайней мѣрѣ, это надо сказать безусловно про всѣ падежи числа единственнаго. Во множественномъ же числѣ ижевое мужеское склоненіе донныѣ не исчезло у малоруссовъ: есть пять-шесть словъ мн. числа («гостѡи», «люди», «конѡи», «грѡшѡи» и др., а въ діалектахъ есть такихъ словъ

¹⁾ отчасти же, вѣроятно, и по аналогіи съ укѡвыми формами: „сывъѡи, медѡи“.

и побольше), которыя и донынѣ склоняются у малоруссовъ иначе, чѣмъ «ножі» и «злюдіи»; кромѣ того, въ формѣ орудн. падежа мн. ч. остатки ижеваго склоненія даютъ себя чувствовать при склоненіи многихъ еще другихъ словъ (срв. соврем. «приятельнѣи», не только «приятелями») ¹⁾).

и) «Когда же все это происходило?» спроситъ кто-нибудь. — Стремленіе къ сліянію воедино всѣхъ трехъ мужескихъ склоненій (именъ съ основами на *o*, именъ съ основами на *u*, именъ съ основами на *ъ*) понемногу начало проявлять себя, какъ мы ужъ и оговорились выше, еще до времени кievской державы, да вѣроятно еще на общеславянской почвѣ. Вѣдь это сліяніе или стремленіе къ нему, въ той или другой формѣ, въ большей или меньшей степени, изстари свойственно всѣмъ безъ исключенія славянскимъ языкамъ и извѣстно во всѣхъ старѣйшихъ дошедшихъ до насъ славянскихъ письменныхъ памятникахъ, будутъ ли это писанные латиницей памятники старочешскіе и польскіе, или писанные кириллицей памятники церковно-славянскіе (т. е. староболгарскіе), старовеликорусскіе (напр., новгородское Остромирово Евангеліе 1056—1057 г., новгородскія Минеи 1095—1097 г.), старомалорусскіе (кievскіе Изборники Свягослава 1073 и 1076 г., червопнорусскія Слова Григорія Богослова XI в., галицкое Крылосское Четвероевангеліе 1144 г., и пр.). Тѣмъ не менѣе, по наибольше старымъ, чисто средневѣковымъ нашимъ памятникамъ (XI—XIV в.), при всемъ ихъ хаотическомъ смѣшеніи всѣхъ трехъ мужескихъ склоненій, все еще видно, что мужескихъ склоненій было три, а не одно. Далѣе, съ XIV—XV в., т. е. со времени наступленія Новыхъ вѣковъ, когда малорусскій языкъ принялъ почти современную свою форму, можно датировать полное сліяніе всѣхъ именъ муж. рода въ одну склоняемую группу, и только ижевое склоненіе множ. числа отчасти убѣжало отъ деклинаціоннаго объединенія съ прочими существительными муж. рода.

¹⁾ Форма же „приятел я ми“, съ окончаніемъ я ми, заимствована изъ женскаго склоненія именъ на я (срв. „землями“).

і) Согласно съ этимъ, и мы въ своей украинской грамматикѣ будемъ всѣ имена муж. рода (несмотря на ихъ происхожденіе отъ трехъ основъ) считать принадлежащими въ одному, общему склоненію, которое такъ и будемъ называть «обычнымъ мужескимъ склоненіемъ» или даже просто «мужескимъ склоненіемъ», при чемъ одного выдѣлимъ и особую рубрику: «Остатки іжеваго мужескаго склоненія», куда включимъ склоненіе мн. ч. именъ «гості, люди, коні» и т. п. Въ противность этой, іжевой группѣ мы можемъ условно называть склоненіе всѣхъ прочихъ именъ м. р. склоненіемъ «прежнихъ основъ на о», потому что, дѣйствительно, почти всѣ имена сущ-ья м. р. восходятъ къ индоевропейскимъ именамъ на *os*; но при этомъ мы твердо должны будемъ помнить, что и всѣ имена прежняго ѹковаго склоненія и большая часть именъ, происходящихъ изъ основъ на *i*, примкнули къ этой же группѣ «прежнихъ основъ на о», и что извѣстное количество характерныхъ флексій, свойственныхъ теперь всѣмъ «прежнимъ основамъ на о», заимствовано какъ разъ отъ прежнихъ основъ ѹковыхъ.

§ 17. Обычное склоненіе существительныхъ мужескаго рода.

Вопросъ о чередованіи *о* и *е* съ *і*.

а) Предварительно надо замѣтить, что звуки *о* и *е*, входящіе въ составъ послѣдняго или предпослѣдняго слога какогонибудь существительнаго, при варіаціяхъ склоненія (въ положеніи передъ утеряннымъ древнимъ глухимъ звукомъ) то въ томъ, то въ другомъ падежѣ обращаются въ *і*¹⁾. Такъ, основа «поп...» имѣетъ въ

¹⁾ Полезно помнить, что слогъ, въ которомъ находится *і*, возникшее у малоруссовъ изъ *о* и *е*, является теперь почти всегда закрытымъ, т. е. оканчивается на согласную; срв. піп, вівса, наміт. Въ открытомъ же слогѣ (а открытымъ называется слогъ, оканчивающійся на гласную) мы, напротивъ, почти никогда не наблюдаемъ, чтобы его конечный звукъ *о* и *е* переходилъ въ *і*; срв. формы *о-вѣс*, *по-на*, *шід* *наме-томъ*, гдѣ звуки *о* и *е* сохраняются неизмѣнными.

именительномъ падежѣ форму *пѣп* (=попѣ), а въ родительномъ — *попѣ*. Какъ разъ наоборотъ, старинная основа «*овь с...*» имѣеть въ именительномъ падежѣ звукъ *о* въ сохранности: *овѣс* (=овѣсь), тогда какъ во всѣхъ прочихъ падежахъ она имѣеть звукъ *і*: *вѣвсѣ*, *вѣвсѣві*, *вѣвсѣм* и т. д. Срв. также им. падеж. *лѣд* (=ледѣ) при родительномъ *лѣдѣ* (=льда); частый имен. падежъ *намѣт* (=шалатка) при родительномъ *намѣту*, и пр., и пр. О причинахъ и объ исторіи появленія звука *і* вмѣсто *о* и *е*—см. ч. I, § 17, г, и § 20, г.; тамъ указанъ законъ «возмѣстительнаго удлиненія».

б) Далекое не каждое *о* и *е* способно обращаться въ *і*. Напримѣръ, такіа слова, какъ *сон* (=сонѣ), *вовк* (=волкѣ), *лев* (=левѣ) и рядъ другихъ, никогда и ни въ какомъ положеніи не могутъ измѣнять свой звукъ *о* и *е* въ *і*. Причина заключается въ томъ, что звуки *о* и *е* вышеуказанныхъ словъ происходятъ не изъ чистыхъ *О* и *Е*, но изъ глухихъ гласныхъ *Ъ* и *Ь* (см. ч. I, § 17), которые закону замѣстительнаго удлиненія не подлежатъ; «*вовк*» происходитъ изъ «*вълкѣ*», «*сонѣ*»—изъ «*сънѣ*», «*лев*»—изъ «*лѣвѣ*», тогда какъ «*пѣп*» произошло изъ «*пѣпѣ*», «*лѣд*»—изъ «*лѣдѣ*». Узнать, какое малорусское *о* и *е* происходитъ изъ *О* и *Е*, а какое—изъ *Ъ* и *Ь*, всякій можетъ, конечно, путемъ справки въ церковно-славянскомъ словарѣ (Миклошича, Востокова), но такой приемъ не для всякаго читателя доступенъ. Поэтому въ приложеніи къ I-й части «Украинской грамматики» мы дадимъ рядъ практическихъ указаній на способы, посредствомъ которыхъ и всякій нефилологъ сумѣеть самостоятельно разобраться въ этомъ вопросѣ.—Одна изъ обычнѣйшихъ примѣтъ, по которой распознаются звуки *о* и *е*, происходящіе изъ глухихъ гласныхъ *Ъ* и *Ь* (и, слѣдовательно, неспособные переходить въ *і*), это—«бѣглость» таквихъ *о* и *е*, т.-е. ихъ способность выпасть въ производныхъ словахъ или формахъ (срв. *сон* род. *сна*, *сну*, уже безъ *о*). Однако эта примѣта иногда практически непримѣнима (напр., въ корпѣ *вовк*, гдѣ *о*

изъ ъ, звукъ о ни въ какихъ производныхъ словахъ не можетъ выпасть), а иногда она требуетъ оговорки (такъ, очень ошибочно было бы на основаніи русскаго слова «льда» вообразить, будто въ корнѣ этого слова содержался звукъ ъ: напротивъ, корень ископи былъ лѣд, и въ немъ содержался чистый звукъ е, способный перейти въ і и потому давшій малорусскую фѣнему «лїд»).

в) Послѣ всѣхъ этихъ оговорокъ перейдемъ къ образцамъ обычнаго склоненія существительныхъ мужскаго рода.

I.

Твердое различіе мужскаго склоненія: а) съ окончаніемъ на согласную.

Таковы: козакъ (=козакъ; сущ. одушевленное), лугъ (=луговая рощица; неодушевл.), кожѹхъ (=тулупъ; сущ. неодушевл.), Антїнъ (=Антонъ), дубъ (=дубъ), вѣчїръ (=вечеръ) и т. п.

§ 18. Козакъ, кожѹхъ, лугъ.

а) Мы нарочно выбрали для образца тверд. муж. склоненія прежде всего три такихъ слова, конечная согласная которыхъ есть заднеязычная ¹⁾, а не какая-нибудь иная, потому что во всѣмъ прочимъ согласнымъ падежнымъ окончаніямъ присоединяются непосредственно, механически, тогда какъ заднеязычныя согласныя подвергаются при этомъ еще и сами важнымъ измѣненіямъ въ двухъ падежахъ единственнаго числа (звательномъ и мѣстномъ).

Единственное число. (О д н и н а.)

- I. Им. козакъ (предметъ одушевленный).
лугъ (предметъ неодушевленный).
кожѹхъ (предметъ неодушевленный).
- II. Род. козакъ-а
лугъ-а (или лѹгъ-у)
кожѹхъ-а (или кожѹхъ-у)

¹⁾ Заднеязычныя согласныя—г, к, х. Прежде ихъ называли „гортанными“.

- III. Дат. козак-ó в í ¹⁾ (крайне рѣдко козак-ý)
 луг-ó в í ¹⁾ (крайне рѣдко луг-ý)
 кожух-ó в í ¹⁾ (крайне рѣдко кожух-ý)
- IV. Вин. козак-á
 луг (или луг-а)
 кожух (или кожух-а)
- V. Зв. козак-е! (или козак-ý!)
 луж-е! (или луг-у!)
 кожух-е! (или кожух-у!)
- VI. Ор. козак ó м
 луг-о м
 кожух-о м
- VII. Мѣстн. на козац-ѣ, на козак-ó в í (рѣже на козак-ý) ²⁾
 в луг-ѣ, в луг-ó в í (рѣже в луг-ý) ²⁾
 у кожус-ѣ, в кожух-ó в í (рѣже в кожух-ý) ²⁾

Множественное число. (Множина.)

- I. Им. козак-и ³⁾
 луг-и ³⁾
 кожух-и ³⁾

¹⁾ Но не твердо (козак-óви, луг-óви), въ противность западно-малорусскому нарѣчю. Наше восточно-малорусское (оно же отчасти и западно-малорусское) окончание ó в í происходитъ изъ *оѣ*, известнаго по памятникамъ съ XIV вѣка. См. ч. I, § 65, а.

²⁾ Въ русскихъ грамматикахъ мѣстный падежъ (онъ же предложный) обыкновенно иллюстрируется формою съ предлогомъ *о*, *объ* (напр., „о козакѣ“). Въ вост.-мр. нарѣчьи предлогъ *о*, *объ* почти неупотребителенъ (вмѣсто него малоруссы пользуются предлогами *про* и *за* съ вин. пад.), а потому мы въ малорусскихъ парадигмахъ склоненія должны въ видѣ примѣра сочетать форму мѣстнаго падежа съ какимъ-нибудь другимъ подходящимъ предлогомъ, лучше всего съ *на* или *в* (на вопросъ: „гдѣ?“).

³⁾ § 19. Обращаемъ вниманіе, что надо здѣсь писать послѣ *к*, *х* твердую букву *к*, а не мягкую букву *і*, и надо избѣгать такимъ образомъ той ошибки, въ которую (изъ числа малоруссовъ восточныхъ) чаще всего впадаютъ полтавцы и черниговцы. Происстаетъ ихъ ошибка съ одной стороны отъ того, что гласный звукъ и звучитъ у нихъ, вообще, сравнительно мягко, а съ дру-

- II. Род. козак-і в
луг-і в
кожух-і в
- III. Дат. козак-а м
луг-а м
кожух-а м
- VI. Вин. козак-і в (рѣдко козак-і)
- луг-і
кожух-і
- V. Зв. козак-і!
луг-і!
кожух-і!

гой стороны—оттого, что, пожалуй, въ заднебныхъ звукахъ *и, ъ, х* заключается вѣкоторая мягкость, въ силу чего слоги *им, км, см* звучать не совсемъ грубо *им, км, см*, но звучать чуть-чуть помягче, и все-кому кажется, будто эти слоги слышатся какъ чистые *и, кі, хі*, т.-е. будто бы человекъ произноситъ: *козакі, лугі, Ляхі*. На самомъ дѣлѣ это не такъ; сопоставимъ въ вост.-мр. произношеніи имен. надежъ (*козаки, луги, Ляхи*) съ родит. надежемъ (*козаків, лугів, Ляхів*): внимательно вслушавшись въ свое произношеніе, придѣлпровецъ легко замѣтитъ, что только во второмъ рядѣ случаевъ (т.-е. въ род. пад.) есть дѣйствительно мягкіе слоги *и, кі, хі*, а въ первомъ рядѣ случаевъ (т.-е. въ им. падежахъ) слышится болѣе грубый, болѣе твердый гласный звукъ, и воспроизводить его надо черезъ букву *и*, а не черезъ *і*. (Мы ужъ и не говоримъ, что историческая грамматика тоже требуетъ здѣсь твердой буквы *и*, потому что „козакѣ“, „лугѣ“ и „кожухѣ“ происходятъ изъ старинныхъ формъ: *КОЗАКЪІ, ЛОУГЪІ и КОЖУХЪІ*, оканчивавшихся на твердое *ѣ*). Правило это (напомню мимоходомъ) надо строго примѣнять не только при склоненіи, но и вообще въ малорусской орфографіи, и слѣдуетъ крайне тщательно избѣгать такихъ ошибочныхъ начертаній, каковы, напримѣръ, *дѣццѣцѣ, тонкій* (им. п.), *с кім, згнѣув, хітатися* и т. п.; надо писать правильно, согласно съ аккуратнымъ произношеніемъ: *дѣццѣцѣ, тонкій, с кім, згнѣув, хитатися* и т. п. Только въ вѣсколькихъ очень немногихъ словахъ (напр., *хібѣ* = развѣ), которыя въ восточно-малорусскомъ нарѣччіи имѣютъ въ произношеніи безусловно мягкій звукъ *і*, надо и писать букву *і*, забывши о всякаго исторической этимологии. Срв. то, что сказано въ т. I, стр. 123—127.

VI Ор. розак-а́ми
луг-а́ми
кожух-а́ми.

VII. Мѣстн. на розак-а́х
в луг-а́х
в кожух-а́х.

б) Для упражненія предлагаемъ просклонять по этому образцу: во́як (род. во́яка́; = воинъ), во́рог (род. во́рога; = врагъ); до́вг (род. до́вгу; = долгъ); гу́к (род. гу́ка; = гуль, шумъ; зват. только гу́ку!); непри́хїл[ь]ник (= педоброжелатель, непріятель); цьва́х или цьва́х (род. цьва́ху; = гвоздь); ска́рбївнїк или ска́рбпик (род. ска́рбївнїка́, ска́рбника; = казначей); бік (род. бо́ку; = сторона); ву́лік (род. ву́ліка; = улей; зват. только ву́ліку!); горі́х (= орѣхъ), горі́х (= горохъ); ре́пїх (= репейникъ); Ля́х (ляхъ, полякъ).

в) Можно бы сказать, что по этому образцу склоняются вообще всѣ имена муж. р. съ окончаніемъ *к, г, х*, если бы дѣло не осложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что къ образованію зват. падежа ед. ч. на *е* и мѣстн. ед. на *ї* способны не всѣ имена, оканчивающіяся въ имен. падежѣ на *к, г, х*. Мы ужъ и указали въ скобкахъ, что, напр., отъ «гукъ» и «вулікъ» нѣтъ зват. падежа «гуче» и «вуліче», а есть только: «гу́ку! ву́ліку!»; да и формы «горіше! реп'яше!» не могутъ считаться вполне обычными,—чаще мы слышимъ: «горі́ху! реп'я́ху!» Мѣстн. пад. на *ї*, тѣмъ не менѣе, эти мѣ четыремъ именамъ свойственъ («в горі́сї, в реп'я́сї, въ тім гу́цї», изрѣдка и «в тім ву́ліцї» при обычномъ «в ву́ліку»), а то вѣдь есть имена на заднебную, одновременно лишеныя какъ зват. падежа на *е*, такъ и мѣстнаго на *ї*. Напр., отъ мішóк (род. мішóка), пісóк (род. пісóку)¹⁾, кутóк (род. кутка; = уголъ), вїпáдок (род.

¹⁾ Звукъ *ї* въ словѣ пісóк происходитъ изъ *ѣ*; срв. и польски *piasek*, гдѣ *ia* = *ѣ*. Начертаніе „лѣсьєъ“ мы находимъ
УКРАИНСКАЯ ГРАММАТИКА, т. II. 4

в іпадеу; = случай), гуртѡк (=гуртѡа; = кружокъ, лучка) и вообще отъ многихъ другихъ уменьшительныхъ именъ на *ок* и *ѡок*, теряющихъ звукъ *о* въ косвенныхъ падежахъ, извѣстны формы звательнаго и мѣстнаго падежа ед. ч. исключительно со звукомъ *у* или—для мѣстнаго падежа—также съ окончаніемъ *ові*, но не съ окончаніями *е* и *ї*. Такъ, зв. пад.—только «мішкѹ!», мѣстн. «в мішкѹ, в мішкѡві» (но не «в мішці»); зв. пад.—только «куткѹ!», мѣстн.—«в куткѹ, в куткѡві» (но не «в кутці»), и пр., и пр. Многія уменьшительныя на *ик* подчиняются тому же явленію; напр., отъ хлопчикѹ (=мальчикъ) нѣтъ зват. падежа «хлопчиче» (есть только «хлопчичѹ!») и нѣтъ мѣстнаго «на хлопчичі» (есть лишь «на хлопчичѡві» и «на хлопчичѹ»); но въ то же время слово цебриѹк (=ушадь, нѣм. Zubrig), являющееся для народнаго сознанія уменьшительной формой отъ цебѣр (=большой ушадь; нѣм. Zuber), имѣеть въ мѣстн. падежѣ не только формы: «в цебрикѹ» и «в цебрикѡві», но и «в цебриці». Нѣтъ грамматическихъ способовъ—распознавать имена на заднебную, имѣющія всѣ флексіи, отъ именъ, не имѣющихъ флексій *е* и *ї*. Такое знаніе дается только практикой.

§ 20. О склоненіи именъ мужескаго рода твердаго различія, оканчивающихся не на заднебный звукъ.

а) Гораздо проще склоняются по этому же образцу всѣ имена м. р., конечная согласная которыхъ не есть заднебная (т.е. не *г*, *к*, *х*). Для ихъ склоненія надо просто присоединять падежныя окончанія къ формѣ именительнаго

и въ старыхъ памятникахъ церковно-славянскихъ, и въ старомалорусскихъ (напр. въ киевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года, л. 59), и въ старомалорусскихъ (напр., въ новгородскихъ Пандектахъ Автіоха XI в., л. 58; въ новгор. Остромировомъ Евангеліи 1056—1057 г., Матѣ. VII, 26). Официальная русская орфографія „песокъ“ есть простая ошибка.

падажа. Напр., отъ дуб косвенные падежи будутъ: дуб-а, дуб-ові, дуб-е! дуб-ом, на дуб-і и т. д. Точно такъ же, напримѣръ, отъ горѳд (=огородъ, садъ) зват. пад. будетъ горѳде, мѣст. на горѳді; отъ лев (=левъ) род. пад. лѣва, дат. лѣвові, зват. лѣве, мѣстн. в лѣві, мн. ч. лѣві, и т. п.

б) Бѳльшее затрудненіе могутъ представлять въ этомъ своемъ склоненіи тѣ слова, въ которыхъ происходитъ знаменитое малорусское чередованіе звуковъ *о* и *е* со звукомъ *і*. Напр., отъ Антіи (=Антонъ) косвенные падежи образуются такъ: Антіона, Антіонові, Антіоне! Антіоном, на Антіоні (на Антіонові) и пр., уже безъ *і*. Отъ овѣс (=овесь) косвенные падежи—вѣвса, вѣвсові, (вин.) овѣс, (зват.) вѣвсѣ! вѣвсом, у вѣвсі, и пр. См. § 17, а.

в) Дѣло склоненія этой послѣдней категоріи словъ еще болѣе иногда осложняется, если въ послѣднемъ слогѣ склоняемаго существительнаго имѣется шипящій согласный звукъ, а послѣ него—гласный звукъ *е*. Такъ, отъ вѣчѣр (=вечеръ) косвенные падежи будутъ имѣть каждый слѣдующую форму: вѣчѣра, вѣчѣрові (рѣже вѣчѣрові), (вин.) вѣчѣр, вѣчѣре! вѣчѣром, у вѣчѣрѣ (или в вѣчѣрѣ).

г) Много общаго съ этимъ случаемъ склоненія имѣетъ склоненіе именъ городовъ, мѣстечекъ и селъ на *ів*, но оно еще болѣе осложнено перекрестнымъ влияніемъ формъ прилагательныхъ именъ, такъ что мы склоненіе именъ городовъ на *ів* выдѣлимъ въ совершенно особую группу, которую помѣстимъ ниже (см. урокъ 3-й).

§ 21. Примѣчаніе I. О переходномъ смягченіи заднеязычныхъ.

а) Какъ мы могли убѣдиться изъ вышенприведенныхъ примѣровъ склоненія именъ: козѣв, дугъ и кожѣхъ, тѣ существительныя, тема которыхъ оканчивается на заднеязычную (*з*, *к*, *х*), обязательно смягчаютъ эту свою согласную въ *з*, *ц*, *с* передъ звукомъ *і* въ мѣстномъ падежѣ

единств. числа (в *лугѣ*, на *козаці*, в *кожусі*)¹⁾. Въ русскомъ языкѣ такое смягченіе отсутствуетъ (по-русски говорится: о *лугѣ*, о *казахѣ*, о *кожухѣ*); по-малорусски же смягченіе въ данномъ случаѣ—обязательно; сказать «в *лугі*, на *козакі*, в *кожухі*» ни въ какомъ случаѣ нельзя. Въ этомъ отношеніи малорусскій языкъ сохранилъ свою исконную (напр., кievско-лѣтописную) архаичность; вѣдь и въ лѣтописномъ малорусскомъ (напр., домонгольско-кievскомъ) языкѣ звуки г, к, х обязательно смягчались въ з, ц, с передъ ѣ.

б) Надо помнить, что такое переходное смягченіе совершается именно только передъ тѣмъ малорусскимъ звукомъ *і*, который происходитъ изъ стариннаго ѣ; а если малорусскій звукъ *і* происходитъ не изъ ѣ, то переходное смягченіе не имѣетъ мѣста (срв. род. мн. *кожухів* = *кожуховѣ*).

в) Равнымъ образомъ нѣтъ у малоруссовъ переходнаго смягченія въ им. падежѣ множ. числа (срв. современное мр. *кожухи* при кievскомъ домонгольскомъ *кожууси*); это потому, что современное малорусское *кожухі* (им. и вин. мн.) есть по своему историческому происхожденію (стр. 38) форма вовсе не именительнаго, а винительнаго падежа, съ окончаніемъ *зі*, замѣнившая собою старинную форму падежа именительнаго (она происходитъ не изъ *кожууси*, а есть она кievское домонгольское *кожуухзі*); ну, а вѣдь передъ твердымъ звукомъ *зі* заднебныя не могутъ смягчаться²⁾.

¹⁾ но, конечно, не передъ флексіями *у* и *ові*, которыя тоже вообще для мѣстнаго падежа употребительны, а въ иныхъ существительныхъ—употребительны даже исключительно. См. § 19, в.

²⁾ Лишь въ очень немногихъ словахъ (въ чуть-чуть видоизмѣненномъ видѣ) донинѣ сохранилась въ вост.-мр. нарѣчіи прамалорусская кievско-лѣтописная форма дѣйствительно им. падежа множ. ч. (напр., отъ „д р у г“ = другъ имѣется форма им. пад. мн. числа: *д р у з і*); объ этомъ рѣчь ниже. — Замѣна именит. падежа мн. числа формою винит. падежа медленно началась у восточныхъ малоруссовъ еще въ XI вѣкѣ (срв. въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года: *т р и* (вин. пад.) вмѣсто ожидаемаго им. п. *т р и е* (л. 168); но въ обычай входитъ такая пуганица падежей лишь въ послѣмонгольскій періодъ.

г) Мы видѣли также, что тѣ же заднебныя *з, к, х* передъ окончаніемъ *е* въ зват. падежѣ ед. ч. смягчаются въ *ж, ч, ш*, — словомъ, такъ же, какъ это водилось и въ домонгольскомъ кіевскомъ языкѣ. Но совершенно понятно, что такое переходное смягченіе случается въ зват. падежѣ только тогда, когда зват. падежъ дѣйствительно оканчивается на *е* (кожѹш-е! козѹче! лѹж-е!). Если же зват. пад. оканчивается на *у*, то звуки *з, к, х* остаются неизмѣнными (кожѹх-у! козак-ѹ! лѹх-у!).

§ 22. Примѣчаніе II. Род. ед. неодушевленныхъ въ роли винительнаго.

а) Винительный падежъ единств. числа существительныхъ неодушевленныхъ, который по-русски непремѣнно сходенъ съ именительнымъ, по-малорусски можетъ быть и не сходенъ. Даже напротивъ: украинскій малоруссъ чаще предпочтетъ сказать, положимъ: «я забравъ свого кожѹх» (=я взялъ свой тулупъ), чѣмъ сказать: «я забравъ свѣй кожѹх» (что однако также въ ходу).

б) Явленіе это въ восточно-малорусскомъ нарѣчїи извѣстно и въ домонгольскую эпоху, напримѣръ, въ «Словѣ о Патку Игоревѣ»¹⁾; извѣстно оно и въ начальную монгольскую эпоху; напр., въ Рязанской Кормчей 1284 года, переписанной съ кіевского оригинала, мы находимъ типичное выраженіе: «повелѣваете носа урѣзати» (л. 47); слѣдовательно, въ этомъ видѣть теперь полонизмъ никакъ нельзя. Да и въ зап.-вр. памятникахъ мы это видимъ изстари, раньше возможности какихъ-либо польскихъ вліаній. Такъ, въ галицкомъ Ев. 1144 г. встрѣчается: «Тако бо възлюбїи Б[о]г[ъ] всего мира», см. каноническаго «всь миръ». Въ Ев. 1283 г. «понести сапога его» (л. 124 об.), «имать живота вѣчнаю» (л. 6) и пр.

в) По своей внѣшней формѣ этотъ винительный падежъ ед. числа (оканчивающійся на *а*) есть въ сущности не что

¹⁾ Тамъ даже средній родъ подчиняется этому правилу: „по-остри сердца своего“.

инное, какъ родительный. Но извѣстное отличіе отъ синтаксически-сознательнаго родительнаго падежа онъ все же имѣеть. Именно, въ формахъ синтаксически-родительнаго падежа допустимо, у многихъ существительныхъ, чередование окончаній *а* и *у* (напр., з тво́го лúга и з тво́го лúгу = изъ твоей рощицы) ¹⁾, тогда какъ винит. падежъ, какъ таковой, никогда не можетъ имѣть окончанія *у*, но только окончаніе *а* (побáчив луга = увидѣлъ рощицу). Отъ «той папір» (= та бумага) родительный падежъ безразлично будетъ тогó папéра и тогó папéру; но винительный (если, конечно, мы не употребимъ его въ формѣ падежа именительнаго) будетъ оканчиваться исключительно на *а*: «я взяв того папéра» (= я взялъ ту бумагу; то же, что «я взяв той папір»). Въ случаѣ же если мы скажемъ: «я взяв тогó папéру», то это у насъ будетъ по синтаксису ужъ не винительный падежъ, а сознательный родительный, именно—родительный раздѣлительный (= я взялъ той бумаги, т.е. взялъ нѣкоторую часть изъ той бумаги).

§ 23. Прии́зчаніе III. Вин. мн. одушевленныхъ, сходный съ именительнымъ мн.

а) Винительный падежъ множественнаго числа существительныхъ одушевленныхъ въ русскомъ языкѣ непремѣнно сходенъ по своей формѣ съ род. падежемъ, въ противность старорусскому языку. Въ малорусскомъ же языкѣ мы въ этомъ отношеніи видимъ гораздо больше архаичности.

б) Прежде всего, если существительныя одушевленныя будутъ не люди, а животныя, то обыкновенно въ такихъ случаяхъ малорусскій языкъ всегда сохраняетъ старинную форму винит. падежа на *и* (= *ѣи*); сходную съ нынѣшней формой падежа именительнаго; такъ, говорится: я спини́в

¹⁾ Когда въ родительномъ пад. должно быть окончаніе *а*, а когда *у*, объ этомъ рѣчь въ особомъ урокъ, подъ рубрикой „Родительный падежъ“.

волі (=я остановилъ воловъ), він погна́в барани́ (=онъ погналъ барановъ), или, по ижевому склоненію: про́да́в ко́ні (=продалъ лошадей, коней) и т. п., — словомъ, говорится и теперь такъ же, какъ говорилося въ кievской домонгольской рѣчи. Правда, восточно-малорусское нарѣчіе допускаетъ въ этихъ случаяхъ и форму падежа родительнаго, такъ что не будетъ ошибкою сказать: погна́в барани́в, спи́нiв воли́в; но этотъ оборотъ употребляется гораздо рѣже ¹⁾.

в) Иное дѣло, если рѣчь идетъ о людяхъ: тогда формой винительнаго падежа мн. ч. бываетъ въ подавляющей массѣ форма пад. родительнаго: бачу козакiв (=вижу казаковъ; а не «бачу козакi»). Однако и въ этихъ случаяхъ малорусскій языкъ проявляетъ все же большую архаичность, чѣмъ русскій. А именно: какъ только множ. число предметовъ одушевленныхъ заключаетъ въ себѣ смыслъ обобщительно-сбирательный, какъ бы нѣсколько отвлеченный, то винит. падежъ можетъ имѣть форму на и (=стар. и) и не быть сходенъ съ родительнымъ падежемъ. Срв. він держи́ть найми́ти (=онъ держитъ батраковъ), візьми́ два звiщики (=возьми двухъ извозчиковъ), офіце́р забра́в із собою́ три салда́ти (офицеръ взялъ съ собою́ трехъ солдатъ) ²⁾ и т. п., — параллельно впрочемъ съ «держи́ть найми́ти́в», «візьми́ дво́х звiщики́в», «забра́в тро́х салда́ти́в».

г) Довольно часто вин. мн. одушевленныхъ сходенъ бываетъ съ им. мн. въ томъ случаѣ, когда играетъ смысловую роль подлежащаго въ безлично-страдательныхъ предложеніяхъ. Дѣло въ томъ, что у малоруссовъ (и бѣлоруссовъ) изстари существуетъ особый, очень любимый оборотъ,

¹⁾ А въ западно-малорусскомъ нарѣчiи обыкновенно и не говорятъ: спи́нiв воли́в, — говорятъ почти исключительно: спи́нiв воли́.

²⁾ Послѣ числительныхъ два, три, чоти́ри по-малорусски ставится не род. ед., въ противность тому, что мы видимъ у русскихъ, а ставится мн. ч.

неизвѣстный русскимъ, по которому подлежащее страдательнаго предложенія ставится въ падежѣ винительномъ, а сказуемое—въ среднемъ родѣ. По документамъ, старѣйшій примѣръ такого синтаксиса — это, сколько мнѣ помнится, фраза въ грамотѣ 1264 года Гердена, кн. Полоцкаго и Витебскаго, о заключеніи мира съ Рюгою: «Сию грамо[ту] тогда нап[и]сано, воли»... ¹⁾, означающая: «эта грамота тогда написана, когда»... Подобнымъ образомъ малоруссы и донынѣ любятъ говорить: «Коло хати нагорняцо (иначе: нагорпѹто) кѹпу сьнѣгу» (= Возлѣ дома навалена куча снѣга), «За моѣ жыто—менѣ й побѣто» (= за мою рожь я же и избитъ; послов.), «зарѣвано чоловѣка» (= зарѣзанъ мужичка), «Всѣ грѣши вѣтрачено» (= Все деньги истрачены), и т. п.; срв. еще и при возвратномъ залогѣ: «А корѡву привѣзуеться до кілѡчка» (= А корова привязывается къ колышку). И вотъ при такомъ оборотѣ вин. мн. одушевленныхъ можетъ частенько быть сходенъ съ именительнымъ, а не только съ родительнымъ. Можно, напр., сказать не только: «Тих чоловѣкѣс кѣпучо в ѣмучу» (= тѣ мужичины брошены въ яму), но и «тѣ чоловѣки кѣпучо в ѣмучу». Или вотъ еще примѣры, прямо взятые нами изъ газеты: «Вбѣто два водолази, що працювали» ²⁾, т. е. «убиты два водолаза, которые работали»; «на вѹлицѣ арештовано два стрѣльци» ³⁾, т. е. «на улицѣ арестованы два стрѣлка», вмѣсто чего можно, копечю, сказать также: «Арештовано двоѡх стрѣлцѣс», «вбѣто двоѡх водолазѣс», и т. д.

д) Въ особенности часто такая форма вин. мн. употребляется послѣ предлоговъ, управляющихъ вин. падежемъ

¹⁾ Издана у К. Навьерскаго: „Грамоты, касающіяся до сношеній сѣв.-зап. Россіи съ Рюгою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV в. СПБ. 1857 (изд. Археограф. комиссія), № II, а, Дошла до насъ грамота Гердена въ спискѣ XIII—XIV в., нѣсколько неудачномъ.

²⁾ „Громадська Думка“ 1906, № 171, стр. 4.

³⁾ „Громадська Думка“ 1906, № 189, стр. 2.

(срв. даже по-русски: «взять въ солдаты»); напрымѣрь, пішо́в поміж козака́и (= пошелъ въ среду козачества, букв. «между казаковъ»), или срв. по мягкому различію того же муж. склоненія: його́ забира́ють у моска́лі (= его берутъ въ солдаты), одда́в гро́ші на старці́ (= отдалъ деньги на нищихъ).

§ 24. Винит. пад. послѣ глагола съ отрицаніемъ *не*.

Заговоривши о случаяхъ смѣшенія формъ родительнаго и винительнаго падежей и о разницѣ, въ этомъ отношеніи, между языкомъ малорусскимъ и русскимъ, можемъ отмѣтить, что отрицаніе «не» при глаголахъ, которое въ русскомъ языкѣ влечетъ за собою постановку дополненія въ падежѣ родительномъ вмѣсто ожидаемаго винительнаго, въ языкѣ малорусскомъ не имѣетъ такой же обязательной силы. По малорусски можно сказать безразлично: «я *не беру́* з собою кожѹхъ», какъ и «я *не беру́* з собою кожѹха (= я не беру съ собой тулупа), «мої листі́ вѣн *не чита́е*» и «мої́х листі́в вѣн *не чита́е*» (= моихъ писемъ онъ не читаетъ).

Безразличное правило это, скажемъ мимоходомъ, отпоситя не только къ существительнымъ рода мужскаго, по и къ существительнымъ рода женскаго и средняго (склоненіе которыхъ мы изучимъ впослѣдствіи); срв. не пере́кручу́й мої слова́ (= не извращай моихъ словъ), свою́ жѣнку я ні́коли й не ба́чу (= своей жены я никогда и не вижу).

II.

Ба́тько. Ді́про.

§ 25. Склоненіе именъ мужскаго рода съ окончаніемъ *о*.

а) У русскихъ это склоненіе теперь почти отсутствуетъ— даже въ діалектахъ простонародныхъ, не говоря ужъ о литературномъ языкѣ, гдѣ оно и вовсе недопустимо. Вмѣсто стараго окончанія им. пад. *о* мы у русскихъ обыкновенно

слышимъ окончаніе *a* (т. е. такое же, какъ и въ ж. р.), не исключая и нарѣчій окающихъ, и склоняются такія имена въ русскомъ языкѣ по склоненію женскому («у Гаврилы, къ Гаврилъ, съ Гаврилою» и пр.); началось это у русскихъ понемногу еще съ XIII вѣка ¹⁾. Нѣчто подобное замѣчаемъ мы и у поляковъ, которые, напримѣръ, малорусскую фамилію «Шевченко» (Szewczenko) тоже считаютъ возможнымъ переводить въ разрядъ женскаго склоненія (bez Szewczenki, dać Szewczence). Малорусскій же языкъ строго сохраняетъ за именами на *o* ихъ форму склоненія мужескую, и переходъ ихъ въ склоненіе женское ни въ какомъ случаѣ не допускается.

б) Еще въ самую старую эпоху предки малоруссовъ очень любили мужескія имена на *o*, въ особенности уменьшительную форму съ окончаніемъ *ko*. Спутники варяжскихъ кievскихъ князей X-го вѣка, княжившихъ надъ предками восточныхъ малоруссовъ, носили уменьшительныя имена на *ko* (напр. «Синько», упомываемый въ договорѣ Игоря съ греками въ 945 г.; «Варяжко» — у Ярополка въ 980 г.); въ княжеской семьѣ дома Владиміра Святого имена эти были изъ числа самыхъ обычныхъ («Василько», «Володимерько» и прочія, пестряція въ лѣтописи). Дядя назывался въ лѣтописный періодъ уменьшительно: «дядько»; — и въ лѣтописи, по разнымъ спискамъ, можно прочесть: «И рече Свидидь Исмудъ дяд[ь]ко ег[о]»; «С[ъ]вѣтъ с[ъ]твори с Мирославомъ и с дядькомъ» (это второе — въ Ипат. лѣт., подъ 6710 = 1202 г.). Любовь нашихъ предковъ къ именамъ на *o* сдѣлала то, что и греческія имена, переходившія въ Кіевъ съ христіанствомъ,

¹⁾ Въ духовной новгородца Климента, написанной раньше 1270-го года, находимъ: „А и(с) свиней из моихъ Самуилъ дайте боровъ лутьшнѣ“, хотя въ этой же грамотѣ село названо „Самуиловское“. Болѣе ранніе новгородскіе примѣры, — напр., въ новгор. Миней 1096 года: „рабу своему Дъмькѣ“, — неубѣдительны и могутъ свидѣтельствовать только о древности формы муж. именъ на *ka*, но еще не о переходѣ склоненія именъ на *o* въ разрядъ женскаго склоненія.

приобрѣтали окончаніе им. пад. о: Марк^о (наряду съ церк.-слав. «Маркѣ»), Кирил^о (наряду съ церк. «Кирилѣ»), Михаил^о (наряду съ церк. «Михаилѣ»), Самуил^о, или Самоил^о (наряду съ церк. «Самуилѣ»), Петро и Павл^о (рядомъ съ церк. «Петръ и Павлѣ») и т. п. Форма эта настолько не считалась вульгарной, что даже книжники-монахи Киево-Печерскаго монастыря вносили имена своихъ нетлѣнныхъ угодниковъ въ святцы и въ Патерикъ какъ разъ съ окончаніемъ о, а не съ церковно-священнымъ окончаніемъ ѣ; такъ, одинъ изъ наиболѣе мощныхъ кіевскихъ угодниковъ, голосу котораго покорно повиновались даже мертвые трупы, титулуется и въ святцахъ и въ Патерикѣ: «Марк^о печерникъ».

Въ послѣдмонгольскій періодъ, въ то время какъ у русскихъ имена на о исчезали все сильнѣе и сильнѣе, у малоруссовъ число ихъ разрасталось все больше и больше. Это особенно замѣчается по малорусскимъ грамотамъ XIV—XV в. Даже какое-нибудь польское «marszałek» обращалось у малорусскихъ вельможъ въ «маршалк^о», такъ что, напр., вел. кн. кіевскій Швидригайло, давая въ Луцкѣ въ 1445 г. жалованную грамоту шляхетнымъ Чоботамъ, объявлялъ въ ней, что свидѣтелями были: «князь [ъ] Михаило Чорторинскии, маршалк^о нашъ» и «пав[ъ] Бернатъ, маршалк^о».

в) Въ и. вр. количество малорусскихъ именъ существительныхъ муж. р. съ окончаніемъ о—громадно. Склоненіе ихъ очень немногимъ отличается отъ мужскаго склоненія на согласную, типа «козакъ». Для образца мы просклоняемъ три имени предметовъ одушевленныхъ. Одно—на а о: м і - н і й л о (=мѣняла), другое—просто на о: б а т ь к о (=отець), третье—на ё н к о (какъ образецъ частыхъ малорусскихъ фамилій). Кроме того просклоняемъ имя предмета неодушевленнаго—Д н і п р о (=рѣка Днѣпръ), наиболѣе богатое надежными флексіями.

Единственное число (О д н и н а).

І. Им. м і н і й л о
б а т ь к о

- Шевчѣнк-о
Дніпрó
- II. Род. міняйла-а
батьк-а
Шевчѣнк-а
Дніпр-а
- III. Дат. міняйла-ові (крайне рѣдко міняйла-у)
батьк-ові (крайне рѣдко батьк-у)
Шевчѣнк-ові (крайне рѣдко Шевчѣнк-у) ¹⁾
Дніпр-ові (крайне рѣдко Дніпр-у)
- IV. Внн. міняйла-а
батьк-а
Шевчѣнк-а
Дніпр-ó (NB).
- V. Зв. міняйла-е!
батьк-у!
Шевчѣнк-у!
Дніпр-е или Дніпр-у!
- VI. Ор. міняйла-ом
батьк-ом
Шевчѣнк-ом
Дніпр-óm
- VII. Мѣст. на міняйла-і, на міняйла-ові
на батьк-ові (рѣже на батьк-у)
на Шевчѣнк-ові (рѣже на Шевчѣнц-і,
на Шевчѣнк-у)
на Дніпр-і, на Дніпр-ові, на Дніпр-у

Множ. число (Множина).

- I. Им. міняйла-а (рѣже міняйла-і)
батьк-і ²⁾

¹⁾ Но не Шевчѣнцї, какъ слышится иногда въ зап.-мр. нарѣчїи подь польскимъ вліяніємъ.

²⁾ Слово батькї значить не только „отцы“, но и „родители“, т.-е. отецъ съ матерью, напр., він живє в батькїв (=онъ живеть у родителей), мої батькї вже старі (=мои родители)

- Шевчѣнк-й
Дніпр-й (въ смыслѣ нарицательномъ)
- II. Род. мінййл-ів
батьк-ів
Шевчѣнк-ів
Дніпр-ів
- III. Дат. мінййл-ам
батьк-ам
Шевчѣнк-ам
Дніпр-ам
- IV. Вин. мінййл-ів (рѣдко мінййл-а)
батьк-ів (рѣдко батьк-й)
Шевчѣнк-ів (рѣдко Шевчѣнк-й)
Дніпр-й
- V. Зв. мінййл-а! (рѣдко мінййл-й!)
батьк-й!
Шевчѣнк-й!
Дніпр-й!
- VI. Ор. мінййл-ами
батьк-ами
Шевчѣнк-ами
Дніпр-ами
- VII. Мѣст. на мінййл-ах
на батьк-ах
на Шевчѣнк-ах
на Дніпр-ах.

§ 26. За мѣчанія.

а) Вин. ед. неодушевленныхъ.

Имя «Дніпрѣ» относится къ рѣкѣ, т.-е. къ предмету неодушевленному. Такихъ именъ, какъ Дніпрѣ (т.-е. пред-

уже стары). Интересно, что такое же словоупотребленіе свойственно и восточнымъ языкамъ; между прочимъ у арабовъ отецъ съ матерью называются двойств. числомъ: аль-абавайн **الابوان** (буквально: „два отца“, или „оба отца“) = родители. (Ед. ч. **أب** аб = отецъ).

метовъ неодушевленныхъ съ окончаніемъ *о*),¹⁾ имѣется очень немного въ муж. родѣ. Относится сюда еще Псло (=р. Пселъ). Но наряду съ другимъ такимъ же именемъ Дністрó (=Днѣстръ) существуетъ болѣе частая форма: Дністѣр, а имя рѣки Вóрскало чаще склоняется по женскому склоненію.

Отличительная особенность склоненія Дніпрó — это, какъ мы видѣли, сходство вин. падежа съ именительнымъ (напр. їду на Дніпрó=ѣду на Днѣпръ). Такимъ же образомъ говорится: на наш Псло (=на нашъ Пселъ); по за Вóрскало (=по ту сторону Ворсклы).

β) Обиліе флексій у именъ «Дніпрó» и «сябрó».

Изъ склоненія имени «Дніпрó» мы ужъ видѣли, что оно (а съ нимъ, кстати сказать, имена еще двухъ рѣкъ: «Днѣстрó» и «Псло») способно къ наибольшему количеству чередующихся падежныхъ флексій зв. ед. и мѣст. ед., тогда какъ другія существительныя м. р. съ окончаніемъ *о* имѣютъ въ зват. падежѣ лишь одну изъ двухъ возможныхъ флексій, а въ мѣстномъ — лишь двѣ изъ трехъ возможныхъ флексій. А именно: у названій рѣкъ мѣстн. падежъ можетъ (и это чаще) оканчиваться на *і* (на Дніпрі), а сверхъ того — имѣть флексіи *ові* и *у* (присущія склоненію вообще всѣхъ прочихъ именъ муж. рода съ окончаніемъ на *о*). Зват. падежъ оканчивается и на *е*, и на *у* (Дніпре! Дніпру).

Къ типу склоненія неодушевленнаго «Дніпрó» подходит, по возможному обилію флексій, полтавское имя парцательное одушевленнаго предмета: сябрó (=соучастникъ въ предпріятіи, — то же, что общепр. «спіа[б]няк»), оканчивающееся такъ же на *ро*²⁾. Отличается его склоненіе

¹⁾ Неодушевленныя на *о* обыкновенно относятся къ роду среднему и склоняются по парадигмѣ рода среднего (какъ відрó, селó и пр.).

²⁾ Однако имена собственныя на *ро* (напр. Петрó, Митрó) вовсе не относятся къ обильнофлексійнымъ; см. ниже, рубрику δ.

отъ склоненія «Дніпрѣ», естественно, формой падежа винительнаго (сходнаго съ родительнымъ: сѣбр-а); но въ зват. падежѣ оно такъ же оканчивается, — по желанію, — или на е, или на у (сѣбр-е! сѣбр-у), и въ мѣстномъ падежѣ чередуются въ немъ всѣ три флексіи («на сѣбр-і, на сѣбр-ѣві, на сѣбр-у»).

γ) Имена м. р. на *ло*: «мнѣй-ло» и др.

Этотъ типъ имѣетъ форму звательнаго падежа только съ окончаніемъ *е*, напр., мнѣй-е! (Я не имѣю свѣдѣній, чтобы гдѣ-нибудь въ вост.-мр. нарѣчіи существовалъ зват. пад. «мнѣй-ду!») ¹⁾. Ихъ мѣстный падежъ тоже можетъ (и это чаще) оканчиваться на *і* (на мнѣй-і).

Такихъ именъ на *ло* — много, потому что они образуются отъ большинства глагольныхъ корней; срв. купай-ло (= Купало, Иванъ Креститель), дурій-ло (= обманщикъ), викидай-ло (= вышибала), Покотій-ло (= фамилія) и т. п.

Сюда же относятся некалендарныя и крестныя личныя имена, такія, какъ Чурій-ло, или Квирій-ло (= Кириллъ) ²⁾, Корнію-ло (= Корнелій, Корнелій), и пр.; но въ этихъ — имен. падежѣ мн. числа ужъ не образуется на *а*, — только на *и*. При случаѣ сдѣлаемъ разъ навсегда общее замѣчаніе, что въ этомъ склоненіи множ. число на *а* ³⁾ свойственно исключительно нарицательнымъ именамъ на *ло* (напр., всѣ мнѣй-ла = всѣ мѣнялы); остальные имена

¹⁾ Онъ рѣдокъ съ окончаніемъ *у* и въ зап.-мр. нарѣчіи, хотя стариненъ. Такъ, въ (Христинопольскомъ?) Апостолѣ XII—XIII в., встрѣчается зват. падежъ: Корніюу! (Срв. отчетъ о 32-мъ при-суд. награды гр. Уварова, стр. 235.)

²⁾ Фонема „Чурило“ (болѣе старая — „Чюрило“) возникла изъ старинной формы имени „Кюрило“. Срв. такое же смягченіе звука *к* въ звукъ *ч* въ имени „Ничипір“ (изъ „Никифоръ“).

³⁾ Заимствовано оно изъ склоненія именъ средняго рода съ такимъ же окончаніемъ *ло*. Срв. отъ „селѣ“ форму мн. ч.: „сѣла“.

муж. рода, разъ окапчиваются на *о*, имѣютъ форму множ. числа лишь на *и* (усі́ батьк-і́, усі́ Петр-і́, усі́ тат-і́—всѣ родители, всѣ Петры, всѣ батюшки). Да и отъ имени типа *мінiя йло* нарѣдка допускается въ вост.-мр. нарѣчiи мн. число *мінiя йл-і́* (чаще—съ ударенiемъ на концѣ, которое проходитъ затѣмъ и по всѣмъ косвеннымъ падежамъ) ¹⁾. Обыкновенно эта форма (*Мінiя йл-і́*) примѣняется тогда, когда имена типа «*мінiя йло*» бываютъ вост.-мр. фамиліями.

д) Имена собственныя съ ударнымъ окончанiемъ *о* (по не съ окончанiемъ *ю* или *ю*).

По своему звательному падежу они примыкаютъ къ *мінiя йло* и къ *Кири́ло*. Такъ, *Павло́* (= Павелъ), *Петро́* (= Петръ), *Митро́* (= Димитрій), *Карпо́* (= Карпъ) имѣютъ зв. падежъ: *Павле! Пётре! Митре! Карпе!* Но мѣстный ужъ не на *і*, а на *ові*: на *Павло́ви*, на *Петро́ви*, на *Митро́ви*, на *Карпо́ви* ²⁾.

Заслуживаетъ вниманiя, по своему ударенiю, ихъ родит. падежъ послѣ предлоговъ съ пропущеннымъ и подразуимѣваемымъ словомъ: «празникъ» или «день свв.». Такъ, говорится: на *Пётра й Пávла* (= въ день свв. Петра и Павла); на *Мітра* (= въ день св. Димитрія) ³⁾; на *Кáрпа* (= въ день св. Карпа); під *Мітра* (= наканунѣ св. Димитрія); од *Пётра* (= отъ дня св. Петра); з *Пётра*

¹⁾ Въ зап.-мр. нарѣчiи форма им. мн. *мінiя йл-и* является даже господствующей.

²⁾ Мѣстный же на *у* (напр., на *Митру́*) слышится такъ рѣдко, что я его даже вовсе не помѣстилъ въ парадигмѣ.

³⁾ Мѣстами говорится, замѣтнмъ кстати, еще „на *Гмітра*“ (напр., въ Киевщинѣ). Это—вѣсто „на *Дьмитра*“. Восточно-малорусское нарѣчiе, да и западно-малорусское, отъ самыхъ старинныхъ временъ смѣшивало мягкіе *дъ* и *ь*, *ть* и *хъ*. Срв. лѣтописно-киевское „Дюрдiй“ и „Гюргiй“ (= Георгiй) и старогалицкое „Дюрдiй“ (напр., въ буковинской грамотѣ 1471 г. воеводы Стефана Великаго, над. въ 32-мъ присуд. наградѣ гр. Уварова). См. ч. I, § 14, в.

можно полювати» (= съ Петрова дня можно охотиться). Если же нѣтъ пропущеннаго слова «дешь», то удареніе не мѣняется; срв. ць о́г о́ ко́ж у́ х а (=вин. пад.) ш и́т о (ср.р.—безлпчно) на Пе́т р а́ (=этотъ тулупъ шить на Петра, т.-е. для Петра, но мѣркѣ Петра) и ць о́г о́ ко́ж у́ х а ш и́т о на Пе́т р а (=этотъ тулупъ шить въ день св. Петра) ¹⁾.

е) Прочія имена муж. р. на о (на ко, то, но и т. п.).

Всѣ прочія (многочисленные) имена муж. р. на о скло-няются, какъ б а́ т ь о.

Слѣдовательно ихъ зват. падежъ оканчивается лишь на у: Анд р і́ й к у! (=Андрюша!), со л о в е́ й к у! (=соловей! соловушко!), т а́ т у! (=папѣ! батюшка!), Гри́ ц ь к у́! (=Гриша! Григорій!), Са х н у́! (=Александръ!) ²⁾.

Множ. число, какъ выше указано,—только на и: Анд р і́ й к -и, со л о в е́ й к -и, т а́ т -и, Гри́ ц ь к -и́, Ми х н -и́.

Мѣстн. пад. ед. ч. бываетъ съ окончаніемъ о́ в і, или, преимущественно при флексійной ударности,—также съ окончаніемъ у: на Гри́ ц ь к о́ в і, на Гри́ ц ь к у́; однако—только на т а́ т о в і (нѣтъ «на тату»). Мѣстный пад. на і (=ѣ) имѣется, да и то рѣдко, у обильныхъ существительныхъ на ёнко: на Шевчѣнці (чаще же на Шевчѣнкові; изрѣдка еще—на Шевчѣнку).

Словъ м. р. на ко есть множество. Сверхъ уменьшительныхъ сюда относятся отглагольные, соотвѣтствующія русскимъ существительнымъ на тель и на унѣ. Напр., х в а́ л ь к о́ (=хвастунъ), б р е́ ш в о́ (=врунъ), «б у́ д ь к о́» (специально пословичное существительное со смысломъ «реалистъ», «дѣлецъ») и т. п.

¹⁾ О вин. падежѣ подлежащаго при сказуемомъ страдательномъ средняго рода—см. выше § 23, д.

²⁾ Собственно говоря, имена м. р. на но только въ сѣв.-малорусскихъ говорахъ имѣютъ значеніе ласкательныхъ личныхъ именъ: Са х н о́ (=Александръ), Ми х н о́ (=Михаилъ), Пи х н о́ (=Петръ), О л е х н о́ (=Алексѣй или Александръ) и т. п. Въ Наддѣпряниинѣ же центральной эти формы извѣстны лишь какъ фамиліи.

С) Имена на *ю*.

Нельзя здѣсь не упомянуть и объ именахъ на *ю*, хотя восточно-малорусскому нарѣчію они, собственно, чужды; таковы, напримѣръ: *Грицью* (=Гриша; вост.-мр. «Гриць»), *Володью* (=вост.-мр. и русск. «Володя»), *Павлюню* (=Павлуша; вост.-мр. «Павлунъ», «Павлуня»), *дідуню* (=дѣдушка; вост.-мр. «дідунъ», «дідуня»), *дідуню* (=бѣсъ, иначе—«дідько») и мн. др. Для зап.-мр. нарѣчія такія имена муж. рода на *ю* вполне типичны, и они могутъ считаться спеціально западно-малорусскими: по крайней мѣрѣ, изъ числа пынѣшнихъ областей нарѣчія восточно-малорусскаго эти имена совсѣмъ отсутствуютъ тамъ, гдѣ населеніе является несомнѣннымъ прямымъ потомкомъ домонгольскаго восточно-малорусскаго населенія (напр., въ Кіевщинѣ, въ Черниговщинѣ). Однако въ Лѣвобережной Украинѣ, которая въ періодъ Вишневецчины и Руины заселялась выходцами не только восточно-малорусскими, но и западно-малорусскими (напримѣръ, подолянами, а, быть можетъ, и галичанами ¹⁾),—вдругъ иногда приходится услышать то тамъ, то сямъ—имена западно-малорусскаго типа на *ю*,—напр. *дідуню* (въ смыслѣ «чертъ») ²⁾.

Слопаются имена на *ю* приблизительно такъ же, какъ и имена м. р. на *о*, но вмѣсто *ь* а надо писать *я* (Гриць*я*, а не «Грицьа»), вмѣсто *ь* у—писать *ю* (Гриць*ю*! а не «Грицьу»). Форма зват. падежа оканчивается только на *ю* и никогда не на *е*. Дат., мѣстн. и орудн. падежи могутъ оканчиваться вмѣсто *ь* *ові* и *ьом* на *еві* и *ем* (Грицьеві, на Грицьеві, Грицьем); но это, въ сущности, такія формы, которыя происходятъ отъ им. падежа «Гриць», а не отъ «Грицьо»³⁾.

¹⁾ Кто скорѣе всѣхъ, если не галицкіе пришельцы, могъ дать галицкія имена поселеніямъ въ Полтавщинѣ и Слободской Украинѣ: Снѣтинѣ, Золочевѣ и т. п.?

²⁾ См., напр., новый полтавскій очеркъ В. Винниченка: „Хто ворог“ (въ „Новій Громаді“, 1906, кн. VII, стр. 3): „Як потягну, то аж дідуню присниться!“.

³⁾ Съ такими окончаніями (т. наз. „мягкаго различія“) мы ближе ознакомимся въ урокъ 4-мъ.

§ 27. Слова къ упражненіямъ 2-го урока (= упр. 3—4).

годъ—рік (род.—рѣку)

двугривенный—семигривенн¹⁾

крестъ—хрест²⁾

маглеръ—фактор

пепель, зола—попіл (род. попелу и попілу)³⁾

чубукъ—цибух

живокость-синичка—синьовід (род. синьовода)=цвѣ-
токъ Delphinium Ajacis

чеснокъ—часник⁴⁾

огурецъ—гірѣк (род. гірѣа)

цыганъ—ціган (NB. удареніе!)

цыганенокъ—циганчук

¹⁾ Гривня = 3 копейки, такъ что семь такихъ гривень составляютъ дѣйствительно почти 20 копеекъ (по-русски „двугривенный“ = 20 коп.).

²⁾ Звукъ *x* въ этомъ словѣ произносится малоруссами съ самыхъ старинныхъ временъ. Въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года написаніе χ РИСТИТИСѦ вм. κ РЪСТИТИСѦ—воплнѣ обычно, равно какъ въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1076 года (срв, напр., л. 45); въ Галицкомъ Евангеліи 1144 года тоже часто пишется буква χ : χ Р'ЩАХУСЯ (л. 5 об.), χ Р'ЩЕНЬЕ (л. 6), χ Р'ЩЮ (тамъ же, л. 6) и т. п. Появленіе звука *x* (вм. *к*) объясняется вліяніемъ слова „Христосъ“ (род. „Христа“).

³⁾ Звукъ *o* въ словѣ „попіл“ (=пепель) извѣстенъ въ малорусскомъ языкѣ искони. Въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года: ПОПЕЛЪ (л. 57); въ Изборникѣ же 1076 года читаемъ род. падежъ: „попелу“ (л. 90, срв. л. 191). Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в.: „попеломъ“ (л. 2а; см. еще л. 104, d; л. 284, d; л. 312, c), а въ Галицкомъ Четвероевангеліи 1144 года: „въ попелѣ“ (=въ пеплѣ, въ золѣ; лл. 33, 27 и др.). По-видимому, звукъ *o* въ этомъ словѣ долженъ считаться восходящимъ къ періоду не только прарусскому, но и общеславянскому.

⁴⁾ Въ зап.-вр. нарѣччіи можно услышать и „часник“ (срв. польское *czosnek*), но въ Приднѣпровьи всегда здѣсь слышится звукъ *a*. О причинѣ развитія *a* изъ *с* см. ч. I, § 52: сперва слышалось „чясник“.

котель—казан (род. казанá) ¹⁾
паром—порон ²⁾ (род. поронá)
вспомина́ние, память—спомин
работник — робітник ³⁾; працівник (съ отгѣнкомъ „тру-
женникъ“)
цвѣтокъ—цвѣт (чаще въ женскомъ родѣ: квітка); мн. ч.
квіти=цвѣты ⁴⁾.
нельзя—не можна ⁵⁾

¹⁾ Слово казан—турецко-татарское قازان

²⁾ Русское правописание этого слова съ буквою а („паромъ“) есть результатъ аканья, съ псевдоэтимологическимъ приуроченіемъ къ слову „пара“ (въ смыслѣ „чета“ „соединеніе“); но въ старинныхъ сѣверно-великорусскихъ (т.-е. не знающихъ аканья) документахъ легко встрѣтить начертаніе „поромъ“. Сербское и р а м, чешское ргам и польское ргом ясно указываютъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ „полногласіемъ“ (ра=оро) и что малорусское порон вполнѣ этимологически содержитъ въ себѣ звукъ о р о.

³⁾ Русское правописание „работникъ“, „работа“ и т. п. есть церковно-славянизмъ, т.-е. старо-болгаризмъ (да и то Супрасль-ская рукопись знаетъ форму робѣ, —79 и 174,—вмѣсто обычной рабѣ); съ точки зрѣнія даже великорусской этимологіи слѣдовало бы и по-русски писать въ вышеприведенныхъ словахъ букву о, т.-е. „работникъ“ и пр.—Малоруссы-то во всякомъ случаѣ произносятъ здѣсь чистое о, какъ произносили и ихъ лѣтописные предки-киевляне. Срв. кievскій Изборникъ Святослава 1073 г. (л. 188, л. 197, л. 212, л. 241, л. 252, л. 258, л. 266 об.), Начальную Лѣтопись, Житіе Θεодосія Печерскаго, Русьскую Правду и прочіе списки старовіевскихъ памятниковъ, гдѣ этотъ корень пишется „рѣб“.

⁴⁾ Обращаемъ вниманіе, что въ мр. словѣ квіти (мн. ч.) удареніе падаетъ на кві, тогда какъ русское „цвѣты“ имѣетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Въ зап.-мр. нарѣчій говорится и „кѣ в і т и“ (съ начальнымъ к), при чемъ удареніе опять-таки падаетъ на корень, а не на флексію.

⁵⁾ Подразумѣвается пропущенное слово ж. рода: річ (=вещь) Прилагательное м ѳ ж н и й (ж. р. отъ него— м ѳ ж н а) теперь означаетъ „могущественный“, но въ старину означало просто „возможный“. Пропускаемое теперь существительное „річ“ еще ие

такой, такая, такое — такий, така́, такé
 такого — тако́го
 этого — цьо́го
 новый, новая, новое — новий, нова́, новé (NB ударение!)
 поваго — новóго
 который-ая, -ое, -ые, -ья — що
 яблочный (снятый съ яблони, состоящий изъ яблоч-
 ныхъ деревьевъ и т. п.) — я́блунувий ¹⁾
 дешевый — дешéвий
 грушевый — грушéвий
 вишневый — вишнéвий
 полевой — польовий ²⁾
 идти — идé, йде
 взойдетъ — зйде (рѣдко зйде́)
 идти — и́ти, йти, йти́
 ѣхать — ѣ́де
 ѣхать — ѣ́хати
 досаждаеть — дозоляе (съ дат.)
 досаждасть — дозоляти ³⁾

далее, какъ въ XVI вѣкѣ, почти обязательно входило въ составъ даннаго выраженія. Срв., напр., въ волын. сборн. попа Палывайка XVI в. (Рум. Муз. № 2616): „*Не можная реч, абы тому отпущон был грѣх*“ и т. д. (л. 35), „*Можная ест[ь] реч—вѣх речій, которіи сут[ь] на свѣтѣ, достати от людій; а мудрости—не можная ест[ь] реч достати*“ (л. 41) и т. п.

¹⁾ Звук *н* въ этомъ прилагательномъ твердъ.

²⁾ § 28. Относительно прилагательныхъ на *евий* (=евый) можно принять за болѣе или менѣе твердое правило для рѣчи центральныхъ украинцевъ (но не для прочихъ говоровъ), что звукъ *е* сохраняется при ударности (срв. вишнѣвий, грушѣвий, дешѣвий, чит. „вышнѣвий“, „грушѣвий“, „дешѣвий“), но замѣняется звукомъ *ю* при неударности (срв. польовий = полевой, грошовий = денежный, стальовий = стальной); но чуть мы свернемъ въ сторону отъ Днѣпра, мы легко услышимъ звукъ *о* и подъ удареніемъ (т.-е. услышимъ: вишнѣвий, грушовий и т. п.) См. ниже, § 42, β.

³⁾ § 29. Звукъ *о* въ словахъ этого корня (общензвѣснаго и у русскихъ, срв. зл^ой, зл^о) развился у малоруссовъ отъ самыхъ

я вижу - я бачу

ты видишь—ти бачиш; онъ видитъ—він бачить.

я говорю—я кажѹ; я говорю (NB. ударение!); я балакаю (въ смыслѣ «разговариваю»)

ты говоришь—ты кажеш, ты говориш, ты балакаеш
говорить—казати, говорити, балакати.

онъ ненавидитъ—він ненавидитъ (NB. ударение!)
нахващается—нахваляється ¹⁾

добьется—добудеться

дай, дайте—дай, дайте

покорма, покормите—погодуй, погодуйте

покормить—погодувати

прячь, прячьте (береги, берегите)—ховай, ховайте

прятать, беречь—ховати

убери, унеси—прийми. Уберите—прийміть!

вытряхни—вітруси. Вытряхните—вітрусіть!

пришелъ, пришла, пришло—прийшов, прийшла, прийшло.

посадила, посадила, посадило—посадив, посадила, посадило.

купила, купила, купило—покупив, покупила, купило
дала, дала, дало—дав, дала, дало

спросила, спросила, спросило—спитав, спитала, спитало

старинныхъ времёнъ. Въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года мы сплошь да рядомъ находимъ: золоба (л. 170 об., 174 об.), золобы (л. 113, л. 205 об.), золобу (л. 105, 170, 183) и т. д.; тамъ же: безолюбя (л. 241). Въ Житіи Феодосія Печерскаго по списку XII в. (изд. Бодянскаго), сдѣланному съ кievскаго оригинала: золотѣй (4). Подъ церковнымъ вліяніемъ малоруссы стали затѣмъ произносить просто злоба. Все-таки и теперь, кромѣ современнаго придиѣпровскаго дозюляти, не мѣшаетъ поминать съ той же огласовкой и другое (болѣе рѣдкое) малорусское слово: золок (=больной пунктъ раны, „злбный“ пунктъ раны), произносимое въ зап.-мр. нарѣчій зóлок.

¹⁾ Произносить надо съ удвоеннымъ цѣць, т.е. „нахвалящца“, „добудѣщца“. Произношеніе это (съ удвоеннымъ мягкимъ ч, тогда какъ пишется тьс) утвердилось у малоруссовъ еще въ XIV вѣкѣ. См. ч. I, § 28, б.

засохъ, засохла, засохло—усох, усохла, усохло; усох,
услá, услó.

когда (въ относит. предложеніяхъ)—як
возлѣ—кóло (съ род.); побилá, билá (съ род.)
откуда?—звѣднi? звѣднiлá? звѣднiл? ..
именно, какъ разъ—самé
постоянно—раз-у-разъ
туда, сюда—тудí, сюдí ¹⁾
да!—так! егé! егé ж!
ну, да!—атóж! а вжé ж!
почему?—чому? чом? ²⁾

¹⁾ Этотъ нарѣчный суффиксъ -дi вмѣсто -да у малоруссовъ, вѣроятно, исконенъ (какъ впрочемъ и у русскнхъ). Срв. въ вж.-галицкомъ Евангеліи поповича Евсевіа 1283 г. начертаніе „тогда“ (=церк.-слав. „тъгда“), въ записи переписчика. См. другія документальныя ссылки (на лѣтопись и проч.) въ § 50, стр. 88.— Въ новгородскихъ памятникахъ формы „кудí“, „сюдí“, „тудí“—обычны съ XIII—XIV вв., по существованію, конечно, раньше.

²⁾ Звуковое происхожденіе формы „чом?“ не окончательно выяснено. Полагаютъ, что „чом?“ получилось изъ „чому?“ а именно путемъ отпаденія конечнаго гласнаго; если это такъ, то чом не можетъ происходить изъ „чому?“ (имѣющаго удареніе на у и восходящаго къ „чему?“,—срв. Лавр. лѣтоп. 269), а должно происходить изъ вытѣсненнаго теперь „чому?“, которое восходитъ должно къ „чóму?“. Если-жъ этого объясненія мы не примемъ то остается предположить, что сперва возникло выраженіе „чóму?“ (гдѣ переносъ ударенія съ послѣдняго слога на предпослѣдній былъ естественъ въ виду присутствія предлога), а затѣмъ это выраженіе стало употребляться съ ударнымъ чо, и безъ предлога. По памятникамъ, существованіе слова „чом“ можно съ легкостью констатировать въ XVI вѣкѣ. Срв., напр., въ сборникѣ по па На л п в а й к а второй половины XVI-го вѣка, (Румянц. Муз. № 2616) фразу съ книжническимъ правописаніемъ: „А если [грѣхъ] тому шкодит, хто его чинит, чем' же триваєшь в' зараженю?“ т.-е. „почему же пребываєшь“. Это—въ отдѣлѣ „стиховъ, избранныхъ отъ философовъ и богослововъ“ (л. 35), который списанъ съ болѣе ранняго подлинника, гдѣ тоже могло ужъ стоять „чем“ (=чом). То же въ галицкихъ интерлюдіяхъ Гаваттовича, изд. въ 1619 г.: „Oś kota w mióchu kiruw-iem! *Czom* ia tak pómudry byu-iem?!“

потому что—бо

пока—доки

нѣтъ!—ні!

послѣ чего-н.—пiсьмiя (съ род. пад.), по (съ м. пад.) ¹⁾

стобить (безлично)—варто (= вѣм. ist werth)

стойтъ—стоiтъ

пято—вiхто

мпѣ—минi, рѣже минi (крайне рѣдко менi)

обо мнѣ, про меня—про мене (ударенiе!)

чтo мнѣ до того!—про мене!

§ 31. Въ звуковой формѣ и правописанiю нѣкоторыхъ изъ вышеперечисленныхъ словъ.

О локальной склонности малорусскаго неударнаго звука *о* приближаться къ *у* (напр., *вуршитися*) и о необходимости избѣгать проявленiй этой склонности на письмѣ—см. ч. I, §§ 55—56. Въ § 57 тамъ указаны общемалорусскiе случаи наличности звука *у*, а не *о* (такiе, какъ *купувати*, *парубок*, *яблуня*, *сусiда* и пр.), въ которыхъ надо и въ литературной рѣчи писать букву *у*.

О предлогѣ *взз*, объ отпаденiи его начальнаго звука *вз* (или *Ѵ*) и о переходѣ *взз* просто въ *з* (напр. *зiйти изъ вЗ-зонти*)—см. ч. I, § 58.

Изъ области глагола надо въ ч. I, §§ 107—109, просмотрѣть свѣдѣнiя о формахъ един. ч. наст. времени, какъ

¹⁾ § 30. Замѣтимъ, что предлогъ *по* (употребляющiйся по-малорусски не съ дательнымъ, а съ мѣстнымъ падежемъ), означая „послѣ“, „по окончанiи“, часто выражаетъ этимъ оттѣнкомъ („по окончанiи“) ту мысль, что дѣлу конецъ. Напр., *вже по кожусi!* (=букв. „ужъ послѣ тулуна!“) значитъ: „и конецъ тулузу! и нѣтъ больше тулуна! и не надо тулуна!“ *Тай по гробшax!* означаетъ: „И конецъ деньгамъ! И нѣтъ больше денегъ!“ Конечно, такое значенiе этотъ предлогъ имѣетъ рѣже (именно—въ восклицательныхъ предложенiяхъ). Обыкновенно же онъ значитъ просто „послѣ“. Напр., *по Дусi*—„послѣ Духа“, т.-е. послѣ Духова дня (но восклицанiе: „Вже по Дусi!“ значитъ: „прощель Духовъ день!“).

типа бачу, бачиш, бачить, такъ и типа беру, береш, берё.

§ 32. Упражнение 3-е (Робота третя).

Дай гірка робітникові.—Та звідки ця людина?—Пришов він сюди саме на Мітра.—А ну, си́нку!—Що там, тату?—Прийми казанá, бо з казанá йде сильна пара.—Не варто!—В цибусі багачко по́пелу: витруси!—Не варто!—Ет! це такий син, що непáвидить батьків: раз-у-раз дозволяє їм.—Петре, погодуй воли́.—А звідкіля в Петра воли́?—Бо дядько, як був на Петра в гóроді на ярмарку, то поку́пив воли́ у мінáйла... це й семигрівеника фáкторові дав.—Ліи цього року дешевий ¹⁾.—«Ти, циганчुकú, польовий дворянин!» казав жид до цыгана ²⁾.—«А ти, жиде, хто?» спитав цыган:—ти вже, ма́буть, дворянин із Ярусалиму!» ³⁾.—Був у тата сад і вишневий і грушевий, і тепер є, а яблуновий усóх.—Ховай кожуха до Духа, а по Дусі — то й по кожусі! (Пріказка).—«Гей, ти, яблуновий квіте, що в вінкові!»—казала дівчина: «ти не мінí, а козакóві!»—На козаці новий жупáн. — Дóки хвалькó нахвáлиться, будькó до́будеться (Пріказка). ⁴⁾.

¹⁾ Прилагательное, будучи сказуемымъ, не теряетъ въ малорусскомъ языкѣ своей т. н. членной формы; разницы между прилагат. опредѣленіемъ и прилагат. сказуемымъ—нѣтъ, и русскому „дешевъ“ соответствуетъ по-малорусски „дешевий“.

²⁾ По-малорусски глаголы, означающіе „говорить“, „писать“ и т. п., охотнѣе ставятся съ предлогомъ до (до = къ), чѣмъ просто съ дат. падежемъ, какъ по-русски.

³⁾ Литературно надо писать „Єрусалиму“, такъ какъ фонема „Ярусалим“ есть вульгаризмъ.

⁴⁾ Русскій переводъ. Дай огурецъ работнику.—Да откуда этотъ человекъ?—Пришелъ онъ сюда какъ разъ въ день св. Дмитрія.—А ну, сынокъ!—Что тамъ, батюшка?—Убери котель, потому что изъ котла идетъ сильный паръ.—Не стóитъ!—Въ чубу́кѣ много зо́лы: вытряхни!—Не стóитъ!—Эхъ! это такой сынъ, который ненавидитъ родителей: постоянно досаждае́тъ имъ.—Петръ, покорми воловъ.—А откуда у Петра воли́?—Да вѣдь (букв.

§ 33. Упражнение 4-е. (Робота четверта).

Онъ ѣдетъ на Днѣпръ, именно туда, гдѣ въ память Шевченка ¹⁾ стоить крестъ надъ Днѣпромъ. — Сегодня вѣтры: не слѣдовало бы ²⁾ ѣхать на лодкѣ или на паромѣ (*ор. над.*),— нужно ѣхать пароходомъ.—Ивапъ тамъ былъ, да не только онъ, а также его родители и братья.—Вотъ какъ! Почему же ты, Иванъ, молодымъ людямъ объ этомъ никогда не говорилъ? — Да, почему! Потому что никто изъ молодыхъ людей не спрашивалъ объ этомъ! ³⁾. — Я вижу барановъ на дорогѣ.—А не воздѣ ль дороги, Дмитрій?—Олехно! дайте столъ работникамъ, дайте и обѣдъ.—Этого работника не стоить и покормить.—Почему? — А гдѣ онъ на огородѣ посадилъ чеснокъ? въ горохѣ!—Въ горохѣ нельзя, потому что не взойдетъ.—Посмотри: вотъ — левъ! — А гдѣ быки?—Эхъ, ты болтаешь о быкахъ, а я говорю о лъвѣ!—Что мнѣ до того! я опять—о быкахъ! — Въ Ивановъ день Павелъ нашелъ вѣнокъ ⁴⁾; а въ вѣнкѣ — макъ и живокость-синичка. И говоритъ Павелъ: «Макъ, макъ,

„ибо“) дядя, когда былъ въ Петровъ день въ городѣ на ярмаркѣ, купилъ воловъ у мѣнялы; при этомъ (букв. „еще“) далъ маклеру двугривенный.—Топленое сало въ этомъ году (букв. „этого года“, *genitivus temporis*) дешево.—„Ты, цыганшка, полевой дворянинъ!“ говорилъ еврей цыгану.—„А ты, еврей, кто?“ спросилъ цыганъ: „ты ужъ, вѣроятно, дворянинъ іерусалимскій“ (букв. „изъ Іерусалима“).—Былъ у батюшки садъ и вишневый и грушевый, и теперь есть, а яблочный засохъ.—Береги тулупъ до Духова дня, а послѣ Духова дня—нѣтъ нужды и въ тулупѣ (Поговорка).—„О ты, яблоневый цвѣтокъ, который—въ вѣнцѣ!“ говорила дѣвушка: „ты—не мнѣ, а козаку!“—На козакѣ новый жупанъ (кафтанъ).—Пока хвастунъ нахвастается, дѣлецъ добьется (своего). (Пословица.)

1) Перев.: „на воспоминаніе по Шевченкѣ“. Такъ называемый *genitivus objectivus* по-малорусски очень избѣгается.

2) Перев. „стоить“ (в а р т о).

3) Перев. „о томъ“.

4) Лучше—поставить здѣсь при переводѣ сказуемое прежде подлежащаго.

полевой цвѣтокъ ¹⁾! Миѣ ли ты былъ подарокъ, или врагу ²⁾?

Для заполнения пустаго пространства, остающагося на стр. 63—64, приведемъ начало зап.-мр. искусственнаго (и притомъ локально - діалектческаго) стихотворенія, вписанаго ок. 1651 г. въ латинскую книгу «De militia equestri— a P. Hermanno Hugone» (изд., вѣроятно, въ Брюсселѣ ок. 1627—1630 г.); оно было напечатано въ «Archiv für slav. Phil.», t. II (=1877), p. 298—301. Книга, повидимому, принадлежала библиотекѣ бенедиктинцевъ въ Пултускѣ. Знакомъ препинанія въ подлинникѣ нѣтъ.

Duma Kozackaia o woyni s kozakamy nad rikoju Styru. Na te nute: «Oy, postyl bym ia sim ponedilkow, osmuiu nedi-lenku». W roku 1651.

Oy, riko Styru! sczo Hmil o wiru?
Jakyia wsemu miru,
Chde w Dniwr wpadaiesz—opowidaiesz
Radost z woynu czy miru?
Chan nastupaict, sam pomachaiet
Kozakom Lachow byty.

¹⁾ Изящнѣе будетъ—поставить эпитетъ сзади.

²⁾ Украинський переклад. Він їде на Дніпро, а самé—туди, де на сімнін по Шевченці (лучше: по Шевченкові, или: про Шевченка) стоить хрест над Дніпром.—Сьогодні вітри: не варто їхати човном або пороном—тра їхати пароплавом.—Іван тамечки був—таї не тілки він, ба ще й його батькі й брати.—Он як! Чом же ти, Іване, парубкам про це піколи не казав?—Еге, чому! Бо ніхто з парубків не питав за те!—Я бачу барані на шляху.—А чи не коло шляху, Мітре?—Олехну! дайте столá робітникам, дайте й обід.—Цього робітника не варто й погодувати.—Чому?—А де він на [в]городі посадив часника? в горосі!—Въ горосі не можна, бо не зійде.—Подивіся: он—лев.—А де бикі?—Ет! ти балакаеш про бикі, а я кажú про лева!—Про мене! Я—знов про бикі.—На Івана Купайла знайшов Павло віпкá; а в вінкові—мак і синьовід. І каже Павло: „Маку, маку, квіте польовий! Чи мині ти був дарунок, чи ворогові?“

Pod Beresteczkom, małym misteczko[m]
Mił onych krow prolyty.
Na perewozi, czy—pak—w doroz
Korola pohromyty,
Woyskom-hetmanom, korolom-panom,
Tatarom zapłatyty.

Han zhotu radyt, a ne poradyt:
Kozaky woynu lubiat.
Oy, Kazimiru! iuz tobi miru
S kozakamy ne budet!

Dosal ne znaiesz, hot posyłaiesz,
Odkul Han nastupaiet.
Z nym zhotnusienko Hmil raniusienko
Ik korolu zblyzaiet.

Była pohoda, a woiewoda
Rusky znat woysku daiet,
Tot że o Hanie y o hetmanie
Korolu oznaymlaiet.

Sereda pryszła, wsia orda pryszła,
Han y Hmil s kozakamy
Zrana sturmuiet i nastupaiet
Tyho meze Lachamy.

Aż Konecpolsky, horąży polsky,
Nayperszy wybihaiet.
Z nym Lubomirski, znat muž rycyrsky,
Meze woysko wpadaiet.

Oy, Lubomire! Tobi [b] pry mire
Pered korolom ity,
Ne s kozakamy i Tataramy,
Ne nowyna sie byte.

Skoczyły hutky. A wżeż nas tutky
Kozaky utitaiut.
Za nymy Lahy,—buły ż tam strahy!—
Do taboru wpadauiut.

Урокъ третій.

Склоненіе именъ городовъ, мѣстечекъ и селъ на ІВ
(=овъ, евъ).

Як склоняються, або відмінюються ймення городів, містечок і сіл на ів (=овъ, евъ).

§ 34. Какъ я отмѣтилъ выше (см. § 20, г), это склоненіе относится, въ сущности, всецѣло къ твердому различію типа *а*, потому-что, напримѣръ, имена: Кра́ків, Стеблѣв, Ка́нів, Да́шів и пр. склоняются въ общемъ по типу словъ: рѣв (род. рѣва), лѣд (род. льѣду), на́міт (род. на́мету;=палатка), вѣчѣр (род. вѣчѣра и вѣчѣра) и т. п., а имя Ку́їв склоняется какъ кѣлѣр (род. кѣлѣру). Отличія во флексіяхъ лишь вотъ какія:

1) Дательный и мѣстный падежъ (ед. ч.) именъ такихъ городовъ не можетъ быть образованъ на ові, но исключительно на у и на і. Говорится: Ку́їв-у, в Ку́їв-і, а нѣтъ формы „Ки́вові“.

2) Род. пад. оканчивается лишь на *а*; извѣстное въ предыдущихъ типахъ склоненія параллельное окончание род. падежа *у* здѣсь н е принято (говорится: з Ку́їв-а и почти нигдѣ не говорится: з Ку́їв-у,—или, по крайней мѣрѣ, флексія *у* не можетъ быть здѣсь принята за сколько-нибудь общую норму). Исключеніе составляютъ только односложныя имена;—напр., отъ Л[ь]вів (=

Львовъ, Lemberg) род. падежъ можетъ быть всюду въ вост.-мр. нарѣчїи не только Л [ь] в ѳ в а, но и Л [ь] в ѳ в -у *)

3) Винит. падежъ не бываетъ сходенъ съ родительнымъ, но всегда сходенъ съ именительнымъ. Нельзя сказать: він любить К і ї в а, но нужно сказать только: він любить К і ї в (=онъ любитъ Кіевъ).

Конечно, всѣ три перечисленныхъ отличія были бы сами по себѣ слишкомъ незначительны, чтобы выдѣлять склоненіе именъ городовъ на і в въ особую группу. Если жъ мы это дѣлаемъ, то имѣемъ на то слѣдующія основанія:

а) Существуетъ еще одно склоненіе именъ на і в,—именно личныхъ ф а м и л і й,—близкое къ склоненію прилагательныхъ **). И вотъ намъ желательно здѣсь подчеркнуть во вниманіи читателя, что городá на і в и фамиліи на і в склоняются, какъ-ни-какъ, не по одинаковымъ склоненіямъ, хотя кое-въ-чемъ и совпадаютъ.

б) Предпоследній слогъ косвенныхъ падежей именъ городовъ на і в,—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по-русски пишется только буква е (напримѣръ, въ тѣхъ именахъ, которыя по-русски звучатъ „Каневъ“, „Млѣвѣв“, „Дашевъ“ и т. п.),—обнаруживаетъ у малоруссовъ большую неустойчивость и наклонность къ звуковымъ варіаціямъ: этотъ слогъ (за исключеніемъ вполнѣ устойчиваго склоненія имени „Київ“) появляется у такихъ именъ тó въ составѣ очень архаичнаго, еще общеславянскаго суффикса е в, тó въ видѣ нѣсколько болѣе новаго (но тоже ста-

*) Все таки форма Л [ь] в ѳ в -а и болѣе обычна и болѣе архаична. Срв. въ свадебной пѣснѣ (Кіевской, Екатеринославской и др. губерній):

Ой, свашка, свашка зо Л [ь] в ѳ в а—(или „з Іл [ь] в ѳ в а“) —
Та приїхала вчѳра,

гдѣ и вторая (т. е. отвѣтная) рїема „вчѳра“ ясно указываетъ собою на исконность окончанія а въ рїемѣ предыдущей строки („Львова“).

**) Мы его коснемся въ самомъ концѣ мужескаго склоненія

риннаго, прамалорусскаго) суффикса ъов, йов (а послѣ шипящихъ—ов), и это чередованіе бываетъ довольно капризнымъ; а въ локальномъ произношеніи отдѣльныхъ мѣстностей возникаютъ здѣсь въ косвенныхъ падежахъ вмѣсто звуковъ *e* и *o* еще иные звуки (юв, яв, ів), недопустимые для внесенія въ литературную рѣчь, но легко склоняющіе пишущаго къ орфографическимъ ошибкамъ, которыя мы и желаемъ предупредить.

По своей сложности и трудности склоненіе именъ городовъ на ів, какъ съ суффиксомъ **ОВ**, такъ и съ суффиксомъ **ЄВ**, представляетъ рядъ градацій, и мы начнемъ обзоръ отъ наиболѣе простыхъ образцовъ.

К і ї в.

§ 35. Наиболѣе простымъ является склоненіе стоящаго особнякомъ имени К і ї в (=Кіевъ). Звукъ *i*, развившійся въ этомъ словѣ въ имен. падежѣ, не исчезаетъ и въ падежахъ косвенныхъ—и послѣдовательно проходитъ по всему склоненію: такъ род. К і ї ва, дат. К і ї ву, вин. К і ї в, зват. К і ї ве!, орудн. К і ї вом, мѣст. у К і ї вѣ, множ. число (въ смыслѣ, конечно, лишь нарицательномъ): К і ї ви, К і ї вѣв и т. д.; срв. напр., бував я й по тих К і ї вах! (=бываль я и въ Кіевахъ!)*).

Звукъ *i*, который является въ косвенныхъ падежахъ этого имени („К і ї ва“ и т. д.), имѣетъ не совсѣмъ одинаковое происхожденіе съ тѣмъ звукомъ *i*, который является въ им. падежѣ (К і ї в). Въ им. падежѣ, въ закрытомъ слогѣ**, звукъ *i* развился (см. ч. I, § 17, г) черезъ т. н. замѣстительную долготу послѣ потери глухого окончанія (ѣ). Въ падежахъ же косвенныхъ, въ открытыхъ слогахъ, первоначальное возникновеніе звука *i* было вызвано дру-

*) Тих (=т ѣ х ѣ)—это здѣсь членъ; см. § 3.

***) Закрытымъ слогомъ называется слогъ, оканчивающій на согласную, а открытымъ—оканчивающійся на гласную.

гими причинами *), и лишь окончательно укрѣпилось оно аналогіей имен. падежа. Такому воздѣйствию аналогіи подверглось не только существительное „Київ“, но и нѣсколько другихъ существительныхъ (кòлїр=цвѣтъ, кàмїнь=камень, кбрїнь=корень и еще кой-какія): звукъ *i*, первоначально появившійся въ ихъ косвенныхъ падежахъ не изъ долготы (кàмїня, кòлїру, кòрїня), укрѣпился въ нихъ подѣ влияніемъ долготнаго *i*, имѣющагося въ формѣ именительнаго ихъ падежа; а 200-лѣтняя литературная украинская традиція окончательно освятила написаніе буквы *i* въ ихъ косвенныхъ падежахъ **). Поэтому писать: „Киева“, „в Києві“—мы и не можемъ и не будемъ, и такъ никогда не писали украинскіе писатели ***).

Однако, среди именъ городовъ на *і* в, имя „Київ“ является по своему склоненію все же единичнымъ исключеніемъ, и мы не должны узаконивать тенденціи очень многихъ надднѣпрянскихъ литераторовъ—писать букву *i* (или *ї*) въ косвенныхъ падежахъ также всѣхъ другихъ именъ городовъ съ неударнымъ окончаніемъ *ї* в. Они любятъ писать, напримѣръ, (согласно, правда, жи-

*) Именно—прежде всего смѣшеніемъ неударныхъ *e* (чит. э) и *и* (чит. ы). К *ы* *ї* *э* в а=К *ы* *ї* *ы* в а=К *и* *ї* в а. Сюда присоединилось влияніе аналогіи суффикса **ив**.

***) Обычай выражать на письмѣ звукъ *ї* въ этомъ имени привился около начала XVIII в. или немного раньше. Напр., въ Кіевской книгѣ кгородской 1736 г. (№ 47, л. 305 об.) мы читаемъ: „манастырь Пустынскій въ Кїиви, святого Миколая“ (тутъ же: „бѣ манастыри Кїивскомъ“), „въ Кїиви“, и пр. (Антон. и Козловск. № 19, стр. 40—41).

***)) Галицкіе грамотѣи пишутъ „Кіева“ (и даже имен. пад. у нихъ иногда фигурируетъ въ видѣ написанія „Кіев“!), но это совершенно излишняя этимологизація, напоминающая собою намъ—украинцамъ смѣшное обращеніе англійскаго слова „пиджакъ“ въ „поджакъ“, или стараніе писать „сбїрникъ“ вм. „збїрникъ“.

вому произношенію своихъ мѣстностей): з Микола́йва, у Ка́нїві, а тѣмъ болѣе—в Теті́ві и пр., тогда какъ слѣдуетъ писать здѣсь или *е*, или *ю*, или *йо*,— о чемъ будетъ у насъ подробная бесѣда ниже (въ § 40 и слѣд., въ особенности § 49).

Х а́ р к і в.

§ 36. Довольно простымъ оказывается также склоненіе именъ городовъ типа Львѣв (=Львовъ, Lemberg), Ха́ркѣв (=Харьковъ), Кра́кѣв (=Краковъ), Жа́шкѣв (=мѣст. Жашковъ Киевск. г.), Брусѣлѣв (=мѣст. Брусилловъ), Глу́хѣв (=гор. Глуховъ Черн. г.), Не́мирѣв (г. Немировъ Под. губ.) и т. п., т. е. тѣхъ, въ которыхъ имѣется старинный суффиксъ **О В** и которые по-русски пишутся съ *овъ* (безъ предыдущей шипящей). Они,—напримѣръ Ха́ркѣв,—склоняются почти, какъ рѣв. Такъ:

им. Ха́ркѣв
род. Ха́рков-а
дат. Ха́рков-у
вин. Ха́ркѣв
зв. Ха́рков-е!
ор. Ха́рков-ом
мѣст. у Ха́рков-і

Мн. число (въ смыслѣ нарицательномъ)—Ха́рко-ви, Харковѣв и т. д., со звукомъ *о* во всѣхъ падежахъ.

Напоминаемъ (см. § 34), что имя Л[ь]вѣв, или Іл[ь]вѣв, относящееся къ этому же разряду, можетъ имѣть въ род. падежѣ (какъ имя односложное) не только форму Л[ь]вѣв-а, но и форму Л[ь]вѣв-у.

Названія русскихъ (не малорусскихъ) городовъ и сель съ окончаніемъ *овъ* могутъ по-малорусски не имѣть въ своемъ имен. падежѣ окончанія *ів*, но просто оканчиваться на *ов*. Напр. Коврѣв (=Ковровъ), а не Коврѣв.

§ 37. Наибо́лѣе запутаннымъ является склоненіе тѣхъ именъ городовъ и сель на ів, гдѣ суффиксомъ является не **ОК**, но старинное **ЕК** (въ русскомъ языкѣ они оканчиваются на евъ). Эти имена распадаются на двѣ группы: одна—гдѣ этотъ суффиксъ ударенъ (напр. **Стеблѣ́в**—Стеблевъ въ Киев. губ., **Кишинѣ́в**—Кишеневъ); она—рѣзко неоднородна; другая—болѣе частая, и болѣе однородная, гдѣ суффиксъ неударенъ (напр. **Канѣ́в**—Каневъ на Днѣпрѣ, **Николаѣ́в**—Николаевъ на Днѣпрѣ, **Тетѣ́в**—Тетевъ въ Киев. губ., **Золочѣ́в**—Золочевъ Полт., **Дашѣ́в**—Дашевъ, мѣст. въ Киев. губ., и т. п.). Естественно будетъ, чтобы мы остановились сперва на склоненіи болѣе многочисленной этой второй группы.

§ 38. Но предварительно намъ приходится подробно познакомиться съ однимъ очень важнымъ звуковымъ закономъ, относящимся къ судьбѣ звука *е* послѣ шипящихъ и йоты и вообще послѣ мягкихъ согласныхъ. Этотъ законъ въ общихъ чертахъ изложенъ былъ нами въ I томѣ въ § 20, а обстоятельно очерченъ, со множествомъ иллюстрирующихъ примѣровъ—тамъ же въ I томѣ въ §§ 51—54. Означенные §§-ы читатель долженъ просмотрѣть внимательно, какъ для того, чтобы сознательно относиться къ дальнѣйшему нашему изложенію склоненія, такъ и для того, чтобы имѣть запасъ словъ для переводныхъ упражненій, помѣщенныхъ въ концѣ нынѣшняго урока. А здѣсь мы напомнимъ совсѣмъ краткѣ лишь слѣдующее:

Малорусская рѣчь изстари имѣетъ наклонность—съ одной стороны обращать слоги *је, же, че, ше* и проч. въ *йо, жо, чо, шо* и проч. передъ послѣдующими твердыми слогами, а съ другой стороны—сохранять ихъ въ видѣ *е, же, че, ше* и пр. или расширять въ *я, жа (жя), ча (чя), ша (шя)* и пр.—передъ послѣдующими мягкими (или теперь отвердѣвшими—

прежними мягкими) слогами, равно какъ въ *исходъ* словъ.

Звукъ *Є* суффикса *ЄВ* не изъять изъ вліянія этихъ фонетическихъ законовъ.

§ 39. Судьба суффикса *ЄВ* въ именахъ городовъ.

Разъ мы познакомились съ тѣмъ звуковымъ закономъ, который только-что изложенъ, мы ужъ безъ труда сьумѣемъ понять, почему склоненіе именъ городовъ и сель типа Миколáїв, Тетíїв, Летíчів (или, какъ часто выговариваютъ, Ля́тíчів), Дáшів, Кáнів и прочихъ такихъ же—оказывается въ малорусскомъ языкѣ очень и осложненнымъ, и неустойчивымъ, и неединообразнымъ: суффиксъ *ЄВ* иногда сохраняется, иногда же обращается въ *ОВ* или въ иную фонему, и такое чередованіе бываетъ капризнымъ. Неединообразіе и неустойчивость доходятъ до того, что констатируются не только въ разныхъ говорахъ, но даже въ произношеніи одного и того же человѣка. Фонетическія и—главнымъ образомъ—нефонетическія вліянія, которыя дѣйствуютъ при склоненіи именъ этого типа, заключаются вотъ въ чемъ.

Разсмотримъ сперва вліянія, влекущія къ переходу звука *Є* въ *о* (вѣрнѣе, въ *о*).

§ 40. Что влечетъ къ развитію суффикса *ев* въ [ь] *ов*?

а) Во первыхъ на склоненіе именъ городовъ съ суффиксомъ *ЄВ* вліяетъ аналогія склоненія именъ городовъ съ суффиксомъ *ОВ*; потому-что именительные падежи обѣихъ категорій звучатъ вѣдь съ одинаковымъ окончаніемъ *ів*. Кто отъ „Крáків“ образуетъ (правильно) род. падежъ „Крáкова“, тому и отъ „Дáшів“ или отъ „Кáнів“ хочется образовать род. падежи: „Дáшова“, „Кáньова“ вмѣсто стариннѣйшаго „Дáшева“ и „Кáнева“.

3) Во-вторыхъ, развитію звука [b] о (вмѣсто или наряду съ e) въ склоненіи именъ типа Миколáйв, Лятíчів, Дáшів и пр. фонетически содѣйствовало и содѣйствуетъ присутствіе йоты и шипящихъ звуковъ, которые тоже склоняютъ малорусса произнести род. пад. Миколáйова, Дáшова, Лятíчова и пр. Что касается именъ типа Кáнїв, Стеблíв, Кишинíв, Царíв, и др., гдѣ нѣтъ йоты и шипящихъ, то въ нихъ согласные звуки *н, л, р,* и др. не отвердѣли до сихъ поръ вслѣдствіе обязательнаго присутствія мягкаго гласнаго *і* въ формѣ ихъ падежей именительныхъ (оканчивающихся на *нїв, лїв, рїв* и пр.),—и эта сохранившаяся здѣсь мягкость звуковъ *н, л, р,* дѣлаетъ то, что въ косвенныхъ падежахъ слоги *не, ле, ре,* и пр. склонны переходить въ *ньо, льо, рьо.* Вотъ почему получаютъ нерѣдко формы такія, какъ: з Кáньова, із Стебльóва, кóло Царьóва, біля Кишиньóва и т. п.

§ 41. Мы только что сказали: „нерѣдко“. Но „нерѣдко“ не значитъ „очень часто“. Напротивъ, мы должны заранѣе предупредить читателя, что, если не во всемъ малорусскомъ языкѣ, то по крайней мѣрѣ въ приднѣпровскихъ говорахъ, суффаксу **ЄВ** чаще удается сохранить свой звукъ **Є** неизмѣннымъ, чѣмъ обращать это **Є** въ **О**. У малоруссовъ западныхъ—иное дѣло: у нихъ суффиксъ **ЄВ**, болѣе архаичный, замѣтно вытѣсняется менѣе архаичнымъ суффиксомъ [b]ov.

Документальныя данныя свидѣтельствуютъ, что стремленіе обращать суффиксъ **ЄВ** въ суффиксъ [b] **ОВ** (и притомъ не исключительно въ географическихъ названіяхъ) свойственно было малорусскимъ предкамъ отъ первыхъ моментовъ ихъ исторической жизни. По крайней мѣрѣ, ужъ и въ самомъ старомъ вост.-мр. памятникѣ, кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года, мы видимъ: „Васили**О**во“ (л. 124 об.), „Евном**И**ову“ (л.

243 об.); срв. тамъ же два менѣ характерныхъ параллельныхъ начертанія, стоящихъ рядомъ другъ возлѣ друга: „Самоилѣвъ“ (л. 119) и „Самоилово“ (л. 120), гдѣ ѡ могло бы читаться какъ ѡ или какъ ѡ *); „по Ариюву“ (л. 243 об.). Такая же замѣна суффикса **ѡВ** суффиксомъ **ѡВ** проявляется и въ старѣйшемъ памятникѣ западно-малорусскомъ, въ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка: Чѣто бо естъ тебѣ съ кесарьмъ или кесарѡвомъ?“ (л. 113, а).

Изъ нѣсколько болѣе позднихъ документальныхъ примѣровъ отмѣтимъ, какъ болѣе цѣнныя, начертанія зап.-мр. грамотъ: „але подо кроловою (чит. „крьоловою“) печатью“—въ буковинской господарской грамотѣ 1388 г. (=Улян. № 3); „с. Стрижѡво“.—въ записи 1376 года при т. н. Холмскомъ Евангеліи; далѣе—„Зудечѡва“ (род. пад.) въ галицкой грамотѣ 1421 года, „у Зудечѡвѣ“—въ гал. грамотѣ 1428 года; это—примѣры, какъ сказано, западно-малорусскіе, а не восточно-малорусскіе. Одновременное же такое малорусское произношеніе кievское—передано намъ, быть можетъ, Ипатьевскимъ спискомъ лѣтописи въ начертаніи: „въ Канѡвѣ“ (л. 268), что надо читать очевидно: „въ Кánѡвѣ“.

Не мѣшаетъ замѣтить, что случаи начертанія **ѡВ** вмѣсто **ѡВ** не слишкомъ изобильны въ старо-малорусскихъ памятникахъ. Вообще говоря, подобное обстоятельство могло бы объясняться чистой случайностью, силою книжнаго церк.-слав. правописанія, и т. п.; но въ данномъ-то отношеніи, повидимому, указанія памятниковъ не случайны. Задержка въ дѣлѣ ожидаемаго перехода суффикса **ѡВ** въ ѡ в дѣйствительно происходила и происходитъ, а почему? — въ силу противныхъ встрѣчныхъ вліяній, которыя и донь-

*) Хотя, разумѣется, возможно, что первое прилагательное произведено отъ греческой формы имени „Самоилъ“, а второе—отъ мѣстной кievской формы: „Самоило“. См. § 25, б.

нѣ помогаютъ суффиксу **ЕК** частенько оставаться въ видѣ *ев* (правда, уже твердаго, т. е. *эв*), или же которыя содѣйствуютъ переходу суффикса **ЕК** не въ *юв* и не въ *ев*, но въ *яв* (*[ъ]ав*). Вліянія эти вызываемы бывали и бываютъ ложной аналогіей, но и ложная аналогія эта обыкновенно вытекаетъ изъ духа тѣхъ же важныхъ фонетическихъ законовъ, которые нами подчеркнуты выше въ § 38-мъ. Итакъ:

§ 42. Почему въ склоненіи именъ городовъ на *ів* (=въ) не можетъ получить подавляющаго преобладанія суффиксъ *[ъ]ов* надъ суффиксомъ *ев*?

а) Во-первыхъ здѣсь дѣйствуетъ аналогія склоненія тѣхъ существительныхъ, которыя въ имен. падежѣ исходятъ на *й* (напр. край, лій), на шипящіе (какъ *ніж*, *гріш* и пр.) и на мягкіе согласные (стебѣль, *кінь* и т. п.). Въ ихъ-то склоненіи вост.-мр. нарѣчіе съумѣло очень недурно сохранить (вездѣ, гдѣ онъ былъ) звукъ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ, между прочимъ и въ падежѣ дательн.-мѣстномъ, что впрочемъ вполне понятно въ виду мягкости конечнаго слога флексіи *ві*, — срв. „стеблѣ*ві*“, „ножѣ*ві*“ (=дат. и мѣст. пад.). Но вѣдь если кто привыкъ, при склоненіи слова „ніж“, говорить дат.-мѣстн. пад.: „ножѣ*ві*“ „на ножѣ*ві*“ (=на ножѣ), тотъ и при склоненіи имени села „Ножів“ (=Ножевъ) скорѣе готовъ произнести форму мѣстнаго падежа: „в Ножѣ*ві*“ (=въ Ножевѣ), чѣмъ „в Ножові“, или, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ держаться безразлично и того и другого произношенія. Равнымъ образомъ кто отъ словъ „стебѣль“ и „кінь“ произноситъ мѣстные падежи: „на стеблѣ*ві*“ (=на стеблѣ), „на конѣ*ві*“ (=на конѣ), тотъ и отъ имени своего мѣстечка „Стеблів“ и городка „Кánів“ охотнѣе сохранитъ старыя мѣстные падежи: „у Стеблѣ*ві*“ (=въ Стеблевѣ) и „в Кánеві“ (=въ Каневѣ), чѣмъ новообразуетъ: „у Стеблѣ*ьві*“ и „в Кánьові“; или же, въ крайнемъ случаѣ, онъ

будеть считать вторую фонему не за болѣе предпочтительную, чѣмъ первую фонему. Точно также, если отъ „лїй“ (=топленое сало) дат. и мѣстн. падежъ произносится кѣмъ нибудь: „в лбѣѣ“, то и отъ имени мѣстечка „Лбїв“ (=Лоевъ на Днѣпрѣ) мѣстн. пад. скорѣе будетъ произнесено: „в Лбѣѣ“, чѣмъ „в Лбїѣ“. По аналогіи это же произношеніе соблюдается антифонетически и въ род., и въ дат., и въ ор. падежахъ: „з Лбѣѣва, Лбѣѣву, за Лбѣѣвом“—параллельно съ органическими: „з Лбїѣѣва, Лбїѣѣву, за Лбїѣѣвом“; также стало говорить: „із Стеблѣѣва“ при фонетическомъ „із Стеблѣѣѣва“; „за Золбѣѣвом“ при „за Золбѣѣѣвом“.

β) Во-вторыхъ, преимущественному возобладанію суффикса *ьов* надъ *ев* въ склоненіи именъ городовъ на *їв* отчасти мѣшаетъ и аналогія относительныхъ членныхъ прилагательныхъ на *евий*, которыя по своему происхожденію и смыслу близки къ именамъ городовъ на *їв*. Пожалуй, мы видѣли въ ч. I § 51, что и прилагательныя на *евий* въ случаѣ мягкости или смягченности согласнаго звука, предшествующаго окончанію *евий*, обращаются въ прилагательныя на *ьовий*, *овий*, т. е. подчиняются общему закону о переходѣ звука *е* въ звукъ *[ь]о* передъ твердыми слогами (срв. *лойовий* вм. *лоевий*, *польовий* вм. *полевий*, *грошовий* и т. п.). Но на звуковой видъ *этихъ* относительныхъ прилагательныхъ и вообще всѣхъ прилагательныхъ съ окончаніемъ *евий* отчасти вліяетъ то въ одну, то въ другую сторону одно обстоятельство,—обстоятельство, которое въ другихъ словахъ *) не оказываетъ никакого вліянія на судьбу звука *е*, а въ окончаніи *евий* —отчасти оказываетъ. Мы имѣемъ въ виду ударность или неударность звука *е* въ окончаніи *евий* (срв. ч. II, § 28). А именно: въ фонему *ьовий*,

*)] кромѣ еще флексій.

овий склонно переходит окончание евий преимущественно *) лишь тогда, когда звукъ е въ немъ *неударенъ* **); при *ударности* же звука е окончание евий (въ противность закону языка русскаго), большей частью бываетъ склонно у восточныхъ малоруссовъ неизмѣняться въ ъовий, ѳвий; срв. *грушѣвий* (=грушевый), *дешѣвий* (=дешевый), *рожѣвий* (=розовый), *кристалѣвий* (=хрустальный), *баѣвий* (=байковый), *вишнѣвий* (вишневый) и т. п.; срв. также *королевѣ* (=королева) ***). Эта особенность очень рельефно выступаетъ въ словахъ съ удареніемъ подвижнымъ; такъ, отъ „грѣші“ (=деньги) относительное прилагательное обыкновенно звучитъ въ Надднѣпряницѣ или „*грошовій*“ (если съ удареніемъ на *ий*), или „*грошѣвий*“ (если съ удареніемъ на *е*); отъ „життя“ (=жизнь) обыкновенно мы скажемъ или „*життѣовій*“, или „*життѣвий*“; отъ „місце“ (=мѣсто) можно произнести относительное прилагательное „*міцѣовій*“ лишь при удареніи на концѣ, а при удареніи на среднемъ слогѣ говорится „*міцѣвий*“; отъ „сталь“ (=сталь) говорится или „*стальѣовій*“, или „*сталѣвий*“. Звуковой видъ прилагательныхъ на евий не остается безъ извѣстнаго вліянія на звуковой видъ косвенныхъ падежей именъ городовъ и сель на ів.

*) Не всегда, но только преимущественно.

***) хотя, разумѣется, существуютъ и такія фонемы, какъ *соловѣвий* (=соловьиный), *стоянцѣвий* (=стоячий, — о воротничкѣ). Оба слова — часты въ Правобережной Надднѣпряницѣ. Въ Полтавщинѣ (см. технич. словарь Василенка) существуютъ термины: *кінцѣвий* (стр. 28), *швірнѣве залѣ* (стр. 62).

****) Кстати сказать, русскій языкъ заимствовалъ слово „королева“ (какъ и много другихъ) изъ малорусскаго; — не то онъ долженъ былъ бы произносить: „королевѣ“. Изъ польскаго языка это слово не могло быть заимствовано, потому что по-польски тоже слышится здѣсь звукъ ѳо, а не е (*królowa*).

γ) Въ-третьихъ, сохраненію суффикса е в содѣйствуетъ, въ большей или меньшей степени, то обстоятельство, что среди именъ городовъ и сель на і в есть довольно многочисленныя имена на іі в, типа „Мл іі в“ (=Млѣвъ), „Тет іі в“ (=Тетіевъ), „Іркл іі в“ (=Ірклѣвъ) и т. п. Ударный слогъ этихъ именъ, въ которомъ содержится узкій звукъ *i*, дѣйствуетъ, по ассимиляціи, суживающимъ образомъ на характеръ звука въ послѣдующемъ слогѣ, такъ-что, напримѣръ, въ род. падежѣ фонема „Тетіева“ слышится несравненно чаще, чѣмъ естественно-ожидаемая фонема „Тетіѣова“ *). Порядочная сохранность суффикса е в въ склоненіи именъ типа „Теті в“ содѣйствуетъ большей или меньшей сохранности суффикса е в при склоненіи также прочихъ именъ на і в, типа „Лбі в“, „Кані в“ и т. п.

§ 43. Противъ обращенія суффикса е в въ ъ о в борется въ большей или меньшей степени (хотя и не въ сторону е в) еще и тотъ законъ, который также имѣетъ силу для судьбы звука *e* послѣ мягкихъ и смягченныхъ согласныхъ передъ послѣдующимъ мягкимъ слогомъ и который сообщаетъ звуку *e* большую наклонность расширяться въ такихъ случаяхъ въ звукъ *я* (*ѣ а, а*) **. Согласно этому закону существуютъ фонемы вроде „в Кánяві“ „в Ун¹яві“ „в Лят¹чяві“, по аналогіи съ которыми возникаютъ также нефонетическія: „з Кánява“, „з Ун¹ява“, „під Кánявом“, „під Лят¹чявом“ и т. п. Фонемы эти, какъ рѣже употребительныя, не должны быть принимаемы за норму и не должны быть допускаемы въ литературную рѣчь, но напомнить о нихъ мы

*) Немного ниже мы увидимъ, что въ говорахъ, смѣшивающихъ неударное *e* и *и*, отсюда возникаютъ и такія фонемы, какъ „з Тетіѣва“, „в Тетіѣві“ и т. п., которыхъ во всякомъ случаѣ придется въ литературной рѣчи избѣгать.

**) наряду, конечно, съ возможностью сохраняться въ видѣ *e*.

здѣсь должны, потому-что и онѣ по своему подрываютъ преобладаніе суффикса *ьов*.

§ 44. По этой же причинѣ мы должны упомянуть еще объ одномъ (и притомъ довольно-таки частомъ!) явленіи въ области склоненія именъ городовъ на *ів* (=... *евъ*),—о явленіи, котораго мы не должны допускать въ литературный обиходъ, но которое имѣтъ въ виду мы непременно должны, такъ-какъ и оно, по своему, разрушаетъ господство суффикса *ьов* (надъ *ев*). Это явленіе—тенденція многихъ малоруссовъ произносить въ косвенныхъ падежахъ *неударный* суффиксъ *ев* за *ів*, т. е. произносить его такъ-же, какъ онѣ звучитъ въ имен. падежѣ, и, слѣдовательно, говорить такъ: „з *Каніва*“, „в *Миколáиві*“, „за *Дáшивом*“ и т. п. Чѣмъ объяснить такое произношеніе? Въ разныхъ мѣстахъ—разныя причины для появленія этого *і*. Въ однихъ мѣстностяхъ это *і* возникаетъ слѣдующими звуковыми стадіями: „з *Каньова*“, „з *Канюва*“, „з *Каніва*“, т. е. *неударное ьо* звучитъ близко къ *ю*, а *ю* приближается къ *і*. Въ другихъ мѣстностяхъ (и это чаще всего) виновата склонность смѣшивать *неударное е* съ *и*;—слѣдовательная звуковая градація происходитъ тамъ такая: „з *Миколáива* (=з *Миколáјева*)“, „з *Миколáжива*“, „з *Миколáива*“; „з *Дáшева*“, „з *Дáшива*“, „з *Дáшива*“; „з *Тетіјева*“, „з *Тетіјива*“, „з *Тетііва*“, и т. п. Въ третьихъ мѣстностяхъ (это впрочемъ рѣже всего) здѣсь виновато суженіе звука *я*, и звуковыя стадіи здѣсь вотъ какія: „в *Каняві*“, „в *Канєві*“, „в *Каніві*“.—Присутствіе обязательно звука *і* въ формѣ имен. падежа („*Канів*“, „*Дáшив*“, „*Миколáив*“ и т. д.) съ своей стороны нефонетически помогаетъ водворенію звука *і* въ косвенныхъ падежахъ. Въ литературную рѣчь, повторяемъ, мы не вправѣ вводить такія локальныя формы (или просто противозимологическія написанія), но забывать о ихъ существованіи не слѣдуетъ. Онѣ также подрываютъ господство суффикса *ьов* надъ *ев*. при склоненіи именъ городовъ на *ів* (изъ.... **ЕВЪ**.)

§ 45. Вотъ, значить, при какихъ осложненныхъ перекрестныхъ, фонетическихъ и нефонетическихъ вліяніяхъ происходитъ у восточныхъ малоруссовъ образованіе падежныхъ формъ именъ городовъ и сель на і в (=евъ)! Мы видѣли, что отъ имени, положимъ, Кáнів существуютъ въ вост.-мр. говорахъ цѣлыхъ пять разновидностей род. падежа: Кáнева, Кáньова, Кáнюва, Кáнява, Кáнѣва. Конечно, не всѣ изъ перечисленныхъ формъ одинаково распространены среди малоруссовъ: однѣ (первыя двѣ)—употребляются болѣе охотно и распространены на болѣе широкомъ пространствѣ Украины, другія—произносятся менѣе охотно да и распространены бываютъ не въ каждомъ вос.-мр. говорѣ; но тѣмъ не менѣе всѣ онѣ вторгаются изъ одного говора въ другой, смѣшиваются, вліяютъ одна на другую, такъ-что (я это ужъ отмѣтилъ и подчеркнулъ выше) намъ возможно бываетъ наблюдать, какъ эти всѣ звуковыя варіаціи и чередованія при склоненіи именъ городовъ на і в (=евъ) имѣютъ мѣсто не только по отдѣльнымъ говорамъ, но даже въ устахъ одного и того же говорящаго лица! Въ нашу грамматику мы не можемъ внести ихъ всѣ: мы дадимъ таблицу только тѣхъ формъ, которыя могутъ считаться наиболѣе общею нормою для всей Надднѣпрящины, т. е. только съ суффиксами е в и ъ о в.

§ 46. Образцы склоненія именъ городовъ съ суффиксомъ € в.

Миколáїв, Кáнів.

Въ склоненіи преобладающей массы именъ городовъ на і в (=евъ) чередованіе суффиксовъ е в и ъ о в (о в, ѣ о в) происходитъ почти безразлично. Просклоняемъ для примѣра: Миколáїв (=г. Николаевъ на нижнемъ Днѣпрѣ), Лбів (=г. Лоевъ на верхнемъ Днѣпрѣ), Кáнів (=Каневъ на среднемъ Днѣпрѣ), Золóчів (=Золочевъ, Полт.) *)

*) Есть удареніе и Золочѣв (на і в). Но въ этомъ параграфѣ я беру произношеніе съ неударностью суффикса.

Суффиксъ съ нихъ неударенъ, и этимъ преимущественно объясняется безразличіе въ чередованіи е в и [ь] ѓ в (срв. § 42, β), Итакъ:

I. им.. Миколáѣв

Лбѣв

Кáнѣв

Золбчѣв

II. род. Миколáѣва, Миколáѣвоа

Лбѣва, Лбѣвоа

Кáнева, Кáнѣвоа

Золбчева, Золбчова

III. дат. Миколáѣву, Миколáѣову

Лбѣву, Лбѣову

Кáневу, Кáнѣову

Золбчеву, Золбчову

IV. вин.—сходенъ съ имен.

V. зв. Миколáѣве! Миколáѣове!

Лбѣве! Лбѣове!

Кáневе! Кáнѣове!

Золбчеве! Золбчове!

VI. ор. Миколáѣвом, Миколáѣовом

Лбѣвом, Лбѣовом

Кáневом. Кáнѣовом

Золбчевом, Золбчовом

VII. мѣст. у Миколáѣви, в Миколáѣови

у Кáнєви, в Кáнѣови

в Лбєви, в Лбѣови

в Золбчєви, в Золбчови *)

Мн. ч. (въ смыслѣ нарицательномъ): Миколáѣви, или Миколáѣови и т. д.

*) Въ мѣстномъ падежѣ съ неударнымъ суффиксомъ малорусь особенно склоненъ употреблять окончаніе, устно звучащее какъ іві. Обращаемъ вновь вниманіе, что писать іві нельзя, и что вмѣсто „в Миколáѣви, в Кáнѣви“ и т. п. надо писать: „в Миколáє-ві“, „в Кáнѣови“ [или „в Миколáѣови“, „в Кáнєви“]

Кишинів, Стеблів,

§ 47. Вышеприведенныя имена, какъ мы заранѣе подчеркнули, были неударныя (и такихъ—большинство среди именъ городовъ и сель на ів). Если же суффиксъ ударенъ, то при склоненіи обнаруживается преобладаніе какой-нибудь одной изъ двухъ варіацій, т. е. или только е в, или только [ь] о в.

а) Вотъ для примѣра склоненіе именъ съ преобладаніемъ ударнаго суффикса [ь] о в: Кишині́в (=Кишиневъ Бесс. губ.) и Грубеші́в (=Грубешевъ въ Холмской Руси). Этотъ типъ (т. е. съ [ь]о в)—болѣе рѣдокъ.

им. Кишині́в

Грубеші́в

род. Кишині́ова (рѣдко Кишині́ова)

Грубеші́ова (рѣдко Грубеші́ова)

дат. Кишині́ову (рѣдко Кишині́еву)

Грубеші́ову (рѣдко Грубеші́еву).

вин.—сходенъ съ имен.

зв. Кишині́ове! (рѣдко Кишині́еве!)

Грубеші́ове! (рѣдко Грубеші́еве!)

ор. Кишині́овом (рѣдко Кишині́евом)

Грубеші́овом (рѣдко Грубеші́евом)

мѣст. в Кишині́ові (рѣдко в Кишині́еві)

у Грубеші́ові (рѣдко в Грубеші́еві)

Преобладаніе здѣсь суффикса [ь] о в надъ *é* в объясняется тѣмъ, что и Кишиневъ и Грубешевъ—города, лежащіе въ области нарѣчія не вост.-малорусскаго, но зап.-малорусскаго, всегда предпочитающаго суффиксъ *ов* суффиксу *ев*. Холмскіе и бессарабскіе малоруссы производятъ обычно: Грубешова, Кишиньова, и такое производеніе для именъ этихъ городовъ сдѣлалось отъ нихъ преобладающимъ также среди малоруссовъ восточныхъ..., тѣмъ болѣе, что и офиціальный русскій языкъ своимъ произношеніемъ содѣйствуетъ этому же.

β) Но есть имена городовъ (и такихъ больше), при склоненіи которыхъ центральный малоруссъ отдаетъ очевидное преобладаніе ударному суффиксу *éв*, а не ударному же [ь] *óв*. Сюда относятся, напр., Стеблѣв (=мѣст. Стеблѣвъ Кіев. губ.) или великорусскій городъ Царѣв (=Царѣвъ на Волгѣ). Почему же въ нихъ *éв* предпочитается? Дѣло въ томъ, что у центральныхъ малоруссовъ суффиксоударное относительное прилагательное *стеблѣвий* звучитъ (срв. § 28 и § 42, β) почти исключительно *стѣблѣвий*, крайне рѣдко слышится у нихъ *стеблѣ́вий* *), а притяжательное прилагательное отъ „царь“ (*царѣв*=царевъ, царскій) склоняется у центральныхъ малоруссовъ даже исключительно съ суффиксомъ *ев* (род. царѣво́го, дат. царѣво́му и т. д.). По аналогіи этихъ двухъ прилагательныхъ, центральные малоруссы даютъ преобладаніе суффиксу *éв* и при склоненіи имёнъ Стеблѣв и Царѣв, слишкомъ очевидно происходящихъ отъ тѣхъ же существительныхъ стебѣль и цар[ь], отъ которыхъ происходятъ прилагательныя *стеблѣвий* и *царѣво́го*. Значитъ, склоняются Стеблѣв и Царѣв вотъ какъ:

им. Стеблѣв
Царѣв
род. Стеблѣва (рѣдко Стеблѣ́ва).
Царѣва (рѣдко Царѣ́ва)
дат. Стеблѣву (рѣдко Стеблѣ́ву)
Царѣву (рѣдко Царѣ́ву)
вин.—сходенъ съ им.
зв. Стеблѣ́ве! (рѣдко Стеблѣ́́ве!)
Царѣ́ве! (рѣдко Царѣ́́ве!)

*) Вотъ если удареніе падаетъ на послѣдній слогъ, тогда преобладающая фонема будетъ *стеблѣ́вий* (съ *́ов*). Она съ такимъ удареніемъ, кстати сказать, и есть наиболѣе обычная форма для относительнаго прилагательнаго отъ стебѣль (=стебельный).

ор. *Стеблѣвом* (рѣдко *Стебльовом*)
Царѣвом (рѣдко *Царьовом*)
 мѣст. у *Стеблѣві* (рѣдко в *Стебльові*)
 в *Царѣві* (рѣдко въ *Царьові*).

Слѣдовательно, при ударности суффикса *ев* можно признать за правило, что онъ, при склоненіи именъ городовъ и сель на *ів* (=евъ), обыкновенно не очень склоненъ переходить въ [ь]ов. Исключеній (вродъ *Кишинѣв* и *Грубешів*—мало.

М л і ї в.

§ 48. Это же (т. е. не слишкомъ большую готовность вырабатывать суффиксъ [ь]ов) надо сказать почти въ такой же степени относительно склоненія тѣхъ именъ городовъ, въ которыхъ суффиксъ, хоть самъ и неударенъ, но имѣетъ передъ собою ударное *і* (чаще всего изъ *ю*), т. е. надо это сказать объ именахъ типа *Тетіів* (=Тетіевъ *Кіев.*), *Іркліів* (=Ирклѣевъ *Полт.*), *Зьміів* (=Змѣевъ *Харьк.*), *Млїів* (=Млѣевъ *Черниг.*) и т. п. Какъ мы имѣли случай говорить въ § 42 γ, ударный узкій слогъ *і* корня этихъ именъ дѣйствуетъ ассимиляціоннымъ, суживающимъ образомъ на неударный сосѣдній съ нимъ слогъ суффикса, который поэтому чаще сохраняется въ видѣ *jev*, чѣмъ переходитъ въ *јов*. Склоняются имена на *іів* (=ѣевъ) такъ:

им. *Млїів*

род. *Млїева* (рѣже *Млїйова*)

дат. *Млїєву* (рѣже *Млїйову*)

вин.—сходенъ съ им.

зв. *Млїєве!* (рѣже *Млїйове!*)

ор. *Млїевом* (рѣже *Млїйовом*)

мѣст. у *Млїєві* (рѣже в *Млїйові*)

§ 49. Такъ-какъ въ говорахъ, смѣшивающихъ неударное *е* и *и* (а такихъ большинство!), косвенные падежи отъ именъ типа „*Млїів*“ слышатся уху, какъ „*Млїјива*, *Млїјиву*“ и т. д., то у многихъ малоруссовъ

есть наклонность узаконить это произношение грамматически и писать такъ-же въ литературной рѣчи: „Млі́ва, Млі́ву, в Млі́ві“ и т. д.,—по образцу склоненія обособленного имени „Кі́їв“, которое сохраняетъ свой звукъ *ї* и въ косвенныхъ падежахъ (мы вѣдь пишемъ: Ки́ва, Ки́ву, в Ки́ві и пр., см. § 35). Въ виду того, что аналогія „Млі́в“ съ „Кі́їв“ должна быть признана грамматически не совсѣмъ удачной *), мы не рѣшаемся ввести начертанія „Млі́ва, Млі́ву“ и т. п. въ свою грамматику надднѣпрянской рѣчи и будемъ писать фонему *їв* только въ формахъ имен. и вин. падежей (Млі́їв), а въ косвенныхъ будемъ писать строго *єв* (Млі́єва, Млі́єву, Млі́євом, Млі́єві) или, конечно, также *йов*. Правда, мы считаемъ за очень естественную вещь, что со временемъ начертаніе не только „Млі́ва“, но и „Микола́їва“, „Поча́їва“ „Лбі́ва“ и т. п. завоюютъ себѣ право литературнаго гражданства, какъ болѣе легкія, хоть и неправильныя; но покамѣстъ—этого еще нѣтъ.

Проанализированными во II—III урокахъ тремя группами (т. е. именами на твердую согласную типа ко́зак и пр., именами муж. рода на *о* типа ба́тько и пр., именами городовъ на *їв* типа Ха́ркїв и пр.) исчерпывается твердое различіе мужескаго склоненія, иначе называемаго „склоненіемъ основъ на *о* **). Мягкое различіе

*) „Кі́їва“, а не „Кі́їєва“ слышимъ мы и въ тѣхъ немногочисленныхъ говорахъ, гдѣ неударное *є* еще явственно отличается отъ неударнаго *и*, тогда-какъ „Млі́їва“ можно слышать только въ говорахъ, смѣшивающихъ неударные *є* и *и*. Кромѣ того къ „Кі́їва“ нѣтъ параллели „Кі́їова“ въ вост.-мр. нарѣчїи, тогда какъ къ „Млі́їєва“ имѣется вост.-мр. параллель „Млі́їїова“. (Конечно, въ зап.-мр. нарѣчїи, напр. на Воляни, можно,—вѣроятно, не безъ польскаго вліянія,—услышать и „Кі́їова“, но для законовъ нашей вост.-мр. грамматики это, безусловно, не указъ).

**) О причинахъ такого названія [сравнительно-филологическаго] см § 16.

склоненія основъ на *o* распадается на большое количество группъ, но ихъ обзоръ мы отлагаемъ до слѣдующаго урока.

§ 50. Слова къ упражненіямъ урока 3-го
(=упражн. 5—6.) мельница—млин (род. млина и мліну) *)
мужчина—чоловік
Кременчугъ—Кременчѹк (род. Кременчѹка)
Магометъ, Мохаммедъ—Мохаммед, Могаммед
прахъ, пыль—пóрох
оводъ—òвад (зап. óвод) ¹⁾.

*) Судя по замѣчанію Б. Гринченка (см. „Гром. Думку“ 1906 № 165, ст. 4), есть мѣста на Украинѣ, въ которыхъ слово „млин“ означаетъ только водяную мельницу, а вѣтряная мельница называется тамъ только „вѣтряк“. Но сказать это вообще про всѣ малорусскія земли—нельзя. Употребленіе термина „млин“ въ смыслѣ просто всякой мельницы, въ томъ числѣ и вѣтряной, намъ лично приходилось констатировать, напримѣръ на такихъ противоположныхъ другъ отъ друга пунктахъ, какъ Обоянскій уѣздъ Курской губ.—и Звенигородка на югѣ Кіевщины (на границѣ съ Херсонщиною), гдѣ сейчасъ пишутся эти строки. Срв. и въ „Байкахъ“ черниговца Л. Глѣбова: „Млин у мѣршника був водяній“, откуда ясно видно, что Глѣбовъ знаетъ млыны и не водяные.—Вотъ терминъ „мѣлница“—тотъ, дѣйствительно, примѣняется всюду лишь къ мельницѣ водяной.—поскольку намъ позволяютъ судить наши наблюденія.

¹⁾ Очень часто это слово произносится съ придыханіемъ: óвад. Кое-гдѣ удареніе падаетъ на конецъ: .гов а́д. Что касается присутствія звука *a* въ этомъ словѣ у восточныхъ малоруссовъ (óвад), то надо замѣтить, что восточно-малорусскимъ нарѣчіемъ здѣсь доннынъ сохранено старокіевское произношеніе велико княжескихъ временъ. Срв. въ Житіи Феодосія Печерскаго по списку XII вѣка (изд. Бодянского, 11): „отъ овдаа и комара, овдду... и комаромъ“. Очевидно, восточные малоруссы всегда здѣсь чувствовали корень вад (срв. в а́ д и т и = вредить), тогда какъ малоруссы западные (подобно сѣвернымъ русскимъ) приурочили это слово къ корню вод (срв. вод і́ т и въ смыслѣ тянуть и мучить до усталости,—напр. рыбу на удочкѣ; срв. еще: изводить). Кое-гдѣ и въ области восточно-малорусскаго нарѣчія (напр., въ зап. Кіевщинѣ) подъ вліяніемъ сосѣдей-подоланъ и волянянъ слышится тоже óвод (срв. фельетонъ въ „Громадскій Думці“ 1906 №№ 153 и 155); въ свою очередь фонема съ *a* (въ видѣ „òвад“, съ придыхательнымъ *a*) сохраняется еще кое гдѣ и въ области зап.-мр. нарѣчія. Въ польско-архаичности вост.-мр. овад свидѣтельствоvalo бѣ и польское слово owaд, если бы можно было ручаться, что оно не заимствовано польскимъ языкомъ изъ малорусскаго (обыкновенно по-польски оводъ называется gзіk, gies, срв. мр. „кгедзь“). Противъ архаичности зап.-мр. овод свидѣтельствоуетъ то обстоятельство, что звукъ *o* не перешелъ въ немъ въ ожидаемый звукъ *i* (не говорится: ов і́д, только овод).

ходящій на заработки, занимающійся отхо-
жимъ промысломъ—заробітчанин.

Федоръ, Федея — Хведько **)

слуга-домочадецъ, работникъ—челядник (ло
кально чалядник) ***)

къ вечеру, подъ вечеръ—над вѣчир.

глина—гліна.

всякій, всякая, всякое—всякий, всяка, всяке
усякій, усяка, усяке.

положительно всякій, разнообразный—геть
усякій ²⁾

всякаго—всякого, усякого.

трезвый—тверезій ³⁾

**) Обычай передавать на письмѣ чужой звукъ *ѣ* (которому соответствовали церк.-слав. буквы *Ѣ* и *Ѧ*) черезъ *ха*—установился у малоруссовъ между XIII—XIV вв. Въ Бучачскомъ (галицкомъ) евангеліи XIII в. попадаетея „Вархоломѣя“ (л. 2 об.); въ Каме-нецъ-Стромиловскомъ евангеліи 1411 г.: Ехѣрем[ъ], ученія хѣар-сейска (л. 185, л. 40). Но мы знаемъ что лѣтописные киевляне съ перваго же момента введенія у нихъ христіанства плохо справля-лись съ чужимъ для нихъ звукомъ *Ѣ* или *Ѧ*. См. ч. I, § 13, е.

Очень изобилуютъ начертаніями съ *ХЕ* сохранившіяся донныѣ церковныя поминальныя книжки XVI вѣка, какъ Киевскія, такъ и иныя.

**) Очень узкимъ локализмомъ считать здѣсь звукъ *а* нель-зя, конечно. Мы слышимъ „чалядь“ и въ Подоліи („Правда“ 1890, падолист, стр. 207), мы слышимъ „чалядь“ иногда и въ Полтав-щинѣ, не говоря ужъ о Киевщинѣ, гдѣ это слово съ нерѣдкимъ звукомъ *а* не умирало съ лѣтописныхъ великокняжескихъ вре-менъ (Срв. въ Лаврентьев. спискѣ начально-киевской лѣтописи: „отпусти послы, одаривъ... чалядю и воскомъ“, л. 28). Но вездѣ на ряду съ „чалядь“ мы несравненно чаще слышимъ „чѣлядь“, а потому фонему со звукомъ *а* надо считать все же локализмомъ.

²⁾ Самостоятельно „геть“ значитъ „прочь“, но въ словосо-четаніяхъ употребляется въ смыслѣ „сплошь“, „какъ есть“; лат. „usque“.

³⁾ Такая перегласовка въ этомъ словѣ извѣстна у малорус-совъ искони. Напр. въ великокняжескомъ киевскомъ Изборникѣ Святослава 1076 года читаемъ: „по и^ст^ре^зезени“ (л. 75 = по истрезвению).

который? которая? которое?—котрій? котра?
котрё?

большой,-ая,-ое—великий, велика, велике.

того—тогó

изъ того—з тóго (НВ. ударение!)

отложной—викóтистий; з викóтоу

вѣроятно—мабуť

пожалуй, что...—мабуť, чи не...; так що...

теперь—тепёр, тепёречки

или—абó.

ты дашь, вы дадите—ти дасí, ви дастé

ты съѣшь, вы съѣдите—ти зйíси, ви зйíстé.

ѣшь! ѣшьте!—їж! їжте!

бѣги!—бѣжи! ⁴⁾ Бѣгите!—бѣжítь!

онъ живеть—вín живé; вín сидítь (въ смыслѣ
„квартируетъ“).

онъ бываетъ—вín бувáе

были—булí.

онъ произноситъ, выговариваетъ—вín вимов-
ляе.

ау! гой!—агóв! ⁵⁾

⁴⁾ Отъ самыхъ старинныхъ временъ съ XI в. мы встрѣчаемъ у малоруссовъ произношеніе: „бѣжи!“ (а ужъ не „бѣзи“ и, конечно, не „бѣзи“). Такъ, въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1076 г. находимъ: „грѣха бѣжи!“ (л. 9 б.). Очень вѣроятно, что для этого глагола форма съ жи (параллельно съ фирмою на зи) можетъ считаться далеко не специально-малорусской, но еще общеславянской,—чего ужъ нельзя сказать про лѣтописныя формы: „стережи!“ (Ипат. списокъ, 456), „рѣѣи!“ (чит. „речí!“—въ Лаврент. списокѣ, 76) и т. п.—По русски, какъ извѣстно, соотвѣтствующія формы звучатъ: бѣги! стереги! режи!“ и т. п., а малоруссамъ формы на жи, ки никогда не были извѣстны. Срв. ч. I § 8, стр. 77.

⁵⁾ Если малорусское в вообще звучитъ въ исходѣ словъ крайне далеко отъ ѳ (въ противность русскому языку) и приближается къ у, то въ словѣ агóв! оно звучитъ почти совсѣмъ, какъ у.

поѣхалъ, поѣхала, поѣхало—поѣхав, поѣхала,
поѣхало,
испортилъ, испортила, испортило — збавив,
збавила, збавило
шьется—шійтсья ⁶⁾
подъ, по близости—по-під (съ орудн.)
между—між
иногда—іноді
тогда—тоді (рѣдко тогді) ⁷⁾
дѣйствительно, въ самомъ дѣлѣ—справді ⁸⁾

⁶⁾ Произносить это слово надо съ *цѣлью*, т. е. „шыѣцьця“ Срв. ч. I, § 28, б.

⁷⁾ Въ зап.-мр. нарѣчій и въ сѣв.-мр. говорахъ существуетъ еще форма тогди (изъ „тогда“), но въ центральной Надднѣпрянинѣ она уже неизвѣстна. хотя въ старыя времена это какъ-разъ и была форма общемалорусская. По памятникамъ она изстари одинаково извѣстна какъ въ малорусскихъ грамотахъ западныхъ (напр. въ записи при южно-галицкомъ Евангеліи поповича Евсевія 1283 г.: **ТОГДЫ**; то же въ подольской Смотрицкой грам. 1375 г.), такъ и въ лѣтописи старокіевской XII вѣка (срв. по Лаврентьев. списку подъ 6660 г.; по Ипат. сп. подъ гг. 6663. 6668); однако теперь Приднѣпровье знаетъ лишь форму тоді (=ТГДѢ, **ТДѢ**). Такъ же зап.-малорусскому *оногди* (=намени, на дняхъ) соответствуетъ локальное правобережное украинское *оноді* (а въ Лѣвобережьи этого слова вовсе нѣтъ). Зап.-малорусскому и правобережно-украинскому *завжди* (=всегда, постоянно) часто соответствуетъ лѣвобережное *завжді* (которое, слѣдовательно, является локализмомъ). Но *завсѣди*, *завсѣгдї* есть форма обще-малорусская (съ окончаніемъ *ї* это слово не употребительно).—Къ категоріи чередованій аналогичнаго типа надо отнести зап.-мр. фонему *дбси* (=до сихъ поръ, доселѣ) при вост.-мр. *дбсі*.

⁸⁾ Нарѣчіе *справді* возникло изъ выраженія „с-правди“ (=съ правды), отъ слова „правда“. Въ Слобожанщинѣ до сихъ поръ можно услышать это нарѣчіе, какъ „справди“, съ твердымъ *и* на концѣ (и такъ писалъ Квитка-Основьяненко). Но почти всѣ прочіе малоруссы допустили по отношенію къ этому нарѣчію аналогію нарѣчій „тогди“ и „тоді“ и начали наряду со „справди“ произносить „справді“, причемъ польское однозначущее „wprawdzie“ и зап.-мр. „вправді“ [букв. „въ правдѣ“] тоже сыграло здѣсь свою роль. Теперь фонема „справді“ всецѣло господствуетъ всюду надъ „справди“, а въ большинствѣ мѣстностей только она одна (съ *ї*) и извѣстна.

Къ звуковой формѣ и правописанію нѣкоторыхъ изъ вышепоименованныхъ словъ.

§ 51. О слышимой полумягкости звука *и* послѣ губныхъ (б, п, в, ф, м) см. часть I, § 63. Тамъ даны и наставленія, при соблюденіи которыхъ удастся писать правильно, напр., „письмó“, а не „письмó“. Въ § 64 перечислены нѣкоторыя наиболѣе употребительныя слова этого типа, которыя своимъ сбивчивымъ выговоромъ подаютъ поводъ къ ошибочному правописанію, и въ которыхъ надо однако писать послѣ губныхъ обязательно букву *и*, не *і*. Напротивъ, въ § 65 исчислены слова и формы, въ которыхъ старинные слоги **вн**, **мн** и т. п. обратились въ несомнѣнные *ві*, *мі* и т. п., такъ что въ нихъ вполнѣ грамматичнымъ будетъ писать букву *і*, не *и* (напр., въ дат. пад. „чоловікові“, въ глаголѣ „привітáти“, и пр., и пр.).

§ 52. Въ ч. I, § 66, отмѣчены случаи, когда неударное *е* (смѣшивающееся въ говорахъ съ неударнымъ *и*) тоже звучитъ, послѣ губныхъ согласныхъ вродѣ полумягкаго *і* и когда мы должны, однако, писать букву *и*. Затруднительность иныхъ подобныхъ случаевъ оговорена въ ч. I, § 67. Въ § 68 приведены слова и формы, въ которыхъ и литературно должна быть узаконена буква *і* (вмѣсто неударнаго *е*) въ положеніи послѣ губныхъ,— какъ, напримѣръ, въ „мѣнѣ“ (=мнѣ), „навіть“ (=даже) и т. п.—Въ § 69—71 см. о происхожденіи и правописаніи предлога „біля“ въ разныхъ его значеніяхъ (=возлѣ, и пр.). Въ § 72 разобрано происхождение и орфографія нарѣчія „міттю“ (=мигомъ, вмигъ).

§ 53. Для сознательнаго перевода дальнѣйшихъ упражненій (5—6) полезно будетъ читателю просмотрѣть въ I части, въ главѣ: „Экскурсы изъ области глагола“, рубрику о формахъ архаическаго спряженія (дам, зйісі, іж и пр.).

§ 54. Для той же цѣли слѣдуетъ вкратцѣ пробѣжать въ I ч., въ главѣ: „Экскурсы изъ области имени прилагательнаго“, рубрику о формахъ склоненія прилагательныхъ мужескаго рода единств. числа (дбрий, сіній и т. п.).

§ 55. Упражнение 5-ое (Робѣта п'ята). Стоѣтъ у лузі татарський мечѣт *); і там, самѣ на порѣзі—дрібній на́пис: „Прорѣче Мохаммеде, Бѣгови мѣлий! Ти пан над панами, а я—пѣрох мѣж порохами!...“ **).—Парубче! бѣжи мѣттю до тих чоловѣків, що он коло млина: дасѣ їм цѣгоб квітка.—Агѣв, дядькі! Оце квіто́к хазяїнові.—Хазяїна нема́ тѣтечки: бѣде вже рѣк, як поїхав. Був він у Київі, а звѣдти поїхав до Каньова ***); тепѣречки він—або в Кременчуці, або в Петербурзі.—Коли ж ****) він

*) О муж. родѣ см. § 2. По арабски это слово (а оно—чисто арабское)—тоже рода мужескаго, а не женскаго.

) По-русски этого слова совсѣмъ нѣтъ, вмѣсто того употребляется слово „пыль“; а русское „порохъ“ означаетъ лишь ружейный порохъ [и заимствовано въ этомъ смыслѣ, повидимому, изъ Литовской Руси или изъ Польши]. У малоруссовъ же донинѣ сохраняется „п о р о х“ въ томъ же смыслѣ („пыль“). въ какомъ оно употреблялось лѣтописными предками (срв., напримеръ, въ кѣвскомъ Изборникѣ Святослава 1076: **пороха л. 41. Сответственное мн. ч. этого слова, которое въ русскомъ языкѣ было бы необычайно (странно было бы услышать „пылями“), въ ходу у малоруссовъ изстари. Срв. въ Словѣ о Полку Игоревѣ XII вѣка: „Пороси (нын. „порохи“) поля прикрывають.“

***) § 56. „Вхати к у д а н и б у д ь“ чаще передается по-малорусски предлогомъ *до* съ род. пад., (хотя *до* собственно означаетъ по-малорусски: „къ“), чѣмъ предлогомъ „въ“, который въ ходу у русскихъ, или чѣмъ другими предлогами. „Вхати *на* мельницу“—по-малорусски тоже передается съ предлогомъ *до*, и т. п.

****) § 57. Обратимъ вниманіе, что постпозитивная частица

тутечки буде?—Коли?... Мабуть чи не „на безрик“!... Бо так він сам казав братови.—Як цей чоловік кумедно вимовляє! не „братови“, а „братови“!—Бо він з Грубешова, а його батьки були з Іл[ь]вова.—Стояницьовий комір шийється часто, та на Грицьківі—комір з викотою, абб викотистий.—Чи є гліна коло Стеблєва?—Чому ні? по-під Стеблєвом є гліна геть усякого кбліру ¹⁾).

1) Руссий переводъ. Въ рошѣ стоить татарская мечеть, и тамъ, какъ разъ на порогѣ—мелкая надпись: „Пророкъ Мохаммедъ Богу милый! Ты - господинъ господъ, а я—прахъ праховъ!“..— Молодой человекъ! бѣги мигомъ къ тѣмъ мужчинамъ, которые— вотъ-тамъ возлѣ мельницы: дашь имъ эту записку.—Эй, дяденьки! Вотъ записка хозяину.—Хозяина нѣтъ здѣсь: будетъ ужъ годъ, какъ уѣхалъ. Былъ онъ въ Кіевѣ, оттуда поѣхалъ въ Каневъ, теперь онъ—или въ Кременчугѣ, или Петербургѣ.—Когда же онъ здѣсь будетъ?—Когда?... пожалуй, что черезъ „вѣки вѣчные“. Вѣдъ такъ онъ самъ сказалъ брату.—Какъ этотъ мужчина куріозно выговариваетъ (по-малорусски)! не „братови“! но „братовы“.—Потому что онъ изъ Грубешова, а его родители были изъ Львова.—Стоячий воротникъ шьется часто, но на Григоріи—воротникъ съ отворотомъ, или отложной.—Есть ли глина возлѣ Стеблєва?—Почему „нѣтъ“? подъ Стеблєвомъ есть глина разнообразнаго цвѣта.

§ 58. Упражненіе 6-ое (Р о б ѳ т а ш ѳ б т а).

Работавшій на отхожемъ промыслѣ говорилъ *): Харьковъ и Кіевъ! вы—такъ городá!... А ты, Каневъ: развѣ городъ!“—Какой маршрутъ**) у парохода на Днѣпрѣ?—Пароходъ идетъ изъ Рогачева до Лоева, изъ Лоева—до Кіева. Есть ***) пароходъ, идущій ****) оттуда до

же должна непременно послѣ гласныхъ сокращаться въ *ж*. По русски можно сказать: „когда же“, но по-малорусски недопустимо что-нибудь подобное; сказать „коли же“ было бы совсѣмъ нельзя, —обязательно требуется сказать „коліи ж“. Судьбу *же* послѣ открытыхъ слоговъ раздѣляетъ еще частица *би* (=бы): въ вост.-мр. нарѣччіи не говорится, напр. „шѳби“ (=чтобы), а только „шѳб“. Въ зап.-мр. нарѣччіи можно сказать и „шѳбі“ но тамъ удареніе падаетъ въ такомъ случаѣ на слогъ *бі*.

*) Лучшее будетъ поставить при переводѣ сказуемое раньше подлежащаго.

**) Перев. „путь“.

***) Вставить „опять“ (з н о в) для лучшей связи рѣчи. Слово з н о в употребляется въ смыслѣ: а, и.

****) § 59. Причастія у малоруссовъ почти не употребительны

Канева; въ Каневѣ онъ бываетъ подъ вечеръ,—или, иногда и вечеромъ,—А оттуда, пожалуй, идетъ и въ Николаевъ?—...Ивану вѣдь****) надо будетъ съѣздить еще и туда.—Да развѣ у Ивана есть кто(-нибудь) въ Николаевѣ? —Ну, да! тамъ его братья-возчики.—Дядюшка!—говоритъ тотъ, кто ѣдетъ на мельницу:—Почему сегодня мельница стойтъ?—Потому-что вихрь, бывший ****) вчера, мельницу мнѣ испортилъ... Но дашь мнѣ мѣшокъ или мѣшечекъ,—къ вечеру будетъ, что нужно.—Въ самомъ дѣлѣ? Это-жъ который мельникъ говорилъ?—Да живущій ****) какъ-разъ подлѣ Дашева, а говорилъ (одному) молодому человѣку.—Ну, тотъ мельникъ ^{б)}—большой жохъ-прижима!—„Господинъ хозяинъ!“—говорилъ слуга:— „вотъ, ѣшьте голубя“.—„Трезвъ ли ты, чело-

(за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они носятъ характеръ чистыхъ именъ прилагательныхъ,—напр., „помѣршій“=покойный, мертвый, родючіи=плодородный и др. Въмѣсто причастій малоруссъ пользуется полнымъ предложеніемъ съ мѣстоименіемъ що (=собств. „что“=который, которые и пр.). Такимъ образомъ русское „идушій“ надо передѣлывать по-малорусски на „что идетъ“ (що йдѣ); идущіе=„что идутъ“ (що йдуть); бывший=„что былъ (що був), бывшая=„что была“ (що була), живущій = „что живетъ“ (що живѣ, що сидѣть) и т. п. Разумѣется однако, что въ смыслѣ „прежній“ можно сказать бувшій; въ смыслѣ „пансіонеръ“ можно сказать „живущій“ и т. п.; впрочемъ и эти выраженія многими малоруссами избѣгаются, а замѣняются какъ-нибудь иначе.

****) Перев. „потому-что“ (бо).

^{б)} § 60. Лучше перевести: „изъ того мельника“. Такой оборотъ вообще употребителенъ въ тѣхъ предложеніяхъ, сказуемое которыхъ есть имя (не глаголь) и которыя можно по русски перифразировать въ видѣ: „онъ (или я, ты и пр.) оказывается по качеству вотъ чѣмъ“, „онъ является по качеству вотъ такимъ-то“. Напримѣръ, „плохой ты работникъ“ выражается по-малорусски: поганій з тебе робѣтник! „я баринъ“—з мене пан; „твой мужъ глупъ“—дурень з твогб чоловіка; „не жилецъ я на этомъ свѣтѣ!“ — не житець із мене на цьому свѣтї; „онъ истый малоруссъ“—з нього щирій українець, „мы будемъ людьми“—з нас будуть людї (Шевч.) и пр.

вѣкъ?“⁶⁾—говорить хозяйинъ:—„черта съѣшь, а не голубя, когда зубовъ нѣтъ!... Дашь мнѣ, развѣ, хлѣба“..... *)

Примѣчаніе. Въ петитномъ подстрочномъ текстѣ ударныя гласныя буквы сообразно съ средствами типографіи напечатаны курсивомъ: иныхъ петитныхъ буквъ съ удареніями не оказалось въ типографіи. Читатель при переводѣ не долженъ обращать на этотъ подстрочный курсивъ ни малѣйшаго вниманія.

⁶⁾ Русское „человѣкъ“ въ смыслѣ „служитель“ передается по-малорусски однимъ изъ словъ, означающихъ „служитель“,— напр., черезъ слово *челѣдникъ*, „челѣдѣн“ (если рѣчь о домочадцѣ), *прислужникъ* (если дѣло идетъ о трактирѣ, гостиницѣ и т. п.) или же словомъ „хлопецъ“ (=пáрень), если видно, что служитель еще не солидный мужчина.— Здѣсь, для колорита, удобно будетъ, въ вульгарномъ отвѣтѣ хозяйина, употребить нелитературную фонему „чалѣднице!“ Можно бы сказать и „хлопче!“ но мы еще не разсматривали склоненія словъ на ... ець.

^{*)} Ук раї н с ь к и й п е р е к л а д . К а з а в з а р о б і т ч а н и н : „Хáркoвe й Кíївe! ви—дакъ городí!... А ти (лучше бы: з тебе, см. § 60), Кáневe, хíба гóрод?..“—Якà путь у парoплáвa на Днiпрi?—Парoплáв iдe з Рoгáчeвa до Лóйoвa, з Лóйoвa—до Кíївa. Є, знов, парoплáв, щo звiдти iдe до Кáньoвa; в Кáневi вiн бувae над вeчiр,—aбo, чáсом, i ввeчeрi.—А звiдтiлi мáбуть чи нe iдe i до Микoлáсвa?... бo Йвáнoвi трéбa бiдe щe й тудi.—Тa хiбà в Iвáнa є хтo в Микoлáсвi?—Атoж! тaмъ йoгó брaтi, збiржaникi.—Дiдьку-мiрoшникe!—кáжe тoй, хтo iдe до млинà:—чoм сьoгoднi млин стoйть?—Бo тoй вiхор, щo був учoрa, млинà мiнi збaвив... Тa дасi мiнi мiшкà aбo мiшeчкa (или: мiшoчкa),—над вeчiр бiдe, щo трa.—Спрaвдi? цe ж кoтрiй мiрoшник кaзaв?—Тa тoй, щo сидiть сáмe бiлi Дáшoвa, a кaзaв пáрубкoвi.—Ну, з тóгo мiрoшникa вeлiкий жмiкрут.—„Пáнe-хaзiїнe!“—кaзaв чeлѣдник:—„oсь, iжтe гóлубa.“—Чи ти твeрeзий, чaлѣдникe?“—кáжe хaзiїн: „чoртa зiйсi, * нe гóлубa, як зубiв нeмà!... Дасi мiнi хiбà хлѣбa“.....

Урокъ четвертый.

Склоненіе существительныхъ мужескаго рода по мягкому различію.

(Про, те як самостійні ймєння рѣду мѣжеского склоняються, або відмінюються м'якою відмінюю).

Категоріи м'якаго различія.

§ 61. По мягкому различію склоняются имена существительныя мужескаго рода нѣсколькихъ группъ:

а) Существительныя на *ь* (но не на *ець*), типа: ковалъ (=кузнецъ), ухналь (=подковный гвоздь, *Hufnagel*), дурень (=дуракъ, глупецъ), вѣхоть (=мочалка), Гриць (=Гриша), князь (=князь)*. Сюда не относятся слова типа хлопецъ (=мальчикъ), съ такимъ звукомъ *е*, который выпадаетъ въ косвенныхъ падежахъ (хлопця и т. д.).

б) У центральныхъ украинцевъ крайне близки къ этой группѣ по своему склоненію, но во всѣхъ прочихъ вост.-мр. говорахъ очень неблизки къ ней—слова на *р [ь]*, типа: кобзаръ (=козацкій бардъ, кобзарь), букваръ (=букварь), опиръ (=упырь) и т. п. на *ар* и *ир*. Сюда же относится довольно характерная и своеобразная разновидность на *яръ*, типа шкляръ (=стекольщикъ), и сильно уклонившіяся въ сторону твердаго различія типы на *ір*, *ур*; діалектически входятъ сюда и типы на *ер*, *ор*, бывшіе первоначально твердосклоняемыми.

*) Первоначально „князь“ относилось, повидимому, къ другому, „ижевому“ склоненію, или къ т. н. „основамъ на *ь*“, слѣдомъ чего остается и доннынѣ локальная форма ор. мн. „князьми“. Но эта форма рѣдка,—и „князь“ у большинства малоруссовъ склоняются теперь такъ же, какъ „коваль“ [ор. мн. „князьми“].

в) Слова на *ець*, которыя, кстати сказать, въ русскомъ языкѣ склоняются не по мягкому, а по твердому различію,—типа *хлѣпецъ* (=мальчикъ' какъ бы „хлопецъ“), *кінѣць* (=конецъ), *хлѣвецъ* (=хлѣвокъ, какъ бы „хлѣвецъ“), *горобѣць* (=воробей, какъ бы „воробецъ“). Имена съ невыпадающимъ е (напр. *мудрѣць*, род. *мудреця*) въ эту категорію, собственно, не входятъ и склоняются по типу *а* (какъ *Гриць*), такъ-что сюда относить мы должны бы въ сущности лишь тѣ имена на *ець*, которыя въ косвенникахъ теряютъ звукъ *е* (срв. род. пад. *хлѣпця*, *кінця* и проч.).

г) Слова на шипящую, типа: *товариш* (=товарищъ), *ляцъ* (=лещъ), *ніжъ* (=ножь), которыя у русскихъ по установленной (въ XIX вѣкѣ) неправильной орфографіи пишутся теперь твердо, съ *з* (а слѣдовало бы по русски писать мягко: „товарищъ“, „ножь“).

д) Слова на *й*, типа *добродій* (=благодѣтель; господинъ), *крутіій* (=мошенникъ, обманщикъ), *гай* (=роща, нѣм. *Hain*, *) *звѣчай* (=обычай).

Синтактическая общность со склоненіемъ различія твердаго.

§ 62. Всѣ тѣ (скорѣе синтактическія, чѣмъ морфологическія) правила, которыя были изложены въ §§ 22, 23, 24 по поводу склоненія существительныхъ м. р. различія твердаго, всецѣло относятся и къ существительнымъ различія мягкаго. А именно:

а) У именъ предметовъ не одушевленныхъ винит. падежъ единств. ч. можетъ, въ противность русскому языку, быть сходенъ не только съ именительнымъ, но,—все равно,—и съ родительнымъ. Поэ-

*) См. у меня въ „Древне-кіевскомъ говорѣ“ гл. VI, стр. 31—32. Кажется, что слово *гай*—одного корня съ такими словами, какъ *гать*, и первоначально имѣло въ себѣ смысловой оттѣнокъ: „загорода, огороженное мѣсто“; какъ будто даже въ галицко-волинской лѣтописи еще чувствуется такой оттѣнокъ. Но и старѣйшія малорусскія грамоты, и средневѣковая латынь—знаютъ слово *гай* только уже въ опредѣленномъ смыслѣ: „роща, лѣсъ“.

тому—безразлично, какъ ни сказать: „я взяв той ухналь (=я взялъ тотъ гвоздь“), или „я взяв тогó ухналя“. Такъ же между формами род. п. на *я* и *ю* (напр., тогó жблудя и тогó жблудю — та же разница, какая имѣется въ твердомъ различіи между формами: тогó папѣра и тогó папѣру. Слѣдовательно „я взяв тогó жблудя“ значитъ: взялъ тотъ желудь, а „я взяв тогó жблудю“ означаетъ: „я взялъ тѣхъ желудей“, или „желудя въ собирательномъ смыслѣ“.

3) Сходство формы вин. падежа множ. ч. именъ предметовъ одушевленныхъ съ формою имен. падежа—обусловливается въ мягкомъ различіи тѣми же требованіями, какія изложены въ § 23. Слѣдовательно, сказать: женé лебеді́ (=гонить лебедей) будетъ гораздо лучше, чѣмъ „жене лебеді́в“. Но отъ москалѣ́ (=солдаты) обычный винит. падежъ будетъ москалѣ́в. Срв. бачу москалѣ́в (=вижу солдатъ), хотя очень хорошо—сказать: кинь поміж москалѣ́ (=брось въ ряды солдатъ), вбѣито три москалѣ́ (=убиты три солдата), пооддавай гробші́ на старцѣ́ (=отдай всѣ деньги на нищихъ).

γ) Согласно § 24 безразлично—сказать ли: чужі́ краі́ він не любить (=чужихъ странъ онъ не любитъ) или чужі́х краі́в він не любить.

а) § 63. Склоненіе—существительныхъ м. р. съ окончаніемъ ь (типа коваль).

Единственн. ч. Оди́н а́.

I. им. кова́ль (одуш.=кузнецъ).

ухна́ль (неодуш. =подковный гвоздь)

ду́рень (одуш. =дуракъ)

віхоть (неодуш. =мочалка)

князь (одуш. =князь).

Гриць (одуш., =Гриша)

II. род. коваля́

ухна.ля́

ду́рня

віхтя́ (и віхтю́)

кня́зя

Гриця́

III. дат. { ковалє́ві (зап. ковальо́ві)

{ (рѣже) ковалю́

{ ухнале́ві (зап. ухнальо́ві)

{ (рѣже) ухналю́

{ ду́рневі (зап. ду́рньо́ві)

{ (рѣже) ду́рню

{ віхте́ві (зап. віхтьо́ві)

{ (рѣже) віхтю́

{ кня́зе́ві (зап. князьо́ві)

{ (рѣже) кня́зю

{ Грицьо́ві (зап. Грицьо́ві)

{ (рѣже) Грицю́

IV. вин. коваля́

{ ухна́ль

{ ухналя́

ду́рня

{ віхоть

{ віхтя́

кня́зя

Гриця́

V. зв. кова́лю!

ухна́лю!

ду́рню!

віхтю́

князю!

Грицю! *)

VI. ор. ковалѣм (зап. ковальбѣм)

ухналѣм (зап. ухнальбѣм)

дурне́м (зап. дурньѣм)

вѣхте́м (зап. вѣхтьѣм)

князе́м (зап. князьѣм)

Грице́м (зап. Грицьѣм)

VII. мѣст.) на ковалѣ́
) на ковалѣ́ви (зап. на ковальбѣви)
) на ковалю́
) на ухналѣ́
) на ухналѣ́ви (зап. на ухнальбѣви)
) на ухналю́
) на дурнѣ́
) на дурне́ви (зап. на дурньѣви)
) на дурню́
) на вѣхтѣ́
) на вѣхте́ви (зап. на вѣхтьѣви)
) на вѣхтю́
) на князѣ́
) на князе́ви (зап. на князьѣви)
) на князю́
) на Грицѣ́
) на Грице́ви (зап. на Грицьѣви)
) на Грицю́

*) Изрѣдка зват. пад. слышится и съ окончаніемъ *e* (вѣхте! дурне!), но это такой сравнительно узкій локализмъ, что узаконивать его нельзя. Рѣдкая форма „кня́же!“ (при обычной „кня́зю“) стоить особнякомъ: она не исключена изъ литературной рѣчи, не смотря на свою рѣдкость, потому-что она есть очень почтенный архаизмъ, поддерживаемый національно-исторической традиціей.

Множ. число. Множинá.

- I. им. ковалі́
ухналі́
дурні́
віхті́
князі́ *)
Гриці́
- II. род. ковалі́в
ухналі́в
дурні́в (по-русски же дурней!)
віхті́в
князі́в (по-русски же князей!)
Гриці́в **).
- III. дат. ковалі́м
ухналі́м
дурня́м
віхтя́м
князя́м
Гриця́м

*) Обращаемъ вниманіе (въ виду русской формы съ ъ „князя“), что по-малорусски въ формахъ этого слова нѣтъ никакого отчлененія звука *з* отъ послѣдующаго гласнаго. Малоруссы произносятъ: „князі́“ съ такимъ *зі́*, какое слышится, напримѣръ, въ русскомъ „зима“. Въ малорусскихъ формахъ „князі́ми“, „князі́м“, „князі́х“ сочетаніе *зія* звучитъ совершенно такъ, какъ въ русскомъ „зіять“, а не какъ въ русскомъ „князі́ями“, и пр.

**) Твердо надо помнить, что род. пад. мн. ч. всегда у малоруссовъ оканчивается на *ів*, а не на *ей*, какъ ждалъ бы русскій, основываясь на своемъ языкѣ. Еще старыя кievляне XI вѣка говорили такъ, какъ говорятъ теперь ихъ потомки (т. е. образовывали род. мн. на *евъ*), о чемъ мы подробнѣ скажемъ ниже, въ § 65, т. е., во 2-мъ замѣчаніи по поводу приводимыхъ здѣсь парадигмъ. Мнимое исключеніе составляютъ четыре или пять словъ м. р., имѣющихъ род. мн. на *ей* (людѣ́й, гостѣ́й, коней́, грѣше́й, рѣдко—гвозде́й), но эти слова принадлежатъ къ „ижевому“ склоненію, а не къ мягкому различію „основъ на о“. У нихъ и орудный падежъ своеобразный: „людь-ми“, „гостѣ-ми“ (и „гостѣ́ми“), „кнѣ-ми“, „грѣш-ми“ (и грѣшѣ́ми“), изрѣдка „гвоздь-ми“. Даже им. пад. у нѣкоторыхъ изъ нихъ своеобразенъ („людь-и“—съ твердымъ *и*; изрѣдка и „гост-и“ и „гвозд-и“, параллельно съ болѣе частымъ „гостѣ́“ и „гвоздѣ́“).

- IV. вин. ковалѣв (рѣдко ковалѣ)
 ухналѣ
 дурнѣв (рѣдко дурнѣ)
 вѣхтѣ
 князѣв (рѣдко князѣ)
 Грѣцѣв (рѣдко Грѣцѣ)
- V. зв. сходенъ съ именительнымъ
- VI. ор. ковалѣми
 ухналѣми
 дурнѣми
 вѣхтѣми
 князѣми
 Грѣцѣми
- VII. мѣст. на ковалѣх
 на ухналѣх
 на дурнѣх
 на вѣхтѣх
 на князѣх.
 на Грѣцѣх

Для упражненія полезно просклонять по этому же образцу: москаль (=солдаты; великоруссы); бѣль (род. бѣлю;=боль) и жаль (род. жалю;=сожалѣніе)*); корабль, или корабель (=корабль); муравель (род. муравля;=муравей)**); камѣнь (род. камѣня;=камень); пѣвень (род. пѣвня;=пѣтухъ); ведмѣдь, съ колеблющимся удареніемъ (род. ведмѣдя;=медвѣдь); блень (род. бленя;=олень; NB. удареніе!); курѣнь (род. куреня и курѣня, зв. курѣню! курѣню! =шалашъ); дѣбоготь (род. дѣбогтю, рѣже дѣгтю; =деготь); Петрусь (=Петя); гудзь (=большая пуговица); гедзь (=оводъ; слѣпень).

* По-малорусски оба слова—рода мужескаго (срв. § 2) велик и й жаль, „силн и й бѣль“.

** Чаше муравей называется просто комѣха (ж. р.). Звукъ л развился первоначально, въ косвенныхъ падежахъ („муравѣ“ обратилось въ „муравлѣ“, какъ „здоровіе“ въ „здоровлѣ“), а затѣмъ по аналогіи звукъ л перенесенъ и въ форму имен. падежа.—Совсѣмъ рѣдка форма моровель, грамматически однако правильная (срв. **мрлвнн**).

Сдѣлаемъ здѣсь два важныхъ замѣчанія по поводу вышеприведеннаго склоненія,—замѣчанія, которыя впрочемъ относятся и ко всѣмъ нижеслѣдующимъ типамъ склоненія по мягкому различію (т. е. и къ р [ѣ], ець, ш, ж, ч, й).

§ 64. Замѣчаніе о дат. пад. на *ьові* и обь орудн. пад. на *ьом*. Формы дат. падежа на *ьові* (напр. коваль*ьові* вм. ковал*ьві*) и оруднаго падежа на *ьом* (коваль*ьом* вм. ковал*ьм*) въ литературной рѣчи избѣгаются, потому-что этихъ формъ обыкновенно нѣтъ въ центральномъ Приднѣпровьи,—по крайней мѣрѣ тамъ почти нѣтъ ихъ при флексіяхъ ударныхъ. Онѣ принадлежать, обыкновенно, нарѣчію западно-малорусскому. Тѣмъ не менѣ слышать ихъ случается и въ области нарѣчія вост.-малорусскаго, и едва ли эти формы на *ьові* и *ьом* должны считаться тамъ пришлыми. Правда, что въ Лѣвобережьи онѣ попадаются (спорадически) какъ-разъ среди тѣхъ малоруссовъ, которые туда пришли съ запада во время Руины, а въ Правобережьи, гдѣ онѣ слышатся даже сравнительно частенько, констатируются онѣ преимущественно въ говорахъ, подверженныхъ большому или меньшему вліянію сосѣдняго нарѣчія западно-малорусскаго.

Возникли формы на *ьові*, *ьом* подъ вліяніемъ причины какъ фонетической, такъ (въ особенности) нефонетической.

Фонетическою причиною ихъ возникновенія могъ быть законъ (см. ч. I § 51, а) о старинномъ переходѣ звука *с* въ звукъ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ передъ стариннымъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ (или, говоря новѣе, —передъ нынѣшнимъ твердымъ согласнымъ звукомъ).

У восточныхъ-то малоруссовъ этому закону трудно было примѣнить себя въ дат. падежѣ, потому-что окончаніе **Ѣ** слишкомъ рано обратилось у нихъ въ **Ѣ** (см. ч. I § 65, а) и потому, естественно, избѣжало перехода въ твердое *ѣ*, въ силу чего звукъ *ѣ* во флексіи

ЄВН, **ЄКЪ** фонетически не долженъ былъ перейти въ *во*, но долженъ былъ сохраниться въ видѣ *е*. Этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, лучше всего объясняется тотъ фактъ, что всецѣло господствующая вост.-мр. флексія дат. мѣстн. падежа есть *єві* (напр. ковал *єві*), а не *юві*. По всему вѣроятію, именно эта же фонетическо-правильная сохранность звука *е* во флексіи пад. дательнаго оказала у восточныхъ малоруссовъ свое вліяніе также на форму падежа оруднаго, поддержала въ ней флексію *єм* и задержала развитіе флексіи *юм*, не смотря на то, что въ орудномъ падежѣ (напр., въ старинномъ „коваль**МЪ**“) звукъ **МЪ** рано сталъ твердъ и въ нарѣчій восточно-малорусскомъ (старо-кѣвскомъ и проч.) Срв. ч. I, § 13, б).

Напротивъ, въ западно-малорусскихъ говорахъ окончаніе дат. падежа **ВН** отвердѣло вполнѣ и около XIV вѣка обратилось въ „*ав*“ (срв. отъ „пѣп“ дат. падежъ: „попѣви“, чит. „поповы“) *), а въ орудномъ падежѣ окончаніе **МЪ** обратилось въ **МЪ**, конечно, не позже чѣмъ у восточныхъ малоруссовъ. Поэтому въ то время, какъ восточные малоруссы не могли фонетически развить форму дат. падежа „коваль**ѡвѣ**“, западные малоруссы могли вполнѣ фонетически переработать фонему „коваль**эвы**“ въ „коваль**ѡвы**“, фонему „коваль**эи**“—въ „коваль**ѡи**“ **).

*) Срв. начертанія „Владиславов**ы**-кролев**ы** т. е. „Владиславу-королю“ въ буков. господарской грамотѣ 1436 года.(=Улян. № 45). Въ той же грамотѣ еще разъ находимъ; „пану Владиславов**ы**, полскому кролю**ювы**“ (чит. „крьльовы“).

) Срв. въ буковинской господарской грам. 1433 г. (=Улян. № 33, стр. 39), одновременное употребленіе двухъ флексій: „отчичємъ** и дѣдич**ѡмъ**“. О буковинскомъ начертаніи „кролю**ювы**“ (чит. „крьльовы“) въ грам. 1436 г., параллельно съ „крьл**євы**“—см. предыдущую ссылку.

На помощь подоспѣла сѣда и причина нефонетическая—аналогія твердаго различія, гдѣ, какъ мы знаемъ, окончанія заключаютъ въ себѣ звукъ *o* (срв. „попóви“, „попóm“);—по образцу „попóви“, „попóm“ можетъ явиться склонность—образовать формы „коваль-óви“, „коваль-óm“. Повидимому, главную силу въ дѣлѣ возникновенія флексій *ьóви* и *ьóm* (вмѣсто *еви* и *ем*) имѣла именно эта вторая, нефонетическая причина.

Слѣдуетъ ли санкціонировать флексіи *ьóви* и *ьóm* для литературной малорусской рѣчи,—наряду, конечно, съ *еви*, *ем*? По справедливости, обѣ фонемы имѣютъ равное право на литературное узаконеніе. Не къ чему заставлять западныхъ малоруссовъ придерживаться, на письмѣ, лишь флексій *еви* и *ем*, когда большая часть западныхъ малоруссовъ почти не знаетъ этихъ флексій и знаетъ лишь *ьóви* и *ьóm*, и когда, съ другой стороны, флексіи *ьóви* и *ьóm* не совсѣмъ чужды и для малоруссовъ восточныхъ. Вѣдь, повторяемъ, частенько звукъ *ьó*, а не *е*, слышится въ этихъ флексіяхъ даже въ области нарѣчія восточно-малорусскаго, даже въ центрально-украинскихъ говорахъ,—по крайней мѣрѣ, въ неударныхъ флексіяхъ, гдѣ гласный звукъ, вслѣдствіе своей неударности, легче можетъ подвергнуться постороннимъ нефонетическимъ воздѣйствіямъ и лишиться своего стариннаго характера, чѣмъ звукъ ударный. Услышать, положимъ, ударное „ковальóви“, „ковальóm“ (равно какъ: „царьóви“ и „царьóm“, „ножóви“ и „ножóm“, „палійóви“, „палійóm“; палій—поджигатель) и тому подобныя формы прочихъ разрядовъ мягкаго склоненія—въ центральномъ Приднѣпровьи вообще трудновато; но услышать тамъ же—съ неударными флексіями: „князьóви“ и „князьóm“ (равно какъ „бóндарови“ и бóндаром“, „товáришови“ и товáришом“, „крайóви“ и „крайóm“, и т. п.) — это сравнительно не рѣдкость и въ центральномъ Приднѣпровьи. Поэтому мы изъ своей грамматики надднѣпрянской рѣчи не въ правѣ исключить дат.

мѣст. падежъ на *ові* и орудный на *ом* и не должны признавать единственно-законную силу только за окончаніями *сві* и *см*, хотя они всюду въ Приднѣпровьи преобладаютъ.

§ 65. Замѣчаніе о непремѣнномъ окончаніи *ів* (и никогда не *ей*!) для род. мн. въ склоненіи м. р. по мягкому различію. Стариннѣйшая прарусская (общая и для предковъ малоруссовъ и для предковъ великоруссовъ) форма род. мн. мягкаго различія была вполнѣ сходна съ им. ед. Говорилось, напр., въ ед. ч.: „нашъ вож [д]ь“, „нашъ монастырь“, и такъ же говорилось во мн. ч.: „изъ нашихъ вож [д]ь“ (=изъ нашихъ вождей), „изъ всѣхъ монастырь“ (=изъ всѣхъ монастырей). Но еще въ XI вѣкѣ (болѣе раннихъ письменныхъ памятниковъ у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ) мы можемъ наблюдать, какъ и великоруссы и малоруссы (въ томъ числѣ восточные малоруссы - домонгольскіе кіевляне) стараются отдѣлаться отъ сбивчивой формы род. мн. на *ь*, а вырабатываютъ себѣ другія формы, болѣе рельефныя. У великоруссовъ, начиная по меньшей мѣрѣ съ XI вѣка, постепенно входитъ въ преобладающій обычай форма род. мн. на *ей*, заимствованная изъ т. н. ижеваго склоненія, и говорится: *вождей*, *монастырей* и т. п. А у малоруссовъ, тоже не позже XI вѣка (быть можетъ, и раньше,—но вѣдь болѣе-то раннихъ рукописей не дошло до насъ!) входитъ въ обычай окончаніе *ѣ*, т. е. такое же, какое было принято и въ твердомъ различіи. И вотъ, такимъ образомъ, въ старѣйшемъ восточно-малорусскомъ памятникѣ, кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г., оказываются формы: *врачѣѣ* (л. 48 об., л. 105, л. 130) и *молѣѣ* (л. 77 об.) *), а въ другомъ изъ самыхъ старыхъ восточно-

*) Къ свѣдѣнію русскаго читателя, который привыкъ считать слово „моль“ родомъ женскимъ, надо сообщить, что по-малорусски это слово,—рода мужескаго (міль, род. мѣля).

малорусскихъ памятниковъ, въ кievскомъ Изборникѣ Святослава 1076 года, мы находимъ формы: вождѣѢВЪ (л. 7), ларѣѢВЪ (л. 272), въ соотвѣтствіи съ которыми нынѣшній кievлянинъ скажетъ: врачів, мѡлїѡв, вождїѡв, ларїѡв (въ противность литературному русскому „врачей“, „молей“, „вождей“ „ларей“). Въ Житїи Θεодосїя Печерскаго XII вѣка, списанномъ съ кievскаго оригинала, находимъ: монастырѣѢВЪ (стр. 7 а.;=нынѣшнее вост. мр. „монастирїѡв“, русск. „монастырей“) *). Не мѣшаетъ, пожалуй, вспомнить и лѣтописныя формы: сторожѡВЪ (л. 231 по Лаврент. сп.;=мр. „сторожїѡв“, литер.-русс. „сторожей“), прятелѣѢВЪ (л. 296.=мр. „приятелїѡв“, литер.-русс. „прїятелей“). По Ипатск. списку: днѣѢВЪ (228=нын. днїѡв, русск. „дней“), Ол[ь]говичѣѢВЪ (230=мр. „Ол[ь]говичїѡв“, литер.-русс. „Ольговичей“), БерендичѣѢВЪ (216.=мр. „Берендичїѡв“, литер.-русс. „Берендичей“). То же—въ старѣйшемъ червонорусскомъ памятникѣ, Словахъ Григорїя Богослова XI вѣка: плачѣѢВЪ (л. 248;=мр. „плачїѡв“, литер.-русс. „плачей“).

За исключенїемъ пяти словъ (съ формою: „людей“, „гостей“ и еще трехъ указанныхъ выше въ соотвѣтствующемъ примѣчанїи къ парадигмѣ склоненїя имени „коваль“, § 63), которыя принадлежатъ къ совершенно особому, „ижевому“ склоненїю, малорусскїй языкъ все не знаетъ окончанїя *ей* для род. мн. муж. род. мягкаго различїя. И на это долженъ обратить особое вниманїе тотъ, кто приступаетъ къ изученїю малорусскаго языка со знанїемъ русскаго.

*) О звукѣ *а* въ „монастир“ срв. ч. I, § 33.

- § 66. Слова къ упражненіямъ 4-го урока (№ 7-8).
забывчивый человекъ—забѣдько
большой мѣшокъ—лантух
олухъ—йболоп
утро—ранок (род. ранку)
утромъ—вранці (=в ранці, букв. „въ утрѣ“)
приверженецъ, сторонникъ—прихил [ь] ник
грошъ—шаг (род. шагá) ¹⁾
денежка, грошикъ, полкопѣчки—шажок
(род. шажка) ¹⁾
Волынь (ж. р.)—Волинь (м. р.; род. Во-
линя, Волиню) ²⁾
примѣръ—приклад, примір
напримѣръ—приміром, наприклад, сказати б,
(зап. на примір)
мочалка, тряпка изъ клоковъ соломы,
и пр.—віхоть *)
красный, -ая, -ое—червоній, червона, червоне
большой, -ая, -ое—великий, велика, велике

1) Слово—персидское: „shâhi“ (букв. „шахскій“, „царскій“) — названіе мелкой монетки. Русское же понятіе „шагъ“ (passus) передается по-малорусски (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ) черезъ ступень (род. ступеня).

2) Употребляется и у малоруссовъ имя это въ родѣ женскомъ,—и не рѣже, чѣмъ въ мужескомъ (см. § 2, д.). Но такъ-какъ женскаго склоненія мы еще не касались, то беремъ здѣсь имя „Волинь“ въ склоненіи и родѣ мужескомъ.

*) Мы уже сообщали это слово выше, именно въ парадигмахъ склоненія, § 63. Здѣсь же мы отмѣтимъ глубокую малорусскую исконность этого слова. Такъ, въ Начально-Кіевской лѣтописи мы, напр., подъ 6579—1071 годомъ читаемъ: „отерся вѣхтемъ“, причемъ въ Ипатскомъ спискѣ это слово переписано вѣрно, а въ Лаврентьевскомъ спискѣ, какъ непонятное великорусскому переписчику-суздальцу, искажено на „ветъхомъ“. Такъ же въ Волинской лѣтописи (см. по Ипатскому списку, подъ 6796—1288 г.) есть это слово: „И возьмь соломы в руку отъ постеля своее рече: хотя быхъ ти.... тотъ вѣхсть соломы даль, того не давай по моему животѣ никому же“.

польскій, -ая, -ое—польськый, польська, польське
старый, -ая, -ое—старый, старá,
старé (NB. ударение!)
который-то, какой-то, одинъ—котрыйсь,
котрáсь, котресь (род. котрбгось)
меня, тебя, себя—менé, тебé
себé, ³⁾), (ударение на концѣ).
изъ меня, изъ тебя, изъ себя—з мéне,
з тéбе, з сэбе, (NB. ударение!)
тѣбѣ, себѣ—тобí, собí, ⁴⁾).
его—йго́ (ударение на концѣ)
изъ него—з йб́го, з ньб́го, (NB. ударение!)
ему—йому́
на немъ—на йбму, на ньбму (NB. ударение!)
всѣ—всі, усí
каждый, -ая, -ое—кóжен (рѣже кóжний), кóжна,
кóжне ⁵⁾
слышать—чúти (чúю, чúеш, чúе, чúемо,
чúете, чуютъ)

³⁾ Малорусская форма есть не только прарусская, но и праславянская. Русская же форма—новаго происхождения.

⁴⁾ § 67. Ужъ и въ наиболѣе старинныхъ памятникахъ, писанныхъ малоруссами, мы видимъ формы съ **Ѡ**, неизвѣстная церковно-славянскому языку. Такъ, въ Киевскомъ Изборникѣ 1073 г. мы находимъ: **тѠбѣ**, въ **тѠбѣ** (л. 163 об., л. 181 об., л. 182, л. 209), **сѠбѣ**, въ **сѠбѣ** и т. п. (л. 22, л. 127 об., л. 132 об., л. 162 об., л. 211, л. 223 об., л. 224 об., л. 235 об., л. 236, л. 236 об., л. 240 об., л. 263 об.). Въ Киевскомъ Изборникѣ 1076 г. формы **тѠбѣ** и **сѠбѣ** встрѣчаются еще чаще. Лѣтописная рѣчь ими переполнена. Эти жѣ формы были и вообще исконными прарусскими.

⁵⁾ § 68. Въ отдѣльныхъ говорахъ произносятся также: **к á ж е н**, **к á ж н и й** (гдѣ звукъ **л** перенесенъ изъ старой формы множ. числа средн. рода и ед. числа жен. рода: **к л л ж д о**); но эта фонема (съ **а**) встрѣчается у малоруссовъ порѣже, чѣмъ болѣе архаичная фонема со звукомъ **о** (восходящимъ къ старому звуку **ѣ** муж. рода ед. ч. и звуку **Ѡ** средн. рода ед. ч.). Согласный звукъ **д** въ этомъ

оставить—покинути (покину, покинеш, покине, покинемо, покинете, покинуть) звать—звати (звѹ, звеш, зве, звемѹ, зветѹ, звуть) ⁶⁾.

избирать—обирати, обирати, см. ч. I, § 65, б. (обираю, обираеш, обира(е), обираемо, обираете, обираютъ)

привезть—привѣзті (привезу, привезеш, привезе, привеземѹ, привезетѹ, привезутъ) прыгать—плигати (плигаю, плигаеш, плига(е), плигаемо, плигаете, плигаютъ) ⁷⁾

прибѣжать—прибѣгти (прибѣжу, прибѣжиш, прибѣжишь, прибѣжимѹ, прибѣжитѹ, прибѣжатъ)

мѣстоименіи отсутствуетъ какъ во всемъ восточно-малорусскомъ нарѣчій, такъ и въ огромномъ количествѣ говоровъ западно-малорусскихъ, а поэтому нельзя оправдать стремленія галицкихъ литераторовъ—узаконить только свою локальную форму каждой и изгнать изъ литературной рѣчи общемалорусскую форму безъ *д* и *ж* и *й*. Повидимому, они ее считаютъ за недостойный, противо-этимологической вульгаризмъ, хотя она по памятникамъ даже *з а п.*-мр. нарѣчія имѣетъ за собою почтенную древность. Встрѣчаемъ мы ее еще въ XIV вѣкѣ: со звукомъ *д* — въ постановленіи 1347 года: **КЛЖНАМ** (Акты зап. Россіи, т. I, 3, 6), а со звукомъ *ѹ* — въ Витовтовой грамотѣ 1383 года подолянину Василю Карачевскому: „и **КОЖН** ому добруму“ (Голов. № 6, стр. 9). Но существовала эта форма съ **ЖН**, конечно, раньше XIV вѣка. Безъ *д*, просто со звукосочетаніемъ *жн.*, заимствовали отъ малоруссовъ и бѣлоруссовъ эту форму и литовцы, въ видѣ *kožnas* (эта литовская форма известна мнѣ въ Сувалкской губ.—въ Маріямпольскомъ, Владиславовскомъ и Вылковшскомъ уѣздахъ, а въ Ковенской губ.—по Нѣману).

⁶⁾ Спряженіе съ *о* (зовѹ, зовѣш и т. д.) почти не употребительно.

⁷⁾ О звукѣ *л* въ этомъ глаголѣ см. ч. I, § 91.

прибѣги! прибѣгите!—прибѣжи! прибѣжить! ⁸⁾
стеречь—стерегти (стерезу, стерезеш,
стерезе, стерезеб, стерезете, стерезуть;
стерези! (срв. § 50, ссылку 4)
жечь—пекти (печу, печеш, пече, печеб,
печете, печуть; печи!)
искусать—покусати (покусаю, покусаеш,
покуса(е), покусаемо, покусаете, покусают)
смазать, помазать—помастити (помастию,
рѣдко помащу ⁹⁾), помастиш, помастить,
помастимб, помастите, помастятъ; помасти!)
почистить трениемъ, помыть трениемъ—
пошарувати ¹⁰⁾
кликать, восклицать—гукати (гукаю, гукаеш,
гукá(е), гукáемо, гукáете, гукáют)

⁸⁾ § 69. Такое спряжение этого глагола (какъ, впрочемъ, вообще всѣхъ глаголовъ этого типа) извѣстно у восточныхъ малоруссовъ по самымъ раннимъ ихъ памятникамъ (XI в.). Оно, въ общемъ, совпадаетъ и съ церковно-славянскимъ спряжениемъ глагола **БѢЖАТИ**, гдѣ 1-ое лицо ед. ч. тоже звучитъ **БѢЖЖ**, (русск. „бѣгу“), и 3 л. мн. ч. **БѢЖАТЬ** (русск. „бѣгутъ“). Восточно-малорусская форма **БѢЖАТЬ** (не „бѣгутъ“) оказывается и въ такомъ живонародномъ старокіевскомъ (или черниговскомъ) памятникѣ, какъ „Слово о Полку Игоревѣ“ (конца XII вѣка). Что касается формы повел. н—нія **БѢЖИ**, то, если даже мы откажемся видѣть въ ней форму общую праславянскую, малорусская-то ея древность останется внѣ всякихъ сомнѣній: она, какъ мы уже указывали выше, засвидѣтельствована намъ кіевскимъ Изборникомъ Святослава 1076 года (см. § 50, ссылка 4-ая).

⁹⁾ Существованіе малорусскихъ формъ 1-го л. съ непереходнымъ смягченіемъ, т. е напр. съ окончаніемъ т ю, а не съ чу, мы можемъ наблюдать по письменнымъ памятникамъ, начиная съ XIII вѣка; а существовали онѣ, значить, раньше. Такъ, форма „насытлюся“ (1 л. ед. ч. отъ глагола „насытитися“); вполне ясно передана начертаніемъ буковинскаго болгарско-Софійскаго Евангелія XIII вѣка (во 2-ой припискѣ писца). Срв. „ѣждю“—Ипат. лѣт. (320, 347, 420).

¹⁰⁾ III а р значить по-малорусски „пласть“, „слой“. Отсюда шарувати=снимать (грязный) пласть,—посредствомъ тренія жесткой тряпкой, мочалкой, пескомъ и т. п.

молчать—мовчати (мовчѹ, мовчиш, мовчишь,
мовчимѹ, мовчите, мовчати)

дать себя знать—дѣтисѹ в знаки
(букв. „дѣтисѹ въ знаки“)

смотрѣть—дивитисѹ (дивлюсь, дивишься,
дивитисѹ, дивимосѹ, дивитесѹ, дивлятьсѹ;
пов. дивисѹ! и диви!)

родиться—уродитисѹ, вродитисѹ (вродюсь,
рѣдко вро(д)жусѹ, вродишсѹ, вродитсѹ,
вродимосѹ, вродитесѹ, вродятьсѹ)

забыть—забѹтисѹ, позабутисѹ (забѹдусѹ,
забудешсѹ, забудетсѹ, забудемосѹ,
забудетесѹ, забѹдутсѹ)

надѣяться—сподѣватисѹ (сподѣваюсь, сподѣ-
ваешсѹ, сподѣваешсѹ, сподѣваемосѹ, сподѣ-
ваешсѹ, сподѣваютьсѹ)

кружиться—крутитисѹ (кружюсь, рѣдко
кручусѹ, крутишсѹ, крутитсѹ, крутимосѹ,
крутитесѹ, крутятьсѹ)

смѣшно (нарѣч.)—смѣшно (НВ. ударение!)

рѣдко—рѣдко, зрѣдка

большей частью—с-побѣл(ь)ша, здебѣл(ь)ша
масса, много—сѣла (нарѣч., съ род. пад.)¹⁾

¹⁾ Въ вост.-мр. говорахъ слово сѣла еще сохраняется свой первоначальный характеръ существительнаго и склоняется; такъ, восточные малоруссы говорятъ: він має сѣлу грѣшей (=онъ имѣеть много денегъ, массу денегъ). Но у малоруссовъ западныхъ слово сѣла въ такихъ случаяхъ обыкновенно не склоняется и употребляется совсѣмъ какъ нарѣчие количества, такъ-что они обыкновенно говорятъ: він має сѣла грѣшей (или, болѣе архаично, він має грѣшей сѣла). Срв. еще другія зап.-мр. выраженія: я йомѹ віннен сѣла (=я ему очень много долженъ); а сѣла він хоче? (=а много ли онъ хочетъ? сколько онъ хочетъ?) и т. п. По памятникамъ, несклоняемость этого слова известна въ простонародныхъ галицкихъ интерлюдіяхъ Гаваттовича, напечатанныхъ латинскими буквами въ 1619 году: wупеп сула (=долженъ много). Въ склоняемомъ же видѣ слово **СИЛА** со значеніемъ „множество“ есть исконная малорусская особенность. Срв. въ Ипатьев. лѣтописи подъ 6658 (=1150) г.: „видиши ли народа силу“? (=множество народа).

вмѣстѣ—разом, укупі, вкупі.
завтра—взавтра, узавтра
до завтра—до завтраього
лучше (нарѣч.)—краще, кращ
по-старомалорусски—по-старовкраїнсь-
кому,-ськи
впрочемъ—а в тім, зрештою
кое-гдѣ—подѣкуди, де-не-де
быть можетъ—мѣже
до сихъ поръ—досі (зап.-мал. досі). Срв. §
50, ссылка 7.

Къ звуковой формѣ и составу нѣкоторыхъ вышеприведенныхъ словъ и формъ.

§ 70. Обь отвердѣніи малорусскихъ губныхъ (бѣ, пѣ, вѣ, мѣ,—срв. насипі! = насыпѣ!) и о вставкѣ паразитной йоты (срв. в'язати = wjazaty изъ „вѣзати“ при русскомъ „вязать“) — см. кратко, но съ историческими справками, въ ч. I, § 13, а—в, подробно же—въ ч. I, § 75—76; въ § 77 указаны исключенія, типа „святій“.—Въ ч. I, § 78—79 отмѣчено, въ положеніи послѣ губныхъ, чередованіе йоты—и мягкихъ л и н, по типу дерев'яний = деревляний, м'ята = мнята, и пр.

Взаимное чередованіе губныхъ отмѣчено, какъ старинное, въ ч. I, § 13, д. Для сознательнаго умѣнья отличать нелитературные локализмы отъ тѣхъ явленій этого рода, которыя приняты и въ литературной рѣчи, см. во-первыхъ ч. I, § 81—82, гдѣ указаны случаи взаимной мѣны губныхъ в и м, типа ли „кѣнір“ и кѣмір“ (=воротникъ), или совсѣмъ антилитературнаго типа „рілно“ (вм. литературнаго рівно = ровно); а во вторыхъ см. тамъ же §§ 83-84, гдѣ выяснено че-

редованіе б съ .и, какъ литературнаго типа „блинці“ и „илинці“, такъ и недопустимаго въ литературѣ типа „срі.иний“ (вм. срібний=серебряный).

§ 71. Свѣдѣнія о малорусскомъ спряженіи мно ж. числа наст. и буд. времени (напр., *несемó, несете́, несутъ*, і *біжимо́, біжите́, біжа́ть*) и объ отличіяхъ отъ русскаго спряженія—см. въ ч. I, §§ 110—112.—Тамъ же въ §§ 113-118 см. о повел. н—ніи (напр., *біжи! біжíte!*, *си! сійте!*), приче́мъ §§ 115—118 спеціально посвящены повел. н—нію *1-го л. мн. ч.* (напр., *ходи́м!* *буди́мо!*), отсутствующему въ языкѣ русскомъ.

§ 72. Упражненіе 7-ое (Робóта съóма).

Ковáлю! дасі́ в́зáвтра ухна́ля мо́ему хлòпчикóвi Грi-цевi. А ти, Грiцю, чу́еш, що́ я то́бi кажу? чи, мо́же за-бúдешся до вáвтрього? Прибiжиш сюди́? Бо з тебе великий забúдько.—Та чу́ю ж, тату! Прибiжу́ в́зáвтра в́ранци́ із стéпу, рáзом із Петру́сем, та́й забере́мо ухна́ля і на́шого панту́ха з вiвсòм, що́ ось покине́мо тут, а ковалéвi дамó за ухна́ля—шажкá.—По старовкраiнськóму март зва́вся березiль ¹⁾, апрiль зва́вся квітнем, май—травнем, юнь—чёрвнем, юль—лiпнем, áвгуст—серпнем. Що́ зва́лося по-церкóвнóму „январь, февраль“, те в нас було „сiчень“, „лúтий“. Церкóвний „сентябрь“ зва́вся в нас вéреснем, „октябрь“—жóвтнем, „ноябрь“—падоли́стом, „декабрь“—гру́днем, або стúднем. Подéкуди ше й дóсi в наро́дi ка́жуть са́ме отáк. Та спобiлша ми то́го ²⁾ вже не чу́ємо;—скри́зь по наро́дi звуть отé ²⁾ все на церкóвний лад, тiлки що вимовляють *р* твёрдо. Ка́жуть, „январь, февраль, (а часом—то й „хавра́ль“¹⁾), март, апрiль.

¹⁾ Корень слова, у малоруссовъ берé (береть) и зiлля (=зелень). Но болъе старыи корень--береза (въ маргѣ начало ея почекъ).

²⁾ Перевести то́го черезъ „этого“, а отé черезъ „это“.

май, юнь, юль, август, сентябр, октябр, ноябр, декабр". Рідко вже хто теперечки скаже, що він, приміром, уродився в червні;—скаже: „в юні". Хто людина вчена, той пише часом: „февруар", „септѣмбер", „октѣмбер", „новѣмбер", „децѣмбер";—так писав профѣсор Драгомáнов і його прихильники.—Куме Грицьку!—А що там, друже мій?—Ой, сила ж москалів сьогодні йшло! ³⁾... Але й сміху було!—Чому?—Бо одному дурневі, що стояв поміж парубками та дивився,—Івасеві тому ⁴⁾,—смішно стало. І отó він гукá до котрógось москаля: „Москалю! агóв, москалю! Це ж на тобі ⁵⁾, мов на півневі, червоний грѣбінь,..... тїко ⁶⁾ що на лóбі на овѣчому!"—„Мовчі! мовчі, дурню!" кажутъ йому парубкі. А він ще краще гукá ⁷⁾: „Мовчіть ви, а не я!.... Абó ходїмо, візьмїм віхтя та пошаруймо москалєві грѣбіня, віхтем!..... — Почув це

3) Можно сказать и въ женскомъ родѣ: йшла, потому-что сила есть, собственно, существительное женскаго рода. Но говорится и въ среднемъ родѣ: йшло, потому-что (см. § 66, ссылку 11-ую) въ сознаниі говорящаго слово сїла часто является просто нарѣчіемъ, иногда даже несклоняемымъ, въ смыслѣ „сколько"?—срв вышеотмѣченное зап.: „А сїла ж грóшей вам треба?"=„А сколько жъ (букв. „много лш") денегъ вамъ нужно?"

4) То м у́—это членъ. Оставить безъ перевода. (См. § 3).

5) § 73. Формы: мінї, тобї, собї не мѣняють своего ударенія послѣ предлоговъ въ восточно-малорусскомъ нарѣчїи. Въ зап.-мр. нарѣчїи есть говоры (галицкіе), въ которыхъ и это случается, такъ-что тамъ говорится, на примѣръ, н а мї́нї, н а то́бі н а со́бі. Но это очень узкій локализмъ, которому подражать нельзя, хотя вообще во всѣхъ прочихъ мѣстоименныхъ формахъ, предлогъ обязательно вліяетъ на перенесеніе ударенія (срв. се бѣ —и до сѣ бе); см. § 66.

6) Дїалектическое произношеніе вм. „тїлько".

7) Перевести „краще"—русскимъ словомъ: „сильнѣе". „Ще краще" и „ще лўчче",—въ смыслѣ русскаго „еще сильнѣе", „еще болѣе",—употребляется очень часто.

москаль тай ка́же: „Диві, йблпе, щоб я тобї віхтем рб́та твоб́го погáного не пошарувáв!“ *).

§ 74. Упражнение 8-е (Р о б б т а б с ь м а).

— Волкъ и медвѣды!—говорить муравей:—прочь съ дороги!—Мы тебя съѣдимъ, муравей!—говорить мед-

*) Русскій переводъ. Кузнецъ! дашь завтра подковный гвоздь моему мальчику-Гришѣ. А ты, Гриша, слышишь, что я тебѣ говорю? или, можетъ быть, забудешь до завтра? Прибѣжишь сюда? Ты вѣдь очень забывчивый мальчикъ.—Да слышу, папа! Прибѣгу завтра утромъ изъ степи, вмѣстѣ съ Петей, и возьмемъ гвоздь и нашъ большой мѣшокъ съ овсомъ, который, вотъ, оставимъ здѣсь, а кузнецу дадимъ за гвоздь полкопеечки.—По старомалорусски мартъ назывался „березель“, апрѣль назывался „квѣтнемъ“, май—„травнемъ“, июнь—„червнемъ“, июль—„липнемъ“, августъ—„серпнемъ“ Церковнымъ названіямъ: „январь“, „февраль“ у насъ соотвѣтствовали „сѣчень“, „лютый“. Церковный „сентябрь“ назывался у насъ „вѣресень“, „октябрь“—„желтень“, „ноябрь“—„падолистъ“, „декабрь“—„грудень“, или „студень“. Кое-гдѣ еще и до сихъ поръ въ народѣ говорятъ именно такъ. Но большей частью мы этого ужъ не слышимъ:—вездѣ среди народа называютъ все это на церковный ладъ, съ тою разницей, что выговариваютъ р твердо. Говорятъ: „январь февраль (а иногда—и „хаврálъ!“), мартъ, априль, май, юнь, юль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь“. Рѣдко ужъ кто-нибудь теперь скажетъ, что онъ, напримеръ, родился „въ червнѣ“;—скажетъ: „въ юнѣ“. Если кто-нибудь—человѣкъ учившійся, тотъ иногда пишетъ: „февруарь“, „септемберъ“, „октоберъ“, „нояемберъ“, „децемберъ“; такъ писалъ профессоръ Драгомановъ и его сторонники.—Кумъ Григорій!—А что тамъ, другъ мой?—Ахъ, (какое) множество солдатъ сегодня шло!... Но (сколько) и смѣха было!—Почему?—Потому-что одному дураку, который стоялъ среди молодыхъ людей и смотрѣлъ,—ну, Ванъ,—смѣшно стало. И вотъ онъ кричитъ къ одному солдату: „Солдатъ! Да вѣдь на тебѣ, словно на пѣтухѣ, красный гребень, вотъ развѣ что на лбу на овечьемъ!“—„Молчи! молчи, дуракъ!“ говорятъ ему парни. А онъ еще сильнѣй восклицаетъ: „Молчите вы, а не я!... А то пойдемъ, возьмемъ мочалу да и помочалимте солдату гребень мочалкой!“..... Услыхалъ это солдатъ и говоритъ: „смотри, олухъ, чтобы я тебѣ мочалкой рта твоего гадкаго не помочалилъ!“

вѣдь.—Анѣ не сѣдите! я таковъ, что и медвѣдю и волку дамъ себя знати!—Есть у князей-Сангушко ¹⁾ большой лѣсъ на Волини, и привезли туда старому князю оленей. Смотри: вотъ они.—Почему жъ они такъ кружатся и прыгаютъ?—Да ²⁾ ихъ покусаль „гедзь“, оводъ ³⁾,—потому-то ⁴⁾ они отъ боли ⁵⁾ такъ и прыгаютъ. Вдобавокъ ⁶⁾, Петръ, живущій вонъ-тамъ въ шалашѣ и стерегущій ихъ ⁷⁾, взялъ да и безъ жалости смазаль ихъ дегтемъ: надѣялся, что такъ ⁸⁾ будетъ лучше, а это ⁹⁾ жжетъ, какъ огнемъ.—Были времена, что поляки, или ихъ паны, избирали себѣ королей; впрочемъ, каждый польскій панъ былъ, себѣ, малымъ королемъ *).

1) § 75. При переводѣ поставить мн. ч. Малоруссы вообще не любятъ несклоняемыхъ фамилій и именъ, такъ-что даже иностранныя имена обращаются у нихъ, по возможности, въ склоняемыя. Напримѣръ имена кавказскихъ портовъ Туапсе и Сочы склоняются у окрестныхъ украинцевъ одно какъ ед. ч. ср. рода (з Туапса́, в Туапсі́, під Туапсе́м), а другое—какъ мн. ч. (Сочі́, Сочѣв, під Соча́ми). Славянскія же имена и фамиліи склоняются въ малорусскомъ языкѣ обязательно, и русскія обычныя выраженія вродѣ „господину-Короленко“, „князья-Сангушко“ глубоко противны малорусскому синтаксису.

2) Перевести: „потому-что“.

3) Поставить при переводѣ членъ, (см. § 3), сзади существительнаго.

4) Перевести: „то это“.

5) Перевести: „съ боли“.

6) Перевести: „А еще же“.

7) Объ избѣжаніи причастій см. § 59.

8) Добавить: „оно“.

9) = „оно“.

*) Украинскій переклад. Вовче й ведмедю!—каже муравель:—геть із шляху!—Мы тебе зйімó, муравлю!—каже ведмедь.—Ба не зйісте! Я такий, що й ведмедеві і вовкові дамсь у знакі!—Есть у князів Сангушків великий ліс на Волиню,—і привезлі туди старому князеві оленів. Диві: ось вони.—Чогó ж вони так крутяться й плигають?—Бо їх покусав гедзь, оवाद той,—то це вони з болю отак плигають. А ще ж і Петро, що сидить отам у курні та стереже їх, узів тай без жалю помастив їх дьогтьом: сподівався, що так вони буде краще, а вони лене, як огнем.—Були часи, що поляки, або їх пани, обирали собі королів; а в тім, кожен польський пан був собі малим королем (или: з кожного польського пана був собі малий король).—NB. О курсивѣ см. стр. 93.

Урокъ пятый.

(Продолженіе предыдущаго).

б) Склоненіе существительныхъ м. р. съ окончаніями *..ар* (изъ *...арь*) или просто *..р* (изъ *..рь*).

§ 76. Лѣвобережная близость склоненія именъ на *р* [ʁ] со склоненіемъ типа „коваль“.

На Лѣвобережьи этотъ типъ склоненія (за исключеніемъ словъ на *яр*) чрезвычайно близокъ къ предыдущему типу (склоненія „коваль“), тѣмъ болѣе, что даже форма именит. падежа звучитъ на Лѣвобережьи частенько съ полной мягкостью звука *р*, т. е. тамъ слышится, напр., произношеніе „кобза́рь“ (=козацкій бардъ, играющій на кобзѣ), „буква́рь“, —точь-въ-точь съ такимъ же мягкимъ *рь*, какое звучитъ и въ языкѣ русскомъ.

Правда, въ огромномъ большинствѣ малорусскихъ говоровъ Приднѣпровья ¹⁾ имен. падежъ произносится вполнѣ твердо (кобза́р, буква́р, зьві́р, опі́р=„упырь“, монасти́р и т. п.). Въ косвенныхъ падежахъ, однако, эти же приднѣпровскіе говоры вообще не теря-

¹⁾ а кромѣ того—во всемъ нарѣччі западно-малорусскомъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ немногочисленныхъ горныхъ говоровъ.

ють способности произносить мягкіе эровые слоги ря, рю, и вообще могутъ не нарушать особенностей того типа мягкаго склоненія, къ которому принадлежит имя „коваль“ и прочія, склонявшіяся выше въ § 63. Слѣдовательно, косвенные падежи будутъ въ Приднѣпровьи звучать: кобза ря (какъ „коваля“²⁾), кобза рѣм (какъ „ковалѣм“), кобза рю! (какъ „ковалю!“), и пр.

Гдѣ у восточныхъ малоруссовъ наряду съ „ковалѣви“ и „ковалѣм“ слышится „ковальовѣ“ и „ковальом“ (см. § 64), тамъ естественно, чтобы слышались и фонемы: „кобзарьовѣ“, „кобзарьом“. Что касается центрального Приднѣпровья, которое избѣгаетъ ударныхъ флексій ѡвѣ и ѡм, но съ сравнительной легкостью допускаетъ неударную флексію ѡвѣ и ѡм для предыдущаго склоненія (срв. „князьом“, или „вѣхтьом“), то оно (центральное Приднѣпровье) естественно допускаетъ такую же неударную флексію и для соответствующихъ падежей словъ на *р*: напр. зьвѣрьовѣ, зьвѣрьом (при зьвѣревѣ, зьвѣрем), лимарьовѣ, лимарьом (при лимаревѣ, лимарем)³⁾

§ 77. Осложненія.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ не къ чему выдѣлять склоненіе словъ м. р. на р[ь] въ особую группу, отличную отъ словъ типа „коваль“, скло-

²⁾ Обращаемъ вниманіе, что слоги ря, рю, рьо надо читать безъ всякой вставки разчленяющаго йотнаго звука, т. е. нельзя ихъ читать за рѣа, рѣу, рѣо, какъ это дѣлаютъ съ украинскими написаніями, напр., галичане, или поляки, не имѣя въ своей собственной рѣчи мягкаго рь. Украинцы же произносятъ свои слоги ря, рю, рьо или совсѣмъ такъ, какъ русскіе произносятъ свои слоги ря, рю, рѣ, или даже чуть-чуть потверже. Какое-нибудь украинское, скажемъ, кобза ря звучитъ гораздо ближе къ кобза рѣ, чѣмъ къ кобза рѣа.

³⁾ Слово лѣмар[ь] значитъ „шорникъ“, нѣм. Riemer. О появленіи здѣсь звука *л* вм. *р*, ради диссимиляціи со слѣдующимъ эровымъ слогомъ—см. ч. I, § 91—92.

неніе которыхъ нами разсмотрѣно выше, въ § 63. Но дѣло осложнено тѣмъ, что здѣсь замѣшанъ согласный звукъ *р*, а онъ въ сочетаніи съ гласными звуками (преимущественно съ *а*, *у*, *о*)—подверженъ у малорусовъ, даже независимо отъ случаевъ склоненія, постояннымъ колебаніямъ.

Въ преобладающей части говоровъ восточно-малорусскихъ, отъ Кіевщины до Харьковщины, есть наклонность обращать твердые слоги *ра*, *ру*, *ро* въ мягкіе *ря*, *рю*, *рюо*,—напр., говорится „грянїця“ (=граница) вмѣсто „гранїця“. (См. ч. I, § 88). Въ преобладающей же части говоровъ западно-малорусскихъ и сѣверно-малорусскихъ есть обратная склонность—произносить прежнія мягкія сочетанія *ря*, *рю*, *рюо* твердо, т. е. за *ра*, *ру*, *ро*; напр., тамъ любятъ произносить: „прáмо“, „я говорóу“ вмѣсто „прýмо“, „я говорóу“ (См. ч. I, § 87). Случается также, что въ одномъ и томъ же говорѣ, а вовсе не въ разныхъ говорахъ, замѣчаются одновременно обѣ склонности: въ иныхъ словахъ *ра* обращается въ *ря*, въ другихъ словахъ *ря* отвердѣваетъ въ *ра* и т. п.; и это—особенность малорусская исконная, извѣстная, напримѣръ, старѣйшему кіевскому памятнику, Изборнику Святослава 1073 года, гдѣ одновременно мы видимъ и отвердѣніе мягкихъ эровыхъ сочетаній и умягченіе твердыхъ эровыхъ сочетаній. (См. ч. I, § 11, г).

Что же могло получиться, въ силу этихъ западныхъ и восточныхъ мр. особенностей произношенія звука *р*, при склоненіи словъ м. р. на *р* [ь]? Получается крайняя путаница склоненій именъ твердаго и мягкаго различія, оканчивающихся одинаково на *р* (изъ *ръ* и изъ *рь*),—и въ результатѣ: имена на *р* мягкаго различія обогащаются формами, заимствованными изъ твердаго различія, а имена на *р* твердаго различія попадаютъ въ склоненіе по типу мягкаго различія. И выходитъ, что склоненіе малорусскихъ именъ на *р* есть самое трудное для

изученія и самое запутанное, изъ всѣхъ малорусскихъ склоненій.—Покажемъ, какъ это случается.

§ 68. П р и м ѣ р ы о с л о ж н е н і я.

а) Такъ, если западный малоруссъ или со-
сѣднїй съ нимъ правобережець или сѣверный малоруссъ
произнесутъ (въ силу своей неспособности къ мягкому
р) вмѣсто „кобзаря“— „кобзарѣ“, вмѣсто „кобзарю“—
„кобзарю“, вмѣсто „кобзарьови“— „кобзарѣви“, вмѣсто
„кобзарямъ, кобзарями, на кобзаряхъ“— „кобзарѣмъ, ко-
бзарѣми, на кобзарѣхъ“, то въ ихъ произношеніи полу-
чается рядъ падежныхъ формъ, невольно совпадающихъ
по своимъ звукамъ съ формами различія твердаго (срв.
„козакѣ, козакѣ“, и т. д., „комарѣ, комарѣ“ и т. д.). А
если такъ, то у говорящаго является наклонность об-
разовать и зват. падежъ отъ того же слова „кобзарѣ“
по типу зват. падежа словъ твердаго различія: „козакѣ“,
„комарѣ“ и т. п., т. е. съ окончаніемъ е: кобзарѣе! (такъ,
какъ „комарѣе!“ „козачѣе!“ и пр.) *).

*) Не надо упускать изъ виду и того обстоятельства, что
слова на рѣ имѣли еще въ старославянскомъ языкѣ большую
наклонность смѣшиваться, въ формахъ своего склоненія, съ осно-
вами на у („уковымъ склоненіемъ“),—слѣдовательно, еще въ ста-
рославянскомъ языкѣ имена на рѣ ужъ отступали отъ формъ
мягкаго типа основъ на о. Вспомнимъ и то, что въ Синайскомъ гла-
голическомъ молитвословѣ попадаетъ род мн.: **пастырѣ** (съ ѣ,
а не съ ѣ), что въ Саввиной кирилицкой книгѣ есть орудн. мн.:
мытары, а им. мн. во многихъ памятникахъ окончивается на
твердое е, а не только на н (**мытарѣ** при **мытари**). Ниже
мы увидимъ, что въ малорусскомъ языкѣ есть множество эровыхъ
именъ, относительно которыхъ приходится сомнѣваться, восходятъ
ли они къ общему старорусскому (да и къ праславянскому) рѣ
или къ рѣ, такъ-какъ есть данныя [въ родственныхъ славян-
скихъ языкахъ], одинаково говорящія и за принадлежность ихъ къ
праславянскому или хоть старорусскому рѣ, и за принадлеж-
ность ихъ къ рѣ.

б) Напротивъ, тѣ восточные говоры (преимукъ е- ственно новороссійскіе и слободскіе), которые вмѣсто „рамка“ произносятъ „рѣмка“ и вмѣсто „границя“ про- износятъ „грѣнція“, склонны бывають вмѣсто правиль- ныхъ окончаній ра, рах, ра м и др. произнести ря, ря х, ря м и пр. Поэтому вмѣсто общемалорусскаго (и этимологическаго притомъ) „кома^{ра}“ мы у нихъ часто слышимъ „кома^{рѣ}“, вм. общемалорусскихъ формъ „кома^{ра}м. кома^{ра}ми, в кома^{ра}х“ мы у нихъ слышимъ „кома^{рѣ}м, кома^{рѣ}ми, в кома^{рѣ}х“. Отсю- да, по аналогіи, остается одинъ шагъ до того, чтобы этимъ малоруссамъ (особенно же тѣмъ изъ нихъ, которые форму им. пад. „кобза^р“ произносятъ впол- нѣ твердо) существительное „кома^р“ показалось при- надлежащимъ вполнѣ къ мягкому различію (т. е. именно къ типу „кобза^р“) и чтобы отъ него были об- разованы и другія падежныя формы по парадигмѣ мяг- каго различія, т. е. „кома^{рѣ}ві, кома^{рѣ}м, кома^{рѣ}ю!“ и мн. ч. „кома^{рѣ}і“. А гдѣ им. пад. существительнаго „кобза^р“ произносится за „кобза^{рѣ}“, тамъ и для „кома^{рѣ}“ возни- каеть новый им. падежъ: „кома^{рѣ}“.

Такому же переходу въ мягкое различіе изъ первоначальнаго различія твердаго легко подвергаются въ тѣхъ говорахъ еще многія другія слова на твердое *р* (изъ *рѣ*). напр., „саха^р“, „базá^р“, „узvá^р“ (=компотъ изъ плодовъ), „трахти^р“ (по аналогіи съ „манасті^р“) и т. п., и воз- никають новыя формы: „саха^рю“, „базá^{рѣ}ві“, „під са- мовá^{рѣ}м“ или „під самовá^{рѣ}ом“ и т. д., по парадигмѣ соотвѣтствующихъ формъ отъ „кобза^р“.

Въ свою очередь нѣкоторыя специально твердораз- личныя падежныя формы склоненія именъ: „кома^р“, „са- хар“ и прочихъ (напр., зв. пад. кома^{рѣ}! саха^{рѣ}!) вліяють въ тѣхъ говорахъ на соотвѣтствующія падежныя формы смѣшавшагося съ ними склоненія имени: „кобза^р“,— и вотъ на ряду съ прежней мягкоразличной формой „кобза^рю!“ возникаетъ въ тѣхъ говорахъ новая: „кобза^{рѣ}!“,—

слѣдовательно та же, какая самостоятельно новообразовалась и въ зап.-мр. нарѣччі, хотя, какъ мы выше видѣли, инымъ путемъ: тамъ—черезъ отвердѣніе словъ на *рѣ*, а здѣсь—черезъ умягченіе словъ на *рѣ*.

в) Къ вышеизложеннымъ какъ-ни-какъ фонетическимъ вліяніямъ прибавляется рядъ вліяній совсѣмъ нефонетическихъ, — вліяній чисто по аналогіи, — которыхъ мы здѣсь заранѣе исчислять не будемъ (они многочисленны и случайны), но которыя сильно помогаютъ твердоэровымъ именамъ переходить въ категорію мягкоэровыхъ, а мягкоэровымъ — переходить въ категорію твердоэровыхъ.

г) Итакъ, въ однихъ вост.-мр. говорахъ замѣтно порядочное стремленіе обращать прежнія мягкосклоняемая имена на *р* въ твердосклоняемая, а въ другихъ—тоже порядочное обратное стремленіе: включить —напротивъ— въ разрядъ мягкосклоняемыхъ вообще всѣ имена на *р*, хотя бы они происходили и изъ *рѣ*. И тѣ и другіе говоры перекрестно и съ успѣхомъ вліяютъ на рѣчь центральнаго Приднѣпровья, принятую нами за грамматическій критерій, а при ея посредствѣ скрещиваются также другъ съ другомъ.

Процессъ смѣшенія далеко не закончился, и трудно предсказать, какія формы со временемъ возобладаютъ среди всѣхъ восточныхъ малоруссовъ.

Покамѣстъ, напимѣръ, можно признать, что, положимъ, *тхір* (=тхоръ, хоръ, хорекъ) вполне перешло всюду въ твердое различіе (*тхорá*, *тхорóві* и пр.) и что зв. пад. „кобáре!“ (заимствованный изъ твердаго различія, по типу „комáре!“) есть для насъ такая же нормальная общеукраинская форма какъ и „кобáрю!“— и тѣмъ не менѣе относительно словъ „комáр“, „сáхар“, „самовáр“, „трактíр“, „дóктор“, „губернáтор“ и прочихъ, несомнѣнно вліявшихъ на возникновеніе формы „кобáре!“, можно покамѣстъ признать, что наи-

болѣе нормальное для нихъ правило—склонять ихъ по исконному твердому различію, (комарá, комарóві, комарóm; мн. ч. комарí), а не по мягкому, такъ-какъ склонять ихъ по мягкому различію будетъ все же локализмъ.

Однако, возможно ждаты, что современемъ мягкофлексійныя формы „комарí“, „з базáрю“, „за самовáрем“, „сáхареві“ (едва ли однако „дóхтореві“ или „губернатореві!“) сдѣлаются общемалорусскими и перестанутъ быть локальными. Тогда и въ грамматику придется ихъ внести, какъ обычную норму, а „комарá“, „з базáра“, „за самовáром“, „сáхарові“ и пр. придется признать тогда уже за архаичный локализмъ. Покамѣсть, этого еще нѣтъ.

Сдѣлавши эти общія предварительныя замѣчанія, которыя позволяютъ читателю ориентироваться въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи, мы принуждены рассмотреть крайне запутанное украинское склоненіе именъ на *р* не иначе, какъ разбивши ихъ всѣ на нѣсколько категорій (ар и ир, яр, ір, ур и юр, ер, ор ьор).

I. Кобзáр, манастíр.

§ 79. Образецъ нормальнаго склоненія словъ м. р. на *р* по мягкому различію (главнымъ образомъ на *ар*[ь] и *ир*[ь] безъ *яр* и безъ *пр*)

Мы просклоняемъ: кобзáр (=кобзарь, пѣвецъ козачкихъ думъ, играющій на кобзѣ), буквáр (=букварь), имѣющее неударную флексію *лѣкар* (=врачъ), багатíр (=богачъ), а также стоящее особнякомъ отъ прочихъ именъ на *ір* имя зьві́р (=„звѣрь“ въ единичномъ и собирательномъ смыслѣ; вообще „животныя“).

Единств. число. Одина.

- I. им. кобза́р (рѣже кобза́рь)
 буквáр (рѣже буквáрь)
 лі́кар (рѣже лі́карь)
 багати́р (рѣже багати́рь)
 зьві́р (рѣже зьві́рь) *)

- II. род. кобза́ря **)
 буквáря **)
 лі́каря **)
 багати́ря **)
 зьві́ря **)

*) Слово „звѣр“ есть одно и, быть может, единичное слово на *ір* (изъ ...ѣрѣ), склоняющееся по мягкому различію. Большая же часть словъ на *ір* перешла теперь всецѣло въ твердое различіе, да и зьвѣр часто сбивается въ Приднѣпровьи на твердое различіе (звѣра, звѣрови и т. д.). Въ зап.-мр. нарѣчьи это слово бываетъ и ж. рода, т. е. говорится „всяка зьвѣр“ (срв., напр., у буковинца Федьковича). Что касается его точнаго смысла въ малорусскомъ языкѣ, то оно не означаетъ обязательно дикихъ животныхъ, какъ въ русскомъ языкѣ, но наоборотъ—можетъ обозначать и просто животныхъ (напр., кошекъ, собакъ, а въ зап.—даже лошадей, коровъ), что соотвѣтствуетъ и первоначальному этимологическому смыслу корня этого слова. Единичный смыслъ придается этому слову рѣже, чѣмъ собирательный (срв. в лѣсѣ багда то зьвѣрѣя“=въ лѣсу много звѣрей). Для обозначенія одного существа обыкновенно употребляется слово ж. р. „звѣрина“ (=животное), ср. р. „звѣря“ (род. „звѣряти“=животное), ж. р. „звѣрюка“ (=звѣрь). Замѣтимъ при случаѣ, что русскому (вѣрнѣе, старо-славянскому) неуклюжему слову „животное“ соотвѣтствуетъ по-малорусски чаще всего слово того же корня ср. р. „живѣ“, „все живѣ“, которое не напоминаетъ своими звуками о двусмысленномъ „животѣ“. (По старославянски **ЖИВОТЬ** значило „жизнь“, но теперь въ русск. и мр. языкахъ оно значитъ нѣчто другое; впрочемъ и по старославянски слово ср. р. „**ЖИВОТНОЕ**“ въ смыслѣ animal едва ли было когда-нибудь простонароднымъ: оно—очевидный книжный переводъ съ греческаго τὸ ζῷον = „живое“).

**) Еще разъ напоминаемъ (см. § 76, вторая сноска), что написанные ря, рю, рьо содержать въ себѣ лишь мягкость звука *р*, но не йотацію гласныхъ звуковъ, т. е., что ря=ръа (а не рйа), рю=ръу (а не рйу), рьо=рѣ (а не рйо).

- III. дат. } кобзарéвi (зап. кобзарьóвi)
 } рѣже кобзарю́
- } букварéвi (зап. букварьóвi)
 } рѣже букварю́
- } лі́карéвi (рѣже лі́карьóвi)
 } рѣже лі́карю
- } багатирéвi (зап. багатирьóвi)
 } рѣже багатирю́
- } зьві́рéвi (зап. зьві́рьóвi)
 } рѣже зьві́рю
- IV. вин. кобзаря́
- } буквáр
- } букваря́ (неодушевл.)
- лі́каря
- багатиря́
- зьві́ря
- V. зв. } кобза́рю! (рѣже: кобзарю́!)
- } кобза́ре!
- } буквáрю!
- } буквáре!
- } лі́карю
- } лі́каре
- } багаті́рю!
- } багатирé!
- } зьві́рю!
- } зьві́ре!
- VI. ор. кобзарé.и (зап. кобзарьóм)
- букварé.и (зап. букварьóм)
- лі́карé.и (рѣже лі́карьóм)
- багатирé.и (зап. багатирьóм)
- зьві́ре.и (рѣже зьві́рьóм)

VII мѣст.	}	на кобзарі
		на кобзарéві (зап. на кобзарьóві)
		на кобзарю́
	}	в букварі
		в букварéві (зап. в букварьóві)
в букварю́		
}	на лікарі	
	на лікарéві (рѣже на лікарьóві)	
	на лікарю́	
}	на багатирі	
	на багатирéві (зап. на багатирьóві)	
	на багатирю́	
}	на зьвірі	
	на зьвірéві (рѣже на зьвірьóві)	
	на зьвірю́	

Множ. число. Множина.

I. им.	кобзарі́
	букварі́
	лікарі́
	багатирі́
	зьвірі́
II. род.	кобзарі́в
	букварі́в
	лікарі́в
	багатирі́в
	зьвірі́в
III. дат.	кобзаря́м
	букваря́м
	лікаря́м
	багатиря́м
	зьвіря́м

IV. вин.	} <ul style="list-style-type: none"> кобзарі́в рѣдко кобзарі́ букварі́ лїкарі́в рѣдко лїкарі́ багатирі́в рѣдко багатирі́ звїрї́в звїрї́ 	
V. зв.		сходенъ съ именительнымъ.
VI ор		кобзаря́ми букваря́ми лїкаря́ми багатиря́ми звїря́ми *)
VII мѣст.		на кобзаря́х в букваря́х на лїкаря́х на багатиря́х на звїря́х

*) Существуетъ еще рѣдкій вост.-мр. орудный падежъ этого слова: „звїр-мї“. Это—потому, что слово „звїр“ (**звѣръ**) нѣкогда принадлежало не къ тому склоненію, къ какому слово, напр. „кобзарь“, а къ особому ижевому (типа ж. р. „кость“) и имѣло род пад. звѣр и, дат.—звѣр-и и т. д., слѣдомъ чего доннынѣ остается переходъ (что, б. м., есть и арханчное сохраненіе) этого слова въ зап.-мр. говорахъ (у буковинца Федьковича, напримѣръ) изъ рода мужскаго въ родъ женскій. Мы ужъ указывали, что тамъ говорится „всяка звїр“, а не только „всякій звїр“. Оттого и ор. пад. мн. числа имѣлъ форму „звѣрымн“ (какъ **затымн, костьмн**). Но теперь въ вост.-мр. нарѣчїи слово „звїр“ всецѣло склоняется какъ „буквар“,—и форма орудн. падежа „звїр-мї“ настолько слышится рѣже, чѣмъ „звїря́ми“, что я счелъ невозможнымъ помѣстить слово „звїр“ въ урокъ объ ижевомъ склоненїи, а отнесъ его къ нынѣшнему уроку.

§ 80. Именá категории *кобзár, лiкар*.

По образцу *кобзár, буквáр, лiкар* склоняются вообще всѣ тѣ имена, окончанiе которыхъ происходитъ изъ старославянскаго или, по крайней мѣрѣ, изъ прамалорускаго *дрь* и которымъ соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ окончанiе *арь*.

а) По типу *лiкар* (съ неударнымъ *ар*) склоняются, напримѣръ: *пéкар* (=пекарь, булочникъ), *хлiбопéкар* (=булочникъ), *крáмар* (=лавочник), *пiсар* (=писарь), *лицар*, (=рыцарь; зап. мр. *рицар*; *Ritter*), *лимар* (=шорникъ, сыромятникъ; зап. мр. *римар*, *Riemer*)¹⁾, *тбкар* (=токарь), *слбсар* (=слесарь), *бляхар* (=жестяникъ; зап.-мр. „бляхár“), *орудар* (=руководитель, заправила), *плугатар* (=пахарь-плужникъ), *поводатар* (=вожатый, проводникъ, —напр. у слѣпцовъ)²⁾, *блiндар* (=проводникъ у слѣпыхъ нищихъ, нѣм. *Blinder*), *цвiнтар* (=кладбище), *вiвтар* (=алтарь. олтарь) и др.

б) По образцу словъ *кобзár* и *буквáр* склоняются съ ударнымъ *áр* (изъ *дрь*): *цáр* (=царь), *бунтар* (=бунтовщикъ), *дзвонáр* (=звонарь), *паламáр* (=пономарь)³⁾, *чинбáр* (=кожев-

¹⁾ По поводу вост.-мр. звука *л*, появляющагося вмѣсто *р* ради цѣлей диссимилации съ сосѣднимъ *р*, см. ч. I, §§ 91—92.

²⁾ Нѣкоторые интеллигенты (*а*, быть можетъ, кто-нибудь и изъ крестьянъ) приурочиваютъ суффиксъ двухъ послѣднихъ словъ къ иностранному суффиксу *тор* [срв. губернатор, арендатор) и передѣлываютъ ихъ на „плугатор“ и „поводатор“. Надо этого тщательно избѣгать въ грамматической рѣчи (срв. ниже).

³⁾ *Паламаръ* происходитъ изъ греческаго „*парамонарь*“ *παρμοναριος*, причемъ первое *р* обратилось въ *л* для расподбленiя со слѣдующимъ зрвымъ слогомъ (см. ч. I, §§ 91—92). Съ буквою *л* пишется это слово и въ церковныхъ рукописяхъ, —напр., въ Торжественниѣ XVI вѣка Румянц. музея № 434, л. 9 (описан. у Востокова. стр. 664—681): „преподобнаго Архиппа, паломонаря храма архангела Михаила“.

никъ), ч о б о т á р (=сапожникъ-чеботарь), п с á р =псарь), народ. ж а н д á р (=жандармъ; гал. ш а н д á р', к о с á р=(косецъ), к н и г á р (=книготорговецъ, книгопродавецъ), инт. б а й к á р (=баснописецъ), зап. о н у ч к á р (=старьевщикъ), ш и н ь к á р, (=кабачикъ), к а л е н д á р или к а л я н д á р (=календарь; зап. „каляндар“), с у х á р (=большой сухарь)*), т я г á р (=грузная тяжесть, бремя), ч а г á р (=кустарная заросль), х а б á р (=взятка), с л о в á р (=словарь**), л і х т á р (=фонарь; зап. =подсвѣчникъ), к а л а м á р (=чернильница***), л и н т в á р (=овчина съ молодыхъ овецъ), и т. д.

в) Сюда же по своему склоненію относятся и существительныя на ч á р (изъ стариннаго—Удрь); которыя въ русскомъ языкѣ вполне отвердѣли и оканчиваются на ч а р ь; напр. г а н ч á р (=гончарь; стар. „грънчарь“), в і в ч á р (=овчарь, овечій пастухъ), діал. вост. б о ч á р (=бочарь; = обще-мр. „ббндар“) и пр., косвенные падежи которыхъ имѣютъ обязательную форму: ганчаря́, ганчареві́, ганчаремъ, бочаря́, бочареві́, бочаремъ и т. д. (хотя по-русски: гончара́“, „бочара́“ и т. д.).

г) Сюда же относится слово мн. ч.: п а р і́ (=всходы, молодой зеленый взошедшій хлѣбъ), род. парі́в, дат. паря́и и т. д., которое формально происходит впрочемъ едвали отъ м. р. ед. ч. „пар“ (твердосклоняемаго),—скорѣе отъ ж. р. „пар[ь]“; срв. и по русски род.

*) Небольшой сухарь,—напр. къ чаю,—называется уменьшительно: с у х а р е ц ь.

**) Кстати сказать: чаще употребляется въ этомъ же смыслѣ слово „с л о в н и к“. Замѣтимъ, что повидимому выдуманное Пискуновымъ неприятное слово „словница“ осталось не извѣстно народному языку, да и въ литературныя обиходъ не вошло.

***] Слово „ч о р н ы л и ц я“ [ж. р.] тоже въ ходу. Что касается слова к а л а м а р, то оно происходитъ отъ арабско-персидтурскаго к а л à м или к а л я м, означающаго очиненное перо или пишущую тростинку; впрочемъ самое к а л я м могло быть старымъ сиро-арабскимъ заимствованіемъ изъ греческаго [χάλαμος=стебель].

пад. „парей“ (т. е. паровъ) *). Слѣдовательно, парі склоняются въ сущности не по типу „букварі“, а по типу мн. ч. существительныхъ ж. р. на ъ, такихъ напримѣръ, какъ ж. р. тв́а́р (=фізіономія; рѣже=русск. „тварь“, „созданіе“).

§ 81. Б ó н д а р.

Слово бóндар[ь] (изъ БѢДНАРЬ, а, можетъ быть, и изъ БѢДНИАРЬ, нѣм. Böttner;=букв. „изготовщикъ бодней“, а оттуда—вообще бочаръ)—почти всюду въ малорусскомъ языкѣ совершенно отвердѣло и склоняется почти всюду, даже въ центральномъ Приднѣпровьи, по твердому различію (бóндара, бóндарові, бóндаром и пр.). Случилось это, вѣроятно же всего, потому, что происшедшая здѣсь перестановка звукосочетанія *дн* въ звукосочетаніе *нд* заставила малоруссовъ забыть о связи этого слова съ „бодня“, а значить и съ именами профессій на а р ь **). Какъ грамматическую норму для вост.

*) Срв. также по-малорусски слово ж. р. „òпар[ь]“=парь, идущій изъ земли [напр., „письлѣ́ дощу́ пішла́ силна́ òпар“= послѣ́ дождя́ стало́ сильно́ парить].

**) Если же у этого слова первоначальной формою было „боднярь“, то здѣсь могъ дѣйствовать и тотъ законъ объ отвердѣніи, который имѣетъ силу при склоненіи существительныхъ съ неударнымъ *р* (см. § 88).—Что касается причинъ перестановки *дн* въ *нд*, то, повидимому, здѣсь не осталось безъ вліянія старинное теперь забытое слово б о н д а (=имущество), которое своимъ значеніемъ воздѣйствовало на слово „бодня“. Б о д н е ю (нѣм. Bütte кадка, при старомъ верхненѣмецкомъ Butinna и среднемъ верхненѣмецкомъ Büte, Büten) называется, какъ извѣстно, такая кадка, къ которой придѣлывается крышка и замок и въ которой хранятся, какъ въ сундукѣ, всякіе пожитки—домашнія вещи, болѣе цѣнная провизія (напр., сало) и т. п. Что же называлось б ó н д о ю, на этотъ счетъ изслѣдователи не пришли къ соглашенію; проф. Грушевскій, напр., склоненъ подозрѣвать въ ней имущество недвижимое („Історія України Руси“, т. V, ст. 111), основываясь на сбивчивомъ контекстѣ одного постановленія 1529 года; но вѣрнѣе, что б ó н д а означала просто „пожитки“, и что именно такъ надо понимать соотвѣтствующее мѣсто въ (болѣе раннемъ) „Судебникѣ Казиміра“, гдѣ положено, чтобы за кражу, совершенную челядникомъ-паробкомъ, „заплатити бондою его“ („а не будетъ бонды—иначе́ господарь его за него заплатитъ“,—см. текстъ въ Христоматиі проф. Владимірскаго-Буданова, II, § 19); такіе изслѣдователи старорусскаго права, какъ проф. Леонтовичъ, проф. Владимірскій-Будановъ и др., понимаютъ „бóнду“ именно въ смыслѣ движимаго имущества. Повидимому, слова б ó д н я и б ó н д а находятъ въ смысловой связи между собою.

нарѣчія приходится принять твердосклоняемость этого слова. Но жаль было бы совсѣмъ изгнать изъ литературной рѣчи старинныя, не всюду вымершія мягкія формы: „бѣндаря“, „бѣндареві“, зв. „бѣндарю!“ и пр.

§ 82. Имена на *ар* съ безусловно предпочтительной твердосклоняемостью.

а). Напротивъ: относительно словъ типа комáр, базáр, сáхар, самовáр, пожáр, узвáр, навáр, шаравáри (=шаровары) *) и тому подобныхъ, происходящихъ изъ старыхъ словъ съ окончаніемъ *аръ* (а не *арь*), мы уже констатировали (см. § 78, г.) что склонять ихъ по мягкому склоненію—это будетъ локализмъ. Наиболѣе обычно для нихъ въ живой рѣчи (а потому должно быть признано и за грамматическую норму) склоненіе по различію твердому,—что согласно вдобавокъ и съ ихъ исконной этимологіей, т. е. надо писать: сáхара (сáхару), сáхарові, сáхаром, мн. ч. сáхары и пр. Мягкія формы („сáхарю“, „із сáхарем“ и т. п.) могутъ быть допускаемы въ литературную рѣчь развѣ для стильнаго изложенія съ мѣстной окраской, ради бѣльшей престонародной колоритности.

б) Изъ всѣхъ тѣхъ словъ только „комáр“ можетъ съ бѣльшимъ или меньшимъ правомъ претендовать, чтобы его сравнительно частыя формы, образованныя по мягкому склоненію (комаря, комареві, з комарем) внесены были въ украинскую грамматику какъ формы, вполнѣ равноправныя съ комара, комарові, з комаром и пр.

*) Звукъ *а* послѣ *р* въ словѣ шаравáри заимствованъ малоруссами прямо изъ стариннаго восточнаго произношенія этого (персидскаго) слова. Срв. древнегреч. передачу этого же слова: *σαράβαροι*, *σαράβαλλα*, — даже съ удареніемъ на *ра*. Въ н. вр. это слово произносится на востокѣ „шáльвар“ въ два слога.

в) Не мѣшаетъ замѣтить, что и въ тѣхъ говорахъ, которые любятъ обращать „сѣхарѣ“ и т. п. слова въ въ „сахарѣ“ и т. п., остается все еще рядъ словъ на ѣрѣ, донинѣ не переходящихъ въ склоненіе по различію мягкому. Это—слова на рѣ преимущественно односложныя, односложность которыхъ слишкомъ мѣшаетъ породиться той иллюзіи, будто окончаніе ар есть въ нихъ такой же суффиксъ, означающій профессию, какой имѣется, напримѣръ, въ „кобз-арѣ“ и какой влечетъ за собою мягкоразличную падежность. Таковы: жар (=горячіе уголья), чар (=очарованіе, волшебство), вдар (=ударъ), равно какъ яр (=оврагъ)* и двусложное товар (=товарь, въ частности=скотъ)**). Въ тѣхъ самыхъ говорахъ, гдѣ слышится „з базарю“, поется пѣсня: „Яром, яром, долиною-яром—перелито доріженьку чаром“ (=Оврагомъ, оврагомъ, долиной-оврагомъ путь-дороженька перерѣзана разлитымъ волшебствомъ“).

§ 83. Имена категоріи багатірь.

Устойчивость ихъ склоненія.

По образцу багатірь склоняются вообще всѣ имена ир, окончаніе которыхъ восходитъ къ мягкому ѣрѣ, какъ напримѣръ: манастирь (=монастырь), опірь (=упырь), козир (=козырь), кушірь (=водяной жабникъ. *Potamogeton crispus*, также *Ceratophyllum demersum*),

*] Изъ j-ар. Это слово, заимствованное нами отъ тюрковъ, существуетъ въ вост.-мр. нарѣчій искони. Срв. въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“: „Пути имъ вѣдоми, яругы знаемы“, „вълци по яругамъ“ и пр., причемъ „яруга“ есть передѣлка тюркскаго „ярук“, или „ярук“. Но и болѣе короткое слово яр (того же тюркскаго корня) извѣстно стало нашимъ предкамъ очень давно. Въ Золотой Ордѣ была мѣстность „Червленый яръ“, упоминаемая, напр., въ митрополичьей грамотѣ ок. 1334 г. (изд. въ „Актахъ историч.“. т. I, № 1, по списку XVI в.).

**] Слово—тюркское, заимствованное славянами, быть можетъ, еще въ общеславянскую пору.

п р о в о д и ъ р (=руководитель, жокакъ, „лидеръ“), б о б и ъ р (=рыбка-пискарь), п у х и ъ р (=пузырь), п у с т ы ъ р (пустырь), пожалуй—и ч м и р (=хмѣлекъ; діал. гуляка *) и т. п.

Если же въ словахъ на и р окончание не

*) § 84. Повидимому слово ч м и р есть ничто иное, какъ турецкое ч а м ы р [=грязь, осадокъ и т. п.]. Слѣдомъ первоначальнаго турецкаго значенія является употребленіе слова ч м и р въ обиходѣ украинскихъ шерстобитовъ: они называютъ чмыромъ тѣ коротенькіе клочки шерсти, которые во время сукновальнаго толченія прилипаютъ къ пестамъ и къ стѣнамъ ступы. Затѣмъ ч м и р (=осадокъ) стало означать: „охмѣленіе“, „похмѣлье“ (срв. по фран. grivé=подвыпившій, подъ хмѣлькомъ, отъ gris=сѣрый); и это самое обыкновенное его значеніе. Возможно, что переходъ значенія отъ „грязнаго осадка“ къ „похмѣлью“ у малоруссовъ и не совершался самостоятельно, а есть такъ же прямое заимствованіе изъ турецкаго языка. (Во всѣхъ восточныхъ языкахъ понятія „грязный осадокъ“ и „похмѣлье“ смѣшиваются). Но съ другою стороны—совершенно ясно, что турецкое ч а м ы р совпало у малоруссовъ съ ихъ очень старымъ (общеславянскимъ) словомъ **ЧЕМЕРЪ**, которое въ церковно-славянскомъ языкѣ означало „отрава“ (напр., для стрѣлъ) и сохранило доннынъ этотъ смыслъ во многихъ славянскихъ языкахъ, причемъ часто примѣнялось къ одурманивающему зелью *Hellebodus* (=чемерица). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ извѣстно оно и у малоруссовъ; имѣеть оно у нихъ (какъ и у хорватовъ) смыслъ „тошнота“; а въ частности—у малоруссовъ употребляется слово „чѣмер“ (у галичанъ „чѣмір“) со значеніемъ „сосущая боль въ животѣ“ (то, что нѣмцы называютъ *Katzenjammer*), или, какъ въ зап. Украинѣ, со значеніемъ „гнетущая ломота въ спинѣ“ (срв. у Чубинскаго, I, 1, 57). Очень трудно не признать, что малорусское ч м и р, одновременно означающее и тошноту отъ похмѣлья и грязный налетъ въ сукновальной ступѣ, есть результатъ взаимодѣйствія и сліянія двухъ словъ: турецкаго ч а м и ъ р и славянскаго (прамалорусскаго) „чѣ м е р ъ“.

Что касается вопроса о мягкости или твердости конечнаго т у р е ц к а г о звука *р*, то надо замѣтить, что онъ діалектически не совсемъ твердъ и у тюрковъ вообще, и у тюрковъ въ частности. Хотя тюркологи обыкновенно и не отмѣчаютъ этого явленія, но я лично наблюдалъ его во многихъ говорахъ Малой Азіи (отъ Смирны до Батума), отчасти и въ Константинополѣ, кромѣ того въ сильной степени въ нѣкоторыхъ говорахъ Бессарабіи и Херсонщины (у армянъ, говорящихъ между собою по-турецки). Срв. впрочемъ и печатныя замѣчанія у моего друга—проф. Март. Гартмана—въ будапештскомъ журналѣ *Revue Orientale* (иначе *Keleti Szemle*), т. I, который обращаетъ вниманіе на переходъ тюркскаго *р* въ йоту (напр., на границѣ Малой Азіи и сѣв. Сирии, гдѣ онъ отмѣчаетъ бѣ или бѣ і я вм. обычнаго б і *р*=1).

восходить къ рь, то такія слова сплошь склоняются по твердому различію, и перехода въ мягкое различіе вообще не замѣчается; таковы, напримѣръ, сир (=творогъ, род. сир у, дат. сирові и пр.), зап. вир (=водоротъ), жир (=жиръ; трефовая масть), зап. чир (родъ квѣши; разболтанная мукою вода, заимств., д. б., съ Балканъ; вар. джер, дзер); пир (=пиръ; чаще говорятъ „бѣнькет“), мир (=миръ), рѣзмир (=нарушеніе перемирія), Житѣмир (=г. Житомиръ на Воляни) и т. п.,—все по твердому различію.

Въ этомъ отношеніи слова на ир (изъ рѣ) не представляютъ обыкновенно такого колебанія, какъ слова на ар; правда, что большая часть такихъ словъ—односложна **). Двухсложному нѣмецкому Traktier (=трактиръ) соотвѣтствуетъ или очень вульгарное трахтір[ь] (со звукомъ х.), склоняющееся по различію мягкому („трахтіря“ и т. д.), или интеллигентное трактір, трактір (со звукомъ к), склоняющееся по различію твердому (трактира, трактірові.)

§ 85. Словъ на ір, склоняющихся по типу зьвір, т. е. по мягкому различію, кажется, больше нѣтъ. Всѣ прочія слова на ір всецѣло перешли въ твердое различіе; но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, мы должны разсмотрѣть полутвердое склоненіе словъ на яр.

**.) Нѣкоторое несоотвѣтствіе съ тѣмъ, что выше сказано, можетъ представлять слово ванькір (=зап.-мр. алькір), т. е. часть „хаты“, отдѣленная „грубою“ (голландскою печью) и служащая спальней; иначе „кімната“. Склоняется это слово по твердому различію, тогда какъ польское alkierz свидѣтельствуетъ о первоначальномъ рь. Быть можетъ, малоруссы заимствовали это слово безъ всякаго польскаго посредства, а прямо съ востока. (По-арабски слово, означающее уголь, приблизительно звучитъ „аль-қырне“ или „аль-кѣрне“, но почему-то принято сближать слово „алькир“ съ „альковъ“, по-араб. „аль-кѣббе“).—Такъ же слово чмир, упомянутое выше, иногда склоняется по твердому различію, если имѣетъ техническое значеніе: „налипшая шерсть въ сукновальной ступѣ“. Очевидно, въ этомъ послѣднемъ случаѣ слишкомъ хорошо отражается происхожденіе этого слова отъ турецкаго „чамыр“.

II. Муляр.

§ 86. Предварительныя замѣчанія по поводу склоненія словъ м. р. на яр. Законъ диссимиляціоннаго отвердѣнія. Его послѣдствія.

а) Большой части малорусскихъ именъ на -я р (-я р = **ярь**) или соотвѣтствуютъ или свободно могли бы соотвѣтствовать въ русскомъ языкѣ имена съ окончаніемъ -ярь или -арь. Таковы: шкляр (=стеклярь, русск. вульг. „стеклярь“) *), зап. сідляр (=сѣдельникъ, русск. возможное „сѣдляр“), коминяр, коминяр (=трубочистъ, какъ бы „каминарь“), зап. голяр (=цирюльникъ, „голяръ“), муляр (=каменьщикъ, „мураръ“), зап. каменяр (=каменотесъ, „каменярь“), зап. китляр, вост. котляр (=мѣдникъ, „котляръ“), зап. ризьбляр (зап.-мр. ризьбяр=рѣзчикъ, ваятель, „рѣзбяръ“), зап.-мр. газетяр (=газетчикъ), и т. п. имена профессій, особенно изобильныя въ нарѣчіи западно-малорускомъ, и небольшое количество именъ неодушевленныхъ орудій вродѣ зап. вахляр (=вѣрь) **). Къ нимъ же, ниже увидимъ—почему, относятся по своему склоненію и всѣ прочія малорусскія имена на -я р, хотя бы въ русскомъ языкѣ имъ соотвѣтствовало твердое окончаніе -ярь,—напримѣръ, школяр (=ученикъ, школьникъ, срв. русск. „шко-

*) Звукъ ш слышится въ этомъ словѣ чаще, чѣмъ звукъ с. Причина—польское вліяніе (срв. szkło, szklarz). Все таки кое гдѣ еще существуетъ форма скляр,—напр. въ Полтавщинѣ (см. технич. словарь В. Василенка, стр. 13).

***) По-нѣмецки Fächer. Существуетъ болѣе славянское слово для названія того же предмета: віяло (ср. р.).

ляръ*), маляр (=живописецъ, художникъ,—срв. русск. „маляръ“), столляр (=столяръ) и т. п. *).

б) Отличительная особенность склоненія именъ на -яр (всходящихъ въ общемъ къ *ръ*)—это та, что здѣсь дѣйствуетъ особый восточно-малорусскій фонетическій законъ, который мы назовемъ закономъ диссимиляціоннаго (т. е. какъ бы „расподобительнаго“) отвердѣнія **). Онъ сводится къ тому, что,—напримѣръ въ падежныхъ формахъ имени „муляръ“ (=каменщикъ),—ожидаемая мягкія окончанія -р*я*, -р*ю*, -р*ям*, -р*ями*, -р*ях* (въ ожидаемыхъ формахъ: „муляр*я*“, „муляр*ю*“ и т. д.), имѣя передъ собою предпоследній слогъ *ля*, гдѣ тоже содержится мягкій гласный звукъ *я*, диссимилируются („расподобляются“) и отвердѣваютъ, т. е. обращаются въ -р*а*, -р*у*, -р*ам*, -р*ами*, -р*ах*. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемой мягкозоровой фонемы муляр*я* ***), всѣ сплошь восточные малоруссы произносятъ безусловно твердозоровую фонему: мулар*а*; вмѣсто „муляр*ю*“—мулар*у*; вмѣсто „муляр*ями*“—мулар*ами*; вм. „муляр*ям*“ и „в муляр*ях*“—мулар*ами* и в мулар*ах*. Въ тѣхъ изъ вост.-мр. говоровъ, гдѣ им. пад. способенъ при другихъ условіяхъ оканчиваться на *рь* (срв. степное „кобзар*рь*“, „манастыр*рь*“), законъ диссимиляціоннаго отвердѣнія не позволяетъ формѣ имен. падежа остаться въ видѣ -яр*ь*, такъ-что въ тѣхъ говорахъ произносится вполне твердое: мулар*а* „шкляр*а*“ (не „муляр*ь*“, „шкляр*ь*“) при одновре-

*) Они одинаково хорошо могутъ восходить и къ старорусскому *рь* и къ *ръ*.

**] Мнѣ кажется, что онъ не чуждъ и русскому языку. Въ этотъ законъ легче всего нашли бы свое объясненіе русскія твердо-зоровыя имена типа „столяръ“ и „бочаръ“ (изъ болѣе стараго „бочар*рь*“), и „кочегаръ“ (изъ болѣе стараго „кочергар*рь*“).

***) Въ нѣкоторыхъ архаическихъ говорахъ она и на самомъ дѣлѣ существуетъ.

менно мягкозоровомъ произношеніи: ко**б**зѣ**р**ь, ма**н**а**с**тѣ**р**ь.

в) Что же осталось въ такихъ существительныхъ отъ прежней ихъ полной принадлежности къ мягкому различію? Остались спеціальныя мягкоразличныя формы только для дат. падежа (шкля**р**ѣ**в**і), оруднаго (шкля**р**ѣ**м**) и им. мн. (шкля**р**ѣ**и** =стекольщики). Все прочее въ ихъ склоненіи совпало съ формами, образуемыми въ склоненіи словъ по различію твердому (типа ко**з**ѣ**к**).

Вотъ почему, при такихъ условіяхъ, совершенно легко и всецѣло примкнули къ склоненію этой же группы и поколебали даже небольшой ея мягкоразличный остатокъ (-рѣ**в**і,—рѣ**м**,-рѣ**и**) всѣ прочія имена на **я**р, (по происхожденію чуть ли не всѣ—иностранныя), прежняя флексія которыхъ, вѣроятно, колебалась между **р**ь и **р**ѣ,—каковы, напримѣръ, вышеприведенныя слова: ма**л**ѣ**р** (нѣм. Maler, польск. malarz, т. е. „маля**р**ь, русск. „маля**р**ъ“), шко**л**ѣ**р** (нѣм. Schuler, польск. szkolarz = „школя**р**ь, русск. „школя**р**ъ“), ст**о**л**л**ѣ**р** (польск. stolarz =столя**р**ь,=русск. „столя**р**ъ“). Они такъ тѣсно слились съ именами типа шкля**р** (изъ „ст**л**кля**р**ь), с**д**л**л**ѣ**р** (изъ „с**д**л**л**ѣ**р**ь или „с**д**ѣ**л**ѣ**р**ь“*) и тому подобными, что

*) Собственно говоря, и слово „с**д**л**л**ѣ**р**“ едва ли можетъ считаться славянскимъ. Вѣроятнѣе всего, что **с**д**л**л**о** надо считать заимствованіемъ изъ нѣмецкаго языка (Sattel, стар. Satal, Satul), и „с**д**л**л**ѣ**р**“—сопоставлять съ Sattler. Тѣмъ не менѣе слово „с**д**л**л**ѣ**р**“ принадлежитъ, повидимому, къ категоріи тѣхъ заимствованныхъ эровыхъ именъ, въ которыхъ эровое окончаніе сразу же оказалось у славянъ м**я**г**к**и**м**ь**ь** и не имѣло колебанія между **р**ь и **р**ѣ, въ противность судьбѣ именъ типа Maler на славянской почвѣ.

въ настоящее время мы не имѣемъ никакихъ основаній разсматривать ихъ малорусское склоненіе отдѣльно *).

г) Само собою однако понятно, что мы не должны включатьъ въ этотъ деклинаціонный разрядъ рѣзко иностранныя слова или имена собственныя на я р, не успѣвшія натурализоваться у малоруссовъ. Французское имя Абелья р или испанское Ка ст е л ь я р всегда должны склоняться не иначе, какъ всецѣло по твердому различію. Равнымъ образомъ французское слово foulard (—т. н. фулярный платокъ), если мы его захотимъ употребить въ малорусской рѣчи въ видѣ фуляр, то мы должны будемъ склонять вполне твердо; сама народная рѣчь учить насъ этому, не желая обращать аналогичное слово кав'я р (=икра, Caviar) въ мягкосклоняемое (по малорусски говорится: з к а в'я р о м, а не з к а в'я р е м).

§ 87. Образецъ наиболѣе частаго и нормальнаго склоненія именъ на я р съ ударной флексіей.

Ед. ч. О д н и н а.

- І. им. муля́р (=каменщикъ)
школя́р (=ученикъ, школьникъ)
зап. вахля́р (=вѣрь)

*) Если же вѣрна моя догадка (§ 86, б, сноска), что и въ русскомъ языкѣ имѣлъ силу (по крайней мѣрѣ, въ известныхъ случаяхъ) законъ диссимиляціоннаго отверднѣнія и что русское „столяръ“ тоже происходитъ изъ „столяръ“, то и для общерусскаго періода не придется предполагать, чтобы склоненіе предка имени „с т о б л я́ р“ чѣмъ-нибудь отличалось тогда отъ склоненія предка имени „с ѣ д л я́ р“.— Впрочемъ, весь этотъ вопросъ можетъ очень просто быть разрѣшенъ тѣмъ (правдоподобнымъ) предположеніемъ, что русскій языкъ заимствовалъ свои твердозоровыя слова на -я ръ (столяръ, школяръ и т. п.) отъ малоруссовъ или отъ бѣлоруссовъ (литовскихъ руссовъ) тогда, когда эти слова уже у нихъ обратились въ твердозоровыя.

- II. род. муляра́
школяра́
вахляра́,
- III. дат. { муляре́ві (часто мулярóві)
 { рѣже муляру́
- { школяре́ві (часто школярóві)
 { рѣже школяру́
- { вахляре́ві (часто вахлярóві)
 { рѣже вахляру́
- IV. вин. муляра́
 школяра́
- { вахля́р
 { вахляра́
- V. зв. { муляре́!
 { муляру́!
- { школяре́!
 { школяру́!
- { вахляре́!
 { вахляру́!
- VI. ор. муляре́м (часто мулярóм)
 школяре́м (часто школярóм)
 вахляре́м (часто вахлярóм)
- VII. мѣст. { на муляра́
 { на муляре́ві (часто на мулярóві)
 { на муляру́
- { на школяра́
 { на школяре́ві (часто на школярóві)
 { на школяру́
- на вахляра́
 на вахляре́ві (часто на вахлярóві)
 на вахляру́

Множ. число. Множинá.

I. им.	муляри́ (рѣже муляри́) школяри́ (рѣже школяри́) вахляри́ (рѣже вахляри́)
II. род.	муляри́в школяри́в вахляри́в
III. дат.	муляра́м школяра́м вахляра́м
IV. вин.	{ муляри́в { рѣдко муляри́ (рѣже муляри́) { школяри́в { рѣдко школяри́ (рѣже школяри́) вахляри́ (рѣже вахляри́)
V. зв.	сходень съ именительнымъ
VI. ор.	муляра́ми школяра́ми вахляра́ми
VII. мѣст.	на муляра́х на школяра́х на вахляра́х

Какъ видимъ изъ этихъ образцовъ, даже очень устойчивый и типичный признакъ мягкаго склоненія,— окончаніе множ. ч. на *и*,—успѣлъ въ склоненіи именъ на *я р* значительно пошатнуться: наряду съ „муляри́“ можно бываетъ услышать и „муляри́“; наряду со „школяри́“ — „школяри́“. Всетаки чаще мы слышимъ въ этомъ случаѣ мягкой звукъ *и*, а не твердое *и*. Замѣтимъ, что флексія при этомъ даже ударна (а вѣдь ударность ея содѣйствовала бы скорѣе сохраненію мягкости).

§ 74. А ужъ если флексія бываетъ неударна, то имена съ неударнымъ окончаніемъ *я р* обыкновенно переходятъ въ твердое склоненіе цѣликомъ. Хорошій

примѣръ для провѣрки такого перехода—слово столяр, которое произносится то съ удареніемъ на ляр, то съ удареніемъ на стб; это колебаніе ударенія случается даже въ одномъ и томъ же говорѣ. Имѣя удареніе на послѣднемъ слогѣ, слово столяръ часто образуетъ свои дат. и орудн. падежи на ёві, ём (столярёві, столярём (наряду, разумѣется, со столярóві, столярóm), а мн. ч.—столярí (наряду, конечно, со столярí). Но имѣя удареніе на стб, слово стбляр образуетъ въ дат. и ор. падежахъ чуть ли не во всѣхъ говорахъ только одну форму: стблярóві, стбляром, а во множ. числѣ стбляри.

Сюда же относится, съ неударной флексіей, слово тальяр (=талеръ, извѣстная монета), у котораго, кстати сказать, окончаніе яр гораздо болѣе обычно, чѣмъ окончаніе ер (чѣмъ талер): тальяр можетъ считаться вполне перешедшимъ теперь въ твердое различіе (тальярові, тальяром, талляри)*, хотя еще въ XVIII вѣкѣ принадлежало къ различію мягкому**).

Подозрѣваю, что къ этой же категоріи именъ съ неударнымъ окончаніемъ яр относилось нѣкогда и то слово, которое теперь звучитъ у восточныхъ малорусовъ бóндар, а у западныхъ—бóднар (см. § 81), и которое, кажется, звучало прежде **бѣднѣрь**.

*) Удареніе во мн. ч. частенько звучитъ на предпослѣднемъ слогѣ: талляри. Ср. отъ злодій (—ворь)—мн. ч. злодіі. Вѣроятно, въ этихъ переносахъ удареній дѣло не обошлось безъ вліянія польскаго.

**) Это съ несомнѣнностью видно изъ того, что въ XVIII вѣкѣ считали возможнымъ образовывать для этого слова письменную форму род. мн. на ей: „таллярей“. См., напр., въ записи 1735 года (Ивана Малашкевича)—„Кіев. Старина“ 1898, ноябрь, отд. II, стр. 36. По-польски talar—твердосклоняемое, по-русски талеръ—тоже.

Ш. К о м і р.

§ 89. Склоненіе словъ на *ір*. Въ самой тѣсной генетической связи со склоненіемъ именъ на *яр* (такихъ, какъ *шкляр*, *стбляр* и т. п.) находится склоненіе именъ м. р. на *ір*. Но въ степени своего отвердѣнія оно пошло болѣе радикальнымъ темпомъ. Всѣ имена на *ір* (кромѣ *звѣир*) оказываются склоняемыми сплошь по твердому различію, т. е. по типу *козак*, хотя бы ихъ *р* восходило съ несомнѣнностью къ *рь*. Какое-нибудь, положимъ, *кбмір* (=воротникъ) склоняется въ соответствующихъ падежахъ такъ: *кбмір*, *кбміра*, *кбмірові*, *кбміре!*, *кбміром*; мн. ч.: *кбміри*, *кбмірам*, *кбмірами*, на *кбмірах*. Услышать въ этихъ формахъ *р* мягкое почти нигдѣ ужъ теперь нельзя.

Прекращеніе мягкосклоняемости именъ на *ір* состоялось у малоруссовъ около XV вѣка. Грамоты первой половины XV в. свободно еще употребляютъ мягко-различныя формы вродѣ „жолнирѣвъ“ (напр. въ буков. господарской присягѣ королю 1438 г.=Улян. № 51, стр. 57), но памятники XVI вѣка уже показываютъ, что въ живой малорусской рѣчи имена на *ір* отличались въ своемъ склоненіи отъ именъ мягкосклоняемыхъ, напр., на *ар* (*ь*)¹⁾.

¹⁾ Такъ, въ Магдебургскомъ уставѣ 1516 г. вписанномъ въ книгу кievской городской думы 1542—1608 г. (№. 3503, л. 14= Антонов. и Козловск. № 25, стр. 49), мы сперва читаемъ: „золотарей“—и въ той же строкѣ: „кушнеровъ“. Ясно, что въ рѣчи писаря слово „золотарь“ было мягкосклоняемымъ, и оттого онъ считалъ возможнымъ и естественнымъ примѣнять для этого слова письменную форму род. мн. на *ей*; если жъ отъ „кушнір“ онъ не рѣшился написать род. мн. на *ей*, то это доказываетъ, что въ живой рѣчи писца слово „кушнір“ было твердосклоняемымъ.

§ 90. Составъ именъ на *ір*. Преоблада-
ніе именъ, восходящихъ къ *рѣ*, надъ восхо-
дящими къ *рѣ*.

а) Какъ же могло случиться, что всѣ имена на *ір*
перешли въ разрядъ твердосклоняемыхъ?

Причинъ—нѣсколько. Для выясненія первой изъ
нихъ мы должны проанализировать составъ нынѣшнихъ
малорусскихъ именъ на *ір*.

б) Необходимо замѣтить, что среди именъ на *ір*
имѣется два наиболѣе интересныхъ типа.

І. Одинъ типъ—тѣ имена, въ которыхъ звукъ *р*
восходитъ къ *рѣ*, причемъ и звукъ *і* (въ звукосочетаніи
ір) строго проходитъ, сверхъ именительнаго, по всѣмъ
падежамъ. Таковы *кóмір* (зап. *кóвнїр*, діал. *кóм-
нїр*,=воротникъ*), зап. *жóвнїр* (діал. *жóмнїр*, *жó-
мір*;=солдаты), *кушнїр* (=скорнякъ, особенно же
скорнякъ-овчинникъ), *маштáлїр*, (=конюшій; возница
съ бичемъ), *ятїр*, или архаичнѣе *в'ятїр* (=родъ
верши; литовск. *venteris*, польск. *więcierz*), стар.
можджїр, или *моздїр* (діал. *мущїр*;=мор-
тира; также = ступка), стар. *платнїр* (= изгото-
витель панцырей), забываемое вост.-мр. *дзиглїр*

*) Болѣе старая (теперь забываемая) форма этого слова есть
кóвнїр; она обратилась въ *кóмнїр* (тоже теперь форму рѣд-
кую), а слогъ—*ннї*—черезъ стадію—*нйї*—обратился въ *нї*,—и
такъ получилось наиболѣе обычное (можно сказать, общемалорус-
ское) слово *кóмір*. Напротивъ, зап. слово *жóвнїр* (=солдаты)
наиболѣе обычно съ *ем*; гораздо рѣже оно слышится въ видѣ
жóмнїр, *жóмнїр* и *жóмір*. Мѣна между сочетаніями *нн*
и *нй* органически любима малорусскимъ языкомъ; срв. *ім'я*
(= *ім'я*) и *ім'ня* при русскомъ „имя“ (чит. „і.м'я), м'який
(чит. м'як'ій) и м'няк'ій при русскомъ м'ягкій (чит.
„м'я̀хк'ій“); см. объ этомъ явленіи ч. I, §§ 78—79. Что же ка-
сается взаимной мѣны *в* и *м* (*кóвнїр* *кóмір*), то о ней см. ч. I.
§§ 81—82.

(= изготовитель деревянных стульев — „дзиглей“)**), зап.-мр. католическое шкáплір (=кусочек святой ризы или святого покрыва, скапулярій)***) и т. п.

II. Другой интересный типъ на ір — это тѣ имена, у которыхъ звукъ *ř* восходитъ къ твердому *řь*. У большинства ихъ звукъ *i* слышится только въ именит. падежѣ ед. ч., а въ прочихъ падежахъ имѣется звукъ *o*. Таковы: двір (род. двóру, двора́;=дворъ), вѣчір (род. вѣчора;=вечеръ), вибір (род. вибору;=выборъ), збір (род. збóру;=сборъ), недобір (род. недобóру;=недочетъ, дефицитъ), гóвир (род. гóвора;=говоръ, диалектъ), хóтир (род. хóтора;=хуторъ, дача), явир (род. явора;=Acer pseudoplatanus, дерево изъ породы кленовыхъ; украинскій чинаръ), тáбир (род. тáбору;=таборъ, лагерь), докír (род. докóру;=упрекъ) и пр. Такое ихъ окончаніе *ір*, со звукомъ *i* въ им. пад., укрѣпилось на

***) Прежде это слово было на Украинѣ въ бóльшемъ ходу, о чемъ свидѣтельствуеъ и названіе поселенія „Дзигглѣривка“ въ Полтавщинѣ (Константиноградскаго уѣзда, возлѣ Шляховскаго сахарнаго завода). „Дзигглемъ“, или (—это обыкновенно) „дзиггликомъ“, т. е. формой уменьшительной, называется въ приднѣпровскихъ частяхъ Киевщины, Черниговщины и Полтавщины деревянный стулъ; срв. польск. *zedel* (=скамья), уменьш. *zedlik*, и нѣмецкое *Siedel* (=сидѣніе; употребл. теперь преимущественно въ составныхъ именахъ); срв. также вульгарное нижне-нѣм. *Seffel* (=стулъ, кресло; литерат. *Sessel*). Мѣна между звуками *z* и *d* — обычное малорусское явленіе, извѣстное еще изъ лѣтописно-киевской домонгольской рѣчи; см. ч. I, § 14, в; также см. у меня въ „Древнекиевскомъ говорѣ“ гл. III, стр. 9—16 (отт. изъ „Извѣстій“ Академіи Наукъ, 1906).

****) Слово „шкáплір“ у малоруссовъ-уніатовъ, какъ и *zskarperz* у поляковъ, употребляются исключительно въ священномъ смыслѣ. У другихъ славянъ это слово имѣетъ и болѣе широкій смыслъ. Срв. хорватское *sklopag* (=капюшонъ), которое произошло изъ итальянскаго *scapolare*, при воздѣйствіи глаголовъ *sklopiti* (=сложить) и *zaklopiti* (=закрывать).

рубежѣ XV—XVI вв.; до того же времени такія слова звучали въ имен. падежѣ съ окончаніемъ *уир*, *уор* (напр. „двуир“, или „двуир“; „вѣчуор“, или „вѣчуир“), а въ XI—XII вв. даже съ окончаніями *орѣ*, и *ерѣ*.— Другія такія исконно-твердозэровыя имена на *ір* сохраняютъ звукъ *i* и въ косвенныхъ падежахъ, потому-что онѣ восходитъ къ *ѣ*. Такъ, изъ именъ на *ір* съ твердымъ по своему происхожденію окончаніемъ *р* (*рѣ*), но уже съ *исчезающимъ* въ косвенныхъ падежахъ звукомъ *i* (*ѣ*), сюда къ этому второму исконно-твердозэровому типу относятся имена вродѣ *зámір* (=намѣреніе, замысль), *нáмір* (=намѣреніе), *примір* (=примѣръ), и т. п., а съ нѣкоторой натяжкой какъ разъ сюда же придется присоединить слово *кóлїр* (род. *колїру*;=цвѣтъ), въ которомъ происхожденіе косвеннопадежнаго звука *i* можетъ возбуждать толкованія разныя, но зэровое окончаніе котораго во всякомъ случаѣ восходитъ къ *рѣ* твердому.

III. На рубежѣ между именами съ первоначальнымъ зэровымъ окончаніемъ мягкимъ (типа *кóмір*) и именами съ первоначальнымъ зэровымъ окончаніемъ твердымъ (типа *двїр*) стоитъ немногочисленная третья группа на *i р*, содержащая въ себѣ тѣ имена, относительно которыхъ возможно нѣкоторое сомнѣніе: не было ли ихъ окончаніе въ стариннѣйшей общерусскій періодъ колеблющимся между *рѣ* и *рѣ*? Это такія имена, какъ *тхїр* (род. *тхóрá*; = хорь, тхорь) *), и. р. *кїр*

*) Хотя русское „тхорь“ есть вполне твердосклоняемое, но польское *tchórz* и чешское *tchor'* содержатъ въ себѣ *р* смягченное, да и въ старорусскихъ рукописяхъ поощается написаніе вин. мн. **ДХОРЬ** (извѣстно въ XIV в.) съ окончаніемъ мягкаго различія. Корень этого слова—**ДЪХ** (тотъ же, что и въ глаголъ *дѣхати*), и русское мягкосклоняемое „хорь“ получило повидимому изъ то-

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
GRADUATE LIBRARY

DATE DUE

3 275

~~MAR 15 1976~~

MAR 15 1976

JAN 2 1980

AUG 19 1990

~~DEC 8 1998~~
DEC 07 1994

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 01456 7468

Filed by Preservation NEH 1994

**DO NOT REMOVE
OR
DATE CARD**

